Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 12

(XVI век)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 12: XVI век. – 624 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Литература "обобщающих предприятий"

ИЗ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТЬИХ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

сентябрь
Летописец *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой)*
11 сентября
Поучение святого отца Феодора, игумена Студийского, о том, чтобы не терять надежды на Божию милость из-за своих грехов *(Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Р. Руди)*
20 сентября
Слово похвальное Филолога черноризца о святых великомучениках черниговских, славном Михаиле великом князе и Феодоре его советнике *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой, перевод Г. М. Прохорова)*
Слово об убиении злочестивого царя Батыя *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой)*

октябрь
1 октября
В тот же день празднуем Покров Святой Богородицы. О видении святого Андрея и Епифания, когда видели они в воздухе святую Богородицу *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой)*
Слово похвальное честному Покрову пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой)*
От жития преподобного отца Саввы, который жил над Вишерою-рекою и там общежительный монастырь создал. Сочинено священноиноком Пахомием *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой)*

ноябрь
17 ноября
Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Никона, ученика блаженного Сергия чудотворца *(Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Савельева)*
26 ноября
Освящение церкви святого мученика Георгия, что в Киеве, пред вратами святой Софии *(Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Савельева)*

декабрь
25 декабря
Отца нашего Святого Иоанна Златоуста, архиепископа Константинополя, Слово на Рождество Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии И. А. Лобаковой)*

январь
6 января
Месяца января в 6-й день. Воспоминание творим святого Богоявления Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии И. А. Лобаковой)*

март
17 марта
Месяца марта 17. В этот день житие и подвиги преподобного отца нашего Макария чудотворца, игумена, создавшего обитель Святой Живоначальной Троицы, Колязино именуемой *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*
25 марта
Того же месяца в 25 день творим воспоминание Божественного Благовещения Пресвятой Богородицы *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии С. А. Семячко)*
Слово на Благовещение о девстве *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии С. А. Семячко)*
Святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа константинопольского, Слово похвальное на Благовещение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии С. А. Семячко)*

апрель
26 апреля
Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод Е. Г. Водолазкина, Н. Ф. Дробленковой, Л. С. Шепелевой, комментарии Т. Р. Руди)*

май
1 мая
В лето 6985 (1477) мая 1 преставился преподобный игумен Пафнутий за час до ночи... *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
7 мая
Слово об Антонии черноризце, бывшем в Руси, основателе Печерского монастыря *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
8 мая
Слово из патерика (о том), как полезно трудиться своими руками *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
9 мая
Перенесение мощей святого и преподобного отца Николы чудотворца

архиепископа Мирской Ликии в Бар град *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
14 мая
Память святого Сидора, юродивого Христа ради, по прозвищу Твердислов, ростовского чудотворца *(Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской)*
15 мая
Житие и жизнь святого отца нашего Исайи епископа ростовского чудотворца *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
17 мая
Слово (о том), как подобает в церкви стоять со страхом и боязнью *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
Слово из патерика о пьянстве *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
21 мая
Память благоверного царя Константина и матери его Елены *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой)*
26 мая
Мучение святого и прославленного великомученика Христова Гергия Нового, пострадавшего в болгарском городе Средце *(Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой)*

июнь
24 июня
Преподобного и богоносного отца нашего и исповедника Феодора, игумена Студийского, слово похвальное на рождество святого пророка, предтечи и крестителя Господня Иоанна *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина)*
27 июня
Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове в церкви Святых Мучеников, живя один во Боге *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина)*
29 июня
Деяние и мучение святых и славных и всехвальных апостолов Петра и Павла *(Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина)*

август
15 августа
Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы *(Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии С. А. Семячко)*

ИЗ СТЕПЕННОЙ КНИГИ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ

(Предисловие.) Повествование о святом благочестии первых российских властодержцев... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

Житие святой блаженной и равноапостольной... княгини Ольги... *(Подготовка текста Л. А. Чуркиной, перевод О. П. Лихачевой, комментарии О. П. Лихачевой и Л. А. Чуркиной)*

из первой ступени
Житие... царя и великого князя святого и праведного Владимира... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из второй ступени
О благоверном и богохранимом великом князе Георгии-Ярославе Владимировиче *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из пятой ступени
Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении (монастыря) Спаса-Вседержителя (...) в граде Полоцке *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из шестой ступени
О преславном великом князе Владимирском и всея Руси Всеволоде Георгиевиче... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из седьмой ступени
О благоверном и богохранимом прямом наследнике великом князе Ярославе Всеволодовиче... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из восьмой ступени
Житие и подвиги... великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из девятой ступени
О... великом князе Данииле Александровиче Московском *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из десятой ступени
О... великом князе Иване Даниловиче... *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из двенадцатой ступени
О житии и подвигах... великого князя и царя русского Димитрия Ивановича *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из пятнадцатой ступени
О... великом князе Иване Васильевиче, государе и самодержце всея России *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из шестнадцатой ступени
Краткая похвала самодержцу Василию и о пострижении его и чудесном отшествии к Богу *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

из семнадцатой ступени
О благородном и боговенчанном царе и государе великом князе Иване Васильевиче, самодержце всея Руси *(Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой)*

ПОСЛЕСЛОВИЯ К ИЗДАНИЯМ ИВАНА ФЕДОРОВА *(Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина)*

Послесловие к московскому Апостолу 1564 года
Послесловие к львовскому Апостолу 1574 года

Вступление

ЛИТЕРАТУРА «ОБОБЩАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ»

Литература никогда не прекращает своего поступательного движения, однако в этом своем поступательном движении она различно соотносится с действительностью.

Если литература предшествующего времени приобретала государственное значение благодаря общественной весомости поднимаемых ею вопросов, то во второй половине XVI века государство, организуя огромные литературно-официальные предприятия — летописные своды, Великие Четьи Минеи, Степенную книгу и пр., сделало литературу своей служанкой, создало официальный стиль второго монументализма, отличавшегося пышностью, парадностью, традиционностью форм и главною целью: прославлять, возвеличивать, оправдывать прошлое и настоящее. Так, Степенная книга была посвящена росту и восхождению русского государства и русской церкви по ступеням лестницы, ведшей к росту значения русской истории в мировой. Автор Степенной книги открыто говорит, что его задача — идеализация русских исторических лиц. «Степени» его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо. Утверждаются же эти степени «многообразными подвигами» в благочестии просиявших скипетродержателей. Книга состоит из «дивных сказаний», «чюдных повестей». Она рассказывает о «святопоживших боговенчанных» царях и великих князьях, «иже в

Рустей земли богоугодно властельствовавших», и об их митрополитах, озабочена созданием образов «положительных героев» истории, а вернее государства. За «житием и похвалой» того или иного лица следует новая «похвала», затем «похвала вкратце», молитва за усопшего и к усопшему (в зависимости от того, канонизирован он или нет), «паки похвала» и т. п. Идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но вся Русская земля, весь ход ее истории, род государей в целом, ее державные города — Киев, Новгород, Владимир, Тверь, Москва. Идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, сопровождается нравоучениями, вскрывающими их назидательный смысл. Все характеристики, все нравоучения и отступления строго подчинены литературному или просто придворному этикету. Задача автора состоит в том, чтобы представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый трепет и веру в незыблемость и мудрость государства.

Другое большое собрание сочинений, созданное в середине XVI века, — Великие Четьи Минеи предлагали читателям годовой круг ежедневного чтения, создавая из огромного числа включенных в этот круг произведений как бы венок и венец благочестивых размышлений протяженностью с год, с окончанием которого этот круг чтения должен был повторяться. Великие Четьи Минеи сделали возможным сосуществование под одним переплетом для одного читателя произведений, созданных в различные века и в различных стилях, и в различных жанрах. Появилась своеобразная «терпимость» к форме. Это сказывалось и в отдельных, вновь создаваемых произведениях: авторы заимствуют отдельные образцы и целые пассажи из ранее созданных произведений. Впрочем, не следует думать, что авторы второй половины XVI века совершенно равнодушны к стилю своих произведений. И подборка старых произведений для новых компиляций, и заимствования из старых произведений идут по вполне определенной линии. Авторы строго официальны. Они всячески демонстрируют свое правоверие, любят объяснять события в чисто церковном духе, подчеркивают значительность происшедшего и упрямо нагнетают пышность и церемониальность — где только это представляется удобным. Этот период — период второго монументализма — в отличие от первого монументализма, характерного для домонгольского времени и имевшего строгие мировоззренческие истоки, был очень официален и, я бы сказал, в известной мере бездушен и трафаретен. Тем ценнее те проявления доброты, юмора и наблюдательности, которые прорывались сквозь застылые литературные трафареты официозных восхвалений или осуждений.

Великие Четьи Минеи XVI века совсем не похожи на те позднейшие Четьи Минеи, которые включали в свой состав по преимуществу жития святых. Состав Великих Четьих Миней гораздо более разнообразен и велик.

В Великие Четьи Минеи вошли и сочинения, написанные специально для них, и отдельные произведения из прологов, из патериков

(Азбучного, Синайского, Египетского, Иерусалимского, Скитского, Сводного, Римского, Киево-Печерского), сочинения отцов церкви, воинская повесть Иосифа Флавия о разорении Иерусалима, Топография Космы Индикоплова, Кормчая книга и т. д. и т. п. Русским сочинениям в Великих Четьих Минеях уделено немало места: здесь и произведения Кирилла Туровского, жития Бориса и Глеба, Ольги, Владимира, Хождение игумена Даниила, сочинения южнославянских писателей, работавших на Руси: Григория Цамблака, митрополита Киприана, Пахомия Логофета. В основном это было «мировоззренческое чтение», рассчитанное на то, чтобы поднять значение и величие всего происходящего и существующего в мире, подчеркнуть пафосное значение жизни. Из разных эпох и из разных стилей выбиралось и включалось в Великие Четьи Минеи все, что так или иначе было торжественным, монументальным, риторически приподнятым. Государство, занятое реформами политическими, церковными, социальными, экономическими и даже реформами быта, остро нуждалось в помощи литературы. Даже получив эту помощь, государство все же не было всесильно. Рукописная деятельность многочисленных писцов и авторов не подчинялась и не могла подчиняться требованиям государства и не могла быть контролируема. Инициатива государства в создании новых произведений была сильнее, чем возможности государственного контроля над старой и текущей письменностью. В XVI веке (в отличие от конца XV века) впервые возникает резкое разделение литературы — на официальную и неофициальную. Официальная литература стремится закрепить все существующее в пышных формах и грандиозных размерах. Неофициальная литература также втянута в ход государственного строительства: она предлагает реформы, обсуждает все темы общественной жизни, приобретает публицистический характер, но публицистически-государственный, широко социальный, подходящий к тем же вопросам, что и официальная литература, но с личных точек зрения.

Ту и другую части литературы объединяет глубокий интерес к самым важным темам жизни народа, его прошлого и его будущего. Но если официальная литература стремилась всеми путями оправдать существующее и создать этому существующему авторитет пышности, авторитет масштабов и авторитет грандиозной всеистолковывающей миросозерцательной системы, перед которыми бессильны усилия отдельных людей, то литература неофициальная стремилась все государственные вопросы сделать предметом общего обсуждения, требовала разумного обоснования всего существующего, основывалась на представлениях о необходимости подчинения всего существующего в социальной и государственной жизни доводам разума.

Несмотря на всю внешнюю противоположность этих двух важнейших частей русской литературы, — противоположность идейную, жанровую, стилистическую, — историческое значение обеих областей литературы в XVI веке было в равной степени огромным.

Д. С. Лихачев

сентябрь. Летописец

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Текст Летописца публикуется по Успенскому списку сентябрьской Минеи — *ГИМ,* Синод. собр. № 986(784), лл. 1—2 об.

ОРИГИНАЛ

ЛѢТОПИСЕЦЪ[1]

В лѣта 7061-го, мѣсяца ноемвриа,[2] въ христолюбивое царство святѣйшаго царя и государя великого князя Ивана Василиевича всея Русии самодръжца, в двадесятое лѣто царства и государьства его, в двадесять же третие лѣто от рожества его, се яз, смиренный и грѣшный Макарие, митрополит всеа Русии, дал есми ему сию святую великую книгу Минѣю Четью мѣсяцъ сентябрь и прочих дванадесять великих книг Минѣй Четьих (писаны всѣ в дестный листъ).[3] И в тѣх Четьих Минѣах всѣ книги четьи събраны:[4] святое Еуангелие, четыре Евангелисты толковые, и святый Апостолъ, и всѣ святыя апостольскиа послания и дѣаниа с толкованием, и три великиа Псалтыри розных толковников, и Златаустовы книги, Златаструй, и Маргарит, и великий Златаустъ, и Великий Василий, и Григорий Богослов с толкованиемъ, и великая книга Никонская с прочими посланми его, и прочиа всѣ святыя книги събраны и написаны в них: пророческиа, и апостольскиа, и отеческиа, и праздничныя слова, и похвалныя слова, и всѣх святых отецъ житиа, и мучениа святых мученикъ и святыхъ мученицъ, житиа и подвизи преподобных и богоносных отецъ, и святых преподобных жен страдание и подвизи; и всѣ святыя Патерики написаны: Азбучныя, и Ерусалимскиа, и Египетскиа, и Синайскиа, и Скитскиа, и Печерскиа, и всѣ святыя книги събраны и написаны, которые в Руской землѣ обрѣтаются, и с новыми святыми чюдотворцы.

И тѣ святыя великиа книги, — дванадесять Минѣй Четьих и что в них събраны всѣ святыя четьи книги, — дал есми Пречистой Богородице в дом и великим чюдотворцом Петру, и Алексию, и Ионѣ, в святую съборную церковь Успениа Пресвятыя Богородица рускиа митрополиа[5] в первоенадесять лѣто святительства и духовныя паствы своего смирениа, на память своей души, и по своих родителех в вѣчный поминок, и по себѣ, настоящим святѣйшим митрополитом всеа Русии, в душевную ползу, и прочим церковником: священным протопопом, и священным иереом, и архидиаконом, и протодиаконом, и диаконом, и четцом, и пѣвцом, и всѣм православным христианом, приемлющим и съ страхом и со вниманием прочитающим сиа святыя книги, по благословению митрополита или церковнаго чиноначалника, в великую душевную ползу не токмо себѣ, но и прочим послушающим со вниманием, в славу Божию. Аминь.

И да никтоже сиа святыя великиа книги — дванадесять Минѣй Четьих — освоит или от святыя церкви Пречистыя Богородица честнаго и славнаго ея Успениа рускиа митрополиа и от великих чюдотворцов насильством въсхитит, таковый да судится, яко преобидник и похищник Божиа церкви, не токмо здѣ, но и в будущий вѣк осудится. А кто сиа святыя книги приемлет по благословению святительскому и съ страхом Божиим и с великим вниманиемъ прочитает, на душевную ползу себѣ же и слышащим, и той отъ Бога благословен будет и сугубу мзду от него въсприимет не токмо здѣ, но и в будущий вѣк, по божественому апостолу: «иже око не видѣ и ухо не слыша и на срдце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящим его»,[6] иже съ страхом и съ вниманием почитающим сиа святыя книги. Аминь.

А писал есми сиа святыя великиа книги в Великом Новѣгородѣ, како есми тамо был архиепископом. А писал есми, и събирал, и в едино мѣсто их совокуплял дванадесять лѣт многим имѣнием и многими различными писари, не щедя сребра и всяких почастей. Но и паче же многи труды и подвиги подъях от исправлениа иностранских и древних пословицъ, преводя на русскую рѣчь: и сколько нам Богъ дарова уразумѣти, толико и възмогохом исправити, иная же и до днесь в них не исправлена пребысть, и сиа оставихом по нас могущим, съ Божию помощию, исправити. А и где буду погрѣших, отъ своего неразумиа, о тѣх странских древних пословицъ или будет где посредѣ тѣх святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не възмогохом исправити и отставити, и о том отъ Господа Бога прошу прощениа[7] за молитвъ всѣх святых, иже в книгах сих написанных. А прочитающих молю сиа святыя книги, иже могущих, зъ Божиею помощию, в них недокончанная таковая исправити, и за то отъ Бога восприимут сугубо въздаяние, а отъ всѣх святых — благословение, понеже в тѣх святых в Четьих Минѣах всѣ святыя книги четьи събраны и написаны. И того ради всѣх молю и колѣнома касаюся, с вѣрою прочитающих сиа святыя книги, да въспоминают смиренную и грѣшную мою душу въ святых своих ко всесилному Богу молитвах, да бых получил деснаго предстояниа съ всѣми святыми,[8] иже отъ вѣка Богу угодившими, в день втораго пришествиа Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, в оньже хощет Господь судити всѣм и въздати комуждо по дѣлом его.

---

[1] *Лѣтописецъ* — дарственная (вкладная) запись митрополита всея Руси Макария о вкладе «на помин души» своей и своих родителей «в вечный поминок», которая предваряла каждую книгу Великих Миней Четьих. «Летописец» исполнял роль своего рода «Предисловия от редактора», в котором кратко раскрывалась история создания 12-томного книжного свода, его содержание и состав включенных в него памятников, а также — «душеполезное» предназначение Великих Миней Четьих.

[2] *В лѣта 7061-го, мѣсяца ноемвриа...* — Как и все остальные, дарственная Минея за сентябрь месяц датирована ноябрем 1552 г., когда митрополитом Макарием был сделан вклад из 12-ти книг.

[3] *...(писаны всѣ в дестный листъ).* — Т. е. большой, полный, согнутый лишь один раз лист (in folio).

[4] *...всѣ книги четьи събраны... и с новыми святыми чюдотворцы.* — Приводится перечень «святых книг», почитаемых и постоянно читаемых на Руси, вошедших в Великие Минеи Четьи, включая и новые Жития, только что канонизированных русской церковью на соборах 1547 и 1549 гг. местночтимых русских святых.

[5] *...дал есми Пречистой Богородице в дом... в святую съборную церковь Успениа Пресвятыя Богородица рускиа митрополиа...* — Речь идет о 12 «святых великих книгах» Миней Четьих (Успенском списке), которые были вложены в Успенский собор Московского Кремля. Митрополичий собор Успения Пресвятой Богородицы был построен в Кремле в 1475—1479 гг. итальянским зодчим Аристотелем Фиораванти.

[6] *...по Божественному Апостолу: «иже око не видѣ и ухо не слыша и на срдце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящим его»...* — 1 Кор. 2, 9.

[7] *А и где буду погрѣших, отъ своего неразумиа... или будет где посредѣ тѣх святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы... и о том отъ Господа Бога прошу прощениа...* — Так в XVII в. из декабрьской Минеи патриархом Филаретом было изъято Сказание Афродитиана, которое стали включать в Индексы запрещенных (отреченных, апокрифических) книг только после критического разбора этого сочинения Максимом Греком.

[8] *...да бых получил деснаго предстояниа съ всѣми святыми...* — Т. е. возможность в день Страшного Суда стоять по правую руку Господа, среди праведников и святых угодников.

ПЕРЕВОД

ЛЕТОПИСЕЦ

В год 7061-й (1552), месяца ноября, в христолюбивое царство святейшего царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, в двадцатилетие царства и государства его и в двадцать третий год рождения его, я, смиренный и грешный Макарий, митрополит всея Руси, дал ему эту святую великую книгу Минею Четью за месяц сентябрь и прочих двенадцать великих книг Миней Четьих (писаны все в дестный лист). И в тех Четьих Минеях собраны все четьи книги: святое Евангелие, четыре Толковые Евангелия, и святой Апостол, и все святые апостольские послания и деяния с толкованием, и три великие Псалтыри разных толкований, и Златоустовы книги, Златоструй, и Маргарит, и великий Златоуст, и Василий Великий, и

Григорий Богослов с толкованиями, и великая книга Никона с прочими его посланиями, и все иные святые книги собраны и переписаны в них: пророческие, и апостольские, и отеческие, и праздничные слова, и похвальные слова, и жития всех святых отцов, и мучения святых мучеников и святых мучениц, жития и подвиги преподобных и богоносных отцов, и страдания и подвиги святых преподобных жен; и все святые Патерики написаны: Азбучный, и Иерусалимский, и Египетский, и Синайский, и Скитский, и Печерский, — все святые книги, которые обретаются в Русской земле, собраны и переписаны, включая и те, что о новых святых чудотворцах.

И эти святые великие книги — двенадцать Миней Четьих, в которых собраны все святые четьи книги, — отдал я в дом Пречистой Богородицы и великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, в святую соборную церковь русской митрополии Успения Пресвятой Богородицы в одиннадцатый год своего святительства и смирения духовной пастве, на помин своей души, на вечное поминание по своим родителям и по себе и на душевную пользу святейшим митрополитам всея Руси и прочим церковникам: священным протопопам, и священным иереям, и архидьяконам, и протодьяконам, и дьяконам, и чтецам, и певчим, и всем православным христианам, приемлющим и с трепетом и со вниманием прочтущим эти святые книги, по благословлению митрополита или церковного чиноначальника, на большую пользу духовную не только себе, но и иным, слушающим со вниманием, во славу Божью. Аминь.

И да пусть никто эти святые великие книги — двенадцать Миней Четьих — из святой церкви русской митрополии Пречистой Богородицы честного и славного ее Успения и великих чудотворцев не присвоит или умышленно не похитит, иначе таковой, как надругатель и расхититель Божьей церкви, осужден будет не только в век нынешний, но и в будущий. А тот, кто эти святые книги примет по святительскому благословению и со страхом Божьим и с великим вниманием прочитает, на пользу душевную себе и слушающим, тот будет благословен Богом и восприимет от него великий дар не только здесь, но и на том свете, по божественному апостолу: «око не видит и ухо не слышит, тому человеку и на сердце не падет то, что уготовил Бог любящим его», читающим эти святые книги с трепетом и вниманием. Аминь.

А писал я эти святые великие книги в Великом Новгороде, когда был там архиепископом. А писал и собирал и воедино их объединял двенадцать лет, истратив на то большие средства, наняв много писцов, не щадя серебра и всяческих воздаяний. Но особо большие трудности и заботы преодолел при исправлении и переводе на русский язык иностранных и древних сочинений: насколько Бог нас вразумил, столько и смогли сделать, а иное же и доныне в них осталось не исправлено, и это оставили тем, кто с Божьей помощью сможет исправить это после нас. А если я где и погрешил, по своему незнанию, в этих иностранных и древних изречениях или если среди этих святых книг окажется написанным ложное или отреченное святыми отцами слово, а мы не смогли это исправить и изъять, то я прошу у Господа Бога в этом прощения молитвами всех святых, о которых в этих книгах

написано. А читающих эти святые книги, тех, кто смогут, молю с Божьей помощью все недоконченное в них исправить, и за это они воспримут от Бога двойное воздаяние, а от всех святых — благословение, поскольку в этих святых Четьих Минеях собраны и написаны все святые четьи книги. И во имя того молю коленопреклоненно всех, с верою читающих эти святые книги, да помянут мою смиренную и грешную душу в своих святых молитвах ко всесильному Богу, дабы получил я в день второго пришествия Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, когда Господь будет судить всех и воздавать каждому по делам его, — десное предстояние со всеми святыми, угодными Богу.

---

11 сентября. Поучение святого отца Феодора, игумена Студийского...

Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Переводное «Поучение святаго отца Феодора, игумена Студийскаго, еже не отчаятися своими грѣхи Божия милости», включенное митрополитом Макарием в Великие Минеи Четьи под 11 сентября, представляет собой незначительно переработанный и несколько сокращенный текст одного из так называемых «Поучений огласительных» Феодора Студита — поучения 93-го Малого Катехизиса.

Имя Феодора Студита (759—826) — знаменитого византийского церковного деятеля, защитника иконопочитания, игумена Студийского монастыря в Константинополе, автора многочисленных поучений, бесед и посланий — было хорошо известно в Древней Руси. Монастырский устав Феодора Студита уже в 60-х гг. XI в. был введен Феодосием Печерским в Киево-Печерском монастыре, а затем распространился и в другие русские монастыри. Студийский устав предписывал еженедельное чтение по средам, пятницам и воскресеньям оглашений (или огласительных поучений) Феодора Студита, которые составляют Большой и Малый Катехизисы — основные произведения студийского игумена. Это обстоятельство, по мнению исследователей, дает право «предположить, что одновременно с введением Студийского устава или вскоре после этого на Руси появились и огласительные поучения Феодора Студита (как в южнославянском, так, возможно, и в древнерусском переводе)» (*Ищенко Д. С.* Поучения огласительные Феодора Студита // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 224).

Греческий текст Малого Катехизиса Феодора Студита включает 134 поучения, Большой Катехизис состоит из 3 книг, содержащих соответственно 87, 124 и 60 поучений. На Руси же, по-видимому, были

переведены и бытовали в списках Малый Катехизис неполного состава (63 поучения из 134) и 2-я книга Большого Катехизиса, которая впоследствии целиком была включена митрополитом Макарием в Великие Минеи Четьи под 11 ноября, в день памяти Феодора Студита. Древнейшие списки русских переводов «Поучений огласительных» Феодора Студита не сохранились, самые ранние из известных сборников датируются рубежом XIV—XV в. Отдельные поучения из Малого Катехизиса читаются в различных типах сборников: Торжественниках, Соборниках, Златоустах, Прологах и др.

Текст 93-го поучения (в Малом Катехизисе оно озаглавлено «О сладостех плотьскых и преобразившихся, покаянием взвратившихся») помимо сборников Поучений огласительных Феодора Студита читается также в некоторых списках Златоуста и Пролога, не являясь, однако, их устойчивой статьей. При этом текст поучения, его название и даже временная приуроченность в разных типах сборников несколько различаются (в понедельник 1-й недели поста, в среду 2-й недели поста, 11 сентября). В Софийский список сентябрьской Минеи Макария это поучение Феодора Студита вошло из Пролога (что отражено в списках *ВМЧ)* — в особой редакции под названием «Поучение святаго отца Феодора, игумена Студийскаго, еже не отчаятися своими грѣхи Божия милости» (см., например, Пролог из библиотеки Софийского собора в Новгороде, переписанный в 1532 г. по указу Макария и вложенный им, как и Софийский список *ВМЧ,* в Новгородский Софийский собор «на память своей души и по своих родителей в вѣчной поминок» — *РНБ,* Софийская библиотека, № 1327, лл. 18 об.—19). Примечательно, что в *ВМЧ* под 11 сентября этот текст переписан дважды с минимальными разночтениями (по прелюбодѣянии — по любодѣанию; стенаньми — стонами), самое значительное из них — отсутствие завершающей формулы «о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемѣ» во втором варианте текста. Это — еще одно свидетельство того принципа максимальной полноты, которым руководствовался митрополит Макарий, собирая рукописный материал для создания Великих Миней Четьих — грандиозного свода «всѣх святых четьих книг», известных на Руси.

Текст «Поучения святаго отца Феодора, игумена Студийскаго, еже не отчаятися своими грѣхи Божия милости» публикуется по Софийскому списку сентябрьской Минеи (1541 г.) — *РНБ,* Софийская библиотека, № 1317, лл. 143—143 об.

ОРИГИНАЛ

11 СЕНТЯБРЯ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ.[1] ПОУЧЕНИЕ СВЯТАГО ОТЦА ФЕОДОРА, ИГУМЕНА СТУДИЙСКАГО, ЕЖЕ НЕ ОТЧАЯТИСЯ СВОИМИ ГРТѢХИ БОЖИЯ МИЛОСТИ

Ничтоже противно хотящему спастися, ни сумнѣния обьдержай, аще и в послѣдний видъ злых грѣховь впадеть. Вьистину глаголю, послуси бо сему суть мнози, — иже о Давыдѣ, старѣйшинѣ разбойникомь[2]: какъ бѣ прьвие человѣкоубийца и всего зла исполненъ, и како, покаявся, мнишеский взя образ и бысть искусенъ и от диявола насиляемыя исцѣляаше. Рече бо аггель к нему: «Давыде, Давыде! Отпусти Господь Богъ грѣхи твоя». Не точию же прости его, но и чюдотворца показа. Хощеши ли и другаго видѣти — виждь Монасию,[3] иже на 50 и два лѣта преврати Иизраиля служити бездушьнымь капищемъ, — и той в мало дний покаявся спасеся и возда хвалу Богови, юже и донынѣ поетъ Божия церкве. И паки божественый Давыдъ по прелюбодѣянии и разбои пророческий прия даръ.[4] Мария же Египтяныни по несытьствѣ грѣховнѣмь во аггельский достиже образ и пророчества сподоблена бысть.[5] И ини мнози, падъшеся грѣхи, покаяниемъ восташа.

Тѣмже никтоже никогдаже не отчаимы себе, но подщим же ся покаянием достигнути спасения. Того ради и мы, братие, бодреливѣйше будемъ и благонадежно вѣрующе, яко аще Богъ в пучину грѣховъ впадшая безмѣрнымъ человѣколюбиемъ помилова и призывая спасаетъ, колми паче нас, предстоящая ему, спасетъ. И да никтоже рци, слыша сия: «Аще тако содѣявше тако прияти быша Богомь, то и всѣхь нас помилуетъ, невостягновенно от страстий живущихь». Не помышляйте сихъ, они бо по отпущении аггельски пожиша, а невостягновенно поживъшеи здѣ своими судятся совѣстьми и в будущий вѣкъ осужаеми мучатся бес конца, понеже въсприяша сбираемаа тлѣющая скрови-ща. Стенаньми убо и плакати подобаетъ таковыхъ, ничтоже есть наслажение свѣта сего противу муцѣ согрѣшающихь. Тѣмже, братие, подвигнемся на покаяние, просяще отпуста грѣхомъ. Радуимься другь о друзѣ, спѣющимь кь Богу терпѣниемь и покорениемъ и содолѣниемь плотьскихь похотѣй, еже есть второе мучение, да тѣми свершени наслѣдници будемь вѣчныя жизни о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

---

[1] *В той же день.* — Текст читается в *ВМЧ* под 11 сентября.

[2] *...иже о Давыдѣ, старѣйшинѣ разбойникомъ...* — Имеется в виду известный сюжет о жившем в Египте разбойнике Давиде, который, раскаявшись в грехах, принял затем монашеский образ и еще при жизни получил от Бога дар чудотворения (память 6 сентября).

[3] *...виждъ Монасию...* — Библейский сюжет: 14-й царь Иудейский Манассия, сын и преемник Езекии, большая часть царствования которого (52 года из 55) была ознаменована жестокостью и восстановлением идолопоклонства, в конце жизни раскаялся, после

покаянной молитвы был прощен и посвятил свои последние годы делам добродетели (см.: 4 Цар. 21, 1 —18; 2 Пар. 33, 1—20; 2 Пар. 36).

[4] *И паки божественый Давыдъ по прелюбодѣянии и разбои пророческий прия даръ.* — Давид — библейский пророк, 2-й царь Иудейский, создатель Псалтири. Последние годы царствования Давида были омрачены грехом: он содействовал смерти Урии и вступил в незаконное сожительство с его женой Вирсавией, что навлекло на него гнев Божий и различные беды (2 Цар. 11, 1—27). Искреннее раскаяние и сокрушение о грехе нашли отражение в Псалмах Давида (50-й псалом и др.), содержащих, кроме того, множество пророчеств.

[5] *Мария же Египтяныни... пророчества сподоблена быстъ.* — Имеется в виду сюжет византийского Жития Марии Египетской: Мария в юности была блудницей, но после чудесного знамения от иконы Богородицы она раскаялась, обратилась к вере и провела оставшиеся 47 лет жизни как отшельница в Иорданской пустыне (память 1 апреля).

ПЕРЕВОД

11 СЕНТЯБРЯ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ПОУЧЕНИЕ СВЯТОГО ОТЦА ФЕОДОРА, ИГУМЕНА СТУДИЙСКОГО, О ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ТЕРЯТЬ НАДЕЖДЫ НА БОЖИЮ МИЛОСТЬ ИЗ-ЗА СВОИХ ГРЕХОВ

Ничто не противостоит хотящему спастись, — и не держи сомнения, — если и в последнюю степень злых грехов впадет. Истинно говорю, ибо много есть тому свидетельств, <одно из них> — о Давыде, атамане разбойников: как сначала он был убийцей и всякого зла исполнен и как, покаявшись, принял монашеский образ и стал <настолько> искушен <в этом, что> исцелял одержимых дьяволом. Ибо сказал ему ангел: «Давыде, Давыде! Отпустил Господь Бог грехи твои». И не только простил его, но и чудотворцем явил. Если хочешь и другого видеть — смотри на Манассию, который на 52 года склонил Израиль к служению бездушным идолам, — но и он, в малое <число> дней раскаявшись, был спасен и воздал хвалу Богу, которую и доныне поет Божия церковь. Также и божественный Давид после прелюбодеяния и разбоя пророческий получил дар. Мария же Египетская после ненасытности греховной достигла ангельского образа и была удостоена <дара> пророчества. И иные многие, падшие из-за грехов, покаянием восстали.

Потому никто и никогда не будем отчаиваться, но постараемся же покаянием достигнуть спасения. Поэтому и мы, братия, будем бдительнее, твердо веруя, что если Бог безмерным человеколюбием

помиловал и, призывая, спасает впадших в пучину грехов, то тем более нас, служащих ему, спасет. Однако никто не должен говорить, слыша это: «Если совершившие таковое так приняты были Богом, то спасет он и всех нас, невоздержанно в страстях живущих». Не думайте этого, ибо они по отпущении <грехов> ангельски пожили, а невоздержанно пожившие здесь своей судятся совестью, а в будущем веке, осуждаемые, мучатся без конца, поскольку приняли собираемые тленные сокровища. В стенаниях подобает оплакивать таковых, ибо наслаждения сего света ничто против муки согрешающих. А потому, братия, обратим <свои помыслы> на покаяние, прося отпущения грехов. Возрадуемся друг о друге, устремившихся к Богу через терпение, и покорность, и одоление плотских похотей, что есть второе мучение, — да будем тем самым истинными наследниками вечной жизни во Христе Иисусе, Господе нашем.

Слово похвальное Филолога черноризца...

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой, перевод Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ФИЛОЛОГА ЧЕРНОРИЗЦА О СВЯТЫХ ВЕЛИКОМУЧЕНИКАХ ЧЕРНИГОВСКИХ СЛАВНОМ МИХАИЛЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ И ФЕОДОРЕ ЕГО СОВЕТНИКЕ

Слово похвальное Михаилу и Феодору Черниговским принадлежит выдающемуся славянскому писателю XVI в. (родом из Сербии) Льву Филологу (Черноризцу), которого неоднократно приглашали участвовать в написании для Великих Миней Четьих агиографических и риторических произведений. (Кроме Слова похвального Михаилу и Феодору Черниговским, им созданы новые оригинальные редакции Слов похвальных Савватию и Зосиме Соловецким). О сотрудничестве Льва Филолога с русскими книжниками, трудившимися над созданием Великих Миней Четьих, свидетельствует его Послание к одному из новгородских писцов, дьяку Богдану Русину — «Букви... Льва по рькло Филольга монаху Бьгьдану Русину» (Записи Богдана на Царском списке февральской Минеи см.: *ГИМ,* Синод. собр., № 179, лл. 316, 422 об., 423). В сопроводительном Послании к оконченным им Похвальным словам Зосиме и Савватию Соловецким Лев Филолог в эмоциональных красноречивых выражениях благодарит Богдана Русина за некогда предпринятый им «долгий путь» к нему (на Афон?), сравнивая этот его подвиг с «усердием» тружеников моря, искателей жемчуга.

Начиная с древнейших редакций Жития Михаила и Феодора Черниговских, их убиение в Орде трактуется древнерусскими агиографами как гибель за христианскую веру и воспринимается как патриотический протест против засилия на Руси татаро-монголов.

Похвальное слово Михаилу и Феодору Черниговским отличается поэтическим мастерством, стройностью развития темы и гражданским пафосом, направленным против трех основных, по мнению автора, причин и бед, обусловивших поражение Руси в борьбе с Батыем: нравственного падения людей, погрязших в зависти, гордости и лжи. Этому он противопоставляет красоту гражданского патриотического подвига Михаила и Феодора Черниговских во имя веры в Святую Божественную Троицу.

При публикации текста не воспроизведены «паерки» (,) — знаки для передачи палатализации и редуцированных *ь* и *ъ,* которые в изобилии применял переписчик, следуя южнославянскому правописанию оригинала.

Текст Похвального слова Михаилу и Федору Черниговским публикуется по Успенскому списку сентябрьской Минеи — *ГИМ,* Синод. собр., № 986(784), лл. 601—602.

ОРИГИНАЛ

20 СЕНТЯБРЯ

В ТЪ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ *ФИЛОЛОГА* ЧРЪНОРИЗЦА[1] О СВЯТЫХЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ИЖЕ ОТЪ ЧРЬНИГОВА СЛАВНУЮ МИХАИЛѢ ВЕЛИКОМ КНЯЗѢ И ФЕОДОРѢ СИНГЛИТИЦИ[2]

Честное, яко въ истину, добролѣпное ваше стечение — вина добрѣйших повѣстий подвиговъ изрядное пречестную новую страдальцу. Тѣмьже пресвѣтлыхъ доблий предложений другъ другу бысте, съпритекше здѣ. Отсюду нам належащее немало въ душахъ своих произволение добрых показасте, имъже въдостоистеся услышати нынѣ вещи чюдны, достойны поистинѣ слышаниа.

Настоитъ бо нам зѣло свѣтлый князь, слово подвижа, Михаилъ, иже отъ Чрьнигова словый, нынѣ уже въ царьскыхъ сый присносущнаго царствиа господемъ Господа и Царя царемь Христа Исуса Бога нашего, свѣтлыми вѣнцы увязаяся съ, добропобѣднымь Феодоромъ изрядный быв побѣдитель на диавола, храбрый поборникъ святѣй кафоликии апостольстѣй церкви.

Аще како състеняющемъ намъ таиньственаа поречетъ кто, рекли быхомъ пророческаа она възглашениа нынѣ нѣкако благовременнѣ. Что же ганание оно? Сие: «Посланъ, — рече, — тогда людемъ божиимь великий князь Михаилъ на помощь». Явѣ, яко тогда иудеомъ, и нам нынѣ сий Михаилъ съ Феодором Богомъ даннии помощници бышя. Яко егда умалихомся на земли паче всѣхъ языкъ, и погыбохомъ, и отчаятися

уже, величьство золъ зряще, тогда посланъ бысть нам отъ Бога на помощь великий Михайло князь. Пророческое оно реку: «Аще не бы Господь Саваофъ оставилъ намъ сего сѣмени, яко Содома убо быхомъ были и яко Гомора уподобилися быхомъ».[3] Ибо побиени и плѣнени вси быхом, и гради наши оборени, и села пусты положишя безбожнии варвари. Не до сего же точию единого сташя дивии звѣрие, но и благочестие наше, еже въ пресущную и единосущную Пресвятую Троицу покланяние, превратити въ иже их злочестивое огня покланяние, въсшаташяся безумнии. Ибо «мужъ безуменъ пасет вѣтры,[4] и несмысленый поучится суетным». Но и бѣдьствовати благочестию уже отъ нечьстивых. Яко бо мракъ лютъ, власть безбожныхъ Русь покры. Страхъ обыятъ вся яко тма плѣнениемъ порабощеныя князя наша.

Тогда оставшаа малая, якоже рещи, въ пепелѣ погребеная, искра благочестиа великъ огнь дръзновениа вѣры въззже, просвѣщаа насъ, попаляя же противныя, — чрьниговьский князь Михайло великий. Добрѣ убо приричемъ Чрьниговьский, яко омрачая злочестивых велѣниа, почрьняя же безъстыдная татарьская лица, на нихъже и с ними и самого диавола съ дѣмоны его. Намъ же пресвѣтлая бысть заря благочестиа, свѣтлѣйшее свѣтило в Руси възсиа нынѣ свыше.

Аще началъ бы бысть сповѣствовати вам, но многа быти хотяше бесѣда, многа же и скръбь ваша душа приати хочеть въспоминаниемъ плачевных повѣстей, древлѣ бывшихъ. Обаче же зрю и нынѣ въ нас вины происходяща тыя же, от нихъже и тогда плачь и скръбь она родися несътрьпимыя бѣды. Сповѣмъ же, яко бы не зѣло протяженнѣ, ниже бы пакы вся мимотещи. Но малым словом явленна вашей любви предложу: непщую бо пользу быти, не глаголи же и добрѣйшихъ събытиа — на лучьшаа нрава преложениемь.

Первое бывшаа нам, о сынове русстии, не не вѣсте, яже от Бога въ земли нашей благодѣяниа при свѣтлѣйшемъ Владимирѣ, иже и Василии, велицѣмъ князѣ,[5] мужи апостольстѣ и отци нашемъ по духу: божественую глаголю благодать, еюже вся Руси великаа земля къ богоразумию възведеся, просвѣщьши преже начяльника ея, великаго князя, имъ же свои спасъ земли, его излиа. Сего великаго Владимира, иже Василие, сихъ ради Господь Богъ благословеньми веньчя и почте его чядъ множествомъ ему, из нихъже велиции князи и властеле, мѣстници же и градодръжци, по приатию рода, яко отечествомъ, Русию владычьствоваху.

Оставих глаголатися о свѣтилу оною чюдную, самобрату и мученику святою Романа и Давида, еже Борисъ и Глѣбъ еста:[6] сии бо здѣшнее дръжавьство неприемным измѣнше, еще въ мягцѣ възрастѣ прекроткаго пастыря Христа словеснаа овчята суще, русскаго плодоношениа начятокъ Господеви избраннѣ.

Многыми же лѣты снабдящу Господу Богу сѣмя преподобнаго своего Василиа и на престолѣ его сыны сыновъ его по преатию роду посажающу. Елма же умножишася князем сынове, умножишася и областиа, съумножи же ся в них и зависть, къ симъ же и вельможьство

им възрасте, и съвъзрасте вельможству гръдость. Прииде же и богатства изъобилование въ съкровища ихъ, и съвниде богатьству неправда. И тако им величающимся и путий Господнихъ, якоже лѣпо, не смотряющимъ, — еже и пророку иудеомь о сихъ иногда порицающу, — дондеже сътвердися в нихъ триплѣтенная она злоба.

Вѣмъ, порицати вамъ, и зазирати нам о сихъ, и полагати неискусство слову: иная же начавшу, негли же иная посредѣ вносящу. Длъготрьпя же паче послушати молю вам! Аще правѣ судите, ниже нынѣ инаа глаголю, ибо свыше обѣщахся повѣсти дати, сие и полагаю, истинну повѣствуя.

Откуду святымъ симъ еже мучитися и еже церковным поборником быти и како многых вѣнцевъ натрижнение ихъ? Отсюду бо их свѣтлости есть обличитися. И аще она мину и напасть ону, юже Русь пострада от Батыя, умлъчю, ниже и церкви ясно сказати възмогу. Како же и вы мученическую свѣтлость видите? Но нужда надлежить ми, повѣствующу несътрьпимыя оны напасти, откуду и что ради бышя, и како обиать всю землю и церковь, вмалѣ вся обличити. Тѣмъже и кротцѣ внимати молю вся, глаголемая нынѣ.

Откудуже, кто речеть, лютаа сиа пострадати намъ тогда? Еда отъ Батыева суровства? Никакоже! Но три сиа лютѣйшиа навѣтникы, иже отвнутрь нас, предашя: зависть и гръдость и неправда. Идѣже бо лукаваа сиа чета, оттуду благость Живоначялныя Троица отступаетъ. Елико бо благо есть Божество, толикоже и о дръжащихся лукавыя сънмица тоя свою милость отъемлеть. Ибо «Господь гръдным противится»,[7] и зависти ради *денница* тма бысть, и «весь гнѣвъ Господень на всяку неправду»[8] по Божественому Писанию. Проявленно же, яко любящихъ та Божиа благодать оставляетъ, оставленая же хранителя не имѣють, безъ хранящаго же готово всѣмъ на расхыщение.

И якоже рѣхъ, помалу сътврьдися злоба она въ земли Русстѣй, наипаче же въ владущихъ владычьствуя непреподобнаа. Раздра же царство и раздѣли на многы чясти лютое сие владычество; таже что, помалу простирающи зло, своа подручникы иноплѣменникомъ предаде. Вся же сиа пострадашя, Богу свобожающу насъ сими казньми лютаго мучительства злых сихъ владыкъ: зависти, глаголю, неправды же и гръдости.

Смотрите же ми здѣ милость и благоутробие человѣколюбца Господа нашего Бога! Како преисплънь есть милости всякиа казнь его, наводя на нас по своей милости, а не по грѣхомь нашимь. Не да бо казнить, но да от злобы отвратить нас къ добру, сего ради казнить. А не да мучить, казнить, но да от мукы свободитъ. Сице не абие землю испровръже, ниже тресновение посла, но ниже абие и варвара наведе. Преже бо точию, яко пръстомъ, вещей преложениемъ прегрѣшение показуя, негли сице исправимся. И не до единаго токмо ста, но и второе и третие начяльство в нихъ измѣни, яко бы познати прегрѣшение и покаятися. И не преста показуя, донелиже обличися непреложен нравъ лукавьства.

Сице преже отъ Киева начальство на Владимирь преведе, таже и на Суздаль преложи. И понеже не преложишася отъ злобы, инамо еще начяльство отдаде. И ниже сице лучьши быша, иногда же здѣ, овогда же онде, даже и до Ростова[9] начяльственѣйшее владычества княжение преводя. И по сихъ всѣх злобы отступити никакоже въсхотѣшя. «Верви бо триплѣтенны не скоро претръгнуться»,[10] — нѣкто въ добраа премудръ глаголаше. И сиа три страсти: зависть, гръдость, неправда, — от мягкыхъ и лѣнивыхъ душь нескоро кто оттръгнетъ. Тѣмъже потреба прочее и трьпчайшихъ страданий Богу попустити на нь.

Иде убо и врачем сие любезно: егда бо болѣзнь напоеньми и обязаниемъ повинути не възмогуть, тогда рѣзаниа и жжениа прилагаютъ, въ еже бы пользы подати страдающему. И Господь такоже по онѣхъ всѣхъ неисцѣльнѣ нас недугующих обрѣте, тогда прочее запустѣнию поплѣнениемь попусти быти, мучительнѣйшаго варвара наводя, съ многою злобою вся испровращающа, якоже лютый нѣкий звѣрь вся поядая, останкы же ноготми растръзаа.

Тако тогда, Батыеви Русь поплѣняющу, съ многою буестию и свѣрипьствомъ, яко сточнитися лютости его оному мучительству, иже при *И*раклии варваровъ иногда.[11] Храбрыя руси мечь пояде, овы же плещи въдаша съпротивным. Скипетродръжателя же овы оружиемъ падша, овы же кралевьства странники гостяше, всякыя помощи отпадше. Пресвѣтлаго же Михаила князя великаго отъ сыроядца-зверя угры спасаху,[12] преже на столѣ преименитомъ иногда Киеву предсѣдѣвша. Грады же ратникъ испровращая, и гражаны овы въ плѣнъ, овы же оружию ядь полагаа, користи имѣя съкровища обрѣтъ княжеска, великое мучительство всему рускому языку сътвори.

Протече же даждь и до предѣлъ Великаго Новаграда. Таможе внити ему, якоже глаголють мнози, Божественнаа сила възбрани, ибо здравьствоваше тогда Великий Новъградъ от злобы оноя, чистъ бо бѣаше зависти, и неправды, и гръдости. Равность в себѣ наипаче любяще, и нравом нѣкако прости, гордитися не зѣло вѣдяще. Наипаче же церковныя мужа зѣло почитаху, и учителей стыдящеся по многу, удобь послушни поучаемымъ суще. Къ архиерею же, поистинѣ яко овца къ пастырю и яко къ Христу, говѣяху, еже и сыроядца оного не попусти вредити ихъ или озлобити, но внегда къ предѣлом ихъ приближитися, купно постыдѣвся, плещи вдаде, — Божественѣй силѣ възбраняющи ему.

Възвращающу же ся безбожному кагану[13] въ своя, заповѣдь положи, яко да велиции князя и мѣстоблюстителе, грададръжцы же и мѣстницы, хотящии въсприати своя хоругви же и областиа, въсходятъ въ Орду и от кагановы рукы кыйждо свою власть да въсприимет, покаряяся и работая варваром, на мѣстѣ своемъ сѣдя.

И по отшествии безбожнаго оного варвара, велиции князи и мѣстоблюстители, градодръжцы же и мѣстьници, кыйждо от бѣгьства своего въ своя възвращахуся. Но понеже заповѣдь мучителя разумѣша,

еже въсходити въ Орду, оттуду власти взимати, и тако ни единого покоя, ни ослабы получивше, вси къ каганови въ Орду идяху.

Уже и свѣтлаго Михаила великого князя Чрьниговъ от угровъ пакы имѣаше. Въ Орду же взыти тогда не въсхотѣ, но на столѣ своем самовластном сѣде и вещи строениа разсмотряа, и кая же от Батыя княземъ получнаа будуть.

Мръзскый же Батые постави влъхвы въводителя быти русскымъ княземъ къ себѣ. Въвожение же зѣло лукаво злохытрый умысли: не преже бо тому на лице приити которомуждо от русскыхъ князей, аще не огнь прошедъ и въврьгну вънь что, поклонитеся кусту и огню.

О преокаанная лукавая плѣница: зависть, грьдость, неправда, — мати злымъ! Не токмо плѣнникы и рабы безбожнымъ владыкамъ любящих тя положи и оружию ядь, но и от Бога отвести ихъ и вѣчнаго живота лишити злочестным покланяниемъ окушаешися! Мръскыхъ матерей гнуснѣйшее порожение, како поядаеши крѣпкаа наша! Ибо князи наши плѣнени тѣломъ, плѣнени прочее и душею бышя, послѣдовавше влъхвом сквозѣ огнь. Увы, благочестие кусту бывше! Къ каганови безбожному въхожаху, прошениа своя приимаху! Колико злохытрьство диаволе! Каково умышление лукавого! Аще бо князя отступникы сътворитъ, и на церковь что удобь възмощи, таже и христианьское имя въ Руси сътворить. И егда от среды видѣ умышление свое сбывающеся, радовашеся лукавый. Обаче безумный безумнѣ поучится тщетнымъ: Церкви бо женихъ есть Христосъ, и тъй свою невѣсту чистую, необоримую сьблюде. Яко стрѣлу избранну в туле имѣя крѣпкаго Михаила великаго князя, еюже устрѣливь, врага умертви и тще умышление его показа.

Слышано же бысть по всей земли Русстѣй, что сътвори скврьный Батые княземь русскымь. Досяже окаянный съй слухъ и до самого великого князя Михаила. Тъй же сиа слыша, поболѣ якоже лѣпо душею и снѣдашеся печалию весь, непщуя бесчестие велико святѣй и съборнѣй апостольстѣй церкви быти, и много порокъ христианьстѣй простославнѣй вѣрѣ, еже покарятися злочестиа велѣнию безбожнаго, якоже и есть. Помышляя же, яко отсюду и всю церковь поколѣблет врагъ, помалу на лютѣйшаа происходя, нѣсть бо въспящаяй кто или отрѣвая его злокозньство. И сиа помышляа, обозрителный съй, весь слезенъ бываше, печалию и скрьбию душу свою по братиахъ прободаше, вѣдя, колику тщету от Христа Бога Господа нашего имъ есть пострадати.

Не трьпя же намнозѣ злослутию сему обноситися, братии же мягкостию душь своихъ погыбающимъ, и съпостатным смѣхъ и врагом радость, и тако мужеством душу въоруживъ, не ктому угры познаватися прочее предоблему, ниже сѣдалищу Чрьниговьскому въмѣщати точию себе предсудивъ: благоврѣменно же уже явитися Христова въина доблести съвѣщеваше и братися о церкви Божии; мучителя же, буе безбожьствиа велѣниа обличивъ, низложити.

Не лукъ убо напрязати поучяшеся, ниже како мечя кровию варварьскою обагрити, ниже како копий тѣх тѣлеса прободати, но больша сих и много высочайшая умышляше храбрости показати великий князь Михаилъ: но състрѣляти самого того диавола, и еже съсѣщи главу невидимому змиеви, и уставити злочестиа велѣние, спасти же прочаа, иже еще вреду непричястни, плѣненыя же душею оплѣнити къ благочестию, край подвига — свою душу за люди Божиа положити и еже за благочестие умрети.

Таковыя же храбростного подвига мысли съвѣтника приемлеть, иже поистинѣ достойного своему его сана мудраго Феодора. Синглитикъ бо бѣ блаженный, веледушенъ мужъ и попремногу разуменъ, крѣпкосердеченъ мыслию, ревьнитель правды и вѣры; аще кто инъ общевася мыслию чюдному своему князю еже о отечьскихъ законѣхъ пострадати, время великиа купля и многа приобрѣтѣниа имуще пришедъше, не отщетитися. Тщашеся такова безмѣрнаго богатьства мудрый Феодоръ, преимѣяй в синглитѣ в лѣпоту, купуя мимотекущими присносущаа.

Съвѣщавше же храборници блаженнымъ симь съвѣтом, къ Божию священнику сущу тогда въ Чрьниговѣ Иоанну дошедъше молитвы и благословениа получити въ молитвеный храм. Ту облъкшеся Божиими всеоружестьвии, щитъ вѣры носяще святыа съборныя и апостольскыа церкви, о ней же и братися идяху, и тоя жениха Христа Бога Господа нашего на помощъ зовуще, его же Пречистѣй Плоти и Животворящей Крови общевавшеся, — и тако иерѣом Иоанном два предобляа въина пущена ратовати и низложити вражие оплъчение, еже на Святую Христову церковь, иже в Руси. Тогда убо, яко львъ на еленя или крагуе на врабиа, устремися, паче же рещи, яко вода многа, потопляа злочестиа велѣние, свѣтлаа двоица: великий князь Михаилъ и Феодоръ синьглитикь. Тогда же и церкви сѣтование отлагати начинаше и радостными надежами процвѣтати, врьгши благополучныя сиа стрѣлы унзити ратника. Преже бо чяд своихъ зѣло жаляще сѣтованна пребываше, яко не суть, паче нежели Рахили чяда, о нихъ же рыдая, утѣшитися не хотяше,[14] по пророку. Здѣ же и веселиемъ жалѣние премѣнити есть, ибо на тврьдѣйшем адаманта камени свою церковь Христос създа, ейже адскаа врата не съдолѣють когда. А яко не ратованѣ быти ей, явѣ сказа, въ сраженияхъ бо одолѣниа поставляются.

Явльши же ся въ Ордѣ двоици сей чюднѣй, абие уставися злочестиа велѣние буее. Отсюду уязвен^ бысть съпостатъ и стоати уже отчаавашеся, побѣдителя изрядна зря. Преста тогда и огнь проходящих его приимати: гладомъ прочее снѣдающаго душя христианьскыхъ князей, яко усты всеядными, огнем пожирающаго врага уморити есть, и не ктому рабомъ владычне покланяние вѣдѣти. Прободенъ бысть гордяйся диаволъ и суетная поучаяйся упразднися, побѣдным и церковнымъ оружникомъ просиавати начинающим.

Увѣда и каганъ Батые подобающее русскым княземъ христианомъ сущемъ! Разумѣ владыку русскаго, лѣпаа сану притворяюща! Прочее позна, и в какыхъ христианьскым княземъ повелѣвати! Сице того наказа доблественый Михаилъ, великий князь, безстудное его лице

посрамивъ, на немъже и самого диавола обруга, понеже повелѣние Батыево попрано бысть свѣтлымь князем Михаилом, и того злочестивыя уставы яко ничтоже положишяся. Сквозѣ бо огнь проити — и видѣниа своего никакоже сподоби того, а еже кусту и солнцу покланятися, — ниже краемъ ушесъ слышати хотяше сихъ. Отвѣщаваше же провожающимь въходящихъ къ каганови влъхвомь, яко: «Нѣсть христианьскый, якоже варваромъ, обычай влъхвований съзрьцати когда: съ цѣлостию бо мудрость имѣти от Збавителя повелѣся христианомь. А еже кланятися кусту и огню — смѣх есть истинным богочетцемъ сие безумие, вѣдящимъ, яко емуже врѣсноту поклонение длъжно есть, тому то и възносити есть. И кто сице несмысленъ будет, да въздасть бесчестию честь?! Царя же убо почитати, яко образ Божий носят».

Вънятъ себѣ Батые, слышавъ сиа, и руку на устѣхъ полагая; познаваа свое побѣжение, стыдяшеся окаанный: безумное бо его умышление всѣмъ познася мудрѣйшаго князя Михаила обличениемъ. Обаче ласканьми и лестьми бодраго ума подъити окушашеся: негли како безумьству своему прикровение кое обрящет, диаволу съвѣты каганови дающу. Но убо тѣмъ большее побѣжение да обличится! Такова бо есть злоба, сама себе хапати обыче. Подвижнику же множайшая свѣтлость прилагается.

Приложи же Батые послати от предстоящихъ ему сановитыя, еже ласканьми мужа привлещи к воле своей; аще ли ни, и прѣщениа приложити. Сиа Михаилу явьствена посланнии сътворяют, и «цареви повиноватися лѣпо», — глаголаху.

«Поклонитися убо и честь въздати цареви, яко испроврьже царство в Руси, и удобно ми есть и подобно сице, а еже послушати злочестнаа велѣниа — мрьзость есть! Тѣмъ же разумно да будет цареви Батыю, яко христианинъ есмь и варварьскыя службы яко богомрзъкы отрицаюся. Вѣмъ истиннаго Бога чести и тому покланятися единому, простославиа службы лобызающу ми, Богомъ сътвореная же никакоже боготворити навыкохъ, паче же — иже в работу нам положеных, якоже и иже от вас поклоняемое солнце. Досажение бо Божеству велие есть, еже та боготворити и божественыя службы приносити твари, паче Творца. Аз же Пребожественныя Троица поклонникь. Еже хочеть, да творит Батые».

Таковый гласъ святому испущьшу, инъ халаньскый идолослужениа възвысившийся стълпъ сътрясъся, низъвръжеся.[15] Сий святого гласъ, яко копие, врагу утробу пронзи, и варварово буее, еже на князя христианьскиа шатаниа устави. И самую святую церковь утврьди побѣдоносца Михаила гласъ. Сугубу побѣду прочее церковный оружникь на мучителя постави: не преклони бо ся страхом, ниже ласканьми съотведеся.

Зѣлны же сѣти диаволъ святому поляцати спѣшаше: не точию мучителя възъяри и юже оттуду бурю въздвиже, но и от своеплеменныхъ лютѣейшее смущение творя паче, неже от врагъ. Ни бо токмо послании от кагана стужаху святому, въ еже послушати въ злочестие, но и князи русстии мнози объсѣдяще его, моляху ласканьми, яко бы не предатися

смерти, въспоминающе ему красоту мира сего, и лесть богатства, и славу власти, и сладость жизни.

В тѣх ласкателехъ и великий князь ростовский присѣдя Борис. На того уже великыхъ княжений начальное владычьство преиде. Ибо влечашеся от чреслъ Андрея, великого князя ростовьскаго, зѣло благочестива суща и царскою диадимою в Руси вѣнчана, якоже прародитель его великый князь Владимеръ Манамах от греческаго царя Констянтина Манамаха диадиму, и вѣнець, и крестъ животворящаго древа приимъ, и порамницу царьскую и крабицу сръдоличьную, из неяже веселяшеся иногда Августъ, кесарь римскый, и чепь златую аравитскаго злата, и иныа многыа царьскиа почьсти в дарѣхъ приатъ, мужства ради своего и благочестиа. И не просто рещи таковому дарованию и не от человѣкъ, но по Божиимъ неизреченным судбамъ, претворяще и проводяще славу Гречьскаго царьства на росийскаго царя. Вѣнчан же бысть тогда въ Киевѣ тѣмъ царьскымъ вѣнцем въ святѣй велицѣй съборнѣй апостольстѣй церкви Премудрости Божиа Слова от святѣйшаго Неофита, митрополита ефесскаго, и от прочих святитель, и оттолѣ боговенчанный царь нарицашеся въ Росийскомъ царствии.[16] Тако же и тъй благочестивый великий князь Андрей царьское имя своею храбростию стяжа. Бѣ бо зѣло съдружебенъ греческому царю Мануилу. Нѣкогда убо има случися въ единъ день изыти на брань: единому изъ Царяграда — на срацины, а другому из Ростова — на блъгары. И велию побѣду сътворишя, и празньство свѣтло уставишя Господу нашему Иисусу Христу — Происхожение Честнаго Креста, мѣсяца августа в 1 день.

Борис же не исправися по стопамъ праотца своего ходити, тѣмъже и с начяльством и душю си повреди, еже и свѣтлому Михаилу съвѣщеваше недобрѣ. Доблий же страдалець диаволя сѣти, яже усты несмысленыхъ другов поляцаше ему, якоже паучинныа мрежа растръзая, прямо смерти — жизнь иже въ Христѣ, и за тлѣнную красоту — Небеснаго Царствиа красоту полагаа, и за богатство погыбнущее — съкровища нетлѣнныа, за увядающую славу — божественую славу въспоминая, за сладость же жизни — бесмертныа жизни наслаждение, и вся противу настоящих недвижимаа поставляа, и прельстящихся въ познание съгрѣшеныхъ приводя, овоже млъчанием ласкателемъ уста загражая. И чюдный же синглитикъ Феодоръ еуангельскаа словеса въспоминаше, стройнѣ бесѣдуя несмысленымъ княземъ, чювьство прегрѣшению ихъ дая, Михаила же от силу в силу възводя. Исполнь бо сый Духа, ибо «ратника объоружаетъ Духъ», по святому словеси.

Сице великый Михаилъ на съпостаты възимаяся, единоплеменныя же безумьствующая князя окая, предающихъ истину благочестиа страха ради на лжу, отвсюду же самъ непреклоненъ и незыблемъ въ благочестии стоя. И в сихъ мучителемъ на биениа простретися мученикъ повелѣваемъ. Преже сановному поясу отыяту бывшу, егоже, варивъ, на лица повръже любящих привременную лесть, симъ показаа свою храбрость и души свободное дръжавою помысла благочестива.

Обнажену же и по земли протяжену страстотръпцю, многы раны по телеси приемлющу, кровь же, струями изливающися, землю обагряше.

Обаче свѣтлым лицемъ Михайло зрящим на нь являшеся, яко въ чюжемъ тѣлеси страсти тръпяше, и подвигом подвиг вѣнчаа, свѣтлѣ благодарениа Владыцѣ и Господеви въспущаше. Тако великий князь Михаилъ мученическыми добротами свѣтяся, трипобѣдными одолѣньми вѣнчяваем. Подобает уже Христову въину трехрабровавшу Подвигоположнику своему явитися и от него почьстий натрижнениа своего насладитися. И како да въстечетъ? Преславнѣ да взыдет, не токмо съвръшенѣ побѣдникъ явлься, но и дары принося Подвигоположнику и Владыцѣ своему.

И понеже не умягчаем страстотрьпець ранами, ясно бо въпиаше: «Да не будеть когда християнину-мужу огнь влъхвованиа проходити, ниже на немъже наречено есть истиннаго Бога имя — покланятися кусту; ниже Троичнаго препѣтаго единьственаго естьства поклонником — почитати видимое сие солнце!» Мучителемъ же единаче неослабно святому плоть съдробляющем и крови лиющися, тъй же не ослабѣ, ни охужаяся. Каганови же разумиа вся доблесть святаго, надлъзѣ же не трьпя, свѣрѣпый, мужества святаго, на смерть осужаетъ мученика: поистинѣ же — къ вѣчному животу препущаще и.

Достигоша на мѣсто иже на зло скоропослушныа слугы, и еще мученику свѣтлѣ възывающу, яко: «Християнинъ есмь!», — идѣже абие в сей бесѣдѣ единъ от законопреступникъ ножем честную главу святаго отрѣза. И тако, Июдины части наслѣдникъ, побѣднаго одолѣтеля и снаслѣдника Христова преславнѣ въ славу посла.

Сице въстече къ Подвигоположнику своему Владыцѣ Христу божественый рабъ Михаилъ, великий чрьниговьскый князь; предъста, мученическыми блистаяся добротами, краснѣйшь своею кровию, еюже, имени Его ради, обагрися, потове трудовъ принося, паче змирны, и ливана, и злата. Ибо вѣру съблюде, юже яко злато искусно Господеви нося, страданиа же и за любовь единовѣрных умрети — яко ливанъ, и змирну — яже есть не покоритися злочестиа велѣнию, и еже не предати благочестиа, и еже не яту быти ласканьми, и еже вышьшу явитися страха, и еже мукы доблественѣ трьпѣти, и еже предати ся спасениа ради християнъ, и еже благостоаниа ради церкви Христовы умрети, еяже ради весь подвигъ въсприатъ, яко бы въспятити стремление Батыево, еже на церковь и чяд ея. Сихъ трудовъ потове паче всякого приношениа Господеви принося, ихъже мьзда велиа и вѣнцы нетлѣнны есть отъ Христа Бога.

Аще бо не бы сий пресвѣтлый мученикъ, изшедшу безумнаго мучителя злочестиа велѣнию на христианскыя князя, явлься посреди и възразилъ, — не бы престаль безбожный сице присно повелѣвати князем, и ино бы лютѣйшее проявлению яко приложити въсхотѣлъ, и на всю бы русскую церковь диаволъ того въоружитися сътворилъ, зря удобно къ злочестиа послушанию князей приступающихъ. Нынѣ же храбровавшу доблественѣ Христову въину, пресвѣтлому князю Михаилу великому, низложишься шатаниа его, посрамися безумие повелѣваа, — тѣмъ же и устави злочестиа велѣние, еже на христианьскыя князя изъгласи безбожный Батые, отчаа бо ся прочее послушание отъ кого приати, доволенъ искусъ приимъ къ тврътдому адаманту съражениемь.

Едино точию приложити синглитика Феодора испытати, аще нѣкиа еще надежи своему зломудрию въсприиметь, Феодору страсти князя своего устрашьшуся, негли же и похотѣвшу сана и власти Чрьниговьскыя области, къ своей воли удобь привлечет его. Аще ли же ни, и тая же мудръствуя непреложенъ будеть Феодоръ, тьми же искушену бывшу муками, умрети. Прочее нектому тая же повелѣвати, но съвръшенѣ отчаятися тогда.

Наипаче же сихъ ради вещемъ о доблем Феодорѣ сице происходящим: якоже общевася святому Михаилу благымъ съвѣтомъ онѣм, такожде да тѣхъ же вѣнцевъ въсприиметь, обѣщникъ бывъ страсти, праведно бо да тѣхъ же почестей насладится, имъже потрудися подвигомъ.

Мучителю же уже отвѣтъ давшу на добляго синглитика Феодора, яко: «Сътворившу волю каганову и влъхвом послѣдовавшу, кусту же и огню поклоншуся, пред лице мое да внидетъ Феодоръ, — глаголаше мучитель, — и от насъ чести да насладится, наслѣдникъ бывъ господьству господина своего, и властию его почтется, и княжениемъ да венчанъ будеть от нашеа десница. Презирающа же повѣление наше и небрегша яже от насъ благодати, нашеа милости да отпадеть: тѣми же искусився преже, имаже и великий князь Михаилъ, муками, и смерти да предасться».

Сиа же великому Феодору явѣ сътвориша, и что убо къ сим аще наведет подвижникъ, ожидаху послании. Тъй же свѣтлою душею и свободным гласом въпиаше: «Да увѣсть каганъ, яко Феодоръ, съвѣтникъ сый господина своего князя Михаила, и славѣ его безъслѣдникъ быти зѣло желает, — не убо въ Ордѣ и Чрьниговѣ, работаа Батыю, но вышьши земля, въ самых небесѣх, въ иже тамо славѣ предъстояти Цареви царемъ и Господу господемь Исусу Христу, Владыцѣ всѣхъ, съ княземъ своимъ Михаилом, идѣже онъ нынѣ есть. А еже влъхвом послѣдовати сквозѣ огнь, кусту же и солнцу поклонитися — не буди мнѣ и всякому християнину, единою та оплевавшу истинному богочетцу. Привременную же, паче сънную, славу и честь — емуже хочеть, да дасть. Много бесчестие есть вѣдущу вѣчную славу и честь, мимотекущею мечтатися! Християнинъ есмь и Пресвятыя Единосущьныя Троица поклонникь! Еже хощете, творите!»

Сий слышавше скверниии татарове священный гласъ великаго Феодора, бѣсни бышя гнѣвом, яко звѣрие, от ярости устремишяся на нь. И въсхытивше его, скврьныя своя рукы нанесше на святаго, без милости мучяхуть и плоть ему съдробишя, землю же под нимъ кровию напоишя, таже наконець главу его отсѣкошя. Сице и доблественому Феодору течение съвръшися: въ слѣдъ князя своего великаго Михаила къ Христу въстече, и тоя же славы, якоже въжделѣ, наслѣдникъ бысть, изрядный побѣдитель на диавола явлься.

Тѣлеса же святою добропобѣдную мученику суроваа варварскаа рука в пустаа мѣста повръже, — мучителю тако повелѣвшу, яко «да, — рече, — звѣрие и птица снѣдять и». Но святыхъ мученикъ священнаа тѣлеса невредима намнозѣ пребышя. В нощь же коюждо стлъпове свѣт над ними сиающе, всѣмъ явишася, — хранительную силу и благодати своея

дѣйство неотступно от священных тѣлес симъ образом Богови показующу. Ибо «славящих Его прославляа Господь».[17] И яже скврънныхъ рукы злѣ поврьгошя, сиа по врѣмени благочестивыхъ руцѣ опрятавше, подъ землею добрѣ покрышя.

Се подвигы непобѣдимою страстотрьпцу Христову! Се одолѣниа великаго Царя доблественую въину, на злаго мучителя храбраа ратоборца, о Церкви, невѣстѣ Христовѣ, добрѣ бравшеся и побѣдителными увязошася! Но яже о святыхъ сихъ крѣпкыхъ страдалцѣхъ великомъ князѣ Михаилѣ и Феодорѣ синглитицѣ тако съвершися, якоже повѣствовася. (...)

Сихъ святыхъ кровию огня покланяние угасе! Сихъ страстьми ординьскыя службы исчезошя! Сихъ смерть — благочестию великое утвръжение! Таковых похвалъ святии сии мученици стяжаша, еже о благочестии подвигы, еже за другы душа положение и еже церкви ради въ Христову славу умрети Троичьнымь поклонникомъ, коликых пресвѣтлых вѣнець от Подвигоположника трехрабрии сподобишяся! Аще истяжуть от нас днесь хвалы, кыя же и хвалы тѣмъ принесем, въ таковыя хвалы въшедшим? Точию елико почтити мученическую память слово подвигохом, и нашихь душъ сихъ въспоминаньми просвѣтлити, и не тщим явитися въ день памяти ихъ пред ними.

Съвносите же и вы вси памяти мученичьстѣй, почтите, елико кождо васъ можеть, тръжество! Киими же почьстьми? Не преддвериа вѣнчяти, глаголю, ниже мягкыми одеждами обложитися, ни многотлъстотными трапезами и винным излитиемъ гоститися, ниже ликы гнусныа съставляти, яже свободнаа души порабощати обыче, умягчаа и разливая ту и къ злобѣ удобь плъзку, къ добродѣтели же зиающу и лѣняшуся обаваа, но сими, яже святымъ угодна и христианомъ лѣпаа.

Кая же сиа вся, яже душу удобряти вѣдять? Съ сими же и сиа: око чисто от злыя зависти къ всѣмъ храняще; грьдость же оставльше; другъ друга честию больша творяще; неправду же, яко ядовитую змию, убивше; суда възыскающе и обидима из руку обидящаго изимающе; вдовицу и сира заступающе, — яко да правда вашя будеть многа и свѣтла добродѣтель. Сиа мученикомъ, вѣмъ, паче всего любити, и всякого плодоношениа сладчяйше приемлють.

Вѣмъ же, вѣмъ, и яко ничто же ино, им сице ненавистно и мрьзко, яко зависть, и грьдость, и неправда! Кто зде приведе безбожнаго Батыя? Не сиа ли лукаваа триплетенная злобы верига? — Сиа привлече лютое оно плѣнение! И егда въспоминаю сиа, слезити ми находить, не не вѣруйте ми, ибо плачя по истинѣ достойно и стънания! Не яко точию сиа пострадахом, но о лютѣйшемъ злѣ, яко и самую главу нашу отъяти въсхотѣ: жизнь вѣчную, глаголю, юже въ Христа вѣру.

Увы! Како погыбнути хотѣхом вси и безбожни в мирѣ быти, аще не бы благочестиа ревностию възставилъ намъ Господь Бог нашь священную двоицу Михаила и Феодора, имиже низложи грьдыню мучителя, и мы злочестиваго велѣниа избывше, безбожствиа свободихомся.

Речете же ми, яко: «Тая же ли пакы начялъ еси и когда окончаеши?» — Вѣмъ, яко малословець от васъ хощу зазрѣтися, и яко не могий иная глаголати, ниже вѣмъ умѣренная окончяти. Но азъ множицею слово обращаю о сих и глаголати не престаю, вижу бо васъ, от сихъ страстий боримыхъ: грьдости, и зависти, и неправды, — и Богу на нас негодующу о сихъ, и святым отвращающимься насъ, яко съдрьжимыхъ сими. Престаните прочее от сихъ страстей, престану и азъ глаголати! Богу на насъ негодующу и оставлениемь прѣтящу, и мы млъчим?! Кую пользу творяще млъчаниемъ, аще праведнымъ гнѣвомь разъгнѣвается Господь и оставить нас? Аще оставить, и мы ничтоже лучьши оставленаго гнѣзда яиць будем, яже всякъ хотяй въземлеть.

Что же ради оставление прѣтить? Понеже не вѣмы смиритися и кождо друга своего предпочитати, завидяще предпочтеным, гордящеся въ менших честию, и еще равно же насилующе и обидяще, туждимъ насытитися желающе, праведная не ищуще. Пророку окающу и глаголющу: «Горе приближающим село къ селу и храмину къ храминѣ, да ближнему своему что отъимуть». И иному сказающу: «Мѣрило льстиво — мрьзость пред Богомъ». И Богу съ многою зѣлостию заповѣдающу: «Не похощеши, — рече, — вся, елика имать ближний твой!» — и: «Врага твоего заблуждьшее възвращением да възвратиши», — и: «Убоишися Господа Бога твоего, яко заповѣда ти днесь». И въ Еуангелии отрекшу, яко: «Всякъ възносяйся смирится», и прочее. И пакы: «Прьвый ли кто, да будеть послѣдний, и сего ради будет прьвый». [18] Видите ли, яко съвъзрастъна грьдости падениа?

Вѣсте вси вы, колико тогда възвеличися земля наша и умножа, колико възможе и укрѣпѣ, толика же и такова бывша, внезапу погыбе?! Кийждо столъ великого князя имѣя, и каяждо область — владателя, и всякъ градъ — дрьжателя; богатству яко рѣкама текущу, округъ сѣдящии языци, акы подручницы, мирующе. — И с толицѣмь утврьжениемь, и такова силна бывши, абие паде. Како?! Всяко сице. Град аще и крѣпкыми стѣнами облежа и бранными оружии преисплъненъ, отвнутрь же аще навѣтникы имать, ничтоже пользуетъ. Тако ми и сие великое царство Русии разумѣй: Батыевою рукою плѣняемо тогда, внутрь же преже навѣтуемо, побѣжено бывше само в себѣ завистию, и измождало неправдою, и грьдостию надмено бывше, разсѣдеся. И падше уже и низу лежаще, удобнѣ въ руку взятъ Батые.

Тако бо обыче лютаа сиа злоба учрежати дрьжащихся оней, сими даръми своя любовникы почитати вѣсть. Идѣже бо три сиа злобы дѣтели: аще въ градѣ, аще и въ всей области, ащи и въ самомъ царствии будеть, — запустѣетъ, или плѣнено будеть, или инако како всяко истлѣет. И истина есть сие. Сими бо иногда великъ бывый Вавилонъ оборися. Сими же и Прьсида, нѣкогда славна бывши, испроврьжеся. От сих и Сириа исчезе, грьда бывши. От сихъ и Македониа погыбе, възвышьшиася паче всѣхъ прежде. Сими и великий, вся приемляй Римъ истлѣ.

Сице Иудеа чястѣ плѣняема, послѣди же конечно потребися. Ибо священный ликъ пророческый иудеом видимо о сихъ прорицающе присно, и похыщениа и неправды окающихъ, и выну болѣзноваху о

обидимыхъ, и Богови на ня въпиаху. И яже от зависти и гръдости ражающаяся в них злаа видяще, и гнѣвъ Господень множицею възвѣщаху сих ради грядущь на нь. Но они, завистию яти бывьше и ненавистию на святыя пророкы, иже спасениа ихъ ради посланыя, убиваху, неправду гоняще въ свою братию, съгрѣшати не престашя, тыя же человѣкы равночестныя обидяще и сице выну бѣсящеся; послѣди не усрамишяся и на Владыку Христа руцѣ възложити и убити Благодѣтеля, и своего труда мьзду обьяшя: тлю и погыбель, отчьства изгнание — и по всѣмъ языкомъ доднесь обходять, всюду заблуждающе, ненавидими от всехъ и мрьзци бышя всякому, живущему на земли.

Сиа рукояти зависти, сиа плод неправды, сиа съкровища гръдости, ихъже ради достиже и Русскому царствию плѣнение! Помыслите сиа вся, яже от злобы сиа бываемая, и далече ю от себе послите! Увѣдасте безбожнаго Батыя злое нашествие, положите пред очима своима несътрьпимую ону напасть плѣнениа, и умилитеся.

Принеси, да малым словом тую представим, колика и какова злаа, сътворщяся тогда, помянемь, яко люта напасть постиже Русь. Матере обесчядствовавшяся тогда, и съсци им млечныя источникы уставишя, вмѣсто же тѣхъ слезныа струя от очию низвожахуся, видяща младеница долу повръжены и мягкаа ихъ удеса коньскыми ногами стираема. И сих болѣзнь утробы слово представити не можеть: вѣдять едини, иже искусъ приемшеи.

Чрътожница повлачимы и всюду обводимы. Дѣвы растлѣваемы. Синьглитьскыя жены, иже никогдаже въ руку свою дѣло видѣшя, повелѣвающе преже, нынѣ же повелѣваемы варварьскыми женами, работну игу выю прекланяюще, присѣдящи же жрьновахъ и горньцу предъстоащи, огня възжигающи, съ чрьпаломъ рыщущи, источникы обходящи и воду носящи, трапезѣ предстоащи, и храмину помѣтающи. Гръды иногда, нынѣ же, работою слячены, смиришяся; иже златыми монисты и свиляными одеждами красящеся, рубищи раздранны облечены, боси же и алчьны присно.

Священныа дѣвы нудими и обругаемы. Муж же и жена разлучаемы. Чяда родителю лишаемы. Юношя въ плѣнъ ведомы. Юнныя же и старцы мечи пронизаемы. Храбрыя же и князи оружиемъ падающя. Священникы же въ жрътвеницѣхъ закалаемы. Земля вся Русии очрьвися кровию, рѣкама льющися от тѣлес. Воды смѣшаемы съ кровию. Умиленъ позоръ весь странно видѣти: мужие, яко снопие въ день жатвы, повръжены, тѣлеса раздроблены, смѣсишяся священныхъ муж *и* дѣвиць погребаниа. Но ниже погребание — враномъ же и псом пища паче предлагаема. Въплеве въ градѣх, рыданиа на улицахъ, плачеве в домѣх — повсюду стънание; страхъ на распутиахъ, вся ужасшяся и изнемогша. Ниже бѣгьствомъ свое спасение кто можаше умыслити: истаавше печяльми, яко сѣтию полячены. Всюду — бѣеды, яже ни слово можетъ представити!

Но нѣсть злобы въ градѣ, еяже Господь не сътвори, — пророку сказающу, — отъ всѣхъ печяльныхъ бѣдъ, бывающих въ градѣ. Явѣ же есть видѣти, яко и сию злобу, еже от Батыя, Господь сътвори, грѣх ради

нашихъ. Сего ради молю остатися вамъ злых сихъ: зависти, и грьдости, и неправды, — да не пакы злая сиа пленица лютыя оны напасти, якоже тогда, и нынѣ творимы нами, привлекуть на насъ, и въсплачемся злыхъ, нападъшихь намъ. Ино нынѣ, егда еще можем гнѣвъ Господень утолити, престанем завидѣти, и въ смирении всякъ плодъ правды творяще, умолим дръжаву Господню, святыхъ сихъ добропобѣдныхъ мученикъ Михаила и Феодора въ молитву Владыцѣ предъставляюще памятию ихъ, да милостива того обрящемъ намъ святыхъ сихъ ради страстотрьпець.

Нынѣ бы сладостнѣ въпросилъ васъ: кое приобрѣтѣние завидящему? Кая же похвала грьдому? Кое же ли блаженьство неправду любящему? Разврьземъ им утробу и узрим тысяща напастей внутрь, и многа смущениа, и бурь исплънена.

Что убо завистливый? Хощете ли, истяжем яже о немъ? Не всегда ли ему сердце иставаемо и измаждаваема внутрьняа? Иных честь свою бѣду непщует. И егда радующяся узрить кого тъй, тогда въсплачеть. И наслажающася иного видѣвъ, въ горести и скръби тогда душу свою озлобляетъ, весь печялию плѣненъ, съ всѣм исчезаетъ, от всѣх снѣдается сердцемъ; посупленъ обычяемъ, присно сѣтуя, емуже и кости засышут, и образъ измѣняем, и лице помрачяемо завистною горестию. Когда снѣдь въ здравие ему будеть? Когда ли поспить въ сладость? Како възвеселится когда, страху того душю, яко зѣлнѣй бури, вълънующи? Преже смерти мертвъ есть и прежде вѣчныа мукы присно завистию мучимъ окаанный!

Также и гордѣливый — не всѣмъ ли есть притчя?! Не и дѣтемъ ли игралище бывает? Кто в поношение и въ посмѣхъ всѣм предълежа? Кто на игралищихъ обносим и потязаемъ? И идѣже аще идеши, всюду узриши грьдаго повлачима. Всѣми ненавидимъ есть гордѣливый! И емуже в руцѣ впадеть, не получить от него милости. Никтоже может пощадѣти гордѣливаго. Всякъ бѣжить, якоже звѣря. И якоже трупа смрьдяща зловониемъ, всякъ възгнушается грьдаго. И душю таковаго кто бы внутрь видѣлъ, яко отъ чрьвий изъѣдену скръбьми и тмами от бѣсовъ растрьзану. Егда бо меньша себе видить кого, надымается весь: грътань подобно гробу отврьзает, зловъние испущаа, нелѣпаа глаголеть, рукама, акы изъумленъ, машеть, устнама зиаетъ, акы пожрети хотя меншаго себе, весь сламляется, нозѣ же подсмѣателнѣ движеть. Егда же къ большему себе станеть, разсѣдается весь, чрьнѣася, стыдится, себе проклинаа, родителя злословить, скръбию стирается, умрети паче изволяа, неже жити, и тмами лютаа страдает. Яже внутрь и яже внѣ мрьзокъ Богови! Преже суда судимь есть. Каа сладость или хвала гордѣливому?! От Бога и от человѣкъ ненавидим умиленный!

Что же и неправду любяй, и суда не ищущу права, насиловати же и обидѣти божиа люди свѣрѣпѣющу? Яко бѣшенъ песъ, всѣхъ хапати начнеть: о сем присно поучяется, да чюже похытить; иных имѣниа зря, то печялию снѣдается; въ нощи не уснет мысля, и въ дне домы судий обходит, и яже притяжа, погубляет пакы, и пакы иному отъяти покушается; тысяща на всякъ часъ млъвъ исплъняется, душу темну и зломрачну имѣя, нравъ, яко ядъ кераста, съхраняа. Не на того ли

церкви Божиа присно въпиетъ?! Не к тому ли пророци поемлют, всегда глаголюще: «Богъ отмщениа Господь», — и пакы: «Въздаждь въздааниа грьдым!» — и пакы: «Доколѣ грѣшници въсхвалятся?»[19] И въздасть им Господь въздаяние ихъ, и по лукавьствию погубит ихъ Господь Богъ, ибо обидимии присно въпиют на нихъ къ Господу, звѣря, а не человѣка въ очию имуще. На того — яро око Господне, и тому дом от основаниа испровръзается; аще и не въ днехъ его, но чядомъ окааннаго сугубо озлобление вселится.

Сиа вѣдяще, братие, яко не токмо сиа страдати есть злаа от зависти, и грьдости, и неправды, но и множае сихъ: и плѣнениа, и запустѣниа царством, и крови пролитиа, и церквамъ разорение. Ибо Господь Бог и здѣ сими казнить нас, да великое оно зло душь нашихъ истрясет, грѣхы глаголю. Аще же не покаряемся Господеви своему и злых не отступаем, не токмо здѣ казнит, но и вѣчнѣй муцѣ предаеть. Творящеи же волю Господню и здѣ и тамо наслажаются.

Ибо и тогда въ искусѣ мукъ быхомъ сих ради зълъ горкымъ мучителемъ, аще и сии доблествоваша мученици. Въ вѣрѣ бо благочестиа подвигъ бысть, а не плотскыа въиньства. Но силна Богови на разрушение тврьдем зловѣрьства! Низлагающе въземлющееся Батыево възвышение повелѣниа, оплѣняюще всяко разумѣние прелщьшихся въ послушание Христово обращение покаяниа, мужьствовавше свѣтло великодушьнии и великомудрии, непобѣдимии страстотрьпци, великых рачителе, большихъ сподобльшии. Велико бо есть възжелѣти положити душа своя за братию; велие же есть и высоко, еже достойном быти законно пострадати и сподобитися исповѣдати пред мучители Христа Исуса, Господа нашего и Бога, и умрети благочестнѣ: съцарствовати бо есть сихъ ради Царю вѣком, нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу.

Но о мучеником изряднии! Вы же насъ свыше назирайте! Аще бо страдати изволисте церкви ради и за люди отечьства вашего тогда, много паче нынѣ заступайте церковь и отечьство свое от враговъ навѣта! Яко дрьзновение къ Богу имуще, удобно же и нетрудно вамъ насъ, своя люди, заступати нынѣ паче, или егда страдасте. Тѣмъже необориму и благостоянну иже в Руси съборную и апостольскую церковь съблюдайте, и хотящая искушениа на насъ быти, грѣхъ ради наших, своимъ предъстательствомъ преводити, руководьствующе же на неблазненый вѣчнаго живота блаженный путь Господнихъ повелѣний, избавляюще нас строптиваго, трьновнаго, грѣховнаго пути, — яко да вами руководствуеми, потщимся очистити от зависти очеса наша, смиренными и мирными ведущеся. Грьдость же и неправду, душевныа навѣтникы, цѣлостию умною убивше, правдою душа наша украсимъ и, всяцѣми добродѣтельми цвѣтуще, любовнѣ, въ тихости щедротами нищих умащающеся, ходяще усрьдно въ заповѣдехъ Господнихъ, творяще правду въ страсѣ Божии, — да тако пребывающе, сущихъ здѣ золъ премѣнимся и, будущихъ бесконечныхъ мукъ избавльшеся, — уготованных праведникомъ вѣчных благъ и мы получимъ и Царствиа Небеснаго насладимся, благодатию и человѣколюбиемъ Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Имъ же и с Нимъ же Богу и Отцу

купно съ Святым Благымъ и Животворящим Духомъ, слава и дръжава, честь и покланяние нынѣ и присно и въ вѣкы вѣком, аминь.

---

[1] *Филолога Чръноризца* — Лев Филолог (Черноризец). Встречающееся двойное имя сербского писателя-монаха XVI в. (Аникита — Лев Филолог) — результат сохранения при имени писателя уничижительного греческого эпитета «Аники» (в переводе — слабый, ничтожный), который обычно сами к себе применяли агиографы.

[2] *...Слово похвальное... о святыхь великомученику иже отъ Чрьнигова славную Михаилѣ великом князѣ, и Феодорѣ-синглитици.* — Описываемое событие произошло в 1246 г. в Орде, куда во времена монголо-татарского ига русские князья должны были ездить к хану для получения ярлыков на княжение. Князь Михаил Всеволодович (80—90-е гг. XII в.—1246 г.), сын Всеволода Святославича Чермного, княжил в Чернигове с 1224 по 1234 г. Во время нашествия Батыя бежал в Венгрию, вернувшись откуда, отправился в Орду, где был убит. Феодор-синклитик — черниговский боярин, советник князя Михаила. Следуя возвышенно-риторическому стилю, Лев Филолог сравнивает его с римским сенатором.

[3] *...яко Садома убо быхомъ были и яко Гомора уподобилися быхомъ.* — Согласно Библии, Содом и Гоморра — города, испепеленные за грехи их жителей.

[4] *...«мужъ безуменъ пасет вѣтры...* — Ср. Ос. 12, 1.

[5] *...от Бога въ земли нашей благодѣяниа при... Владимирѣ, иже и Василии, велицѣмъ князѣ...* — Имеется в виду крещение Руси в 988 г. при киевском великом князе Владимире I Святославиче, вторым именем которого («во святом крещении») было — Василий.

[6] *...самобрату и мученику святого Романа и Давида, еже Борисъ и Глѣбъ еста...* — Борис и Глеб, сыновья киевского князя Владимира I Святославича, были убиты их старшим братом Святополком, а после поражения Святополка в борьбе за киевский престол (в 1019 г.) были причислены к лику русских святых.

[7] *...«Господь грърдным противится»...* — Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5.

[8] *...«весь гнѣвъ Господень на всяку неправду»...* — Ср. Рим. 1, 18.

[9] *Сице преже отъ Киева начальство на Владимирь преведе... даже и до Ростова...* — Имеется в виду неоднократное перенесение места чинопоставления на великокняжеский престол.

[10] *«Верви бо триплѣтенны не скоро претръгнуться»...* — Еккл. 4, 12.

[11] *...оному мучительству, иже при Ираклии варваровъ иногда.* — В рукописи ошибочно написано — Раклии. Можно лишь предполагать, что автор имел в виду либо мучения первых христиан при царе Ираклии, либо — разорение в 1351 г. «варварами»-генуэзцами византийского города Гераклеи Фракийской («Запленение Ираклии») во время генуэзско-венецианской войны 1350—1352 гг.

[12] *...Михаила князя... угры спасаху...* — Имеется в виду пребывание Михаила в Венгрии.

[13] *...безбожному кагану...* — Хану.

[14] *...паче нежели Рахили чяда, о нихъ же рыдая, утѣшитися не хотяше...* — По Библии, Рахиль, жена Якова, мать Иосифа и Вениамина. Образ Рахили, безутешно плачущей над всеми детьми Израиля, погибшими при разделе земли Ханаанской, навеян апокрифическими сказаниями.

[15] *...инъ халаньскый идолослужениа възвысившийся стълпъ сътрясъся, низъвръжеся.* — Проводится сопоставление с легендарным вавилонским столпотворением и крушением Вавилонской башни.

[16] *...великий князь ростовский... Борис... и оттлѣ боговенчанный царь нарицашеся въ Росийскомъ царствии.* — Ростовский великий князь Борис включается в легендарную генеалогию великих русских князей и царей, возводившую их происхождение от византийского императора Константина Мономаха и римского императора Августа.

[17] *...«славящих Его прославляя Господь».* — Ср. 1 Цар. 2, 30.

[18] *«Горе приближающим село... Мѣрило льстиво... Убоишиси Господа... и сего ради будет прьвый».* — Ср. Притч 11, 1; Ис. 5, 8; Вт. 5, 21; 6, 13, 17; Мр. 9, 31; Мф. 19, 30; Лк. 13, 30; Лк. 14, 11.

[19] *«Богъ отмщениа Господь... Въздащдь въздаания... грѣшницы въсхвалят*ся?» — Ср. Пс. 93, 1; Пс. 27, 4; 2 Цр 3, 39; Пс. 93, 3.

ПЕРЕВОД

20 СЕНТЯБРЯ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ФИЛОЛОГА ЧЕРНОРИЗЦА О СВЯТЫХ ВЕЛИКОМУЧЕНИКАХ ЧЕРНИГОВСКИХ, СЛАВНОМ МИХАИЛЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ И ФЕОДОРЕ ЕГО СОВЕТНИКЕ

Достойное воистину и прекрасное ваше собрание — причина наилучших повествований о превосходных подвигах двух пречестных новых страдальцев. Тем самым вы пресветлое добро доставили друг другу, собравшись здесь. Этим вы и нам показали свойственную вашим душам немалую волю к добру, за что и удостоились ныне послушать о вещах чудных, поистине достойных внимания.

Пред нами предстает, к слову побуждая, пресветлый князь Михаил, известный как Черниговский, ныне уже в царских владениях пребывающий, — я имею в виду вечно сущее царство Господа господ и Царя царей Христа Иисуса Бога нашего, — светлыми венцами украшаясь, став вместе с добропобедным Феодором выдающимся победителем дьявола, храбрым поборником святой кафолической апостольской церкви.

Если кто-нибудь упрекнет нас в сгущении таинственности, мы напомним пророческие изречения, ныне некоторым образом своевременные. Какая же это загадка? «Послан, — говорю, — был тогда людям божиим великий князь Михаил на помощь». Точно как некогда иудеям, так и ныне нам этот Михаил с Феодором Богом как помощники были даны. Потому что когда умалились мы на земле хуже всех народов, и погибали, и в отчаянии уже были, видя величину зол, тогда послан был нам от Бога на помощь великий князь Михаил. Скажу то пророческое изречение: «Если бы Господь Саваоф не оставил нам этого семени, как Содом ведь мы были бы и Гоморре уподобились бы». Ибо побиты и пленены все мы были, и города наши были одолены, и села опустошены безбожными варварами. И ведь на этом одном не остановились дикие звери, но и благочестие наше, поклонение пресущественной и единосущной Пресвятой Троице попытались безумные обратить в свое злочестивое поклонение огню. Ибо «муж безумный пасет ветры, а неосмысленный поучается суетному». И уже беды от нечестивых постигали благочестие. Словно лютый мрак власть безбожных покрыла Русь. Страх как тьма объял всех князей наших, пленением порабощенных.

Тогда малая оставшаяся, в пепле, так сказать, погребенная искра благочестия, великий князь черниговский Михаил разжег великий огонь дерзновенной веры, нас просвещая, противников же испепеляя. Правильно его называем «Черниговским», ибо, отвергая злочестивые повеления, он очернял бесстыдные татарские лица, а в них и с ними — и самого дьявола с его демонами. Для нас же он был пресветлой зарей благочестия, а ныне свыше светлейшим светилом в Руси воссиял.

Если бы я все стал рассказывать вам, долгой была бы беседа, и многую скорбь испытали бы ваши души от воспоминания плачевных историй, в древности бывших. Однако же я замечаю, что в нас и ныне действуют те же причины, что и тогда породили плач и скорбь от той нестерпимой беды. Поведаю, хоть и не очень пространно, однако же и не все пропуская. Кратким словом, ясно, обращаясь к вашей любви, изложу: надеюсь принести пользу, не говоря уж о превосходнейшем результате — изменении нравов к лучшему.

О сыновья русские, вы не можете не знать о первых благодеяниях, полученных нами в вашей земле от Бога при светлейшем Владимире, он же и Василий, великом князе, муже апостольском и отце нашем по духу: я говорю о божественной благодати, которой вся великая Русская земля возведена была к разумению Бога, просветившему прежде ее главу, великого князя, излив которое, он спас свои земли, этот великий Владимир, он же Василий. За то Господь Бог благословениями увенчал

и почтил его чад множеством, а из них вышли великие князья и властители, наместники и градодержцы по праву рода, как отечеством владычествуя Русью.

Не буду здесь говорить о тех чудных светилах, родных братьях и святых мучениках Романе и Давиде, они же Борис и Глеб: ведь они здешнюю державу заменили непреходящей, став еще в юном возрасте словесными овцами прекроткого пастыря Христа, избранным началом русского подношения плодов Господу.

Многие годы Господь Бог заботился о семени своего преподобного Василия и сажал на его престол сынов его сыновей по преемству рода. Когда же умножились у князей сыновья, умножились и области, с ними умножилась у них и зависть, а одновременно возросло их самомнение, с самомнением же и гордость. Пришло и богатств изобилие в сокровищницы их, а с богатством явилась и неправда. И так они величались, путей Господних как подобало бы не придерживаясь, — еще иудеям пророк некогда о таковых прорицал, — пока не утвердилось у них триплетенное оное зло.

Знаю, что вы порицаете и презираете нас за неискусность в слове: начали мы об одном, а в середине вставили вдруг другое. Потерпите еще и послушайте, молю вас! Если правильно понимаете, лишнего теперь не скажу: как обещал я выше историю изложить, это и сделаю, истину излагая.

Отчего святым этим пришлось мучиться и быть поборниками церкви, и почему многие венцы заслужили они своей гибелью? За нее ведь в светлость они облачились. Если и это миную и о напасти той, что Русь вынесла от Батыя, умолчу, то и о церкви ясно сказать не смогу. А как вы тогда светлость мучеников осознаете? Так что необходимо мне вкратце разъяснить, сказав о нестерпимых тех напастях, откуда и из-за чего они произошли и как охватили всю землю и церковь. Потому и молю я вас всему, что ныне говорю, внимать терпеливо.

По какой же причине, спросит кто-нибудь, страшное то выстрадали мы тогда? Неужто от Батыева насилия? Ни в коем случае! Три злейших внутренних недуга предали нас: зависть, гордость и неправда. Ведь оттуда, где появляется это дурное сочетание, благость Живоначальной Троицы отступает. Ибо поскольку Божество — благо, постольку от держащихся этого лукавого сонмища свою милость оно отнимает. Ведь «Господь гордым противится», и по причине зависти денница стал тьмой, и «весь гнев Господен <направлен> на всякую неправду» по Божественному Писанию. Испытано же, что любящих их Божья благодать оставляет, оставленные же хранителя не имеют, а что не охраняется, готово всем на расхищение.

И понемногу, как я сказал, утвердилось это зло в Русской земле, особенно среди власть имущих, владычествуя непотребным образом. И разодрало это лютое владычество царство, и разделило его на многие части; затем, мало-помалу распространяясь, зло предало своих подручников иноплеменникам. Перенесли же мы все это потому, что

Бог освобождал нас такими казнями от лютого мучительства тех злых владык: зависти, имею в виду, неправды и гордости.

Посмотрите же здесь на милость и благоутробие человеколюбца Господа нашего Бога! Как преисполнена милости всякая его казнь, наводимая им на нас по его милости, а не по нашим грехам. Не для того он казнит, чтобы казнить, но чтобы от зла отвратить нас к добру, для этого казнит. И не чтобы мучить, казнит, но чтобы от муки освободить. Так, ни землю он вдруг не ниспроверг, ни землетрясение не послал, да и варвара не вдруг навел. Ведь сначала он только, словно пальцем, переменой порядка указал на прегрешения, в надежде, что от этого мы исправимся. И после одного раза не остановился, но и вторично, и в третий раз переменил у них престолоначалие, чтобы распознали они прегрешение и покаялись. И не переставал указывать, пока не обнаружилось, что неизменен порочный нрав.

Так, сначала он перевел престолоначалие из Киева во Владимир, потом и на Суздаль сменил. А поскольку не отвратились от зла, и еще иным престолоначалие отдал. А как и от этого лучше не стали, переводил начальственнейшее среди владычеств княжение иной раз сюда, иной раз туда, и так — до Ростова. И после всего того никак не захотели отступить от зла. «Веревка триплетеная не скоро порвется», — хорошо сказал один мудрец. Так и эти три страсти: зависть, гордость и неправду — не скоро кто-либо оторвет от мягких и ленивых душ. Так что пришлось Богу и более крепкие страдания попустить на них.

Так ведь и у врачей принято: когда они не могут победить болезнь с помощью лекарств и повязок, они применяют вырезания и прижигания, чтобы доставить пользу больному. И Господь подобным образом, лишь обретя нас после всего того неисцеленными, повел тогда запустению плена быть, наводя мучительнейшего варвара, со многою злобою все ниспровергающего, как некий лютый зверь, все поедающий, остатки же когтями разрывающий.

Так тогда, безудержно буйствуя и свирепствуя, Батый пленял Русь, что уподобилась лютость его варварскому мучительству при Ираклии. Иных Храбрых русов меч пожрал, другие обратились в бегство. Держатели же скипетров одни от оружия пали, другие как странники в королевстве гостили и не могли оказать никакой помощи. Пресветлого же князя Михаила, некогда в Киеве на преславном столе восседавшего, венгры от сыроядца-зверя спасли. Города уничтожая, а горожан одних беря в плен, а других полагая пищей оружия, добычу захватив, обретя княжеские сокровища, великое мучение враг причинил всему русскому народу.

Прошел же он даже до пределов Великого Новгорода. Войти же туда, многие говорят, Божественная сила ему возбранила, ибо чист был тогда Новгород от этого зла, потому что не было в нем зависти, неправды и гордости. Больше всего ценя в себе равенство, и нравом люди в нем были довольно просты, гордиться не очень-то хорошо умея. Особенно церковных мужей сильно почитали и, очень стыдясь учителей, весьма послушливыми к поучениям были. Архиерея же, поистине как овцы

пастуха или как Христа, почитали, потому и не попустил Бог сыроядцу оному повредить им или причинить зло, но, приблизившись к их пределам, враг вдруг, устыдившись, повернул вспять, — потому что Божественная сила остановила его.

Возвращаясь же к себе, безбожный каган приказал, чтобы великие князья и поместные владыки, градоначальники и наместники, желающие вернуть себе свои владения и области, приходили в Орду и каждый получал свой удел из рук кагана, чтобы сидел на своем месте, покоряясь и рабствуя варварам.

По уходе этого безбожного варвара великие князья и поместные владыки, градоначальники и наместники возвращались из своих бегов восвояси. Узнавая же о приказе мучителя, что надо приходить в Орду и там власть получать, все они, вовсе не обретя, таким образом, ни покоя, ни послабления, устремились в Орду к кагану.

Вот и Чернигов вновь получил светлого великого князя Михаила от венгров. В Орду пойти тот тогда не захотел, но сидел на своем столе самовластно, рассматривая дела управления и ожидая, что получат князья от Батыя.

Мерзкий же Батый учредил волхвов, чтобы те вводили к нему русских князей. А то, как вводить, он, злохитрый, очень лукаво придумал: каждый из русских князей являлся пред его лицом не прежде, чем проходил сквозь огонь, бросал в него что-нибудь и кланялся кусту и огню.

О преокаянное коварное соплетение: зависть, гордость и неправда, — мать зол! Не только пленниками и рабами у безбожных владык и пищей оружия сделало ты любящих тебя, но и от Бога отвести их и вечной жизни лишить покушаешься злочестивым поклонением! Мерзких матерей гнуснейшее порождение, как ты смеешь поедать нашу крепость! Ведь князья наши, телом плененные, оказались затем пленены и душой, последовав за волхвами сквозь огонь. Увы, благочестием куст почтили! К кагану безбожному входили, просимое ими получали! Какова злая дьяволова хитрость! Каков замысел лукавого! Ведь сделав отступниками князей, и на церковь он мог легко покуситься, а затем и христианское имя на Руси стереть. И, видя замысел свой на деле сбывающимся, радовался лукавый. Однако безумный безумно стремится к тщетному: у Церкви жених — Христос, и тот соблюл свою невесту чистой и необоримой. Словно заветную стрелу в колчане, он имел крепкого великого князя Михаила, и, выстрелив ею, врага он умертвил, и тщетным замысел его показал.

Услышано было по всей Русской земле, что сделал скверный Батый с русскими князьями. Дошел этот слух и до великого князя Михаила. Услышав об этом, тот, как и подобает, заболел душой и был весь снедаем печалью, помышляя о великом бесчестии святой соборной и апостольской церкви и усматривая большой вред христианской православной вере в покорности злочестивому повелению безбожника, как оно и есть. Думал же он о том, что, отсюда начав, и всю церковь

враг поколеблет, понемногу к большему злу переходя, поскольку не окажется никого, препятствующего и изгоняющего его злые козни. И, об этом помышляя, рассудительный этот князь весь слезами обливался, душу свою печалью и скорбью по братьям ранил, зная, какой ущерб предстоит им претерпеть от Христа Бога, Господа нашего.

Не терпя же, чтобы долго эта злая весть распространялась, а братья по мягкости своих душ погибали, доставляя супостатам смех, а врагам радость, итак, вооружив душу мужеством, присудил он себе, предоброму, у венгров больше не показываться, и не только на престоле черниговском восседать: счел своевременным явить доблесть Христова воина и побороться за Божию церковь; мучителя же, безумное безбожное повеление обличив, низложить.

Не готовился он натягивать лук, обагрять меч варварской кровью, пронзать тела их копьями, но замышлял великий князь Михаил показать большую, чем эта, и гораздо более высокую храбрость — поразить самого того дьявола, отсечь голову невидимому змею, остановить злочестивое повеление и спасти прочих, еще непричастных вреду, плененных же душой вернуть к благочестию, совершить высший подвиг — положить душу свою за Божьих людей и умереть за благочестие.

Нашел он и сообщника своим помыслам о таковом храбром подвиге в поистине достойном своего сана мудром Феодоре. Сенатором был этот блаженный великодушный и многоразумный муж, крепкосердечный мыслью, ревнитель правды и веры, как никто другой имел общее намерение с чудным своим князем пострадать за отеческие законы, во время великой купли и многих приобретений не понести убытка. Мудрый Феодор, по справедливости имевший преимущество в сенате, стремясь к таковому безмерному богатству, за преходящее купил вечносущее.

Договорившись о блаженном этом намерении, пришли храбрецы в молитвенный храм к священнику Божию, бывшему тогда в Чернигове, Иоанну, за молитвой и благословением. Облекшись тут Божьим всеоружием, со щитом веры святой соборной и апостольской церкви, за которую они шли бороться, и ее жениха, Христа Бога, Господа нашего, на помощь призвав, приобщившись его Пречистой Плоти и Животворящей Крови, два предоблестственных воина так были пущены иереем Иоанном сражаться и низложить вражье ополчение на Святую сущую в Руси церковь Христову. Как лев на оленя или как ястреб на воробьев, а лучше сказать, как многие воды, потопляя злочестивое повеление, устремилась тогда светлая двоица: великий князь Михаил и сенатор Феодор. Тогда и церковь, послав эти благие стрелы пронзить противника, переставала сетовать и начинала процветать радостными надеждами. Ибо прежде, очень жалея о своих чадах, в сетовании пребывала, что нет их, — хуже, чем чад Рахили, о которых она, «рыдая утешиться не хотела», по пророку. Теперь же можно было жалость сменить на веселие, ибо на более, чем адамант, твердом камне создал Христос свою церковь, и врата адовы не одолеют ее никогда. И что

непобежденной она будет, он ясно сказал, а победы добываются в сражениях.

Когда же явилась в Орду эта чудная двоица, сразу же прекратилось безумное злочестивое повеление. Тут же уязвлен был супостат и устоять уже не надеялся, изрядного победителя видя. Перестал тогда и огонь принимать сквозь него проходящих, как всеядными устами жадно пожиравший души христианских князей: уморили они врага, пожиравшего их огнем и старавшегося разучить рабов поклоняться владыке. Пронзен был гордящийся дьявол и упразднен поучавший суетному, когда победоносные церковные ратники только еще сиять начинали.

Уведал и каган Батый, что русским князьям подобало как христианам! Узнал русского владыку, приличествующим сану образом поступающего! Узнал, стало быть, и какими христианскими князьями ему повелевать! Этому научил его доблестный великий князь Михаил, бесстыдное его лицо посрамив, с ним же и самого дьявола поругав, потому что повеление Батыево было попрано светлым князем Михаилом и его злочестивые уставления ни во что обратились. Ведь не то что сквозь огонь не прошел — даже и взглядом его он не удостоил, а о том, чтобы поклониться кусту и солнцу, — даже краем уха слышать об этом не захотел. Ответствовал он волхвам, провожавшим входящих к кагану, так: «Нет у христиан, в отличие от варваров, обычая когда-либо созерцать волхвования: с чистотою мудрость иметь Избавитель повелел христианам. А поклоняться кусту и огню смешно, для истинных богопочитателей это безумие, понимающих, что кому поистине надлежит поклонение, тому и следует его воздавать. Кто же настолько бессмыслен окажется, что воздаст бесчестному честь?! Царей же должно почитать, потому что они образ Божий носят».

Задумался Батый, выслушав это, руку на уста полагая; понял свое поражение, устыдился, окаянный: ведь безумство его умышления все распознали благодаря обличению мудрейшего князя Михаила. Тогда лаской и лестью к доброму уму подойти он попытался: не найдет ли как-то безумству своему какое-нибудь прикрытие, по совету, который дьявол давал кагану. И ведь тем большим поражение его оказалось! Но таково уж зло, что у него самое себя губить в обычае. Подвижнику же большее сияние добавляется.

Приказал тогда Батый послать некоторых из предстоящих ему сановников попытаться лаской мужа привлечь к воле своей; если же нет, то и кары применить. Посланные делают это явственным Михаилу, и что «царю повиноваться следует», — говорят.

«Поклониться и воздать честь царю, который царство ниспроверг на Руси, и возможно для меня, да это и подобает, а послушаться злочестного повеления — это мерзость! Так что да будет известно царю Батыю, что я христианин и от варварской службы как от богомерзкой отказываюсь. Я знаю, что надо истинного Бога чтить и тому одному поклоняться. Православную службу любя, я никак не привык боготворить сотворенное Богом, особенно же то, что нам служить

предназначено, каково и солнце, которому вы поклоняетесь. Большое для Божества оскорбление — таковое боготворить и божественной службой почитать тварь паче Творца. Я же поклоняюсь Пребожественной Троице. А Батый что хочет, то пусть и творит».

Когда святой произнес эту речь, новый халанский возвысившийся столп идолослужения, сотрясшись, низвергся. Эта речь святого как копье пронзила утробу врага, и варварово безумное покушение на христианских князей остановилось. Самое святую церковь утвердил победоносца Михаила голос. Стало быть, двойную победу церковный воин над мучителем одержал: не преклонился ведь он ни от страха, ни от ласкательства, но утвердился.

Крепкие сети дьявол святому сплести спешил: не только мучителя он разъярил и с этой стороны бурю поднял, но и со стороны единоплеменников злейшее смущение причинил, хуже, чем от врагов. Ибо не только посланные от кагана досаждали святому, чтобы послушался он злочестия, но и многие русские князья, обступив его, ласково умоляли его не предавать себя смерти, напоминая ему красоту мира сего, прелесть богатства, славу власти и сладость жизни.

К тем ласкателям и великий князь ростовский Борис принадлежал. Уже к нему перешло владычество в главном из великих княжений. Ибо происходил он от чресел Андрея, великого князя ростовского, весьма благочестивого и царской диадемой на Руси увенчанного, подобно прародителю его, великому князю Владимиру Мономаху, который от греческого царя Константина Мономаха диадему, а также венец, крест из животворящего древа, царское оплечье, сердоликовую чашу, из которой некогда пил, веселясь, римский кесарь Август, золотую цепь из аравийского золота и иные многие царские почести в дарах получил по причине своего мужества и благочестия. Не скажи, что случайны такие дары и идут от людей, нет — по Божьим неизреченным судьбам, обращающим и переводящим славу Греческого царства на российского царя. Тогда же и венчан он был в Киеве тем царским венцом во святой великой соборной и апостольской церкви Премудрости Божьего Слова святейшим Неофитом, митрополитом эфесским и прочими святителями, и с тех пор назывался боговенчанным царем Российского царства. Так же и тот благочестивый великий князь Андрей стяжал своей храбростью царское имя. Был же он дружен с греческим царем Мануилом. Однажды случилось им в один день выйти на брань: одному из Царьграда — на сарацин, а другому из Ростова — против болгар. И оба большую победу одержали и празднество светлое установили в честь Господа нашего Иисуса Христа — Происхождения Честнаго Креста, месяца августа в 1-й день.

Борис же не сумел по стопам отца своего ходить, оттого душу себе властью повредил, да и светлому Михаилу советовал нехорошо. Доблестный же страдалец дьяволовы сети, что уста несмысленных друзей ему соплетали, как паутину, расторгал, предпочитая смерти жизнь во Христе, тленной красоте — красоту Небесного Царства, гибнущему богатству — нетленные сокровища, славе увядающей — славу божественную, сладости жизни — наслаждение жизнью

бессмертной, предпочитая настоящему все неподвижное, прельстившихся к осознанию согрешений приводя, а льстецам молчанием уста заграждая. Также и чудный сенатор Феодор евангельские слова вспоминал, мудро беседуя с несмысленными князьями, давая почувствовать им прегрешения, Михаила же от силы в силу возводя. Был же он исполнен Духа, ибо «ратника — по святому слову — Дух вооружает».

Итак, великий Михаил, на супостатов поднимаясь, порицая безумствующих единоплеменных князей, из страха предающих в пользу лжи истину благочестия, сам ни в какую сторону не склоняясь, незыблемым в благочестии стоял. За это мучителем мученику было повелено простереться для биения. А прежде пояс сановника был у него отнят, причем он, упредив их, бросил его в лицо любящим привременный обман, этим показывая свою храбрость и свободу души, происходящую от господства помысла благочестивого.

Когда же обнажен и на земле растянут был страстотерпец и многие раны телом принимал, кровь, струями изливаясь, землю обагряла. Однако со светлым лицом Михайло смотрел на происходящее с ним, как в чужом теле страдания претерпевал и, подвигом подвиг венчая, радостные благодарения Владыке и Господу воссылал. Так великий князь Михаил, мученическими достоинствами светясь, за трех побед достижение был венчаем. Уже подобает Христову воину, трижды храброму, к Подвигоположнику своему явиться и от него почестью и платой за труды свои насладиться. Как же он взойдет? Со славой взойдет, не только совершенным победителем являясь, но и дары принося Подвигоположнику и Владыке своему.

И не будучи размягчаем ранами, страстотерпец явственно восклицал: «Да не будет никогда муж-христианин сквозь огонь волхвования проходить, и да не будет тот, на ком наречено имя истинного Бога, поклоняться кусту, а также поклоняющийся единому воспеваемому естеству Троицы почитать это видимое солнце!» И хотя мучители неослабно святому плоть разрушали и кровь лилась, тот не ослабел, не стал хуже. Каган же, узнав о всей доблести святого, больше не мог терпеть, свирепый, мужества святого, на смерть осудил мученика, поистине к вечной жизни препровождая его.

Достигли места скоропослушные на зло слуги, и еще мученик восклицал: «Христианин я!», — когда вдруг среди этой речи один из законопреступников отрезал ножом честную голову святого. Так Иудиной части наследник одержавшего победу сонаследника Христова преславно в славу послал.

Так взошел к Подвигоположнику своему, Владыке Христу, божественный раб Михаил, черниговский великий князь, предстал, мученическими блистая заслугами, красуясь своей кровью, которой имени Его ради обагрился, поты трудов принося, лучше смирны, ливана и золота. Ибо веру, которую соблюл он, словно золото очищенное Господу он поднес, страдания же и смерть по любви к единоверным — как ливан, а как смирну — то, что не покорился злочестивому

повелению, не предал благочестия, не был взят ласкательством, оказался выше страха, доблестно вытерпел муки, предал себя ради спасения христиан и умер за благочестие церкви Христовой, для которой и весь подвиг предпринял с целью обратить вспять устремление Батыево против церкви и чад ее. Этих трудов поты лучше всяких подношений Господу принося, мзду великую и венцы нетленные получил за них от Христа Бога.

Если бы этот пресветлый мученик не выступил против злочестивого повеления безумного мучителя христианским князьям и не отразил бы его, не перестал бы безбожный постоянно так повелевать князьям, и иное еще что-нибудь, более лютое в проявлении, захотел бы прибавить, и на всю русскую церковь дьявол заставил бы его вооружиться, видя, что князья легко становятся послушными злочестию. После же доблестной храбрости Христова воина, пресветлого великого князя Михаила, были отражены его покушения, посрамлен был безумное повелевающий, — и безбожный Батый отменил злочестивое повеление, какое он произнес христианским князьям, ибо отчаялся он впредь послушания от кого-нибудь добиться, получив достаточный искус в сражении с твердым адамантом.

Одного только Феодора-сенатора решил еще испытать, не получит ли еще какую-нибудь надежду своему зломудрию — привлечь его к своей воле, если Феодор страданий князя своего устрашится, а может быть, и пожелает его сана и власти в Черниговской области. Если же нет и если, так же мудрствуя, непреклонен будет Феодор, то, тем же мукам его подвергнув, приказал умертвить. Впредь же решил больше такого не повелевать, но совершенно от этого тогда отказаться.

Ради этого-то испытания, доблестному Феодору предстоящего, он и обещал святому Михаилу на благом том совете так же те же венцы воспринять, сообща пострадав, чтобы по справедливости теми же почестями насладиться за предпринятый труд подвига.

А мучитель уже и решение произнес о доблестном сенаторе Феодоре: «Если выполнит волю кагана и, последовав за волхвами, поклонится кусту и огню, пусть предо мной предстанет Феодор, — говорил мучитель, — и нашей честью пусть насладится, став наследником своего господина, и его властью будет почтен, и как князь венчан будет нашей десницей. Если же он отнесется с презрением к нашему повелению и пренебрежет нашими благими дарами, от нашей милости да отпадет: сначала пусть будет подвергнут тем же мучениям, что и великий князь Михаил, а потом пусть будет предан смерти».

Объявили это великому Феодору и ожидали посланные, что он им на это ответит. Он же со спокойной душой ясным голосом возгласил: «Пусть знает каган, что Феодор, советник господина своего, князя Михаила, очень желает быть наследником его славы, — только не в Орде и не в Чернигове, рабствуя Батыю, но выше земли, в самих небесах, чтобы там со славой предстоять Царю царей и Господу господ, Иисусу Христу, Владыке всех, вместе со своим князем Михаилом, где тот ныне и есть. А чтобы за волхвами последовать сквозь огонь и кусту и солнцу

поклониться, так этого да не будет ни со мною, ни со всяким другим христианином, истинным богопочитателем, однажды то оплевавшим. Преходящую же, вернее снящуюся, славу и честь пусть кому хочет отдаст. Большое бесчестие, ведая о вечной славе и чести, о мимотекущей мечтать! Я христианин и поклоняюсь Пресвятой Единосущной Троице! Что хотите делайте!»

Услышав эту священную речь великого Феодора, скверные татары взбесились от гнева, как звери, яростно устремились на него. И, схватив его, скверными своими руками били святого, немилостиво его мучили, плоть ему сокрушив, землю под ним кровью напоили, а затем наконец голову ему отсекли. Так и доблестного Феодора путь завершился: следом за своим князем великим Михаилом взошел он ко Христу и той же славы, что и хотел, наследником стал, изрядным победителем дьявола явившись.

Тогда же суровая варварская рука, по приказу мучителя, бросила святых добропобедных мучеников в пустом месте, «чтобы, — сказал он, — звери и птицы съели их». Но священные тела святых мучеников долго невредимыми пребывали. И каждой ночью столпы света над ними сияли, всеми видимые, оттого что Бог таким образом показывал неотступную от священных тел хранительную силу и действие своей благодати. Ибо «славящих Его прославляет Господь». А тех, кого руки скверных дурным образом повергли, со временем благочестивых людей руки, омыв должным образом, под землею сокрыли.

Вот подвиги непобедимых страстотерпцев Христовых. Таковы победы великого Царя доблестных воинов, храбрых ратоборцев со злым мучителем за Церковь, невесту Христову, похвально боровшихся и как победители увенчавшихся! История о святых этих крепких страдальцах, великом князе Михаиле и Феодоре-сенаторе, так и завершилась, как рассказано. <...>

От крови этих святых поклонение огню угасло! От их страданий ордынские службы исчезли! Их смерть — великое утверждение благочестия! Вот какие похвалы эти мученики стяжали подвигами за благочестие, скольких пресветлых венцов трижды храбрые сподобились от Подвигоположника тем, что души свои за друзей своих положили и умерли ради церкви Христовой поклонниками Троицы! Если попросят у нас сегодня хвалений, какие же хвалы мы им принесем, таких похвал сподобившимся? Только чтобы почтить память мучеников, принялись мы за слово, и чтобы наши души воспоминанием о них просветить, и не явиться с пустыми руками в день памяти перед ними.

Принесите же и вы все что-нибудь в память о мучениках, почтите и вы торжество, кто как может! Какими же почестями? Я говорю не об украшении венками преддверий, облачении в мягкие одежды, многотучных трапезах и излитии винных угощений, составлении гнусных хороводов, которые обычно порабощают свободные души, размягчая их и разлагая, делая легко сползающими ко злу, от добродетели же отвращающимися и ленью объятыми, но о таких почестях, какие святым угодны и христианам приличествуют.

Каково же то, что может душу удобрить? К такому принадлежат: хранение ока чистым от злой ко всем зависти; оставление гордости; почитание друга более чем себя достойным чести; уничтожение неправды, как ядовитой змеи; взыскание суда и изымание обидимого из руки обидчика; заступничество за вдов и сирот, — да будет правда ваша обильной и светлою добродетель. Знаю я, что мученики именно это больше всего любят и с большей, чем всякие иные дары, радостью принимают.

И знаю, знаю, что ничто другое им настолько не ненавистно и не мерзко, как зависть, гордость и неправда! Кто привел сюда безбожного Батыя? Не эта ли триплетенная цель зла? — Она ведь повлекла это лютое пленение! Когда я это вспоминаю, слезы у меня начинают литься, поверьте мне, ибо поистине достойно плача и стенания! И не только то, что мы это претерпели, но и более лютое зло, — что и саму голову снять у нас захотели: я имею в виду жизнь вечную, веру во Христа.

Увы! Неужто погибли бы все мы и безбожными в мире были, если бы, ревнуя о благочестии, не воздвиг нам Господь Бог наш священную двоицу, Михаила и Феодора, и не низложил ими гордыню мучителя, и мы, от злочестивого повеления избавившись, от безбожия не освободились?

Вы мне скажете: «Не начал ли ты вновь речь о том же и когда ее окончишь?» — Знаю, что, желая прослыть у вас малословцем, не могу я говорить иначе и не умею коротко завершать. Но многократно то же я повторяю и говорить не перестаю, ибо вижу, что вас побеждают эти страсти: гордость, зависть и неправда, — и что Бог негодует на нас за это, и святые отвращаются от нас, как от одержимых ими. Отступите от этих страстей, и я перестану говорить! Бог на нас негодует и оставить грозит, а мы молчим?! Какую пользу принесем молчанием, если праведным гневом разгневается Господь и оставит нас? А если оставит, мы ничем будем не лучше оставленных в гнезде яиц, которые всякий желающий возьмет.

За что же он оставить грозит? За то, что не умеем мы смиряться и каждый себе друга предпочитать, завидуем предпочтенным, гордимся перед меньшими честью и по-прежнему насилуем и обижаем, чужим желая насытиться, праведных не имея. Пророк, осуждая, говорит: «Горе прибавляющим село к селу и хоромы к хоромам, лишь бы у ближнего своего что-нибудь отнять». И иной говорит: «Мера обманная — мерзость перед Богом». И Бог, со многой силой заповедывая, говорит: «Не возжелай всего того, что имеет твой ближний!» — и: «Собственность врага твоего, заблудившуюся, возврати ему», — и: «Бойся Господа Бога твоего, как заповедал тебе сегодня». И в Евангелии он изрек, что «всякий возносящийся смирится», и прочее. И еще: «Первый ли кто, да будет последним, и сего ради будет первым». Видите, что гордость чревата падением?

Знаете ли вы, как тогда возвеличилась земля наша и умножилась, как возмужала и окрепла и, столь большой и столь крепкой будучи,

внезапно пала?! Каждый стол великого князя имел, каждая область — владетеля, каждый город — держателя; богатства словно реки текли, окружающие народы, как подчиненные, мирились. — И такой утвержденной, такой сильной будучи, вдруг она пала. Как?! А вот как. Даже если крепкими стенами окружен и военными орудиями переполнен город, изнутри же злоумышленников имеет, то ничто не поможет. То же разумей и об этом великом царстве Руси: Батыевой рукой плененное тогда, изнутри прежде поврежденное, было оно побеждено само в себе завистью, изнемогло от неправды, стало надменным от гордости и распалось. И уже падшее и внизу лежащее легко взял его рукой Батый.

Так ведь обычно поступает это лютое зло с держащимися его, такими дарами своих любовников почитать оно любит. Ибо где заведутся эти три делателя зла: либо в городе, либо во всей области, либо в целом царстве, — запустеет то или пленено будет, или иначе как-нибудь обязательно истлеет. И это истина. Они ведь некогда и великий Вавилон побороли. Они же и Персию, когда-то славную, ниспровергли. От них и Сирия исчезла, возгордившись. От них же и Македония погибла, перед этим возвысившись больше всех. Из-за них и великий, все захвативший Рим истлел.

Так же и Иудея, часто пленяемая, напоследок окончательно истребилась. И ведь священный пророческий чин иудеям об этом ясно и постоянно прорицал, и хищения с неправдами осуждая, и вечно болезнуя об обидимых, и Богу за них вопия. Видя зло, рождающееся у них от зависти и гордости, они многократно возвещали грядущий на них за это гнев Господен. Но те, будучи объяты завистью и ненавистью к святым пророкам, неправдой влекомые, посланных для их спасения убивали, грешить же против своих братьев не переставали и, равных им честью тех людей обижая, и так постоянно бесновались; напоследок не усрамились и на Владыку Христа возложить руки и убить Благодетеля, и в качестве платы за свои дела обрели тление, погибель и изгнание из отечества — и по всем народам ходят доныне, всюду блудя, ненавидимые всеми и мерзкие для всех, живущих на земле.

Вот рукояти зависти, вот плоды неправды, вот сокровища гордости, из-за которых достигло и Русского царства пленение! Помыслите обо всем том, что от зла происходит, и далеко от себя его отошлите! Узнайте о злом нашествии безбожного Батыя, представьте своим очам нестерпимую эту напасть пленения и прослезитесь.

Давайте в нескольких словах напомним себе, сколько и какого зла совершилось тогда, и поймем, какая лютая напасть постигла тогда Русь. Матери стали тогда бездетными и молочные источники их сосков иссякли, а вместо того потекли струи слез из их глаз, видящих младенцев поверженными на землю и их нежные члены конскими копытами дробимыми. Слова не могут передать боль их утроб: понимают ее лишь те, кто имеет опыт.

Супруг волокут и повсюду таскают. Дев растлевают. Боярские жены, никогда в своих руках дела не видевшие, прежде повелевавшие, ныне

выполняют повеления варварских жен, рабскому игу шею преклоняют, сидят у жерновов, стоят перед очагами, огонь разжигают, с черпаком рыщут, источники обходят и воду носят, прислуживают за столом и дом подметают. Некогда гордые, ныне же работой отягченные, смирились они; золотыми монистами и шелковыми одеждами красовавшиеся, в рубища драные облечены, босы и вечно голодны.

Священные девы принуждаемы и поругаемы. Муж и жена разлучаемы. Дети родителей лишаемы. Юноши в плен уводимы. Юные и старые мечами пронзаемы. Храбрецы и князья от оружия падают. Священники в жертвенниках закалываемы. Вся Русская земля покраснела от крови, реками льющейся из тел. Воды мешаются с кровью. На жалостную картину трудно смотреть: мужи повержены, как снопы в день жатвы, тела расчленены, перемешались священных мужей и девиц погребения. Но нет погребения — скорее, пища воронам и псам предлагается. Вопли в городах, рыдания на улицах, плач в домах — повсюду стенания; страх на перекрестках, всеобщий ужас и изнеможение. Даже спасения себя бегством никто не может замыслить: истаяли от печалей, пойманы словно сетью. Всюду — беды, невыразимые словом!

Но нет в городе такого бедствия, какое бы не сотворил Господь, — как сказал пророк, — из-за всяческих печальных бед, бывающих в городах. И это зло, причиненное Батыем, Господь сотворил за наши грехи. Потому и молю вас отстать от таковых зол: зависти, гордости и неправды, чтобы это сплетение зол, и ныне, как тогда, творимых нами, снова не привлекло на нас те же лютые напасти и не восплакали бы мы от зол, обрушившихся на нас. Так что ныне же, когда мы еще можем гнев Господен утишить, перестанем завидовать и, в смирении всякий плод правды творя, станем молить державу Господню, представляя воспоминаемых святых добропобедных мучеников Михаила и Феодора с молитвой Владыке, да милостивым к нам его обретем ради этих святых страстотерпцев.

Теперь я с удовольствием спрошу вас: какое приобретение у завидующего? Какой похвалы заслуживает гордый? Какое блаженство у любящего неправду? Откроем их утробу и увидим, что они наполнены тысячами внутренних напастей, многим смущением и бурями.

Что представляет собой завистливый? Хотите, разберемся с ним? Не всегда ли его сердце томится и душа в изнеможении? Чужую честь он считает своей бедой. А как видит кого-нибудь радующимся, тут он плачет. А увидав, что другой наслаждается, горем и скорбью тогда душу свою удручает, весь бывает печалью охвачен, совсем пропадает, от всего страдает его сердце; насупленный обычно, он постоянно сетует, и кости у него высыхают, и облик меняется, и лицо омрачается завистливой горечью. Пойдет ли пища ему на здоровье? Поспит ли он в сладость? Возвеселится ли, когда страх его душу, словно сильная буря, волнует? Прежде смерти он мертв и прежде вечной муки постоянно завистью мучим, окаянный!

Так же и горделивый — не у всех ли он притча во языцех?! Не бывает ли он даже детям забавой? Кто для всех предмет поношения и насмешек?

Кого на игрищах обносят и обижают? Куда ни пойдешь, повсюду увидишь гордого обижаемым. Всеми ненавидим горделивый! Если кто-нибудь ему в руки попадет, милости от него не получит. И горделивого никто пощадить не сможет. Всякий бежит от него, как от зверя. И, как зловонно смердящего трупа, всякий гнушается гордеца. А если бы заглянуть внутрь в душу такого человека, вся она окажется изъеденной скорбями и десятки тысяч раз растерзанной бесами. Ведь когда он видит кого-нибудь меньшего себя, весь он делается надменным: отверзает гортань подобно гробу, зловоние испуская, говорит нелепое, руками, как изумленный, машет, устами зияет, словно желая пожрать меньшего, чем он, весь выламывается, ногами смехотворно движет. А когда перед большим, чем он, станет, весь теряется, краснеет, стыдится, себя проклинает, родителей злословит, от скорби слабеет, готов скорей умереть, нежели жить, переносит тьму лютых страданий. Как изнутри, так и снаружи мерзок он Богу! Прежде суда осужден он. Что же за удовольствие или похвала горделивому?! И Богом и людьми ненавидим, жалкий!

А как же <обстоит дело> с любящим неправду и не ищущим правого суда, свирепеющим в насилиях и обидах божьих людей? Как бешеный пес, на всех бросаться начнет: о том всегда помышляет, как бы чужое похитить; у других имущество видя, печалью поглощается; ночью не спит, думая, а днем обходит дома судей и что приобрел опять теряет и вновь у иного отнять покушается; тысячей беспокойств всякий час наполняется, душу темную и от злобы мрачную имея, нравом вроде змеиного яда обладая. Не на него ли церковь Божия всегда вопиет?! Не к нему ли пророки всегда обращаются, говоря: «Бог отмщений Господь», — и еще: «Воздай воздаяние гордым!» — и еще: «Доколе грешники восхвалятся?». И воздаст им Господь воздаяние их, и за лукавство погубит их Господь Бог, ибо обижаемые ими постоянно вопиют на них к Господу, зверя, а не человека перед собой имея. На того — яро око Господне, и дом того до основания ниспровергнется; если и не в дни его, то к детям окаянного двойное бедствие вселится.

Вы знаете уже, братья, что не только эти злые бедствия происходят от зависти, гордости и неправды, но и большие этих: пленение и запустение царств, крови пролитие и церквей разорение. Ибо Господь Бог и этим казнит здесь нас, чтобы вытрясти из наших душ это великое зло, я имею в виду грехи. Если же мы не покоряемся Господу своему и злодействовать не перестаем, то не только здесь казнит, но и вечной муке предает. Творящие же волю Господню и здесь и там наслаждаются.

Ведь и тогда из-за этих зол искушаемы муками мы были посредством горького мучителя, когда доблестными оказались эти мученики. В благочестивой вере состоял ведь их подвиг, а не в плотской воинственности. Не силен Бог разрушить твердыню зловерия! Низложив нависшее повеление возносящегося Батыя, вернув из плена разум всех прельстившихся в отношении послушания Христу, чтобы обратить их к покаянию, сопротивлялись светловеликодушные и великомудрые непобедимые страстотерпцы, рачители великого, сподобившиеся большого. Великое ведь это дело возжелать положить

души свои за братьев; и великое и высокое дело оказаться достойным законно пострадать и сподобиться исповедания перед мучителями Христа Иисуса, Господа нашего и Бога, и благочестиво умереть: ведь за это они должны социарствовать с Царем веков, нетленным, невидимым единым премудрым Богом.

О выдающиеся среди мучеников! Наблюдайте за нами свыше! Раз уж вы изволили тогда пострадать за церковь и за людей вашего отечества, тем более ныне защищайте церковь и свое отечество от вражеской опасности! Имеющим дерзновение перед Богом, теперь вам легко и нетрудно защищать нас, своих людей, легче, чем когда вы страдали. Так что соблюдайте соборную и апостольскую церковь на Руси необоримой и благостоящей, а идущие на нас грехов ради наших искушения своим предстательством отводите, выводя нас на ведущий к вечной жизни безошибочный и блаженный путь Господних повелений, избавляя нас от трудного и тернистого пути греха, — да, вами руководимые, потщимся мы, смирением и миром ведомые, очистить наши очи от зависти. Гордость же и неправду, вредителей души, чистотою ума убив, души наши правдой украсим и, всякими добродетелями процветая, с любовью в тихости щедротами нищих ублажая, ходя с усердием в заповедях Господних, творя правду в страхе Божием, — да, так пребывая, от здешних зол отстанем и, будущих бесконечных мук избавившись, — уготованные праведникам вечные блага и мы получим и Царствия Небесного насладимся, благодатию и человеколюбием Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Ему же, а вместе с Ним и Богу Отцу со Святым Благим и Животворящим Духом, слава и держава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

Слово об убиении злочестивого царя Батыя

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Как принято считать, «Слово о убиении злочестивого царя Батыя» (или: Сказание, Повесть) принадлежит перу известного мастера красноречия Пахомия Серба (Логофета), писателя XV века (ум. после 1484 г.), родом славянина. Афонский монах, приехавший в Россию по приглашению, он долгие годы жил и работал в Новгороде и Москве, в Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях и является автором и создателем новых редакций Житий (Сергия Радонежского, князя Михаила и боярина Феодора Черниговских, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского и других), Похвальных слов, переводов и служб. По мнению исследователей Н. Серебрянского и Г. М. Прохорова, в 1470-х гг. (до 1473 г.) Пахомий создал свою редакцию Слова о житии Михаила и Феодора Черниговских, внеся в его начало летописное известие о том,

что князь Михаил приказал умертвить прибывших в Киев послов хана Батыя, а к концу Жития присоединил «Слово о убиении злочестиваго царя Батыя» в Венгрии и завершил таким образом свой композиционный замысел — о возмездии Божьем, постигшем злочестивого царя. Композиция эта была сохранена при составлении Великих Миней Четьих с тем отличием, что в раннем Софийском списке оба текста еще принадлежали Пахомию Сербу, а в более поздних, пространных Успенском и Царском списках (под 20 сентября) перед Словом Пахомия о убиении Батыя был включен новый текст Слова похвального Михаилу и Феодору Черниговским, написанный Львом Филологом.

В основе Слова о убиении Батыя — контаминация о событиях, получивших отражение в устных легендах о венгерских королях, в исторических легендарных сказаниях книжного происхождения и устных югославянских песнях о Батые. Созданное в конце XV века, Слово о убиении Батыя было включено не только в Великие Минеи Четьи, но и в состав русских летописей (под 1247 г.), и в Хронографы.

Текст Слова об убиении Батыя публикуется по Успенскому списку сентябрьской Минеи — *ГИМ,* Синод. собр., № 980(784), лл. 599—600.

ОРИГИНАЛ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО О УБИЕНИИ ЗЛОЧЕСТИВАГО ЦАРЯ БАТЫЯ

И понеже злочестивый онъ и злоименитый мучитель недоволенъ бываетъ, иже толика злая, тяжкая и бѣдная христианомъ наведе, и толика множества человѣчества погубивъ, но тщашеся, аще бы мощно и по всей вселеннѣй сотворити, ни да поне именуется христианьское именование.

И абие устремляется къ вечернимъ странам, рекше къ Угромъ,[1] многа мѣста и грады пусты сотворивъ. И бяше видѣти вторecho Навходоносора, град Божий Иерусалимъ воююща;[2] съй же злѣйши и губителнѣйши оного, грады испровергая, села же и мѣста пожигая, человѣки же закалаа, и инѣх же плѣняху. И бѣ пророческое слово събываемо, зряще: «Боже, приидоша языци в достоание Твое и оскверни церковь святую Твою».[3] И пакы: «Положиша трупиа рабъ Твоих — брашно птицам небеснымъ и плоти преподобных Твоихъ — звѣремъ земнымъ».[4] Тѣмже иже тогда все человѣчество, вси плакаху, вси въздыхааху, и вси «увы!» възывааху. Инии же глаголаху: «Почто не умрохомъ, яко прежде бывшеи человѣки?! Да быхомъ сих золъ не видѣли. И понеже быхомъ грѣшнийши, паче онѣхъ, яко такова злаа постигоша нас?» Нъ никтоже бѣ утѣшаяй, не бо человѣческое бяше бываемое, но отъ Бога попущаемо грѣхъ ради наших.

Сим же тако бывающимъ, достижеть онъ гнѣвъ Божий и до самого Великаго Варадина, града угорьскаго,[5] той бо среди Угорьскиа земля лежить, древесъ простыхъ мало имущи, но много овощиа, изъобилиа же и вина. Град же весь водами обьведенъ, и от сея крѣпости не боящеся никогоже. Среди же града столпъ стоя, зѣло превысокъ, елико удивляти зрящих на нь.

Бѣ же и тогда самодерьжець тоя земля краль Владиславъ,[6] угромъ же, и чехомъ, и нѣмцемъ, и всему Поморию,[7] даждь и до Великаго моря.[8] Бяху же угры первие въ православии, крещение отъ грекъ приимше,[9] но не поспѣвшимъ своимъ языком грамоту изложити; римляном же, яко близъ сущимъ, приложиша их своей ересѣ послѣдовати. И оттолѣ даждь и до днесь бываетъ тако.

Предреченный же краль Власловъ, и той такоже пребывааше, римъской церкве повинуяся, доньдеже приде к нему Сава святый сербьский архиепископъ, и сему паки сотворяетъ приступити к непорочнѣй и христианьстей вѣре гречестий, не явленно, но отай, бояше бо ся въстаниа угровъ на ся. Пребысть же святый Сава, поучая его о православии, мѣсяць 5, и тако отходит въ своя си, единаго священника оставивъ у него, и того тако пребывающа, якоже единого от служащих.

Той же, оканныхъ оканнѣйши царь Батый, пришед въ землю, грады раздрушая и люди Божии погубляа. Самодеръжцу же Власлову, егоже святый Сава именова Владислава, не поспѣ собратися с людьми своими далечаго ради землям растоаниа, тогда же благополучное время Батый обрѣтъ, творяше, елика хотяше. Той же самодержець, видѣвъ гнѣвъ, пришедший на всю землю, плакаше, не имый что сотворити; на многы дни пребысть, ни хлѣба, ни воды вкушаше, но пребывааше на предреченномъ столпѣ,[10] зря бываемая от безбожных.

Сестра же его бѣжащи бяше ко брату своему въ град,[11] тыя же варвари достигше, плениша ю и къ Батыю отведоша. Кралъ же Владиславль сиа видѣвъ, и тако сугубый плач и рыдание приложивъ, начат Бога молити, глаголя: «Сия ли щедроты твоя, о Владыко, яко за ихже кровь свою пролиалъ еси безгрѣшне, грѣхъ ради наших?! Предалъ еси насъ в руцѣ царю законопреступну и лукавнѣйшу паче всея земля! Не предаждь насъ до конца, имени Твоего ради![12] Что бо речеть мучитель: „Гдѣ есть Богъ ихъ?!" — Помозѣ, Господи Боже мой, и спаси насъ, по милости твоей, и разумѣютъ всѣ, яко Ты единъ — Господь во всей земли». — Сиа же и ина много, плача, глаголаше, и слезам, текущимъ от очию его, рѣчнымъ быстринамъ подобляахуся. Идѣже аще

падаху на мраморие, оно прохождаху насквозѣ, еже есть и до сего дне знамение то видѣти на мрамориехъ.

И от сего познаша помощи Божии быти. Рече же нѣкто кралевѣ: «Сего ради твоихъ слезъ даетъ ти Господь побидити царя злочестива». Начаша смотрити глаголющаго лице, и не видѣша его к тому.

И шедше же от столпа оного, видѣша конь осѣдланъ, никимъ держимъ, и сѣчиво на немъ, рекше — секира, и от того извѣстнѣйше разумѣша: помощи Божией быти. И тако самодержецъ всѣдъ на коня того, изыде на противных изъ града с вои, елико обрѣтошася с нимъ.

Видѣвше же супротивнии, и абие страхъ нападе на нихъ, и на бѣжание устремишася. Они же въ слѣд женуще, толико множество безбожных варваръ погубиша и богатьство взяша их, елико и числа не бѣша. Иныхъ живых яша. Видѣвъшеи же въ гради оставшеи помощь Божию и побѣду на противныхъ, изыдоша из града и с малою чадию, рекше жены и дѣти, мужескую храбрость въсприимше, и такоже нечестивыхъ побиавааху, никомуже противящуся, якоже первие рѣхомъ.

Безбожному оному Батыю къ угорьскимъ планинамъ бѣжащу,[13] злѣ житию конець приемлет от рукы того самодержьца Владислава.

Глаголють же нѣции, иже тамо живущеи человѣцѣ, яко сестра того Владислава, юже плѣниша, и та тогда бѣжащи бяше с Батыемъ. И бысть, по внегда сплестися има с Батыем, тогда сестра его помогаше Батыю. Их же самодержець обою погуби.

Угры же сташа въ станохъ Батыевыхъ, татарове же, приходяще ко становъ своимъ и с пленомъ, не вѣдяще бывъшаго. Угры жа пленивъ отнимающе, самѣх же варваръ и немилостивно погубляху. Токмо елицѣ, въсхотѣша вѣры еже въ Христа, тѣхъ оставиша.

Сотворенъ же бысть мѣдным льяниемъ краль, на конѣ сѣдя и секиру в руцѣ держа, еюже Батыя уби, и въдруженъ на томъ столпѣ на видѣние и память роду и до сего дне.[14]

И тако збысться реченное: «Мнѣ отмщение, и аз въздамъ месть»,[15] — глаголеть Господь, — до зде убо яже о Батыи повѣсть конець приатъ. Богу нашему слава нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣком! Аминь.

---

[1] *...рекше къ Угромъ...* — Угры, Угорская земля, т. е. Венгрия, Венгерская земля.

[2] *...втораго Навходоносора, град Божий Иерусалимъ воююща...* — События сравниваются с эпизодом библейской истории о разорении Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором, уведшим в плен тысячи его жителей, в числе которых были сыновья царя, три отрока, Ананий, Азарий и Мисаил, и пророк Даниил.

[3] *«Боже, приидоша языци в достояние Твое и оскверни церковь святую Твою».* — Ср. Иер. 2, 7.

[4] *«Положиша трупиа рабъ Твоих — брашно птицам небеснымъ и плоти преподобных Твоихъ — звѣремъ земнымъ».* — Вт. 28, 26; Пс. 78, 2.

[5] *...самого Великаго Варадина, града угорьскаго...* — Г. Варад (Варадин), или Великий Варад (Варадин) — один из древнейших городов Венгрии (Бихорского комитата), расположенный на юг от Дебрецина, в центре страны, на р. Быстрый Кэрэш, был основан в XI в. Некогда здесь была большая крепость с башней, разоренная в XIII в. во время монголо-татарского нашествия. Ныне это г. Надьварад, Орадя — в Румынии.

[6] *...самодерьжець тоя земля краль Владиславъ...* — Использованная в Слове о убиении Батыя устная венгерская легенда воссоединила в этом имени черты двух исторических личностей: венгерского короля Владислава IV Кумана, правившего в 1272—1290 гг. и бывшего в родстве с Саввой Сербским *(«Сава святый сербьский архиепископъ»)*, и другого венгерского короля Владислава Святого (правил с 1077 по 1095 г.), который вошел в историю Венгрии (исторические венгерские хроники и устные народные предания) как национальный герой, при котором государство достигло могущества и расцвета.

[7] *...и всему Поморию...* — Поморие — страна славян-поморян, живших по южному берегу Балтийского моря.

[8] *...и до Великаго моря...* — Т. е. моря Балтийского.

[9] *Бяху же угры первие въ православии, крещение отъ грекъ приимше...* — Известие о древнем православии венгров в Слове о убиении Батыя восходит к «Повести о латынех, когда отлучишася от грек и святыа Божия церкве и како изобретоша себе ереси...» *(Попов А.*

Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. С. 176).

[10] *...на предреченномъ столпѣ...* — По-видимому, имеется в виду старинная Варадинская башня.

[11] *Сестра же его бѣжащи бяше ко брату своему въ град...* — Далее в повествовании отражаются отголоски устной легенды о сестре венгерского короля и судьбе ее и Батыя.

[12] *Сия ли щедроты твоя, о Владыко ... Не предаждь насъ до конца, имени Твоего ради!* — Пс. 39, 12; Пс. 68, 17.

[13] *...къ угорьскимъ планинамъ бѣжащу...* — К венгерским Карпатам.

[14] *Сотворенъ же бысть мѣдным льяниемъ крал, на конѣ сѣдя... и до сего дне.* — Этот отрывок содержит отголоски топонимической легенды, связанной со старинной Варадинской башней и какой-то конной статуей.

[15] *...«Мнѣ отмщение, и аз въздамъ месть»...* — Вт. 32, 35.

ПЕРЕВОД

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ОБ УБИЕНИИ ЗЛОЧЕСТИВОГО ЦАРЯ БАТЫЯ

И так как этому злочестивому и коварному мучителю недостаточно было того, что он столько жестокого, тяжкого и горестного причинил христианам и такое множество погубил людей, то он попытался свершить то же самое и во всей вселенной, чтобы даже и не упоминалось имени христианства.

И тогда устремился он к западным странам, иначе говоря, к Угорской земле, опустошив многие земли и города. И был он подобен второму Навуходоносору, разорившему град Божий Иерусалим; только этот был еще злее и губительнее того, покоряя крепости, а села и города сжигая, одних людей убивая, а других пленяя. И сбывалось тогда пророческое слово: «Боже, пришли племена в достояние Твое и осквернили церковь святую Твою». И еще: «Повергли трупы рабов Твоих на съедение птицам небесным, а тела преподобных Твоих — зверям земным». Потому-то тогда весь род человеческий, все плакали, все вздыхали и все «увы!» взывали. Другие же говорили: «Зачем мы не умерли, как ранее жившие люди?! Тогда бы мы этих бед не видели. Или мы грешнее других, что нас постигла такая беда?» Но не было никого, кто бы утешил их, ибо свершилось это не по воле людей, но ниспослано было Богом за грехи наши.

Вот так гнев Божий и дошел до самого угорского города Великого Варадина, что расположен посреди Угорской земли, имеет мало обычных деревьев, но много плодовых и изобилие виноградников. Город же весь был окружен водою и из-за такого укрепления никого не боялся. Посреди же города башня стояла такая высокая, что изумляла видевших ее.

Властелином же той земли над уграми, чехами, немцами и над всем Поморием, даже до Великого моря, был тогда король Владислав. Прежде угры были православными, приняв православие от греков, но не споспешествовали тому, чтобы родственным языком изложить письменность; и так как римляне находились неподалеку, они склонили их стать последователями своей ереси. С тех пор и поныне так и осталось.

Вот так и этот, выше упомянутый король Власлов, пребывал таким же, повинуясь римской церкви до тех пор, пока к нему не является святой Савва, архиепископ сербский. И побуждает его снова обратиться к непорочной христианской греческой вере, не явно, но тайно, ибо боялся он возмущения против себя угров. И преподобный Савва пробыл, поучая его православию, пять месяцев, а потом ушел назад, оставив у него одного священника, да и тот проживал как один из прислужников.

Тот же окаянный из окаяннейших царь Батый пришел в эту землю, города разрушая и Божьих людей умерщвляя. И так как властелин Власлов, которого преподобный Савва называл Владиславом, не успел собрать своих людей из-за удаленного расстояния между землями, то Батый, улучив благоприятное время, делал что хотел. А властелин тот, видя гнев, постигший всю землю, плакал, не зная, что делать; многие дни так пробыл, ни хлеба, ни воды не вкушал, только пребывал на уже упомянутой башне, обозревая совершаемое безбожными.

А сестру его, бежавшую, было, к брату своему в город, те варвары настигли, взяли в плен и отвели к Батыю. И король Владислав видел это и, вновь предавшись горькому плачу и рыданию, начал молить Бога, говоря: «Это ли щедрое милосердие твое, о Владыка, за которое ты, безгрешный, пролил свою кровь за наши грехи?! Отдал нас в руки царя, законопреступного и самого злого во всей земле! Во имя Твое, не оставляй нас совсем! Вот ведь что говорит мучитель: «Где же их Бог?!» — Господи Боже мой, помоги и спаси нас по милосердию твоему, и поймут все, что Ты один — Владыка всей земли». — Это и многое

другое говорил он плача, и слезы, лившиеся из его очей, были подобны речным стремнинам. И там, где они падали на мрамор, они прожигали его насквозь, и чудо это и по сей день можно видеть на мраморе.

И с этого часа познали они Божью помощь. Некто сказал королю: «За слезы твои дает тебе Господь победить царя злочестивого». Хотел он рассмотреть лицо говорившего, но так и не увидел его.

А когда он сошел с башни той, увидел он оседланного коня, никем не удерживаемого, а на нем сечиво, иначе сказать — секиру. И после того окончательно уразумел: быть Божьей помощи. И тогда властелин, сев на коня того, вышел на противника из города с теми воинами, сколько оказалось с ним.

А когда враги увидели их, тотчас же напал на них страх, и они обратились в бегство. А те, вослед им погнавшись, такое множество безбожных варваров истребили и богатства у них отобрали, что и не счесть. Иных же они брали живыми. Когда же остававшиеся в городе увидели Божью помощь и победу над врагом, они вышли из города даже с малолетними, иначе говоря, с женами и детьми, которые обрели мужскую храбрость и тоже уничтожали нечестивых, уже никому не сопротивлявшихся, как я только что сказал.

А безбожный тот Батый, бежавший к угорским горам, покрытым лесом, бесславно кончил там свою жизнь от руки того властелина Владислава.

Некие, живущие там, рассказывают, что сестра того Владислава, которую пленили, тоже тогда бежала с Батыем. И случилось, что со временем, когда сестра его сошлась с Батыем, она стала Батыю помогать. И властелин убил их обоих.

И угры захватили Батыевы станы, а татары, приходившие в свои станы с пленными, не знали о происшедшем. И угры отнимали пленных, а самих варваров немилосердно истребляли. Только тех, которые хотели веровать во Христа, тех оставили.

Король же был сотворен в виде медного истукана, сидящего на коне и держащего в руке секиру, которой убил Батыя, и был водружен на той башне на обозрение и в память поколениям до наших дней.

Вот так и сбылись сказанные Господом слова: «Мне отмщение, и аз воздам», ибо на этом повесть о Батые и достигает конца. Богу нашему слава ныне, и присно, и во веки веков! Аминь.

1 октября. Празднуем Покров Святой Богородицы...

Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — великий, но не двунадесятый праздник, отмечаемый православной церковью 1 октября. По проложному сказанию праздник установлен, как считали исследователи, императором Львом VI Философом или Премудрым (866—912) в память события, бывшего в первой половине X в., — видения святому Андрею Юродивому и его ученику Епифанию Богоматери во Влахернском храме в Константинополе во время войны с сарацинами, когда городу угрожала опасность. Согласно же Житию Андрея Юродивого, событие произошло в конце жизни святого (ум. около 936 г.): св. Андрей Юродивый и его ученик Епифаний, находясь во Влахернском храме во время всенощного бдения, увидели на воздухе Богоматерь с сонмом святых, молящуюся о мире и распростершую свой покров над христианами. Мнение, поддерживаемое многими современными исследователями-медиевистами о том, что праздник Покрова Богородицы — русский церковный праздник, не вошедший в греческие богослужебные уставы, остается до сих пор гипотезой. Так, по мнению Н. Н. Воронина, храм Покрова на Нерли (1158—1165) был посвящен новому празднику — Покрова Богородицы, установленному властью владимирского князя (Андрея Боголюбского) и епископа без санкции киевского митрополита. «Этот праздник выражал в особенно открытой, но и утонченной форме мысль о преимущественном покровительстве Богоматери Владимирской земле, ее князю и его людям». (См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. XII столетие. М., 1961. С. 266). Праздник Покрова, действительно, был известен только по русским месяцесловам, по каким-то неизвестным причинам не имевшийся или исчезнувший в византийской традиции (см.: *Wortley J.* Hagia Skepe and Pokrov Bogoroditsi // Annalecta Bollandiana. 1971. Vol. 89. P. 149—154), он появляется в других православных церквах под русским влиянием. По наблюдениям исследователей, праздник вошел в устав в XII в., в Киевской Руси. Проложное сказание и текст службы известны по

рукописям XIII—XIV вв., иконы — с XV в. Однако автор сказания анонимен, идеи, заложенные в тексте, имеют общехристианский характер. Автор свидетельствует об утверждении праздника, но не называет ни имени учредителя праздника, ни указывает на тот факт, насколько праздник «удален во времени и пространстве от момента видения чуда во Влахернской церкви», и «признаков специальной привязанности праздника именно к Русской земле нет». (См. подробнее: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 52—63). Существует мнение, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы установлено праздновать 1 октября, потому что осеннее время, по окончании полевых работ и молотьбы, самое удобное к празднованию и потому что в этом месяце нет богородичных праздников, как например в ближайшие месяцы 8 сентября (праздник Рождества Пресвятой Богородицы) и 21 ноября (Вход во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии). Бесспорным является тот факт, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы — важнейший православный праздник, отмечаемый на Руси и известный еще в домонгольский период. М. Б. Плюханова считает, что очень важным для средневековой Руси «оказалось заложенное в символе Покрова общественное начало». Исследовательница видит специфику этого праздника на Руси в почитании образов церкви как «покрова, ограды, защиты».

В Великих Четьих Минеях митрополита Макария помещено несколько текстов, посвященных празднику Покрова Пресвятой Богородицы: проложное сказание «О видении св. Андрея и Епифания, како видеста на воздусе св. Богородицу»; «Слово похвальное на святый Покров Пречистыа Богородица и Приснодѣвы Мариа»; «Слово похвальное честному Покрову Пречистыа Владычица и Приснодѣвѣи Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия».

Текст публикуемого здесь проложного сказания стабилен, в рукописных списках встречаются лишь небольшие разночтения, сказание фиксируется уже в составе Прологов XII—XIII вв.

Второй издаваемый текст принадлежит перу известного писателя-агиографа Пахомия Серба (Логофета, умер после 1484 г.), пришедшего с Афона на Русь, в Новгород, при архиепископе Евфимии II (1429—1458) и написавшего ряд житий, похвальных слов, служб и сказаний. (Под 1 октября помещено также его Житие Саввы Вишерского). Один из списков слова на Покров имеет приписку «Сие благодарное гранесловие Покрову написася повелѣнием и благословением преосвященъиаго архиепископа Великаго Новаграда и Пъскова владыкы Ионы рукою грѣшнаго ермонаха Пах. (так!), иже от Святия горы сербна» *(РНБ,* собр. Кирилло-Белозерской библиотеки, №1258). Похвальное слово на Покров было написано Пахомием Логофетом, вероятно, в Новгороде, во время его второго пребывания там (1459/1460—1461/1462), хотя оно и не значится в перечне трудов ритора в «Воспоминании» об архиепископе Ионе. Списки слова показывают, что текст имеет по крайней мере две редакции. Одна из них, более краткая, помещена в Великих Минеях Четьих митрополита Макария. Вторая редакция, читаемая в ряде рукописей, представляет собой небольшую

стилистическую переделку некоторых фрагментов слова. Остается неизвестным, принадлежит ли эта правка самому автору или она выполнена другим книжником. Основой и источником для похвального слова на Покров Пахомия Логофета послужило проложное сказание о видении св. Андрея и Епифания. (См.: *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 126—129).

Мы публикуем тексты по октябрьскому тому Софийского списка Великих Миней Четьих — *РНБ,* Софийское собр., № 1318, лл. 9—9 об., 13—14.

ОРИГИНАЛ

1 ОКТЯБРЯ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ ПРАЗДНУЕМ ПОКРОВ СВЯТѢЙ БОГОРОДИЦИ. О ВИДѢНИИ СВЯТАГО АНДРѢА И ЕПИФАНИА, КАК ВИДѢСТА НА ВОЗДУСѢ СВЯТУЮ БОГОРОДИЦЮ

Страшно и чюдно видѣние честною святцю Андрѣа[1] и Епифаниа,[2] како видѣста на въздусѣ святую Богородицю, пришедшу Влахерну[3] въ святую церковь съ аггелы и съ Предтечею,[4] и съ Богословцем Иоанном,[5] и съ инѣми многыми святыми. Народу стоящу в церкве, видѣста молящуся съ слезами къ Сыну си за весь миръ. И глагола Андрѣй къ Епифанови: «Видиши ли Царицю и Госпожю всѣх, молящися за миръ?» Он же рече: «Вижу, отче!» И покрывши честнымъ своим омфором,[6] свѣтящися паче електора,[7] люди, сущая въ церкве.

Се убо егда слыша, помышлях: «Како страшное и милосердное видѣние, паче надѣяние наше и заступление, бысть безъ праздника?» Надѣя же ся, Владычице, на милосердая твоя словеса, еже кь Сыну си рече, молящи и глаголющи: «Царю небесный, приими всякого человѣка, славящаго тя и призывающаго имя твое на всяком мѣсте, идѣже бывает паметь имени моего, святи мѣсто се и прослави прославляющаго тя именем моим, приемля их всяку молитву и отвѣтъ». Тѣмъ словесем надѣяся, въсхотѣх да не безъ праздника останет святый Покровъ твой, Преблагая, но якоже ты хощеши украсити честный праздникъ твоего Покрова, Всемилостивая, украси, да и прославляющии тя възвеселятся, видяще многоименны твоя праздникы сиающа. И якоже тамо сущая народы въ церкве милостивно покрый, тако и нас грѣшных рабъ твоих покрый кровом крилу твоею, низлагающи съвѣты же и думы помышляющих на нь злая, и спаси ны по милости Сына твоего в сий вѣкъ и в будущий, и вся притекающая к тебѣ съ страхом и вѣрою, и надѣяся на тя, скорое наше заступление и помощь.

Устави же ся таковый праздникъ праздновати мѣсяца октября въ 1 день, в память святаго апостола Анании,[8] в славу Отца и Сына и Святаго Духа.

---

[1] *Андрей* — святой, Христа ради юродивый, жил, как полагают агиографы, во время правления византийского императора Льва Философа (866—912), а житие его написано современником Андрея Никифором. Андрей Юродивый был рабом богатого цареградского жителя Феогноста, выучился грамоте, после чего стал секретарем у своего господина, но считал своим призванием подвижническую жизнь. После ночного видения оставил мирские дела, принял вид юродивого и начал служить Богу. Умер около 936 г. в Константинополе. Однако И. И. Срезневский считает, что жизнь самого Андрея Юродивого и написание его жития следует относить к V—VII вв. Память 2 октября.

[2] *Епифаний* — знатный юноша, ученик св. Андрея, удостоившийся вместе с ним видения Пресвятой Богородицы. По мнению некоторых исследователей, Епифаний принял иночество, впоследствии стал константинопольским патриархом Полиевктом или Антонием III (ум. в 956 г.). Память 5 февраля.

[3] *Влахерны* — территория в западной части города Константинополя. Во времена Византийской империи славилась своими святынями, особенно церковью Богородицы, построенной императором Львом Великим (457—474), при котором положены были в эту церковь честные ризы Богородицы, принесенные из Палестины. В связи с праздником Покрова Влахернский храм знаменит еще одной святыней — иконой Богоматерь Оранта, изображающей видение святого Андрея Юродивого.

[4] *Предтеча* — Иоанн Креститель, крестил многих иудеев на реке Иордан и самого Иисуса Христа.

[5] *Иоанн Богослов* — святой апостол и евангелист, сын рыбаря Заведея и Соломии, младший брат апостола Иакова. Родом из Галилеи. Услышав проповедь Христа, сразу же последовал за ним и стал любимым учеником Иисуса Христа. Иоанн Богослов был единственным апостолом, который стоял на Голгофе, он же первый уверовал в Воскресение Иисуса Христа. До Успения Богородицы, вверенной Христом на его попечение, жил в Иерусалиме, затем проповедовал в Ефесе (Малая Азия), мученически пострадал за Христа при римском императоре Домициане, умер мирно в глубокой старости в начале II в. Автор Евангелия, Апокалипсиса, трех соборных посланий. Память 8 мая и 26 сентября.

[6] *Омофор* — (мафорион), головной убор Богородицы. Согласно церковному и историческому преданиям риза и омофор — одна и та же святыня, омофор «скорее, новая ипостась ризы, чем особая реликвия». (См.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 25—31.)

[7] *Електор* — обычно переводится как «молния», но в переводе с греческого означает солнце, огонь.

[8] *Ананий* — один из 70-ти апостолов. В видении ему было сказано о Савле, жестоком гонителе христиан, которого Ананий разыскал в Дамасске и через возложение рук на него возвратил ему телесное зрение, а затем крестил. Одобряемый всеми иудеями в Дамасске, он впоследствии становится епископом Дамасским. Ананий мученически скончался в Елевтерполе (южная Палестина): отказавшись поклониться идолам, он был выведен за город и побит камнями. Память его празднуется 1 октября и 4 января. См.: Деян. 9, 10—19.

ПЕРЕВОД

1 ОКТЯБРЯ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ПРАЗДНУЕМ ПОКРОВ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. О ВИДЕНИИ СВЯТОГО АНДРЕЯ И ЕПИФАНИЯ, КОГДА ВИДЕЛИ ОНИ В ВОЗДУХЕ СВЯТУЮ БОГОРОДИЦУ

Страшно и удивительно видение честных праведников Андрея и Епифания, когда видели они святую Богородицу в воздухе, пришедшую с ангелами, с Предтечей и с Иоанном Богословом, и с многими другими святыми во Влахерну в святую церковь. При стечении народа в церкви видели они ее, со слезами молящую Сына за весь мир. И спросил Андрей Епифания: «Видишь ли Царицу и Госпожу всех, молящуюся за весь мир?» Он же ответил: «Вижу, отче!» И распростерла свой честной омофор, блиставший сильнее солнца, над людьми, бывшими в церкви.

Когда я услышал сие, то подумал: «Как же это страшное <такое> и милосердное видение, более того — надежда наша и заступничество, не празднуется?» Надеюсь же, Владычица, на милосердные твои слова, с которыми к Сыну обратилась, молясь и говоря: «Царь небесный, прими всякого человека, славящего тебя и призывающего имя твое везде, где бывает память имени моего, освяти место это и прославь прославляющего тебя именем моим, приемля всякую их молитву и ответ». В те слова веруя, возжелал я: пусть не без праздника останется святой твой Покров, Преблагословенная, и как ты хочешь, Всемилостивая, украсить почести достойный праздник твоего Покрова, <так и> укрась, чтобы возрадовались прославляющие тебя, увидев сияющими в честь имени твоего многие праздники. И как народ, в церкви там бывший, милостиво покрыла, так и нас, грешных рабов твоих, защити покровом крыл твоих, низвергая замыслы и думы замышляющих на нас недоброе, спаси нас по милости Сына твоего в этот век и в будущий, и всех, приходящих к тебе со страхом и верою, и надеемся на тебя, скорая наша защитница и помощь.

Постановили же этот праздник праздновать месяца октября в 1-й день, в <день> памяти святого апостола Анания, в славу Отца и Сына и Святого Духа.

Слово похвальное Покрову Пресвятой Богородицы…

Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — великий, но не двунадесятый праздник, отмечаемый православной церковью 1 октября. По проложному сказанию праздник установлен, как считали исследователи, императором Львом VI Философом или Премудрым (866—912) в память события, бывшего в первой половине X в., — видения святому Андрею Юродивому и его ученику Епифанию Богоматери во Влахернском храме в Константинополе во время войны с сарацинами, когда городу угрожала опасность. Согласно же Житию Андрея Юродивого, событие произошло в конце жизни святого (ум. около 936 г.): св. Андрей Юродивый и его ученик Епифаний, находясь во Влахернском храме во время всенощного бдения, увидели на воздухе Богоматерь с сонмом святых, молящуюся о мире и распростершую свой покров над христианами. Мнение, поддерживаемое многими современными исследователями-медиевистами о том, что праздник Покрова Богородицы — русский церковный праздник, не вошедший в греческие богослужебные уставы, остается до сих пор гипотезой. Так, по мнению Н. Н. Воронина, храм Покрова на Нерли (1158—1165) был посвящен новому празднику — Покрова Богородицы, установленному властью владимирского князя (Андрея Боголюбского) и епископа без санкции киевского митрополита. «Этот праздник выражал в особенно открытой, но и утонченной форме мысль о преимущественном покровительстве Богоматери Владимирской земле, ее князю и его людям». (См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. XII столетие. М., 1961. С. 266). Праздник Покрова, действительно, был известен только по русским месяцесловам, по каким-то неизвестным причинам не имевшийся или исчезнувший в византийской традиции (см.: *Wortley J.* Hagia Skepe and Pokrov Bogoroditsi // Annalecta Bollandiana. 1971. Vol. 89. P. 149—154), он появляется в других православных церквах под русским влиянием. По наблюдениям исследователей, праздник вошел в устав в XII в., в Киевской Руси. Проложное сказание и текст службы известны по рукописям XIII—XIV вв., иконы — с XV в. Однако автор сказания анонимен, идеи, заложенные в тексте, имеют общехристианский характер. Автор свидетельствует об утверждении праздника, но не называет ни имени учредителя праздника, ни указывает на тот факт, насколько праздник «удален во времени и пространстве от момента видения чуда во Влахернской церкви», и «признаков специальной привязанности праздника именно к Русской земле нет». (См. подробнее: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 52—63). Существует мнение, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы установлено праздновать 1 октября, потому что осеннее время, по окончании полевых работ и молотьбы, самое удобное к празднованию и потому что в этом месяце нет богородичных

праздников, как например в ближайшие месяцы 8 сентября (праздник Рождества Пресвятой Богородицы) и 21 ноября (Вход во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии). Бесспорным является тот факт, что праздник Покрова Пресвятой Богородицы — важнейший православный праздник, отмечаемый на Руси и известный еще в домонгольский период. М. Б. Плюханова считает, что очень важным для средневековой Руси «оказалось заложенное в символе Покрова общественное начало». Исследовательница видит специфику этого праздника на Руси в почитании образов церкви как «покрова, ограды, защиты».

В Великих Четьих Минеях митрополита Макария помещено несколько текстов, посвященных празднику Покрова Пресвятой Богородицы: проложное сказание «О видении св. Андрея и Епифания, како видеста на воздусе св. Богородицу»; «Слово похвальное на святый Покров Пречистыа Богородица и Приснодѣвы Мариа»; «Слово похвальное честному Покрову Пречистыа Владычица и Приснодѣвѣи Марии. Творение смиренного иеромонаха Пахомия».

Текст публикуемого здесь проложного сказания стабилен, в рукописных списках встречаются лишь небольшие разночтения, сказание фиксируется уже в составе Прологов XII—XIII вв.

Второй издаваемый текст принадлежит перу известного писателя-агиографа Пахомия Серба (Логофета, умер после 1484 г.), пришедшего с Афона на Русь, в Новгород, при архиепископе Евфимии II (1429—1458) и написавшего ряд житий, похвальных слов, служб и сказаний. (Под 1 октября помещено также его Житие Саввы Вишерского). Один из списков слова на Покров имеет приписку «Сие благодарное гранесловие Покрову написася повелѣнием и благословением преосвященънаго архиепископа Великаго Новаграда и Пъскова владыкы Ионы рукою грѣшнаго ермонаха Пах. (так!), иже от Святия горы сербна» *(РНБ,* собр. Кирилло-Белозерской библиотеки, №1258). Похвальное слово на Покров было написано Пахомием Логофетом, вероятно, в Новгороде, во время его второго пребывания там (1459/1460—1461/1462), хотя оно и не значится в перечне трудов ритора в «Воспоминании» об архиепископе Ионе. Списки слова показывают, что текст имеет по крайней мере две редакции. Одна из них, более краткая, помещена в Великих Минеях Четьих митрополита Макария. Вторая редакция, читаемая в ряде рукописей, представляет собой небольшую стилистическую переделку некоторых фрагментов слова. Остается неизвестным, принадлежит ли эта правка самому автору или она выполнена другим книжником. Основой и источником для похвального слова на Покров Пахомия Логофета послужило проложное сказание о видении св. Андрея и Епифания. (См.: *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. 126—129).

Мы публикуем тексты по октябрьскому тому Софийского списка Великих Миней Четьих — *РНБ,* Софийское собр., № 1318, лл. 9—9 об., 13—14.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО ПОХВАЛНО ЧЕСТНОМУ ПОКРОВУ ПРЕСВЯТЫА ВЛАДЫЧИЦА НАШЕА БОГОРОДИЦА И ПРИСНОДѢВѢИ МАРИИ. ТВОРЕНИЕ СМИРЕНАГО ЕРМОНАХА ПАХОМИА

Понеже убо человѣческий родъ обыче праздники святыхъ с похвалами праздновати, а иже святѣйшее всѣхъ честныи Царици праздникы Пречистыа Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Мариа попремногу с любовию почитати должны есмы и яко вышьшой святых и вышьшу похвалу приносити, яко Царици и Владычици, Царя и Владыку всѣм рождьшую. Но понеже мало время прииде, отнелѣже праздновахом честный празникъ Рожества Пречистыя Богоматере[1]: тогда бо рожеством ея праматерняя клятва[2] потребися, и Адамъ от вѣчныхъ узъ свободися,[3] и Богъ к намъ примѣрися; тогда бо Иаковля лѣствица утверждашеся.[4] Богу хотящю по ней къ человѣкомъ снити и человѣкомъ путь сотворити къ небеснымъ; тогда бо и пророци возрадовашася, своему пророчьствию сбытие зряще;[5] тогда бо и Давидъ,[6] видѣвь отъ него правнуку родившуюся,[7] бряцаа в гусли, играя духомь, глаголя: «Слыши, дщи, и виждь, приклони ухо твое»;[8] тогда бо не токмо пророци, но превышняа и земленаа вся тварь спразноваше. Нынѣ же *прспѣ* чьстнѣйший новѣйший Владычици и Богородици Покрова празникъ. Да увѣрятся вси и познають, яко не токмо, егда в мирѣ с нами бяше, ходатайственое кь своему Творцю и Сыну милостивно предлагашеся, молитвеное и милостивное показоваше, но паче и по преславнем тоя преставлении, от земленыхъ въ небеснаа, но и той тогда не престает насъ посѣщающи, милостивное показующи.

Но понеже убо добро есть навыкнути, откуду и коеа ради вины сей пречестный Покрова праздникь уставиша святѣи отцы в Костянтинеградѣ[9] праздновати. Елма убо в Костяньтинѣградѣ, в немже спасенаа содѣвахуся, но понеже тамо, истиннѣ умаляемѣй, грѣхъ множашеся, яко и при пророци: видѣ бо Давидъ во Израили истинну умаляему, помолися, глаголя: «Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный и яко умалишася истинный от сынов человѣчьскихъ».[10] Егда бо правда одолѣваеть безаконию, тогда бо милосердие Божие к себѣ привлачим, а егда ли грѣхъ — тогда и негодование Божие. Якоже преже рѣхом: в Костяньтинѣградѣ нѣкаа стропотная содѣвахуся,[11] могуща негодование Божие навести. Но нигдѣже не оставляеть Богородительница помощию, но непрестанно молится и молити не престает о человѣчьскомь родѣ. Якоже и дивный Андрѣй, иже мняйся человѣкомъ уродъ быти, но паче многых, иже въ премудрости мнящихся вѣтей, разумомъ превъсходити. Не во внѣшняа премудрости искаше, но паче горняа желаа и к темь подвизашеся, и уродством свое житие великое крыаше, якоже злато во глиннѣм сосудѣ, и сего ради ни славы требуя, ниже срама человѣчьскаго стыдяшеся славы ради оноа, яко да тамошняго срама, еже пред аггелы и человѣки грѣшным бывающа, избѣгнеть. Сему убо блаженному Андрѣеви и со учеником своим Епифаниемь открыся сие божественое и пречюдное Пречистыа видѣние не во снѣ, ниже в гадании, но истинною и на явѣ, якоже явить нынѣ.

Пришедшю блаженному Андрѣю, о немже нам слово, во божественую и великую церковь Владычицы и Богородици, Влахерна именуема,[12] и со учеником своимь Епифаниемь, видить преславное видѣние, видить бо теплую заступницю христианского рода въ церкви на воздусѣ стоящю и съ множеством вои аггельских чиновъ, и съ Предтечею же, и Богословцем, и со инѣми многыми святыми, молящися, яко мати, со слезами Творцю своему и Богу, еже пощадѣти люди согрѣшившее и согрѣшающее, сице глаголющи: «Боже мой и Творче, и Сыну! Прости всякаа согрѣшениа христианьского рода, на тя Бога и Вседержителя уповающаго, и святое и великолѣпное имя твое призывающих, и мене, рабу твою и матере, любовию почитающим, и от них тебѣ ходатайствующу и молящуся». Тогда бо Владычица и Богородительница, яко дерзновение к нему стяжавши, бяше градъ и люди честнымь своимь омфоромъ покрывающи, показуа милостивное божественое же о человѣцехъ и свое еже о нас ходатайственое. Но понеже и сие божественое чюдо, и покровъ Пречистыа Богородица не утаися, но паче всѣмь явлено бысть, даждь до самого патриарха и царя,[13] тѣмже пречистый многосвѣтлый праздникъ Покрова Пречистыа составльше, уставиша праздновати мѣсяца октября въ 1, яже творить цѣркви и до сего дни во славу и честь великому Господу Богу и Спасу нашему Исусу Христу и того Пречистой матери, ходатайци и молитвеници еже къ Богу.

Тѣмже убо и намъ откуду, празднолюбци, свѣтлый сей и преславный новѣйший празникъ Покрова Владычици и Спасителницы граду же и людемь многою любовию почитати и достойную честь, яко Царици и Владычици, воздаати, не яко она отъ насъ похвалъ и славы требующи, но паче да мы тою прославимся. Священници и царие и вся племена человѣчьскаа, богатии и нищии и вси людие, похвалу праздничную да воспоим, и да прославимь яко матерь Божию и нашю помощницу. Кождо благодарная да приносить: ово — смѣрение со благоговѣнием, и инъ постъ и молитву да дарствуеть Владычици, и другый да простирает руки к раздаянию нищим, и ово гнѣвное брату да отпустить, и, тако творяще, Богородицю возвеличим. Такова бо приношениа празничнаа требуеть, а не в тимьпанех и гуслехь, и питиих, якоже еллиньстии отроци празнують, но в молитвахъ Богородителници пѣние, поновлению жизни нашей благодарная, яко длъгъ воздадимъ, благодати не тающе, но заступление исповѣдающе. Чистотою бо та и яко царьскою багряницею украшена, со царемь яко мати царствующи. «Честнѣйшиа херувимь и славнѣйшю серафим»[14] воспоем, аще же реку вышшюю небесѣ и земли, и всѣх бывших тварей иже от Адама честнѣйшая, сиа глаголя — не погрѣшю. Егоже бо херувими и серафими зрѣти не могуть, но со страхомъ и трисвятое пѣние приносять, сего Чистаа и Пречистаа Мати своими чистыми и честными рукама сподобися держати; и егоже небеса не возмогають вмѣстити, богоприятная же тоя ложесна нетѣсно вмѣсти, и безъ истлѣниа проиде Вседѣтель: якоже дѣву обрѣте чистую, тако дѣву чистую и по рожествѣ соблюде, яко да не порочно будет дѣвьство. Понеже аще и нѣкыа от дѣвъ от великаго воздержаниа и целомудриа и чистоту соблюдааху, а не еже от естьства, сиа Пречистаа и Приснодѣва Мариа не от воздержаниа нѣкоего чистоту дѣвьства имяше, но от самого тоя естьства, и бес труда чистота велия бяше, понеже тако подобаше Царици и Владычици, дѣвѣ ие и матери Сына

Божиа преславна о ней быти, понеже бо преже всѣхъ тварей и вѣкъ Богови преславное вселение пронаречена бывши, о ней же глаголаше пророкъ: «Преславнаа глаголашеся о тебѣ, граде Божий»;[15] и паки: «Помяну имя твое во всяком родѣ и родѣ».[16] Но и сама та Владычица и Богородица пророчьски глаголеть: «Се бо нынѣ блажать мя вси родѣ».[17] Вси роди родовъ ту ублажають. Что же глаголю о земленых, но паче въ пренебесныих и самы аггели и архаггели, яко Царици и Матери тѣх сотворшаго, со страхомъ преже стоять, пѣние приносяще. Мы же, грѣшнии, которыми устнами языкъ къ похвалѣ Чистыа отверземь, якоже длъжно ту достойными хвалами величиа Приснодѣвы Богоматери почесть приносити? Аще бо и умъ аггельский не постизает достойными хвалами ту воспѣвати, но елико тѣмь достойно, юже и сам небесный Отець похвали, и Духъ Пресвятый осѣни, и Сынъ Божий от нея безъ истлени проиде, и вся паче естьства и выше человѣчьскаго и аггельская разума о ней таиньства сбышася.

Но что много глаголю? Не испытанна постигнути немощно, но день нынѣшняго празника празнична же глаголются. Кто бо исповѣсть величиа, еже нынѣ бывшее преславное Владычици чюдо и явление своимь угодникомь, и молитьвеное и милостивное еже ко Сыну своему и Богу о согрѣшающих моление? Что воздаaниа противу тоя благодѣяниа воздадимъ? Точию оное архаггельское слово, яко достойно радости, глаголемь: «Радуйся, обрадованнаа, Господь с тобою,[18] и тебе ради — со человѣки! Радуйся, словесный раю, в немже божественое древо насаждено бысть, Христосъ, а не оно древо, и Адама умершвлей, но паче всѣмъ бесмертие и животъ дарующее![19] Радуйся, божественый киоте, небеснаго бисера в себѣ носящи, Христа, и источниче живыа воды, животъ намъ источившиа! Радуйся, архаггельское ликование и аггельское веселие, и земленородныхъ обновление! Радуйся, Моисиовъ жезлѣ,[20] море раздѣлившее и фараона мучителя силою сына твоего потоплъшее, и изрядны люди в землю обѣтованиа наставльшиа! Радуйся, купно царский и священничьский Аароновъ жезле,[21] от негоже прекрасный цвѣтъ, Христос, процвѣте, и ис тебе безъ истлѣниа родися! Радуйся, свѣтило невечерняго свѣта, всю тварь освѣщающи и еретичьскую мглу далече нѣгдѣ отгонящи! Радуйся и ты, блаженне и преблаженне Андрѣе, отче нашь, и со блаженым учеником Епифаниемь, иже неизреченных видѣний таинникь и зритель извѣстны бывша! Радуйся и ты, блаженней Епифание, сподобивыйся такова учителя ученикь преизрядный нарещися! Блажени же и вси людие, иже пречестный твой праздникъ почитающе, Владычице: тебе бо ради нашь град и вся вселенная от льсти диавольскиа избавися, и крестом Сына твоего всеродный Адамъ в райскую породу паки возвращается; и тебе ради, Владычице, страсти от человѣкь отгонятся, и здравие душевное и телесное приемлемь. Ты бо еси печалным милостивное утѣшение, обрадование, ты бо — Мати истиннаго живота; аще и прииде от земля ко небесныимь, но с плотию жива сущи, тѣмже и тамо съ Царемь и Сыномъ присно соцарствуеши вь небесных. Тѣмже молимся тебѣ, яко милостивой и милостиваго Бога рождеши сродствиа нашего: аще и согрѣшихом, помощию не отступай, но присно предваряя от бѣдъ и скорбей избавляа насъ. Ты бо, Владычице, православнымь людемъ прибѣжище и град твердый от лица вражиа, и твоего заступлениа и помощи требуемь, и твоею надеждею крѣпимся, и силою Сына твоего

противныа полци побѣждаются. Тѣмже, Богородителнице, якоже тогда милостивно о людехъ, тебе чтущих Царицю, промышляше полезнаа, тако и нынѣ не престай своимъ честным покровом покрывающи и совѣты варварьскыа, иже ратующих, низложи, и всѣхъ, иже въ честный храмъ твой приходящих и молитвы и молениа тебѣ приносящих, *спасай. Яко* да твоими молитвами *настоящую* жизнь сию немятежно прейдемь и вѣчных благъ сподобимся о томь самом Владыцѣ и Господѣ нашем Исусѣ Христѣ, емуже слава и держава, честь и поклоняние со безначалным Отцемь и Пресвятым, и Благым, и Животворящимь Духомъ и нынѣ и присно, и въ вѣкы вѣкомь. Аминь».

---

[1] *Рождество Пресвятой Богородицы* — двунадесятый праздник православной церкви, отмечается 8 сентября.

[2] *...праматерняя клятва...* — Праматерь — так именуется Ева, прародительница всех живущих, жена первого человека Адама; праматерняя клятва — имеется в виду наказание, наложенное на Еву Богом за нарушение райской заповеди.

[3] ...*и Адамъ отъ вѣчныхъ узъ свободися...* — Адам — первый человек, родоначальник всего человечества; грехопадение Адама — один из центральных моментов христианского догматического учения, оправдание, спасение и жизнь людям дарованы только через пришествие «второго Адама» — Иисуса Христа.

[4] *...Иаковля лѣствица утверждашеся...* — Иаков — ветхозаветный патриарх, он же — Израиль, второй сын Исаака, еврейского патриарха. Согласно Библии Иаков получил предсмертное отеческое благословение, права первородства, вместо своего брата-близнеца Исава, который после смерти отца решил отомстить ему. Испугавшись мести брата, Иаков бежал в Харран. По пути, в Лузе, его посетило чудесное сновидение: он увидел лестницу, спускавшихся ангелов и Господа, услышал божественный голос, после чего уверовал в то, что само Провидение отдало ему права первородства. Символ виденной Иаковом лестницы, соединившей небо и землю, стал пророческим символом рождества Богородицы.

[5] *...и пророци возрадовашася, своему пророчъствию сбытие зряще...* — Вероятно, имеются в виду пророчество ветхозаветного пророка Исайи (VIII в. до Рождества Христова; память 9 мая), предсказавшего пришествие Мессии, за что и получившего прозвище «ветхозаветного евангелиста», в «Книге пророка Исайи» сказано: «Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя ему: Еммануил» (Исх. 7, 14); видение Иаковом лестницы, соединявшей землю и небо (см.: Быт. 28, 12); предсказания пророка Иеремии (VII—VI вв. до Рождества Христова), предчувствовавшего превосходство и необходимость Нового Завета; предвидение пророком Иезекиилем двери затворенной, через

которую прошел Бог Израилев, чтобы посетить и дать избавление людям своим (см.: Иез. 44, 2); свидетельство Иоанна Крестителя, предрекавшего пришествие Иисуса Христа (см.: Иоан. 1, 15).

[6] *Давид* — воин, пророк, псалмопевец, еврейский царь, царствовал с 1055 по 1015 г. до Рождества Христова. Победив великана Голиафа, приобрел народное расположение, но преследовался Саулом, от которого спасался бегством, после смерти Саула стал царем, впоследствии завоевал Иерусалим и перенес туда свою резиденцию и Ковчег Завета. Задумал создание храма Богу, строительство которого поручил своему сыну Соломону.

[7] *...видѣвъ отъ него правнуку родившуюся...* — Имеется в виду, что Богородица по отцу (св. Иоакиму) происходила от Давидова рода.

[8] *«Слыши, дщи, и виждь... ухо твое»...* — Пс. 44, 11.

[9] *...Констянтинеградѣ...* — Константинополь — город основан императором Константином в 303 г. (отсюда и его название), русское название Царьград, столица Византийской империи, расположен на берегу пролива Босфор, его европейской части. В 1453 г. город покорен турками, он становится столицей Османской империи, получив название Стамбул.

[10] *«Спаси мя, Господи... отъ сыновъ человѣчьскихъ».* — Ср. Пс. 11, 2.

[11] *...в Костянтинѣградѣ нѣкая стропотная содѣвахуся...* — Речь идет о вторжении сарацинов в пределы Византии и об упадке самой Греческой империи в X в.

[12] *...Влахерна именуема...* — Влахернская Богородичная церковь.

[13] *...даждь до самого патриарха и царя...* — По преданию, праздник Покрова был установлен при царе Льве VI Мудром (Философе) в начале X в., в это время в Константинополе сменилось два патриарха Николай I (895—906) и Евфимий II (906—911). Описание иконы Покрова Богородицы, относящееся к XV в., называет имя св. патриарха Тарасия (784—806), стоящего в ряду людей, символически представляющих весь род человеческий вместе с императором Львом Философом, императрицей Феофаной, Романом Сладкопевцем, св. Андреем и Епифанием. (См.: *Сычев Н. П.* Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины имени императора Николая II при Русском музее императора Александра III. Петроград, 1916. С. 23).

[14] *«Честнѣйшиа херувимь и славнѣйшю серафимъ»...* — Используется текст церковного песнопения в честь Пресвятой Богородицы «Честнейшую херувим и славнейшую во истину серафим без истления Бога Слово рождшую сущую Богородицу тя величаем...»

[15] *«Преславная глаголашеся о тебѣ, граде Божий»...* — Пс. 86, 3.

[16] *«Помяну имя твое во всяком родѣ и родѣ».* — Ср. Пс. 101, 13; Пс. 134, 13.

[17] *«Се бо нынѣ блажать мя вси родѣ».* — Лк. 1, 48.

[18] *Радуйся, обрадованная, Господь с тобою...* — Рефрен Акафиста Богородице, далее используется акафистная форма песнопений.

[19] *...а не оно древо... животъ дарующее!* — В Едеме, райском саду, было два дерева — дерево познания добра и зла, от которого вкусил запретные плоды вместе с Евою Адам, за что был изгнан из Рая и лишен бессмертия, и дерево жизни (Быт. 2, 9).

[20] *...Моисеовъ жезле...* — Жезл Моисея, жезл знамения (Исх. 4, 17); в книге Исход (14, 15—30) повествуется о том, что Господь жезлом Моисея при переходе через Чермное море разделил воды для Израиля и потопил преследовавшие избранный народ войска фараона. Моисей вывел еврейский народ из Египта и привел в землю Ханаанскую, обетованную.

[21] *...Аароновъ жезле...* — Имеется в виду пустивший почки и расцветший жезл первого ветхозаветного первосвященника, старшего брата Моисея, Аарона (Чис. 17, 8). Согласно учению апостола Павла Аарон был прообразом Иисуса Христа, первосвященника Нового Завета (Евр. 5, 4—6).

ПЕРЕВОД

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЧЕСТНОМУ ПОКРОВУ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ. ТВОРЕНИЕ СМИРЕННОГО ИЕРОМОНАХА ПАХОМИЯ

Так как род человеческий по обычаю праздники святых с похвалами празднует, то праздники Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, которая святейшая из всех честная Царица, с еще большей любовью почитать мы должны и как высшей из святых и наивысшую похвалу приносить, подобающую Царице и Владычице, Царя и Владыку всем родившей. Однако мало времени прошло с тех пор, как праздновали мы честной праздник Рождества Пречистой Богоматери: тогда рождеством ее праматеринское проклятие было истреблено, и Адам от вечных оков освободился, и Бог с нами примирился; ибо тогда Иакова лествица утверждалася, так как Бог восхотел по ней к людям сойти и людям путь сотворить к небесным; тогда и пророки возрадовались, своего пророчества узрев свершение; тогда и Давид, увидев от него правнучку родившуюся, ударяя в гусли, взыграв духом, говорил: «Слушай, дщерь, и виждь, приклони ухо твое»; тогда не только пророки, но и все вышнее и земное творение вместе праздновали. Ныне же вечно честнейший новейший Владычицы и Богородицы Покрова праздник. Да уверятся все и узнают, что не только, когда с нами, в мире, была, с просьбой к своему Творцу и Сыну милостиво обращалась, молитву и милосердие <нам свои> являя, но

паче и по преславном своем преставлении, от земных в небесные, и тогда не перестает нас посещать, сострадание свое являя.

Поистине хорошо знать, откуда и по какой причине сей пречестной Покрова праздник постановили святые отцы в Константинеграде праздновать. Хотя и в Константинеграде, в котором спасительные дела создавались, но потому там, что, когда <там> истина иссякла, а грех приумножился, как при пророке: увидел Давид в Израиле истину попираему, помолился, сказав: «Спаси, меня, Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынов человеческих». Ибо когда правда побеждает беззаконие, тогда и милосердие Божие к себе привлекаем, а если грех — тогда и негодование Божие. Как уже мы прежде сказали: в Константинеграде свершалося некое беззаконие, могущее Божью немилость навлечь. Но нигде не оставляет Богородительница без помощи своей и непрестанно молится, и просить не перестает о роде человеческом. Так и дивный Андрей, считавшийся людьми юродивым, гораздо более превосходит разумом многих, которые мнили себя в премудрости витиями. Не во внешней премудрости искал он, но более всего высшего желал и к тому стремился, и под юродством свое житие великое скрывал, словно золото в сосуде глиняном, сего ради и славы не требовал, и срама людского не стыдился ради той славы, чтобы избегнуть того срама, что бывает пред ангелами и людьми грешным. Сему же блаженному Андрею и ученику его Епифанию открылося сие божественное и пречудное Пречистой видение ни во сне, ни в воображении, но истинно и на яву, как покажу ныне.

Когда блаженный Андрей, о котором нам <предстоит> слово, пришел в божественную и великую церковь Владычицы и Богородицы, именуемую Влахерна, с учеником своим Епифанием, то видит преславное видение, видит же теплую заступницу христианского рода, в церкви в воздухе стоящую, и с множеством воинов ангельских чинов, и с Предтечею, и Богословцем, и с иными многими святыми, со слезами, как Мать, молящуюся Творцу своему и Богу, дабы пощадил людей согрешивших и согрешающих, так говорящую: «Боже мой, и Творец, и Сын! Прости всяческие согрешения христианскому роду, на тебя Бога и Вседержителя уповающему, и святое и великолепное имя твое призывающих, и меня, рабу твою и мать, от них тебе ходатайствующую и молящуюся, с любовию почитающих». Тогда же Владычица и Богородительница, дерзновение пред ним стяжавшая, град и людей честным своим омофором покрыла, показывая божественное милосердие к людям и свою о нас заботу. И так как и сие божественное чудо, и покров Пречистой Богородицы не утаилися, но паче всем явлены были, даже самому патриарху и царю, потому, пречистый многосветлый праздник Покрова Пречистой учредив, постановили праздновать его месяца октября в 1-й день, что творит церковь и до сего дня во славу и честь великому Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и его Пречистой матери, просительницы и молитвеницы пред Богом.

Вот почему и нам с тех пор, празднолюбцы, следует сей светлый и преславный новейший праздник Покрова Владычицы и Спасительницы

граду же и людям с большою любовию почитать и достойную честь, как Царице и Владычице, воздавать, не потому, что она от нас похвал и славы требует, но паче для того, чтобы мы благодаря ей прославлены были. Священники, и цари, и все племена человеческие, богатые и нищие, и все люди, похвалу праздничную да воспоем и да прославим как матерь Божию и нашу помощницу. Каждый пусть благодарение принесет: один — смирение с благоговением, другой пост и молитву пусть дарует Владычице, пусть иной простирает руки в подаянии нищим, а иной гнев брату простит, и так творя Богородицу возвеличим. Ибо таких приношений праздничных требует она, а не с тимпанами и гуслями, и пиршествами, как еллинские отроки празднуют, но в молитвах Богородительнице пение, за обновление жизни нашей благодарения, как долг воздадим, благодати не тая, но о заступничестве <ее> возвещая. Ибо чистотою она как царскою багряницею украшена, со царем как матерь царствует. «Честнейшую херувим и славнейшую серафим» воспоем, и если назову ее высшею, чем небеса и земля, и всех сущих тварей от Адама честнейшею, то так говоря — не согрешу. Ибо того, кого херувимы и серафимы зреть не могут и со страхом и трисвятое пение ему приносят, того Чистая и Пречистая матерь своими чистыми и честными руками сподобилася держать; того, кого небеса не могут вместить, богоприимная ее утроба без труда вместила, и без растления прошел Всесоздатель: как деву обрел чистой, так деву чистой и по рождестве сохранил, да непорочно будет девство. Потому что если некоторые из дев по великому воздержанию, но не по естеству, целомудрие и чистоту сохраняли, то сия же Пречистая и Приснодева Мария не от воздержания чистоту девства имела, но по самому своему естеству, и без труда чистота великая была, ибо так подобало сбыться о ней преславному <чуду>, о Царице и Владычице, девственнице и Матери Сына Божьего, потому что прежде всех тварей и времен была она предназначена Богу преславным вместилищем, о ней же сказал пророк: «Преславное говорят о тебе, град Божий»; и еще: «Помяну имя твое во всяком роде и роде». И сама та Владычица и Богородица пророчески говорит: «Се бо ныне блажат мя вси роды». Все народы народов ее прославляют. Что сказать о земных, если и в пренебесных сами ангелы и архангелы, как Царице и Матери их сотворившего, со страхом пред нею стоя, пение приносят. Мы же, грешные, какими словами отверзем уста к похвале Чистой, как должно ей почесть приносить, достойную хвалами величия Приснодевы Богоматери? Если и ум ангельский не постигает достойными похвалами, какими им свойственно, воспевать ту, которую и сам небесный Отец восхвалил, и Дух Пресвятой осенил, и Сын Божий от нее без истления пришел, и все, паче естества и человеческого и ангельского разума, о ней таинства сбылись.

Но что много говорю? Неиспытанного постигнуть нельзя, но ныне о нынешнем празднике праздничное же говорится. Кто же возвестит о величии, ныне бывшего преславного Владычицы чуда и явления своим угодникам, и о молитвенном и милостивом ее к сыну своему и Богу о согрешающих прошении? Какое воздаяние принесем в ответ на ее благодеяние? Только то архангельское слово, как достойное радости, произнесем: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою, и тебя ради — с людьми! Радуйся, одушествленный рай, в котором божественное древо,

Христос, посажено было, и не то древо, что Адама умертвило, но, напротив, всем бессмертие и жизнь дарующее! Радуйся, божественный киот, небесной жемчужины, Христа, в себе носящий, и источник живой воды, жизнь нам источивший! Радуйся, архангелам ликование и ангелам веселие, и рожденным на земле обновление! Радуйся, Моисеев жезл, море разделивший и фараона-мучителя силою сына своего потопивший, и избранным людям в землю обетованную указавший дорогу! Радуйся, вместе царский и священнический Ааронов жезл, от которого прекрасный цвет, Христос, расцвел и из тебя без истления родился! Радуйся, светило невечернего света, все творение <Божее> освещающее и еретическую мглу далеко отгоняющее! Радуйся и ты, блаженный и преблаженный Андрей, отче наш, и с блаженным учеником Епифанием, что был достоверным свидетелем тайн неизреченных видений! Радуйся и ты, блаженный Епифаний, удостоившийся такого учителя учеником преизрядным называться! Блаженны же и все люди, пречестный твой праздник почитающие, Владычица: тебе благодаря наш град и вся вселенная от лжи дьявольской избавились, и крестом сына твоего праотец всего рода человеческого, Адам, в рай опять возвращается; и тебя ради, Владычица, страсти от людей отгонятся, и мы здравие душевное и телесное приемлем. Ибо ты печальным милостивое утешение, радость, ты — Матерь истинной жизни; хоть ты и преставилась от земли к небесным, но во плоти, будучи живой, потому и там с Царем и Сыном вечно соцарствуешь в небесных <селениях>. Потому молимся тебе, как милостивой и милостивого Бога родившей рода нашего: если и согрешили, без помощи не оставь, но вечно ограждай от бед и от скорбей избавь нас. Ибо ты, Владычица, православным людям прибежище и ограда крепкая от лица вражеского, и твоего заступничества и помощи просим, и надеждою на тебя укрепляемся, и силою Сына твоего вражеские полки побеждаются. Потому, Богородительница, как тогда милостиво о людях, тебя чтущих Царицею, заботилась, так и ныне не переставай своим честным покровом покрывать, и замыслы варваров воинствующих низложи, и всех, приходящих в честной храм твой и молитвы и моления тебе приносящих, спасай. Да твоими молитвами жизнь сию безмятежно пройдем и вечных благ сподобимся, благодаря самому тому Владыке и Господу нашему Иисусу Христу, которому слава и держава, честь и поклонение, с безначальным Отцом и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Духом и ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

От жития преподобного отца Саввы…

Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Федотовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Саввы Вишерского было создано, как пишет сам агиограф (Пахомий Логофет), по повелению архиепископа Ионы, который посетил монастырь в 1461 г., но некоторые списки Жития свидетельствуют о том, что первоначально записки о жизни Саввы были

собраны и написаны игуменом Савво-Вишерского монастыря Геласием (имеется приписка: «Нискано же бысть изобрѣтено блаженаго Савы житие священноиноком Галасием, бывшаго тогда игуменом тоя обители в лѣто 1464, индикта 12 день»; см., например, рукопись: *РНБ,* собр. Погодина, № 850, л. 731). Затем (после 1464 г.) Пахомий Серб оформил их в Житие. Верхняя граница создания Жития — 1472 г. — год создания Жития Ионы Новгородского, в котором упоминается Житие Саввы Вишерского. Древнейшие списки Жития датируются XV в. *(РНБ,* Соловецкое собр., 518/537; Основное собр., (3. 1. 999). Позднее в XVI в. Житие пополнилось пятью чудесами («О настоятеле обители», «Об архиепископе Ионе», «О том же Андрее», «Об Иоанне, одержимом лихорадкою и исцелившемся от гроба святого», «Об Устиане и о видении святого»). (См.: *Янковска Л. А.* Житие Саввы Вишерского. Типологический и текстологический анализ // Zeszyty naukowe widziału humanistycznego Universytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska. Gdańsk, 1979. N 8. S. 41—58). Список XVII в. из *РНБ* (ОСРК, Р. I. 729) представляет особую редакцию, в которую добавлены и сведения из Родословной книги о роде Бороздиных, к этому роду принадлежал Савва Вишерский.

Пахомий Логофет, вероятно, был почти не знаком с жизнью Саввы, хотя они и были современниками. Многие факты биографии Саввы Вишерского до сих пор являются спорными и неизвестными. Савва Вишерский, канонизированный Церковным Собором 1549 г., происходил, по свидетельству Иосифа Волоцкого (см.: Преподобного Иосифа Волоколамского отвѣщание любозорным и сказание вкратце о святых отцех, бывших в монастырех, иже в Рустей земли сущих), из рода Бороздиных, сын Ивана Васильевича Бороздина. Родился он около 1380 г. в городе Кашине Тверского уезда, постригся, вероятно, в Саввино-Сретенском монастыре, расположенном тогда к юго-западу от Твери на реке Тьме. Возможно, некоторое время он был настоятелем этой обители, которую покинул до 1416 г., уйдя, согласно тому же Иосифу Волоцкому, на Афон. (Ни один список Жития Саввы Вишерского в редакции Пахомия Серба этот биографический факт не отражает). Со Святой Горы Саввой Вишерским был вывезен список Кормчей книги (см.: Описание славяно-российских рукописей собрания графа Ф. А. Толстого. М., 1825. Отд. 1. № 169. С. 92). После возвращения с Афона в поисках уединения Савва поселился на реке Вишере около Новгорода, где им и был основан в 1417 г. монастырь.

Основной подвиг, не свойственный русскому средневековью, но которым при жизни еще прославился Савва Вишерский и который отражен в его Житии (чудо 5, о столпе), это подвизание на столпе, за такое ревностное служение Богу в народе его называли Саввою-столпником.

Иона Новгородский, повелевший написать образ святого и сочинить канон ему, установил задолго до канонизации и местное почитание и празднование памяти преподобного в монастыре.

Дата смерти святого Саввы Вишерского, не обозначенная в Житии, а позднейшими святцами и церковными историками определяемая как 1

октября 1460 г., вызвала сомнение уже у В. О. Ключевского. Отметим здесь только, что Евфимий Вяжецкий, которому, согласно Житию, Савва передал заботу о монастыре, умер 10 марта 1458 г.

Текст публикуется по Софийскому списку Великих Миней Четьих. *РНБ,* Софийское собр., № 1318. лл. 15—17 об.

ОРИГИНАЛ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ОТ ЖИТИА ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА САВЫ, ИЖЕ НАД ВѢШЕРОЮ РѢКОЮ ЖИВШАГО И ТАМО МОНАСТЫРЬ ОБЩЕЕ ЖИТИЕ СОСТАВЛЬШАГО. СОТВОРЕНО СВЯЩЕННОИНОКОМ ПАХОМЪЕМЬ

Благослови, отче!

Добро убо и зѣло полезно иже божественных мужий житие повѣствовати, но не яко ты от нас похвалы требующе, но яко инхь воздвигнути хотяще к тѣхъ преизящному подвигу и любви еже к Богу. Понеже обаче божественаа благодать, иже работающих Тому со страхом дерзновенно любовию *прославити их.* Иже здѣ крыющася ради добродѣтели, заеже утаитися от человѣкъ мняще, Богъ же болми явленно творить не токмо в животѣ, но и по преставлении, заеже таковии мира сего вся преобидиша, ови малая, инии великаа, но обоих едино произволение бяше и ко единому иже блаженьству зряху.

Постнически подвигшеся, жестокий, весма же скорбный ходивше путь, и зде мученици, и бес крове, произволениемь бывше, по реченному, по вся дни скорбяще и злостражюще,[1] и в пустыняхъ скитающеся, овогда пища лишаемь, иногда же одежда, множае же паче от бѣсовь брани приемлюще, не бо тѣмь брань бяше къ крови и плоти, но къ духомь злобнымь поднебесным, но паче же к самому тому, иже исперва хвалящемуся потребити землю же и море. Но обаче нынѣ от таковых божественых мужь не токмо подсмѣанъ бывает, но и попираемь, якоже речено есть: «Се дахъ власть наступати на змиа и скорпиа, и на всю силу вражию, и ничтоже вас вредить».[2] Что бо тѣхъ возможе вредити, иже ни самаа телеса своа или душю пощадивше ради Христовѣ любве, якоже и самъ Христос глаголеть: «Иже погубить душю свою мене ради и Евангелиа моего, той спасеть ю».[3]

Отнюдуже иже воистинну нынѣ нама похваляеми блаженный Сава да речется: откуду и от коеа страны бяше, и како прииде, и кое житие имаше. Явѣ, убо Тверскиа земли бяше, града убо Кашина,[4] рода убо не проста, но паче велика и всѣмь знаема,[5] тамо возрасть и воспитание имѣа. И понеже юнъ сый тѣломъ, но свершенъ добродѣтелию, аще бо тогда мирскаа ношаше, но вся иноческаа дѣла тому бяху, глаголю же: постъ и молитва, и всѣхь первие сверстник своих въ церкви обрѣташеся. По сем же рачениемь божественым и любовию еже к нему изволися ему иноку быти, но убо еже в мысли имѣаше, уже конець дѣлу совершити хотяше: *и изыде от своего дому, и от своих сродникъ, и прииде въ честную обитель святаго Савы, отстоащи от осподьствующаго града Твери 15 поприщъ на рѣцѣ, глаголемѣй Тмѣ, и вселися ту****[6]*** возложи бо на ся иноческии образъ.

И в нѣких от ихже тамо монастырей бывь, жестокое житие проходя, рекше: в поварни и въ хлѣбни, и во иных службах, к сему же и смирение безмѣрное, аще кто инъ. Еже видѣвше иже тамо отци вси, яко аггела Божиа посреди себе имѣаху, паче же и сродници его, и вси велможи земли тоя того имя яко священие нѣкое обношаху, всѣмь того хвалящим, овемь того смирение глаголющим, овем же зѣлное воздержание и постъ того другъ другу повѣдающим, но паче же тъй, яко и от уности не требуа. Паче же изволися ему, по Аврааму, изити от земля своеа и от роду своего и ити в землю, идеже никтоже того вѣсть, и тамо прочаа лѣта житъ яко не знаем.[7]

Тѣмже и симь помыслом — тако Богу того спасение строяху — приходить въ преименитый великый Новъград, егоже вѣсть слово тако нарицати, приходит же не тако явленно во град или явлена себе творя иже тогда пръвостоятеля, но яко единъ от нищи и странных, нигдеже никомуже явився, ниже бесѣдовавъ. Но прииде, Богомъ наставляем, на Вѣшеру реку[8] и ту малу колибу въдрузивъ, и тамо молящеся пред образомь Пречистыа *Богородица,* юже со събою имяше. Прилучи же ся нѣким человѣкомь от Новаграда видѣти его тако на молитвѣ стояща, и от комарей ниж самого его лица видѣти, бяше бо тогда пост святых апостолъ.[9] Прочее же человѣци ти удивишася того житию и познаша того истинна человѣка Божиа быти.

И понеже видѣ, яко познанъ бысть, тѣмже оттуду отходит во ино мѣсто близъ рѣкы Сосница,[10] тако той именуемо, и тамо вселися, идеже и жесточайшее житие начат жити, в постѣ и в молитвѣ упражняася. Но понеже «немощно бяше граду укрытися врьху горы стоящу»,[11] увѣдено бысть нѣкимь того житие, и начаша к тому приходити и скуднаа приносити. Таже помалѣ и слухъ происхождаше о немь во всем Новѣградѣ, даждь и до самого архиепископа Иоана,[12] иже тогда престолъ тоа церкви правящаго. Тѣмже посылаеть к нему видѣти его: кто, и каковъ есть, и что житие его, яко искушаеть того нѣкаа досадителнаа тому изрещи, яко, презрѣвшаа архиерейскую честь и безъ обавлениа ту того живуща. Пришедшю же посланному от архиепископа и ако съ запрещениемь к нему, рече: «Како сдѣ смѣлъ еси сѣсти, на мѣстѣ семь, безъ благословениа архиепископова?» Он же смирениемь отвѣща, притьчю приемъ: «Нѣкотораа дѣвица сѣдящи у оконца своего близъ нѣкоего позорища, иже бестудно на вся зрящи; другаа же в той же храминѣ у иного оконца сѣдящи, со благоговѣниемь о своемь дѣвьствѣ и чистотѣ внимающи. Тогда иже тамо мимоходяще человѣци о прьвой дѣвѣ и о бестудии еа глаголюще: „Сиа во многоглаголании своем не сохранит свою чистоту". О друзий же глаголаху: „Яко сиа дѣва, иже со благоговѣниемъ тако сѣдяще, сохранит свою чистоту бес порока". Нам же, государю, наипаче подобает внимати себѣ и сохранити на неже изыдохом, мы бо здѣ, в сей пустыни, живуще, ни тебе отбѣгающе, но мира удаляющеся, молитвъ же твоих и благословениа всегда требуемь, и да пребываеть с нами».

Возврати же ся посланый къ архиепископу и повѣда ему вся о блаженномь Савѣ: и о житии его, и о постѣ, и о нищитѣ. Архиепископъ, услыша сиа, желаниемь побѣжаа, и восхотѣ самъ видѣти его. И ако идяше архиепископъ к того обиталищю, срѣте его, еще далече сущю,

блаженый Сава во простых ризах, якоже обычай бяше — всегда тому тако ходити. И ако видѣ архиепископа, пад пред нимь со всякимь смиреномудриемь, поклонися, якоже достоить святителю. Архиепископъ же, благословивъ того и не знааше, яко той есть Сава, но мняше странна нѣкоего быти, повѣле же ему и сѣсти съ собою, и ити с [нимъ], идеже Сава жилище имѣаше; и понеже аще тому и не хотящю сѣданиа с собою, сподобляеть того. И сему тако бывающу, и духовнаа словеса архиепископу с нимь глаголющю, и позна того не проста быти, но свершена нѣкоего мужа, и сего ради паче возлюби его. И понеже близъ жилища бывше, востаетъ Сава скоро от мѣста сего и смирениемь поклонися архиепископу, и исповѣда ему о себѣ, яко «азъ есмь грѣшный Сава». Тогда архиепископъ подивися того смирению и того любовию благословивъ, прочее оба внидоша въ храмину Савину и ту многа бесѣдовавше. И многу часу минувшю, архиепископъ, поучивъ того непредкновенно въ трърпѣнии пребыти и тако укрѣпивъ его и учредивъ не токмо и духовною пищею, но и телесною, прочее во град возвратися, старца же великое житие по Бози похваляа. И оттолѣ архиепископъ великую вѣру стяжа ко блаженному Савѣ и ако велика нѣкоего имяше, тѣмже и всегда потребнаа тому присылааше.

О разбойници. Чюдо 1.

Начат же Сава и келии здати в покои братиамъ. Не стрърпѣ лукавый врагъ, но позавиди тому, нѣкыих от разбойникь навади еже прити к нему и пакость створити, мняще нѣкоего богатьство у него быти. И ако приидоша, тому келию строящю, и лестию благоговѣйни ся мняще, благословение испросивше. Старець же, познавь тѣхъ лукавьство, яко разбойницы суть, и сего ради яко с молениемь глаголеть тѣмъ: «Чада, сотворите любовь, помозите ми воздвигнути древо на стѣну». Повелѣваеть же тѣмь за тончайший конець *бревно взяти, сам же за тяжчайший конець приать****[13]*** воздвизаше древо. Онѣм же всѣм немогущимъ своего конца на стѣну возложити, старець же Божию помощию, яко силенъ, единъ взем древо на стѣну возложи. Видѣвше же сиа разбойницы, другъ на друга взирающе со удивлениемь, тѣмже срамом и страхомъ обиати бывша, прочее отбѣжаша паче боящеся, да нечто пакостно от старца постражуть.

Чюдо 2. О поставлении монастыря.

По сем же нѣкоему времени минувшу, нѣции от инокъ монастыря, иже Лисичиа гора зовомаа,[14] не оставляху старца тамо житие имѣти, выше бо помянутого монастыря бяше мѣсто то. И сего ради блаженый Сава, яко услыша брань, бывающу о мѣсте, посылает тогда во град нѣкоего от ученикь своих, именем Ефрема,[15] въ Славный конець,[16] посадникомь и тысяцким, и прочим господинимь, христоименитымъ людемъ, испросити от них мѣсто над Вѣшерою рѣкою и тамо обитель составити.[17] Они же с радостию даша ему мѣсто, иже прошаше. И симъ тако бывающимъ, блаженый Сава вселися тамо и всячески, елико мощно, подвизашеся обитель составити, и келию бо водрузивъ, прочее и церковь помысливъ здвигнути во имя Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, честнаго его Вознесениа, иже того самого Господа нашего Исуса Христа помощию и поспѣшениемь и церковь воскорѣ

поставлена бысть.[18] Тѣмже начаша к нему мноза приходити: овы ползы ради, овы же жити ту хотяще, той же радостию приимаше тѣхъ.

Чюдо 3.

Бѣ же у него мирянин нѣкий, служай тогда в монастыри том, весма лѣнивъ к послушанию, много пререкованиа творя старцю, заеже многа дѣла старцю начинающу. Он же, утѣшаа того, глаголаше: «Не скорби, чадо, но потръпи своя уреченыа дни, и прочее множае отдадимъ, нежели обѣщахомся тебѣ». Мирянин же той умилився о словесех старца, паче же позна в себѣ коварьство вражие быти, и к тому множае паче инѣхъ начатъ тружатися.

Чюдо 4. О иноцѣ.

В та же времена прииде инокъ нѣкий видѣти блаженнаго Саву, бяше бо от многых слышалъ о того великомъ житии. Старець же того срѣтаеть, бяше бо обычай блаженаго Савы: егда прихождаше кто к нему от инѣхъ странъ, исхождаше противу и срѣташе того тамо, идеже крестъ водруженъ бяше, и тамо молитву сотворивъ, с тѣмь къ церкви прихожаше, и молитву сотворивъ, прочее того в келию введе, бесѣдоваше с нимъ. Якоже преже рѣхом, старцю тому к нему пришедшю и бесѣдавшу доволно, и вечеру бывшю, дасть покой пришедшему брату, сам же вземь жерновы, своима рукама меляше. Слышит же пришедший брат старца меляща и псалтырь изъ устъ глаголюща всю нощь, даже и до заутреняго правила, начатъ в себѣ удивлятися и глаголати, яко множае видѣхъ, нежели от инѣхъ слышавъ. Наутриа же, вземь благословение от старца, восвоаси возвращашеся, проповѣдует всѣмь превеликое святаго житие, себе же яко лѣнива укоряеть.

Чюдо пятое. О столпѣ.

По сих же нѣкоим временемь прошедшимь, и созда себѣ столпъ и тамо вшед, всю седмицу в постѣ и въ молитвѣ пребываше, даже и до суботы. В суботу же схождаше от столпа къ братии и с ними пища причащашеся. Такоже и в недѣлю молебнаа совершивъ и вкупѣ ядъше, и полезному поучивъ, паки на столпъ восхожаше. И такоже подвизашеся даже и до другыа суботы. Симь же тако о блаженемь бывающим.

Чюдо 6. О приходѣ брата къ святому.

Слышавъ о немь иже братъ его по плоти, приде к нему видѣтися с ним и глаголати. Старец же никакоже не восхотѣ видитися с нимь, ни бесѣдовати. И много ту пребывающю, едва старець умоленъ бывъ видѣтися с ним и ничтоже беседовати. Тогда изыде к нему блаженый и благословивь того, ино ничтоже не глаголавь, паки на столпъ взыде. Брат же того видѣ, с радостию восвоя возвратися *хвалу Богу воздая,* творящему дивнаа и преславнаа, еже видѣста очи наши.

Чюдо 7. О разбойницех.

По нѣкихже временех придоша разбойници, хотяще монастырь разграбити. Старець же на столпѣ стоя на молитвѣ, еще далече узри тѣх грядущих и позна лукавьство, и на что приидоша, тѣмже удари на столпѣ жезлом. Разбойници же слышавше, мняху, яко ученики приглашает, Ефрема и Андреа, страхом обьяти бывше, прочее же отбѣжаша — молитва тѣх прогонящи. И оттолѣ престаша разбойници приходити в монастырь, и множае побѣжени бывше, нежели побѣдившее.

О преставлении святаго.

Сим же тако бывающим, прихожааху к нему отвсюду ползы ради. «Всѣмь бо всякъ бывааше»,[19] по апостолу, всѣх наказуа и всѣхь яко свои уды милуа, старыхъ яко братию, юнѣиших яко чада, и не бѣ ту оскорбляема или оскорбляюща, вси бо утешаеми бяху Савою.

Пребысть же многа лѣта в томъ жестоком злострадании, и осмидесято ему лѣто того житию прохожаше, в болѣзнь телесную впад. И хотяше уже и телеснаго съуза раздрѣшитися и естества отдати долгъ, тѣмже призывает к себѣ всю братью, и поучивь их о ползѣ, и духовными словесы доволно тѣх напитавъ, еже во православии и во обѣщании иночьскых пребывати, наипаче смирением украшатися, конечное же рекъ имъ: «Еже видѣсте мене творяща, сиа и сами творите».[20] Многаа же инаа изрекь, яже к тѣмь ползѣ и спасению. По сих же монастырь съ братиею, иже от самого того блаженаго Савы устроению, вручаеть всесвятѣйшому, иже тогда престолъ правящему великиа церкви, архиепископу Емилиану,[21] еже промышляти тѣмь и пещися, старѣйшим же братии повелѣ быти, яко теплѣйших иже к нему вѣрою, иже и многы труды показавшим на мѣстѣ томъ, Ефрему и Андрею.

По сих же начатъ тѣлом изнемогати, иже душею крѣпкый, чьстныих таинъ Христовыхъ причастився, душю свою мирно Господеви предасть октября месяца въ 1 день, заповѣдавь учеником своимь: «Егда от тѣла душа моя разлучится, никоеяже чти мене не сподобите, но тако просто мене по земли влекуще до гроба, земли предадите».

Ученици же того, яко видѣша тогда отца усопша, немалу скорбь и разлучение наставника своего имуще. Прочее псалмопѣниемь и пѣниемь надгробным честно яко отца и промыслителя тѣх спасению почетше, землею покрывают трудолюбное и многострадалное тѣло блаженнаго Савы промежи церкви и столпа, в немже добрѣ подвизался бяше.[22]

Ученици же того, яко видѣша наставника своего къ Богу отшедша, множае тружатися начаша о монастырьском строении, да ничтоже монастырьскаго обычаа или преданиа отечьскаго от них же разорится, паче же и о душевных: еже видиша у отца творяща, сиа наипаче тщахуся собою дѣлы исправити; толико бо тщание показаша, елико доволно образъ многым быти. Глаголють же о том Андрѣи, учиници блаженаго Савы, яко толико изнури себе воздержанием, елико токмо кожи и костем видѣни быти, и тако в том велицем житии, реку же, въ

безмѣрном постѣ и въ молитвѣ душю свою с миром Господови предасть, во всемь ревнитель бысть наставника своего житию.

О пожарѣ монастыря.

По нѣкыхже и немалых вреженехъ, помощию Божиею и молитвами святаго монастырю добрѣ цвѣтущю, но, понеже не терпя сиа врагъ, бысть в монастырѣ том пожаръ великъ, иже поясть огнь весь монастырь, церковь же и столпъ и со иными келиами; гробъ же блаженнаго Савы промежю столпа и церкви, киоту немалу над готовѣмь гробомъ водружену, никакоже не вредит огнь, ниже прикоснуся, пламени отвсюду того окружающу. Се убо прьвое по преставлении святаго чюдо, паче же чюдо и смотрение Божие бысть, яко да увѣрятся и познают вси: яко славящеи Бога болмѣ тѣх Христос прославляеть; иже здѣ крыющеи дѣланиа своа благаа, явлени паче творить пред аггелы и человѣки, сам бо реклъ есть пророком: «Ищущеи бо мене обрящуть благодать»;[23] но понеже симь бывающимь.

О исцѣлѣвшемь от гроба святаго.

Нѣкыи убо человѣкъ, Иванъ именемь, и еще в животѣ велию вѣру имѣ къ блаженному Савѣ, тѣмже и по преставлении еже к тому вѣрою не оскудѣ, заеже того великое житие по Бозѣ вѣдый извѣстно. Сему убо предреченному Ивану случися тому студеною болѣзнию одерьжиму быти тако и со дѣтми своими. Яко велию вѣру имѣ ко святому, иде в монастырь Вознесениа Господа нашего Исуса Христа и тамо поклонися, и молебнаа совершивъ, таже приходит ко гробу блаженаго Савѣ, тамо молитвовавъ, и у гроба знаменався, абие Богъ дарова ему здравие купно съ дѣтми своими. И тако человекъ, иже печалуася, возвратися в домъ свой, купно славя Бога и благодаря и того угодника блаженнаго отца Саву.

Чюдо о исцѣлѣвшем.

Ино же чюдо сему подобно. Нѣкоему человѣку, Елферию именемь, и сему такоже трясавицею одержиму. И мнози, иже мнящеся врачеве быти, нѣкаа зелиа, еже исцелити его, многаа дааху, но ничтоже полезнаа ему не можаху сотворити. Но тако от того лютаго недуга злѣ страдаше, толико от недуга изнеможе, елико и не познати его, но паче близ яко рещи, не толико животъ, елико смерть чаати. По прилучаю же нѣкоему иноку того же монастыря, в немже блаженый Сава лежаше, видивъ того стражюща, начат ему повѣдати, како исцелениа бывають от гроба блаженнаго; всяко бо рече: аще с вѣрою приидеши — всяко исцѣлѣеши.[24] Вѣровав же человѣкь той словесемь старца, приходит в монастырь, и тако помолився, и у гроба блаженаго Савы знаменався, и абие помощию самого того Господа нашего Исуса Христа и молитвами святаго преста болѣзнь и здравь бысть. Радуася возвратися в дом свой и славя Бога и того угодника, блаженнаго отца Саву.

О Захарии.

Прилучися и таково нѣчто в монастыри томъ. Нѣкии человѣкь, именем Захариа, приде в монастырь пострищися, иже в началѣ вѣлико житие показа. Сему убо Захарии монастыря того иноци начаша повѣдати о житии святаго и чюдесъ, бывающихъ от гроба его. Дивляшеся о словеси, от инокъ глаголанных, и начатъ на многы дни размышляти и молити Бога, да нѣчто и самъ узрит от таковых бываемое.

И нѣкогдаже ему, стояху тому на молитвѣ и сѣдшю ему опочинути, воздремався и успе, или яко во иступлении бывъ: видит нѣкоего незнаема, пришедша к нему и глаголюща: «Аще хощеши видѣти отца Саву, иди вослѣд мене и видиши его». Он же мняше, яко за тѣм ити, и приидоша до гроба святаго Савы, и видить тамо нѣкиа святители, и посреди блаженнаго Саву видѣ, на высоцѣ мѣсте стояща. Яко прииде и поклонися; и нѣкаа словеса брату изрекъ, прочее того вѣровати утвердивъ. И возбнувь от сна, не видить никогоже, тѣмже и трепетенъ бывъ, приходить къ духовному своему отцю и повѣда ему вся, яже видѣ. Сиа же от самого того духовнаго ему отца вси мы слышахом истинну поведающа.

О держимь трясавицею.

Инъ же братъ того же монастыря, именем Игнатие, случися ему студеною болѣзнию одержиму быти. Братиа же того Игнатиа и тые много печалуа о болѣзни брата и многа Бога моляше о немь, еже избавитися ему таковаго недуга. Той же, недугуя и всѣх утаився, яко велику вѣру имый, и приходит ко гробу блаженнаго Савы, и тамо со слезами молящуся ему, и услыша, болѣзнь утѣшившися в нем. Утру же бывшу, ненадежно здравь въ церкви, и яко ничтоже пострадавъ, прочее благодаря Бога и того угодника блаженаго Саву.

О Андрѣи и о сыну его.

Ниже и се да умолчано будет, иже Богъ творить святыми своими, обаче бо божественаа благодать не токмо в животѣ прослави святыа своа, но и множае и по преставлении, да увѣрятся вси и познают, яко Господь нашь Исус Христос славящаа его прославляеть, ищющи его обрящуть благодать. Сице же и здѣ случися.

Бяше нѣкии купець в том же славнем велицем Новѣградѣ, именем Андрѣй, богат имѣниемь и добродѣтелию, богатѣйший же вѣрою ко святым. Сей убо предреченный Андрѣй вѣру имый монастырю честнаго его Вознесениа Господа нашего Исуса Христа и к великому въ пророцѣх Предтечи Иоанну, к преподобному отцю Савѣ, егоже именованиемь Савинъ монастырь наречеся. Тѣмже и той Андрѣй часто тамо в монастырь прихождаше, и молитвовавъ, и трапезу братиамь представляаше, и милостыню давъ, возъсвоа возвращашеся.

Случи же ся ему по обычаю приити в монастырь къ празднику Сбору Иоанна Крестителя,[25] имяше же и сына с собою, именемь Василиа, пятым лѣтом суща; тамо же тому Василию ходящу и молебнаа совершающим. Ненавидяй же добра диаволъ хотѣ предреченному Андрѣю спону сотворити и скорбнаа принести тому, не терпяше бо

зрѣти того, толику вѣру имуща ко святому. Тѣмьже своими козньми запят сына его Василиа с высоты низверже. Видѣв же человѣкь той нечаемо о сынѣ своемь, зѣло оскорбѣся, умръша бо того мняше. Воскочивше же со свѣщами тамо, егоже умрьша быти мняху, но ходатайством Предтечи и молитвами Савы здрава его обретоша, и ничтоже пострадавша, но паче радующися. Видѣвши же преславнаа, вси прославиша Бога и великого Предтечю Иоанна, и преподобнаго отца Саву. Тѣмже тогда братию учредивь и милостыню давь, радостию великою возвратися, славя и хваля Бога и его угодника отца Саву.

О настоятели тоя же обители.

Иже убо и сие истинна, обаче всѣмь ясно глаголатися, яко да и о сих всегда Богъ прославляется, иже святыа своа преславно прославляет, якоже и самаа повѣсть о сем скажеть.

В том же монастыри Вознесениа Господа нашего Исуса Христа, идеже блаженый Сава лежаше, настоятелю тоя же обители, именемь Геласию, [26] случися ему отравою болѣти. И изнемогающю ему, и блаженаго Саву моляше, еже молитвеное о нем къ Богу приносити. Уснувше ему нѣчто мало от болѣзни, и видить блаженаго Саву во одежи преславнѣ, образом къ церкви на молитвѣ стояща. И от сего видениа предреченый игуменъ болѣзни пременися и бысть здравъ, яко николиже болѣвъ. Возбнув же от видѣниа, радовашеся, Бога прославляа, творящему дивнаа святыми своими угодникы. И приходит же во град ко архиепископу, и исповѣда ему о видѣнии, паче же о исцелении своемь.

О архиепископѣ Ионѣ.[27]

По сих же по времени пресвященный архиепископъ Великого Новаграда и Пьскова владыка Иона приходит в монастырь, и у гроба блаженаго бывъ и, та молебнаа совершивъ, повелѣ святаго образ написати на иконѣ, такоже и канон и прочаа в славу превеликому и чюдному Господу Богу и Спасу нашему Исусу Христу, прославляющему и по преставлении святыа своя.

О том же Андрѣи.

Ниже убо сие посѣщение, бывающее святым его, молчаниемь минути. Сие бо чюдо, подобно пръвым, потребно есть исповѣдати. Якоже прежде рѣхом предреченному Андрѣю сынъ, именемь Моисий, случися ему студеною болѣзнию одержиму немаловредно, паче три лѣта тако стражуще в том злом недузи. И от сего родитилие того Моисиа, видяще по вся дни тако *тому* стражуще, болми паче оного утробою болѣзнено, яко о чадѣ скорбяху. Но третиему лѣту приходящу, и юже болѣзни множащися во отроци, но благъ совѣтъ того отець восприемь, повелѣлеваеть вести того в монастырь, идѣже блаженыи Сава лежаше. Тамо не по мнозѣх временех дарова ему Богъ исцеление, и бысть здравь молитвами святаго Савы. Видѣвше же того родители преславное чюдо святаго и прославиша Бога и того угодника. Оттолѣ же болми вѣру стяжа к монастырю, идеже блаженый Сава лежаше.

О Иоаннѣ, одръжимь трясавицею и исцелѣвшем от гроба святаго.

Ниже есть сие праведно — умлъчати святаго чюдо бывшее. Случися нѣкоему человѣку одержиму быти трясавицею, именуемому Иоану. И тому от болѣзни зѣло стражущю, и приходит в монастырь Вознесениа Господа нашего Исуса Христа, идеже труды блаженаго отца Савы создани, в немже и лежат честныа его мощи. И тамо молитвовавъ, святаго на помощь призываше, еже облегчити болѣзненое тому, и целовавъ гробъ святаго, и иде в келию — болѣзни тому стужающи. По семь усну и видить себе во снѣ в нѣкоторых свѣтлых храмех бывающих, и свѣт ис полудневной странѣ свѣтящь, и освѣти храмину ту, в нейже человекъ той лежаше. Явися ему блаженый Сава и с нимь нѣкий мужъ, яко мнѣти мирянин. Явися мирянин болному, яко той преподобный есть Сава. Видить же и нѣкую жену зѣло злообразну и хотяше ухватити болнаго, ей же возбрани святый, глаголя: «Не прикасайся к тому прочее». И тако жена она исчезе от очию их. И от того часа болный бысть здравъ. Возбнув же от сна, благодаря Бога и Святаго, и отиде в домъ свои здравъ, радуася.

О Устианѣ и о видѣнии святаго.

Иное же таково прилучися нѣкоему человѣку, именем Устиану, одержиму быти трясавицею. И обѣтъ положи къ Богу — на год поститися, ни мяса ясти, ни пива пити. Побѣжаем же вѣрою еже къ преподобному Савѣ прииде же в монастырь, идеже блаженый Сава лежит. И тамо ему бывшу молящуся, здравиа своему недугу прося, и видить, яко во снѣ, яко тутенъ нѣкий страшенъ от гроба святаго, и по сем видит нѣкоего свѣтоносна отрока, отвръзаа гробъ преподобнаго. Тогда видѣ нѣкоего зѣло злообразна мужа, черна и перната, и устрашае болящаго. Предреченый же свѣтоносный отрокъ укрѣпляет болнаго, глаголя: «Не устрашайся злообразнаго того, яко бѣсъ есть». Яко обличенъ бысть дѣмонъ, и к тому невидим бысть. И яви же ся ему и нѣкий благообразенъ старець, и сказает и предстоай отрокъ, яко той есть святый Сава. И ако сие услыша болный, бысть зравъ, и благодаряше Бога и святаго Саву.

Многаа же инаа, повѣстем достойнаа, блаженым Савою быше и бывают, даже и доселѣ. Доздѣ убо написася блаженнаго житие, малое от великих, елика возможна нам быша. И не яко что умѣа, но яко повелѣннъ бывъ первостоятелем, правящему тогда церковь, пресвященным архиепископом Великаго Новаграда владыкою Ионы, аще бо и не достигох еже подобну такова мужа исправлениа написати или по достоанию похвалити, и подобную честь тому воздати, и благаа нѣкаа, тому прикладнаа по достиянию, якоже бѣ онъ, принести, но моление съ чистою совѣстию принесем, яко да Господь нам подасть молитвами святых своих благодать и милость в День Судный, егда хощет тайнам человѣчьским судити и воздати комуждо по дѣлом его, и царствиа небеснаго наслѣдники сподобит нас со всѣми любящими его, яко тому подобает всяка слава Отцю и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно, и ввѣки вѣком. Аминь.

---

[1] *...по вся дни скорбяще и злостражюще...* — Ср. Евр. 11, 37.

[2] *«Се дахъ вам... и ничтоже вас вредить».* — Лк. 10, 19.

[3] *«Иже погубить... той спасеть ю».* — Мр. 8, 35.

[4] *Кашин* — город, входящий в состав Тверского княжества, находился в 188 верстах от Твери на реке Волге.

[5] ...*рода убо не проста, но паче велика и всѣмь знаема ...* — Святой Савва Вишерский был сыном боярина Ивана Васильевича Бороздина.

[6] ...*и изыде от своего дому... и вселися ту...* — Восстановлено по списку: *РНБ,* Соловецкое собр., № 518/537, л. 285 об. Здесь имеется в виду Тверской Саввино-Сретенский монастырь, основанный преподобными Саввою и Варсонофием, современниками Саввы Вишерского. Официально они не были канонизированы, но существовало их местное почитание (память 2 марта). Монастырь, основанный примерно в 1397 г., находился в 20 верстах от Твери. Сейчас село Саввино Тверской области.

[7] *Паче же изволися ему, по Аврааму... прочаа лѣта жить яко не знаем.* — Имеется в виду ветхозаветный сюжет: Авраам по повелению Господа покидает вместе с Саррою и Лотом землю Хароанскую и приходит в землю Ханаанскую, см.: Быт. 12, 1—5.

[8] *Вишера-река* — левый приток Волхова, примерно в 10 км к северо-востоку от Новгорода.

[9] ...*пост святых апостолъ.* — Пост святых апостолов Петра и Павла, иначе называемый Петровым постом, приурочен к 29 июня, собору Петра и Павла, в зависимости от праздника Пасхи продолжительность его различная.

[10] *Сосница* — небольшая речка, рядом с Вишерой, название получила от Соснового Бора, в 5 км от монастыря.

[11] *...«немощно бяше ... връху горы стоящу»...* — Мф. 5, 14.

[12] *Иоанн II* — архиепископ Новгородский (ум. 24.VI.1417), управлял Новгородской епархией с 1388 по 1415 г.

[13] *...бревно взяти... конецъ приатъ...* — Восстановлено по списку: *РНБ,* Соловецкое собр., № 518/537, л. 288 об.

[14] *...Лисичиа гора зовомаа...* — Лисицкий (на Лисичьей горке) Богородичный монастырь был расположен в 7 верстах от Новгорода. Первое упоминание в летописи 1389 г.

[15] *Ефрем* — Согласно церковному преданию ученик преподобного Саввы, после смерти Саввы Вишерского удалился на берег озера Ильмень, где основал на западном берегу Перекомский Никольский монастырь. Память преподобного Ефрема Перекомского — 16 мая. Ефрем Перекомский вместе с Саввою Вишерским изображен на знаменитом Киликиевском кресте Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, который являлся государственной святыней в Казанском походе 1552 г. Современные научные данные показывают, что Ефрем Перекомский основал свой монастырь в 1407 г., на 10 лет ранее, чем Савва Вишерский.

[16] *...Славный конецъ...* — Новгород делился на две стороны — Торговую и Софийскую, которые в свою очередь делились на концы. Славный (Славенский) конец находился на юге Торговой стороны. Савва Вишерский посылает Ефрема туда, потому что именно в введении Славенского конца и находился Лисицкий монастырь.

[17] *...и тамо обитель составити.* — Савво-Вишерский монастырь, прежде Вознесения Господня Саввина пустынь, был расположен в 10 верстах к северо-востоку от Новгорода, близ Московской дороги, на левом берегу реки Вишеры. Известна также «докончальная грамота» — документ XV в. — об установлении границ монастырских владений. (См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 112. С. 172).

[18] *...и церковь помыслив здвигнути... воскорѣ поставлена бысть.* — В «Краткой летописи о монастыре преподобного отца Саввы, иже над Вишерою рѣкою жившаго, Новгородскаго чудотворца, с присовокуплением древних грамот царских и прочих данных сему монастырю» (СПб., 1849. С. 1) сказано: «Сей преподобный сам первоначально построил свой монастырь с деревянною церковью по благословению преосвященного Симеона (ум. в 1421 г. — *М. Ф.)* архиепископа Новгородского в 1417 году». Новгородская III летопись сообщает под 1418 г., что поставлена деревянная церковь «Вознесения Христова в Саввине пустыни у Саввы Вишерского». (См.: *ПСРЛ.* Т. III. СПб., 1841. С. 236—237). По указанию В. В. Зверинского, собор Вознесения уже с приделами Покрова Богородицы и Саввы Вишерского «существует с 1661 г., в нем под спудом почивают в раке, устроенной в 1670 г., мощи преподобного Саввы». (*Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1890. Т. 1. С. 221. № 416.)

[19] *«Всѣмь бо всякъ бывааше»...* — 1 Кор. 9, 22.

[20] *«Еже видѣсте... и сами творите».* — Ср. Иоан. 14, 31.

[21] *...Емилиану...* — Еще В. О. Ключевский указал на очевидную ошибку в Житии Саввы Вишерского, что, умирая, святой Савва оставил монастырь свой на попечение Емелиана (Евфимия I), хиротонисан в сентябре 1424 г., ум. 1 ноября 1429 г.; «...всего вероятнее, — пишет В. О. Ключевский, — первое иноческое имя Евфимия I поставлено здесь вместо имени преемника его Евфимия II, позднейшие писцы и писатели часто смешивали этих епископов». (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 157). Таким образом, здесь имеется в виду Евфимий Вяжецкий из иноков Лисицкого монастыря, хиротонисан 26 мая 1434 г.

[22] *...землею покрывают... подвизался бяше.* — Мощи преподобного Саввы Вишерского были недавно найдены и освящены. (См.: *Трояновский С. В.* Архитектурно-археологические исследования на территории Савво-Вишерского монастыря // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 26—28 января 1993 г.). Новгород, 1993. Вып. 7. С. 45—52).

[23] *«Ищущеи бо мене обрящуть благодать»...* — Ср. Притч. 8, 17.

[24] *...аще с вѣрою приидеши — всяко исцѣлѣеши...* — Ср. Иак. 5, 15.

[25] *Собор Иоанна Крестителя* — 7 января.

[26] *Геласий* — настоятель с 1464 г. Савво-Вишерского монастыря. Геласий, вероятно, причастен к написанию Жития Саввы Вишерского. П. М. Строев и архимандрит Филарет считали, что Геласий — автор Жития, В. О. Ключевский полагал, что сначала Геласий составил записки о Савве Вишерском, а на их основании Пахомий Логофет написал Житие.

[27] *Иона* — архиепископ Новгородский и Псковский, хиротонисан в 1459 г., умер 5 ноября 1470 г. Святой, канонизирован Церковным Собором 1549 г.

ПЕРЕВОД

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ОТ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА САВВЫ, КОТОРЫЙ ЖИЛ НАД ВИШЕРОЮ-РЕКОЮ И ТАМ ОБЩЕЖИТЕЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ СОЗДАЛ. СОЧИНЕНО СВЯЩЕННОИНОКОМ ПАХОМИЕМ

Благослови, отче!

Достойно и в высшей степени полезно о житии божественных мужей рассказывать, но не потому, что они от нас похвалы требуют, но желаем других приблизить к их красоты преисполненному подвигу и любви их к Богу. Ибо божественная благодать заключается в том, чтобы прославить тех, кто дерзновенно с любовью служит Ему. Тех, кто здесь, <на земле>, укрывается ради добродетели, надеясь утаиться от людей, Бог делает известными <миру> не только при жизни, но и по смерти, ибо они <подвижники> миром сим пренебрегали, одни больше, иные

меньше, но у тех и других одно желание было и к одному они блаженству устремлялись.

В посте подвизаясь, трудный и весьма суровый проходили они путь, здесь, <в земной жизни>, и без <пролития> крови, по своему желанию мучениками сделавшись, как сказано: все дни терпели скорби и тяжелые мучения, и в пустынях скитались, иногда без пищи, иногда без одежды, больше же всего брань имели с бесами, но не телесной их брань была, а с духами злобными поднебесными, в большей же степени с тем, который изначально хвалился истребить землю и море. Однако ныне он этими божественными мужами не только осмеян бывает, но и попираем, ибо сказано: «Се даю вам власть наступить на змия и скорпиона, и на всю силу вражию, и ничто вам не повредит». Да и что может навредить тем, которые ни самого тела своего, ни души не пощадили ради любви Христовой, так и сам Христос говорит: «Кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия моего, тот спасет ее».

По такой причине пусть будет рассказано о воистину прославляемом нами ныне блаженном Савве: откуда и из какой земли, и как пришел, и какое житие имел. Известно, что он из Тверской земли, града Кашина, рода не простого, а знатного и всем известного, там вырос и воспитание получил. Хотя и молод был, но совершенен в добродетелях, хотя и носил мирское платье тогда, но дела все его иноческими были, а именно: в посте и молитве пребывал, и раньше всех сверстников своих в церковь приходил. При таком усердии божественном и любви к Богу решил он иноком стать, то, что в мыслях имел уже, завершить хотел на деле: и ушел из дома своего и от родственников своих, и пришел в честную обитель святого Саввы, находящуюся в 15 поприщах от «осподьствующего» города Твери на реке Тьме, и поселился тут, возложив на себя иноческий образ.

И в нескольких там монастырях побывал, суровую жизнь имея, а именно: в поварне, в хлебопекарне и в других службах, к тому же и смирение безмерное имел, как никто другой. Видя это, все бывшие там отцы, будто ангела Божьего его у себя почитали, тем более же и родственники его, и все знатные люди земли той его имя как святыню некую произносили, все его хвалили, одни о его смирении говорили, другие об его огромном воздержании и посте друг другу рассказывали, но гораздо выше чтили за то, что совершаемое им <ревностное служение> не требовалось, ибо <слишком> юным был. Более того, решил он, как Авраам, покинуть землю свою и род свой и идти в страну, где никто его не знает, и там оставшиеся годы жить неизвестным.

Итак, следуя этому убеждению, — так Бог о его спасении заботился — приходит он в именитый Великий Новгород, который молва называет так, приходит же неоткрыто в город и не представляясь первостоятелю, но как один из нищих и странников, нигде никому не являясь и ни с кем не беседуя. И пришел он, наставляемый Богом, на реку Вишеру, и тут небольшой шалаш поставил, и молился там пред образом Пречистой Богородицы, который с собой имел. Случилось неким людям из Новгорода видеть его так, в молитву погруженного, ибо был тогда пост святых апостолов, и лицо его все покрыто было комарами, и его совсем

не было видно. И в дальнейшем люди те дивились его житию и признали в нем истинного Божьего человека.

И как понял он, что узнан был, тогда ушел оттуда в другое место, к реке, именуемой Сосница, и там поселился, где еще более суровое житие проходить начал, в посте и молитве упражняясь. Но поскольку «нельзя скрыться граду, на верху горы стоящему», известно стало неким людям о житии его, и стали к нему приходить и самое необходимое ему приносить. Понемногу затем и слух пошел о нем по всему Новгороду, даже и до самого архиепископа Иоанна, который занимал тогда <первосвятительский> престол той церкви. Потому отправляет тот посыльного к нему узнать: кто, и каков он есть, и каково житие его, так как искушает архиепископа желание упрекнуть его за то, что он не почтил архиерейскую власть и без объявления о себе поселился тут. Когда же посланный от архиепископа пришел к нему, то будто со строгостью сказал ему: «Как посмел ты остановиться здесь, на этом месте, без благословения архиепископова?» Савва же отвечал со смирением притчею: «Одна девица сидела у окна своего рядом со зрелищем и без стыда на все смотрела; другая же в том же дому у иного окна сидела, с благоговением хранила девственную чистоту свою. И проходящие там люди о первой деве и о бесстыдстве ее говорили:»Сия девица в суетности своей не сохранит чистоту свою». О другой же сказали: «Эта дева, с благоговением так сидящая, сбережет чистоту свою без порока». Нам же, господин, тем более лучше внимать себе и оставаться на том пути, по которому шли, ибо мы здесь, в этой пустыни, живем, не тебя избегая, но от мира удаляясь, молитв же твоих и благословения мы всегда желаем, чтобы они пребывали с нами».

Возвратился же посланный к архиепископу и поведал ему все о блаженном Савве: и о жизни его, и о посте, и о нищете. Архиепископ, услышав это, желанием одолеваем, захотел сам видеть его. И когда шел архиепископ к его жилищу, то встретил <архиепископа> еще далеко <от того места, где находилось жилище его> блаженный Савва в простых ризах, потому что обычай у него был — всегда так ходить. И как увидел он архиепископа, пал пред ним с глубоким смирением, поклонился, как следует поклониться святителю. Архиепископ же, благословив его и не зная, что он и есть Савва, а думая, что это некий странник, велел ему сесть вместе с собою и ехать с ним до жилища Саввы; и хотя тот и не смел позволить себе сесть рядом с ним, но он удостоил его <этого>. И когда так случилось, и архиепископ имел с ним беседу духовную, то разглядел он в нем не простого человека, а некоего совершенного мужа, и за это еще больше полюбил его. Когда же они были около жилища, то встал Савва поспешно с места своего, со смирением поклонился архиепископу и признался ему, что «я и есть грешный Савва». Архиепископ удивился тогда его смирению и с любовью благословил, затем оба вошли в дом Саввы и там о многом беседовали. И когда много времени минуло, архиепископ, наставив Савву неотступно в терпении пребывать, и, так укрепив его и напитав не только духовной пищей, но и телесной, во град возвратился, восхваляя великое в Боге житие старца. И с тех пор архиепископ огромную веру приобрел в блаженного Савву и как некоего великого мужа почитал, и потому всегда необходимое ему посылал.

О разбойниках. Чудо 1.

И стал Савва и кельи строить братии для жилья. Не вынес этого лукавый враг, но, позавидовав ему, подговорил нескольких разбойников прийти к нему и напакостить, предполагая, что у него есть богатство. И пришли к нему, когда он строил келью, и с притворным благоговением благословения попросили. Старец же, раскрыв их обман, что это разбойники, <и сего ради> как бы с просьбой обращается к ним: «Чада, сделайте милость, помогите мне поднять бревно на стену». Велит же им за самый тонкий конец взяться, сам же за тяжелый конец берется, поднимая бревно. Когда же они все вместе не смогли своего конца на стену поднять, то старец с Божьею помощию, как силач, один взял бревно и на стену водрузил. Видевшие же это разбойники друг на друга с удивлением смотрели и стыдом и страхом объяты были, наконец, и вообще убежали, боясь, как бы не истерпеть от старца какого-нибудь вреда.

Чудо 2. О создании монастыря.

По прошествии некоторого времени несколько иноков монастыря, который Лисьей горой называется, стали не позволять старцу жить на этом месте, ибо выше было место это названного монастыря. И тогда блаженный Савва, услышав спор относительно места, посылает одного из учеников своих, по имени Ефрем, во град, в Славный конец, к посадникам и тысяцким, и прочим людям, христианам, с просьбой отвести ему место над рекой Вишерой и там обитель построить. Они же охотно согласились дать ему место, которое он просил. И когда все это так произошло, блаженный Савва поселился там и прилагал все, какие только возможно, усилия, чтобы поставить монастырь, и келью построил, затем и церковь задумал воздвигнуть во имя честного Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, помощью и содействием Господа нашего Иисуса Христа церковь вскоре и была поставлена. Потому многие к нему начали приходить: одни пользы ради, другие желая здесь поселиться, он же с радостью принимал всех.

Чудо 3.

Был же у него мирянин один, служил тогда в монастыре том, и очень был ленив в исполнении послушаний, часто пререкаясь со старцем за то, что <старцем> много дел заведено. Савва же, утешая его, говорил: «Не скорби, чадо, но потерпи лишь эти тебе назначенные дни, и тогда воздадим больше, чем обещано было тебе». Мирянин тот «умилился» словам старца, более того, понял, что то было с ним вражеское искушение, и с тех пор гораздо более других начал трудиться.

Чудо 4. Об иноке.

В это же время пришел один инок, чтобы увидеть блаженного Савву, ибо от многих слышал о его великом житии. Старец его встречает, так как у блаженного Саввы обычай был: когда кто приходил к нему из другой стороны, выходил он навстречу и встречал его там, где крест водружен был, и, там молитву сотворив, с ним к церкви приходил, и,

помолившись, наконец, приводил его в келью, и с ним беседовал. Как уже сказано было, старец тот пришел к нему и беседовал с ним долго, и когда наступил вечер, то оставил он отдыхать пришедшего брата, сам же, взяв жернова, своими руками стал молоть. И услышал пришедший брат, что старец мелет и всю ночь «из уст» псалтырь читает, вплоть до утреннего правила, удивился про себя и сказал, что увидел он даже больше, чем слышал от других. Утром же, взяв у старца благословение, возвратился он восвояси, всем рассказывая о великом житии святого, а себя укоряя за леность.

Чудо пятое. О столпе.

Затем по прошествии некоторого времени он построил себе столп и, всходя на него, всю неделю в посте и молитве пребывал, вплоть до субботы. В субботу же спускался со столпа к братии и присоединялся к ним в трапезе. Также и в воскресенье, службу отслужив и вместе трапезу разделив, и наставив их, опять на столп всходил. И так «подвизашеся» вплоть до следующей субботы. Так блаженный Савва поступал.

Чудо 6. О приходе брата к святому.

Услышал о нем родной брат его, пришел к нему увидеться с ним и поговорить. Старец же ни за что не хотел видеться с ним и говорить. И после того как долго он там оставался, едва упросили старца не беседовать, но хотя бы повидаться с ним. Тогда вышел к нему блаженный и благословил его, и, больше ничего не сказав, опять на столп взошел. Брат же, повидав его, восвояси с радостью возвратился, воздавая хвалу Богу, творящему дивное и преславное, что видели очи наши.

Чудо 7. О разбойниках.

Некоторое время спустя пришли разбойники, хотели монастырь разорить. Старец же на столпе стоял на молитве, еще на дальнем расстоянии увидел идущих и распознал обман их, и для чего пришли, поэтому и ударил жезлом на столпе. Разбойники же, слышавшие это, подумали, что он зовет учеников, Ефрема и Андрея, страхом объяты были, наконец же, и убежали — молитва прогнала их. И с тех пор перестали разбойники приходить в монастырь, будучи сами побеждены, не сделавшись победителями.

О преставлении святого.

После случившегося отовсюду стали приходить к нему пользы ради. Ибо «всем он был вся», по апостолу, всех наказывая и всех, как части тела своего, жалея, старых как братию, юных как детей, и не было оскорбляемых или оскорбляющих, ибо все утешаемы были Саввою.

Пребывал он много лет в таком суровом житии и на восьмидесятом году жизни заболел. И, собираясь уже телесные узы развязать и естеству отдать долг, призвал тогда к себе всю братию и наставлял их, и

духовной беседой насытил, чтобы в православии и в соблюдении иноческих обетов пребывать им и чтобы более всего украшать себя смирением, в конце же сказал: «Видели, в чем я подвизался, то и вы сами творите». Много и другого сказал, что к их же пользе и спасению. Затем монастырь с братиею, который сам же блаженный Савва устроил, передает всесвятейшему архиепископу Емелиану, занимающему в это время престол великой церкви, чтобы опекал и заботился о нем, старшими же среди братии назначил Ефрема и Андрея, как наиболее преданных в вере ему и много трудившихся в месте этом.

После чего начал он телом изнемогать, духом сильный был, честных таин Христовых причастился и душу свою Господу мирно предал октября месяца в 1-й день, наказав ученикам своим: «Когда с телом душа моя разлучится, никакой чести мне не воздавайте, но влеките меня просто по земле до гроба и предайте земле».

Ученики же его, увидев тогда пастыря умершим, почувствовали огромную скорбь и разлуку с наставником своим. Наконец, почтив его как отца и своего спасения учителя пением псалмов и надгробным пением, погребли в земле трудолюбивое и многострадальное тело блаженного Саввы между церковью и столпом, на котором славно подвизался он.

И ученики его, когда увидели к Богу отшедшим наставника своего, начали много трудиться на благоустроение монастырское, чтобы ни один монастырский обычай или наказ отеческий не был «разорен» ими, более же всего <заботились> о духовном: что делал отец, как видели они, то старались они сами в большей степени исполнить на деле; столько старания показывали, что стали достойным примером для многих. Говорят о том Андрее, ученике блаженного Саввы, что он так изнурил себя воздержанием, что только кожа и кости видны были, и так в том великом житии, поведаю же, в безмерном посте и молитве душу с миром Господу предал, во всем будучи последователем житию своего наставника.

О пожаре монастыря.

По прошествии же некоторого и довольно продолжительного времени, когда с помощью Божьей и молитвами святого монастырь процветал, но, так как не стерпел этого враг, случился в том монастыре пожар великий, огонь истребил весь монастырь, церковь и столп с некоторыми келиями; гробу же блаженного Саввы между церковью и столпом с большим киотом, над готовым гробом водруженным, никак не навредил огонь, даже не прикоснулся, притом что пламя со всех сторон его окружало. Это было первое после смерти святого чудо, паче же чудо и провиденье Божие, чтобы поверили и узнали все: что тех, кто славит Бога еще больше, Христос прославляет; тех, кто скрывает здесь дела свои благие, творит Он их явными пред ангелами и людьми, ибо сам сказал пророкам: «Ищущие меня обрящут благодать»; и потому так и случается.

О исцелившемся от гроба святого.

Один человек, по имени Иван, еще при жизни святого большую веру имел к блаженному Савве, так и по смерти вера его к нему не уменьшилась, потому что хорошо он знал его великое в Боге житие. Этому вышеназванному Ивану случилось с детьми своими быть одержимому простудной болезнью. Так как он великую веру имел к святому, то пошел в монастырь Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, и, там поклонившись и отстояв службу, пришел он затем к гробу блаженного Саввы, и после того как он там помолился и у гроба осенил себя крестным знамением, тотчас даровал Бог ему вместе с детьми его здоровье. Так человек, который печалился, возвратился в дом свой, славя и благодаря вместе Бога и его угодника, блаженного отца Савву.

Чудо об исцелившемся.

Этому подобно и другое чудо. Некий человек, именем Елферий, он также болел лихорадкою. И многие, что считают себя докторами, много разного зелья давали, чтобы исцелить его, но ничего полезного ему не смогли сделать. И так он от того злого недуга сильно страдал, настолько от болезни изнемог, что и не узнать его было, правильнее, если скажем, что не столько жизни, сколько смерти ждал. И случилось же одному иноку того монастыря, в котором блаженный Савва похоронен, увидеть, как страдает тот, и начал он ему рассказывать, какие исцеления совершаются от гроба блаженного; действительно сказано: если с верою придешь — обязательно выздоровеешь. Человек этот, поверив словам старца, пришел в монастырь и помолился, и у гроба блаженного Саввы осенил себя крестным знамением, и тотчас помощию самого Господа нашего Иисуса Христа и молитвами святого отступила болезнь, и он выздоровел. Возвратился он в дом свой, радуясь, славя Бога и угодника его, блаженного отца Савву.

О Захарии.

Случилось в монастыре этом и такое. Некий человек, по имени Захарий, пришел в монастырь постричься, показав вначале великое житие. Этому Захарию иноки того монастыря стали рассказывать о жизни святого и чудесах, происходящих от гроба его. Удивлялся он словам, сказанным иноками, и стал в течение многих дней размышлять и молить Бога, как бы и ему увидеть что-нибудь из таковых.

И однажды он, когда стоял на молитве и сел отдохнуть, вздремнул и уснул, или как будто в исступлении пребывал: видит незнакомца, подошедшего к нему и сказавшего: «Если хочешь увидеть отца Савву, иди за мной и увидишь его». И он считал, что идет за ним, и подошли они к гробу святого Саввы, и видит он там неких святителей, а среди них видит блаженного Савву, на высоком месте стоящего. И как пришел, поклонился; и сказал <Савва> несколько слов брату, укрепив в вере того на будущее. И воспрянув ото сна, он никого не увидел, тогда, охваченный трепетом, он пришел к своему духовному отцу и рассказал ему обо всем, что видел. Все это все мы слышали от самого того духовного отца, истину поведующего.

О заболевшем лихорадкою.

И другому иноку этого монастыря, Игнатию именем, случилось «студеною болезнью» заболеть. Братия же сильно огорчалась из-за болезни Игнатия и «многа» Бога молили о нем, чтобы избавил его от этого недуга. Он же, недомогая и от всех скрываясь, ибо великую веру имел, приходит к гробу блаженного Саввы, и там со слезами молится ему, и осознает, что болезнь ослабевает в нем. Когда же наступило утро, то он, не совсем еще здоровый, в церкви почувствовал, что ничем не страдает, и благодарил Бога и его угодника блаженного Савву.

Об Андрее и его сыне.

Не скрыто и то будет, что Бог творит через святых своих, ибо божественная благодать не только при жизни прославляет святых своих, но еще в большей степени после смерти, да поверят все и узнают, что Господь наш Иисус Христос славящих его прославляет, «ищущие его обрящут благодать». Такое и здесь произошло.

Был некий купец в том славном Великом Новгороде, по имени Андрей, богатый «имением» и добродетелями, а более всего богатый верою к святым. Этот вышеназванный Андрей был предан монастырю честного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и к великому из пророков Иоанну Предтече, и к преподобному отцу Савве, чьим именем Саввин монастырь был назван. Андрей поэтому часто в монастырь приходил и молился, и, трапезу братии поставив и раздав милостыню, к себе возвращался.

И случилось ему по обычаю прийти в монастырь к празднику, на собор Иоанна Крестителя, взял он и сына с собою, Василия, пяти лет; и там они с тем Василием ходили и молились. Ненавидящий же добро дьявол захотел вышеназванному Андрею вред причинить и страдание тому принести, ибо не мог видеть его, так сильно преданного святому. И потому, по своему коварству, сына его Василия с высоты сбросил. И тот человек, узнав, что произошел такой неожиданный случай с сыном его, очень скорбел, ибо умершим его считал. Быстро пришли туда со свечами, ибо думали, что он умер, но по молитве Иоанна Предтечи и молитвами Саввы здоровым его обнаружили и нисколько не пострадавшим, но, напротив, радующимся. Видевшие же чудо все прославили Бога и великого Иоанна Предтечю, и преподобного отца Савву. Тогда же <купец> братию угостив и милостыню раздав, с радостию великою возвратился <домой>, славя и хваля Бога и его угодника отца Савву.

О настоятеле этой обители.

Верно и то, и всем ясно сказано, что и тех всегда Бог прославляет, кто святых своих достойно славит, как будет рассказано об этом в настоящем повествовании.

В том же монастыре Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, где блаженный Савва лежит, настоятелю обители, по имени Геласию,

случилось отравиться. И когда он изнемогал, то и помолился блаженному Савве, чтобы тот с молитвой о нем к Богу обратился. Когда же из-за болезни он смог уснуть ненадолго, то увидел блаженного Савву в чудесной одежде, на молитве стоящего лицом к церкви. И от этого видения вышеназванный игумен излечился от болезни и стал здоров, как будто никогда и не болел. Воспрянув же от видения, радовался, прославляя Бога, творящего чудеса через святых своих угодников. И пришел он в город к архиепископу, и поведал ему о видении, более же — об исцелении своем.

Об архиепископе Ионе.

Через некоторое время после этого преосвященный архиепископ Великого Новгорода и Пскова владыка Иона приходит в монастырь, и был он у гроба блаженного и, затем службу отслужив, велел образ святого написать на иконе, также велел написать и канон и прочее в славу превеликому и чудному Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, прославляющему и после смерти святых своих.

О том же Андрее.

Не обойти молчанием и это проявление милости Божией к святым его. Об этом чуде, подобном первым, следует рассказать. Сыну вышеназванного Андрея, о котором прежде говорили, по имени Моисий, случилось ему сильно простудною лихорадкою заболеть, более трех лет страдал он от этого злого недуга. И из-за этого родители того Моисия, видящие, как он все дни мучается, больше его душою болели и скорбели о чаде. Когда подходил к концу третий год и болезнь отрока усилилась, то послушавшийся доброго совета отец его повелевает вести сына в монастырь, где блаженный Савва лежит. Там по прошествии недолгого времени даровал ему Бог исцеление, и молитвами святого Саввы он стал здоров. Его родители, увидев достойное хвалы чудо святого, прославили Бога и его угодника. С тех пор еще больше веры имел <Андрей> к монастырю, где блаженный Савва лежит.

Об Иоанне, одержимом лихорадкою и исцелившемся от гроба святого.

Неверно это — умалчивать о произошедшем чуде святого. Случилось некоему человеку, по имени Иоанн, одержимому быть лихорадкою. И так как он во время болезни очень страдал, то пришел в монастырь Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, который трудами блаженного отца Саввы был создан, где и честные его мощи лежат. И там молился, святого на помощь призвав, чтобы облегчить болезненное состояние свое, и целовал гроб святого, и пошел в келью — болезнь его лихорадила. Потом уснул и видит себя во сне в каких-то светлых хоромах, и свет с южной стороны светит, и освещает дом тот, в котором человек этот лежал. Явился ему блаженный Савва и с ним некий муж, как будто мирянин. И говорит мирянин больному, что тот преподобный и есть Савва. Видит же он и некую жену, зло источающую и хотящую схватить больного, а святой ей запрещает и говорит: «Не прикасайся к нему в будущем». И так жена та исчезла с глаз их. И с того времени

больной был здоров. Воспрянув же ото сна, благодарил Бога и святого и вернулся, радуясь, в дом свой здоровым.

Об Устиане и о видении святого.

Нечто подобное случилось с другим человеком, по имени Устин, одержимом лихорадкою. И дал он обет Богу — год поститься, ни мяса не есть, ни пива не пить. Одолеваемый верою к преподобному Савве, пришел он в монастырь, где блаженный Савва лежит. И когда там он молился, выздоровления себе прося, видит, как будто во сне, какой-то шум страшный от гроба святого, а потом видит светоносного отрока, открывающего гроб преподобного. Узрел он тогда некоего очень злообразного мужа, черного и крылатого, и устрашающего больного. Прежде же упомянутый светоносный отрок поддерживает больного, говоря: «Не бойся зловидного этого, ибо это бес». Узнан был демон и невидим с этого момента стал. И явился ему некий благообразный старец, и говорит предстоящий отрок, что это святой Савва. И как это услышал больной, то стал здоров и благодарил Бога и святого Савву.

Много и другого, достойного того, чтобы быть рассказанным, с помощью блаженного Саввы было и бывает даже и доселе. До сего места написано житие блаженного, малая часть от великого, что было в наших силах. И не потому, что мы что-то умеем, но потому что повелено так было первосвятителем, правящим тогда церковью, преосвященным архиепископом Великого Новгорода владыкою Ионой, хотя я и не сумел дела подобного мужа достойно описать или по достоинству похвалить его и должную честь ему воздать, и нечто благое, по достоинству его оценивающее, каким он был, о нем сказать, но с чистой совестью принесем молитву, чтобы Господь нам подал молитвами святых своих благодать и милость в День Судный, когда он будет тайны человеческие судить и воздаст каждому по делам его, и царствия небесного наследниками сподобит нас быть со всеми любящими его, ибо ему подобает всяческая слава, Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

17 ноября. Житие и подвиги... игумена Никона

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Савельева

ВСТУПЛЕНИЕ

Никон Радонежский (ум. в 1427) — русский подвижник рубежа XIV—XV вв., ученик Сергия Радонежского и его приемник по игуменству в Троице-Сергиевой лавре. В *ВМЧ* помещено его житие, созданное в середине XV в. знаменитым агиографом Пахомием Сербом (Логофетом), автором многочисленных житий и служб русским святым. О популярности «Жития...» в Древней Руси говорит тот факт, что уже в

XVII в. оно было издано на московском Печатном Дворе (Службы и жития Сергия и Никона Радонежских. М., 1646). Текст издается по Успенскому списку *ВМЧ (ГИМ,* Синод. собр., № 988 (786), лл. 1002—1009 об.).

Исправления текста даются по изданию «Жития...» в кн.: *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. LXIV—LXXXI.

ОРИГИНАЛ

17 НОЯБРЯ

МЕСЯЦА НОЯБРЯ ВЪ 17. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА НИКОНА, УЧЕНИКА БЛАЖЕНАГО СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА

Благослови, отче!

Кто убо исповѣдати возможет многая и великая Божия дарования, яже даруетъ содержащим добродѣтель и в нынешнемъ вѣце, и в будущем?! Блажении суть воистинну добродѣтели причастницы и блазии дѣлателие заповѣдемъ Господним, понеже память их пребывает въ вѣкъ вѣка. Въспомянем, братие, колицы силнии, и богатии, и пищницы от вѣка быша, и ни единаго их память с похвалениемъ бысть,[1] но с вѣкомъ симъ и привременным симъ житием купно разрушишася и погибоша. Едина же добродѣтель бесмертна есть, и вѣчна вещь, и присносущна, и та есть едина достойна ублажению и похвалению, и похваляющеи сих веселятся, и играют духовно, и радуются.

Веселимъ бо ся въистинну, и радуемся, и просвещаемся, празднующе и прославляюще пѣсньми, и похвалами, и пѣньми пресвѣтлыа памяти предивныхъ и достохвалныхъ отецъ наших, пречюднаго и хваламъ достойнаго великаго отца нашего игумена Сергиа чюдотворца и добляго ученика его и подражателя приснопамятнаго и блаженнаго Никона, якоже бо светилники зрим ихъ сияющих, кождаго ихъ по памяти своей, просвещающих душа наша и исправляющих о Бозѣ стопы наша. Поистиннѣ, братие, долъжны есмы симъ похваление приносити: они бо, неизреченнымъ облистаеми свѣтомъ и чистыми духа зарями осияваеми, предстояще Святѣй Троицѣ, непрестанно моления простирают о стадѣ своемъ, просяще комуждо грѣхомъ прощениа. Аще бо груби есмы и немощни, и не можемъ сихъ по достоиньству похвалити, но о сем никакоже усумнимся или отлагаем, но всякъ человѣкъ взвѣщение да имать, яко кромѣ Божиа помощи не можетъ исправити никоеже добро: наше убо есть тщатися, еже избирати токмо лучшее, Божие же есть, еже на дѣло извести благое въжелѣние и усердие.

И нынѣ убо молю еже о Христѣ вашу любовь, да никтоже васъ зазрит ми безвременству слова, понеже понужаемь есмь вашея любви томлениемъ, убѣдихся на дѣло, еже простреті слово о житии преподобнаго Никона. Зѣло бо жалостна ми есть вещь сия и среды

самого касающися сердца, понуждающи мя повѣдати и о полезныхъ подобнаа извѣстнѣйше преписати. И со тщаниемъ в сие дѣло произыдохъ, от любве еже къ святому, и елика возмогох постигнути со прилежаниемъ сочетовая, преложихъ, и елико противъ силѣ, удобрих; добролюбивьш послушникомъ въспоминание сотворихъ, свѣтлу похвалу свѣтлому в добродѣтелехъ приносяще, не облихованъ бо бысть небесныхъ похвал, но исполненъ Божественых, глаголю, и аггельских. И сего ради изрядное его житие преписахъ, яко жребия нѣкоего приатие и яко съкровище многоцѣнно, ради яже от сего прибывающия ползы, да егда многиа и великиа повѣсти житиа его к малому насъ подвигнутъ исправлению. И отсюду начну повѣдати любезнѣ от начала яже о святѣмъ.

Сей преподобный отецъ нашь Никонъ рождение и воспитание имяше градъ Юрьевъ[2] зовомъ, сынъ родителю християну, паче же благовѣрну и благочестиемъ сияющю. От юна же возраста и от младыхъ ногтей изволи Богу работати, слышав же блаженнаго Сергия въ окрестных странах града Радонежа аггельски живуща и собравша братию, предспѣвающю о Господе, и умилився сердцемъ от Божественою благодати, рече к себѣ: «Кая ми полза и что приобрящю, насладився временных и сладъкых настоящаго жития, вѣчных же благъ лишену быти? Они убо скорби радостно с Богом терпяще, како азъ не повинуся таковаа терпѣти?» И воздохнув о сихъ, зѣло прослезися и глагола: «Боже и Господи, царю вѣчный благосерде, сподоби мя сего святаго мужа вѣдѣти и послѣдовати ему въ всей жизни моей, да и азъ спасуся его ради и достоинъ буду вѣчныхъ твоих благъ, ихже обѣщалъ еси любящим тя!»

И въскорѣ оставляетъ отечество и родителя, и приходитъ къ блаженному Сергию, и молитъ его, воеже облещи и во иноческий образъ. Преподобный же Сергий, видѣ благоразумие отрока, зѣло возлюби его, паче же реку, провидѣ внутренима очима душевную его чистоту и хотящую в немъ последи провозсияти свѣтолучную зарю. И не оставляетъ сего без искушения быти, но сътвори о немъ, якоже древле великий Еуфимий, егда видѣ к себѣ пришедша блаженнаго Саву, голоуса суща, и отсылаетъ его в долний монастырь къ спостнику своему Феоктисту.[3] Такоже и сей преподобный Сергий отсылаетъ оного отрока в монастырь, Высокое нарицаемо, къ ученику своему Афонасию[4] именемъ, мужю добродѣтельну сущу и зѣло искусну иноческаго пребывания. «Иди, — рече, — чадо, ничтоже размышляа въ сердцы своемъ; аще изволитъ Богъ, тамо възложение аггельскаго образа восприимеши».

Егда же услыша отрокъ сицевый глас от преподобнаго старца, къ Богу любовию множае уязвися и, умилься, вжделѣ быти инокъ. Абие пути касашеся и скоро идяше къ блаженному Афонасию, хотя быти с нимъ, егда же достигшю ему кѣлиа его, сътворь молитву и со всяцѣмъ смирениемъ толцение сотвори. Онъ же мало откры оконца, рече к нему: «Что хощеши? Кого ищеши?», бѣ бо старецъ любя безмолвие и нечясто исходя от кѣлиа своеа. Отрокъ же поклонися ему до земля и рече: «Великий авво! Блаженный Сергие посла мя к тебѣ, да сотвориши мя инока».

Старецъ же не гладостнѣ, ниже сладцѣ отвѣща ему: «Не можеши, — рече, — быти инокъ, не бо мала вещь есть — дѣло инока. Ты юнъ еси, предание же старче жестоко есть, ничтоже ино повелѣ снѣдати развѣ хлѣба и воды, и сего в мѣру, масла же и вына до конца ошаятися, и бдѣти до полунощи, въ молитвахъ и в поучении Божии скончевая, есть же егда и всю нощъ». И глагола ему отрокъ: «Не всѣмъ человѣкомъ нрави суть равни, точию прими мя, отче, и время ти извѣститъ». Рече к нему старець: «Мнози пришедше здѣ, и обленившеся, не стерпѣвше труда постническаго и воздержаниа, отбѣгоша; и рѣхъ ти, яко не можеши, пойди инамо и постися». Отрокъ же, слышавъ словеса сия, многими слезами лице свое омочая, желаниемъ Божественымъ распаливъ душю, и обѣщевается всяку скорбь терпѣти.

Видевъ же старецъ усердие отрока и многиа слезы, введе его в кѣлию свою и начатъ увѣщавати его, глаголя: «Не скорби убо о сем, чадо, еже изрекох ти: не мала убо есть вещь — *дѣло* инока. Иноцы бо самоволнии мученицы именуются, и мучение ихъ сугубѣйше есть, мученицы бо мнози, во единемъ часѣ временнѣ страдавше, скончашася, иноких же житие по вся дни страдание имать, аще и *от* мучитель мучениа не приемлютъ, но убо внутрь от естества плоти своея и от враговъ мысленыхъ ратуеми, и до послѣдняго издыханиа стражуть». Посемъ же глагола ему: «Сыне, аще приходиши работати Господеви, уготови душю свою воеже терпѣти искушениа и страданиа, наводимая от враговъ, да претерпѣвъше сихъ, приимеши мъздовоздаяние на небеси велие».

Отрокъ же поверже себе на ногу старчю, аки камень, безгласенъ пребысть, ничтоже ино могый провѣщати, токмо «помилуй мя». Старецъ же воздвиже его: «Востани, — рече, — чадо, Господь наставит тя на путь заповѣдей своихъ.[5] Сего убо ради изрекох ти сия, понеже мужъ грѣшенъ есмь, аще и дѣло Божие восприяхъ строити. Днесь убо желание твое исполнится». И се рекъ, сътворь молитву и облече его во святый аггельскый образъ.

Учаше же его добродѣтелемъ и наказоваше страданиемъ еже по Бозѣ, мужества и крѣпости смыслъ его исполняше, и въ всемъ собою образъ показоваше ему. Блаженный же Никонъ пребываше у него прочее, упражняющеся въ молитвахъ, преспѣваше добродѣтельми, постомъ же, и бдѣниемъ, и чистотою, бяше бо нравомъ смиренъ и образомъ кротокъ, и въ Божественыхъ Писании*х* трудолюбнѣ поучашеся, и всѣмъ умомъ сих испытааше. Помысломъ же на болшая внимаше, и цѣломудровати произволяше, все еже тщание сотворяетъ о добродѣтелнѣм поучении; и о семъ всегда тщашеся, и зѣло болѣзноваше, да како исправитъ и прочаа добродѣтели.

Афонасий же видевъ его в тацѣмъ прилежании суща, зѣло внимаше о семъ, и полагаше сия въ сердцы своемъ, и отечески съблюдаше его, и на предняя воздвизаше, и ко всякому дѣлу и разуму благочестно и удобно возводя, искуснѣйша сего показуя всему иноческому житию. Егда же достигшу ему совершеннаго возраста, тогда дивный онъ мужъ Афонасей с совѣтомъ братиа священьства саном почте его и яко достойна предстоятеля Богу того представи. Доблий же Никонъ по поставлении на священьство болшей благодати сподобися и больше къ

благым усердьствуяше, и в себѣ размышляя, како толикыя благодати достоиньство приемлетъ, еже не земнымъ точию, но и небеснымъ силамъ страшно. И сихъ ради размышлений умъ ему на лучшая восхождааше и Богу прилѣпляшеся, емуже бесѣдуя пѣнии и молитвами николиже престаяше.

Пребысть же нѣколико время во обители тъй, абие желание велие подвижетъ его видѣти великаго старца преподобнаго Сергия и благословитися от него, бѣ бо в немъ со иными добродѣтелми и разумъ извѣстенъ ко исканию онех, иже с трудомъ о благомъ поучениа сотворьшихъ. Моление велие простираетъ ко Афонасию, еже молитвы сподобитися от него, — и с миромъ отпустися. Сему же бывшю, в чюднаго Сергиа лавру приходит, егда же узрѣ великаго отца, и от многаго желаниа и любве весь слезенъ бысть, теплѣ припадает къ честнымъ его ногамъ, благословения прося. Святый же въззрѣ нань радостнымъ лицемъ и глагола ему: «Добре пришелъ еси, чадо Никоне!» Онъ же любочестивейше противъ званиа смиреный образъ показуя, таже и в кѣлию к нему проходит, радуяся оному повелѣвшю, и лобзанию оного сподоблься, со страхом прикоснуся честным святаго удесем, и любезнѣ благословенъ бысть от него. Не угости же его нымало, якоже обычай имяше преподобный прочая приходящаа угощати, но скоро всяческы и любезнѣ приятъ бысть от него и повелѣваетъ ему служити братии съ всяцѣмъ прилежаниемъ.

Пребываше же убо блаженный Никонъ, всяку службу манастырьскую творя, и сицевыми труды и подвиги вседеньствуя, к Богу молитвою бесѣдоваше, нощию же паче по реченному дѣлу касашеся, и сна мало приимаше, усерднѣйше же священная пѣниа сътворяше. О сихъ же паче възлюби его преподобный Сергие и зело услаждаашеся житиемъ его, тѣлесных бо ради дѣланий и от духовных рачений образѣхъ извещение о немъ восприятъ. И повелевает ему во единой кѣлии съ собою пребывати, яко да и причастника того сътворит дѣланий духовныхъ въсхождения; и повсегда сладцѣ и любезнѣ наказуя того добродѣтелемъ и многодушевное показуя любомудрие о нем.

Цѣломудренный же послушникъ привязася оному союзомъ духа, вождениемъ того и образомъ послѣдуя, в совершеннѣйшая добродѣтели вперяшеся и, того житию ревнуя, к подобнымъ того готовяшеся въспоминаниемъ. Не мякко бо, ниже слабо явы душевное предстояние, но мужествено всячески и непоколебимо основание жизни своей положи, еже есть послушание и смирение, и сие себѣ приобрѣтение велие имяше.

Бѣ же и сие тщание доблему, еже дѣлания своя и помыслы вся повѣдовати отцу своему, блаженному Сергию, и наказание от него усерднѣ приимаше, и велие утешение себѣ творяше о поучении бесѣдъ его, не бо желаше именем точию добродѣтели, но и дѣломъ истинно добродѣтеленъ явитися. Въ всем Христовъ образ на учителя возлагает, и не яко на человека взирая, но яко пред Богомъ стояти мняся, и елика повелѣна ему бываху от преподобнаго, то яко от самѣхъ Христовых устъ приимаше, и вся с вѣрою послушаше, пачеже дѣлы исполняше.

И сего ради явися, «яко древо, при исходищих водъ насажденно и плод даяше на всяко время»,[6] сладокъ и обильнѣйши. Якоже убо въ благородных садох бывает, егда от перваго прозябения предъвозвѣщаетъ дѣлателю настоящимъ видомъ цвѣта иже напослѣдокъ доброту плода, тако и сего разсудительный отецъ сматряа внутренима очима и познаваше хотящую в немъ напослѣдокъ провозсияти пресвѣтлую благодать. И умысли сего пастыря обители оноа поставити вмѣсто себѣ, еже и бысть, и устраяетъ его во служении, яко быти ему второму по настоятели.

Блаженный же Никонъ милосердие на всѣхъ просто имѣя, и еже до конца тихо и человѣколюбиво; произволение же его побежаемо бѣ превеликимъ дарованиемъ духа. За превеличьство человѣколюбия о всѣх бо всегда печашеся, благоразумнѣ же и веледушнѣ симъ служа и премудрѣ их утѣшая, и когождо лишение подаяниемъ исполняя; никтоже имъ от братиа презираем бываше и никтоже человеколюбия не сподобляем, и толико яко ни от родитель нѣкимъ неудобно таковая к чадомъ сотворити, елика онъ къ братии творяше. И пребысть время доволно в доблѣмъ ономъ послушании, служа братии со смирениемъ всяцѣмъ.

Блаженный же Сергий повсегда сматряше его в толицѣхъ добродѣтелех цветуща, и веселяшеся духомъ, и прежде шестихъ месяцъ своего преставлениа призывает все священное исполнение, и сему пред всѣми, аще и не хотящу, монастырьское строение и о братии попечение яко искусну вожду вручаетъ; сам же преподобный крайнее безмолвие любомудрьствоваше. Блаженный же Никонъ зѣло о семъ болѣзноваше, но не смѣяше преслушати повелѣния отчая, паче же повиновашеся, яко добръ послушникъ.

По малѣ же времени великому оному и богоносному отцу Сергию къ Господу отшедшу.[7] Преподобный же Никонъ болѣзньми острыми сердце си уязвляше, и утробу огнемъ печали рапаляше, и тяжкою скорбию содержим, умилено взывая, и горѣ стеняше, лице слезами омывая, и якоже к живу святому бесѣдоваше: «Отъиде, преподобный отче, вся моя надежда отойде! Кто убо ми есть прочее по Бозѣ прибѣжище, и кое обрящу утѣшение!» Что убо не глаголя, что же ли не творя, часто одру святаго себе приметааше и мощемъ оплеташеся, спогребьстися паче воляше, нежели жити, таковая учителя разлучився. И со мнозѣмъ плачемъ и рыданиемъ гробу того предаетъ, новый Авраамъ новаго Исаака,[8] или якоже другий Елисѣй вмѣсто милоти тѣло наслѣдова отчее.[9]

По отшествии же его вся, елика от него творимая, тщашеся с любовию исправити, и не бѣ погрѣшно того учительство, понеже паче слышания таковая на учители очима зряше, и сие образъ бѣ к наказанию доволенъ и кромѣ словес. О братии же попечение велие имяше, и всехъ равно любяше и часто наказующе, о еже не пренемогати въ молитвах, но подвизатися комуждо противъ силе. Всѣхъ же сматряше, благоразсудная она глава, елицѣхъ убо зряше предъспѣвающихъ о Господѣ, о сихъ радующеся, и веселымъ лицемъ к симъ бесѣдоваше, и воспоминаше, еже не ослабляти от подвигъ, но яко начаша, тако и

скончати. Овѣхъ же убо зряше нерадивѣхъ и в разленении живуща, о сих зѣло скорбяше, и уныломъ образомъ симъ бесѣдоваше, наипаче же бесѣду продолжаше.

«Потщитеся, — рече, — братие, о своемъ спасении, понеже отвъргохомся мира и всѣх, иже в немъ, ради заповѣди Божия, подобаетъ бо намъ, отлучившимъ себе Богови, единой воли его внимати и о спасении душь нашихъ попечение имѣти; да не како лѣностью погружаеми суще, вѣчная погубим. Господу глаголющу: „Никтоже, възложивый руку свою на рало и зря въспять, управленъ есть въ Царство Небесное".[10] Пребываяй же в заповѣдех Господних до конца, без сомнѣния, неизреченнаа благаа восприиметъ». Сия же глаголя и множае сих.

Они же вси въ сладость послушаше его, мнозии же обращахуся от первых своих обычай и пожиша прочая лѣта в воздержании, со смирениемъ всяцѣмъ. Хотящих же иноческое житие восприяти съ тщаниемъ, и кротостию, и съвершенною любовию приимаше братолюбиваго ради устава; разсудительнѣ же и разумнѣ сия разсмотряше, и комуждо подобнѣ врачевание наводя, бяше бо зѣло разсудителенъ и разумен въ словесѣхъ, и утѣшаше сихъ, наказующе къ благодѣянию, и учаше стройнѣ воздержание крѣпцѣ от всѣхъ злых до конца имѣти и благохвалная дѣла творити непрестанно.

Обычай же имяше преподобный сице: вся службы часто обхожаше, и когождо дѣлание сматряше, и укрѣпляше, наказующе. «Еже во страдании добре претерпѣвати, да симъ, — рече, — побѣды на врагы сотворше, нетлѣнныя вѣнца в Господне пришествие приимите». Такожде ему въ духовныхъ дѣлехъ обилующу, и сихъ направляющу. Никогдаже общих дѣлъ, яже съ братиями, остаяше, но равно с ними работаше, и всѣмъ первообразна дѣлы себе предлагаше.

Имяше бо житие свое доброчестное и всѣмъ на успехъ и на учительство, якоже нѣкий образ управленъ благыхъ дѣлъ его. Такоже ему пребывающу, якоже бы рещи писаное: «Винограду Господа Саваофа цвѣтущю добре и плодомъ кипящу, понеже чину церковному добролѣпне о Христѣ укрепляему, и службамъ по чину ихъ устраяемѣм». И бѣ Никоново имя яко священие нѣкое обносимо и всякими усты человечьскими хвалимо. И от прочихъ странъ, градовъ же и весей мнози благоговѣйнии и благороднии прихождаху к нему ползы ради, он же, усерднѣ приемля ихъ, ползоваше отеческимъ благоутробием, яко добль душевный цѣлитель, того ради вси любляху его и почитаху яко отца и учителя.

И о сихъ блаженный зѣло скорбяше и велию тщету сия вмѣняше, бѣ бо не любя славы человеческия; паче же реку, о сихъ, еже не дадяше ему безмольствовати, и поминаше первое свое житие, елико живяше единъ, и елико со отцемъ пребываше. И велми тужааше, и в себѣ глаголаше: «Не подобаетъ, — рече, — намъ возвращатися к симъ, яже заповѣди ради Божия оставихом. Невозможно бо есть иже хотящему волю Божию творити, аще не преже любве мирьския презритъ и вся соблазны его

возненавидитъ. Мы же уповаемъ на Господа, да избавитъ ны от соблазнъ его». Абие остави паству и шедъ пребываше во особней келии.

Братия же зѣло оскорбѣша о семъ и не послабляюще тому, еже оставити ихъ, со слезами моляху его, глаголюще: «Не оставляй убо нас, отче, яко овца, не имуща пастыря, тебе бо имамъ с Богомъ утвержающа и освящающа насъ о Господѣ». Онъ же отвѣща имъ: «Что творите, чада, сокрушающе ми сердце. Не деръжите убо мене прочее, молю вас, и никтоже васъ о семъ изречетъ ми что». Видѣвше же сицево непреложное его предложение, и ничтоже смѣяху глаголати ему, вси бо вёдяху, яко не телеснаго ради покоя сия творяше преподобный, но къ болшимъ подвигомъ обнажается и къ множайшимъ трудомъ возводится, да начальства яко велика бремени избѣгнетъ, и превеличьство добродѣтелий ради безмолвиа и смирениа стяжит. Сице убо разумнии похваляеми смиряются, и величаеми сокрушаются, и сих ради къ Богу возвышаются.

Братия же, не могуще без пастыря быти, и избравше единого от ученикъ святаго, мужа, в добродѣтелехъ сияюща, Саву[11] именемъ, и того возведоша на игуменство. Он же приемь паству и добрѣ пасяше порученное ему стадо, елико можаше, и елико отца его, блаженнаго Сергиа, молитвы спомогаше ему; шестому же лѣту съвръшившуся, и тъй паству остави. Братия же паки приходятъ къ блаженному Никону, молящи его паки восприяти паству своего достояния. Чюдный же онъ мужъ, во всемъ смирение изволяа, не рачаше начальства и власти отвращашеся: свѣдяше бо благоразумный, яко легчайше и удобнейше къ спасению, еже наставлятися от инѣхъ, паче неже самому наставляти; якоже и от древнихъ уставлено бысть. И отрицашеся, недостойна себе глаголаше быти таковаго великаго дѣла, братия же не престаше моляще его. Онъ же зело тяжко си творяше власти величество, такоже и сего любезнаго безмолвия, якоже матере оттръзаем, боляше. Они же наипаче со многими слезами глаголюще: «Не подобно ти, — рече, — быти, отче, еже себѣ единому ползы сматряти, но паче и ближним ко спасению».[12] О сем же преподобный размышляа бѣаше, вѣдяше бо, яко и о промышлении братии каковы суть мзды. И сего ради вся възлагаетъ единому Богу, могущему вся съвершити, еже безмолвиа сохранитися доброму и еже о предстательствѣ мьзды не оставлену быти, пакы приемлеть игуменьство. И отлучаетъ себѣ часть коегождо дне, еже единъ единому Богу предстояти, и текущими от очию без щука слезами лице си омываше.

Съй же ему даръ умиления благотворное смирение подастъ, и се имяше озарение и просвѣщение уму. Излитие же слезъ его, иже въ молитвѣ, толико множество бѣ, яко всему лицу его и рясномъ опаленомъ быти! Непоколебим же образомъ пребываа въ предстоянии молитвенѣмъ в нощных и дневных славословиихъ и смыслъ в себѣ крѣпцѣ уставляа. И се имяше дѣло прилѣжно, еже всяко проходити Писание, отеческая словеса испытуя, и каяждо от сихъ в себѣ воспоминая, творити сих усердьствоваше, понеже многу сладость от нихъ приимаше. И сихъ дѣлма закону оного и нраву мнози ревноваху и подражати тщахуся, елико мощно.

В таже времена слышашеся безъбожнаго Едегѣя[13] нашествие съ прочими варвары на русскую землю, и бяше все православие во страсѣ велицѣ зѣло утѣсняемо. Блаженный же Никонъ умнии свои очи на небо возведъ, купно же и руцѣ, во своемъ правилѣ в нощи моляшеся и молитвы своего отца призываше, воеже и тому молитву простреги ко общему владыцѣ Христу, яко да не предастъ в запустѣние мѣсто оно от безбожных агарянъ. Сему же бываему, сѣдъ мало почити от труда, и аки в сонъ тонокъ сведенъ бысть, и явишася ему пресвѣтлии свѣтилницы, велицыи иерарси Петръ и Алексий[14] с ними же и блаженный Сергие, и глаголаста ему: «Тако, — рече, — судбам Божиимъ изволися, еже о нашествии иноплеменник. Ты же, чадо, не скорби, но мужайся, и да крепится сердце твое, аще бо искушение в малѣ будетъ, но конечнаго запустѣния свободно будетъ мѣсто оно и болма распространится». Сия изъглаголавъ, благословиста его и миръ прирекше, абие невидими быста. Возбнувъ же блаженный от видѣниа, скоро притече къ дверемъ кѣлиа и видитъ ю затворену. Онъ же отверзе и узрѣ явленно блаженныхъ, от кѣлии грядущихъ, от сего разумѣ истинну быти видѣние и еже от безбожныхъ нашествие. «Воля Господня, да будет, — рече, — бываемое».

Малу же времени минувшу, и прореченная начало приимаху: варваромъ страны они пленующимъ. Достигше же и блаженнаго отца обители, и вся, елика обрѣтоша, огню предаша. Блаженному же Никону с прочими братиями оттуду уклонившуся, мѣсто дая грядущему гнѣву. [15] Варваром же отшедшимъ, паки блаженный ко обители возвращается и видитъ возлюбленное оно мѣсто и труды отца огнемъ сожжени. Что убо не подобаше блаженной оной души печалныхъ прияти тогда, понеже зря елико бяху святаго его отца памяти достойна вся попрана беззаконными! Но убо не низъпаде печалию, не уны или ослабѣ от подвига, но абие востаетъ мужески. Якоже нѣкий добль воинъ по побѣжении сопротивныхъ не дастъ в конець плещю врагомъ, но востает мужески и, совокупль воя, составляет победу, такоже и съй преподобный доблий пастырь собирает разшедшася овца — ученикъ своихъ, иже душевнии хищницы разгнаша; и первие убо воздвижетъ церковь древяну во имя Святыя и Живоначалныя Троицы, посем же воограждает кѣлиа и устраяетъ службы по чину ихъ.

Срищет же ся и от окрестных мѣст инокъ множество и простых людей число немало, пришествию великого радующеся. Преподобный же отеческимъ милованиемъ сия приимаше и, ако любимая чада, всякого промысла сподобляше, и вся, елика подобна чадолюбивому отцу, сия на нихъ совершааше; и всѣхъ учреждааше словесы полезныхъ учений, обилну духовную трапезу предлагая, и лучшая устроения своимъ чадомъ сотворяет, еже душа очищати и внутренняго человека просвѣщати. И елико убо преже скорбна бяху очима зрѣти монастырьскую красоту сгорѣвшу, сугубо веселие приимаше тѣхъ душя, зряще второе благолѣпие. И оттолѣ убо монастырю распространяющуся на болшая. И проявленнѣм бывшимъ добродѣтелем блаженнаго, и каяждо ихъ к себѣ слово привлачить, и то нудяще изрещи, мы же худостию разума своего недоумѣваем, кое прежде глаголати. Но убо вмалѣ нынѣ настоящая воспомянувше, и прочая по сих, елико возможно, предложимъ.

По семъ же времени тщится еже воздвигнути церковь каменну над гробомъ своего отца, и собираетъ отвсюду зодчиа, и каменосѣчца мудры, и плинфотворителя,[16] и поспѣшениемъ Божиимъ вскоре церковь прекрасну въздвиже[17] во имя иже на се поспѣшествовавшему въ Троицы славимому Богу, в память и похваление своему отцу. И многими добротами сию украсивъ, зѣло же паки и на се нудяшеся, еже подписанми украсити ю, но убо от нѣких возбраняемъ бѣ, скудости прилучившияся ради по скорби оной.

Но той, желаниемь побѣжаемъ, тщашеся узрѣти своима очима церковь ону всячески украшену, и вьскоре собра мужа живописцы в добродѣтелех совершены, Даниила именемъ, и спостника его Андрѣа,[18] и прочихъ с ними. И абие дѣлу касаются и зѣло различными подписанми удобривше ту,[19] яко и могуща всѣхъ зрящихъ удивити. И яко съвершившесь вся, абие отходятъ во единъ от монастырей Богомъ спасаемаго града Москвы, Андроников именуемъ, и тамо церковь во имя всемилостиваго Спаса такожде подписаньми украсивше, послѣднее рукописание на память себѣ оставльше.[20]

И мало пребывше, смиренный Андрей оставль сию жизнь, ко Господу отиде, таже и спостникъ его Даниилъ; оба добрѣ поживше и во старости велицѣ бывше благий конець прияша. Егда бо хотяше Даниилъ тѣлеснаго союза отрѣшитися, абие видитъ возлюбленнаго ему Андрея, в радости призывающа его. Онъ же, яко видѣ, егоже желаше, зѣло радости исполнился, братиямъ же предстоящимъ, повѣда им спостника своего пришествие и абие предасть духъ. Видѣша же тамо сущая братия сихъ преставление и от сего разумно познаша, яко сего ради блаженный Никонъ ускори подписанми церковь Святыя Троица украсити, заеже разумѣти ему духовныхъ онѣхъ мужь преставление; тѣм же и благодарение велие воздающе ему. Мы же оставльше еже о сих, паки на предлежащее да возвратимся.

Егда же видѣ блаженный Никонъ церковь, совершену подъписаниемъ, зѣло веселяшеся духомъ, глаголя: «Благодарю тя, Господи, и славлю пресвятое имя твое, яко не презрѣл еси прошение мое, но подарова ми, недостойному, сия вся моима узрѣти очима». Не о внѣшней бо мудрости великий съ радостотворное оно имѣя, но от благодати утѣшителный свѣтъ в сердцы си приимъ, сия изрече, бѣ бо сладокъ словомъ, премудръ же разумомъ и всѣми образы украшенъ, имиже о Бозѣ богатѣет человекъ, сими всѣми исполненъ. Чюдно же бѣ того зрѣти, толико ко иже о Бозѣ житию имуща тщание, пищу имуща воздержание, богатство же еже ничтоже стяжати, священныя же его и престарѣвшыяся уды, власяными рубищи одѣяни, услаждающеся, паче мякких ризъ одѣяние. От юности убо до толики веръсты, ни старостию отпадъ, ни различными брашны услаждаяся, ни изнеможения ради телеснаго измени образа ризнаго. Аще бо и в тайнѣ преподобный творяше своя добродѣтели, утаитися хотяше от человекъ, но Господь яко светилника сего показует всѣмъ, да и прочии управятся на дѣлания его и ревность пути добродѣтелнаго приимуть.

По совершении же церковнѣм мало пребывъ, и убо старостию и многими постничества труды и болѣзньми, в долзѣ времени

дѣйствуемыми, ослабѣвшу того телеси. Зело изнеможе и уразумѣ ко Господу свое отхождение, повелѣ созвати братию. Онѣмъ же скоро пришедшима и с плачемъ одру представшемъ, зряще отца своего зело изнемогающа. Преподобный же мало восклонся, и, елико мощьно, къ ученикомъ полезная бесѣдоваста, заповѣдует имъ о всяческих, елика к составлению иноческаго жития подобная. Таже о пѣнии и молитвѣ завѣща, дневней вкупѣ и нощнѣй бываемѣ. К симъ же поучаше, яко не подобаетъ хождения частая творити, но и терпениемъ симъ запоручи еже на мѣстѣ ономъ и искушения находящая до конца претерпѣвати. Еще же и ко еже по немъ настоящимъ послушание имѣти, ненавидѣти праздность, яко многихъ золъ виновну, но дѣло рукамъ даяти, священными псалмы спѣваемо. Безмолвию же радоватися, матери добродѣтелемъ сущи; очесъ душевныхъ мудрование художнѣ и чистѣ имущи, и ни о чемже тако пещися, якоже о безмолвии. «Вѣдыи, — рече, — будите, яко к совершению добродѣтелей сие можетъ возводити». Но и о человеколюбии слово приложи, рекъ: «Аще есть мощно, ни единаго приходящих тщама отпустити рукама, да некако утаится вамъ Христа презрѣти, единаго от просящихъ видомъ показавшася. Бодръствуйте же, молящеся со всяцѣмъ трезвѣнием, да съхранени будете от врага и соблюдите обѣщание цѣломудрия вашего. Сами бо вѣсте, яко не престая*х* вамъ всѣмь возвѣщая слово Божие, и обще, и по единому. И нынѣ убо, отцы и братия, и чада возлюбленнаа о Христе, молю васъ, пребудите во словесѣх моих, яже предахъ вамъ, имѣйте сия въ умѣхъ ваших, и сохраняйте сих, держаще вѣру праву и житие благочестно».

Сими же словесы и инѣми, тѣмъ подобными, святый утверждаше братию, наказуя о спасении душа, абие умолче. И проявлено ему бысть прежде тѣлеснаго разрѣшения съ блаженным отцемъ уготованное покоищи. Онъ же мало помолчав и предъстоящимъ ему ученикомъ глаголаше: «Отнесите мя прочее во оно свѣтлое жилище, еже уготоваша ми отца моего молитвы». *И се рекъ, пречистаго тѣла Христова и крови причастися,* и абие возвѣщаетъ о скончании своем: «Азъ убо, — рече, — братие, отпущаемь есмь от юзъ плоти сея и отхожю ко Господу». Послѣднее благословение оставль имъ и къ себѣ глаголаше: «Изыди, душе моя, идѣже ти уготовася, пойди радующеся, Христосъ зовет тя!» И тако рекъ святый, крестнымъ знамениемъ знаменавъся, честную и трудолюбную душю свою с молитвою предасть Господеви в лѣта 6938[21] мѣсеца ноемврия в 17. Живъ въ доблем ономъ настоятельствѣ 7 къ 30-ти лѣтомъ, ничтоже от подвигъ погрѣшивъ, и врученное ему о Христѣ стадо добре упасъ и къ вышнимъ подвизатися сотвори.

Брати*а*мъ же многи слезы излиявающим, зѣло рыдающи о разлучении своего отца и учителя, и проводивше того честно псалмопѣниемъ и надъгробными, якоже достоитъ, отца почетше, земли предаша. Близъ раки преподобнаго Сергия положиша, идѣже и донынѣ память его совершается во славу Святыя Троица, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и присно.

Нѣчто же мало от чюдесъ сповѣдаем блаженнаго. Блаженному же Никону еще в жизни съй сущу, посылаше единаго от братиа, Акакия именемъ, во едину от весей монастыря онаго нѣкия ради потребы. Онъ

же не повинуяшеся, глаголя: «Не на се отрекохся, — рече, — мира, яже веси и грады обходити!» И много блаженному молившу его, но той никакоже на послушание обратися. Послѣди же рече ему преподобный: «Блюди, брате, егда како своим произволениемъ обрящешися тамо и мьзду ослушания восприимеши». По преставлении же блаженнаго Никона предреченный Акакие, забвению предавъ реченная святымъ, отходитъ в предъреченную весь, и тако постиже его судъ, прореченный святымъ: изступивъ бо умомъ, и тако братиями приведен бысть в монастырь. И явися ему блаженный Никонъ, дръжа в руцѣ своей жезлъ, претя ему глаголя: «О Акакие, на се ли отречеся мира, воеже грады и веси обходити?» Онъ же нача трепетати, страхомъ обдержим. И нѣколико дний тако ему стражущу, и на кийждо день приводяще его ово к рацѣ преподобнаго Сергия, ово ко гробу блаженнаго Никона, моляся бѣаше, прощение прося, такожде и братия молитвествующе за нь. И тако благодатию Христовою и молитвами святых исцѣление получи и бысть здравъ и смысленъ. Сия же самъ многажды вопрашающимъ его со многимъ рыданиемъ повѣдаше.

О Симионе Онтоновѣ. Человекъ нѣкий от великыхъ купець, именемъ Симеонъ, и случися ему в болѣзнь велию впасти, яко на многи дни ничтоже ему вкусившу и тако зелною болѣзнию тому утѣсняему, ниже двигнутися могущу. Во едину же от нощей воспомяну о чудесѣхъ блаженнаго Сергия, колика исцѣления творитъ Богъ его ради, и начат во умѣ молитися и глаголати: «Отче святый Божий, преподобный Сергие, помози ми и избави мя от болѣзни сеа. Воспомяни убо, егда бѣ с нами в жизни сей, колику любовь имѣяше к родителемъ моимъ, такожде и на мнѣ благодательство покажи и подай же ми облегчение от болѣзни сея». Сия же и ина многа *словеса* на мольбу простираше, тогда явися ему преподобный Сергие со блаженнымъНикономъ. Свѣтилнику горящу, всѣмъ же в дому его спящимъ. Симеону же, видѣвшу святыхъ приходъ, преподобнаго же Сергиа не познаваше, но токмо Никона единаго, и от того разумѣ: «Егоже, — рече, — призываеши, Сергия, той есть». Онъ же хотяше въстати, но не можаше, ниже паки проглаголати что. Святый же ста близъ его и знамена его крестомъ, иже ношаше в руцѣ своей. Повелѣвает же и блаженному Никону, яко да и тъй знаменает его, Никонъ же веземъ икону, близ сущю одра его, тако и тъй знамена его. Сия же икона преже сихъ вдана бѣ ему на благословение от блаженнаго Никона, и держаше ю в дому своемъ воспоминания ради, еже къ святому любве. Но сия же оставльше, предлежащимъ коснемся. И посем взяша его за власы главы его, ему же мнѣти, яко содраша кожю его, и абие оба невидима быста.

Симеону же, возбнувшу от видѣния и разумѣ, яко болѣзнь отъяша от него святии и здравие ему дароваша; востав же в той час, сотвори поклоновъ 15, воздая благодарение Богови и угодникомъ его, преподобнымъ отцемъ и чудотворцемъ.

О архимандритѣ Матфѣе. Священник тояже обители, именемъ Матфей, пребысть на архимандритии во градѣ, и тамо ему пребывшю нѣколико время, в болѣзнь впаде. И отнесоша его в монастырь Святыя Троица, и молитвами блаженных отець Сергия и Никона исцѣление получи. Но славою сана побеждаемь, якоже и во мнозехъ случается,

паки возвращается во предреченный манастырь на архимандритство, яко тамо чести и поклоняниа от всѣхъ приемля. И паки по неколицѣхъ временѣхъ въ недугъ впаде, ведену же ему бывшю въ монастырь и положену у гробовъ святыхъ, благодати же ради Божия и молитвами преподобных отецъ исцѣление получи, но и тако не позна наказания, но паки возвращается в предреченное архимандритство.

Сему же многажды бываему, и яко по нѣколицѣхъ временѣхъ в недугъ тяжекъ впаде, горше перваго, и во изъступлении ему бывшу, зрит себе пришедша во обитель преподобныхъ, и срѣте его блаженный Никонъ, держа жезлъ пастырьский в руцѣ своей, обличая его и глаголя ему с яростию: «Что убо, лицемѣре, егда болезнью одержимь, тщательнѣ къ намъ приходиши, исцѣление же получивъ, паки отходиши! Но отнынѣ пребуди тамо, идеже възлюбилъ еси жити, къ нам никакоже приходя». Възбнув же предреченный архимандритъ от видения, страхомъ и трепетомъ одержимь, позна свое согрѣшение, яко туне изыде из монастыря преподобных отець. Абие отходитъ къ обители со мноземъ плачемъ и рыданиемъ, обещася прочее Богу и преподобнымъ отцемъ, еже никакоже изыти оттуду до скончания своего. Повѣдаше же братии милостивное оно наказание блаженнаго Никона, и мало поболѣвъ, в покаянии доблѣмъ и с миром преставися.

---

[1] *...память с похвалениемъ бысть...* — Ср. Притч. 10, 7.

[2] *...градъ Юрьевъ...* — Г. Юрьев-Польской.

[3] *...якоже древле великий Еуфимий... къ спостнику своему Феоктисту.* — Имеются в виду византийские святые Евфимий Великий (376—477), его «сопостник» Феоктист (ум. в 467) и ученик Савва Освященный (434—531); пересказан эпизод из «Жития Саввы Освященного» Кирилла Скифопольского, где Евфимий отправляет пришедшего к нему Савву Голоуса «к долнѣйшему монастырю, к черньцю Феоктисту» *(ВМЧ.* Декабрь. Дни 1—5. М., 1901. Стлб. 452).

[4] *...в монастырь, Высокое нарицаемо, къ ученику своему Афонасию...* — Сергий Радонежский посылает Никона в Серпухов, где его ученик Афанасий Высоцкий в 1374 г. основал Богородицкий Зачатьевский монастырь. Монастырь стоял на высоком берегу р. Нары и поэтому назывался Высоцким, Афанасий был его игуменом до 1382 г.

[5] *...Господь наставит тя на путь заповѣдей своих.* — Ср. Пс. 118, 35.

[6] *...древо... плод даяше на всяко время ...* — Ср. Пс. 1, 3.

[7] *...отцу Сергию къ Господу отшедшу.* — Сергий Радонежский умер 25 сентября 1391/1392 г.

[8] *...новый Авраамъ новаго Исаака...* — Персонажи библейской книги Бытия; праотца Авраама погребают его сыновья Исаак и Измаил (Быт. 25, 7—10), однако, скорее, здесь имеется в виду другой эпизод, когда Авраам намеревается принести Исаака в жертву, но ангел останавливает его (Быт. 22, 1—14).

[9] *...якоже другий Елисѣй... тѣло наслѣдова отчее.* — Елисей — библейский персонаж, ученик пророка Илии; когда Илия был вознесен на небо, Елисей унаследовал его милоть (плащ) как знак пророческого служения (4 Цар. 2, 11—14).

[10] *...никтоже, възложивый руку... Царство Небесное.* — Лк. 9, 62.

[11] *Савва Сторожевский* — основатель Сторожевского монастыря в Звенигороде, был игуменом Троице-Сергиева монастыря в течение шести лет (ум. в 1406).

[12] *...«Не подобно ти... но паче и ближним ко спасению».* — Ср. 1 Кор. 10, 33.

[13] *Едигей* — эмир Белой Орды (1352—1419), в 1408 г. напал на Русь, разгромил несколько городов и осадил Москву.

[14] *...велицыи иерарси Петръ и Алексий...* — Московские митрополиты Петр (ум. в 1326) и Алексий (ум. в 1378).

[15] *...мѣсто дая грядущему гнѣву.* — Ср. Рим. 12, 19.

[16] *Плинфотворитель* — изготовитель кирпичей.

[17] *...церковь прекрасну въздвиже...* — Белокаменный Троицкий собор, построенный над ракой Сергия Радонежского после 1422 г., когда были открыты его мощи.

[18] *...собра мужа живописцы... Даниила именемъ, и спостника его Андрѣа...* — Знаменитые древнерусские живописцы Андрей Рублев (ок. 1360—29.1.1430) и Даниил Черный (ок. 1360—1430).

[19] *...зѣло различными подписанми удобривше ту...* — В середине 20-х гг. XV в. Андрей Рублев расписал Троицкий собор и создал его иконостас, для которого была написана и знаменитая «Троица».

[20] *...абие отходятъ во единъ от монастырей... на память себѣ оставльше.* — Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря расписан Андреем Рублевым в 1427—1430 гг.; эти фрески стали его последней работой.

[21] *...лѣта 6938...* — Различные источники указывают разные годы смерти Никона Радонежского (от 1426 до 1429 г.), наиболее достоверным и согласующимся с другими историческими фактами принято считать 1427 г.

ПЕРЕВОД

17 НОЯБРЯ

МЕСЯЦА НОЯБРЯ В 17 <ДЕНЬ>. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИГУМЕНА НИКОНА, УЧЕНИКА БЛАЖЕННОГО СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА

Благослови, отче!

Кто сможет рассказать о многих и великих дарах Божиих, которые он дарует хранящим добродетель и в нынешнем веке, и в будущем?! Воистину блаженны причастники добродетели и благие последователи заповедей Господних, ибо память о них пребывает вовеки. Вспомним, братья, сколько сильных, и богатых, и могущественных искони было, и ни о ком из них память с похвалами не сохранилась, но вместе с веком этим и преходящей этой жизнью разрушилась и погибла. Одна добродетель бессмертна, вечна и присносущна, и она одна достойна восхваления и прославления, прославляющие же <добродетельных> веселятся, и ликуют духовно, и радуются.

Так возвеселимся воистину, и возрадуемся, и просветимся, празднуя и прославляя песнопениями, и похвалами, и молитвами пресветлые памяти предивных и достохвальных отцов наших, пречудного и восхвалений достойного великого отца нашего игумена Сергия чудотворца и доблестного ученика его и последователя приснопамятного и блаженного Никона, ибо видим их, как свечи сияющих, каждого памятью своей, просвещающих наши души и направляющих к Богу стопы наши. Поистине, братья, должны мы им воздавать хвалу: ведь они, неизреченным озаренные светом и чистыми зорями духа осиянные, предстоят Святой Троице <и> непрестанно <Бога> молят о пастве своей, прося прощения грехам каждого <из нас>. И пусть мы невежественны и слабы, и не можем их по достоинству восхвалить, нимало не поколеблемся и не оставим <труда этого>, ибо должен помнить каждый человек, что без Божьей помощи не можем совершить ничего доброго: нам ведь дана только возможность избрать лучшее, Бог же в дела претворяет <наши> благие желания и усердие.

И ныне молю любви ради вашей к Христу, да не осудит меня никто из вас за сказанное до времени слово, потому что лишь побуждаемый силою вашей любви, решился я начать рассказ о житии преподобного Никона. Ибо очень близко мне дело это и, касаясь глубины самого сердца, заставляет меня говорить и о благом достойное правдиво рассказать. И с усердием взялся я за дело, исполненный любви к святому, и, что смог постигнуть, с прилежанием собрав, изложил, а что сумел, украсил; добролюбивым слушателям в воспоминание написал, принеся светлую похвалу светлому в добродетелях, ибо не лишен от небесных похвал, но исполнен ими, божественными, говорю, и ангельскими. И ради этого выдающуюся его жизнь описал, как воплощение высокого предназначения и бесценное сокровище, <а также> ради происходящей от этого пользы, чтобы многие и великие

сказания о житии его к малому нас подвигли. Итак, с любовью начну с начала рассказывать о святом.

Сей преподобный отец наш Никон родился и воспитывался в городе, называемом Юрьев, был он сыном родителей — <истинных> христиан, благоверных и благочестием сияющих. С юного возраста и от младых ногтей желал он служить Богу, а когда услышал, что неподалеку от города Радонежа в монашестве живет блаженный Сергий, собравший братию, преуспевающую в служении Господу, сказал себе, умилившись сердцем божественной благодати: «Какая мне будет польза и что приобрету, если, насладившись преходящей сладостью этой жизни, вечных благ лишен буду? Они ведь скорби радостно с Богом терпят, как я не решусь так же терпеть?» И вздохнув, прослезился и сказал: «Господи Боже, царь вечный и милосердный, помоги мне этого святого человека узнать и последовать ему во всей жизни моей, чтобы и я спасся его ради и удостоился вечных твоих благ, которые обещал ты любящим тебя!»

И вскоре оставляет он отечество и родителей, приходит к блаженному Сергию и просит, чтобы тот облек его в иноческий образ. Преподобный же Сергий, увидев благоразумие отрока, очень полюбил его, больше же скажу, прозрел духовным взором душевную его чистоту и лучезарный свет, который в нем впоследствии просияет. И не оставил он его без испытания, но поступил с ним, как некогда великий Евфимий, который, увидев пришедшего к нему еще безусым блаженного Савву, отослал его в нижний монастырь к сопостнику своему Феоктисту. Так же и сей преподобный Сергий отослал этого отрока в монастырь, называемый Высоцким, к ученику своему по имени Афанасий, человеку добродетельному и весьма опытному в иноческом житии. «Иди, — сказал он, — чадо, ни в чем не сомневаясь в сердце своем; если даст Бог, там возложение ангельского образа примешь».

Когда же услышал отрок такой ответ преподобного старца, к Богу большей любовью воспылал и, умилившись, возжелал стать иноком. Тотчас он отправился в путь и поспешил к блаженному Афанасию, стремясь быть с ним, а когда пришел к его келье, сотворив молитву, с совершенным смирением постучал. Тот же, чуть приоткрыв оконце, спросил у него: «Чего хочешь? Кого ищешь?», потому что любил старец безмолвие и нечасто выходил из кельи своей. Тогда отрок поклонился ему до земли и сказал: «Великий авва! Блаженный Сергий послал меня к тебе, чтобы ты сделал меня иноком».

Старец же неласково и несладко ответил ему: «Не можешь, — сказал, — быть иноком, ибо не мала вещь — дело инока. Ты юн, а завет старческий суров, ничего другого не велит есть, кроме хлеба и воды, и того в меру, масла же и вина совершенно воздерживаться, и бодрствовать до полуночи, пребывая в молитвах и в Божественных поучениях, бывает же когда и всю ночь». И ответил ему отрок: «Не все люди нравом равны, только прими меня, отче, и время тебе покажет». Сказал <тогда> ему старец: «Многие приходили сюда, но, обленившись и не вытерпев труда постнического и воздержания, обращались в бегство; говорю я тебе, что не сможешь, уйди отсюда и постись». Отрок

же, услышав эти слова, многими слезами лицо свое омочив и распалив душу божественным желанием, обет дает любые тяготы перенести.

Увидев усердие отрока и многие его слезы, старец ввел его в свою келью и стал утешать, говоря: «Не печалься о том, чадо, что я сказал тебе: не мала вещь — дело инока. Ведь иноков добровольными мучениками называют, и мучение их сугубейшее, ибо мученики многие, в один час времени страдания претерпев, умирают, иноческой же жизни всякий день страданиями полон, хоть и от мучителей они мук не принимают, но в самих себе, естеством плоти своей и врагами мысленными одолеваемы, до последнего вздоха страдают». Потом <еще> сказал ему: «Сын <мой>, если приходишь служить Господу, приготовь душу свою переносить искушения и страдания, наводимые от врагов, чтобы, претерпев их, принять воздаяние великое на небесах».

Отрок, упав в ноги старцу, безгласен, как камень, ничего другого не мог сказать, только «помилуй меня». Старец же поднял его: «Встань, — сказал, — чадо, Господь наставит тебя на путь заповедей своих. Потому я говорил тебе все это, что сам грешен, хотя и воспринял служение делу Божьему. Ныне желание твое исполнится». И сказав это, помолился и облек его в святой ангельский образ.

И учил он его добродетелям, и наставлял, как служить Богу, наполняя мужеством и крепостью его разум, и во всем собою показывая ему пример. <Все время>, пока блаженный Никон находился у него, он предавался молитвам, преуспевал в добродетелях, в посте, и в бодрствовании, и в чистоте, был нравом смирен и образом кроток, и Божественным Писаниям трудолюбиво поучался, постигая их всем своим разумом. В мыслях же к большему стремился, и, избрав целомудрие, все старания прикладывал к тому, чтобы научиться добродетели; только этого он всегда желал и очень заботился, как бы ему преуспеть во всех добродетелях.

Афанасий же, видя, что он так усерден, внимательно подмечал это и сохранял в своем сердце, по-отечески оберегал его, побуждал к дальнейшему и, к любому делу или помыслу благочестно и легко подводя, искусно наставлял его во всем иноческом житии. Когда же он достиг совершеннолетия, тогда дивный этот муж Афанасий по решению братии почтил его саном священства и как достойного слугу перед Богом его поставил. Доблестный Никон после поставления на священство большей благодати удостоился и <еще> больше о благом стал заботиться, в себе размышляя, как восприимет достоинство такой благодати, что не только земным, но и небесным силам страх внушает. И благодаря этим размышлениям душой он к высшему поднимался и к Богу приближался, непрестанно обращаясь к нему в песнопениях и молитвах.

Пробыл <Никон еще> некоторое время в этой обители, и внезапно охватывает его сильное желание увидеть великого старца преподобного Сергия и получить его благословение, ибо была у него вместе с другими добродетелями и способность точно распознавать тех, кто совершает труд следования благому. С мольбой великой обращается он к

Афанасию, чтобы сподобиться от него благословения, — и был отпущен с миром. Когда это произошло, пришел он в лавру чудесного Сергия и, увидев великого отца, прослезился от сильного влечения и любви и с жаром припал к честным его ногам, благословения прося. Святой посмотрел на него с радостью на лице и сказал ему: «Хорошо, что пришел ты, сын мой Никон!» Он же почтительно слова <святого> со смиренным видом принимает, затем и в келью к нему проходит, радуясь, что позвал тот его, и лобзания его удостоился, с трепетом прикоснувшись к честному телу святого, и был с любовью благословлен им. Не угостил его совсем преподобный, как обычно других приходящих угощал, но, скоро и милостиво приняв, приказал ему служить братии со всяческим усердием.

Оставшись, блаженный Никон любую работу монастырскую исполнял и в таких трудах и подвигах все дни проводил, к Богу с молитвой обращаясь, ночью же еще ревностнее упомянутому делу предавался и, сна мало зная, усердно священные песнопения творил. За это еще больше полюбил его преподобный Сергий и очень радовался жизни его, в поступках и духовных стремлениях <Никона> видя свидетельство <его праведности>. И приказывает он ему в одной келье с собой жить, чтобы стал тот сопричастником ему в деланиях духовного восхождения; и постоянно мягко и любезно наставлял его в добродетелях и великодушное попечение о нем проявлял.

Целомудренный же послушник привязался к нему духовными узами, советам и примеру его последуя, к совершеннейшей добродетели устремился и, житием его вдохновленный, мысленно к подобной жизни себя готовил. Не слабым и малодушным показал себя Никон в служении духовном, но мужественно и непоколебимо положил в основание своей жизни послушание и смирение, и от этого для себя пользу великую получил.

Был же и такой обычай у доблестного <Никона> — обо всех делах своих и помыслах рассказывал он отцу своему, блаженному Сергию, и наставлениям его усердно следовал, и великое утешение находил для себя в назидательных беседах его, ибо желал добродетели не только на словах, но и на деле стремился стать истинно добродетельным. Во всем образ Христа в учителе прозревал, и не как на человека смотрел <на него>, но представлялось ему, что перед Богом стоит, и что повелевал ему преподобный, как из самых Христовых уст принимал, и всему с верой повиновался и тотчас исполнял.

И потому стал он как «дерево, посаженное при потоках вод, которое во всякое время приносит плоды», сладкие и обильнейшие. Как бывает в благородных садах, когда первые побеги красотой своего цветения предвещают земледельцу будущую доброту плода, так и Никона мудрый отец духовным взором прозрел пресветлую благодать, в нем впоследствии воссиявшую. И решил <Сергий> его пастырем обители этой поставить вместо себя, как <потом> и случилось, и установил в служении <монастырском> такой порядок, чтобы был он вторым после настоятеля.

Блаженный же Никон со всеми равно был милосерден, совершенно кроток и человеколюбив; страсти же были побеждены в нем великим дарованием духа. Побуждаемый великим <своим> человеколюбием, всегда он обо всех заботился, благожелательно и великодушно всем служил, премудро утешал и нужду каждого подаянием восполнял; никто из братии не оставался им не замечен и все любви удостоены; и столько даже и родителям иным непросто для детей сделать, сколько он для братии делал. И провел долгое время в доблестном таком послушании, служа братии со всяческим смирением.

Блаженный Сергий, всегда видя его украшенным столькими добродетелями, веселился духом, а за шесть месяцев до своего преставления созывает он весь священный собор и Никону перед всеми, хотя тот и не хотел, монастырское устроение и о братии попечение как искусному вождю вручает; сам же преподобный предался мудрости полного безмолвия. Блаженный Никон сильно об этом сокрушался, но не посмел ослушаться повеления, отчего и подчинился, как добрый послушник.

Вскоре великий и богоносный отец Сергий отошел к Господу. Преподобный же Никон болью острой сердце свое раня и утробу огнем печали распаляя, тяжкой скорбью охваченный, умиренно взывал и горько стенал, лицо слезами омывая, и как к живому к святому обращался: «Умер ты, преподобный отче, и вся надежда моя умерла! Кто мне станет последним по Боге прибежищем, и где найду теперь утешение!» И что ни говорил, что ни делал, часто к одру святого приходил и мощи обнимал, желая лучше быть с ним погребенным, нежели жить, с таким учителем разлучившись. И с многим плачем и рыданием гробу его предает, новый Авраам нового Исаака, или как второй Елисей, не плащ, а тело отчее унаследовавший.

По преставлении же преподобного Сергия все, что тот делал, старался Никон с любовью продолжить, и не напрасны были его поучения, ибо не только слушала его братия, но и воочию видела <жизнь> учителя, которая и без слов являлась примером, достаточным для наставления. О братии он великую заботу имел, и всех равно любил, и часто наставлял, чтобы не пренебрегали молитвой, но молились каждый по силе. За всеми наблюдал он, благорассудный наставник, и одних видел преуспевающими <в служении> Господу, и, радуясь за них, с веселым лицом с ними беседовал, напоминая, чтобы не ослабляли подвига, но как начали, так бы и продолжали. Других же видел нерадивых и в лености живущих и, огорчаясь за них, с печальным лицом с ними разговаривал, еще более поучения умножая.

«Поусердствуйте, — говорил, — братья, о своем спасении, ибо отреклись мы от мира и от всего, что в нем, ради заповеди Божьей, и подобает нам, посвятившим себя Богу, одной только воле его внимать и о спасении душ наших заботиться; да не лишимся вечной <жизни>, побежденные леностью. Сказано же Господом: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не предуготовлен для Царства Небесного». Пребывающий же в заповедях Господних до конца, без

сомнения, неизреченное добро восприимет». Так говорил он и более того <поучал>.

Они же все с радостью слушали его, а многие отказались от прежних своих привычек и жили с того времени в воздержании, с всяческим смирением. Тех, кто хотел стать иноком, с вниманием, и кротостью, и совершенной любовью он принимал, согласно братолюбивому уставу; мудро и разумно их распознавал, и каждому необходимое <духовное> врачевание определял, ибо был очень мудр и разумен в словах своих, и утешал их, наставляя в добрых делах, и искусно учил от всего злого твердо и до конца воздерживаться, а благие дела совершать непрестанно.

Обычай же был у преподобного такой: все службы часто он обходил, следил за работой каждого и ободрял, поучая. «Если страдания твердо перенесете, этим, — говорил он, — врага победив, нетленный венец в день пришествия Господня воспримете». Так он во всех духовных делах процветал, братию направляя. И от общих дел вместе с братией никогда он не отказывался, но наравне со всеми работал, для всех образцом в делах себя являя.

И прожил он жизнь свою доброчестную всем на пользу и в научение, а благие дела его совершеннейшим образцом <для всех стали>. Так он жил, как говорит писанное: «Винограднику Господа Саваофа цвести пышно и плодами кипеть, ибо чин церковный добролепно во имя Христа укрепляется и службы по чину устрояются». И было имя Никона как нечто священное прославляемо и всеми устами человеческими хвалимо. И из других земель, городов и селений многие богобоязненные и благородные приходили к нему ради пользы <духовной>, он же, любезно их принимая, с отеческим милосердием помогал как истинный душевный целитель, и поэтому все любили его и почитали как отца и учителя.

Но блаженный об этом очень скорбел и великой тщетой почитал, ибо не любил славы человеческой; больше же скажу, <сожалел>, что невозможно ему безмолвствовать, и вспоминал прежнюю свою жизнь, и когда один жил, и когда с отцом пребывал. И очень печалился, и думал: «Не подобает нам возвращаться к тому, что во имя заповеди Божьей оставили. Невозможно, чтобы стремящийся творить волю Божию не презрел прежде мирской любви и всех соблазнов мира не возненавидел. Мы же должны уповать на Господа, чтобы избавил нас от соблазнов». И тогда оставил Никон паству и стал жить в уединенной келье.

Братья же очень опечалены были этим и, не позволяя Никону оставить их, со слезами молили его, говоря: «Не оставляй нас, отче, как овец без пастыря, ибо с тобой мы в вере укрепляемся и освещаешь ты нас перед Господом». Он же ответил им: «Что делаете, чада, сокрушая мне сердце. Не удерживайте меня более, прошу вас, и чтобы никто из вас мне об этом больше ничего не говорил». Увидев, что решение его непреклонно, ничего не посмели они возразить ему, ибо знали все, что не ради телесного покоя сделал это преподобный, но для больших подвигов он освобождается и к большим трудам готовится, чтобы,

главенства как великого бремени избежав, величие добродетелей в безмолвии и смирении обрести. Так мудрые, когда их хвалят, смиряются, а когда прославляют, сокрушаются и этим приближаются к Богу.

Братья же не могли оставаться без пастыря и, избрав одного из учеников святого, мужа, сияющего добродетелями, именем Савву, возвели того на игуменство. Он принял паству и был добрым пастырем порученного ему стада, насколько мог сам и насколько отца его, блаженного Сергия, молитвы помогали ему; а когда прошло шесть лет, и тот паству оставил. Тогда братья вновь приходят к блаженному Никону, умоляя его снова принять унаследованную им паству. Чудесный же этот муж, всему смирение предпочитая, не желал главенства и власти отвращался: знает ведь благоразумный, что легче и проще спастись, если учиться у других, а не самому учить; так и издавна заповедано было. И отказался <Никон>, говоря, что недостоин он для такого великого дела, братья же не переставали умолять его. А он с большой тяжестью принимал на себя бремя власти, да и от того страдал, что, как от матери, отрывали его от любезного ему безмолвия. Они же еще настойчивее, со многими слезами, просили его: «Подобает, — говорили, — тебе, отче, не для себя одного <только> о пользе заботиться, но более — о спасении ближних». Долго думал об этом преподобный, зная и о том, каково бывает воздаяние за попечение о братии. И поэтому, полагаясь во всем на одного Бога, который может все <так для него> устроить, чтобы и безмолвие доброе сохранить, и за настоятельство не остаться без воздаяния, вновь приемлет он игуменство. И оставляет он для себя часть каждого дня, чтобы одному единому Богу предстоять, струящимися из глаз безмолвными слезами лицо свое омывая.

Этот дар умиления был дан ему за благотворное смирение, и в нем обретал он озарение и просвещение души. Слез же, когда молился, так много он источал, что все лицо его и ресницы ими опалены были! Во время и дневных, и ночных богослужений непоколебимым оставался он в предстоянии молитвенном, правила веры в себе <еще> тверже укрепляя. И в другом деле прилежен он был: когда бы ни приходилось читать Писание, в отеческие слова вдумываясь, каждое из них про себя повторял и с усердием их произносил, поскольку великую сладость при этом испытывал. И поэтому <твердости> веры его и обычаям многие ревновали и подражать старались, насколько возможно.

В то время случилось нашествие на русскую землю безбожного Едигея с другими иноплеменниками, и были все православные великим страхом охвачены. Блаженный Никон, духовные очи свои к небу возведя и руки <воздев>, в своем правиле ночью молился и отца своего призывал, чтобы и тот с молитвой обратился к всеобщему владыке Христу, да не отдаст он на запустение место это безбожным агарянам. А после сел он немного отдохнуть от труда, и будто в сон тонкий был сведен, и явились ему пресветлые святители, великие иерархи Петр и Алексей, и блаженный Сергий с ними, и молвили ему: «Так уж, — сказали они, — помыслом Божиим определено, чтобы <свершилось> нашествие иноплеменных. Ты же, чадо, не скорби, но мужайся, и да

укрепится сердце твое, ибо, хоть недолгие испытания и предстоят, но полному запустению не подвергнется место это и еще более процветет». Это промолвив, благословили они его со словами «Мир ти» и тотчас невидимы стали. Очнувшись от видения, блаженный <Никон> бросился к двери кельи и увидел, что она заперта. Открыв ее, он наяву увидел блаженных, удаляющихся от кельи, и тогда понял, что истинным было видение и <свершится врагов> безбожных нашествие. «<Такова> воля Господня, — сказал он, — да свершится то, что должно произойти».

Немного времени прошло, и стало сбываться предсказанное: варвары места эти стали завоевывать. Добрались они и до обители блаженного отца и все, что нашли, огню предали. Блаженный же Никон с другими братьями удалились оттуда, чтобы дать место грядущему гневу <Божию>. А когда ушли варвары, снова блаженный в обитель возвращается и видит, что это возлюбленное им место и труды отца его — <всё> огнем сожжено. Какую должна была блаженная эта душа скорбь испытать тогда, когда увидел он попранным беззаконными все, что было достойно памяти святого его отца! Он же не поддался печали, не впал в уныние или изнемог, но мужественно воспрянул. Как доблестный воин, побежденный противником, не покоряется врагу, но, воспрянув мужественно и собрав войско, одерживает победу, так и этот преподобный доблестный пастырь собирает разбредшихся овец — учеников своих, которых хищники духовные разогнали; и первым делом воздвигает деревянную церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы, потом же строит кельи и устраивает <все монастырские> службы.

Собралось тогда из окрестных мест множество иноков и немалое число простых людей, радующихся возвращению великого <Никона>. Преподобный с отеческой добротой принимал их, как детей любимых, всем необходимым наделял и все, что подобает чадолюбивому отцу, для них делал; и всех наставлял словами душеполезных поучений, обильную духовную трапезу им предлагая, и наилучший порядок для детей своих устроил, чтобы души они очищали и просвещали <в себе> внутреннего человека. И как прежде горестно было им своими глазами видеть монастырскую красоту сгоревшей, <ныне> вдвойне радовались их души, <когда> видели они новое благолепие. И с тех пор монастырь все больше процветает. Так проявлены были добродетели блаженного, и каждая из них слова о себе требует, и нужно бы произнести его, но мы скудным разумом своим не постигнем, о чем прежде рассказать. А сейчас, кратко о чем-то из происшедшего уже вспомнив, и об остальном, как сможем, расскажем.

Через некоторое время решает он воздвигнуть каменную церковь над гробом отца своего, и собирает отовсюду строителей, и каменотесов искусных, и каменщиков, и с Божьей помощью быстро прекрасную церковь построил во имя споспешника в деле этом в Троице славимого Бога и в память и похвалу отца своего. И украсив ее богатым убранством, очень еще и о том заботился, чтобы росписями была украшена церковь, однако некоторые <из братии> воспротивились

этому из-за бедности, случившейся <в монастыре> после того несчастья.

Он же, побуждаемый сильным желанием, хотел увидеть своими глазами эту церковь всячески украшенной и вскоре призвал живописцев — мужей, совершенных в добродетелях, Даниила именем, и сопостника его Андрея, и остальных с ними. И тотчас они к делу приступили, и так разными росписями церковь украсили, что удивляла она всех, видевших ее. А когда закончили они все, сразу отправились в один из монастырей Богом спасаемого града Москвы, называемый Андроников, и там церковь во имя всемилостивого Спаса также расписали, последний труд на память о себе оставив.

И недолго пожив, смиренный Андрей оставил жизнь эту и отошел к Господу, а затем и сопостник его Даниил; оба долгую жизнь прожили и в глубокой старости благой конец приняли. Даниил, когда <настало время ему> от телесных уз отрешиться, увидел возлюбленного им Андрея, с радостью его призывающего. Он же, увидев того, кого хотел, возрадовался, и, поведав предстоящим братьям о явлении своего сопостника, тотчас предал дух. Увидели бывшие там братья их преставление и тогда поняли: потому блаженный Никон поспешил расписать церковь Святой Троицы, что предвидел этих духовных мужей кончину; и за это принесли ему великую благодарность. А мы, об этом закончив, вновь к прежнему возвратимся.

Когда увидел блаженный Никон церковь, законченную росписью, возвеселился духом и сказал: «Благодарю тебя, Господи, и славлю пресвятое имя твое, ибо не отверг ты просьбу мою, но даровал мне, недостойному, все это своими увидеть глазами». Не от внешней мудрости великий Никон радостно хвалу эту <Богу> принес, но, благодати утешительный свет сердцем своим восприняв, так сказал, ибо был он сладок словом, премудр разумом и всеми добродетелями украшен, которые с Божьей помощью обретает человек, всеми ими наделен. Удивительно было видеть его, только к жизни для Бога стремящегося, имеющего пищей воздержание и нимало не пекущегося о богатстве: одетое на его священное старческое тело власяное рубище было ему приятно более, чем мягкие ризы. От юности до зрелого возраста <жил он так> и даже в старости не переменился, разнообразными яствами не услаждался и из-за телесной немощи обычную свою одежду не изменил. И хотя втайне совершал преподобный свои добрые дела, желая скрыть их от людей, но Господь как свет <путеводный> являет его всем, чтобы и другие взяли себе примером его подвиги и восприняли ревность к пути добродетели.

После завершения церкви недолго прожил <Никон>, ибо от старости, многих трудов постнических и продолжительных болезней телом он ослабел. <Когда же> он совсем обессилел и понял, что отходит к Господу, повелел созвать братию. Все тотчас пришли и, увидев отца своего умирающим, с плачем у одра предстали. Тогда преподобный немного приподнялся и, сколько мог, учеников наставлял, заповедуя им обо всем, что для жизни иноческой необходимо. Говорил он о молитве и о службе церковной, и днем и ночью совершаемой. Поучал он их, что не

подобает часто переходить <из монастыря в монастырь>, но наказал им с терпением оставаться на этом месте и приходящие искушения до конца претерпевать. Еще <учил он> повиноваться всем настоятелям, которые будут после него, ненавидеть праздность — причину многих зол и давать рукам трудиться под пение священных псалмов. <Завещал он и> безмолвию радоваться — матери всех добродетелей; помыслы духовные высокими и чистыми сохранять и ни к чему так не стремиться, как к безмолвию. «Знайте, — говорил он, — что к совершенной добродетели может оно возвести». И о любви к ближним напомнил им, сказав: «Насколько возможно <будет>, ни одного из приходящих с пустыми не отпускайте руками, чтобы не случилось вам, самим не ведая, Христа отвергнуть, явившегося под видом одного из просящих. Бодрствуйте и молитесь в полном воздержании, чтобы уберечься от врага и соблюсти обет целомудрия, вами данный. Знаете сами, что непрестанно возвещал вам всем слово Божье, и всем вместе, и наедине каждому. И ныне, отцы и братья, чада возлюбленные во Христе, молю вас, помните слова мои, которыми учил вас, сохраняйте их в сердцах ваших и следуйте им, исповедуя правую веру и жизнь благочестивую <ведя>«.

Такими словами и другими, этим подобными, поучал святой братию, наставляя их о спасении души, и вдруг замолчал. И явлена была ему прежде отрешения от тела уготовленная <для них> с блаженным отцом его <небесная> обитель. Тогда он, помолчав немного, сказал стоящим рядом ученикам: «Отнесите меня в то светлое жилище, которое уготовлено мне молитвами отца моего». И промолвив это, причастился пречистого тела и крови Христовой и возвестил о скорой своей кончине: «Освобождаюсь я, братья, от оков плоти сей и отхожу к Господу». И последнее благословение им оставив, сказал себе: «Отправляйся, душа моя, куда предназначено тебе, иди, радуясь, Христос зовет тебя!» Сказав так и осенив себя крестным знамением, с молитвой предал святой Господу свою честную и трудолюбивую душу в год 6938 (1429) месяца ноября в 17-й день. Жил он в доблестном настоятельстве 37 лет, никаким трудом не пренебрегал, для порученной ему во имя Христа паствы хорошим пастырем был и подвизаться <в стремлении> к вышнему их научил.

Братья, многие слезы проливая и горько рыдая о разлуке со своим отцом и учителем, проводили его достойно с пением псалмов и надгробными <молитвами>, как подобает, отца почтив, земле предали. Положили его близ раки преподобного Сергия, где и поныне память его совершается во славу Святой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно.

Немного о чудесах блаженного расскажем. Когда блаженный Никон был еще жив, послал он одного из братьев, именем Акакий, в одно из сел монастыря этого за какой-то надобностью. Он же отказался, ответив: «Не для того я отрекся от мира, чтобы села и города обходить!» И долго блаженный уговаривал его, но тот так и не подчинился. И наконец сказал ему преподобный: «Берегись, брат, как бы тебе по своей воле не оказаться там и воздаяние за ослушание не воспринять». А после преставления блаженного Никона этот Акакий,

забыв сказанное святым, отправился в то село, и тогда настигла его кара, предсказанная святым: помрачился он умом и так братьями приведен был в монастырь. И явился ему блаженный Никон, держащий в руке своей жезл, и сурово сказал ему: «О Акакий, для того ли ты отрекся от мира, чтобы города и села обходить?» Он же задрожал, охваченный страхом. И несколько дней так он мучился, и каждый день приводили его то к раке преподобного Сергия, то к гробу блаженного Никона, и молился он, прося прощения, и братья молились за него. И тогда благодатью Христовой и молитвами святых получил он исцеление и стал <опять> здоров и разумен. Об этом же обо всем сам расспрашивающим его не раз с многими слезами рассказывал.

О Симеоне Антонове. Человек один был из богатых купцов, именем Симеон, и случилось ему заболеть тяжело, так что много дней ничего он не ел и настолько от болезни сильной страдал, что даже двинуться не мог. Однажды ночью вспомнил он о чудесах блаженного Сергия, сколько исцелений Бог творит ради него, и стал про себя молиться, говоря: «О святой Божественный отец, преподобный Сергий, помоги мне и избавь меня от болезни этой. Вспомни, когда еще с нами был в жизни этой, как любил ты родителей моих, и мне также благодеяние окажи, и даруй мне исцеление от болезни сей». Такими и многими другими словами <долго> молился он, и тогда явились ему преподобный Сергий с блаженным Никоном. Горел светильник, и все в доме его уже спали. Симеон же, когда увидел пришествие святых, преподобного Сергия не узнал, только одного Никона, и от него понял: «Тот, — сказал, — кого ты призываешь, Сергия, <вот> он и есть». Тогда он попытался встать, но <не только встать> не смог, но даже и сказать что-нибудь. Святой же встал около него и осенил его крестом, который держал в руке своей. Затем повелел блаженному Никону, чтобы и тот его осенил, и Никон, взяв икону, которая была у его постели, той благословил его. А икона эта раньше дана была ему на благословение блаженным Никоном, и хранил он ее в доме своем как память о святом и из-за любви к нему. Но об этом закончив, к предыдущему вернемся. И после этого взяли они его за волосы, так что ему показалось, будто содрали кожу с него, и тотчас оба невидимы стали.

Симеон же, очнувшись от видения, понял, что исцелили болезнь его святые и здоровье ему даровали; тотчас встал он и сотворил 15 поклонов, воздав благодарности Богу и угодникам его, преподобным отцам и чудотворцам.

Об архимандрите Матфее. Священник этой обители, именем Матфей, стал архимандритом в городе, и, когда он там какое-то время прожил, заболел. И отнесли его в монастырь Святой Троицы, и молитвами блаженных отцов Сергия и Никона исцеление он получил. Но, одолеваемый стремлением к почестям, как это со многими случается, опять возвращается он в уже упомянутый монастырь, где был архимандритом, ибо там всеобщим почетом и поклонением был окружен. И вновь через некоторое время в недуг впал, и, когда привели его в монастырь и положили у гробниц святых, благодатью Божьей и молитвами преподобных отцов <вновь> исцеление он получил, но так и

не постиг знамения, и опять вернулся на ранее упомянутое архимандритство.

И так много раз случалось, и через некоторое время поразил его тяжкий недуг, горше прежнего, и, когда был он в забытьи, видит себя пришедшим в обитель преподобных, и встретил его блаженный Никон, держащий пастырский жезл в своей руке, и стал укорять его, с гневом говоря: «Что, лицемер, когда болен, усердно к нам приходишь, исцеление же получив, назад возвращаешься! Но отныне оставайся там, где полюбилось тебе жить, к нам же никогда не приходи». Когда очнулся архимандрит этот от видения, страхом и трепетом охваченный, постиг свое прегрешение, что напрасно ушел из монастыря преподобных отцов. И тотчас вернулся он в обитель с горьким плачем и рыданием, обет дав Богу и преподобным отцам больше никогда не уходить оттуда до смерти своей. Рассказал он братии о милостивом этом вразумлении, <данном ему> блаженным Никоном, и, недолго поболев, в добром покаянии с миром преставился.

Освящение церкви святого мученика Георгия...

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Савельева

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание...» — одна из русских статей Пролога, в его составе известна в списках начиная с XIV в. Однако событие, которому посвящена статья, следует отнести к началу 50-х гг. XI в., так как церковь св. Георгия в Киеве построена великим князем Ярославом Мудрым (ум. в 1054), а освящена первым русским митрополитом Илларионом (на митрополии с 1051 г.). Установленный в честь этого церковный праздник упоминается уже в начале XII в. (в месяцеслове Мстиславова евангелия, написанного до 1117 г.). Текст издавался неоднократно, последний раз Л. П. Жуковской (см.: *Жуковская Л. П.* Двести списков XIV—XVII вв. небольшой статьи как лингвистический и исторический источник (статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым) // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 33—62).

Текст издается по Успенскому списку *ВМЧ (ГИМ,* Синод. собр., № 988 (786), лл. 1210—1210 об.).

ОРИГИНАЛ

26 НОЯБРЯ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СВЯТОГО МУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ[1] СВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ ЕГО, ИЖЕ В КИЕВѢ, ПРЕД ВРАТЫ СВЯТЫЯ СОФИЯ[2]

Блаженный и приснопамятный всея рускыя земля князь Ярославъ, нареченный въ святѣм крещении Георгий, сынъ Володимерь, крестившаго рускую землю, братъ же святою мученику Бориса и Глѣба. Си восхотѣ създати церковь в свое имя, святаго Георгиа, да емуже восхотѣ, то и сътвори.

И яко начаша здати ю, и не бѣ у нея многъ дѣлатель. И се видѣвъ, князь призва тиуна[3] и рече: «Почто немного у церкви дѣлатель?» Тиун же рече: «Господине, понеже дѣло властельско есть, и боятся людие, егда труд подъимше, найма лишени будут». И рече князь: «Аще тако есть, то азъ сице сътворю».

И повелѣ куны[4] возити на возѣх в комары[5] Золотыхъ воротъ.[6] И возвѣстиша на торгу[7] людемъ, да възмет кождо по ногатѣ на день; и бысть множество дѣлающих, и тако вскорѣ скончa церковь. И святи ю Ларионом митрополитомъ месяца ноября въ 26 день, и створи в ней настолование новоставимымъ епископомъ. И заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгиа месяца ноября въ 26 день.

---

[1] *Георгий Победоносец* — великомученик, византийский святой, широко почитавшийся в Киевской Руси; в его честь Ярослав Мудрый основал Юрьев монастырь под Новгородом.

[2] *...иже в Киеве, пред враты святыя София.* — Имеется в виду киевский Софийский собор, возведенный незадолго до постройки церкви св. Георгия.

[3] *Тиун* — особая должность при князе или епископе.

[4] *Куна, ногата* — денежные единицы Древней Руси.

[5] *Комара* — кладовая.

[6] *Золотые ворота* — главные городские ворота древнего Киева, названные «Золотыми» по аналогии с константинопольскими.

[7] *Торг* — торговая площадь.

ПЕРЕВОД

26 НОЯБРЯ

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ОСВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ, ЧТО В КИЕВЕ, ПРЕД ВРАТАМИ СВЯТОЙ СОФИИ

Блаженный и вечно памятный всей русской земли князь Ярослав, названный в святом крещении Георгий, сын Владимира, крестившего

русскую землю, брат же святых мучеников Бориса и Глеба. Захотел он создать церковь в свое имя, святого Георгия, и как пожелал, так и сделал.

И как только начали строить ее, <оказалось>, что недостает работников. И увидев это, князь призвал тиуна и спросил: «Почему мало для церкви работников?» Тиун же ответил: «Господин, ведь дело это властительское, боятся люди, что, когда работу закончат, платы не получат». И сказал князь: «Если так, то я сделаю вот что».

И приказал куны возить на возах в комары Золотых ворот. И объявили на торгу людям, что получит каждый по ногате в день; и стало много работников, и после этого быстро закончили церковь. И освятил ее митрополит Илларион месяца ноября в 26-й день, и стали в ней поставлять новых епископов. И повелел по всей Руси праздновать день святого Георгия 26 ноября.

...Слово на Рождество... Иисуса Христа

Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии И. А. Лобаковой

ВСТУПЛЕНИЕ

В Великие Минеи Четьи среди других торжественных Слов на Рождество было включено произведение, которое приписано Иоанну Златоусту. Однако уже при издании декабрьского тома *ВМЧ* было указано, что такого Слова в списке творений Иоанна Златоуста нет. Близкие этому тексту есть в Торжественниках. Однако важным представляется тот факт, что читающееся в *ВМЧ* Слово с фразы «И промчеся слово то до Ирода...» довольно близко опубликованному И. Я. Порфирьевым апокрифическому Слову на Рождество. (См.: Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // *ОРЯС.* Т. 52. № 4. С. 155), текст которого был лишь слегка сокращен. Интересно, что в *ВМЧ* немало текстов, связанных с северной рукописной традицией (конкретными новгородскими и соловецкими сборниками). Текст, положенный в основу Слова в *ВМЧ,* был дефектным (в списке немало ошибочных чтений, повторов и т. п.), однако именно такие произведения отражают «средний» уровень составляющих *ВМЧ* памятников.

Текст публикуется по декабрьскому тому Успенского списка Великих Миней Четьих — Синодальное собр., №989, лл. 641в—644б. Исправления внесены по списку из Торжественника 40-х гг. XV в., *ГИМ,* Чудовское собр., № 262, и списку из Торжественника нач. XVI в., *ГИМ,* Увар., № 385.

ОРИГИНАЛ

25 ДЕКАБРЯ.

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ИОАННА АРХИЕПИСКОПА КОНСТЯНТИНА-ГРАДА ЗЛАТАУСТАГО СЛОВО НА РОЖЕСТВО ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУС ХРИСТА

Благослови, *отче!*

Нынѣ моего естества обетшанию обновление приходить, Адамова злонравиа язва исцѣляется. Нынѣ свѣтозарнаа луча, с небеси приходящи, просвѣщаеть, и адьскиа ужники от вѣка на свѣтъ возводит, мучителево чрево просаждаемо бываеть. Нынѣ пророческаа речениа се уже свершишася, исполнение закону, Христос, во чрево дѣвичее вселися, и нынѣ родися, и сбысться реченное Исаиемь-пророкомь, глаголющимь: «Се Дѣва во чревѣ прииметь, и родит Сына, и наречеть имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо, с нами Богъ».[1] И «спасеть люди своя от грѣхъ»,[2] от перворoднаго пагубу[3] самь собою исцѣлити. «Прииде, бо, — рече, — Сынъ Божий взыскати и спасти погыбшаго»,[4] и на рамо взем, устроити с сущими суетно суще гибнущее, да полно паки будеть. Господне Рождество, о немже рече Иеремѣя-пророкъ, глаголя: «Се Богъ нашь, не приложится инъ к нему: изообрѣте во всякъ путь художьства, и дасть Отроку своему. По сихъ на земли явися, и со человѣкы поживе».[5] Се уже да видимъ, возлюбленнѣи, нынѣ ражающася в вертпѣ пребогатаго Царя всяческимь. И пеленами повитъ, яко младенець, «одѣвающь небо облаки и мглою море».[6] Нынѣ в пещерѣ возлежить, егоже звѣзда с небесѣ являшеся и проповѣдаше; яко се усты звѣздою глаголя, небо Бога прѣвечнаго знаменаше, рождьшагося в Вифлиемѣ на спасение земнымъ, яже волхвомь наставница сиа бысть. С неюже пришедше, и поклонишася ему, отверзъше скровища своя, вдаша ему злато, и ливанъ и змирну, яко Цареви всяческимь. Да почто не почюдимся, вѣрнии, Перских мужий долгувременному хождению, даръ прорицаю. Не стыжю бо ся по Божественому Писанию пророческаа нарицати, иже провозвѣстиша хотящее быти по плоти Божество и человѣчьство, знаменавше своими приношениа дарми. Отверзъше бо своя, приношаху ему злато, и ливанъ, и змирну: злато бо, яко цареви достойно бѣ, человѣчьство проявляющи в нем же, купно и Божество: по истиннѣ свершенъ Богъ и человѣкъ явися. Ливан же яко Богу, имже яко воня добровонна есть фимианъ, да тѣмь Богови кадиломь честь воздаемь. И змирна же масло есть, имже помазывають мертвыа июдея. Да тѣмь провозвѣстиша тридневное востание Господа нашего Иисус Христа, еже и еваггелистъ послушествуетъ: еюже мастию и жены, пришедше на гробъ, хотяху помазати тѣло Исусово. Уже свершено намъ вообразиша хитрословци, халдѣйстии отроци, от земля далняа Персиды пришедше. И исполнися глаголъ пѣвца Давыда, глаголюща: «Ефиопиа, Тарсисъ, Аравитьстии острови, Сава, Мидене»[7] — всю землю сдержаще, припадоша ти, Спасе, рождьшемуся от Девы на потребление поползениа Адамова.

Но на преднее возыдемь. «Видѣхомь бо звѣзду его на востоцѣ»,[8] во звѣздах восиающю, и своимь свѣтомь покрывающе вся звѣзды, да шедше поклонишася превѣчному Царю сии от старѣишинъ Прьскихь, вземше во скровищехъ своихъ дары, со звѣздою-наставницею грядуще. О,

великое смотрение Владычнее! О, неизреченное и недовѣдомое человеколюбие! Показаше звѣзда, преже Солнца-Слова пришедше, уставити грѣхи своимь божественымъ промышлениемь. Сице бо превеликое страшное знамение показаеши всему миру пречистымь божественым воплощениемь. Не во единой бо страннѣ явися всесвѣтлаа звѣзда Твоего сошестия, но и в земли Персистѣй увѣряеть халдѣянъ, с неюже путьшествують. Никако же не отступающе от неа, водими ею бѣяху: и когда стояху от пути своего — и звѣзда ми стояше, и когда им шествовати — и звѣзда с ними идяаше, дондеже доидоша царства Иродово. И ту уставися звѣзда, водящия мужа халдѣискиа.

Мнѣ же мнимо есть, по божественыхъ отець писанию, онеи же ясно сказаша: не есть се убо звѣзда, но сила нѣкаа невидимаа претворишася. Внегда бо онѣмь стати, и она с ними стояше, егда имъ ступати — и та с ними идяше. Вся бо звѣзды обычныа к западу грядуть, си же чрезъ естество на полудние идяше. Солнцю востекшю, обычныа звѣзды покрывахуся и невидими бываху, си же звѣзда солнечныа покрываше луча. И шедше ста, идеже Иродъ царствуеть.

Волсви же, во градъ вшедше, вопрошаху с расмотрениемь, глаголющи ми: «Гдѣ есть родивыйся царь Июдеискый? Видѣхомь бо звѣзду его на востоцѣ, восиавши ей во звѣздахъ, омрачахуся иныа звѣзды и не свѣтяхуся, и „приидохомь поклонитися ему".[9] Они же, удивльшеся от страшных глаголъ, отвѣщаша, глаголюще: „Нѣсть здѣ, егоже вы глаголете. Иродъ царствуеть во странѣ сей, и сынъ у него единъ есть, и давно убо родился есть, и *нѣстъ (еще)* приимникъ царству его, а егоже вы глаголете, не вѣмы". Они же паки вопрошаху, глаголюще: „Мы убо о не Иродѣ вопрошаемь васъ, ни о сыну его, но о рождьшемся цари, егоже звѣзда восиала есть. Тому поклонитися приидохомъ, якоже рече: «Изыдеть звѣзда от Иакова, и востанеть человѣкь от Израиля, и сокрушить начатки Моавля, и плѣнить всюду»"».[10] Ту видѣвше звѣзду, волсви, приидоша со востока во Иерусалимь, глаголюще: «Гдѣ есть родивыйся царь Июдейский?»

И промчеся слово то до Ирода, иже ему возвѣстиша и глаголаху: «Мы убо, царю, слышахомь от пришедшихъ влъхвовъ, иже возвѣстиша намъ о рождьшемся Цари небеснѣмь, егоже, глаголють, царствию нѣсть конца». Ирод же слышавъ и возмутися яростию скоро, и весь Иерусалимъ с нимь смятеся. И повелѣ слугамь призвати волхвы. Слуги же Иродовы шедше, возвѣстиша, глаголюще: «Царь вы зоветь к собѣ». Они же слышавше, идоша к нему, чающе возвѣщениа от него рождьшемся цари. Абие сташа пред Иродомь, и рече имъ царь: «Гдѣ есть, егоже вы глаголете рождьшагося царя во странахъ наших, егоже царствию нѣсть конца? Аще извѣстно вѣсте, скажите намъ, гдѣ есть родивыйся». Волсви же отвѣщаша ко Ироду, глаголюще: «Мы убо сынове есме Перскыа области. Отечьство наше есть все предѣла земля тоя, ты же вопрошаеши насъ, гдѣ есть родивыися царь. Не свѣдѣтели есмы странѣ твоей. Мы убо имамы звѣзду, водящю насъ, дондеже та уставить течение — да увѣмы рождьшагося царя на спасение земнымъ». Иродъ же се слышавъ от влъхвовъ и возьярися зракомь, и смутися умомь, и глаголаше: «Да почто не извѣстно увѣдѣвше и возмутили есте страну?» Они же рекоша ему: «Мы убо николиже соблазнихомся даже

до нынѣ, зряще на преходы звѣздныа. Се звѣздное знамение извѣстно свѣмы, в коей убо странѣ приключшагося, якоже отцы наши даша намъ учениа хитрости, приимше от еллинь же и халдѣй, мы же с тѣхь добрѣ умеюща звезднаа течениа. Мы же о семь пытаеми, не соблажняемся, ты же вопрошаеши нас о рождьшемся цари, гдѣ есть. Извѣстно видѣхомь звѣзду его на востоцѣ превелику, во звѣздах восиающю, еже есть знамение небеснаго царя. Сии есть наставница намъ, с неюже грядемь, дондеже уставити течение, ту поклонимся превѣчному царю».

Слышав же се Ирод от влъхвовъ, смятеся, и весь Иерусалимъ с нимъ. И лестию хотя от влъхвовъ увидѣти и извѣстно яже о отрочяти, кротко к нимь отвѣщаеть, глаголя: «То аще поистинѣ грядете поклонитися рождьшемуся царю на земли, возвѣстите намь разумно, да и азъ поклонюся ему». И посылаеть с ними послы своя, глаголя: «Аще гдѣ обрящете таковаго, возвратившеся, повѣдите ми, да шедъ поклонюся ему». Шедше же предъ врата граднаа и вси слугы Иродовы, яко начаша начинати шествие пути, абие водящиа звѣзда мужа Перскыа скрыся. Посланыа же слугы воспять возвратишася ко Ироду, глаголюще: «Мы убо, царю, сице сматряемь вещь сию разумѣюще, яко же сии мужие волшества своего промышлениемь уставиша таковое знамение — звѣзда водящиа, да размыслить о сихъ твоя держава». Ирод же распалився, лютою яростию наполнися, яко аспида гнѣвомь дышуща, и повелѣ волхвы возвратити, и воврещи ихъ в темницю, и стражемь повелѣ блюсти я.

И представи мужа единого, языкъ умеюща перский, рече ему царь: «Разумѣеши ты, что глаголють сами к себѣ волсви, и ты нам возвѣсти. А к нимь не обиавляйся». Якоже слышавь, тако сътвориши. Онѣм же, сѣдящимь в темницы, и скорбию одержими и печалию, глаголаху сами к себѣ: «Да не соблазнимся о бывшем знамении, ни убо, но Иродова ради злаго возбѣшениа и посланных его слугъ скрыся от насъ таковое знамение. Мы же и доселѣ, на звѣзды смотряше, не соблазнихомся, яко отцы наши, добрѣ разумѣюще, намь предаша. Да возвѣстимь убо Ироду: да аще отпустить насъ единехь, и шедше ищемь обрящемь его, и поклонившеся превѣчному царю, и пакы возвратившеся ко Ироду, возвѣстимь ему». Повѣдаша же слугы царю вся глаголаниа ихъ. И абие радъ бысть, чаа возвѣщениа о рождьшемся. И призвавь их, глаголя: «Почто добродство, о мужи, ищете и не глаголете намь о рождьшемся цари, да чести сподоблени будете от нашего царства и истинни глаголници наречетеся». Волсви же единако глаголаху: «Мы убо, царю, знамениа смотримь, дондеже уставится звѣзда, ту абие видимь рождьшагося царя, и поклоншеся ему безвѣстно видѣвше, возвратимся к тебѣ». Он же рече к нимь: «Колико имате время шествия вашего пути, отнелѣже проявися знамение се?» Отвѣщаша же, глаголюще ему: «Се уже два лѣта». Иродъ же, разумѣвь глаголаниа от влъхвовъ, и отпусти их с миромъ, глаголя: «Аще где обрящете и, возвратившеся возвѣстите ми, да и азъ шедъ поклонюся ему». Лестно бо, а не истинно глаголаше, хотя одолѣти неодолѣемаго Бога, егоже бесплотнии на небесѣ, зряще, дивляхуся, глаголюще: «Дивна нынѣ видиж и преславна: Егоже небо не вмѣсти, нынѣ же во чрево Дѣвыа вмѣстися, и бысть плоть, хотя исполнити божественый стогъ». И на сего Иродъ готовится, и хощет мечю предати, разоряюще совѣты языкомь,

отметаеть же мысль людии! Нынѣ бо исполнитися имать реченное пророкомь глаголющимь Давыдомъ: «Падуть от страны твоея тысуща, и тма к тебѣ не приступить одесную», — на младенца наводить, избиены Христа ради.

Но на предлежащее возвратимся. Отпущеном же бывшимь влъхвомъ, яко изыдоша из града, яко се усты звѣздою глаголя, небо казаше Творца и Владыку всяческимъ, и свѣтомь ея просвѣщаа языки, приводя на разумь Божий. Дондеже шедши звѣзда и ста, идеже бѣ отрочя, над главою младенца. Волсви же, шедше въ храмину, обрѣтоша матерь, и отроча лежаще, и падше поклонишася ему. И отверзъше скровища своя, и даша ему злато, и ливан, и змирну, яко Царя всяческих почтоша и. И збысться реченое: «Дщи Тирова с дары».[11] И «вси языци восплещете руками».[12] И паки рече: «Тарсийстии отроцы дары принесуть ему». И паки рече: «Живъ будеть, и вдасться ему от злата арависка».[13]

Волсви же, приимше вѣсть нощию от аггела Господня, не возвратишася ко Ироду, но инѣмь путемь отидоша во страну свою. Иродъ же, разумѣвь, яко поруганъ бысть от волхвовъ, и печаленъ бысть. И созва к себѣ старци и книжники града того и глагола имъ, яже волсви створиша ему и не возвѣстиша, и что есть вина явльшагося знамениа, еже пришелци глаголаху рождьшагося на земли Царя небеснаго. Они же отвѣщаша, старци и книжници, глаголюще: «Мы убо, царю, разумѣемь: от прежнихъ насъ слышахомъ, яко от Вифлиема родитися ему. Тако бо Книги глаголють: „От Вифлиема изыдет законъ, и слово от Иерусалима".[14] Да ту есть в предѣлехъ Вифлиемскых». Слышав же се царь, абие посла вся слуги своя в Вифлиемь и во вся предѣлы его искати, рождьшагося царя и погубити и: «Аще ли не обрящете его, то избивайте младенца мужескъ полъ двою лѣту, а женескъ полъ пощадите».

Слышав же се Иосифъ и Мариа, и убоястася, яко Ирод хощеть искати младенца, избивають младенци вифлиемскыа Исуса ради, и вземши младенца, повить его, и положи въ яслехъ скотиахъ (и предсташа ту два: волъ и оселъ), дондеже престануть младенце секущеи. Исполнися пророчьство Исаино, глаголющее: «И Израиль мене не позна, и людие мои мене не разумѣша».[15]

И бысть плачь горкий и рыдание во Вифлиемѣ и во всѣх предѣлехъ его. И сбысться слово пророческое: «Глас *в* Раме слышан бысть[16] в высоких. Рахиль[17] же есть дыхание крѣпко, и плачющися чадъ своихъ с великымь рыданиемь и воздыханиемь, и не хотѣша утѣшитися, занеже не бѣ ихъ».[18] Такожде и Рахиль подружие бѣаше патриарху Иакову, *из нея же ся были родили имже* бѣше *жрѣбиа ихъ пали Вифлеемстии прѣдѣлин* в перваа лѣта дѣлящимь землю израильтяномь Хананьскую. Тѣмже рече: «Избиенымь отрокомь его не хотящимъ утѣшитися тугою великою, яко не бѣ их, Христа ради мученых».

Да кто не восплачется женъ онѣхъ рыданиа горкаго и плача, власъ ихъ торганиа и лица их сапаниа! Кричь бо рамяно от жрѣлъ ихъ исхождааше. Кааждо бо ихъ собѣ глаголаше: «Увы мнѣ, увы мнѣ, убогаа

наша чадца! Не бы намь сие было, аще бы есте не родили, да сея горкиа печали вашего убийства не быхомь подъяли! Почто не быхомь мы пагубѣ вашей обещьницы? Почто земля, разведши уста своя, не пожреть всѣхъ нас, якоже древле, гнѣвомь припадаа на невѣрныа, *при Дафанѣ и Авиронѣ*[19] пожре *вся скоты* ихъ? Нынѣ же убо, да бы простерши на жалость нашю, и вашего не презряще погублениа и убийства, — увы намъ, любимии цвѣтцы, чадца наша, — да бы насъ, разсѣдшися, земля приала в чресла своя, вы же, во утробах нашихъ суще, луче бы не были! Или бы море свѣрипое, волнами расколѣбався, во свою пучину восхитило, волны морьскыа гробы намь да быша были, или каа рѣка, напрасно наводнившися, восприала бы во глубины своя, плод нашихъ наследие да быхомь были! Или звѣрие дышюще, яко нѣкая ехидна, и сошедши от нѣкыа пустыня, и пожерли ны быша, и единою с вами претѣрпели быхомь страсть. Нынѣ же, чадца наша убогаа, зряще вашего убийства, печално растерзаемся». Кааждо бо ихъ глаголаше: «Увы намь, чадца наша! Власы наша растерзаются, очи не можета огненыхъ слезъ точити, язык ми связуется, гортань ми пресыхаеть, сердце ми раставаетъ, чресла ми проторгаются, колѣни ми изнемогаета, руцѣ ми оцѣпиета. Что бо имамь рещи или глаголати от горкиа болѣзни, видящи вашю страстьную смерть — инии бо от нихъ мечемь посѣкаеми бывають, инии же сулицами пронизаеми, и инии же на копие вознизаеми, и инии же за власы о камень разбиваеми, инии же за нози протязаеми и раздираеми». Да тѣмь рыданиемь исполньшеся, глаголааху: «Слыши, небо, и внуши, земли!»[20] «О земле, воспившиа за кровь Авеля[21] праведнаго, убиенаго бес правды! Тако нынѣ за младенци наши воспи ко общему всѣхъ Богу и Владыцѣ, рекуще: „Занеже твоего ради единороднаго Слова, исшедша исъ пречистых ти ядръ и от престола славы твоеа и наши агнецы пострадаша, егоже мы нынѣ видѣвше из невѣсты Пречистыя пребогатое рожество славимъ. И велики сверяющих сподобишиа видѣти, поклонитися страннымь образомь бесплотному Богу во плоть пришедшю, и чини же бесплотныхъ видѣвше, из невѣсты Пречистыа пребогатое рожество славимь, видъ царя Христа поюще, знаменаху без сѣмени рождьшагося, но в высоких царствующаго на небесѣхъ. Нынѣ же своим милосердиемь свершаеши нас от безневѣстныа отроковица; бесплотенъ сый прежде вѣкъ, нынѣ же в послѣдняа, Слово, одебелевь плотию, сыны, долу поникшиа, хотя пакы воздвигнути. Тако и сиа младенца, о Владыко премилостивый, с десными овцами причти наслаждатися присно в раи, во свѣте непреступнем взирати Божества твоего, яко благь и милостивь, хотяй всѣмь спастися и в разумь истиньный приити"». Яко тому подобает всяка слава, честь и покланяние со Отцемь, и Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомь. Аминь.

---

[1] *«Се Дева во чреве прииметь... с нами Богъ».* — Хотя автор называет в качестве источника цитаты пророка Исайю, но дословно данный фрагмент совпадает со словами в Евангелии от Матфея: «Се Дева во

чреве приимет, и родит сына, и нарекут имя ему — Еммануил, еже есть сказаемо: с нами Бог» (Мф. 1, 23).

[2] *«спасеть люди своя от грехъ».* — Мф. 1,21.

[3] *...от первороднаго пагубу...* — Имеется в виду первый человек Адам, грех которого лишил людей рая.

[4] *«Прииде бо, — рече, — Сынъ Божий... погыбшаго»...* — Ср. «Прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшего» (Мф. 18, 11).

[5] *«Се Богъ нашь... со человекы поживе».* — Ср. «Сей Бог наш, не вменится ин к нему, изообрете всяк путь хитрости и даде ю Иакову — отроку своему и Израилю возлюбленному от него. Посем на земли явися и с человеки поживе» (Варух, 3, 36—38). Читается в навечерие праздника Рождества Христова.

[6] *...«одевающъ небо облаки, и мглою море».* — Ср. «одевающему небо облаки, уготовляющему земли дождь, прозябающему на горах траву и злак на службу человеком». (Пс. 146, 8).

[7] *...«Ефиопия, Тарсисъ, Аравитьстии острови, Сава, Мидене»...* — Ср. «Царие фарсийстии и острови дары принесут, царие аравитстии и Сава дары приведут» (Пс, 71, 10). Тарсис — Фарсис в другом написании, город в Испании; Сава, по представлениям древних, страна золота и иных богатств в Африке к северо-западу от Красного моря; Медина — город в северо-западной части Аравийского полуострова.

[8] *«Видехомъ бо звезду его на востоце»...* — Мф. 2, 2.

[9] *«Гдѣ есть родивыйся... поклонитися ему».* — Ср. Мф., 2, 2.

[10] *«Изыдеть звѣзда от Иакова, и востанетъ человѣкь от Израиля... всюду».* — Ср. «Возсияет звезда от Иакова, и востанет человек от Израиля, и погубит князя Моавитския и пленит вся сыны Сифовы» (Числ. 24, 17). *Князъя Моавитские* — потомки Моава, сына Лота от старшей дочери. За злобное отношение к израильтянам были жестоко наказаны: стали идолопоклонниками, а их богатая и плодородная страна, находившаяся к востоку от Мертвого моря, превращена в пустыню (см.: Соф., 2, 9).

[11] *«Дщи Тирова с дары».* — Пс. 44, 13.

[12] *«вси языци восплещете руками».* — Пс. 46, 2.

[13] *«Живъ будетъ... злата арависка».* — Пс. 71, 15.

[14] *«От Вифлиема изыдет закон, и слово от Иерусалима».* — Несколько измененное: «От Сиона бо изыдет закон, и слово Господне — из Иерусалима» (Ис. 2, 3).

[15] *«Израилъ мене не позна... не разумѣша».* — Ис. 1, 3.

[16] *Глас в Раме слышан бысть...* — Иер. 31, 15. Рама — город на высоком месте в гористой местности к северу от Иерусалима.

[17] *Рахилъ* — жена патриарха Иакова, была погребена в окрестностях Вифлеема (см.: Быт. 35, 19).

[18] *...плачющися чадъ своихъ... не бе ихъ.* — Ср. Иер. 31, 15.

[19] *...при Дафане и Авироне...* — Рувимляне, сыновья Емава, которые захотели поднять мятеж против Моисея и Аарона, наказанные за это Богом: их вместе с сообщниками живыми поглотила земля, а 250 человек, участвовавшие в заговоре, истреблены огнем небесным (Числ. XVI, 1—32).

[20] *«Слыши, небо и внуши, земли!»* — Ср. со словами Моисея: «Вонми, небо, и возглаголю, и да слышит земля глаголы уст моих» (Второзак. 32, 1).

[21]*...за кровь Авеля...* — Авель — сын Адама и Евы, убитый собственным братом Каином, который был наказан вечным скитанием за совершенное убийство (см.: Быт. 4, 2—12).

ПЕРЕВОД

25 ДЕКАБРЯ.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ОТЦА НАШЕГО СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА, АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЯ, СЛОВО НА РОЖДЕСТВО ГОСПОДА БОГА И СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

Благослови, отче!

Ныне обветшавшему моему естеству обновление приходит, исцеляется язва Адамова злонравия. Ныне светозарный луч, с небес идущий, <все> освещает, и адских узников вечных на свет выводит, мучителю чрево пронзив. Ныне уже пророческие предсказания свершились, завершение Закона, Христос, во чрево девичье вселился и ныне родился, сбылось предреченное Исайей-пророком, говорившим: «Вот Дева во чрево примет и родит Сына, и наречет имя ему — Эммануил, что значит «С нами Бог»«. И <еще>: «Спасет людей своих от грехов», от первого человека погибель самим собою исцелит. «Ибо пришел, — сказано, — Сын Божий отыскать и спасти погибшего», и на «плечи взвалив», привести его к сущим <в вечной жизни>, чтобы тщетно гибнущее вновь достигло полноты совершенства. Господнее Рождество, о нем пророк Иеремия сказал: «Это Бог наш, иной не уподобится ему, воплощен во всяком из творений, и даст Сыну своему. После того на земле явился и среди людей жил». И вот ныне да увидим, возлюбленные, рождающегося в вертепе богатейшего Царя всего сущего. И пеленами спеленут, как младенец, «одевающий небо облаками, а мглою — море». Ныне в пещере возлежит тот, кого провозвестила явившаяся на небесах звезда; этой звездою, словно устами, говоря, небо знаменовало Бога превечного, родившегося в Вифлееме ради спасения всего земного,

<звезда>, которая волхвам наставницей стала. Придя по ее движению, они поклонились ему, раскрыв богатства свои, одарили его златом, и ладаном, и мирром, как Царя всех. Да и как не подивимся, верные, долгому хождению персидских мужей и о даре предвидения их. И не стыжусь я по Божественному Писанию пророчествами называть то, что предвозвестили они грядущее во плоти Божество и человечество, знаменовав это приношением своих даров. Ибо они, раскрыв сокровища свои, принесли ему злато, и ладан, и мирро: золото, как подобающее царю, человеческое и божественное в нем проявляя в единстве, — воистину, совершенным Богом и человеком явился. Ладан же — как Богу, потому что из него аромат благовония — фимиам, да каждением его Богу честь воздаем. И мирро — это масло, которым умащают иудеи мертвых. И тем провозвестили они воскресение Господа нашего Иисуса Христа на третий день, о чем и евангелист свидетельствует: этим умащением и женщины, пришедшие ко гробу, хотели умастить тело Иисусово. И уже исполнилось для нас запечатленное мудрецами — халдейскими юношами, пришедшими из дальней Персидской земли. И сбылись слова <псалмо>певца Давида, сказавшего: «Эфиопия, Тарсис, Аравийский полуостров, Сава, Мидина» — всю землю придержащие поклонились тебе, Спаситель, родившийся от Девы на искупление грехопадения Адамова.

Но к прежнему вернемся. «Ибо видели мы звезду его на востоке», среди звезд воссиявшую и светом своим затмившую все звезды, и пошли, чтобы поклониться превечному Царю эти <люди> из правителей Персидских, взяв из своих сокровищниц дары, пошли за звездою-наставницей. О, великая забота Владычная! О, несказанное и непостижимое человеколюбие! Показала звезда, прежде Солнца-Слова явившись, чтобы отвратить от грехов своим божественным промыслом. Ибо так величайшее, вызывающее трепет знамение показываешь всему миру пречистым божественным вочеловечиванием. Не в одной только стране явилась пресветлая звезда Твоего сошествия <на землю>, но и в земле Персидской убеждает она халдеян, и за ней они путешествуют. Никак не отставая от нее, ею были они водимы: когда отдыхали от странствия своего, — и звезда стояла, и когда надо было им идти, — и звезда с ними шла, до тех пор пока не достигли царства Иродова. И здесь остановилась звезда, водившая мужей халдейских.

Мне же мнится, по писанию божественных отцов, оные же ясно сказали: это не есть звезда, но сила некая невидимая, <в нее> претворившаяся. Когда им встать — и она с ними стояла, когда им идти — и та с ними шла. Ведь все обычные звезды к западу движутся, эта же противоестественно на юг шла. Когда солнце восходит, то обычные звезды меркнут и невидимы бывают, эта же звезда солнечные лучи затмевала. И идя, встала там, где Ирод царствует.

Волхвы же, в город войдя, со вниманием расспрашивали, так говоря: «Где родившийся царь Иудейский? Видели мы звезду его на востоке, воссиявшую среди звезд, и мраком оделись другие звезды и не сияли, и «пришли мы поклониться ему». Они же удивлялись страшным словам и отвечали, говоря: «Нет здесь того, о ком говорите. В этой стране царствует Ирод, и у него есть один сын, и давно уже он родился, и нет

<другого> наследника царства его, а того, о ком вы говорите, — не знаем». Они же снова вопрошали, говоря: «Мы ведь не об Ироде спрашиваем вас, ни о сыне его, но о родившемся царе, звезда которого воссияла. Тому мы пришли поклониться, ибо сказано: «Взойдет звезда от Иакова, и поднимется человек от рода Израиля, и сокрушит начинание Моава, и победит всюду»««. И видевшие ту звезду волхвы пришли с востока в Иерусалим и сказали: «Где родившийся царь Иудейский?»

И достигло слово то Ирода, ему о нем поведали и сказали: «Мы, царь, слышали от пришедших волхвов, которые возвестили нам о родившемся Царе небесном, говоря, что его царствию нет конца». Ирод же, услышав это, сразу был охвачен яростью, и весь Иерусалим вместе с ним в смятение пришел. И повелел он слугам призвать волхвов. Слуги же Иродовы, пойдя, передали и сказали: «Царь зовет вас к себе». И они, услышав, пошли к нему, надеясь от него узнать о родившемся царе. Тотчас встали они пред Иродом, и сказал им царь: «Где же тот, кого вы называете родившимся царем наших стран и царствованию которого нет конца? Если вам это доподлинно известно, скажите нам, где родившийся». Волхвы же отвечали Ироду, говоря: «Мы — дети персидских земель. Отечество наше в пределах той земли, ты же спрашиваешь нас, где родившийся царь <твоей>. Мы страны твоей не знаем. Но у нас есть звезда, ведущая нас, покуда она не остановит движение — да узнаем о рождении царя на спасение роду человеческому». Ирод же, услышав это от волхвов, не смог скрыть ярости и смешался умом, говоря: «Да почему же, не разузнав основательно, вы возмутили всю страну?» Они же отвечали ему: «Мы никогда прежде и доныне не впадали в заблуждение, наблюдая за движением звездным. Мы тщательно изучали это звездное знамение, в какой стране приключилось, ибо отцы наши научили нас премудрости, переняв от эллинов и халдеев, мы же от них хорошо знаем науку звездного движения. И мы, о том расспрашиваемые, не заблуждаемся, ты же спрашиваешь нас, где родившийся царь. Достоверно видели мы его звезду огромную на востоке, среди звезд воссиявшую, что есть знамение небесного царя. Она и есть наставница нам, с нею и идем, до тех пор пока не остановит движения, в том месте и поклонимся превечному царю».

Услышав это от волхвов, Ирод в смятение пришел, и с ним весь Иерусалим. И желая обманом выведать у волхвов о младенце достоверно, кротко отвечает им, говоря: «Если вы действительно идете поклониться родившемуся на земле царю, дайте нам знать понятно, да и я поклонюсь ему». И посылает он с ними своих посланцев, говоря: «Если где таковую найдете, то, возвратясь, поведайте мне, чтобы и я, пойдя, поклонился ему». И когда дошли до городских ворот все слуги Иродовы, чтобы начать свой путь, внезапно ведущая персидских мужей звезда из виду пропала. Посланные слуги возвратились назад к Ироду, говоря: «Мы, царь, так понимаем это знамение, разумея, что эти мужи, силой своего волшебства создали такое знамение — движущуюся звезду, чтобы стало раздумывать над этим и твое величество». Ирод же впал в неистовство, исполнившись лютой ярости, словно ядовитая змея,

гневом дышащая, и повелел вернуть волхвов, и бросить их в темницу, и повелел стражникам стеречь их.

И поставили пред царем одного человека, знающего персидский язык, и сказал ему царь: «Разузнай, о чем говорят между собою волхвы, и нам расскажешь. А перед ними не обнаруживай своего понимания». Как он услышал, так и сделал. А те, сидящие в темнице и одержимые скорбью и печалью, говорили между собою: «Не усомнимся в бывшем знамении, нет, но из-за злого безумия Ирода и посланных им слуг скрылось от нас таковое знамение. Мы и до сих пор, на звезды глядя, не сомневаемся, ибо так отцы наши, хорошо разбиравшиеся в этом, нам объясняли. Давайте возвестим Ироду: пусть отпустит нас одних и, идя, станем искать и найдем его, и, поклонившись превечному царю, снова вернемся к Ироду и расскажем ему». И рассказали слуги царю обо всех их разговорах. И тот сразу обрадовался, надеясь на рассказ о родившемся. И призвал их и сказал: «Зачем, о мужи, знатности ищете и не говорите нам о родившемся царе: будете удостоены почестей от нашего царства, провозвестниками истины назоветесь». Волхвы же одно твердили: «Мы ведь, царь, знамение наблюдаем, как только остановится звезда, так там сразу и увидим родившегося царя, и, поклонившись ему тихо и увидев, возвратимся к тебе». Он же сказал им: «Как долго вы находитесь в пути с того времени, как явилось это знамение?» И они отвечали, говоря: «Вот уже два года». И Ирод, уразумев сказанное волхвами, отпустил их с миром, говоря: «Если где найдете его, то, возвратившись, скажите мне, чтобы и я, пойдя, поклонился ему». Лживо, а не истинно он говорил, желая одолеть неодолимого Бога, которого бесплотные <силы> на небесах, видя, дивились, говоря: «Удивительное ныне видим и преславное: Тот, кого и небо не вместит, сейчас во чрево Девы вместился и стал плотью, желая исполнить божественный устав». И на него Ирод готовится и хочет мечу предать, разрушающего замыслы народов, отмечающего помысел человеческий! Ныне же исполнится предреченное пророком Давидом, говорящим: «Падет с одной твоей стороны тысяча, и десять тысяч — одесную, к тебе же не подступятся», — на младенцев указывает <Давид>, избиенных Христа ради.

Но на прежнее вернемся. Когда волхвы были отпущены, они вышли из города, так, устами звезды говоря, небо показывало Творца и Владыку всего сущего, светом ее просвещая народы, приводя к разуму Божьему. И до тех пор двигалась звезда, покуда не встала там, где было дитя, над головою младенца. Волхвы же, войдя в пещеру, нашли и мать, и младенца лежащего и, пав на колени, поклонились ему. И открыли они сокровища свои, и дали ему золото, и ладан, и мирро, и оказали ему почести как Царю всего сущего. И сбылось сказанное: «Дочь Тирова с дарами». И «все народы ликуйте». И еще сказано: «Тарсийские юноши дары ему принесут». И еще сказано: «Жив будет, и дана ему будет часть золота аравийского».

Волхвы же, ночью получив весть от ангела Господня, не вернулись к Ироду, но иной дорогой ушли в свою страну. Ирод же, сообразив, что обманут волхвами, опечалился. И созвал к себе старцев и книжников того города и сказал им, что волхвы сделали, и не объяснили, что есть

причина явившегося знамения, о котором пришельцы говорили как о <знаке> рожденного на земле Царя небесного. Они же, старцы и книжники, отвечали: «Мы так, царь, понимаем: от бывших до нас слышали, что он родится в Вифлееме. Так и в Священном Писании говорится: «От Вифлеема придет закон, и слово от Иерусалима». Да здесь и есть, в пределах города Вифлеема». Услышав это, царь немедленно послал всех своих слуг в Вифлеем и во все области его искать родившегося царя и погубить его: «Если не найдете его, то убивайте младенцев мужского пола до двух лет, а девочек пощадите».

Услышав это, Иосиф и Мария испугались, что Ирод хочет найти младенца, и убивают младенцев вифлеемских из-за Иисуса и, взяв младенца, спеленали его и положили в ясли для скота (и стояли тут двое <животных>: вол и осел), пока не прекратили <свое дело> убивающие младенцев. Исполнилось пророчество Исайи, гласящее: «Израиль меня не узнал, и люди мои меня отвергли».

И был плач горький и рыдание в Вифлееме и во всех окрестностях его. И сбылось слово пророческое: «Глас в Раме слышан был в небесах. У Рахили же печаль сильна, и оплакивала чад своих с великим рыданием и сетованием, и не могла утешиться, ибо не было их <в живых>«. Также и Рахиль была женой патриарха Иакова, и от нее пошли те, кому выпал жребий жить в Вифлеемских пределах после того, как поделили в первые годы израильтяне землю Ханаанскую. И потому сказано: «Об убитых младенцах своих не может утешиться от печали великой, ибо нет их, замученных Христа ради».

Да и у кого сострадания нет к этим женщинам, как они рыдают горько и плачут, волосы вырывают и лица раздирают! И сильно крик из горла их исторгался. Каждая из них себе говорила: «Горе мне, горе мне, бедные наши детки! Не было бы нам сего <горя>, если бы вас не родили, да этой горькой печали вашего убийства не пришлось бы нам превозмогать! Почему нас не погубили вместе с вами? Почему земля, открыв уста свои, не поглотит нас всех, как когда-то давно, гневом охваченная на неверных, поглотила при Дафане и Авироне весь скот их? Ныне же пусть, внемлюще горю нашему и не забыв вашего погубления и убийства, — горе нам, любимые цветики, ребятки наши, — пусть нас земля, расступившись, примет в недра свои, вас же, во утробах наших выношенных, лучше бы и не было! Или бы море свирепое волнами расплескавшись, нас в свою пучину скрыло, пусть волны морские могилами бы нам стали, или река какая-нибудь, внезапно разлившись, взяла бы в глубины свои, детей бы наших судьбу приняли! Или звери, пышащие злобой, словно некая ехидна, пришедшие из пустыни, сожрали бы нас, и одно с вами претерпели бы мы мучение! Ныне же, детки наши несчастные, увидев вашу погибель, горько терзаемся». Каждая из них говорила: «Горе нам, ребятки наши! Волосы наши вырываются, очи не могут уже огненных слез ронять, язык мой немеет, гортань моя пересыхает, сердце мое сокрушается, чресла мои пронзаются, колени слабеют, руки цепенеют. Что могу сказать или проговорить от горькой боли, видя вашу мучительную смерть, — иные из них мечом иссечены, иные же — саблями пронзены, иные — на копья насажены, иные за волосы о камни разбиты, иные же

за ноги растянуты и разорваны». И тем рыданием переполненные, говорили они: «Услышь, небо, и внемли, земля!», «О земля, возопившая за кровь Авеля праведного, убитого неправедно! Так и теперь за младенцев наших возопи к всеобщему Богу и Владыке, со словами: «Потому твоего ради единородного <Сына>-Слова, исшедшего из пречистых твоих глубин и от престола славы твоей, и наши ягнятки пострадали, ради того, кого мы ныне славим, видя рождение его от невесты Пречистой. И удостоившись видеть сонмы славящих с верою и поклониться бесплотному Богу, непостижимым образом во плоть вселившемуся, и видев чинов бесплотных, славим мы от невесты Пречистой преисполненное божественной благодати рождение, образ царя Христа поюще и прославляя без семени родившегося, но царствующего в небесах. Ныне же своим милосердием исправляешь нас ты, Слово, от безбрачной девушки; бывший от века бесплотным, ныне в последние времена плотью отяготившийся, нас, сыновей, долу поникнувших, желая поднять. Так и этих младенцев, О Владыка всемилостивый, с праведными овцами твоими вместе соедини, чтобы наслаждаться навеки в раю, в свете ослепительном взирать на твое Божество, ибо ты благ и милостив, желающий, чтобы все спаслись и пришли к истинному разуму»«. И тому подобает всякая слава, почести и поклонение со Отцом и Святым Духом ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Воспоминание творим… Богоявления…

Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии И. А. Лобаковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Источником «Воспоминания...» является Минологий Василия. Опубликовавший текст Минология на греческом языке В. В. Латышев (Византийская Царская минея. Пг., 1915) привел убедительные доказательства того, что текст произведения был создан после 976 г., вероятно, в конце X — начале XI в. Это произведение стало источником многих памятников славянской традиции. Так, знаменитая Супрасльская рукопись является переводом части этого произведения. В. В. Латышев отметил также, что многие Жития и Слова, включенные в Великие Минеи Четьи митрополита Макария, своим источником имели переводы все того же Минология (Иулиты, Калинника, Евстафия Анкирского, Наталии и мн. др.).

Текст публикуется по январскому тому Царского списка Великих Миней Четьих — Синодальное собр., № 178, л. 421а.

ОРИГИНАЛ

6 ЯНВАРЯ

МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ ВЪ 6 ДЕНЬ. ВЪСПОМИНАНИЕ ТВОРИМЪ СВЯТЫХ БОГОЯВЛЕНИИ[1] ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Хотяй Господь Богъ нашь «исполнити всю правду»[2] и «вся иудейская законы уставити»,[3] да никтоже от нихъ речеть, яко противенъ Богу есть, и написаному закону Моисеомъ[4] противумудръствуетъ, видѣвъ иудеи къ Иоанну грядуща, и той крещаше я въ Иерданѣ-рецѣ, прииде же и Самъ къ Иоанну, глаголя: «Прииди и крести мя, не яко требуя оцыщениа, но яко очистити хотя миру грѣхи». Иоаннъ же, яко пророкъ Духомъ Святымъ вѣдый его Сына суща Божиа, не смѣяше крестити его. Егда увѣдѣ затояща себе и повелѣвающа крестити, тогда съ страхом и трепетомъ простре руку на святый его верхъ.[5] И абие отверзошася небеса и прииде же небесе глас, глаголя: «Се есть Сынъ мой възлюбленый, о немъ же благоизволих!».[6]

---

[1] *Богоявление* — Второе название праздника Крещения Господня.

[2] *...исполнити всю правду...* — Ср. Мф. 3, 15.

[3] *...«и вся иудейская законы уставити»...* — См.: Мф. 5, 17.

[4] *...написанному закону Моисеомъ...* — Моисей на горе Синай получил от Бога каменные скрижали, на которых были записаны 10 заповедей, которые должны были соблюдать люди (см.: Исх. 20).

[5] *...простре руку на святый его верхъ.* — В православной традиции символический жест обряда крещения.

[6] «Се есть Сынъ... благоизволих». — Мф. 3, 17.

ПЕРЕВОД

6 ЯНВАРЯ

МЕСЯЦА ЯНВАРЯ В 6-Й ДЕНЬ. ВОСПОМИНАНИЕ ТВОРИМ СВЯТОГО БОГОЯВЛЕНИЯ ГОСПОДА БОГА И СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

Господь Бог наш, желая всю правду исполнить и соблюсти все иудейские законы, — да никто из них <иудеев> не скажет, что противен Богу и мудрствует против закона, записанного Моисеем, видя, что иудеи идут к Иоанну, и тот крестит их во Иордане-реке, и сам пришел к Иоанну, говоря: «Приди ко мне и крести меня, не как нуждающегося в очищении, но как стремящегося очистить грехи миру». Иоанн же, будучи пророком, с помощью Духа Святого зная, что он — Сын Божий, не смел его крестить. Когда же увидел, что он

настаивает и повелевает крестить <себя>, тогда со страхом и трепетом простер руку на святую Его главу. И внезапно отверзлись небеса, и с небес донесся голос, говорящий: «Это — Сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение!»

Житие... Макария чудотворца, игумена, создавшего обитель... Колязино именуемой

Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

Макарий Калязинский (в миру Матвей) родился в 1402 г. в семье тверского дворянина Василия Кожина. По генеалогической легенде дед его был выходцем из Швеции. По другой легенде его отец получил прозвище Кожа, участвуя в войне великого князя Василия Темного против Дмитрия Шемяки; в битве ему удалось вырвать кусок кожи у вражеского коня.

О Макарии писали его современники — Иосиф Волоцкий, племянник Иосифа Волоцкого Досифей Топорков, Вассиан Патрикеев. Иосиф Волоцкий в своей Духовной грамоте писал о Макарии как о ревнителе святой жизни, ссылаясь на свидетельство старца Митрофана Бывальцева, девять лет прожившего на Афоне и решившего в конце концов, что «всуе трудихся и без успеха шествовах толик путь, еже во Святую Гору мимо Колязинской монастырь: мощно всем подобно творится зде киновиям, иже во Святой Горе сущим». С другой стороны, Вассиан Патрикеев передает суждение о Макарии как о «простом человеке» и «мужике сельском», хотя в год смерти Макария Вассиану было только 13 лет.

После открытия мощей Макария в 1521 г. светские и духовные власти стали собирать о нем сведения. Так, князь Юрий Иванович Дмитровский, в уделе которого в это время находился основанный Макарием Троицкий Калязин монастырь, в 1524 г. расспрашивал родственницу Макария сретенскую старицу Ефросинью, знавшую семью обретенного святого, его отца Василия, мать Ирину, рано умершую жену Елену, его мамку. Общерусским святым Макарий был объявлен после канонизации его на соборе 1547 г. (См.: *Крушельницкая Е. В.* Записка о Макарии Калязинском // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 46. С. 308—314).

Макарий умер в 1483 г., прожив 81 год, и был свидетелем переломных событий в истории Руси. Троицкий Калязин монастырь был им основан в 40—50-е гг. в разгар феодальной войны между Василием Темным и Дмитрием Шемякой, закончившейся в 1453 г. С помощью тверского

великого князя Бориса Александровича Василий занял Москву и изгнал Шемяку, вернув себе титул великого князя Московского. Но затем Тверь и Москва оспаривали главенствующее положение среди русских княжеств. Тверь проиграла в этом соперничестве, и в 1485 г., через два года после смерти Макария, потеряла свою самостоятельность и была присоединена к Москве со всеми своими уделами. Макарий был современником Ивана III, проводящего активную политику объединения русских княжеств вокруг Москвы, в том числе и уделов, принадлежащих братьям. Наконец, на памяти Макария происходило в 1480 г. знаменитое «стояние на Угре» войск Ивана III и хана Ахмата, ознаменовавшее конец золотоордынского ига.

Однако в Житии Макария эти события не упомянуты. Оно представляет собой классическое жизнеописание основателя монастыря со всеми типичными чертами, отличающими этот жанр. Это трехчастное произведение с авторским вступлением, биографией святого с тремя прижизненными чудесами и Словом о его смерти. Автор был профессионалом-книжником, владевшим как композицией, так и традиционным стилем агиографических произведений: он прибегает к оборотам и выражениям, встречающимся в других житиях, его начитанность в Священном Писании и творениях отцов церкви подтверждается явными и скрытыми цитатами и пересказами, часть которых удалось выявить. Этим же автором написано и продолжение Жития — Сказание об обретении мощей Макария, датированное 26 мая 1521 г. Оно также начинается авторским вступлением. Скорее всего, произведение появилось в 20-х гг. XVI в. Чудеса, помещенные после Сказания, присоединены к нему позже, возможно, последнее чудо можно датировать серединой 30-х гг. Чудеса эти похоже взяты из монастырских записей, фиксирующих их в стереотипной и очень краткой форме. Они не завершаются какой-либо концовкой, что открывает возможность прибавления к ним новых чудес. Этот вид текста можно считать первоначальным. Он помещен в Великих Минеях Четьих митрополита Макария под 17 марта. Встречается он и в других событиях XVI в.

Позже возник второй вид текста, приуроченный к канонизации Макария в 1547 г., дополненный авторским послесловием, новыми именами и подробностями, но претерпевший и некоторые сокращения. Число чудес в нем дополнено до 93 и последнее датировано 1539 г.

Житие Макария Калязинского издается по Успенскому списку Великих Миней Четьих митрополита Макария *(ГИМ,* Синод. собр., № 992, лл. 401—408 об.). Исправления сделаны по рукописям *РНБ,* по списку *ГИМ,* Чудовское собр., № 312, Минея Четья на март конца XVI в. и списку *ГИМ,* Синод. собр., № 803, Минея Четья на март середины XVII в.

ОРИГИНАЛ

17 МАРТА

МЕСЯЦА МАРТА 17. ВЪ ТЪЙ ЖЕ ДЕНЬ ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРИА ЧЮДОТВОРЦА,

ИГУМЕНА, СЪСТАВЛЬШАГО ОБИТЕЛЬ СВЯТЫЯ ЖИВОНАЧЯЛЬНЫЯ ТРОИЦА, ИЖЕ ЕСТЬ КОЛЯЗИНО ИМЕНУЕМЪ

Праведникъ, аще постигнет скончатися, в покои будет, и похваляему праведнику веселятся людие. Множайше же веселие и прибытокъ, еже святым похваление приносити, полезно бо есть се и зѣло успѣшно; похвала бо святых, обычай, на самого Бога въсходити и превъзноситися, и в лѣпоту, не яко они таковаа требующе, но яко Богу хотящу прославити угодникы своа, якоже глаголеть въ святомъ Евангелии: «Прославляющаа мя, — рече, — прославлю, и всякъ, иже исповѣсть мя пред человѣкы, исповѣмъ его и азъ предо Отцемъ моимъ небеснымъ».[1] И сихъ убо сматряа, въспалихся желаниемъ сердца и душа, понуждаемъ любовию къ святому, дабы дрьзнути воеже и написати от многых малаа о житии Христова подражателя, дивнаго в чюдесѣх, блаженнаго отца нашего игумена Макариа. Но възбраняеть ми недостоиньство мое и грубость, понеже, имѣя разумъ несъвершенъ и всякого невѣждьства исполнь, и ни единаго дѣла стяжах къ исправлению, и свою немощъ сматряюще, недостижну еже принести что от похвалъ ко оного величеству удрьжавахся. Паче же до конца оставити и обленитися тяжчайше вменихъ, иже таковаго великаго мужа чюдодѣйствиа, от Бога дарованнаа, забвениа глубиною покровена будут; не бо своима очима видѣхъ, что таково бываемо, но от многых и достовѣрных мужь слышах, яже глаголеть о святомъ, повѣдающе исправлениа его; инии же своима очима самого святаго видѣша, не зѣло бо пред многыми лѣты биаше. Послѣди же и самъ азъ своима очима видѣх от честныя ракы богоноснаго оного отца многа и различна исцѣлениа бывающа. И убояхся осуждениа раба оного, скрывшаго талантъ господина своего и прикупа имъ не сътворьша, и еже увидѣвый рабъ волю господина своего и не сътвори, биенъ бывает много,[2] и прочая. И помышляхъ въ умѣ своемъ, аще и выше нашея мѣры приахся дѣлу, еже священное оно начати повѣдание, но на Бога всю надежду възложих и на того угодника преподобнаго отца нашего новаго чюдотворца игумена Макариа, имже посѣти Богъ люди своа в послѣдняа роды наша, о нем же намъ нынѣ слово предлежит.

Бысть нѣкто мужъ от предѣлъ Тверьскыя области, от града, нарицаемаго Кашина,[3] именемъ Василей, благовѣрен сый и бояся Бога. Бѣяше же и супружница ему именемъ Ирина, и та благочестива сущи. И живяста в законѣ Господни по заповѣди святаго Евангелиа. Родиста же отроча, и нарекоша имя ему въ святомъ крещении Матфей, и въспитаста й в добромъ наказании. Егда же достизающу ему възраста, вдаша его родителие в научение грамотѣ. Отрокъ же добрѣ навыче Божественых Писаний, и внимаше имъ съ усрьдиемъ от всея душа, и обрѣте въ святомъ Евангелии съкровище богатства некрадома и неоскудѣваемо с вѣрою приходящимъ, глаголеть бо: «Аще хощеши съвершенъ быти, продаждь си имѣниа и даждь нищимъ, и имѣти имаши съкровище на небесѣх, и гряди въслѣд мене».[4] И уязвися отрокъ сердцемъ и всегда внимаше о словеси, дабы ему улучити желание, еже отлучитися родитель и южик, и друговъ, и мира отрещися, и владыцѣ Христу прилѣпитися.

Родителие же, видяще его почитающа книгы и симъ внимающа, на игры же и на пустошныа бесѣды никакоже уклоняшеся, и начашя увѣщати его словесы к совокуплению брака. Он же тяжко си вмѣни глаголаннаа ими и нача отрѣцатися, еже никакоже хотѣти ему на совъкупление брака. Родителие же наипаче нужаста й с клятвами, еже не преслушати повелѣниа ею и повинутися ихъ воли. И предлагаа ему писаниа от книгъ блаженнаго Иоанна Златаустаго на възбраняющаа бракъ[5]: «Якоже пророку речеся: „Изыди ты и сынъ твой"[6] — сына имяше пророкъ, тѣмже аще сына — и жену. Да навыкнеши, яко не зло — бракъ, но зло — блуд. Еда възбранение есть бракъ? Помощница тебѣ дана бысть жена, еда бо навѣтница. Пророкъ не жену ли имяше, и не бысть възбранение духу бракъ. Но и приобщашеся женѣ и пророкъ бѣ Моисей: не жену ли имѣ, и камень разверзе, и въздух преложи, и богонапущенный гнѣвъ възбрани.[7] Авраамъ не жену ли имѣ, и отець многымъ языком бысть и церковный образъ. Исаака[8] сына приатъ, и тъй бысть исправлениемъ вина: не вънесе ли отроча на жрътву, плод брака, не бысть ли отець и боголюбець?»[9] Боголюбивый же отрокъ стояше молча, долу главою поничя, и ничтоже отвѣщаваше, точию от умилениа слезы испущаше. Родителие же наипаче словеса нѣкаа тяжка съ гнѣвомъ и яростию, аки камение, испущаше на нь. Благоразумный же отрокъ тихимъ възрѣниемъ и сладкымъ гласомъ отвѣщеваше има: «Господие мои, азъ убо не отрицаюся, ни въпрекы глаголю. Воля Господня да будет. Вы же, что въсхощете, то творите о мнѣ». Родителие же удивишяся и радости наполньшеся о сладкомъ отвѣщании отрока.

По времени же обручиша ему невѣсту от сверстник своих. И егда же убо по совокуплении законнаго брака нача блаженный отрокъ увѣщеватися с подружиемъ своимъ, егда изволит Богъ коемуждо ихъ преже от житиа сего изыти, то никакоже второму браку совокупитися ни единому от нихъ, но отити в монастырь и работати Богови. Трием же лѣтомъ минувшимъ, по смотрению Божию подружие его преставися от житиа сего. Онъ же от радости слезы испустивъ и глагола в себѣ: «Благодарю тя, Владыко преблагый, яко сподобил мя еси от юзъ мира сего отрѣшитися. Нынѣ же убо никым възбраняемъ есмь, от нихже ти обѣщахся». И веземъ з домашними своими, скутавъ тѣло ея, отпѣвъ надгробнаа, и погребе ю честно, и елико имяше в руку своею, раздасть нищимъ. Сам же не възвратися в домъ свой, но по первому своему обѣщанию изыде въ единъ от тамо сущихъ монастырь, Клобуково нарицаемо, в немже бѣ храмъ святаго Николы.[10] И от тамо сущаго игумена постризаетъ власы главы своея, и облечеся въ святый аггельскый образъ, и нарекоша имя ему Макарие.

Предасть же себе игумену и творяше всю волю его, и послушаше его въ всемъ, свою же волю до конца от себе отверже. Не точию къ игумену единому, но и къ прочимъ, малу же и велику, то же повиновение и послушание творяше, страхомъ Божиимъ ограждааса, упражняася от всякого лукаваго дѣяниа, богатѣющеся смирениемъ въ преимущей мудрости, алканиемъ и жаждею тѣло свое изнуряа беспрестани же. Бѣ ему въ устѣхъ паче меда и сота ослаждающа Божиа словеса. В нощи же и въ дни псалмы Давидовы пояше,[11] и по молитвѣ же от почитаний внимаше преподобныхъ отець житиа, и сихъ словеса въ умѣ дръжа, и желаше тѣхъ дѣломъ исполнити, слезы же от очию беспрестани

испущаа, въспоминаа смертный час и страшный онъ хотящий быти Божий праведный судъ, и въздание грѣшнымъ, комуждо противъ дѣлъ его. Братии же всѣмъ удивляющимся доброму его произволению, явѣ, яко на великый успѣхъ им бываше. Такоже ему, добрѣ направляему, нача помышляти, еже изыти от обители и достигнути пустыню и единому безмолъствовати. И повѣда мысль свою игумену. Игуменъ же, наказавъ его доволно и поучивъ его от Божественых Писаний, и благословивъ, отпусти его, никомуже вѣдущу.

Блаженный же поиде путемъ своимъ, радуяся душею, хвалу въздаа Богови: «Настави мя, — рече, — на путь твой и поиду въ истинѣ твоей»[12] и «Господь просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою», [13] — и прочаа псалма того. И обходивъ многа мѣста пустыннаа, сматряше, идѣже бы ему обрѣсти мѣсто угодно къ безмолвию. И Богомъ наставляемъ доиде близъ рѣкы Волгы, и обрѣте мѣсто промежь дву езеръ, водою акы стѣнами огражено,[14] и зѣло възлюби е. Сътворь молитву и въдрузи крестъ, и устрои келеицу малу, идеже и затворися, радуяся сердцемъ и глаголя: «Быхъ яко птица, особящиася на здѣ».[15] И къ трудомъ труды прилагаше и къ слезамъ слезы, и на большее въздрържание вдасть себе, и в семъ исправляа свое безмолвие. И въоружашеся духомъ не к крови и плоти, но к началомъ и къ властемъ, и к миродрържителемъ тмы,[16] — якоже апостолъ глаголеть. Къ духовомъ лукавымъ *борения* сътвори, вѣрою и терпѣниемъ побѣждаше. [17] И многы пакости от бѣсовъ претрърпѣ и никакоже стремлениа их устрашися, но яко от нѣкоего каменнаго верженна молитвеныа стрѣлы на ня пущаа и сих безвѣсти сътворяа, от лаании же ихъ невредимъ пребываше. По времени же устрои церковь въ имя Святыа и Живоначалныа Троица, благодатию же Божиею и священа бысть вскорѣ.[18]

Прелукавый же врагъ, не тръпя надолзѣ от святаго себе досаждаема, и нача въздвизати на нь рать. Християнину нѣкоему, живущу близъ мѣста оного, въоружившуся на нь и хотящу ему убити святаго, помышляа въ сердци своем: «Еда како мних съй обладает мѣстомъ симъ, мене изжденет и землю мою къ своей пустыни присовъкупит». И на мнозѣ искаше времени, еже бы ему улучити свое хотѣние, да его погубити; и не може улучити, понеже благодать Божиа храняше преподобнаго. Помале же человѣку оному осирѣвшу, еже и в болѣзнь тяжьку впасти, яко и живота отчаатися. И позна свое съгрѣшение, еже вътще помысли на преподобнаго старца, и едва възможе дойти до блаженаго Макариа, и поверже себе пред ногама его, прощениа прося съ слезами, исповѣдаа свое съгрѣшение, еже помышляше на нь. «Святый же Богъ да простит тя, — рече, — чядо, не ты сътвори се, но изначала ненавидяй добра врагъ диаволъ». И утѣшивъ его словесы утѣшителными, еже не скорбѣти ему ради обдержащаа болѣзни: «Божию бо, — рече, — посѣщению на тя нашедшу». И поучивъ его доволно от Божественых Писаний и прирек о отречении мира и отъятии влас. Он же, слышавъ словеса от устъ святаго и, яко земля доброплодна, сѣмена въ сердци си приемля, и с радостию обѣщевается, и землю ону къ его пустынѣ предаетъ. Святый же сподоби его аггельскаго образа. И прозвася оттуду пустыня она Колязино, по именованию человѣка оного, тако бо преже именовася человѣкъ онъ.

И произыде слава повсюду о блаженнемъ Макарии, яко легкым пером обношашеся, яко свѣтилу сиающу посрѣди стекла. И начаша к нему съвъкуплятися братиа. Он же с радостию приимаше приходящаа с вѣрою, и всегда наказующе всѣх, и учяще от Божественых Писаний, о еже не пренемогати въ молитвахъ. Бяше бо по всему видѣти блаженнаго съвершена Божиа человѣка суща, небесное на земли воистину житие имый. Братству же умножающуся и обители распространяющися, священнику же не сущу. И тяжко си вмѣняше братиа о семъ, еже нѣсть иерѣа въ обители. Святый же когождо от братии понуждаше въсприати священьства санъ, они же вси отрицающеся и глаголюще: «Мы убо вси, честный отче, тебе хощемъ имѣти отца и учителя и от твоею руку приимати пречистых тайнъ Христа Бога нашего». Блаженный же не рачаше о сих, и начаша молити его съ слезами, дабы въсприалъ священьства санъ. Оному же отрицающуся на мнозѣ, недостойна себе именующе таковаго дара, и едва възмогоша умолити его братиа. Блаженный же сътворь молитву, и вземъ с собою мало от братиа, и изыде въ богоспасаемый град Тферь, и от тамо сущаго епископа священьству сподобляется и игуменомъ нарицается.[19] Епископъ же, поучивъ его от Божественых Писаний и давъ ему миръ и благословение и сущимъ с ним братиамъ, и отпусти его въ свой ему монастырь. Святый же идяше путемъ своимъ, славя и благодаря Бога.

Егда же възвѣщено бѣ в монастыри пришествие святаго, братиам же всѣмъ изшедшим от обители въстрѣтение святаго, овѣмъ убо текущимъ до полуединаго поприща, старии же и немощнии у врат монастырьскых срѣтоша блаженнаго отца. И всѣмъ от радости припадающимъ, овѣмъ святыа его сѣдины цѣлующемъ, овии же честныа ногы лобызааху, инии же въскрилиа ризъ его очима и лицемъ прикасающеся, любезно цѣловааху. Святый же, обычное благословение давъ имъ, вниде въ обитель, и начаша вечернюю звонити. Он же иде въ храмъ Святыа и Живоначалныа Троица, и взем честный крестъ, и когождо от братиа благослови, таже съ всѣми вечерних пѣний славословие творя, благословеному оному мнишескому лику веселие творяше, бѣяше бо почтен благымъ даромъ достояния въ иерейское поставление съвершение.

По съвершении же вечерни иде в келию свою и единъ къ единому дателю благых моляся бѣаше, и всю нощъ без сна пребысть. Въ утрии же ни с кимже бесѣдоваше, дондеже съвершивъ божественую литургию и мнози от братиа честных тайнъ Христа Бога нашего приаша от рукы его. И по въстании от трапезы вдасть себе желающимъ яже на ползу и въ всемъ всякъ всѣмъ бываа, наипаче глаголати, что о душе слышати хотящимъ. И по бесѣдовании духовномъ когождо пакы въ своа имъ келиа отпусти. И, по прежереченному, Божественым Писанием внимаше и непрестанныа къ Богу молитвы възсылаше, простираа паче жестокое пребывание и всякого лишаемъ плотскаго покоа. Духовное же утѣшение и благодати умножение зѣло изобиловася ему. Учителный даръ и слова пространное паче естьства приатъ, яко оттолѣ многымъ приходити к нему не точию обители тоя мнихомъ, но и вдале живущимъ. И всѣмъ духовным даромъ исполняющимся и ползу приемлющимъ, отхождааху, благодаряще Бога. Мнозии же и от

велможь приходяще, душеполезных учений наслаждающеся, почитающе его яко отца и учителя, не свѣтлыхъ бо ризъ ради почитающе его, но чистаго ради житиа его и свѣтлыа душа. Многошвенны бо и худы всяческы ризы ношаше, яко и мноземъ приходящемъ видѣти его в тацѣй одежди ходяща, не мнѣти того игумена суща, но единого нѣкоего от убогыхъ, яко мнозѣм от невѣгласъ, смѣющеся, ругатися ему. Он же о томъ не скорбѣ, но бѣ радуяся о поругании своемъ и укоризнѣ и Бога о томъ прославляаше.

ЧЮДО 1. О ЗАХАРИИ

Привезоша нѣкоего мужа Захарью именем разслаблена суща рукама и ногама и положиша его при ногу блаженнаго Макариа. Разслабленый же лежаше, горцѣ плача, съ въсклицаниемъ въпиа къ святому: «Угодниче Божий, блаженный Макарие! Помолися владыцѣ Христу, да исцѣлит мя от недуга сего». Святый же глаголa ему: «Что, брате, прииде къ грѣшну мужу, помощи требуя? Азъ убо и самъ грубъ и немощенъ есмь, нимало что стяжах къ исправлению. От мене ли помощи ищеши?» Болный же наипаче въпиаше: «Вѣмъ, рабе Божий, вѣмъ, яко не имат прошениа твоего оставити Богъ, аще принесеши к нему молениа твоа о мнѣ, окааннемъ». Святый же рече: «Чадо, преблагый и прещедрый Богъ не хощет смерьти грѣшнику, но еже обратитися и живу быти ему,[20] имиже вѣсть судбами приводит грѣшника на покаание. И се Божию посѣщению на тя нашедшу, приводя и тя на покаание. Аще покаешися от душа и останешися от первых своих обычай, получиши исцѣление, аще ли ни, то и горше сихъ пострaжеши». Болный же съ слезами исповѣдаа вся своа съгрѣшениа, елика сътворихъ от юности. Блаженный же сътвори молитву о немъ и благослови его, и от того часа здравъ бысть, яко николиже болѣвъ. Святый же, наказавъ его доволно от Божественых Писаний, отпусти его с миром въсвояси. Послѣди же тъй муж, предреченный Захариа, иереемъ поставленъ бысть в веси, нарицаемѣй Киасова гора,[21] и поживе прочаа лѣта в покаании.

О ВАСИЛИИ РЯСИНѢ

По сих же приведоша к нему юношу нѣкоего от рода болярска Василиа именем, мучима от бѣса, связана суща юзами по руку и по ногу, бѣ бо человѣци бия и нелѣпыа гласы испущая. Блаженный же отпѣвъ молебьнаа и огради честным крестом больнаго, и в томъ часѣ здравие получи. И оттоле не възвратися в домъ родителю своею, но въсприатъ аггельскый образъ и поживе прочаа лѣта въ обители блаженнаго Макариа.

По сих же нѣции человѣци злии покрадоша волы монастырстии, на них же братиа службу творяху, и егда поидоша прочь, и ослѣпоша, не видяху камо итти. И много блудивше, пакы приидоша въ обитель къ блаженному Макарию и начаща плакатися о своих съгрѣшении. Он же прости ихъ, и наказавъ имъ потомъ таковая не творити, и отпусти я с миромъ, никоегоже зла изрече. Вся убо сиа творяше Христовы ради любве. Подобне же паче рещи, не ктому живут, живет же в них Христос, емуже и послѣдоваша, всѣх отверъгшеся. Сие бо дѣло

мнишескаго его пребываниа: отнелѣже вселися в пустыню, николиже измѣни своего правила, ни празну обрѣстися дѣланий духовных, храняше неугасимую свою теплоту от начала даже и до конца.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ СВЯТАГО

И дошедшу блаженному глубокыа старости в доблемъ ономъ въздръжании, наипаче укрѣпляшеся усръдиемъ и мужественѣ подвигъ теплѣ касашеся, нимало от божественых пѣний оставль. Нозѣ ему бяху яко столпие, день от дне преспѣваа, по апостолу — задняя забываа, на предняа простираяся,[22] и в начало месяца марта в недугъ тѣлесный впаде и уразумѣ свое преставление. Начя блаженный безмолъствовати, въсхождениа присно въ сердци полагая, дондеже достигнетъ къ желаемому и увѣде конечнѣ свое къ Христу отхождение. И естьства отдати долгъ, духъ же къ желаемому Владыцѣ предати призываеть священное исполнение.

Братии же всѣмъ събраномъ, святый же, възлежа на одрѣ своемъ, начатъ к нимъ глаголати: «Отци и братиа, и чада възлюбленнаа о Христѣ, се убо отхожу в путь свой отець своихъ, якоже вси земнии. Васъ же предаю Господу Богу и слову благодати его, могущу наздати вас и дати наслѣдие и освящение всѣмъ, тъй поможетъ вамъ. Вы же, братия, Господа ради не пренемогайте въ молитвах и постѣх, съблюдающе себе от лаяний и навѣт вражиихъ. Преблагый же Богъ не презрить смирениа вашего ради его неизреченнаго смотрениа». И сиа рекъ, и множае сихъ, и когождо от братиа целовааше, и прощение от нихъ приимаше, и в самый убо исходъ, в онже хотяше тѣлеснаго съюза отрѣшитися, приатъ добраго спутника, владычняго тѣла и крови Христа Бога нашего причастися, и крестнымъ знамением знаменався и глагола: «Слава Богу о всемъ», и прирекъ, — «Аминь». И предасть духъ в лѣто 6991, месяца марта в 17 день. Всѣх же лѣт живота его 80 и едино лѣто.

Егда же блаженая его душа от телесе отиде, просвѣтися лице его яко солнце, показуя душевную его чистоту. Ученици же горцѣ плачюще о разлучении отца и учителя, над тѣло его припадающе, из глубины сердець въпиюще: «О честный отче и учителю нашъ блаженный Макарие, тебѣ прииде время, еже преставитися и съ Христомъ быти, но намъ бѣдно есть безвременное осирѣние отеческыя любве. Болѣзнуемъ душами и сердци, а врача разлучиховѣся, другъ на друга взирающе и к себѣ глаголюще: „Видѣсте ли, братие, в колицѣхъ злых есвѣ нынѣ посрѣди пристанища надежда нашеа истопохомъ? Иногда богаты суща, наслаждающеся медоточными учении от устъ блаженнаго отца, нынѣ же нагы обрѣтохомся разлучениемъ отца и учителя. Гдѣ свѣтовидный столпъ онъ, иже домъ бывый Святаго Духа? Где безблазненое душь наших исправление? Гдѣ непреложнаа твердѣль разума, имже съ всяцем утвержениемъ трудивъшеся, почивахомъ? Гдѣ добрый кормчий, иже на вышнее смотрение правя корабль душь наших?"» И от зелнаго плача и рыданиа никакоже хотяще утѣшитися, и едва възмогоша скутати трудолюбезное его тѣло, и отпѣвше надгробнаа, и погребоша честно в созданнемъ от него монастыри, идѣже и до нынѣ память его съвершается въ славу Святыа Троица, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно, и в вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *«Прославляющаа мя… прославляю… исповѣмъ его и азѣ предо Отцемъ моимъ небеснымъ».* — Мф. 10, 32; ср. Иоанн. 17, 1.

[2] *И убояхся осуждениа раба оного, скрывшаго талантъ господина своего… биенъ бывает много…* — Мф. 25, 16—30; Лк. 12, 47.

[3] …от града, нарицаемого Кашина … — Кашин — в XV в. один из важнейших городов Тверского княжества. В 1485 г. после потери Тверским княжеством самостоятельности Кашин попадает под власть Москвы и при Иване III входит в удел его второго сына Юрия Ивановича Дмитровского, находится под его управлением в 1503—1533 гг.

[4] *«Аще хощеши съвершенъ быти, продаждь си имѣниа… и гряди въслѣд мене».* — Мф. 19, 21.

[5] *…от книгъ блаженнаго Иоанна Златоустаго…* — Иоанн Златоуст, византийский политический и церковный деятель, проповедник, писатель (345—406). Среди его «Бесед» есть посвященные вопросу о браке. Из них в Житие попали две цитаты: «Не брак — порочное дело, но порочно прелюбодеяние, а брак есть врачество, истребляющее блуд»; и «Жена как бывает помощница, так часто бывает и вредительницею» (Творения св. Иоанна Златоустого. СПб., 1897. Т. 3. Кн. 1. С. 205, 215).

[6] *«Якоже пророку речеся: „Изыди ты и сын твой"»…* — Не представляется возможным точно установить, о каком пророке идет речь и какое библейское событие имеется в виду. Возможно, эти слова относятся к истории жертвоприношения Авраама: «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака, и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, с которой я скажу тебе» (Быт. 22, 2).

[7] *Но и приобщашеся женѣ и пророкъ бѣ Моисей: не жену ли имѣ… и богонапущенный гнѣвъ възбрани.* — Моисей, библейский персонаж, пророк, законодатель; ему приписывается написание библейских книг — Пятикнижия. В Библии сказано, что спасаясь от гнева фараона, он бежал из Египта в Мадиамскую землю и там женился на Сепфоре, дочери приютившего его священника Иофора (Исх. 2, 13—22). Остальные эпизоды, упомянутые в Житии, связаны с исходом евреев из Египта и сорокалетним блужданием их по пустыне: по знаку Моисея Бог ветром разогнал море (Исх. 14, 21); жезлом извлекал он из скалы воду (Исх. 17, 5—6); гнев Бога обрушивался на странствующих неоднократно, например, после того, как они поклонились золотому тельцу (Исх. 32, 9—10), и Моисей умолил Бога простить народ (Исх. 32, 30—32); в другом случае Моисей спас народ от насланных Богом ядовитых змей (Чис. 21, 4—9).

[8] *Исаак* — библейский персонаж, сын Авраама и Сарры, в переводе его имя означает «смех», так назвала его Сарра, которая рассмеялась, услышав от ангела, что в старости родит сына: «Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его. И сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется» (Быт. 21, 5—6). Исааку было 25 лет, когда Авраам собирался принести его в жертву (*Аверинцев С. С.* Исаак // Мифологический словарь. М., 1992. С. 256—257).

[9] *Авраамъ не жену ли имѣ... не бысть ли отець и боголюбець?* — Авраам, библейский патриарх, родоначальник многих народов, история которого изложена в книге Бытия (Быт. 11. 27—31; 12—25). Жена Авраама Сарра была бесплодна и родила сына Исаака по пророчеству Бога, когда Аврааму было 100, а ей 90 лет. По повелению Бога Авраам должен был принести Исаака в жертву, но в последний момент юноша был заменен овном (Быт. 22, 1—13). Жертвоприношение Авраама, прообраз принесения в жертву Богом-Отцом сына Иисуса, — сюжет, широко распространенный в проповеднической литературе и искусстве. Неоднократно обращался к этому сюжету и Иоанн Златоуст; он подчеркивал страдания Авраама-отца и радость его, получившего сына обратно живым (Творения св. Иоанна Златоустого. СПб., 1895. Т. 1. Кн. 1. С. 206, 207; СПб., 1896. Т. 2. Кн. 2. С. 785—790). В Библии Авраам не назван пророком, но Златоуст в своих сочинениях говорил о пророческом даре Авраама (Творения св. Иоанна Златоустого. СПб., 1904. Т. 10. Кн. 2. С. 498, 500).

[10] *...монастырь, Клобуково нарицаемо, в немже бѣ храмъ святаго Николы.* — Клобуков монастырь находился на окраине г. Кашина. П. Строев (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 466) отмечает существование монастыря в XV в., однако сведений о его ранней истории нет, и перечисление игуменов начинается только с 1510 г.

[11] *...псалмы Давидовы пояше.* — Библейская книга Псалтырь, у евреев называемая «Книга Хвалений», состоит из 150 псалмов, сочинение которых приписано израильско-иудейскому царю и пророку Давиду (X в. до н. э.). Псалмы широко используются в христианском богослужении как молитвы и песнопения, отрывки из них читаются в различных обрядах, особенно на похоронах.

[12] *«Настави мя... на путь твой и поиду въ истинѣ твоей»...* — Пс. 85, 11.

[13] *«Господь просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою»...* — Пс. 26, 1.

[14] *...доиде близъ рѣкы Волгы... водою акы стѣнами огражено...* — Макариев Калязин монастырь расположен возле г. Калязина на левом берегу р. Волги; с северо-запада к стене монастыря подходит Калязинское озеро.

[15] *«Быхъ яко птица, особящиася на здѣ».* — Пс. 101. В синодальном переводе Псалтыри на современный русский язык это место выглядит так: «Не сплю и скажу, как одинокая птица на кровле».

[16] *И въоружашеся духом не к крови и плоти, но к началомъ и къ властемъ, и к миродръжителемъ тмы...* — Еф. 6, 12.

[17] *К духовомъ лукавымъ борения сътвори, вѣрою и терпѣниемъ побѣждаше.* — Эта фраза не представляет собой цитаты, но по содержанию соответствует другим фрагментам из Послания апостола Павла к Ефесянам, например: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских» (Еф. 6, 11), или « А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить раскаленные стрелы лукавого» (Еф. 6. 16).

[18] *По времени же устрои церковь въ имя Святыа и Живоначалныа Троица, благодатию же Божиею и священа бысть вскорѣ.* — Первая церковь св. Троицы в Макариевом Калязине монастыре была деревянной. Точное время ее постройки неизвестно, так же как и время основания монастыря, — называется и 1444 г., и время около 1459 г.

[19] *...изыде въ богоспасаемый град Тферь, и от тамо сущаго епископа священьству сподобляется и игуменом нарицается.* — В Житии имя епископа не названо, однако оно интересовало переписчиков и читателей памятника. В двух сборниках XVI в. на нижнем поле соответствующих листов читается киноварная запись: «О имени епископа съпрошати вѣдущых». Если годом основания монастыря считать 1444, то в это время тверским епископом, скорее всего, был Илья из игуменов Желтикова Успенского монастыря, позже, в 1458—1460 гг., кафедру занимал Моисей, до того архимандрит Тверского Отроча монастыря, а с 1461 по 1477 г. епископом в Твери был брат Макария Геннадий Кожин. (См.: *Первухин Г. П.* О тверских иерархах / Подг. к печати А. А. Тяжловым. Тверь, 1901. С. 49—55).

[20] *...преблагый и прещедрый Богъ не хощет смерьти грѣшнику, но еже обратитися и живу быти ему....* — Ср. Иез. 18, 23; 33. 11.

[21] *...в веси, нарицаемѣй Киасова гора...* — В Тверской епархии существовала Спасская пустынь на Кесовой горе (см.: Материалы для истории Тверской епархии. Тверь, 1898. С. 90—91). Кесова гора — торговое село в Кашинском уезде. В Софийских (I и II) летописях под 1452 г. упоминается местность Киасово (Кеясово), от которой повернул войска великий князь Василий Темный, преследовавший Дмитрия Шемяку, побежавшего к Бежицкому Верху *(ПСРЛ.* СПб., 1841. Т. 5. С. 268; Т. 6. С. 170).

[22] *...задняа забываа, на предняа простираяся...* — Ср. Фил. 3. 13.

ПЕРЕВОД

17 МАРТА

МЕСЯЦА МАРТА 17. В ЭТОТ ДЕНЬ ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРИЯ ЧУДОТВОРЦА, ИГУМЕНА, СОЗДАВШЕГО ОБИТЕЛЬ СВЯТОЙ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ, КОЛЯЗИНО ИМЕНУЕМОЙ

Праведник, когда придет его кончина, в раю будет, и восхваляемому праведнику радуются люди. Еще большая радость и благо святым восхваление приносить, ибо оно благотворно и угодно Богу; известно, что похвала святым возносится и доходит до самого Бога, и справедливо, не потому, что они требуют ее, а потому, что так Бог хочет прославить угодников своих, как говорит он в святом Евангелии: «Прославляющих меня, — сказал, — прославлю, и всякого, кто признает меня пред людьми, признаю его и я пред Отцем моим небесным». И, глядя на это, загорелся я желанием в сердце и душе, побуждаемый любовью к святому, чтобы осмелиться и написать из многого хоть малую часть о жизни Христова последователя, удивительного в своих чудесах, блаженного отца нашего игумена Макария. Но мешает мне ничтожество мое и невежество, ибо, имея разум неискусен и всякого неразумия полон, ни единого труда не завершил, и свое бессилие видя, посчитал себя недостойным и принести что-либо в похвалу его величества воздерживался. Все же окончательно отказаться от труда и облениться большим злом посчитал, потому что тогда столь великого мужа чудесные деяния, Богом дарованные, в пучину забвения погрузятся; ибо не своими очами видел, что тогда было, но от многих и правдивых мужей слышал, что говорят о святом, рассказывая о деяниях его; другие же своими глазами самого святого видели, поскольку не много лет тому назад все происходило. Потом же и сам я своими глазами видел от святого гроба богоносного того отца многие и различные исцеления состоявшиеся. И убоялся, что буду осужден, как тот раб, скрывший талант господина своего и прибыли не получивший, как раб, знавший волю господина своего и не исполнивший ее, за что бит был много, и прочее. И рассудил умом своим, хотя и сверх своей силы взялся за дело, начав священное это повествование, но на Бога всю надежду возложил и на самого угодника преподобного отца нашего нового чудотворца игумена Макария, которым осчастливил Бог людей своих в недавние времена наши, о нем же нам ныне слово предстоит.

Жил муж в пределах Тверской области, в городе, называемом Кашин, по имени Василий, благоверный и богобоязненный. Супруга его по имени Ирина тоже была благочестива. И жили они в законе Господнем по заповеди святого Евангелия. Родился у них младенец, и дали ему имя в святом крещении Матвей, и воспитали его в добрых правилах. Когда же подрос он, отдали его родители учиться грамоте. Отрок же усердно изучил Божественные Писания, и слушал их внимательно от всей души, и нашел в святом Евангелии хранилище богатства непреходящего и неистощимого для приходящих с верою, ибо сказано: «Если хочешь достойным быть, продай имение и раздай нищим, и получишь сокровище на небесах, и ступай вслед за мною». И поражен был отрок в самое сердце, и думал, внимая этим словам, как бы ему исполнить свое желание и покинуть родителей и родственников, и друзей, и от мира отречься, и к владыке Христу прилепиться.

Родители же, видя его читающим книги и им внимающим, игр же и пустых разговоров избегающим, начали уговаривать его вступить в брак. Ему же тяжко было слушать их разговоры, и он стал отказываться, поскольку никак не хотел он вступать в брак. Родители же все более принуждали его и грозили проклясть его, если не послушается повеления их и не повинуется их воле. И приводили ему написанное в книгах блаженного Иоанна Златоуста об осуждающих брак: «Как пророку говорилось: «Выйди ты и сын твой» — сына имел пророк, а раз сына, то и жену. И усвой, что не зло — брак, а зло — блуд. Разве запрещен брак? В помощь тебе дана жена, а не для наветов. Не жену ли имел пророк, и не был помехой его духовной силе брак. Также сочетался с женой и пророком был Моисей: не жену ли имел, а скалу рассек и вихрь повернул, и гнев Божий отвратил. Авраам не жену ли имел, и родоначальник многим народам был и церкви прообразом. Сына Исаака имел, и тот стал причиной богоугодного дела: не принес ли он отрока, плод брака, на жертву, не был ли отцом и боголюбцем?» Боголюбивый же отрок стоял молча, опустив главу долу, и ничего не отвечал, только плакал от умиления. Родители же еще более суровые речи с гневом и яростью, как каменья, бросали в него. Благоразумный же отрок с кротким взором и тихим голосом отвечал им: «Государи мои, я больше не отрекаюсь, не противоречу. Воля Господня пусть свершится. Вы же что хотите, то и делайте со мною». Родители же удивились и обрадовались кроткому ответу отрока.

Вскоре обручили его с невестой из близких себе. И после совершения законного брака стал блаженный юноша уговариваться с супругой своей, что если изволит Бог, и кто-то из них прежде другого покинет мир этот, то оставшемуся никогда во второй брак не вступать, но уйти в монастырь и служить Богу. Минуло три лета, и по воле Божьей жена его умерла. Он же, слезы радостные испуская, сказал себе: «Благодарю тебя, Владыко преблагий, что помог мне от оков мира сего освободиться. Ныне же никто не запретит мне исполнить то, что тебе обещал». И взявшись с домашними своими, обрядил тело ее, отпев надгробную службу, похоронил ее достойно, и все, что имел при себе, роздал нищим. Сам же не возвратился в дом свой, но, выполняя свое обещание, ушел в один из ближних монастырей, Клобуково называемый, где был храм святого Николы. И тамошний игумен постригает его, и облекается он в святой ангельский образ, и нарекают его именем Макарий.

Отдал он себя во власть игумену и делал все, что велел он, и слушался его во всем, а от своих желаний вовсе отказался. Но не только игумену одному, но прочей братии, малому и великому, повиновался и покорен был, страхом Божиим защищаясь, избегая всякого грешного дела, преисполнен смирения в превосходном разуме, голодом и жаждой тело свое изнуряя беспрестанно. Были ему пищей лучше меда и сот сладостные Божьи слова. Ночью и днем псалмы Давидовы пел, и после молитвы на чтениях внимал житиям преподобных отцов и их наставления запоминал, и желал им следовать, постоянно слезы из очей лил, вспоминая смертный час и страшный неотвратимый Божий праведный суд, и воздаяние грешным, каждому по делам его. Братья же все дивились доброму его желанию, видя, что все это на великую пользу

им было. Он же, благочестием руководствуясь, стал помышлять, как бы ему уйти из обители и поселиться в пустыни в одиночестве и безмолвии. И поведал замысел свой игумену. Игумен же, наставив его довольно, и научив его по Божественному Писанию, и благословив, отпустил его в тайне от всех.

Блаженный же пошел путем своим, радуясь душою, хвалу воздавая Богу: «Наставь меня, — говорил, — на путь твой и пойду за правдой твоей» и «Господь просвещение мое и спаситель мой, кого мне бояться», — и прочее из того псалма. И обходя многие места пустынные, смотрел, где бы ему найти место, удобное для уединения. И, Богом наставляем, дошел почти до реки Волги, и нашел место между двух озер, водою как стенами огорожено, и очень полюбилось ему. Сотворив молитву и водрузив крест, устроил кельицу малую, где и затворился, радуясь сердцем и говоря: «Стал я как птица, уединившаяся тут». И к трудам труды прибавляя, и к слезам слезы, еще большему воздержанию предался, тем выполняя свой обет безмолвия. И вооружился духом не против земных страстей, но против начальников и властей, и владык ада — дьяволов, — как апостол говорит. С духами лукавыми в борьбу вступил, верою и терпением побеждая. И много зла от бесов претерпел и нисколько нападения их не устрашился, но словно камни из пращи, молитвенные стрелы в них пуская и их уничтожая, сам же от оскорблений их невредим оставался. Со временем же построил церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы, благодатью же Божиею и освящена была вскоре.

Прелукавый же враг дьявол, не желая долго терпеть от святого обиды, начал против него войну. Христианин один, живущий близ места того, ополчился на него и захотел убить святого, рассуждая в сердце своем: «Что если монах этот завладеет землей той, меня прогонит и землю мою к своей пустыни присоединит». И долго выбирал он время, как бы ему исполнить задуманное и его погубить; и не мог выбрать, потому что благодать Божья хранила преподобного. Немного времени спустя случилось этому человеку осиротеть, к тому же и в болезнь тяжкую впасть, так что отчаялся он в живых остаться. И понял свое согрешение, что зря умыслил зло на преподобного старца, и едва смог дойти до преподобного Макария, и бросился к ногам его, прощения прося со слезами, исповедав грех свой, что злоумышлял на него. «Святой Бог пусть простит тебя, — сказал, — чадо, не ты сделал это, но испокон века ненавидящий добро враг дьявол». И утешил его словами утешительными, чтобы не скорбеть ему о постигшей его болезни: «Божие то, — сказал, — посещение тебя постигло». И научив его щедро от Божественных Писаний, рассказал об отречении от мира и о пострижении. Тот же, слышав слова из уст святого и, как земля доброплодная, семена в сердце свое приняв, и с радостью дает обещание, еще и землю свою в его пустынь отдает. Святой же удостоил его ангельского образа. И назвалась с тех пор пустынь Колязино по имени человека того, ибо так прежде именовался человек тот.

И разнеслась слава повсюду о блаженном Макарии, словно на легком крыле летящая, словно светильник, сияющий в стеклянном сосуде. И начали к нему сходиться братья. Он же с радостью принимал

приходящих с верою и постоянно наставлял всех, и обучал Божественному Писанию, тому, чтобы не пренебрегать молитвами. По всему было видно, что блаженный настоящий Божий человек, воистину небесную жизнь на земле ведущий. Братство же умножалось и обитель расширялась, а священника у них не было. И тяжко страдала братия из-за того, что нет иерея в обители. Святой же каждого из братии убеждал принять сан священства, они же все отказывались, говоря: «Мы все, честный отче, тебя хотим видеть отцом и учителем и из твоей руки принимать пречистые тайны Христа Бога нашего». Блаженный же не соглашался, и начали молить его со слезами, чтобы восприял на себя священства сан. Он же продолжал отказываться, считая, что недостоин такой чести, и с трудом могли умолить его братья. Блаженный же помолился и, взяв с собой нескольких монахов, пошел в богоспасаемый град Тверь, и тамошним епископом на священство поставляется и игуменом нарекается. Епископ же, наставив его Божественным Писанием и дав ему прощальное напутствие и благословение и бывшим с ним братьям, отпустил его в основанный им монастырь. Святой же пошел путем своим, славя и благодаря Бога.

Когда же возвестили в монастыре о возвращении святого, братья же все вышли из обители навстречу ему, одни пробежали с полверсты, старые же и немощные у врат монастырских встретили блаженного отца. И все в радости припадали к нему, одни святые его седины целовали, другие же честные ноги лобызали, иные же к подолу ризы его очами и лицом прикасались, с любовью целовали. Святой же, обычное благословение дав им, вошел в обитель, и начали к вечерне звонить. Он же пошел в храм Святой и Живоначальной Троицы, и, взяв святой крест, каждого из братьев благословил, потом же со всеми на вечерней службе молитвы творил, благословенному монашескому собранию радость принося, ибо был наделен благим даром при иерейском поставлении совершать церковные богослужения.

По окончании же вечерни пошел в келью свою и в одиночестве единственному подателю благ молился, и всю ночь без сна провел. С утра же ни с кем не беседовал, пока не отслужил божественную литургию, и многие из братьев не приняли святых тайн Христа Бога нашего из рук его. И, встав от трапезы, предоставил себя в распоряжение всем желающим, кому надо было помочь, и всем во всем был доступен, более всего проповедуя тем, кто о душе слышать хотел. И после беседы духовной каждого снова в их кельи отпустил. И, как ранее говорилось, Божественным Писаниям внимал и непрестанные к Богу молитвы воссылал, стремясь к более суровому бытию, лишенный всякого телесного покоя. Духовное же утешение и благодати умножение было у него в изобилии. Учительным даром и талантом проповедника обладал он необыкновенным, отчего с той поры многие приходили к нему, не только монахи из его обители, но и вдали живущие. И все духовным даром наполнившиеся и пользу получившие уходили, благодаря Бога. Многие и вельможи приходили, получали наслаждение от его душеполезных поучений, почитая его как отца и учителя, и не ради светлых риз уважали его, но чистого ради жития его и светлой души. Ибо латанное рубище и ветхие ризы носил, почему многие из приходящих, видя его в такой одежде ходящего, не думали,

что это игумен, но принимали его за одного из нищих, а многие невежды, смеясь, издевались над ним. Он же этим не оскорблялся, но радовался поруганию своему и насмешкам и Бога за то прославлял.

ЧУДО 1. О ЗАХАРИИ

Привезли некоего мужа по имени Захария с параличом рук и ног и положили его к ногам блаженного Макария. Парализованный же лежал, горько плача, с воплями взывая к святому: «Угодник Божий, блаженный Макарий! Помолись владыке Христу, пусть исцелит меня от недуга». Святой же говорил ему: «Зачем, брат, пришел к грешнику, помощи прося? Я и сам прост и немощен, нисколько не научен лечить. У меня ли помощи ищешь?» Больной же еще пуще вопил: «Знаю, раб Божий, знаю, что не отринет твоей просьбы Бог, когда попросишь его в своих молитвах обо мне, окаянном». Святой же сказал: «Чадо, преблагой и прещедрый Бог не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы тот возвратился на путь истинный и в живых остался, путями, какие ему ведомы, приводит грешника к покаянию. И теперь Божья кара тебя постигла, указывая и тебе путь к спасению. Если покаешься от души и бросишь прежние свои обычаи, получишь исцеление, если же нет, то и горше прежнего будешь страдать». Больной же со слезами исповедался во всех своих прегрешениях, которые совершил с юности. Блаженный же помолился о нем и благословил его, и тотчас здоров стал, как будто никогда не болел. Святой же, наставив его много по Божественному Писанию, отпустил с миром восвояси. После же этот человек Захария иереем поставлен был в селении, называемом Киасова гора, и жил остальные годы в покаянии.

О ВАСИЛИИ РЯСИНЕ

Затем привели к нему юношу одного из рода боярского Василия именем, мучимого бесом, был он связан узами по рукам и по ногам, ибо людей избивал и громко вопил. Блаженный же отпел молебен и осенил святым крестом больного, и тотчас тот здоровье обрел. Но с той поры не возвратился в дом родителей своих, а принял ангельский образ и жил прочие годы в обители блаженного Макария.

После этого какие-то злодеи украли волов монастырских, на которых братья работали, и когда пошли прочь, то ослепли, не видели куда идти. И много блуждая, снова пришли в обитель к блаженному Макарию и стали каяться в своем согрешении. Он же простил их, и, наказав им впредь так не поступать, отпустил их с миром, ничего плохого им не сказав. Все это сделал ради любви к Христу. К тому можно сказать, что больше они не живут, потому что пребывает в них Христос, которому они и последовали, от всего отрекшися. Вот труд монашеского его жития: с тех пор как поселился он в пустыни, нисколько не изменил своему правилу, не бросал труда духовного, храня неугасимое свое усердие от начала до самого конца.

О КОНЧИНЕ СВЯТОГО

И дожил блаженный до глубокой старости в строгом воздержании, все более укрепляясь старанием и к мужественному подвигу неустанно приобщаясь, во все времена не оставляя церковной службы. Ноги его были ему опорами, и день ото дня все выше восходя, по словам апостола — прошедшее забывая, к будущему устремлялся, и в начале месяца марта в недуг впал и почувствовал близость смерти. Начал блаженный безмолвствовать, постоянно вознесения в сердце своем ожидая, покуда не достигнет желаемого и узнает последний свой к Христу отход. Так природе отдать долг, а дух желанному Владыке принести призывает священное правило.

Когда собрались все братья, святой, возлежа на одре своем, начал им говорить: «Отцы и братья, и чада возлюбленные во Христе, вот уже отхожу в путь свой вслед за отцами моими, как все на земле живущие. Вас же поручаю Господу Богу и слову благодати его, которое может наставить вас и передать учение и святые дары всем, он пусть поможет вам. Вы же, братья, Господа ради не пренебрегайте молитвами и постами, храня себя от поруганий и наветов дьявольских. Преблагий же Бог не отвергнет смирения вашего ради его несказанной доброты». И так сказал, и более того, и каждого из братьев целовал, и прощения у них просил, и в самую кончину, когда хотел от телесных уз освободиться, приобрел доброго спутника — владычного тела и крови Христа Бога нашего причастился и крестным знаменьем осенил себя и сказал: «Слава Богу за все», и добавил — «Аминь». И испустил дух в лето 6991(1483) месяца марта в 17-й день. Всех же лет жизни его 80 и один год.

Когда же блаженная его душа тело покинула, просветилось лицо его, как солнце, являя душевную его чистоту. Ученики же горько плакали о расставании с отцом и учителем, к телу его припадая, из глубины сердца причитая: «О честный отче и учитель наш блаженный Макарий, пришло тебе время скончаться и у Христа быть, нам же горько безвременное сиротство без отеческой любви. Болят наши души и сердца, а с врачом разлучились, друг на друга взирая, говорим себе: «Видите ли, братья, в каких бедах ныне посреди пристани надежды нашей утопаем? Когда-то богатые, наслаждавшиеся медоточивыми учениями из уст блаженного отца, ныне же наги остались после разлучения с отцом и учителем. Где тот лучезарный столп, что был жилищем Святого Духа? Где непорочное душ наших исправление? Где несокрушимая твердыня разума, благодаря которой, с непрестанным тщанием трудившейся, мы оставались в покое? Где мудрый кормчий, который на высокую цель направлял корабль душ наших?»« И от сильного плача и рыдания никак не могли успокоиться, и едва смогли обрядить подвижническое его тело, и, отпев надгробную службу, погребли его с честью в созданном им монастыре, где и доныне память ему творят во славу Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слова на Благовещение

Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод и комментарии С. А. Семячко

ВСТУПЛЕНИЕ

Благовещение — один из великих богородичных праздников, посвященный воспоминанию возвещания архангелом Гавриилом Деве Марии воплощения от нее Бога Слова.

Благовещение подробно описано в Евангелии от Луки (1, 26—38), это евангельское описание и дало основу практически всем произведениям, посвященным празднику. Подборка текстов на Благовещение в Великих Минеях Четьих открывается словом («Господь и Творец всему...»), взятым из Пролога. Несмотря на характерную для Пролога краткость, при перенесении в Великие Минеи Четьи это слово было еще несколько сокращено. Оно представляет собой пересказ евангельского эпизода, напоминание о событии. Текст публикуется по Успенскому списку Великих Миней Четьих *(ГИМ,* Синод. собр., № 992, лл. 589а—589б).

Второй из приводимых нами текстов («Слово на Благовѣщение о дѣвьствѣ 63») принадлежит византийскому писателю и церковному деятелю преподобному Феодору Студиту (759—826). Это 63-е слово его Малого Катехизиса. Греческий текст Малого Катехизиса состоит из 134 слов. На Руси в переводах бытовало около 80 слов (см.: *Ищенко Д. С.* Поучения огласительные Феодора Студита // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 224—235). Время их перевода с греческого пока не установлено. Возможно, поучения Феодора Студита появились на Руси вскоре после установления Студийского устава (впервые введен в Киево-Печерском монастыре в 60-х гг. XI в.), однако списков слов Малого Катехизиса ранее XV в. нет. Бытовавшие на Руси списки Малого Катехизиса включали 63 слова, хотя среди них встречались и слова, Феодору Студиту не принадлежащие. Характерным признаком слов Малого Катехизиса, написанных именно Феодором Студитом, является обращение «Братия и отцы» (*Ищенко Д. С.* Поучения огласительные... С. 228), с которого начинается и публикуемое нами слово. Примером такого кодекса из 63 слов может быть рукопись из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря (см., напр.: Иосиф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 269). Важно отметить, что в этой рукописи начало дефектно, и потому отсутствует имя автора. Вероятно, из подобного кодекса попало в Великие Минеи Четьи и издаваемое слово, поскольку, с одной стороны, оно сохраняет нумерацию Малого Катехизиса, но, с другой стороны, в нем не указан автор. Однако необходимо отметить, что «Слово на Благовещение о детстве» бытовало и независимо от Малого Катехизиса. В частности, оно переписано в одном из сборников известного книжника XV в. монаха Карилло-Белозерского монастыря Ефросина *(ГИМ,* собр. Уварова, № 338 (894)(365); см.: *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца

Ефросина // *ТОДРЛ.* Л., 1980. Т. 35. С. 222), который по своему составу является Торжественником (см.: *Черторицкая Т. В.* Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 327, № 93). Это же слово читается в Торжественнике, данном Иваном Грозным в Соловецкий монастырь *(РНБ,* Солов. собр., № 1050/1159, вторая треть XVI в.; см.: *Черторицкая Т. В.* Торжественник и Златоуст... С. 370, № 31, а также: *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание... С. 222). Текст публикуется по Успенскому списку Великих Миней Четьих *(ГИМ,* Синодальное собр., № 992, л. 591а—591в) с поправками по Торжественнику Соловецкого монастыря *(РНБ,* Солов. собр., № 1050/1159, л. 3—4) и по смыслу.

Слово «Въсиа намъ днесь праведное солнце...» — также перевод с греческого. Оно принадлежит перу одного из наиболее известных проповедников и писателей Византии, константинопольского патриарха Иоанна Златоуста (341—407). Это слово попало на Русь еще в киевскую эпоху, получило широкое распространение в нескольких вариантах (см.: *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII—XIV веков. (Статья третья: Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 47 С. 11—13), входило в состав таких сборников, как Минейный Торжественник, Златоуст (см.: *Черторицкая Т. В.* Торжественник и Златоуст... С. 338, 339, 354), Златая матица (*Бобров А. Г., Черторицкая Т. В.* К проблеме Златой матицы // *ТОДРЛ.* Л., 1990. Т. 43. С. 357). В Великие Минеи Четьи слово попало в двух вариантах — на Рождество Христово (этот вариант опубликован: Великие Минеи Четии: Декабрь. Дни 25—31. М., 1912. Стб. 2285—2289) и на Благовещение.

Наиболее ранний список издаваемого слова датируется XII в. *(РНБ,* F.п.1, 46), текст отнесен к Рождеству Христову и по своему составу совпадает с опубликованным греческим (Patrologiae cursus completes. Series graeca / Ed. J. P. Migne. T. 61. P. 737). Впоследствии в этот текст после слов «...родиши Сына, емуже предстою съ трепетом» был вставлен большой фрагмент из Слова Григория Неокесарийского на Рождество Христово (см. напр.: *Барсов Н. И.* Св. Григория Неокесарийского Слово на Рождество Христово. СПб., 1894. С. 13). В таком виде слово читается в Великих Минеях Четьих под 25 декабря. В благовещенском варианте после указанных слов и до конца памятника читается не соответствующая изданному Минем греческому тексту похвала Богоматери. Источник этого фрагмента пока не установлен. Однако нужно отметить, что эта похвала естественно соединилась с предыдущей частью произведения, поскольку она построена на анафоре «Радуйся...», слове, с которым обратился архангел Гавриил к деве Марии. Слово издается по Успенскому списку Великих Миней Четьих *(ГИМ,* Синод. собр., № 992, л. 603а—605б) с исправлениями по опубликованному рождественскому варианту текста и по совпадавшему по составу с издаваемым текстом списку Торжественника Соловецкого монастыря *(РНБ,* Солов. собр., № 1050/1159, л. 5—10).

ОРИГИНАЛ

25 МАРТА

МЕСЯЦА ТОГО ЖЕ ВЪ 25 ДЕНЬ ВЪСПОМИНАНИЕ ТВОРИМЪ БОЖЕСТВЕНАГО БЛАГОВѢЩЕНИА ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА

Господъ и Творецъ всему, всеа твари, человѣколюбець, милостивый Богъ нашь, всегда пекийся родом человѣческимъ, видя руку своею създание, человѣчьско естество, диаволомъ порабощено, и въсхотѣ послати единочядаго Сына своего, Господа нашего Исус Христа, да избавить ны от работы вражиа. От всякоа твари утаився и от небесных силъ никомуже не вѣдущю, точию архаггелу единому Гавриилу тайну сию славну възвѣсти. Посла й с небесныхь кругъ къ чистѣй девицѣ Марии, яко достоинѣ сущи таковаго добра, из неяже родитися изволи человѣчею плотию. Абие пришед Гавриилъ въ град Назаретъ и глагола к ней: «Радуйся, обрадованнаа, Господь с тобою».[1] Она же отвѣща: «Како будеть мнѣ се, яко мужа не знаю?» И рече ей аггелъ: «Духъ святый наидеть на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя».[2] И рече Мариа: «Се раба Господня, буди мнѣ нынѣ по глаголу твоему».[3] И купно съ словомъ архааггеловым зачят въ чистѣй утробѣ ея Сына Слово Божие благоволением всѣхь Творца, осѣнением пришествиа Святаго Духа. И тако съверши тайны вся боголѣпнѣ, да побѣдить мучяащаго диавола, и разрушить лесть его, и свяжеть нерѣшимыми узами, якоже и бысть, вся бо пострада за наше спасение и избавление.

МЕСЯЦА МАРТА 25. СЛОВО НА БЛАГОВѢЩЕНИЕ О ДѢВЬСТВѢ 63

Братие и отцы, понеже Благовѣщение прииде, от Благовѣщениа бо вамъ мала нѣкаа искушаю бесѣдовати, указуа абие, яко велико есть дѣвства обѣтование, еже целовати сподобилися есмы. Кому бо от аггелъ Гавриилъ рече: «Радуйся, благодатнаа, Господь с тобою»?[4] Нѣсть ли Святѣй Дѣвѣ и Марии? И от кого вълчеловѣчися самъ Богъ Слово? Не от тоа ли блаженныа Дѣвы? Дѣвство бо есть възрастивши животъ всяческих. Дѣвьство бо есть царица добродѣтелемъ. Дѣвьство есть невѣста и печяловница Христова. И аще волите слышати блаженнаго Павла, глаголюща: «Неоженивыйся печялуется о Господѣ, како угодити Господеви; а оженивыйся печялуется яже суть в мирѣ, како угодити женѣ. Раздѣлено есть и жена и дѣва: непосягшиа печялуется яже суть Божиа, да будеть свята и духомь и тѣломь; посягшиа же печялуетъ о мирских, како угодити мужеви».[5] Видѣте ли слова силу, како не вводить печяли неоженивыйся печяловати о Господнихь *но* яже суть в мирѣ, дѣвьству убо блага чясть отчтена есть. Но убо и въ царствии небеснѣмь дѣвъство первое приносится ибо пишется сице въ Откровении святаго Иоанна: «Си ли суть, иже съ женами не осквернишася, дѣвы бо суть; си суть послѣдующе Агньцу, камо идетъ».[6] Дивлюся почестиа, иже сподобишася дѣвство възлюбившеи и послѣдьствовавше Христу и свеселящеся. Но блюдемь, братие, яко елико есть и паче естества исправлениа, потолику и губитель жизни нашеа, диавол, паче всѣхь страстии всѣхъ искушаетъ нас низложити. И елико ихъ есть низложилъ от вѣка, кто изочтеть. Яко аз слышахь от добрѣсвѣдущаго, яко Иоанъ въ Асии,[7] мужа, въ многих лѣтех постившася и дивна в житии толико може препяти змии, яко не токмо отрочну ему быти святой скимы, но и жену привести прелюбодѣйно,

емуже что да будет окааннаа. И сиа убо от диаволя хитрости же и творениа. Мы же, молюся, братие, съхранимъ себе яко зѣницу ока, срамляющеся жениха нашего Христа, не предающе преданное съкровище дѣвства, ни же купно стражемъ с рыбами, еже лыцениемь плоти уду же пожирающеи смерть снѣдают. Уда бо есть сласть скверняще, а не наслажающи, умрьщьвяющи, а не оживляющи, от неяже да избавимся силою Божиею възмогаеми и по семь да явимся чистотни и непретыкаеми. Да же не падемся, да побѣдно от зде преходяаще улучимъ царство небесное о Христѣ Исусѣ о Господѣ нашемь, емуже слава и дръжава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ и нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомъ. Аминь.

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ИЖЕ ВЪ СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТАУСТА, АРХИЕПИСКОПА КОСТЯНТИНЯ ГРАДА, СЛОВО ПОХВАЛНО НА БЛАГОВѢЩЕНИЕ ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА И ПРИСНОДѢВЫ МАРИА

Въсиа намъ днесь праведное солнце, сей прежде въсходящаго естествомъ свѣтъ присносущенъ, и просвѣти всяческаа, прогнавъ тму.[8] Не терплю лучя его, роди бо ся ми паки свѣтъ, и ужасаюся страхомъ. Рожеству радуюся и образ смущаеть мя: *нова* источника источяща зрю и древняго источника смотряю *бѣжаща.* Младо видѣхь раждаемое, и небеса, преклоняющяся на поклонение ему; Матере, раждающаа Съдѣтеля и ложесна не разверзающую; отрочя, свое печятлѣюща Рожество, и родителницу безмужную; Сына, без Отца и Спаса раждающася, и звѣзду сиающю; и пеленами младенца повиваема, носяащаго всяческаа; ясли, образующася престолу небесному, и скоты, прелагающася херувимскому устроению предстоанию; свѣтила, сиающа и чюдо вѣщающа; аггелы радующася, пастыря прорицающа, волхвы богословяща, и ерѣя, Бога хуляща; Ирода низпадающа и смерть разрушаему;[9] Адама разрѣшаема, и ада связуема, и Евву ликующю, и змию плачющюся;[10] плѣнники, въ ослабѣ бывшаа, и мучителя въ муцѣ; младенца, млеко ссуща и питающа питающую, на руку носима и носяща носящюю.[11]

Тѣмже и аз ужасаюся и трепещу, вѣру да иму Гавриилу и прожену страха: глаголы, реченнии к Марии, сказуют чюдеса: «Радуйся, обрадованнаа! Господь с тобою!»[12] Радуйся, прерадованнаа, храме Божий душевный! Радуйся, обрадованнаа, небу и земли обрадованное жилище. Радуйся, благодатнаа, небеснааго класа нежненнаа ниво. Радуйся, благодатнаа, истиннаго винограда неложнаа Мати Дѣво.[13] Радуйся, благодатнаа, непремѣннаго Божества достойное вмѣстилище. Радуйся, благодатнаа, невмѣстимаго естества село пространное. Радуйся, обрадованнаа, облистание темнымъ. Радуйся, обрадованнаа, овдовѣвшему миру невѣстьство нескверное. Радуйся, благодатнаа, исплетшиа нерукотворенаа вѣнца всей твари. Радуйся, благодатнаа, огню божественому жилище. Радуйся, благодатнаа, свѣта хранилище. Радуйся, благодатнаа, погрузившиа в ложеснахъ смерть праматернюю.[14] Радуйся, благодатнаа, убѣгшиа вселенныа неблудное възвращение. Радуйся, благодатнаа, гладомъ мрущему естеству хранителнице неиздаема. Господь с тобою!

Она же о словесѣхь смятеся и, възрѣниа убѣгающи, образом стоаше, крестаобразно живописано чрево, пернатыма ногама стоаше при аггелѣ, ни бѣжати смѣаше, ни дерзающи стоати. Зрящи бесплотнаго, стоаща яко человѣка, пребыти стыдяшеся и, чтущи дѣвьство, въпросити же не смѣяше, трепещющи бесплотнаго. И бѣ страха зерцало Дѣвыа лице. Глаголаше к себѣ: «Каково будеть цѣлование се, или кто есть целовавый мя? Преоблистаетъ бо солнца и съ берниемъ бесѣдуетъ, с небеси слетѣлъ есть и отроковицу целует, не облеченъ есть тѣломъ и женѣ предстоитъ. Яко ногама крилома ходяй по земли, что ищет земныа? Аггелъ ми является и яко человѣкъ вѣщаетъ ко мнѣ, от бесплотных святыхъ и глас ми предлагаетъ. Солнца свѣтлѣйши и добрѣе есть лицемъ, снѣга бѣлѣйшею ризою оболченъ есть. Юношу вижю, плотию не обложена, ходяща по земли и слѣда *не* пишюща, языка не имуща и целование ми глаголюща, устнама не движюща и радость проричюща. Не вѣмъ, что помыслю страшное сие видѣние. Аще посланнаго не разумѣю, како познаю пославшаго; и аще нарицаяй страшенъ, то и како нарекованный страшнѣй; аще сей блистаниемъ своим омрачи ми очи, то кацѣмъ тѣломъ покрыю праведнаго солнца; аще тварь жасить мя, то како претрьплю сътворшаго; аще раба убояхся, то како порожду Владыку?»

Рече же к ней аггелъ: «Не бойся, Марие, не глаголю тебѣ земленаа. Не бойся, Марие, слово бо ти нарековахъ, а не льсти възвѣстихъ. Не бойся, Марие, Богородицю тя наричю, а не глаголю тебе равны къ Богу. Не бойся, Марие, радость ти принесох, а не прелесть ти исходатаихъ. Не бойся, Марие, не поткнешися ты, якоже и Евва. От оноа бо смерть, а от тебе въскресение; от оноа бо плод мертвостный, а от тебе крестъ животворивый; от оноа лесть, а от тебе любовь; от оноа разлучение человѣкомъ от Зиждителя, а от тебе Божиа плоти совокупление сказаемо; от оноа мрачный сонъ адовъ, а от тебе свѣтлый свѣтилникъ всему миру; от оноа клятва, а от тебе благословение; от оноа осуждение, а от тебе отдаание; от оноа скорбь, а от тебе вѣра; от оноа слезы, а ис тебе рѣка воды живы; от оноа потове,[15] а от тебе покой; от оноа тернородна земля, а от тебе троична жизнь; от оноа братоненавидѣние,[16] а от тебе человѣколюбие; от оноа потопъ,[17] а от тебе баня бесмертиа; от оноа убийца,[18] а от тебе мертвымъ въскресение; от оноа 12 колѣнѣ мерзцѣ,[19] а от тебе 12 апостола и по гробѣ любезни;[20] от оноа смерть расходящися по миру, яже от тебе въстание. Не бойся, Марие, обрѣте бо благодать от Бога и се зачнеши въ чревѣ сущаго въ Отцѣ и въ плоти родиши Сына, Адама древнѣйша.[21] Родиши Сына, превышьши именем; родиши Сына, небесъ вышьша; родиши Сына, над херувимы суща;[22] родиши Сына, вѣкомъ съдѣтеля; родиши Сына, събезначялна Отцу; родиши Сына, емуже всяческаа поклоняются; родиши Сына, егоже пою не видя; родиши Сына, егоже не съвѣмъ зрака; родиши Сына, емуже предстою трепетомъ».

Исполнишася дние родити ей. И роди Сына своего первороднаго,[23] егоже не насѣа мужь; роди Сына, егоже не носи отецъ плотянъ; роди класа, егоже не сѣя тѣло; роди Содѣтеля бывша человѣка; роди в пещерѣ, и в Персидѣ явися; роди Сына Отцу сраслена, единосущна и събезначялна, и насъ от работы вражиа свободи, и от клятвы избави, и благословление дарова. Да тѣмъ и мы, братие, яко исходатаицѣ вѣчных

благъ единѣмъ гласом възгласимъ к ней, рекуще: «Радуйся, обрадованнаа; радуйся, Марие господоименитаа, Господь с тобою! Ты днесь Творца всего мира и своего приемши въ свою утробу, на ньже херувими зрѣти не могуть. Радуйся, душевное небо, въ ньже Господь плотию вселися. Радуйся, златое свѣтило свѣта. Радуйся, свѣщниче богозрачный. Радуйся, ручко исполнь манны, Христа, живопитанныа пища.[24] Радуйся, доброто Иаковля, юже избра Богъ,[25] большюю аггелъ сотвори. Радуйся, христианомъ прибѣжище и державо. Радуйся, лѣствице небеснаа, еюже сниде Богъ, и съ человѣки поживе, и на небеса възведе человѣчество.[26] Радуйся, Богородице, сосуде дѣвьства, ковчеже священный, Божественыа славы приателище. Радуйся, солнцезрачънаа, солнца незаходимаго колеснице, солнце възсиавши недоумѣнное. Радуйся, боголюбнаа чюдо, чюдесѣмъ новѣйшее. Радуйся, миро честное, благоухаа всяческаа миру исполнение. Радуйся, предивнаа и препѣтаа владычице, серафимъ преславнѣиши и пребольшиа сущи. Радуйся, свѣтлѣишиа полато царева, яже свѣтъ невечерний възсиавши, яко свѣтоносно небо, истинныи облистающи свѣтъ, и миру конца озаряющи, и мглу мрака грѣховнаго отгонящи. Радуйся, грѣшнымъ прибѣжище и изручнице, миру всему помощнице, и утвержение, и тишино, и пристанище ко спасению. Радуйся, двери спасениа, пламеноноснаа клѣще[27] и клятвѣ разрѣшение, всеблагословенаа падшихъ исправление и въстание, слышание новое и неизреченное глаголание. Радуйся, даре, данный от Бога, преславнаа и богославнаа владычице, скораа заступнице и предстателнице истинною призывающим тя. Радуйся, источниче, из негоже вода жизни истече животныа капля, от негоже жизнь почерпаемъ и душевныа насыщаемся благодати. Радуйся, отверзшиа рожеством твоимъ двери жизни въходу и раа селение намъ ищющимъ подающи богатно. Радуйся, съверъшенное избавление твоимъ вѣрнымъ рабомъ. Радуйся, слава мученикомъ, святителемъ украшение и удобрение. Радуйся, пророкомъ всѣмъ исполнение. Радуйся, нищимъ богатство и сокровище неистощимое. Радуйся, всѣх благихь вина, отроковице преблагаа и всеблагаа. Радуйся, свѣтлый облаче, в тебѣ бо пророчествиа исполнишася вся. Овь бо тя дверь нарече, къ раю зрящу на востокъ, еюже нѣсть никтоже минул, развѣ твоего Творца и всего мира;[28] а другии купину горяащю и не опаляющю,[29] въ тебѣ ся всели Божество огненое и ты не ополѣ; а другии гору святую, от тебе бо ся уторже камень не рукама человѣчьскима, и поваливъ, и съкрушив капище мысленаго Новуходоносора;[30] а другии источникъ запечятлѣнный,[31] породу богонасажденну от вѣчнаго садовиа. И поистиннѣ велико и преславно есть, еже в тебѣ творится, Богородице, таинство. Ты, о Пресвятаа Дѣво, вышьши еси всякоа хвалы. Какова бо та имена хотят быти, имиже тя достойно похвалимъ, иже от тебе плоть приат и родися Богъ. Тебѣ всяко естество небесныхь и земленых честь приносить подобно есть. Ты бо истинный престолъ еси. Ты посредѣ разумныхъ царствий свѣтовнымъ усианиемъ сиаеши, идѣже славится Отець вышний, егоже силу имяаше, силу пресѣняющю. И поклоняются Сыну, егоже ради и славится Духъ святый, иже во утробѣ твоей царьдѣиствова. Тобою, обрадованнаа, Троица святаа, единосущнаа всѣмъ познана бысть. С собою и насъ, убогих, достоины сотвори приати съвершенаго твоего милованиа к намъ, благодѣтия, о Христѣ Исусѣ

Господи нашемъ, с нимже Отцу слава, честь и поклонение и дръжава купно и съ Святымъ Духомъ и нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомъ. Аминь».

---

[1] *Абие пришед Гавриилъ... Господь с тобою».* — Ср. Лк. 1, 26—28.

[2] *Она же отвѣща... осѣнитъ тя».* — Лк. 1, 34—35.

[3] *И рече Мария... по глаголу твоему».* — Лк. 1, 38.

[4] *«Радуйся, благодатнаа, Господь с тобою»?* — Лк. 1. 28.

[5] *«Неоженивыйся печялуется... како угодити мужеви».* — 1 Кор. 7, 32—34.

[6] *«Си ли суть... камо идетъ».* — Откр. 14, 4.

[7] *...Иоанъ въ Асии...* — Вероятно, имеется в виду Иоанн Асийский (ок. 506 — после 585 г.), монофизит, епископ ефесский (примерно с 545 г.), в 543—571 гг. проповедовавший среди язычников Малой Азии, автор «Книги историй о подвигах святых восточных» (на сирийском языке).

[8] *...сей прежде въсходящаго естествомъ свѣтъ, присносущенъ, и просвѣти всяческаа, прогнавъ тму.* — Образ Христа-света имеет библейскую природу: упоминается он и в пророчествах (см.: Исх. 9, 2), но особенно развит в Евангелии от Иоанна (см.: Ин. 1, 4, 7—9; 8, 12; 12, 35—36, 46).

[9] *Младо видѣхъ раждаемое... смерть разрушаему...* — Источником этой картины является евангельский рассказ о рождении Христа и поклонении ему волхвов (Матф. 2, 1—12) и пастухов (Лк. 2, 7—20).

[10] *...Адама разрѣшаема, и ада связуема, и Евву ликующю, и змию плачющюся...* — Имеется в виду, что через рождение Христа и принятие им страданий и мученической смерти происходит освобождение от заклятия, наложенного Господом на человеческий род за согрешение Адама и Евы (см.: Быт. 3, 8—24).

[11] *...на руку носима и носяща носящюю.* — Этот образ нашел свое отражение и в иконографии: младенец Христос на руках у Богоматери и на успенских иконах спеленутая душа Богородицы на руках у Христа.

[12] *«Радуйся, обрадованнаа, Господь с тобою!»* — Ср. Лк. 1, 28.

[13] *...истиннаго винограда неложнаа Мати Дѣво.* — Ср. Ин. 15, 1.

[14] *...смерть праматернюю* — Имеется в виду грех праматери Евы, лишивший род человеческий бессмертия.

[15] *...от оноа потове...* — Налагая заклятие на Адама, Господь произнес: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3. 19).

[16] *...от оноа братоненавидѣние...* — Сын Адама и Евы Каин позавидовал своему брату Авелю и убил его, за что и был проклят Господом (Быт. 4, 1—15).

[17] *...от оноа потопъ...* — См.: Быт. 6, 7.

[18] *...от оноа убийца...* — Каин.

[19] *...от оноа 12 колѣнѣ мерзцѣ...* — Имеется в виду 12 колен Израилевых, см.: Быт. 49, 1—28.

[20] *...от тебе 12 апостола и по гробѣ любезни...* — Успение Богоматери происходило в присутствии апостолов, они сопровождали ее гроб к месту погребения и отдавали ей последние почести (см., например, «Слово на Успение Богоматери», публикуемое в настоящем издании).

[21] *...родиши Сына Адама, древнѣйша.* — Сын «есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» (Кол. 1, 15).

[22] *...родиши Сына, превышьши именем... над херувимы суща...* — Ср. Еф. 1, 21.

[23] *И родит Сына своего первороднаго...* — Матф. 1, 25; Лк. 2, 7.

[24] *Радуйся, ручко, исполнь манны, Христа, живопитанныа пища.* — См.: Ин. 32—35.

[25] *...доброто Иаковля, юже избра Богъ...* — Ср. Исх. 41, 8.

[26] *...лѣствице небеснаа... възведе человѣчество.* — Этот образ имеет своим источником лестницу Иакова, по которой восходили и нисходили ангелы (см.: Быт. 28, 12).

[27] *Клѣща* — предмет богослужебной утвари, лжица, на которой подается причастие.

[28] *Овь бо тя дверь нарече... и всего мира...* — Ср. Пс. 23, 7.

[29] *...купину горяащю и не опаляющю...* — См.: Исх. 3, 2—4.

[30] *...гору святую... мысленаго Новуходоносора...* — Ср. Дан. 2, 45—46.

[31] *...источникъ запечятлѣнный...* — Песн. 4, 12.

ПЕРЕВОД

25 МАРТА

ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В 25 ДЕНЬ ТВОРИМ ВОСПОМИНАНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Господь и Творец всему, всей твари человеколюбец, милостивый Бог наш, всегда пекущийся о роде человеческом, видя создание рук своих, человеческое естество, порабощенным дьяволом, захотел послать единородного Сына своего Господа нашего Иисуса Христа, дабы избавил он нас от вражия порабощения. От всякой твари <земной> утаясь и никому из небесных сил не поведав, одному только архангелу Гавриилу эту славную тайну возвестил он. Послал его с небесных сфер к чистой девице Марии (ибо была она достойна такого блага), от которой родиться изволил в человеческой плоти. И вот пришел Гавриил в город Назарет и сказал ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою». Она же отвечала: «Как это случится со мной, когда я мужа не знаю?» И сказал ей ангел: «Дух Святой снизойдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя». И сказала Мария: «Се раба Господня, да будет ныне мне по глаголу твоему». И вслед за словом архангеловым зачала в чистой утробе своей Сына Слово Божие благоволением Творца всех, осенением сошествия Святого Духа. И так совершила боголепно все тайное, дабы победил <он> мучителя-дьявола, и разрушил прельщение его, и связал <его> нерушимыми узами, как и случилось, ибо все претерпел <он> ради нашего спасения и избавления.

МЕСЯЦА МАРТА 25. СЛОВО НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ О ДЕВСТВЕ 63

Братия и отцы, поскольку Благовещение наступило, о Благовещении дерзаю вам малое слово сказать, указуя, сколь велик обет девства, которому мы сподобились целование принести. Ибо кому говорил Гавриил от <лика> ангельского: «Радуйся, благодатная, Господь с тобою»? Не Святой ли Деве Марии? И от кого вочеловечился сам Бог-Слово? Не от той ли блаженной Девы? Ибо девство дает начало всякой жизни. Ибо девство — это царица добродетелей. Девство — это невеста и заступница Христова. И если хотите, послушайте блаженного Павла, говорящего: «Неженатый печется о Господе, как угодить Господу; а женатый печется о том, что в миру, как угодить жене. И не одно и то же жена и дева: незамужняя печется о том, что Божие, дабы быть святой и духом и телом; замужняя же печется о мирском, как угодить мужу». Видите ли силу слова, как не вводить в печаль, — неженатому заботиться о Господнем. Что касается тех, кто в миру, девству <там> благая участь отведена. Но и в царствии небесном девству первенство отдается, ибо так пишется в Откровении святого Иоанна: «Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы он ни пошел». Дивлюсь почести, которой сподобились возлюбившие девство, и последовавшие Христу, и возрадовавшиеся вместе с ним. Станем блюсти себя, братия, ибо поскольку свыше естества <этот> подвиг, постольку и губитель жизни нашей, дьявол, пуще всех страстей пытается всех нас низложить. И скольких он низложил от века, кто изочтет. Как слышал я от добросведующего, как Иоанн в Асии, мужа, много лет постившегося и дивного в житии, так может обмануть змий, что не только он отрекся от святой схимы, но и с прелюбодейством женщину привел, на окаянную погибель себе. И <все> это — творение дьявола и хитрости его. Мы же,

молюсь я, братия, сохраним себя как зеницу ока, стыдясь жениха нашего Христа, не предавая дарованное <нам> сокровище девства, да не уподобимся рыбам, которые, ублажая плоть, заглатывая уду, смерть <свою> съедают. Ибо уда — это сласть оскверняющая, а не наслаждающая, умерщвляющая, а не оживляющая, от которой да избавимся мы, поддерживаемые силой Божиею, и вслед за тем явимся чисты и безупречны. Да не падем, но от здешней <жизни> победно восходя <к будущей>, достигнем царствия небесного о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА, АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО, СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ

Воссияло нам сегодня праведное солнце, тот свет, что прежде восходивший естеством превосходит, и осветило все, прогнав тьму. Не в силах я выдержать лучей его, ибо вновь родился мне свет, и ужасаюсь страхом. Рождеству радуюсь, и образ смущает меня: и новый источник источающий вижу, и на древний источник бегущий смотрю. Младенца вижу рождаемого и небеса, преклоняющиеся для поклонения ему; Мать, рождающую Творца и чрева не отверзающую; дитя, свое запечатлевающее Рождество, и родительницу безмужнюю; Сына и Спасителя, без отца рождающегося, и звезду сияющую; младенца, пеленами повиваемого, носящего все; ясли, преобразующиеся в престол небесный, и скотов, уподобившихся стройному херувимскому предстоянию; светила, сияющие и возвещающие чудо; ангелов радующихся, пастырей прорицающих, волхвов богословствующих, а иереев, хулящих Бога; Ирода ниспадающего и смерть разрушаемую; Адама освобождаемого, и ад затворяемый, и Еву ликующую, и змею плачущую; пленников на свободе и мучителя в муке; младенца, молоко сосущего и питающего питающую, на руках носимого и носящего носящую.

Потому и я ужасаюсь и трепещу, да поверю Гавриилу и прогоню страх: слова, реченные к Марии, предвещают чудеса: «Радуйся, обрадованная! Господь с тобою!» Радуйся, преобрадованная, душевный храм Божий. Радуйся, обрадованная, небу и земле обрадованное жилище. Радуйся, благодатная, небесного колоса нежатая нива. Радуйся, благодатная, истинного винограда неложная Дева-Мать. Радуйся, благодатная, неизменного Божества достойное вместилище. Радуйся, благодатная, невместимого естества селение пространное. Радуйся, обрадованная, озарением темным. Радуйся, обрадованная, овдовевшему миру невеста неоскверненная. Радуйся, благодатная, свившая нерукотворный венец всей твари. Радуйся, благодатная, огня божественного жилище. Радуйся, благодатная, света хранилище. Радуйся, благодатная, потопившая во чреве смерть праматеринскую. Радуйся, благодатная, отпадшей вселенной неблудное возвращение. Радуйся, благодатная, от голода мрущему естеству хранительница неисчерпаемая. Господь с тобою!

Она же от слов его смутилась и, избегая <его> взгляда, телом же не двигаясь, крестообразно осеняла чрево, на трепетных ногах стояла близ ангела, ни бежать не смея, ни стоять не дерзая. Видя бесплотного, стоящего как человек, стыдилась остаться, почитая девство, спросить же не смела, трепеща бесплотного. А зеркалом страха было лицо Девы. Говорила про себя: «Что это за приветствие, и кто он, приветствующий меня? Ибо блистает он пуще солнца, а с грязью беседует, с небес слетел, а отроковицу приветствует, не облечен плотью, а перед женщиной предстоит. Ходящий крыльями по земле как ногами, что ищет он от земной? Ангелом мне является и как человек говорит со мной, от бесплотных святых речи мне передает. Лицом он солнца светлее и лучше, облечен в ризу снега белее. Юношу вижу, в плоть не облеченного, ходящего по земле — и следа не оставляющего, языка не имеющего — и привет мне произносящего, устами не двигающего — и радость прорицающего. Не ведаю, что подумать о страшном видении этом. Если посланца не понимаю, как познаю пославшего; и если нарицающий страшен, то насколько нареченный страшней; если этот блистанием своим омрачил мне очи, то каким телом прикрою праведное солнце; если творение ужасает меня, то как вытерплю сотворившего; если раба убоялась, то как породить мне Владыку?»

И говорит ей ангел: «Не бойся, Мария, не говорю тебе о земном. Не бойся, Мария, я слово тебе изрек, а не ложь возвестил. Не бойся, Мария, Богородицей я тебя называю, а не говорю, что ты равна Богу. Не бойся, Мария, я радость тебе принес, а не обман тебе испросил. Не бойся, Мария, не споткнешься ты, как Ева. Ибо от той смерть, а от тебя воскресение; ибо от той плод мертвый, а от тебя крест животворящий; от той прельщение, а от тебя любовь; от той отлучение человека от Создателя, а от тебя с Божией плотью мысленное соединение; от той мрачный сон адов, а от тебя светлый светильник всему миру; от той проклятие, а от тебя благословение; от той осуждение, а от тебя прощение; от той скорбь, а от тебя вера; от той слезы, а из тебя река воды живой; от той труд в поте лица, а от тебя успокоение; от той тернии родящая земля, а от тебя жизнь в Троице; от той братоненавидение, а от тебя человеколюбие; от той потоп, а от тебя источник бессмертия; от той убийца, а от тебя мертвым воскресение; от той 12 колен мерзких, а от тебя 12 апостолов, и за гробовой чертой исполненных любовью; от той смерть, расходящаяся по миру, в то время как от тебя восстание <из мертвых>. Не бойся, Мария, ибо обрела ты благодать от Бога и теперь зачнешь во чреве сущего во Отце и родишь во плоти Сына, который Адама древнее. Родишь Сына, именем превысшего; родишь Сына, который выше небес; родишь Сына, сущего над херувимами; родишь Сына, творца времен; родишь Сына, собезначального Отцу; родишь Сына, которому все поклоняется; родишь Сына, которого воспеваю не видя; родишь Сына, вида которого не знаю; родишь Сына, перед которым предстою с трепетом».

Настало время ей родить. И родила Сына своего, первенца, которого не зачал муж; родила Сына, которого не носил отец во плоти; родила колос, который не посеяло тело; родила Творца, сделавшегося человеком; родила в пещере, а он в Персиде явился; родила Сына, единосущного и собезначального Отцу, и нас от порабощения вражия

освободила, и от проклятия избавила, и благословение даровала. Потому и мы, братия, единым гласом возгласим к ней как к исходатайнице вечных благ, говоря: «Радуйся, обрадованная, радуйся, Мария господоименитая, Господь с тобою! Ты теперь Творца всего мира и своего принимаешь в свою утробу, на которого и херувимы взглянуть не могут. Радуйся, душевное небо, в которое Господь плотию вселился. Радуйся, златое светило света. Радуйся, светильник, видевший Бога. Радуйся, сосуд, полный манны, Христа, живоносной пищи. Радуйся, добродетель Иакова, которую избрал Бог, превыше ангелов поставил. Радуйся, христианам прибежище и держава. Радуйся, лестница небесная, по которой сошел <на землю> Бог, и среди людей пожил, и на небеса возвел человечество. Радуйся, Богородица, сосуд девства, ковчег священный, Божественной славы вместилище. Радуйся, солнцеподобная, колесница солнца незаходимого, возжегшая солнце, которое нельзя осмыслить. Радуйся, Богом возлюбленное чудо, среди чудес новейшее. Радуйся, миро честное, благоухающее, совершение всего для мира. Радуйся, предивная и прехвальная владычица, которая славнее и выше серафим. Радуйся, светлейшая палата царева, где воссиял свет невечерний, как светоносное небо, блистающая светом истины, и озаряющая мир во всех концах, и отгоняющая мглу греховного мрака. Радуйся, грешным прибежище и искупительница, всему миру помощница, и утверждение, и тишина, и пристанище ко спасению. Радуйся, дверь спасения, пламеносная клеща и от проклятия освобождение, всеми благословенное исправление и восстание падших, новая весть и неизреченные словеса. Радуйся, дар, данный от Бога, преславная и богославная Владычица, скорая заступница и предстательница за истинно призывающих тебя. Радуйся, источник, из которого истекает вода жизни животворными каплями, из которого мы черпаем жизнь и насыщаемся душевной благодати. Радуйся, рождеством своим (т.е. рождением Христовым) отворившая двери входящей жизни и райские селения нам, ищущим <их>, подающая щедро. Радуйся, совершенное избавление твоим верным рабам. Радуйся, слава мученикам, святителям украшение и благое воздаяние. Радуйся, исполнение <пророчений> всех пророков. Радуйся, нищим богатство и сокровище неистощимое. Радуйся, всего благого причина, отроковица преблагая и всеблагая. Радуйся, светлое облако, ибо в тебе исполнились все пророчества. Ибо один тебя назвал дверью, обращенной к раю на восток, через которую никто не прошел, кроме Творца твоего и всего мира; а другой — купиной, горящей и не опаляющей, в тебя вселилось Божество огненное, а ты не опалена; а другой — святой горой, ибо не руками человеческими был отторгнут от тебя камень, который опрокинул и сокрушил капище мысленного Навуходоносора; а другой — запечатанным источником, садом, богонасажденным вечным садовником. И воистину велико и преславно таинство, которое в тебе происходит, Богородица. Ты, о Пресвятая Дева, превыше всякой похвалы. Какими могут быть имена, которыми тебя по достоинству восхвалим, ежели от тебя воспринял плоть и родился Бог. Всякое естество небесное и земное тебе достойную почесть воздавать должно. Ибо ты истинный престол. Сияешь ты световидным сиянием посреди разумных царств, где славится Отец всевышний, силу которого имеешь, силу осеняющую. И поклоняются Сыну, ради которого славится и Дух Святой, что царедействовал в утробе твоей. Через тебя,

обрадованная, Троица святая, единосущная всеми познана была. Сотвори и нас, убогих, достойными принять совершенную твою милость к нам, благодать, о Христе Иисусе, Господе нашем, с ним и Отцу слава, честь, и поклонение, и держава вкупе со Святым Духом и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми...

Подготовка текста Ю. А. Грибова, перевод Е. Г. Водолазкина, Н. Ф. Дробленковой, Л. С. Шепелевой, комментарии Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

«Слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа» — один из наиболее ярких памятников русской агиографии. Он был создан Епифанием Премудрым вскоре после смерти Стефана Пермского, т. е. после 1396 г. Обычно время создания Слова определяют 1396—1398 гг. или, шире, 90-ми гг. XIV в., однако твердых оснований для такой датировки нет, а потому исследователи не исключают возможности, что памятник создавался в начале XV в. (Г. М. Прохоров). Как следует из текста Слова, Епифаний был хорошо лично знаком со Стефаном, а возможно, жил одновременно с ним в монастыре Григория Богослова в Ростове, так называемом «Затворе». Узнав о смерти Стефана Пермского, Епифаний стал всюду собирать сведения о нем, значительно расширив их собственными воспоминаниями, а затем приступил к созданию жития.

Житие Стефана Пермского, просветителя коми-зырян и первого пермского епископа, являет собой один из самых высоких образцов панегирического, экспрессивно-эмоционального стиля или стиля «плетения словес», как определил свою художественную манеру сам Епифаний. Имея целью прославить и возвеличить деяния святого подвижника, уподобившегося в своем апостольском служении великим христианским миссионерам, Епифаний прибегает к особым литературным и языковым приемам: повествование насыщено многочисленными, нанизывающимися одно на другое сравнениями, длинными рядами метафор, амплификациями (нагнетанием однородных частей речи или языковых средств: определений, синонимов, противопоставлений и т. п.). Созданные таким образом орнаментальность, торжественность и изощренность стиля были призваны отразить особую, неземную, сущность святого и величие его подвига. Житие состоит из введения, основной части и завершения, причем основная часть разделена на 17 глав, каждая из которых особо озаглавлена. Особый интерес представляют собой 4 заключительных главки («Плачь пермъских людей», «Плачь церкви Пермъскиа, егда обвдовѣ и плакася по епископѣ си», «Молитва за церковь» и «Плачеве и похвала инока списающа»), в которых соединены три стилистических

пласта: традиционный для агиографии панегирический стиль, а также фольклорный и летописный.

Текст «Слова о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа» содержит более 300 цитат из Священного Писания, причем почти половина из них — из Псалтири. Получивший за свою начитанность прозвище «Премудрый», Епифаний, по-видимому, цитировал по памяти: некоторые цитаты неточны, в них в соответствии с контекстом изменяются грамматические формы (отмечено Ф. Вигзелл), причем цитаты часто нанизываются одна на другую, образуя таким образом целые «венки цитат» на определенную тему. Интересно, что библейскими цитатами у Епифания изобилует не только речь Стефана, новообращенных пермян или авторская, но и речь персонажей-язычников. Многократные повторы, разделение текста на периоды, созвучие окончаний и другие подобные приемы часто создают у Епифания фрагменты ритмизованной прозы, приближенные по звучанию к стихотворной речи.

«Слово о житии и учении...» замечательно не только своей художественностью, оно представляет исключительный интерес и как ценнейший исторический источник. В нем содержатся сведения не только о жизни Стефана Пермского, но и Епифания Премудрого, а также важнейшие исторические, экономические, этнографические сведения о Пермской земле и народах, ее населявших во второй половине XIV в. Кроме того, Епифаний включил в свое повествование самые разные экскурсы — об истории развития письма, о месяце марте как начале календарного года и др., используя при этом тексты «Сказания о письменех» Черноризца Храбра, «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба» Нестора и др. Особое внимание Епифаний уделил рассказу о создании Стефаном пермской азбуки — недаром житие озаглавлено «Слово о житии и учении святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа».

Известно более 50 списков Жития Стефана Пермского (самый ранний XV в.), причем более половины из них содержат различные сокращенные (в том числе проложные) варианты текста (Г. М. Прохоров). В XVI в. митрополит Макарий целиком включил текст Жития в Великие Минеи Четьи под 26 апреля.

Текст «Слова о житии и учении Святаго отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа» публикуется с сокращениями по единственному сохранившемуся апрельскому тому *ВМЧ* (Успенский список) — *ГИМ,* Синод. собр., № 993, лл. 370—409 об. Исправления сделаны по рукописи *ГИМ,* Синод. собр., № 420, сборник, середины XVI в.; Чудовское собр., № 313, Минея Четья на апрель, конца XVI в.; Уваровское собр., № 485—1, Минея Четья на апрель, 20-х гг. XVII в.

ОРИГИНАЛ

26 АПРЕЛЯ

МЕСЯЦА АПРѢЛЯ 26 ДЕНЬ. ПРЕПОДОБНАГО ВО СВЯЩЕННОИНОКИХ ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИА СЧИНЕНО БЫСТЬ СЛОВО О ЖИТИИ И УЧЕНИИ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, БЫВШАГО В ПЕРМИ ЕПИСКОПА[1]

Благослови, отче!

Иже преподобных мужей житие добро есть слышати или и преписати памяти ради: обаче от сего приносити успѣх не худ и ползу не малу послушателем и сказателем, свѣдущи извѣсто. Видѣние бо есть вѣрнииши слышаниа, увѣрити же многажды и слух слышащих, аще воистину будуть глаголемая. Аще ли не написана будуть памяти ради, то изыдет из памяти и в преходящая лѣта и преминующим родом удобь сиа забвена будеть. Да аще бес писаниа забываема бывают, то не полезно есть еже в забытии положити житие его и аки глубинъ млъчанию предати толику ползу. Пишет же и великий Василей[2] в поучении своем, глаголя: «Буди ревнитель право живущимъ, и сих имена и житиа и делеса написати на своем сердци».[3] Елма же азъ не достигох в ту мѣру и не приидох в сие прясло, еже невидимо на разумных скрыжалѣх сердечных писати, но на чювьственых хартиахъ изволих писати.

Сего ради и азъ, худый и недостойный, убогий инокъ, желанием обдержим есмъ и любовию подвизаем, хотѣл бых написати мало нѣчто, яко от многа мало, на воспоминание купно же и памяти ради от добрых и чюдных житий преподобнаго отца нашего Стефана, бывшаго епископа иже в Перми. О немже слово изначала приходит еже от рожениа его и издѣтска; и во уности и во иночествѣ и во священничествѣ, и во святительствѣ даже и до самого преставлениа его, еже добродѣаниа его, еже и похвала, и елико подобная сим. Сиа же убо снисках и, здѣ и ондѣ собравъ, предположих яже о житии его: ова слухом услышах, ова же от ученикъ его увѣдах яже о учительствѣ, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видѣх, иное же и с самѣм бесѣдовах многажды и от того навыкох; и прочая — елико вопрашах от старых мужь, якоже рече Святое Писание: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебѣ, и старцы твои рекуть тебѣ».[4] Но молю вы ся, боголюбцы, дадите ми простыню и молитвуйте о мнѣ, аз бо есмъ умом грубъ и словом невѣжа, худъ имѣя разумъ и промыслъ вредоуменъ, не бывшу ми во Афинѣх от уности, и не научихся у философовъ их[5] ни плетениа риторска, ни вѣтийских глаголъ, ни Платоновых, ни Аристотелевых бесѣд не стяжах, ни философия, ни хитрорѣчия не навыкох, и спроста, отинуд всь недоумѣниа наполнихся. Но надѣюся на Бога всемилостиваго и всемогущаго, «от негоже вся возможна суть»,[6] иже дает нам милость свою обилно своею благодатию, и молюся ему, преже прося у него слова потребна, «аще дасть ми слово надобно во отверзение устъ моих».[7] Якоже древле Исаиа пророкъ рече: «Господь даст ми языкъ сказаниа, вѣда, внегда подобает ми рещи слово».[8] Такоже и Давыдъ пророкъ рече: «Господь дастъ глаголъ».[9] Сего ради прекланяю колѣни мои ко Отцу Господа нашего Исуса Христа, «от негоже всяко дание благо, и всякъ даръ свершенъ, свыше есть сходя»,[10] и превѣчному руцѣ простираю безначалному Сыну Божию и Слову, иский织 дародавца, призываю Господа нашего Исуса Христа, «от негоже и

имже вся быша»,[11] «и вся тѣм быша, без негоже не бысть ничтоже, еже бысть».[12] Тъй бо рече: «Не можете без мене творити ничтоже», [13] «просите, и дасться вам».[14] Прошу же, да ми подасть благодать и даръ Святаго Духа.[15] Тѣм воздыхании неглаголеными молю Пресвятаго Духа, от негоже всякъ живот въдыхается, о немже «всяческая живут и движутся»,[16] от негоже точатся всяка премудрость, от негоже точатся благодатныя воды.[17] Иже и Иоилем пророком реченое: «Излию от Духа моего на всяку плоть»,[18] и другий пророкъ рече: «Отверзи уста своя, и исполню а».[19] Тѣмже «отврьзу уста моя, и наплънятся Духом, и слово отригну»[20] и глаголю азъ: «Господи, устнѣ мои отвръзеши, и уста моя возвестять хвалу твою»,[21] «да исполнятся уста моя похвалы, яко да восхвалю славу твою»[22] «и приложу на всяку похвалу твою».[23] Да яко вѣрую въ Бога Отца, тако славлю и чту Сына Христа, единако благодарю и поклоняюся Святому Духу и молюся Святѣй Троицы единосущнѣй и нераздѣлимѣй.

Прошу дара, да ми пошлет благодать свою в помощъ мою, да ми подасть слово твердо, разумно и пространно, да ми воздвигнет умъ мой, отягченый унынием и дебельством плотным, да ми очистит сердце мое, отрупленое многими струпы душевных вредовъ и телесных страстей, яко да бых возмоглъ поне мало нѣчто написати и похваляти добляго Стефана, проповѣдика вѣре и учителя Перми и апостолом наслѣдника, [24] да аще Господь подасть. Может бо, аще хощет, могий свѣт слепым даровати и немым — проглаголати, и бесплодным — плод и бесловесным — слово и безгласным — глас. И се яве есть от него, обретаю бо в Ветсѣм Писании, иже при Моисеи древле пророцѣ, «ис камени несѣкомаго»,[25] ис кременнаго, воды потекоша,[26] и не худо, яко и потоцы наводнишася; и ис суха жезла плод процвѣте;[27] и при Валацѣ цари бывшаго влъхва Валама древле под нимже осля бесловесное проглагола человеческим гласом;[28] и ис пламени росу источи, еже есть чрезъ естество. «Возвеличиша бо ся дѣла Господня»[29] всегда, тако и нынѣ «да удивит Господь милость свою»[30] с нищетою моею и да утвердит уничижение мое — «и аз уничиженъ и не разумѣх; яко скот бых».[31] Щажу же ся и бою, еда како кто на мя вознепщуетъ и вознегодует, яко зазоры ми в коемъждо слове предлагая. Но азъ, грѣшный, съ смиреномудриемъ припадаю и со умилениемъ мало нѣчто събесѣдую к почитающим и к слышащим, купно же и молитвуя и простыню прося, цы будет ми нѣгдѣ положилася рѣчь зазорна или неустроена или неухищрена. Молю вы о сем, не зазрите ми грубости и не будите ми зазиратели. Не бо от мудрости, но от грубости, якоже и выше речеся, убѣдихся. Нѣсмъ бо доволенъ или досуженъ на се; азъ, неключимый рабъ, простроx недостойную свою руку, убѣдих свое зло сѣтное невѣдание, дрързнухъ подробну писати. Аще Богу помагающу, и молитвам епископлям споспѣшествующим, начнем основу слову и зачало глаголемых.

Зачало о житии его

Сий преподобный отецъ нашъ Стефан бѣ убо родом русинъ, от языка словеньска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиньскиа, от града, нарицаемаго Устьюга, от родителю нарочиту:[32] сынъ нѣкоего христолюбца, мужа вѣрна, христиана, именем Симеона, единого от

клирикъ великия соборныа церкве Святыя Богородица, иже на Устьюзе,[33] и от матере, такоже кристианы, нарицаемыя Мариа. И еще дѣтищем сый измлада вдан бысть грамотѣ учити, юже въскорѣ извыче всю грамоту, яко до года *и* конархати ему, таче и чтецъ бысть въ соборнѣй церкви. Бѣ убо превзиде паче многих сверьстникъ в родѣ своем, добропамятством и скоровычениемъ преуспѣвая и остроумиемъ же и быстростию смысла превосходя. И бысть отрокъ доброразумиченъ зило, успеваше же разумом душевным, и верстою телеси, и благодатию. К дѣтем играющим не приставаше, иже в пустошь текущим и всуе тружающимся и тщетная гонящим не внимаше, ни водворяшесе с ними, но от всѣх дѣтских обычаевъ и нравъ и игръ отвращашеся, но точию на славословие упражняяся, и грамотѣ прилежаше, и книгам всяким вычению вдася. Ти тако Божиим дарованиемъ вмалѣ много извыкнувшу ему естественою остротою ума своего, научи же ся во градѣ Устьюзе всей грамотичней хитрости и книжнѣй силе.

Возрастьшу ему въ девьстве и в чистотѣ, и в целомудрии и многи книги почитавшу Ветхаго и Новаго Завѣта, и оттуду расмотрив житие свѣта сего маловременное и скороминующее и мимоходящее, аки рѣчная быстрина или аки «травный цвѣт»,[34] апостолу глаголющу: «Мимоидет слава мира сего, аки травный цвѣт, и усше трава, и цвѣт еа отпаде, глаголъ же Господень пребывает во веки»;[35] и другому апостолу глаголющу: «Не любите мира, ни яже в мирѣ суть»;[36] и третьему апостолу глаголющу: «Всѣм нам явитися подобает пред судищем Христовым»;[37] и еже во святых Еваггелиих Господу глаголющу: «Иже кто оставит отца и матерь, жену и дѣти, братию и сестры, домы и имѣниа имени моего ради, сторицею приимет и жизнь вѣчную наследит»;[38] и паки: «Аще кто не отвръжется сих всѣх предреченных, не может мой ученикъ быти»;[39] и прочая ина многа таковая, и подобна сим, яже во Святем Писании лежащая, о сем глаголящая, — сему приде Божиа любы, еже оставити отечество и вся сущая имѣниа. И просто рещи, всѣми добродѣянии украшенъ бѣ отрокъ той; поспѣвая возрастом въ страх Божий и страхом Божиим умилився. И еще млад ся буда, въ уности отрокъ сьи врьстою, пострижеся в чернцы во градѣ в Ростове, у святаго Григориа Богослова въ манастыри, нарицаемѣм в Затворѣ,[40] близъ епископьи, яко книги многи бяху ту, доволны суща ему на потребу почитаниа ради, при епископѣ ростовъстем Парфении.[41]

От руку же острижеся нѣкоего старца, прозвитера[42] суща, саном священника, именем Максима, игумена, прозвищо Калина. От того облечеся въ мнишеский чинъ и добрѣ потружався во иноческом житии, и много подвизався на добродѣтель: постом и молитвою, чистотою и смирением, воздержанием, трьпѣнием и беззлобиемъ, послушанием же и любовию, паче же всѣх — вниманием Божественых Писаний. Иже много и часто почитавъ святыя книги и оттуду всяку добродѣтель приобрѣтая и плоды спасныя приплодивъ, «и в Законѣ Господни поучаяся день и нощъ, и бысть, яко древо плодовито, насажено при исходищих водъ»[43] и часто напаяемо разумом Божественых Писаний, и оттуду прорастая грезнъ добродѣтели и процветая виды благословениа, тѣм и «плод свой дастъ во время своя».[44] Кыя же плоды? Плоды духовныя, иже Павелъ апостолъ ищитает, глаголя:

«Братие, плод духовный есть: любы, радость, миръ длъготрьпѣние, вѣра, кротость, воздержание»[45] и прочая. Сице и сий трудолюбивый съподвизалецъ разгбением Божественыхъ Писаний, разсужая желанием любомудрия и целомудриа, добрѣ извыкъ святыя книги и велми прилежанием в них поучаяся, всѣм сердцем «взыскуя Бога»[46] и его свидѣнии, — сего ради и многъ разум от Бога подасться ему въ Божественем Писании. (...)

Прилѣжно же имяше обычей почитати почитание книжное, и не бѣдно учениа ради умедливая въ учении, но да дондеже до конца по истине разумѣет о коемждо стисѣ словеса, о чем глаголет, ти тако протолковаше. Съ молитвою бо и молением разума сподобляшеся, и, аще видяше мужа мудра и книжна и старца разумична и духовна, то ему совопросникъ и събесѣдникъ бѣяше и с ним соводворяшеся и обнощеваше и утреневаше, распытая ищемых скоропытнѣ. Притча разумна не гоньзняше от него, и толкование неудобъ вѣдомое взискаемо бѣ и увѣдаемо от него, и всяку повѣсть божественую восхотяше слышати. Словес же и рѣчей, и поучений, и повѣстий старческих не отступаше, житиа же святых отецъ, подража, всегда почиташе, яко от того болшему разуму навыкаше. С разумными же гадание его бываше, и с премудрыми размышление его, и вся бесѣды его «в законѣ Господни»[47] бываху, якоже апостолъ Павелъ к Тимофѣю посылаше, глаголя: «Чадо Тимофѣе, внимай чтению и учению, и утѣшению»,[48] «вѣды, от кого ся еси научилъ, яко святыя книги измлада умѣеши, могущая тя умудрити о Христѣ Исусѣ».[49]

Сице убо ему иночествующу, тѣмже доброму яже о Христѣ житию его дивляхуся мнози, не точию иноцы, но простая чадь, подвизаше бо ся день от дне, яко земля доброплодна, разумныя бразды прогоняя и многоразличныя плоды благоизволениа принося Богу. Преже бо всѣх вхожаше въ церковь на молитву и после всѣх излазяше, слуха же своя умно прикланяше о чистых повѣстех и учителных словесъ и сими просвещашеся убо на болшее мудролюбие и на болшее вѣдание возводим. Не празденъ же присно пребывая, но дѣлаше рукама своима всегда трудолюбнѣ, и святыя книги писаше хитрѣ[50] и гораздѣ, и борзо. И послушествуют книги его многиа яже и до сего дни, яже и своима рукама написалъ, трудолюбно счинивъ, яже суть трудове его. Такоже ему правиму добрѣ, благодатьми имяше управленъ образъ дѣлъ его.

И тако за многую его добродѣтель поставленъ бысть в диаконы от Арсениа князя и епископа ростовъскаго.[51] Тачe по сем, по преставлении Алексиа митрополита,[52] повелѣнием намѣстника своего, именем Михаила, нарицаемаго Митяя,[53] поставленъ бысть въ прозвитеры от Герасима, епископа коломеньскаго.[54] И изучися сам языку пермьскому,[55] и грамоту нову пермьскую сложи,[56] и азбуки незнаемы счини, по предложению перьмьскаго языка, якоже есть требѣ, и книги рускиа на перьмьский языкъ преведе и преложи, и преписа. Желая же болшаго разума, яко образом любомудриа изучися и греческой грамотѣ,[57] и книги греческиа извыче, и добрѣ почиташе я, и присно имѣяше я у себе. И бяше умѣа глаголати треми языки. Такоже и грамоты три умѣяше, яже есть рускии, греческии, пермьскии,

яко збытися о сем словеси оному, глаголющу, иже речеся, яко: «Языки возглаголют новы»,[58] и паки: «И нѣми языки глаголати устрои».[59] И добрѣ обдержаше и помыслъ, еже ити въ Перьмьскую землю[60] и учити а. Того бо ради и языкъ пермьский покушашеся изучити. И того дѣля и грамоту пермьскую сотвори, понеже зило желаше и велми хотяше еже шествовати въ Перми и учити люди некрещеныя, и обращати невѣрныя человѣки и приводити а ко Христу Богу, въ вѣру кристианьскую. Не токмо же помысли, но и дѣлом сотвори. И сице же ему умысливъшу, еже издавна то у него съдумано бяше.

Слышалъ бяше преподобный сей о Перьмьской земли, яко идолослужители в ней суть, яко дѣйство диавольское царюет в ней, бяху бо в Перми человѣцы всегда жруще глухим кумиром и бесом моляхуся, волшвением одержими суще, вѣрующе въ бесование и в чарование, и в кудесы. И о сем зило сжали си рабъ Божий и велми печаловаше о их прелщении и разгарашеся духом, понеже человѣцы Богом сотворени, Богом почтени суще, но врагу поработишася. И о сем скорбяще не худѣ, како бы их исхитилъ из руки вражиа.

Должно же есть взисковати и распытовати, и извѣсто увѣдати о Пермьской земли: гдѣ есть и въ киих мѣстех отстоит и промежи киими предѣлы повѣдается, и которыи реки обиходят ю и проходят сквозѣ ню, и которыи языцы объсѣдят ю, съживущии в сусѣдех около ея.

А се имена мѣстом и странам, и землям, и иноязычником, живущим въкругъоколо Перми: двиняне, устьюжане, вилежане, вычежане, пѣнежане, южане, сырьяне, галичане, вятчане, лопь, корѣла, югра, печера, гогуличи, самоѣдъ, пертасы, пермь великая, глаголемая чюсовая.[61] Река же едина, ейже имя Вымь, си, обиходящиа всю землю Пермьскую, и вниде въ Вычегду. Река же другая, именем Вычегда, си, исходящиа из земля Пермьскиа и шествующи къ сѣвернѣй странѣ, и своим устьем вниде въ Двину, ниже града Устьюга за 40 поприщъ.[62] Река же третьая, нарицаема Вятка, яже течет съ другую страну Перми и вниде в Каму. Река же четвертая, си есть именем Кама. Си убо обиходящиа и проходящиа всю землю Пермьскую, сквозѣ ню, по ней же мнози языцы седят. Си убо, грядущиа, устремление имяше прямо, яко ко угу, и своим устьем вниде въ Волгу, близъ града, нарицаемаго Болгаръ.[63] Не знаемо же како из единоа страны истекосте двѣ рѣцѣ — Вычегда и Кама, овы убо воды грядяху на полънощи, овы же на полъдни. Всякому же хотящему шествовати в Пермскую землю, удобезненъ путь есть от града от Устюга рекою Вычегдою въверхъ, дондеже внидет в самую Пермъ. Но остану о сем много глаголати, да не постигнет мя нѣкая повѣсть о сих.

Но мы на предлежащее слово возвратимся о Перьмстѣй земли, о нейже рѣх нынѣ и начах глаголати, котории языцы живуть около еа, иже в полунощнѣй странѣ предлежащи, мню же, яко в частех Хамовых.[64] Си убо земля Пермьская осталася в первой прельсти идольстѣй, не просвещена сущи святым крещением, не научена сущи вѣре христианьстѣй. Ни от когоже бо бяху слышали слова, да бы им кто проповѣдалъ Господа нашего Исуса Христа. Не бяху бо ни апостоли заходили к ним, или учители, или проповѣдатели, и никтоже им

благовѣстилъ слова Божиа. Но речет нѣкто: «Како же не заходили суть апостоли в Пермъскую землю?» А се пророкъ *Давыдъ* рече: «Во всю землю изидоша вѣщаниа их, и в конца вселенныя глаголи их».[65] Азъ же реку, не якоже обленишася апостоли или небрегоша о проповѣди, но и зило трудишася кождо их и до послѣдняго издыханиа своего, «скончаста течение свое»[66] не престаша, въ всѣх языцѣх проповѣдающе Христа. От нихже единъ Павелъ апостолъ 14 языкъ научи. Тако же и друзии апостоли, ученицы Господни, аще и в Перми не были суть, но по иным по многим землям ходили суть и во мнозѣх странахъ проповѣдаша слово Божие, и мнози языцы научени и крещени быша от них. Понеже не единъ пермьский языкъ есть на земли, в поднебеснѣй, *но* мнози языцы суть, кромѣ Перми, по всей вселеннѣй, ихже крестиша апостоли. Аще и в Перми не успѣша быти, но по иным по мнозѣм странам проповѣдаша слово Божие и по многим землям благовѣстоваша святое Еваггелие Христово, и во мнозѣх языцѣх ихъ проповѣдью вѣра христианьская провосиа. (…) Но егда сам небесный владыка Господь Богъ нашъ своею благодатию восхотѣ призрѣти на свою си тварь, не дасть им до конца погибнути въ прельсти идольстѣй, но по мнозѣх лѣтех милосердова о своем си создании, восхотѣ их спасти[67] и привести и присвоити къ своей благодати, хотя в послѣдняя лѣта, якоже въ 11 годину,[68] яко сам глаголаше въ святем Еваггелии, притчю рекий:[69] «Подобно есть Царство Небесное человѣку домовиту, иже изиде рано, изо утра, наимовати дѣлателя въ виноград свой и смолви с ними по сребренику на день. И ишед въ 3 часъ, видѣ другиа стояща праздны и тѣм рече: „Идѣте и вы въ виноград мой и, шедше, дѣлайте, и еже будет въ правду, дам вам". Они же идоша. Паки же въ шестую и девятую годину сотвори тако же. Во едину же на десять годину обрѣте другиа стояща праздны и рече им: „Что сдѣ стоите вес день праздны, пермяне, никтоже ли вас не наялъ?" Они же отвещавше, глаголаша ему, яко: „Никтоже нас не нанял"»,[70] рекше: «Никтоже нас не научилъ вѣре кристианьстѣй, никтоже насъ не просветилъ святым крещением, никтоже ввелъ в разумный виноград», рекше в Законъ Господень. «Како бо можем спастися, аще никтоже не научит нас?» Якоже Филипъ апостолъ рече к каженику: «Разумѣеши ли, что чтеши?» Онъ же отвеща: «Како могу, — рече, — разумѣти, аще никтоже не научит мене?»[71] И Павелъ апостолъ рече: «Како ли могуть вѣровати без проповѣдающаго?»[72] Но что рече господинъ винограда? — «Что стоите весь день праздны?»[73] Праздны славословиа Божественаго и от Законныя работы. «Что стоите весь день праздны?» Да аще праздны есть, то послушайте *псалма,* глаголюща: «Упразднитеся и разумѣйте, яко азъ есмъ Богъ».[74] И паки рече: «Вѣдите, вѣдите, яко азъ есмъ Богъ вашь».[75]

«Что стоите весь дань праздны?» Что не вѣруете Богу истинному, иже сотворилъ небо и землю? Что не служите «Богу живу»?[76] Тѣмже не служйте идолом и не работайте диаволу, но «работайте Господеви со страхом и радуйтеся с трепетом. Приимѣте наказание Господне, да когда прогнѣвается Господь, и погибнете от пути праведнаго, егда въскорѣ возгорится ярость его. Блажени вси надѣющиися на нь».[77] «Что стоите праздны»,[78] а не приимете ига работнаго и ярма Законнаго? Но «возмите ярем мой на ся и научитеся от мене, яко кротокъ есмъ и смиренъ сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго

бо мое благое есть, и бремя мое легко есть».[79] «Что стоите весь день праздны?» По истине бо «весь день», рекше, вся дни живота своего и вся лѣта своя стояша в невѣрьствии пермяне, во идолослужении. Не бѣ бо никтоже приходилъ к ним, иже бы им благовестилъ слово Божие. Но егда благоволи Спасъ нашъ, якоже и преже рекохом, в послѣдняя дни, въ скончание лѣт, во остаточная времена, на исход числа седмыя тысяща лѣт,[80] милосердова о них Господь нашъ, не дасть им погибнути въ прельсти идольстѣй, но воздвиже Богъ угодника своего Стефана в та времена и устрои его быти проповѣдника и служителя слову истинному, и строителя тайнам его, и учителя Перми. Яко древле во Израили Веселѣила,[81] наполни его мудрости и разума, и хитрости. Ею же наполнився и теплотою вѣры Христовы ражжегся и многим желаниемъ, восхотѣ ити в Пермьскую землю и учити а православнѣй вѣре кристианьстѣй.

И сице же ему умысливъшу, приде ко прежереченному владыцѣ Герасиму, епископу коломеньскому, намѣстнику на Москвѣ сущу ему, старцу многолѣтну и добролѣпну, иже бѣ святил его на поставление прозвитерьства, благословитися от него хотя, да его благословит на благий онъ путь и на правоумышленое шествие и на доброе исповѣдание. Бяше бо в ты дни на Москвѣ не сущу никомуже митрополиту:[82] Алексию убо ко Господу отшедшу, а другому не у пришедшу. Тѣмже подобно бѣ ему с подобным доброчестием потребовати благословениа и молитвъ, и грамот, и отпущениа от старѣишинъ святителескъ. Во единъ же от дний вшед к нему, рече ему: «О, епископе, отче, господине, благослови мя, владыко, да иду в поганьскую землю, глаголемую Пермъ, въ языки заблужшая, в люди невѣрныя, въ человѣки некрещеныя. Хощу учити а и крестити а, аще Богу поспѣшествующу ми и помагающу, и съдѣиствующу, и твоим молитвам споспѣшествующам ми. Да или научю я, и обращу я и приведу я ко Христу Богу, или и сам главу свою положу за Христа и за вѣру, и за доброе исповѣдание, якоже рече апостолъ: „Дарова бо ся нам не токмо во нь вѣровати, но и за нь страдати".[83] „Тѣмже терпѣнием течем на предлежащий нам подвигъ, взирающе къ началнику вѣрѣ и свершителю Исусу".[84] Того ради „нынѣ отпусти мя, раба своего, владыко, по благословению твоему с миром"[85] и молитву сотвори о мнѣ, да благовѣстую въ странах,[86] и Богъ мира[87] „да управит путь мой",[88] „да исправит стопы моя"[89] и „направит ноги наша на путь миренъ",[90] вам бо дана бысть благодать молитися за ны». Преподобный же старецъ епископъ Герасим, боголюбивый же святитель, сиа видя и слыша, воздивися зило и чюдися велми. Видя его благочестивъное предложение и доброе дръзновение, и много побесѣдовавъ с ним о душеполезных, и отпустити его хотя, поим его, веде по святую церковь и, сотворивъ молитву и знаменавъ его честным крестом воздвизалным,[91] благослови его, отпущая его, и рече: «Чадо Стефане, иже о святем Дусѣ сынъ нашего смирениа, сослужебниче нашъ и съпрозвитере! Поиди, чадо, с миром и съ Божиею помощию, и благодатию. Господь да благословит тя и да тя спасет и сохранит». (...)

Взем съ собою от мощей святых и антимисы[92] и прочая потребная, яже суть надобна на освящение церкви, и святое миро,[93] и священное масло и ина таковая подобоключимая, и тако поиде, дрьзновением

многим устремися к шествию прежереченнаго образа и утверди лице свое в землю Пермьскую,[94] яко бѣ лице его, грядый къ прежереченнѣй земли, «къ земли забовнѣй»,[95] «непроходнѣй и *безводнѣй,* к земли пустѣй»,[96] гладом одержимѣй. Глад же глаголю не глад хлѣбный, но глад еже не слышати слова Божиа, еже и Давыдъ веща: «Во дни гладу насытятся».[97] Поиде в землю, идѣже не ходиша ногама си святии апостоли, ученицы Господни. (...)

Исперва убо сий Стефанъ много «зла пострада»[98] от невѣрных пермянъ, от некрещеных: озлобление, роптание, хухнание, хуление, укорение, уничижение, досажение, поношение и пакость. Овогда убо прещение: смертию прещаху ему, овогда же убити его хотяху, иногда же оступиша его обаполы, въкругъ — около его, со ослопы и с великими уразы, смерть ему нанести хотяще; иногда же паки собрашася на нь множество крамолующих и снесоша множество бременъ сухиа соломы и, огню принесену бывшу, и соломѣ въкругъ — около его обнесенѣ бывши, восхотѣша хотѣнием сотворити запаление рабу Божию, и сим умыслиша огнем немилостивно въ смерть въгнати его. И вънегда еще сему твориму, Божий же рабъ, видя предлежащую смерть и прозря Давыдово слово, глаголящее: «Вси языцы, обшедше, обыдоша мя, яко бчелы сот, и разгорѣшася, яко огнь в тернии; именем Господним противляхся им».[99] «Десница Господня сотвори силу! Не умру, но живъ буду и сповѣм дѣла Господня. Показая, наказа мя Господь и смерти не предастъ мене. Отврьзете мнѣ врата правды, и, вшед в ня, исповѣмся Господѣви».[100] «Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся: что сотворит мнѣ человѣкъ?»[101] «Не убоюся от тем людий, нападающих на мя окрестъ и враждующих мнѣ всуе».[102] «Елма же в печали моей призвах Господа, и услыша мя въ пространьствѣ».[103] В печали же таковѣй, яко в тузѣ огненѣй и аки посреди нестерпимаго пламени стоя, Бога призывая, глаголя: «Ускори, щедрый, и потщися, яко милостивъ, на помощъ мою, яко можеши, хотяй. „Боже, в помощъ мою вонми. Господи, на помощь мою потщися".[104] „Господи, что ся умножиша стужающии мнѣ? Мнози восташа на мя",[105] „мнози борющеся со мною".[106] „Зубы их — оружие и стрѣлы, языкъ их — мечь остръ".[107] „Сѣть уготоваша ногама моима. Смириша душу мою. Ископаша пред лицем моим яму".[108] „Помыслиша запяти стопы моя: скрыша сѣть мнѣ, ужи, препяша сѣть ногама моима, при стези соблазнъ положиша мнѣ".[109] Весь день словеса моя мерзяхуть им. „Весь день словес моих гнушахуся".[110] „Весь день оплъчахуся брани".[111] „Весь день боряся, стужи ми".[112] „Весь день, сѣтуя, хождахъ".[113] „Господи, пред тобою все желание мое!"[114] Желание же мое се есть — еже обратити языкъ сей пермьский от прелести идольскиа, понеже „углебоша языцы в пагубѣ, юже сотвориша; в сѣти сей, юже скрыша, увязе нога их".[115] „В дѣлех руку своею увязе грѣшникъ".[116] Дѣлом руку своею поклонишася, кумиром, „ни увѣдѣша, ни разумѣша, во тмѣ ходяще".[117] Но „да помянутся и обратяться къ Господу вси концы земля, и да поклонятся пред ним вся отечьствиа языкъ, яко Господне есть царьствие, и тъй обладает языки".[118] „Вси бо языцы, елико сотворил еси, Господи, придуть и поклонятся предтобою, Господи, и прославят имя твое"[119] въ вѣкъ, и „жива будут сердца их в вѣкъ вѣка".[120] „Ты же, Господи, заступникъ мой еси, слава моя, превознося главу мою",[121] „яко ты еси прибѣжище убогим, помощникъ въ благо время в

печалѣх. Да уповают на тя знающии имя твое, яко нѣси оставилъ взискающих тебе, Господи"[122] и „не забы звания убогих. Помилуй мя, Господи, виждь смирение мое от врагъ моих, возноси мя от врат смертных, яко да возвещу вся хвалы твоя"[123] во странѣ сей и «в людех тяжцѣх восхвалю тя»[124] и в людех пермьских прославлю тя. Да явлю имя твое человѣком сим, „да бы тя познали, истиннаго Бога".[125] И ты убо, Господи, человѣколюбче, всемогай, виждь немощь мою, посли помощъ свою в помощъ мою. „Помози ми, Господи, Боже мой, и спаси мя милости твоея ради".[126] „Господи, спаси же, Господи, поспѣши"[127] въ благовѣствовании, помози ми, Господи, и пособи обратити люди сиа и привести а к тебѣ. Събери, Господи, люди своя расточеныя и призови „овца своя заблужшая".[128] Сам бо реклъ еси, Господи: „И ины овца имам, яже не суть от двора сего, и тѣх ми подобает привести, и глас мой услышати, и будет едино стадо, единъ пастухъ".[129] Ты бо еси истинный „пастухъ и посѣтитель душъ наших", [130] „единый без греха".[131] Не презри дѣлъ руку твоею, отреши рабы своя от соузы диавольскиа, от идолослужениа. „Просвети им очеса их умная"[132] и дай же им разум еже увѣдати тебе и „познати тя, единого истиннаго Бога",[133] яко нѣсть иного Бога паче тебе, и развѣе тебе иного Бога не знаем,[134] „имя твое призываем",[135] „яко да прославится имя твое"[136] въ веки вѣком. Аминь».

О церкви пермъстей

Божий же рабъ Стефанъ, помоляся Богу, и по молитвѣ потщася заложити Божию святую церковь. Той же основанѣ бывши и поставленѣ, юже возгради премногою вѣрою и теплотою преизлишъняа любви, юже воздвиже чистою совестию, юже созда горящим желанием, юже украси всяким украшением, «яко невѣсту добру и преукрашену», [137] юже исполни исполнением церковным, юже свяща по съвершении исполнении священием великим, юже сотвори высоку и хорошу, юже устрои красну и добру, юже изнаряди чюдну въ правду и дивну. Дивна бо по истине есть, емуже и Давыдъ послушествует, глаголя: «Свята церкви твоя и дивна въ правду».[138] Дивна же многих ради похвалъ еа, многими же похвалами ю похваляюся. Не того же ради, имиже человѣчьскими хитростьми утворена или мастерьскими козньми и умышлении и догады преухорошена, но преукрашену Божиею славою и добродѣтелми предобрену и божествеными славословии преизъмечтанну и человѣческим спасением преупещрену и православиа лѣпотою преодѣну. В ней бо великолѣпны тайны являются, в ней же святая литургиа створяется, в ней же БожественыхТаинъ комкание свершается, в ней же многих человѣкъ души спасаются, в ней же многим людем прибѣжище бывает, в ней же телесныя грехи крещением омываются, в ней же душевныя скверны покаянием и вѣрою оцѣщаются. Постави же сию церковь на мѣсте, нарицаемѣм на Усть-Вымы, идѣже Вымь-река своим устьем вошла въ Вычегду-реку, идѣже последи создана бысть обитель его болшая, еже потом и епископья его наречена бысть. Егда же свяща церковь сию, яко быти ей нарече во имя Пресвятыя Пречистыя, Преблагословеныя Владычица нашеа Богородица и Приснодевыя Мариа, честнаго еа Благовѣщениа. Устави же ся таковый праздникъ празновати месяца марта въ 25 день. (...)

Сам собою пришед, дѣло со тщанием сотвори и велику въстань приа, и много тщание и трудъ и великъ подвигъ подъя, велми печаловаше о прелщении людстем и зило тужаше, видя их влъшвением одръжимы и идолослужением омрачимы, и о семъ велми скорбяше и по вся дни и по вся нощи Богу моляшеся о обращении людстем. Съ стонаниемъ же и с плачем Богу молитву съ слезами приношаше, глаголя: «„Събери, Господи, люди своя расточеныя и овца своя заблужшая"[139] и въведи а въ церковь святую твою, приедини а къ святѣй своей соборнѣй апостольстѣй церкви, причти а ко избранному твоему стаду, да тя с нами славят во веки вѣком. Аминь». Обаче не престаяше, по апостолу, уча и наказуя, моля и претя,[140] указая им путь истинный[141] и «наставляа их на стезю правую»[142] и суету кумирьскую обличая и прелесть идольскую посрамляа, хотя привлещи а в разумъ Божественый.[143] Но людие, преже омрачени, не разумѣюще языцы благодати Божиа, аки тщету си мняху ползу сущую им, неудобь вѣроваху, ни ту абие, въскорѣ, послушати глаголемых, но и гнѣвахуся на благодателя, и ненавидяху добро творящаго им и роптаху на учителя неблагодарнии.

Иногда же паки въ единъ от дний обретоша раба Божиа уединьшася, наидоша на нь множество перми, невѣрных же и некрещеных и аки со убийством устремишася на нь. И нападающе, нападаху на нь съ яростию и съ гнѣвом и съ воплем, яко убити и погубити хотяще. Ополчишася на нь единодушно и, аки лики, ставше окрестъ его, «напрязая, напрягоша луки своя»[144] и зило натянувше я на него, — купно стрелам смертоносным сущим в луцѣх их — и прямо улучными стрѣлами своими состреляти[145] его жадаху и тако прочее смерти его предати хотяху. Божий же страстотерпецъ никакоже убояся от лица нападающих на нь и от устремлениа ратующих и не убояся стрѣляниа ихъ, по реченому: «Не убоишися от стрѣлы, летящая въ день».[146] И егда стреляют его, но не убоится, и яко младенцевы стрѣлбы, стреляниа ихъ вменяше си. (...) Божий же рабъ, обратився к людем перьмъским, и рече к ним: «О, братие! Обратитеся, сынове человѣчестии къ Богу, Богу Вседръжителю, вѣрою, покаянием, крещениемъ, обращением обратитеся! „Аще ли не обратитеся, оружие свое на вы оцыстит и наострит".[147] (...) Мнѣ бо ваших стрѣлъ не велѣно блюстися Владыкою моим. Тако бо пишет въ святем Евангелии: „Идѣте, се аз посылаю вы, яко овца посредѣ волкъ".[148] „Не убоитеся от убивающих тѣло, а душа не могущих убити. Убоити же ся паче могущаго и душу, и тѣло погубити и по убьении в геону огненую воврещи".[149] Ей, глаголю вам: того ся убоите. Еже вашими стрелами наносимая нам телесная смерть маловременная есть и малогодна и въскорѣ минуема смерть, паче же и не смерть, но жизнь исходатайствует. Горе же есть и люто еже умрети человѣку душевною смертию. „Смерть бо, — рече,—грѣшнику люта есть",[150] — рекше душевная смерть. Смерть бо души есть мука вѣчная».

Во единый же от днии Божий рабъ преподобный, помоляся Богу, сотворь молитву, и по молитве, вшед въ етеро мѣсто, идѣже нарочитая их кумирница, и покушашеся идолы их разорити, и опроврьже требища их, и боги их раскопа, и Божиею силою нарочитую их кумирницу зажже, и пламенем запали ю. Се же сотвори безо всякого человѣка,

идолослужителем того не вѣдущим, и кумирником не бывшим ту, и «не сущу избавляющему»[151] ни отнимающему я. Сотворивъ же побѣду ту, не отбежа абие от мѣста того, ни оттече инамо камо и не и отиде никамо же оттуду, но сѣдяше на мѣсте томъ и пребываше, аки ожидая нѣчего грядущаго на ся, но Божиею благодатию крепляшеся. Внезапу же абие о нем увѣдающим, другъ другу повѣдающим, и тогда стекается прочее соборище их. И срищущимся им со многою яростию и великим гнѣвом и воплем, яко звѣрие дивии, устремишася на нь — единаче с дреколием, друзии от них мнози похващаху топоры об одну страну остры в руках их. Обьступиша же его отвсюду и напрасно остриемъ топоровъ своих хотяху съсѣщи его, кличюще вкупе и нелѣпая глаголюще, и бесчинныя гласы испущающе на нь. И окруживше его, сташа окрестъ его и сокирами своими возмахахуся на нь. И бяше видѣти его промежу ими, «яко овца посреди волкъ»:[152] не сваряшеся, ни биашеся с ними, но с кротостию слово Божие проповѣдаше им и учаше я вѣре Христове и наказаше я всяцѣй добродѣтели. И, руцѣ свои воздѣвъ, аки на смерть уготовився, съ слезами къ Богу глаголаше: «Владыко, в руцѣ твои предаю тебѣ духъ мой,[153] покрый мя крилома[154] своеа си благостыня. Се бо за имя твое святое вдахся и вменихся, яко овца на заколение,[155] яко тебе ради изволих пострадати вся си, да явлю имя твое человѣком сим. Обрати, Господи, поганыа въ кристьаньство, да и тѣ будут братиа наша, приимше святое крещение, да тя с нами вкупѣ славят, да и в них о сем пресвятое имя твое прославится во веки веком. Аминь». И тако моляся Богу, цѣлъ пребысть от них, и никтоже не возложи руки на нь, яко не у бо бѣ ударенъ или уязвенъ от кого, но Божиею благодатию цѣлъ сохраненъ бысть от них и невредим от них пребысть. И тако прошед посреди ихъ, идяше, Богу сохраншу своего угодника и служителя, якоже рече Давыдъ пророкъ, яко: «Не попустит Господь жезла грѣшных на жребий праведных»,[156] «Господь бо сохранит преподобных своих; во веки сохранятся».[157] Якоже Иеремиа пророкъ глаголаше къ Богу: «Господи, се не умѣю глаголати, яко унъ азъ есмъ».[158] Господь же рече к нему, яко: «Всяко, к нимъже тя пошлю, и идеши, и елико ти глаголати велю, да глаголеши: и не убоися от лица их, яко азъ с тобою есмъ по вся дни, избавляа тя и спасая тя».[159] И паки Давыд глаголаше: «Не предай же мене в руцѣ стужающим ми»[160] и «не предай же мене обидящим мя»,[161] но возбрани борющимся со мною, и «да разумѣют языцы, яко ты еси Господь Богъ единъ по всей земли».

Поучение

Тогда же Божий рабъ, Богу помолься, покушашеся паки учити а и, ставъ на мѣсте равне[162] и нарочите, и в народѣ начат учити яже о царствии Божии и, яко апостольскимъ гласом, рече к ним: «О, человѣцы, что се творите? И азъ такоже человѣкъ есмъ, но благовѣстую вам[163] слово Божие[164] и велю вам, глаголя: отступите от сих суетных[165] идольских жрътвъ, оставите прелесть кумирьскую, убежите Суда и огня вѣчнаго. Что ради покланяетеся идолом и чтете я, и боги нарицаете я? Болваны изваяныя, истуканныя кумири ваши, древо суще бездушно, „дѣла рукъ человѣческъ: уста имуть и не глаголют, уши имуть и не слышат, очи имуть и не узрят, ноздри имут и не обоняют, руцѣ имуть и не осязают, нозѣ имуть и не поидуть".[166] И

не ходят, и не ступають ни с мѣста, и „не возгласят гортанми своими", [167] и не нюхают ноздрями своими, ни жрътвъ приносимых приимают, ни пиют, ни ядутъ. „Подобны им да будут творящии я и вси надѣющеися на ня".[168] А в негоже вѣруют кристиане, и чтут, и славят, того и азъ вам проповѣдаю, тъй есть истинный Богъ, и нѣсть иного Бога развѣе того. Тѣмже, мужи перьмстии, и братиа, и отцы, и чада, послушайте мене, добра вам хотящаго, вѣруйте въ Господа нашего Исуса Христа, егоже азъ вам нынѣ проповѣдаю. То бо есть Христос, истинный Богъ нашъ, то бо есть Спасъ всѣм человѣком кристианом, вѣрующим во нь. Возмѣте свѣт разума, возрите на высоту разумную умныма очима[169] вашима. Останитеся болвановъ и кудесовъ и всѣх пермьских пошлинъ. Познайте истиннаго Бога и Творца всѣм, могущаго спасти душа ваша. Азъ бо придох к вамъ, братиа, сказаю вам благодать, даную мнѣ, яко „аще вѣруете и креститеся, спасени будете",[170] и возвещаю вам царство небесное. „Аще ли не вѣруете и не креститеся, то осужени будете"[171] в муку вѣчную».

И на мнозѣ же времени сиа ему учащу, и многи увеща отложити суетную перьмскую прелесть кумирьскую и вѣровати въ Господа нашего Исуса Христа, и креститися обещашася. Аще бо и яростию, и гнѣвом преже устремишася на нь, но обаче увещевахуся в миръ кротостию его. Аще и съ убийством, и съ дреколием преже нападоша на нь, но обаче благими словесы его и святыми учении его на кротость прелагахуся и в тихость устраяхуся и мирно глаголаху, разходяшеся, не сотвориша ему зла никоегоже, но множайшии от них крестишася. И тако помалу множашеся стадо Христово и подробну пребываше кристианъ. Подробну бо, рече, созидается град. А прочии осташа не крещени. Повсегда же обаче имѣяху обычай събиратися вкупѣ и сходитися в мѣсто едино — или пермяне к нему, к новопоставленѣй церкви оной, о нейже преже рѣхом, или онъ — к ним, въ етеро мѣсто уреченое, на совопрашание и на истязание. Но обаче отнелѣже церкви его создана бысть, по вся дни прихожаху пермяне и некрещении суще, не на молитву частяще, не яко спасениа требующе или молитвы радиририщуще, но видѣти хотяще красоты и доброты и зданиа церковнаго. И бяху наслажающеся зрѣниа, пребываху и паки отхожаху. Разходяще же ся, невѣрнии суще, промежи собою другъ другу глаголаху: «Велику быти Богу сему кристьаньскому, и видим, якоже и мнится нам, яко разорити ему и древняя храмы, и давныя требища боговъ наших не можем бо противитися словесы со игуменом тѣм, иже от Москвы новопришедшу ему. Аще не силою и нужею проженемъ его, язвами казнивше и раны доволны наложше на нь, ти тако прогнанъ будет от лица земли нашея, да не како наплънена будет вся земля наша учением его. Но обаче обычей лих имат: еже не творити начала бою, того бо от него ожидаемъ точию повсегда. Но не творит сего, но паче от нас ожидает починка бою, и того ради с ним не скоро ся побѣдим. Аще ли бы дрързнулъ творити начало биениа, то давно быхом, растерзая, растергнули его, и съ скоростию взят бы былъ от земля живот его, и „память его с шумом".[172] Но понеже имат длъготрьпѣние, и не вѣмы, что имамъ сотворити ему».

Иже бяше тогда видети люди разбираемы и разделяемы. И лучися раздвоитися народу на две части, и едина нарицашеся кристьяне

новокрещении, а другая часть звахуся кумирослужителницы невѣрнии. И не бѣ промежу ими согласиа, но разпря, и нѣсть мира в них, но разгласие. Того ради кумирницы ненавидяху кристианъ и не любляху с ними въ единьствѣ быти. Якоже апостолъ Павелъ рече: «Кая часть есть свѣту со тмою; или кое причастие есть вѣрну с невѣрным; или кое общение церкви Божии со идолы; или кое согласие истине съ безаконием?»[173] Тѣмже убо, якоже преже речено есть, кумирницы ненавидяху кристианъ и не престаяху, хулу глаголюще и лающе на преподобнаго и на кристианы новокрещеныя, ругающеся и подражающе, и дразняще, и пакостьствующе. И елико увѣдяху умножающеся кристианы, толико сверпяху на ня и не дадяхут им жити опочивне, но напаствовахуть им и не малу им обиду творяху. И сиа видя, преподобъный, не терпя видѣти христианы досажаемы, да того ради не худа бяше печаль ему о том, но часто о том со слезами моляше Бога человѣколюбца день и нощъ, да обратит я от кумирьскиа прельсти къ своей истине.

И паки иногда по нѣколицѣх днехъ нѣкотории от пермянъ суровѣйшии мужи, невѣрнии человѣцы, и еще некрещении суще собравшеся мнози. И от них мнози суть волсви, а друзии кудесницы, ини же чаротворцы и прочии старцы их, иже стояху развращати вѣру кристианьскую и лютѣ попремногу, смущающе, спирахуся с ним, хваляще свою вѣру, хуляще же и укаряюще вѣру кристианьскую. И сице творяще часто, стужахуть ему, супротивляющеся ему о вѣре. Стефанъ же Божиею благодатию и своим досужеством *всѣх* сих препираше я. Аще и многу съпрашанию бывшу, аще и велику промежу ими истязанию сущу, но вси препрѣни быша от него. Указая бо, сказаше им словеса многа от святых книгъ, от Ветхаго и Новаго Завѣта, и, одолѣвъ им, посрамляше я. И еще паки многажды побѣждени бываху от него, и прочее оттолѣ никтоже ктому нигдѣже не смѣяше спиратися с ним о вѣре. Всѣм бо им уста загражаше и противу глаголющая обличаше, и въпреки глаголющим запрещаше дивный сей мужъ, чюдный дидаскалъ, исполнь мудрости и разума, иже бѣ измлада научился всей внѣшней философии и книжней мудрости и грамотичней хитрости, ктому же еще добраго ради исповѣданиа и чюднаго ради наказаниа его, изряднаго ради учениа его дасться ему даръ благодатный и слово разума и мудрости. Якоже Спасъ рече во святем Еваггелии: «Сего ради всякъ книжникъ, научився царьствию небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износит от скровищъ своих ветхая и новая».[174] Сице убо сии от ветхих и новых книгъ — от Ветхаго и Новаго Завѣта — износя словеса, научаа, вразумляа, наказая, обращая, пекийся о людех заблужщих, хотя их отрешити от соузы диавольскиа и от прельсти идольскиа. Того бо ради и терпяше от них по вся дни, зило стража, аки твердый каменъ, утверженый вѣрою в толицых подвизѣх и искушениих и бѣдах, моляся Богу, молитвою и постом, алча и жажа, жадая спасениа пермьскаго, многи досады от них приимая и за то не гнѣваяся на ня о всѣх сих приключьшихся ему. Ни оскорбѣ, ни поропта, не круподушенъ сый и не злопомнивъ, но паче приложися къ любви спасениа их и желая обращениа их, всѣх уча и наказуя, моля и кротя: старцевъ их, яко отца, средовѣчныя же, яко и братию, уныя и младыя дѣти, яко чада присная.

Егда же изволи «Богъ своею благодатию»,[175] восхотѣ просветити землю Пермьскую святым крещением, услыша бо Богъ молитву и слезы угодника своего Стефана и «не забы звания»[176] его, «услыша Господь глас плача»[177] его и «не презрѣ молениа»[178] и прошениа его, якоже пророкъ Давыдвъ рече: «Волю боящихся его творит и молитву их услышит и спасеть я»,[179] «хотяй всѣм человѣком спасеным быти и в разум истинный приити»,[180] «не хотяй смерти грѣшником, но обращениа, и покаянииа ожидая в животѣ их».[181] И тогда собрашася пермяне вкупѣ, живущии въ странѣ той, от мала и до велика, и крещении, и не крещении, яко удивлени бывше промеж собою, начаша глаголати к себѣ: «Слышасте ли, братие, словеса мужа того, иже от Руси пришедшаго? Видѣсте ли терпѣние его и преизлишнюю его любовь еже к нам? Како в толиках теснотах и не отступи отсюду — а мы велико небрежение и непослушание показахом ему! И за то не гнѣвашеся на ны, но ни единому нас не рече зла слова, ни отвратися от нас, ни сваряшеся, ни биашеся с нами, но с радостию терпяше си вся. Нам на живот и на спасение Богом посланъ есть. И еже глаголет — царство небесное и муку вѣчную и отместие и воздание комуждо по дѣлом[182] — аще бы се было не тако, не бы сице терпѣлъ. Но и кумирницы наши разори, и боги наша раскопалъ есть, и не могоша его вредити. Се есть воистину рабъ великаго и „живаго Бога, иже сотворилъ небо и землю", [183] и, елика словеса от него речена быша, вся истина суть. Но шедше прочее, вѣруем Богу, егоже Стефанъ проповѣда, и рцем к нему: „Слава ти, небесный Боже, пославый к нам своего слугу, да спасет ны от прельсти диавольскиа"». Тогда восхотѣша креститися еже некрещени пермяне, и собрашася к нему людие мнози, народ: мужи и жены и дѣти, яко на поучение. Онъ же, видя их на крещение грядуща, и зило преобрадовася обращению их и с веселым сердцем и со тщанием приат я и, отвръзъ уста своя, паки учаше я по обычаю. И многа словеса изглагола к ним о Бозѣ, и о законѣ его, и о вѣре кристьяньстей, и о животѣ, и о смерти, и о Страшном Судѣ, и о «воздании комуждо по дѣлом его»,[184] и о пристрашных и о грозных муках, и о жизни вѣчней, приводяй и на разумъ, износя словеса от святаго Еваггелиа и от божественых апостолъ и от богогласных пророкъ и от преподобных и богоносных отецъ. Они же убо въсласть послушаша учениа его и с радостию приаша проповѣдь его и со тщанием вѣроваша словесѣм его. Богъ бо милосердый человѣколюбецъ своею благодатию отврьзе им умъ и «очи сердечнѣи»[185] еже къ спасению, и вси ему биаху челом, припадающе к ногама его, просяще святаго крещениа и знамениа Христова. Онъ же, знаменавъ тѣх, когождо их рукою своею прекрестивъ и огласивъ,[186] и молитву сотворивъ, и благословивъ, отпусти а с миром кождо восвояси, заповѣдавъ им *по* вся дни частити къ святѣй церкви Божии, ко оглашению же приходити оглашеных и по вся дни молитву творя над ними. И по малех *временех* уреченых, молитвовавъ над ними доволнѣ, и тако тѣх научивъ православнѣй вѣре кристьяньстей, и съ женами их, и с дѣтми, и крести а во имя Отца и Сына и Святаго Духа[187] и научи их грамотѣ их пермьстей, юже бѣ дотоле новосложилъ.

Но и всѣм имъ, новокрещеным мужем, и уношам, и отроком младым, и малым дѣтищемъ, заповѣда учити грамоту, Часословецъ явѣ и Осмогласникъ и Пѣсница Давыдова,[188] но и вся прочая книги.

Учащих же ся грамотѣ, елиции от них извыкоша святым книгамъ, и в тѣх разбираше: овых в попы поставляше, овых же — в диаконы, другиа же в подъяконы,[189] четцы же и пѣвцы,[190] пѣтие им перепѣвая и перелагая и писати научая их перьмъскиа книги; и сам спомогая им, преводяше с руских книгъ на пермьскиа книги и сиа предасть им. И тако оттоле другъ друга учаху грамотѣ, и, от книгъ книгу преписующе, умножаху, исполняюще. И сиа видя, преподобный радовашеся душею и благодарьствено не престаяше нощъ и день, моля за спасение и за обращение людии, всегда уча люди, да стадо Христово растеть и умножается по вся дни, а невѣрных стадо умаливается и убывает, и оскудевает. И тако помогающу Богу, благоволящу же и съдѣйствующу, другую постави церковь святую добру и чюдну, по образу предиреченому, указаному, и в ней иконы и книги устрои, но и третьюю церковь на ином мѣсте. И сице изволися ему не едину церковь поставити, но многи, понеже бо людие пермьстии новокрещаемии не во едином мѣсте живяху, но сдѣ и ондѣ, ово близу, ови же дале. Тѣмже подобаше ему розныя церкви на розных мѣстех ставляти по рекам и по погостом, идѣже коейждо прилично, яко сам вѣсть.

И тако убо церкви святыа созидахуся в Перми, а идолы сокрушахуся. Какову же ревность стяжа преподобный на болваны, глаголемыя кумиры, како возненавидѣ я премногиа ради мерзости их! И свершеною ненавистию возненавидѣ я, и до коньца опровръже а, и идолы попра, кумиры сокруши, боги их раскопа, еже суть болваны, истуканныя, изваянныя, издолбеныя, вырѣзом вырѣзаемыя. Сиа до конца испроверже и топором посѣче а, и пламенем пожже я, и огнем испепели а, и без остатка потреби а. Сам по лѣсу объходя без лѣности со ученики своими и по погостом распытая, и в домѣх изыскуя, и в лѣсѣх находя, и въ привежких обретая и здѣ и ондѣ, — вездѣ изнаходя а, дондеже вся кумирница их испроврати и до основаниа искореняше я, и ни едина же от них не избысть. А еже повѣшеное около идолъ — или кровля над ними, или на приношение, или на украшение имъ принесеное, или соболи, или куницы, или горнастаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или медвѣдна, или рыси, или бѣлки — то, все собравъ, во едину кущу складе и огневи предасть я. А кумира преже обухом в лобъ ударяше, ти потомъ топором иссечаше а на малая полѣнца и, огнь возгнѣтивъ, обое сгараше огнем — и куча с куницами, и кумиръ вкупѣ с ними. Себѣ же въ приобрѣтение того прибытка не приимаше, но огнем сжагаше я, глаголя, яко се часть есть неприазнена. И о сем зило дивляхуся перьмяне, глаголюще: «Како не приимаше всего того себѣ в користь, како не искаше себѣ в том прибытка, како отринувъ и презрѣ толико имѣниа си, како поверже и потопта ногама си толика стяжаниа?» И рѣша другъ ко другу: «По истинѣ се есть Божий рабъ,[191] се есть Божий угодникъ, се по истине на наше спасение Богом посланъ есть, и сиа вся творит Бога ради и нашего ради спасениа, а не своего дѣля прибытка или имѣниа ради сокровища, и сиа творит утвержениа ради вѣры кристьяньскиа, а не своего ради приобрѣтениа, користи и притяжаниа, апостолу глаголющу: „Не ища своеа ползы, но многих, да ся спасуть"[192] — и еже рече творити же и учити». Бѣ бо возбранилъ преподобный учеником си и отрокомъ своим, служащим ему, не повелѣлъ оттинуд взяти что от

кумирницѣ или златное, или сребреное, или мѣдь, или желѣзо, или олово, или иное что и прочее от преди реченых.

Бяху же въ Перми кумири разноличнии — овии болшии и меншии, друзии же среднии, а инии нарочитии и словутнии, и инии мнози. И кто может исчести их? Овѣм убо рѣдции моляхуся и худу честь воздааху, а другим же мнози не токмо ближнии, но и далнии погостове. Суть же у них етери кумири, к нимже издалеча прихожаху и от далних мѣстъ поминки приношаху — и за три дни, и за четыре, и за недѣлю сущии — со всяцѣм тщанием приносы и поминки присылаху. И како могу исказати дѣйствованиа их? Бѣси бо, похвативше умъ и изволение Перми, исполниша всю страну и землю ту прелсти кумирьскиа. Се же бысть им от многиа грубости и невѣданиа, и невѣгласства. И тако пребывающим имъ вся времена дний своих, и в такой прельсти живущим имъ вся дни живота своего, дондеже посети их Спасъ нашъ свыше милостию своею и устрои угодника своего Стефана, вдохну во нь свою си благодать, еюже просвети их. (...)

Въ единъ же от дний приидоша пермяне к нему и вопросиша его, глаголюще: «Молим тя, добрый нашъ учителю и правовѣриа наставниче, рцы нам, что ради изгубилъ еси себѣ толико богатства — еже предиреченая вся обретаемая в кумирницах наших, — и изволилъ еси огнем ижжещи паче, нежели себѣ в казну взяти и въ свою си ризницу на потребу свою и сущим ти учеником с тобою, по реченому, „достоинъ бо есть дѣлатель мзды своеа"».[193] Преподобный же, отвещавъ, рече им: «Нѣсте ли слышали божественаго Павла апостола, ефесѣем глаголюща: „Помните, — рече, — яко три лѣта день и нощъ не почивах, съ слезами уча и наказуа единого когождо вас".[194] И паки: „Сребру или злату, или ризам, или иному имѣнию, ни единому же восхотѣх: сами вѣсте, яко требованию моему и у сущим со мною послужиста руцѣ наши; вся указах вам, яко, тако тружающеся, подобает подимати немощныа: благо бо есть даяти паче, нежели взимати"».[195]

О прѣнии влъхва

Приде нѣкогда нѣкий волхв, чародѣевый старецъ, лукавый мечетникъ, нарочит кудесникъ, влъхвом началникъ, обавником старѣйшина, отравником болший, иже на волшебныя хитрости всегда упражняяся, иже кудесному чарованию теплъ сый помощникъ. Имя ему Панъ сотникъ, егоже древле пермяне некрещении чтяху паче всѣх прочихъ чаровникъ, наставника и учителя себѣ нарицающе его, и глаголаху о нем, яко того влъшвениемъ управленѣ быти Пермьстей земли, и яко того учением утвержается идольская вѣра, иже оттинудь не вѣренъ сый не крещенъ, присно ненавидя вѣры кристианьскиа и не любя кристианъ. Некрещеным убо пермяном и невѣрным не веляше вѣровати и креститися, хотящим же вѣровати возбраняше и запрещаше, вѣровавших же и крестившихся развращаше. Иже сшед нѣкамо, обрѣте нѣкиа христианы пермяны, новоученыа и новокрещеныя, и единаче еще не утвержены суща въ святѣй вѣре христианьстѣй, начат развращати а и раслабляше их ветхим учением своим, прелестным и суетным, и многими словесы обавными и чаровными покушашеся увещевати а.

Аще ли кого не можаше словесы и прѣнии своими препрѣти и прельстити, то ласканием и посулы дая им — инако бо не можаше кого перевабити от вѣры кристианьскиа, аще не развѣ точию мздою и даяниемъ; егоже бо многажды словесы не можаше увещевати, то посулы хотяше удолѣти. Бяше же учение его полно всякиа хулы и ереси, и порча, и невѣрьствиа, и кощуны, и дѣтскихъ смѣх.

Се же слышавъ преподобный сжали си зило и стужи си велми, яко и не любо ему бысть, «понеже, — рече — елико азъ оссгражаю, толико же онъ паче разаряше».[196] И многажды о сем спирахуся промежи собою, и не бѣ равно бесѣдование их. И нѣсть конца рѣчем его: овъ бо тому не покаряшеся, овъ же сему не повиняшеся, и другий другаго не послушаше, и первый перваго неразумна именоваше, и нестроини расхожахуся, понеже овъ свою вѣру хваляше, овъ же свою, единъ не приимаше сего предании, и другии отвращашеся оного повелѣнии. Но кудесникъ, часто приходя, — овогда убо втаю, овогда же яве — развращаше новокрещеныя люди, глаголя: «Мужи, братиа пермьстии, отечьских боговъ не оставливайте, а жрътвъ и требъ их не забывайте, а старыи пошлины не покидывайте, давныи вѣры не пометайте. Иже твориша отцы наши, тако творите. Мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшаго от Москвы. От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкиа, и насильство, и тивуни, и довотщицы, и приставницы? Сего ради не слушайте его, но мене паче послушайте, добра вам хотящаго. Азъ бо есмъ род вашъ и единоа земля с вами, и единъ род, и единоплемененъ, и едино колѣно, единъ языкъ. Лѣпо вы есть мене слушати паче: аз бо есмъ вашъ давной учитель, и подобаше вамъ мене послушати, старца суща и вам аки отца, паче, нежели оного русина, паче же москвитина, и млада суща пред мною врьстою телесною и малолѣтна, уна суща возрастом, лѣты же предо мною яко сына и яко внука мнѣ. Да сего ради не слушайте его, но мене слушайте и мое предание дръжите и крѣпитеся, да не побѣжени будете, но паче побѣдите и». Людие же новокрещении, отвещавше, рѣша. «Не побѣдихом, старче, но паче весма побѣжени быхом. И бози твои, глаголемии кумири, падением падоша и не въсташа, „изриновени быша и не могуть стати",[197] „тии спяти быша и падоша, мы же востахом и прости быхом",[198] „сѣть их сокрушися, и мы избавлени быхомъ. И нынѣ помощь наша от Господа, сотворившаго небо и землю".[199] Не можем противитися съ Стефаном противу смыслу и разуму его, имже глаголаше, иже ему с нами крѣпко бравшуся словесы евангельскими, апостольскими, пророческими, паче же отеческими и учительскими. И побѣжени быхом словесы его, и пленени быхомъ учением его, и яко язвени быхом любовию его, и „яко стрѣлы унзоша в нас"[200] и яко сладкою унжени стрелою утешением его. И того ради не можем, ни хощем не слушати или противитися, не можем бо стати на истину, но по истинѣ». Кудесникъ же рече: «Единаже вы зрю, без разума есте, слаби же и груби зило, и страшиви, и маловѣри. Азъ же крѣпко на нь вооружуся и принесу молбище богом своим и пожру жрътвы, и сотворю о том кудесъ, и напущу боги своа многиа на нь, и ижженуть и, и сокрушат и, и устрашат и. И тако потребленъ будет от лица моего. Егда же удолѣю ему, тогда вся вы привлеку к себѣ паки в перьвую вѣру свою». Христиане же, посмеявшеся ему, и рѣша: «Безумне старче, что всуе хвалишися на

истинаго раба Божиа? Сей бо Стефанъ и боги ваша раскопалъ есть, и не могоша его вредити, иже, с нарочитых кумировъ соимавъ пелены, и помета отрочищу своему, именем Матфѣику, и сотвори в них гаща и онуща, и ногавища, и износи а без пакости и без вреда. Се же сотвори не яко прибытка ради, но на поругание идолом дааще мнимому Матфѣику. А нашего же рода бывъ тот преже, прьминъ, послѣди же, вѣровавъ, и крестися, и бысть ему ученикъ. И не могоша ему зла сотворити. Да аще ученика не могоша вредити, колми паче учителя. Тѣмъже от сего паче разумѣем — и познахом, и вѣровахом — яко суетни суть и немощни и прелестни бози твои. Иже себе не могоша оборонити, тебе ли оборонят? Того ради отврьгохомся идольскиа лсти и отметаемся идольскиа суеты. И единаче реку: „Отрицаемся сатаны и всѣх дѣлъ его и всѣх аггелъ его и всѣх служебъ его и всего студа его",[201] и „обещахомся Христови",[202] и „елико во Христа крестихомся и его знамениемъ знаменахомся",[203] и тако вѣруем единого Бога Отца и Сына и Святаго Духа, въ Святую Троицу и якоже сдержит предание соборная апостольская церковь. К сим же исповѣдуем едино крещение во оставление греховъ и чаем воскресение мертвым и жизни будущаго вѣка. Аминь.[204] Ты же, чародѣевый старче, что ради оставя главу и к ногам прииде? Аще еси силен словесы, то с ним спираися, а не с нами. Аще ли не мощенъ еси, то въскую смущаеши ны и стужаеши нами? Но отиди и не блазни нами. Вѣдый буди, яко „не входиши двери во дворъ овчий, но инудѣ прикрадываешися и исполнь еси татьска гласа и разбойнича подобиа".[205] „Мы бо есмы овчата словеснаго стада"[206] и „своего пастуха глас знаем и его повелѣниа слушаемъ и по нем послѣдуем. По тебѣ же, чюжем, не идем, но бѣжим от тебе, яко не знаем чюжаго гласа"».[207] Онъ же уклонися съ гнѣвом, рекъ, яко: «Вы младоумни есте и скудьствомъ смысла ходяще. Того ради вас онъ игуменъ переневѣда своим коварьством, уродвы суща, акъже и сам, такиже и вас, аки подобни себѣ приобрѣл вы есть всяко. Мене же не мочно ему коварьствовати, яко азъ скоро низложу и».

И бяше сий кудесникъ лют супротивникъ преподобному и золъ ратоборецъ, великъ неукротим супостат и боритель, хотя развратити вѣру кристианьскую. И лютѣ попремногу возмущаше вѣрныя, повсегда спирашеся с ним, часто супротивяся ему о вѣре, якоже древле Анний, Замврий въ Египтѣ противистася Моисею.[208] (…) Сице убо сий злый влъхвъ, чародѣевый кудесникъ, зило возгордѣвся, на раба Божиа и на Бога хулныя глаголы въспущая, укаряше же и уничижаше вѣру кристианьскую и проповѣдь еваггельскую похуляше и людем съ гневом глаголаше: «Азъ вашего дидаскала[209] Стефана не боюся супротивлениа и суесловиа и сущих с ним ученикъ его и единъ азъ на всѣх вооружаюся. Ни во чтоже ми суть яже от тѣх глаголемая. Аще и мнятся мудри быти, азъ же мню, яко борзо низложу а якоже колѣблемо листвие и вѣтром трясомо, тако низпадуть. Не могуть бо стати предо мною, ниже пред лицем моим прити не стерпят, но яко воскъ противу пламени велику приближився, и истает,[210] нежели словесы сопрѣтися со мною смѣют на гаданиа и прѣниа их, и стязаниа». Божий же человѣкъ Стефанъ, укрепився благодатию Божиею, и рече къ влъхву: «О, прелестниче и развращению началниче, вавилоньское сѣмя, халдѣйский род, хананѣйское племя, тмы темныя помраченое чадо, пентаполиявъ сынъ, египетскиа прелестныа тмы внуче и разрушенаго

столпотворениа правнуче![211] Послушай, тако глаголеть Исаиа пророкъ: „Горе напаяющему ближняго своего смѣшениа мутна".[212] И тако ти глаголет пророкъ Давыдъ: „Что ся хвалиши о злобе, силне? Безаконие весь день, и неправду умысли языкъ твой, яко бритва изострена; сотворилъ еси лесть, возлюбилъ еси злобу паче благостыня; неже глаголати правду, возлюбилъ еси вся глаголы потопныа и языкъ льстивъ. Сего ради раздрушит тя Богъ до конца, востерьгнет тя и корень твой от земля живущих"».[213] (...) Волшебный же кудесникъ рече: «Бози наши, аще и поругани быша от тебе, но милосердовавше и не погубиша тя. Аще ли бы не стяжали милосердиа, то давно бы тя сокрушили и искрятали. И по сему разумѣвай, яко добри суть и милосерди, и яко вѣра наша многимъ паче лучши есть вѣры вашеа. Понеже у васъ, у христианъ, единъ Богъ, а у нас мнози бози, мнози поспѣшницы, мнози поборницы. Тѣм нам дают ловлю и все елико еже в водах, и елико на въздусѣ, и елико въ блатѣх, и в дубравах, и в борѣх, и в лузѣх, и въ порослех, и в чащах, и в березникѣ, и в соснягѣ, и въ елнягѣ, и в раменьи, и в прочих лѣсех, и все елико на древесѣх: бѣлки или соболи, или куницы, или рыси — и прочая ловля наша, от нихже и до вас достигнут нынѣ.

Нашею ловлею и ваши князи, и боляре, и вельможи обогащаеми суть? В ня же облачятся и ходят и „величаются подолки риз своих",[214] гордяшеся о народѣх людских, толикими долгими времены изобилующе и многовременными лѣты изобилующе и промысльствующе. Не от нашеа ли ловля и во Орду посылаются и досязают даже и до самого того мнимого царя,[215] но и въ Царьград, и в нѣмцы, и в литву, и в прочая грады и страны, и в далняя языки? И паки другоицы наша вѣра лучши есть паче вашеа, яко у нас единъ человѣкъ или сам другъ исходит многажды на брань, еже братися с медвѣдем, и, бравъся, побѣдивъ, низложит его, яко и кожу его принесет. У вас же на медвѣдя на единого мнози исходят, числом яко до ста или до двою сот. И многажды овогда привезуть, обрѣтше медвѣдя, иногда же без него возвращаются, без успѣха, ничтоже везуще, но всуе тружающеся, еже нам се мнится смѣх и кощуны. И паки другоицы наша вѣра лучши есть: вѣсти у нас въскорѣ бывают. Еже бо что сдѣется на далнѣй странѣ, на ином городѣ, на девятой земли, — сего дни доспѣлося что — а сего дни, в том часѣ, вѣсти у нас полные обретаются, егоже вы, христиане, неудобь возможете увѣдати во многи дни и во многи времена не увѣдаете. Да тѣм наша вѣра лучши есть многим паче вашея, имъже многи боги имам поспѣшествовавъшая нам». Божий же священникъ, отвѣща, рече ему: «Сим ли хвалишися, оканне, многобожие вводя и многи боги нарицаеши, имже было подобало паче постыдѣтися, по реченому: „Да постыдятся вси кланяющиися истуканным, хвалящиися о идолѣх своих?"»[216] (...) Отвеща же кудесникъ и рече: «Азъ въ вѣре, в нейже родихся и воспитахся, и возрастох, и ижжих, и състарѣхся, в нейже пребых вся дни живота моего, — в той да умру, ейже обыкшу ми, и нынѣ на старость не могу еа отврещися и похулити. И не мни мене единого ти глаголюща, но и за вся люди, сущая в земли сей. Не точию от мене мои, мню, глаголи, глаголемии к тебѣ, но яко сирѣчь от лица всѣх пермянъ глаголю ти. Еда лучши есмъ азъ паче отецъ моих, да сиа сотворю? Се бо отцы наши, дѣды, прадѣды и пращуры тако пожиша. Азъ ли добрѣиши сих обрящуся? Ни убо, да не будет. Скажи же ми, кую

истину имате вы, христиане, яко о вашей жизни тако преобидите, дерзающе?» Божий же иеромонах, отвѣщавъ, рече ему: «Послушай Бога нашего силы и нашея вѣры тайны». И нача глаголати о милосердии Божии и о смотрении ни его еже к нам. И тако силою Святых Писании, наченъ от сотворениа миру, от создания твари, еже есть от Адама, даже и до распятиа Христова и воскресениа и вознесениа, таче и до скончаниа миру.

И пребыста сама два, токмо другъ съ другом истязающеся словесы, весь день и всю нощъ, без брашна и без сна пребывающи, ни престатья имуще, ни почиваниа сотваряюще, ни сну вдающеся, но присно о спирании супротивляхуся, словесы упражняхуся. И убо аще и много изглагола к нему, но обаче мняшеся, аки на воду сѣявъ. «Въ душу бо, — рече, — безумнаго не внидеть мудрость, ниже имат вкоренится въ сердцы оскверненѣ».[217] Кудесникъ же, аще и многая поучениа слышавъ, но ни единому же вѣрова и не внимаше глаголемых и не приимаше прежереченых, но, супротивъ пряся, отвещеваше, глаголя: «Азъ не иму вѣры. То все мнит ми ся лжа и басни, и кощуны, вами умышлены. И азъ не вѣрую, аще не прииму искушениа вѣры».

И бысть по словесѣх сих, егда скончашася вся словеса си, по мнозѣх распрѣниих и супротиворѣчии, изволися има обѣма, и избраста себѣ оба сама — два и восхотѣста приати искушение вѣры. И рекоста другъ ко другу: «Придивѣ и вожжевѣ огнь и внидевѣ во нь, яко и сквозѣ огнь пламененъ проидева, посреди пламени горяща вмѣсте, купно проидева оба — азъ же и ты, и ту приимевѣ искушение, и ту возмевѣ извѣщение вѣры: да иже изидет цѣлъ и невреженъ, сего вѣра права есть, и тому вси послѣдуим. И паки, другойцы, другое извещение приимем. Тѣм же образом придевѣ оба, имшася за руцѣ когождо, и внидевѣ вкупѣ въ едину пролубь и низ снидевѣ, въ глубину реки Вычегды, и пустивѣся нанизъ по подледью и паки по часѣ доволнѣ, ниже единого плеска, единою пролубью оба купно, паки возникневѣ. Да егоже аще вѣра права будет, сии цѣлъ изидет, невреженъ, и тому прочее вси повинуются». И угодно бысть слово се пред всѣм народом людии, и рѣша вси людие: «Воистину добръ глаголъ, еже рѣсте днсь».

Съшедшимся бес числа людем, и Стефанъ сам, посредѣ их стоя, приглашаше же пришедшим: «Мужи и братиа, слышасте ли словеса сиа от устъ наших? Вонмѣте же разумно глаголемая и „будете, не обинующеся лица человѣча"[218] и не стыдящеся ни единого наю, но „праведенъ судъ судите".[219] Мнѣ бо подвигъ крѣпокъ предлежит, и азъ с радостию тщуся подвизатися и пострадати. И не точию же се, но и умрети рад есмъ за святую вѣру православную». (...)

И сотворь молитву, рекъ: «Аминь», и по «Аминѣ» рече к людем: «Миръ вам. Спасетеся. Простите и молите о мнѣ. „Терпѣнием бо течем на предлежащий нам подвигъ, взирающе к началнику вѣре, свершителю Исусу"».[220] И тако тщашеся, дръзая внити во огнь, и обращъся к волхву, и рече ему: «Поидевѣ оба вкупѣ, имшася за руцѣ, якоже обѣщаховѣся». Онъ же не поиде. Устрашився шума огненаго, ужасенъ бывъ, обаче не вниде — народу же предстоящу, человѣком собраным, людем зрящим во очию лѣповидцемъ. Огню горящу, и пламени

распалающуся; преподобный же паче прилежаше ем, понужая его, но и рукою явъ за ризу влъхва и крѣпко съжемъ ю, похващаше и и нудма влечаше и къ огню очима. Чародѣй же паки въспять въспящашеся. И елижды сему бываему, толь краты же сий, нагло влеком, вопиаше, глаголя: «Не дѣйте мене, да почию!» Паки же третицею стуживъ си, преподобный позываше и, глаголя: «Поидивѣ, да внидевѣ оба во огнь палящъ, по словеси твоему и по суду твоему, якоже изволилъ еси». Онъ же не хотяше внити. И рече ему Стефанъ: «Не се ли суть твоя словеса, яже преже глаголалъ еси? Не сам ли ты сиа избралъ еси и тако восхотѣлъ еси „искусити Бога жива"?[221] То како нынѣ сего сотворити не хощеши?» Онъ же, пометая себе, биаше челом и, припадая пред ногама его, обавляше вину сущу свою, и немощъ свою излагая, суетьство же и прелесть свою обличая.

Людие же, ту сущии, трикраты вопросиша я, глаголюще: «Поиди, лишене, что ради не идеши?» Онъ же трижды отвръжеся, глаголя, яко: «Не мощно ми ити, не дръзаю прикоснутися огню, щажуся и блюду приближитися, множеству пламени горящу, и, „яко сѣно сый сухое", [222] не смѣю воврещися, да не, „яко воскъ таетъ от лица огню, растаю",[223] да не ополѣю, яко воскъ и трава сухая, и внезапу сгорю и огнем умру, „и ктому не буду".[224] „И кая будет полза въ крови моей, егда сниду въ истлѣние?",[225] волшество „мое переиме инъ",[226] „и будет дворъ мой пустъ, и в погосте моем не будет живущаго"».[227]

Преподобный же Стефанъ, побѣдився с волхвом различным симъ начинаниемъ, паки инѣм образом побѣду воздвиже на нь. И поим его с народомъ, и приведе и к рѣцѣ. И сотвориша двѣ велицѣ пролуби, — едину выше, а другую вдале, близъ, ова убо, яже есть врьхняа, а удуже понрети има обѣма вкупѣ, имшася за руцѣ; ова же нижняя, ею же низшедше по подледью и паки выспрь возницати. Чародѣивый же влъхвъ, и тамо, побѣженъ, посрамися. Но и тамо трикраты понуженъ бывъ, и многажды отвержеся, глаголя, яко: «Не мощенъ есмъ сице сотворити, аще и тмами виновата мя сотворите». Мужи же вопросиша и, глаголюще: «Обетшале злыми деньми, се нынѣ приспѣша лишениа твоя на тя. Рцы, оканне, что ради не вниде ниже во огнь, ниже в воду, но всячески посрамленъ еси?» Отвѣщав же волхвъ рече: «Азъ не навыкох преобидѣти огнь и воду, а дидаскалъ вашъ Стефанъ, въ дѣтьствѣ сый и во уности своей, научился есть от своего отца волшвением и чарованием умлъвливати огнь и воду, да ни огнь его жжет, ни вода его топит, — понеже наученъ есть тому и умѣет зило. Азъ же многи злокозненыя хитрости во всем своемъ житии училъ есмъ и умѣю чары творити, волъшвениа же и кудешениа, обаяниа же и потворы и прочая многи мечты, а сего единого не умѣю, — еже умолъвливати огнь и воду или *преобидѣти* а — *у батька* своего сего не навыкох».

Паки же людие вопросишай, глаголюще: «Повѣждь нам, чародѣйниче, что ради сице сотворилъ еси, — а вѣдый свою немощъ и зловѣрие держа и невѣрьствием одръжим сый, и за вѣру дерзо обещеваещися „проити огнь и воду"?»[228] Онъ же, отвеща, рече им: «Перевѣдал мя Стефанъ, мнѣ вопросившу его о умѣнии таковыя хитрости, онъ же ми отвеща: „Не умѣю азъ умолвити огня и воды, не учился азъ сего". Азъ же, сиа от

него слышавъ, вѣровах слову его и помыслих в себѣ, глаголя: „Аще сии не умѣет, якоже и рече, но азъ тѣм пострашу его, хотя сам не умѣю". Но оному того не вѣдущу моего неумѣниа, надѣахся своими клюками переклюкати его и, одолѣвъ, посрамити его и восхищеныя внезапу оттрънгнути от руку его и привести а паки въ свой давный обычай. Сих всѣх, увы мнѣ, не получих и „яму, юже ископах, впадох в ню",[229] и „в сѣти сей, юже скрых, увязе нога моя",[230] и „ровъ изрых ему, и сам вринухся во нь".[231] „И быша ми послѣдняя горши первых",[232] понеже Стефанъ, мя одолѣвъ, посрами и суетна мя показа, и всего мя немощна явль. И нынѣ что сотворю или камо бѣжу, не вѣдѣ. „Покры срамота лице мое",[233] и нынѣ нѣсть мнѣ отврести устъ поношению и студу. „Бых поношению сусѣдом моим и страх знаемым моим",[234] „подражание и поругание сущим окрестъ нас".[235] „Весь день срам мой предо мною есть, и студ лица моего покры мя"».[236] Людие же рѣша к нему: «Всюду, оканне, самъ свое изглагола погибелие. (...) Хощеши ли убо вѣровати и креститися, понеже уже препрѣнъ еси?» Очарованый же влъхвъ нечестивый не восхотѣ разумѣти истиннаго разума и тако, не обинуяся, рече: «Не хощу вѣровати и креститися».

Преподобный же, возрѣвъ к народу, и рече: «Вы же есте свѣдители симъ всѣмъ, рцѣте ми, что ся вам мнит?» Они же рѣша: «Повиненъ есть казни». Тогда мужи пермъстии, приступльше, и яша и и, имше, предаша и Стефану, глаголюще: «Возми сего и казни и, яко повиненъ есть казни и, по нашей пошлине, длъженхъ есть умрети, понеже слова Божиа не слушает, Евангелие хулит, проповѣдь евангельскую укаряет, благовѣствованию ругается, вѣре кристианьстѣй насмѣхается, Богу не вѣрует, поучениа не приемлет, „сѣет плевелы посреди пшеницы и отходит",[237] развращает люди новокрещеныя, велит тесати паки кумиры, но и зило противится словесем нашим. Нынѣ же послѣ всѣх и надо всѣми сими и в конецъ слову — тягался есть с тобою словесы и не утягалъ, но сам утяганъ есть, спирался о вѣре и не упрѣлъ, но и сам препрѣнъ бысть; измагался, да не измоглъ, но и сам побѣженъ бысть; и всюду посрамленъ есть, и всячески поруганъ бысть, и еще ктому невѣрьствует и креститися не хощет. Да како сий нѣсть достоинъ казни? И како не долженъ есть умрети? Да аще сего пустиши жива суща и непоругана и не казнена, то и пуще паки пакостити ему». Отвещавъ же Стефанъ, и рече им: «Ни убо, да не будет тако. И не буди рука наша на нашем вразѣ. Ни скоро руки моея не возложу на нь, ни, казня, показню его и смерти не предам его: не посла бо мене Христос бити, но благовѣстити, и не повелѣ ми мучити, но учити с кротостию и увещати с тихостию, ни повелѣ казнити, но наказати с милостию». (...) Таче обратився къ волхву, и рече: «Слышалъ ли еси вся си, о, прелестниче?» Онъ же отвеща: «Ей, отче честный, вся си предреченная слышах и съ твердостию внидоста въ слуха моя». И паки вопрошенъ бысть: «Уже ли ти не пакостити, ни развращати вѣры?» Онъ же отвеща: «Ни, отче честный. Аще ли ти буду пакостникъ или вѣре твоей развратникъ, тогда умру пред ногама твоима». Паки же преподобный рече к нему: «Се засвидѣтельствую ти днесь пред многими послухи и запрещением запрещаю ти, да не явишися нигдѣже в чем от предиреченых повиненъ. Аще ли обрящешися по днех нѣколицѣх по запрещении, преступая наша словеса сиа и не родя о них, тогда прочее канонським епитемъям подлежиши и градскаго закона казнем повиненъ да будеши. Нынѣ

повелеваю пустити тя. Изиди убо от лица нашего цѣлъ и неязвенъ, токмо прочее блюдися потом, да не злѣ постражеши». И се рекъ, мужи, дръжащии его, испустиша и. Онъ же искочи от них, яко елень, и идяше от лица собору, радуяся, яко не тепенъ.

Отшедшу же влъхву, и се нѣцыи придоша къ Стефану, повѣдающе ему волъхвово напрасное лжеумиление, како дивляшеся влъхвъ разуму Стефаню и премудрости словесъ его и о дивнѣх отвѣтех его, и сам обличаем бяше от своеа совести, вѣдый, яко истину глаголеть Стефан и праведная наказует. Но влеком бѣ лукавным своим обычаем утвердившимся в нем чарованием, яко «броздьми и уздою одръжим бѣ», [238] яко тмою, омраченъ волшвением своим и ко «свѣту истинному»[239] возрѣти не хотяше, паче же реку: не можаше. И того ради и вся словеса Стефанова забывъ, паки по первый свой ятся давный злый обычай. Преподобный же рече: «Прѣние наше еже с волхвом, в немже мала не скончася над нами одно слово, глаголющее: „Проидохом сквозѣ огнь и воду, и изведе ны в покой".[240] Но обаче отшедшу влъхву, обретохом покой по многих распрѣнии: от многиа истомы и от многословиа изведе ны в покой». О волъсвѣ же убо слово сицево да скратим и ту абие изоставим конецъ.

Межу же сим преподобный крещаше люди, здѣ и ондѣ обретающихся, от различных погостовъ приходящих, мужи и жены, и дѣти, *съсущая* младенца. Елико вѣрных и елико готовающихся къ святому просвѣщению, елико хотящих породитися «банею пакипорождениа», [241] елико желающих приати Христово знамение, елико приходящих къ святому крещению — сих всѣх оглашая, поучая, крещаше, якоже бѣ ему обычай, иже и присно творяше.

Дѣло же бѣ ему: книги писаше, с руских переводя на перьмьскиа, но и съ греческих многажды на пермьскиа. И не малу болѣзнь имѣя о сем, прилежаше. Овогда убо почиташе святыя книги, овогда же преписоваше, то бо бѣ дѣло ему присно. Тѣм и в нощех многажды без сна пребываше и бдѣниа повсегдашняа сътваряше. Денью же множицею непразденъ пребываше. Овогда убо тружашеся еже в дѣлех руку своею, ово же наряжаше и устраяше, яже надобно церкви, или себѣ на потребу и сущимъ с ним.

О епископьствѣ

И умножьшимся учеником, пребываху християне, но и церкви святыя на различных мѣстех и на розных реках и на погостех, сдѣ и ондѣ, созидаеми бываху. И нужа всяко бысть ему взискати и поставити и привести епископа. И съпроста рещи, всячески требует земля та епископа, понеже до митрополита и до Москвы далече сущи. Елико далече отстоит Царьград от Москвы, тако удалѣла есть от Москвы далняя Пермъ. И како мощно быти безъ епископа? И кто может толь далече путь надолзѣ часто шествовати о епископлѣх вещех и о дѣлех руку его: и о церковныхъ управлениих, или священники поставляти, попы, диаконы и игумены, или на основание церкви, или на священие церкви, и прочая ина многа, в нихъже мѣстех ключается требѣ быти епископу.

И сих ради всѣх совѣтоваше съ предними своими чиноначалники. И таковыя ради вины воздвижеся от земля далная, еже есть от Перми, на Москву, къ князю великому Дмитрию Ивановичу[242] и къ Пымину, тогда сущу митрополиту,[243] и вину сущу повѣда им, еяже ради от далняго оземьствованиа пришествова на Москву, юже яви, рекъ: «Да ся поищет и изобрящет сицъ мужъ у вас, егоже поставльше и епископом, послѣте и со мною в Пермьскую землю. Зило бо требуют ти людие епископа, понеже „жатва"[244] приспѣла есть, и „жатва убо многа, а дѣлатель мало", и сего ради „молимся Господину жатвѣ, да изведет дѣлателя на жатву свою", яко да пришедшу ему тамо въ свою епископью, будет ми спомощникъ и способникъ на проповѣдь, Богу съдѣйствующу и споспѣшьствующу, и азъ буду ему съслужебникъ и сработникъ и сострадалникъ, яже на всяку потребу благу».

Се же слышавъ князь великий и митрополит, удивльшася, похвалиста думу его, и угодни быша пред ними словеса его, и посулиста быти прошению его. Митрополит тъгда *не малу печаль имяше, пекийся присно о мирѣ* и о градѣх, и о странах, и прочиих епархиах, сущиихъ въ его митрополии, о множествѣ словесных овецъ, паче же о новокрещенных. И о сем прилѣжно думаше и гадаше, искаше и пыташе, кого изыскати, изобрѣсти и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермъ, и како достоит епископу быти и какову подобает ему достоиньством быти. (...) Ови же сего поминаху, друзии же другаго вдергиваху, инии же иного имя изношаху. Митрополит же рече: «Ни убо, да не будет. По истинѣ бо добри суть и ти, но ни единъ же от них обрящется. Но елма же убо обретаю в Ветсѣм Завѣте слово оно, глаголемо: „Обрѣтох Давыда, сына Иессѣева, мужа по сердцу моему", [245] сице и аз нынѣ обретох того самого Стефана, мужа добра, мудра, разумна, смыслена, умна суща и хитра, и всячески добродѣтелми украшена, и таковаго дара достойна бывша, еже при мнозѣх и во мнозѣх в нынешнее время досужна бывша. Мню же, яко пригожу ему быти и надѣюся, яко то „дѣлецъ" есть. Еще же к тому имат благодать, вдануую ему от Бога, и учительства даръ, еже стяжа, и талантъ, порученый ему, [246] и слово премудрости и разума. Но и грамоты розныя умѣет, и языки инѣми возглаголеть к людем, и чювьствии душевными и телесными благопотребенъ есть».

Слышавши же «архиерѣи, старцы и книжницы»,[247] и клирицы, — вси вкупѣ, яко единѣми усты, рекоша: «Воистину добръ мужъ, достоинъ есть таковыя благодати». Наипаче же князю великому зило за честь поставление его, бѣ бо ему знаем зило, и любляше издавна. Митрополит же, со князем с великим срассудивъ, и подумавъ и порасмотривъ, видѣвъ и слышавъ мужа добродѣтель и благоизволение, и доброе исповѣдание, и яко учительским саном украшена суща, и яко апостольское дѣло начинающа же и свершающа, и таковыя благодати достойна бывши, и, — собравъ епископы и священники и прочая клиросники, тачe благодатию и изволением князя великого и своим избранием, и хотѣнием всего причта и людей, — поставль его епископом в Перьмъскую землю, юже и просвети святым крещением, юже научи вѣрѣ кристианьстѣй, в нейже имя исповѣда Божие пред нечестивыми, в нейже проповѣда святое Евагтелие Христово, в нейже съдѣа дѣла странна, страшна и преславна, ихъже инъ никтоже тамо

преже его не створи, в нейже идолы попра, святыя церкви воздвиже и богомолью устрои, и святыя иконы постави, и люди Богу кланятися научи. Сиа же люди, яже от прельсти избави, от бесовъ отведе и къ Богу приведе. Сим людем поставленъ бысть епископъ и архиерѣй. Над всѣми людми поставленъ бысть святитель[248] и законодавца над ними, да разумѣют языцы, яко человѣцы суть. Поставленъ же бысть по Тактамышеве рати на другую зиму,[249] егда и Михаилъ, епископъ смоленьский[250] поставлен бысть. Тогда и сий с ним во едино время поставлени быша. (...)

Послали бо его бяху пермяне на Москву, глаголюще: «Изиди на взыскание епископа и взищи нам святителя, егоже обрѣте епископа, возвратися к нам. Приди с ним, ведеи его съ собою». Онъ же, шедый на взыскание епископа, паки возвратися к ним, не привед его. Единъ приде, никогоже ведый съ собою: иже шед на взискание епископа внезапу токмо сам обрѣтеся епископъ. Не бо вѣдалъ бывающаго, яко быти ему епископом тѣмъ, и не добивался владычьства,[251] ни врьтѣлся, ни наскакивалъ, ни накупался, ни насуливался посулы, не далъ же никомуже ничтоже — ни дара, ни посула, ни мзды. Нѣчего бо бяше было и дати ему, нестяжание стяжавъшу ему, но и самому сдаваша, елико потребная, елико милостивии христолюбцы и страннолюбцы, видяще Бога ради *бывающее творимо. И митрополитъ Бога радма* поставль его и спасениа ради обращающихся новокрещеных людий. Егда же по поставлении его, по днех доволных, отпущенъ бысть княземъ великим и митрополитом, паки отиде въ свою землю, одаренъ от князя и от митрополита, и от болярь, и от прочих христоименитых людий, и идяше путем своим, радуяся, благодаря Бога, устроившаго вся добрѣ зило.

И приѣхавъ въ свою си епископью, паки по первое деръжашеся устроение и свое обычное дѣло имѣяше, и слово Божие проповѣдаше с дерзновением, и невозбранно учаше а. Елико гдѣ осталося от некрещеных, — изискaя сюду и сюду, в киих предѣлех обретая сиа от поганых, — обращаше и крещаше. Всѣх же крещеных своих учаше въ вѣре пребывати и напред поспѣвати, якоже рече апостолъ: «Задняя забывающе, а на предняя протязающеся».[252] И грамоте пермъской учаше я, и книги писаше им, и церкви святыя ставляше им и свящаше, иконами украшаше и книгами исполняше и манастыри наряжаше,[253] и в черьнцы постригаше и игумены имъ устрояше, и священники, попы, диаконы сам поставляше и анагносты, и падиаки уставляше. И попове его пермьскиим языком служаху: и обѣдню, заутреню же и вечерню,[254] пермъскою рѣчию пояху. И кононархи[255] его по пермъским книгам конархаша, и четцы чтение чтяху пермьскою бесѣдою, пѣвцы же всяко пѣние пермъски возглашаху. И бяше видѣти чюдо в земли той: идѣже преже были идолослужителие, бѣсомолцы, ту богомолцы явишася. (...)

О призвании и о вѣровании многихъ языкъ

О сем и апостоли свидѣтельствують, еже о обращении странъ и о призвании языкъ, яко «подобает во всѣх языцѣхъ проповѣдатися слову Божию»,[256] и яко подобает иноязычником обращатися къ Богу и

вѣровати, и крещатися. Благовѣстницы и проповѣдницы свидѣтельствуют о семъ и пророцы согласуютъ. Исайа бо рече: «Се языцы, иже не вѣдают тебе, призовуть тя и людие, иже не знают тебе, прибѣжат к тебѣ».[257] И пророкъ Давыдъ рече: «Хвалите Бога»,[258] «вси языцы поработают ему»,[259] «вси языцы ублажат и»,[260] «вси языцы приидуть и поклонятся пред тобою, Господи, и прославят имя твое»[261] в вѣкъ, «убоятся языцы имени Господня»,[262] «убоятся его вси концы земля»,[263] «услышите, вси языцы, внушите вси живущии по вселеннѣй, земнии же, сынове человѣчестии, вкупѣ богат и убогъ», [264] яко «высокъ надо всѣми языки Господь, и над небесы слава его», [265] «очи его на языки *призиреата»,**[266]** «сказа Господь спасение свое, пред языки* откры правду свою»,[267] «видѣша вси концы земля спасение Бога нашего»,[268] «благословите, языцы, Бога нашего, слышанъ створите глас хвалы его»,[269] «да познаемъ на земли путь твой; во всѣх языцѣх дѣла его»,[270] «возвестите во языцѣх славу его, во всѣх людехъ чюдеса его»,[271] «рцѣте во языцѣх, яко Господь воцарися, ибо исправи вселенную, яже не подвижится»,[272] «яко *царь* всей земли»[273] «Богъ воцарися над языки»,[274] «блаженъ языкъ, емуже есть Господь Богъ его, и люди, яже избра в достояние свое»,[275] «милости Господня исполнися земля»,[276] «да убоится Господа вся земля»[277] «и исполнится вся земля славы его; будет и будет»,[278] «да подвижется от лица его вся земля»,[279] «во псалмѣх воскликнѣм ему, яко Богъ — велий Господь, царь велий по всей земли»,[280] «воскликнете Господеви, вся земля»,[281] «увѣдѣте, яко той есть Богъ нашъ, той сотвори ны, а не мы себе»,[282] «воспойте Господеви, вся земля»,[283] «воскликни Богу, вся земля»,[284] «вся земля да поклонит ти ся и да поет тебѣ, да поет же имени твоему, Вышнии»,[285] яко ты, Господи, «единъ Вышний по всей земли»,[286] «зило превознесеся над всѣми боги»,[287] «азъ познах, яко велий Господь, и Богъ нашъ надо всѣми боги»,[288] «велий Господь, хваленъ зило, страшенъ есть над всѣми боги»,[289] «Господи, Господь нашъ, яко чюдно имя твое по всей земли!»,[290] «вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава твоя»[291] «по имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концы земли», [292] «упование всѣм концем земли и сущим в мори далече»,[293] «вонми и посѣти всѣх языкъ»,[294] «и увѣдают, яко имя тебѣ Господь, и ты единъ еси Вышний по всей земли»,[295] «воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣх языцѣх»,[296] «блаженъ, егоже ты накажеши, Господи, и от закона твоего научиши и»,[297] «мнѣ иноплеменницы покоришася»,[298] «да постыдятся вси кланяющиися истуканным, хвалящиися о идолѣх своих»,[299] «яко не отринет Господь людий своих и достояниа своего не оставить»,[300] но «посла слово свое, исцѣли а и избави а от пагубы ихъ»,[301] «да рекуть избавлении Господомъ, иже избави а из руки вражиа и от странъ собра я, от въстока и запада, и сѣвера и моря; заблудиша в земли безводнѣ»,[302] «алчюще и жажуще; душа их в них изнеможе. Возваша ко Господу, егда въстужиша; от бѣд их избави а и наведе а на путь правый»,[303] «ибо благословение даст законъ даяй»,[304] того ради «вознесуть и въ церкви людстѣй и на сѣдалищи старецъ восхвалят его»[305] «и поклонятся ему вси царие земстии»,[306] и «всяко дыхание да хвалит Господа».[307] (...)

О азъбукы пермъстѣй

Не токмо бо святым крещениемъ просвѣти а, но и грамотѣ сподоби а и книжный разумъ дарова им и писание предасть им, еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку пермъскую счини[308] и, тѣми писменными словесы книги многи написавъ, предасть им, егоже дотолѣ вѣк свой не стяжаша. Преже убо крещениа пермяне не имѣяху у себе грамоты и не разумѣваху писаниа, и отинуд не знаяху, что есть книги, но точию у них баснотворцы были, иже басними баяху о бытии и о миротворении, и о Адамѣ, и о раздѣлении языкъ. И прочая бяху бающа и лжуща паче, а не истиньствующе. И тако бѣша вѣкъ свой и вся лѣта своя истрошиша. Но Богъ, милостивый человѣколюбецъ, иже вся устрааяя на ползу людем си и не оставляя рода человѣча без разума, но всячески приводя на разумъ и на спасение, иже пощадѣ и помилова люди пермъскаго языка, воздвиже и устрои им, якоже древле Веселеила во Иизраили — и «наполни мудрости и хитрости»,[309] — тако и сего Стефана, мужа добра и благоговѣйна, и посла к нимъ. Онъ же сотвори им грамоту нову — азбуку пермскую, сложивъ, счини. И егда сему бывшу, мнози от человѣкъ видѣвши и слышавши и чюдишася, не точию сущии в Перми, ино и по иным градом и землямъ, паче же на Москвѣ дивляхуся, глаголюще: «Како сей умѣет книги пермъския доспѣти и откуду сему дана бысть премудрость?» Друзии же рѣша: «Се есть воистину философ новый». То бысть Костянтинъ нарицаем и Кирил Философ, иже сотворилъ грамоту словеньскую[310] въ тридесят и восмъ словъ. Такоже и се сь сложил числом четыре межу двема десятма словъ, подобяся грческиа *азбукы числу словъ, ова убо слова по чину греческыхъ* письмень, ова же убо по рѣчи перьмьскаго языка. Первое же слово «азъ» у стиха, якоже и у греческиа азбуки.

Преже же всѣх грамот бысть жидовская грамота.[311] С тое сняша еллиньстии грамотничицы. Таче по сих — римская и прочии ини мнози. По мнозѣх лѣтех — русская. Послѣ же всѣх — пермьская. У жидовскиа азбуки первому слову имя «алфъ»,[312] а греческиа азбуки первому слову имя «алфавита»,[313] а сирьяньскиа — «алеф-бе», а у югорскиа — «афака-васака», а руски — «азъ», у пермьские — «а-буръ». Да не по единой глаголюще, умножится слово. Мнози бо суть грамоты и мнози азбуки. Но се имяна словом азбуки пермьскиа: а, буръ, гай, дой, е, жой, зата, зита, и, коке, *леи,* мено, нено, во, пѣй, рей, сий, тай, цу, черы, шуя, е, ю, о.[314]

Нѣции же, скудни суще умом, рѣша: «Почто ли сотворени суть книги пермскиа грамоты? И преже бо сего издавна в Перми не было грамоты, пошлина сущи такова: не имущим имъ издавна у себе грамоты, и тако изжившим имъ вѣкъ свой без нея. Ныня же, во скончаниа лѣт, в послѣднии дни, на исход числа седмыя тысящи, паче же мала ради времени, точию за 120 лѣт до скончаниа вѣку грамота замышляти![315] Аще ли и се требѣ есть, достояше паче русскаа, готова сущи грамота, юже предати им и научити а. Суть бо писмена книжная, ихже издавна и по пошлинѣ имуще языцы у себе, якоже се жидовъски, еллински, римски». К ним же что достоит рещи, или что подобает отвѣщати? Явѣ же есть, якоже научаемся от Писаниа, а не инако како. Но обаче в Писании сице есть же. Еже от Адама первозданаго глаголю, егоже сынъ Сифъ, — сий первѣе изучися грамотѣ жидовъстѣй.[316] Таче от Адама до потопа преиде лѣт 2000 и 242.[317] По потопѣ же бысть

столпотворение, егда раздѣлишася языцы, якоже и в Бытии пишет.[318] Да якоже раздѣлишася языцы, такоже раздѣлишася и нрави, и обычаи, и устави, и законы, и хитрости на языки. Якоже се, глаголю, есть языкъ египетескъ, емуже досталося землемѣрие. А персом и халдѣом,[319] и асуриом — астрономие, звѣздочетие, волъшвение и чарование и прочая суетныя хитрости человѣческиа. Жидовом же — святыя книги, понеже тѣ научени суще, еюже грамотою и Моисей потом писаше о бытии всего мира Бытийскиа книги, в нихъже есть писано, яко Богъ сотворилъ небо и землю, и вся, яже на нею, и человѣка, и прочее все поряду, якоже пишет в Бытии. Еллиномъ же достася грамотикиа и риторикиа, и философиа. Но исперва еллики не имѣяху у себе своим языком грамоты, но афинѣйскою грамотою[320] нужахуся писати свою рѣчь, и та бѣша по многа лѣта. (...)

Коль много лѣт мнози философи елиньстии сбирали и составливали грамоту греческую и едва уставили, мнозѣми труды и многими времены едва сложили! Пермъскую же грамоту единъ *чернецъ сложилъ, единъ* составилъ, единъ счинилъ, единъ калогерь, единъ мних, един инокъ, Стефанъ, глаголю, присно помнимый епископъ. Единъ во едино время, а не по многа времена и лѣта, якоже и они. Но единъ инокъ, единъ воединенъ и уединяяся, единъ уединеный, единъ, единого Бога на помощь призывая, единъ, единому Богу моляся и глаголя: «Боже и Господи, иже премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленым казателю и нищим заступниче, утверди и вразуми сердце мое и дай же ми слово отчее, да тя прославляю во вѣки вѣком».

И сице единъ инокъ, къ единому Богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книги перевелъ в малых лѣтех, Богу помагающу ему. А они мнози философи — многими лѣты седмъ философовъ едва азбуку уставили,[321] а 70 муж мудрецъ преложение преложили, перетолмачили книги, от жидовска на греческий языкъ преведоша.[322] Тѣмже мню, яко руская грамота честнѣйши есть елиньскиа, святъ бо мужъ сотворилъ ю есть, Кирила реку Философа, а греческую алфавиту — елини некрещени, погани суще, съставливали суть. Такоже и потому же пермьская грамота паче елиньскиа, юже сотвори Стефанъ. Тамо — Кирилъ, сдѣ же — Стефанъ. Оба сиа мужа добра и мудра быста и равна суща мудрованием. Оба единакъ, равенъ подвигъ обависта и подъяста, и Бога ради оба потружастася — овъ спасениа ради словѣном, овъ же — пермяном. Яко двѣ свѣтилѣ свѣтлѣ, языки просветиста. Каковыя похвалы достойна быста? «Память бо, — рече, — праведных с похвалами бывает»,[323] и «похваляему праведнику возвеселятся людие».[324] Си бо Бога прослависта, и Богъ ею прослави «славящая бо мя, — рече, — прославлю».[325] Но Кирилу Философу способляше многажды брат его Мефодий — или грамоту складывати, или азбуку съставливати, или книги переводити. Стефану же никтоже обрѣтеся помощникъ, развѣ токмо единъ Господь «Богъ нашъ, прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣх, обрѣтших ны зило».[326]

Аще ли кто речет слово на пермъскую грамоту, яко похуляя ю и глаголя, яко нѣсть гораздно устроена азбука си, достойно есть починивати еа, — и еще тѣм к сим рцем: и греческую грамоту такоже мнози починиваша, — Акула и Сумахова чадь[327] и инии мнози. Дивья

бо есть готоваго починивати? Удобѣе бо есть послѣди построяти паче, нежели исперва начати и сотворити. Аще бо кто вопросит греческаго книжника, глаголя: «Кто вы есть грамоту сотворилъ или книги преложилъ, и в кое время то ся есть дѣяло?» — то рѣдции от них отвѣт дати могуть, и немнози вѣдают. И аще вопросиши рускиа грамотикии, глаголя: «Кто вы есть грамоту сотворилъ и книги перетолковалъ?» — то вси вѣдают и въскорѣ отвѣщают, ркуще: «Святый Костянтинъ Философъ, нарицаемый Кирилъ, — той нам грамоту сотворилъ и книги переложилъ съ греческаго языка на русский съ братом си присным Мефедомъ, иже бысть послѣди епископъ моравъский.[328] В кое же время то бяше? Въ царство Михаила, царя греческаго, иже въ Цари-градѣ царствовавшаго, при патриарсѣ Фотии, в лѣто Бориса, князя болгарского, и Растица, князя моравскаго, и Костеля, князя блатеньска, во княжение князя великаго всея Русиа Рюрика, погана суща и некрещена, за 120 лѣт до крещениа Рускиа земля, а от созданиа миру в лѣто 6363».[329] И аще паки вопросиши прьмина, глаголя: «Кто вы избави от работы идолослужениа и кто вы есть грамоту сотворилъ и книги переложилъ?» — то с жалостию и с радостию ркуть и со многим тщанием и со усердием отвѣщают, глаголюще: «Добрый нашъ дидаскалъ Стефанъ, иже обоямо просветивый нас, во тмѣ идолослужениа сѣдящих.[330] (...) Единъ Господь Богъ Израилевъ, имѣяй велию милость, еюже возлюби и нас, помилова нас, дарова нам своего угодника Стефана, и преложи намъ книги от рускаго на пермъский языкъ». Когда же се бысть или в кое время? И не давно, но, яко мню, от созданиа миру в лѣто 6883 въ царство Иоана, царя греческаго, въ Царѣ-градѣ царствовавшаго, при архиепископѣ Филофѣи, патриарсѣ Костянтина-града.[331] В Ордѣ же и в Сараи над татары тогда Мамай царствует,[332] но не вѣчнует абие. На Руси же при велицѣм князи Дмитрѣи Ивановичи; архиепископу же, митрополиту, не сущу на Руси в ты дни никомуже, но ожидающим митрополича пришествиа от Царя-града,[333] егоже Богъ дасть. Тацы ти суть дарове, иже дарова Богъ земли Пермъстѣй, тако вѣра зачало приимаше, и злоба от среды отгонима бываше, тако ти крещение приаша, тако грамотѣ сподобишася, тако християне прибываху, тако стадо словесное исполняшеся, тако «виноград Господа Саваофа»[334] добрѣ цветяше, плодом добродѣтели гобзуя, тако чинъ церкви Христовы добролѣпнѣ множашеся, и православию цветущу.[335]

Епископъ же Стефанъ, видя людий своих, крещающихся и обращающихся къ Богу и утвержающихся вѣре, и о них веселяшеся и о семъ благодарно прославляше Бога доброчестивый сей отецъ, не себѣ угажая, но многим, да ся спасуть. Единою же нѣкогда хотя искусити люди своя и увѣдати, аще суть твердѣ вѣровали, паче же хотя увѣрити а или извѣстити а в вѣре, и глагола к ним: «Донынѣ „млеком питах вы, а уже отселѣ твердою пищею достоит ми кормити вы и черъствым брашном питати вы".[336] Нынѣ убо „покажите ми первие от дѣлъ ваших вѣру свою".[337] Аще есте крѣпцѣ вѣровали, то нынѣ знамение да приимете извѣщениа вѣры. И аще кто вѣренъ и мудръ хотяй быти в вас, вящшии, паче всѣх, и хотяй быти изо всѣх и боле всѣх любовь имѣти ко мнѣ, да изищет и испытает, аще гдѣ возвѣдает кумиръ сущъ таящъся — или въ своем дому, или у ближняго си у сусѣда, или индѣ гдѣ скровенъ втаю — да, обрѣт, изнесет и на среду пред всѣми и, ревнуя по вѣре, ти тако своима рукама да сотрет и. Да аще кто сице сотворить, сего азъ

надо всѣми возлюблю и похвалю и подарю». Они же, то слышавше, кождо их тщашеся другъ пред другом, да бы гдѣ увѣдати и изобрѣсти тающъся кумиръ, да бы кто, варивъ, первѣе показалъ свое тщание. И бяше видѣти тогда дивно промежу ими: аще бы кто и хотѣлъ, лицемѣруя о вѣре, свой кумиръ потаити, но не можаше, сами бо к себѣ съзирахуся, кождо бо блюдяшеся, преже даже подругъ его не обличить. Но и клеветари добри сами промежи собою бываху: бяху бо свѣдуще другъ друга тайная, сусѣди суще межи собою. И тацѣми винами напослѣдокъ истребишася домове их, и до конца очистишася от кумиръ и быша свершени в вѣре и с женами и с дѣтьми.

Бяше же есть епископъ Стефанъ искусенъ сый книгам. Иже сею добродѣтелью украшенъ бѣ, дѣлом и словом мощенъ сый противитися идолослужителемъ и супротивъ глаголющая обличати. Но и умѣтельству книгъ доволенъ бѣ и все, елико мнѣти нужное и недовѣдомо лежащее въ Святом Писании, удобь сиа разрѣшити и протолковати добрѣ. Сии даръ имяше от Святаго Духа, яко чюдитися многим людем и дивитися о толицѣй Божии благодати, данѣй ему. Еже посреди и межу невѣрными единъ сий бысть в лѣта наша и нарочит сказатель, единъ дидаскалъ словес апостолескъ и пророческъ и еже добрѣ протолкуя рѣчи пророкъ и гаданиа. Единъ точию от многих поминается. И милостыню любляше подаяти, страннолюбие и нищекормие и гостем учреждение творити. Коль краты многажды лодьями жита привозя от Вологды в Пермь, и сиа вся истрошаше не на ино что еже на свой промыслъ — но точию на потребу странным и приходящим и прочим всѣм требующимъ. Да якоже древле Иосифъ въ Египтѣ бысть пшеницедатель и люди прекорми и препита я во дни гладу, такоже и се сь новый бысть житодавецъ, люди насытивый.[338] Но тот сдѣ и паче Иосифа Прекраснаго бысть. Иосиф бо людем точию единѣм житомѣриемъ кормитель бысть, и тоже не даромъ, но на цѣнах комуждо продаяше. Се сь же, добрѣ строительство стяжа, бес цѣны предааше и даром комуждо раздаваше. Яко пророкъ Исайа рече: «Иже не имат хлѣба, шедше, купите и ядите бес сребра и бес цѣны, — въскую цѣните хлѣбъ вашъ?»[339] Иосифъ же телеса едина точию препита, сии же не токмо телеса прекорми, но и душа их прекорми, — учением, глаголю, Божественых Писаний, сугубою пищею: телеса убо брашны еже от плод земных, душам же поучение, еже есть плод устенъ. И тако обояко кормивъ люди и препитавъ я въ глад. Глад же, глаголю, не токмо, еже не сущу житу, но еже и другий глад приспѣ, не менши перваго, — еже оттинудь не слышати слова Божиа. И тако бѣаше земля та в ты дни двѣма гладома одержима сущи, двоигубо же и питѣние обрѣте. «Не о хлѣбе бо, — рече, — единѣм живъ будет человѣкъ, но о всяком глаголѣ, исходящем из устъ Божиих».[340] И паки: «Дѣлайте, — рече, — не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее в жизнь вѣчную».[341] Сего ради не точию бо бѣяше чювьствена трапеза видима предлагаема, но и духовная представляема: и поучение Божественое присно, и преже ядениа, и при ядении, и по ядении глаголашеся псаломъ, и по питьи — пѣснь. Много бо учреждение творяше велие многим странным и гостем, и пришелцем, приплавающим и отплавающим, и не дадяше им мимоходити просто тако, якоже прилучашеся, но всякому приходящему преже у него побывати и у него благословитися, и у него ясти же и пити, и у него приати *увѣтъ и*

учение и учреждение и утѣшение, и у него приати молитву и, благословениа сподоблься, ти тако прочее отити на предлежащий путь, Богу наставляющу его на спасение многим душам.

Егда же бысть близъ времени преставлениа его, яко мнѣти, за два месяца *или за три* или за боле, и созва люди новокрещеныя пермьскиа и, собравъ я вкупѣ, хотя им поучение сотворити обычное, паче же послѣднее поучение, и рече им, глаголя: «Братие, отцы и чада, мужи пермстии. Должни есмы „благодарити и благохвалити Бога Отца, Господа нашего Исус Христа, о вашей вѣре"[342] *и* вашего ради обращениа и крещениа. (…) И се нынѣ время ошествиа моего настоит ми уже. Да будет вамъ извѣстъно. Аще ли кто подумает, маловѣренъ сый, и паче же рещи — зловѣренъ сый, помыслит отити от свѣта во тму, *въсхощетъ отступити от „Бога жива"*,[343] восхощет отврещися вѣры христианьскиа, и еже сградивъ, сию паки разаряет, — и противу сему что хощем рещи? Но токмо чистъ есмъ азъ от сего, и кромѣ сие мене да будет, и сам отвѣт въ Страшный День Судный да воздастъ о себѣ или безо всякого отвѣта да будет. Аз бо силу свою исполних и многа словеса божественая сказах и все, елико долженъ бѣх сотворити, и сотворих. И уже усталъ есмъ, уча их, не дая покоя челюстем моим. Утрудихся, вопиа. Измолче гортань мой (…)».

Поучивъ люди и благословивъ и молитву сотворивъ, и изиде. Егда бо входяй первое в землю ту, начиная учити, молитву сотвори и паки, исходя, молитву сотвори: и начиная, и окончевая, и совершая все молитвою заключи и запечатлѣ. И тако изиде от земля Пермъскиа на Москву.[344] Егда же приде кончина лѣт житиа его, и время ошествиа его наста, и приспѣ година преставлениа его, прилучися ему в ты дни приѣхати на Москву, къ Кипреану митрополиту.[345] Бѣ бо ему любим зило, и любляше и велми. К нему же потщася долгъ путь гнати и многъ шествовати о нѣких дѣлесех священотаинных и о церковномъ управлении и о законоправилѣх и о прочих вопросех потребных, яже суть на спасение человѣком. И тогда приключися ему на Москвѣ, нѣколико дний поболѣвшу, и преставитися.[346] Подобаше бо тому, по апостолскому гласу, иже воздержаным трудом добрѣ потрудившуся и общаго естества долгъ отдати. Но преже преставлениа его на одрѣ болѣзни слежащу ему и болящу, братиам часто посѣщающим его — овѣм предстоящим окрестъ его, овѣм же предсѣдящим у него — но и сам князь великий прихожаше на посещение его,[347] и боляри мнози многажды навещахуть его, и сице же ему болящу ту.

Поучение

Во единъ же от дний призва своя си клирики и ризничнѣ[348] ипадьаки и вся сущая его елико с ним приѣхаша от земля Пермскиа, и рече им: «Братие, слышите словеса от устъ моих. Се нынѣ отпущаю вы паки в землю Пермъскую. По моем ошествии идѣте и рцѣте им, новокрещеным людемъ пермьским, и всѣм ближним и далным — возвестите к ним моя глаголы, елико к ним приказываю: или епистолиею написуа, или нароком нарекуа, скажите им, елико слышасте и видѣсте. Се бо уже конечное слово хощу рещи, яже паки ктому уже потом прочее не приложу глаголати, постигнет бо мя кончина, и приде день, и

приближися час, и приспѣ година. Но понеже добро есть сдержати доброе исповѣдание и до послѣдняго издыханиа, рцѣте от мене людем, глаголюще: „Се азъ отхожу от вас и ктому прочее уже не живу с вами. Се азъ иду в путь отецъ моих, аможе и вси поидоша. Се азъ умираю, аки же и вси иже живущии на земли. Внемлете, людие мои, законъ Божий. Внимайте себѣ, чада. Бдите и молитеся. Стойте в вѣре неподвижими. Мужайтеся. Да крепится сердце ваше. Станите о вѣре твердѣ. Блюдѣтеся от еретиковъ. Стерезитеся от иже развратниковъ вѣре. Снабдитеся от приходящих расколъ церковныхъ и от находящих раздоръ. Съхранитеся от всякиа ереси пагубныя. Блюдитеся от кумирослужениа вашего давнаго. Да никтоже васъ прельстит злыми словесы. Вѣсте бо, братие, колику скорбь приах, колико томление подъяхъ в земли Пермьстѣй и колико пострадах въ странѣ той, утвержая вѣру, уставливая крещение, Законъ полагая зило, повсегда пекийся, день и нощъ моля Бога, да ми отверзет дверь милосердиа, да приимет молитву мою, да спасет люди своя. Богъ же человѣколюбецъ не презрѣ молитвы моеа, но исполни прошение мое, приведе люди въ вѣру, и се есте днесь съвершени въ крещении. И се нынѣ, братие, предаю вы Богу и словеси благодати его, могущу ему вас съградити и съхранити, и спасти. Прочее же, братие, стойте в вѣре крѣпцѣ, неподвижнѣ (...)"».

О преставлении

И мало побесѣдовавъ промежу собою о душеполезных и вся добрѣ расправивъ и розрядивъ, и вся проуготовавъ, и устроивъ, и все управивъ, и тако простеръ нозѣ свои на ложи своем, и братиам предстоящим и канонъ обычный поющим и славословящим; и сам съ братиами бесѣдоваше мала нѣкая словеса, — овому от прозвитеръ кадилницею с фимьяномъ покадити веляше, овому же молитву отходную промолвити, овѣм же канонъ во исход души проглаголати. И еще сущу благодарению во устѣхъ его молитвѣ купно исходящи от устъ его, и аки нѣкому спати хотящу или воздрѣмати начинающу сладким сномъ, тихо и безмятежно испусти духъ. Преставися къ Господу на 4 недѣли по Велицѣ дни, егда бывает праздникъ Преполовениа Пасхи. [349] (...) Апрѣля 26 епископа смерть постиже, апрѣля месяца обрѣте смерть Стефана. Иже епископъ «посѣтитель» наречется,[350] и «посѣтителя» посѣтила смерть. Онъ же тѣло повръгъ, яко и кожу, и, яко ризы, тѣла совлечеся. От тѣла отиде, къ Господу преиде, бѣжавъ от житийскаго многомутнаго моря и ничтоже имѣя притяжаниа житийскаго. В добрѣ бо житии воспитанъ бывъ и добрѣ поживъ на земли, умеръ же — и ко умръшим преложися отцемъ и праотцемъ, дѣдом и прадѣдом. Тѣло земное оставль, и радостию Господеви отдаде душу, дѣлателю душам и насадителю благим. Добрый нашъ поборникъ вѣре преставися от сего житиа къ тамошнему. Успе о Господѣ сном вѣчным и преиде от труда в покой, по Иову, глаголющу: «Смерть мужу покой есть».[351] Опочивение от трудовъ приат и от подвигъ, отставивъ тлѣнное се житие и маловременное, мимотекущее и скороминущее, и не стоящее, *изыде.* Отиде онамо, идеже есть мзда по дѣлом, идѣже «воздание противу трудовъ его».[352] Къ Господу отиде, егоже измлад возлюби, егоже ради на земли подвизася, егоже и пред нечестивыми исповѣда, егоже и въ странах проповѣда, в негоже и вѣровати научи. И

егда преставльшуся ему, собрася на провожение его много множество народа — князи, боляре, игумени, попове и гражаньстии людие, и прочии человѣцы, и проводиша его честно, пѣвше над ним надгробное обычное пѣние, предаша гробу честное тѣло его, положиша его во пресловущом градѣ Москвѣ, в манастыри Святаго Спаса,[353] въ церкви каменой, входящим въ церковь на лѣвой странѣ. И мнози, скорбяще, тужаще по нем, поминающе добродѣтелное житие его и душеполезное учение его и благонравныя обычая его. Наипаче же стадо его тужаше по нем, новокрещеный языкъ пермъский.

Плачь пермъских людей

И егда прииде к ним вѣсть си, возвещающе к ним, глаголющи: «Приидѣте, новокрещении пермъстии собори, и видѣте и слышите, како учитель вашъ преставися от вас, къ Господу отиде, а вас сирых оставль. Мы бо есмы сами преставлению его самовидцы и слуги, еже очи наши видѣша, и руцѣ наши осязаша. Яко на Москвѣ болѣзновавшу ему, тамо и преставися, тамо и положен бысть честно. Аще ли не вѣруете словесем нашим, но яко лжа пред вами являются глаголи наши, то придѣте и видите ризы его и ризницу его, и книги его, и прочая его». Они же, егда услышаша преставление его, восплакаша со слезами и в тузѣ сердечнѣй вопиаху, умилением жалостно сетующе, и вси начаша глаголати: «Горе, горе нам, братие. Како остахом добра господина и учителя? Горе, горе нам. Како лишени быхомъ добра пастуха и правителя? О, како отъяся от нас иже многа добра нам податель? О, како остахом очистника душам нашим и печальника тѣлом нашим? Топерво остахом добра промышленика и ходатая иже *был* нам ходатай къ Богу и къ человѣком: къ Богу убо моляшеся о спасении душъ наших, а ко князю — о жалобе нашей и о лготе, и о ползе нашей ходатайствоваше и промышляше. Къ боляром же, к началом, властелем мира сего былъ нам заступникъ теплъ, многажды избавляа ны от насилиа и работы, и тивуньскиа[354] продажа и тяжкиа дани облегчая ны. Но и сами ти новгородцы-ушкуйницы,[355] разбойницы, словесы его увещевани бываху еже не воевати ны. Нынѣ же обоюду погрешихом и отвсюду лишени быхом. К Богу не имам молитвеника тепла, къ человѣком же не имам заступника скора. О, како и откуду се бысть поруха житию нашему? „Быхом поношение сусѣдом нашим",[356] иноязычникомъ лопи, вогулицам, югрѣ и пинезѣ.[357] О, епископе нашъ добрый, аки къ живому, тебѣ глаголемъ. О, добрый подвижниче правыя вѣры. О, священотаинниче и богопроповѣдниче, иже Бога нам проповѣдый, а идолы поправый. Нелестный нашъ вожу и наставниче. Проводниче заблужшим намъ. Аще быхом злато потеряли или сребро, то иное в того мѣсто обрящем, а тебе оставше, иного такова не обрящем. (...) Въскую же пустихом тя и на Москву, да тамо почилъ еси! Лучши бы было нам, да бы былъ гробъ твой в земли нашей, прямо очима нашима, да бы былъ увѣт не худ, и утѣха поне велика сиротству нашему. И аки к живому, к тебѣ приходяще, благословлялися быхом у тебе и по успении, аки к живому, поминающе твоя Богом преданая словеса. Нынѣ же оттинудь всего поряду лишени быхомъ. Не токмо бо тебе самого остахом, но и гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обида си бысть на ны от Москвы? Се ли есть правосудье еа, имѣюще у себе митрополиты, святители? А у нас былъ единъ епископъ, и того к себѣ взя, и нынѣ быхом не имуще ни

гроба епископля. Единъ тот былъ у нас епископъ, тоже былъ нам законодавецъ и законоположникъ, той же креститель и апостолъ, и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посетитель, правитель, исцѣлитель, архиерѣй, страж, вожъ, пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многи архиерѣя имущи, изобилующи, излишествующи, мы же токмо того единого *имѣхомъ, но и того единого* не сподобихомся и быхом скудьствующе. (...) Добро же бы было нам, аще бы рака мощий твоих была у нас, в нашей странѣ, а в твоей епископьи, нежели на Москвѣ, не въ своем предѣле. Не тако бо тебе почтут москвичи, якоже мы, ни тако ублажат. Знаем бо мы тѣх, имже и прозвища ты кидаху, отнюдуже нѣции яко и Храпом тя зваху, не разумѣюще силы и благодати Божиа, бываемыя в тебѣ и тобою. А мы быхом тебѣ должную честь воздали, яко должни суще тебѣ, и яко твои есмы ученицы, яко чада твоа приснаа, елма же тобою Бога познахом и иcьтлѣниа избыхом, тобою от прельсти бесовъскиа избавихомся, крещению сподобихомся. Тѣмже в рѣсноту убо достоит нам почтити тебе яко достойна суща хвалы. „Достоинъ бо, — рече, — дѣлатель мзды своеа".[358] Да како тя возможем по достоанию восхвалити или како тя ублажим, яко сотворилъ еси дѣло равно апостоломъ? Хвалит Римъскаа земля обою апостолу, Петра и Павла, чтитъ же и блажит Асийскаа земля Иоана Богослова, а Египетская — Марка евангелиста, Антиохийская — Луку евангелиста, Греческая — Андрѣа апостола, Русская земля — великого Володимера, крестившаго ю, Москва же блажит и честить Петра митрополита яко новаго чюдотворца, Ростовъская же земля — Леонтиа, епископа своего.[359] Тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалить и честит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповѣдника. (...) Днесь грѣх ради наших аще и отъялъ еси, Господи, от нас епископа нашего, но „не отъими от нас милости твоеа".[360] Ты бо еси давый нам его, ты же паки и взя, рцѣм Иововым гласом: „Господь далъ, Господь же взят, яко Господеви угодно, тако и бысть. Буди имя Господне благословено во вѣки. Буди слава Господня во веки".[361] „Благословена слава Господня от мѣста святаго его".[362] Молитвами, Господи, твоего святителя, а нашего епископа, Стефана, того молитвами, Господи Иисус Христе, Боже нашь, помилуй нас. Аминь».

Плачь церкви пермъскиа, егда обвдовѣ и плакася по епископѣ си

Егда убо людем пермъским печалующим и тужащимъ по своем си епископѣ (обычай же есть людем повсегда къ церкви приходити, паче же в печали сущим), услышано же бысть се во ушию церкви, сущая в Перми, яко епископъ еа преставися. Почютила печаль чад своих, услышала скорбь людии своих, яко услыша глас плача их, услышавши, и смятесе зило и пременися изменением красоты своеа. О, лютѣ вѣсти тоя страшныа и притранныя! Увы мнѣ, вѣсти тоя пламенныя и горкиа и печалныя! Жалую тя, перьмъская церкви, и паки реку: жаль ми тебе! О, злоприлучныя тоя вѣсти, повѣдающи церкви печаль ту! Кто скажет чадом церковным, яко осиротѣша? Кто возвестит невѣсте, яко овдовѣ? Егда же полную вѣсть услыша церкви, яко епископъ еа умре, извѣсто увѣдавши, возмятесе зило и смутися велми, и печаль смѣсися с горким рыданием. Плачется церкви прьмъская по епископѣ своемъ, глаголющи: «Увы мнѣ, увы мнѣ! О, чада церковная, почто таите мене,

еже не утаится? Почто скрываете мене, еже не укрыется? Гдѣ жених мой водворяется? Аще ли глаголете его преставльшася, и аще паки, якоже рѣсте, московская церкви приат и въ своя хранилища, почто нѣсте ревнители сыном Израилевым, иже вземше кости Иосифа Прекраснаго от земли Египетскиа и принесоша в Землю Обетованную, юже обеща Богъ отцем их, Аврааму, Исааку, Иакову?[363] И вы бысте такоже учителеви, длъжнующе, послужили. Почто, его вземше, не принесосте в свою землю, въ его епископью, въ его церковь, юже ему Богъ дарова, юже ему Богъ поручи? Увы мнѣ, женише мой, добрый невѣстокрасителю мой, и пѣснокрасителю, гдѣ водворяешися, гдѣ витаеши, гдѣ почиваеши? О, како не сѣтую, яко лишена бых тебе? Рыдаю себе, яко остах тебе. Плачю о себѣ, яко овдовѣх. Сѣтую чад своих, яко осирѣша. Увы мнѣ! Кто дасть очима моима слезы и главѣ моей воду, да ся плачю о женисѣ своем день и нощъ, да беспрестани рыдаю вдовства своего, да присно сетую о сиротствѣ чад своих? Увы мнѣ! Кого к рыданию моему призову на помощъ? Кто ми пособит плакатися? Кто ми слезы отрет? Кто ми плачь утолит? Кто ми печаль утѣшит? Епископа ли своего призову на утешение? Тому бо дана была така благодать, и тот имяше таку благодать — слово утѣшениа, еже утѣшати печалныя и сокрушеныя сердцем, „излиа бо ся, — рече, — благодать во устѣх"[364] его. Но обаче уже нѣсть его, не слышу бо гласа его въ церкви. Устнѣ его молчанием затвористася. Уста его не глаголют. А еже „излиася благодать",[365] вданая ему, отлетѣла прочь. Глас его умолче. Язык его преста глаголати. Учение уже пресякло. Источникъ учениа пресяче, и река пресохла. Оскудѣ поучение в Перми. Не вижу бо лица его въ церкви, не вижу очию его въ церкви, очи церкви Христовы. Болит язею тѣло церковное, и удове отчасти разболѣшася болѣзнию. Чада церковная, не сущу врачю, уврачюющу я, балуют овцы, а волцы наступают, а свистати нѣкому, иже бы отполошити и распудити волки, не сущу пастыреви. Плавает корабль душевный по морю житийскому, сѣмо и овамо мятущися, а кормнику не сущу. Велико бысть безвремяние в земли Пермъстѣй преставлением епископлим. Не мала поруха учинися. Многа печаль людемъ. Великъ плачь и рыдание церкви пермъской, понеже подпора церковная порушалася, и столпъ церкви отъяся. Основаниа церковная позыбашася, яко и сама церкви потресеся. Еретици-волцы, душегубцы-разбойницы, иноязычницы гогуличи наступают.[366] Рать еретиков наступает, и рать еретичьская лютѣ зило вооружается на церковь, а воеводы нѣсть, иже бы ихъ пороком духовным рошибал и разгналъ, и расточилъ, и распудилъ».

И таковыя ради туги жалостно плачется церкви пермъская, неутѣшимо и болѣзнено рыдает и не хотяше утѣшитися, яко нѣкому утѣшити еа. (...)

Плачеве и похвала инока списающа

Азъ же, отче, господине епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу — или сердцем, или языкомъ, или умом — иже иногда, живу сущу ти, бых ти досадитель, нынѣ же — похвалитель; и нѣкогда с тобою спирахся о нѣких о приключьшихся или о словѣ етерѣ, или о коемждо стисѣ, или о строцѣ. Но обаче поминая нынѣ твое длъготрьпѣние и твое многоразумие и благопокорение, сам ся себе усрамляю и окаю, сам ся обрыдаю и плачю. Увы мнѣ, егда преставление

честнаго тѣла твоего бысть, тогда, множаишеим братиам оступльшим одръ твой, увы мнѣ, мнѣ не сущу ту, не сподобихся послѣдняго ти целованиа и конечнаго прощениа. Увы мнѣ, мнѣ не сущу ту, увы мнѣ, каа спона мя отторже от лица твоего? И азъ рѣх: «Отринухся от лица очию твоею, но приложу ли убо призрѣти ми, видати тя когда? Уже бо не имамъ видѣти тя коли. Уже не имамъ прочее ктому узрѣти тя сдѣ, понеже тебѣ убо преставльшуся, якоже речено бысть, аз же, увы мнѣ, остах на злы дни. Уже бо межу нами межа велика сотворисся. Уже „меж нами пропасть велика утвердися".[367] Ты и убо, яко онъ добрый Лазарь нищий, почиваеши нынѣ яко в лонѣх Авраамлих, азъ же, окаанный, аки богатый онъ, пламенем пеком сый». Увы мнѣ, бых богат грехи и лишеный всякого добра и студных дѣлъ исполненъ, собрах многоразличное бремя греховное тлетворныя страсти и душевныя вреды. Сиа вся снискавъ и собравъ, сокровище себѣ сотворих. И сими окааньствии злѣ разбогатѣвъ, яко древний богатый, лютѣ, и, яко пламенем, страстми телесными лютѣ опаляем, вопию: «Устуди устнѣ мои, прохлади языкъ мой, яко перстомъ, орошением твоих молитвъ. Стражу бо злѣ, яко пламенем, плотолюбными вреды опаляем. Но орошением своих си глаголъ устуди уста моя и безстрастиа молитвою прохлади мя. Угаси ми пламень страстей моих. Увы мнѣ, кто ми пламень угасит? Кто ми тму просветит? „Се бо в безаконии зачат есмъ", [368] и безакониа моя умножишася зило, и безакониа моя волнах прилагаю морских, помышлениа же въ ялицах противных ми вѣтръ. Увы мнѣ, како скончаю мое житие? Како преплову „се море великое и пространное",[369] ширъшееся, *печалное, многомутное, не стоящее, мятущееся?* Како препроважу душевную ми лодью промежу волнами сверѣпыми? Како избуду треволнениа страстей, лютѣ погружаяся во глубинѣ золъ и зило потапляяся в безднѣ греховнѣй? Увы, мнѣ, волнуяся посреди пучины житийскаго моря, и како постигну в тишину умилениа, и како доиду в пристанище покаяниа? Но яко добрый кормникъ сый, отче, яко правитель, яко наставникъ, из глубины мя от страстей возведи, молюся. Пособъствуй и помагай моему сиротству. Сътвори о мнѣ, отче, молитву к Богу. Тебѣ бо дана бысть благодать молитися за ны. Се бо молитвы твоя и добродѣтели твоя помянены быша. Но яко „имѣя дрьзновение к Богу",[370] преподобниче, помолися и за мя. „Азъ бо есмъ рабъ твой".[371] Помню лишшу, юже имѣ ко мнѣ, любовь, еюже мя возлюби, еюже о мнѣ яко многажды ся и прослези. Аще же и умершу ти, аки к живу, к тебѣ глаголю, поминая любовнаго давнаго предложениа, тѣмже похвалити тя гряду, но не умѣю. Елика бо изрицаю, и та суть словеса скудна, худа бо, по истине худа и грубости полна. Но обаче приими сиа, отче честнѣйшии, яко отецъ нѣмованиа от устъ дѣтищу нѣмующу или якоже от убогиа оноя вдовица двѣ мѣдницы, цатѣ, двѣ вѣкши, паче прочих приаты быша[372] — тако и мое умаленое и худое из устъ скверных и грѣшных износимое и приносимое приими похваление. Но что тя нареку, о, епископе, или что тя именую, или чим тя прозову и како тя провещаю, или чим тя мѣню, или что ти приглашу, како похвалю, како почту, како ублажу, како разложу и каку хвалу ти сплету? Тѣмже что тя нареку? Пророка ли, яко пророческая проречениа протолковалъ еси и гаданиа пророкъ уяснилъ еси и посредѣ людий невѣрных и невѣгласных яко пророкъ им былъ еси? Апостола ли тя именую, яко апостольское дѣло сотворилъ еси и равно апостолом, равно образуяся, подвизася, стопамъ апостольским послѣдуа?

Законодавца ли тя призову или „законоположника",[373] имже людем безаконным законъ далъ еси и, не бывшу у них закону, вѣру им уставилъ еси и „законъ положилъ еси"?[374] Крестителя ли тя провещаю, яко крестилъ еси люди многи, грядущая тебѣ на крещение?

Проповѣдника ли тя проглашу, понеже, яко биричь на торгу, клича, тако и ты вь языцѣх велегласно проповѣдалъ еси слово Божие? Евангелиста ли тя нареку или благовѣстника, иже благовестилъ еси в мире святое Евангелие Христово и дѣло благовѣстника сотворилъ еси? Святителя ли тя именую, елма же болший архиерѣй, старѣйший святитель, священники поставляа въ своей земли, над прочими священники былъ еси? Учителя ли тя прозову, яко учительски научилъ еси языкъ заблужший; или невѣрных в вѣру приведе и человѣки, невѣгласы суща? Да что тя прочее назову? Страстотрьпца ли или мученика, яко мученически волею вдался еси в руки людем, сверѣпѣющим на муку, и „яко овца посредѣ волк"[375] дрьзнулъ еси на страсти и на терпѣние, и на мучение? Аще бо и не пролиася кровь твоя мученическою смертию, на нюже и приготовлься, но обаче многажды срѣтоша тя многи мученическиа смерти, но от всѣх сих избавил тя есть Господь Богъ. Аще бо и не вогрузися копие в ребра твоа, аще и не посѣче меч главы твоеа, но обаче по твоему хотѣнию и своим си изволением мученикъ бысть. Хотѣша бо невѣрнии пермяне многажды поразити тя, напрасно устремлением нападающе на тя, овогда убо с дреколми и с посохи, и ослопы, и с великими уразы, иногда же с сокирами, иногда же — стрелами стреляюще, овогда же — солому около тебе запаляюще и сим жжещи тя хотяще, и многими образы умертвити тя мысляще, но Господь Богъ, Спасъ, спасе тя своими судбами, имиже, сам совѣсть, единъ избавитель избавил тя есть. Егоже ты проповѣдалъ еси, той съхранил тя есть на службу свою, еще бо бѣ надобенъ еси ему и потребенъ на дѣло благопотребно. Да что тя приглашу? Пастуха ли нареку, понеже паслъ еси Христово стадо христианьское словесных овецъ на злацѣ разумнѣм жезломъ словесъ твоих в паствинѣ учениа твоего и нынѣ, паствѣ пастух, сам пасом биваеши в тайном злацѣ? Что тя нареку, о, епископе? „Посѣтителя"[376] ли тя толкую, яко посети „люди озлобленыя", яко посети землю Пермъскую „посѣти землю и упои ю",[377] „и упиются от обилья",[378] рекше, упиются — умудрятся словесы книжными, словесы учениа твоего? Люди перьмъскиа посетилъ еси и святым крещением просветилъ еси. Врача ли тя наменю, яко уязвеныя от диавола идолослужением человѣки исцелилъ еси и тѣлом вреженыя, и душею болящая, и духом недугующая люди уврачевалъ еси? Что тя именую, епископе? Отца ли тя нареку, или казателя пермяномъ, о Христѣ бо Исусѣ святым Евагглелием ты пермяны породилъ еси и православиа вѣре научилъ еси, „сыны дни"[379] явилъ еси и „чада свѣту"[380] наказал еси, и святым крещением просветилъ еси, „водою же и Духомъ" сынове бо ти ся „родиша"[381] и нынѣ ражаются. Да что тя еще нареку? Исповѣдника ли тя исповѣдаю, понеже исповѣдалъ еси Бога пред невѣрными человѣки? Сам бо Спасъ реклъ есть: „Иже кто исповѣсть мя пред человѣки, и азъ исповѣм его пред Отцемъ моим, иже есть на небесѣх".[382] Добрѣ воистину ты послушалъ еси гласа Христова, исповѣдалъ еси его в Перми пред человѣки, и Христос, Сынъ Божий, исповѣсть тебе пред Отцемъ своим, иже есть на небесѣх, пред аггелы и

арханггелы и пред всѣми небесными силами. (...) Богъ бо прославляет угодники своя, служащая ему вѣрно. Тебе и Богъ прослави, и аггели похвалиша, и человѣцы почтиша, и пермяне ублажиша, иноплеменницы покоришася, иноязычницы устыдѣшася, погании усрамишася, кумири сокрушишася, бѣси исчезоша, идоли попрани быша.

Да и азъ, многогрѣшный и неразумный, послѣдуа словесемъ похвалений твоих, слово плетущи и слово плодящи и словом почестити мнящи и от словес похваление събирая и приобрѣтая и приплѣтая, паки глаголя, что еще тя нареку? Вожа заблужшимъ, обрѣтателя погибшимъ, наставника прелщеным, руководителя умомъ ослѣпленым, чистителя оскверненым, взискателя расточеным, стража ратным, утѣшителя печалным, кормителя алчющим, подателя требующим, наказателя несмысленым, помощника обидимымъ, молитвеника тепла, ходатая вѣрна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, Богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, *цѣломудрию дѣлателя,* правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ пермъстѣй списателя. Многа имена твоя, о, епископе, многоименитство стяжалъ, многих бо даровъ, достоинъ бысть, многими благодатьми обогатѣлъ еси. Да что тя еще прочее нареку, что еще требуеши именовании, что еще не стало на похваление прочих наречений твоих? Аще и понудихся на проглаголание словесы похвалити тя, недоумѣнно, аще и долженъ ти бых словесы послужити ти, азъ, окаянный, грубых лишеникъ, многогрѣшный въ человѣцѣх и недостойный во иноцѣхъ? Како похвалю тя, не вѣдѣ. Како изреку, не разумѣю. Чим ублажу, недоумѣю. Елма же многа недоумѣниа наполнихся, „яко золъ душа моя наплънися",[383] и „многими отягчихся грехи",[384] не умѣю по достоянию написати твоего житиа и благонравиа, и благопребываниа, словес же и учениа и о дѣлех руку твоею, и всѣх прочих поряду. (...) Доколе не оставлю похвалению слова? Доколе не престану предложенаго и продлъжнаго хвалословиа? Аще бо и многажды восхотѣлъ быхъ изоставити бесѣду, но обаче любы его влечет мя на похваление и на плетение словес, изволися мнѣ послѣ же всѣх хужшу, паче же „аки изъврагу, мнѣ"[385] написати яже о преподобнѣм отцѣ нашем Стефанѣ, бывшем епископѣ иже в Перми. Аз бо есмъ „мний бѣх въ братии моей"[386] и хужший в людех и меншей въ человѣцех, послѣдний въ кристианех, неключимый во иноцѣх, и невѣжа слову.

Подобает же уже окончати слово, но преже о сем всѣх молю, елика в писмена сиа приницающих и разгибающих, и почитающих, и послушающих, и внимающих, и разсужающих: господие мои, не воздивите на мя оканнаго, не поклените мя грѣшнаго. Молю братолюбие ваше и еже о Господѣ любовь. Елицы прочитаете грубая сиа списателная писмена, пролѣйте за мя молитвы ваша к Богу, понеже святых отецъ житиа похваляю, увы мнѣ, а сам лѣнивѣ живу. Горе мнѣ, глаголющу и не творящу, учащу и не чюющу. Но бесплодная, увы мнѣ, явихся смоковница, „листвие едино токмо"[387] имѣю, листы книжное токмо обращаю и листьем книжным, писанымъ токмо хвалюся, а плода добродѣтели не имѣю. Въскую токмо упразняю землю? И того ради боюся проклятиа с посѣчением. Боюся реченаго: „Се уже секира при корени древа лежит, всяко древо, не творящее плода добра, посѣкаемо

бывает и во огнь вметаемо".[388] Боюся Господа, рекшаго: „Всяку розгу, не творящую о мнѣ плода",[389] „събирают ю и во огнь влагают, и изгарает".[390] Боюся, апостолу глаголющу: „Не послушницы Закона прави будут, но дѣлатели".[391] Того ради съ доброглашением молю вы и съ умилением припадаю, и съ смиреномудриемъ милъ ся дѣю, вопиа: „Не презрите мене оканнаго, аще будет ми ся нѣгдѣ написала «рѣчь зазорна»[392] и не удобрена, и не устроена, и не ухищрена". Мнѣ же мнится, яко ни едино же слово доволно есть или благопотребно и стройно, но худа суть и грубости полна. Но аще и не гораздо нѣкая написана быша, но обаче возможно есть нѣкоему добрѣйшему и мудрѣйшему о Господѣ построити сиа и добрѣ починити а, неудобреная удобрити и неустроеная построити и неухищреная ухитрити и несвершеная накончати. Подоба же скратити слово и не лише умудряти, не умѣа, или ухищряти к сущим любомудрием исполнь, к сущим разума и паче нас умомъ вышшимъ и вящшим. Мнѣ же обаче полезнѣе еже умлъкнути, нежели паучноточная простирати прядениа, аки нити мѣзгиревыхъ тенет пнутати. Но не зазрите ми грубости моей. Елма же о сем продолжих бесѣду и речениа умножих, не бо от мудрости, но от грубости сиа изглаголати потщахся, аки младенецъ, нѣмуа пред родителми своими, или аки слѣпъ стрѣлецъ, неулучно стрѣляя, — сице и азъ оттинудь скудоумный, не свѣдый весма своеа шуица, ни десница. Понудих свое и невычение, аки забывъ, увы мнѣ, грѣхи своя и неисцѣлныя, по истинѣ, струпы своя, протягая недостойную си свою руку, отверзая прескверная своя уста, дрьзнухъ на се и убѣдихся. И молю, спроста, всѣх васъ, от мала и до велика, яко да сотворите о мнѣ молитву к Богу, яко да молитвами вашими окончавая слово, возмогу рещи: „Слава ти, Господи, сътворившему вся, слава ти, свершителю Богу, слава «давшему»[393] нам Стефана «и паки вземшему», слава вразумившему его и умудрившу, слава укрѣпившему его и наставльшу, слава иже тѣм посѣтившему и просвѣтившему землю Пермъскую, слава спасающему род человѣчьский, слава «хотящему вся человѣки спасти и в разум истинный привести»,[394] слава «давшему ми живот»,[395] да сиа написах, слава Богу о всѣх, слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ, и присно, и в вѣки вѣкомъ. Аминь"».

---

[1] *...отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа.* —Стефан был возведен в сан епископа в конце декабря 1383 г. и состоял в нем до своей смерти (26 апреля 1396 г.).

[2] *Пишет же и великий Василей...* — Василий Великий (Кесарийский, ок. 330—379 гг.), епископ Кесарии Каппадокийской (Малая Азия), один из отцов церкви, святой.

[3] *«Буди ревнителъ право живущимъ... на своем сердци».* — Ср. Слова Василия Великого на память мученика Гордия и на память 40 мучеников.

[4] *Вопроси отца твоего... рекуть тебѣ.* — Вт. 32, 7.

[5] *...не бывшу ми во Афинѣх от уности, и не научихся у философовъ их...* — Авторская самоуничижительная формула, в которой в отрицательной форме отразился византийский житийный топос о постижении святым «внешних наук».

[6] *...«от негоже вся возможна суть»...* — Мф. 19, 26.

[7] *...«аще дасть ми слово надобно во отверзение устъ моих».* — Ср. Еф. 6, 19.

[8] *«Господь дасть ми... рещи слово».* — Ис. 50, 4.

[9] *«Господь дастъ глаголъ».* — Пс. 67, 12.

[10] *...«от негоже всяко дание... свыше есть сходя»...* — Иак. 1, 17.

[11] *...«от негоже и имже вся быша...* — 1 Кор. 8, 6.

[12] *...«и вся тѣм быша... еже бысть».* — Ин. 1, 3.

[13] *«Не можете без мене творити ничтоже»...* — Ин. 15, 5.

[14] *...«просите, и дасться вам».* — Мф. 7, 7.

[15] *...даръ Святаго Духа.* — Деян. 2, 38.

[16] *...«всяческая живут и движутся»...* — Деян. 17, 28.

[17] *...от негоже точатся благодатные воды.* — Ср. Ин. 7, 38.

[18] *«Излию от Духа моего на всяку плоть»...* — Иоиль 2, 28.

[19] *«Отверзи уста своя, и исполню а».* — Ср. Иез. 3, 2.

[20] *...«отвръзу уста моя... слово отригну»...* — Текст Богородичного канона (1 ирмос 1-й песни).

[21] *«Господи, устнѣ мои... хвалу твою»...* — Пс. 50, 17.

[22] *...«да исполнятся уста моя... славу твою»...* — Пс. 70, 8.

[23] *...«и приложу на всяку похвалу твою».* — Пс. 70, 14.

[24] *...Стефана... апостолом наслѣдника...* — Стефан, крестивший пермян, уподобляется здесь апостолам, посланным Иисусом Христом благовествовать миру о его учении.

[25] *...«ис камени насѣкомаго»...* — Вт. 8, 15.

[26] *...иже при Моисеи... воды потекоша...* — Моисей, ветхозаветный пророк, вождь и законодатель еврейского народа. Здесь Епифаний обращается к библейскому сюжету: на пути из Египта в Землю Обетованную израильтян настигла жажда, и народ стал роптать. Тогда Моисей обратился с молитвой к Господу — и произошло чудо: он ударил жезлом по скале и из нее потекла вода (Исх. 17, 6; Чис. 20, 1—12).

[27] *...ис суха жезла плод процвѣте...* — Библейский сюжет: чудесно расцветший и принесший плоды сухой жезл Аарона означал утверждение первосвященства за Аароном и его сыновьями (Чис. 17, 8).

[28] *...при Валацѣ цари... осля бесловесное проглагола человеческим гласом...* — Библейский сюжет: волхв Валаам, призванный моавитским царем Валаком проклять народ Израилев, был остановлен по воле Божьей: ослица, на которой он ехал, не захотела сдвинуться с места, а когда он стал ее бить, заговорила человеческим голосом (Чис. 22, 28).

[29] *«Возвеличиша бо ся дѣла Господня»...* — Пс. 91, 6.

[30] *...«да удивит Господь милость свою»...* — Пс. 30, 22.

[31] *...«и аз уничиженъ и не разумѣх; яко скот бых».* — Пс. 72, 22.

[32] *Сий преподобный отецъ нашъ Стефан... от родителю нарочиту...* — Год рождения Стефана Пермского неизвестен. Как наиболее вероятную приблизительную дату современные исследователи называют 1340 г. (Г. М. Прохоров).

[33] *...великия соборныа церкве Святыя Богородица, иже на Устьюзе...* — Соборная церковь Успения Богородицы была поставлена и освящена в Устюге Ростовским епископом Тарасием в 1290 г.

[34] *...«травный цвѣт»...* — 1 Петр 1, 24.

[35] *«Мимоидет слава мира сего... во веки»...* — 1 Петр 1, 24—25.

[36] *«Не любите мира, ни яже в мирѣ суть»...* — 1 Ин. 2, 15.

[37] *«Всѣм нам явитися подобает пред судищем Христовым.»...* — 2 Кор. 5, 10.

[38] *«Иже кто оставит отца и матерь... жизнь вѣчную наследит»...* — Мф. 19, 29.

[39] *«Аще кто не отвръжется сих всѣх предреченных, не может мой ученикъ быти...»* — Ср. Лк. 14, 26.

[40] *...пострыжеся в чернцы во градѣ в Ростове... въ манастыри, нарицаемѣм в Затворѣ...* — Стефан Пермский принял иноческий сан приблизительно в 1365—1366 гг. в ростовском монастыре Григория

Богослова, так называемом «Затворе», славившемся богатой библиотекой.

[41] *...при епископѣ ростовъстем Парфении.* — Стефан был пострижен при епископе Парфении, в схиме Пафнутии. В перечне ростовских епископов Парфений стоит между Петром (1365 г.) и Арсением (ок. 1370 г.), однако его нет в перечне епископов, рукоположенных митрополитом Алексием.

[42] *Пресвитер* — священник.

[43] *...«и в Законѣ Господни поучаяся... при исходищих водъ»...* — Пс. 1, 2—3.

[44] *...«плод свой дастъ во время своя»...* — Пс. 1, 3.

[45] *«Братие, плод духовный есть... воздержание»...* — Гал. 5, 22—23.

[46] *...«взыскуя Бога»...* — Пс. 68, 33.

[47] ...«в *законе Господни»...* — Пс. 1, 2.

[48] *...«Чадо Тимофѣе, внимай чтению и учению, и утѣшению»...* — 1 Тим. 4, 13.

[49] *...«вѣды, от кого ся еси научилъ... о Христѣ Исусѣ».* — 2 Тим. 3, 14—15.

[50] *...святыя книги писаше хитрѣ...* — Многие книги, переписанные Стефаном в «Затворе», сгорели вместе со всей монастырской библиотекой в страшном ростовском пожаре 1408 г.

[51] *...поставлен бысть в диаконы от Арсениа князя и епископа ростовъскаго.* — Ростовский князь Арсений был рукоположен митрополитом Алексием и был ростовским епископом вслед за Парфением (между 1365 и 1374 г.). По мнению В. О. Ключевского и И. Соколова, Стефан был поставлен в диаконы приблизительно в 1372 г.

[52] *...по преставлении Алексиа митрополита...* — Митрополит Алексий (рукоположен в 1354 г.) умер 12 февраля 1378 г.

[53] *...повелѣнием намѣстника своего, именем Михаила, нарицаемаго Митяя...* — Митяй (в монашестве Михаил), духовный отец великого князя московского Дмитрия Ивановича, был выдвинут им претендентом на русский митрополичий престол после того, как в 1375 г. в Константинополе патриарх Филофей поставил в митрополиты всея руси Киприана еще при жизни митрополита Алексия. После смерти Алексия (1378 г.) Митяй по приказу князя взял на себя руководство русской церковью и присвоил знаки митрополичьего достоинства. Умер неожиданно на пути в Константинополь в 1379 г.

[54] *...поставленъ бысть въ прозвитеры от Герасима, епископа коломеньскаго.* — Епископ коломенский Герасим (рукоположен ок. 1375 г., умер в 1388 г.) рукоположил Стефана в пресвитеры после смерти митрополита Алексия, но еще до отъезда Митяя в Константинополь, следовательно, в период между 12 февраля 1378 г. и 26 июля 1379 г.

[55] *И изучися сам языку пермьскому...* — Имеется в виду язык современных коми-зырян и коми-пермяков, относящийся к финно-угорской семье языков.

[56] *...и грамоту нову пермьскую сложи...* — Некоторое хронологическое смещение описываемыхсобытий: из дальнейшего текста «Слова о житии и учении...» следует, что создание Стефаном пермской азбуки относится к 1372 или 1375 году.

[57] *...изучися и греческой грамотѣ...* — Стефан Пермский, как, по-видимому, и Епифаний Премудрый, изучал греческий язык еще в ростовском монастыре Григория Богослова. Известно, что в Ростове церковная служба велась параллельно на греческом и русском языках (см. Повесть о Петре, царевиче Ордынском).

[58] *«Языки возглаголют новы»...* — Мр. 16, 17.

[59] *«И нѣми языки глаголати устрои».* — Исх. 29, 24; 32, 4.

[60] *...еже ити въ Перьмьскую землю...* — Имеются в виду земли на северо-востоке России, ограниченные бассейнами рек Вычегды, Выми, Сысолы, Вятки и Камы (территория на стыке современных Республики Коми, Коми-Пермяцкого автономного округа, Архангельской, Вологодской и Кировской областей).

[61] *...двиняне, устьюжане... пермь великая, глаголемая чюсовая.* — Перечисляются названия племен и народностей, населявших Пермскую землю во второй половине XIV в.

[62] *Поприще* — наименование некоторых древнерусских путевых мер, здесь употребляется в значении «верста» (около 1.067 км).

[63] *...близъ града, нарицаемаго Болгаръ.* — Город Болгар (Булгар, Болгары) — древняя столица булгарского ханства (Болгарии Волжско-Камской); ныне — на территории Республики Татарстан.

[64] *...в частех Хамовых.* — Имеется в виду библейский рассказ о разделе земли после потопа между сыновьями Ноя Симом, Хамом и Иафетом. Потомкам Хама, по преданию, принадлежали южные земли (Быт. 10, 18—20), таким образом, отнесение Епифанием северной Пермской земли к «частям Хамовым» противоречит библейской легенде. (В «Повести временных лет» племена, населявшие русские земли, названы среди потомков Иафета). Возможно, Епифаний назвал язычников-пермян потомками Хама по той причине, что Хам считался создателем первых кумиров (см. далее текст «Слова о житии и

учении...»: «Си убо земля Пермьская осталася в первой прельсти идольстѣй...»).

[65] *«Во всю землю изидоша... глаголи их».* — Пс. 18, 5.

[66] *...«скончаста течение свое»...* — Деян. 20, 24; 2 Тим. 4, 7.

[67] *...восхотѣ их спасти...* — Ср. 1 Тим. 2, 4.

[68] *...въ 11 годину...* — Мф. 20, 9.

[69] *...яко сам глаголаше въ святем Еваггелии, притчю рекий.* — Имеется в виду евангельская притча о работниках 11-го часа (Мф. 20, 1—16).

[70] *«Подобно есть Царство Небесное... „Никтоже нас не нанял"»...* — Евангельская притча цитируется (Мф. 20, 1—7) и толкуется здесь как иллюстрация к сюжету о крещении пермян.

[71] *«Разумѣеши ли, что чтеши?»... аще никтоже не научит мене?»* — Деян. 8, 31—32.

[72] *«Како ли могуть вѣровати без проповѣдающаго?»* — Рим. 10, 14.

[73] *«Что стоите весь день праздны?»* — Мф. 20, 6.

[74] *«Упразднитеся и разумѣйте, яко азъ есмъ Богъ».* — Пс. 45, 11.

[75] *«Вѣдайте, вѣдайте, яко азъ есмъ Богъ вашь».* — Ср. Вт. 32, 39.

[76] *...«Богу живу»...* — Деян. 14, 15; 1 Фес. 1, 9.

[77] *..«работайте Господеви... Блажени вси надѣющиися на нь».* — Пс. 2, 11 —12.

[78] *«Что стоите праздны»...* — Мф. 20, 6.

[79] *...«возмите ярем мой на ся... и бремя мое легко есть».* — Мф. 11, 29—30.

[80] *...в послѣдняя дни... на исход числа седмыя тысяща лѣт...* — Согласно одной из христианских эсхатологических теорий, земная история человечества ограничена семью тысячами лет. Данная точка зрения обосновывалась сопоставлением хода истории с семью днями творения мира, последний из которых был днем отдыха Господня. На основании фразы псалма о том, что каждый из дней «яко тысяща лѣтъ пред очима твоима, Господи» (Пс. 89, 5), семь дней приравнивались к семи тысячелетиям. Существовали как иные подсчеты времени конца света, так и возражения против подобных подсчетов вообще. Вместе с тем указанная эсхатологическая теория оказала большое влияние на духовную жизнь Руси XV в., когда 1492 г. (7000 от сотворения мира) ожидался как последний (см. подробнее: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.*

Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—нач. XVI века. М.; Л., 1955. С. 400 и др.). Рассуждения на эту тему начинают встречаться в средневековых памятниках задолго до 1492 г.

[81] *Яко древле во Израили Веселѣила...* — Имеется в виду библейский рассказ о знаменитом художнике Веселииле (жил во времена Моисея), который Божиим повелением был исполнен Духа Божия, мудрости и мастерства и которому вместе с Аголиавом было поручено Богом устройство скинии — дневнееврейского переносного храма, ставшего прообразом христианской церкви (см.: Исх. 31, 2—11).

[82] *Бяше бо в ты дни на Москвѣ не сущу никомуже митрополиту...* — После смерти митрополита Алексия (1378 г.) делами митрополии временно управлял епископ коломенский Герасим. Когда же на пути в Константинополь внезапно скончался Михаил-Митяй (1379 г.), на русский митрополичий престол был поставлен архимандрит переяславского Горицкого монастыря Пимен (1380 г.), однако Дмитрий Иванович не захотел принять его и пригласил в Москву на митрополичью кафедру Киприана (1381 г.), который, будучи поставлен в митрополиты еще при жизни Алексия, не был сначала принят великим князем московским и управлял лишь западной частью русской церкви с резиденцией в Киеве.

[83] *...«Дарова бо ся нам не токмо во нь вѣровати, но и за нь страдати».* — Фил. 1, 29.

[84] *Тѣмже терпѣнием течем... свершителю Исусу.* — Евр. 12, 1—2.

[85] *...нынѣ отпусти мя... с миром...* — Ср. Лк. 2, 29.

[86] *...да благовѣстую въ странах...* — Ср. 2 Кор. 10, 16; Еф. 3, 8.

[87] *...Богъ мира...* — Рим. 15, 33.

[88] *...«да управит путь мой»...* — Ср. 1 Фес. 3, 11.

[89] *...«да исправит стопы моя»...* — Пс. 39, 3.

[90] *...«направит ноги наша на путь миренъ»...* — Лк. 1, 79.

[91] *Воздвизальный крест* — крест, которым благославляют молящихся в иереи и архиереи.

[92] *Антиминс* — льняной или шелковый плат с изображением положения во гроб Иисуса Христа и с зашитыми внутрь частицами мощей, на котором можно совершать богослужение и который может заменять собой престол. Наличие антиминса необходимо для освящения церкви.

[93] *Миро* — благовонный состав из растительных масел с различными ароматическими веществами, употребляемый христианской церковью в таинстве миропомазания.

[94] *...и тако поиде... в землю Пермьскую...* — Начало миссионерской деятельности Стефана относится ко второй половине 1379 г., место первых проповедей — Котлас (Пырас).

[95] *...«къ земли забовнѣй»...* — Ср. Пс. 87, 13.

[96] *...«непроходнѣй и безводнѣй, к земли пустѣй»...* — Ср. Пс. 62, 2.

[97] *«Во дни гладу насытятся»* — Пс. 36, 19.

[98] *...«зла пострада»...* — 2 Тим. 4, 5.

[99] *«Вси языцы, обшедше... противляхся им».* — Пс. 117, 10—12.

[100] *«Десница Господня... исповѣмся Господѣви»...* — Пс. 117, 16—19.

[101] *«Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся: что сотворит мнѣ человѣкъ?»* — Пс. 117, 6—7.

[102] *«Не убоюся... враждующих мнѣ всуе».* — Пс. 3, 7—8.

[103] *«Елма же в печали моей призвах Господа, и услыша мя въ пространьствѣ».* — Ср. Пс. 117, 5.

[104] *«Боже, в помощъ мою... потщися».* — Пс. 69, 2.

[105] *«Господи... Мнози восташа на мя»...* — Пс. 3, 2.

[106] *...«мнози борющеся со мною».* — Пс. 128, 2.

[107] *«Зубы их — оружие и стрѣлы, языкъ их — мечь остръ»* — Пс. 56, 5.

[108] *«Сѣть уготоваша... Ископаша пред лицем моим яму».* — Пс. 56, 7.

[109] *«Помыслиша запяти стопы моя... соблазнъ положиша мнѣ».* — Пс. 139, 5—6.

[110] *«Весь день словес моих гнушахуся».* — Пс. 55, 6.

[111] *«Весь день оплъчахуся брани».* — Пс. 139, 3.

[112] *«Весь день боряся, стужи ми».* — Пс. 55, 2.

[113] *«Весь день, сѣтуя, хождахъ».* — Пс. 37, 7.

[114] *«Господи, пред тобою все желание мое!»* — Пс. 37, 10.

[115] *...«углебоша языцы в пагубѣ... увязе нога их».* — Пс. 9, 16.

[116] *«В дѣлех руку своею увязе грѣшникъ».* — Пс. 9, 17.

[117] *...«ни увѣдѣша, ни разумѣша, во тмѣ ходяще».* — Пс. 81, 5.

[118] *...«да помянутся и обратяться... тъй обладает языки».* — Пс. 21, 28—29.

[119] *«Вси бо языцы... прославят имя твое»...* — Пс. 85, 9.

[120] *...«жива будут сердца их в вѣкъ вѣка».* — Пс. 21, 27.

[121] *«Ты же, Господи... главу мою»...* — Пс. 3, 4.

[122] *...«яко ты еси прибѣжище убогим... Господи»...* — Пс. 9, 10—11.

[123] *...«не забы звания убогих... вся хвалы твоя»...* — Пс. 9, 13—15.

[124] *...«в людех тяжцѣх восхвалю тя»...* — Пс. 34, 18.

[125] *...«да бы тя познали, истиннаго Бога».* — Ин. 17, 3.

[126] *«Помози ми, Господи... милости твоея ради».* — Пс. 108, 26.

[127] *«Господи, спаси же, Господи, поспѣши»...* — Пс. 117, 25.

[128] *...«овца своя заблужшая»...* — 1 Петр. 2, 25.

[129] *«И ины овца имам... единъ пастухъ».* — Ин. 10, 16.

[130] *...«пастухъ и посѣтитель душъ наших»...* — 1 Петр 2, 25.

[131] *...«единый без греха».* — Ср. 1 Ин. 3, 5.

[132] *«Просвети им очеса их умная»...* — Еф. 1, 18.

[133] *...«познати тя, единого истиннаго Бога»...* — Ин. 17, 3.

[134] *...яко нѣсть иного Бога... не знаем...* — Ср. Исх. 45, 5—6.

[135] *...«имя твое призываем»...* — 1 Кор. 1, 2.

[136] *...«яко да прославится имя твое»...* — 2 Фес. 1, 12.

[137] *...«яко невѣсту добру и преукрашену»...* — Ср. Исх. 61, 10.

[138] *«Свята церкви твоя и дивна въ правду».* — Пс. 64, 5.

[139] *«Събери, Господи... овца своя заблужшая»...* — Ср. Ин. 11, 52; 1 Петр 2, 25.

[140] *...моля и претя...* — 2 Тим. 4, 2.

[141] *...путь истинный...* — Пс. 118, 30; 2 Петр 2, 2.

[142] *...«наставляа их на стезю правую»...* — Пс. 26, 11.

[143] *...разумъ Божественый...* — 2 Кор. 10, 5; Кол. 1, 10.

[144] *...«напрязая, напрягоша луки своя»...* — Авв. 3, 9; Пс. 63, 4.

[145] *...состреляти...* — Ср. Пс. 63, 5.

[146] *«Не убоишися от стрѣлы, летящая въ день».* — Пс. 90, 5.

[147] *«Аще ли не обратитеся, оружие свое на вы оцыстит и наострит».* — Пс. 7, 13.

[148] *«Идѣте, се аз посылаю вы, яко овца посредѣ волкъ».* — Лк. 10, 3.

[149] *«Не убоитеся от убивающих тѣло... в геону огненую воврещи».* — Мф. 10, 28.

[150] *«Смерть бо, — рече, — грѣшнику люта есть».* — Пс. 33, 22.

[151] *...«не сущу избавляющему»...* — Пс. 70, 11.

[152] *...«яко овца посреди волкъ»...* — Лк. 10, 3.

[153] *«...в руцѣ твои предаю тебѣ дух мой...»* — Пс. 30, 6; Лк. 23, 46.

[154] *...покрый мя крилома...* — Пс. 16, 8.

[155] *...яко овца на заколение...* — Пс. 53, 7.

[156] *«Не попустит Господь жезла грѣшных на жребий праведных»...* — Пс. 124, 3.

[157] *«Господь бо сохранит преподобных своих; во веки сохранятся».* — Пс. 36, 28.

[158] *«Господи, се не умѣю глаголати, яко унъ азъ есмъ».* — Иер. 1, 6.

[159] *«Всяко к нимъже тя пошлю... и спасая тя».* — Иер. 1, 7—8.

[160] *«Не предай же мене в руцѣ стужающим ми»...* — Пс. 26, 12.

[161] *...«не предай же мене обидящим мя»...* — Пс. 118, 121.

[162] *...на мѣсте равне...* — Лк. 6, 17.

[163] *«О человѣцы... благовѣстую вам»...* — Деян. 14, 15.

[164] *...слово Божие...* — 1 Ин. 2, 14.

[165] *...отступите от сих суетных...* — Ср. Деян. 14, 15.

[166] *...«дѣла рукъ человѣческъ... нозѣ имуть и не поидуть».* — Пс. 113, 12—15.

[167] *...«не возгласят гортанми своими»...* — Пс. 113, 15.

[168] *«Подобны им да будут творящии я и вси надѣющеися на ня».* — Пс. 113, 16.

[169] *...«умныма очима»...* — Ср. Еф. 1, 18.

[170] *...«аще вѣруете и креститеся, спасени будете»...* — Мр. 16, 16.

[171] *«Аще ли не вѣруете и не креститеся, то осужени будете»...* — Мр. 16, 16.

[172] *...«память его с шумом»...* — Пс. 9, 7.

[173] *«Кая часть есть свѣту со тмою... или кое согласие истине съ безаконием?»* — 2 Кор. 6, 14—16.

[174] *«Сего ради всякъ книжникъ... ветхая и новая».* — Мф. 13, 52.

[175] *...«Богъ своею благодатию»...* — Ср. Тит 2, 11.

[176] *...«не забы званиа»...* — Пс. 9, 13.

[177] *...«услыша Господь глас плача»...* — Пс. 6, 9.

[178] *...«не презрѣ молениа»...* — Пс. 54, 2.

[179] *«Волю боящихся его творит и молитву их услышит и спасеть я»...* — Пс. 144, 19.

[180] *...«хотяй всѣм человѣком спасеным быти и в разум истинный приити»...* — 1 Тим. 2, 4.

[181] ...«*не хотяй смерти грѣшником ... в животѣ их».* — Ср. Иез. 18, 23 и 32.

[182] *...воздание комуждо по дѣлом...* — Рим. 2, 6.

[183] *...«живаго Бога, иже сотворилъ небо и землю»...* — Ср. Деян. 14, 15; 1 Фес. 1, 9.

[184] *...«воздаянии комуждо по дѣлом его»...* — Рим. 2, 6.

[185] *...«очи сердечнѣи»...* — Ср. Еф. 1, 18.

[186] *Оглашение* — предшествующее крещению ознакомление готовящихся принять христианство с его учением.

[187] *...крести а во имя Отца и Сына и Святаго Духа...* — Мф. 28, 19.

[188] *...Часословецъ явѣ и Осмогласникъ и Пѣсница Давыдова...* — Часослов, Октоих (Осмигласник), Псалтирь — богослужебные книги, некоторые из которых были в Древней Руси также учебными.

[189] *Иподьякон* — священнослужитель младшего чина, помогающий дьякону при совершении богослужения.

[190] *Певец* — церковнослужитель, исполняющий молитвенные песнопения при богослужении.

[191] *...Божий раб...* — Ср. Деян. 16, 17.

[192] *«Не ища своеа ползы, но многих, да ся спасуть»...* — 1 Кор. 10, 33.

[193] *...«достоинъ бо есть дѣлатель мзды своеа».* — Мф. 10, 10.

[194] *«Помните... единого когождо вас».* — Деян. 20, 31.

[195] *«Сребру или злату... нежели взимати».* — Деян. 20, 33—35.

[196] *...«понеже, — рече, — елико азъ сограждаю, толико же онъ паче разаряше».* — Ср. Пс. 10, 3.

[197] *...«изриновени быша и не могуть стати»...* — Пс. 35, 13.

[198] *...«тии спяти быша и падоша, мы же востахом и прости быхом»...* — Пс. 19, 9.

[199] *...«сѣть их сокрушися... сотворившаго небо и землю».* — Пс. 123, 7—8.

[200] *...«яко стрѣлы унзоша в нас»...* — Пс. 37, 3.

[201] *«Отрицаемся сатаны... и всего студа его»...* — Слова из Чина крещения.

[202] *...«обещахомся Христови»...* — Слова из Чина крещения (см., например: Требник. М., 1625. Л. 106 об.).

[203] *...«елико во Христа крестихомся и его знамениемъ знаменахомся»...* — Ср. Гал. 3, 27.

[204] *...вѣруем единого Бога Отца... и чаем воскресение мертвым и жизни будущаго вѣка. Аминь.* — Краткое изложение Символа веры.

[205] *...не входиши двերми во дворъ овчий ... разбойнича подобиа.* — Ср. Иоан. 10, 1.

[206] *«Мы бо есмы овчата словеснаго стада»...* — Ср. 3-й антифон из Чина пострижения.

[207] *...«своего пастуха глас знаем... яко не знаем чюжаго гласа».* — Ср. Ин. 10, 4—5.

[208] *...якоже древле Анний, Замврий въ Египтѣ противистася Моисею.* — Здесь называются имена библейских волхвов Ианния и Иамврия, которые вместе с фараоном пытались противостоять Моисею (Исх. 8, 19; 9, 11). Их имена упоминает апостол Павел (2 Тим. 3, 8), которому они были известны, по-видимому, из Талмуда (в книге Исход имена волхвов не названы).

[209] *Дидаскал* — учитель, наставник.

[210] *...яко воскъ противу пламени велику приближився, и истает...* — Ср. Пс. 67, 3.

[211] *...вавилолоньское сѣмя, халдѣйский род, хананѣйское племя, тмы темныя помраченое чадо, пентаполиявъ сынъ, египетскиа прелестныя тмы внуче и разрушенаго столпотворениа правнуче!* — Для характеристики язычника-волхва Епифанием здесь использован ряд библейских образов, символизирующих греховное, антихристово начало: Вавилон — «город великий», который «яростным вином блуда своего напоил все народы» (Иер. 51,6; Апок. 14, 8); Халдея (страна, столицей которой был Вавилон) — Иер. 1, 10; Иов 1, 17; земля Ханаанская, населенная язычниками (Быт. 15, 16; Исх. 23, 23—24, 33; 34, 11, 15—16); египетская тьма — трехдневная кромешная тьма, посланная через Моисея на Египет в наказание за язычество, символ бессилия языческих богов (Исх. 10, 21—23); Пентаполь (Пятиградие) — название пяти нечестивых городов: Содома, Гоморры, Адмы, Севоима и Сигора (Прем. 10, 6—8; Быт. 14, 2); вавилонское столпотворение (Быт. 11, 4—9).

[212] *...тако глаголетъ Исаиа пророкъ: «Горе напаяющему ближняго своего смѣшениа мутна».* — Цитата не из Книги пророка Исайи, как сказано у Епифания, а из Книги пророка Аввакума: Авв. 2, 15.

[213] *«Что ся хвалиши о злобе... от земля живущих».* — Пс. 51, 3—7.

[214] *...«величаются подолки риз своих»...* — Мф. 23, 5.

[215] *...до самого того мнимого царя...* — Имеется в виду хан Золотой Орды.

[216] *...«Да постыдятся вси кланяющиися истуканным, хвалящиися о идолѣх своих»...* — Пс. 96, 7.

[217] *«Въ душу бо... въ сердцы оскверненѣ».* — Ср. Прем. 1, 4.

[218] *...«будете, не обинующеся лица человѣча»...* — Вт. 1, 17; Ин. 7, 24.

[219] *...«праведенъ судъ судите».* — Вт. 1, 16; Ин. 7, 24.

[220] *«Терпѣнием бо течем... свершителю Исусу».* — Евр. 12, 1—2.

[221] *...«искусити Бога жива»...* — Ср. Деян. 15, 10.

[222] *...«яко сѣно сый сухое»...* — Пс. 101, 1—2.

[223] *...«яко воскъ таетъ от лица огню, растаю»...* — Пс. 67, 3.

[224] *...«и ктому не буду».* — Пс. 38, 14.

[225] *«И кая будет полза въ крови моей, егда сниду въ истлѣние»...* — Пс. 29, 10.

[226] *...«мое переиме инъ»...* — Пс. 108, 8.

[227] *...«и будет дворъ мой пустъ, и в погосте моем не будет живущаго».* — Ср. Пс. 68, 26.

[228] *...«проити огнь и воду»...* — Пс. 65, 12.

[229] *...«яму, юже ископах, впадох в ню»...* — Пс. 7, 16.

[230] *...«в сѣти сей, юже скрых, увязе нога моя»...* — Пс. 9, 16.

[231] *...«ровъ изрых ему, и сам вринухся во нь».* — Ср. Пс. 7, 16.

[232] *«И быша ми послѣдняя горши первых»...* — Мф. 12, 45.

[233] *«Покры срамота лице мое»...* — Пс. 43, 16.

[234] *«Бых поношению сусѣдом моим и страх знаемым моим»...* — Ср. Пс. 30, 12.

[235] *...«подражание и поругание сущим окрестъ нас».* — Пс. 43, 14.

[236] *«Весь день срам мой... покры мя».* — Пс. 43, 16.

[237] *...«сѣет плевелы посреди пшеницы и отходит»...* — Мф. 13, 25.

[238] *...«броздьми и уздою одръжим бѣ»...* — Пс. 31, 9.

[239] *...«свѣту истинному»...* — Ин. 1, 9.

[240] *«Проидохом сквозѣ огнь и воду, и изведе ны в покой».* — Пс. 65, 12.

[241] *...«банею пакипорождениа»...* — Тит 3, 5. Имеется в виду крещение.

[242] *...къ князю великому Дмитрию Ивановичу...* — Дмитрий Иванович Донской, князь московский, с 1359 г. — великий князь владимирский и московский.

[243] *...къ Пимину, тогда сущу митрополиту...* — Пимен, поставленный на митрополичью кафедру без ведома великого князя, занимал ее недолго: в 1380—1381, 1382—1383 и 1388—1389 гг.

[244] *...«жатва»... «жатва убо многа, а дѣлатель мало»... «молимся Господину жатвѣ, да изведет дѣлателя на жатву свою»...* — Мф. 9, 37—38.

[245] *«Обрѣтох Давыда, сына Иессѣева, мужа по сердцу моему»...* — Деян. 13, 22.

[246] *...и талантъ, порученный ему...* — Реминисценция из евангельской притчи о талантах (Мф. 25, 14—30).

[247] *...«архиерѣи, старцы и книжницы»...* — Ср. Мр. 8, 31.

[248] *Над всѣми людми поставленъ бысть святитель...* — Одно из значений слова «святитель» — епископ.

[249] *Поставленъ же бысть по Тактамышеве рати на другую зиму...* — Стефан был поставлен епископом Перми в 1383 г., через год после нашествия на Москву хана Золотой Орды Тохтамыша (1382 г.).

[250] *Михаил* — епископ смоленский; поставлен на епископию в начале 1383 г., сменен в 1397 г.

[251] *...и не добивался владычьства...* — Т. е. сана архиепископа, владыки.

[252] *«Задняя забывающе, а на предняя протязающеся».* — Фил. 3, 13.

[253] *...и манастыри наряжаше...* — Стефаном Пермским основан ряд монастырей: два Архангельских — в Усть-Выми и Яренске, Спасский и Стефановский — близ Усть-Сысольска.

[254] *...и обѣдню, заутреню же и вечерню...* — Обедня (литургия) — основное христианское богослужение, совершаемое утром или в первую половину дня, во время которой совершается таинство причащения. Заутреня — утренняя церковная служба. Вечерня — вечерняя церковная служба.

[255] *Канонарх* (греч. — руководитель канона) — начинатель песнопений, монах-регент, произносящий громогласно речитативом текст песнопений, фразу за фразой, каждая из которых по мере произнесения пропевается хором.

[256] *...«подобает во всѣх языцѣхъ проповѣдатися слову Божию»...* — Ср. Мр. 13, 10.

[257] *«Се языцы, иже не вѣдают тебе... прибѣжат к тебѣ»* — Исх. 55, 5.

[258] *«Хвалите Бога»...* — Пс. 150, 1.

[259] *...«вси языцы поработают ему»...* — Пс. 71, 11.

[260] *...«вси языцы ублажат и»...* — Пс. 71, 17.

[261] *...«вси языцы приидуть... и прославят имя твое»* — Пс. 85, 9.

[262] *...«убоятся языцы имени Господня»...* — Пс. 101, 16.

[263] *...«убоятся его вси концы земля»...* — Пс. 66, 8.

[264] *...«услышите, вси языцы ... богат и убогъ»...* — Пс. 48, 2—3.

[265] *...«высокъ надо всѣми языки Господь, и над небесы слава его»...* — Пс. 112, 4.

[266] *...«очи его на языки призираета»...* — Пс. 65, 7.

[267] *...«сказа Господь спасение свое, пред языки откры правду свою»...* — Пс. 97, 2.

[268] *...«видѣша вси концы земля спасение Бога нашего»...* — Пс. 97, 3.

[269] *...«благословите, языцы, Бога нашего, слышанъ отворите глас хвалы его»* — Пс. 65, 8.

[270] *...«да познаемъ на земли... дѣла его»...* — Ср. Пс. 66, 3.

[271] *...«возвестите во языцѣх славу его, во всѣх людехъ чюдеса его».* — Пс. 95, 3.

[272] *...«рцѣте во языцѣх... яже не подвижится»...* — Пс. 95, 10.

[273] *...«яко царь всей земли»...* — Пс. 46, 8.

[274] *...«Богъ воцарися над языки»...* — Пс. 46, 9.

[275] *...«блаженъ языкъ... яже избра в достояние свое»...* — Пс. 32, 12.

[276] *...«милости Господня исполнися земля»...* — Пс. 32, 5.

[277] *...«да убоится Господа вся земля»...* — Пс. 32, 8.

[278] *...«и исполнится вся земля славы его; будет и будет»...* — Пс. 71, 19.

[279] *...«да подвижится от лица его вся земля»...* — Пс. 95, 9.

[280] *...«во псалмѣх воскликнѣм ему... по всей земли»...* — Пс. 94, 2—3.

[281] *...«воскликнете Господеви, вся земля»...* — Пс. 65, 2.

[282] *...«увѣдѣте, яко той есть Богъ наилъ, той сотвори ны, а не мы себе»...* — Пс. 99, 3.

[283] *...«воспойте Господеви, вся земля»...* — Пс. 95, 1.

[284] *...«воскликни Богу, вся земля»...* — Пс. 97, 4.

[285] *...«вся земля да поклонит ти ся... Вышнии»...* — Пс. 65, 4.

[286] *...«единъ Вышний по всей земли»...* — Пс. 82, 19.

[287] *...«зило превознесеся над всѣми боги»...* — Пс. 96, 9.

[288] *...«азъ познах, яко велий Господь, и Богъ нашъ надо всѣми боги»...* — Пс. 134, 5.

[289] *...«велий Господь, хваленъ зило, страшенъ есть над всѣми боги»...* — Пс. 95, 4.

[290] *...«Господи, Господь нашъ, яко чюдно имя твое по всей земли!»* — Пс. 8, 2.

[291] *...«вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава твоя»...* — Пс. 56, 6.

[292] *...«по имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концы земли»...* — Пс. 47, 11.

[293] *...«упование всѣм концем земли и сущим в мори далече»...* — Пс. 64, 6.

[294] *...«вонми и посѣти всѣх языкъ»...* — Пс. 58, 6.

[295] *...и увѣдают, яко имя тебѣ Господь, и ты единъ еси Вышний по всей земли...* — Пс. 82, 19.

[296] *...«воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдуиши во всѣх языцѣх»...* — Пс. 81, 8.

[297] *...«блаженъ, егоже ты накажеши, Господи, и от закона твоего научиши и»...* — Пс. 93, 12. В Псалме: «... блаженъ человѣкъ, егоже...».

[298] *...«мнѣ иноплеменницы покоришася»...* — Пс. 59, 10.

[299] *...«да постыдятся вси кланяющиися истуканным, хвалящиися о идолѣх своих»...* — Пс. 96, 7.

[300] *...«яко не отринет Господь людий своих и достояниа своего не оставить»...* — Пс. 93, 14.

[301] *...«посла слово свое, исцѣли а и избави а от пагубы ихъ»...* — Пс. 106, 20.

[302] *...«да рекуть избавлении Господомъ... заблудиша в земли безводнѣ»...* — Пс. 106, 2—4.

[303] *...«алчюще и жажуше... наведе а на путь правый»...* — Пс. 106, 5—7.

[304] *...«ибо благословение даст законъ даяй»...* — Пс. 83, 7.

[305] *...«вознесуть и въ церкви людстѣй и на сѣдалищи старецъ восхвалят его»...* — Пс. 106, 32.

[306] *...«и поклонятся ему вси царие земстии»...* — Пс. 71, 11.

[307] *...«всяко дыхание да хвалит Господа».* — Пс. 150, 6.

[308] *...еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку пермъскую счини...* — Стефан создал пермскую азбуку, положив в ее основу, как допускают исследователи, особые существовавшие ранее у зырян знаки, которые вырезались ими на узких деревянных палочках — «пасах», использовавшихся в качестве знаков собственности, денег, календарей и т. п.

[309] *...«наполни мудрости и хитрости»...* — Исх. 36, 1.

[310] *То бысть Костянтинъ нарицаем и Кирил Философ, иже сотворилъ грамоту словеньскую...* — Кирилл (до принятия монашества — Константин) Философ (827—869) и его старший брат Мефодий (820—885) — выдающиеся болгарские просветители и проповедники христианства у славян, создатели славянской азбуки и переводчики богослужебных книг с греческого на славянский язык. Здесь и далее текст содержит реминисценции из «Сказания о письменех» Черноризца Храбра.

[311] *Преже же всѣх грамот бысть жидовская грамота.* — Об истории возникновения и развития алфавитного письма см.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 375—379.

[312] *У жидовскиа азбуки первому слову имя «алфъ»...* — Название первой буквы древнесемитского алфавита — «алеф».

[313] *...греческие азбуки первому слову имя «алфавита»...* — Такая передача наименования двух первых букв греческого алфавита отражает фонетику греческого языка средневековья, отличавшуюся от фонетики древнегреческого языка классической поры.

[314] *Но се имяна словом азбуки пермьскиа: а, буръ... е, ю, о.* — Об изобретенной Стефаном пермской азбуке см.: *Савваитов П. И.* О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М., 1873. С. 9—16; *Лыткин Г. С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 24—26; *Лыткин В. И.* Древне-пермский язык. М., 1952 и др.

[315] *Ныня же, во скончаниа лѣт... точию за 120 лѣт до скончаниа вѣку грамота замышляти!* — Из этого фрагмента следует, что Епифаний относил создание Стефаном пермской азбуки к 1372 г. — за 120 лет до ожидаемого в 1492 г. конца света.

[316] *...Сифъ, — сий первѣе изучися грамотѣ жидовьстѣй.* — Согласно Библии Сиф — третий сын Адама (Быт. 4, 25; 5, 3; Лк. 3, 38), которому предание приписывает изобретение букв.

[317] *Таче от Адама до потопа преиде лѣт 2000 и 242.* — Данный расчет лет основан на библейской Книге Бытия, где, в частности, указаны возрасты патриархов к моменту рождения их первенцев. Сумма их возрастов и принимается в христианской историографии за количество лет от сотворения мира до потопа (2242 года). Традиция подобных подсчетов восходит к раннехристианским авторам (Юлий Африкан, Евсевий Кесарийский).

[318] *По потопѣ же бысть столпотворение, егда раздѣлишася языцы, якоже и в Бытии пишет.* — Имеется в виду библейский рассказ о строительстве Вавилонской башни (Вавилонском столпотворении), в ходе которого произошло разделение народов и языков (Быт. 11, 1—9).

[319] *Халдеи* — семитские племена, жившие в первой половине I тысячелетия до н. э. в Южной Месопотамии.

[320] *...афинѣйскою грамотою...* — По-видимому, текст здесь испорчен: у Черноризца Храбра речь идет о финикийском письме, которое было усвоено и усовершенствовано греками при создании ими собственной системы письма предположительно к IX—VIII вв. до н. э.

[321] *...седмъ философовъ едва азбуку уставили...* — Несколько ранее в тексте Жития говорится о семи философах, усовершенствовавших греческий алфавит (заимствование из «Сказания о письменех» Черноризца Храбра; фрагмент в настоящем издании опущен), имена пятерых из них названы: Панамид (у Черноризца Храбра — Паламед), Кадом Милисий (Кадм из Милета), Симонид, Епихарий (Эпихарм) и Дионисий (Дионисий Грамматик).

[322] *...а 70 муж мудрецъ... на греческий языкъ преведоша.* — Имеется в виду создание Септуагинты (от лат. septuaginta — семьдесят) — перевода Ветхого Завета с древнееврейского на греческий язык, который был осуществлен, по преданию, семидесятью (точнее, семидесятью двумя) переводчиками, что и дало название переводу. Переводчики были приглашены в Александрию из Иерусалима египетским царем Птолемеем II Филадельфом (285—247 гг. до н. э.).

[323] *«Память бо, — рече, — праведных с похвалами бывает»...* — Притч. 10, 7.

[324] *...«похваляему праведнику возвеселятся людие».* — Притч. 29, 2.

[325] *...«славящая бо мя, — рече, — прославлю».* — 1 Цар. 2, 30.

[326] *...«Богъ нашъ, прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтших ны зило».* — Пс. 45, 2.

[327] *...и греческую грамоту также мнози починиваша, — Акула и Сумахова чадь...* — Имеются в виду Акила (Аквила) и Симмах (II в.), создатели переводов Писания с еврейского на греческий, отличных от Септуагинты.

[328] *«Святый Костянтинъ Философъ... съ братом си присным Мефедомъ, иже бысть послѣди епископъ моравъский...».* — Мефодий был архиепископом Моравии и Паннонии с начала 70-х гг. IX в.

[329] *Въ царство Михаила, царя греческаго... от создания миру в лѣто 6363.* — Здесь названы правители и церковные иерархи, во время правления которых Кириллом и Мефодием была создана славянская азбука: византийский император Михаил III (842—867), константинопольский патриарх Фотий (858—867, 877—886), болгарский князь Борис (852—889), князь Великоморавского государства Ростислав (846—870), князь Блатенского княжества (в районе озера Балатон) Коцел (861 г.), основатель русской княжеской династии Рюрик (862—879).

[330] *...во тмѣ ... сѣдящих.* — Пс. 106, 10.

[331] *...въ царство Иоана, царя греческаго... при архиепископѣ Филофѣи, патриарсѣ Костянтина-града.* — Имеются в виду византийский император Иоанн V Палеолог (1341—1391) и константинопольский патриарх Филофей Коккин (1353—1354, 1364—1376).

[332] *В Ордѣ же и в Сараи над татары тогда Мамай царствует...* — Мамай, бывший военачальником при хане Золотой Орды Бердибеке и женатый на его дочери, в 1379 г. захватил власть в свои руки и стал фактическим правителем страны. Именоваться ханом он однако не мог, так как не был потомком Чингисхана. Сарай — столица Золотой Орды.

[333] *...митрополиту же не сущу на Руси в ты дни никомуже, но ожидающим митрополича пришествиа от Царя-града...* — Следует отметить, что названный Епифанием год создания пермской азбуки — 1375 г. — входит в противоречие с указанным им здесь хронологическим отрезком: на Руси не было митрополита в 1379—1380 гг.

[334] *...виноград Господа Саваофа...* — Исх. 5, 7.

[335] *...цветущу.* — На боковом поле Минеи, под знаком вставки, почерком XVI в. дано другое, чаще встречающееся, чтение первого слога — ряс(тущу).

[336] *...«млеком питах вы... брашном питати вы».* — Ср. Евр. 5, 12—14.

[337] *...«покажите ми первие от дѣлъ ваших вѣру свою».* — Ср. Иак. 2, 18.

[338] *Да якоже древле Иосифъ въ Египтѣ бысть пшеницедатель... такоже и се сь новый бысть житодавецъ, люди насытивый.* — Стефан, во время голода привозивший в Пермские земли хлеб из Устюга и Вологды, уподобляется здесь библейскому Иосифу, который во время семилетнего голода накормил хлебом народ Египта (Быт. 41, 47—57).

[339] *«Иже не имат хлѣба... въскую цѣните хлѣбъ вашъ?»* — Ср. Исх. 55, 1—2.

[340] *«Не о хлѣбе бо, — рече, — единѣм живъ будет человѣкъ, но о всяком глаголѣ, исходящем из устъ Божиих».* — Вт. 8, 3; Мф. 4, 4.

[341] *«Дѣлайте, — рече, — не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее в жизнь вѣчную».* — Ин. 6, 27.

[342] *...«благодарити и благохвалити Бога Отца... о вашей вѣре»...* — Ср. Рим. 1, 8.

[343] *...«Бога жива»...* — Вт. 5, 26.

[344] *И тако изиде от земля Пермъскиа на Москву.* — Стефан отправился в Москву в начале 1396 г.

[345] *...приѣхати на Москву, къ Кипреану митрополиту.* — Митрополит Киприан был приглашен в Москву Дмитрием Ивановичем в 1381 г., занимал митрополичью кафедру с 1390 по 1406 г.

[346] *И тогда приключися ему на Москвѣ, нѣколико дний поболѣвшу, и преставитися.* — Стефан Пермский умер 26 апреля 1396 г.

[347] *...но и сам князь великий прихожаше на посещение его...* — Имеется в виду великий князь владимирский и московский Василий Дмитриевич (1389—1425).

[348] *Ризничий* — заведующий ризницей — местом, где хранится церковная утварь и облачение.

[349] *...на 4 недѣли по Велицѣ дни, егда бывает праздникъ Преполовениа Пасхи.* — Праздник Преполовения отмечается в среду 4-й недели по Пасхе, в середине пятидесятидневного промежутка между Пасхой и Троицей.

[350] *Иже епископъ «посѣтитель» наречется...* — Одно из значений греческого слова посетитель.

[351] *«Смерть мужу покой есть».* — Иов 3, 23.

[352] *...«воздание противу трудовъ его».* — 1 Кор. 3, 8.

[353] *...положиша его во пресловущом градѣ Москвѣ, в манастыри Святаго Спаса...* — Стефан Пермский был похоронен в северном приделе собора Спас на Бору на территории московского Кремля.

[354] *Тиун* (тивун) — должностное лицо по управлению города или местности.

[355] *Ушкуйники* — новгородцы, плававшие на особого рода судах — ушкуях.

[356] *«Быхом поношение сусѣдом нашим»...* — Пс. 78, 4.

[357] *...лопи, вогулицам, югрѣ и пинезѣ.* — Здесь перечислены народности, населявшие земли, соседствующие с Пермской землей: лопь (саамы, лопари, лапландцы), вогулы (манси), югра (ханты и манси), а также пинежане, селившиеся по берегам реки Пинеги, притока Северной Двины.

[358] *«Достоинъ бо, — рече, — дѣлатель мзды своеа.»* — Мф. 10, 10.

[359] *Хвалит Римъскаа земля обою апостолу, Петра и Павла... Ростовъская же земля — Леонтиа, епископа своего.* — Здесь перечислены имена общехристианских и русских святых, миссионеров и церковных иерархов в соотнесении с землей, где они подвизались: апостолы Петр и Павел — в Риме, апостол и евангелист Иоанн Богослов — в Малой Азии, евангелист Марк — в Египте, евангелист Лука — в Антиохии, апостол Андрей — в Греции, Владимир Святославич Киевский, Креститель — на Руси, митрополит Петр (ум. в 1326 г.; первый московский святой) — в Москве, епископ Ростовский Леонтий (ум. ок. 1076 г.; был убит язычниками во время миссионерской деятельности) — в Ростовской земле. Пассаж в начальной части сходен с фрагментом из «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона (Г. М. Прохоров).

[360] *...«не отъими от нас милости твоеа».* — Пс. 65, 20.

[361] *«Господь далъ, Господь же взят... во веки».* — Иов 1, 21.

[362] *«Благословена слава Господня от мѣста святаго его».* — Ср. Пс. 71, 19; Пс. 67, 6.

[363] *...почто нѣсте ревнители сыном Израилевым, иже вземше кости Иосифа Прекраснаго... Иакову?* — Библейский сюжет: по завещанию Иосифа Прекрасного, сына патриарха Иакова, ковчег с его телом был перенесен Моисеем после исхода евреев из Египта в землю Ханаанскую (Быт. 50, 24—26; Исх. 13, 19; Нав. 24, 32).

[364] *...«излиа бо ся, — рече, — благодать во устѣх»...* — Пс. 44, 3.

[365] *...«излиася благодать»...* — Пс. 44, 3.

[366] *...иноязычницы гогуличи наступают.* — Имеются в виду вогулы (вогуличи), или манси, — финно-угорская народность, проживавшая к востоку от Урала, а также на верхней Печоре и Ижме.

[367] *...«меж нами пропасть велика утвердися».* — Лк. 16, 26. Здесь и далее до фразы *«...кто ми пламень угасит?»* во фрагменте использованы образы и лексика евангельской притчи о богаче и нищем Лазаре (Лк. 16, 20—31).

[368] *«Се бо в безаконии зачат есмъ»...* — Пс. 50, 7.

[369] *...«се море великое и пространное»...* — Пс. 103, 25.

[370] *...«имѣя дрьзновение к Богу»...* — 1 Ин. 3, 21.

[371] *«Азъ бо есмъ рабъ твой».* — Пс. 118, 125.

[372] *...якоже от убогиа оноя вдовица двѣ мѣдницы... паче прочих приаты быша...* — Библейский сюжет: во время сбора пожертвований в Иерусалимском храме некая бедная вдова опустила в сокровищницу две мелких медных монеты — лепты. Видевший это Христос сказал, что она положила больше других, так как отдала все, что у нее было, в то время как богачи, жертвовавшие значительно больше, отдавали лишь малую часть своего достояния (Мр. 12, 41—44; Лк. 21, 1—4).

[373] *..законоположника...* — Пс. 9, 21.

[374] *...«законъ положилъ еси»...* — Пс. 77, 5.

[375] *...«яко овца посредѣ волк»...* — Мф. 10, 16.

[376] *«Посѣтителя» ... «люди озлобленыя»...* — Ср. Пс. 43, 3.

[377] *...«посѣти землю и упои ю»...* — Пс. 64, 10.

[378] *...«и упиются от обилья»...* — Пс. 35, 9.

[379] *...«сыны дни»...* — 1 Фес. 5, 5.

[380] *...«чада свѣту»...* — 1 Фес. 5, 5.

[381] *...«водою же и Духомъ»... «родиша»...* — Ин. 3 5.

[382] *«Иже кто исповѣсть мя пред человѣки... есть на небесѣх»* — Мф. 10, 32.

[383] *...«яко золъ душа моя наплънися»...* — Пс. 87, 4.

[384] *...«многими отягчихся грехи»...* — Ср. Пс. 37, 5.

[385] *...«аки изъврагу, мнѣ»...* — 1 Кор. 15, 8.

[386] *...«мний бѣх въ братии моей»...* — Пс. 151, 1.

[387] *...«листвие едино токмо»...* — Мф. 21, 19.

[388] *«Се уже секира при корении... и во огнь вметаемо».* — Мф. 3, 10.

[389] *«Всяку розгу, не творящую о мнѣ плода»...* — Ин. 15, 2.

[390] *...«събирают ю и во огнь влагают, и изгарает».* — Ин. 15, 6.

[391] *«Не послушницы Закона прави будут, но дѣлатели».* — Ср. Рим. 2, 13.

[392] *...«рѣчь зазорна»...* — Ср. Тит 2, 8.

[393] *...«давшему» ... «и паки вземшему»...* — Ср. Иов 1, 21.

[394] *...«хотящему вся человѣки спасти и в разум истинный привести»...* — 1 Тим. 2, 4.

[395] *...«давшему ми живот»...* — Ср. Ин. 6, 33.

ПЕРЕВОД

26 АПРЕЛЯ

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ 26 ДЕНЬ. СЛОВО О ЖИТИИ И УЧЕНИИ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, БЫВШЕГО ЕПИСКОПОМ В ПЕРМИ, СОСТАВЛЕННОЕ ПРЕПОДОБНЫМ ВО СВЯЩЕННОИНОКАХ ОТЦОМ НАШИМ ЕПИФАНИЕМ

Благослови, отче!

Полезно слушать или писать жития преподобных для памяти: приносить этим добрые плоды и немалую пользу слушателям и повествователям, зная все достоверно. Ибо зрение вернее слуха, но может убедить часто слушающих слух, если сказанное будет достоверно. А если <жития> не будут записаны для памяти, то все из памяти уйдет и в будущем, последующими поколениями, быстро будет предано забвению. Так, если оставшееся незаписанным бывает забыто, то не подобает житие его хоронить в забвении и словно предать молчанию глубин такое благо. Пишет же и Василий Великий в своем поучении, говоря: «Будь ревнителем право живущих, их имена, жития и дела надо написать на своем сердце». А так как я не дошел до той степени и не достиг тех высот, чтобы незримо писать на духовных скрижалях сердца, то мне пришлось писать на осязаемых хартиях.

Того ради я, дурной и недостойный, убогий инок, одержимый желанием и подвизаемый любовью, хотел бы написать малость, немногое о множестве, в память, а также памяти ради нечто из добрых и чудесных деяний преподобного отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми. Слово о нем начинается с самого его рождения и детства; и в

юности, и в иночестве, и в священничестве, и в святительстве — и до самого преставления его, добрые его дела, и похвала, и все, что подобает. Все это я обрел и, собрав здесь и там, составил его житие: что-то из молвы услышал, что-то узнал от учеников его о его учительстве и руководстве. Есть и такое, что и своими глазами я видел, иное же узнал я от него самого, беседовав с ним неоднократно; прочее же — расспрашивая старых людей, как сказано в Священном Писании: «Вопроси отца своего, и возвестит тебе, и старцы твои скажут тебе». Но молю вас, боголюбцы, даруйте мне прощение и молитесь обо мне, ибо я умом груб и не владею словом, имею худой разум и помраченного ума помысел, не бывал я в Афинах в юности и не учился у их философов ни ораторскому плетению словес, ни витийским изречениям, ни Платоновых, ни Аристотелевых рассуждений не познал, ни философии, ни риторике не обучился, а попросту весь совершенно исполнился смятения. Однако надеюсь на всемилостивого и всемогущего Бога, «для которого все возможно», который обильно дает нам милость своею благодатью, и молюсь ему, прося у него прежде всего нужные слова, «чтобы дал мне нужное слово для раскрытия уст моих». Как некогда сказал пророк Исайя: «Господь даст мне язык для изъяснения, зная, когда мне надо будет сказать слово». И пророк Давид также сказал: «Господь даст слово». Поэтому преклоняю колени свои перед Отцом Господа нашего Иисуса Христа, «от которого всякое даяние благо, и совершен всякий дар, нисходящий свыше», и руки простираю к предвечному безначальному Сыну Божию и Слову, взыскующий подателя даров, призываю Господа нашего Иисуса Христа, «от которого и через которого все бывает», «и все через него было, без него же ничего не было, что было». Ибо он сказал: «Не можете без меня ничего совершить», «просите, и дано вам будет». И я прошу, чтобы подал мне благодать и дар Святого Духа. Потому неизреченными печалованиями молю Пресвятого Духа, который дает дыхание всякой жизни, которым «все живет и движется», от которого проистекает всяческая мудрость, от которого текут благодатные воды. Как и Иоилем-пророком сказано: «Пролью от Духа моего на всякую плоть», и другой пророк сказал: «Открой уста свои, и наполню их». Потому «открою уста мои, и исполнятся Духом, и слово изрыгну», и скажу я: «Господи, уста мои отворишь, и уста мои возвестят хвалу тебе», «да наполнятся уста мои похвалой, чтобы я восхвалил славу твою», «и умножу всяческую похвалу тебе». И как веруя в Бога Отца, так славлю и чту Сына Христа, так же благодарю и поклоняюсь Святому Духу и молюсь Святой Троице, единосущной и неразделимой.

Прошу дара, чтобы послал мне <Господь Бог> в помощь благодать свою, чтобы дал мне слово твердое, разумное и пространное, чтобы возвысил ум мой, отягощенный унынием и плотской тучностью, чтобы очистили сердце мое, покрытое многими струпьями душевных язв и телесных страстей, дабы смог я хоть немного написать и восхвалить доблестного Стефана, проповедника веры и учителя Перми, наследника апостолов, если Господь даст. Потому что может он <сделать это>, если изволит, могущий свет слепым даровать и немым — речь, и бесплодным — плод, и бессловесным — слово, и безгласным — голос. И это явлено им, ибо нахожу в Ветхом Завете, что некогда при пророке Моисее «из камня нерассекаемого», из кремневого, потекли воды, и не

скудно, так, что и потоком хлынула вода; и на сухом жезле расцвел плод; и под волхвом Валаамом, бывшим при царе Валаке, некогда ослица бессловесная заговорила человеческим голосом; и из пламени росу источил, что сверх естества. Ибо всегда «возвеличивают себя дела Господни», так и ныне «да проявит Господь дивную милость свою» к нищете моей и поддержит меня в уничижении моем — «и я был ничтожен и неразумен; как скот был». Остерегаюсь и боюсь, что кто-то начнет меня подозревать и вознегодует, предполагая в каждом моем слове хулу. Но я, грешный, преклоняюсь со смиренномудрием и с умилением немного побеседую с читающими и слушающими, вместе с тем молясь и прося прощения, если где-то мною будет предложена речь, достойная осуждения, или нестройная, или неискусная. Молю вас, не порицайте моего невежества и не будьте моими порицателями. Ибо, как сказано выше, не от мудрости, а от невежества понудил себя <писать>. Я к этому не годен и в этом не искусен; негодный раб, я простер свою недостойную руку, побудил свое кромешное невежество, дерзнул писать подробно. С Божьей помощью и при поддержке молитв епископа начнем зачин слова и начало повествования.

Начало его жития

Преподобный отец наш Стефан родом был русский, из славянского народа, с северной стороны, называемой Двинской, из города, зовущегося Устюгом, от почтенных родителей: сын некоего христолюбца, мужа верного, христианина, по имени Симеон, одного из клириков большой соборной церкви Святой Богородицы, что в Устюге, и матери, тоже христианки, по имени Мария. Еще ребенком с малолетства был он отдан учиться грамоте, и быстро всю грамоту изучил так, что уже меньше чем через год читал каноны, затем был и чтецом в соборной церкви. Он превзошел в своем поколении многих сверстников, выделяясь хорошей памятью и успехами в обучении и превосходя остротой ума и быстротой мысли. И был он отроком весьма благоразумным, преуспевал в духовном и телесном развитии, <снискал> благодать. К играющим детям не подходил, праздно бегающих и занятых пустыми делами, и добивающихся тщетного не слушал и с ними не общался, а от всех детских обычаев и нравов, и игр отказывался, и только в славословии подвизался, и прилежно занимался грамотой, и отдавал себя изучению всяческих книг. Вот так с Божьей помощью понемногу постиг он многое природной остротой ума своего, научился в городе Устюге всей грамматической премудрости и книжной силе.

Выросший в девственности, чистоте и целомудрии и прочитавший многие книги Ветхого и Нового Завета, понял он из них, что жизнь на этом свете кратковременна, быстротекуща и преходяща, как речная стремнина или как «цветение травы», как говорит апостол: «Проходит слава мира сего, как цветение травы: завяла трава, и цвет ее опал, а слово Господне пребывает во веки»; и другой апостол говорит: «Не любите мира, ни того, что в мире»; и третий апостол говорит: «Всем нам должно явиться пред судом Христовым»; и во святых Евангелиях Господь говорит: «Тот, кто оставит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, дома и имущество имени моего ради, сторицею получит и

наследует жизнь вечную»; и еще: «Если кто не откажется от всего названного, тот не может быть моим учеником»; и прочее много иное такое же, и подобное этому, находящееся в Святом Писании, об этом говорящее, — явилась ему любовь Божья с тем, чтобы оставить отчий дом и все свое имущество. Проще говоря, был этот отрок украшен всеми добродетелями; входя с возрастом в страх Божий, страхом Божиим и умилился. И еще будучи молодым, по возрасту юным отроком, постригся в чернецы в городе Ростове в монастыре святого Григория Богослова, называемом Затвор, близ епископского двора, при епископе ростовском Парфении, так как там было много книг, нужных ему для чтения.

Пострижен он был неким старцем, пресвитером, по сану священником, именем Максим, игуменом, по прозвищу Калина. Им он был облечен в монашеский чин и хорошо потрудился в иноческом житии, и усердно подвизался в добродетели: постом и молитвой, чистотой и смирением, воздержанием, терпением и беззлобием, послушанием и любовью, более же всего — вниманием к Божественным Писаниям. Много и часто читал он святые книги и оттуда черпал всяческую добродетель, взращивая плоды спасения «и Закону Господню поучаясь день и ночь, и был, как древо плодовитое, посаженное у истока вод» и часто насыщаемое мудростью Божественных Писаний, откуда и произрастала гроздь добродетелей, процветало образами благословения, потому и «плод свой дало во время свое». Какие же плоды? Плоды духовные, которые исчисляет апостол Павел, говоря: «Братия, плод духовный есть: любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание» и прочее. Так и этот трудолюбивый подвижник, раскрывая Божественные Писания, руководствуясь стремлением к любомудрию и целомудрию, хорошо изучил святые книги, обучаясь им весьма прилежно, всем сердцем «ища Бога» и его откровений, — потому и было дано ему Богом великое понимание Божественного Писания. <...>

Читаемые книги он имел обычай читать прилежно, но не из-за трудностей науки медля в учении, а чтобы по-настоящему понять до конца, о чем говорят слова каждого стиха, и так истолковывал. Ибо с молитвой и молением сподоблялся он разумения, и если видел он мужа мудрого и книжного, старца разумного и духовного, то спрашивал его, беседовал, поселялся, дневал и ночевал с ним, пытливо расспрашивая о неясном. Мудрая притча не ускользала от него, и труднопостижимое толкование было им находимо и познаваемо, и хотел он слышать всякое божественное повествование. От слов же и изречений, и поучений, и от рассказов старцев не отступал, всегда читал жития святых отцов, подражая им, потому что набирался от этого большего разума. С разумными были его раздумья, и с премудрыми были его размышления, и все беседы его были «в законе Господнем», как говорил апостол Павел, обращаясь с посланием к Тимофею: «Чадо Тимофей, внимай чтению, и учению, и наставлению», «зная, кем ты научен, поскольку ты с детства знаешь святые книги, которые могут просветить тебя об Иисусе Христе».

Когда он так иночествовал, его доброй во Христе жизни удивлялись многие, не только иноки, но и простые люди, ибо предавался он подвигам изо дня в день, подобно земле плодородной, пролагая борозды разума и принося Богу разнообразные плоды благоизволения. Ибо прежде всех входил в церковь на молитву и после всех уходил, с пониманием слушая святые повествования и учительные слова и с их помощью просвещался, ведомый к большему любомудрию и большему знанию. Он никогда не бывал праздным, а всегда трудолюбиво делал все своими руками, и святые книги писал искусно, умело и быстро. И по сию пору об этом свидетельствуют многие его книги, которые он, трудолюбиво сочинив, написал своей рукой, и которые являются плодами его трудов. Так у него, хорошо направляемого, и дела направлялись благодатью.

И так за многие свои добродетели он был поставлен в дьяконы князем и епископом ростовским Арсением. Впоследствии, по преставлении митрополита Алексия, повелением его наместника Михаила, прозванного Митяем, Стефан был поставлен в пресвитеры епископом коломенским Герасимом. И обучился он сам языку пермскому, и составил новую пермскую грамоту, и сочинил азбуку, ранее неизвестную, для нужд пермского народа, поскольку была в ней необходимость, и книги русские на пермский язык перевел и переложил, и переписал. Желая больше знать, он посредством своего любомудрия выучил и греческую грамоту, и греческие книги изучил и свободно их читал, и постоянно имел их у себя. И умел он говорить на трех языках. Владел также и тремя грамотами: русской, греческой и пермской, так что сбылось о нем то слово, что гласит: «Будут говорить на новых языках», и еще: «И немым языкам дал речь». И крепко овладела им мысль идти в Пермскую землю и просвещать ее. Для этого и язык пермский пытался выучить. Потому и пермскую грамоту создал, что очень стремился и весьма хотел ходить по Перми и учить людей некрещеных, и обращать неверных людей, и приводить их ко Христу Богу, в веру христианскую. Не только задумал, но и в дело претворил. И то он замыслил, что издавна было им обдумано.

Слыхал преподобный сей о Пермской земле, что живут в ней идолослужители, что дьявольское действо царствует в ней, потому что в Перми люди приносили жертвы бездушным кумирам и молились бесам, были одержимы волхвованием, верили в бесовство и колдовство, и кудесничество. И об этом очень сожалел раб Божий и весьма печалился об их обольщении и разгорался духом, ибо люди сотворены Богом, Богом уважены, но порабощены врагом. И о том он скорбел немало, как бы их вырвать из дьявольских рук.

Подобает же разузнавать, расспрашивать и доподлинно узнать о Пермской земле: где она и в каких местах находится и между какими областями расположена, и какие реки ее омывают и через нее протекают, какие народы окружают ее, живя по соседству с ней.

Вот имена мест и областей, и земель, и иноплеменников, живущих вокруг Перми: двиняне, устюжане, вилежане, вычегжане, пинежане, южане, зыряне, галичане, вятчане, лопари, корелы, югра, печера,

вогуличи, самоеды, пертасы, пермь великая, прозванная чусовой. Одна река, название которой Вымь, протекая через всю землю Пермскую, впадает в Вычегду. Река другая, под названием Вычегда, вытекая из земли Пермской и стремясь к северным пределам, впадает в Двину в сорока поприщах ниже города Устюга. Третья же река, называемая Вяткой, течет с другой стороны Перми и впадает в Каму. А река четвертая называется Кама. Река эта обходит вокруг всей земли Пермской и протекает через нее, по ней многие народы расселены. Кама же течет по прямому направлению, на юг, и своим устьем впадает в Волгу близ города под названием Болгар. Неизвестно как из одной местности вытекают две реки — Вычегда и Кама, ибо воды одной текут на север, а другой — на юг. Всякому, желающему идти в Пермскую землю, удобнее путь от города Устюга рекою Вычегдою вверх, пока не достигнет самой Перми. Но оставлю об этом много говорить, чтобы не пускаться в некое о том повествование.

А мы возвратимся к прежней речи о Пермской земле, о которой я сейчас говорил и начал рассказывать о том, какие народы живут вокруг нее, располагаясь в северных землях, что, как я думаю, в пределах Хамовых. И так Пермская земля осталась в первоначальном идольском обольщении, непросвещенной святым крещением, не наученной вере христианской. Ни от кого не слышали они слова, так, чтобы кто-нибудь им проповедовал о Господе нашем Иисусе Христе. Ни апостолы не заходили к ним, ни учителя, ни проповедники, и никто им не благовествовал слова Божьего. Но скажет кто-нибудь: «Как это не заходили апостолы в Пермскую землю?» Ведь пророк Давид сказал: «По всей земле разошлась речь их, и до пределов вселенной слова их». Я говорю не о том, что обленились апостолы или пренебрегли проповедью, а что много потрудился каждый из них до последнего вздоха своего, «окончили течение жизни своей», не оставляя этого, во всех народах проповедуя Христа. Из них один апостол Павел четырнадцать народов просветил. Так же и другие апостолы, ученики Господни, хотя и не были в Перми, ходили по многим другим землям и во многих странах проповедовали слово Божие, и многие народы были ими научены и крещены. Ибо не один пермский народ на земле в поднебесной, а много народов помимо Перми есть во всей вселенной, которых крестили апостолы. Хотя в Перми и не удалось им побывать, но во многих других странах проповедовали слово Божье и во многих землях благовествовали святое Евангелие Христово, и у многих народов их проповедью вера христианская воссияла. <...> Но когда сам небесный владыка Господь Бог наш своею благодатью пожелал оказать милость своему же творению, не дал им до конца погибнуть в идольском обмане, но через много лет проявил милосердие к своему созданию, пожелал их спасти, привести и приблизить к своей благодати, желая в последние лета, словно в одиннадцатый час, как сам говорил в святом Евангелии, рассказывая притчу: «Царство Небесное подобно человеку зажиточному, который вышел рано утром нанимать работников в свой виноградник и договорился с ними по сребренику на день. И выйдя в 3час, увидел других, стоящих праздно, и сказал им: «Идите и вы в виноградник мой и, придя, работайте, и что будет вам следовать, дам вам». Они же пошли. В шестой и девятый час опять поступил так же. В одиннадцатый же час нашел он других стоящих

праздно и сказал им: «Что стоите здесь весь день праздно, пермяки, вас никто не нанял?» Они же, отвечая, сказали ему: «Никто нас не нанял»«, то есть: «Никто нас не научил вере христианской, никто нас не просветил святым крещением, никто не ввел в духовный виноград», то есть в Закон Господен. «Как же можем мы спастись, если никто не научит нас?» Как Филипп апостол сказал евнуху: «Понимаешь ли ты то, что читаешь?» Тот же ответил: «Как могу, — сказал, — понимать, если никто не научит меня?» И Павел апостол сказал: «Как же могут веровать без проповедующего?» Но что сказал хозяин виноградника? — «Что стоите весь день праздно?» Праздными от славословия Божественного и от служения Закону. «Что стоите весь день праздно?» Так если праздны, то послушайте псалом, говорящий: «Освободитесь от дел и познайте, что я есть Бог». И еще сказал: «Знайте, знайте, что я Бог ваш».

«Что стоите весь день праздно?» Что не веруете в Бога истинного, который сотворил небо и землю? Что не служите «Богу живому»? Потому не творите служб идолам и не служите дьяволу, а «служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом. Воспримите наставление Господне, чтобы когда-нибудь не прогневался внезапно Господь и не сгинуть вам с пути праведного, когда возгорится ярость его. Блаженны все, уповающие на него». «Что стоите праздно», и не берете <на себя> ига служения и ярма Закона? Но «возьмите ярмо мое на себя и научитесь от меня, потому что я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим. Ибо иго мое благо, и бремя мое легкое». «Что стоите весь день праздно?» Воистину «весь день», то есть все дни жизни своей и все годы свои пребывали в неверии пермяки, в идолослужении. Ибо никто не приходил к ним, кто бы им благовествовал слово Божье. Но когда соблаговолил Спас наш, как уже и раньше мы сказали, в последние дни, при окончании лет, в конечные времена, к исходу исчисления седьмой тысячи лет, смилостивился над ними Господь наш, не дал им погибнуть в идольском обмане, но воздвиг Бог угодника своего Стефана в те времена и поставил его проповедником и служителем слову истины и воплощающим таинства его, и учителем Перми. Как прежде в Израиле Веселеила, исполнил его мудрости, разума и умения. Исполнился он этого и возгорелся теплом веры Христовой и сильным желанием, захотел идти в Пермскую землю и учить их православной вере христианской.

И задумав это, пришел он к вышеупомянутому владыке Герасиму, епископу коломенскому, бывшему наместником на Москве, древнему и благообразному старцу, который поставил его пресвитером, — желая у него благословиться, чтобы благословил его на этот добрый путь и на задуманное праведно путешествие и доброе проповедание <веры>. Ибо в это время на Москве не было никакого митрополита: Алексий отошел к Богу, а другой еще не пришел. Поэтому должно ему было с подобающим благочестием испросить благословения и молитв, и грамот, и разрешения от старших среди святителей. Войдя к Герасиму в один из дней, сказал он ему: «О отец епископ, господин, благослови меня, владыко, пойти в языческую землю, называемую Пермью, в народы заблудшие, к людям неверным, к людям некрещеным. Хочу учить их и крестить их, если Бог споспешествует мне и поможет, и

посодействует, и твои молитвы помогут мне. Пусть либо просвещу их, обращу их и приведу их ко Христу Богу, либо сам сложу свою голову за Христа и за веру, и за доброе исповедание, как сказал апостол: «Даровано нам не только в него веровать, но и за него страдать». «Потому с терпением отправимся на предстоящее подвижничество, взирая на основателя и создателя веры Иисуса». Того ради «ныне отпусти меня, раба своего, владыка, по благословению твоему с миром» и помолись обо мне, чтобы я благовествовал в странах и Бог мира «направил мой путь», «чтобы направил стопы мои» и «направил ноги наши на путь мирный», ибо вам дана благодать молиться за нас». Преподобный старец епископ Герасим, боголюбивый святитель, видя и слыша это, очень удивился и сильно изумился. Видя его благочестивое предложение и доброе дерзновение и долго побеседовав с ним о душеполезном и собираясь его отпустить, взяв его, повел в святую церковь и, сотворив молитву и осенив его четным воздвизальным крестом, благословил его, отпуская, и сказал: «Чадо Стефан, сын нашего смирения во Святом Духе, сослужитель наш и сопресвитер! Иди, чадо, с миром и с Божьей помощью и благодатью. Господь да благословит тебя, спасет тебя и сохранит». <...>

И так пошел он, взяв с собой мощи святых, антиминсы и остальное потребное, что надобно для освещения церкви, и святое миро, и освященное масло, и иное подобным же образом употребляемое, с великим дерзновением устремился по пути вышеупомянутому и лицо свое обратил к земле Пермской, ибо было лицо его устремленным к вышеупомянутой земле, «к земле забытой», «непроходимой и безводной, к земле пустой», охваченной голодом. Под голодом разумею не голод хлебный, а голод, когда не слышно слова Божия, о чем и Давид сказал: «Во дни голода насытятся». Он пошел в землю, где не ступала нога святых апостолов, учеников Господа. <...>

Сперва Стефан много «зла претерпел» от неверных, некрещеных пермяков, озлобление, ропот, поругание, хулу, укоры, унижение, досаду, поношение и вред. Иной раз и угрозы: угрожали ему смертью, в другой раз хотели его убить, а однажды обступили его со всех сторон с палицами и с большими дубинами, желая предать его смерти; а раз еще собралось против него множество крамольников, и принесли с собой много охапок сухой соломы, и был уже ими принесен огонь, и солома вокруг него обложена: возжаждали они учнить сожжение раба Божия и этим огнем задумали предать его без милости смерти. И пока это готовилось, раб Божий, видя предстоящую смерть, осознал слово Давида, гласящее: «Все народы окружили, обступили меня, как пчелы соты, и перегорели, как огонь в терновнике; именем Господним им противился». «Десница Господня сотворила силу! Не умру, но жив буду и возвещу дела Господни. Наставляя, наказал меня Господь, а смерти не предал меня. Отворите мне врата правды, и, войдя в них, исповедаю Господа». «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» «Не испугаюсь тьмы людей, нападающих на меня со всех сторон и враждующих со мной всуе». «Когда же в печали моей призвал я Господа, услышал он меня в пространстве». В печали же таковой, словно в муке огненной или, словно стоя посреди нестерпимого пламени, призывал он Бога, говоря: «Поспеши, щедрый, и, будучи

милостив, поспеши на помощь мне, ибо желая — можешь. «Боже, услышь мой зов о помощи, Господи, поспеши мне на помощь». «Господи, что умножились притесняющие меня? Многие на меня восстали», «многие боролись со мной». «Зубы их — оружие и стрелы, язык их — меч острый». «Сеть приготовили ногам моим. Смирили душу мою. Ископали передо мной яму». «Задумали поколебать стопы мои: спрятали для меня сеть и силки, раскинули сеть для ног моих, при дороге расставили для меня ловушку». Весь день слова мои были им мерзки. «Весь день слов моих гнушались», «Весь день ополчались на брань». «Борясь весь день, стеснил меня». «Весь день в сетованиях провел». «Господи, пред тобой все желание мое!» Желание же мое в том, чтобы отвратить народ этот пермский от идольского обмана, ибо «погрязли народы в зле, которое сотворили; в той сети, которую они припрятали, завязла нога их». «В делах рук своих увяз грешник». Делам рук своих поклонились они, кумирам, «не знали, не понимали, во тьме ходя». Но «пусть опомнятся и обратятся к Господу все концы земли и пусть поклонятся пред ним все племена язычников, ибо Господне есть царство, и он обладает народами». «Ибо все народы, сколько создал ты, Господи, придут и поклонятся пред тобою, Господи, и прославлят имя твое» вовеки и «живы будут сердца их во веки веков». «Ты же, Господи, заступник мой, слава моя, превозносящий голову мою», «потому что ты прибежище убогим, помощник своевременный в печалях. Пусть уповают на тебя знающие имя твое, ибо ты не оставил ищущих тебя, Господи» и «не забыл зова убогих. Помилуй меня, Господи, узри унижение меня врагами моими, возносящий меня от врат смертных, чтобы возвестил я все хвалы тебе» в этой стране и «среди множества людей восславлю тебя» и среди людей пермских прославлю тебя. Да явлю имя твое людям этим, «чтобы тебя узнали, истинного Бога». Ты же, Господи, человеколюбец, всемогущий, узри мою немощь, пошли помощь свою в помощь мне. «Помоги мне, Господи, Боже мой, и спаси меня по своей милости». «Господи, спаси же, Господи, споспешествуй» в благовествовании, помоги мне, Господи, и пособи обратить людей этих и привести их к тебе. Собери, Господи, людей своих рассеянных и позови «овец своих заблудших». Ибо сам сказал ты, Господи: «Я и других овец имею, которые не из этого двора, и их мне должно привести, и им голос мой услышать, и будет одно стадо, один пастух». Ибо ты истинный «пастух и блюститель душ наших», «единственный без греха». Не отвергни дел рук твоих, разреши рабов твоих от уз дьявольских, от идолослужения. «Просвети им их душевные очи» и дай же им мудрость узнать тебя и «познать тебя, единого истинного Бога», потому что нет иного Бога выше тебя, и кроме тебя иного Бога не знаем, «имя твое призываем», «чтобы прославилось имя твое» во веки веков. Аминь».

О церкви пермской

Помолясь Богу, раб Божий Стефан решил заложить по молитве святую Божию церковь. Таковая церковь была основана и поставлена, та, которую оградил он превеликой верою и теплотой безмерной любви, которую воздвиг чистой совестью, которую создал горячим желанием, которую украсил всяческими украшениями, «как невесту добрую и нарядную», которую наполнил всем, что должно быть в церкви, которую

по завершении строительства освятил великим освящением, которую создал высокой и прекрасной, которую обустроил красиво и хорошо, которую украсил вправду чудно и дивно. И она поистине дивна, как об этом и Давид свидетельствует, говоря: «Свята церковь твоя и дивна по правде». Дивная же из-за многих ей похвал, многими похвалами ее хвалюсь. Не из-за того, что человеческими умениями или мастерскими ухищрениями и замыслами, и вымыслами расписана, но поскольку украшена Божьей славой, и в добродетели обряжена, и Божественными славословиями изукрашена, и человеческим спасением расцвечена, и в красоту православия облечена. Ибо в ней являются величественные тайны, в ней же служится святая литургия, в ней же совершается причастие Божественных Тайн, в ней же спасаются души многих людей, в ней же находится многим людям убежище, в ней же плотские грехи омываются крещением, в ней же духовные мерзости очищаются покаянием и верой. Поставил он эту церковь на месте, называемом Усть-Вымь, где река Вымь впадает в реку Вычегду, где впоследствии была создана его большая обитель, которая потом и была названа его епископией. Когда же освящал он эту церковь, назвал ее во имя Пресвятой Пречистой Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, честного ее Благовещения. Празднование же этого праздника установлено в марте месяце в 25 день. <...>

Придя по своей воле, он с усердием совершил свой труд и претерпел великое противостояние, и явил большое старание и труд, и великий подвиг, очень печалился о людском прельщении и весьма огорчался, видя их одержимыми волхвованием и помраченными идолослужением, и об этом он очень скорбел, и все дни и ночи молился Богу об обращении людей. Со стенанием же и с плачем приносил Богу со слезами молитву, говоря: ««Собери, Господи, людей своих рассеянных и овец своих заблудших» и введи их в церковь святую твою, соедини их со святой своей соборной апостольской церковью, причисли их к избранному твоему стаду, чтобы тебя славили с нами во веки веков. Аминь». Однако не переставал он по апостолу учить и наставлять, молить и запрещать, указывать им путь истинный и «наставлять их на стезю праведную», а суету кумирную обличать и обольщение идольское посрамлять, желая привлечь их к познанию Божию. Но люди, прежде пребывавшие во мраке, не понимали язычники Божьей благодати, то, что было для них благом, воспринимали как нечто бесполезное, с трудом верили и не только здесь же, сразу, не слушали сказанного, но и гневались на благодетеля и ненавидели творящего им добро, и, неблагодарные, роптали на учителя.

Раз еще в один из дней, найдя раба Божьего уединившимся, двинулось на него множество пермяков, неверных и некрещеных, и устремились на него, словно для убийства. И нападая, нападали на него с яростью, гневом и воплем, будто желая убить и погубить его. Все единодушно ополчились на него и, словно сонмище, став вокруг него, «напрягая, напрягли луки свои» и, сильно их на него натянув, — к тому же и стрелы в их луках были смертоносными — меткими стрелами своими застрелить его жаждали и так хотели наконец предать его смерти. Божий же страстотерпец ничуть не убоялся нападающих на него и

порыва воюющих, не убоялся и их выстрелов, по сказанному: «Не убоишься стрелы, летящей днем». И не боялся он, когда стреляли в него, воспринимая их стрелы, как младенческую стрельбу. <...> Божий же раб обратился к пермским людям и сказал им: «О братья! Обратитесь, сыновья человеческие, к Богу, Богу-Вседержителю, верою, покаянием, крещением, обращением обратитесь! «Если не обратитесь, оружие свое на вас отточит и изострит». <...> Мне ваших стрел не велено опасаться Владыкою моим. Ибо так сказано в святом Евангелии: «Идите, вот я посылаю вас, как овец среди волков». «Не бойтесь убивающих тело, а душу не могущих убить. Бойтесь же больше того, кто может и душу, и тело погубить, а по убиении ввергнуть в геенну огненную». Истинно говорю вам: его бойтесь. Наносимая нам вашими стрелами телесная смерть — недолговечная, кратковременная и преходящая смерть, и более того — исходатайствует не смерть, а жизнь. Горестно и тяжко умереть человеку духовной смертью, «ибо смерть, — сказано, — грешнику люта» — то есть духовная смерть. Ибо смерть души — мука вечная».

В один из дней преподобный раб Божий, помолясь Богу, сотворил молитву и после молитвы пришел в некое место, где была их знаменитая кумирница, и задумал разрушить их идолов, и опрокинул их жертвенники, сравнял с землей их богов и Божьей силой знаменитую их кумирницу зажег и пламенем запалил ее. Все это он сделал один, когда идолослужители этого не знали и служителей кумирницы здесь не было, и «не было избавляющих», ни отнимающих их. Одержав эту победу, он не убежал тут же с того места, не устремился куда в другое место и никуда не ушел, но сидел на том месте и оставался, словно ожидая чего-то надвигающегося на него, и укреплялся Божьей благодатью. Когда же внезапно они об этом узнали, то сообщили друг другу, и вот собирается вся их толпа. И когда они сбежались в большой ярости, с великим гневом и воплем, то, как дикие звери, устремились на него — одни с палицами, а многие другие похватали в руки топоры, заточенные с одной стороны. Обступили его со всех сторон и хотели тут же зарубить его остриями топоров своих, крича все разом, бранясь и испуская непристойные вопли. И, окружив его, стали вокруг него и замахивались на него своими секирами. И выглядел он среди них, «как овца среди волков»: не бранился, не сражался с ними, а с кротостью проповедовал им слово Божье и учил их вере Христовой, и наставлял на всяческую добродетель. И, воздев свои руки, словно на смерть приготовившись, со слезами обратился к Богу: «Владыко, в руки твои предаю тебе дух мой, покрой меня крылами своей милости. Ибо за имя твое святое себя отдал и уподобился овце на заклании, потому что за тебя пожелал претерпеть все это, чтобы явить твое имя этим людям. Обрати, Господи, поганых в христианство, чтобы и они были братьями нашими, приняв святое крещение, пусть вместе с нами славят тебя, пусть в этом и среди них прославится пресвятое имя твое во веки веков. Аминь». Так молясь Богу, он остался цел, и никто не поднял на него руки, ибо не был даже ударен или ранен кем-либо, но Божьей благодатью был сохранен от них и остался цел и невредим. И так прошел посреди них идя, ибо Бог сохранил своего угодника и служителя, как сказал пророк Давид: «Не допустит Господь жезла грешных над судьбой праведных», «ибо Господь сохранит преподобных

своих; во веки они сохранятся». Как обратился к Богу пророк Иеремия: «Господи, вот не умею говорить, потому что юн». Господь же сказал ему: «Ко всем, к кому тебя пошлю, пойдешь, и что говорить тебе велю, скажешь: и не испытывай страха перед лицом их, ибо я пребываю с тобой все дни, избавляя и спасая тебя». И еще Давид говорил: «Не предай меня в руки притесняющих меня» и «не предай меня преследующим меня», но воспрепятствуй борющимся со мной, и «пусть поймут язычники, что ты — Господь Бог, один на всей земле».

Поучение

Тогда раб Божий, помолясь Богу, снова попытался учить их, и, став на месте ровном и всем известном, начал учить народ о царствии Божьем и, будто апостольским словом, сказал им: «О люди, что вы делаете? И я такой же, как вы человек, но благовествую вам слово Божье и повелеваю вам, говоря: отступитесь от этих суетных идольских жертвоприношений, оставьте кумирское заблуждение, избегните <Страшного> суда и огня вечного. Ради чего поклоняетесь вы идолам и почитаете их, и называете богами? Болваны изваянные, вырубленные ваши кумиры — это бездушное дерево, «дело рук человеческих: уста имеют, а не говорят, уши имеют, а не слышат, глаза имеют, а не видят, ноздри имеют, а не обоняют, руки имеют, а не осязают, ноги имеют, а не идут». И не ходят, и не сойдут с места, и «не издадут звука своими гортанями», и не нюхают своими ноздрями, и жертв приносимых не принимают, не пьют и не едят. «Подобными им да будут создавшие их и все, надеющиеся на них». А тот, в кого веруют христиане, и кого чтут, и славят, его и я вам проповедую, он — истинный Бог, и нет иного Бога кроме него. Потому-то, мужи пермские, и братья, и отцы, и дети, послушайте меня, добра вам желающего, веруйте в Господа нашего Иисуса Христа, которого я вам сейчас проповедую. Это ведь Христос, истинный Бог наш, это ведь Спаситель всех людей-христиан, верующих в него. Возьмите свет разума, взирайте на высоту мысленную духовными очами вашими. Отрекитесь от болванов, колдовства и всех исконных пермских обычаев. Познайте истинного Бога и Творца всего, который может спасти ваши души. Ибо я пришел к вам, братья, и являю вам благодать, данную мне, что «если уверуете и креститесь, спасены будете», — и возвещаю вам царство небесное. «А если не уверуете и не креститесь, то осуждены будете» на муку вечную».

И долгое время так учил он и многих увещевал оставить суетное пермское идольское заблуждение и веровать в Господа нашего Иисуса Христа, и те дали обет креститься. Хотя прежде они устремлялись на него с яростью и гневом, — благодаря кротости его смирялись. Хоть раньше нападали на него для убийства, с дубинами, — от добрых слов его и священного учения его превращались в кротких, становились тихими и мирно разговаривали, расходясь, не причинили ему никакого зла, а многие из них крестились. И так мало-помалу умножалось стадо Христово и постепенно христиан прибывало. Постепенно, сказано, и город строится. Прочие же остались некрещеными. Имели они, однако же, всегдашний обычай собираться вместе и сходиться в одно место — или пермяки приходили к нему в ту новую поставленную церковь, о которой выше сказано, или же он к ним в какое-нибудь условленное

место для споров и прений. Однако с тех пор, как была создана церковь, в нее каждый день стали приходить и некрещеные пермяки, не на молитву еще зачастив, не ради жажды спасения или молитвы прибегая, а желая увидеть красоту и величие церковного строения. И стояли, наслаждаясь увиденным, и затем уходили. А расходясь, неверные между собой говорили друг другу: «Велик, должно быть, этот Бог христианский, и видим, и думается нам, что разорит он и древние храмы, и старые жертвенники богов наших, ибо не можем мы словесно противостоять тому игумену, что недавно пришел из Москвы. Если не силой и притеснением, то, покарав побоями и нанеся ему многочисленные раны, прогоним его, и таким образом будет изгнан из земли нашей, чтобы вся наша земля не исполнилась его учения. Однако же у него дурной обычай: не начинать схватки первым, чего мы всегда только и ожидаем от него. Но он не делает этого, а, наоборот, ждет от нас начала боя, и потому мы с ним не скоро сразимся. Если бы первым осмелился поднять руку, то давно бы мы его, растерзав, разорвали, и быстро была бы взята от земли жизнь его и «память его с шумом». Но поскольку он наделен долготерпением, мы не знаем, что с ним делать».

Тогда стало очевидным, что люди разошлись и разделились. И случилось народу раздвоиться на две части, и одна называлась новокрещеными христианами, а другая часть прозывалась неверными идолослужителями. И не было между ними согласия, но распря, и не было мира, но разногласие. Потому идолослужители ненавидели христиан и не любили быть с ними вместе. Как сказал апостол Павел: «Что общего у света с тьмой; или какая общность у верного с неверным; или какое общение у церкви с идолами; или какое согласие истины с беззаконием?» Вот потому, как прежде было сказано, идолослужители ненавидели христиан и не переставая хулили и бранили преподобного и новокрещеных христиан, ругаясь и гримасничая, и дразня, и вредя. А поскольку узнавали, что христиан становится все больше, постольку разъярялись на них и не давали им жить спокойно, причиняли им беды и немалые обиды. Видя это, преподобный не в силах терпеть, как досаждают христианам, много печалился об этом и часто со слезами молил Бога-человеколюбца денно и нощно, чтобы обратил он их от идольского соблазна к истине.

И еще как-то, спустя несколько дней, собрались наиболее жестокие пермские мужи, люди неверующие и множество еще некрещеных. Среди них многие — волхвы, а другие — кудесники, иные же — чародеи и прочие их старцы, которые стремились уничтожить веру христианскую и подолгу спорили с ним, вводя в соблазн, хваля свою веру, хуля и порицая веру христианскую. И делая это часто, они ему досаждали, противились ему в вере. Стефан же Божьей благодатью и своим умением брал над всеми ними верх. Хоть и много было вопрошений, хоть и большой между ними спор был, но все были им побеждены. Ибо, наставляя, привел им много изречений из святых книг, из Ветхого и Нового Завета и, одолев, посрамил их. И потом еще многократно бывали они им побеждены, и с тех пор более никто и нигде с ним не смел спорить о вере. Ибо всем им заграждал он уста и обличал возражающих, и давал отповедь спорящим дивный сей муж, чудесный дидаскал, исполненный мудрости и разума, который смолоду

изучил всю мирскую философию, книжную мудрость и искусство грамматики, впоследствии же за доброе исповедание и чудесное наставление его, за его выдающееся учение дан был ему дар благодатный и слово разума и мудрости. Как Спаситель сказал в святом Евангелии: «Потому всякий книжник, наученный царствию небесному, подобен домовитому человеку, который выбирает из своих сокровищ старое и новое». Так и Стефан из старых и новых книг — из Ветхого и Нового Завета — подбирал слова, поучая, вразумляя, наставляя, обращая, заботясь о людях заблудших, желая их освободить от пут дьявольских и прелести идольской. Ибо того ради и терпел он от них ежедневно, сильно страдая, утвержденный верою в таковых подвигах, искушениях и бедах, как твердый камень, молясь Богу, творя молитвы и пост, алкая и жаждая, желая спасения Перми, претерпевая от них много обид и не сердясь на них за все случившееся с ним. Не оскорбился, не возроптал, не будучи малодушным и не помня зла, но еще более усердствовал в любви для спасения их, желая их обращения, всех поучая и наставляя, моля и успокаивая: старцев их — словно отцов, людей среднего возраста — словно братьев, юных и малых детей — словно чад своих.

Когда же изволил Бог по своей благодати, то пожелал просветить землю Пермскую святым крещением, ибо услышал Бог молитву и слезы своего угодника Стефана и «не забыл зова» его, «услышал Господь глас плача» его и «не пренебрег молитвой» и прошением его, как пророк Давид сказал: «Волю боящихся его творит и молитву их услышит, и спасет их», «желающий, чтобы все люди спасены были и достигли познания истины», «не желающий смерти грешников, но обращения и покаяния ожидая при жизних их». И тогда собрались все вместе пермяки, живущие в земле той, от мала и до велика, и крещеные, и некрещеные, потому что были они в удивлении, и начали говорить промеж себя: «Слышали ли, братья, слова того мужа, который пришел из Руси? Видели ли терпение его и чрезвычайную его любовь к нам? Как среди таких притеснений не ушел отсюда — а мы показали ему большое пренебрежение и неповиновение! И не разгневался на нас за это, и ни единому из нас не сказал худого слова, не отвернулся от нас, не бранился, не дрался с нами, но с радостью терпел все это. Он послан Богом нам на жизнь и на спасение. И то, о чем говорит, — царство небесное и мука вечная, и отмщение, и воздание каждому по делам — если бы это не так было, не стал бы он этого терпеть. Но — и кумирни наши разорил, и богов наших сравнял с землей, и не смогли они ему повредить. Воистину, он — раб великого и «живого Бога, который сотворил небо и землю», и все те слова, что были им произнесены, истинны. Но пойдемте, наконец, уверуем в Бога, которого Стефан проповедовал, и скажем ему: «Слава тебе, небесный Боже, пославший нам своего слугу, чтобы спас нас от дьявольского заблуждения»«. Тогда захотели креститься некрещеные пермяки, и собралось к нему много людей, народ: мужчины, женщины и дети, как бы на поучение. А он, увидев их, идущих на крещение, весьма их обращению обрадовался и с радостным сердцем и с усердием принял их и, отверзши уста свои, снова учил их по обычаю. И многое рассказал им о Боге и о законе его, и о христианской вере, и о жизни, и о смерти, и о Страшном Суде, и о «воздаянии каждому по делам его», и о страшных и грозных муках, и о

жизни вечной, приводя их к знанию, произнося слова святого Евангелия и божественных апостолов, и богогласных пророков и препобных и богоносных отцов. Они же вдоволь послушали учения его и с радостью приняли проповедь его, и с готовностью поверили словам его. Ибо Бог, милосердный человеколюбец, своею благодатью открыл им ум и «очи сердечные» для спасения, и все ему били челом, припадая к его ногам, прося святого крещения и знамения Христова. Он же, знаменовав их, каждого из них своей рукой перекрестив и огласив, и сотворив молитву, и благословив, отпустил каждого из них с миром восвояси, наказав им ежедневно ходить в святую церковь Божью, а оглашенным приходить к оглашению, и каждый день творил о них молитву. И через положенное краткое время, вдоволь помолившись о них, обучив их православной христианской вере, с женами их и детьми крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа и научил их пермской грамоте, которую к тому времени создал.

Да всем им, новокрещеным мужам, и юношам, и отрокам, и маленьким детям наказал учить грамоту, Часослов в точности, и Осьмогласник, и псалмы Давидовы, и все прочие книги. Из обучающихся грамоте, тех, кто научился читать святые книги, он выбирал одних — для поставления в попы, других — в дьяконы, а иных — в иподьяконы, чтецы и певцы, перелагая и переводя им службу, уча их писать пермские книги; и сам, помогая им, переводил русские книги на пермский язык и передавал им. И так с тех пор друг друга учили грамоте и, переписывая с книги книгу, умножали их, пополняя их число. Видя это, преподобный радовался душой и не переставал благодарить Бога день и ночь, моля о спасении и об обращении людей, постоянно людей уча для того, чтобы стадо Христово росло и умножалось день ото дня, а неверных стадо умалялось бы и убывало, и оскудевало. И так с Божьей помощью, благоволением и содействием, поставил он и другую святую церковь — хорошую и чудесную, ранее упомянутого и указанного вида — и в ней поместил иконы и книги; да и третью церковь на ином месте создал. И так было ему угодно поставить не одну церковь, а много, поскольку новокрещеные пермские люди жили не в одном месте, но здесь и там, одни ближе, другие дальше. Поэтому ему и понадобилось ставить разные церкви в разных местах, по рекам и селеньям, где каждой и подобало быть, по его разумению.

И так святые церкви в Перми создавались, а идолы сокрушались. Какое рвение проявил преподобный против болванов, называемых кумирами, как возненавидел он их за великую их мерзость! И лютой ненавистью их возненавидел, и полностью их ниспроверг, и идолов попрал, кумиров сокрушил, с землей сравнял их богов, которые суть болваны высеченные, изваянные, выдолбленные, резьбой вырезанные. Все окончательно низверг и топором их посек, и пламенем их пожег, и огнем их испепелил, и без остатка истребил их. Сам со своими учениками, не ленясь, обходил леса и по селеньям расспрашивал, и в домах разыскивал, и в лесах находил, и в станах обретал, и здесь и там — всюду находил их, пока все кумирни не уничтожил и до основания не искоренил их, и ни одна из них не уцелела. А что было повешено возле идолов — или как кровля над ними, или как жертвоприношение, или принесенное им как украшение, или шкуры соболей, или куниц, или

горностаев, или ласок, или бобров, или лисиц, или медведей, или рысей, или белок — все это, собрав, в один сарай сложил и предал огню. Идолов же сначала ударял обухом в лоб, а потом раскалывал их топором на мелкие поленья и, разведя огонь, и то и другое сжигал на огне — кучу с куницами и кумира вместе с ними. В свое же владение этих ценностей не брал, а все сжигал огнем, говоря, что это достояние лукавого. И этому очень удивлялись пермяки, говоря: «Почему он не брал все это для своей пользы, почему не искал себе в этом выгоды, почему отверг и пренебрег столькими имуществом, почему бросил и потоптал ногами столько богатства?» И сказали они друг другу: «Поистине, это Божий раб, это Божий угодник, поистине, он послан Богом для нашего спасения, и все это он делает Бога ради и нашего ради спасения, а не для своей выгоды или владения сокровищами, и делает это ради утверждения христианской веры, а не ради своей прибыли, корысти и стяжания, как сказал апостол: «Ища не своей пользы, а пользы многих, чтобы спаслись» — о чем и говорил, что это надо делать и учить этому <других>«. Ибо запретил преподобный своим ученикам и прислуживавшим ему отрокам, не велел ничего совершенно брать из кумирен — золотого ли, серебряного, меди, железа, олова или чего иного и прочего из уже названного.

Были в Перми кумиры разнообразные — одни большие и малые, другие средние, а иные знаменитые и прославленные и многие прочие. И кто может исчислить их? Одним кумирам редко кто молился, им мало воздавали честь, других же почитали многие не только ближние, но и дальние селенья. Были у них некоторые кумиры, к которым приходили издалека, и из дальних мест приносили дары — и в трех днях, и в четырех, и в неделе пути живущие — со всяческим усердием присылали подношения и дары. И как могу описать их поступки? Ведь бесы, овладев разумом и волей Перми, наполнили всю страну и землю ту идольским обманом. Это было у них от большого невежества, незнания и темноты. Так и существовали весь свой век изо дня в день, и в таком обмане жили все дни своей жизни, пока не посетил их свыше наш Спаситель милостью своей и не поставил угодника своего Стефана, вдохнул в него свою благодать, которой и просветил их. <…>

В один из дней пермяки пришли к нему и спросили его, говоря: «Молим тебя, добрый наш учитель и наставник правоверия, скажи нам, почему ты загубил столько богатства — всего вышеназванного, находившегося в наших кумирнях, — и пожелал лучше огнем сжечь, чем взять себе в казну или в свою ризницу для нужд своих или учеников, что с тобою, как сказано: «Ибо достоин работник платы своей»«. Отвечая на это, сказал им преподобный: «Разве не слыхали вы божественного апостола Павла, говорившего ефесянам: «Помните, — сказал, — что три года день и ночь я не отдыхал, со слезами уча и наставляя каждого из вас». И еще: «Ни серебра, ни золота, ни одежд, ни иного имущества — ничего не захотел: сами знаете, что потребностям моим и находящихся со мною послужили руки наши; во всем показал вам, что, так трудясь, должно поднимать немощных: ведь давать — большее благо, чем брать»«.

О прении с волхвом

Пришел однажды некий волхв, старец-чародей, лукавый предсказатель, знаменитый кудесник, глава волхвов, старейшина знахарей, начальник отравителей, всегда занимавшийся искусством волхвования, будучи ревностным служителем колдовского наваждения. Имя ему — Пансотник, которого некрещеные пермяки издавна почитали более всех иных колдунов, называя его своим наставником и учителем, и говорили о нем, что его волхвованием держится Пермская земля и что идольская вера утверждается учением его, который был вполне неверным, некрещеным, всегда ненавидел христианскую веру и не любил христиан. Некрещеным же и неверным пермякам не велел веровать и креститься, желающим же веровать препятствовал и запрещал, веровавших же и крестившихся совращал. Если пойдя куда-то он встречал неких пермяков-христиан, новообращенных и новокрещеных, но еще не твердых в святой христианской вере, он начинал их совращать и расслаблять их старым своим учением, ложным и суетным, и многими словами волшебными и чародейскими старался их уговорить. Если же кого не мог словами и своими возражениями переспорить и прельстить, то привлекал их лаской и подкупом — ибо иначе не мог никого переманить из веры христианской, кроме как за плату и подачку; ибо кого словами многажды не мог уговорить, того подкупом хотел одолеть. Было его учение исполнено всяческой хулы и ереси, и вреда, и неверия, и кощунства, и смеха, приличествующего детям.

Услышав это, преподобный весьма огорчился и очень опечалился, ибо было ему это не любо, «потому что, — сказал, — все, что я созидаю, он, напротив, разрушал». И многократно спорили они об этом между собой, и не была беседа их ровной. И не было конца речам его, ибо один другому не покорялся, тот же этому не повиновался, и тот того не слушал, и этот этого неразумным называл, и расходились несогласными, поскольку тот хвалил свою веру, а тот — свою, один не принимал преданий этого, а другой отвергал обычаи того. Но кудесник, часто приходя, — иногда тайно, а иногда явно — совращал новокрещеных людей, говоря: «Мужи, братья пермские, отеческих богов не оставляйте и о жертвах им и требах не забывайте, и старые обычаи не отвергайте, старой веры не бросайте. Как поступали отцы наши, так и поступайте. Меня слушайте и не слушайте Стефана, недавно пришедшего из Москвы. А от Москвы что хорошего может быть нам? Не оттуда ли к нам идут тяготы, дани тяжкие и насилие, управляющие, сборщики податей и надсмотрщики? Потому не слушайте его, но лучше послушайте меня, желающего вам добра. Я же вашего рода и одной с вами земли, одного рода и одного племени, одного колена и одного народа. Следует вам меня больше слушать: я давний ваш учитель, и подобает вам меня, старца, что вам как отец, слушать более, чем того русина, да еще и москвитина, меньшего меня и ростом, и летами, юного возрастом, а по годам годящегося мне в сыновья или внуки. Потому не слушайте его, а меня слушайте и мое предание храните и крепитесь, чтобы не были побеждены, а, наоборот, победили бы его». Новокрещеные же люди, отвечая, сказали: «Не победили мы, старче, а, напротив, были совершенно побеждены. И боги твои, называемые кумирами, в падении низверглись и не восстали, «низвержены были, и не могут подняться», «они повергнуты были и

пали, а мы встали и стояли прямо», «сеть их порвалась, и мы были избавлены. И ныне помощь наша от Господа, сотворившего небо и землю». Не можем мы противиться Стефану, его мысли и мудрости, с которой он говорил, когда крепко боролся с нами словами евангельскими, апостольскими, пророческими, особенно же — отеческими и учительными. И были мы побеждены его словами и пленены его учением, и словно сражены его любовью, и «словно стрелы вонзились в нас», и, словно сладкой стрелой, были мы уязвлены утешением его. Потому-то мы не можем и не хотим ослушаться его или противиться, ибо не можем восстать против истины, а поступим по истине». Кудесник же сказал: «Вижу, однако, что нет в вас разума, слабы вы и очень невежественны, и боязливы, и маловерны. Я же против него крепко вооружусь и принесу мольбы своим богам, принесу им жертвы и нашлю на него чары, и напущу на него многих своих богов, и те изгонят его, и сокрушат его, и устрашат его. И так изгнан будет он от лица моего. Когда же одолею его, тогда всех вас привлеку к себе вновь в прежнюю веру свою». Христиане же, посмеявшись над ним, сказали: «Безумный старец, зачем ты напрасно похваляешься победить истинного раба Божия? Ведь этот Стефан и богов ваших с землей сравнял, и не смогли они повредить ему, тому, кто, сняв со знаменитых кумиров покрывала, побросал их своему служке по имени Матвейка, и тот сделал из них нижнее платье, онучи и штаны, и износил их без ущерба и вреда. Сделал он это не ради прибыли, но отдал указанному Матвейке на поругание идолов. Был же он прежде нашего рода <и веры>, и пермяк, а потом уверовал и крестился, и был его учеником. И не могли ему причинить зла. Если они даже ученику не могли навредить, то тем более — учителю. Вот таким образом мы лучше понимаем — и познали, и поверили — что суетны и немощны, и ложны боги твои. Защитят ли тебя те, что себя не смогли защитить? Потому-то мы отступились от идольского заблуждения и отрекаемся от идольской лжи. И еще скажу: «Отрекаемся от сатаны и всех дел его, и всех ангелов его, и всех служащих ему, и всего срама его», «и дали обет Христу», и поскольку во Христа крестились и его знамением знаменовались, то и веруем во единого Бога Отца и Сына и Святого Духа, во Святую Троицу, как и содержит предание соборной апостольской церкви. Еще исповедуем единое крещение во оставление грехов и чаем воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь. Отчего же ты, старец-чародей, минуя голову, пришел к ногам? Если ты силен в словах, то спорь с ним, а не с нами. Если же не можешь, то зачем нас смущаешь и беспокоишь? Отойди же и не соблазняй нас. Да будет тебе известно, что «не входишь в овчий двор через двери, а с другой стороны прокрадываешься с воровскими речами и разбойничьим обличьем». «Ибо мы овечки словесного стада» и «голос своего пастуха знаем и его повеления слушаемся, и за ним следуем. За тобой же, чужим, не идем, а бежим от тебя, ибо не знаем чужого голоса»«. Волхв же удалился в гневе, сказав: «Вы младоумны и скудны разумом. Поэтому тот игумен и перехитрил своим коварством вас, таких же глупцов, как и сам: обрел также и вас как совершенно себе подобных. Мне же не может он строить козни, ибо я скоро низложу его».

И был этот кудесник лютым врагом преподобного и злым ратоборцем, великим неукротимым противником и воителем, хотевшим разрушить

веру христианскую. И люто, многократно смущал веровавших, постоянно спорил с ним, часто противостоял ему в вере, как прежде Анний и Замврий в Египте противились Моисею. <…> И так этот злой волхв, чародей-кудесник, сильно возгордился, произносил хулу на раба Божия и Бога, порицал и унижал христианскую веру и поносил евангельскую проповедь, и в гневе говорил людям: «Я не боюсь сопротивления и суесловия вашего дидаскала Стефана и учеников его и выступаю один против всех. Ни во что не ставлю то, что они говорят. Хоть и считают себя мудрыми, я же думаю, что быстро низложу их, и они падут, как листья, колеблющиеся и дрожащие от ветра. Ибо не могут стать предо мной и не вынесут пред лицом моим появиться, но будут, словно воск, приблизившийся к большому пламени и тающий, — а не то чтобы посмели словесно со мной сразиться в гаданиях и спорах, и состязаниях». А Божий человек Стефан, укрепясь Божьей благодатью, сказал волхву: «О обманщик и глава разврата, вавилонское семя, халдейский род, хананейское племя, мрачное чадо темной тьмы, пентаполиев сын, внук лживой египетской тьмы и правнук уничтоженного столпотворения! Послушай, так говорит пророк Исайя: «Горе поящему ближнего своего мутной смесью». А вот так говорит пророк Давид: «Что хвалишься злобою, сильный? Всякий день беззаконие, и неправду замышляет язык твой, подобный острой бритве; ты содеял обман, возлюбил зло более блага; вместо того чтобы говорить правду, возлюбил слова гибельные, лживый язык. За это вконец сокрушит тебя Бог, исторгнет тебя и корень твой из земли живых»«. <…> Колдующий же шаман сказал: «Боги наши хоть и были поруганы тобою, но смилостивились и не погубили тебя. Если бы они не имели милосердия, то давно бы тебя сокрушили и повергли. И поэтому пойми, что они добры и милосердны и что наша вера много лучшей вашей веры. Потому что у вас, у христиан, один Бог, а у нас много богов, много помощников, много поборников. Потому они дают нам добычу и все то, что в водах, и то, что в воздухе, и в болотах, и в дубравах, и в борах, и в лугах, и в зарослях, и в чащах, и в березнике, и в сосняке, и в ельнике, и в перелесках, и в прочих лесах, и все, что на деревьях: белок ли, соболей ли, куниц ли, рысей ли — и всю прочую добычу нашу, часть которой ныне достается и вам.

Не нашей добычей обогащаются и ваши князья, и бояре, и вельможи. В нее облачаются и ходят, и «кичатся подолами своих одежд», гордясь благодаря простым людям, со столь давних времен живущим в изобилии, многие годы живущим в изобилии и занимающимся промыслами. Не наша ли добыча посылается и в Орду, и доходит до самого того мнимого царя, и даже в Царьград, и к немцам, и к литовцам, и в прочие города и страны, и к дальним народам? И потому еще наша вера гораздо лучше вашей, что у нас один человек или вдвоем многократно выходит на битву сразиться с медведем и, сразившись и победив его, убьет да и шкуру его принесет. У вас же на одного медведя ходит много народа, числом так до ста, а то и двух сотен. И нередко то привезут медведя, добыв, то без него возвращаются, без успеха, ничего не везя, а напрасно трудившись, что кажется нам смехотворным и вздорным. И вот почему еще наша вера лучше: у нас новости быстро доходят. Если что случится в дальней стороне, в ином городе, в тридевятой земле, — если что случится в этот

день — в тот же день, в тот же час имеются у нас полные известия, каковые вы, христиане, с трудом можете узнать через много дней и долгое время не знаете. Потому-то наша вера много лучше вашей, что имеем многих помогающих нам богов». Божий же священник, отвечая, сказал ему: «Исповедуя многобожие и признавая многих богов, не тем ли хвалишься, окаянный, чего подобало бы более стыдиться, по сказанному: «Да постыдятся все поклоняющиеся истуканам, похваляющиеся своими идолами?»« <...> Отвечая, кудесник сказал: «В той вере, в которой я родился и воспитывался, и вырос, и прожил, и состарился, в которой пребывал все дни моей жизни, — пусть я и умру в ней, к которой привык и ныне, в старости, не могу от нее отказаться и хулить ее. И не думай, что я тебе так говорю только от себя, но — от всех людей, живущих на этой земле. Думаю, что слова, которые говорю тебе, не только мои, к тебе я словно бы от лица всех пермяков обращаюсь. Разве я много лучше отцов моих, чтобы так поступить? Так ведь прожили наши деды, прадеды и прапрадеды. Я ли окажусь лучше их? Да не будет так ни в коем случае. Скажи же мне, какую истину имеете вы, христиане, что дерзаете так пренебрегать вашей жизнью?» Божий же иеромонах, отвечая, сказал ему: «Послушай о силе нашего Бога и тайне нашей веры». И начал говорить о милосердии Божьем и о его заботе о нас. И так с помощью Священного Писания начав от сотворения мира, от создания твари, то есть от Адама, и до распятия Христова и воскресения и вознесения — и так до конца света.

И пребывали вдвоем наедине, лишь друг с другом в словах состязаясь, весь день и всю ночь, пребывая без еды и без сна, не имея перерыва, не делая отдыха, не предаваясь сну, но постоянно противостояли в споре, противоборствовали словами. И хоть многое <Стефан> высказал ему, казалось, тем не менее, что будто на воду сеял. «Ибо в душу, — сказано, — безумного не войдет мудрость и не сможет укорениться в оскверненном сердце». Кудесник же, хоть и много поучений услышал, но ни одному не верил и не внимал сказанному, и не принимал вышеизложенного, но, выступая против, отвечал, говоря: «Я не верю. Все это мне кажется ложью и вымыслом, и вздором, придуманным вами. И я не уверую, если не испытаю веру».

И после этих слов, когда все эти слова кончились, после многих распрей и споров решили они оба избрать самих себя, желая испытать веру. И сказали друг другу: «Пойдем и разожжем огонь и войдем в него да и сквозь огонь пламенный пройдем, посреди горящего пламени вместе, вдвоем пройдем оба — я и ты, и здесь будет нам испытание, и здесь получим доказательство <истинности> веры: кто выйдет цел и невредим, у того вера правая, и за тем все последуем. И еще кроме того иное доказательство получим. Таким же образом пойдем оба, взявши друг друга за руки, и войдем вместе в одну прорубь и спустимся вниз, в глубину реки Вычегды, и устремимся вниз по течению подо льдом и потом, спустя достаточное время, пониже одного плеса из одной проруби оба вместе вновь появимся. Чья вера будет правой, тот целым выйдет, невредимым, и ему все в дальнейшем подчинятся». И по душе была эта речь всей толпе народа, и сказали все люди: «Поистине, хорошо то слово, что сказали вы сегодня».

Когда сошлось бесчисленное множество людей, сам Стефан, стоя среди них, призывал пришедших: «Мужи и братья, слышали ли вы эти слова из уст наших? Внемлите же сказанному разумно и «не будете взирать на лица человеческие» и стыдиться ни одного из нас, но «праведным судом судите». Ибо мне предстоит трудный подвиг, и я с радостью стремлюсь совершить его и пострадать. И не только это, но и умереть я рад за святую веру православную». <...>

И, сотворив молитву, произнес «Аминь» и после «Аминь» сказал людям: «Мир вам. Спаситесь. Простите и молитесь обо мне. «Пойдем же с терпением на предстоящий нам подвиг, взирая на главу и создателя веры Иисуса»«. Таковое он имел усердие, дерзая войти в огонь, и, обратившись к волхву, сказал ему: «Пойдем оба вместе, взявшись за руки, как обещали». Он же не пошел. Испугавшись шума огненного, был он в ужасе, не вошел все-таки — в присутствии народа, перед собравшимися людьми, при том, что люди все хорошо видели своими глазами. Горел огонь и пламя распалялось; и преподобный еще пуще принялся за него, понуждая — и взявшись за одежду волхва рукой и крепко ее сжав, схватил его и силой потащил лицом к огню. Колдун же вновь стал пятиться назад. И сколько это происходило, столько же этот, насильно выволакиваемый, вопил, крича: «Не трогайте меня, оставьте в покое!» Понуждая его еще и в третий раз, преподобный призывал его со словами: «Пойдем, войдем оба в огонь палящий по слову твоему и рассуждению твоему, как ты пожелал». Он же не хотел войти. И сказал ему Стефан: «Не твои ли это слова, которые ты прежде говорил? Не сам ли ты это избрал и так захотел «испытать Бога живого?» Так почему же сейчас ты не хочешь этого сделать?» Он же, пав ниц, бил челом и, припадая к ногам его, признал свою вину, объявляя о своем бессилии и обличая суетность и обман свой.

Люди же, бывшие там, трижды его спросили, говоря: «Пойди, несчастный, почему не идешь?» Он же трижды отказался, говоря: «Не могу я идти, не осмеливаюсь прикоснуться к огню, остерегаюсь и опасаюсь приближаться, когда горит такое большое пламя и «будучи словно сухая трава», не смею в него броситься, чтобы «как тает воск от лица огня, не растаял» я, чтобы не был я опален, как воск и сухая трава и внезапно не сгорел и не погиб от огня, «и больше меня не было». «И какая будет польза в крови моей, если сойду в могилу?», колдовство «мое наследует другой», «и будет двор мой пуст, и в селении моем не будет живущего»«.

Преподобный же Стефан, сразившись с волхвом таким образом, еще и по-иному одержал над ним победу. Взял он его с народом и привел его к реке. И сделали две большие проруби — одну выше, а другую — чуть подалее. В ту, что была верхней, следовало нырнуть им обоим вместе, взявшись за руки; а из той, что была нижней, пройдя подо льдом <по течению>, вновь наверх выйти. Чародей же волхв, будучи побежден, и там был посрамлен. И там он, будучи трижды понуждаем, многократно отказался, говоря: «Не могу я этого сделать, хоть и тысячу раз объявите меня виновным». Мужи же спросили его, говоря: «Обветшавший недобрыми днями, ныне настали для тебя твои несчстья. Скажи, окаянный, почему ты не вошел ни в огонь, ни в воду, а совершенно

осрамился?» Отвечая, волхв сказал: «Не научился я побеждать огонь и воду, а дидаскал ваш Стефан в детстве и в юности своей научился от своего отца волшебством и колдовством заговаривать огонь и воду, чтобы ни огонь его не жег, ни вода его не топила, — поскольку он этому научен и хорошо умеет. Я же в своей жизни изучил многие злокозненные искусства и умею колдовать, волхвовать и кудесничать, зачаровывать и превращать, и устраивать многие другие наваждения, одного лишь не умею — заговаривать огонь и воду или укрощать их — этому я у батьки своего не научился».

Вновь люди спросили его, говоря: «Поведай нам, чародей, зачем ты это сделал, зная свое бессилие, пребывая в зловерии и будучи одержим безверием — дерзко обещал за веру «пройти огонь и воду»?» Он же, отвечая, сказал им: «Превзошел меня Стефан. Когда я спросил его о владении этим искусством, он мне ответил: «Не умею я заговаривать огонь и воду, не учился я этому». Я же, услышав это от него, поверил его слову и подумал про себя, рассуждая: «Если он не умеет, как и сказал, то я тем и напугаю его, хотя сам не умею». И в то время как он не знал о моем неумении, я надеялся своими хитростями его перехитрить и, одолев, посрамить его и похищенных исторгнуть внезапно из его рук и привести их вновь к своему древнему обычаю. Всего этого, увы мне, я не достиг и «упал в ту яму, которую выкопал», и «в сети, которую скрыл, запуталась нога моя», и «ров ему выкопал, и сам туда упал». «И было мне последнее хуже первого», поскольку Стефан, одолев меня, посрамил и показал, что я никчемный, и представил меня совершенно бессильным. И теперь не знаю, что делать или куда бежать. «Покрыл стыд лицо мое», и ныне не могу рта открыть от поношения и стыда. «Подвергся поношению у соседей моих и был пугалом для знакомых моих», «на посмешище и поругание живущим вокруг нас». «Всякий день срам мой предо мной, и стыд лица моего покрыл меня»«. Люди же сказали ему: «Везде, окаянный, ты сам провозгласил свою погибель. <…> Хочешь ли верить и креститься, ибо ты уже побежден?» Пребывая под чарами, нечестивый волхв не захотел понимать истинной мудрости и без обиняков так сказал: «Не хочу веровать и креститься».

Преподобный же, взглянув на народ, сказал: «Вы — свидетели всего этого, скажите мне, что вы думаете?» Они же сказали: «Подлежит казни». Тогда мужи пермские, приступив, взяли его и, взяв, передали его Стефану, говоря: «Возьми его и казни, ибо подлежит он казни и по нашему обычаю должен умереть, поскольку слова Божия не слушает, Евангелие хулит, проповедь евангельскую бранит, благовествование предает поруганию, над верой христианской насмехается, в Бога не верит, поучения не принимает, «сеет плевелы среди пшеницы и уходит», совращает новокрещеных людей, велит вновь вытесывать кумиров и весьма противится нашим словам. Ныне же, после всего и за всем этим, когда окончены слова, — боролся он с тобой словесно и не победил, а сам побежден; спорил о вере и не переспорил, а сам переспорен был; силился, да не осилил, еще и сам побежден был; и всюду посрамлен, и всячески был опозорен — и после этого еще и не верит, и креститься не хочет. Да как же он не заслуживает казни? И как же не должен умереть? Да если его живым отпустить и

неопозоренным, и не казненным, то и больше еще будет вредить». Отвечая же, Стефан сказал им: «Нет же, да не будет так. Не поднимем руки своей на своего врага. Ни руки моей на него не подниму поспешно, ни покараю его, казнив, и смерти его не предам: ибо послал меня Христос не убивать, а благовествовать, и велел мне не мучить, а учить с кротостью и увещевать со спокойствием, велел не казнить, а наставлять с милостью». <…> Потом, обратившись к волхву, сказал: «Слышал ли все это, о обманщик?» Он же отвечал: «Ей, честной отец, все, что ты сказал сейчас, я слышал, и крепко вошло это в мои уши». И вновь был спрошен: «В самом ли деле не будешь вредить и разрушать веры?» Он же отвечал: «Нет, честной отец. Если же окажусь вредителем или разрушителем твоей веры, тогда умру пред ногами твоими». И вновь преподобный сказал ему: «Подтверждаю это сегодня перед многими свидетелями и повелением тебе повелеваю нигде не оказаться виновным в чем-либо из сказанного сейчас. Если же через некоторое время после повеления попадешься на нарушении наших слов и пренебрежении ими, то в дальнейшем попадешь под канонические епитимии и будешь подвергнут карам по гражданскому закону. Ныне повелеваю тебя отпустить. Уйди же от лица нашего цел и невредим, потом только, в дальнейшем, берегись, чтобы жестоко не пострадать». И сказал это, и мужи, державшие его, отпустили его. Он же бросился от них, будто олень, и ушел от собрания, радуясь, что не убит.

Когда же волхв ушел, пришли к Стефану некие люди, сообщая о пустом лжеумилении волхва, о том, как удивлялся волхв разуму Стефана и премудрости его слов, и дивным ответам его, и как сам был обличаем своей совестью, зная, что Стефан говорит истину и наставляет на праведное. Но, влекомый ложным своим обычаем через утвердившиеся в нем чары, словно «удерживался удилами и уздой», словно тьмой, омраченный своим волхвованием, на «свет истинный» взглянуть не хотел, более того скажу: не мог. И оттого, забыв все Стефановы слова, вновь взялся за свой первоначальный древний нечестивый обычай. Преподобный же сказал: «В споре нашем с волхвом чуть не сбылось о нас одно слово, гласящее: «Прошли мы сквозь огонь и воду, и вывел Он нас на покой». Ибо когда ушел волхв, обрел я покой после многих распрей: из большой усталости и многословия вывел <Господь> нас на покой». Мы же о волхве же это слово прекратим и здесь немедля закончим.

Между тем преподобный крестил людей, находящихся здесь и там, приходящих из различных селений, мужчин, женщин и детей, и грудных младенцев. Всех верующих и всех готовящихся к святому просвещению, всех хотящих родиться в «бане возрождения», всех желающих получить Христово знамение, всех приходящих к святому крещению — всех их оглашая, поучая, крестил, как было у него в обычае, чем всегда и занимался.

Было же у него дело: книги писал, переводя с русского на пермский, а также многократно и с греческого на пермский. И имея немалую об этом заботу, он старался. То читал он святые книги, то переписывал, ибо было это его всегдашним делом. Потому и ночами многократно

пребывал без сна и устраивал постоянные бдения. Днем же во много раз более был занят. То трудился руками своими, иногда же распоряжался и устраивал то, что нужно для церкви или для надобностей собственных и тех, кто был с ним.

О епископстве

К тому времени увеличилось число учеников, христиан прибывало, строились и церкви святые в различных местах и на разных реках, и в селеньях, здесь и там. И стало ему необходимо непременно найти и поставить, и привести епископа. И, попросту говоря, очень нуждается земля та в епископе, поскольку до митрополита и до Москвы далеко. Сколь далеко отстоит Царьград от Москвы, столь удалена от Москвы дальняя Пермь. Как же можно быть без епископа? Кто же может столь дальний путь долго и часто проходить ради выполнения епископских обязанностей и дел рук его: и по церковному управлению или священников поставлять, попов, диаконов и игуменов, или на основание церкви, или на освящение церкви и многого иного прочего, там, где оказывается необходимым присутствие епископа.

И обо всем об этом советовался он со своими старшими чиноначальниками. И по этой причине отправился из земли дальней, из Перми, в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу и к Пимену, бывшему тогда митрополитом, и поведал им причину, по которой из далекого местопребывания пришел в Москву, и, сообщив ее, сказал: «Да будет изыскан и найден у вас такой муж, которого, поставив епископом, пошлете со мной в Пермскую землю. Ибо очень нужен тем людям епископ, поскольку «жатва» поспела, и «жатва велика, а работников мало», и потому «молился Господину жатвы, чтобы вывел работника на жатву свою», чтобы, когда придет он в свою епископию, был бы мне помощником и пособником в проповеди при Божьем содействии и помощи, и я буду ему сослужителем и сотрудником, и сподвижником во всяком благом деле».

Услышав же это, великий князь и митрополит, дивясь, похвалили его мысль, и угодны им были слова его, и пообещали выполнить его просьбу. Митрополит тогда, имея немалую заботу, постоянно пекся о мире и о городах, и о землях, и о прочих епархиях, находящихся в его митрополии, о множестве словесных овец, особенно же о новокрещеных. И об этом усердно думал и гадал, искал и спрашивал, кого найти, отыскать и избрать, и поставить, и послать епископом в Пермь, и каким надлежит епископу быть, и какими достоинствами следует ему обладать. <...> Одни этого вспоминали, другие же другого выдвигали, иные же иного имя произносили. Митрополит же сказал: «Нет же, да не будет этого. Воистину, хороши и они, но ни один из них не подойдет. Но как нахожу в Ветхом Завете то слово, что гласит: «Нашел я Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу моему», так и я ныне нашел того самого Стефана, мужа доброго, мудрого, разумного, рассудительного, умного и искусного, и всецело украшенного добродетелями и достойного такого дара, ко многому и во многом ныне искусного. И думаю, что он подойдет, и надеюсь, что он — «работник». Имеет еще к тому же благодать, данную ему от Бога, и дар учительства,

который приобрел, и талант, вверенный ему, и слово премудрости и разума. Еще и разными грамотами владеет, и заговорит с людьми на других языках, и обладает должными душевными и телесными чувствами».

Выслушав это, «архиереи, старцы и книжники», и клирики — все вместе, будто едиными устами, сказали: «Воистину, хороший он муж, достоин такой благодати». Особой честью было это для великого князя, ибо он был ему хорошо знаком, и любил он его издавна. Митрополит же, посоветовавшись с великим князем, и подумав, и порассмотрев, увидев и услышав о добродетели мужа и добром его нраве, и добром исповедании, и о том, что украшен учительским саном, что предпринимает и совершает апостольское дело, и что такой благодати достоин, — собрав епископов и священников, и прочих клириков, а также милостью и волей великого князя и своим выбором, и желанием всего причта и людей — поставил его епископом в Пермскую землю, которую он просветил святым крещением, которую научил вере христианской, в которой имя Божье исповедал пред нечестивыми, в которой проповедовал святое Евангелие Христово, в которой совершил удивительные дела, величественные и достославные, которых никто прежде там не совершал, в которой идолов низверг, святые церкви воздвиг и богослужение установил, и святые иконы поставил, и людей Богу поклоняться научил. Тех людей, которых избавил от обмана, увел от бесов и привел к Богу. Этим людям поставлен он был епископом и архиереем. Над всеми людьми поставлен он был святителем и законодателем, чтобы осознали язычники, что они — люди. Поставлен же он был на вторую зиму после битвы с Тохтамышем, когда и Михаил, епископ смоленский, был поставлен. Тогда тот и другой были поставлены в одно время. <...>

Послали же его пермяки в Москву со словами: «Отправляйся на поиски епископа и найди нам святителя, и с епископом, которого найдешь, возвращайся к нам. Приходи с ним, ведя его с собой». Он же, отправившийся на поиски епископа, вернулся к ним назад, не приведя его. Один пришел, никого с собой не ведя: отправившийся на поиски епископа внезапно сам оказался епископом. Ведь не знал он, как произойдет, что быть ему тем епископом, и не добивался владычества, не суетился, не напрашивался, не подкупал, не сулил посулов, никому ничего не дал — ни подарка, ни взятки, ни мзды. Ведь и дать ему было нечего, ему, стяжавшему нестяжательство, еще и самому ему подавали необходимое милостивые христолюбцы и страннолюбцы, видя совершаемое Бога ради. И митрополит поставил его Бога ради и ради спасения обращающихся новокрещенных людей. Когда же по поставлении его, спустя достаточное количество дней, был отпущен великим князем и митрополитом, пошел он назад в свою землю, будучи одарен князем и митрополитом, и боярами, и прочими христианами, и шел своим путем, радуясь, благодаря Бога, устроившего все очень хорошо.

И, приехав в свою епископию, опять держался он прежнего уклада и выполнял свою обычную работу, и слово Божье проповедовал с дерзновением, и беспрепятственно учил их. Сколько где оставалось

некрещеных, — разыскивая здесь и там, в каких местах находил этих язычников, — обращал и крестил. Всех же крещеных своих учил пребывать в вере и вперед продвигаться, как сказал апостол: «Прежнее забывая, а вперед устремляясь». И грамоте пермской учил их, и книги писал им, и церкви святые ставил им и освещал, иконами украшал и книгами наполнял, и монастыри устраивал, и в чернецы постригал и игуменов им ставил, и в священники, попы, дьяконы сам поставлял, и чтецов и иподьяконов ставил. И попы его по-пермски служили: обедню, заутреню и вечерню пели на пермском языке. И канонархи его по пермским книгам пропевали, и чтецы читали чтение на пермском наречии, певчие же всякое пение по-пермски возглашали. И увидели чудо в земле той: где прежде были идолослужители, бесомольцы, там богомольцы явились. <...>

О призывании и вере многих народов

Об этом и апостолы свидетельствуют, об обращении стран и о призывании народов, что «во всех народах должно быть проповедано слово Божье» и что подобает иноверцам обращаться к Богу и веровать, и креститься. Благовествователи и проповедники свидетельствуют об этом и пророки согласно говорят. Ведь Исайя сказал: «Вот, народы, которые не знают тебя, призовут тебя и люди, которые не знают тебя, прибегнут к тебе». И пророк Давид сказал: «Хвалите Бога», «все народы будут служить ему», «все народы восславят его», «все народы придут и поклонятся пред тобою, Господи, и прославят имя твое» вовеки, «убоятся народы имени Господня», «убоятся его во всех концах земли», «услышьте, все народы, внимайте, все живущие во вселенной, земнородные, сыны человеческие — и богатые, и бедные», что «высок над всеми народами Господь, и выше небес слава его», «очи его взирают на народы», «явих Господь спасение свое, пред народами открыл правду свою», «видели во всех концах земли спасение Бога нашего», «благословите, народы, Бога нашего, возвысьте голос хвалы его», «чтобы познали мы на земле путь твой; во всех народах дела его», «возвестите в народах славу его, во всех людях чудеса его», «возгласите в народах, что Господь воцарился, ибо устроил вселенную, которая не поколеблется», «ибо царь всей земли» «Бог воцарился над народами», «блажен народ, у которого есть Господь Бог его, и люди, которых избрал он в достояние свое», «милостью Господней наполнилась земля», «да убоится Господа вся земля» и «наполнится вся земля славой его; да будет и будет», «пусть поколеблется пред лицом его вся земля», «в псалмах воскликнем ему, что Бог — великий Господь, великий царь во всей земле», «восклицайте Господу, вся земля», «узнайте, что он — Бог наш, он сотворил нас, а не мы себя», «воспойте Господу, вся земля», «восклицай Богу, вся земля», «пусть поклонится тебе вся земля и пусть поет тебе, пусть же поет имени твоему, Всевышний», потому что ты, Господи, «один Всевышний по всей земле», «весьма превознесся над всеми богами», «я познал, что велик Господь, и Бог наш превыше всех богов», «велик Господь, весьма славен, страшен более всех богов», «Господи, Господь наш, как величественно имя твое по всей земле!», «вознесись на небеса, Боже, и по всей земле слава твоя», «каково имя твое, Боже, такова и похвала твоя до концов земли», «упование всем концам земли и находящимся

далеко в море», «услышь и посети все народы», «и узнают, что имя твое Господь, и ты один Всевышний по всей земле», «воскресни, Боже, суди земле, ибо ты наследуешь все народы», «блажен тот, кого ты будешь наставлять, Господи, и закону своему научишь его», «мне иноплеменники покорились», «да постыдятся все кляняющиеся истуканам, хвалящиеся идолами своими», «ибо не отринет Господь людей своих и достояния своего не оставит», но «послал слово свое, исцелил их и избавил их от гибели их», «чтобы сказали избавленные Господом, который избавил их от руки вражеской и из земель собрал их с востока и запада, и севера, и моря; блуждали в земле безводной», «терпя голод и жажду; душа их в них изнемогла. Воззвали к Господу, когда затужили; от бед их избавил их и вывел их на правильный путь», «ибо благословение даст дающий закон», потому «превознесут его в церкви человеческой и на собрании старейшин восславят его» «и поклонятся ему все цари земные», и «всякое дыхание пусть славит Господа». <...>

Об азбуке пермской

Не только ведь святым крещением просветил он их, но и грамоты удостоил их, и книжную мудрость даровал им, и письменность дал им, когда неизвестную азбуку пермскую сочинил и, написав множество книг теми письменными буквами, дал им то, чего они испокон века не имели. Ведь до крещения пермяки не имели своей грамоты и не знали письменности, и вовсе не ведали, что есть книги, а были у них лишь сказители, что сказки сказывали о начале и о сотворении мира и об Адаме, и о разделении народов. И прочее пустословили, и больше лгали, чем истину говорили. И так век свой и все годы свои растратили. Но Бог, милостивый человеколюбец, который устраивает все на пользу людям и не оставляет рода человеческого без разумения, но всячески приводит к разумению и спасению, который пощадил и помиловал людей пермского народа, поставил и дал им, как прежде Веселиила в Израиле — и «исполнил мудрости и умения», — так и этого Стефана, мужа хорошего и благоговейного, и послал его к ним. Он же создал им новую грамоту — пермскую азбуку, сложив, составил. И когда это произошло, многие из людей видели, слышали и удивлялись, не только жившие в Перми, но и в других городах и землях, особенно же в Москве дивились, говоря: «Как он умеет сочинять пермские книги и откуда ему была дана премудрость?» Другие же говорили: «Это воистину новый философ». Прежде был называемый Константином Кирилл Философ, который создал славянскую грамоту из тридцати восьми букв. Так вот и этот составил <азбуку> числом в двадцать четыре буквы, уподобляя по числу букв греческой азбуке, одни буквы по образцу греческих письмен, другие же — по звукам пермского языка. Первая же буква в ряду — «аз», как и в греческой азбуке.

Прежде же всех грамот была еврейская грамота. С нее списали греческие грамотеи. Затем после них — римская и многие другие. Спустя много лет — русская. После же всех — пермская. В еврейской азбуке название первой буквы «алф», в греческой азбуке название первой буквы «алфа-вита», а в сирийской — «альф-бе», а в угорской — «афака-васака», а в русской — «аз», а в пермской — «а-бур». Чтобы не

по одной называть, добавляется буква. Много же есть грамот и много азбук. А вот названия букв пермской азбуки: а, бур, гай, дой, е, жой, зата, зита, и, коке, лей, мено, нено, во, пей, рей, сий, тай, цу, черы, шуя, е, ю, о.

Некие же скудоумные сказали: «Для чего же созданы книги пермской грамотой? Ведь и до этого издавна в Перми не было грамоты, таков обычай: издавна не имели они у себя грамоты, и так прожили без нее свой век. Теперь же, при окончании лет, в последние дни, к исходу счета седьмой тысячи <лет> еще и ввиду малого времени, лишь за 120лет до скончания века грамоту задумывать! Если и нужно это, то больше подходила русская, готовая грамота, которую можно было передать им и научить их. Ибо это была книжная письменность, которую издавна и по обычаю имели у себя такие народы, как еврейский, эллинский, римский». Что следует им говорить или что подобает им отвечать? Ведь очевидно, что мы учимся по Писанию, а не как-либо иначе. В Писании же, однако, есть следующее. Если от Адама первозданного буду говорить, сын которого Сиф, — то он первый научился еврейской грамоте. Затем от Адама до потопа прошло 2242года. После потопа же было столпотворение, когда разделились народы, как и написано в Бытии. А как разделились народы, так же разделились между народами и нравы, и обычаи, и установления, и законы, и умения. Как вот, говорю, есть народ египетский, которому досталось землемерие. А персам и халдеям, и ассирийцам — астрономия, звездочетство, волхвование и колдовство, и прочие суетные искусства человеческие. Евреям же — святые книги, поскольку они научены <грамоте>, той грамотой и Моисей потом писал о создании всего мира книги Бытия, в которых написано, что Бог сотворил небо и землю, и все, что на ней, и человека, и прочее все по порядку, как написано в Бытии. Эллинам же досталась грамматика и риторика, и философия. Но первоначально эллины не имели у себя грамоты на своем языке, а были вынуждены свою речь записывать афинской грамотой, и было это много лет. <…>

Как много лет многие эллинские философы собирали и составляли греческую грамоту и едва создали, посредством больших трудов и долгого времени едва сложили! Пермскую же грамоту один чернец сложил, один составил, один сочинил, один старец, один монах, один инок, Стефан, говорю, вечно памятный епископ. Один единовременно, а не за долгие времена и годы, как они. Но один инок, один-единственный и уединившись, один уединенный, один, единого Бога призывая на помощь, один, единому Богу молясь и говоря: «Господи Боже, премудрости наставник и разума податель, неразумных учитель и нищих заступник, утверди и вразуми сердце мое и дай мне слово отчее, чтобы тебя прославлял во веки веков».

И так один инок, помолясь единому Богу, и азбуку составил, и грамоту создал, и книги перевел за малое число лет с Божьей помощью. А те многие философы — за много лет семь философов едва азбуку создали, а 70 мужей мудрецов перевод выполнили, перевели книги, с еврейского на греческий язык перевели. Потому думаю, что русская грамота почтеннее эллинской, ибо создал ее святой муж, Кирилла имею в виду

Философа, а греческий алфавит — эллины некрещеные, язычники, составляли. Потому также и пермская грамота, которую создал Стефан, лучше эллинской. Там — Кирилл, здесь же — Стефан. Оба этих мужа были хороши и мудры, и равны в мудрости. Оба одинаковый, равный подвиг явили и предприняли, и для Бога оба потрудились — один ради спасения славян, другой же — пермяков. Как два сияющих светильника, народы просветили. Какой похвалы были они достойны? «Ведь память, — сказано, — о праведниках с похвалой бывает», и, «когда славят праведника, радуются люди». Ибо они Бога прославили, и Бог их прославил, ведь «славящих меня, — сказано, — прославлю». Но Кириллу Философу часто помогал брат его Мефодий — грамоту ли складывать, азбуку ли составлять, книги ли переводить. Стефану же не нашлось никакого помощника, — только единый Господь «Бог наш, прибежище и сила, помощник в скорбях, охвативших нас силой».

Если кто скажет слово против пермской грамоты, хуля ее и говоря, что не самым лучшим образом составлена азбука, что следует ее улучшить, — тем еще скажем вдобавок: и греческую грамоту тоже многие исправляли — Акила и последователи Симмаха, и многие другие. Диво ли готовое исправлять? Легче ведь в дальнейшем поправить, чем начать сначала и создать. Ибо если кто спросит греческого книжника, говоря: «Кто вам грамоту создал или книги перевел, и когда это случилось?» — то редкие из них могут дать ответ, и немногие знают. А если спросишь русских грамотеев, говоря: «Кто вам грамоту создал и книги перевел?» — то все знают и быстро отвечают, говоря: «Святой Константин Философ, называемый Кириллом, — он нам грамоту создал и книги перевел с греческого языка на русский с родным своим братом Мефодием, который был впоследствии епископом моравским. Когда же было это? В царствование Михаила, царя греческого, царствовавшего в Царьграде, при патриархе Фотии, в годы Бориса, князя болгарского, и Растица, князя моравского, и Костеля, князя блатенского, в княжение великого князя всей Руси Рюрика, язычника и некрещеного, за 120 лет до крещения Русской земли, а от сотворения мира в год 6363». И если спросишь еще пермяка, говоря: «Кто вас избавил от рабства идолослужения и кто вам грамоту создал и книги перевел?» — то с чувством и с радостью скажут и с большим старанием и усердием ответят, говоря: «Добрый наш дидаскал Стефан, всесторонне просветивший нас, во тьме идолослужения сидящих. <...> Один Господь Бог Израилев, имеющий великую милость, по которой возлюбил и нас, помиловал нас, даровал нам своего угодника Стефана, и он перевел нам книги с русского на пермский язык». Когда же все это было, в какое время? Не так давно, а, как думаю, от сотворения мира в году 6883 в царствование Иоанна, царя греческого, в Царьграде царствовавшего, при архиепископе Филофее, патриархе Константина-града. В Орде же и в Сарае над татарами тогда Мамай царствовал, но не вечен был. На Руси же — при великом князе Дмитрии Ивановиче; архиепископа же, митрополита в те дни на Руси никакого не было, а ожидали митрополичьего пришествия из Царьграда, кого Бог даст. Таковы те дары, которые даровал Бог земле Пермской, так вера начиналась, и зло из людей изгонялось, так они приняли крещение, так грамоты удостоились, так христиан прибывало, так словесное стадо пополнялось, так «виноградник Господа Саваофа» хорошо цвел, плодом

добродетели изобилуя, так порядок церкви Христовой должным образом укреплялся, и православие цвело.

Епископ же Стефан, видя людей своих, крестящихся и обращающихся к Богу, и утверждающихся в вере, радовался о них, и за это благодарно прославлял Бога доброчестный этот отец, не себе угождая, но многим, чтобы себя спасли. Как-то однажды, желая испытать своих людей и узнать, твердо ли они уверовали, более же желая укрепить или просветить их в вере, сказал им: «До сих пор «молоком кормил вас, но отныне уже твердой пищей должно мне вас кормить и черствой пищей вас питать». Ныне же «покажите мне сперва делами вашими веру свою». Если крепко уверовали, то примите ныне знамение в подтверждение веры. И если кто из вас желает быть верующим и мудрым, большим, более всех, и хочет быть <лучшим> из всех и более всех любовь ко мне иметь, пусть разыщет и узнает, если где проведает о скрываемом кумире, — в своем ли дому или у ближнего соседа, или где в ином месте, тайно скрытом, — пусть, найдя, вынесет его на люди перед всеми и, усердствуя в вере, своими руками его сокрушит. И если кто это сделает, того я больше всех полюблю и похвалю, и одарю». Они же, услышав это, старались один вперед другого где-нибудь узнать и отыскать скрываемого кумира, чтобы кому-либо, опередив <других>, первым показать свое старание. И было удивительно видеть, что происходило тогда между ними: если бы кто <из них> и хотел, лицемеря в вере, свой кумир скрыть, то не мог, ибо сами за собой смотрели, ведь каждый соблюдал себя, чтобы прежде не обличил его другой. Но и сами промеж себя были изрядными доносчиками: знали ведь тайны друг друга, будучи друг другу соседями. И по этим причинам напоследок очистились их дома, и окончательно освободились от кумиров, и всецело пребывали в вере с женами и детьми.

Был епископ Стефан сведущ в книгах. Будучи украшен этой добродетелью, делом и словом мог он противостоять идолослужителям и обличать спорящих с ним. Был он и большим знатоком книг, и все, что кажется трудным и остается непонятным в Священном Писании, мог легко разъяснить и хорошо растолковать. Этот дар имел он от Святого Духа, так что изумлялись многие люди и удивлялись такой Божьей благодати, данной ему. Среди и между неверующих был он один в наши годы выдающийся толкователь, один дидаскал слов апостольских и пророческих и хорошо толковал речи пророков и предсказания. Только одного его из многих помнят. И милостыню любил подавать, устраивать угощение странникам, нищим и гостям. Сколько раз, привозя многократно ладьями зерно из Вологды в Пермь, все это расходовал не на что-то иное такое, что себе самому на пользу, — а лишь для надобностей странников и приходящих, и всех прочих нуждающихся. И как прежде Иосиф в Египте был пшеницедателем и людей прокормил, и насытил их в дни голода, так и этот, насытивший людей, был новым хлебодателем. Но он здесь и более Иосифа Прекрасного был. Ведь Иосиф кормил людей одним только зерном, и не даром еще, а за плату каждому продавал. Этот же, должным образом все устроив, без платы отдавал и каждому даром отдавал. Как пророк Исайя сказал: «Те, кто не имеет хлеба, пойдите купите и ешьте без

серебра и без платы — почему продаете хлеб ваш?» Иосиф только тела одни насытил, этот же не только тела накормил, но и души их насытил — учением, говорю, Божественного Писания, двойной пищей: тела — едой из плодов земных, душам же <дал> учение, которое есть плод уст. И так двояко кормил людей и насытил их в голод. Голод же, говорю, не только когда нет хлеба, но когда и другой голод настает, не меньший первого — когда совсем не слышно слова Божия. И так была та земля в те дни двояким голодом охвачена, двойную и пищу получила. «Не хлебом ведь, — сказано, — единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих». И еще: «Готовьте не пищу тленную, а пищу, пребывающую в жизни вечной». Вот почему предлагалась не только видимая осязаемая трапеза, но и духовная предоставлялась: всегда Божественное поучение, и до еды, и во время еды, и после еды произносился псалом, и после питья — песнопение. Часто он устраивал большое угощение многим странникам и гостям, и пришельцам, приплывающим и отплывающим, и не давал им уйти просто так, как случалось, но всякий пришедший прежде у него бывал и у него благославлялся, и у него ел и пил, и от него принимал наставление и учение, и угощение, и поддержку, и от него принимал молитву, и, благословения удостоившись, с тем отправлялся в предстоящую дорогу, а Бог наставлял Стефана на спасение многим душам.

Когда же приблизилось время его преставления, кажется за два месяца или за три, или более, созвал он новокрещенных пермских людей и собрал их вместе, желая дать им обычное наставление, вернее же — последнее наставление, и обратился к ним, говоря: «Братья, отцы и дети, мужи пермские. Мы должны благодарить и благословлять Бога Отца, Господа нашего Иисуса Христа за нашу веру и за ваше обращение и крещение. <...> И вот сейчас настает уже время моего ухода. Пусть это будет вам известно. Если кто подумает, будучи маловерным, а лучше сказать — зловерным, задумает уйти из света в тьму, захочет отступить от «Бога живого», захочет отречься от веры христианской и то, что создано, вновь разрушит, — на это что можем сказать? Только то, что чист я от этого, и пусть это не на мне будет, и пусть сам он за себя даст ответ в Страшный День Судный или будет без всякого ответа. Ибо я силы свои исчерпал и множество божественных слов сказал и все, что должен был совершить, совершил. И устал уже, уча их, не давая покоя челюстям моим. Утомился, крича. Умолкла гортань моя <...>«.

Наставил людей и благословил, и молитву сотворил, и ушел. Ведь когда входил впервые в землю ту, начиная учить, молитву сотворил и, уходя, вновь молитву сотворил: и начиная, и окончивая, и совершая — все молитвой заключал и знаменовал. И так отправился из земли Пермской в Москву. Когда же пришел конец годам жизни его, и настало время его ухода, и приспел час преставления его, в те дни случилось ему приехать в Москву к митрополиту Киприану. Ибо был он ему люб, и тот очень любил его. К нему постарался долгий и большой путь проделать из-за неких дел священнотайных и церковного управления, и церковных правил, и прочих необходимых вопросов, существующих для спасения людей. И тогда привелось ему в Москве, поболев несколько дней, преставиться. Подобало ему, по апостольскому слову, хорошо

потрудившемуся в труде воздержания, и общей природе долг отдать. Но перед преставлением его, когда он лежал на одре болезни и болел, посещали его братья — одни стояли вокруг него, другие же сидели перед ним, даже сам великий князь приходил посетить его, и многие бояре многократно его навещали, и так он здесь болел.

Поучение

В один же из дней позвал он своих священников и ризничих, и иподьяконов, и всех, кто приехал с ним из земли Пермской, и сказал им: «Братья, слушайте слова из уст моих. Отпускаю вас ныне назад в землю Пермскую. После моего ухода пойдите и скажите им, новокрещеным людям пермским, и всем ближним и дальним — возвестите им мои слова, что им завещаю: в письме ли написав или устно сообщив, скажите им, что слышали и видели. Ибо хочу сказать уже последнее слово, к которому впоследствии более ничего уже не добавлю, потому что постигнет меня кончина, и пришел день, и приблизился час, и приспела година. Но поскольку добрую проповедь следует держать до последнего вздоха, скажите от меня людям такими словами: «Вот я ухожу от вас и в дальнейшем более не буду жить с вами. Вот я иду по пути моих отцов, куда и все пошли. Вот я умираю, как и все живущие на земле. Внемлите, люди мои, закону Божию. Вслушивайтесь в самих себя, дети. Бодрствуйте и молитесь. Стойте в вере неколебимо. Будьте мужественны. Пусть будет крепко ваше сердце. Будьте тверды верой. Берегитесь еретиков. Остерегайтесь разрушителей веры. Блюдите себя от настающих церковных расколов и подступающих раздоров. Храните себя от всякой пагубной ереси. Берегитесь вашего прежнего идолопоклонства. Пусть никто не прельстит вас злыми словами. Ибо знаете, братья, сколько пережил я печали, сколько мучений перенес в земле Пермской и сколько пострадал в стране той, утверждая веру, устанавливая крещение, твердо давая Закон, всегда заботясь, день и ночь моля Бога, чтобы он открыл мне дверь милосердия, чтобы принял молитву мою, чтобы спас людей своих. Бог же человеколюбец не отверг моей молитвы, но исполнил мою просьбу, привел людей к вере, и вот вы сегодня все крещены. И вот ныне, братья, предаю вас Богу и слову его благодати, способному вас укрепить и сохранить, и спасти. В дальнейшем же, братья, стойте в вере крепко, неколебимо <...>««.

О преставлении

И недолго побеседовав с ними о душеполезном и все хорошо определив и распределив, и все предуготовив и устроив, и все направив, простер затем ноги свои на ложе своем, и братья предстояли и канон положенный пели и славословили, и сам он обращал к братьям некие немногие слова — одному из пресвитеров кадилом с ладаном покадить велел, другому же молитву отходную проговорить, иным же канон на исход души прочесть. И было еще на устах его благодарение, и вместе с ним молитва сходила с уст его, и подобно некоему желающему спать или начинающему дремать сладким сном, тихо и безмятежно испустил он дух. Преставился ко Господу на 4-й неделе по Великом дне, когда бывает праздник Преполовения Пасхи. <...> 26 апреля постигла

епископа смерть, в месяце апреле взяла смерть Стефана. Епископ означает «посетитель», и «посетителя» посетила смерть. Он бросил тело, словно шкуру, и, словно одежды, тело совлек. От тела отошел, к Господу перешел, бежал от житейского многомутного моря, не имея никаких житейских приобретений. Ибо в праведной жизни был воспитан и праведно пожил на земле, а умер — и соединился с умершими отцами и праотцами, дедами и прадедами. Тело земное оставил и с радостью отдал душу Господу, созидателю душ и сеятелю добра. Добрый наш поборник веры перешел от сей жизни к тамошней. Уснул во Господе сном вечным и перешел от труда к покою, по Иову, говорящему: «Смерть есть для мужа покой». Отдохновение принял от трудов и подвижничества, ушел, оставив тленную эту жизнь, кратковременную, преходящую и скоротечную, и <на месте> не стоящую. Отправился туда, где плата по делам, где «награда по трудам его». Ко Господу отошел, которого полюбил смолоду, ради которого на земле подвизался, которого и перед нечестивыми исповедал, которого и в чужих землях проповедовал, в которого и верить научил. И когда он преставился, собралось на его проводы великое множество народа — князья, бояре, игумены, попы и горожане, и прочие люди, и проводили его с честью, отпев над ним положенную надгробную службу, предали могиле честное его тело, похоронили его в славном городе Москве, в монастыре Святого Спаса, в каменной церкви, по левую сторону от входа в церковь. И многие, скорбя, горевали о нем, вспоминая добродетельную его жизнь и душеполезное его учение, и благонравные обычаи его. Более же всего стадо его о нем горевало, новокрещеный народ пермский.

Плач пермских людей

И когда пришла к ним эта весть, возвестили им, говоря: «Придите, новокрещеные пермские общины, и узрите, и услышьте, что учитель ваш удалился от вас, ко Господу отошел, а вас сиротами оставил. Мы же сами очевидцы, служившие при его преставлении, которое наши глаза видели и наши руки осязали. Как болел он в Москве, так там и преставился, там и похоронен был с честью. Если же не верите нашим словам, и кажется вам речь наша ложью, то придите и увидьте ризы его и ризницу его, и книги его, и прочие его вещи». Они же, когда услышали о преставлении его, зарыдали со слезами и в тоске сердечной кричали, в печали горько оплакивая, и все начали говорить: «Горе, горе нам, братья. Как же остались мы без доброго господина и учителя? Горе, горе нам. Как же лишены были доброго пастуха и наставника? О, как же был отнят у нас податель великого добра? О, как же лишились очищающего наши души и пекущегося о наших телах? И лишились мы прежде всего доброго заступника и ходатая, что был для нас ходатаем к Богу и к людям: Богу ведь молился о спасении душ наших, а перед князем о печалях наших и об облегчении, и о благе нашем ходатайствовал и заботился. Перед боярами же, перед начальниками, властелинами мира сего был нам усердным заступником, многократно избавлял нас от притеснений и неволи, и тиунских поборов и облегчал нам тяжкие дани. Даже сами новгородцы-ушкуйники, разбойники, были уговорены его словами нас не грабить. Ныне же и то, и то потеряли и всего лишились. К Богу не имеем

усердного молитвенника, пред людьми же не имеем скорого заступника. О, как и откуда эта беда в нашей жизни? «Стали мы посмешищем для соседей наших», иноплеменников лопарей, вогуличей, югры и пинежан. О, епископ наш добрый, словно к живому, обращаемся к тебе. О, добрый подвижник правой веры. О, хранитель откровения священных тайн и богопроповедник, Бога нам проповедовавший, а идолов поправший. Истинный наш вождь и наставник. Проводник для нас, заблудших. Если бы золото потеряли мы или серебро, то вместо этого другое нашли бы, а тебя лишившись, другого такого не найдем. <…> Зачем же пустили мы тебя в Москву, чтобы ты там почил! Лучше было бы нам, чтобы была могила твоя в нашей земле, перед нашими глазами, чтобы было немалое облегчение и хотя бы великое утешение в нашем сиротстве. И словно к живому, к тебе приходя, благословлялись бы мы у тебя и по успении, словно у живого, поминая твои Богом данные слова. Ныне же совершенно всего полностью лишены мы. Ибо не только тебя самого лишились, но и могилы твоей не удостоились. Отчего же такая обида нам от Москвы? Это ли правосудие ее, имеющей у себя митрополитов, святителей? А у нас был один епископ, и того к себе взяла, и ныне не имеем даже могилы епископа. Один он был у нас епископ, и был он нам законодатель и законоположник, и креститель, и апостол, и проповедник, и благовеститель, и исповедник, святитель, учитель, очиститель, посетитель, исправитель, исцелитель, архиерей, страж, вождь, пастырь, наставник, толкователь, отец, епископ. Москва ведь много архиереев имеет, изобилует, излишествует, мы же только его одного имели, да и его одного не удостоились и терпим скудость. <…> Хорошо же было бы нам, если бы рака с твоими мощами была у нас, в нашем краю и в твоей епископии, а не в Москве, не в твоей земле. Ибо не так будут тебя почитать москвичи, как мы, не так восславят. Знаем ведь мы их, тех, что навешивали на тебя прозвища, отчего некоторые называли тебя Храпом, не разумея силы и благодати Божьей, имеющейся в тебе и через тебя. А мы бы тебе должную честь воздали, поскольку мы твои должники, поскольку мы твои ученики, поскольку родные твои дети, поскольку через тебя познали Бога и гибели избежали, через тебя от бесовского обмана избавились, крещения удостоились. Потому-то воистину должно нам тебя почитать как достойного прославления. «Ибо достоин, — сказано, — работник платы своей». Да как же сможем тебя по достоинству восхвалить или как тебя прославим, ибо ты совершил дело наравне с апостолами? Славит Римская земля обоих апостолов, Петра и Павла, почитает и славит Малоазийская земля Иоанна Богослова, а Египетская — Марка евангелиста, Антиохийская — Луку евангелиста, Греческая — Андрея апостола, Русская земля — великого Владимира, крестившего ее, Москва же славит и почитает Петра митрополита как нового чудотворца, Ростовская же земля — Леонтия, епископа своего. Тебя же, о епископ Стефан, Пермская земля славит и почитает как апостола, как учителя, как вождя, как наставника, как руководителя, как проповедника. <…> Ныне если и отнял ты, Господи, за наши грехи у нас епископа нашего, то «не отними у нас милости своей». Ибо ты дал нам его, ты же и взял назад, скажем словами Иова: «Господь дал, Господь же взял, как Господу угодно, так и было. Да будет имя Господне благословенно вовеки. Да будет слава Господня вовеки». «Благословенна слава Господня в святом месте его». Молитвами,

Господи, твоего святителя, а нашего епископа, Стефана, его молитвами, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь».

Плач церкви пермской, когда овдовела и оплакивала своего епископа

Когда же пермские люди печалились и горевали о своем епископе (есть у людей правило постоянно приходить в церковь, особенно же пребывающим в печали), услышано было ушами церкви, Пермской церкви, что епископ ее преставился. Почувствовала она печаль чад своих, услышала скорбь людей своих, когда услыхала глас плача их, и, услышав, пришла в большое смятение, и померкла красота ее. О, лютая эта весть, страшная и ужасная! Увы мне, весть эта пламенная и горькая, и печальная! Жалею тебя, пермская церковь, и еще раз скажу: жаль мне тебя! О, злополучная эта весть, открывшая церкви эту печаль! Кто скажет чадам церковным, что осиротели? Кто возвестит невесте, что овдовела? Когда же услышала церковь полную весть, что епископ ее умер, узнав это достоверно, пришла она в сильное волнение и большое смятение, и печаль смешалась с горьким рыданием. Оплакивает церковь пермская своего епископа и говорит: «Увы мне, увы мне! О, чада церковные, зачем утаиваете от меня то, что не утаится? Зачем скрываете от меня то, что не скроется? Где пребывает мой жених? Если говорите, что он преставился, и, более того, как вы сказали, московская церковь приняла его в свое хранилище, то почему же не последовали вы сынам Израилевым, которые взяли кости Иосифа Прекрасного из земли Египетской и принесли в Землю Обетованную, которую обещал Бог отцам их, Аврааму, Исааку, Иакову? И вы бы так же учителю, будучи у него в долгу, послужили. Почему не взяли его и не принесли в свою землю, в его епископию, в его церковь, которую ему Бог даровал, которую ему Бог вверил? Увы мне, жених мой, достойное украшение невесты и украшение песнопений, где ты пребываешь, где обитаешь, где почиваешь? О, как мне не скорбеть, если я лишена тебя? Оплакиваю себя, ибо лишилась тебя. Плачу о себе, ибо овдовела. Скорблю о чадах своих, ибо осиротели. Увы мне! Кто даст глазам моим слезы и голове моей воду, чтобы я плакала о женихе моем день и ночь, чтобы беспрестанно рыдала о вдовстве моем, чтобы вечно скорбела о сиротстве чад моих? Увы мне! Кого в рыдании моем призову на помощь? Кто мне поможет оплакивать? Кто мне слезы утрет? Кто мой плач успокоит? Кто меня в печали утешит? Епископа ли моего призову для утешения? Ему ведь дана была такая благодать, и он имел такую благодать — слово утешения, утешать печальных и сокрушенных сердцем, ибо «излилась, — сказано, — благодать из уст» его. Но однако уже нет его, ибо не слышу его голоса в церкви. Уста его молчанием затворились. Уста его не говорят. А данная ему «благодать», которая «излилась», отлетела прочь. Голос его умолк. Язык его перестал говорить. Учение его иссякло. Источник учения иссяк, и река высохла. Оскудело учение в Перми. Ибо не вижу лица его в церкви, не вижу глаз его в церкви, глаз церкви Христовой. Страдает от раны тело церковное, и отдельные члены его изнемогают в болезни. Чада церковные, в отсутствие врача, который бы исцелил вас, овцы резвятся, а волки наступают, и некому свистнуть, чтобы отпугнуть и разогнать волков в отсутствие пастыря. Плавает корабль духовный по житейскому морю, мечась туда и сюда, а кормчего нет. Великое сделалось безвременье в

земле Пермской с преставлением епископа. Немалая беда случилась. Большая печаль людям. Великий плач и рыдание церкви пермской, ибо церковная опора рухнула, и столпа церкви не стало. Церковные основы поколебались, так что и сама церковь сотряслась. Еретики-волки, душегубы-разбойники, иноверцы вогуличи наступают. Рать еретиков наступает, и рать еретическая люто весьма вооружается на церковь, а нет воеводы, который бы их порицанием духовным сокрушил и разогнал, и рассеял, и разметал».

И от такой печали горько плачет церковь пермская, неутешно и скорбно рыдает и не хочет утешиться, ибо некому утешить ее. <...>

Плач и похвала пишущего инока

Я же, отче, господин мой епископ, хотя бы и после смерти твоей хочу вознести тебе хвалу — сердцем ли, языком ли или же умом — я, который порой, когда ты был жив, был тебе досадитель, ныне же — похвалитель; и некогда спорил с тобой о разных случаях или об ином слове, или о всяком стихе, или о строке. Но, однако, вспоминая ныне твое долготерпение и твое многоразумение и благопокорение, сам себя срамлю и стыжу, сам за себя краснею и плачу. Увы мне, когда было преставление твоего честного тела, тогда среди множества братьев, обступивших твой одр, меня, увы мне, не было, не удостоился последнего целования и последнего прощения. Увы мне, там меня не было, увы мне, какая преграда отделила меня от лица твоего? И я сказал: «Отвернулся я от взора очей твоих, а случится ли вновь созерцать, видеть тебя когда-нибудь? Уже ведь не смогу увидеть тебя когда-либо. Уже более не смогу увидеть тебя здесь в дальнейшем, ибо ты уже преставился, как сказано, я же, увы мне, остался для тягостных дней. Уже между нами великий рубеж возник. Уже «между нами великая пропасть утвердилась». Ведь и ты же, как тот добрый нищий Лазарь, почиваешь ныне на лоне Авраамовом, я же, окаянный, словно тот богатый, пламенем палим». Увы мне, богат я грехами; лишенный всего доброго и исполненный срамных дел, собрал я разнообразный греховный груз тлетворной страсти и духовного вреда. Все это скопив и собрав, создал себе сокровище. И, разбогатев этой мерзостью пагубно, люто, словно богатый в древности, будто пламенем, страстями телесными люто обжигаемый, кричу: «Остуди уста мои, охлади язык мой, будто перстом, влагой твоих молитв. Ибо жестоко страдаю, грехом сластолюбия, будто пламенем, опаляем. Но влагой своих слов остуди уста мои и молитвой целомудрия охлади меня. Угаси пламя страстей моих. Увы мне, кто мне пламя угасит? Кто мне тьму осветит? «Вот в беззаконии я зачат», и беззакония мои умножились, беззакония мои уподоблю морским волнам, помыслы же — лодкам среди встречных ветров. Увы мне, как проживу мою жизнь? Как переплыву «это море великое и пространное», простирающееся, печальное, многомутное, <в покое> не стоящее, волнующееся? Как проведу духовную ладью между волнами свирепыми? Как избавлюсь от бури страстей, мучительно погружаясь в глубину зла и глубоко утопая в бездне греховной? Увы мне, волнуясь среди пучины житейского моря, как же достигну тишины умиления, как же дойду до пристани покаяния? Но будучи добрым кормчим, отче, рулевым, наставником, выведи меня, молю, из глубины

страстей. Поддерживай и помогай моему сиротству. Сотвори обо мне, отче, молитву Богу. Тебе ведь была дана благодать молиться за нас. Вот молитвы твои и добродетели твои были помянуты. Так, «имея дерзновение к Богу», преподобный, помолись и за меня. Ведь «я раб твой». Помню лишь любовь, которую ты имел ко мне, которой меня возлюбил, от которой за меня неоднократно прослезился. Хоть и умер ты, как к живому, к тебе обращаюсь, вспоминая прежнее любовное расположение, потому восславить тебя стремлюсь, но не умею. Ведь все, что произношу — убогие слова, ибо ничтожные, поистине ничтожные и полные невежества. Но, однако, прими их, отче честнейший, как отец лепет из уст бессловесного ребенка или будто от той убогой вдовы два медяка, монетки, две копейки, что превыше прочих были приняты — так и мою малую и ничтожную похвалу прими, приносимую и произносимую скверными и грешными устами. Да как же тебя нареку, о, епископ, или как тебя поименую, или как тебя назову и как о тебе провозглашу, или кем тебя посчитаю, или как к тебе обращусь, как восславлю, как воздам честь, как восхвалю, как расскажу и какую хвалу тебе сплету? Так кем же тебя нареку? Пророком ли, ибо ты пророческие прорицания истолковывал и предсказания пророков объяснил, и среди людей неверующих и непросвещенных был как пророк? Апостолом ли тебя поименую, ибо ты апостольское дело совершил наравне с апостолами, равный им образ имея, подвизаясь, стопам апостольским следуя? Законодателем ли тебя назову или «законоположником», что людям беззаконным дал закон и им, не имевшим закона, установил веру и «закон положил»? Крестителем ли тебя объявлю, ибо ты крестил многих людей, идущих к тебе для крещения?

Проповедником ли тебя провозглашу, поскольку, крича, будто глашатай на торгу, ты среди язычников громогласно проповедовал слово Божие? Евангелистом ли тебя нареку или благовестителем, что благовествовал в миру святое Евангелие Христово и дело благовестителя совершил? Святителем ли тебя поименую, поскольку ты высший архиерей, самый старший святитель, поставляя священников в своей земле, стоял над прочими священниками? Учителем ли тебя прозову, ибо ты учительски научил заблудший народ; и неверующих к вере привел, и людей, бывших язычниками? Да как же тебя еще назову? Страстотерпцем ли или мучеником, ибо мученически предался ты добровольно в руки людей, распаляющихся на мучительство, и, «будто овца среди волков», отважился на страдание, на терпение и на мучение? Хоть и не пролилась кровь твоя при мученической кончине, к которой ты приготовился, однако многократно угрожали тебе многие мученические смерти, но от всех от них избавил тебя Господь Бог. Ибо хоть и не вонзилось копье в твои ребра, хоть и не срубил меч твоей головы, однако по своему желанию и своей воле был ты мучеником. Многократно ведь хотели неверующие пермяки убить тебя, внезапно порываясь на тебя напасть, иногда с кольями, с палками, жердями и с большими дубинами, иногда — с топорами, иной раз — стреляя стрелами, порой же — зажигая возле тебя солому и желая так тебя сжечь, и многими способами задумывая тебя умертвить, но Господь Бог, Спаситель, спас тебя своим судом, который лишь ему ведом, единственный избавитель тебя избавил. Тот, о ком ты проповедовал,

сохранил тебя для служения себе, ибо был ты ему еще надобен и полезен для благого дела. Да как же обращусь к тебе? Пастухом ли назову, поскольку пас ты Христово стадо христианское словесных овец на траве разума жезлом слов твоих на пастбище учения твоего, а ныне самого тебя, пастуха паствы, пасут на невидимой траве? Как назову тебя, о, епископ? Определю ли тебя как «посетителя», ибо ты посетил «людей страдающих», ибо ты посетил землю Пермскую, «посетил землю и напоил ее», «и напьются от обилия», то есть, напьются — станут мудрыми от слов книжных, слов учения твоего? Ты пермских людей посетил и просветил святым крещением. Врачом ли тебя поименую, ибо людей, дьяволом пораженных идолослужением, исцелил, а недомогающих телом, душой болеющих и духом недужных уврачевал? Как тебя назову, епископ? Отцом ли тебя нареку или наставником пермяков, ибо во Христе Иисусе святым Евангелием ты пермяков породил и православной вере научил, сделал «сынами дня» и научил быть «детьми света», и просветил святым крещением, ибо сыновья твои «родились» и ныне рождаются «от воды и Духа»? Да как же тебя еще нареку? Исповедником ли тебя исповедаю, поскольку исповедал ты Бога перед неверующими людьми? Ибо сам Спаситель сказал: «Кто исповедает меня перед людьми, того и я исповедаю перед Отцом моим, что на небесах». Воистину, хорошо ты услышал голос Христов, исповедал его в Перми перед людьми, и Христос, Сын Божий, исповедает тебя перед Отцом своим, который на небесах, перед ангелами и архангелами и перед всеми небесными силами. <…> Ибо Бог прославляет своих угодников, служащих ему верно. Тебя и Бог прославил, и ангелы восхвалили, и люди почтили, и пермяки восславили, иноплеменники покорились, иноверцы устыдились, язычники посрамились, кумиры сокрушились, бесы исчезли, идолы были попраны.

Да как же я, многогрешный и неразумный, следуя похвальным словам тебе, плетя слово и плодя слово, и думая словом почтить, и похвалу из слов собирая и получая, и приплетая, вновь говоря, — как еще тебя нареку? Вождем заблудших, обретателем погибших, наставником обманутых, руководителем ослепленных умов, очистителем оскверненных, искателем рассеянных, хранителем ратников, утешителем печальных, кормильцем голодных, подателем нуждающимся, наставником неразумных, заступником обиженных, усердным молитвенником, истинным ходатаем, спасителем язычников, проклиная бесов, ниспровергателем кумиров, попирателем идолов, служителем Бога, рачителем мудрости, любителем философии, вершителем целомудрия, творцом правды, толкователем книг, создателем пермской грамоты. Много у тебя имен, о, епископ, много имен ты стяжал, ибо многих даров был достоин, многими благодатями обогатился. Да как же тебя еще по-другому нареку, какие еще нужны тебе наименования, каких названий еще не хватило, чтобы восславить тебя? Хоть я и постарался произнести слова в похвалу тебе, непонятно, должен ли был я словами служить тебе, я, окаянный, убогий невежда, многогрешный среди людей и недостойный среди иноков? Как восславлю тебя, не знаю. Как выскажу, не разумею. Чем прославлю, не знаю. Поскольку же исполнился я великого непонимания, «ибо душа моя исполнилась бедствиями» и «многими отяготился я грехами», не

могу по достоинству описать твою жизнь, благонравие и благое времяпрепровождение, слова и учение и дела рук твоих, и все остальное по порядку. <…> Доколе не остановлюсь в хвалебных словах? Доколе не прекращу начатого и пространного славословия? Ибо, сколько я ни пытался закончить речь, любовь к нему призывает меня к восхвалению и плетению словес, решил я, худший из всех, еще и «подобный извергу», написать о преподобном отце нашем Стефане, бывшем епископом в Перми. Я ведь «наименьшим был среди братьев моих» и худшим среди людей, и меньшим среди человеков, и последним среди христиан, и негодным среди иноков, и несведущим в словах.

Должно же уже заканчивать слово, но прежде прошу всех, кто в эти писания вникнет и раскроет, и прочтет, и послушает, и внемлет, и обдумает: господа мои, не удивляйтесь мне, окаянному, не кляните меня, грешного. Взываю к вашему братолюбию и любви во Господе. Вы, что прочитаете эти невежественные повествовательные писания, излейте за меня молитвы ваши к Богу, ибо я восхваляю жизнь святых отцов, увы мне, а сам нерадиво живу. Горе мне, говорящему и не делающему, учащему и не слышащему. И бесплодная, увы мне, я смоковница, «одни только листы» имею, одни только книжные листы переворачиваю и книжными только листами, написанным, хвалюсь, а плода добродетели не имею. Зачем только праздно хожу по земле? Потому и боюсь проклятия с казнью. Боюсь сказанного: «Вот уже у корня дерева топор лежит, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Боюсь Господа, сказавшего: «Всякую ветвь, не приносящую у меня плода», «собирают и бросают в огонь, и она сгорает». Боюсь сказанного апостолом: «Не слушатели Закона правы будут, но исполнители». Потому добрым словом прошу вас и с умилением припадаю, и со смиренномудрием молю, крича: «Не презирайте меня, окаянного, если случилось мне где-то написать «речь зазорную» и неукрашенную, и нестройную, и неискусную». Мне же кажется, что ни одно слово не является удовлетворительным или же подходящим и полезным, а все убого и исполнено невежества. Но хоть и неумело что-то было написано, однако кто-нибудь лучший и более мудрый во Господе сможет это составить и как следует поправить, неукрашенное украсить и нестройное построить, и неискусное разукрасить, и неоконченное окончить. Подобает же окончить слово и более не мудрствовать или украшать, не умея, для исполненных любомудрия, разума и высших и больших нас умом. Мне же, однако, полезнее умолкнуть, чем расстилать паутинную пряжу, словно нити паучьих сетей плести. Но не осудите моего невежества. Если же об этом продолжил повествование и продлил речь, то не от мудрости, а от невежества постарался это высказать, словно младенец, лепеча перед своими родителями, или, словно слепой стрелок, стреляя невпопад, — так и я совершенно скудоумный, не различающий даже ни левой руки своей, ни правой. Принудил свою неученость, будто забыл, увы мне, грехи свои и поистине неизлечимые свои струпья, простирая недостойную свою руку, открывая прескверные свои уста, отважился на это и принудил себя. И просто прошу вас, от мала до велика, сотворить за меня молитву к Богу, чтобы, оканчивая слово вашими молитвами, смог бы я сказать: «Слава тебе, Господи, все создавшему, слава тебе, создателю Богу, слава «давшему» нам Стефана «и назад взявшему»,

слава вразумившему его и умудрившему, слава укрепившему его и наставившему, слава посетившему тем самым и просветившему Пермскую землю, слава спасающему род человеческий, слава «желающему всех людей спасти и в истинный разум привести», слава «давшему мне жизнь», чтобы я это написал, слава Богу за все, слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Память преподобного игумена Пафнутия

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

Пафнутий Боровский (1394—1477) — один из наиболее почитаемых русских святых. Основанный им в 1444 г. в трех верстах от Боровска монастырь стал крупнейшим монастырем в Древней Руси, которому покровительствовали именитые люди, князья и бояре, а также великий князь московский Иван III Васильевич. Из числа литературных памятников, повествующих о святом Пафнутии, наиболее известен «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» (см. т. 7 наст. изд.) — «литературное „чудо" XV века» (Д. С. Лихачев). Житие Пафнутия Боровского дошло до нашего времени в нескольких редакциях. Полного текстологического исследования этого памятника не существует, однако ученые последовательно выделяют обширное житие, написанное постриженником св. Пафнутия, ростовским архиепископом Вассианом Саниным, которое сохранилось в двух редакциях (см.: *Лурье Я. С.* Вассиан Санин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 125.) и две кратких редакции жития (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. Переизд. М., 1988. С. 208). Публикуемая нами краткая редакция Жития Пафнутия Боровского читается только в списках *ВМЧ* и, можно предположить, создана специально для этого памятника. Источниками для составления этой редакции стали обширное житие, написанное Вассианом Саниным, «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского», летописная статья о св. Пафнутии (см.: *ПСРЛ.* М.; Л., 1949. Т. 25. С. 310), а также, по-видимому, «Сказание о Борисе и Глебе» (см. коммент.). Текст этой редакции помещен в *ВМЧ* без заглавия вслед за текстом жития редакции Вассиана Санина. Текст публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийская собр., № 1321, лл. 75 об.—76).

ОРИГИНАЛ

1 МАЯ

В ЛѢТО 6000-е 985 МАЙЯ 1 ПРЕСТАВИСЯ ПРЕПОДОБЬНЫЙ ИГУМЕНЪ ПАФНОТИЕ ЗА ЧАС НОЩИ, А ВЪ ВТОРЫЙ МАИА, НАСТАВШИ 1-му ЧАСУ ДНИ,[1] ПОГРЕБЕНЪ БЫСТЬ

От юны верьсты отречеся мира и яже в мирѣ, 20 бо лѣтъ облечеся въ иноческый образ и жилъ в монастыри Пречистыя Богородица честнаго ея Покрова на Высоком в Боровьсцѣ,[2] въ своем пострижении, 30 лѣтъ без полугоду. Да вышед из своего пострижениа, пришелъ на рѣку на Истерму априля 23 на память святаго великомученика Георгиа и помощию Господа Бога Исуса Христа и поспѣшениемъ Пречистыя Богородица състави монастырь своими труды и поты велми чюденъ. И устроилъ церковь камену въ имя Пречистыя Богородица честнаго ея Рождества, и подписал чюдными живописцы Митрофаном старцом и Дионисиемъ,[3] и всяческыми красотами украси еа. И все церковное священное исполнил устроение, еже и нынѣ пребываетъ, удивляа очи зрящим доброту ея. И стадо Христово, избранное къ истинному богоразумию, множество инокъ въ обители своей, ненавѣтныи съблюлъ от звериных зубъ хапании божествеными своими учении чюдными словесы.

Бяше бо блаженный всяческыми божествеными даровании украшенъ, в совѣте мудръ и разуменъ при всем, благодать бо Божиа свѣтящися на немъ. И не мощно было насытитися оку человеческому, зрящи его образа аггеловидное и ухо слышаниа чюдных его глаголъ.[4] Не достизаеть бо умъ нашь исповѣедати добродѣтельное мужа житие, ни языкъ изрещи, ни слово сказати противу подвигъ его и трудовъ. Но съ *богооцемъ* Давыдомъ реку: «Удиви Господь вся воля своа в немъ»[5] и украси его всѣми своими даровании: в животѣ пророчествомъ и чюдесы, и по преставлении вѣнча его подвигоположникъ Христос не масличным и инѣми цвѣты вѣнцем, но нетлѣнным и вѣчным, имиже вѣнча верховныя своя апостолы Петра и Павла.

И что ми много преподобнаго похвалы слов плести! Небесныйчеловекъ и земный аггелъ! Прииде въ глубокую старость, поживе бо въ своемъ манастыри, егоже труды безмѣрным и поты снискавъ, 30 лѣт и 3, и тако преставися въ старости маститѣ, конечными треми духновении честную свою душу в руцѣ Богови предасть,[6] прообразуя треми духновении Святую и Живоначалную Троицу. А всѣх лѣтъ живота его въ плоти 80 лѣт и полътретья лѣта. И тако святый от здешнихъ отшед, Святѣй Троици предстоить, идѣже праведных дуси въдворяются, а чюдотворивое и цѣлебное тѣло и до сего часа исцѣлениа неоскудно подаваеть приходящим с вѣрою, наипаче же тайныя душевныя язвы исцѣляеть. Обитель же его, яко многоцѣнное съкровище имат в себѣ чюдотворивыя его мощи, велми радуется. Мы же, отцы и братиа, сынове и раби великаго сего свѣтилника, просвѣщающаго душа наша и Господеви работати нас наставляющу и Пречистѣй его Богоматери, ликуимъ убо, братие, весело и празднуимъ торжество, свѣтло хвалу въздающе въ Троици единому Богу: Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ, и присно, и в вѣки вѣком. Аминь.

[1] *...за час нощи... наставши 1-му часу дни...* — В Древней Руси наступление ночи определялось временем захода солнца и зависело соответственно от смены времен года. Ночь длилась от конца сумерек до первых признаков зари. Таким образом, кончина Пафнутия Боровского свершилась 1 мая примерно в 15 часов по современному исчислению, а погребен был св. Пафнутий 2 мая около 5 часов утра.

[2] *...в монастыри Пречистыя Богородица честнаго ея Покрова на Высоком в Боровьсцѣ...* — Высоцкий Покровский монастырь был основан в 1410 г. недалеко от Боровска на реке Протве. Около 1413 г. в нем принял постриг св. Пафнутий. По указанию П. М. Строева, Пафнутия Боровского постриг игумен Маркелл, по смерти которого св. Пафнутий был игуменом Высоцкого монастыря в течение 10 лет (см.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 588).

[3] *...състави монастырь своими труды... Митрофаном старцом и Дионисиемъ...* — Рождественский Богородицкий монастырь был основан св. Пафнутием в 1444 г. в трех верстах от г. Боровска на месте впадения р. Истермы в р. Протву. Каменный храм во имя Рождества Богородицы, созданный на месте прежней деревянной церкви, расписывали между 1467 и 1477 г. знаменитый древнерусский живописец Дионисий (1440—после 1502), известный прежде всего по сохранившимся до наших дней фрескам Рождественского собора Ферапонтова монастыря, и старец Митрофан. О художественном творчестве Митрофана точных сведений нет, по предположению В. Н. Лазарева Митрофан был старше Дионисия, так как в Житии Пафнутия Боровского его имя названо первым (см.: История русского искусства. М., 1955. Т. 3. С. 486). Фрески Рождественского собора Пафнутиева монастыря, не сохранившиеся до наших дней, — самая ранняя из известных по источникам работа Дионисия и его школы.

[4] *И не мощно было насытитися оку... чюдных его глаголъ.* — Ср. Ек. 1, 8.

[5] *«Удиви Господь вся воля своа в немъ»...* — Пс. 15, 3. Фрагмент текста со слов *«Бяше бо блаженный...»* до слов *«...вся воля своа в немъ»* почти дословно совпадает с заключительным предложением «Сказания о Борисе и Глебе» и началом «Сказания о чудесах Бориса и Глеба» (см.: Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я пол. XIV в.). М., 1985. Л. 144—144 об.).

[6] *...конечными треми духновении честную свою душу в руцѣ Богови предасть...* — Эти слова восходят к «Рассказу о смерти Пафнутия Боровского», в котором описано, как перед кончиной святой Пафнутий трижды вздохнул (см. т. 7 наст. изд.).

ПЕРЕВОД

1 МАЯ

В ЛЕТО 6985 (1477) МАЯ 1 ПРЕСТАВИЛСЯ ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕН ПАФНУТИЙ ЗА ЧАС ДО НОЧИ, А ВО ВТОРОЙ<ДЕНЬ> МАЯ, КОГДА НАСТАЛ ПЕРВЫЙ ЧАС ДНЯ, ПОГРЕБЕН БЫЛ

С юных лет отрекся от мира и от всего сущего в мире, 20-ти же лет принял иноческий сан и жил в монастыре Пречистой Богородицы честного ее Покрова на Высоком в Боровске, в месте своего пострижения, 30 лет без полугоду. Выйдя же из <монастыря>, в котором постригся, пришел на реку Истерму апреля 23 на память святого великомученика Георгия и помощью Господа Бога Иисуса Христа и содействием Пречистой Богородицы создал своим потом и трудом предивный монастырь. И поставил церковь каменную во имя Пречистой Богородицы честного ее Рождества, и расписал, <призвав> искусных живописцев старца Митрофана и Дионисия, и всяческими красотами украсил ее. И все церковное священное устроил убранство, что и ныне сохраняется, удивляя очи видящим красоту <церкви той>. И стадо Христово, избранное к истинному богоразумию, множество иноков обители своей, в безопасности сберег от звериных зубов чудными словами божественных своих поучений.

Был же блаженный всяческими божественными дарованиями украшен, в рассуждении мудр и разумен во всем, и благодать Божия сияла в нем. И невозможно было насытиться глазу человеческому видением его облика ангелоподобного и уху слушанием чудных его речей. Недостает ума нашего поведать о добродетельном мужа житии, ни языка рассказать, ни слова описать подвиги его и труды. Но с богоотцом Давыдом говорю: «Проявил Господь всю волю свою в нем» и украсил его всеми своими дарованиями: при жизни пророчеством и чудесами, и по преставлении увенчал его подвигоположник Христос не венцом из масличных и иных цветов, но <венцом> нетленным и вечным, какими венчал верховных своих апостолов Петра и Павла.

И что мне в похвалу преподобному много слов плести! Небесный человек и земной ангел! Пришел в глубокую старость, пожив в своем монастыре, который трудом безмерным и потом создал, 30 лет и 3 <года>, и преставился в старости почтенной, последними тремя вздохами честную свою душу в руки Богу предал, прообразуя тремя вздохами Святую и Живоначальную Троицу. А всех лет жизни его во плоти 80 лет и 2 с половиной года. И так святой, от здешнего <мира> отойдя, пред Святой Троицей предстоит, где праведных души водворяются, а чудотворное и целебное тело <его> до сего часа исцеления неоскудно подает приходящим с верою, более же всего тайные душевные язвы исцеляет. Обитель же его, как многоценное сокровище храня в себе чудотворные его мощи, в радости великой пребывает. Мы же, отцы и братья, сыновья и послушники великого сего светильника, просвещающего души наши и Господу служить нас наставляющего и Пречистой его Богоматери, ликуем же, братья, весело и празднуем торжество, светло хвалу воздавая в Троице единому Богу: Отцу и Сыну и Святому Духу ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово об Антонии черноризце, бывшем в Руси, основателе Печерского монастыря

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО ОБ АНТОНИИ ЧЕРНОРИЗЦЕ, БЫВШЕМ В РУСИ, ОСНОВАТЕЛЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

«Слово об Антонии черноризце, основателе Печерского монастыря» вошло в состав *ВМЧ* из древнерусского Пролога. Время канонизации св. Антония Печерского точно не установлено, по мнению Е. Голубинского (см: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 57) Антоний был канонизирован в кон. XII—XIII в. «Слово об Антонии Печерском» читается под 7 мая в списках Пролога начиная с XV в. Источниками для составления «Слова...» послужили летописная статья 1051 г. из Повести временных лет (см. т. 1 наст. изд.) и глава 7 о начале Печерского монастыря из Киево-Печерского патерика (см. т. 4 наст. изд.), и с тем и с другим источником «Слово...» обнаруживает текстуальные совпадения. Текст памятника публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, л. 244).

ОРИГИНАЛ

7 МАЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО О АНТОНИИ ЧЕРНОРИСЦИ, БЫВШЕМЪ В РУСИ, НАЧЯЛНИКУ ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ

Князю Ярославу сыну Володимерю княжачю в Киевѣ.[1] При семъ нѣкоему человеку от града Любечя[2] вложи Богъ въ сердце возлюбити чернеческий чинъ. И иде въ Святую Гору,[3] и видѣвъ манастыря, сущаа тамо, и обиходив иа, приде въ единъ манастырь и моли игумена, да бы на нь возложилъ образъ мнишескаго житиа. Он же, послушавъ его, постриже и, и нарече имя ему Антоний,[4] и научивъ его черноризскому образу и житию. И рече: «Иди опять в Русь, и буди благословение от Святыа Горы, яко от тебе мнози черньрисци имуть быти». И благословивъ, отпусти й.

Антоний же пришедъ в Киевъ, походивъ по всѣмъ мѣстомъ, по горамъ и по дебремъ, и на Берестовое[5] приде. И возлюби мѣсто ту и вселися в нем, обрѣтъ пещеру малу, преже бо бѣ ископалъ Ларионъ митрополитъ.[6] И начя молитися Богу, со слезами глаголя: «Господи, утверди мя в мѣстѣ семъ, и да будеть на мѣстѣ семъ благословение Святыа Горы и моего игумена, иже мя постриглъ». И начятъ жити ту, моля Бога. Ядый хлѣбъ сухъ, и того же чресъ день, и воды в мѣру вкушая, и копаа пещеру, и не даа себѣ покоа, день и нощь въ трудѣх пребываа, и въ бдѣниихъ, и въ молитвахъ. Посемже увѣдаша добрии человеци и приходяху к нему, приносяще ему еже на потребу. И прослу, якоже Великий Антоний,[7] и приходяще, просяху у него благословениа.

Посемже преставльшуся великому князю Ярославу, приа власть сынъ его Изяславъ и сѣде в Киевѣ.[8] Антоний же прослы в Рустѣй странѣ. Изяславъ же, увѣдѣвъ житие его, приде съ дружиною своею, прося у него благословениа и молитвы. Увѣданъ бысть всѣми великий Антоний и честимъ. И нача приимати хотящаа иноческому житию, постригати а. И собрася братии к нему числомъ 12. К немуже и Феодосий пришед, пострижеся. И ископаша пещеру велику и создаша церковь и келиа.

Совокуплени же братии, рече имъ Антоний: «Се Богъ вас совокупи от благословениа Святыа Горы. Понеже мене постриже игуменъ Святыа Горы, аз же васъ постригох, да благословение буди на вас, прьвое от Бога, а второе от Святыа Горы». И се рекъ, глагола: «Живете же о себѣ, и поставлю вы игумена, а самъ хощу в горѣ сѣсти единъ, якоже и преже быхъ обыклъ уединився». И постави имъ игумена именемъ Варлама,[9] а самъ иде в гору и ископа пещеру, яже есть под новымъ манастыремъ, в нейже скончa животъ свой. Живъ въ добродѣтели, не исходя ис пещеры, 40 лѣтъ.

---

[1] *Князю Ярославу сыну Володимерю княжачю в Киеве.* — Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054), занимал Киевский стол с 1019 г. В Киево-Печерском патерике начало повествования об Антонии и его пострижении на Афоне отнесено ко времени правления Владимира Святославича. Далее рассказывается о том, что после смерти Владимира Святославича, Антоний, не выдержав кровопролитий, чинимых «окаянным Святополком», возвращается на Афон. В тексте Повести временных лет и в «Слове...» о возвращении Антония на Афон и о втором приходе его на Русь не сообщается.

[2] *...от града Любечя...* — Любеч — город, находящийся недалеко от Чернигова на месте впадения р. Ужика в Днепр.

[3] *...въ Святую Гору...* — Святая Гора, т. е. Афон, — своего рода монашеская республика в восточной части Халкидонского полуострова. В XII в. на Афоне существовал первый русский (Пантелеймонов) монастырь. Духовная и культурная связь Руси с Афоном играла значительную роль в православной жизни Русского государства.

[4] *...нарече имя ему Антоний...* — Мирское имя Антония Печерского не известно.

[5] *...Берестовое...* — Берестово — село под Киевом, вотчина киевского князя.

[6] *...пещеру малу, преже бо бѣ ископалъ Ларионъ митрополитъ.* — Митрополит Илларион — первый, русский по происхождению, митрополит киевский, поставленный в 1051 г. собором русских епископов (до этого времени митрополичью кафедру на Руси занимали

выходцы из Византии). Митрополит Илларион был выдающимся проповедником, ему принадлежит замечательный памятник древнерусской литературы «Слово о законе и благодати» (см. т. 1, наст. изд.). Указание в «Слове об Антонии Печерском...» на то, что Антоний поселился в пещере, прежде выкопанной митрополитом Илларионом, объясняется кратким рассказом об Илларионе, имеющимся в обоих источниках «Слова...». Текстуально «Слово...» в данном случае ближе Киево-Печерскому патерику. Однако в патерике рассказ об Илларионе помещен в центре повествования об Антонии Печерском, таким образом, Антоний вселился в пещеру митрополита Иллариона во время своего второго прихода на Русь из Афона, в первый же раз, согласно рассказу Киево-Печерского патерика, он поселился в пещере, «юже бѣша ископали варязи». В тексте Повести временных лет рассказ об Илларионе предваряет повествование об Антонии Печерском, и здесь, как уже было отмечено, не упоминается о возвращении Антония на Афон.

[7] *...Великий Антоний...* — Антоний Великий — христианский подвижник III—IV вв., прославившийся монашеской отшельнической жизнью.

[8] *...Изяславъ... сѣде в Киевѣ.* — Изяслав Ярославич занимал киевский стол в 1054—1073 гг.

[9] *...игумена именемъ Варлама...* — Варлам был игуменом Киево-Печерского монастыря в 1052—1062 гг.

ПЕРЕВОД

7 МАЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ОБ АНТОНИИ ЧЕРНОРИЗЦЕ, БЫВШЕМ В РУСИ, ОСНОВАТЕЛЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Князь Ярослав сын Владимира княжил в Киеве. При нем некоему человеку из города Любеча вложил Бог в сердце возлюбить иноческий чин. И пошел он в Святую Гору, и увидел монастыри, находящиеся там, и, обойдя их, пришел в один монастырь и попросил игумена, чтобы возложил на него монашеский сан. Тот же, выслушав его, постриг его, и нарек имя ему Антоний, и научил его иноческому подвигу и житию. И сказал: «Иди опять на Русь, и будет благословение от Святой Горы, ибо от тебя многие станут черноризцами». И благословив, отпустил его.

Антоний же пришел в Киев, походил по всем местам, по горам и лесам, и пришел на Берестовое. И полюбил место это, и поселился здесь, найдя пещеру малую, которую выкопал прежде митрополит Илларион. И начал молиться Богу, со слезами говоря: «Господи, утверди меня в месте этом, и пусть будет на месте этом благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И начал жить тут, моля Бога. Ел хлеб сухой, да и тот через день, и воды вкушал в меру, и копал пещеру, и не давал себе отдыха, день и ночь пребывая в трудах и в бдениях, и в молитвах. Потом же узнали <о нем> добрые люди и стали приходить к нему, принося ему необходимое. И прославился он, как Антоний Великий, и приходя, просили у него благословения.

Потом же преставился великий князь Ярослав, принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний <тогда уже> прославился в Русской земле. Изяслав же, прослышав о житии его, пришел с дружиною своею, просил у него благословения и молитвы. И стал великий Антоний известен и почитаем всеми. И начал принимать стремящихся к иноческому житию, постригать их. И собралось у него братии 12 человек. И Феодосий, придя к нему, постригся. И выкопали они большую пещеру и поставили церковь и келии.

Когда же собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас собрал по благословению Святой Горы. Ибо меня постриг игумен Святой Горы, я же вас постриг, и да будет на вас благословение, во-первых, от Бога, а во-вторых, от Святой Горы». И сказав это, добавил: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам хочу остаться в горе один, как и прежде уже привык уединяться». И поставил им игумена по имени Варлам, а сам пошел в гору и выкопал пещеру, ту, что под новым монастырем, в ней же и окончил жизнь свою. А жил в добродетели, не выходя из пещеры, 40 лет.

Слово из Патерика (о том), как полезно трудиться своими руками

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА (О ТОМ), КАК ПОЛЕЗНО ТРУДИТЬСЯ СВОИМИ РУКАМИ

«Слово о том, как полезно трудиться своими руками» — произведение, входившее в состав одного из переводных патериков — сборников поучительно-назидательного характера. В Древней Руси этот памятник читался в составе Пролога, из которого и был в свою очередь выписан в *ВМЧ.* Текст публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, л. 249).

ОРИГИНАЛ

8 МАЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ОТ ПАТЕРИКА, ЯКО ПОЛЗА ЕСТЬ ТРУЖАТИСЯ СВОИМА РУКАМА

Братъ вопроси старца: «Рци намъ глаголъ». И рече старець: «Потщимся дѣлати и не лѣнимся, спасемся». И повѣда, яко бѣ ратай богатъ нѣкто и хотя сыны своа научити орати. И рече имъ: «Вѣсте ли, чяда, како

обогатѣхъ? И вы, аще мене послушаете, обогатѣете». Рѣша ему: «Молим тя, рци намъ». Он же восприятъ хитрость, да ся не облѣнятъ, и рече: «Единъ день есть во всемъ лѣтѣ, и аще ся кто обрящеть дѣлая во нь, обогатѣеть. Но от старости забылъ есмь, кый то есть. И не облѣнитеся убо ни въ единъ день, дѣлающе, еда како обрящется благочестивый той день, в онже не дѣлаете, и вотще тружающеся будете все лѣто». Тако и мы, аще дѣлаемъ, выну обрящемъ путь животный. Богу нашему слава.

ПЕРЕВОД

8 МАЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА <О ТОМ>, КАК ПОЛЕЗНО ТРУДИТЬСЯ СВОИМИ РУКАМИ

Брат вопросил старца: «Скажи нам слово». И сказал старец: «Будем стремиться работать и не станем лениться, и спасемся». И поведал о <том>, как жил некий богатый земледелец и хотел он сыновей своих научить пахать. И сказал им: «Знаете ли, дети, как я разбогател? И вы, если меня послушаете, разбогатеете». <И> ответили они ему: «Молим тебя, скажи нам». Он же схитрил, чтобы они не обленились, и рассказал: «Один день есть в целом годе, и кто будет находиться в трудах в этот день, разбогатеет. Но от старости я забыл, какой именно. Поэтому не ленитесь ни в один из дней, работая, чтобы не случилось, что в этот благочестивый день останетесь праздными, и тогда напрасно будете трудиться весь год». Так и мы, если будем трудиться, всегда отыщем путь к спасению. Богу нашему слава.

Перенесение мощей святого... Николы чудотворца... в Бар град

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО И ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА АРХИЕПИСКОПА МИРСКОЙ ЛИКИИ В БАР ГРАД

«Слово о перенесений мощей Николая Мирликийского» — русский памятник XI в. Его создание связано с установлением на Руси в 1089 г. праздника в честь этого события. Архимандрит Леонид атрибутировал этот памятник Ефрему, епископу Переяславскому (см.: *Леонид архим.* Посмертные чудеса святителя Николая, архиеп. Мирликийского чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. / Труд Ефрема, еп. Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, 9). СПб., 1888 (ПДПИ, 72)). Слово дошло до нас во множестве списков, имеющих значительные расхождения, древнейший список датируется кон. XIII—нач. XIV в. (публикацию двух списков и исследование см.: *Шляпкин И. А.* Русское поучение XI в. о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. СПб., 1881 (ПДП 19)); входило в

состав старопечатных изданий Жития Николая Чудотворца. В *ВМЧ* текст слова помещен под 9 мая в цикле памятников, посвященных Николаю Мирликийскому. Текст публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, лл. 354—354 об.).

ОРИГИНАЛ

9 МАЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ПРИНЕСЕНИЕ МОЩЕМЪ СВЯТАГО И ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НИКОЛЫ ЧЮДОТВОРЦА АРХИЕПИСКОПА МИРСКЫА ЛИКИЯ В БАРЪ ГРАД

Господи, благослови, отче!

Присно убо должни есмы, братие, праздникы Божиа творяще, въ честь дръжати, подобити же ся святымъ его, и подвижно искати спасениа. Присно испытавше, дръжати, како по образу Божию рукама его сътворени быхом, *и славою неизреченною почтени быхомъ,* угодная пред нимъ сотворше, якоже блаженый сътвори, великий и словущий архиерей Никола Христовъ, егоже трапезу нынѣ хощу вамъ прѣдставити, от неяже вкусите и видите, яко благъ Господь уповающимъ нань,[1] благъ надѣющимся нань, благъ творящим волю его, благъ Господь любящим его. Иже бѣ далъ Мирскому граду и области их, своа щедроты излия на ня, чюдеса творя дивна, исцѣляа неоскудно, дая цѣлбы сущим в напастех. Велий помощникъ и заступник показя ся, по морю же и по земли болныя исцѣляа, плѣнникы избавляа, слѣпымъ прозрѣние дая, хромым хожение, глухымъ слышати, и прокаженыя очищая, и бѣсы изгоняа, и всѣмъ быше всякъ. Якоже рече Господь: «Вѣруай в мя, дѣла, яже азъ творю, и тъй творить».[2] Якоже и сий святый угодникъ его архиерей и отець Никола. Егда же благоволи благодать и человѣколюбие въсияти на ны праведному солнцу, и явитися благодати намъ от Владыкы Вседръжителя Бога, показа *намъ* въ нынѣшнее врѣмя, въ дни в лѣта наша и въ нашу паметь чюдо прѣславно и паче ума человеческа о преподобнѣмъ и велицѣ архиерии святѣмъ Николѣ.

Въ тысущное и въ 9 десят 6-е лѣто[3] от воплощениа самого Бога, еже въ человецѣх, от браконеискусимыа Богородица и Приснодѣвица Мариа, при цари грѣчьстем Алексии,[4] патриархѣ Николи Костянтина града,[5] в лѣто руских князей: христолюбиваго князя Всеволода в Киевѣ[6] и благороднаго сына его Володимера черниговъского.[7] Нашедшимъ убо измалътяномъ судом Божиимъ и промысломъ Вышняго на грѣчьскую область обону страну моря, от Корсуня-поля наченше, даже и до Антиохиа, и до Иерусалима по всѣмъ градомъ и селомъ их. Вся бо люди, ту сущаа, иссѣкоша, и жены их и чада плениша, и домы их огнемъ пожгоша, церкви же и монастыря опустѣша, и грады их прияша въ область свою. Тогда же и Ликию сътвори пусть, в немже лежаше тѣло святаго Николы, тѣло драгое, тѣло всечестное, тѣло, чюдеса дѣа дѣвная и прѣславная. Не можаше ли убо преподобный съй мужь, да бы град его, церкви не опустѣла?! Но по велѣнию Божию не противися, но глаголаше: «Господи, прѣд очима *твоима* угоднаа сътворю». Якоже и бысть. Не можаше зрѣти угодника своего Господь нашь Исус Христос на пустѣ мѣстѣ лежащаго мощем его и ни от когоже славима, но якоже

есть писано: «Прославляющих мя, — рече, — прославлю и о мнѣ хвалящихся, вознесу славу их».[8]

Бысть убо въ дни сиа прозвитеръ благовѣренъ, христолюбивъ же, и праведенъ въ Барѣ градѣ нѣмецкыа области.[9] Сему явися святый Никола Господень: «Иди, рци людемъ сии, всему събору церковному, да шедше, возмуть мя от Мирьскаго града и здѣ положать мя, не бо могу прѣбывати тамо на пустѣ мѣстѣ, Богу тако изволшу». И тъ рекъ, отъиде. Утро же бывшу, абие въстав прозвитеръ и повѣда всѣм людем бывшее явление святымъ Николою. Сии же, слышавше, възрадовашася радостию великою и глаголаху: «Днесь возвеличилъ есть Христос милость свою на людех своих и на граде же нашемъ, яко сподобил ны есть прияти угодника святаго Николу». И ту тако нарядиша мужа говѣина, боящася Бога, въ 3-хъ кораблех ити по святаго. Они же насыпавше пшеници и, творящесе въ куплю, отъидоша. И приидоша въ Антиохию, испродавшу пшеницю и вся куплю искупиша, что имъ угодно бѣ. Вѣсть же приимше баряне, яко венедици, ту сущии, хотятъ ити прежде их и взяти мощи святаго Николы, ускориша и отъидоша абие. И приидоша въ Ликию, въ град Мырьскый, присташа въ лименѣ градстемъ. Совѣтъ же сотворше, и, вземше оружиа, внидоша въ церковь святаго Николы, и обрѣтоша в ней четыре черноризци, и вопросиша ихъ, гдѣ лежить святый Никола. И показаша имъ гробъ, где лежаше святый Никола. Они же, раскопавше помостъ церковный, обрѣтоша раку, полну мура, излияша миръ в корчягы, а мощи его взяша и раку с ними, в нейже беша мощи святаго Николы, и несоша в корабль свой, и отплуша в море. Два черноризца осташа въ Мирех, а два идоста с мощми святаго Николы. И поидоша въ Баръ град и обону страну моря. Отидоша же от града Мирьска месяца априля в 11 день и доидоша въ Баръ град месяца маиа въ 9 день, в неделю, въ годину вечернюю.

Видѣша же баряне, яко приидоша с мощьми святаго Николы от Миръ, и изъидоша вси гражане въ срѣтение его, мужи и жены, от мала и до велика, со свѣщами и с темьяном,[10] и прияша и с радостью и великою честию, и положиша и въ церкви святаго Иоана Предтечи при мори.[11] Да послушайте, братиа моя, молю вы, колико сътвори чюдесъ святый Никола, дошед от Мирьска града въ Бара град. В недѣлю бо вечеръ приидѣ и заутра в понедѣлник исцѣли 40 и 7 болных мужъ и женъ, одръжимы различными недугы и болѣзньми: инъ главою, и другий очима, и инъ руками и ногама, и другый сердцемъ, или чрѣвною болѣзнию, и всѣмъ тѣлом, и страждущиихъ от дух нечистых. А во вторникъ исцѣли 20 и 2 болных, а в среду исцели 29 болящихъ, в четвертокъ заутра рано исцѣли глуха и нѣма суща, имуща уже 5 лѣтъ в недузи том. И посемъ явися святый Никола нѣкоему черноризцу, духовну сущу, глаголя сице, яко «волею Божиею приидохво страну сию». Въ день недѣлный, въчас 9 прияша исцеление 10 их и един человекъ. Еще же пакы по всядни творитчюдеса святый Никола, яко источник кипяй, конца не имый.

Многа же даания приношааху къ святому, злато и сребро, и ризы многоцѣнны. Видѣвше же гражане прѣславная его чюдеса и возрадовашася радостию великою зѣло. И создаша ему церковь преславну, и велику, и красну сущу въ имя святаго и преподобнаго отца

Николы, сковаша же и раку ему сребряну, злащену. И въ 3-е лѣто принесениа его от Миръ послаша къ римъскому папѣ Герману,[12] яко да приидетъ съ епископы своими и со всѣмъ клиросомъ церковнымъ его, и да прѣнесуть мощи святаго Николы. Приидоша бо, и взяша мощи святаго Николы, и вложиша в раку сребреную, и вземше епископи съ велможами их и прѣнесоша въ великую новую церковь его, и положиша и въ олтари въ скровнѣ мѣстѣ месяца маиа въ 9 день. Принесоша же и ветхый гробъ его, въ немъже бѣ принесенъ от Муръ, и поставиша и въ церкви, положиша и кость рукы его от мощи его. Многъ народ, людии, приходяще, цѣлующе мощи и раку его. Римскый же папа Германъ, и епископи, и вси гражане, людие празникъ великъ сотвориша в той день в похвалу святому, юже творять и до сего дни, и яша, и пища, веселишася въ ты дни, и многа даяниа даша убогым. И тако отъидоша в домы своа с миромъ, славяще и хваляще Бога и святаго и преподобнаго угодника и архиерѣя Христова Николу.

Нам же, о преподобный угодниче Христовъ, милостивъ буди зде и в будущемъ вѣцѣ! На тя бо уповахомъ и молимся, ты бо всѣх видимых и невидимых честнѣе явися. Блаженый по истинѣ град Барьскый, и церкви его освященна, въ нейже тя возвеличи Господь Богъ! Освяти бо тя, угодника своего, Вышний, ты бо еси всѣмъ христьяномъ помощникъ и заступникъ, избавляа ны от всѣх напастий, от бѣд нашихъ. И еще молимтися, святый прѣблаженый угодниче, святителю Христовъ Николае, имаше дръзновение къ Владыцѣ, молися о насъ, празднующимъ всегда память и творящихъ праздникъ принесение твоихъ мощей, яко да спасени будемъ твоими молитвами, благодатию и человеколюбиемъ Единароднаго Сына, с нимже благословенъ еси, съ Пресвятым, Благымъ и Животворящимъ ти Духомъ, и нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *...егоже трапезу нынѣ хощу вамъ прбѣставити... уповающимѣ нань...* — В комментарии И. А. Шляпкина (*Шляпкин И. А.* Русское поучение... С. 11) высказано предположение, что под словом «трапеза» подразумевается престол церкви во имя св. Николая или речь идет об освящении храма во имя святого. Нам кажется, что слово «трапеза» в данном случае имеет значение «трапеза духовная», тем более что далее следует реминисценция из Псалтыри (ср. Пс. 33, 9; Пс. 2, 12), грамматически связанная с этим существительным («вкусите от трапезы»).

[2] *Вѣруай в мя, дѣла, яже азъ творю, и тъй творить.* — Ин, 14, 12.

[3] *Въ тысущное и въ 9 десят 6-е лѣто...* — Дата названа неверно. Перенесение мощей Николая Мирликийского состоялось в 1087 г., вскоре после этого, в 1089 г., был установлен общерусский праздник Перенесения мощей св. Николая. Кроме списка *ВМЧ,* дата 1096 г. имеется также во многих других списках памятника, вошла она и в

текст печатного Пролога. Вероятно, возникновение этой даты на раннем этапе бытования памятника можно объяснить наличием ее в одном из западных источников — Сказании о перенесении мощей св. Николая в 1096 г. из Мир Ликийских в Венецию (подробнее об этом источнике см.: *Шляпкин И. А.* Русское поучение... С. 15—20).

[4] *...при цари грѣчьстем Алексии...* — Алексей I Комнен, император византийский (1081—1118).

[5] *...патриархъ Николи Костянтина града...* — Николай III Кирдиниат Грамматик (1084—1111).

[6] *...князя Всеволода в Киевѣ...* — Всеволод Ярославич (1030—1098), с 1078 г. — великий князь киевский.

[7] *...сына его Володимера черниговъского.* — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), с 1078 по 1094 г. княжил в Чернигове.

[8] *Прославляющих мя... прославлю... вознесу славу их.* — Ср. 1 Цар. 2, 30.

[9] *...въ Барѣ градѣ нѣмецкыа области.* — Город Бари на юге Италии в 1070 г. был отбит у греков нормандцами, хотя власть византийского императора долгое время сохранялась еще во многих местах Южной Италии. «Немецкая область» здесь имеет значение «чужая, нерусская страна».

[10] *...с темъяном...* — Темьян — фимиам, ладан.

[11] *...въ церкви святаго Иоана Предтечи при мори.* — По мнению И. А. Шляпкина, данная церковь упомянута ошибочно. Ни в одном западном источнике не упоминается о церкви Иоанна Предтечи в г. Бари, однако такая церковь существовала в Мирах, из-за чего, вероятно, произошла путаница (см.: *Шляпкин И. А.* Русское поучение... С. 13—14).

[12] *...къ римьскому папѣ Герману...* — Римский папа Урбан II (Оттон Остийский) занимал папский престол в 1088—1099 гг. В 1089 г. его резиденция находилась в Южной Италии.

ПЕРЕВОД

9 МАЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО И ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА АРХИЕПИСКОПА МИРСКОЙ ЛИКИИ В БАР ГРАД

Господи, благослови, отче!

Непрестанно должны мы, братья, праздники Божии, почитая, прославлять, и подобиться святым его, и усердно искать спасения. И непрестанно размышляя, помнить, что по образу Божию руками его сотворены мы были, и что славой несказанной увенчаны были, если

угодное ему творили, подобно тому, как содеял блаженный, великий и преславный архиерей Христов Никола, чью трапезу ныне хочу вам представить, дабы вкусили от нее и увидели, что милостив Господь к уповающим на него, милостив к надеющимся на него, милостив к творящим волю его, милостив Господь к любящим его. И воздал <милость> Мирскому граду и его окрестностям, свои щедроты изливая на них, чудеса творя дивные, исцеляя неоскудно, подавая исцеления сущим в напастях. Великим помощником и заступником показал себя, и на море, и на суше больных исцеляя, пленников избавляя, слепым прозрение подавая, хромым хождение, глухим слышание, и прокаженных очищая, и бесов изгоняя, и всем <нужное подавая>. Как сказал Господь: «Верующий в меня, дела, какие я творю, и тот творит». Так и сей святой угодник его, архиерей и отец Никола. И когда по благоволению благодати и человеколюбия <Божия> воссияло над нами праведное солнце, и явилась благодать нам от Владыки Вседержителя Бога, показал нам <Господь> в нынешнее время, в дни и лета наши и в нашу память чудо преславное и выше ума человеческого о преподобном и великом архиерее святом Николе.

В 1096 год от воплощения самого Бога в человеке от браконеискусной Богородицы и Приснодевы Марии, при царе греческом Алексее, патриархе Константина-града Николе, в год русских князей: христолюбивого князя Всеволода киевского и благородного сына его Владимира черниговского. Напали измаильтяне по суду Божию и по промыслу Всевышнего на греческую землю с той стороны моря, от Корсуня-града начиная, вплоть до Антиохии, и до Иерусалима, на все города и села их. И всех людей, тут живущих, посекли, и жен их и детей пленили, и дома их огнем пожгли, церкви же и монастыри опустошили, и города их взяли во власть свою. Тогда же и Ликию оставили пустой, где лежало тело святого Николы, тело дорогое, тело всечестное, тело, чудеса творящее дивные и преславные. Разве не мог преподобный сей муж так содеять, чтобы город его и церковь не опустели?! Но по велению Божию не противился, но сказал: «Господи, перед очами твоими угодное сотворю». Так и было. Не мог видеть Господь наш Иисус Христос угодника своего мощи на пустом месте пребывающими и никем не прославляемыми, но как писано: «Прославляющих меня, — сказано, — прославлю и вознесу славу тех, кто восхваляет меня».

Жил в те дни священник благоверный, и христолюбив, и праведен, в Баре граде немецкой страны. Явился ему святой Господень Никола: «Иди, скажи людям <своим>, всем приходящим в церковь, пусть пойдут, возьмут меня из Мирского града и здесь положат меня, ибо не могу пребывать там на пустом месте, Богу так угодно». И сказав это, отошел. Когда же наступило утро, встал тотчас священник и рассказал всем людям о явлении святого Николы. Те же, услышав, исполнились радостью великою и возгласили: «Ныне вознес Христос милость свою людям своим и городу нашему, ибо сподобил нас принять угодника святого Николу». И тут же снарядили мужа благоговейного, боящегося Бога, в 3-х кораблях идти за <мощами> святого. <Посланные> же насыпали пшеницы и, притворившись будто идут торговать, отправились. И пришли в Антиохию, распродали пшеницу и купили все, что им нужно было. И уведали баряне, что венецианцы, находящиеся

тут, хотят идти прежде их и взять мощи святого Николы, и поспешили <баряне> и тотчас отправились <в путь>. И пришли в Ликию, в город Мирский, и пристали в лимане городском. Посовещались они, и, взяв оружие, вошли в церковь святого Николы, и обнаружили в ней четырех черноризцев, и спросили их, где лежит святой Никола. <Те же> показали им гроб, где лежал святой Никола. Они же, раскопав пол в церкви, нашли раку, полную мира, слили миро в корчаги, а мощи его взяли и с ними раку, в которой были мощи святого Николы, и перенесли на корабль свой, и отплыли в море. Двух черноризцев оставили в Мире, а двое отправились с мощами святого Николы. И пошли в Бар град на ту сторону моря. Отошли же они от города Мирского месяца апреля в 11-й день и дошли до Бара града месяца мая в 9-й день, в воскресенье, в час вечерний.

Увидели же баряне, что пришли с мощами святого Николы из Мир, и вышли все горожане встречать его, мужи и жены, от мала и до велика, со свечами и с фимиамом, и приняли его с радостью и великою честью, и положили его в церкви святого Иоанна Предтечи у моря. Да послушайте, братия моя, молю вас, сколько сотворил чудес святой Никола, прийдя из Мирского града в Бар град. В воскресенье вечером пришел и наутро в понедельник исцелил 47 больных мужей и жен, одержимых различными недугами и болезнями: кого головою <скорбного>, а кого глазами, иного же руками и ногами, другого сердцем, и утробною болезнью, и всем телом, и страдающих от нечистых духов. А во вторник исцелил 22 больных, а в среду исцелил 29 болящих, в четверг утром рано исцелил глухого и немого, пребывающего уже 5 лет в недуге том. И потом явился святой Никола некоему черноризцу, имеющему духовный сан, и сказал так: «Волею Божиею пришел я в землю эту». В день воскресный, в час 9-й получили исцеление одиннадцать человек. И еще, и еще во всякий день творит чудеса святой Никола, будто источник бурлящий, конца не имеющий.

И много даров приносили к святому, золото и серебро, и ризы многоценные. И видели горожане преславные его чудеса и исполнялись радостью великой. И создали церковь преславную, и великую, и прекрасную во имя святого и преподобного отца Николы, и сковали раку ему серебряную, позолоченную. И в 3-й год по перенесении его из Мир послали к римскому папе Герману, чтобы пришел он с епископами своими и со всем клиром церковным своим и перенесли бы мощи святого Николы. И пришли, и взяли мощи святого Николы, и вложили в раку серебряную, и взяли епископы с их вельможами <мощи> и перенесли его в великую новую церковь его, и положили его в алтаре в сокровенном месте месяца мая в 9-й день. Перенесли же и старый гроб его, в котором был он принесен из Мир, и поставили его в церкви, положили <туда> и кость руки его от мощей его. Много народа, люди, приходя, целовали мощи и раку его. Римский же папа Герман, и епископы, и все горожане, <все> люди праздник великий устроили в тот день в похвалу святому, который празднуют и до сего дня, и ели, и пили, и веселились в тот день, и много милостыни подавали убогим. И после разошлись по домам своим с миром, прославляя и хвалу воздавая Богу и святому и преподобному угоднику и архиерею Христову Николе.

К нам же, о преподобный угодник Христов, милостив будь здесь и в будущем веке! На тебя уповаем и <тебе> молимся, ибо ты всех видимых и невидимых достойнее явился. Блажен воистину град Барский, и церковь его священна, в которой тебя возвеличил Господь Бог! Освятил тебя, угодника своего, Вышний, ведь ты всем христианам помощник и заступник, избавляешь нас от всех напастей, от бед наших. И еще молимся, святой преблаженный угодник, святитель Христов Никола, имеешь ты дерзновение к Владыке, молись о нас, празднующих всегда память и почитающих праздник перенесения твоих мощей, чтобы спасены мы были твоими молитвами, благодатью и человеколюбием Единородного Сына, с ним же <ты> благословен, с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Память святого Сидора, юродивого... по прозвищу Твердислов...

Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской

ВСТУПЛЕНИЕ

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СИДОРА, ЮРОДИВОГО ХРИСТА РАДИ...

Житие Исидора Твердислова является образцом жития юродивого со всеми деталями, характерными для агиографического памятника этого вида. В. О. Ключевский отметил, что оно лишено каких-либо исторических примет, хотя посвящено реальному лицу (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 280—281). В Житии сказано, что Исидор (или Сидор) пришел на Русь с запада, из «латинских» стран, и принадлежал к знатному роду, что было вполне реальным, однако какая западноевропейская страна была родиной юродивого, неизвестно. Он жил и умер в Ростове, и с его именем связано строительство Вознесенской церкви, сначала деревянной, а при Иване Грозном, в 1566 г., — каменной, сохранившейся до сих пор среди древних земляных валов и больше известной под именем церкви Исидора Блаженного; ее строитель — мастер Андрей Малой. (*Иванов В.* Ростов и Углич. Изд. 2-е, дополн. М., 1975. С. 126, 137—140). Исследователи, исходя их данных рукописей XVII—XIX вв., называют и даты жизни Исидора: в 1419 г. он пришел в Ростов, в 1474 (или в 1484 г.) умер. Исидор стал почитаться святым задолго до его официальной канонизации, происшедшей во второй половине XVI в. — между 1552 и 1563 г. (или между 1549 и 1563 г.). Самые ранние списки Жития относятся к началу 30-х гг. XVI в., но основной текст мог быть составлен и в конце XV в. Житие включено в Великие Минеи Четьи митрополита Макария и содержится в рукописи *РНБ,* Софийское собр., № 1321, составленной в 1541 г. в Новгороде в бытность Макария новгородским архиепископом.

В тексте Жития неоднократно подчеркивается, что современники принимали Исидора за «юрода», сумасшедшего, смеялись над ним, оскорбляли его, даже били. Но юродство в Древней Руси часто не было проявлением душевной болезни. Юродство «Христа ради» было формой служения Богу, обусловленной особым этикетом поведения — аскетизмом, оскорблением и унижением плоти, самоуничижением, мнимым безумием. Своим видом и образом жизни юродивый укорял общество (*Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1895; *Панченко А. М.* Смех как зрелище // *Лихачев Д. С, Панченко А. М., Понырко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984). Юродивый мог безнаказанно обличать власть имущих. Этого сюжета, кстати, нет в Житии Исидора, лишенного социально острых эпизодов, в то время как в других житиях юродивые спорят даже с царем Иваном Грозным.

Чудеса Исидора, занимающие значительное место в памятнике, представляют собой довольно живые литературные новеллы, соприкасающиеся с новгородскими легендами, — чудо о купце напоминает эпизод из былины о Садко, чудо о князе совпадает с одним из чудес святого Николы Качанова, а запрет тревожить могилу Исидора при всей своей традиционности находит аналогию в летописи, где под 1462 г. рассказывается, как был наказан великий князь Иван III, пожелавший открыть мощи Варлаама Хутынского. Риторическая похвала святому и цитаты из Священного Писания свидетельствуют, что автор Жития был человеком книжным.

В исследовании японского ученого Ацуо Накадзавы установлено сходство Жития Исидора с целым рядом предшествовавших ему агиографических памятников. Накадзава пришел к выводу, что некоторые мотивы были заимствованы из переводного греческого Жития Андрея Цареградского (см.: наст. изд., т. 2), и подтвердил уже высказанное в науке мнение о Житии Исидора как образце для последующих биографий святых этого вида, например для Жития Прокопия Устюжского. Накадзава опубликовал биографическую часть Жития Исидора по рукописи *РНБ,* собр. Титова, № 2059, нач. XVI в. (Становление образа юродивого в древнерусской агиографической традиции — на материале «Жития Исидора Ростовского» // Бюллетень японской ассоциации русистов (Росиа-го Росиа-бунгаку Кэнкю). Токио, октябрь 1991, № 23).

Житие Исидора принято относить к областной ростовской литературе конца XV — начала XVI в., продолжавшей развиваться несмотря на то, что уже в 1474 г. Ростовское княжество потеряло свою самостоятельность и было присоединено к Москве (История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1, С. 350). Но отсутствие местных ростовских мотивов, связь Жития с литературой других областей и распространение его по Руси, наконец, включение его в *ВМЧ,* позволяет считать Житие Исидора произведением общерусского значения (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. А—К. С. 280—284).

Текст Жития Исидора с чудесами и похвалой публикуется по рукописи *ВМЧ* Макария, *РНБ,* Софийское собр., № 1321, лл. 404 об.—406 об., 1541 г. Исправления и добавления сделаны по рукописям *РНБ,* Софийское собр., № 1419, 1361, 1369, XVI в.

ОРИГИНАЛ

14 МАЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. ПАМЕТЬ СВЯТАГО СИДОРА, УРОДИВАГО ХРИСТА РАДИ, НАРИЦАЕМАГО ТВЕРДИСЛОВА, РОСТОВСКАГО ЧЮДОТВОРЦА

Твердисловъ вправду тезоименно наречеся, утверди бо умъ и со словом вкупѣ, еже обѣща к Богу. И, играа, Исидоръ житие се преиде и небеснаго царствиа доиде.

Сей блаженый, якоже поведають нѣции, от западных странъ, от латыньска языка, от нѣмецькыя же земля рожение имѣа и воспитание, от славных же и богатых; якоже глаголють, от местьрска роду бѣ. И возненавидѣвъ богомерскую отческую и латынскую вѣру, возлюби же истинную нашу христьяньскую и православную вѣру и помышляше же въ сердци своемъ Господне слово, глаголющее: «Аще кто хошеть по мьнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядеть; иже аще хощетъ душу свою спасти, и погубить ю; и иже аще погубить душу сьвою мене ради, обрящеть *ю.* Каа убо полза человѣку, аще весь миръ приобрящеть, душу же свою отщетить? Или что дасть человѣкъ измѣну на души своей?»[1] И сиа словеса блаженый на сердци положи, утаився всѣх и тако исходить из дому своего и мало пришед и ризѣ совлачит ся вкупе же и долу влекущих мудрованый и приемлеть уродственое же Христа ради житие и буйствено, еже мнимо человѣкы, по апостолу глаголющу: «Буая мира и избра Богъ, да премудрыя посрамить, и немощнаа мира избра Богъ, да посрамит крѣпкая. И безродная мира и укоренаа избра Богъ, да сущаа и не сущая упразнити».[2]

И тако от земля и от отечьства своего отходит; и к восточнымъ странамъ поиде взыскати и древле погубленаго отечьства. И грады проходя, и мѣста, и много досаду блаженый смиренье приемаетъ, и бьение от безумных человѣкъ приемлеть, яко уродъ вменяем ими и безуменъ. И много терпѣние показуя от студени зимныя и от вара солнечнаго, въ день убо яко урод хождаше, в нощи же молитву непрестанно къ Богу възсылаше и плачася глаголаше в себѣ: «О Сидоре, многими скорбими подобаетъ ти внити въ царство небесное, нужно убо есть царство небесное и нужници восхитають е».[3] И сими словесы утѣшаяся блаженый.

И тако от градъ во градъ прехождааше. И доиде же славнаго и многонароднаго града Ростова. И ту произволяетъ блаженный жительствовати. Вси же его мняху яко уродъ и ум погубивша, и много досажение и укорение, и раны воздааху ему. Блаженый же, яко в чюжем телеси, все со благодарением терпяше, взирая на предлежащей подвигъ на началника вѣрѣ и сверьшителя Исуса, и никакоже зла досажающимъ ему воздааше, но токмо во умѣ своемъ глаголаше къ

Богу, поне остави имъ грѣха сего. И никтоже видяше добродѣтельнаго его житиа. Устрааетъ же себѣ блаженый кущу въ ховрастии непокьровенну на мѣстѣ сусѣ во градѣ среди блатца нѣкотораго, идѣже святое тѣло его нынѣ лежить, яко егда молитву творити ему, невидимъ будетъ от человѣкъ.

Святому сице житие се суетное преходящу и славу мира сего ни во что же вмени. Въ день убо оскорбляемъ и уничижаемъ многими озлобленьми, нощи же приходящю, и пакы святый во свою ховрастную хижу приходить и всю нощь без сна въ молитвах и сьлезах и колѣнокланяньи пребываше. Утру же приходящу, и паки святый ис хижа исходить и егда от многаго труда и непокоа телеснаго ему пребывати на улици убо града и на сметинии, и на гноищи, или во кущи тѣло свое на землю токмо пометаа, и ту мало сна приимаше, не имѣаше бо у себе ничтоже в хижи своей, но токъмо едино свое тѣло и округъ его ховрастие, и тоже непокровено. И егда же мразу, или снѣгу, или дожду бывающу, святый же тѣло и хижу непокровену имяше. И тако пребываше вся дни живота своего.

И елико блаженый Бога возлюби, толико Богъ того во всемъ мирѣ прослави, во оном же непреидущемъ и бесконечнемъ царствии сторицею подаваетъ. И приемлетъ святый от Бога даръ прозорливый, еже чюдеса ему творити. Нужно же есть от многих святаго изрядных чюдесъ, увидѣвшю ми от нѣкыхъ мало, воспомянув же и тако изъоставиоти слово.

Чюдо 1 святаго Сидора. О купци, егоже избави от глубины морския

Случи же ся нѣкоему купцу града того, в немже святый жилище имѣаше, по морю куплю творити. И пловущим имъ в корабли, и внезаапу кораблю ставшу и волнами разбивающуся, и уже всѣм смерти ожидающимъ. Умыслиша же корабленици, яко да мечють жребиа, кого ради корабль ста. И паде жребий на оного купца. И всадиша на доску, и въвергоша его в море. Кораблю же скоро со оного мѣста пошедшу, человѣку оному утопающу и волнами въ мори носиму, и житиа своего уже отчаявшуся, и ни от когоже помощи надѣашеся.

И се внезапу предста ему блаженый Сидоръ, по морю яко по суху хождаше, и приемъ его, и глагола ему: «Знаеши ли мя, о человѣче?» Купецъ же едва токмо проглагола: «О рабе Божий, Сидоре, иже в нашемъ граде жительсьтвуяй, помози ми, окаанному, избави мя отгоркия смерти и не остави мене в морѣ семъ погрузитися». Святый же изять его от глубины морьския и посажаетъ его на досцѣ оной, и скоро по морю вослѣд корабля гнаше, и дасть того в корабль цѣла и неврежена ничимже. Заповѣдаетъ же ему святый, яко никомуже повѣдай, но глаголи: «Нѣкаа божественаа сила избави мя от глубины морьския».

И егда же среташе святаго на улицах градьских, уродство творяше, купецъ же мимо идый. Святый же укрѣпляа его, глаголаше ему: «Никомуже повѣдай бывшаго на мори». Человѣекъ же токмо во умѣ

прославляше Бога и угодника его Сидора и никомуже смѣяше поведати чюдеси. Но по преставлении святаго всѣмъ явьствено проповѣда.

Чюдо 2 святаго Сидора. О князи, емуже блаженый молитвами питие обилно сотвори

Неподобно же есть забвению предати и второе чюдо святаго, еже едва от нѣкых увѣдавшу ми. Во единъ убо от дний князь града того епископу повелѣваетъ молитву сотворити о себѣ и о всемъ дому своемъ, и на обѣд того призываетъ со всѣм крилосомъ. И по литургии преже прихода епископля прииде убо в домъ княжь блаженый Сидоръ и воспроси пити у приставника князя. Мнѣти убо всѣмъ, яко вжадался, не питию же блаженый жадая, но восхотѣ въ благословение дому подати благовѣрному князю. Приставникъ же не токмо не дасть ему, но и хулными словесы укоряа и отгна его, глаголя: «Отиди, безумней урод, отиди, отиди, лишенне славы житиа сего человѣческаго, отиди, не стужай ми». Святый же отиде, радуяся и славя Бога, и ничтожие зла помышляше въ себѣ.

Богъ же паче прояви угодника своего. Князю убо съ епископомъ на обѣд седшимъ, и егда же время питию приходить, князь же тогда повелѣваетъ черпьчиямъ питие подавати; приставникомъ же шедшимъ, ни во едином же сосуде не обретшимъ. Князю же повѣдаху приход Сидоровъ и прошенье. Князю же в велицѣ печалѣ и в недоумѣнии бывшу. По всему граду искавше святаго и не обрѣтають. И уже обѣд ко скончанью приходить, и питью не сушу, и князю печалью, паче же и срамомъ одержиму. И се приходить блаженый Сидоръ и в руцѣ имѣ проскуру, и дасть епископу, и яко уродная глаголеть к нему: «Приими, о епископе, сию проскуру, еже ми приимшу в сий час от святѣйшаго митрополита в Киевѣ». И абие приставники прихожением Сидоровымъ сосуды якоже и первие полъны питиа обретают ся. Князю сиа возвѣщаютъ. Князь же со епископомъ возрадовашася и вси прославиша Бога, творящаго таковая чюдеса угодникомъ своим Сидоромъ.

Чюдо 3. О преставлении святаго Сидора

Не по мнозѣх убо днех открывается Исидору от Бога о преставлении его и соузъ телесных разрѣшеньи, иже конечное к Богу приближенье. И доволнѣ в хижи своей въ молитвах и в колѣнипоклоняньи и в постѣ пребываетъ, и слезы от очию яко быстринѣ испушаа. И тако возлегъ, и руцѣ крестообразно приим, и глагола Вседержителю: «Исусе Христе, в руцѣ твои предаю духъ мой». И тако съ гласомъ вкупѣ и духъ испусти. Святая же его и непорочная душа, святыми аггелы несома, на небеса востече, радуяся. А блаженное тѣло его оста на земли, вѣрнымъ подавая и до сего дня исцѣленья.

Лежащу его святому тѣлу в хижи его, внезапу весь град обыиде благоуханье. И всѣмъ дивящимся и ужасающимся о благоухании, како и откуду сие бысть, не видяху бо святаго преставленье. И се нѣкто мимо ходя увидѣлъ святаго в хижи, уже отшедша, на земли лежаща, и благоухание от тѣла его исходяше. И шед, возвести всѣмъ бывъшее. Пришедше нѣции богобоязнивии мужие, иже вѣру имуше ко

блаженому, сопряташа трудолюбное и честное его тѣло и положиша его во гробѣ на мѣстѣ, идеже преставися. Поставиша же ту и церковь, вземше благословение у епископа, во имя преславнаго Вознесениа Господа нашего Исус Христа.

Чюдо 4 святаго Сидора

О презвитери, дерзнувшем извѣщение прияти о телеси святем его.

Не токмо же дивнаго сего мужа въ житии бывшая чюдеса, но и по отшествии мира сего множайшаа чюдеса содѣваются от святаго гроба его приходящимъ с вѣрою. От них же нѣчто мало возвестимъ.

Многимъ убо лѣтомъ пришедшимъ иерѣю нѣкоему служащу у святаго Вознесения, идеже лежить святый Сидоръ. И помышляетъ убо иерей, еже извѣстити о святемъ Сидорѣ, во плоти ли убо лежить во гробѣ, или ни. Вкупе же убо помышлениемъ иерѣовымъ и дѣла спослѣдствують. Уединився убо и веземъ еже на то уготовану ему, приходить ко гробу святаго и начинаетъ копати землю.

И се нѣкая божественая сила напрасно отрину презвитера от гроба святаго. И бываетъ нем и безъгласенъ, вкупе же и разъслабленъ. И по многихъ часехъ едва в чювьство приходитъ. И възираеть очима ко гробу святаго и во умѣ глаголя: «О блаженый Сидоре! Помилуй мя, раба своего, согрѣшившаго к тебѣ и дерзнувша пркоснутися святому ти гробу». И том часѣ прощенье приемлетъ от святаго и здравъ отходить в дом свой, радуяся.

Многа же и ина бесчисленая чюдеса бывають от святаго его гроба. Мнози же иныя вѣрнии взимають от гроба его часть нѣкую или от покровенья гробнаго и до сего дне и приносять в домы своя и на болящую зубную болезнь или очною, или трясавицею, или огньною болѣзнию с вѣрою покладають, и въскорѣ исцѣление приемлють.

Чюдо 5 святаго Сидора. О человѣци, изступившем ума

Добро есть Божие человѣколюбие и чюдеса святых, угожшихъ ему, воспоминати присно. Еже бысть в послѣдняа лѣта во многих святаго избранных чюдесех, се — новѣйшее чюдо, еже увидѣсте очи наши.

Человѣкъ нѣкый от веси града того глаголемыя Соли, от многаго ему питиа изъступившу ему ума и тако начятъ не смыслити, и люди бьяше. Едва же многими утомленъ бывъ, связанъ приводимъ бываетъ ко гробу блаженаго Сидора. Онъ же кричяше и нелѣпая словеса глаголаше, очи яко дивы имѣя и всѣх сущихъ с нимъ устрашаше. И егда нудима привлекоша его къ чюдотворному гробу его, яко начяли пѣти канунъ святому, абие помалу нача в чювьство приходити. И вопрошающимъ его, онъ же смысленѣ им отвѣщаваше.

Раздрешенъ же бывъ, припадаетъ ко гробу святаго и образъ его целуя, многа же словеса благодарна изрекъ, яко ничтоже зла пострадавъ, радуяся отходитъ в домъ свой послѣдьствующимъ своим ему. И елици

тогда обрѣтошася, позорующе дивнаго чюдеси того. И вси идяху веселящеся и тако разыдошася в домы своа, славяше Бога и угодника его, творящаго таковаа дивная чюдеса.

Чюдо 6 святаго Сидора. О болящемъ очною и главною болѣзнью

Не по мнозѣхъ днех онѣхъ инъ нѣкый человѣкъ от веси того града именемъ Феодоръ очною болѣзнию одержимъ. Сый скорбяше немало время, и от зѣлнаго того недуга отекли бяста и очи ему, яко нимало можаше видѣти, и глава ему аки гиря тяжка, и тѣжже не можаше на ложи опочити, ни паки сьвершенѣ походити, но от мѣста на мѣсто преступая, нощь и день кричяше и стеняше безпрестани.

Сей приводимъ бываетъ ко гробу святаго вечеру же поздѣ сущу и пребываетъ нощь ту у гроба святаго. Свитающу же дьни и по утрении начинает иерей пѣти канунъ святому, абие помалу начятъ болѣзнь уступати, якоже и сам сказываше. Чтому же святому Еуангелью прозрѣ человѣкъ той. Вопрошающимъ его ту стоящимъ, аще что видить, онъ же глаголаше: «Вижу человѣкы аки столпие, а огнь аки кровь». Яко свершиша пѣвше канунъ святому, абие отверзошася очи его и зряше все свѣтло, якоже и преже.

Припадаетъ убо пред образом владыкы Христа Бога нашего глаголя: «О скорый помощникъ, о теплый предстателю, богоблаженьный Сидоре, поспѣшествовавыи мнѣ, недостойному! Во святых ти молитвахъ ко Христу Богу нашему кую ти похвалу и благодарение воздамъ? Что ли нареку тя недовѣмъ, источника ли приснотекуща животных водъ, иже изливаемъ наипаче изообилуетъ, черплемъ николи же оскудѣваетъ; богатьство ли неиздаемое, или сокровище неоскудное?» Сицевыми словесы довольнѣ помолився, радуяся, отходить в домъ свой, славя Бога и угодника его блаженаго Сидора.

Не токмо же ту сущимъ дивнаго сего мужа прикосновением честнаго гроба или одѣяниа и кроплениемъ освященныа воды бывають исцѣлениа, но и далече сущимъ, иже с вѣрою святое имя его призывающим, якоже рече Господь: «Прославляющаго мя прославлю»,[4] и паки рече: «Аще вы умолчите благодѣяниа Божиа, и камение взопиетъ».[5] Тѣмже надѣющеся на милость Божию, молитвами праведнаго споспѣшествующимъ потщахомся елико по силѣ нашей написати отчясти избранных святаго чюдесъ въ славу и благодарение Христу Богу нашему и угоднику его, и молебнику о грѣсехъ наших, блаженому Сидору чюдотворцу.

Похвала святого Сидора

Како убо возмогу испысати, о блаженый, твое равноаггеломъ житие и твое преславнаа чюдеса, многогрѣшный азъ вкупѣ душею и тѣломъ, или како восприиму бисеръ твое святое имя во своа скверна уста, но пакы и надѣюся на твое беззлобие, о блаженый уроде, и нѣчто мало к похвалению изрѣку ти нынѣ.

Радуйся, свѣтозарное солнце, от запада восиявши и к востоку пришедый, иже древле погубленое отечество наслѣдовавый. Радуйся, страстотерпче Христов непобѣдимый, но приснопобѣдивый диявола своимъ терпѣнием. Радуйся, многа чюдеса подавая от своего гроба, якоже источникъ приснотекущь животных водъ. Радуйся, иже мудростию кипя и яко животное сокровище и кромѣ бысть всякия нечистоты и плотьскаго хотѣниа. Радуйся, яко вышнихъ умъ си восъкриливый и сердце свое вдавъ всенощному стоянию. Радуйся, яко миръ тебе, тлѣнъный уроде, бываетъ вменяше блаженый, иже по Христѣ житие добрѣ приводяща. Радуйся, еже житие се настоящее преиде и день убо посмѣхаяся ему, в нощи же оплакая его. Радуйся, изменивый земными небесная. Радуйся, иже убо яко онъ древний Лазарь[6] нищий нынѣ почивая в лонех Аврамлихъ.[7] Радуйся, иже многострастному Иову[8] уподобивыйся трьпѣниемъ.

Радуйся, иже в бедахъ и скорбех призывающим тя готовъ обретаяся предстатель и заступникъ. Радуйся, еже возделѣ, то и сверши, течение скончавъ и вѣру съблюдъ, и вѣнецъ свой побѣды приимъ отъ всѣхъ царя Христа Бога нашего, егоже моли за град свой, в немже добрѣ поживе и Господеви *утоди,* и конець житию сему тлѣнному приятъ. И, о блаженне, помолися, яко дрьзновение имѣя, ко всѣхъ царю Христу Богу нашему, да изъбавимся от грѣх и бѣдъ, и напастей, душевных же вкупѣ и телесныхъ. Твоими молитвами и всѣх святыхъ и да сподобимся царьствию небесному, славяще Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и в вѣкы вѣком. Аминь.

---

[1] *«Аще кто хощеть по мѣнѣ ити... что дасть человѣкъ измѣну на души своей?»* — См.: Мф. 16, 24—26.

[2] *«Буая мира и избра Богъ... да сущаа и не сущая упразнити».* — См.: 1 Кор. 1, 27, 28.

[3] *«...многими скорбими подобаетъ ти внити въ царство небесное... и нужници восхитають е».* — Ср. Мф. 11, 12.

[4] *«Прославляющаго мя прославлю»...* — Ср. Ин. 17, 1.

[5] *«Аще вы умолчите благодѣяниа Божиа, и камение взопиетъ».* — См.: Лк. 19, 40.

[6] *Лазарь* — персонаж притчи о богатом и Лазаре (Лк. 16. 19—25). Нищий Лазарь, не получивший помощи от богача, после смерти отнесен был ангелами на лоно Авраамово, место загробного блаженства праведных.

[7] *Авраам* — патриарх, родоначальник еврейского народа. От него происходит Христос (Мф. 1,1). По словам Евангелия, Авраам дает

надежду на спасение и вечную жизнь («покой в лоне Авраама»): «…многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве небесном» (Мф. 8, 11).

[8] *Иов* — герой библейской Книги Иова, подвергавшийся по воле Бога тяжким испытаниям — разорению, болезням, смертью детей, унижениям. Но он оставался верен добродетели, за что вознагражден был возвращением богатства и благополучия. Образ жизни многострадального Иова близок быту юродивого: «А ныне смеются надо мной младшие меня летами, те, которых отцов не согласился бы поместить со псами стад моих… Люди отверженные, люди без имени, отребие земли! Их-то сделался я ныне песнею и пищею разговора их. Они гнушаются мною, удаляются от меня, и не удерживаются плевать пред лицем моим… Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не знают покоя… Он бросил меня в грязь, и стал я как прах и как пепел» (Иов. 30, 1, 10, 17, 19). К примерам Иова и Лазаря часто прибегали древнерусские авторы. См, например, Домострой по списку *ОИДР:* «…но все упование възлагающе на Бога, со благодарением терпяще очищения ради грехов своих и вечных благ наслажения, яко долготерпеливый праведный Иов и нищий Лазарь, иже пред враты богатаго на гноищи лежа гноем и червьими ядом, ныне на лони Авраамли почивая» // *ЧОИДР.* 1881. Кн. 2. С. 26.

ПЕРЕВОД

14 МАЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ПАМЯТЬ СВЯТОГО СИДОРА, ЮРОДИВОГО ХРИСТА РАДИ, ПО ПРОЗВИЩУ ТВЕРДИСЛОВ, РОСТОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Твердислов справедливо этим именем назвался, ибо укрепил твердостью ум вместе со словом, как обещал Богу. И, играючи, Исидор жизненный пусть свой прошел и небесного царства достиг.

Блаженный этот, как рассказывают некоторые люди, в западной стороне, в латинском народе, в немецкой земле родился и воспитался, в семье славных и богатых; как говорят, был он рыцарского рода. И, возненавидев богомерзкую латинскую веру предков, возлюбил истинную нашу христианскую и православную веру и запечатлел в сердце своем Господне слово, гласящее: «Если кто хочет идти за мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мною; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» И эти слова блаженный на сердце положил, тайно от всех уходит из дома своего, недалеко отойдя, сбросил платье с себя вместе с влекущими в бездну лжеучениями, и начинает жизнь Христа ради юродивого и безумную, как думалось людям, по апостолу, сказавшему: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное. И незнатное мира и уничиженное, и ничего не значущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее».

И так он землю и отечество свое покидает; и к восточным странам направился, чтобы найти издревле утраченное отечество. И грады минуя, и села, и многие обиды блаженный смиренно терпит, и побои от глупых людей принимает, считающих его юродивым и безумным. И, много страдая от стужи зимней и от жара солнечного, день проводил как юродивый, ночью же молитву непрестанно к Богу воссылал и, плача, твердил себе: «О Сидор, многими трудами войти тебе в царство небесное, ибо тяжек путь в царство небесное и страдальцы достигнут его». И такими словами утешался блаженный.

И так из града в град переходил. И дошел до славного и многолюдного града Ростова. И тут решает блаженный жить. Все же его принимали за юродивого и ума лишившегося, и много доставляли ему оскорблений и обид, и раны наносили ему. Блаженный же, будто не чувствуя своего тела, все с благодарностью терпел, помня прежний подвиг основателя веры и творца Иисуса, и никаким злом досаждающим ему не платил, только молча молил Бога, чтобы отпустил им грех этот. И никто не видел добродетельного его жития. Устраивает же себе блаженный хижину из хвороста без крыши на сухом клочке земли в городе среди болотца, где святое тело его теперь лежит, чтобы, когда молитву станет творить он, не видели бы его люди.

Так святой мирскую жизнь эту суетную проходил и славу мира сего ни во что не ставил. Днем его оскорбляют и унижают многими притеснениями, когда же ночь наступает, вновь святой в свою хворостяную хижину приходит и всю ночь без сна в молитвах и слезах коленопреклоненный проводит. Когда же утро наступает, снова святой из лачуги выходит, и со многим трудом без отдыха ходит по улицам и помойкам, и в нечистотах сидит, либо в своей хижине остается, на голой земле лежа, и здесь почти не предавался сну, не имея у себя ничего в хижине своей, но только нагое свое тело, окруженное хворостом, тоже непокрытым. И когда случался мороз, снег или дождь, святой и тогда тело и хижину имел непокрытыми. И так жил изо дня в день.

И насколько блаженный Бога возлюбил, настолько Бог его на весь мир прославил, в будущем же вечном и бесконечном царстве сторицей вознаграждает. И получает святой от Бога дар пророческий, так что чудеса он мог творить. Подобает мне, узнавшему о многих удивительных чудесах святого, вспомнить из них хотя бы некоторые и тем завершить слово.

Чудо 1 святого Сидора. О купце, которого спас он из пучины морской

Случилось, что один купец из града того, в котором святой жил, отправился в море по торговым делам. И когда плыли они на корабле, внезапно корабль остановился и волны стали его разбивать, и уже все ожидали смерти. Решили тогда корабельники, что бросят жребий <и узнают>, из-за кого корабль встал. И пал жребий на того купца. И, посадив на доску, сбросили его в море. Корабль же быстро с того места пошел, а человек тот стал тонуть, и волны его в море стали швырять, и

отчаялся он остаться в живых, и не надеялся, что кто-нибудь ему поможет.

И вот внезапно предстал пред ним блаженный Сидор, по морю как по суху идущий, и поддержал его, и сказал ему: «Знаешь ли меня, человек?» Купец же с трудом только мог сказать: «О раб Божий Сидор, в нашем граде живущий, помоги мне, окаянному, избавь меня от горькой смерти и не дай мне в море утонуть». Святой же извлек его из пучины морской и сажает его на доску, и быстро по морю вслед кораблю погнал, и подымает его на корабль цела и невредима. Велит же ему святой, чтобы никому не рассказывал, но говорил: «Некая божественная сила спасла меня из пучины морской».

И когда встречал святого на улицах городских, юродствовавшего, купец мимо проходил. Святой же, ободряя его, говорил ему: «Никому не рассказывай случившегося на море». И человек только в мыслях прославлял Бога и угодника его Сидора и никому не осмелился рассказать о чуде. Но после смерти святого открыто всем поведал.

Чудо 2 святого Сидора. О князе, которому блаженный молитвами обильное питье сотворил

Невозможно забвению предать и второе чудо святого, о котором недавно узнал я от людей. В один из дней князь града того епископу велит молебен сотворить о себе и о всем доме своем, и на обед его приглашает со всем церковным причтом. И после литургии прежде прихода епископа пришел в дом княжеский блаженный Сидор и попросил питья у княжеского управителя. Все думали, что хотел он пить, а святой не пить желал, но захотел подать благословение дому и благоверному князю. Управитель же не только не подал ему, но и, бранными словами оскорбляя, прогнал его, говоря: «Уйди, безумный юродивый, уйди прочь, уйди, лишенный достойного человеческого жития, уйди, не досаждай мне». Святой же ушел, радуясь и славя Бога, никакого зла не замышляя.

Бог же показал силу угодника своего. Когда князю и епископу, за обедом сидевшими, подошла пора пития, повелел князь виночерпиям вино подавать; когда же слуги пошли, то ни в одном бочонке не нашли <вина>. Князю рассказали о приходе Сидора и о его просьбе. Князь был в великой печали и смущении. По всему городу ищут святого и не находят. И уже обед заканчивается, а питья так и нет, и князь печалью, а более того стыдом охвачен. И тут приходит блаженный Сидор, в руке неся просфору, <которую> дает епископу и, юродствуя, говорит ему: «Прими, о епископ, эту просфору, которую я получил сейчас от святейшего митрополита в Киеве». И тотчас слуги с приходом Сидора обнаруживают бочонки, как и вначале были, полными вина. Возвещают об этом князю. Князь же с епископом возрадовались и все прославили Бога, творящего такие чудеса через угодника своего Сидора.

Чудо 3. О смерти святого Сидора

Немного дней спустя получил весть Исидор от Бога о смерти своей и от телесных пут освобождении, что будет окончательным к Богу приближением. И неотлучно он в хижине своей в молитвах и земных поклонах и в посте пребывает, и поток слез из очей испускает. И потом лег, и руки крестообразно сложил, и сказал Вседержителю: «Иисусе Христе, в руки твои предаю дух мой». И так вместе с восклицанием дух испустил. Святая же его и непорочная душа, святыми ангелами взятая, на небеса вознеслась, радуясь. А блаженное тело его осталось на земле, верующим даруя и до сего дня исцеления.

Когда лежало его святое тело в хижине его, вдруг распространилось по всему граду благоухание. И все дивились и поражались благоуханию, <не ведая>, почему и откуда оно идет, ибо не знали о смерти святого. И тут кто-то, идущий мимо, увидел святого в хижине <его>, уже умершего, на земле лежащего, и благоухание от тела его исходило. И придя, поведал всем случившееся. Пришли некие богобоязненные люди, которые верили в блаженного, приготовили в последний путь многострадальное и святое его тело и положили его в могилу на том месте, где умер. Поставили здесь и церковь, взяв благословение у епископа, во имя преславного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа.

Чудо 4 святого Сидора

О священнике, дерзнувшем удостовериться, свято ли его тело.

Не только при жизни этого необыкновенного мужа происходили чудеса, но и после ухода его из этого мира множество чудес совершается от святого гроба его приходящим с верою. Из них же о некоторых расскажем.

По прошествии многих лет один иерей служил у святого Вознесения, где могила святого Сидора. И замышляет иерей, как бы узнать о святом Сидоре, цела ли его плоть во гробе или нет. За помыслом иерея и дела следуют. Утаившись и взяв для того приготовленное им, приходит он ко гробу святого и начинает копать землю.

И тут какая-то божественная сила внезапно отбросила священника от гроба святого. И стал он нем и безгласен, да и разбит параличом. И через многое время едва в чувство приходит. И обращает очи свои ко гробу святого и молча молит: «О блаженный Сидор! Помилуй меня, раба своего, согрешившего против тебя и дерзнувшего прикоснуться к святому твоему гробу». И тотчас прощение получает от святого и здоровым приходит в дом свой, радуясь.

Многие же и другие неисчислимые чудеса происходят от святого его гроба. Многие же иные верующие берут частицу от гроба его или от покрова надгробного до сего дня и приносят в дома свои, и на болящих зубами или глазами, или лихорадкой, или горячкой с верою кладут, и те вскоре выздоравливают.

Чудо 5 святого Сидора. О человеке, потерявшем рассудок

Похвально вспоминать вечно Божие человеколюбие и чудеса святых, угодивших ему. Из многих, совершившихся в последнее время, особенно сильных чудес святого это — новейшее чудо, которое видели очи наши.

Человек один из городского пригорода, называемого Соли, от многого пьянства сошел с ума и стал безумным, и людей избивал. С трудом же многие люди укротили его, связали и привели ко гробу блаженного Сидора. Он же кричал и бранные слова говорил, дико поводил очами и всех бывших с ним напугал. Когда же насильно притащили его к чудотворному гробу и когда начали петь канон святому, и тут понемногу стал в чувство приходить. И когда спрашивали его, он разумно им отвечал.

После того как развязали его, припадает ко гробу святого и, образ его целуя, многие слова благодарные произнес, как будто никакой напасти не перенес, радуясь, возвращается в дом свой в сопровождении домочадцев. И все, кто тогда там был, видели дивное чудо это. И все шли весело и так разошлись по домам своим, славя Бога и угодника его, творящего столь славные чудеса.

Чудо 6 святого Сидора. О больном, страдающем глазами и головой

Немного дней спустя другой человек из пригорода того же града по имени Федор глазною болезнью заболел. Страдал он долгое время, и от тяжкого того недуга отекли даже у него глаза, так что почти ничего не мог он видеть, а голова была для него как гиря тяжелая, и из-за этого не мог он ни уснуть на ложе, ни ходить спокойно, но метался с места на место, ночь и день кричал и стонал беспрестанно.

Приводят его ко гробу святого поздним вечером, и проводит он ночь здесь у гроба святого. Когда же стало рассветать и после заутрени начинает иерей петь канон святому, тут понемногу начала болезнь отступать, как сам он рассказывал. При чтении же святого Евангелия прозрел человек тот. Когда спросили его там стоящие, видит ли он что-нибудь, он ответил: «Вижу людей как столбы, а огонь как кровь». Когда закончили петь канон святому, внезапно открылись глаза его и увидел он все ясно, как и прежде.

Преклоняется он пред образом владыки Христа Бога нашего с мольбой: «О скорый помощник, о усердный служитель, блаженный Сидор, помогший мне, недостойному! За святые твои молитвы ко Христу Богу нашему какую тебе хвалу и благодарность воздам? Не ведаю, как и назвать тебя, — источником ли вечнотекущих животворных вод, что, изливаясь, более наполняется, вычерпываемый нисколько не оскудевает; богатством ли неистощимым, или сокровищем нескудеющим?» Так, вдоволь помолившись, радуясь, уходит в дом свой, славя Бога и угодника его блаженного Сидора.

Не только сюда пришедшим через прикосновение к святому гробу дивного сего мужа или к одеянию, и окроплением святой водой бывают исцеления, но и дальним, которые с верой святое имя его призывают,

как сказал Господь: «Прославляющего меня прославлю», и еще сказал: «Если вы промолчите о благодеяниях Божиих, то и камни возопят». Потому-то, надеясь на милость Божию, молитвами праведного подкрепленные, постарались мы сколько было умения нашего написать несколько избранных чудес святого во славу и благодарность Христу Богу нашему и угоднику его, и молебнику за грехи наши, блаженному Сидору чудотворцу.

Похвала святому Сидору

Как смогу описать, о блаженный, твое житие, подобное ангельскому, и твои преславные чудеса я, многогрешный душою и телом, или как вложу жемчуг твоего святого имени в свои скверные уста, но все же надеюсь на твою кротость, о блаженный юродивый, и хоть немного изреку ныне во хвалу тебе.

Радуйся, светозарное солнце, на западе воссиявший и к востоку пришедший, утраченную прежде <духовную> родину нашедший. Радуйся, страдалец Христов непобедимый, но навеки победивший дьявола своим терпением. Радуйся, многие чудеса творящий от своего гроба, как источник вечнотекущих животворных вод. Радуйся, мудростью преисполненный, как живая сокровищница лишенный всякого порока и плотского желания. Радуйся, что небесным ум свой воодушевил и сердце свое предал всенощной молитве. Радуся, что мир тебя, жалкий юродивый, почитает блаженным, который житие по примеру Христа достойно проводил. Радуйся, что житие это земное прошел, днем глумясь над ним, ночью же оплакивая его. Радуйся, получивший взамен земного небесное. Радуйся, что, как тот древний Лазарь нищий, ныне покоишься в лоне Авраама. Радуйся тот, кто многострадальному Иову уподобился терпением.

Радуйся тот, кто в бедах и скорбях призывающим тебя охотно явился скорым наставником и заступником. Радуйся тот, кто, что пожелал, то и совершил, жизнь окончив и веру сохранив, и венец свой победный принял от всеобщего царя Христа Бога нашего, моли его за град свой, в котором добродетельно прожил и Господу угодил, и конца жития этого тленного достиг. О блаженный, помолись, как только ты смеешь, всеобщему царю Христу Богу нашему, чтобы избавились мы от грехов и бед, и напастей как душевных, так и телесных. Твоими молитвами и всех святых да удостоимся царства небесного, славя Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа ныне и вечно и во веки веков. Аминь.

Житие и жизнь святого… Исайи епископа Ростовского

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИСАЙИ ЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Святой Исайя, епископ Ростовский, занимает важное место в ряду святых, почитаемых русской церковью. Ростовский край, населенный в XI в., когда св. Исайя занимал здесь епископскую кафедру, неславянскими языческими племенами, еще только начинал принимать христианскую веру. Как известно, первый ростовский епископ Леонтий был убит язычниками, хотя в Житии Леонтия Ростовского, сохранившемся во множестве редакций и списков, ничего не говорится о мученической смерти первого ростовского епископа. После него Исайя Ростовский становится истинным просветителем, обратившим в христианство жителей Ростовской земли. Именно поэтому составитель жития святого сравнивает его подвижничество с деяниями апостолов, постоянно подчеркивает, что подвиг Исайи «равный со апостолы». Житие Исайи Ростовского сохранилось в двух редакциях: краткой и пространной. Пространная редакция памятника, вошедшая в состав майского тома *ВМЧ,* была создана на основе краткой, по мнению М. Д. Каган, в начале 1-ой четв. XVI в. для установления общерусского празднования памяти святого. Вскоре после этого составилась и служба св. Исайе, во многом отразившая содержание жития (см.: *Каган М. Д.* Житие Исайи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 279—280). Источниками для создания пространной редакции жития Исайи Ростовского наряду с текстом краткой редакции послужили также Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, Житие Феодосия Печерского. Текст памятника публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, лл. 427—428 об.).

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА МАЙЯ 15. ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ИСАЙЯ ЕПИСКОПА РОСТОВЬСКАГО ЧЮДОТВОРЦА

(Благослови), Господи!

Вѣнецъ убо многоцвѣтный, всякимъ украшениемъ цвѣтовным украшенъ, зрящимъ его многу свѣтлость подаваетъ, кииждо убо цвѣтъ своего образа видѣниемъ влечетъ к себѣ: овъ бѣлымъ образом просвѣщаетъ, инъ же чрьвленымъ, и багряным, и златозрачнымъ, и разно видѣние имѣютъ, въ едином же совокуплении. От много araматъ чюдоносно благоухание испущаютъ, изимающе злосмрадие от сердца вѣрных, сице убо житиа имѣющих и велие усвоение къ единому Богови желающе, како угоднаа ему сотворити и киимъ образомъ доити и видѣти горный Ерусалимъ и неизреченныа в немъ радости, и наслѣдити древле погубленное отечьство. И ови убо, отложивше плотьскую немощь и вземше крестъ на свое рамо, и Христови вослѣдоваша, постомъ, и молитвами, и многыми труды изноряюще свое тѣло, себе управивъ, иных научиша по евангельскому Господню словеси: «Иже сотворить, научить, сей велий наречется во Царствии Небеснемъ».[1] Яко и сей блаженый, о немже намъ нынѣ слово предлежить, не токмо себе управи къ Небесному Царствию, но иных со собою возведе. И съ дрързновениемъ

глагола къ своему Владыцѣ: «Господи, се азъ и дѣти, яже ми еси предалъ».[2] И отвѣщаетъ ему праведный Судиа: «Благий рабе, вѣрный, в малѣ бѣ вѣренъ, и над многими тя поставлю. Вниди в радость Господа своего».[3]

Время же есть изъоставити слово и, начало въсприимше, исповѣдати от святаго житиа. Сей убо блаженный Исайа от земля Рускиа от области Киевъския рождение и воспитание имѣя. И от юны верьсты миръ отставляетъ и Христа возлюби. И приходить убо в Печеръский монастырь, иже на Киевѣ, и тамо остризается. И всѣх долу вълекущих и тлѣнных мира сего отвержеся и съжителникъ бываетъ, во всемъ подражатель преподобному Феодосию. И превосходить многим постомъ, и молитвою, и всѣми добродѣтелми, и в телесѣ убо яко аггелъ являет, терпѣниемъ мужьства своего страсти телесныя побѣжаетъ, и крѣпкый воинъ Превышнему Царю является.

Якоже обычай убо нѣкогда имѣють земнии царие на рати храбръствовавшимъ воином болшее воеводство поручати, Господь же нашь, видѣвъ от блаженнаго сего супостата диявола побѣждена, и поручаетъ убо ему болшее пастырьство, яко да себе управъ, и иных наставить тещи къ Небесному Царствию, и великъ тамо наречется, и сугубь вѣнца восьприиметъ. В лѣто 6532-е родися у князя Ярослава сынъ Изяславъ. И того князя Изяслава бояринъ именемъ *Иоанн**[4]*** того сынъ часто прихожаше къ преподобному Антонью, и Феодосию, и Никону. И повелѣ Антоный Никону[5] пострищи его и нарече имя ему Варламъ. И приде нѣкто от князя кажникъ,[6] держа в дому его вся, моляся Антонью, хотя быти чернець. И повелѣ его Никону пострищи и нарече имя ему Ефрѣмъ. В лѣто 6559 постави князь Изяславъ в Киеве церковь, монастырь святаго Дмитрея, игумена Варлама постави, выведъ ис Печерьского монастыря, святому Дмитрею, а на его мѣсто постави Феодосиа в Печерский манастырь. И по Варламѣ игумени и по Божию устроению приходить убо благовѣрный князь Изяславъ, сынъ великаго князя Ярослава, в манастырь к преподобному Феодосию и просить у него блаженаго Исайю в манастырь святаго Дмитриа на игуменъство. Преподобный же Феодосий *же* даруетъ ему яко великий даръ сего блаженаго. Святый же Исайа, не хотѣ преслушаньа створити, исходить убо со княземъ. Князь же вкупе со блаженым приходить къ митрополиту Ивану. Митрополитъ же поставляетъ и на игуменьство в манастырь святаго Дмитреа в лѣто 6570-е.[7] Блаженый же приде в манастырь и бываетъ истинный пастырь и наставьникъ тамо живущей братьи, а не «якоже наимникъ, не радяй о овцах».[8] И вдаетъ убо себе на болший подвигъ, ревнуа апостольскому житию, благыми убо дѣлы душу просвещаа, тѣло изсушая, труды къ трудомъ прилагая, учениемъ же своимъ напаая вѣрных душа на истинный разумъ и къ Богу приводя.

Многия же его ради и добродѣтели избраниемъ Святаго Духа поставленъ бысть граду Ростову епископомъ в лѣто 6585-е от митрополита Ивана.[9] Достизаетъ убо своего престола блаженый и видить тамо люди новокрещени, не утвържени в вѣрѣ, якоже новосажденый виноград. Напааетъ убо тѣх своимъ учениемъ блаженый, возращаетъ в добродѣтелех и плод сторицею благому Владыцѣ приносить, якоже благый онъ рабъ.[10] И обходить убо и прочая грады

и мѣста, еже в Ростовьстеи и Суздальстии области, и невѣрных увѣщаетъ вѣровати въ Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа, и просвѣщаетъ их святымъ крещениемъ, вѣрных укрѣпляеть неподвижнымъ и непоколибимым быти вѣрѣ. Идѣже идолы обрѣтаетъ, вся огню предаяше и велико тщанье о томъ имѣяше, нищих же милуай, доволяа их пищею и одеждею и милосердуя о них яко чадолюбивый отецъ, и украшена обитель Духу Пресвятому являетъ ся, по всему ревнуя апостольскому житию.

И еликоже онъ тщася дѣло равно апостолом сотворити, толико Господь нашь Исус Христос праведный Судья даруетъ тому дар равенъ съ апостолы. Якоже убо славнии апостоли на облацех носими на преставльнье Божиа Матере,[11] такоже и сей блаженый облакомъ носимъ бысть на освящение храму Божиа Матере. И егда убо свершена бысть церкви Святыа Богородица манастыря Печерьскаго, иже на Киевѣ, и блаженому митрополиту Ивану уже к освящению тоя церкви приготовившуся, и во скорби и печали велицей бывает блаженый митрополитъ, яко ни единому не сущу с нимъ епископу на освященье чюдныя тоа церкве Божиа Матере, кыйждо бо епископъ во своей епископьи тогда пребываше, и разъстояниа мѣстомъ далече имѣющи. Блаженый же Исайа в Ростовѣ тогда пребываше. И во единъ убо от дний блаженому Исайѣ на молитвѣ стоящу, и внезапу юноша страшенъ предста во одежи свѣтлѣй, глагола ему: «Заутра, въ 14 месяца августа сьвящается церковь манастыря Печерьскаго, и митрополитъ вас ради в печали велиции. Будеши тамо на освящение!» Блаженый же воскорѣ воставъ и в ладью всѣд, пловяше. Нощи же пришедши, яже с нимъ людие в ладьи, и поучивъ их блаженый от Божественых Писаний и возлещи тѣмъ повелѣваетъ и почити мало от труда. И заутра бо вси со блаженым под градомъ Киевьским обрѣтаются, яко нѣкоею силою божественою носиму быти блаженому. Ярославны в чюдесех Исайа приходить к митрополиту Ивану. Митрополитъ же почюдився и вопрошаетъ блаженаго о пришествии его. Святый же Исайа глагола ему: «Вчера посланный от тебе прииде, владыка, и глагола ми: „Въ 14 месяца августа священется церковь Святая Богородица манастыря Печерского, и готовъ буди с митрополитомъ на освящение". Азъ же не смѣлъ преслушатися твоего, владыко, повелѣниа и се приидох». Тогда же и инѣи епископи приидоша на освящение, такоже повѣдаху, извѣсто же о семъ сказуетъ в Патерици Печерскомъ.[12] Митрополитъ же велми удивися преславному чюдеси, яко николиже посалалъ бяше по епископи. И вкупѣ священоть церковь Божиа Матери, и литургия свершають, и вси хвалу воздають Богу и Пречистѣй его Матери о преславномъ его чюдеси. Священа бысть церковь Печерьская Святаа Богородица митрополитом Иваномъ, и епископомъ Лукою бѣлогородскимъ,[13] и Иваномъ епископомъ черниговьскымъ, и Исайемъ епископомъ ростовьскымъ в лѣто 6597-е месяца августа 15 при благовѣрном князи Всеволоди державному Руськиа земля и чадома его Володимера Манамаха и Ростислава.

В се же лѣто преставися Иванъ митрополитъ. Бѣ же сей Иванъ хитръ муж книгамъ и ученья, милостивъ ко убогимъ и вдовицамъ, ласковъ и къ богату и убогу, смиренъ, кротокъ и молчаливъ, и речистъ, книгами

святыми утѣшая печалныа. И такова не бысть в Руси, и по немъ не будетъ.[14]

И паки святый Исайа не умедлено и скоро, яко на облацех носимъ бысть, поставленъ бысть в Ростовѣ у своего престола в дому Пречистыа, и упас порученное ему стадо Христово словесных овецъ, и къ Богу преставися, егоже измлада возлюби. И святаа и непорочная его душа от тлѣнныхъ и временных на вечная и нетлѣннаа приходитъ, блаженое же его тѣло погребено бываетъ въ церкви Святыа Богородица во градѣ Ростовѣ.

И по многих убо лѣтех, и по пожарѣ града Ростова, и по згорѣньи чюдныа и древяныа церкви, в лѣто 6672-е копающимъ ровъ каменнѣй церкви и обрѣтоша убо гробъ блаженаго Исайа.[15] Отверзъше же, и видѣша ризы и тѣло святаго цѣло и нетлѣнно. Прославиша Бога и Пречистую его Матерь, иже не токмо в житии семъ, но и по смерти прослави Богъ своего угодника святаго Исайа, яко толикими лѣты многими блаженаго ризы и тѣло тлѣнию бысть непричастно. И егда здѣлаша церковь, и полагают святаго въ притворѣ на правой странѣ, входя въ церковь. Многа же чюдеса тогда быша от святаго телеси. Многим же убо лѣтомъ приходящим, и в небреженьи бысть святаго гробъ, яко николиже въ притворѣ griot ономъ свещи горѣти у гроба святаго, или свѣщеннику приходити с кадиломъ ко гробу чюднаго и пребожественнаго того отца Исайа, но отынюдъ заключенъ бываетъ притворъ, идеже гробъ святаго. Но невозможно есть таковому свѣтилнику до конца покровену быти, по евангельскому словеси: «Никтоже убо свѣтилника въжегъ, покрываетъ его сосудомъ или под одромъ полагаетъ, но на свѣщникъ возлагаетъ, да входящеи видятъ свѣтъ».[16] И пребываетъ убо святаго гробъ лѣта многа в таковом небреженьи.

И по мнозѣ убо времени архиепископ тояже святыа соборныа церкви Божиа Матери видѣвъ образъ святаго Исайа почитаемъ и поклоняемъ от всѣх, гробъ же его заключенъ и в велицей небреженьи пребывающь, и отинуд памяти непричастенъ таковый свѣтилникъ. И велие попечение о семъ имѣаше истинный пастырь и велику тщету сий вменяше, яко таковому пречюдному отцу в таковемъ небреженьи на мнозѣ времени пребывающу. Любовию убо многою подвизаемъ, сердечнымъ желаниемъ и великымъ благодарениемъ, еже ко святому, благый Иона архиепископъ[17] в 15 майа сзываетъ священники тоя святыя церкви и, молитву сотворивъ, касается пречюднаго отца чюдотворному гробу, и преноситъ оттуду блаженаго в святых Исайа в лѣто 6882-е, и полагаетъ его с великою честию в новем гробе на тойже странѣ близъ дверей, иже от югу, идеже донынѣ с вѣрою приходящим ко гробу его подаетъ исцѣление. И сицевыа тогда глаголы святитель ко святителю, умиленнѣ взираа на гробъ, вещаше: «Коего убо похваленье по достоиньству принесемъ тебѣ, о святый отче, или каковыми пѣсньми воспоем тя в настоящей сей пресвѣтлый твой празьдникъ! Никтоже бо достойное достойнѣ похвалити можетъ. Но пременимся убо днесь от студености земныа, рекше от грѣха и житейскых попеченьи, и приидемъ на вышнее благоденьствие и красоту в нынешний день, сиречь притецемъ въ Божию Матере церковь. И не цвѣты видимыа нѣкыа и чювьстъвеныа

приносяще, иже зрѣниемъ точию красящеся и нас услаждающе, но похвалами и пѣсньми исполнь разумѣния своа душа, и почтемъ духовнѣ чюднаго отца память, телесная вся отложше. И любезно прирыщуще, целуемъ в раку честных его мощей, очима и тѣмены прикасающеся, и рукама обьемлюще, и со умилением ко гробу его припадающе, сице глаголемъ: „О всечестьнаа главо, святителю Божий, угодниче Сьпасовъ, избранниче Христовъ, блаженый Исайе! Не забуди нас, твоих рабъ собранныа ти паствы, и помяни нас во святых ти молитвах, имѣеши бо дрьзновение къ небесному Царю, и не презри нас, вѣрою и любовию чтущих всечестную ти память, не престаи о нас, молитву принося Христу Богу. Се бо мощей твоих гробъ очима нашима всегда видимъ есть, святая же душа невидима со аггельскими воинствы, и бесплотными лики, и с небесными силами у престола Вседержителева в лѣпоту достойну вселится убо, намъ сице ведущим, яко живу ти пребывающу и по смерти, тако бо пророку глаголющу: «Душа праведных в руци Божии».[18] «Сего ради приимуть царствие красоты и вѣнецъ от руки Господня».[19] Но, о блаженый учителю нашь, непрестай моляся о нас, с Богородицею и со святители предстояще престолу Христову, да молитвами вашими избудемъ от глада, и пагубы, и нахожениа иноплеменных, и от всѣх золъ, и здѣ богоугодно поживемъ, в будущемъ вѣцѣ со всѣми праведными и будемъ обещници вѣчных благ, славяще Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ, и присно, и в вѣкы вѣкомъ. Аминь"».

---

[1] *«Иже сотворить, научить, сей велий наречется во Царствии Небеснемъ».* — Мф. 5, 19.

[2] *«Господи, се азъ и дѣти, яже ми еси предалъ».* — Ср. Евр. 2, 13.

[3] *«Благий рабе, вѣрный... Господа своего».* — Мф. 25; 21, 23.

[4] *...Иоанн...* — В тексте жития имя боярина отсутствует. Восстановлено по соответствующему фрагменту источника — Жития Феодосия Печерского (см.: т. 1 наст. изд.).

[5] *...повелѣ Антоний Никону...* — В тексте *«...повелѣ Антонью и Никону...»;* исправлено по источнику (см. пред. комм.).

[6] *...кажник...* — Скопец.

[7] *...поставляеть и на игуменьство... в лѣто 6570-е.* — В некоторых списках жития назван 1067 г.

[8] *...истинный пастырь... «не радяй о овцах».* — Ср. Ин. 10, 11—13.

[9] *...поставленъ бысть граду Ростову епископомъ в лѣто 6585-е от митрополита Ивана.* — Год поставления св. Исайи на епископскую

кафедру в Ростове указан одинаково во всех списках жития — 1077. В то же время существуют источники, называющие иную дату, так, Летопись Тверская указывает 1072 г. Названный в житии митрополит Иоанн занимал митрополичью кафедру в 1080—1089 гг., а в 1068—1079 гг. митрополитом был Георгий. Все эти несоответствия свидетельствуют, по мнению М. Д. Каган, о позднем написании Жития Исайи Ростовского (см.: *Каган М. Д.* Житие Исайи Ростовского... С. 276).

[10] *...плод сторицею благому Владыцѣ приноситъ, якоже благый онъ рабъ.* — См. притчу о талантах — Мф. 25, 14—23.

[11] *...апостоли на облацех носими на преставльнье Божиа Матере...* — Сюжет восходит к апокрифическим сказаниям о Богородице (см., например, Слово св. Епифания на Рождество пресвятой Богородицы // *ВМЧ.* Сентябрь, дни 1—13. СПб., 1868. Стлб. 376—377).

[12] *И егда убо совершена бысть... в Патерици Печерскомъ.* — Источником этого сюжета в Житии Исайи Ростовского послужил рассказ об освящении церкви Богородицы из Киево-Печерского патерика (см.: т. 4 наст. изд.).

[13] *...Лукою бѣлогородским...* — В рукописи *«бѣлогодским»,* восстановлено на основании источника.

[14] *В се же лѣто преставися Иванъ митрополитъ и по немъ не будетъ.* — Этот фрагмент, имеющий явный вставной характер, выписан дословно из *ПВЛ* (см.: т. 1 наст. изд.).

[15] *...в лѣто 6672-е... обрѣтоша убо гробъ блаженаго Исайа.* — В Никоновской летописи назван 1162 г. обретения мощей Исайи Ростовского.

[16] *Никтоже убо свѣтилника въжегъ... видятъ свѣтъ».* — Лк. 8, 16.

[17] *...Иона архиепископъ...* — Имя архиепископа названо неверно, в 1467—1481 гг. архиепископом ростовским был Вассиан Рыло.

[18] *«Душа праведных в руци Божии».* — Ср. Прем. 3, 1.

[19] *«Сего ради приимуть царствие... и вѣнецъ от руки Господня».* — Ср. Прем. 5, 16.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ 15. ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИСАЙИ ЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

<Благослови>, Господи!

Венец многоцветный, всяких цветов красотой украшенный, видящим его великую радость приносит, каждый цветок своим обликом влечет к

себе: один белым цветом сияет, другой же красным, и багряным, и золотистым, и разный вид они имеют, в едином же великолепии соединены. Множеством ароматов чудоносное благоухание они испускают, изымая злосмрадие из сердец верующих, таковое житие имеющих и большего приближения к единому Богу желающих, чтобы угодное ему сотворить и чтобы дойти и увидеть горний Иерусалим и несказанные его радости, и достигнуть в древности погубленного отечества. И те, забыв о плотской немощи и возложив крест на свои плечи, Христу последовали, постом, и молитвами, и многими трудами изнуряя свое тело, себя направив, иных научили по евангельскому Господню слову: «Кто сотворит, научит, тот великим наречется в Царствии Небесном». Так и сей блаженный, о котором нам ныне слово предстоит, не только себя направил к Небесному Царствию, но и иных с собой возвел. И с дерзновением сказал своему Владыке: «Господи, вот я и дети, которых ты дал мне». И отвечает ему праведный Судья: «Добрый раб, верный, в малом был ты верен, и над многими тебя поставлю. Войди в радость Господа своего».

Время же пришло оставить рассуждение и начать повествование о житии святого. Сей блаженный Исайя родился и воспитан был в земле Русской в области Киевской. И с юных лет мир оставил и Христа возлюбил. И приходит в Печерский монастырь, что в Киеве, и там постригается. И от всего низменного и тленного в этом мире отрекается и становится сподвижником и во всем подражателем преподобному Феодосию. И преуспевает во многом посте, и молитве, и во всех добродетелях, являясь обликом своим подобен ангелу, и становится сильным воином Превышнему Царю, терпением страсти свои телесные побеждая.

Как обычай порой имеют земные цари в битве проявившим храбрость воинам большие воинские чины давать, так и Господь наш, видя, что блаженный сей супостата дьявола побеждает, поручает ему большее пастырство, дабы, себя направив, и иных научил стремиться к Небесному Царствию, и великим там был назван, и двойной венец воспринял. В лето 6532 (1024) родился у князя Ярослава сын Изяслав. И того князя Изяслава боярина именем Иоанна сын часто приходил к преподобному Антонию, и Феодосию, и Никону. И повелел Антоний Никону постричь его и дал имя ему Варлам. И пришел от князя некий скопец, управлял он всем в доме его, умолял Антония, желая стать чернецом. И повелел <Антоний> его Никону постричь и дал имя ему Ефрем. В лето 6559 (1051) основал князь Изяслав в Киеве церковь, монастырь святого Дмитрия, и игуменом <монастыря> святого Дмитрия Варлама поставил, выведя <его> из Печерского монастыря, а на его место поставил Феодосия в Печерском монастыре. И по <преставлении> Варлама игумена по Божию устроению приходит благоверный князь Изяслав, сын великого князя Ярослава, в монастырь к преподобному Феодосию и просит у него блаженного Исайю в монастырь святого Дмитрия на игуменство. Преподобный же Феодосий дарит ему как великий дар сего блаженного. Святой же Исайя, не желая преслушания сотворить, уходит с князем. Князь же вместе со блаженным приходит к митрополиту Ивану. И митрополит поставляет его на игуменство в монастырь святого Дмитрия в лето 6570-е (1062).

Блаженный же приходит в монастырь и становится истинным пастырем и наставником живущей там братии, а не «наемником, не радеющим об овцах». И устремляет себя на больший подвиг, ревнуя апостольскому житию, благими делами душу просвещая, тело иссушая, труды к трудам прилагая, учением же своим направляя души верных на истинный разум и к Богу <их> приводя.

И за многие его добродетели избранием Святого Духа поставлен был <святой Исайя> митрополитом Иваном в епископы города Ростова в год 6585 (1077). И достигает блаженный своего престола и видит там людей новокрещеных, в вере не утвердившихся, будто новосажденный виноград. Насыщает же их своим учением блаженный, взращает в добродетелях и плод сторицею благому Владыке приносит, как тот добрый раб. Отходит <святой> и прочие грады и веси в Ростовской и Суздальской землях и неверных увещает веровать в Святую Троицу: Отца и Сына и Святого Духа, и просвещает их святым крещением, верных же убеждает стойкими и непоколебимыми быть в вере. Где же идолов обретает, всех огню предает и великую заботу о том имеет, нищих же милует, подавая им пищу и одежду и милосердуя о них как чадолюбивый отец, и прекрасной обителью Духу Святому являет себя, во всем уподобляясь апостольскому житию.

И потому как он стремился дело, равное апостольским <деяниям>, сотворить, то и Господь наш Иисус Христос праведный Судья дарует ему дар, равный с апостолами. Как славные апостолы на облаках перенесены были на преставление Божией Матери, так и сей блаженный облаком перенесен был на освящение храма Божией Матери. Ибо, когда была поставлена церковь Святой Богородицы Печерского монастыря в Киеве, и блаженный митрополит Иван уже к освящению той церкви приготовился, но в скорби и печали великой пребывал блаженный митрополит, так как ни одного не было с ним епископа для освящения чудной той церкви Божией Матери, все епископы в своих епископьях тогда находились, а расстояния до тех мест велики были. Блаженный же Исайя в Ростове тогда пребывал. И в один из дней, когда блаженный Исайя на молитве стоял, внезапно явился <ему> юноша удивительный в светлой одежде, сказал ему: «Завтра, 14 августа, освящается церковь монастыря Печерского, и митрополит из-за вас в печали великой <пребывает>. Будь там на освящении!» Блаженный же быстро встал и, в корабль сев, поплыл. Когда же настала ночь, поучил блаженный людей, на корабле с ним бывших, словами Божественного Писания и повелел им прилечь и отдохнуть немного от трудов. И на утро все со блаженным оказываются под градом Киевом, будто некою силой божественной перенесен был блаженный. Преславный в чудесах Исайя приходит к митрополиту Ивану. Митрополит же удивился и спрашивает блаженного о приходе его. Святой же Исайя ответил ему: «Вчера посланец от тебя приходил, владыко, и сказал мне: «14 августа освящается церковь Святой Богородицы монастыря Печерского, будь готов к освящению <той церкви> с митрополитом». Я же не посмел ослушаться твоего, владыко, повеления и вот пришел». Тогда же и другие епископы прибыли на освящение и также поведали, об этом подробно повествуется в Патерике Печерском. Митрополит же очень удивился преславному

чуду, поскольку никогда не посылал <никого> за епископами. И <все> вместе освящают церковь Божией Матери, и литургию служат, и все хвалу воздают Богу и Пречистой его Матери за преславное его чудо. Освящена же была церковь Печерская Святой Богородицы митрополитом Иваном, и епископом Лукой белогородским, и Иваном епископом черниговским, и Исайей епископом ростовским в лето 6597-е (1089) месяца августа 15 при благоверном державном князе Русской земли Всеволоде и детях его Владимире Мономахе и Ростиславе.

В том же году преставился Иван митрополит. Был же Иван <митрополит> сведущ в книгах и в ученье, милостив ко убогим и вдовицам, ласков к богатому и убогому, смирен, кроток и молчалив, но и речист, когда <поучениями> из книг святых утешал печальных. И не бывало такого <прежде> в Руси, и после него не будет.

И вновь святой Исайя незамедлительно и скоро, будто на облаках перенесен, возвращен был в Ростов к своему престолу в дом Пречистой, и упас порученное ему стадо Христово словесных овец, и к Богу преставился, которого измлада возлюбил. И святая и непорочная его душа от тленного и временного к вечному и нетленному отходит, блаженное же тело его погребают в церкви Святой Богородицы в городе Ростове.

И через много лет, после пожара в городе Ростове, после того как <во время этого пожара> сгорела чудная деревянная церковь, в лето 6672-е (1164) копали ров для каменной церкви и обрели гроб блаженного Исайи. И, открыв <его>, увидели ризы и тело святого цело и нетленно. Прославили Бога и Пречистую его Матерь, ведь не только при жизни, но и после смерти прославил Бог своего угодника святого Исайю, ибо так много лет блаженного ризы и тело нетленными сохранялись. И, когда создали церковь, положили святого в притворе на правой стороне при входе в церковь. И много чудес происходило тогда от тела святого. И прошло много лет, и в небрежении находился гроб святого, так что и свеча никогда не горела в том притворе у гроба святого, ни священник не приходил с кадилом ко гробу чудного и пребожественного отца Исайи, да и вовсе закрыт был притвор, где помещен гроб святого. Но невозможно такому светильнику до конца сокрыту быть, по евангельскому слову: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом или не ставит под кровать, но ставит на подсвечник, дабы входящие видели свет». И пребывает святого гроб долгое время в таковом небрежении.

И спустя много лет архиепископ той же святой соборной церкви Божией Матери увидел, что образ святого Исайи почитаем всеми и все <ему> поклоняются, гроб же его закрыт и в великом небрежении пребывает, и совершенно забыт таковой светильник. И великую заботу об этом возымел истинный пастырь и большой утратой почел то, что сей пречудный отец в таковом небрежении так много времени находится. И любовию великою движим, сердечным желанием и великой благодарностью ко святому, благой Иона архиепископ 15 мая созывает священников той святой церкви и, молитву сотворив, прикасается к чудотворному гробу пречудного отца и переносит оттуда

блаженного во святых Исайю в лето 6882-е (1174), и полагает его с великими почестями в новый гроб на той же стороне около южных дверей, где же и доныне с верою приходящим ко гробу его подает <святой> исцеление. И такие тогда слова святитель святителю, умиленно взирая на гроб, произнес: «Какую похвалу по достоинству принесем тебе, о святой отче, и какими песнопениями воспоем тебя в нынешний пресветлый твой праздник! Ведь никто достойное достойно похвалить не может. Но отойдем сегодня от холода земного, то есть от греха и житейских забот, и приблизимся к высшему благоденствию и красоте в нынешний день, то есть притечем к церкви Божией Матери. И не цветы видимые и ощутимые принесем, которые образом только красоту являют и нас услаждают, но похвалами и песнопениями наполним <все> помышления своей души и почтем духовно чудного отца память, отложив все телесное. И, с любовью приблизившись, целуем раку с честными его мощами, очами и челом прикасаясь, и руками обнимая, и со умилением ко гробу его припадая, так скажем: «О всечестная глава, святитель Божий, угодник Спасов, избранник Христов, блаженный Исайя! Не забудь нас, твоих рабов, собранной тобой паствы, и помяни нас во святых твоих молитвах, ведь ты имеешь дерзновение к Небесному Царю, и не презри нас, верою и любовью почитающих всечестную твою память, приноси непрестанно о нас молитву Христу Богу. Гроб с мощами твоими всегда пред очами нашими, святая же душа твоя невидима, ибо с ангельским воинством, и бесплотными ликами, и с силами небесными у престола Вседержителя в подобающем <тебе> блаженстве вселится, знаем мы, что и по смерти ты жив пребываешь, ибо так сказал пророк: «Души праведных в руке Божией». «Посему примут они царство красоты и венец от руки Господней». Но, о блаженный учитель наш, молись о нас непрестанно, с Богородицею и со святителями предстоя перед престолом Христовым, чтобы молитвами вашими спасены были от голода, и погибели, и нашествий иноплеменников, и от всех зол, и чтобы, здесь богоугодно пожив, в будущем веке смогли стать со всеми праведниками причастниками вечных благ, славя Святую Троицу: Отца и Сына и Святого Духа ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Слово, как подобает в церкви стоять со страхом и боязнью

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО (О ТОМ), КАК ПОДОБАЕТ В ЦЕРКВИ СТОЯТЬ СО СТРАХОМ И БОЯЗНЬЮ

Это слово также заимствовано для *ВМЧ* из состава древнерусского Пролога. Текст публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, л. 433 об.).

ОРИГИНАЛ

17 МАЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО, КАКО ДОСТОИТЬ У ЦЕРКВИ СТОЯТИ СО СТРАХОМ И БОЯЗНИЮ

Всякому, вѣровавшему къ Богу, аггелъ Господень приходить, аще мы дѣлы злыми не отженемъ его. Якоже пчелы дымъ прогонить, и голубь прогонить злый смрад, такоже и хранителя животу нашему аггела многозлый смрадный грѣхъ отлучаетъ. «Не даждь бо, — рече, — на подвижение ногы твоеа, да не воздремлеть храняй тя».[1] Якоже кто цареви предстоя и бесѣдуя с нимъ, и призвавшу отрока своего и, оставль царя, к рабу своему бесѣдуетъ, тако и человекъ в пѣнии своемъ блядый и глумяся во умѣ своемъ. Поразумѣимъ убо нынѣ, братие, како прѣдстоимъ! Якоже аггели со страхомъ и трепетомъ прѣдъстоять, поюще, тако и мы длъжни есмы чистымъ сердцемь со страхомъ и трепетомъ предстояти въ пѣнии нашем во время молитвы нашеа.

---

[1] *«Не даждь бо, — рече, — на подвижение ногы твоеа, да не воздремлеть храняй тя».* — Пс. 120, 3.

ПЕРЕВОД

17 МАЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО <О ТОМ>, КАК ПОДОБАЕТ В ЦЕРКВИ СТОЯТЬ СО СТРАХОМ И БОЯЗНЬЮ

Ко всякому, уверовавшему в Бога, ангел Господень приходит, если мы делами злыми не отгоним его. Ибо, как пчелу дым прогоняет, и голубя прогоняет злой смрад, так и хранителя жизни нашей ангела исполненный зла тяжкий грех отвращает. «Не дай, — сказано, — поколебаться ноге твоей, и не воздремлет хранитель твой». Подобно тому как, если бы некто, стоя перед царем и беседуя с ним, призвал раба своего и, оставив царя, с рабом стал говорить, — <поступает> и человек, в пении своем <перед Богом> блудливый и глумящийся в уме своем. Поразмыслим же ныне, братья, как предстоим <перед Господом>! Как ангелы со страхом и трепетом предстоят, поюще, так и мы должны чистым сердцем со страхом и трепетом предстоять в пении нашем во время молитвы нашей.

Слово из Патерика о пьянстве

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА О ПЬЯНСТВЕ

Слово о пьянстве, читающееся в *ВМЧ* под 17 мая, заимствовано из древнерусского Пролога, в состав которого оно вошло из переводного патерика — поучительно-назидательного сборника. Текст публикуется по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийской собр., № 1321, л. 433).

ОРИГИНАЛ

В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ОТ ПАТЕРИКА О ПЬЯНЬСВѢ

Молю же всякого человека, хотящаго дати покаяние Богу, хранити себе от многа вина, то бо воздвизаетъ вся похоти въ человецѣ, изгонить страхъ Божий от душа. Обаче всею силою проси от Бога, да подасть ти страх свой, да желаниемъ твоим, еже къ Богу, погубиши вся похоти, борющая противу окааннѣй души, хотяща разлучити ю от Бога, да наслѣдують ю, сего ради творять силою своею борющеся со человекомъ. Внимай себѣ! Аще мысль твоа стрекнеть тя, яко брат твой имать нѣчто на тя, не замедли, но скоро въставъ, вижь вещь. Аще понудить тя помышление, не брещи о нихъ, но дажь покаяние брату своему со умиленымъ гласомъ дондеже умириши ся с ним.[1] Не буди жестосердъ на брат свой, но трудися с нимъ, да не погубиши мьзды своеа. Аще творять ти дѣмони молву о пищи и о ядении, и о велицѣ нищетѣ, не отвѣщай имъ, но поручи себе Богови всѣмъ сердцемъ своимъ, и почиеши.

---

[1] *Аще мысль твоа стрекнеть тя... умириши ся с ним.* — Ср. Мф. 5, 23—24.

ПЕРЕВОД

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО ИЗ ПАТЕРИКА О ПЬЯНСТВЕ

Молю всякого человека, желающего принести покаяние Богу, хранить себя, <не упиваться> вином, ибо оно пробуждает все похоти в человеке, изгоняет страх Божий из души. Но всею силою проси у Бога, чтобы подал тебе страх свой, тогда стремлением своим к Богу погубишь все похоти, одолевающие окаянную душу, желающие отлучить ее от Бога, чтобы завладеть ею, и потому всею силою терзающие человека. Внимай себе! Если помыслишь, что брат твой таит что-то на тебя, не замедли, но скоро встав, подумай о причине. Если, подумав, поймешь, не заботься о том, но принеси покаяние брату своему со умилением, пока не помиришься с ним. Не будь жестокосердным к брату своему, но трудись с ним, тогда не погубишь доли своей. Если шепчут тебе демоны о пище, и о вкушении, и о великой нищете, не отвечай им, но поручи себя Богу всем сердцем своим, и успокоишься.

Память благоверного царя Константина и матери его Елены

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

ПАМЯТЬ БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ

Византийские святые Константин Великий и его мать Елена почитаются православной церковью как государственные деятели, способствовавшие утверждению христианства. Константин Великий (Гай, по другим источникам Марк, Флавий-Валерий) родился 27 февраля 274 г. в г. Нессе. Став императором, он, официально придерживаясь нейтралитета в отношении язычества и христианства, всячески способствовал соединению государства с христианской церковью. Еще не став христианином, Константин Великий председательствовал на первом Вселенском соборе, состоявшемся в 325 г. в Никее и вошедшем в историю православия прежде всего как собор, официально осудивший арианскую ересь. Константин дал христианское воспитание своим сыновьям, возвел множество христианских храмов в Риме, Константинополе, Палестине. Перед смертью в 337 г. Константин принял крещение. Его мать, святая Елена, также много сделала для утверждения христианской веры, создавая храмы в Риме и Палестине. Самым значительным христианским подвигом св. Елены стало обретение ею пещеры Гроба Господня (см. коммент.). Святая Елена умерла в 327 г., по преданию, монахиней.

Житие Константина и Елены имеет много вариантов как в греческой, так и в славянской традиции. Эти варианты отличаются прежде всего различным числом легенд о христианских подвигах св. Константина. Полного текстологического исследования славянской традиции Жития Константина и Елены на сегодняшний день не существует. Публикуемое краткое житие святых избрано для *ВМЧ из* древнерусского Пролога. Оно помещено *в ВМЧ* под 21 мая — днем поминовения св. Константина и Елены — в ряду других памятников, посвященных этим святым. Текст издается по Софийскому списку *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1321, л. 452).

ОРИГИНАЛ

21 МАЯ. МЕСЯЦА ТОГО ЖЕ ВЪ 21 ДЕНЬ. ПАМЯТЬ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА И МАТЕРЕ ЕГО ЕЛЕНЫ

Си блаженнаа Елена бысть от града, нарицаемаго Серпа, от предѣлъ Персьскых. Рожешися от отца Феодора еллина суща и матере, такоже нарицаемы Елены, въ царство Диоклитиана.[1] Тогда Костя Зеленый[2] епаршеский предрьжа санъ. Посланъ же бысть въ Персы мира дѣля. И дошед града Серпа, отбита у Феодора Гостинника, и проси, да ему обрящеть дѣвицу блуда ради. Феодоръ же, не обрѣтъ, приведе свою дщерь ему, дѣвою сущи, Елена. Ти яко бысть полунощи, бысть знамение велико, явися солнце посреди небесе, стоа и лучя испущаше на нею. Утро же дасть багряную свою ризу Еленѣ, рекъ оцу еа: «Аще родить дѣвица младенца, приведи и съ материю ко мнѣ». По времени же роди Елена мужскъ полъ. И пакы послани быша скороходци от Диоклитияна в Персы, и обиташа у Феодора, оца Еленина. И видѣвше Костянтина уна суща, разгнѣваша и о нѣкоей вещи. Младенцу же плачющуся со слезами. Елена же претяше посолникомъ и, багряницу цареву показающи, устраши а. Они же, давше младенцу сребро, утѣшиша и. И пришедше в Римъ, возвѣстиша Костѣ уже кесаремъ суща, и пославъ, приведе Елену съ сыномъ. И такою виною бысть Елена царица. По благоволению же Божию предасть Богъ трии царства Костянтину, сынови еа: Римское, и Гречьское, и Ерусалимское.

По смотрению же Божию отрудоватѣ Костянтинъ и искаше от врачевъ исцѣлениа и от волхвъ помощи. И глаголаша ему волсви собрати новороженыя младенец и, заклавше, исполнити лоханю крови: «И в томъ измывся, исцѣлѣеши от недуга». Сведенымъ же матеремъ со младенци до 300. И явисьтася ему в ложници Петръ с Павлом, Христова апостола, и рѣста царю: «Аще хощеши здравъ быти, то не с крови человеческой, но взыщи мужа християна именемъ Силивесьтра, и тъй сотворить купѣль, якоже вѣсть, и ицѣлить тя». Царь же повелѣ отпустити младенци от смерти и, взыскавъ, обрѣте Селивестра и сказа ему видѣние. Селивестръ же, разумѣвъ духомъ, и наполни лоханю воды и сотвори молитву крещениа, погрузи царя въ водѣ и крести и во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. И спадоша ему струпы яко чешюи от тѣла, и изыде от лоханѣ, очищься от недуга, и бысть плоть его яко отрочяти млада. Тою виною християнъ бысть Костянтинъ.[3] Крести же ся и мати его Елена и множество людии.

Блаженая же Елена созда церкви, и святых мощи собра, и шедши во Иерусалимъ, обрѣте крестъ Христовъ и копие, прободшее святая ребра, и гвоздиа, вобиеная въ пречистѣи руцѣ Христовѣ.[4] И добрѣ поживше, преставися к Богу от славы въ славу и от жизни в вѣчную жизнь. Костянтинъ же царствовавъ лѣтъ 32, и Христови предавъ царство, с миром почи.

---

[1] *...Елена бысть от града, нарицаемого Серпа, от предѣлъ Персьскых... въ царство Диоклитиана.* — Св. Елена родилась ок. 244 г. Источники обнаруживают разные сведения о месте рождения святой, так, согласно

английским хроникам, она была дочерью короля Британии, греческие агиографы называют ее дочерью трактирщика из Никомидии.

[2] *...Костя Зеленый...* — Констанций Хлор (Флавий-Валерий, сер. III в. — июль 306). Летопись сообщает: «Зеленый же наречен бысть бледности ради лица его» (см.: *ПСРЛ.* Т. 22. Ч. 1. С. 262). Диоклитианом был назначен цезарем Запада, помощником Максимиана. В 293 г. был усыновлен Максимианом, для чего ему пришлось развестись с Еленой, как с женщиной низкого происхождения.

[3] *Тою виною християнъ бысть Констянтинъ.* — Легенда о крещении Константина имеет традиционный сюжет об исцелении погружением в крестильную купель. Хроники же указывают, что Константин Великий принял крещение перед самой смертью в 337 г. в Никомидии.

[4] *...Блаженая же Елена созда церкви... пречистѣи руцѣ Христовѣ.* — В 325 г. Елена предприняла путешествие в Палестину, во время которого ей удалось разыскать пещеру Гроба Господня и крест, на котором был распят Иисус Христос. За два столетия до этого события по приказу императора Адриана пещера Гроба Господня была засыпана и над ней даже были воздвигнуты храмы в честь Юпитера и Венеры. Однако раскопки св. Елены оказались удачными, и на месте вновь обретенной святыни была создана церковь, освященная 14 сентября 335 г.

ПЕРЕВОД

21 МАЯ. МЕСЯЦА ТОГО ЖЕ В 21 ДЕНЬ. ПАМЯТЬ БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА И МАТЕРИ ЕГО ЕЛЕНЫ

Блаженная Елена <родом> была из города Серпа, из земли Персидской. Родилась же от отца Феодора грека и матери, также именем Елены, в царство Диоклетиана. В то время Конста Зеленый был верховным епархом. Послан был он в Персию для заключения мира. И дошел до города Серпа, отбитого у Феодора Гостинника, и велел Феодору найти ему девицу блуда ради. Феодор же, не найдя, привел ему свою дочь, девицу Елену. И около полуночи случилось знамение великое, взошло солнце посреди небес, стояло <высоко> и испускало лучи на них. Наутро же дал <Конста> багряную свою ризу Елене и сказал отцу ее: «Если родит девица младенца, приведи его с матерью ко мне». Когда подошло время, родила Елена мальчика. И снова посланы были гонцы от Диоклетиана в Персию, и побывали у Феодора, отца Елены. И увидели они Константина, юного возрастом, и чем-то раздразнили его. Младенец же горько расплакался. Елена разбранила посланников и устрашила их, показав им царскую багряницу. И они, дав младенцу серебро, утешили его. И, вернувшись в Рим, сообщили <о младенце> Консте, уже ставшему цезарем, и он послал <людей>, и привели Елену с сыном. И так стала Елена царицей. По благоволению же Божию были поручены три царства Константину, сыну ее: Римское, и Греческое, и Иерусалимское.

По промыслу же Божию заболел Константин и искал у врачей исцеления и у волхвов помощи. И сказали ему волхвы собрать

новорожденных младенцев и, убив их, наполнить лохань кровью: «И ты, омывшись в той крови, исцелишься от недуга». И были созваны до 300 матерей со младенцами. И явились ему во сне Петр и Павел, Христовы апостолы, и сказали царю: «Если хочешь исцелиться, то не кровью человеческой, но найди мужа христианина по имени Селивестр, и тот сотворит купель, как ему ведомо, и исцелит тебя». Царь же повелел избавить младенцев от смерти и, поискав, нашел Селивестра и пересказал ему видение. Селивестр же, провидя духом, наполнил купель водой и, сотворив молитву крещения, погрузил царя в воду и крестил его во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И сошли с его тела струпья, как чешуя, и вышел из лохани, исцеленный от недуга, и стало тело его, как у ребенка. И так стал христианином Константин. Крестилась же и мать его Елена и множество людей.

Блаженная же Елена создала церкви, и святых мощи собрала, и, пойдя в Иерусалим, обрела крест Христов и копье, прободшее святые ребра, и гвоздья, вбитые в пречистые руки Христовы. И, благочестиво пожив, преставилась к Богу, от славы к славе и от жизни <земной> к вечной жизни. Константин же царствовал 32 года, и, предав царство Христу, с миром почил.

Мучение святого и прославленного великомученика Христова Георгия Нового...

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой

ВСТУПЛЕНИЕ

МУЧЕНИЕ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ХРИСТОВА ГЕОРГИЯ НОВОГО...

Житие Георгия Нового является русской версией болгарского Жития, созданной в 1538—1539 гг. новгородско-псковским книжником, пресвитером домовой крестовой церкви архиепископа Макария Ильей. Болгарское Житие Георгия Нового написано в первой четверти XVI в. софийским книжником — попом Пейо. Пейо был очевидцем событий, и сам принимал участие в судьбе 18-летнего болгарского патриота, помогая ему укрываться от преследований турецких властей, принуждавших его принять мусульманство и вступить в войска янычаров. Изуверства турецких религиозных фанатиков закончилось сожжением болгарского юноши на костре в Софии в 1515 г. По рассказу Пейо, похороны останков замученного молодого болгарина вылились во всенародное торжественное чествование национального героя. Содержание болгарского Жития Георгия Нового (Болгарского) стало известно в Новгороде от болгарских монахов Митрофана и Прохора, прибывших в Россию с Афона, очевидно за «милостыней». Житие нового болгарского святого произвело на Макария сильное

впечатление, и он поручил Илье-пресвитеру записать его для Великих Миней Четьих.

В отличие от болгарского автора новгородский книжник в стремлении соблюсти традиционные житийные каноны значительно грешит в своем повествовании против некоторых подробностей. Однако в целом русская переработка Жития Георгия Нового сохраняет ценность как исторический источник, в котором содержится рассказ о турецком засилии на Балканах в XVI в., о несправедливостях турецкого суда, о насилиях при наборах в янычары и проведении политики религиозной ассимиляции.

Текст публикуется по Царскому списку майской минеи *(ГИМ,* Синод. собр., № 180 (802), лл. 1140—1144 об.).

ОРИГИНАЛ

26 МАЯ. МЕСЯЦА МАЙЯ В 26 ДЕНЬ. МУЧЕНИЕ СВЯТАГО И СЛАВНАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ХРИСТОВА ГЕОРГИЯ НОВАГО, МУЧИВШАГОСЯ В СЕРДЦѢ ГРАДѢ БОЛГАРСКОМЪ.[1] *СТИХ* СВЯТИХ: АЩЕ УБО И ОГНЕМ ИСКУСИСЯ, ГЕОРГИЕ, И ЗА ХРИСТА КРОВЬ СВОЮ ПРОЛИА, И НЫНѢ ЖЕ СО АГГЕЛЫ ПРЕСТОЛУ СВЯТѢЙ ТРОИЦЫ ПРЕДСТОЯ И МОЛИ ЗА ЧТУЩАЯ ТЯ

Благослови, отче!

Иже апостольстии намѣстсницы суть и приемницы дару и силѣ, пастуси же и учители освящениа, даръ Святаго Духа приемше, и чюдотворными силами и добрыми же учении невѣрныа убо просвѣщаху и заблудившая же обращаху ко истинѣ. Аз же смиреный, ни чюдесъ, ни учении дара прием. Да откуду убо?! Кто ми подасть пространство разума, еже изложити начальство повести сеа, понеже бо недостоинъ сый, жизни сея сладость любя. И хощю подобитися приемшимъ даръ Святаго Духа, но обаче надѣюся на сих молитвы и вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицы единаго Бога славимаго, и от Него помощи прошю на отверзение устъ моих. Сам бо рече Христос Сынъ — Слово Божие, рожеися без сѣмене от Святыа Девица: «Не можете творити ничтоже, аще не дано будет от Отца Моего свыше!»[2] И сице же и аз, убогий, помощию Святыа Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и молитвами святаго великомученика Георгиа Новаго, о нем же и слово повести начнем.

В царство благочестиваго и христолюбиваго великаго князя Иоана Васильевича, самодръжца всея Великиа Русии, тогда же убо правящу кормила церковнаа в Великом Новѣградѣ святейшому архиепископу Макарию. К сему приидоша в Великий Новъград от Святыа горы Афоньские от монастыря святаго великомученика Христова Георгиа, иже от Капподокиа, глаголемаго Протатиа, два мниха. Единъ — прозвитеръ саном, именемъ Митрофан, а другий — Прохоръ.[3] Архиепископъ же сихъ любовнѣ прият, якоже бѣ ему обычай странныа приимати, и почти их.

Бѣ бо во всѣх добродѣтелех сей муж совершенъ, святейший Макарие, и в мѣру возраста исполнениа Христова пришед,[4] не токмо бо странныа приимая и нищаа одевая и кормя, но и мучениколюбецъ сый. Понеже изрядно бѣ дѣло его, яко пчелѣ — сладость, отвсюду приносити и воедино собирати житиа,[5] иже в постѣх просиявших древних святыхъ, и мучениа, иже за Христа кровь свою пролиявшихъ, иже и не пред многими лѣты бывшихъ. Мнози бо от святых забвению предани быша, яко солнцю свѣтозарному мракомъ помрачающися и на вселенную не свѣтящу, и яко звѣздамъ небеснымъ на высотѣ облакомъ покрываемым, и яко злату, и бисеру, и камению многоцѣнному перьстию и прахом погребену. Сих убо святитель под спудомъ не скрывает, но на свѣщникъ добродѣтели их возлагает, якоже и выше рѣхомъ.

И почтивъ два оны мниха, и простре с ними слово к бесѣдѣ, и нача их вопрошати, како стоит христианьство и не велика ли нужа от поганых. Они же многа сказаша безбожных онѣх сквѣрных срачинъ насилиа и гонениа на христианы и повѣдаша о подвизѣ и мучении святаго и славнаго великомученика Георгиа Новаго. Архиепископъ же, яко услыша от нихъ, и въсхотѣ извѣстно увѣдати, како и коим образомъ мученъ бысть, и моля их повѣдати. Они же начаша страданиа мученика и подвизи исповѣдовати подробну, друг другу свѣдѣтельствующе.

Бысть бо, — рече, — въ царство нечестиваго, и безбожнаго, и сквернаго царя Селима турьскаго.[6] Сей бо нечестивый царь велико гонение и насилие потаено на христианы подвиже, яко никий же от древних гонителей, ни от царей нечестивых тако сотвори. Древнии бо явьствено гонениа подвигоша на христианы, и многи мученики в та времена показаша ся. Сей же нечестивый и скверный, по истинѣ Антихристовъ предтечя, яко змиа, хапая и пожирая дѣти христианьскиа, мужеский пол, скровено, нѣкоторымъ ухищрениемъ. Посылает бо посланники своа и писари по своей по всей области, по многим царствамъ на третее лѣто и повелѣвает ѣздити с воины, идѣже суть христианьскаа жилища. И аще убо обрѣтаху у коего христианина три сыны, и взимают два на царя, третьего же оставляют родителем его. Или, аще единъ будет у коего христианина, и того на царя же емлют насилиемъ. И збирает тѣх дѣтей христианьских до двунадесяти тысящь, а иногда и до двадесяти тысящь от пяти лѣт или от десяти (вящьша же сихъ и нижайша не взимают), и приводята ко царю. Царь же повелѣвает ихъ обрѣзати в свою сквѣрную и нечестивую вѣру талышманом своимъ, рекше попомъ, и дербышемъ, рекше игуменом, и шехом, рекше архимандритом, и сеитомъ, рекше владыкамъ. Они же вся творят над ними, по повелѣнию цареву: и обрѣзают ихъ в нечестивую срачиньскую вѣру, и научаютъ их Махметовы прелести учениемъ. И потомъ повелѣвает ихъ царь по училищем учити всякому ратному дѣлу: и бою, и на конѣх урыстанию. И велику честь воздасть имъ царь, егда постигнут в мужеский возрастъ: и нарѣчени будуть «от царя енѣчяре».[7] Толми же убо прелщени будут, яко не токмо христианьскую православную вѣру забудут, но и родителя своа, койждо своего отца и матере. И начнут дохмат искати на христианъ, и убивати их начнуть, злее срачинъского роду, сим же тако бывающимъ. Аще убо увѣдают погании человѣка богата, и исполнена, и силна, и храбра, и възрастомъ велика, и красна лицемъ, на сего напрасно навадницы и клеветницы бывают къ царю, и к башемъ, и к

сеитомъ, глаголюще, яко «сей человекъ вѣру нашю, Махметова преданиа, хулит». И сами они и свѣдѣтели бывают. Абие же христианину оболганому понапрасньству бывает насилие: без всякого бо испытаниа или в срачиньскую скверную вѣру обрѣзатися и христианьскиа чистыа и непорочныа вѣры отврѣщися. Аще ли не повинется их нечестивей вѣре, то горкими муками умучят его досмерти, а имѣние возмут в ризницу цареву. И мнози убо за Христа кровь свою пролияша и вѣнцемъ мучениа увязошася от живоносныа десница всѣхъ Царя — Христа, Бога нашего.

Единъ же пострада от таковых, о немь же намъ и слово предлежит, Георгие — доблественый воинъ Исус Христовъ, исполненый благодати и Духа Святого. Кто же бѣ, откуду? И которымъ образом страдальства лику же и вѣнцю сподобися?

Средець, град болгарский, сего изнесе мужа от благочестиву и христиану родителю: отца именем Иоана и матере Мариа. Сице бо бысть отецъ его многословим, и многоименит, и ничимже вторый, но в первых велможах великаго града Средца именуется. Си же родители его во днех своих заматерѣвши и во глубоцѣ старости быша бесчядны, якоже древле Авраамъ съ женою Саррою,[8] Богу же непрестанно молитвы възсылаху и Пречистѣй его Матере и великому Христову мученику Георгию, иже от Капподокиа, и къ церкви приходяще святаго великомученика Христова Георгиа,[9] и много милостыня творяще, да подасть имъ Богъ плод чрева. Богъ же, сердцемъ вѣдецъ, и милостивнымъ своимъ окомъ на вся призирая и просящих вѣрою от Него полезнаа подаваа, иже своими усты обеща, рекий: «Просите и приимете! Ищете и обрящете! Толцыте, и отверзется вам!»[10] Тако и тии просиста, и дасть имъ Богъ плод чрева мужеский полъ. Его же радостию принесоша въ церковь святаго великомученика Христова Георгиа, и крещенъ бысть от прозвитера въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и нареченъ бысть въ святемъ крещении Георгие.

Въспиташа же его в добрѣ наказании и во страсѣ Божии. По времени же даша его нѣкоему учителю навыкнути Божественному Писанию. Отроча же, Духомъ Святымъ укрѣпляемо, въскоре извыче вся Божественаа Писаниа и превзыде сверьстник своих учениемъ, и доблестию возраста, и красотою, якоже древле цѣломудреный Иосиф.[11]

Нечестивии же они, завидѣвше возрасту и красотѣ лица его и хотяще отторгнути его от святыа и непорочныа христианьскиа православныа вѣры, искаху на нь по вся дни вины, но не обрѣтаху: благодать бо и Святаго Духа храняще. По лѣтех же двадесяти и пяти возраста его,[12] родителя его отидоша къ Богу, онъ же оста в дому своего отца. Сеиты же, сирѣчь владыки, начаша его ласкати, глаголюще: «Георгие, остави убо христианьскую вѣру, еже в Распятаго! Неподобно ти есть, в таковѣ красотѣ сущу, пребывати въ христианьской вѣрѣ! Приступи же к нашей добрей вѣрѣ, и Махмета, посланника божиа, послушай, и вѣруй в нашу срачиньскую вѣру, и законъ нашь исполни!» И начаша ему возлагати тафью на главу его,[13] юже они сами, безбожнии, ношаху на главах своихъ, входяше в мизгит, и исполняюще Махметову прелесть, и срачиньскую вѣру, и законъ, и жертву скверную приносят бесом; и

жрут, и на войну исходят. Святый же Георгие супротивное отвеща к сеитомъ глаголя: «Не подобаетъ убо нам, христианом, поганьскимъ обычаемъ внимати и тафьи на главѣ своей носити! И еже повелевате ми отврещиеся Христа, Бога истиннаго, иже в Него крещениа моего, да убо кому ми повелѣваете вѣровати? Махмету ли, иже нѣсть от Бога, ни божий пророкъ, ни апостолъ, но сатанина полка полководецъ сый? Имея хоругви диаволя, еже и вы сами не вѣдуще блудите от истиннаго пути!» И ясно Христа исповѣдавъ, Творца небу и земли, и яже в них видимым и невидимым, и плюну на лица их, и безбожны нарече, и укори срачиньскую вѣру. Тафью же, взем, поверже на землю и ногами своими попра. И рече к себѣ Георгие: «Что стоиши? Се Христос призывает тя! Нощь житиа сего мимоходит, а день приближается. Временнаа бо преходят, а вѣчнаа, благаа, бес конца пребывают. Се подвигу время! Тецы на предлежащий подвигъ, „дондеже жених дверей не затворит"!»[14]

Нечестивии же от устъ святаго слышавше таковая, срамом и гнѣвом одръжими, распыхахуся на нь и емше святаго, великимъ поруганием и срамом пред судию ведоша. И начаша на нь вадити, глаголюще яко: «Сей нашь законъ и вѣру хулит и укаряет». Судиа же удивися величеству тѣла его и красотѣ лица его, уже бо ему власы брадныа испущающю; и на обычном мѣсте судища предсѣде, и с честию призываетъ мученика близ себе. И яко предста и нача ласканием глаголати к нему, яже убо: «О тебѣ доволно слышах, о в мужех изрядный и храбрый, како благочестивую нашу и всемогущую вѣру укаряеши. Такова бо есть наша вѣра: чистымъ мыслию касается, и сих сердца к своей воспаляет любви, благотечение же подает житию и долготу лѣтом. Не косни прочее, не погуби доброродства своего, и храбраго взора, и сладкаго свѣта сего наслажениа, но повинися повелѣнию цареву и волю его сотвори, емуже мнози царьства повинушася, и будеши началникъ воеводам в великом градѣ Средцѣ болгарьском, и многи чти и дары от царя приимеши. И хрестианьскаа, смѣху достойныа, далече отложи, предаииа же и законы Махметовы восприиме, с нами же, яко брат присный, сладчайший всем человѣкомъ наслѣдиши живот!» Елико же сиа, пестрый онъ и коварный, глаголаше, Георгие же мысленыа очи на небо возвед, на помощь призываше рекшаго Владыку: «Егда же ведени будете пред царя и князи, имени Моего ради, не преж поучайте ся, что возглаголете или что отвѣщаете въ онъ час: дасть бо ся вамъ глаголъ, емуже *не* возмогут устаа ти вси противляющиися вам».[15] Та же и чювьственыма очима возрѣвъ на мучителя, благодръзновенно отвеща: «Мнишися, — рече, — о игѣмоне, ласканиемъ и пестрыми словесы увѣщати мя, еже отврещи ми ся Христа моего?! — Да не будет! Но ниже дасть ми Господь на умъ сие когда приити! Умышлениа же суть сиа врага истинѣ, сатаны, отца твоего, вшед бо в тя, яко достоинъ сосуд обрѣтѣ, и тобою мнѣ бесѣдуя, и к пагубѣ привлещи надѣется, и Бога нудит отврещися истиннаго. Паче же и самъ от мене истины тайньство увѣдѣв! Отложи, молю тя, Махметова предаииа, лживыа законы, и свѣта сынъ быти сподобися, паче же святымъ крещениемъ просвѣтися!» И купно с сими словесы воздѣвъ руцѣ на небо и очи протягъ и возопи яко от всѣх слышатися: «Да не будет ми отврещися Тебе, Христе, со безначалным ти Отцемь и Пресвятымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь!»

Мучитель же (не могий на мнозѣ мужа терпѣти сопротивлениа, Бога убо зѣло хуляше, посредѣ тмочисленаго оного народа, бога истиннаго Георгиемъ проповѣдаемаго, срачиньскую же вѣру, паче же прелесть, и истиннѣйши рещи, до конца низлагаему) повелѣ воиномъ от одежи совлещи мученика. И сему, неже слова скорее, бывшю нагъ, посредѣ стояше, иже весь въ Христа облеченный. Та же, иже злѣ множество представити повелѣ, и възрѣвъ к мученику, и рече: «Отвръзися вѣры христианьскиа! — якоже и преди глаголахъ ти. — Аще ли ни, — тако ми благо нарочитыа нашея вѣры не токмо сими же злъми твоя здробят плоти, но и инѣми зѣлнейшими! И естеству твоеа плоти нестерпимыми муками искушю и наконецъ горчайшей смерти предамъ, и тѣло твое повелю огнемъ съжещи, яко и кости твоа въ прахъ будуть!»

Мученикъ же Христовъ рече: «Что мѣдлиши?! Твори, еже хощещи! Еже бо первие рѣх, се и нынѣ реку ти: „Христианинъ есмь, яко никогдаже препочту паче Зижителя моего". Махмета же и срачиньскую вѣру проклинаю и анафеме предаю! Дондеже моего, господинъ, есмъ смысла! Протчее не косни, дѣлателю неправды, и к желаему ми ладыцѣ и Богу предпосли! Сиа бо вся готовъ есмь сладцѣ подъяти за любовь Христа моего».

Многий же суровьствомъ мучитель, яко сиа слышавъ глаголы, разгорѣвся гнѣвомъ, повелѣвает въскорѣ того по земли протягнути и жезлиемъ суковатым немилостивно бити четырем воиномъ. Мученикъ же ни гласа никакоже испусти, но токмо глаголаше псалом «Боже, в помощь мою вонми»[16] и проче псалма того. В толико же суровьство произыдоша казнящии, яко священнымъ убо онѣмъ плотемъ здробитись и жезлы совозноситися на воздух, кровию же обагритись всему лицу земли под лежащаго мѣста. Да яко в сих себе видѣ, страдалецъ на небо возведе умнии очи: «Благодарю Тя, — рече, — Христе съ Отцомъ и с Святымъ Духом, понеже сподобил мя еси за имя Твое святое страдати!» «Погибельнии же сынове», — о нихъ же рече мученикъ, — ярости на нь исполньшася, сице здробляху ранами, яко и гласу его пресещись. Прочее та же, понеже вечеръ настояше, связавше веригами, в темницю, яко нѣкий труп мертвъ, вметают и.

И в нощь ону, немилостивый онъ мучитель, призывает к себѣ на совѣтъ князи, и сеиты, и спекулатари и рече имъ: «Како убо сего и коимъ образом какой муцѣ предадим, яко бо злѣйши всѣх мукъ, а не въскорѣ погубити?» Единъ же от злыхъ и немилостивых спекулатарей рече: «Яко убо прорѣзаемѣ быти плоти его ножи глубоцѣ от колѣну и до выи его и свѣщи лойны, — рекше салны, — възжещи и в раны вонзати». И угоденъ бысть совѣт сей всѣм.

Въ утрии же на обычном мѣсте предсѣдъ звѣрообразный онъ, повелѣвает представити мученика пред собою, аще уже не умрет, да яко предста свѣтлымъ лицем и радостною душею. Възрѣвъ на нь судиа, въ удивление полагаше свѣтлое лице и обрадованное и како в толицѣ здробленнѣ и разсѣяннем телеси и еще душа обрѣтается?! И глагола ему: «О Георгие, се ждуть тебе нестерпимыа муки естеству человѣчю!» Святый же рече: «Твори, еже хощеши! Аз бо готовъ есмь за имя Христа моего пострадати и до послѣдняго издыханиа!» Мучитель же повелѣ

немилостивымъ онѣм спекулатарем рѣзати по всему тѣлу его ножи, да будут раны его глубоки от главы и до ногу. Сему же бывшю святый же стоя, яко столпъ непоколебимъ, ничтоже ино глаголаше, токмо на помощь Бога призываше. И яко вожгоша свѣщи лойны, рекше салны, и вонзоша по всему тѣлу его, и воспалѣся огнь от свѣщь, яко не видѣти тѣла его, и нача таяти тѣло его, яко воскъ от лица огню, и кровь непрестанно текущи и на земли падающи. Свѣщи же лояные, растаявше от огненаго горѣниа, в раны его вливахуся.

И повелѣ мучитель вести его чрез весь град, а свѣщамъ еще горящимъ. Погании же в бубны биаху, пред нимъ поругающеся, инии же глаголаху: «Не хули посланника божиа Махмета и его преданиа, срачиньскую вѣру!» Мученикъ же Христовъ имяше въ устѣх псаломъ «Господи, услыши молитву мою»[17] и «Живый в помощи Вышняго»,[18] горе же сердечныма очима зря. Народу же многу стекшюся на поруганиа: вѣрнии — на плач и рыданиа, нечестивии же приступаху к нему наважениемъ бесовскимъ. Овии же и от благовѣрных глаголюще: «Георгие, помилуй себе и пощади юность свою! Мощно бо ти есть и индѣ жити: пространна бо есть и широка поднебеснаа. Не срамляй толика народа! Повинися повелѣнию цареву, а мы въскорѣ тя от язвъ исцѣлимъ!» Святый же к нечестивым обращаяся, лица их заплеваше и глаголаше: «Вы ли мнѣ цѣлители?! Христос бо ми есть цѣлитель души и тѣлу». И паки къ благовѣрнымъ глаголаше: «Почто вы, вѣдуще, к нечестивымъ совѣту прилагаетеся и таковаа мнѣ глаголете? И в том грѣсе осужение приимете, паче невѣрных! Рече бо ся въ Божественомъ Писании: „Аще не нынѣ умремъ, умрем же всяко и должнаа послужимъ!"[19] Христос бо мой въ Еуангелии пишет: „Иже аще кто исповѣсть Мя пред человѣки, исповѣмъ его и Аз пред Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене пред человѣки, и отвергуся и Аз его пред аггелы святыми".[20] Путь же краток есть, иже житие маловременно».

Погании же вожгоша огнь великъ среди града, хотяще его съжещи. И паки веденъ бысть святый мученикъ Христовъ Георгие с великою нужею на уреченное мѣсто, и изнеможе, и паде на землю безгласенъ, токмо устнѣ движа, тайныа молитвы къ Богу возсылаше. И яко воспалѣся огнь великъ, нечестивии же въземше святаго мученика и страстотръпца Христова Георгия, ельма жива суща и мало дышюща, несоша ко огню и ввергоша во огнь.

Благовѣрнии же христиане стрежаху мощей святаго взяти. Нечестивии же ощютивше совѣт христаном и ввергоша песъ множество въ огнь на мощи святаго, якобы размешеномъ костемъ быти и не познати мощей святаго. Богу же хотящу угодника своего прославити, и внезапу с небесѣ облак бысть з дождем и громъ страшенъ, и погаси огнь, яко ни вонѣ дымной быти. Нечестивии же, видѣвше оно чюдо преславное, ужасшеса и разбегошася. Облакъ же з дожжемъ и громъ страшенъ содръжашесе весь день той и нощь. И велие чюдо начат являтися над мощьми святаго: идѣже сожгоша тѣло его, явися бо свѣт великъ, подобенъ солнцю, яко все мѣсто оно освѣтити. Благовѣрнии же стекахуся, идѣже свѣт видѣша; страха же ради нечестивых, не смѣюще дръзнути и приближити к мѣсту оному.

Протопопъ же соборныя церкви Святаго великомученика Георгиа Побѣдоносца и славнаго мученика, иже от Капподокиа, шед к судиамъ, дасть мзду, испроси святаго мощи. Въ славном же градѣ Средцѣ тогда кормила церковнаа правящу святѣйшому митрополиту киръ Иеремѣю. И пришедше протопопъ, сказа вся подробну святѣйшему митрополиту Иеремѣю, яже о святѣмъ мученицѣ. Митрополитъ же воставъ со тщаниемъ со всѣмъ священным собором и христолюбивым народом, прииде над мощи святаго съ псалмы, и пѣсньми, и с кандилы благовонными, и со благоуханными араматы, и многи свѣща вжегше, начаша разгребати пепел, идѣже свѣт явися; и обрѣтоша кости святаго мученика Георгиа, а неврежены огнем. Песиа же кости прах быша и пепелъ.

Многим же людем, православным христианом, стекшимся и паки показа Богъ чюдо. Идѣже бяху водили святаго по граду и крови непрестанно на землю падающи от плоти его, от горѣниа въжженых свѣщь, и в той нощи от каплей крови его, иже на земли, възсиа свѣт, якоже свѣщи горят, яко звѣзды небесныа сияют. Христолюбивий же народ, вземше мощи святаго, понесоша въ церковь Святаго великомученика Георгиа и положиша в рацѣ с великою честию, со псалмы и пѣсньми, иже и до нынѣ лежат, исцѣлениа подавают с вѣрою приходящимъ.

И многа знамениа и чюдеся быша от мощей святаго великомученика Георгиа Новаго: недужнымъ — исцѣлениа, ови от духов нечистыхъ свобожахуся, слѣпии и хромии здравие получаху; и спроста рещи, всяким недугом одръжимии исцѣлениа приимаху. А иже по пути кровь святаго с перстию взимаху, идѣже ведоша по граду мученика Христова, и от тоя крови и персти — знамениа и чюдеса велиа быша, всякимъ недугом одръжимии исцѣлениа приимаху.

Обаче сице, дверь проиде мученика, Георгие сице безбожных срачин посрами, сицева страстотръпца и мученика подвизи показашася (того ради и вѣнцы и вѣнчяся от Подвигоположника руки Христа Бога) не к тому въ Средецъ град, но къ горнему Иерусалиму устремися, небеснымъ воеводам сверьстник бысть и с лики мученикъ веселяся, предстоя престолу Святѣй Троицы, дръзновение имѣя молитися за мы.

Мученъ же бысть святый и славный мученикъ Христовъ Георгие, яко же и выше рѣхом, въ Средцѣ градѣ болгарскомъ в лѣта 7022-го, индикта[21] въ 2, месяца маия въ 26 день.

И написано бысть мучение и подвизи въ славном градѣ Пскове Великиа Русиа благословениемъ и повелѣниемъ святѣйшаго архиепископа Макариа богоспасаемых градовъ Великаго Новаграда и Пскова в лѣто 7047-го. А писалъ смиреный мних и прозвитеръ Илиа[22] церкви преподобнаго и богоноснаго отца Еуфимиа и живет в дому архиепископа Великаго Новаграда.

И аще кто чтет и послушает мучение славнаго мученика Христова Георгиа, да подасть ему Господь Богъ милость и в день судный да сподобит стати одесную престола своего, егда приидет судити живым и

мертвымъ и воздати комуждо по дѣлом его, о Христѣ Спасе Господѣ нашемъ, ему же слава со Отцемъ и Пресвятымъ, и Благимъ, и Животворящим ти Духомъ, нынѣ и присно, и в вѣки вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *...мучившагося в Средцѣ градь болгарскомъ...* — Старинное название болгарской столицы — Софии.

[2] *«Не можете творити ничтоже, аще не дано будет от Отца Моего свыше!»* — Мф. 13, 35.; Ин. 5, 30; 9, 33.

[3] *...два мниха. Единъ... Митрофан, а другий — Прохоръ.* — Два болгарских монаха афонского Зографского монастыря (Георгия Капподокийского, Протатия) пресвитеры Митрофан и Прохор прибыли в Россию в составе дипломатической турецкой миссии Искандера Чеуша и Андреана Грека. В 1538 г. они побывали в Новгороде и в Пскове, были приняты Макарием и рассказывали ему о притеснениях, творимых турецкими завоевателями на Балканах.

[4] *...сей муж... святейший Макарие, и в мѣру возраста исполнения Христова пришед...* — Т. е. достигший тридцати трех лет.

[5] *...изрядно бѣ дѣло его... отвсюду приносити и воедино собирати житиа* — Илья-пресвитер имеет в виду начало деятельности Макария по созданию Великих Миней Четьих.

[6] *Бысть бо... въ царство... царя Селима турьскаго.* — В правление турецкого султана Селима I (1512—1520).

[7] *...и нарѣчени будуть «от царя енѣчяре».* — Янычары (турецк. «еничеры») — регулярная турецкая пехота (введена в 1328 г.) из пленных христиан, силой обращенных в ислам.

[8] *...якоже древле Авраамъ съ женою Саррою...* — Согласно Библии, вымолившие себе чадо в глубокой старости.

[9] *...и великому Христову мученику Георгию, иже от Капподокиа, и къ церкви... великомученика Христова Георгиа...* — Имеется в виду собор Георгия Победоносца Капподокийского в Софии.

[10] *«Просите и приимете! Ищете и обрящете! Толцыте, и отверзется вам!»* — Мф. 7, 7.; Лк. 11, 9.; Ин. 15, 7; 16, 24.

[11] *...въскоре извыче вся Божественаа Писаниа... якоже древле цѣломудреный Иосиф.* — Т. е. библейский Иосиф (Иосиф Прекрасный), выделявшийся среди своих братьев духовной и телесной красотой, премудростью и целомудрием.

[12] *По лѣтех же двадесяти и пяти возраста его...* — В болгарском Житии Георгию 18 лет.

[13] *И начаша ему возлагати тафью на главу его...* — Т. е. тюбетейку, национальный головной убор мусульман, начавший входить в обиход и на Руси после татаро-монгольского нашествия. Запрещение носить его православным христианам было закреплено митрополитом Макарием специальной 39-й главой Стоглава.

[14] *...«дондеже жених дверей не затворит!»* — «Жених», т. е. «Сын человеческий» (ср. Мф. 25: 5—13).

[15] *«Егда же ведени будете пред царя и князи... вси противляющиися вам»* — Ср. Лк. 21, 12, 14—15.

[16] *«Боже, в помощь мою вонми»...* — Пс. 69.

[17] *«Господи, услыши молитву мою»...* — Пс. 142, 1.

[18] *«Живый в помощи Вышняго»...* — Пс. 90, 1.

[19] *«Аще не нынѣ умремъ, умрем же всяко и должнаа послужимъ!». —* Ср. Чис. 16, 29.

[20] *«Иже аще кто исповѣсть Мя пред человѣки, исповѣмъ его и Аз пред Отцемъ моимъ... А иже отвержется Мене пред человѣки, и отвергуся и аз его пред аггелы святыми».* — Ср. Лк. 10, 16.

[21] *Индикт* — цикл 15-летнего исчисления времени.

[22] *А писалъ смиреный мних и прозвитеръ Илиа...* — Новгородский иеромонах Илья был книжником и миссионером. В основном он жил и работал в Новгороде и Пскове. В 1534—1535 гг., по распоряжению Макария, он ходил обращать в христианство северо-западные языческие племена, искореняя их «прелести кумирские», однако языка этих племен не знал. Рассказ о миссионерской деятельности Ильи («О крещении дикой лопи») вошел в состав псковских летописей.

ПЕРЕВОД

26 МАЯ. МЕСЯЦА МАЯ В 26-й ДЕНЬ. МУЧЕНИЕ СВЯТОГО И ПРОСЛАВЛЕННОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ХРИСТОВА ГЕОРГИЯ НОВОГО, ПОСТРАДАВШЕГО В БОЛГАРСКОМ ГОРОДЕ СРЕДЦЕ. СТИХ СВЯТОМУ: ТЫ ВЫДЕРЖАЛ ИСКУШЕНИЕ ОГНЕМ, ГЕОРГИЙ, И ЗА ХРИСТА СВОЮ КРОВЬ ПРОЛИЛ, А НЫНЕ, ПРЕДСТОЯ С АНГЕЛАМИ ПЕРЕД ПРЕСТОЛОМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, МОЛИ ЗА ТЕХ, КТО ПОЧИТАЕТ ТЕБЯ

Благослови, отче!

Апостольские наместники — это преемники дара Божьего и его могущества, пастыри и учители просвещения, восприявшие дар Святого

Духа, ибо просвещают неверных чудодейственным вдохновением и добрыми примерами и обращают заблудших к истине. Я же, смиренный, ни даром чудотворным, ни проповедническим не овладел. Да и откуда же?! Кто преподаст мне величие разума, чтобы приступить к изложению этой повести, ибо сам я, любящий услады жизни сей, недостоин того. И хотел бы уподобиться восприявшим дар Божий, но больше надеюсь на их молитвы и верую в Отца и Сына и Святого Духа, в Троице славимого единого Бога, и у Него прошу помощи для раскрытия уст моих. Сам Христос Сын — Слово Божие, рожденный без семени от Святой Девы, сказал: «Не сможете ничего сотворить, если это не дано вам будет свыше от Отца Моего!» Вот так и я, убогий, начинаю с помощью Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, и молитв святого великомученика Георгия Нового, о ком и начнем слово повести этой.

В царствование благочестивого и христолюбивого великого князя Иоанна Васильевича, самодержца всея Великой Руси, церковным кормилом правил в Великом Новгороде святейший архиепископ Макарий. К нему в Великий Новгород пришли два монаха со Святой горы Афонской, из монастыря святого великомученика Христова Георгия Капподокийского, названного Протатия. Один — саном пресвитер, по имени Митрофан, а другой — Прохор. Архиепископ принял их любезно, по его обычаю принимать странствующих, и почтил их.

Святейший Макарий был муж, преисполненный всеми добродетелями и достигший возраста Христа, не только принимавший странников, одевавший и кормивший нищих, но и подлинный мучениколюбец. В то время любимым трудом его было, как пчеле — мед, отовсюду приносить и воедино собирать жития древних святых, прославившихся воздержанием, и повествования о подвигах мучеников, которые появились в недавние годы и пролили кровь свою за Христа. Ибо многие из святых были преданы забвению, подобно тому как солнце лучезарное, покрытое мраком и не освещающее вселенную, или как звезды небесные в высоте, скрытые за облаками, или как злато, и бисер, и камни драгоценные, погребенные под землею и прахом. Как и сказал я выше, святитель под спудом их не скрывает, а освещает их добродетели.

И он почтил двух этих монахов, обратился к ним со словом беседы и начал их расспрашивать, как держится христианство и как велико притеснение нехристей. И они многое рассказали о насилиях и гонениях безбожных нечестивых сарацин на христиан и поведали о подвиге и муках святого, прославленного великомученика Георгия Нового. Архиепископ же, как только о нем услышал, захотел подробнее узнать, как и каким образом он был замучен, и упросил их рассказать об этом. И они, дополняя друг друга, начали подробно расказывать о страданиях мученика и его подвиге.

Было это, — рассказали они, — во время царствования нечестивого, безбожного, неверного турецкого царя Селима. Этот нечестивый царь тайно предпринимал против христиан такие жестокие гонения и

насилия, каких не совершал ни один из древних гонителей и нечестивых царей. Древние ведь чинили против христиан открытые гонения, и в те времена появились многие мученики. А этот нечестивый и неверный, поистине предтеча Антихриста, подобно змею, тайно, какими-нибудь ухищрениями похищает и попирает христианских детей мужского пола. Каждый третий год он рассылает по всем своим областям и многим царствам своих посланцев и писарей и приказывает им ездить с воинами туда, где есть жилища христиан. И если у христианина окажется три сына, то двоих они забирают для царя, а третьего оставляют родителям. Если же у христианина единственный сын, то и этого отбирают насильно. И набирают тех детей христиан до двенадцати тысяч, а иногда и до двадцати тысяч, возрастом от пяти до десяти лет (старше и младше этих не берут), и приводят к царю. Царь же повелевает своим талишманам, иначе попам, и дервишам, то есть игуменам, и шейхам, то есть архимандритам, и сеитам, то есть епископам, обрезать их в свою неправедную и нечестивую веру. Те же, по велению царя, все это творят над ними: и обрезают их в нечестивую сарацинскую веру, и учат их Магометовым соблазнам. А потом царь приказывает учить их в училищах всякому ратному делу: и битве, и конной езде. И царь воздает им великую честь, когда они достигают зрелого возраста: их называют «царскими янычарами». Они так бывают совращены, что забывают не только христианскую православную веру, но и родителей своих, собственных отца и мать. И так случается, что начинают проповедовать христианам свои догматы и убивать их злее, чем сами сарацины. Если же нехристи находят человека богатого, преисполненного добродетелями, сильного, храброго, большого ростом и красивого лицом, то на него начинают без вины клеветать, говоря о нем царю, башам и сеитам, что «этот человек хулит нашу Магометову веру». И сами же они выступают свидетелями. Понапрасну же оклеветанному христианину они учиняют насилие: безо всякого расспроса повелевают обрезаться в нечестивую сарацинскую веру и отказаться от чистой и непорочной христианской веры. Если же он не примет их нечестивой веры, то его мучают до смерти горькими муками, а имущество забирают в царскую казну. И многие уже так пролили свою кровь за Христа и увенчались мученическим венцом от животворной десницы всеобщего Царя — Христа, Бога нашего.

Об одном из претерпевших такие страдания и предстоит речь, о Георгии — доблестном воине Иисуса Христа, преисполненном благодати и Духа Святого. Кто же он был и откуда? Каким образом он удостоился венца и был причислен к лику подвижников?

Средец, болгарский город, — родина этого мужа, происшедшего от благочестивых и преданных христианской вере родителей: отца, именем Иоанна, и матери, по имени Мария. Отец его был очень известным и именитым и принадлежал к числу отнюдь не последних, но самых первых вельмож великого города Средца. Родители со временем состарились, но до глубокой старости оставались бездетными и, как некогда Авраам с женою Саррою, воссылали непрестанные молитвы к Богу и Пречистой его Матери и великомученику Христову Георгию Капподокийскому, ходили в церковь святого великомученика Христова Георгия и роздали много милостыни, чтобы Бог ниспослал им ребенка.

Бог же, знающий все помыслы людей, своим милостивым оком наблюдает за всеми и просящим у него с верою подает просимое, как сам он и обещал, сказав: «Просите и получите! Ищите и обрящете! Стучите, и откроется вам!» Так и они просили, и Бог дал им дитя мужского пола. Они торжественно принесли его в церковь святого великомученика Христова Георгия, и он был крещен пресвитером во имя Отца и Сына и Святого Духа, а во святом крещении был наречен Георгием.

Воспитали его в добром наставлении и страхе Божьем. Спустя же некоторое время отдали его некоему учителю изучать Божественное Писание. Отрок же, укрепляемый Святым Духом, быстро изучил все Божественное Писание и превзошел своих сверстников в учении, в мужестве и красотой, как некогда целомудренный Иосиф.

Нечестивые же, которые завидовали мужеству его и красоте лица его, захотели отвратить его от святой и непорочной христианской православной веры и каждый день искали и не находили против него обвинения, ибо благодать и Святой Дух хранили его. Когда же он достиг двадцатипятилетнего возраста, его родители почили в Боге, а он остался в доме своего отца. Сеиты же, то есть епископы, начали улещивать его, говоря: «Георгий, оставь христианскую веру в Распятого! Не подобает тебе, такому красивому, оставаться в христианской вере! Переходи в нашу добрую веру, послушай божьего посланника Магомета и уверуй в нашу сарацинскую веру, признай наш закон!» И начали возлагать ему на голову тафью, какую сами они, безбожные, носят на своих головах, когда ходят в мечеть и служат Магомету, сарацинской вере и закону, когда приносят нечестивую жертву бесам; приносят жертву — и на войну уходят. Святой же Георгий возразил сеитам, сказав так: «Нам, христианам, не подобает принимать языческие обычаи и носить на своей голове тафью! А если вы повелеваете мне отказаться от Христа, Бога истинного, во имя которого я крещен, то в кого вы мне велите веровать? Не в Магомета ли, который не является ни Богом, ни Божьим пророком, ни апостолом, но полководцем сатанинских полков?! Вы и сами блуждаете под дьявольским знаменем, не ведая истинного пути!» Так открыто признав Христа, Творца неба и земли и всех тех, кто в них, видимых и невидимых, он плюнул в лица их, назвав их безбожными, и осудил сарацинскую веру. Тафью же, взяв, бросил на землю и попрал ногами. И сказал сам себе Георгий: «Что стоишь? Это Христос призывает тебя! Ночь жизни сей уходит, и приближается день. Временное проходит, а вечное, доброе остается навсегда. Пришла пора подвига! Устремись к предстоящему подвигу, «пока жених дверей не затворит»!»

Нечестивые же, услышав такое из уст святого, рассвирепели на него, одержимые стыдом и гневом, и, схватив святого, повели его к судье со всяческими оскорблениями и срамословием. И начали клеветать на него, говоря так: «Он хулит и корит наш закон и веру». Судья же подивился величию тела его и красоте лица его, на котором уже начала пробиваться борода, занял он в суде свое обычное высокое место и с почтением подозвал мученика поближе к себе. А когда тот предстал перед ним, начал он ему ласково говорить так: «Я слышал о тебе

многое, о достойный и храбрый муж, как ты осуждаешь нашу благочестивую и всемогущую веру. Наша вера такова: она доступна чистым мыслию, и только в их сердцах она воспламеняет к себе любовь, придает течению жизни умиротворение и долголетие. Не пребывай дальше в неведении, не губи знатность свою, мужественный облик свой и сладость наслаждения жизнью этой, подчинись царскому приказу, исполни волю того, кому повинуются многие царства, и ты будешь в великом болгарском граде Средце начальником над воеводами и получишь от царя многие почести и дары. Отринь прочь христианские обычаи, достойные лишь насмешки, восприми предания и законы Магомета и унаследуешь с нами, как наш истинный брат, сладчайшую из человеческих жизней!» Пока двуличный и коварный все это говорил, Георгий возвел к небу духовные очи, призывая на помощь Господа, изрекшего: «Не учите заранее, что сказать или как отвечать в тот час, когда во имя Мое предстанете перед царем или князем: будет дано вам слово, перед которым не устоят все противящиеся вам». Земными же очами он посмотрел на мучителя и смело ответил: «О игемон, ты полагаешь, — сказал он, — увещать меня лестью и красивыми словами, чтобы отлучить от моегоХриста?! Да не будет же того! И никогда не допустит Господь, чтобы это пришло мне на ум! Все это умысел врага истины, отца твоего сатаны, который, вселившись в тебя, обрел в тебе достойное вместилище и твоими устами говорит со мной, понуждает отказаться от истинного Бога и надеется привести меня к пагубе. Лучше сам теперь выслушай от меня таинство истины! Молю тебя, откажись от учения и лживых законов Магомета, удостойся стать сыном света и, более того, прими святое крещение!» И с этими словами, воздев руки и устремив очи в небо, он воскликнул так, чтобы всем было слышно: «Не отрекусь от Тебя, Христос, с безначальным Отцом твоим и Пресвятым Духом, ныне, и присно, и во веки веков, аминь!» И тогда мучитель (который не мог больше стерпеть сопротивления Георгия, хулившего их бога среди многочисленной толпы народа и проповедовавшего Бога истинного, а сарацинскую веру, или, лучше и вернее сказать, обман их, до конца разоблачившего) велел воинам сорвать с мученика одежды. И тот быстрее сказанного оказался стоящим среди толпы нагим, но во Христа облаченным. Тот же, кто уготовил ему множество страданий, посмотрев на мученика, сказал: «Откажись от христианской веры! — как я уже сказал тебе. — А если же нет, то я именем нашей милосердной священной веры истреблю твою плоть самыми злейшими, невиданными дотоле муками! Буду пытать твою плоть нестерпимыми пытками и наконец предам тяжелейшей смерти, а тело твое прикажу сжечь на костре, так что и кости твои превратятся в прах!»

Христов же мученик сказал: «Что же ты медлишь?! Поступай как хочешь! Я уже сказал тебе и сейчас скажу: «Я христианин, и поэтому никогда не предпочту никого своему Создателю». А Магомета и сарацинскую веру я проклинаю и предаю анафеме! Вот в чем, господин, мысль моя. Иного ничего не достигнешь, чинитель несправедливости, и потому отошли меня к желанному моему Владыке и Богу! Во имя любви к моему Христу я все это готов принять с радостью».

Опытный и жестокий мучитель, услышав эти речи, распалился гневом и тут же приказал четырем воинам растянуть его на земле и немилосердно бить суковатыми палками. Мученик же не проронил ни единого звука, кроме слов псалма «Боже, помоги мне» и <весь> тот псалом <до конца>. А мучители его дошли до такой жестокости, что раздробили его святую плоть, и, когда палки поднимались в воздух, вся земля под лежащим на ней обагрялась кровью. Видя все это, страдалец возвел к небу свои духовные очи: «Благодарю Тебя, — сказал, — Христе со Отцом и Святым Духом, что сподобил меня пострадать за Твое святое имя!» «Обреченные же на погибель», — как сказал о них мученик, — преисполнились против него такой ярости, что истерзали его столь жестоко, что и голоса он лишился. После этого, когда уже настал вечер, связали его цепями и, как мертвый труп, бросили в темницу.

В эту ночь его немилосердный мучитель созывает к себе на совет князей, сеитов и палачей и говорит им: «Как, каким образом и каким мукам предадим его, чтобы была злейшей из всех мук, но чтобы он не сразу умер?» И один из злых и немилосердных палачей сказал: «Надо ножами глубоко прорезать его тело от колен и до шеи, зажечь лойные, то есть сальные, свечи и вставить в его раны». И этот совет всем понравился.

Утром, водрузившись на свое обычное место, судья, уподобившийся зверю, повелевает представить пред ним мученика, если тот еще не умер. Он же предстал со светлым лицом и радостной душою. Посмотрев на него, судья пришел в изумление, как может быть такое светлое и обрадованное лицо и как в таком иссеченном и истерзанном теле еще душа держится?! И сказал ему: «О Георгий, теперь ожидают тебя нестерпимые для человека муки!» Святой же ответил: «Делай, что хочешь! Я готов пострадать во имя моего Христа до последнего вздоха!» И мучитель приказал немилосердным тем палачам резать ножами по всему его телу от головы до ног, чтобы были глубокие раны. Когда все это происходило, святой стоял как непоколебимый столп, не произнося ничего, только призывая на помощь Бога. А когда зажгли лойные, то есть сальные, свечи и вонзили их по всему его телу, а огонь свечей так разгорелся, что и не видно стало тела его, плоть его стала таять, как воск от огня, а кровь непрестанно текла и лилась на землю. Свечи же лойные, растопившиеся от сильного огня, вливались в его раны.

И мучитель приказал вести его с горящими свечами через весь город. Нечестивые же, измываясь над ним, били в бубны, а иные говорили: «Не хули божьего посланника Магомета, его учение и сарацинскую веру!» Мученик же Христов с псалмами на устах «Господи, услышь мою молитву» и «Да поможет Вышний живущему» обращался ввысь духовными очами. И множество народа стекалось на его поругание: благоверные — для плача и рыдания, нечестивые же набрасывались на него, подстрекаемые бесом. Некоторые же из христиан говорили ему: «Георгий, помилуй себя и пощади свою молодость! Тебе ведь можно жить в ином месте: земля пространна и широка. Не позорься перед такой толпой! Подчинись велению цареву, а мы тебя быстро исцелим от ран!» Святой же, обращаясь к этим нечестивцам, плюнул им в лицо и сказал: «Вы ли мне исцелители?! Христос — целитель моей души и

тела». И еще сказал благоверным: «Зачем вы, знающие все, присоединяетесь к замыслу нечестивых и такое мне говорите? За этот грех вы будете осуждены строже неверных! Ибо в Божественном Писании сказано: «Если не теперь, то все равно умрем, но то, что должны, свершим!» Христос мой в Евангелии пишет: «За того, кто проповедует имя Мое перед людьми, Я прошу Отца Моего небесного. Если же кто отречется от Меня перед людьми, и Я откажусь от него перед святыми ангелами. Путь краток, ибо жизнь кратковременна»«.

Неверные же, намереваясь его сжечь, разожгли посреди города большой костер. И снова с великими истязаниями повлекли святого мученика Христова Георгия к уготованному месту казни, а он изнемог и безгласным пал на землю, лишь шевеля устами и воссылая к Богу потаенные молитвы. Когда же огонь сильно разгорелся, нечестивцы схватили святого мученика и страстотерпца Христова Георгия, едва живого и чуть дышащего, понесли к огню и бросили в костер.

Благоверные же христиане дожидались, чтобы взять мощи святого. Неверные же поняли умысел христиан и бросили в огонь на мощи святого множество псов, чтобы кости оказались перемешанными и мощи святого нельзя было отличить. Но так как Бог хотел прославить своего угодника, на небесах внезапно появилась туча, загрохотал гром, хлынул дождь и загасил костер, так что не осталось и запаха дыма. Неверные же, увидев это необыкновенное чудо, пришли в ужас и разбежались. Туча же с дождем и страшным громом продержалась весь тот день и ночь. И великое чудо начало свершаться над мощами святого: там, где сожгли его тело, появился яркий, подобный солнцу, свет, так что осветилось все это место. И благоверные стали стекаться туда, где видели свет, а нечестивые, одержимые страхом, не смели и дерзнуть приблизиться к этому месту.

Протопоп же соборной церкви Святого великомученика Георгия Победоносца и славного мученика Капподокийского пошел к судьям, чтобы дать взятку и выпросить мощи святого. Тогда в славном городе Средце церковным кормилом правил святейший митрополит кир Иеремия. И когда протопоп к нему пришел, то рассказал святейшему митрополиту Иеремии о святом мученике все подробно. Митрополит же, с поспешностью поднявшись со всем священным собором и христолюбивым народом, пришел к мощам святого с псалмами и пением и с благовонными кадилами и благоуханными ароматами, зажег множество свечей и начал разгребать пепел, где явился свет, и обнаружил кости святого мученика Георгия, не тронутые огнем. Песьи же кости все обратились в прах и пепел.

И тогда Бог вновь показал чудо множеству собравшихся православных христиан. Там, где святого водили по городу и где на землю из его тела от горения зажженных свечей непрестанно капала кровь, в ту ночь от капель крови его на земле воссиял свет, будто свечи горят, будто звезды небесные сияют. И христолюбивые люди, взяв мощи святого, понесли их в церковь Святого великомученика Георгия и с большими почестями, с псалмами и пением, положили их в раку, где они лежат и поныне и подают исцеление с верою к ним приходящим.

А от мощей святого великомученика Георгия Нового были многие знамения и чудеса: недужным — исцеление, другие же освобождались от нечистого духа, а слепые и хромые обретали здоровье; проще же сказать, одержимые всякими недугами получали исцеление. И у тех, кто подбирал с дороги кровь святого с пылью, когда мученика Христова вели по городу, от той крови и земли тоже были знамения и великие чудеса, и одержимые всякими недугами получали исцеление.

Вот так Георгий, переступив через порог мученика, посрамил безбожных сарацин и проявил подвиг такого страстотерпца и мученика (за что и был увенчан венцами от руки Подвигоположника Христа Бога), что прославился не только в Средце-городе, но и достиг высшего Иерусалима, стал сподвижником небесных воевод и украсил собой число мучеников, представ перед престолом Святой Троицы и возымев дерзновение молиться за нас.

Замучен же был святой и прославленный Христов мученик Георгий, как я уже сказал выше, в болгарском городе Средце, в 7022 (1514) году, индикта 2-го, месяца мая в 26-й день.

Мучение и подвиги его были записаны по благословению и повелению Макария, святейшего архиепископа богоспасаемых городов Великого Новгорода и Пскова, в славном граде Великой России Пскове, в 7047 (1539) году. А записал их смиренный монах и пресвитер церкви преподобного и богоносного отца Евфимия — Илья, проживая в доме архиепископа Новгорода Великого.

И пусть тому, кто прочтет или прослушает мучение прославленного страдальца Христова Георгия, Господь Бог подаст милость и в Судный день сподобит его стать по правую руку престола своего, когда он придет судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, Господа нашего Христа Спаса, ему же слава с Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Феодора, игумена Студийского Слово похвальное на рождество... Крестителя Господня Иоанна

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина

ВСТУПЛЕНИЕ

ФЕОДОРА, ИГУМЕНА СТУДИЙСКОГО, СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ НА РОЖДЕСТВО КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА

Имя Феодора Студита — одно из самых значимых для древнерусской духовной жизни византийских имен. Уже в 1065 г. созданный им Студийский устав был введен в Киево-Печерском монастыре св.

Феодосием Печерским. Творчество Феодора Студита, широко известное на Руси, помогало становлению оригинальной русской гомилетики.

Преподобный Феодор Студит (759—826) вошел в историю как выдающийся аскет, церковный деятель и писатель. Приняв монашество в 22 года, он поселился в Саккудионском монастыре в Малой Азии и стал впоследствии его игуменом. В 798 г., спасаясь от набегов арабов на малоазийское побережье, преп. Феодор с учениками переезжает в константинопольский Студийский монастырь. С его деятельностью в этом монастыре связан знаменитый Студийский устав монашеской жизни. Судьба Феодора Студита складывалась весьма драматично. За обличение развода и нового брака императора Константина VI он был подвергнут истязаниям и ссылкам. Много бедствий пришлось претерпеть ему и за его борьбу с иконоборчеством. В истории церкви Феодор Студит остался как один из главных апологетов иконопочитания. Этой теме им посвящены три книги «Опровержений», затрагивается она и в иных его трудах. Отголоски полемики с иконоборцами находим и в публикуемом ниже Слове на рождество Иоанна Предтечи. Кроме того, Феодор Студит активно выступал против цезаропапизма за внутреннюю свободу церкви.

Главным трудом Феодора Студита считаются написанные им Большой и Малый катехизисы, содержащие поучения к братии. Тексты из этих книг были известны на Руси уже в XI в. Перечисляя творения Феодора Студита, его жития (их два, и одно из них лежит в основе другого) говорят также о существовании «Похвальной книги», содержавшей слова к праздничным дням. Из этой книги в настоящее время известно 12 слов, в том числе Слово на рождество Иоанна Предтечи и Слово на усекновение главы Иоанна Предтечи. Возможно, особый интерес Феодора Студита к личности выдающегося пророка в определенный степени объяснялся наличием в Студийском монастыре великолепного храма Иоанна Предтечи. Но гораздо более важной нам представляется внутренняя связь этих двух подвижников. Не случайно одно из житий Феодора Студита, имея в виду обличение им безнравственности императора, прямо уподобляет его Предтече. Чтобы оценить всю меру мужества этого поступка, следует вспомнить, что новый брак Константин VI заключал с двоюродной сестрой Феодора Студита.

В *ВМЧ* наряду с публикуемым текстом помещены еще семь похвальных слов разных авторов, посвященных тому же празднику — рождеству Иоанна Предтечи. Это хорошо иллюстрирует принцип полноты, которого придерживался митрополит Макарий при составлении *ВМЧ.* Время перевода памятника на церковнославянский язык нам неизвестно. Некоторые фрагменты перевода отличаются от греческого оригинала, иные из них без сравнения с греческим текстом просто непонятны. Этот же перевод содержится в минейном Торжественнике, откуда он, возможно, и попал в *ВМЧ:* в ряде мест текст Торжественника представляет более исправные чтения. Текст печатается по июньскому тому Софийского списка *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1322, лл. 189—191). Исправления вносились на основании Успенского списка *ВМЧ (ГИМ,* Синодальное собр., № 995, лл. 391б—394в. За оказанную мне в этом помощь благодарю Ю. А. Грибова). В ряде случаев были учтены

текст Торжественника *(РНБ,* Соловецкое собр., № 1050/1159, XVI в., лл. 78—86 об.) и греческий текст оригинала памятника (PG. T. 99. Col. 747—758).

ОРИГИНАЛ

24 ИЮНЯ. ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО И ИСПОВѢДНИКА ФЕОДОРА, ИГУМЕНА СТУДИЙСКАГО, СЛОВО ПОХВАЛНО НА РОЖЕСТВО СВЯТАГО ПРОРОКА И ПРЕДТЕЧА, И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА

Славию нѣкоему велегласну подобяся, наше слово, благогласнѣ поющому в псролѣтныа чясы, обрѣте убо поне вмалѣ великаго воспѣти гласа, днесь раждаема. Егда же малогласенъ есть кто и сиптѣвъ зило, како воспѣти возможетъ великую пророкомъ славу, како похвалитъ изрядную апостоломъ почесть, како прославить странную мучеником дверь?[1] Таже смотри се, яко прочиимъ святымъ инъ иному сотвориша похвалы: вящьший — вящьшому и смѣреный — смѣреному; сему же, нынѣ хвалимому, прьвѣе иных — самъ Христос Истина. Рече бо: «Болий Иоанна Крестителя в рожденныих женами не воста».[2] Елма убо толика настоить похвала великому Предтечи преизящна от предреченнаго слова, еда убо требуа будетъ кто нашего малословия, о любослышателе? Ни убо. Но раболѣпный отдающе долгъ и отечьский сполняюща чинъ, и яко освящьшеся от единого точию Предтечева поминаниа, продерзателное наше начахомъ.

Гряди убо прочее, да, дневи празднующе рождьственаа, торждьствуемъ не окрестнии токмо, но и вся мысленаго Иордана[3] страна. Видимъ преславнѣ дѣйствуемое днесь, познаимъ Захариинаа, исповѣдимъ Елисаветинаа.[4] Не от безродных бо сый родителей — яко да отсюду великъ явится Предтечя — но и зило нарочитых и славных. Овъ убо, якоже Ааронь[5] нѣкый, и достоиньствомъ и сѣдинами во святительскую одежду одѣянъ: въ яже на прьсех, глаголю, епомиду и подиръ, кидар же и поясъ — яже от злата же и камений и иакинфа же и висса испещренная.[6] И тако въ Святая Святых[7] вхождаше по обычаю чина священническаго. Ова же Саррѣ[8] равнославна, паче же множае славна, яко и Богоматери сродствующи, раждает бо от неплодства по обѣтованию не Исака,[9] раба Божия пронареченнаго, но Иоанна, друга искренняго Господу нареченнаго. О бесплоднаго ложесна, таковое рождешаго отрочя, о неплодныя бразды, таковъ прозябшая класъ! Сего ради неотметнѣ велегласнѣйшаго Исайа достоитъ новѣйше нѣкако и к ней провѣщати: «Възвеселися, неплоды, не ражающиа, расторгни и възпи, не болѣвшия»,[10] яко процвѣте от пустыя утробы кринъ чистотный, цвѣтъ духовнаго благоюхания, вертоград благоносный въздержания. Днеявленнаго свѣтилника Христова пришествия — Иоанна, богопосланнаго воина Небеснаго Царя, изряднаго невѣстоводца Христовы церкве, немолъчнаго мученика[11] сущая Истинны Иоанна, велегласнаго проповѣдника покаянию, иже во плоти аггела Господня, изъявителя Агньцу, вземлющуму грѣхы мира — не имамъ того како нарещи, аще и множайшаа званию того приложу имена. Многоименитъ бо нѣкако есть и мгогодостояненъ, лучшее паче всѣх помазанникъ Господних наслѣдовавъ.

И убо почитается и Исаака праотца рождьство, егоже Сарра заченши и «рождьши сына на старость»,[12] потом же и рекши: «Кто возвѣстить Аврааму, яко доить Сарра отрочя?»,[13] о немже и «велие чреждение сотворше»[14] являются въ дни тогова отдоения. Почитает же ся и Сампсонъ, рожденный Маноеви от обѣтованиа,[15] от неплодове и той прошед, якоже рече: «Не пиетъ вина и сикера и не снѣсть нечисто всяко»[16] и «той спасетъ Иизраиля от рукы враг».[17] Еще же к симъ, да, иных прешед, Самуила воспомяну, иже предняа зрящаго, егоже роди многопѣтаа Анна мужемь еа Елканою, возложеннаго от младеньства Богови.[18] Но никакоже Иоанново получиша величьство, возлюблени, зане ови убо прежде писаннаго Закона, ови же по Законѣ; Иоаннъ же, сынъ Захариа священника и Иелисавети чюдныа, прьвоисходный цвѣтъ Христова пришествиа, процвѣтший посредѣ Закона и Благодати, явися. Предвосиа бо мысленаа денница, назнаменаваа востокъ «Солнца правды»,[19] предтече воинъ, являа царево пришесьтвие, прииде невѣстоводецъ, возвѣщаа приходъ Жениховъ. И овии убо по нѣкыих временех по рождени тѣх или пророчьствоваша или чюдодѣйствоваша; ов же и еще во чревѣ носимъ Святаго Духа исполнися и чюдотворецъ показася.

Убо достояше ми таковое нѣчто, да якоже во образѣ представлю велелѣпный санъ Предтеча. Якоже убо нѣкый царь, от скровищь царьскыих происходя, имать убо прьвое предводителя паличникы нѣкыа и скипетроносца, потом же ипаты,[20] ипархы[21] же и чиноначалникы, послѣжде же нѣкоего сановомъ началнѣйшаго, с нимже абие царь неходатайственѣ является, златомъ и камениемъ свѣтлымъ сиая, — сице убо ми разумѣй о истиннѣм и единѣмъ всѣх Цари Бозѣ нашемъ. Хотящу бо ему с плотию внити въ вселеную, предидоша убо патриарси, сирѣчь Авраамъ,[22] и Исаакъ, и Иаковъ,[23] таже Моиси[24] богоявленный, Ааронь же и Самуилъ, и весь пророчьскый полкъ. Послѣжде же явися Иоаннъ, таже абие Владыка Христос, о немже рече: «Иже по мнѣ грядый пред мною бысть, яко первѣе мене бѣ».[25] И послѣдний достоиньствомъ лучши властию бысть, якоже показася. Сице убо и пророкомъ, и апостоломъ, и инымъ всѣмъ прьвѣйший есть, по истинному слову, великый Предтеча, овѣмъ убо послѣдьствуа, овѣм же предначальствуа.

Но еуангельскую повѣсть разгнувше, услышимъ, что Гавриилъ[26] Захарии обѣтоваетъ. «Явися, — рече, — ему аггелъ Господень, стоя одесную олтаря кадилнаго, и смятесе Захариа, видѣвъ, и страх нападе на нь».[27] Тѣмже страшно нѣкое аггельско видѣние есть и въ страшнѣ мѣстѣ явися, яко «страшно бо, — рече, — место се. Нѣсть се, но домъ Божий».[28] И не чюдо, аще, праведенъ сый, святитель смятеся, и страх нападе на нь, понеже и Даниилъ, иже «желаниомъ мужъ»,[29] видѣвъ, устрашися, на лици же падъ и бездыханенъ бывъ от аггельскаго величьства презмѣрныа свѣтлости: «Явися ему, — рече, — аггелъ Господень». Что рекуть намъ к симъ христоненавистници, не вѣрующе, аще отнудь аггелъ человѣку явися и въобразися никакоже инако, или яко явися? Явися убо в таковѣ же зрацѣ, якоже Моисею прьвѣе на горѣ Синайстѣй в жертвеницѣ, о херувимскомъ воображении сказуя.[30] И аще бесплотное и безъобразное по явленному образу описуется, како телесному и воображателному подпадаетъ осязанию же и требованию

(сирѣчь Спасовъ видъ): не въображаем *ли* явленнѣ непривидѣнною его плотию показаниемъ?[31] А да не сooписовати нас непщують в сих безумнии и Божество, егоже не изречение, ни постижение, ни положение, ни образъ, ни мѣсто, ни количьство, ни качьство, ни ино что есть во описании ради недовѣдомаго и необьемлемаго, понеже и отсюду и невидимое. Съвоображаемъ всяко, ниже ключимо есть, но ключимѣ свое комуждо отдаемъ: неописанному — неописанное и описанному — описанное, якоже истинны слово представи. Но на прьвое пакы да возвратимся.

«Рече же к нему аггелъ: „Не бойся, Захариа, понеже услышана бысть молитва твоа".[32] Абие спрята страх рѣчию, иже анггельское видѣние поеже устрашитися, страх отятъ; съпротивный бѣсовьскыимъ прилогомъ. „Не бойся, Захариа, зане услышана бысть молитва твоа и жена твоа Елисаветъ родитъ сына тебѣ"».[33] О желание богодателнаго получениа, о желаниа аггеломъ принесеное обѣтование: получи, еже желааше, постиже, еже надѣяшеся, обрѣте, еже искааше — безплодиа обновление, бездѣтьства гобзование — не от послѣдованиа естьству, но от молитвенаго прошениа. Не бо клятвы запрещение бяше неплодьство — ни убо! — но знамениа великааго предназнаменание. Захарии бо належащу чястыми къ Богу молбами раздрѣшити неплодьство, отсюду услышана быти того, мню: «Не убо и еще исполнися время, не скончашася дние ко явлению. Тогда убо чай чадородиа, Захариа, внегда приидетъ Чаяние языкомъ; тогда надѣйся неплодьству раздрѣшение, егда приидетъ „Упование всѣмъ концем земнымъ"».[34] Елма же прииде время: «Восприими прочее желателное Гавриииловѣмъ проречениемъ, „обновися, яко орелъ, юностию",[35] познай естьство съпружницу, „услышана бо бысть молитва твоа, и жена твоа Елисаветъ родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему *Иоанн".* Познай имя, еже наречещися хотяше[36] от самого истинословиа свыше».

Рече же Захариа ко аггелу прочее (тому яко срабъ, но съ дрьзновениемъ глаголеть): «По чесому разумѣю се? Азъ бо есмь старъ и жена моа заматорѣвши во днех своих».[37] Готовому бо и духовному дѣянию невѣрьствиа грѣх да напишется священнику. Настоящее же слово не противнѣ лежитъ, но якоже искушение; предиды тожде пострадати, рече, еже и великому Фомѣ,[38] Захарии. Не бо приличнѣ бяше тому не вѣдѣти, пророку сущу, и божественых наказану, яко можетъ убо Богъ и естьство обновити, и старость юну сотворити, и прехождение прехытрѣ извѣсти, якоже при Авраамѣ и Саррѣ, якоже при сумантяни[39] и иныхъ многых, и во всяческых того чудесех. Но понеже прошениемъ многыим и преславныимъ надеждамь бяху обѣтоваемая напрасно слышана, смущати нѣкако обыкоша душа, не невѣриемъ одержимъ быти, мню, но о событии тщася, абие, якоже сладостию обьятъ бывъ, возъпи и рече: «По чесому разумѣю се? Да не прескажеши убо, да не солъжеши нѣкако, даждь ми знамение, даждь ми вручение, якоже древле Богъ Аврааму, — въ еже быти ему отцу многымъ языкомъ, и от чреслъ его изыти царемъ — обрѣзаниа знамение; и прежде сего, якоже Ноеви — не навести потопъ на землю — еже на облацѣ дугою; к симъ и Моисеови — змиетворным и скоропретворнымъ жезломъ въ еже вѣровати египтяномъ, яко явися ему Сый».[40] И отвѣщавъ, рече архаггелъ, рече к нему: «Се будеши млъча и не могый глаголати до негоже дне

събудутся сия, зане не вѣрова словесемъ моимъ»[41] — приложим же к молчанию просто же и неистязателнѣ — «яже сбудется во время свое».[42]

Приятъ убо знамение Захариа, ключимо вещи, — молчание: вѣщание, рѣшащее к вѣщанию живому и составному, раждаемому от него. И стиснувъ устнѣ, пояше гласы неслышателными Рождениюдателя, «изшед бо, — рече, — не можааше глаголати, и разумѣша, яко видѣние видѣ въ церкви, и той бѣ помаваа и пребываа нѣмъ»[43] — ово убо, заеже не вопрашаемъ быти, яко не возможно быти видѣнию слышатися; ово же, яко заматорѣвшимъ чювьствомъ, и себе весь спрятався и, видѣниемъ изнемогъ, оглохнувъ въздухоспадателными глаголы. Ничтоже тако, якоже пророкоотецъ и пророчьствиа дѣло отсюду назнаменавъ, и се есть законныа службы умлъкнутие, благодати же ради рождьства Иоаннова возглаголание. Но убо яже посредѣ да преидемъ, яко ни дьню дающу, ниже самой силѣ нашей довлящи. Пакы на предлежащее поидемъ.

«И бысть, — рече, — яко услыша Елисаветъ цѣлование Мариино, взыграся младенецъ радощами во чревѣ еа».[44] О Иоанне, блаженное младя, нерожденное възыграние: иже во чревѣ — како украсися? Несвершеный — како полнѣйши? Шестомѣсячный — како многолѣтенъ? Неразумны — како разумнѣйший? Неглагольный — како благоглаголенъ? Писаниом неискусный — како премудрѣйши? Скажи намъ, скажи, в темнѣй странѣ материних ложеснъ съдержимый, зрителныимъ обычаемъ не удѣйствуа, слышателный *шум не уприемъ,* гласовное вѣщание не увѣщаа, ходителное движение не уначенъ, смѣшеное свойство неухытривъ, — како зриши, како ощущаеши, како благословиши, како възыграся ногама, како шепераеши? Отвѣщай, отвѣщай, о всеизрядне!

«Велико, — рече, — бываемое таиньство и внѣ человѣчьскаго постижениа чюдо. Истъщаваю в лѣпоту естьство за хотящаго истощитися о естествѣ. Възыгрателенъ сый, зрю, понеже „Праведное Солнце" зрю воплощаемо; ощущаю, понеже прехожду, яко глас великааго Слова раждаемаго, вопиа; единъ единороднааго Сына Отча разумѣю воплощаема; ликоствую, зане всѣх Творца внушаю человѣка воображаема; радуюся, елма Избавителя миру ощущаю вътелесѣема. Начало вамъ, — рече, — назнаменую Божиаго в миръ схождениа и тѣлесное происхождение; предтичю пришествие Христово и начинаю вамъ исповѣдание. „Приимѣте псаломъ",[45] *Давыдьскы* рещи, „и дадите тимпанъ пророчьскы, Псалътирь красенъ с гусльми",[46] „воспойте ему и пойте ему; повѣдите вся чюдеса его"».[47]

Тѣмже убо, Иоанне, превзыде ли земная, приниче ли въ небеснаа, превознесе ли себе аггельскых и первослужителных украшений? Како убо ихже естьство не приялъ еси, сих чинъ и достоиньства наслѣдова и еже тѣмъ от вѣка невѣдомо и незнаемое абие яко съ Богомъ напрасно прешед и возвѣсти намъ, таже и еще во утробѣ сый?

«Не по воздуху шествовах, — рече, — ни по облаком текох, не превзыдох небеснаа, не превозвысихся огнепалных и бесплотных силъ — ничтоже

от сих да *непщуется* — но иже надо всѣми Сый и пребываа во Отчиих недрох со Святымъ Духомъ утаи вся неотступнѣ от всѣх огньных слугъ своих, яко во другое небо, прешед въ чрево Приснодѣвы Мариа, яви себе и тайно научи мя таковая. Возвѣститель убо есмь Младенца, „яко Отрочя раждается намъ, Сынъ и дастъся намъ",[48] по великому Исайи, „превѣчный Богъ". От неплодныа раждаюся, зане Дѣвыа рождьство приходитъ».

О выше естественых великодѣйствий! О преславнаго чюдодѣйства, яже намъ нерожденный младенецъ благовѣствуетъ днесь! Елика намъ Елисаветино рождьство, богословуа, провозвѣсти! Да играетъ подсолнечьная вся, да ликоствуетъ церкви предпразденьственая, предходящиим рождьствомъ Христову рождьству торждествующи, и радости да исполняются всячьскаа, возвѣстителя приемлюще Всецарева Христова пришесьтвиа!

Но, о блаженый Иоанне, в великыих великый пророче, въ прьвыих первый апостоле, в мученикох изящнѣйший великомучениче, пустынный богокрасителный гражданине, краснаго Жениха друже возлюбъленне, неизреченнаго Свѣта свѣщниче готовый, непорочнаго Агньца проповѣдниче въвѣреный, неизреченнаго Отечьскаго гласа неизреченный слышателю, креститель Христовъ нареченый, Иродовый нечистоты обличителю несуменный, иже во адѣ живота провозвѣстивый, богогласная трубо вселенѣй — воструби намъ и нынѣ с небесе священными молитвами си сладцѣ в сердци, ввѣреныимъ ти людемъ, худому своему стаду с духовныимъ моимъ отцемъ,[49] милостив же, пакы дерзнутому мною, убогыимъ, начинанию: не яко бо даръ, но яко от раба долгъ иже от любве тебѣ со страхомъ и желаниемъ принесох о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава и честь и покланяние съ Дръжителемъ Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] *...странную мученикомъ дверь?* — В греческом тексте: «Как восславит необыкновенную честь мучеников?»

[2] *«Болий Иоанна Крестителя... не воста».* — Мф. 11, 11.

[3] *Иордан* — река в Палестине, в которой Иисус Христос был крещен Иоанном Предтечей.

[4] *...познаимъ Захариинаа, исповѣдимъ Елисаветинаа.* — Захария, отец Иоанна Предтечи, «священник из Авиевой чреды» (Лк. 1, 5), т. е. священник, имевший право служения по очереди с другими потомками Аарона (см.: Аарон). Елисавета, мать Иоанна Предтечи, родственница Богородицы.

[5] *Аарон* — первый первосвященник, брат пророка Моисея, помогавший ему выводить евреев из Египта. Он и его потомство (к которому относился и Захария) были призваны Богом к священническому служению. Сравнение Захарии с Аароном приобретает особый смысл еще и потому, что жену Аарона тоже звали Елисавета.

[6] *...епомиду и подиръ, кидар же... и висса испещренная.* — Здесь перечисляются детали торжественного облачения иудейского первосвященника. Епомида — оплечье; подир — длинная одежда, напоминающая подризник; кидар — головной убор; иакинф — гиацинт (драгоценный камень); виссон — тонкая белая ткань.

[7] *Святая Святых* — часть Скинии, походного храма иудеев. В Святая Святых мог входить лишь первосвященник.

[8] *Сарра* — жена Авраама, мать Исаака. Долгое время была бесплодной и родила в глубокой старости.

[9] *Исаак* — сын Авраама и Сарры, которого отец хотел принести в жертву в знак повиновения Богу. Видя покорность Авраама, Бог спасает жизнь Исааку и обещает Аврааму умножение и славу его рода.

[10] *«Възвеселися, неплоды... не болѣвшия»...* — Исх. 54, 1.

[11] *...немолъчнаго мученика...* — В переводе с греч. обозначает и «мученик», и «свидетель». В данном случае переводчик предпочел первое из значений.

[12] *...«рождьши сына на старость»...* — Ср.: Быт. 21, 7.

[13] *«Кто возвѣстить Аврааму, яко доить Сарра отрочя?»* — Быт. 21,7.

[14] *...велие чреждение сотворше...* — Быт. 21, 8.

[15] *...Сампсонъ, рожденный Маноеви от обѣтованиа...* — Самсон — один из судей Израиля. Его отец Маной долгое время не имел детей, но однажды бесплодной жене Маноя явился ангел и сказал, что она родит сына. Сын этот, Самсон, стал назореем, т. е. посвященным Богу. Среди ряда запретов, которыми должен был следовать назорей, были запреты пить вино (см. следующую использованную Феодором Студитом цитату) и стричь волосы. Благодаря своей огромной силе Самсон совершил множество подвигов. Через любимую Самсоном Далилу его врагам филистимлянам удалось выведать тайну этой необычайной силы (запрет стричь волосы), Самсон оказался в плену и впоследствии погиб. Помимо того что Иоанн Предтеча, как и Самсон, родился от бесплодной, Иоанн был также и назореем.

[16] *«Не пиетъ вина... нечисто всяко»..* — Суд. 13, 14.

[17] *...«той спасетъ Иизраиля от рукы враг».* — Ср.: 13, 5.

[18] *...Самуила... егоже роди многопѣтаа Анна мужемь еа Елканою, возложеннаго от младеньства Богови.* — Самуил — пророк и судья народа Израиля. Елкана, отец Самуила, происходил из колена левитского, предназначенного Богом для священства. Жена Елканы, Анна, была бесплодна, но после ее горячей молитвы и обещания сделать сына назореем она родила Самуила. Самуил был удостоен дара пророчества, а впоследствии стал мудрым правителем. Им были помазаны на царство первые Израильские цари — Саул и Давид.

[19] *...«Солнца правды»...* — Мал. 4, 2.

[20] *Ипат* — сановник, консул.

[21] *Епарх* — правитель области, судья.

[22] *Авраам* — один из ветхозаветных патриархов. От двух жен, Сарры и Агари, имел сыновей Исаака и Измаила, ставших родоначальниками евреев и измаильтян. За свою праведность удостоился нескольких явлений Бога, во время которых ему было обещано многочисленное потомство.

[23] *Иаков* — он же Израиль, младший сын Исаака, родоначальник 12 колен Израиля.

[24] *Моисей* — пророк и первый священный бытописатель. Вывел еврейский народ из Египта и дал ему полученный от Бога Закон — 10 заповедей.

[25] *«Иже по мнѣ грядый... первѣе мене бѣ.* — Ин. 1, 15.

[26] *Гавриил* — архангел, в Ветхом и Новом Заветах он открывает будущее и приносит благие вести.

[27] *«Явися, — рече, — ему аггелъ Господенъ... страх нападе на нь».* — Лк. 1 : 11—12.

[28] *...«страшно бо... домъ Божий».* — Быт. 28, 17.

[29] *...Даниилъ, иже «желаниомъ мужъ»...* — Даниил — пророк, в числе пленных иудеев оказался в Вавилоне. Его жизнь подробно описана в библейской книге, носящей его имя. Мудрость и праведность Даниила позволила ему толковать пророческие сны правителей, самому удостаиваться видений. «Мужем желаний», т. е. человеком, достойным любви Божьей, в Библии его называют архангел Гавриил (Дан. 9, 23) и безымянный дух, которого иногда отождествляют с Гавриилом (Дан. 10, 11, 19).

[30] *Явися убо в таковѣ же зрацѣ... о херувимскомъ воображении сказуя.* — Речь идет об очистилище, покрывающем Ковчег Завета, в котором хранились скрижали Закона. Очистилищем оно называлось потому, что раз в год для очищения грехов народа первосвященник окроплял Ковчег Завета кровью жертвенного животного. На

очистилище были изображены две херувима, простирающие крылья друг к другу.

[31] *...како телесному и воображателному подпадаетъ осязанию... плотию показаниемъ?* — Славянский перевод здесь не очень вразумителен. В греческом оригинале читаем следующее: «...как воплощенное и имеющее образ, доступное зрению и осязанию, и трем измерениям, каковое есть облик Спасителя, мы не будем изображать в доказательство очевидности не привидевшегося его воплощения?»

[32] *Рече же к нему аггелъ: «Не бойся... молитва твоа».* — Лк. 1, 13.

[33] *«Не бойся, Захариа... родитъ сына тебѣ».* — Лк. 1, 13.

[34] *«Упование всѣмъ концем земным».* — Ср. молитву священника.

[35] *«...обновися, яко орелъ, юностию»...* — Ср. Пс. 102, 5.

[36] *...наречещися хотяше...* — Вероятно, это «хотяше» произошло из «сходяще». В греческом оригинале: «Имя, которое этимологически обозначает „сходящий свыше"».

[37] *«По чесому разумѣю ... во днех своих».* — Лк. 1, 18.

[38] *Фома* — один из двенадцати апостолов. Воскресший Христос явился ученикам в отсутствие Фомы, и когда Фоме рассказали об этом, он усомнился. Спустя восемь дней Иисус явился уже в присутствии Фомы и позволил ему осязать свои раны с тем, чтобы Фома уверовал.

[39] *...якоже при сумантяни...* — Феодор Студит упоминает библейский рассказ о сонамитянке, жительнице города Сонама, принадлежавшего колену Иссахара (IV Цар. 4, 8—38). По предсказанию пророка Елисея у сонамитянки родился сын. Когда мальчик внезапно умер, Елисей воскресил его.

[40] *«...якоже древле Богг Аврааму... явися ему Сый».* — В качестве примеров различных знамений перечисляются известные библейские сюжеты: Быт. 17, 11; Быт 6, 9—17; Исх. 7, 12—17.

[41] *«Се будеши млъча... словесемъ моимъ»...* — Лк. 1, 20.

[42] *...«яже сбудется во время свое».* — Лк. 1, 20.

[43] *...«изшед бо... пребываа нѣмъ»...* — Лк. 1, 22.

[44] *«И бысть... во чревѣ еа».* — Лк. 1, 41.

[45] *«Приимѣте псаломъ»...* — Пс. 80, 3.

[46] *...«и дадите тимпанъ... с гусльми»...* — Пс. 80, 3.

[47] *...«воспойте ему... чюдеса его».* — Пс. 104, 2.

[48] *...«яко Отрочя... дастъся намъ...»* — Ис. 9, 6.

[49] *...с духовныимъ моимъ отцемъ...* — По всей вероятности, речь идет об игумене Платоне, выдающемся византийском подвижнике. Платон, приходившийся Феодору Студиту дядей по материнской линии, был участником 7-го Вселенского собора. На долгие годы Платон стал его ближайшим духовным другом и соратником. Во многом под влиянием игумена Платона Феодор Студит принял монашество. По настоянию больного Платона в 794 г. игуменство Саккудионского монастыря перешло от него к Феодору Студиту. Примечательно, что когда Платон вводил в Саккудионском монастыре новый устав, активное участие в создании устава принимал Феодор Студит.

ПЕРЕВОД

24 ИЮНЯ. ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО И ИСПОВЕДНИКА ФЕОДОРА, ИГУМЕНА СТУДИЙСКОГО, СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ НА РОЖДЕСТВО СВЯТОГО ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ И КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА

Даже уподобясь некоему голосистому соловью, сладкоголосо поющему в весенние времена, наше слово смогло бы только в малой степени воспеть великий голос, рождаемый сегодня. Если же кто слаб голосом и сипл весьма, как сможет воспеть великую пророков славу, как восхвалит изрядную апостолов честь, как прославит чудесную мучеников дверь? Еще и на то обрати внимание, что в отношении прочих святых один другому сложил похвалы: больший — большему и смиренный — смиренному; этому же, ныне прославляемому, прежде иных — сам Христос Истина. Сказал ведь: «Из рожденных женщинами больший Иоанна Крестителя не восставал». Если же существует такая выдающаяся похвала великому Предтече в вышеуказанном слове, то разве понадобится кому-либо наше малословие, о желающий слушать? Нимало. Но мы, отдавая рабский долг и исполняя отеческий чин и словно освятившись от одного только поминания Предтечи, к дерзости своей приступили.

Распространяйся, <похвала>, далее, чтобы, празднуя рождения день, торжествовали не только мы, здешние, но и вся область духовного Иордана. Увидим чудесно происходящее сегодня, познаем бывшее с Захарией, уведаем бывшее с Елисаветой. Ибо не от безродных произошел родителей — чтобы уже поэтому стать Предтече великим — но от весьма знатных и славных. Ведь один, <отец>, словно некий Аарон, и по достоинству, и по сединам облачен в святительскую одежду: оплечник и подир, говорю, на груди, кидар и пояс — украшенные золотом, камнями, гиацинтом и виссоном. И так в Святая Святых входил по обычаю чина священнического. Другая же, <мать>, равна Сарре славой и даже более славна как состоящая в родстве с Богоматерью, ибо рождает, будучи бесплодной, по обету не Исаака, прозванного рабом Божьим, но Иоанна, названного любимым другом Господа. О бесплодное чрево, родившее такое дитя, о неплодная борозда, произрастившая такой колос! Того ради непременно и незамедлительно слова громогласнейшего Исайи следует неким

образом отнести и к ней: «Возвеселись, неплодная, не рождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся», ибо процвела от пустой утробы чистая лилия, цветок духовного благоухания, благоносный сад воздержания. Явленного днем светильника Христова пришествия — Иоанна, богопосланного воина Небесного Царя, достойного невестоводца Христовой церкви, неумолкающего мученика подлинной Истины, Иоанна, громогласного проповедника покаяния, ангела Господня во плоти, вестника Агнца, берущего грехи мира, — не знаю, как его назвать, даже если к его имени присоединю и большее количество наименований. Ибо неким образом имеет он много имен и достоинств, стяжав совершенство более всех помазанников Господних.

Почитается же и рождение праотца Исаака, которого Сарра зачала и «родила сына на старость», сказав потом: «Кто возвестит Аврааму, что кормит Сарра дитя?», из-за которого «устроили большой пир» в день его отлучения от груди. Почитается и Самсон, рожденный Маною по обету, — и он от бесплодной родился, как сказано: «Не пьет вина и сикера и не ест ничего нечистого» и «он спасет Израиля от руки врагов». Помимо этих, не касаясь иных, вспомню Самуила, видящего будущее, родила которого, посвященного с младенчества Богу, многажды воспетая Анна от мужа своего Елканы. Но не получили они Иоаннова величия, возлюбленные, ибо одни <жили> до писанного Закона, другие — после того, как <дан был> Закон; Иоанн же, сын священника Захарии и дивной Елисаветы, явился цветком Христова пришествия, процветшим между Законом и Благодатью. Ибо воссияла духовная заря, предвещая восход «Солнца правды», пошел впереди воин, объявляя о пришествии царя, пришел невестоводец, возвещая приход Жениха. Кроме того, они <вышеназванные> пророчествовали или творили чудеса спустя некоторое время по своем рождении; он же еще во чреве носимый исполнился Святого Духа и предстал чудотворцем.

Итак, надлежало бы мне как-либо представить великое достоинство Предтечи в образе. Как некоего царя, который, выходя из царских палат, вначале имеет предшественниками неких охранников и жезлоносцев, потом же ипатов, епархов и чиноначальников, затем же некоего старшего над сановниками, с которым тотчас показывается непосредственно сам царь, сияя золотом и яркими камнями, — так же представляй истинного и единого Царя всех Бога нашего. Ибо когда следовало ему во плоти войти в мир, предшествовали ему патриархи — Авраам, Исаак, Иаков, затем отмеченный Богом Моисей, Аарон и Самуил, и все пророческое воинство. После же явился Иоанн, затем тотчас Владыко Христос, о котором сказал <Иоанн>: «Идущий за мной стал впереди меня, потому что был прежде меня». И последний по званию стал высшим во власти, как и указано. Таким образом, по истинному слову, великий Предтеча выше и пророков, и апостолов, и всех иных, за одними следуя, другим же предшествуя.

Но, раскрыв евангельский рассказ, услышим, что Гавриил Захарии обещает. «Явился, — сказано, — ему ангел Господень, стоя справа от алтаря кадильного, и, увидев его, смутился Захария, и страх напал на него». Потому страшно некое видение ангела и в страшном месте

произошло, что «страшно ведь, — сказано, — это место. Это не что иное, как дом Божий». И не диво, что, будучи праведным, священник смутился, и страх напал на него, поскольку и Даниил, «муж желаний», увидев, устрашился, пал ниц и был бездыханен от безмерного сияния ангельского величия: «Явился ему, — сказано, — ангел Господень». Что скажут нам на это христоненавистники, не веря, что вообще ангел человеку явился и был изображен никак не иначе, чем явился? Ибо явился в таком же облике, как и прежде Моисею на горе Синайской, сообщая об изображении херувимов в жертвеннике. И если бесплотное и безобразное описывается по явленному образу, то как же телесному и образному (то есть образу Спасителя) быть доступным осязанию и поклонению: не изображаем ли мы его явно во свидетельство непривидевшейся его плоти? И пусть не полагают безумные, что здесь мы описываем еще и Божество, которого ни выраженности, ни постижения, ни положения, ни образа, ни места, ни количества, ни качества, ни чего-либо другого нет в описании из-за неизвестности и необъятности, поскольку потому оно и невидимо. Одновременно мы изображаем все, что ни подобает, и отдаем каждому подобающее: неописанному — неописанное и описанному — описанное, как и гласит слово истины. Однако вернемся вновь к прежнему.

«Сказал же ему ангел: «Не бойся, Захария, ибо была услышана молитва твоя». Тотчас снял ангел страх речью, потому что, устрашенный видением ангела, страха <затем> лишается; при бесовских козням — напротив. «Не бойся, Захария, ибо была услышана молитва твоя и жена твоя Елисавета родит тебе сына»«. О желание богоданного дара, о желание принесенного ангелом обета: получил то, чего желал, достиг того, на что надеялся, обрел то, чего искал, — преодоления бесплодия, изобилия <вместо> бездетности — не по закону естества, но по молитвенному прошению. Ибо бесплодие не было наказанием проклятия — ничуть! — но предзнаменованием великого знамения. Ибо, когда Захария усердствовал в частых молитвах к Богу о разрешении бесплодия, услышано им было, думаю, следующее: «Не исполнилось еще время, не настали дни для явления. Тогда ожидай рождения младенца, Захария, когда придет Ожидание народов; тогда надейся на разрешение бесплодия, когда придет «Упование всех концов земли»«. Когда же пришло время, <он услышал>: «Узнай, наконец, желанное через предсказание Гавриила, «обновись, будто орел, юностью», познай естество супруги, «ибо была услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь имя ему Иоанн». Познай имя, которым должно ему называться по значению слова свыше».

Итак, сказал Захария ангелу (говорит с ним с дерзновением, как с таким же, как сам, рабом): «По чему я узнаю это? Ибо я стар, и жена моя достигла преклонных лет». Ведь имеющиеся духовные сочинения приписывают священнику грех неверия. Настоящее же слово не наперекор сказано, а как испытание; сначала Захарии, сказано, довелось пережить то же, что и великому Фоме. Ибо не мог он не знать, будучи пророком и наставленным в божественном, что может Бог и естество обновить, и старость обратить в юность, и искусно найти выход, как с Авраамом и Саррой, как с сонамитянкой и многими

другими, и во всяческих его чудесах. Но, поскольку от обещания, внезапно услышанного в ответ на многочисленные просьбы и преславные надежды, душе свойственно как-то смущаться, не неверием был он, думаю, охвачен, но, заботясь об исполнении, тотчас же, словно будучи объятым наслаждением, воскликнул и сказал: «По чему пойму это? Чтобы не исказить, не ввести как-либо в заблуждение, дай мне знамение, дай мне залог, как прежде Бог Аврааму, — в знак того, что он будет отцом многих народов, и от чресл его произойдут цари — знамение обрезания; и раньше этого, когда Ною дал знак, что не наведет потоп на землю, радугой на облаке; кроме того, и Моисею — жезлом, превращающимся в змея и обратно, чтобы уверовали египтяне, что явился ему Сущий». И, отвечая, сказал архангел, сказал ему: «Будешь же молчать и не сможешь говорить до того дня, когда это сбудется, потому что не поверил словам моим» — добавим же к молчанию просто и не испытывая — «которые сбудутся в свое время».

Получил же Захария знамение, соответствующее событию, — молчание: предвестие, указывающее на предвестие живое и телесное, рождаемое от него. И, сомкнув уста, воспевал в беззвучных песнопениях Давшего рождение, «ибо, выйдя, — сказано, — не мог говорить, и поняли, что он видел видение в церкви, и он объяснялся знаками и пребывал нем» — с одной стороны, чтобы не быть спрошенным, ибо не должно было быть видению услышанным; с другой стороны, оттого, что притупились его чувства и он ушел в себя и, обессиленный видением, оглох для слов, сотрясающих воздух. Ничуть не странно, что отец пророка так отметил и дело пророчества, и это — умолкание ветхозаветной службы и провозглашение благодати благодаря Иоаннову рождению. Впрочем, оставим говорить об этом, поскольку ни к дню это не относится, ни самой силе нашей это не доступно. Перейдем к предшествующему.

«И когда, — сказано, — услышала Елизавета приветствие Марии, взыграл радостью младенец во чреве ее». О Иоанн, блаженный младенец, взыграние до рождения: как, будучи во чреве, украсился? Не состоявшийся — как стал совершеннейшим? Шестимесячный — как стал многолетним? Неразумный — как стал разумнейшим? Бессловесный — как стал красноречивым? Не искушенный в писаниях — как стал премудрейшим? Скажи нам, скажи, в темной области материнской утробы заключенный, свойств зрения не испытавший, еще шума слухом не воспринявший, голосом речи не произнесший, ходить не начавший, со способностью смеяться еще не знакомый, — как видишь, как чувствуешь, как благословляешь, как взыграл ногами, как лепечешь? Отвечай, отвечай, о достойнейший!

«Велико, — говорит он, — происходящее таинство, и чудо недоступно человеческому постижению. Попираю заслуженно естество из-за пожелавшего быть попранным в естестве. Взыгравший, я вижу, поскольку вижу воплощение «Солнца правды»; чувствую, поскольку предшествую, возглашая, как голос великого рождаемого Слова; один разумею, что единородный Сын Отца воплощается; ликую, ибо узнаю Творца всего, принимающего образ человека; радуюсь, поскольку чувствую, что Избавитель мира обретает тело. Я укажу вам, — сказал, — начало Божьего схождения в мир и телесного явления; предваряю

пришествие Христово и начну проповедь перед вами. «Возьмите псалом», говоря словами Давида, «и дайте тимпан пророческий, псалтирь прекрасную с гуслями», «воспойте ему и пойте ему; поведайте о всех чудесах его»«.

Так возвысился ли ты, Иоанн, над земным, проник ли в небесное, вознесся ли над красотой ангелов и высших служителей? Как же ты наследовал чин и достоинства тех, чье естество ты не принял, и то, что им от века было неведомо и неизвестно, тотчас ты как с Богом внезапно пришедший возвестил нам, будучи к тому же еще и в утробе?

«Не по воздуху я шествовал, — сказал, — не по облакам мчался, не взошел на небеса, не возвысился над огненными и бесплотными силами — пусть не полагают ничего такого — но Сущий над всеми и пребывающий в Отчих недрах со Святым Духом все тщательно скрыл от своих огненных слуг, войдя в чрево Приснодевы Марии, словно в другое небо, явил себя и тайно научил меня всему этому. Ибо я — провозвестник Младенца, «потому что Младенец рождается нам, Сын дается нам», по слову великого Исайи, «предвечный Бог». Рождаюсь от бесплодной, ибо приближается рождество от Девы».

О сверхъестественное великое дело! О преславное чудо, что нам ныне благовествует нерожденный младенец! Сколько нам рождение сына Елисаветы, богословствуя, провозвестило! Пусть возвеселится все под солнцем, пусть прославит церковь предпразднество, празднуя рождение, предшествующее рождению Христа, и пусть все исполнятся радости, принимая провозвестника пришествия Царя всех Христа!

Но, о блаженный Иоанне, среди великих величайший пророк, среди первых первый апостол, среди мучеников самый выдающийся великомученик, украшенный Богом житель пустыни, прекрасного Жениха возлюбленный друг, неизреченного Света уготованный подсвечник, непорочного Агнца верный проповедник, неизреченного голоса Отца неизреченный слушатель, Христа предопределенный креститель, Иродова распутства твердый обличитель, жизнь в аду провозвестивший, богогласная труба вселенной — воструби сладостно и ныне с небес священными своими молитвами в сердца нам, вверенным тебе людям, худому твоему стаду с духовным моим отцом, еще же милостив будь к дерзко предпринятому мной, убогим, делу: ибо не как дар, но как долг раба принес тебе из любви со страхом и усердием во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава, честь и поклонение с Владыкой Отцом и Пресвятым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина

ВСТУПЛЕНИЕ

СЛОВО О МАРТИНЕ МОНАХЕ, ЧТО ПРЕБЫВАЛ В ТУРОВЕ...

Небольшое по объему «Слово о Мартине мнисе, иже бѣ в Туровѣ...» в равной мере важно и как литературный памятник, и как исторический источник. Рассказ, собственно, сводится к описанию явления св. Бориса и Глеба страдающему от грыжи монаху Мартину. Безыскусность и лаконичность повествования во многом определили красоту этого рассказа.

Явление святых мучеников произошло у посвященной им церкви, в монастыре, бывшем, по мнению М. Грушевского, «епископской резиденцией, а основан он был, видимо, во времена Ярослава, который мог иметь целью тут, в столице Святополка, запечатать память этого „окаянного князя" напоминанием об убитых им братьях» (*Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 305). Впрочем, упоминание о полном одиночестве Мартина вряд ли дает повод говорить о «резиденции». Выражение «въ епискупли манастыри», скорее, может означать, что туровский епископ был одновременно игуменом названного монастыря.

Упомянутые в произведении исторические лица позволяют датировать события второй половиной XII в. А. Поппэ относит их к 50—60-м гг. XII в., указывая, что если к этому времени Мартину было больше шестидесяти лет, то поступил он на поварскую службу около 1120 г. (*Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. P. 198—199).иболее ранний список памятника известен в составе Пролога (1406 г.). Вместе с тем языковые черты «Слова...» (в частности, последовательное употребление двойственного числа) позволяют исследователям относить его создание к XII в.

Текст печатается по июньскому тому Софийского списка *ВМЧ (РНБ,* Софийское собр., № 1322, л. 210). Этот же памятник еще раз читается в июньской минее на лл. 211—211 об. Текст его переписан из Пролога и в сравнении с публикуемым ранее исправен.

ОРИГИНАЛ

27 ИЮНЯ. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО О МАРТИНѢ МНИСЕ, ИЖЕ БѢ В ТУРОВѢ ВЪ ЦЕРКВИ СВЯТОЮ МУЧЕНИКУ, ЕДИНЪ ЖИВЫЙ О БОЗѢ

Нѣкто старець именемъ Мартин, бывый преже поваръ епископомъ туровьскимь Симеону, Игнатию и Акиму, сего епископъ *Георгий* свободи[1] старости дѣля. И, бывъ мнихъ, пребываше въ епискупъли манастыри у Святою мученику на Болонии,[2] единъ живый. Часто же боляше старець лономъ, чрева бо ему в лоно выходяху. И егда се бываше, тогда лежаше старець, вопиа, не могый встати и послужити своему телеси.

Единою же, болящу ему тѣм же недугомъ, и лежаше въ келии, от жажа водныя изнемогаше. Никомуже посѣтившю его, зане бѣ вода велика около манастыря. Въ третий же день внидоста к нему святаа мученика Борисъ и Глѣбъ[3] явѣ въ своемъ подобии, якоже и на иконѣ написана еста. И глаголаста: «Чимъ болиши, старче?» Онъ же повѣда има недугъ свой. И рѣста: «Хощеши ли воды?» И рече старець: «О господина, уже е давно жажю». И вземь единь ручку старчю, и принесе воды, и, вземша корець, напоиста старца. И рече старець: «Чья еста дѣтьска?»[4] Глаголаста: «Ярославля». И мнѣвъ старець Георгевича Ярослава[5] слузѣ еста. И рече: «Богъ да сътворить вама многа лѣта, господина моя. Обаче, вземша сама, хлѣбъ ядита, азъ бо не могу служити вама». Она же рѣста: «Абы и тебѣ былъ хлѣбъ, вѣ уже отидевѣ, а ты не боли, но опочий». Ти яко невидима быста, старець же обрѣтеся здравъ и, вставъ, прослави Бога и святаа мученика, и пребысть прочее здравъ, и се самъ сказа духовному отцю.

---

[1] *...епископомъ туровскымъ Симеону, Игнатию и Акиму, сего епископъ Георгий свободи...* — Из всех перечисленных епископов достоверные сведения имеются лишь об Иоакиме. Ипатьевская летопись сообщает о его рукоположении в 1144 г. Впоследствии, став жертвой распри князей Изяслава и Вячеслава, Иоаким был схвачен и отправлен в Киев. Упоминание в «Слове...» Симеона и Игнатия как предшественников Иоакима позволяет историкам делать вывод о существовании Туровской епархии уже в первой половине XII в.

[2] *...на Болонии...* — Слово «болонье», обозначающее низменное поречье, в данном случае можно рассматривать и как имя собственное, и как нарицательное: в названиях храмов нередко отражались особенности топографии.

[3] *...святаа мученика Борисъ и Глебъ..* — Св. Борис и Глеб, в крещении Роман и Давид, младшие сыновья великого князя Владимира. В 1015 г. были убиты братом Святополком, надеявшимся таким образом укрепить свое положение великого князя. Явленный ими подвиг непротивления послужил основанием для причисления их к лику святых.

[4] *«Чья еста дѣтьска?»* — Игра слов здесь будет понятна в полной мере, если учесть, что в церковнославянском языке (как, скажем, и в греческом) лексика, обозначающая детей, могла в определенном контексте обозначать слуг, рабов (ср. однокоренные «раб»—«ребенок»).

[5] *...Георгивича Ярослава...* — Ярослав Георгиевич, князь пинский. Под 1184 г. наряду с другими князьями упоминается Ипатьевской летописью как участник похода великого князя Святослава на половцев.

ПЕРЕВОД

27 ИЮНЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. СЛОВО О МАРТИНЕ МОНАХЕ, ЧТО ПРЕБЫВАЛ В ТУРОВЕ В ЦЕРКВИ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ, ЖИВЯ ОДИН ВО БОГЕ

Жил некий старец именем Мартин, бывший прежде поваром у епископов туровских Симеона, Игнатия и Иоакима, которого епископ Георгий отпустил по старости. И, будучи монахом, пребывал он в епископском монастыре при церкви Святых мучеников на Болонье, живя в одиночестве. Часто страдал старец животом, ибо выходили его внутренности через задний проход. И когда это бывало, тогда лежал старец, крича, не в силах встать и послужить своему телу.

Однажды, страдая тем же недугом, лежал он в келье, изнемогая от жажды. Никто его не посетил, потому что вокруг монастыря стояла большая вода. На третий же день вошли к нему святые мученики Борис и Глеб наяву в своем образе, так же, как и на иконе написаны. И произнесли: «Чем болеешь, старче?» Он же поведал им о своем недуге. И сказали: «Хочешь ли воды?» И сказал старец: «О повелители, давно уже ее жажду». И взял один из них сосуд старца, и принес воды, и, взяв ковш, напоили они старца. И сказал старец: «Чьи вы чада?» Ответили: «Ярослава». И подумал старец, что они — слуги Ярослава Георгиевича. И сказал: «Дай вам Бог много лет, повелители мои. Ешьте, однако, хлеб, взяв его самостоятельно, ибо я не могу послужить вам». Они же сказали: «Мы уже пойдем, пусть и тебе будет хлеб, а ты не болей, но отдохни». Стали они точно невидимы, старец же выздоровел и, встав, прославил Бога и святых мучеников, и впредь был здоров, и сам рассказал это духовному отцу.

Деяние и мучение святых... апостолов Петра и Павла

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. Г. Водолазкина

ВСТУПЛЕНИЕ

ДЕЯНИЕ И МУЧЕНИЕ СВЯТЫХ И СЛАВНЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА

«Деяние... апостолов Петра и Павла» — одно из самых ранних (II—III вв.) апокрифических сочинений о новозаветных событиях. Возникшее в среде ранних христиан, это произведение несет отпечаток традиций эллинистического романа. Историю деятельности апостолов, рассказанную в канонических «Деяниях» сдержанно и реалистично, апокриф заменяет красочным повествованием с обилием чудес. Подобно множеству других апокрифов, появление настоящего сюжета о Петре и Павле может объясняться недосказанностью произведения канонического, обрывающегося на сообщении о двухлетнем пребывании апостола Павла в Риме.

Апокрифическое «Деяние» посвящено окончанию жизни святых апостолов. Хронологически и географически описываемые события сопоставимы с четвертым и последним миссионерским путешествием апостола Павла. Напомним, что по каноническим «Деяниям» путешествие это было вынужденным: Павел ехал в Рим на суд кесаря. Помимо общей географии каноническое и апокрифическое повествования об апостолах сближаются своей проблематикой, в частности освещением взаимоотношений христиан и иудеев. Наконец, апокрифическое «Деяние» упоминает тех же исторических лиц, что и «Деяния» канонические, но упоминания этих в обоих произведениях различны (например, о Симоне волхве или епархе Агриппе).

Переводы апокрифических сюжетов о Петре и Павле были известны на Руси уже в XI в. Прение Петра и Павла с Симоном и их мученическая смерть отражены в нескольких сюжетно близких произведениях. Так, наряду с публикуемым текстом в *ВМЧ* под 29 июня существует еще один, более краткий. О популярности данного сюжета свидетельствует и включение его (с добавлениями по Хронике Георгия Амартола) в ряд древнерусских хронографов. Символика этого апокрифа использовалась не только в средневековье. В качестве примера можно привести барельеф «Низвержение Симона волхва апостолом Петром» на Петровских воротах Петропавловской крепости, где в аллегорической форме прославлялась победа России над Швецией.

Текст подготовлен по июньскому тому Софийского списка Великих Миней Четьих — *РНБ,* Софийское собр., № 1322, лл. 216—220 об. Греческий текст цитируется по изд.: Acta apostolorum apocrypha / Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1851.

ОРИГИНАЛ

ДЕЯНИЕ И МУЧЕНИЕ СВЯТЫХ И СЛАВНЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА

«Деяние... апостолов Петра и Павла» — одно из самых ранних (II—III вв.) апокрифических сочинений о новозаветных событиях. Возникшее в среде ранних христиан, это произведение несет отпечаток традиций эллинистического романа. Историю деятельности апостолов, рассказанную в канонических «Деяниях» сдержанно и реалистично, апокриф заменяет красочным повествованием с обилием чудес. Подобно множеству других апокрифов, появление настоящего сюжета о Петре и Павле может объясняться недосказанностью произведения канонического, обрывающегося на сообщении о двухлетнем пребывании апостола Павла в Риме.

Апокрифическое «Деяние» посвящено окончанию жизни святых апостолов. Хронологически и географически описываемые события сопоставимы с четвертым и последним миссионерским путешествием апостола Павла. Напомним, что по каноническим «Деяниям» путешествие это было вынужденным: Павел ехал в Рим на суд кесаря. Помимо общей географии каноническое и апокрифическое повествования об апостолах сближаются своей проблематикой, в

частности освещением взаимоотношений христиан и иудеев. Наконец, апокрифическое «Деяние» упоминает тех же исторических лиц, что и «Деяния» канонические, но упоминания этих в обоих произведениях различны (например, о Симоне волхве или епархе Агриппе).

Переводы апокрифических сюжетов о Петре и Павле были известны на Руси уже в XI в. Прение Петра и Павла с Симоном и их мученическая смерть отражены в нескольких сюжетно близких произведениях. Так, наряду с публикуемым текстом в *ВМЧ* под 29 июня существует еще один, более краткий. О популярности данного сюжета свидетельствует и включение его (с добавлениями по Хронике Георгия Амартола) в ряд древнерусских хронографов. Символика этого апокрифа использовалась не только в средневековье. В качестве примера можно привести барельеф «Низвержение Симона волхва апостолом Петром» на Петровских воротах Петропавловской крепости, где в аллегорической форме прославлялась победа России над Швецией.

Текст подготовлен по июньскому тому Софийского списка Великих Миней Четьих — *РНБ,* Софийское собр., № 1322, лл. 216—220 об. Греческий текст цитируется по изд.: Acta apostolorum apocrypha / Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1851.

ПЕРЕВОД

29 ИЮНЯ. В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. ДЕЯНИЕ И МУЧЕНИЕ СВЯТЫХ И СЛАВНЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА

Господи, благослови, отче!

После ухода святого апостола Павла с Мелитского острова случилось ему прийти в Италию. Иудеям же, бывшим в Риме, стало известно, что Павел попросил разрешения прийти к кесарю. Впав в большую печаль и смятение, сказали они промеж себя: «Не довольно ли того, что всех братьев и отцов наших оскорбил он в Иудее и Самарии, и в Палестине, но и сюда идет, намереваясь упросить кесаря погубить нас». Держав между собой совет и весьма укрепившись, иудеи пришли к кесарю Нерону, говоря, чтобы он не велел ему приходить в Рим. Совершив все как подобает и неся немалые дары, пришли к царю с просьбой, говоря: «Молим тебя, добрый царь, пошли повеление по всему своему царству, что Павел, оскорбив народ наших отцов, попросил разрешения прийти сюда и нас погубить. Довольно нам, добрый царь, печали, которую принес нам Петр». Слышав это, царь Нерон сказал: «Пусть будет по вашему желанию, напишем же во все края, чтобы не приближался к стране Италии». Натравили и Симона волхва, прося его, чтобы приказал не входить ему в Италийскую страну.

Когда же это произошло, некоторые из веровавших язычников и крестившихся по проповеди Петра направили к Павлу посольство с письмом следующего содержания: «Павел, любимый раб Владыки нашего Иисуса Христа и брат Петра, верховного апостола! Слышали мы от учителей иудейских, пребывающих в этом великом городе Риме, что просили они у кесаря послать <распоряжение> во все его земли,

чтобы, если где встретят тебя, убили. Мы же верили и верим, что, как не разлучает Бог великие светила, которые создал, так и вас не должен разлучить друг с другом: ни Петра с Павлом, ни Павла с Петром, но истинно веруем в Господа нашего Иисуса Христа, в которого крестились, поскольку сподобились вашего учения».

Павел же, приняв обоих мужей, посланных с письмом, месяца мая 20, был рад и благодарил Господа Иисуса Христа. Отплыв же от Мелита, направился он уже не в Африку, в страны Италийские, а к Сицилии. Вошел в Сиракузы, и с двумя мужами, посланными к нему из Рима, оттуда отплыв, прибыл в Калабрийскую Ригию. Из Ригии прибыл в Мессану и поставил здесь епископа по имени Вакхул. Выйдя же из Мессаны, доплыл до Дидима и пробыл здесь одну ночь. Отплыв оттуда, прибыл в Путеол в понедельник.

Диоскор же Навклир, доставивший его в Сиракузы, был с Павлом, потому что тот его сына избавил от смерти. Оставив же свой корабль в Сиракузах, пошел Павел в Путеол. Нашлись тут некоторые из учеников Петра, которые приняли Павла и просили его, чтобы побыл у них. И пробыл он здесь неделю, скрываемый из-за запрета кесаря. Все же начальники той местности караулили, чтобы убить Павла. Диоскор же Навклир, также лысый, облачился в одежду моряка и, набравшись смелости, в первый день вошел в город Путеол. Бывшие там князья, подумав, что это Павел, схватили и обезглавили его, и послали кесарю его голову. Кесарь, вызвав старейшин иудейских, сообщил им это, говоря: «Радуйтесь со мной великой радостью, потому что Павел, враг ваш, обезглавлен» — и показал им его голову. Исполнились они в тот день великой радости, то есть четырнадцатого июля месяца, и стало известно всем иудеям, что Павел умер.

Павел же, будучи в Путеоле, услышав, что Диоскор был обезглавлен, опечалился великой печалью и, возведя к небу свои глаза, сказал: «Господи Боже Вседержитель, являющийся мне на всяком месте, куда бы я ни шел! Ради единородного Слова Господа нашего Иисуса Христа накажи этот город, выведя из него всех веровавших в Бога и следовавших его словам». Сказал Павел: «Идите за мной». И, выйдя из города с веровавшими словам Божиим, пришли они на место, называемое Байи. И, подняв глаза, все увидели этот город на берегу моря затопленным примерно на одну сажень, и до сегодняшнего дня остается он здесь в море как напоминание.

Выйдя из Байи, пришли они в Гаиту, и здесь учил он словам Божиим. И пробыл он здесь три дня в доме Еразма, которого прислал Петр из Рима учить Евангелию Божию. Выйдя же из Гаиты, пришел Павел в городок, называемый Тарракина, и пробыл там семь дней в доме диакона Кесаря, которого поставил Петр. Оттуда по реке прибыл в местность, называемую Три Таверны.

Спасшиеся же из потопленного города Путеола сообщили кесарю в Риме, что Путеол потоплен вместе с его людьми. В большой печали был царь из-за города. И вызвав иудейских старейшин, сказал им: «Вот послушал вас, сделал так, что обезглавили Павла, и поэтому потоплен

город». Старейшины же иудейские сказали царю: «Не говорили ли мы тебе, добрый царь, что он смутил всю восточную страну и извратил <веру> наших отцов? Лучше же, добрый царь, чтобы погиб один город, а не все твое царство, потому что овладел бы он также и Римом». Утешился царь от этих слов иудеев. Павел же пробыл в Трех Тавернах четыре дня и, выйдя оттуда, пришел в Аппиев Форум, называемый Викус Сарапис. И, спав здесь, видел он той ночью сон: кого-то, сидящего на золотом престоле и множество стоящих перед ним бесов. И говорили: «Я устроил сегодня, чтобы сын убил своего отца». Другой же, отвечая, сказал: «Я устроил падение храма и гибель родителей с детьми». Другие сообщали о многих иных коварствах. Пришел же еще один, сообщил, говоря: «Я устроил, чтобы епископ Ювеналий, которого рукоположил Петр, возлег с игуменьей Иулианией». И тот большой, сидящий на престоле, встав, положил венец на его голову, говоря: «Большое ты сделал дело».

Услышав это во время сна в том Аппиеве Форуме Викус Сараписе, Павел тотчас послал тогда кого-то из тех, кто последовал за ним из Путеола в Рим к епископу Ювеналию. Когда они сказали ему о том, что он сделал, и о том, что Павел видел сон, в тот же день Ювеналий, побежав, бросился к ногам Петра, плача и скорбя, и говоря: «Чуть было не отступился от тебя». И поведал ему все с начала, и слова, которые ему передали, и сказал: «Верю, что он — тот светильник, которого ты желал». Петр же сказал ему: «Разве может он быть им, ведь мы слышали, что он был обезглавлен?» Епископ же привел к нему посланных Павлом, и они сообщили Петру, что жив Павел и прибудет, и находится в Аппиеве Форуме. Возрадовался же Петр и прославил Бога и Отца нашего Иисуса Христа. Тогда призвал он веривших ему учеников и послал их к Павлу в Три Таверны, расстояние же от Рима до Трех Таверен 38 поприщ. Увидел их Павел и, преисполнившись смелости, восславил Господа нашего Иисуса Христа.

Уйдя оттуда, жили они в городе, называемом Арикия. Разнеслось по городу Риму, что брат Петра прибудет. Верующие радовались великой радостью, у иудеев же было великое смятение. И, придя к Симону волхву, просили они его, говоря: «Сообщи царю, что не умер Павел, но жив и придет». Симон же сказал иудеям: «Так чья же голова была принесена царю из Путеола, если и та была лысой?»

Когда же Павел пришел в Рим, на иудеев напал большой страх. И, придя, просили они его, говоря: «Вера, в которой ты родился, — ее защищай. Это ведь неправедно: еврей, происходишь от еврея, сам себя называешь учителем язычников и защитником необрезанных. Будучи сам обрезан, истребляешь веру в обрезание. Когда увидишь Петра, отрекись от него и его учения, потому что он уничтожил все предание нашего закона». И, отвечая, Павел сказал им: «Если уж его учение достоверно подтверждает откровение еврейских книг, подобает нам всем ему внять». Когда же Павел говорил им это и подобное, узнал Петр, что Павел пришел в Рим, порадовался великой радостью и, тотчас встав, пошел в нему. И, увидев друг друга, от радости расплакались. И, обнявшись вдвоем, многие часы поливали друг друга слезами. Тогда Павел рассказал Петру обо всем бывшем с ним и о том, с какими

трудностями прошло плавание. Петр также рассказал Павлу, что претерпел он от Симона волхва и всяческих его неистовствований. И, рассказав это, ушел под вечер.

Придя же утром, обнаружил он у ворот Павла множество иудеев. Была в иудейском собрании большая распря и сильный спор с христианами из язычников, потому что иудеи говорили: «Мы — народ избранный и царственное священство, внуки Авраама, Исаака, Иакова и всех пророков, с которыми говорил Бог, которым явил он свои тайны и великие чудеса. Вы же, будучи из язычников, ничего выдающегося у народа вашего не видели, а только идолам и рукотворным богам, скверным и нечистым, служили». Когда же иудеи произнесли это и подобное, отвечали им говорящие из язычников: «Мы, когда услышали истину, сразу уверовали, отказавшись от своего заблуждения. Вы же, видев мощь отцов и зная пророческие знамения, и закон приняв, и сквозь море посуху пройдя, и видев врагов ваших, перед вами потопляемых, и столп огненный, вам с небес сиявший ночью, и манну, данную вам с небес, и воду, что потекла для вас из твердого камня, — после всех этих добрых дел вы создали себе идола в виде тельца и поклонились сотворенному руками, и отреклись от Бога. Мы же, не видев никаких таких знамений, поверили, что он — сущий Бог, от которого вы отреклись и отказались». В то время как шли между ними эти и подобные споры, апостол Павел сказал: «Не устраивайте, братья, между собою споров, но лучше осознайте, что исполнил Бог обеты, как и клялся Аврааму, отцу нашему: «Семя твое приобретет все народы», потому что Бог не взирает на лица». Когда же Павел это сказал, успокоились все люди и те, кто был из язычников.

Но иудейские князья спрашивали Петра, чтобы обличить его, потому что он отвергал их синагогу. И сказал Петр: «Послушайте, братья, как о патриархе Давыде провозгласил Святой Дух: «Из плода чрева твоего посажу на престоле твоем», ибо тому Отец сказал: «Ты — Сын мой, я сегодня родил тебя». Этого Сына из зависти распяли иудеи и первосвященники, чтобы совершил он спасение мира, потому что по своей воле пожелал пострадать, и, так же как из ребра Адама была создана Ева, из ребер Христовых была создана Церковь, которая не имеет ни скверны, ни порока, через нее Бог открыл путь всем сыновьям Авраама и Исаака, Иакова — быть им в вере церковной, а не в безверии синагоги. Одумайтесь же и войдете в радость отца вашего Авраама, потому что, как обещал ему Бог, так и сделал, о чем говорит пророк: «Поклялся тебе Господь и не раскается. Ты иерей вовеки по чину Мельхиседекову», ибо иереем Он был на кресте, когда всеплодие своей кровью и телом принес за весь мир в жертву».

Когда Петр сказал им это и подобное, большая часть людей уверовала. Случилось уверовать и жене Нерона Левии, и супруге епарха Агриппы, так что и мужей своих покинули они из-за учения Павла. Многие, бросив войско, посвятили себя Богу, подобным же образом приходили к нему иные и из царского дворца, и, став христианами, многие не возвращались ни в войско, ни во дворец.

Тогда Симон, подстрекаемый дьявольской завистью, начал сильно Петра хулить, называя его волхвом и обманщиком. Являл Симон множество знамений, и видящие верили в него, поскольку делал он так, что медные змеи ползали и каменные мужи смеялись и сами ходили, сам же он устремлялся и внезапно поднимался на воздух. Петр же в противоположность этому больных исцелял словом, слепым давал молитвой свет, бесов повелением изгонял, мертвых воскрешал. Говорил он людям, чтобы не только от Симонова обмана отошли они, но и обличали его, чтобы не оказаться пособниками дьявола. Все благочестивые мужи порицали Симона волхва и называли его нечестивым. Примкнувшие же к Симону Петра называли волхвом и обманщиком.

И, когда услышал это кесарь Нерон, велел он Симону волхву прийти к нему. И, придя, встал он перед царем и внезапно начал изменять внешность: то становился почти как ребенок, то опять старым, то юношей, имея помощником дьявола. Увидев его, Нерон посчитал его истинно сыном Божьим. Апостол же Петр называл его исполненным лжи и волхвом, скверным и нечестивым отступником и врагом Божьим, поистине волхвом. Тогда Симон, войдя к Нерону, сказал: «Если этих мужей отсюда не выгонишь, не устоит царство твое». Тогда Нерон исполнился гнева и велел не откладывая привести их к себе. Когда же на следующий день пришли Петр и Павел, Христовы апостолы, Симон сказал: «Они ученики Назарянина, которых отвергают все, сколько есть, люди иудейские». Нерон сказал: «Кто такой Назарянин?» Симон сказал: «Есть в Иудее город, который вам противился, он называется Назарет, вот и учитель их оттуда был». Тогда сказал Петр Симону: «Удивляюсь, каким образом и какими ухищрениями, творимыми перед царем, соблазняешься и полагаешь, что искусством волхвования сможешь победить учеников Христовых?» Нерон сказал: «Кто такой Христос?» Петр сказал: «Если хочешь узнать, царь, кто такой Христос и что случилось из-за него в Иудее, возьми письмо, послание Понтия Пилата Клавдию, и так узнаешь все, бывшее с ним». Нерон же велел принести и прочесть это перед ним. Содержимое письма было таково.

«Понтий Пилат приветствует Клавдия. Вот что недавно случилось с тем, кого я получил от иудеев. Беззаконно, из зависти они его жестоко осудили и истязали. Так было их отцам обещано, что пошлет Бог с небес своего Сына, который истинно назовется их царем. Его обещал он послать на землю через Деву, и, когда я правил, он пришел в Иудею. И я видел, как он давал зрение слепым, очищал прокаженных, исцелял разбитых параличом, бесов изгонял из людей, мертвых воскрешал, ветрами повелевал, по морю пешим ходил и творил многие другие чудеса, и все иудейские люди называли его Сыном Божьим. Архиереи же исполнились зависти и, схватив его, предали его мне, вместо доброго наговаривая на него худое. Говорили: «Он лжец и поступает вопреки закону». Я же, поверив, что это так, и подвергнув избиениям, предал его их воле. Они же распяли его и, похоронив, приставили к нему стражей, в то время как охраняли его и мои воины, и в третий день он воскрес. Настолько же распалилось иудейское коварство, что и серебро дали воинам, говоря: «Скажите, что его ученики украли его тело». Те же свидетельствовали о воскресшем и приняв от иудеев

серебро. Сообщаю это твоему владычеству, чтобы никто другой не солгал, и не подумал бы ты поверить ложным иудейским словам».

Когда послание было прочитано, сказал Нерон: «Скажи мне, Петр, так ли с ним все произошло?» Петр же сказал: «Так, царь. Этот же Симон, лжец и обманщик, хоть и мнит сам себя богом, богом не является. Господом же моим Иисусом Христом, который ради спасения людей соблаговолил по Божественному его промыслу вочеловечиться, побеждена всяческая смерть». Симон сказал: «Не стану тебя долго слушать, Петр, а велю сейчас своим ангелам, чтобы, придя, отомстили тебе за меня». Петр сказал: «Не боюсь я твоих ангелов, это они больше меня боятся из-за силы Господа нашего Иисуса Христа». Нерон сказал: «Не боишься ли, Петр, Симона, который божество в самом себе подтверждает делами?» Петр сказал: «Царь, в том есть божество, кто познает тайны сердца. Пусть он мне скажет сейчас, о чем я думаю или что полагаю в уме моем. Но прежде, чтобы он не солгал, открою тебе, чтобы он не осмелился солгать, о чем я думаю». Нерон сказал: «Подойди сюда, на ухо скажи мне, о чем ты думаешь». Петр сказал: «Вели тайно принести ячменный хлеб и дать мне». И вновь сказал Петр Симону: «Скажи мне, о чем шла речь?» Симон сказал: «Знай, царь, что мыслей человеческих не ведает никто, кроме одного Бога». Петр же сказал: «Тогда ты, называющий себя сыном Божьим, скажи, что я думаю, или сообщи, что я сейчас тайно совершил» (а Петр благословил ячменный хлеб, который получил, и, разломив, справа и слева держал в руках). Тогда Симон, не сумев ответить апостолу, закричал, говоря: «Пусть выйдут огромные псы и сожрут его перед кесарем!» И внезапно появились огромные псы и бросились на Петра. Петр же, воздев руки для молитвы, показал псам благословленный хлеб, увидев который, они тотчас же исчезли без следа. Тогда Петр, отвечая, сказал Нерону: «Вот, царь, показал я тебе, что Симон является волхвом, обманщиком не только в словах, но и в делах: ангелы, которых на меня, посрамленный, послал, оказались псами, чтобы засвидетельствовать тем, что не ангелов божественных имеет, а бесовских псов». Тогда Нерон сказал Симону: «Что же, Симон, думаю, что они победили». Симон сказал: «Вот и в Иудее, и в Палестине, и в Кесарии поступил он со мной так же». Тогда Нерон сказал Павлу: «Почему ты ничего не говоришь, Павел?» И, отвечая, Павел сказал: «Знай, царь, что, если позволишь этому волхву такое делать, большая в отечестве твоем будет беда и царство твое у тебя отнимется». Нерон сказал Симону: «Что ты на это скажешь, Симон?» Симон сказал Нерону: «Если не откроюсь и не покажу себя богом, пусть никто не воздаст мне чести по достоинству». Нерон сказал: «Так что же ты медлишь, не покажешь себя, чтобы эти люди были отданы на муку?» Симон сказал: «Вели сделать высокую колонну из дерева, чтобы я, взойдя на нее, повелел моим ангелам, появившись, вознести меня у всех на виду к отцу моему небесному. Когда же эти не смогут такого совершить, разоблачат себя как невежественные люди». Нерон сказал Петру: «Слышишь, Петр, что сказал Симон? Это покажет, какую он имеет силу, если он является нашим богом». Сказал Петр: «Могущественный царь, если хочешь, можешь убедиться, что он полон бесов». Нерон сказал: «Что это вы проводите время в разговорах! Завтра же испытаю вас». Симон сказал: «Если думаешь, добрый царь, что я волхв, прикажи меня обезглавить в

темном месте и, если в третий день не воскресну, считай меня волхвом, если же воскресну, считай меня сыном Божьим».

И приказал царь в темном месте его обезглавить. Симон же своим волхвовским искусством сделал так, что вместо него обезглавили барана. На время же, пока не был обезглавлен баран в темном месте, имел он облик Симона. Обезглавивший его, заметив это и вынеся голову на свет, обнаружил, что она баранья, но царю сообщить не смел, чтобы тот не истязал его. Приказал он, чтобы это было втайне, потому и Симон сказал: «В третий день воскресну». После того как забрал он баранью голову и тушу, осталась загустевшая кровь. И в третий день появился он перед Нероном, говоря ему: «Найди кровь мою, пролившуюся, когда я был обезглавлен и, как говорил, в третий день воскрес». И когда Нерон сказал: «Завтра вас испытаю», обернулся он к Павлу, говоря: «Почему ты ничего не говоришь?» Отвечая, Павел сказал: «Не слушай этих слов, царь, потому что Симон — обманщик и волхв и хочет привести к гибели душу твою и царство твое, как египетские волхвы Ианний и Иамврий обманули фараона и его войско, так что они погрязли в море. Так и Симон по наставлению отца его дьявола вселяет во многих людей злобу и многих соседей соблазняет покушением на твое царство. Я же надеюсь, что силой Господа моего Иисуса Христа скоро откроется, кто он такой. И насколько собирается вознестись на небеса, настолько же погрязнет в глубине адовой, где плач и скрежет зубов».

Нерон сказал: «Каково учение Христа, твоего учителя?» Сказал Павел: «Учение моего учителя, о котором ты спрашиваешь, принимают не все, но только чистые сердцем и приступающие к нему с верой, сколько ни есть их, смирению и любви — этому научил Господь. И я от Иерусалима и до Иллирии претворял слова мира, как научился у него. Научил возвышать друг друга почитанием; имеющих богатство — не возноситься, не надеяться на тленное богатство, но на Бога возлагать свою надежду; убогих — радоваться в своем убожестве. Отцов научил воспитывать своих детей в страхе Божьем, детей — внимать родителям в учении о спасительном пути. Научил же неверующих веровать в Церковь, в единого Бога Отца Вседержителя, невидимого и непостижимого, и в Сына его единородного Господа нашего Иисуса Христа. Это мое учение не от человека, не через человека, но было мне дано Иисусом Христом, говорившим со мной с небес. И он послал меня на проповедь, сказав мне: «Иди, потому что я с тобой, и все, что ни скажешь или сделаешь, я оправдаю»«.

Услышав это, Нерон пришел в ужас и, обернувшись к Петру, сказал: «Ты что скажешь?» Петр же сказал: «Все, что говорил Павел, правда, потому что прежде от наших епископов со всего света получил я множество сообщений о его делах и речах, что, когда был он гонителем веры, говорил ему с небес голос Христа и научил его истине, ведь был он врагом нашей веры не из зависти, а ради истины. Были ведь и до нас лжехристы и лжепророки, и лжеапостолы, приходившие, как и этот Симон, в священническом облике, начиная извращать собою истину. Лучше же обратиться к этому мужу, познавшему впоследствии тайны закона Божия, по которому он стал защитником истины и гонителем

лжи, потому что гонение его было ныне не из зависти, но в защиту закона. Эта же Истина воззвала с небес и сказала: «Я Иисус Христос, которого ты гонишь. Перестань гнать меня, так как я — Истина, потому, борясь, подумай». Когда же он понял, что это так, то, оставив то, что защищал, начал защищать этот спасительный путь, который прежде подвергал гонению, который является путем истинным для целомудренно по нему ходящих».

Когда же Петр это произнес, Симон сказал Нерону: «Знай, добрый царь, что эти двое сговорились против меня, потому что я — истина. Эти же замышляют враждебное мне». Петр же сказал: «Никакой истины в тебе нет, а все, что ты говоришь, ложно». Симон сказал: «Добрый царь, эти люди смутили и пленили твой ум». Нерон сказал: «Так и ты мне о самом себе еще ничего не засвидетельствовал». Сказал Симон: «Сколько добрых дел и знамений мной тебе показано, удивляюсь, как ты можешь от меня отречься!» Нерон сказал: «Я от тебя нисколько не отрекаюсь, но, раз спрашиваю, отвечай мне». Симон сказал: «Больше не скажу тебе ничего». Нерон сказал: «Потому что ты лжешь — вот из-за чего ты это говоришь, и впредь считаю тебя ничтожеством, потому что нашел тебя во всем лживым. И зачем много говорить, если вы трое во всем из меня сделали глупца, раз не могу выяснить, в кого верить». Петр сказал: «В единого Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, о котором мы проповедуем, «создавшего небо и землю, и море, и все, что в них»; который истинный Царь, и царству его нет конца». Нерон сказал: «Кто этот царь?» Павел же ответил: «Господь Спаситель всех народов». Симон сказал: «Я — тот, о котором вы говорите и не знаете, Петр и Павел, но не отвечу вам, потому что вы хотите, чтобы я вас подверг мучению». Петр сказал и Павел: «Пусть никогда тебе не будет добра, Симон, проклятый наследник всего зла!» Симон сказал: «Слушай, кесарь Нерон, чтобы узнать, что эти — лжецы, я же — с небес послан. Завтра опять туда поднимусь, чтобы веривших в меня сделать счастливыми. На этих же, осмелившихся от меня отречься, покажу свой гнев». Петр же и Павел отвечали: «Нас некогда Бог позвал в славу свою, ты же стараешься войти с дьяволом в вечную муку». Симон сказал: «Послушай меня, добрый царь, прогони лишь от себя этих безумных, чтобы, когда взойду на небеса к отцу моему, был бы я тебе помощником». Нерон сказал: «Как узнаю я о том, что ты взошел на небо?» Симон сказал: «Вели сделать мне высокую деревянную колонну из больших бревен, как говорил я тебе и раньше, чтобы, когда я на нее поднимусь, обрели меня в воздухе мои ангелы, потому что среди грешников, подобных этим, живущим на земле, не могут они свободно прийти ко мне».

Тогда Нерон велел на Марсовом поле поставить высокую колонну. И все военные люди и все сановники сошлись на зрелище. И велел Нерон привести Петра и Павла. Сказал им: «Ныне должна выясниться истина». Петр же и Павел сказали: «Не мы с ним спорили, а Господь Иисус Христос, Сын Бога живого, которым он сам себя посмел назвать». Тогда Павел сказал Петру: «Мне должно преклонить колени и молить Господа Бога, тебе же должно смотреть вверх и видеть, что он сделает, поскольку Господом нашим Иисусом Христом ты был избран апостолом раньше». И, преклонив колени, блаженный Павел усердно молился

Господу нашему Иисусу Христу. Блаженный же Петр, посмотрев на Симона волхва, сказал ему: «Заканчивай то, что начал, потому что приблизилось твое обличение и наше возвышение, так как вижу Господа моего Иисуса Христа, призывающего нас». Нерон сказал: «Куда вы хотите идти без моего повеления?» Петр же сказал: «Туда, куда позовет нас Господь наш Иисус Христос». Нерон сказал: «Кто ваш Бог?» Сказал же Петр: «Иисус Христос, который, я вижу, призывает нас». Нерон сказал: «Неужели и вы хотите подняться на небеса?» Петр же ответил: «Туда, куда изволит тот, кто нас зовет». Симон же сказал: «Чтобы из этого ты понял, царь, что они обманщики, поднявшись на небеса, пошлю к тебе моих ангелов и сделаю так, чтобы ты пришел ко мне». Нерон сказал: «Сделай немедля, потому что хочу достоверно узнать то, о чем ты говоришь».

Тогда Симон перед всеми поднялся на колонну и, подняв руки, увенчанный лавровым венком, начал летать. Нерон же, увидев летящего человека, сказал Петру: «Правдивый человек Симон, ты же и Павел — обманщики». Сказал же ему Петр: «Сейчас поймешь, царь, что мы истинные ученики Христа, этот же не Христос, а волхв и злодей». Нерон сказал: «Вы еще противитесь? Вот вы уже увидели, как он восходит на небо!» Тогда Петр, посмотрев на Павла, сказал: «Поднимись, Павел, и смотри». Поднялся Павел весь в слезах и увидел летящего Симона. Сказал: «Зачем ты остановился, Петр? Заканчивай то, что начал, потому что призывает нас Господь наш Иисус Христос». Нерон же, услышав, что они говорят, рассмеялся и сказал: «Они увидели, что побеждены, и лгут». Петр же сказал: «Сейчас поймешь, что мы не лжецы». Сказал же Павел Петру: «Сделай до конца то, что делал». Тогда Петр, посмотрев вслед Симону, сказал: «Вас, ангелы сатанинские, носящие Симона по воздуху для обольщения сердец неверующих людей, заклинаю Богом, создавшим все, и Господом Иисусом Христом, которого в третий день воскресил из мертвых: отныне не носите его больше, но отступитесь от него!» Будучи отпущен, тотчас же упал он на место, называемое Сакра Виа, что значит «человеческий путь», и разбился на четыре части о четыре каменные доски, окровавленные, гладкие и черные, которыми настилают дороги. И пишущие во свидетельство апостольской победы есть и до сегодняшнего дня.

Тогда Нерон, исполнившись ярости, схватив Петра и Павла, велел заключить их в темницы. Тело же Симона велел под всяческим присмотром сохранять три дня, ожидая, что в третий день он воскреснет. Сказал же ему Петр: «Этот уже не воскреснет, поскольку по-настоящему умер и на вечную муку осужден». Тогда Нерон Петру сказал: «Кто велел тебе совершить это жестокое дело?» Петр отвечал: «Гордыня его и коварный ум, и богохульство его привели его к гибели, так же как и те, кого он совратил, попадут с ним в огонь вечный, где и отец их дьявол». Тогда Нерон, разгневавшись, сказал: «Этими ли словами хотите меня переспорить? Потому и я вас жестоко погублю». Петр же сказал: «Будет же не то, что ты хочешь, а есть нужда исполнить то, что назначил Христос». Тогда Нерон сказал епарху Агриппе: «Приказываю, отправившись в местность Навмахию, бить их железными палками и всех, им подобных, жестоко казнить». Епарх

Агриппа сказал: «Добрый царь, не следует их жестоко истязать как нечестивых». Нерон же сказал: «Почему?» Агриппа сказал: «Потому что Павел не виноват, а Петр виноват в том, что совершил убийство, он и есть нечестивый». Нерон сказал: «И мне так угодно. Следует Павлу отрубить голову, Петра же как совершившего убийство прикажу распять на кресте». Агриппа сказал: «Ты рассудил царственно». Петр же и Павел, получив решение, вышли от Нерона.

Когда Павла вели из города связанным, чтобы обезглавить, и воины знатного рода, стерегущие его, вышли из ворот примерно на один полет стрелы, встретила их одна благочестивая женщина. И, увидев Павла, которого вели заключенным в железные оковы, она над ним сжалилась и горько расплакалась. Звали ее Перпетуя, она была одноглазой. Павел, увидев, что она плачет, сказал ей: «Дай мне, женщина, твою головную повязку, а когда возвращусь, я тебе ее отдам». Сняв, она тут же дала ему повязку. Воины же говорили ей: «Женщина, почему ты хочешь потерять свою повязку, разве ты не знаешь, что он идет на казнь?» Перпетуя же сказала им: «Заклинаю вас спасением кесаря, этой повязкой завяжите ему глаза, когда будете рубить голову», — как они и сделали. Обезглавили его в местности, называемой Аквэ Салвиэ, у соснового дерева. И тотчас по велению Бога до возвращения воинов получила женщина повязку с каплями крови на ней. И, когда она ею повязалась, тотчас же прозрел ее глаз.

Когда воины, которые вели святого Петра, пришли распять его, сказал им блаженный Петр: «Поскольку Господь мой Иисус Христос, который пришел с небес на землю, прямо на крест вознесся, мне, которого Он сподобил быть призванным с земли на небо, подобает, чтобы крест мой явил мою голову у земли, а ноги мои направил на небо» и «Так как я недостоин, — сказал, — так быть на кресте, как и Господь мой, переверните мой крест». И тотчас же перевернули его, ноги же его пригвоздили вверху.

Сошлось же бесчисленное множество людей, гневающихся на кесаря, исполненных ярости до того, что хотели его сжечь. Петр же запрещал им, говоря: «Несколько дней назад, позванный братьями, уходил я и видел Господа моего Иисуса Христа, и поклонился ему. Я сказал: «Господи, куда идешь?» И он сказал мне: «В Рим иду еще раз распяться». Когда же я пошел потом вслед за ним, то возвратился вновь в Рим, и он сказал мне: «Не бойся, потому что я с тобой, пока не введу тебя в дом Отца моего». Поэтому, детушки мои, не прерывайте пути моего, так как ноги мои уже идут на небеса. Не скорбите же, а лучше радуйтесь со мной, потому что сегодня получаю плод моих трудов». И, сказав это, помолился так: «Благодарю тебя, добрый пастырь, что удостоил меня этого часа, но молюсь тебе, чтобы овцы, которых ты мне вверил, не остались без тебя, истинного Бога, для которого я трудился, чтобы мне их уберечь». И, сказав это, предал дух.

Тотчас же явились святые мужи, которых никто никогда прежде не видел, ни потом увидеть не сможет, которые говорили: «Мы пришли из Иерусалима». И вместе с Маркелом, мужем знатным, что веровал во Христа, оставив Симона, последовал за Петром, верные взяли тайно

тело святого Петра и положили его под терпентином возле Навмахии в местности, называемой Ватикан.

Те же три воина, отрубив голову Павлу, через три часа в тот же день пришли с печатью к царю. И встретила их Перпетуя, и сказали они ей: «Женщина, вот не послушалась ты нас и погубила свою повязку». Она же им сказала: «И повязку свою получила, и прозрел мой слепой глаз. И жив Господь Павла, и я в него верую, и молю его, чтобы удостоилась я быть его рабой». Тогда воины, имеющие печать, узнав повязку и увидев, что ее глаз прозрел, вскричали громким голосом все как один и сказали: «И мы рабы Владыки Павлова!» Пойдя во дворец, Перпетуя известила царя Нерона, говоря: «Воины, обезглавившие Павла, говорят: «Больше не вернемся во дворец Нерона, потому что веруем во Христа, о котором проповедовал Павел, и являемся христианами»«.

Тогда Нерон, исполнившись ярости, велел Перпетую, рассказавшую о воинах, стеречь в темнице в железных оковах. Воинов же велел — одного обезглавить, а двоих других — побить камнями за воротами на расстоянии одного поприща от города. Перпетуя же охранялась в темнице.

Была благоговейная дева Потентиана, давшая обет оставить родителей и все богатство своего отца и быть христианкой. Сошедшись с ней, Перпетуя рассказала ей все о Павле и еще сильнее подвизалась в вере Христовой. Жена же Нерона была сестрой Потентианы, и та сообщила ей тайно слова о Христе, что верующие в него узнают вечную радость, и все, что здесь, временное, а то, что там, — вечное, — так что и она бежала из дворца с другими, бывшими там с ней. Тогда Нерон мучил Перпетую многими муками, а напоследок велел, привязав ей на шею большой камень, сбросить ее со скалы. И так предала она дух свой с помощью Господа. Лежат же мощи ее в Номентанских воротах. Потентиана же — и она претерпела много судилищ. Напоследок же, раскалив железную решетку, положили ее на нее, и так предала дух свой.

Святые же мужи, сказавшие: «Мы пришли из Иерусалима», которых никто прежде не видел, сказали всем людям: «Радуйтесь и веселитесь, потому что удостоились иметь великих отцов — святых апостолов и друзей Господа нашего Иисуса Христа. Увидите, что этот нечестивый царь Нерон по смерти святых апостолов больше не будет владеть царством». Случилось же потом Нерону быть ненавидимым всеми его воинами и римскими людьми, так что даже осудили бить его немилосердно до тех пор, пока не испустит дух. Когда же Нерон это услышал, напал на него страх и великий трепет и бежал так, как будто его там и не было. Иные говорили, что, скитаясь, бегая по ущельям, погиб он от голода и жажды и был съеден волками. Тела же святых апостолов были взяты восточными людьми. Внезапно было большое землетрясение в городе, и римские люди, устремившись, обрели их в местности, называемой Катакомбы, на расстоянии трех поприщ от города по Аппиевой дороге. Здесь хранили тела святых апостолов один год и шесть месяцев до тех пор, пока не создали им храм в достойном месте, где лежит тело святого апостола Петра в местности, называемой

Ватикан, возле Навмахии. С великими почестями и непрестанными песнопениями положен был святой Павел на расстоянии двух поприщ от города по Остийской дороге, где по их молитвам многим людям даются исцеления именем Господа нашего Иисуса Христа. Окончилось же течение жизни святых апостолов Петра и Павла месяца июня 29, а трех воинов месяца июля 2, святых же Перпетуи и Потентианы того же месяца восьмого по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, которому слава, честь, сила с Безначальным Отцом, Пресвятым и Благим и Животворящим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы

Подготовка текста Ю.А. Грибова, перевод и комментарии С.А. Семячко

ВСТУПЛЕНИЕ

УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ

Рассказа о смерти Богоматери в Священном Писании нет. Однако церковное предание об Успении Богородицы устойчиво на протяжении многих веков. Праздник Успения Богоматери восходит к древнейшим временам христианства, в IV в. он уже был повсеместным. Первоначально он совершался 18 января и лишь в некоторых местах — 15 августа. Всеобщее празднование его 15 августа установлено при императоре Маврикии с 582 г. Среди отцов церкви и историков раннего христианства нет единого мнения о годах жизни Богоматери и времени ее Успения, разные источники называют разные даты ее кончины, от 36 до 57 г. по Р. Х., и соответственно по-разному указывают ее возраст, от 50-ти до 72-х лет (см.: *Смирнов И.* Апокрифические сказания о Божией Матери и деяниях апостолов. М., 1873. С. 10—11). Несмотря на разноречие в датах, у различных авторов сходно передаются основные детали рассказа об Успении Богоматери: получение вести от Господа, моление, прощание с ближними, сбор апостолов, кончина, погребение, чудеса. Наиболее значительное фактическое разночтение в многочисленных произведениях об Успении Богоматери содержится рассказ об апостоле Фоме. В ряде текстов (среди них, например, широко распространенные на Руси переведенные с греческого Слово на Успение Богоматери Иоанна, епископа Солунского, и Слово, приписываемое Иоанну Богослову) говорится, что Фома прибыл одновременно с другими апостолами, чтобы проститься с Марией. Другие тексты (по отношению к русской традиции, самый главный из них — также переведенное с греческого Слово на Успение Богоматери Иоанна Дамаскина) рассказывают об опоздании Фомы и о чудесах, связанных с его появлением. Публикуемый в настоящем издании текст относится ко второй группе. Он попал в Великие Минеи Четьи из

Пролога. Это сокращенный вариант рассказа об Успении: в нем опущены все диалоги, все подробности о путешествии апостолов, несколько сжат рассказ об опоздании апостола Фомы. Такое сокращение естественно для Пролога. В рассказе переданы основные факты, причем спорные (возраст Богоматери, время ее кончины) опущены. Этот сокращенный проложный текст восходит либо к Слову Иоанна Дамаскина, поскольку содержит эпизод с опозданием апостола Фомы, либо, скорее всего, автор его был знаком с разными памятниками и составил для Пролога краткий обобщенный вариант.

Текст публикуется по Успенскому списку Великих Миней Четьих *(ГИМ,* Синодальное собр., № 997, л. 134г-135б) с незначительными исправлениями по смыслу.

ОРИГИНАЛ

15 АВГУСТА. МЕСЯЦА ТОГО ЖЕ ВЪ 15 ДЕНЬ. УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТЫА ВЛАДЫЧИЦА НАШЕА БОГОРОДИЦА

Егда Господь Богъ нашь приати изволи Матерь свою, аггеломь ей преставление извести. Она же возрадовася радостию великою и взыде на гору высоку Елеоньскую помолится. Ей же садовие поклоняхутся до земли. И возвративши же ся и устрои все, еже на погребение. И со възлюбленным Иоанномъ Богословцемь[1] и позвавши ближикы и съсѣди и вжегши свѣтилникы и славословяше Бога. И ти, увидѣвше жены тоя преставление, и подаяхуть ей вѣю финика, еже есть почесть, и плакахуть ея, просяще молитвы. Она же тѣшаше а и глаголющи: «Не точию соблюдати васъ, но и всего мира». И по семь заповѣда о двою ризу своею, яко двѣма вдовицама по единой ризѣ взяти има. И по семъ бысть громный глас и облакъ нашествие, Христовы апостолы несущихъ. И с ними бѣ Дионисий Ареопагитъ,[2] и Ерофей,[3] и Павелъ апостолъ, и Тимофей,[4] имже повелѣ погрести пречистое тѣло свое. И тако, знаменавшися на одрѣ, в руцѣ Сыну своему и Богу духъ предасть. И несущим же одръ апостолом и аггеломь с ними поющимь, и придоша жидове, хотяще совреци на землю тѣло Матере Христовы, и ослепоша вси. Единому же дерзнувши за одръ, именемь Афонии, аггеломь руцѣ его отсѣчени быста. Дондеже вѣрова, Петромь исцеленъ бысть и паки восприа усѣчении руцѣ. Не токмо же сей, но и ослѣпшии прозрѣша. Постигше же село Гепсиманию и погребоша святое тѣло ея, и пребыша три дни. Понеже осталъ Фома апостолъ и послѣди пришед, восхотѣ и той цѣловати и поклонитися святому тѣлу. И гробу отверсту бывшю, тѣлу убо еа на обретшюся, преложи бо е Сынъ и Богъ на мѣсто, идеже самъ вѣсть единъ, понявы же токмо обретошася едины.

---

[1] *...со възлюбленным Иоанномъ Богословцемъ...* — По преданию после вознесения Иисуса Христа Богоматерь оставалась на попечении Иоанна Богослова и жила в его доме.

[2] *Дионисий Ареопагит* — св. (память 3 октября), ученик апостола Павла, рукоположен апостолом Павлом в епископа Афинского, позднее проповедовал в Галлии, по преданию, построил в Париже первый христианский храм во имя Пресвятой Богородицы. Дионисию Ареопагиту приписывается (небесспорно) послание, обращенное к апостолу Павлу, с описанием Богоматери.

[3] *Ерофей* — Иерофей Дивный, св. (память 4 октября), сподвижник Дионисия Ареопагита, так же как и тот, обращен в христианство апостолом Павлом и впоследствии рукоположен им же в чин епископа.

[4] *Тимофей* — апостол из числа 70-ти, первый епископ Эфесский.

ПЕРЕВОД

15 АВГУСТА. ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В 15 ДЕНЬ. УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ

Когда Господь Бог наш изволил воспринять Мать свою, через ангелов известил ее о преставлении. Она же возрадовалась радостью великою и взошла на высокую гору Елеонскую помолиться. И растения поклонились ей до земли. И, возвратившись, она устроила все, что нужно для погребения. И, с возлюбленным Иоанном Богословом созвав ближних и соседей и возжегши светильники, восславила она Бога. И те, увидев преставление жены той, подают ей финиковую ветвь, что означает почесть, и оплакивают ее, прося молиться <за них>. Она же утешала их, говоря: «Не только вас блюсти буду, но и весь мир». И после того распорядилась о двух своих ризах, чтоб две вдовицы взяли по ризе. И после того был глас громовой и нашествие облаков, несущих апостолов Христовых. И с ними были Дионисий Ареопагит, и Иерофей, и апостол Павел, и Тимофей, которым она повелела погребсти пречистое тело свое. И так, перекрестившись на одре, в руки Сыну своему и Богу дух предала. И когда апостолы несли одр и ангелы с ними пели, пришли иудеи, желая совлечь на землю тело Матери Христовой, — и все ослепли. Когда же один из них, именем Афоний, дерзнул <коснуться> одра, его руки были отсечены ангелом. А когда уверовал, был исцелен Петром и снова получил усеченные руки. И не только он <исцелился>, но и ослепшие прозрели. Достигли они селения Гефсимании и погребли святое тело ее, и оставались <там> три дня. Поскольку апостол Фома отстал и пришел после <погребения>, захотел и он отдать целование и поклониться святому телу. И когда открыли гроб, тела ее не обнаружили, ибо перенес его Сын и Бог на место, которое один он ведает, только одни плащаницы ее нашлись.

Из Степенной книги царского родословия

Степенная книга представляет собой первую попытку изложения русской истории, предназначенную для широкого читателя. Ее можно

назвать первым учебником русской истории. Степенную активно переписывали, она служила источником при создании произведений разных жанров — житий, повестей, летописей и пр.

Все предшествующие произведения, посвященные русской истории, излагали материал в хронологическом порядке. Степенная книга впервые представляет русскую историю как процесс, развивающийся по определенным законам. Таким образом, Степенная книга является также памятником отечественной историософии.

Основными принципами развития русской истории составителям Степенной представлялись благочестие и праведность, присущие роду Рюриковичей. Из поколения в поколение запас добродетелей увеличивался, что сказывалось и на благосостоянии государства. Этот процесс начался с принятия христианства. Не случайно именно с этого момента Степенная книга начинает русскую историю. Предшествующие события упоминаются вскользь, внимание читателя на них не акцентируется.

Композиция произведения также отличается оригинальностью. Русская история уподоблена в Степенной книге лестнице, ведущей русский народ к Богу. Ступенями «лествицы» являются поколения русских «самодержцев». Каждому поколению, от Владимира Святого до Ивана Грозного, соответствует отдельная ступень (по-церковнославянски — «степень», почему и произведение называется Степенной книгой), каждой степени посвящен особый раздел в тексте — «грань».

Образ лестницы, ведущей человека к Богу, хорошо известен в христианской и особенно в православной книжности, начиная с «Лествицы Иакова» в Ветхом Завете этот образ широко использовался в литературе. Среди произведений святых отцов известно несколько «Лествиц». Наиболее распространенной из которых является Лествица Иоанна Синайского (VII в.). Однако Степенная книга лишь по формальным признакам примыкает к традиции Лествиц. Лествицы святых отцов повествуют о нравственном восхождении человека от грехов к добродетелям. В Степенной книге действие разворачивается во времени. Ступенями лестницы здесь являются периоды отечественной истории. Каждая последующая эпоха превосходит предыдущую тем, что к накопленному уже «багажу» святости прибавляет свою долю, а каждый очередной самодержец как бы концентрирует в себе святость и благочестие всех предшествующих.

Композиционное построение каждой степени отвечает этой задаче. Степень начинается с жития самодержца; далее следуют жития подвижников благочестия, «просиявших» в его правление, а также описание наиболее важных и примечательных событий. Именно в Степенной книге появилась впервые тенденция к персонификации русской истории. Героями Степенной, за редкими исключениями, оказались прямые предки Ивана Грозного, князья, принадлежащие к одной только линии Рюриковичей.

О времени составления Степенной книги долгое время не существовало единого мнения. Ее автором многие исследователи, начиная с В. Н. Татищева, считали митрополита Киприана, видимо, на том только основании, что в состав Степенной включено житие митрополита Петра, в заглавии которого указан его автор — митрополит Киприан. В тексте Степенной книги присутствуют ссылки на митрополита Макария (1542—1563) как на инициатора создания Степенной. В связи с этим имели место споры — является ли Макарий автором Степенной, или при нем были произведены лишь переделка и дополнение более древнего текста, составленного митрополитом Киприаном (ум. в 1406 г.). Однако отсутствие в рукописной традиции памятника древней «Киприановой» Степенной склонили исследователей к мнению, что Степенная книга была создана при митрополите Макарии. К тому же основным летописным источником для составителей Степенной стала Никоновская летопись — митрополичий свод 20—30-х гг. XVI в. Свое изложение Степенная книга доводит до 1559 г., однако упоминает о взятии Полоцка русскими войсками, которое имело место в 1563 г. Видимо, в эти годы произведение и было написано. В литературе высказано также убедительное предположение об авторе Степенной книги. Непропорционально большое место в тексте памятника уделено святому Даниилу Переяславскому, чей ученик, протопоп кремлевского Благовещенского собора царский духовник Андрей, в иночестве Афанасий, стал преемником Макария на митрополичьем престоле. Один из древнейших списков памятника — Чудовский — содержит запись о том, что Степенная составлена митрополитом Афанасием. П. Г. Васенко обнаружил еще одно указание на авторство Афанасия. При описании исцеления у гроба Александра Невского в Степенной повествование ведется от первого лица. Лицевой летописный свод доносит имя исцеленного — им был царский духовник Андрей, будущий митрополит Афанасий.

В XVII в. Степенная книга дополнялась, создавались ее продолжения. Так была составлена XVIII-я степень, посвященная правлению сына Ивана Грозного Федора Ивановича. В некоторых списках Степенная книга соединялась с произведениями, посвященными всемирной истории, становясь таким образом частью своеобразных сводов по всемирной истории.

Тот авторитет, которым пользовалась Степенная книга у своих читателей, выразился и в том, что, в частности, старообрядцы использовали ее в своих канонических спорах с официальной церковью. Вплоть до В. Н. Татищева Степенная книга служила ядром всевозможных сочинений по русской истории.

Текст Степенной книги издается по рукописи РГБ из собрания Пискарева, № 612, кон. XVI в. (по той же рукописи осуществлено издание Степенной книги в ПСРЛ, т. 21, ч. 1—2. Книга степенная царского родословия. СПб., 1908—1913) с сокращениями. Неисправные чтения исправляются по другим спискам Степенной книги, по ПСРЛ. Исправленные места набираются курсивом.

На примере сказания о княгине Ольге — первой княжеской биографии, вошедшей в «Степенную книгу», — можно представить особенности построения повествования в этом произведении. «Сказание» составлено на основе нескольких источников: летописного сказания об Ольге, ее «Жития» и церковной службы ей, «Похвалы князю Владимиру» инока Иакова и других агиографических текстов. Сравнение «Сказания» с соответствующими страницами «Повести временных лет» показывает, что повествование в летописи строже, насыщеннее фактами, во многом значительнее. Кроме того, в «Сказании» многие исторические факты и имена приводятся неверно — например, все, что связано с крещением княгини Ольги.

Авторство «Сказания об Ольге» приписывается Сильвестру. «Сказание», которое является в «Степенной книге» своего рода торжественным вступлением, отражает определенный этап в формировании идеологических представлений об истоках и значении самодержавной власти; оно было важным аргументом для обоснования исконного происхождения царской власти на Руси (Курукин И. В. Сильвестр и составление Жития Ольги Степенной книги // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1979. С. 51—60).

Рассказы об Ольге в древнерусской письменности восходят к долетописным (частью фольклорным) источникам. Сказание о ней вошло, по А. А. Шахматову, в древнейший летописный свод. В рукописях начиная с XIII в. сохранилось несколько типов повествовательных произведений об Ольге.

Имя княгини Ольги окружено легендами. Действительных фактов ее биографии мы знаем очень мало. О ее происхождении, месте рождения, возрасте существуют весьма различные мнения, основанные на интерпретациях тех немногих фактов, которые можно извлечь из летописных, агиографических и других источников, относящихся к раннему периоду русской истории. Самое распространенное мнение, восходящее к летописным и житийным сказаниям, — что Ольга была псковитянкой. Мнения расходятся относительно того, была ли она действительно простой перевозчицей или принадлежала к знатному роду. Агиографические памятники, более связанные с легендами, предпочитают первый вариант (о простой девушке, ставшей княгиней благодаря своей красоте и мудрости); однако размышления над историческими свидетельствами склоняют в пользу высокого положения Ольги. По-видимому, князь Олег сознательно выбрал для Игоря невесту, подобающую по рангу. О таком выборе говорит и тот факт, что, насколько можно судить по упоминаемым в летописях датам, пришлось дожидаться, пока невеста достигнет брачного возраста — в 903 г., когда согласно «Повести временных лет» Олег привез Игорю жену из Пскова по имени Ольга ей было семь—десять лет. О знатном происхождении княгини Ольги можно судить и по описаниям ее приема в Царьграде. Возможно, она была варяжкой (и родственницей Олегу, в честь которого названа). Леонид (Кавелин), найдя в собрании Уварова исторический сборник XV в. (в котором было сказано, что Олег женил Игоря «в Болгарех» и взял за него княжну по имени Ольга, «иже бе

мудра зело»), впервые высказал точку зрения, что Ольга была болгаркой и происходила не из Плескова (Пскова), а из болгарского города Плескова. Болгарское происхождение Ольги дает возможность дать интересные объяснения некоторым другим фактам — например, пристрастию Святослава к городу Преславу и его интересу к болгарским делам, а упомянутый Константином Багрянородным поп Григорий в свите княгини Ольги в таком случае может оказаться тем Григорием, который перевел Хронику Амартола и Хронику Иоанна Малалы. Однако псковское (а не болгарское) происхождение княгини Ольги значительно сильнее опирается на свидетельства летописей и представляется более вероятным. Кроме всего прочего, вряд ли привезенная из Болгарии княжна могла быть язычницей.

Легенды и сказания о княгине Ольге значительно богаче тех скудных исторических сведений, которые до нас сохранились. Образ княгини Ольги в народной памяти — это эпический образ мудрой и могучей правительницы, беспощадной к врагу и милосердной к своему народу, благодаря деятельности которой Русь стала не только могучим государством на уровне других крупных держав, но и во многом превзошла их. Часть легенд об Ольге и до сих пор живет в виде топонимов (например, Ольгин городок в Псковской области или село Ольжичи под Киевом) или в преданиях об установленных ею крестах и погостах.

Несмотря на широкое использование в «Степенной книге» устных легенд, включение в рассказы ее занимательных эпизодов, памятник этот прежде всего носил официально-публицистический характер. «Богословская» окраска проявлялась в произведениях официальной литературы, что в полной мере отразилось и в рассказах «Степенной книги». Однако мы не должны забывать, что за этим стояло стремление показать, что история Русского государства входила полноправной составной частью в исторический процесс цивилизованных христианских государств. Не случайно поэтому, что со «Сказания» об Ольге задолго до официального «крещения Руси», принявшей христианство, начиналась «Степенная книга». «Сказание» это примечательно и тем, что оно убедительно опровергает официальную церковную версию о «крещении Руси» как о каком-то единовременном и повсеместном акте. Принятие Русью христианства как официальной государственной религии являлось длительным историческим процессом, обусловленным социальным и экономическим развитием Киевской Руси.

Похвальное слово княгине Ольге, которым завершается «Повесть», написано в форме традиционной церковной похвалы. Однако действительное значение «Похвалы Ольге» много шире. Здесь прежде всего выражена характерная для всей Степенной книги идея русской государственности — русская история рассматривается как часть всемирной истории (всемирная история для средневекового автора это прежде всего библейская история), и русское государство ставится в один ряд с великими державами всех времен, а русские правители сопоставлялись со всемирно прославленными царями и полководцами. Прославляя княгиню Ольгу как «предтечу нашего к Богу обращения»,

т. е. подчеркивая, что деятельность княгини Ольги заложила основы совершенного впоследствии ее внуком князем Владимиром крещения Руси (историческое и национальное значение этого факта очень велико, поскольку это событие вывело Русь на общую платформу с мировыми державами) — составитель понимал, что крещение Руси не было единовременным действием — это был исторически обусловленный процесс, начавшийся задолго до Владимира и продолжившийся после него, а деятельность княгини Ольги была частью этого процесса, в чем и сказалась ее человеческая и государственная мудрость. В этом и заключается патриотический пафос Похвального слова княгине Ольге.

Повествование о святом благочестии первых российских властодержцев

Подготовка текста и перевод Н.В.Понырко, комментарии В.К.Зиборова, А.В.Сиренова, Т.Г.Фруменковой

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ О СВЯТЕМЪ БЛАГОЧЕСТИИ РОСИЙСКИХ НАЧАЛОДЕРЖЕЦ И СѢМЕНИ ИХ СВЯТАГО И ПРОЧИХ

Книга степенна царскаго родословия иже в Рустей земли въ благочестии просиявшихъ богоутверженных скипетродержателей, иже бяху от Бога яко райская древеса насаждени при исходищих вод, и правовѣрием напаяеми, богоразумием же и благодатию возрастаеми, и Божественою славою осияваеми явишася, яко сад доброраслен и красен листвием и благоцвѣтущ, многоплоден же и зрѣл и благоухания исполнен, великъ же и высоковерхъ и многочадным рождиемъ, яко свѣтлозрачными вѣтвми, разширяемъ, богоугодными добродѣтельми преспѣваем. И мнози отъ корени и от вѣтвей многообразными подвиги, яко златыми степенми, на небо восходную лѣствицу непоколеблему водрузиша, по нейже невозбраненъ к Богу восход утвердиша, себѣ же и сущим по нихъ. Им же бяше благочестию началница богомудрая в женах, святая и равноапостолная великая княгини Ольга, супружница Игорева Рюриковича, еяже торжественое Слово в начале, преже оглавления книги сея предложено суть.

По том же преславнаго внука ея, равнаго апостоломъ, святаго и блаженнаго царя и великаго князя Владимера, и семени его праведнаго, иже мнози от них, мужеска полу и женска, Богу угодиша въ благоденственомъ державствѣ, в супружествѣ живуще и во благородном многочадии, овии же — безсупружествомъ, чистотою, иночествомъ, и мучением за Христа, и на бранех храбростию, и благодарнымъ терпѣнием во пленениих, в нужах, и в юзах, и в темницах, и в межеусобных крамолах, озлоблениемъ и лишениемъ очию и

заточениемъ, и ини же — самоволною нищетою, и странствиемъ, и богомудростнымъ претворения уродством, и бездомъствием во отечествиихъ и в чюжеземствиих, и прочими добродѣтельми; паче песка умножишася, и никтоже может исчести их.

Чюдныя же повѣсти, ихже елико возмогохом отчасти изобрѣсти, и сия здѣ, в книзе сей, степенми разчинены суть и граньми обьявлены и главами с титлами сказуеми, имиже возможно всяку повѣсть, в книзѣ сей реченну, немедлено обрѣсти, идѣже и святѣйших митрополит всеа Русии имена вчинена суть, и о прочих святых, и знамения, иже с небеси от Бога, о немже и начало книги сея речется, и прочая.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТВОВАНИЕ О СВЯТОМ БЛАГОЧЕСТИИ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ ВЛАСТОДЕРЖЦЕВ И ИХ СВЯТОГО ПОТОМСТВА И ПРОЧИХ

Степенная книга царского родословия утвержденных Богом и просиявших в Русской земле скипетродержцев, кто был словно райские дерева, насажденные Богом у источников вод, кто явил себя в сиянии Божественной славы, напоенный правоверием и взращенный в благоразумии и благодати, будто чудно разросшийся с прекрасной листвою цветущий сад, полный зрелых плодов и благоухания, широко разросшийся, с высокой кроною, расширяющийся <в своих размерах> многодетным потомством, как светлыми побегами, споспешествуемый богоугодными добродетелями. <Из них многие>, из корня и ветвей, разнообразными подвигами, как златыми ступенями, возвели неколебимую, ведущую на небо лестницу, по которой проложили беспрепятственный путь к Богу для себя и для тех, кто будет за ними. А была у них основательницей благочестия умудренная Богом мудрейшая средь жен святая и равноапостольная великая княгиня Ольга, супруга Игоря Рюриковича, о ней торжественное Слово предложено в начале, перед оглавлением сей книги.

А затем <родословие> преславного ее внука, равного апостолам, святого и блаженного царя и великого князя Владимира, и праведного его потомства; из них многие, мужского пола и женского, живя в супружестве и в благородном многочадии, угодили Богу благоденственным правлением, а другие — безбрачием, чистотою, иночеством и страданием за Христа, и в битвах храбростью, и кротким терпением в плену, в притеснениях, в узах и темницах, и в

междоусобных распрях, муками и потерею очей и заточением, иные же — добровольной нищетой, и странничеством, и богомудрым притворным юродством, и бездомностью на родине и на чужбине, и другими добродетелями; больше песка они умножились, и никто не в силах их счесть.

Дивные же повествования, те, которые мы отчасти, насколько смогли, собрали, сии здесь, в сей книге, распределены по степеням и обозначены гранями, озаглавлены же как главы с заглавиями, с помощью которых можно без промедления найти всякое повествование, рассказанное в этой книге, где и святейших митрополитов всея Руси учинены имена и <рассказано> о прочих святых и о знамениях с небес от Бога, о чем и в начале книги сей говорится, и все прочее.

Житие... великой княгини Ольги, нареченной во святом крещении Еленой...

Подготовка текста Л. А. Чуркиной, перевод О. П. Лихачевой, комментарии О. П. Лихачевой и Л. А. Чуркиной

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА ИЮЛЯ В 11 ДЕНЬ. ЖИТИЕ СВЯТЫЯ БЛАЖЕННЫЯ И РАВНОАПОСТОЛНЫЯ И В ПРЕМУДРОСТИ ПРЕСЛОВУЩИЯ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ ОЛГИ, НАРЕЧЕННЫЯ, ВО СВЯТОМЪ КРЕЩЕНИИ ЕЛЕНЫ, ИЖЕ БЫСТЬ ПРЕДТЕЧА РУСКАГО РОДА ВО БЛАГОЧЕСТИЕ К БОГУ И О МУЖЕСТВЕННОМЪ ЕЯ ПОДВИЗѢ, И КАКО В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ ПОЛУЧИ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕЯ, И О ПРИНЕСЕНИИ МНОГОЧЮДЕСНЫХ И НЕТЛѢНЫХ МОЩЕЙ ЕЯ, И ОТЧАСТИ ПОХВАЛА.

Благослови, отче.

Приидѣте вси правовѣрнии всея Руския земля собори, всяко достояние и всякъ возрастъ, возрадуемся Господеви и поклонимся, и припадемъ, поюще ему пѣснь в веселии, хваляще и благословяще пресвятое имя его и великую милость, юже сотвори дивно с нами, яко воцарися в нас и укрѣпил есть нас неподвижно вѣровати ему, единому в Троицы Отцу и Сыну и Святому Духу, истинному Богу нашему, яко той сотвори нас и призва ко своей благодати, стяжав нас себѣ люди изрядны, царское священие, язык святъ, очистив водою и освятив Духом Святым, и пременивъ нас от прелести идолскаго помрачения, тмы грѣховныя, в

познание свѣта божественыя его благодати и истинны, и показавый нас сыны свѣта и сыны дневи. Не ходатай бо, ни ангелъ, ни апостоли, ни пророцы, ни учителие и изряднии, ни книжницы премудрии, ни вѣтии словеснии научиша ны в познание таковыя превеликия божественныя благодати, но сам Господь Исусъ Христосъ,[1] яко вѣсть своим неизреченным промыслом конечное свое милосердие, богатно хотя излияти в Рустей земли.

Зачало. И тако первѣе благоволи вдохнути благодать свою в душу немощнѣйшаго сосуда женскаго состава; аще и по естеству немощенъ бяше сосуд, но великое сокровище благодати блюдомо есть в сосудѣ; и кто может украсти е? Его же сосуда избра Господь вдовствена и целомудрена, премудрости и разума исполнена, и всюду кипяща духовным благовонием; еще же самодержавна, яко же властию земнаго царствия, выше же сих и над страстьми телесными царствуя. Бяше во всей жизни своей святая и богомудрая и равноапостолная великая княгиня Олга, претворенная во святом крещении Елена, ея же памят празнуем днес. Юже произведе Плесковская страна, иже от области царствия великия Руския земли, от веси именуемыя Выбутцкая,[2] близ предѣл немеческия власти жителей, от языка варяжска, от рода же не княжеска, ни велможеска, но от простых людей. От Варяг бо Русию прозвахомся, а преже словени быхом. Еще бо граду Пскову[3] не сущу, но бяше тогда началный град во странѣ той, зовомый Изборескъ,[4] идѣже преже господьствуя Труворъ,[5] брат перваго рускаго великаго князя Рюрика,[6] иже бѣ свекоръ сея блаженныя Олги; ея же молитвою и пронаречением наздася преславный град Псковъ. Блажен еси и преблажен Богом препрославленый граде Пскове, яко всесилный Богъ отъ страны твоея произведе и породи нам таковый чюдный плод благоцветущий, блаженную Олгу. Блажени есмы и мы, сподобившеся от Бога получити таковый благоплодный царственый зрѣлый сад, благочестиемъ умноженый, пресладкий добродѣтелми и добролиственный благоуправлением; им же мы вси, яко благосѣннолиственымъ древом покрываеми, от всякого вреда вражия избавляемся душевне и телесне, от него же и пресладкаго вкуса богоразумия насыщаеми веселимся.

Пророчество и благословение Рустей земли святаго апостола Андрея Первозваннаго.[7] Благодатию и человѣколюбием Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, исполняющаго пророчество и благословение святаго и великаго во апостолѣх Андрея Первозваннаго, егда проповѣдая слово Божие въ Синопии и в Херсонии, и оттоле бывшу ему на рецѣ на Днѣпре, и тамо на горах помолися и крестъ постави, и благослови и пророчествова на том мѣсте бытие Киева града и всей Рустей земли святое крещение. Оттоле же пришедъ, идѣже нынѣ великий Новград стоит, и тамо жезлъ свой водрузи въ веси, нарицаемѣй Грузино,[8] идѣже нынѣ есть церковь во имя святого апостола Андрея Первозваннаго. Пробразоваше же божественым крестом в Рустей земли священное чиноначалие.

О первомъ великомъ князе Рюрикѣ Руском. Жезлом же прообрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, иже начася от Рюрика, его же выше рѣкохом, иже прииде из Варяг в великий Новъград со двема братома своима и съ роды своими, иже бѣ от племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется. Прус же брат бысть единоначалствующаго на земли римскаго кесаря Августа, при нем же бысть неизреченное на земли рождество Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, превѣчнаго Сына Божия, от Пресвятаго Духа и от Пречистыя Приснодѣвы Мария. Великий же князь Рюрик в великом Новѣграде самодержавствуя, ту и скончася. Сына же своего Игоря видѣ мала суща, — остави яко двою лѣт, — его же и всю державу свою поручи князю Олгу, иже бѣ от рода его. Олег же многим странамъ одолѣ и на Царѣграде дани и выходы взимаше при царѣ Лвѣ Премудром и брате его Александре.[9]

О великомъ князе Игоре, како сочтася со блаженною Олгою. Игорю же юну сущу еще и бывшу ему во Псковской области, якоже нѣцыи повѣдаша дивно сказание, яко нѣкогда ему утѣшающуся нѣкими молитвами и узрѣ об ону страну реки лов желанный; и не бѣ ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладьици, и узрѣ нѣкоего по рецѣ пловуща въ лодейцы, и призва пловущаго къ берегу, и повелѣ себя превести за реку. И пловущим имъ, и возрѣ на гребца оного и позна, яко дѣвица бѣ сия блаженная Олга, велми юна сущи, доброзрачна же и мужествена. Ея же иногда никогда же не зная, и уязвися видѣнием, якоже писано есть: «Очи лакомѣ и некасаемых касахуся». И разгорѣся желанием на ню и нѣкия глаголы глумлением претворяше к ней. Она же уразумѣвше глумления коварство, пресекая бесѣду неподобнаго его умышления, ни юношески, но старческим смыслом поношая ему глаголаше: «Что всуе смущаешися, о княже, срам притворяя ми? Вскую неподобная во умѣ совещевая, студная словеса износиши? Не прелщайся, видѣв мя юну дѣвицу и уединену, и о сем не надѣйся, яко не имаши одолѣти ми. Аще и невѣжда есмь, и велми юна, и простъ обычай имам, яко же мя видиши, но обаче разумѣх, яко поругати ми ся хощеши и глаголаши нелѣпая, его же не хощу ни слышати. Прочее же внимай себѣ и останися таковаго умышления. Дондеже юн еси, блюди себѣ, да не одолѣетъ ти неразумие, и да не постражеши зло нѣкое. Останися и всякого безакония и неправды, аще сам уязвен будеши всякими студодѣянии, то како можеши инѣмъ неправду возбранити и праведно судити державѣ твоей? Разумно же да будет ти, аще и паки нынѣ не престанеши соблажняяся о моем сиротствѣ, то уне ми есть, яко да приимет мя глубина реки сея, да не буду тебѣ на соблазнъ, и сама поругания и поношения угонзну, ты же прочее не смущаешися о мнѣ». И ина многа премудрено о целомудрии глаголя. Се начаток благ и удивления достоин доброумнаго юношскаго цѣломудрия блаженныя Олги, еще не вѣдущи Бога и заповеди его не слыша. Такову премудрость и чистоты хранение обрѣте от Бога, яко удивитися Игорю мужеумному смыслу ея и благоразумным словесем ея. И абие Игорь отложь юношеское мудрование свое, наипаче же со

стыдѣнием своим и с молчанием преиде реку, внимая себѣ от таковых до времени, и оттоле паки иде в Киев. Внегда же прииде время, и повелѣнию его бывшу изобрѣсти ему невѣсту на бракъ, взысканию же бывшу, якоже есть обычай господьству и царстей власти. И о мнозех небреже, но воспомяну дивную въ дѣвицах Олгу, юже видѣ своима очима, мужествену сущу и благообразну, и еже от устъ ея слыша хитростныя глаголы и целомудреный нравъ ея видѣвъ. И посла по нея сродника своего прежереченнаго князя Олга; и приведе ю съ подобающею честию, и тако сочтана бысть ему закономъ брака.

О брани Игоревѣ на Греки. Великий же князь Игор по смерти своего сродника Олга иде на Греки, и повоева страны Финическия и по Понту, и до Ираклия, и до Фефлегонския земли, и всю Никомидийскую землю полони. Много же бысть побѣжено воинство его от грекъ. И паки Игор собра многое воиньство, иде на греки. Царь же Роман, тесть царя Констянтина Багрянороднаго, сына Премудраго Лва царя,[10] посла лучших боляр своих, и умоли Игоря, и нача давати ему дань выше Олговы первыя. И взем дань Игор возвратися от Дуная в Киевъ. И родися ему сын Святослав от сея блаженныя Олги. И тако самодержьствуя мир имѣя ко всѣм странам.

Убиение Игорево от древлянъ. И тогда же шедшу ему в Древляны,[11] и усугуби на них дань и, еже взя, посла в Киевъ съ лодми своими, а самъ оста не со множеством людий. Древляне же со князем своим, ему же имя Мал,[12] злое умысливше, глаголаху к себѣ: «Сей есть наслѣдникъ, приидѣте, убием его и супружницу его Олгу премудрую возмем за нашего князя, и сыну его сотворим, яко же хощемъ, и сами свободни от дани будем, и наше будет достояние». И убиша его внѣ града Коростеня, идѣже и погребоша его.

О посланникѣх отъ древлян ко Олге. И послаша древляне по блаженную Олгу двадесят лучших людей в лодии. Ей же увѣданъ бысть приход их и убийство самодержца, и въсплакася велми глаголющи: «Увы мнѣ, свѣтлѣйший самодержателю, великий государю руский! Увы мнѣ, свѣте мой, камо зайде от очию моею, мене уединену вдовою остави! К кому приближуся и на кого нынѣ возрю? Увы мнѣ, драгий мой милый супружниче преудобренный! Уне бы мнѣ преже тебе умрети, неже лишенѣ быти твоея красоты и твоего любезнаго сожитства, и не бы слышела твоея пагубы, иже не от супостатных враг, но от своеземных ти людий! И не вѣм, что сотворити, или к кому горкую сию печаль простреты! К сыну ли, но той велми дѣтескъ еще, и не вѣм от кого наказанъ будетъ, или кто снабдит державу ему?!». И ина многа глаголаше плачющи, и никто же можаше утолити плача ея, тако же и вси людие плакахуся. И едва плачю преставшу, по малу нача укреплятися, и женскую немощь забывши и мужеским смыслом обложися и умышляше, како месть крови мужа своего сотворити и коим

образом убийца оны казнити. И повелѣ возвати к себѣ древлянския мужи и преухищренно глагола к ним: «Добре, яко, приидоста сѣмо, о мужие. Глаголите же, что ради приидосте». Они же рекоша: «Приидохом, о госпоже, Деревьская земля посла нас возвѣстити тебѣ, яко князь твой отягча насъ данию, а довола не имый и сего ради убиен бысть. Наши же князи добрыи суть, и ты поиди за нашего князя Мала», — иже тако зовом бѣ. Олга же глагола к ним: «Любовна ми суть словеса ваша. Никтоже бо не может воскресити мертваго. Тако ни азъ могу мужа своего воставити господьствующаго вами, егоже вы убиисте. Нынѣ же идите в лодию вашу. И заутра, егда послю по вас, и вы величающеся рцыте посланым от мене по вас: „Мы пѣши не идем и на конех не всядем, но понесите на главах ваших, вземше с лодиею". Егдаже понесут вы, и тогда велию честь от мене приимите пред людьми моими». Они же послушавше ю, идоша в лодию свою. И заутра посла по них. Древляне же гордящеся седяху в лодии и глаголаша, якоже Олгою научени: веляху нести ся и с лодею на главах. Киевъстии же людие насмехающеся безумию их, яко повинующеся, и глаголаху: «Князя не имамы, а княгиню поемлете за вашего князя, и нѣсть нынѣ нашея воли». И взяша их с лодею на главы и принесоша их на теремный дворъ, иже бѣ внѣ града Киева. Олга же зрящи ис терема. И вринуша их живых по уготованную им глубокую яму глаголюще: «Угодна ли есть вам честь сия?» Они же ввержени вопиаху: «О горе нам, аще и убихом Игоря, а блага не обрѣтохом, но паче горшая злая праведно по дѣлом нашим постигоша нас». И живыи засыпаны быша. И абие Олга посла в Деревы глаголюще: «Аще истинно хощете поняти мя за вашего князя, и еще пришлите нарочитых мужей, яко да прииду к вам в велицей чести, дондеже не удержат мя киевстии людие».

О других посланникѣх деревъских. Древляне же паки послаша избранныхъ мужей 8, иже бяху нарочитии держателие Деревския земли. И приидоша в Киев. Олга же повелѣ имъ, да в бани измывшеся, приидут к ней. Бани же уготовленѣ бывши, и внидоша в ню древлянѣ, еже измытися; и ту запроша их и сожъгоша.

О пришествии Олгине в Древляны. И посла к древляномъ глаголющи: «Се уже гряду къ вам. Вы же устроите меды многи у града, идѣже убисте мужа моего, да плачюся над гробом его и тризны сотворю ему». Они же зѣло много меду устроиша. И вскоре Олга собра воинество, поиде в Деревы и прииде на гроб Игоревъ и плачася по нем плачем велиимъ, источники слезъ от очию проливающи, жалостно глаголющи: «О свѣте мой милый, о драгий мой животѣ, како оплачю тебе или что сотворю тебе? Самодержец всей Русской земли былъ еси; нынѣ же мертвъ и землею покровенъ и никим же не владѣеши. И многи страны примириша ти ся и самый Царский град дани и выходы дароваху ти, и многи побѣды на супротивныя показал еси. Нынѣ же гдѣ что? Все мину. Гдѣ великое государство самодржъства твоего? Гдѣ слава и красота мира сего? Гдѣ багряницы брачныя и ризы многоцѣнныя? Гдѣ злато и сребро, и вина, и меды, и брачна честная, и быстрии кони, и домеве

велиции, и имѣния многая, и дани, и чести бесчисленныя, и гордѣния в болярех своих? Уже тебѣ не будетъ сего никогда же. Всѣхъ сихъ лишенъ еси! Се бо, яко вижу, с перстию смесился еси, о милый мой господине, великий княже! Како скрыся в землю и к нам не возвращаешися? И звѣри земныя на ложа своя идут, и птицы небесныя ко гнездом летятъ. Ты же, самодержавне, свой дом оставивъ и здѣ пришед, идѣже отъ безумных древлян кров твоя царская пролияся, и тѣло твое погребению предасться. И азъ тебе, светлѣйшаго живота и царя, лишена бых и сира вдова со единым сыномъ оставаюся, и за веселие и радость плач и слезы постигоша мя, за утѣху же и покой сѣтование болѣзнено. И многия труды скорбныя обыдоша мя, и не вѣм, како враги смирити и всякая вражда утолити и како в тишинѣ мирны дни видети, въ них же бы истиннаго пути взыскати. И кто, когда, каково утѣшение дарует ми, и ум мой на лучшее утвердитъ, и желание мое исполнит? И кто обрящется, возвѣщая ми, аще будет нѣкая иная жизнь, или другий мир? Сей бо мир преходит, яко же вижу и нѣсть хитрости, еже убежати кому смерти. Егда же како и мене постигнет смерть, и кто будет памят мою творя по смерти? Все бо естество человѣческое въ небытие расходится и забытию предавается.

О побиении древлян. И что нынѣ успѣем, косняще господоубийцам врагом ненавидящим надъ ними царския власти. И того ради да приимут месть, и да престанет дерзость в Рустей земли помышляющих злое на самодержавных, да и прочии не навыкнут убивати государьствующих ими в Руси, но со страхомъ да повинуются величию царствия Руския державы началником. Мы же паки по сихъ егда мирно время улучим, и тогда паче потщатися имамы добрѣйшая и полезная увѣдати». И ина многа плачевная притворяше глаголы и повелѣ могилу сыпати надъ Игорем и тризны творити, якоже есть обычай в невѣрныхъ. По сих древляне седоша пити и повелѣ Олга отроком своим пити с ними и служити пред ними, а самим не упиватися. Древляне же воспросиша: «Гдѣ суть дружина наша, ихже послахом по тебя?» И рече Олга: «По мнѣ грядут с боляры моими». И егда упилися быша древляне, и тогда сама отиде кромѣ; повелѣнием же ея воини изсѣкоша пят тысящ древлян. И возвратися в Киевъ.

О второй побѣде на древлянѣ. И паки собра воинества много храбрых и поиде съ сыном своимъ великим князем Святославомъ на Деревскую землю. Они же выидоша противу на бой и побѣжени быша и бѣгше, затворишася во градѣхъ своих. И тамо не улучиша избавления, но взяты быша от Свѣтослава вся грады ихъ.

О взятии Коростѣня града. Сама же Олга устремися на Коростен град и обступи его. Древляне же бияхуся крѣпко, предатися не хотяще, понеже тии сами быша убийца Игоревы. И стоя Олга лѣто у града, и не може взяти его, и посла ко гражданомъ, глаголющи: «Вси грады

предашася мнѣ и дань дающе нивы дѣлают. Вы же от глада умрети хощете, не имущеся дани давати». Древляне же рекоша: «Ради быхом дань даяли, но боимся отмщения». Глагола же имъ Олга: «Месть уже воздахомъ вам. Нынѣ же изнеможения ради вашего не отягчаю на вас дани, якоже князь мой. Вѣм бо яко меду и скоры нынѣ не имате, и вмѣсто сих скудну дань возму у вас, еже имате; дадите ми от двора по три голуби и по три воробьи». Они же ради бывше и собраша по всему граду голуби и воробьи и послаша к ней с поклонением. Она же вземше рече: «Се уже покористеся мнѣ и сыну моему. Идите во град. И аз не днесь, но заутра отступлю отъ града». И вси иже во граде, слышавше, возрадовашася. Олга же птица оны раздая воемъ своимъ и повелѣ к коейждо привязывати сѣру съ огнем, ввивающи в плат; и в вечеръ, егда смерчеся, повелѣ пустити голуби и воробьи с огнем, и прилетѣша в гнѣзда своя, и загорѣся весь град. Людие же не возмогоша угасити и побѣгоша из града. И повелѣ Олга имати их и убивати; овѣх же воем своимъ в работу преда, а иных остави дань даяти. И всю Деревскую землю прият и дань тяжку возложи на них.

О устроении земскомъ. И иде Олга сыном своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляющи устав и уроки и ловища. Нѣцыи же глаголютъ, яко Деревская земля бѣ, иже во области Великого Новаграда, нынѣ же Деревская пятина[13] именуема; инии же глаголют, яко Сѣверская страна бѣ, идѣже бѣ Чернигов градъ. И прииде Олга во град Киев с сыном своимъ великим князем Свѣтославом. И, пребыв лѣто едино, остави сына въ Киевѣ, а сама иде къ Новуграду и нача уставляти по Мстѣ погосты и от луговъ и от ловитвъ дани и оброки, и по Днѣпру перевѣсища и села, тако и же по Деснѣ, и по всей земли ловища и знамения и мѣста и погосты. И изрядивши вся сия и пресмотрив своима очима, возвратися в Киев. Кто не удивится сея блаженныя Олги премудрости и мужеству и целомудрию? Аще и не крещена бѣ и земнаго царствия власть управляя, по лишении же мужа не изволи посягнути ко другому мужу; уподобися горлицы единомужней. Убийцам же супруга своего месть возда, якоже властодержателие обычай имѣяху. Печаше бо ся исправити и доброприбытно устроити скипетродержавие Руския земли, отеческое наслѣдие сынови своему, с нимъже тогда в любви пребываше.

О разсужении духовнаго тщания и о вѣре Христовѣ блаженныя Олги. Наипаче же о душевных себѣ внимая, тщашеся в чистотѣ и в целомудрии пребывати и тѣло свое неосквернено снабдѣти. Прикосну бо ся сердцу ея слово спасеное, и утѣшителева благодать разумнѣи очи ея отверзати начат, к неложному приводя богоразумию, егоже блаженная возжела, о немже мудроствовати утвердися; бѣ бо мудра паче всѣх. Премудростию уразумѣ, яко вси людие земли ея, сущаго Бога не вѣдуще, суетно тщание к бездушным идолом имяху и безь ума кумиром, не сущим Богом требы творяху. Дияволом прелыцени — дияволу угодная и творяху. Преблагий же и премилостивый Христосъ Бог нашь не презрѣ дѣла рук своих и не забы заблуждьших людий

своих, но благоволи помиловати нас и воздвиже рог нам благочестия и начало спасения не от иныя страны, ни от чюжия земли, но от дому и отечества Рускаго изращения сию богомудрую и равноапостольную великую княгиню Олгу. Бе бо подвиг ея, иже бы увѣдати вѣру истиннаго Бога, кумиры же возненавидѣ и велми гнушашеся их. Аще тогда и не в благочестии и живяше и закона християнскаго не вѣдущи, но образы благихъ дѣлъ ея явно свидѣтелствоваху, яко быти ей Христовѣ рабѣ. Но, якоже выше речено, чисть и целомудръ смыслъ имяше и желанием желаше християна быти не нужею нѣкоею, но самовластным хотѣниемъ; и несумѣнною вѣрою, и благим произволением, и чистою совѣстию сущаго Бога взыска и сердечными очима путь благоразумия увѣдѣ, по немуже неблажнено поиде, и обрѣте желаемаго Бога, и тщашеся угодная ему сотворити, и глаголаше во умѣ своем: «Аще угодна Богу обрящуся, им той сам Господь, яко же вѣсть, не имат лишити мя сладкаго ми желания; яко же хощет, наставит мя на всяку истинну, и произволение благое да подасть ми, яко да и аз, недостойная, причтена буду избранному его стаду». Не бяше бо тогда во странѣ Рустей благочестию учителя.

О желании шествия во Царьград блаженныя Олги. Но от Божия промысла, свыше свѣтом разума осияема, благодатию Святаго Духа учима и направляема, трудолюбным тщанием восхотѣ шествовати ко Царствующему граду, и сама своима очима желаше видѣти красоту службы християнския, и слышати слово благочестия, и разумно увѣдати православную вѣру; и без всякого сумнѣния желаше креститися. Предваряху бо ей к Богу присвоение милостивный нрав и прочая образы благих дѣл ея.

О побѣде великого князя Свѣтослава Игоревича на Болгары. В та же времена сынъ ея великий князь Свѣтослав воева на Болгары, и по Дунаю взя осмьдесят градов, и, самодержствуя живый в Болгарех в Переславцы,[14] и на Царѣграде дани и выходы взимаше, приведе бо его на болгар царь Никифоръ Фока, мстя свою обиду болгаром.

О Афонасии Афонстемъ[15] и о царьствѣ Никифора Фоки[16] и о убиении его. Того же царя Никифора повелѣнием и помощию преподобный Афонасий во Святѣй Горѣ созда Великую Лавру, идѣже Никифор кѣлия отходныя себѣ устрои, ту же и пострищися хотя и жити со Афонасием, но возбрани ему любление царства. Царствова бо Никифор в Цариграде по Романе цари, сыне Костянтина Багрянороднаго,[17] внука Лва Премудраго. Примѣси же ся Никифор и царицы Романовѣ Феофане,[18] последи же и ошаяся ея, устыдѣвся святаго Афонасия Афонскаго, и жестоко живяше. Царицы же не угодно бысть сие плотскаго ради сверѣпства, и примесися царица къ Цимисхию Ивану,[19] иже бяше сродник царю Никифору. Их же умышлением убиен бысть царь Никифор, молитву имѣя во устѣх, и с мученики причте

его Бог, яко же о сих свидѣтелствует в житии святаго Афанасия Афонскаго.

О прихожении в Царьград блаженныя Олги и о крещении ея[20]и о царѣ Иване Цимисхии. Вмѣсто же Никифора царьствова Иван Цимисхий, при нем же блаженная Олга прииде въ Царьствующий град, яко добрый купецъ ищущи бесцѣннаго бисера Христа, егоже и получи. Повѣдаша же приход ея царю Ивану Цимисхию, и абие же царь съ подобною честию возва ю к себѣ. Она же иде к нему ничтоже медлящи. И видѣв ю царь зело добру сущу лицем, и в бесѣдовании смыслену, и разумом украшену, и в премудрости доволну, наипаче же Божиею благодатию осияему, и вельми царь почюдися великому разуму ея и свѣтлости благообразия ея, и возлюби ю зело, и возжелѣ доброте ея. И глубокий в премудрости ум ея к своему люблению уловити тщашеся гаданми нѣкими и ласканьми, притворяя к ней бесѣду, якоже древле египтяныни цѣломудренаго Иосифа[21] запяти хотя, глаголя сия: «Добрѣ потщася приити до царствия нашего, о преудобренная в женахъ великая княгини Олга, видѣти честь и красоту скипетродержания нашего. И являет видѣние доброты твоея, яко подобна еси быти здѣ и счетатися доброте моей и царицы именоватися и царьствовати с нами и вѣре нашей приобщитися». Бѣ бо и сам Цымисхий телесным подобием велми добророден и надѣяшеся улучити, о нихже умышляше ко счетанию. Богомудрая же Олга уразумѣвши, яко сий совѣт от навѣта лукаваго диявола, Еввина запинателя, иже в Раи древле во змию вселися и возсвиста на первозданных,[22] тако и здѣ возсвиста женолюбива царя усты; такою козниию лукавый злобу свою воздвиже на блаженную, да поне сим коварством поколеблет душу ея. И тогда целомудреная умное свое око возведе к Богу, егоже потщася взыскати, помощи от него требуя, яко да свободит ю от многообразных ловлений злокозненаго врага. И тако благоразумия крылы вперившися и чистымъ помыслом возвысився, преухищрено начатъ прелетати сѣти суемудраго царева умышления, паче же льстиваго злоначалное коварство всячески тщашеся упразднити. *Подвизаше* бо ся от юности о целомудрии паче нежели о царствии Греческом. И тогда излияся благодать во устнах ея еже вѣтийствовати таинство во Христа вѣры; и нача бесѣдовати к цареви смиреномудреными глаголы сице вѣщая: «Сладко нѣкогда слышание слышася ушима моима о вашем царствии и вѣре християнстей, нынѣ же чюдно и велико видѣние вижю очима моима — красоту непорочнаго закона Божия, иже в вас совершается; и любви твоея бесѣду, и присвоение, еже нашему странствию, разумно внях. Ты же, о царю, чертогу своему царскому причтати ми ся глаголеши и царьствовати здѣ завѣщеваеши ми; егоже не отрицаюся, но обаче погана есмь, яко же мя видиши, такоже и сынъ мой поган есть, емуже вы дани и выходы подаваете. Ты же наипаче всего еже крестити ми ся совѣщеваеши, его же и сама желаю от всея душа и от всего помышления; на се бо и приидох сѣмо, яко да и ты свидѣтель неложен будеши иже ко Христу обещания моего. И аще, о царю, истинно попечение о моем спасении показуеши и сообѣщну мя хощеши быти истинной вашей вѣре къ Богу, и тако подобно ти есть никако же коснѣти, но вскоре сам с патриархомъ потщися исполнити яже о мнѣ

Божию благодать, дондеже не возбраняет ми ничтоже. Егда же просвѣщена буду и тогда прочие, яже глаголахомъ, вся желаемая тобою здѣйствуются тако, якоже закон християнский обдержатство имат. Аще ли же не тако сотвориши, то не имам креститися». Царь же ина ничтоже не внимаше, но токмо дабы вскоре браку сбытися, и яко готово имяше, о нем же браце всуе смущашеся. И абие святѣйший патриархъ Фотий[23] словесы спасеными и богословными глаголы правовѣрныя вѣры огласивъ ю со вселенским соборомъ, и тако вкупе царю яко приемнику сущу и патриарху священнодѣйствующе.

В лѣто 6463 крещение блаженныя Олги. И тако крестиша блаженную Олгу во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и наречено бысть имя ей Елена. И тако совлечеся всея грѣховныя одежды, отложши ветхаго человѣка и дѣла поганская, и облечеся в новаго Адама, еже есть во Христа,[24] и тако просвѣщена бывши, тако породився водою и Духом сице добрым изменением изменися, и возрадовася душею и тѣлом радостию неизглаголанною, и бысть причастница и Божественых тайн пречистаго и животворящаго тѣла и крови Христа Бога нашего, и бывает вѣрное овча Христова стада.

Благословение и поучение патриархово къ блаженней Олге. Патриархъ же благослови ю и пророческии глаголаше: «Благословен Христос Бог наш просвѣщая и освѣщая всякого человѣка грядущаго в мир, иже тебѣ избравый от рускаго рода невѣрных людий! Благословена ты в женах руских, понеже тму прелести временнаго свѣта сего остави, а свѣт живота вѣчнаго возлюби! Благословити тя имут сынове рустии в послѣдняя дни родовъ внук твоих». И бесѣдова к ней, и поучение предлагая от Ветхаго завѣта и Новыя благодати Христовыхъ святых евангельских заповедей, и от правил святых апостолъ и святых отецъ вселенских собор, и како в вѣре твердо пребывати, и течение жития сего въ добродѣтелех свершити, и о воскресении мертвых, и о втором Христовѣ пришествии, и о воздаянии комуждо по дѣлом его: грѣшником тма кромѣшная, огнь неугасимый и черви неусыпающии и иныя муки в вѣки и на веки конца не имущи, а праведным царство небесное и жизнь без конца и прочая благая, их же усты человѣческими немощно изрещи. И заповѣда ей о церковном уставѣ, и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостыни, и о воздержании, и о чистотѣ тѣлесней, и о памяти смертней, и о покаянии. Блаженная же Олга, поклонши главу, стояше аки губа морская от росы небесныя напаяема, Божественых писаний учение в сладость приимаше от святѣйшаго патриарха. От радостотворнаго же плача слезами себе обливаше, имиже землю умачаше, и покланяяся и припадая к ногам святому патриарху глаголющи: «Иже завѣщаваеши ми душеполезная завѣщания, о честнѣйший владыко, буди ми сия по глаголу твоему исправити, и молитвами твоими от всѣхъ сѣтей лукаваго диявола и от всѣх неприязненых козней его да сохранена буду, и благодать Божия да не оставит мене николи же». И паки патриархъ благослови ю по мнозе поучении глаголя: «Господь исполнит прошение твое и не лишит тя от

всякаго блага. Амин». И отпусти ю ис церкви. И тогда блаженная Олга вдаде патриарху блюдо златом устроено з драгим камением и бисером на потребу святому олтарю преименитаго храма соборныя церкви Премудрости Божия Слова. Она же идяше в дом веселящися и благодарящи Бога.

О учрежении и о тщетномъ умышлении Цимисхия царя. Егда же учрежению бывшу, и тогда блаженная не толико земныя телесныя пища желаше насыщатися, елико внимаше духовныя бесѣды и отъ того паче насыщашеся, и тщашеся вышняя разумѣвати, идѣже есть Христосъ со Отцем и со Святым Духом. Цимисхий же не тако, но долу влекущими мудровании дмяся, аще и благочестия закон держа, и сего не внимаше по преданию сохранити и неудобобразныя благочестию начинанию являя, яко забыв присвоения духовнаго, иже в крещении ко блаженной Олгѣ, и вмѣсто купнодушевнаго благодарения составляетъ бесѣду тщетну. Егда же по крещении возва ю и рече к ней: «Нынѣ времяни настоящу и чертогу готову сущу, се уже посягни за мене. И да будеши ми жена и царица и всему царству нашему госпожа».

Оле несытства женолюбия! Оле умышления неподобнаго! Оле сквернаго рачения! Что глаголаши, о Цимисхие, ейже от святыя купѣли приемник бысть, приемникъ же тоя и чертогу непщуеши быти и не стыдишися, хотя разорити духовное сочетание? Не довлѣ ли тебѣ, о царю, немилостивное погубление сродника твоего святого царя Никифора, сообъщницу погублению его имѣя блудорачительную его царицу суровѣйшую Феофану, ейже законопреступно примѣсился еси! Не усрамився, ни помилова, ни снабдѣ, иже по плоти сродства, иже о Никифоре цари, нынѣ же и по духу сродствия, иже ко блаженней Олге снабдѣвати не рачиши!

Благоотвѣтно мудрование блаженныя Олги, имъ же посрами Цимисхия царя. Что же новопросвѣщенная Христова невѣста? Слышавъ сия, никако не же смутися, ни усумнѣся и, некнижна сущи, умудрися. О ней же збысться Христово благодарение, иже к Богу Отцу: «Яко утаил еси сия отъ премудрых и разумных и открыл еси та младенцем». И тако блаженная, Богом вразумлеваема, со тщанием отвѣт цареви сотвори, и неподобное его начинание со дерзновением обличи, и душетлѣнную его бесѣду мужественѣ отсече, и срамлятися ему сотвори, сице глаголющи: «Аз от поганства понудихся приити доздѣ и слышати и получити о Бозѣ и о заповѣдех его истинну. Глаголи же ми истинну, о царю, аще есть во християнех сий обычай, иже бы отцу дщерь поимати, яко же ты, о царю, наипаче разумѣваеши? Се нынѣ крещенну мя от святыя купѣли сам восприял еси и дщерию себѣ именова мя. И тако нетлѣнною благодатию породихся, ты же паки тлѣнный чертог и брак предуготоваеши и маловременно царствовати с тобою завѣщеваеши ми. И сего ради аз приидох здѣ да с тобою царствую? Не имам бо тебѣ царю смертному

нарещися царица, яко уневѣстихся желаемому ми бесмерьтному жениху Христу Богу небесному царю царствующим, да съ ним в вѣки царствую. Якоже вы сами глаголете, яко ин вѣк всѣх нас ждет и есть любящим Бога бесконечный живот в небеснемъ царствии; его же и аз желаю получити. Земное же царство довлѣет ми Руская великая земля, идѣже самодержьствует со мной сынъ мой, дани и выходы обемля на многих странах и на вашем царствии. И ты, о царю, всуе о сем бесѣдуеши. Почто ми и на стези спасения преткновение и сѣть души протязаеши? Сия ли суть образи правовѣрия? Сего ли ради отецъ нарече ми ся, да в супружство себѣ приобрящеши мя? Еже не имат быти, его же ти неудоб и помыслити. И аще бы потребных царствию твоему от нашея державы попросил еси, то всячески бы от нас получил еси; ими же изообилствует земля наша: множеством челяди на всяко послужение и работу и, еже ино удобно тебѣ: воскъ и бѣлка, наипаче же и воинство в поможение царству твоему на супротивныя. Ты же, удобная презрѣв, тщетным поучаешися. Прочее же не прилагай о сем стужати си, но благодарно прекратим бесѣду, да без смущения возвращуся во свояси».

Царь же от своея совести обличаем и с студом в чювство прииде и о непотребствѣ глаголъ своих в раскаяние обратися и превращаше глаголы, имиже студа гонзнути. Дивляше бо ся великия премудрости словес и высокому *разуму* отвѣта ея и мужественному нраву. Призвав же боляр своих, елико бяху совѣтницы ему, и глагола: «Что сотворим, яко невозможная начахом, и начаток бездѣлен бысть? Не видѣх бо в женах подобну сея премудрости. Якоже сами видѣсте, како мене уковарствова премудрыми своими словесы сия великая княгиня Олга. Не токмо не получих счетатися доброты ея, о ней же туне смутихся, но вмѣсто сих срам и студ приобрѣтох си. Истинно глаголати, яко Святый Дух вселися в душу ея и научи ю тако мудроствовати, не точию земное царство управляти, но небеснаго царства желати вразуми ея. Лѣпо есть нам тоя премудрому величеству достойную честь усугубити и отпустити ю в землю ея». И угоден бысть таковый его совѣт. И сотвори царь чрежение велие, яко подобаше царскому их достоинству, и сугубыми дарми одари ю, злата и сребра множеством, и драгими паволоками, и многоразличными царскими сосуды; и с великою честию, и друголюбным миром, и радостным усердием отпусти ю, дщерию себѣ нарицая от купѣлнаго порожения.

Пришествие блаженныя Олги к патриарху, просящи благословения на путь и молитвы. И тако блаженная видѣ себе всячески обогащену и бѣ радуюся душевнѣ вкупѣ и тѣлесне о величии Божии, яко сотвори Господь с нею милость свою и изят ю от адския тмы идолобѣсия, и приведе ю в познание истиннаго свѣта триипостаснаго Божества — Отца и Сына и Святаго Духа. И вкупѣ благородная тѣлом, благороднѣйша же паче и душею, яко бремя нѣкое и яко желѣза тяжка отложив древнее нечестие, и свѣтовидная путеви касашеся, и прииде к патриарху, благословения просящи и молитвы на путь паче же и на

весь дом свой, смиреномудрено поклонение сотворяя, слезами разливаяся умильно глаголющи: «Что могу твоему святителству великому воздати, о вселенский патриарше? Или кое твоего желания утѣшение сотворю о всѣх, яже твоим священнодѣйством и молитвами поучихся, и просвѣтихся, и всячески облагодатився, во своя си гряду? Разумно же ти есть и извѣстно, яко людие земли моей поганства нечестием живяху, яко же волцы, тако же и сынъ мой. От них же мене едину лукавую рабу и отступницу, яко овцу заблуждьшую[25] и погибшую в горах и всякому звѣрю готову на снѣдь преблагий Бог твоим к нему предстателством к себе в свою ограду привел есть, якоже восхотѣ, и къ незаблуждьшим своим божественным овцам[26] сочтал есть, и в чину чад наслѣдницу явил есть,[27] и дивных своих вѣчных благъ обещанием надежну мя яви. И тѣх великих Божиих даров и сам ты за мое недостаточетво сподобишися получити от единаго Бога дарующаго благая своя любящим его.[28] Се нынѣ, великий патриарше, разлучаюся твоего любочадия и доброучителства. Ты же даруй ми в себе мѣсто единого от прозвитер твоих, могущаго ми исполнити твой чин, и той да будет ми пастыр и наставник. И спутника блага даруй ми, молитву твою и совершенное благословение. И незабвенну мя сотвори, яко да и домъ мой сподобится получити Божия благодати и твоея молитвы и вѣчнаго благословения въ род и род и во вѣки. И аз молитвами ти да сохранена буду от всякого вражия навѣта, и от всякого смущения, и озлобления отъ невѣрных людей, да неблазнено Богови вѣруя, въ заповедех его жизнь сию скончаю и не посрамлена пред Богомъ обрящуся здѣ и в будущий вѣкъ». Патриархъ же во удивлении мнозе бысть, видѣв блаженныя глубокое смиреномудрие, и крѣпкодушевный смысл, и слезам источники, и глаголы умилныя во устнах ея. И хотя ю от плача утолити, и утѣшение духовно даровати ей. И абие подвижеся на благодарную молитву и, на высоту руцѣ воздѣвъ, прилежно помолися за ню и глаголаше:

Молитва. «Владыко Боже, Отче Вседержителю и Господи, Сыне единородный Исусѣ Христе и Святый Душе! Едино Божество и едина Сила! Благодарим величия твоя и прославляем милость твою! Яко отъ небытия в бытие привел еси, к себѣ, и сие заблуждьшее овча дѣиством твоея благодати. Моим недостоинством просвѣтил ю еси. Услыши мя недостойнаго раба твоего, посети винограда сего тобою насажденнаго[29] и освѣти душу ея силою твоею и спаси ю от рода строптиваго и от всѣх козней вражиих видимых и невидимых. И укрѣпи ю творити волю твою, возрастити плод праведных заповѣдей твоих, и угодная тебе совершити, и вѣчных твоих благъ наслѣднице быти, яко благословен еси во вѣки. Амин».

Благословение патриархово. По совершении же молитвы обращся и благослови ю глаголя: «О чадо вѣрное небеснаго отца, миръ тебѣ и благословение и всему роду державы твоея во веки! О чадо честнѣйшее, уневѣстившееся Христови, во Христа крестилася еси и во Христа облечеся! Христосъ да сохранит тя от всякого зла. Господь Исусъ

Христосъ сохранит вхождение твое в землю достояния вашего, идѣже грядеши быти, яко овча посреди волков, невѣрных людей, и благодать Господня буди с тобою — еюже божествении апостоли вселенную научиша вѣровати в Троицы единому Богу — Отцу и Сыну и Святому Духу. Та благодать Божия и людей твоих во овчюю кротость преложит. И якоже хощет Бог, мощен бо есть обратити сердца их к познанию своея ему благодати. Тебе предшественицу дарствова имъ. Та благодать Божия и тебе спасет и избавит от лукаваго многоплетенных сѣтей, якоже в первыя дни спасе праведных своих:[30] Еноха от прелести совѣта исполинска,[31] и Ноя от вселенскаго потопа,[32] и Авраама и Сарру,[33] жену его, от Ефрона царя,[34] сына Хетьтѣева, и Лота от содомлян,[35] и Моисея от фараона, и Давида от Саула,[36] и Иону от кита, и Феклу от огня[37] и от звѣрей и всякого осквернения. Тако и ты, о чадо духовнѣйшее, буди Богом пасомо и соблюдаемо, угодная пред ним творящи во вся дни живота твоего в православней вѣре и в покаянии, яко да сподобишися и небесное царствие наслѣдити молитвами Пречистыя Богородицы и всѣх святых». И паки патриархъ и иже с нимъ весь освященный собор благословиша ю; и одари ю доволно; дарова же ей и честный крестъ Христовъ, и святыя иконы, и презвитера, и святыя книги, и прочая священныя вещи. И глагола ей: «О чадо преудобренное Богови, преименитая въ державных, приими сию святыню, приими сие вѣчное благословение. О чадо богоизбранное, виновная спасению рускому роду, яко же вѣруеши и вѣрою приемлеши сия божественныя вещи. Наипаче же вѣрою и любовию облобызай сия с покланянием честное воображение владычняго образа, нас ради вочеловѣчьшагося Бога Слова, самого во образѣ Творца зрѣти мня; такожe и Пречистыя его Матери и всѣх святых его благочестно покланяйся и облобызай. Егоже есть образ и яко к живому тому умныма очима ко истинному видѣнию восходя. Также и животворящаго креста Господня образу вѣрою и поклоняйся, и целуй пригвожденнаго ради на нем плотию Христа Бога нашего и Спаса мирови, давшаго образ сей на спасение роду нашему, на диявола побѣду; боит бо ся и трепещет, не терпя зрѣти силы его». И доволно наказав ю и благословив, отпусти въ путь ея. Блаженная же, радующися душею и тѣлом, восприимши святыню и благословение, иде с миром в землю свою, носящи с собою от Царствующаго града Божественную благодать паче всякого богатества.

Пришествие из Царяграда въ град Киев блаженныя же Олги. И прииде в преименитый град Киев, живый и по преданию святаго патриарха в воздержании и в молитвах, во днех и в нощех соблюдая чистоту душевную и телесную, и всякаго *грѣха* храня себе. Сеже бысть яко древле при Соломоне цари Сивилва, царица южская,[38] прииде видѣти премудрость Соломоню. Блаженная же Олга болѣ Соломона получи: Сивилла человѣческия премудрости желаше видѣти, Олга же Божию, якоже пишет в Премудрости: «Приложи сердце твое в разум. Аз мене любящая люблю и ищущии мене обрящут благодать. Премудрость бо на исходящих поется, на путех же дерзновение вводит, на краех же стѣнъ забральных дерзающи глаголет».[39] От младаго бо возраста блаженная Олга искаше премудрости паче всего на свѣте сем. Честный

и животворящий крестъ Христовъ, егоже святая Олга принесе из Царяграда в Киев, последи ея поставлен бысть во святей Софѣи во олтари на десной странѣ, имѣя писмена сице: «Обновися Руская земля к Богу святым крещением, егоже прия благовѣрная великая княгиня Олга».

О послании отъ царя Цимисхия ко блаженной Олге. Живущи же блаженная въ Киеве, и присла к ней царь Иван Цымисхий, глаголя: «Егда ты у нас бѣ, о добророднѣйшая самодержице Олге, и тогда любочестно чрежение сотворих ти, и многоразличными царьскими даровании много одарих тя, ты же обѣща ми ся от своего государьства прислати воздарие, имиже изообителствует земля державы вашея: челяд, воскъ, бѣлку и воинство в помощь. И нынѣ исполни удобное нам обѣщание твое». Блаженная же Олга отвѣт сотвори ко пришедшему к ней Косомѣру, яко да отречетъ пославшему его царю Цымисхию сице: «Аз, о царю Цымисхие, егда бѣх въ Царьствующем твоем граде, идѣже к Богу сподобихся приступити и просвѣтитися святым крещением; и о сих благодарьствуя благодарю премногую Божию благодать, яко непотребну мя сущу себѣ уневѣстил есть; ему же и чертожница быти желаю и у него жити в бесконечныя вѣки. Ты же, о царю, несогласная тогда умышления коварства старости моей и всячески прельщашеся всуе, ратуя на душу мою о счетании брака, егоже не радих. Аще отъ святыя купѣли восприял мя еси и того благодатнаго ко мнѣ присвоения не внимая, яко внѣ себе быв, яко презорник являяся християнских законовъ — отецъ ми по благодати крещения наречеся, вкупѣ и муж хотяше быти ми. Неподобно дѣло соглашая, удобная царствию твоему требования просити от нас презрѣл еси, и яже неудоб получити, о сих покусился еси. Благодатию же Христовою от моих недостоиных устен коварство твое упразнися. Ты же едва въ разумѣние вниде, совѣстию обличаем со студом от таковых умолче и, примирився, одари мя, дщерию нарицая мя, и с любочестием отпустив мя во свою ми землю. И нынѣ, воздария требуя, присла ко мнѣ. Мню, яко нѣкое глумление притворяя, таковое прошение надѣешися улучити. И сего ради ничтоже прияти имаши от нас. Аще ли же отъ благочиния таковое требование надѣешися прияти от нас душевнаго ради союза и непорочныя ради любви, то лѣпо ти есть преже уцеломудрити свою совѣсть и очиститися прежняго скверноубийства. И потом потщися сам приити до нас и изслѣдити нашу реку Почайну[40] и нас посетити с воинством духовныя любви, яко же и аз у тебе бых, идѣже и в сосудѣ святыя купѣли стоях. И пришествием своим иже к нам, сугубо любочестие достойное царствию твоему получиши и многосугубное дарование от нас приимеши, яко же и аз от тебе». И ина многа приречe, и с миром отпусти посланники к своему их царю.

Поучение блаженныя Олги. Сама же пребываше посреди бесчисленнаго множества поганых людей, кумиробѣсия тмою помраченых, иже бяху, яко дивии звѣрие, в них же сия едина благочестивая Олга вѣрою свѣтяшеся, глубокую нощи тму невѣрия

отгоняя, яко пресвѣтлая звезда пред солнцем грядый и свѣтлый день правовѣрия руским людем предъявляя. Все же бысть тщание ея, да быша были людие ея просвѣщении вѣрою Христовою. И сына своего, великого князя Свѣтослава, много учаше его креститися, такоже и всѣм людем всегда со умилением глаголаше: «О сынове рустии, послушайте мене, новопросвѣщенную, да разумно будет вам, яже о мнѣ сами вѣсте, яко вся лѣта моя во тмѣ невидѣния ижжих и не слышах ни отъ кого же истиннаго словеси Божия, возвѣщающа путь вѣчнаго живота. Егда же от истинно *вѣдущихъ* услышах, и тогда благодать Божия вселися в сердце мое и неблазнено разумѣх, яко во истинну нѣсть иного имени под солнцем развѣе Отца и Сына и Святого Духа, в него же вѣровах и в него же крестихся, о нем же возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой, еще же и всячювствия плоти моея, и самый духъ мой. Кто убо не радуется, вѣруяй сущему Богу, истинно со упованием разумѣвая, како дивно прославляет Бог угодников своих не токмо в житии сем, но и по преставлении — многа чюдеса сотворяются от них и исцѣления различная истачают. От них же мнози во гробѣх лежаще, яко живы, и мощи их нетлѣнны пребывают до общаго всѣх воскресения, и тогда возставше в бесконечныя вѣки с Богом царствовати имут. Сего ради молю вы, вѣруйте сущему Богу, его же азъ познах. К сему приступите и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся». Народи же дивляхуся о глаголех ея, ихже преже нигдѣ же не слышаша. Овии же от уст ея любезно прияша слово Божие, крестишася. Сынъ же ея, великий князь Свѣтослав, яко звѣр бяше обычаем и ни мало о сих внимаше, такоже и вольможи его и прочии людие. Хотящим же тогда креститися не возбраняху, и крестившимся погании ругахуся; невѣрующим бо вѣра христианская уродство вменяется; не смыслиша бо, ни разумѣша, во тме ходяще, и не хотяху зрѣти славы Господня.

Бесѣдование к сыну блаженныя Олги. Блаженная же Олга, часто бесѣдуя к самодержавному сыну своему Свѣтославу, глаголаше: «О любезнѣйшее чадо! Нѣсть иного Бога на небеси горѣ и на земли долѣ, токмо его же аз познах всея твари содѣтеля, Христа Сына Божия истиннаго Бога, иже благоволением Отца и дѣйством Святого Духа изволив нас ради родитися от Святыя Приснодѣвы Мария и страсть волную и смерть прият бесмертный и в третий день воскресе, и возшед на небеса, отнюду же сниде и паки приидет и воскресит человѣки вся умершая от вѣка, и воздасть комуждо по дѣлом его: грѣшником и невѣрующим в него мучение вѣчное в негасимом огни, а праведником жизнь бес конца в небеснем царствии. Его же дѣля аз благое дѣло сотворих, тмы избежах, ко свѣту притекох, прелесть оставих и истинне присвоихся, бесов отрекохся, Христови же обещахся. О нем же радости и веселия здѣ исполнихся, яко николи же преже просвѣщения тако не радовахся. Кольми паче вси любящии Бога радоватися имут с самым Богом в бесконечном царствии пребывающе! И аще ты, о сыну мой вожьделѣнный, и познаеши истиннаго Бога и крестишися, и ты тако же радость велию получиши, и ползу, и всякое благо приобрящеши себѣ же и прочим с собою. Не буди преслушатися мене, матери своея. Вѣдый буди, чадо, иже кто не покаряется родителем, такоже и учителей благому наказанию, пагубу себѣ ходатайствует. Ты же, чадо, послушай

мене, приими вѣру истинную и крестися, и спасенъ будеши. Не косни, сыну, дондеже пагуба не постигнет тебе». Сия убо глаголания мняше блаженная, яко на водѣ сѣяв, виде бо его студено к глаголаннымъ прилежаща и двоемыслено к ней вѣщающа сице: «Вѣмъ, родительнице моя, яко благо мнѣ, еже послушати тебе, матере моея. Аще и хотѣл бых креститися, но никто же не послѣдует ми, ни совѣтует от велмож моих. И аще един аз законъ християнъския вѣры восприиму, и тогда вси боляре мои и прочии чиновники вмѣсто повиновения, иже ко мнѣ, поругают ми ся и поношение и смѣх составят о мнѣ, и что ми будет самодержьство, аще закона ради иного вси оставят мя, и непотребен буду никомуже». Богомудрая же его мати глагола ему: «О чадо, не глаголи того. Аз вѣм, яко никто же есть противляйся самодержавству твоему. Аще ты, о сыну мой, истинно прилепишися любви Господа Исусъ Христа и во имя его крестишися, и тогда людие твои вси, видѣвше твое предначинание ко благочестию, радующеся вси безо всякого прекословия единомыслено обѣщницы ти будут таковыя великия благодати, и сугубу славу и честь от всѣх приобрящеши себѣ». Онъ же ни мало не приклонился глаголом ея, еще и гнѣвашеся на святую матерь свою. «В душу бо неразумнаго не внидет Премудрость», якоже рече пророкъ. Не восхотѣ разумѣти еже бы сотворити благое; предста бо всякому пути не благу и творя дѣла поганская, невѣдый Писания: «Аще кто не послушает отца или матери, смертию да умрет». О таковых и Соломон рече: «Учай злыя приимет себѣ досаждение», еще же: «Не обличай злых, да не вознавидят тя». Боголюбивая же и чадолюбивая Олга жестость души его видѣв и безумныя отвѣты слышав, но любочадия утробою матерьски болѣзнуя о нем, и плакаше доволно, непрестанныя источники слез испущая и к любимому си Христу возрѣв моляся вопияше, яко ту ему сущу, и к нему бесѣдующи глаголаше: «О премилостивый Господи Боже мой Исусъ Христосъ, прилпе душе моя по тебе, и мене прият десница твоя: приклони ухо твое ко мнѣ и услыши молитву мою. И дай же ми путь обрѣсти, имже ми получю угодити тебе: тебе бо жадаю источника спасению. Помощник ми буди и не остави мене, Боже Спасителю мой, яко отецъ мой и мати моя остависта мя, и супруга лишена бых; от него же единаго сына прижих, и той непокорив и невѣрен, такоже и людие невѣрни. Ты же, Господи, едину мя на упование призвал еси. Аз же, Господи, на милость твою уповах и на пучину щедрот твоих надежу душа моея возлагаю и, к тебѣ прибѣгая, молюся: научи мя творити волю твою и спаси мя от рода сего строптиваго, множества невѣрных людей. Аще они заблудили суть от твоея благодати, но ты, Владыко, человѣколюбия своего ради не презри их, но посети и въ разум призови и своему познанию приведи. Якоже и мене древле учюженую присвоил еси достоянию твоему, тако, Господи, и люди сия, болящая невѣрием, исцели благовѣрием и к себѣ обративъ, привлецы, да и ти, нѣкогда просвѣщении тобою бывше, прославят имя твое пресвятое Отца и Сына и Святаго Духа въ род и роды и во вѣки. Амин».

О молитвѣ блаженныя Олги и о пророчествѣ, ея иже о крещении Руския земли. И тако всегда Богу моляшеся и крестом огражашеся и во всем помощницу имѣя Пречистую Богородицу и вся святыя; и всегда в

молитву призывая и просвѣтившаго ея святѣйшаго патриарха Фотия, и по вся дни и нощи прилежаше к Богу о своем спасении и о обращении к Богу сына своего, и чад его, и о всем руском роде. Аще и невѣрнии тогда бяху, но обаче не престааше блаженная уча их и со слезами Бога моляше о них, да быша познали истиннаго Бога. И пророчески любомудроствоваше и плачющи глаголаше к себѣ: «Богъ милосердый по своей ему милости, якоже вѣсть, сам един своим благоволением и щедротами мощен есть помиловати рода моего и вся люди сия русския. И якоже хощет Богъ и обратит сердца их к разумѣнию благочестия и во время благопотребно сподобит и просвѣщенным быти и совершенным в вѣре, якоже и о моем недостоинствѣ Божественный его промыслъ благосодѣйствова». Велик подвиг бяше блаженныя Олги о сих, подражаше бо житию христолюбивыя царицы Елены, иже съ сыном своим Костянтином царем многи земли приведоша во святое крещение. Святая бо Елена крестъ Господен обрѣте во Иерусалимѣ и сама обхожаше по святым мѣстом, идѣже сам Христос Богъ нашь своими пречистыми ногами походи, и тамо христолюбивая Елена постави святыя церкви.[41] Тако сия блаженная Олга, новая Елена, обходящи грады и веси во всей Русстей земли всѣм людем благочестие проповѣдая и учаше их вѣре Христове, яко истинная ученица Христова, единоревнительница апостоломъ, дани и оброки легки уставляющи, и кумиры сокрушающе, и на кумирнискихъ мѣстех кресты Христовы поставляющи. И от тѣх крестов многа знамения и чюдеса содѣвахуся и до сего дни.

О пророчении бытия града Пскова,[42] идѣже свѣта облистание видѣ блаженная Олга. И прииде блаженная Олга близ реки, глаголемыя Великая, и бывши ей на конец реки Псковы, и ту бяше тогда великъ лѣс и многия дубравы. И на том мѣсте святая Олга чюдно и преславно видѣние видѣ: мѣсто оно пресвѣтлыми лучами осияваемо бѣ, яко от трисиятелнаго свѣта. Блаженная же Олга бѣ радующеся душею, удивляяся неизреченнаго свѣта блистанию, благодать Богу воздая, яко таково обрадованно знамение предъявляше ей на увѣрение хотящая быти благодати просвѣщения земли Русстей. И пророчествуя глаголаше ко всему синклиту, иже бяху с нею: «Разумно да будет вам, яко волею Божиею на семъ мѣсте церьков имат быти во имя Пресвятыя Единосущныя и Животворящия и Нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Еще же и град здѣ велик будет и славен, изообилен». И по глаголех сих доволно помолися на мѣсте том и крестъ постави, иже и до нынѣ есть крестъ той.

О добродѣтелех блаженныя Олги. И оттуду паки поиде во преименитый град Киев и тамо живущи, многа блага о Бозѣ содѣвая, и всѣми добрыми дѣлы освящашеся и милостынею обогащашеся: нагия одѣвая, алчныя напитая, жадныя напаяя и странныя упокоивая всяким благопотребством. И нищая вдовица, и сироты, и болящая по премногу милуя и сих довольствуя всяким требованием, и ему же что удобно, сим и учрежашеся тихостию и любовию от чиста сердца. Тиха бо дателя, по

реченному, любит Господь. Аще же тогда и поганым вся сия благая творяше, но вменяше себѣ Бога должника не скудна, и яко самому тому богатодавцу взаим даяше и надѣяшеся от него сторицею восприяти воздаяние здѣ и в будущий вѣкъ.

О началѣ церкви псковския. Посла же святая Олга много злата на Плескову реку на создание церкви Святыя Живоначалныя Троица, идѣже трисиятелныя божественыя луча свѣтоявление видѣ. Послѣди же ту и град великъ Псков поставлен бысть. Сугуб же подвиг тогда бяше блаженныя Олги, велико попечение имѣя о соблюдении Руския земли. Сыну бо ея великому князю Свѣтославу тогда не сущу в Киеве, но въ Болгарех, иже на Дунаи в Переславцы, идѣже любяше жити, и ту ему присылаху дани и выходы от многих стран, тако же и от Царствующаго града. Дѣти же Свѣтославли, Ярополкъ и Олег и равноапостолный великий Владимиръ, еще тогда дѣтски суще, в Киевѣ пребывающе, о них же печашеся и промышляше баба их святая Олга. Печенѣзи же тогда,[43] яко удобно время своему пронырству обрѣтше, и собравшеся множество их, внезапу нападоша на Киев и яко неводом обьяша его и вмалѣ не взяша града. Божий же промыслъ вѣсть благочестивыя от напасти избавляти, яко же и праведную Олгу храняй Богъ внят молитвѣ ея и покрываше ю от всякого зла и не предасть града Киева противным, и тогда ускори приити ко граду воевода Свѣтославль именем Претич с малым воиньством. Печенѣзи же, мняще самого великого князя пришедша и страхом объяти бывше, бѣгу яшася вскоре.

О великом князе Владимере и о братии его. Блаженная же Олга благодарение велие воздая Богу, яко спасению сподобил ея от толикия бѣды, с нею же и триех внуков ея, их же велми святая Олга любяше; крестити же их тогда не дерзну, да не безмѣстно что сотворит непокоривый сынъ ея Свѣтославъ, и остави сие на воли Божии, моляшеся о всѣх. Ея же моления не презрѣ Господь, но послѣди исполни благоволением своим прошение ея и пророчествие, егда внук ея великий князь Владимир по нѣколице времени получи святое крещение и вся люди земля своея приведе во крещение. Братия же его, Ярополкъ и Олег,[44] преже крещения братоубийственою кровию скончашася; по многих же лѣтех при великом князе Ярославе Владимеричи выгребоша кости их и крестивше, вложиша их в церкви Святыя Богородица,[45] юже Владимир созда. И о сих до здѣ, паки же настоящее да глаголется.

По отшествии же печенѣх посла блаженная Олга на Дунай к сыну своему великому князю Свѣтославу, повѣдая ему, еже сотвориша печенѣзи земли его. Он же со многими людми вскоре прииде в Киев и целова матерь свою и детей своих и сжали си о бывшем от печенѣг, и собра воиньство, и прогна печенѣг в поле, и бысть мир.

Завѣт к сыну блаженныя Олги преже преставления ея. И в Киевѣ Свѣтославъ рече матери своей и боляром своим: «Не угодно ми есть жити в Киевѣ, но хощу жити в Переславцы, иже на Дунаи, яко той есть среди земли моея, и ту вся благая мнѣ сходятся: от греков — злато, и паволоки, и вино, и овощие различнии; от чахов же и угров — сребро и кони; а из Руси — бѣлки, и мед, и воск, и челяд». Блаженная же Олга плачющися рече ему: «Вскую оставляеши мя, о сыну? Камо грядеши, чюжих желая? А свою землю кому вручаеши? Чада ти малы, аз же стара, и яко же видѣши мя конечно изнемогающу. Аз, чадо, преже много молих тя, дабы со мною вѣровал единому истинному Богу и даровалъ бы ти къ земному царству и небесное. Ты же возненавидѣ совѣт мой и отверже словеса моя, не восхотѣ разумѣти истинны, паче же гнѣваяся на мя, прелестию погружаяся скверннаго смраднаго кумиробѣсия, слѣпотою невѣрия претыкаяся, во глубинѣ всякия нечистоты ниизлагаяся, послѣдуя губителному коварству лукаваго диявола. Не положил еси Бога помощника себѣ, но упова на множество тлѣннаго собрания, еже вскоре преходит. Нынѣ же, о чадо, не ходи ни камо же, дондеже отъиду жития сего и погребению предана буду. И тогда идеши, аможе хощеши. А яже о мнѣ: по преставлении моем да не сотворите ничтоже по вашему поганскому обычаю, но презвитер мой той да погребет грѣшное тѣло мое, якоже есть обычай християном погребати равна со землею. Могилы же надо мною да не дерзнет никтоже сыпати, ни тризны творити, но посли злато в Царствующий град к патриарху, и той молитву и совершение сотворит к Богу о души моей и нищих милостынею учредит. Не буди же инако сотворити, но исполни завѣт мой. Уже бо приближися время скончания моего, да к желаемому Христу отъиду, ему же вѣровах». Свѣтослав же слышав матерни глаголы, слез исполнистася очеса его, аще не обратися вѣровати во Христа, но матерелюбно обѣщася по повелѣнию ея сотворити о ней.

О преставлении блаженныя Олги. И по триех днех последнее изнемогаше блаженная, и тогда наипаче благодарствуя Бога, Пречистую Богородицу, юже всегда помощницу имѣя, такоже и святыя вся в молитву на помощ призывая. И приспѣвшу часу внегда от телеснаго союза душа ея хотяше разлучитися и к вышнему преселитися чертогу, к немуже издавна тщашеся. И сподобися быти причастница животворящих таин пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего и благодарению и молитве сущи во устѣъ ея, радуяся предаде святую свою душу в руцѣ всѣх Бога и преиде во обители вѣчныя, и сподобися небесному чертогу с мудрыми дѣвами.[46] Престави же ся в лѣто 6477 мѣсяца июля 11 день, бывши в супружьствѣ лѣт 42 от дѣвьства своего; по смерти же мужа своего в десятое лѣто сподобися восприяти благодать святаго крещения, пребысть же во святом крещении благочестно и богоугодно до старости маститы лѣт 15; всѣх же лѣт живота ея бяше близу осмидесяти лѣт. Великий же князь Свѣтослав, сынъ ея, и внуцы ея, с ними же князи, и боляре, и прочии чиновники, и всего града людие плакахуся по ней плачем велиемъ зѣло.

О погребении блаженныя Олги. Внегда же понесоша ю на погребение, и тогда елико вѣрных, иже бяху ту, такоже и невѣрнии, своеземнии же и пришелцы от многих стран, купцы же и прочии вси велми плакахуся о лишении блаженныя Олги. Князи бо и вси велможи и прочии сановницы имѣша ю, яко едину от премудрых и разумнѣйшу во управлении царствия и крѣпку поборницу державы, и самѣм им тихоувѣтливу в совѣте и благоразсудну в наказании. Гражане же и пришелцы такоже имѣша ю прибѣжище и упокоение, вдовицы же и сироты обилное приятие и насыщение и одежа всегда приимаху от нея съ любовию; нищии же и убозии всѣх потребных изобилное доволство получаху от нея. И такова многонароднаго плача во умилении конец достиже и донесоша ю на мѣсто, идѣже сама блаженная заповѣдала погребсти себе. И ту прозвитер ея, отпѣвъ над нею узаконеныя псалмопѣния и молитвы и прочая службы совершив, благоговѣйно погребе ю; и вся яже о ней содѣяша тогда по повѣлению ея.

Сия святая и блаженная великая княгиня Олга, нареченная во святом крещении Елена, праведно и богоугодно жизнь сию препроводи, егоже ради сторичное и мздовоздаяние от Бога восприят, достойно праведным царство небесное и нетлѣнное блаженство. Честныя же ея мощи по преставлении ея пребыша в земли лѣт яко тридесят; обрѣтены же быша цѣлы и нетлѣнны. От них же различныя чюдеса и многая исцѣления содѣвахуся приходящим с вѣрою благодатию Христовою, емуже слава со Отцем и Святым Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Амин.

О принесении мощей честных блаженныя и равноапостольныя великия княгини Олги, и похвала ея. Достойно во истинну и праведно и в лѣпоту благости ради Божия к первому торжеству и сию чюдную повесть привнести, яже о принесении святых мощей праведныя и великия княгини Олги, и мало отчасти нѣчто подобно к похвалению слово предложити о благочестном ея любомудрии, како от младыхъ ноктей благое к Богу произволение стяжа, от него же неизреченную премудрости благодать обрѣте, ею же древнюю злобу и кумирскую прелесть упраздни, и вся поганская дѣла возненавидѣ, и до конца сия оплева,[47] и всяко нечестие попра, подражая добродѣтелем преже бывшим святым, истинную ревность о Бозѣ показавшим. О дивство! Сама не вѣдущи Писания, ни закона християнскаго и учителя о благочестии не слыша, а нравом благочестия усердно поучашеся и вѣру християнскую от всея душа возлюби. О неизреченнаго промысла Божия! Не от человѣк блаженная поучашеся истиннѣ, но свыше учителя имѣ Божию премудрость. Аще и всю державу Русскую в руку свою имѣ, но любви ради Божия вся сия, яко умѣты вмени. Якоже Моисей боговидец отвержеся нарицатися сынъ дщери фараоновы и страдаше с людми Божиими, поношение Божие возлюби паче египетскаго богатьства. Подобно же ему Матфей мытницу остави, Ияковъ же и Иван-корабль и отьца, Петръ же и Андрей корабль и мрежу

остависта и Христу послѣдоваста.[48] Сице и блаженная Олга славу царствия и богатство и единочаднаго сына остави, Христа любящи и ищущи в чюжестранствие устремися и Царствующий град достиже, идѣже и крещения благодати сподобися и царя, смутившася о доброте ея, упремудри словесы своими, срамлятися ему сотвори. И, во отечество свое пришед, истинная богопроповѣдница показася и во всей Русстей земли первая разорителница кумирьским требищам бысть и правовѣрию основание. Сия праведная Олга первая бысть русское познание к Богу и примирения начаток и предтекущая Христовы благодати. Аки звѣзда пред солнцем, и яко заря пред свѣтом, и яко луна в нощи сияше, тако блаженная в невѣрных человѣцех свѣтяшеся, и яко бисер в тимѣнии калнем блещася,[49] ему же скверна не прикасашеся. Быша бо скверннии тогда русстии людие и неомовени святым крещением, сия же омывшеся святою купѣлию. Сию защити и соблюде Господь от противнаго супостата, диявола многоплетенныхъ сѣтей, и многия ради добротѣтели и снабдѣния ради чистоты и целомудрия сподоби ю великия благодати дара апостолскаго и пророческаго. «Блажени бо, — рече Господь, — чистии сердцемъ, яко тии Бога узрят».[50] Такова блаженства никтоже улучити не возможе кромѣ чистоты. Чистота бо древле Иосифа избави, и от темницы свободи, и царя Египту устрои. Чистота Сусану от лукавых старецъ совѣта сквернаго и напрасныя смерти избави.[51] Чистота Данилу звѣри укроти и сония сказати вразуми.[52] Чистота трием отроком пещь огнену угаси.[53] Чистота Ильи тученосныя облака удержа, и паки отверзе, и самого небошественика показа. Чистота Елисѣю *милостью* Илииною Иердань раздели.[54] Чистота Захарьин язык связа.[55] Чистота дѣвьственика Богословца показа.[56] Чистота ада попра, и смерть раздруши, и воскресение всему миру дарова. Чистота и нашу венечницу, блаженную и великую княгиню Олгу, первую от родов руских от невѣрия в вѣру произведе, и от строптиваго спасе, и в небесное царство введе, идѣже молится за вся люди русския отечествия своего. Ея же молитвы услыша Господь Богъ, и прошение ея исполни, и пророчествие соверши, и помилова заблуждьшая люди, и вдохну благодать Святого Духа в прекраснѣйшую душу твердѣйшую вѣрою адамантовы крѣпости преславнаго внука ея, всеа Русии царя и великаго князя, блаженнаго Владимира,[57] и богожеланным свѣтом просвѣти ему сердечнѣи очи, и огнем Божественныя своея любви распали смыслъ его, еже ревновати благочестию сея святыя и премудрыя бабы своея, блаженныя Олги, усердно и вседушно потщася испытати и взыскати православную, иже во Христа вѣру, еже угодно бысть всѣм людем его. Сам бо видѣ бабу свою блаженную Олгу сию християнскую вѣру держащу. Отецъ же его Свѣстослав в невѣрии препроводи дни своя, звѣрским нравом живый.

Владимир же тогда еще дѣтескъ сый, сия бо видѣ и бабою своею Олгою наказуемъ о благочестии, и тогда не разумѣ ничтоже о сих, и егда возмужа и самодержьствуя бяше, якоже древнии Авраам отеческий богомерьский закон, егоже держаше, отнюд возненавидѣ и до конца ненавидяше. Желаше же в коем бо законе истинную вѣру обрѣсти, въ нейже бы вѣчный живот получити. Слышаху же срацыни и нѣмцы римстии и жидове козарстии, последи же и греки велеумный его

смыслъ и мужество его и храбрость, наипаче же о блазѣй вѣре мудрование его и сии вси присылаху к нему, кождо их свой закон хваляще. Владимир же слышавъ сих, и паче всѣх похвали греческую вѣру. И избра десят мужей своих велия разумы исполнены, и посла их во вся земли тыя, и повелѣ им всѣм тѣх вѣр своима очима видѣти.

Они же ходиша и видѣша всѣх вѣр законы и службы их и не похвалиша их. Послѣди же приидоша в Царьград и видѣша благодат християнскаго закона и красоту церковныя службы и мняхуся на небеси стояще и, пришедше ко Владимеру, вся сказаша, идѣже каков закон и службу их видѣша. И некоего закона не возлюбиша, токмо единъ греческий закон похвалиша и возлюбиша, его же благолѣпия от радости и сказати не могуще. Владимер же яко паче возлюби християнскую вѣру греческаго закона, такоже и велможи его; и рекоша Владимеру: «Аще не бы добръ был греческий закон, то не бы прияла его баба твоя Олга, ея же в наших родѣх никто же не бысть мудрѣйши». Владимер же недоумѣяше, како и гдѣ получити святое крещение. И подвижеся ратовати град Корсунь[58] Греческия области, егоже и облада. И посла во Царьград к царема Констянтину и Василию, сыновом Романовым, внучатом Констянтина Багрянороднаго, правнучатом Лва царя Премудраго, прося за ся сестры их Анны глаголющи: «Аще не дадите, то сотворю вама, яко же и сему граду вашему». Они же отрекоша ему: «Аще не крестишися, то не дамы». Владимир же рече: «Аще пришлете ко мнѣ сестру вашу, и тогда крещуся». И едва умолиша цари сестру свою и послаша ея к нему в корабли. По смотрѣнию же Божию тогда Владимир в недуг в телесный впаде и очима не видя. Царевна же, пришедши в Корсун, посла к нему глаголющи: «Аще не крестишися, не избудеши болѣзни своея. Егда же крестишися, не токмо здрав будеши, но вящши того небесное царство получиши». Еже и бысть. Якоже и великий Констянтин, первый християном царь, и явлением верховных апостолъ Петра и Павла крестися от святого Селивестра[59] и тогда во святой купѣли от неисцѣлнаго недуга здравие получи. Великий же Владимир ни от котораго же явления, но вѣрою несумѣнною и благим самоизволением абие повелѣ креститися и вкупе со возложением руки от епископа на нь очима прозрѣ и весь здрав бысть и возрадовася душею и тѣлом и возда хвалу Богови. О преславное чюдо! Якоже древле Саул, ища ослят отца своего, царство обрѣте,[60] и Павел, идый в Дамаскъ возбранити и погубити вѣрующих Христу, обрѣтеся и сам в вѣре Христове,[61] тако и сий великий Владимир, ища приобрѣтения земныя власти, и вящьши сего обрѣте истинное благочестие; егоже добрѣ управи и небесное царство получи. По крещении же поят царевну за ся и взем попы корсунския с мощми святаго Климента и Фива,[62] ученика его, и сосуды церковныя, и вся сановники, и святыя иконы на благословение себѣ. И присла ему патриархъ из Царяграда митрополита Михаила[63] учителна, премудра же и книжна, паче же всѣми духовными дѣлы украшена и житием велика, сирина родом, и с ним епископы. С ними же Владимир прииде в Киев и вся кумиры потреби и вся люди земля своея от мала до велика приведе в разум вѣровати в Троицы единому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу; и вси крестишася. Крести же митрополит Михаил и дванадесят сынов его. И

многи от многих стран иноземнии невѣрнии прихожаху к нему и крещахуся. И многи церкви и монастыреве в Киевѣ и во всѣх градѣх своих воздвиже и на Клязме рецѣ во свое имя град созда, зовомый Владимир,[64] в нем же церков древяну постави во имя Пречистыя Богородица честнаго ея Успения. И ины многи грады и церкви постави по благословению отца своего митрополита Леонта,[65] иже бысть по Михаиле намѣстник престола его.

Великий же князь Владимир во граде Киеве постави церковь камену соборную во имя Пресвятыя Богородица, и зѣло украси ю иконами и книгами и всѣми лѣпотами церковными, ей же и десятину даде от всего своего имѣния. Тогда же преблагий Бог своим неизреченным промыслом, яко же сам един вѣсть прославяти святыя своя, хотя болма прославити дивную в женах первозванную в Руси христопроповѣдницу блаженную Олгу, бабу преблаженнаго Владимира, емуже вниде во ум, яко да святыя ея мощи принесены будут во святую великую соборную новоставленную церков. Сия же помысли и возвѣсти отцу своему, пресвященному митрополиту Леонту, и вкупѣ единомыслену совѣщанию бывшу, елико же хотѣние их, и елико желание, и елико тщание, толико независтная Божия благодать поспѣшествоваше им, и по преумножению вѣрных не лиши их Господь благаго желания. И не возможе земля на мнозе в себѣ держати таково бесцѣнное сокровище, его же издастъ, яко зрѣлый благовонный плод. Его же новопросвѣщении сынове русстии независтно насытятся чюдесныя благодати исцѣления. Да не забвены будут под спудом земленых ядръ целбоносныя мощи блаженныя Олги, но да будут приобщени святѣй церкви, ими же Божия церкви, яко царскою диамидою украшена будет. Во время же подобно молитвовавше доволно самодержец Владимир с первосвятителем Леонтием, с ними же собор священный и лик иноческий и множество народа, и вси вкупе со иконами, и кресты, и со свѣщами, и с фимияном торжествено шествие творяху со усердиемъ до мѣста, идѣже бѣ погребено тѣло святое блаженныя Олги. И дошедша повелѣша окопати землю и обрѣтоша святую Олгу, имущи уды по образу лежаща, и ничтоже от перваго образа измѣнися и ничим же невреженo, бяше цѣло и со одежею. И благоговѣйно касаются сим святым мощем, иже на то учинении. Равноапостолный же Владимир со архиерѣем и прочии с ними целоваша святыя сия мощи, от радости слез множество от очию испущающе, и облаговониша со араматы и дивяшеся прославляху Бога, прославльшаго дивно святую свою. И преложена быст в новую раку, и несоша ю в соборную церковь и согласно возглашаху псаломское пѣснословие, и прочая подобающая священнослужения великолѣпне исполняющи. И на уготованном мѣсте славно и честно быст поставлена честная рака с нетлѣнными мощми блаженныя Олги, отъ неяже многа чюдеса исцѣления содѣвахуся благодатию Христовою во принесении в церков и въ положении во гроб и в поставлении на уготованномъ мѣсте и прочая лѣта. От них же едино да речется. Бяше над гробом ея оконце на стенѣ церковней, и всѣм приходящим ко святым ея мощем с вѣрою само оконце отверзашеся, и явно зряху цѣлы и нетлѣнны лежаща святыя мощи блаженныя Олги, и свѣтяхуся яко солнце. И яцем же, кто недугом одержими бываху, и ту

исцѣления получаху и здравы отхожаху в домы своя, радующеся и славяще Бога и Пречистую Богородицу и святую великую княгиню Олгу. А иже кто с маловѣрием приходяй, и тѣм не отверзашеся само оконце то. Аще же кто и в самую церковь внидет с таковым малодушиемъ, всумняся въ сердцы своем, и ничтоже не увидит святых ея мощей, точию гроб един. О дивное и страшное чюдо, братие! О преславное знамение! О чюдное видѣние, иже всякие похвалы и многаго удивления достойно, яко святое тѣло блаженныя Олги несумѣнно вѣрующим видяшеся во гробѣ, яко спя почивает и обильно исцѣление подает! О благости Владычныя, какову и колику почесть сугубо дарствуя угодником своим, иже и по смерти преславными чюдесы прославляя их, яже видима сут очима нашима, колми паче невидимыми благими обогати их в небеснем царствии, якоже до третияго небеси восхищенный Павел сказа нам, еже видѣ: «Их же око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящим его».[66] Идѣже сподобися быти и наша къ Богу предшественица, блаженная Олга, юже дарова Богъ нашему русскому роду корен правовѣрию? И кое когда благодарение о сих всѣх благодѣтелствиихъ воздати имамы к Богу? Но токмо на щедроты его надѣяшеся со апостолом дерзаемъ вопити о глубинѣ богатества премудрости и разума Божия, яко не испытаны судьбы его и не изследованы путие его.[67]

О великому его милосердию, о неизреченному его промышлению, о несказанному смотрению его еже о спасении рода нашего! Кто не дивится, кто не чюдится, кто не славитъ, иже к нам Божия благоволения? Жены ради первыя Еввы райския породы лишени быхомъ, и от Бога разлучени, и клятву, и осуждение подъяхом, и скорбь, и печал, и слезы, и труд приобрѣтохом, и смертию обладаеми есми, и в землю паки возвращаеми, от нея же взяти быхом. Человѣколюбивый же Богъ, хотя спасти погибшаго человѣка, его же созда, и исцѣлити Еввино древнее преступление, благоволи послати на землю единороднаго Сына своего Господа нашего Исуса Христа, и родитися плотию дѣйством Святаго Духа от жены неискусомужныя Приснодѣвы Мария, еюже райская порода отверзеся нам. Тако женою и Богъ примирися к нам, и женю и печал преста, женою и клятва потребися, женою и смерть умертвися, женою, и благословение, и радость, и жизнь бесконечная всему миру процвѣте. От жен мироносиц и Христово из мертвых воскресение первое благовѣстися. Якоже древле от жены преступление бысть, послѣди же от жены и спасение бысть. Тако и нынѣ в нашей Рустей земли женою первие обновихомся во благочестие, иже бысть Богом подвизаемая ко истинному разуму предваряющим нам блаженная в женах руских великая княгиня Олга, еяже памят любовию празднующе вѣрнии сынове рустии, людие Божии, язык святъ, богатное срискание, лик православных, сынове бани, чада благодати. Потщимся радостнотворными глаголы похвальная отчасти краткою бесѣдою принести к ней, вкупѣ же и благородному изращению ея, сице вопиюще: «Радуйся, всеблаженная Олга, богоизбранный сосуде цѣломудрия, исполненный божественнаго разума не от человѣческаго научения, но от вышняя премудрости и благодати Святаго Духа!

Радуйся, иже от юности стяжавый честное целомудрия дѣвьство и в супружествѣ снабдѣвый непорочное брака единомысленое сожителство! Радуйся, егда вдовствуя, тогда наипаче уяснив честное и чистое душа своея благолѣпие! Радуйся, иже от Бога данною ти премудростию мужествено и разумно подвизася на супротивныя и свою державу доброумным правлениемъ невредну от супротивных соблюде! Радуйся, самовольная трудолюбице: иже несумѣнною вѣрою дерзну трудитися далечепутным шествием любви ради Христовы и чюжеземный Царствующий град с потщанием достиже, в немъже просвѣтися и породися банею крещения; и царя видѣ соблажняющагося о благородии твоем, его же удиви премудростию словес своих, и целомудрътвовати сотвори, и сугубо обогащена душевне и телесне с миром во своояси прииде, идѣже показася яко истинная Христова ученица самозванная: людем, невѣдущим Бога, Божие слово с дерзновением проповѣда, и кумиры сокруши, и святыя кресты водрузи! Радуйся, яко сподобися от Бога пророческаго дарования, иже предипрорицаше хотящее быти роду твоему благочестие, и всѣм руским людем обращение к Богу, и Пскову граду бытие! Радуйся, единоревнителнице апостолом, их же трудом сродствова, с ними же и жребий наслѣдова равночестнаго проповѣдания Божия благодати в Рустей земли! Радуйся, пресвѣтлая свѣще, осветивый нам пут правовѣрия, по нему же ходяще, увидѣхом истинный свѣт Тройческаго богоразумия! Радуйся, свѣтолучная заре, облиставшая нам Божия правды утро и день спасителный! Радуйся, богосиянная руская звѣзда, предоидущая пред солнцем божественыя благодати, иже осия и просвѣти весь род руский сынопороженiемъ купѣли духовныя! Радуйся, иже отверзе нам двер нетлѣннаго чертога бесмертнаго жениха твоего, Христа, и невозбранен вход показа хотящим внити в небесное царство! Радуйся, богонасажденная богорасленная лозо, израстившая нам многоплодное древо благочестия святого внука твоего и царя, великого князя Владимира, от негоже и мы просвѣщени быхом правовѣрием, и от него же процвѣтоша нам честныя лѣторасли святии Борис и Глѣб,[68] иже насыщают и исполняют вселенную многоразличными чюдотворенми!

Радуйтеся, вси вкупѣ пресвѣтлии свѣтильницы четвероименитии, преблаженный руский царю, великий княже Владимире и со святою ти праматерию, блаженною и великою княгинею Олгою, и с чюдесными ти благодарными чады, преславными Борисом и Глѣбом! Вы бо единонравно Божия заповѣди возлюбисте и соблюдосте. Тѣм же и Богъ прослави вас торжеством единомѣсячным преславнаго вашего празднества. Едино празднество ко единому кождо празнеству близ привнесе Господь и дарова нам, яко лѣствицу от земля до небеси утвержену, ей же глава Христос, к нему же восход имѣем, яко златыми степенми, преславными и честьными памяти вашея деньми. Их же преславно церкви Божия праздновати прияла есть единого иулия мѣсяца, в немъ же преже памят блаженныя Олги в 11 день, потом же того же мѣсяца приснопамятнаго Владимира в 15 день, по сих же того месяца праведных страстотерьпец Бориса и Глѣба в 24 день. Кои же купночестно и купновременъно от Бога прославлени бысте,

купногласно же и мы недостойни взываем къ вам: „Радуйтеся, купнославнии о нас к Богу предходатаи, и теплыи молитвеницы, и промыслителие нашего спасения, о прехвалная Олга, о преблаженный Владимире, о чюдоноснии Борисе и Глѣбе! Вси вкупе радуйтеся четверочислении свѣтилницы, иже путь живота вѣчнаго вѣрою обрѣтше, по нему же сами усердно ходяще в царство небесное внидосте и сущим по вас независтен вход показасте!"

И мнози от усердия вашего послѣдующе стопам вашего благочестия самодержателие и владомии и прочии в роды и роды и до нынѣ и во веки, не токмо едини мужескаго полу но мнози и женскаго состава, ревнующе вашему богоугодному нраву, православно пожиша и, нынѣ живуще мнози совершено Богу угодиша, и Богом прославлени быша, и многими дивными чюдесы просияша, и со всѣми святыми равно церкви Божия прияла есть праздновати честныя их памяти. О богоизбранная рачителнице премудрости, предивная въ женах праведная Олга, о боголюбезный въ самодержавных и равноапостольный Владимире, о пресловущии в чюдотворениих и божествении врачеве, Борисе и Глѣбе! Вкупѣ со всѣми святыми предстояще престолу Святыя Троица, молитеся без вреда сохранити и спасти державу отечества сродствия вашего, благочестиваго самодержъца царя и великого князя Ивана,[69] и со благопребытным супружеством его, и со благороднѣйшими чады его, и со благовѣрными ему братиями, и со всѣм синклитом, и с прочими сановники и чиновники, и со всѣми христоименитыми людми, яко да вашими молитвами дарует имъ Господь вездѣ и всегда, во всяком времени и мѣсте на вся супротивныя свѣтлую и преславную бес крови побѣду и одолѣние. И всю державу царствия его всѣх благих да умножит Богъ, и богоугодно и мирно житие и благоденствия исполнено да сподобятся препроводити во вся дни живота их на многа лѣта. Во будущем же вѣце да способит их Господь в бесконечныя и блаженныя жизни восприяти наслажение. Еже буди и всѣм нам получити благодатию и человѣколюбием Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, ему есть слава, честь и покланяние со безначалнымъ его Отцем и с Пресвятым, и Благим и Животворящим его Духом нынѣ и присно, и во веки вѣком. Амин».

---

[1] *Не ходатай бо, ни ангелъ... Христосъ...* — Перефразировка текста из Библии (Исх. 33, 27) — «Господь судия наш, Господь законодатель, Господь царь наш, Он спасет ны». Эта перефразировка (именно со словами «ни ходатай, ни ангел») встречается и в других произведениях древнерусской литературы, в частности в Толковом Апостоле — толкование к 5—6 стихам 4-й главы Послания ап. Иакова «Ни ходатай, ни ангел, но сам Господь спасет ны».

[2] *Юже произведе Плесковская страна... Выбутцкая...* — Плесковская сторона, т. е. Псковская земля (см. след. примеч.). Выдубицкая весь — село Выбуды (Выдубицы, Выбутино, Лабутино, Выбужский погост), село близ Пскова, 14 км на юг, на берегу реки Великой, легендарная родина княгини Ольги.

[3] *Псковъ* — первое упоминание в летописи 903 г. (наст. изд., т. 1), в Повести временных лет; иногда он назывался Плесков (название происходит от реки Плесковы или Псковы). Название «Плесков» может быть истолковано как Плесков (Плиска) — болгарский город, построенный Константином Великим. Сторонники болгарского происхождения княгини Ольги придерживаются того мнения, что, основав г. Псков (Плесков), Ольга назвала его в честь своего родного города. Однако основание Ольгой г. Пскова — факт легендарный. В то время, когда рассказывается о проречении Ольгой г. Пскова, г. Псков уже существовал. Под 903 г. в Повести временных лет упоминается, что из Пскова для князя Игоря привезли жену Ольгу.

[4] *Избореськъ* — город в Псковской земле. Впервые упоминается в Повести временных лет под 862 г. в рассказе о призвании варягов. Там говорится, что Трувор поселился в Изборске *(ПСРЛ.* Т. 1. С. 37).

[5] *Труворъ* — один из трех варягов, которые согласно Повести временных лет пришли на Русь, чтобы управлять богатой страной, в которой нет порядка. Рюрик поселился в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске *(ПВЛ,* 862 г. См.: *ПСРЛ.* Т. 1. С. 37). Существует поверье, что захоронение с каменным крестом в Изборске, сохранившееся до Екатерины II, является могилой Трувора. Однако по литературе этот крест датируется XIV—XV вв. При Екатерине II была выпущена медаль «До днес памятен» в честь Трувора. Трувор умер в Изборске в 864 г.

[6] *Рюрик* — имя «Рюрик» восходит к скандинавскому Рёрик. Рюрик — варяжский князь, захвативший Новгород в 862 г. и правивший там, дав начало династии Рюриковичей. Есть сомнение в существовании его двух братьев Синеуса и Трувора, о которых говорится в Повести временных лет. Возможно, их имена являются искажением непонятого писцом текста, т. е. Рюрик пришел со своим домом (сине ус) и с верной дружиной (тру вор) (Историческая энциклопедия. Т. 12. С. 430). Сын Рюрика Игорь был великим князем с 912 по 945 г., год своей смерти. Князь Игорь был супругом княгини Ольги, героини публикуемого сказания. Опекуном Игоря был Олег, который был великим князем с 879 по 912 г. Возможно, что Ольга была родственницей Олега, названной в его честь — так считают сторонники варяжского происхождения княгини Ольги.

[7] *Пророчество... Андрея Первозваннаго.* — Апостол Андрей — первый из апостолов (учеников Христа), поэтому прозванный Первозванным, проповедывал учение Христа в Азии и на Руси. Скончался в 67 г. в г. Патрах (Пелопоннес), был распят. Легенда о хождении апостола Андрея по Руси сохранилась в летописях. Сказание о пророчестве апостола

Андрея помещается в Повести временных лет (*ПСРЛ*. Т. 1. С. 26) и почти дословно входит в Пролог под 30 ноября (иногда под 4 декабря).

[8] *...въ веси, нарицаемѣй Грузино...* — Село Грузино (или Друзино) в Новгородской губернии, с 1705 г. принадлежащее Аракчеевым. Существует предание, что апостол Андрей Первозванный водрузил там свой крест, и на том месте была построена церковь в честь апостола Андрея. О ней упомянуто в писцовых книгах Андрея Плещеева под 1583 г. В 1691 г. церковь сгорела. В дозорных книгах Мины Лыкова в 1620 г. написано, что в с. Грузино есть церковь Андрея Первозванного с приделом в честь Покрова Богородицы. В 1791 г. построена каменная колокольня, в 1795 г. — иконостас. В 1806 г. с позволения митрополита Амвросия Аракчеев заложил новую каменную церковь Андрея Первозванного с приделами в честь апостолов Петра и Павла и святителя Алексия, митрополита Московского. Она была освящена в 1806 г., а в 1816 г. стала собором (*Малиновский Е.* Историческое описание села Грузино. М., 1816).

[9] *...при царѣ Лвѣ Премудром и брате его Александре.* — Лев IV Премудрый (Философ), византийский император (886—912). Лев назван премудрым за свою образованность, интерес к науке и литературе. Александр, брат Льва, византийский император в 912—913 гг.

[10] *Царь же Роман, тесть царя Констянтина Багрянороднаго, сына Премудраго Лва царя...* — Роман Лакапин, крупный военный деятель Византийской империи, с 1920 г. соимператор, в 944 г. был заточен своими сыновьями в монастырь на острове Проти, где и умер в 948 г. Константин Багрянородный (Порфирогенит), император в 913—959 гг.

[11] *...шедшу ему в Древляны...* — Древляне — восточнославянское племя, занимавшее в IX—X вв. территорию по течению рек Тетерев, Уж, Уборть, Ствига (совр. Полесье и Правобережная Украина), главный город — Коростень (Искоростень). При Ольге Деревская земля стала Киевским уделом с центром в г. Вручий (совр. Овруч).

[12] *...со князем своим, ему же имя Мал...* — Древлянский князь Мал, претендовавший на руку княгини Ольги и столь решительно отвергнутый, на самом деле не исчез из биографии княгини и ее потомков. В Повести временных лет внук Ольги Владимир был сыном ее ключницы Малуши, дочери Малка Любчанина. А. А. Шахматов предполагает, что после разгрома древлян Ольга взяла в плен князя Мала и, по обычаю, переселила его на свои земли — таким образом, он из самостоятельного князя становился одним из ее бояр. Возможно, что его малолетнюю дочь Ольга взяла к своему двору и воспитала, сделав потом одной из своих «придворных дам» (ключница или милостиница — это лицо, через которое княгиня раздавала милостыню). Возможно, что местом поселения Мала (которого именовали русифицированной формой его имени — Малко) был город Любеч. А. А. Шахматов приводит и еще одно объяснение названия «Любчанин»: первоначально, видимо, было «Малъ Кълчанин» (в поздних преданиях называют город Колец в Деревской земле — вероятно, современный Клецк Луцкого р-на),

последующие переписчики или составитель Повести временных лет осмыслили это как «Малъкъ Льчанин» — «Малко Любчанин».

[13] *Деревская пятина..* — Новгородская земля делилась на пять частей (пятин). Одна из пятин называлась Деревской. Однако отождествлять ее с деревской землей нельзя. Деревская пятина находилась между р. Ловатью и Мстой.

[14] *Переславец* — Преслав, город в Болгарии (ныне село Преслав возле г. Тулча в Румынии, южнее Дуная).

[15] *О Афонасии Афонстемъ...* — Афанасий Афонский — известный афонский подвижник, основатель лавры святого Афанасия на Афоне. Житие его помещено в Минеях Четьих и Прологах под 5 июля.

[16] *Никифор Фока* — полководец, в 963—969 гг. император византийский.

[17] *...по Романе цари, сыне Костянтина Багрянороднаго...* — Роман II, в 959—963 гг. император византийский.

[18] *...царицы Романовѣ Феофане...* — Феофано (дочь трактирщика Анастасия), жена императора Романа II, мать императора Константина VIII и Василия II; после смерти Романа II вышла замуж за Никифора Фоку, который вскоре был коронован императором; участвовала в заговоре против Никифора Фоки вместе с Иоанном Цимисхием; потом была заточена в монастырь.

[19] *...къ Цимисхию Ивану...* — Иоанн Цимисхий, византийский император с 969 по 976 г., взошел на престол, свергнув своего предшественника Никифора Фоку; по происхождению армянин. В его царствование был ряд военных успехов, особенно в войне с Болгарией, в которой участвовал также русский князь Святослав. Визит княгини Ольги в Царьград в действительности был значительно раньше — при императоре Константине Багрянородном.

[20] *О прихожении в Царьград блаженныя Олги и о крещении ея...* — Вопрос о том, где и когда приняла крещение княгиня Ольга и зачем она приезжала в Царьград, дискутируется до сих пор. Анализируются в основном три группы источников: а) древнерусские (Повесть временных лет и «Похвала князю Владимиру»), б) латинские (хроника продолжателя аббата Регинона Прюмского), в) византийские (хроника Иоанна Скилицы). Все эти источники сообщают о крещении Ольги в Константинополе и о принятии ею христианского имени Елена (скорее всего, в честь царицы Елены, матери Константина Великого, а не в честь царицы Елены, жены Константина Багрянородного). Время крещения по русским источникам 945—955 гг., т. е. время правления Константина XII. О пребывании Ольги в Константинополе рассказывается и в сочинении Константина Багрянородного «О церемониях Византийского двора», там описаны два приема, оказанные княгине Ольге при дворе, но ничего не говорится о крещении. Было ли еще одно пребывание Ольги в Царьграде или источники не точны в

датах? Еще Е. Е. Голубинский (История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 74—84 («Крещение святейОльги»)) пришел квыводу, что княгиняОльга приехала в Царьград уже христианкой. К этому мнению присоединяется Г. Н. Острогорский (Византия и киевская княгиня Ольга. Сборник в честь Р. Якобсона. Гаага—Париж, 1967. С. 1458—1473), Ж. П. Ариньон (Международные отношения Киевской Руси в середине X века и крещение княгини Ольги // Византийский временник. 1980. Т. 41. С. 113—123) и др. В пользу такого взгляда говорят следующие факты: 1. В обряднике Константина Багрянородного ничего не говорится о крещении. 2. В свите княгини Ольги находился священник, возможно ее духовник поп Григорий. 3. Состав свиты свидетельствует, что цель визита политическая, а не брачная: кроме родственников, более двадцати послов русских князей, более сорока купцов и т. д. Подробнее об этом см.: *Литаврина Г. Г.* 1) Путешествие русской княгини Ольги в Константинополе // Византийский временник. М., 1981. Т. 42. С. 35—43; 2) Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // Византийские очерки. Тр. советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов. М., 1982. С. 71—92. Что касается рассказа о сватовстве императора к княгине Ольге, который содержится в Повести временных лет и в «Сказании о княгине Ольге», то он легендарен. За неправдоподобностью этого рассказа (император при живой жене не мог свататься к правительнице другого государства, прибывшей к нему с официальным визитом, тем более что ей в то время было не менее 60 лет), видимо, стоят какие-то реальные переговоры — может быть, предложения политического характера: предложение соправления, попытки тем или иным образом присоединить Русское государство к Византийской империи. О торжественной встрече Ольги в Царьграде см.: наст. изд., т. 1.

[21] *...якоже древле египтяныни цѣломудренаго Иосифа...* — О Иосифе (Быт. 37, 50). Иосиф, сын патриарха Иакова, был продан братьями в Египет, впоследствии он стал защитником и вождем еврейского народа. Иосиф за свое поведение приобрел постоянное прозвание Целомудренный, а за свою внешность — Прекрасный.

[22] *...от навѣта лукаваго диавола... первозданных...* — Имеется в виду соблазнение змием Адама и Евы в раю (Быт. 3).

[23] *...патриархъ Фотий...* — На самом деле патриарх Фотий был в Византии почти на сто лет раньше (858—867 гг.), во времена княгини Ольги был патриарх Полиевкт (ум. в 970 г.).

[24] *...совлечеся всея грѣховныя одежды, отложши ветхаго человѣка и дѣла поганская, и облечеся в новаго Адама, еже есть во Христа...* — Образ крещения — когда, как старую одежду, человек сбрасывает с себя ветхого прежнего греховного человека и облекается в нового нетленного человека — очень часто повторяется в произведениях древнерусской литературы. Этот образ связан с новозаветными текстами, в основном это учение апостола Павла (Рим. 6, 6; 1 Кор. 15, 53—54; 2 Кор. 5, 17; Еф. 4, 22—24; Кол. 3, 9—10).

[25] *...яко овцу заблуждъшую...* — Образ овцы, потерявшейся в горах, ради которой пастырь оставляет все стадо — это образ человеческой души, погибающей в язычестве или в грехе, которую спасает Пастырь (Христос) — этот образ связан с библейской поэтикой. (Ср. Мф. 10, 6; 18, 12; Лк. 15, 4; 15, 6).

[26] *...незаблуждьшим своим божественным овцам...* — Это напоминает библейскую цитату об овцах и козлищах (Мф. 25, 32), которых разделят и поставит одних одесную, а других ошуюю, т. е. справа и слева от Господа, что значит, что одни спасены, а другие осуждены и погибнут. «Незаблудшая овца», каковой стала Ольга, приняв крещение, таким образом стала «божественной», т. е. спасенной.

[27] *...и в чину чад наслѣдницу явил есть...* — Т. е., приняв крещение, Ольга стала достойной усыновления Божия и наследования Царствия Небесного.

[28] *...единаго Бога дарующаго благая своя любящим его...* — Перефразировка евангельского текста (1 Кор. 2, 9).

[29] *...посети винограда сего тобою насажденнаго...* — Отрывок из литургии при архиерейском служении.

[30] *...в первыя дни спасе праведных своих...* — Имеется в виду Авель — Евр. 11, 4; ср. Быт. 4, 4.

[31] *...Еноха от прелести совѣта исполинска...* — Енох праведник, и Бог взял его живым на небо (Евр. 11, 5; Быт. 5, 21—424). Может быть, сравнение здесь с Енохом можно объяснить исходя из этих сведений: Енох, благодаря своей праведности, пришел к Богу не обычным (обещанным всем) тяжелым путем смерти и истления плоти, а Бог его взял к себе (как пророка Илию). С другой стороны, о Енохе существуют апокрифические предания, в которых, может быть, упоминается какое-то злое предречение. Апостол Иуда (Иуда, 13—15) говорит о том, что Енох предсказал всемирный потоп.

[32] *...Ноя от вселенскаго потопа...* — Евр. 11, 7.

[33] *...Авраама. и Сарру...* — Об их жизни рассказывается в книге Бытия, гл. 12—25.

[34] *Ефрон царь* — имеется в виду эпизод из 23-й главы книги Бытия, где похороны Сарры в земле Ханнанской зависели от царя Ефрона, который в конце концов продал Аврааму «поле при Махнеле против Мамре» в земле Ханаанской, где и была похоронена Сарра.

[35] *...Лота от содомлян...* — Быт. 19.

[36] *...Давида от Саула...* — Об этом 1 Цар. 17—24.

[37] *...Феклу от огня...* — Память первомученицы Феклы (она жила в Иконии в I в. н. э.) — 24 сентября. См. ее житие в *ВМЧ* на 24 сентября

(Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь 14—24. Издание Археографической комиссии. СПб., 1869. Стб. 1376—1390. Краткий вариант жития, входящий в Пролог на 24 сентября, см. в *ВМЧ.* Стб. 1374 и 1390—2391).

[38] *...Сивилва, царица Южская...* — См. 3 Цар. 10.

[39] *«Приложи сердце... глаголет».* — Три цитаты из Книги притч Соломоновых (Пр. 2, 2; 8, 17; 9, 20—21).

[40] *Почайна* — река около Киева. Так Ольга выразила недовольство приемом, который ей оказали в Константинополе. Однако здесь имеет место искажение текста по сравнению с Повестью временных лет — там говорится: «Постоиши у мене в Почайне, якоже азъ въ Суду» (Суд — гавань в Константинополе), здесь же появляется слово «сосуд» как приложение к слову «купель», и весь пассаж осмысляется иначе (ср. наст. изд., т. 1**).**

[41] *...подражаше бо житию... церкви.* — Житие княгини Ольги сравнивается с житием святой Елены, которая обрела и водрузила крест Господень и очень много сделала для христианства. Елена, византийская императрица (274—377), и ее сын Константин I Великий (император Константин Гай Флавий Валерий, 258—337 гг.), при котором христианство стало государственной религией в Византии, причислены к лику святых. Сравнение княгини Ольги со святой Еленой (она, по-видимому, была небесной покровительницей княгини Ольги, поскольку при крещении Ольга выбрала себе имя Елена) не только подчеркивает святость княгини, но и показывает близость и равенство Византии и России.

[42] *О пророчении бытия града Пскова...* — Здесь в «Сказании об Ольге» допущена непоследовательность — город Псков уже существовал в это время (основан в 903 г.).

[43] *Печенѣзи же тогда...* — Имеется в виду осада Киева печенегами в 968 г. (см. подробнее в Повести временных лет — наст. изд., т. 1**).**

[44] *...Ярополкъ и Олег...* — О крещении костей Ярополка и Олега при князе Ярославе Владимировиче рассказывается в Повести временных лет под 6552 (1044 г.).

[45] *...в церкви Святыя Богородица...* — Десятинная церковь — церковь Успения Богородицы, заложена князем Владимиром в 989 г. (освящена в 996 г.) на возвышенной части города, на том месте, где находился дом варяга-христианина, незадолго до того погибшего мученической смертью вместе со своим сыном. На содержание этой церкви Владимир давал десятую часть (отсюда название) своих княжеских доходов. В 1007 г. туда были перенесены мощи княгини Ольги, затем похоронена Анна, супруга Владимира, позднее и сам Владимир.

[46] *...с мудрыми дѣвами...* — Имеется в виду евангельская притча о десяти девах, мудрых и неразумных (Мф. 25, 1—13).

[47] *...вся поганская дѣла возненавидѣ, и до конца сия оплева...* — В обряде крещения предписывается крещаемому плюнуть на дьявола и дела его.

[48] *Якоже Моисей... послѣдоваста...* — Принятие Ольгой крещения (т. е. следование за Христом) сравнивается с тем, как Моисей остался со своим народом, не захотев стать сыном дочери фараона (об этом рассказывается в книге Исход), и с тем, как апостолы Матфей, прежде сборщик налогов (Мф. 9, 9), Иаков и Иоанн, сыновья Зеведеевы, рыбаки (Мф. 4, 21), и братья-рыбаки Петр и Андрей (Мф. 4, 19—20) бросили свои прежние занятия и по зову Христа, не раздумывая, пошли за ним.

[49] *...яко бисер в тимѣнии калнем блещася...* — Это сравнение княгини Ольги с жемчужиной, сверкающей в грязи, содержится в Повести временных лет. Оно заимствовано из Толкования на Послание апостола Иоакова. (*Лихачева О. П.* Яко бисер в кале // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 110—112).

[50] *«Блажени... узрят».* — Мф. 5, 8.

[51] *Чистота... избави.* — О Сусанне см. в Книге Даниила, гл. 13.

[52] *Чистота... вразуми.* — О Данииле см. в Книге Даниила.

[53] *Чистота трием отроком пещь огнену угаси.* — Дан. 3.

[54] *Чистота Ильи... Иердань раздели.* — В Книге Царств (4 Цар. 2) рассказывается о чудесах, совершенных Ильею и Елисеем. Слово «милоть» (одежда из овечьей шкуры) здесь написано ошибочно — «милость».

[55] *Чистота Захарьин язык связа.* — Об этом Лк. 1.

[56] *Чистота дѣвьственика Богословца показа.* — Апостол и евангелист Иоанн, любимый ученик Христа, автор Евангелия и Апокалипсиса и многих учительных произведений. По преданию, во время гонений при Домициане он был брошен в котел с кипящим маслом и вышел юным и невредимым.

[57] *...всеа Русии царя и великаго князя... Владимира...* — Автор Степенной книги подчеркивает как одну из основных заслуг княгини Ольги то, что она была причиной деятельности князя Владимира, крестившего Русскую землю. Далее похвала Ольге сливается с похвалой Владимиру, при котором завершился процесс становления России на равных в ряду всемирных христианских государств. Похвала Владимиру тесно связана с Повестью временных лет — рассказ о выборе веры, о женитьбе Владимира на византийской царевне Анне, о крещении Владимира и о крещении народа — все это текстуально близко к Повести временных лет.

[58] *Корсунъ* — Корсунь (Херсонес), город в Крыму, центр византийской колонии, основан в 422—426 гг. до н. э. Существовал до XV века. Развалины города существуют до сих пор около Севастополя.

[59] *Селивестр* — папа Римский (ум. в 335 г.).

[60] *Якоже древле Саул, ища ослят отца своего, царство обрѣте...* — См. 1 Цар. 9—21.

[61] *...Павел... Христове...* — Деян. 9.

[62] *...мощми святаго Климента и Фива...* — Священномученик Климент, папа Римский, и его ученик Фив (память 25 ноября). Климент, ученик ап. Петра, был сослан при Трояне в Херсонес и за проповедь Христа был брошен в море и погиб. Его мощи были перенесены из глубины моря в Корсунь при Никифоре царе (808—811). После крещения Владимира были перенесены в Киев.

[63] *И присла ему патриархъ из Царяграда митрополита Михаила...* — Михаил, митрополит Киевский и всея Руси, родом грек. Умер в 992 г. За подвиг крещения русской земли был причислен к лику святых. Мощи его были перенесены в Десятинную церковь, в начале XII в. они были обретены нетленными и перенесены в пещеру преподобного Антония; в 1730 г. они были перенесены в Успенскую церковь Киево-Печерского монастыря. Митрополит Михаил упоминается только в Никоновской летописи и в Степенной книге, в ранних летописях вместо него упоминается митрополит Леон.

[64] *...на Клязме рецѣ во свое имя град созда, зовомый Владимир...* — Владимир на Клязьме, центр удельного княжества и епархии.

[65] *...митрополита Леонта...* — Леон (Лев) или Леонтий — первый русский митрополит по свидетельству ранних летописей. Умер от 1004 до 1008 г.

[66] *...«Их же око не виде... любящим его».* — 1 Кор. 2, 9.

[67] *...яко не испытаны судьбы его и неизследованы путие его.* — Рим. 11, 33.

[68] *Борис и Глеб* — сыновья князя Владимира, были убиты своим братом Святополком Окаянным — см.: «Повесть об убиении Бориса и Глеба» в составе Повести временных лет *(ПСРЛ.* Т. 1. С. 146—156) и «Сказание о Борисе и Глебе» (наст. изд., т. 1).

[69] *...самодержъца царя и великого князя Ивана...* — Иван IV Грозный (1553—1584).

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ. ЖИТИЕ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ И РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ И СЛАВНОЙ В ПРЕМУДРОСТИ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ, НАРЕЧЕННОЙ ВО СВЯТОМ КРЕЩЕНИИ ЕЛЕНОЙ, КОТОРАЯ БЫЛА ПРЕДВОЗВЕСТНИЦЕЙ БЛАГОЧЕСТИЯ К БОГУ В РУССКОМ НАРОДЕ, И О МУЖЕСТВЕННОМ ЕЕ ПОДВИГЕ, И КАК В ЦАРЬГРАДЕ ПОЛУЧИЛА СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ, И О ПРЕСТАВЛЕНИИ ЕЕ, И О ПРЕНЕСЕНИИ МНОГОЧУДЕСНЫХ И НЕТЛЕННЫХ МОЩЕЙ ЕЕ, И ПОСИЛЬНАЯ ПОХВАЛА

Благослови, отче.

Приидите, все правоверные всей Русской земли соборы, всякое сословие и всякий возраст, возрадуемся Господу, преклонимся и припадем пред ним, воспевая ему песнь в веселии, восхваляя и благословляя пресвятое имя его и великую милость, которую он дивно даровал нам, воцарившись в нас и укрепив нас незыблемо веровать ему, единому в Троице Отцу и Сыну и Святому Духу, истинному Богу нашему, ибо он сотворил нас и призвал к своей благодати, сделав нас для себя людьми избранными, — князь освящен, и народ свят, очистив нас водою и освятив Духом Святым, избавив нас от коварства дьявольского помрачения, тьмы греховной, в познание света божественной его благодати и истины, и показал нас сынами света и сынами дня. Ибо не посланник, не ангел, не апостолы, не пророки, не учители избранные, не книжники премудрые, не витии сладкоречивые научили нас познанию такой великой божественной благодати, но сам Господь Иисус Христос, ибо знает он своим неизреченным промыслом последнее свое милосердие, щедро желая излить его на Русской земле.

Зачало. И так прежде всего благоволил он вдохнуть благодать свою в душу слабого вместилища женской природы; и хотя по естеству вместилище это немощно, но великое сокровище благодати сохраняется во вместилище, и кто может его украсть? Вместилище это, избранное Господом, вдовствует и целомудрствует, исполнено премудрости и разума, распространяет всюду духовное благоухание; кроме того, вместилище это самодержавно, как властью земного царства, так, и более того, и над страстями телесными властвуя. Таковой была во всей жизни своей святая, богомудрая и равноапостольная княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Еленой, память которой празднуем ныне. Ее породила Плесковская страна, часть владений великой Русской земли, из села, называемого Выдубица, близ границ с немецкими землями, из народа варяжского, не из рода княжеского ни вельможеского, но из простых людей. Варяги называли нас русью, а прежде мы были славяне. Еще не было города Пскова, а был тогда предшествующий ему город, названный Изборском, где прежде правил Трувор, брат Рюрика, первого великого князя русского, который был свекром этой блаженной Ольги; по ее молитвам и предсказанию создан был преславный город Псков. Блажен и преблажен и ты, препрославленный город Псков — всесильный Бог из твоей земли

произвел и породил нам такой чудный благоцветущий плод, блаженную Ольгу. Блаженны и мы, удостоенные Богом получить такой благоплодный, царственный, цветущий сад, благочестием умноженный, добродетелями преисполненный, благонравием расцветший; все мы им, как пышно разросшимся древом, покрываемся, от всякаго вреда вражия избавляемся душой и телом, сладкого вкуса богоразумия от него насыщаясь, веселимся!

Пророчество и благословение Русской земле святого апостола Андрея Первозванного. Благодатью и человеколюбием Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, исполняющего пророчество и благословение святого и великого Андрея Первозванного, — когда, проповедуя слово Божие в Синопии и в Херсонии, пришел он оттуда на реку Днепр, и там на горах помолился он и крест поставил, и благословил, и предсказал, что на том месте будет город Киев, и свершится Русской земли святое крещение. Потом пришел он в то место, где ныне стоит Великий Новгород, и там водрузил он свой жезл, в селе, называемом Грузино, где ныне церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного. Крест божественный Андрея Первозванного знаменовал, что в Русской земле будет священная иерархия.

О первом великом князе Рюрике Русском. Жезл знаменовал и самодержавное царское правление, начавшееся с Рюрика, о котором прежде мы сказали, что пришел он из Варяжской земли в Великий Новгород с двумя братьями своими и со всем родом своим, и был он от племени Прусова, по имени которого именуется Прусская земля. Прус был братом единоначальствующего на земле римского кесаря Августа, при котором свершилось неописуемое земными словами рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, превечного Сына Божия, от пресвятого Духа и от пречистой Приснодевы Марии. А великий князь Рюрик в Новгороде Великом самодержавствовал и тут и скончался. Видя, что сын его Игорь мал, — ибо оставил он его двухлетним — поручил он сына своего и всю державу свою князю Олегу, который был из его рода. Олег же многие страны победил и с Царьграда дани и подати взимал при царе Льве Премудром и сыне его Александре.

О великом князе Игоре, как он сочетался браком с блаженной Ольгой. Когда еще совсем юный Игорь был в Псковской земле — рассказывают некоторые дивное сказание — однажды тешился он охотой и увидел на той стороне реки хорошую добычу; и не мог он перейти на ту сторону реки, потому что не было лодки, и увидел он, что кто-то плывет по реке в лодке, и позвал он лодочника к берегу, и велел перевезти себя за реку. И когда плыли они, взглянул Игорь на гребца того и увидел, что это девица (а это была блаженная Ольга) совсем юная, красивая и отважная. Он никогда ее раньше не видел, и вид ее поразил его (а ведь сказано в Писании: «Похотливые очи зарятся на запретное»). И

разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же поняла коварство этих непристойных слов и, пресекая его непристойные речи, не как юная, но как умудренная зрелым умом, сказала, обличая его: «Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Зачем, думая о неподобающих вещах, постыдные слова произносишь? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся — не возьмешь меня силой. Хоть я неученая, и очень молодая, и проста нравом, как ты видишь, но я понимаю, что ты обидеть меня хочешь и говоришь непристойные слова, которых я и слышать не хочу. Лучше подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы не пострадать тебе самому. Откажись от всякого беззакония и неправды — если ты сам будешь побежден разными постыдными делами, то как сможешь другим запрещать неправду и как сможешь праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то лучше мне будет, чтобы глубина реки этой поглотила меня, чем быть тебе на соблазн, так я избегну поругания и позора, а ты не впадешь в соблазн из-за меня». И много другого разумного сказала она о целомудрии. Это первое проявление, благое и достойное удивления, благоразумного юношеского целомудрия блаженной Ольги, еще не знающей Бога и заповедей его не слышавшей. Такую премудрость и чистоты соблюдение обрела она от Бога, что удивился Игорь зрелому ее разуму и благоразумным ее словам. И сразу Игорь отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту, и стали ему подыскивать ее, как это было в обычае для властителей. И многими он пренебрег и вспомнил дивную в девицах Ольгу, отвагу и красоту которой видел своими глазами, и из уст которой слышал речи разумные, и целомудренный нрав которой видел. И послал он за ней родича своего, вышеназванного князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и так сочетались они законным браком.

О войне Игоря с греками. Великий князь Игорь после смерти своего родича Олега пошел на греков и завоевал страны Финические, до Понтского моря, и до Ираклии, и до Пафлагонской земли, и всю Никомидийскую землю попленил. И много войска его было перебито греками. И снова Игорь собрал большое войско и пошел на греков. А царь Роман, тесть царя Константина Багрянородного, сына царя Льва Премудрого, послал лучших бояр своих, и умилостивил Игоря, и стал давать ему дань больше, чем раньше давал Олегу. И, взяв дань, Игорь возвратился с Дуная в Киев. И родился у него сын Святослав от блаженной Ольги. И, так самодержствуя, жил он в мире со всеми странами.

Убиение Игоря древлянами. Пошел Игорь в те годы на Деревскую землю, и удвоил дань с них, и то, что взял, отправил в Киев со своими

ладьями, а сам остался с небольшой дружиной. Древляне же, с князем своим, имя которому Мал, задумав злое, сказали себе: «Он снова вернется. Пойдем убьем его, а супругу его, Ольгу премудрую, возьмем за нашего князя, а с сыном его сделаем что хотим, и освободимся от дани, и все нам достанется». И убили его около города Искоростеня, там и погребли его.

О посланниках от древлян к Ольге. И послали древляне к блаженной Ольге двадцать лучших мужей в ладье. А ей было известно о их приходе и о убийстве государя, и восплакала она горько, говоря: «Увы мне, великий самодержец, великий государь русский! Увы мне, свет мой, куда скрылся ты от очей моих, меня одинокой вдовою оставив! К кому ныне прибегну, к кому обращусь? Увы мне, дорогой мой милый супруг прекрасный! Лучше бы мне было прежде тебя умереть, нежели лишиться твоей красоты и остаться вдовой, не слышала бы я тогда о твоей погибели не от супостатов врагов, а от людей земель твоих! Не знаю, что мне делать и к кому горькую печаль обратить! К сыну ли — но он еще дитя, и не знаю, кто его будет наставлять и кто сбережет ему державу его?!» И многое другое говорила она, плача, и никто не мог утешить плача ее, и все люди плакали. И как только оплакивание кончилось, стала она понемногу собираться с силами и, оставив женскую слабость и мужским разумом вооружившись, решила она, как отомстить за кровь мужа своего и каким образом покарать убийц. И велела она позвать к себе мужей древлянских и хитроумно говорила им: «Хорошо, что вы пришли сюда, о мужи. Говорите же, зачем пришли». Они же сказали: «Пришли мы, о госпожа, потому что послала нас Деревская земля возвестить тебе, что твой князь отяготил нас данью и все ему было мало, и был убит из-за этого. А наши князья хорошие, пойди за нашего князя Мала», — так звали их князя. Ольга же сказала им: «По душе мне слова ваши. Никто ведь не может воскресить мертвого. И я не могу восстановить господство над вами моего мужа, которого вы убили. Теперь идите в вашу ладью. А завтра, когда я пошлю за вами, вы, величаясь, скажите посланным мною: «Мы пешком не пойдем и на коней не сядем, несите нас на своих головах вместе с ладьей». И когда понесут вас, вы большую честь от меня получите перед людьми моими». И они послушали ее, пошли в свою ладью. Назавтра Ольга за ними послала. Древляне, гордясь, сидели в ладье и говорили, как их научила Ольга: велели на головах нести себя вместе с ладьей. Киевские люди смеялись их глупости и, как бы повинуясь, сказали: «Князя у нас нет, а княгиню вы возьмете за своего князя, и теперь нет нашей воли». И взяли они их вместе с ладьей на головы, и принесли на теремный двор, который был около города Киева. А Ольга смотрела из терема. И бросили их живыми в заготовленную заранее яму глубокую, говоря: «Люба ли вам честь такая?» Они же, ввергнутые в яму, вопили: «О горе нам! Хотя и убили мы Игоря, но ничего хорошего нам от этого, лишь еще большее бедствие за дела наши постигло нас справедливо». И были они засыпаны живыми. И снова послала Ольга к древлянам: «Если действительно хотите взять меня в жены вашему князю, то коли пришлете лучших мужей, пойду к вам с великими почестями, если не удержат меня киевские люди».

О втором посольстве древлян. Древляне же послали восемь избранных мужей, которые были самыми знатными властителями Деревской земли. И пришли они в Киев. Ольга же велела им, чтобы они, вымывшись в бане, пришли к ней. Баня была приготовлена, и вошли древляне в баню, чтобы вымыться; их там заперли и сожгли.

О походе Ольги в Деревскую землю. И послала Ольга к древлянам, говоря: «Я уже иду к вам. Приготовьте многие меды у того города, где вы убили моего мужа, чтобы мне поплакать над его могилой и совершить тризну». Они очень много меду приготовили. И вскоре Ольга, собрав войско, пошла на Деревскую землю, пришла на могилу Игоря и плакала над ним плачем великим, ручьи слез из очей проливая, жалостно говоря: «О свет мой милый, о дорогая жизнь моя, как мне тебя оплакать и что сделать? Самодержцем всей Русской земли ты был, а ныне ты мертв, и землею покрыт, и никем не владеешь. С тобою многие страны заключили мир, и сам Царьград дани и подати давал тебе, и много побед над врагами ты совершил. А теперь где это? Все миновало. Где власть твоя самодержавная? Где слава и красота мира этого? Где багряница шелковая и одежды драгоценные? Где золото и серебро, где вина и меды, где парчи многоценные, где быстрые кони, великие дома, богатства, дани, почести бесчисленные, гордость боярами своими? Уже не будет тебе всего этого никогда. Всего этого ты лишен! Вижу я, что соединился ты с землей, милый мой господин, великий князь! Как же скрылся ты в земле и к нам не возвращаешься? Ведь и звери земные в норы свои идут, и птицы небесные летят в свои гнезда. Ты же, самодержец, свой дом оставил и пришел сюда, где неразумные древляне пролили кровь твою царскую, и тело твое погребению предано было. И я тебя, жизнь моя, светлейший царь, лишена и сирой вдовицей с единственным сыном остаюсь. Вместо веселия и радости плач и слезы — удел мой, вместо покоя и утехи — горестное сетование. Много тяжких забот меня окружило, и не знаю я, как смирить врагов, как вражду прекратить, как в тишине мирные дни обрести и истинный путь найти. Кто, когда, какое утешение дарует мне, и ум мой на лучшее утвердит, и желание мое исполнит? И кто найдется, кто возвестит мне, что будет какая-то иная жизнь и другой мир? Этот мир преходит, и, как вижу, нет никакой возможности ни для кого избежать смерти. А когда меня постигнет смерть, то кто будет творить мою память после моей смерти? Ведь все естество человеческое в небытие расходится и забвению предается.

О побиении древлян. И как мы ныне сумеем преуспеть против наших врагов, убийц своего господина, ненавидящих царскую власть над собой. За это пусть они примут месть, чтобы прекратилась в Русской земле дерзость злых помышлений против самодержцев, пусть и другим будет неповадно убивать правящих ими на Руси, и пусть они со страхом повинуются величию царской власти и властителям Русской земли. И

тогда снова наступит у нас мирное время, и тогда мы постараемся добрейшее и полезнейшее познать». И много еще горестных слов она говорила. Велела она курган насыпать над Игорем и тризны творить, как это в обычае у язычников. После этого древляне сели пить, и велела Ольга отрокам своим пить с ними и служить им, но самим не упиваться. Древляне спросили: «Где же наша дружина, которую мы послали к тебе?» И сказала Ольга: «За мной идут с боярами моими». И когда древляне напились, тогда отошла она в сторону, а воины ее, по ее повелению, зарубили пять тысяч древлян. И возвратилась Ольга в Киев.

О второй победе над древлянами. И снова собрала Ольга большое и сильное войско и пошла с сыном своим, великим князем Святославом, на Деревскую землю. Древляне вышли против них на бой, и были побеждены, и, отступив, затворились в городах своих. Однако и там не спаслись они: были взяты Святославом города их.

О взятии города Искоростеня. Сама же Ольга устремилась на город Искоростень и осадила его. Древляне крепко бились, не желая сдаваться, ведь именно они были убийцами Игоря. И стояла Ольга у города год, и не могла взять его, и послала к горожанам, говоря: «Все города уже сдались мне, платят дань и возделывают нивы свои. И вы от голода умрете, если не согласитесь платить дань». Древляне сказали: «Мы рады были бы платить тебе дань, но боимся мести». Сказала им Ольга: «Мы уже вам отомстили. На этот раз из-за того, что вы истощены, я не стану утяжелять вашу дань, как мой князь. Я знаю, что меда и шкур сейчас у вас нет, вместо этого я возьму с вас небольшую дань тем, что имеете: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья». Они обрадовались, собрали по всему городу голубей и воробьев и послали к ней с выражением покорности. Она же, принимая дань, сказала: «Вот вы покорились мне и сыну моему. Идите в город. И я не сегодня, так завтра отступлю от города». И все в городе, услышав это, обрадовались. Ольга же раздала этих птиц воинам своим и повелела к каждой привязывать серу с трутом, завязывая их в тряпочку; вечером, когда стемнело, велела она отпустить голубей и воробьев, поджегши трут, они полетели в свои гнезда, и загорелся весь город. Люди не смогли погасить пожара и побежали из города. И велела Ольга одних ловить и убивать, а других воинам своим отдала в рабство, а иных оставила платить дань. И всю Деревскую землю покорила она и возложила на древлян дань тяжкую.

О установлении порядка в стране. И пошла Ольга с сыном своим и с войском по Деревской земле, устанавливая порядок дани и места охоты. Некоторые говорят, что Деревская земля была в области Великого Новгорода и что теперь она называется Деревской пятиной, а другие говорят, что это Северская земля, где город Чернигов. И пришла Ольга в Киев с сыном своим, великим князем Святославом. И, побыв в Киеве

один год, оставила сына в Киеве, а сама пошла к Новгороду, и стала устанавливать по Мсте погосты, и определять от лугов и охотничьих угодий дани и оброки, и устанавливать по Днепру места для ловли птиц и села, и также по Десне — и по всей земле есть ловища ее, и знаки, и места, и погосты. Установив все это и посмотрев на все своими глазами, возвратилась в Киев. Кто не удивится блаженной Ольги мудрости, мужеству и целомудрию? Не будучи крещенной, управляя страной, лишившись мужа, она не захотела выйти замуж за другого; уподобилась она горлице единомужней. Убийцам же супруга своего она месть воздала, как это было в обычае у властителей. Ибо она заботилась о том, чтобы установить к добру и пользе царскую власть в Русской земле, отеческое наследие сыну своему, которого тогда она любила.

О духовном стремлении и о вере Христовой блаженной Ольги. Особенно заботясь о духовном, она старалась в чистоте и целомудрии пребывать и тело свое неоскверненным сохранять. Ибо прикоснулось к сердцу ее слово спасения, и благодать Утешителя очи ее внутренние отверзать начала, приводя ее к истинному богоразумию, которого блаженная Ольга возжаждала и о котором привыкла размышлять, ибо она была мудрее всех людей. Премудростью уразумела она, что все люди ее земли, не зная о существовании Бога, напрасное усердие к бездушным идолам имея, неразумно кумирам, не являющимся богами, жертвы приносили. Прельщенные дьяволом, они дьяволу угодное и творили. Но преблагой и премилостивый Христос Бог наш не отверг творение рук своих и не забыл заблудших людей своих, но благоволил помиловать нас и воздвиг нам рог благочестия и начало спасения — не из иной страны, не из чужой земли, а из дома и отечества Русского произвел он эту богомудрую и равноапостольную великую княгиню Ольгу. Ее подвиг был в том, чтобы узнать веру в истинного Бога, а кумиры она возненавидела и сильно их гнушалась. Еще тогда, когда не в благочестии жила она и закона христианского не знала, примеры благих ее дел явно свидетельствовали, что быть ей рабой Христовой. Но, как было выше сказано, чистый и целомудренный образ мыслей был у нее, и жаждала она быть христианкой — не по принуждению, а по свободной воле; несомненной верой, благим произволением, чистой совестью истинного Бога взыскала и сердечными очами путь познания Бога обрела, по нему пошла, не соблазняясь, и обрела желаемого Бога и, стараясь угодное Богу совершать, говорила в уме своем: «Если я окажусь угодной Богу, то сам Господь, который все знает, не лишит меня сладкого моего желания. Если он захочет, он наставит меня на истину, пусть он подаст мне произволение, чтобы и я, недостойная, причтена была к избранному его стаду». Не было тогда в Русской земле учителя благочестия.

О желании блаженной Ольги идти в Царьград. По Божию промыслу, свыше светом разума осиянная, благодатью святого Духа наученная и направляемая, в своем подвижническом стремлении захотела она пойти в Царьград, своими глазами хотела она видеть красоту службы

христианской, слышать слово благочестия и разумом узнать православную веру; без какого-либо сомнения хотела она креститься. Способствовали ей к принятию Бога ее милостивый обычай и другие примеры благих ее дел.

О победе великого князя Святослава Игоревича над болгарами. В то время сын ее, великий князь Святослав, воевал с болгарами, и по Дунаю взял он восемьдесят городов, и жил он в Переславце, господствуя над болгарами, и с Царьграда дани и подати брал, а привел его на болгар царь Никифор Фока, мстя за свою обиду болгарам.

Об Афанасии Афонском, и о царствовании Никифора Фоки, и о том, как был он убит. Повелением царя Никифора и с его помощью преподобный Афанасий основал на Святой Горе Великую Лавру, где Никифор создал для себя келью, желая тут постричься и жить с Афанасием, но помешала ему любовь к царствованию. Царствовал же Никифор в Царьграде после царя Романа, сына Константина Багрянородного, внука Льва Премудрого. Сошелся он с царицей Феофано, вдовой Романа, но после отказался от нее, устыдившись святого Афанасия Афонского, и жил строго. Царице же, с ее плотскими страстями, это не понравилось, и сошлась она с Иоанном Цимисхием, который был родичем царю Никифору. По их замышлению убит был царь Никифор, умер он с молитвой на устах и был Богом причтен к мученикам, как об этом свидетельствуется в житии святого Афанасия Афонского.

О приходе в Царьград блаженной Ольги, и о крещении ее, и о царе Иоанне Цимисхии. Вместо Никифора царствовал Иоанн Цимисхий, и при нем блаженная Ольга пришла в Царьград, ища, как хороший купец бесценный жемчуг, — Христа, и его нашла. Поведали царю Иоанну Цимисхию о ее приходе, и он с подобающей честью призвал ее к себе. Она пришла к нему без промедления. И увидел ее царь — как красива она лицом, как разумна в беседе, разумом украшена, премудростью в избытке обладает, и более всего Божией благодатью осиянна, и сильно подивился царь великому разуму ее и светлости ее благообразия, и полюбил ее сильно, и возжелал ее. И ее глубокий премудростью ум, стараясь склонить к своей любви, пытался он уловить загадками и лестью, хитря в беседе, как в древности египтянка, которая хотела соблазнить целомудренного Иосифа. И говорил он так: «Хорошо, что ты потрудилась прийти в наше царство, о прекраснейшая из жен великая княгиня Ольга, чтобы увидеть честь и красоту нашей державы. А вид твоей красоты являет, что достойна ты быть здесь, и сочетаться с моей красотой, и называться царицей, и царствовать с нами, и вере нашей приобщиться». Ибо и сам Цимисхий был обликом весьма хорош, и надеялся он добиться того, о чем задумал. А богомудрая Ольга поняла, что этот замысел происходит по навету лукавого дьявола, Евина соблазнителя, который в древности вселился в змея и нашептал

первозданным людям, — так и здесь нашептывали по-змеиному уста царя-женолюбца; этой кознью сатана злобу свою воздвиг на блаженную Ольгу, надеясь таким коварством поколебать ее душу. И тогда целомудренная мысленный взор свой обратила к Богу, которого стремилась найти, прося у него помощи, чтобы избавил он ее от многообразных уловок злокозненного врага. И так, оперившись крылами богоразумия, чистым помыслом возвысившись, преискусно стала перелетать через сеть суемудрого царева умышления, прежде всего стараясь обезвредить злокозненное коварство дьявола. Ведь она с молодых лет о целомудрии заботилась больше, чем о греческом царстве. И тогда появилась благодать на устах ее, так что стала она провозглашать таинства христовой веры, и стала она беседовать с царем смиренномудрыми словами, так говоря: «Некогда сладкая молва услышана была моими ушами о вашем царстве и вере христианской, ныне же чудесное и великое видение вижу очами моими — красоту безупречного закона Божия, который тут у вас осуществляется; и любви твоей беседу, общение со мной, чужестранкой, всем разумом восприняла. Ты, царь, говоришь, чтобы мне причислиться к чертогу твоему, и царствовать здесь предлагаешь мне; и я от этого не отказываюсь, но ведь я язычница, как ты видишь, язычник и сын мой, которому вы дани и подати платите. Ты мне советуешь прежде всего креститься, и я сама этого хочу от всей души и от всего помышления; для этого я и пришла сюда, чтобы ты был свидетелем моего обращения к Христу. И если ты, о царь, истинное попечение о моем спасении проявляешь и хочешь, чтобы я была единомысленной тебе в истинной вере к Богу, то следует тебе не медлить, а скорее самому с патриархом свершить надо мною дело Божией благодати, пока ничто мне не препятствует. Когда же я буду крещена, тогда и все другое, о чем мы говорили, все желаемое тобой сделается, как это полагается по христианскому закону. А если ты так не поступишь, то я не крещусь». Царь тогда ни о чем другом не думал, как только о том, чтобы скорее совершился брак, быв в заблуждении, что все уже улажено для этого брака. И вот святейший патриарх Фотий со всем собором спасительными словами и богословными речами огласил ее, при этом царь был восприемником, а патриарх совершил священное таинство крещения.

В 6463 (955) году крещение блаженной Ольги. И так крестили блаженную Ольгу во имя Отца и Сына и Святого Духа, и наречено ей было имя Елена. И так сняла она с себя одежды греха, отбросила ветхого человека и языческие дела и облеклась в нового Адама, то есть во Христа, и так стала христианкой, и так она снова родилась водою и силою Святого Духа, и изменилась добрым изменением, и возрадовалась она душою и телом радостью неизреченною, и причастилась божественных тайн пречистого и животворящего тела и крови Христа Бога нашего, и стала верным агнцем Христова стада.

Благословение и поучение патриарха блаженной Ольге. Патриарх благословил ее и сказал пророческими словами: «Благословен Христос Бог наш, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир, избравший тебя из язычников русского рода! Благословенна ты среди жен русских, потому что тьму заблуждений временного света сего оставила и свет жизни вечной возлюбила! Благословлять тебя будут все русские сыны в поколениях твоих внуков». И беседовал он с ней, и поучение ей представил и из Ветхого завета, и из Новой благодати евангельских заповедей Христа, и из правил святых апостолов, и из учения святых отцов вселенских соборов, и о том, как следует пребывать в твердой вере, и течение жизни своей в добродетели проводить, и о воскресении мертвых, и о втором Христовом пришествии, и о воздаянии каждому по его делам: грешников ждет тьма кромешная, огонь неугасимый, и червь неусыпающий, и иные муки во веки вечные без конца, а праведникам — царство небесное, жизнь бесконечная и прочие блага, о которых невозможно говорить человеческими устами. Заповедал ей также о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о воздержании, и о чистоте телесной, и о памяти смертной, и о покаянии. Блаженная Ольга, склонив голову, стояла и, как губка морская впитывает росу небесную, так учение Божественных Писаний в сладость принимала она от святейшего патриарха. Слезами творящего радость плача она себя обливала, так что и землю омочила и, поклонившись, припадая к ногам святого патриарха, говорила: «Душеполезные заветы, которые ты мне завещаешь, о честнейший владыка, да исполню я по словам твоим, и да сохранят меня от сетей дьявольских и от козней лукавого молитвы твои, и благодать Божия да не оставит меня никогда». И снова патриарх благословил ее и после многих поучений сказал: «Господь исполнит твое желание и не лишит тебя всякого блага. Аминь». И отпустил ее из церкви. И тогда блаженная Ольга дала патриарху блюдо, сделанное из золота, с драгоценными камнями и жемчугом, для употребления в святом алтаре знаменитого храма — соборной церкви Софии Премудрости Божией. И пошла она в дом, радуясь и благодаря Бога.

О пире и о несбывшихся замыслах царя Цимисхия. Во время пира блаженная Ольга желала насыщаться не столько пищей земной, сколько слушанием духовных бесед, стараясь понять высшее, — где Христос с Отцом и святым Духом. Цимисхий же, напротив, низменными помыслами полон, хоть и признавал закон благочестия, но не заботился сохранить его как положено, но неподобающие благочестию действия затевал, ибо забыл он про духовную связь в крещении с блаженной Ольгой, и вместо единодушного благодарения затевает он суетные беседы. После того как она крестилась, позвал он ее и сказал: «Сейчас настало время и чертог уже готов, выходи за меня. Ты будешь мне женой и царицей и всему нашему царству госпожой».

Увы, ненасытное женолюбие! Увы, замыслы непотребные! Увы, скверные речи! Что говоришь ты, о Цимисхий, той, которой

восприемник ты был от святой купели, хочешь восприемником от чертога быть и не стыдишься этого, разрушая духовное родство? Не достаточно ли для тебя, о царь, того, что немилосердно погубил ты родича своего, святого царя Никифора, в сообщничестве с распутной его женой, жестокой царицей Феофано, с которой ты вступил в законопреступную связь! Ты не устыдился, не пощадил того, кто был тебе родственником по плоти, царя Никифора, а теперь и родства по духу, которое у тебя с блаженной Ольгой, соблюдать не стремишься!

Благая мудрость ответа блаженной Ольги, которой она посрамила царя Цимисхия. Что же новопросвещенная Христова невеста? Услышав все это, она нисколько не смутилась, не растерялась, и не будучи ученой, стала она премудрой. С ней сбылись слова Христа, которыми он восхвалил Бога Отца: «То, что ты утаил от премудрых и разумных, то открыл ты младенцам». Блаженная Ольга, вразумляемая Богом, незамедлительно царю ответила и неподобающие его поползновения смело обличила, и душепагубную беседу его мужественно пресекла, и посрамила его, так говоря: «Я из языческой страны потрудилась прийти сюда, чтобы услышать и узнать о Боге и о заповедях его истину. Скажи же мне истину, о царь, разве есть у христиан обычай, чтобы отцу жениться на дочери, как ты, царь, сейчас задумал? Только что крестившуюся, меня ты сам от святой купели воспринял и дочерью меня своей назвал. Я нетленной благодатью заново родилась, а ты снова тленный чертог и брак готовишь и к кратковременному царствованию с собой зовешь. Разве я для того сюда пришла, чтобы с тобой царствовать? Не назовусь я тебе, смертному царю, женой, потому что я стала невестой желанному мною бессмертному жениху Христу, Богу небесному, царю царствующим, чтобы царствовать с ним вовеки. Ведь вы сами говорите, что всех нас ждет иной век и что любящим Бога суждена вечная жизнь в небесном царствии; и я хочу его получить. А земное царство — мне достаточно великой Русской земли, где самодержствует со мной мой сын, а дани и подати он получает от многих стран, в том числе и от вашего царства. И ты, царь, напрасно об этом говоришь. Зачем ты ставишь мне преграды на пути спасения и сеть на уловление души простираешь? Это ли примеры правой веры? Для того ли ты назвался отцом моим, чтобы взять в супружество себе? Этого не будет, об этом тебе и думать не подобает. Если бы ты просил что-то нужное для твоего царства у нашей державы, ты бы получил от нас все, чем богата наша земля: множество челяди на всякое услужение и работу, и все другое, нужное тебе: воск и меха, и в особенности же — войско на помощь твоему царству против врагов. А ты, полезное презрев, занимаешься пустяками. Не позорь себя более, прекратим беседу благоразумно, чтобы мне без смущения вернуться к себе».

Царь, обличаемый совестью своей и стыдом, пришел в чувство, и о непотребстве своих слов раскаялся, и другие речи повел, чтобы стыда избегнуть. Ибо подивился он великой премудрости ее слов, и

благоразумию ее ответа, и мужеству ее нрава. Призвал он бояр своих, которые были его советниками, и сказал: «Что делать, если мы невозможное начали и начало бесполезным было? Не видел я среди жен подобную ей премудростью. Вы сами видели, как перехитрила меня своими премудрыми словами эта великая княгиня Ольга. Не только не смог я сочетаться браком с красотой ее, которая меня вотще так взволновала, но вместо этого устыжен и посрамлен был я. По правде говоря, Дух Святой вселился в душу ее и научил ее быть такой мудрой, не только земным царством управлять, но и небесного царства желать умудрил он ее. Подобает нам ее премудрому величеству честь удвоить и отпустить ее в землю ее». И одобрено было такое его решение. И устроил царь пир великий, как подобало их царскому достоинству, и удвоенными дарами одарил он ее, множеством золота и серебра, дорогими паволоками, различными царскими вещами; и с великой честью, дружеским миром и радостным усердием проводил он ее, называя ее своей дочерью по крестному родству.

Пришествие блаженной Ольги к патриарху с просьбой о благословении на путь и о молитве. И вот блаженная Ольга, видя себя всячески обогащенной, радовалась душой и телом о величии Божьем, тому, что свершил Господь над нею милость свою, и изъял ее из адской тьмы идолопоклонства, и привел ее к познанию истинного света триипостасного Божества — Отца и Сына и Святого Духа. Она, благородная телом и, более того, душою, как бремя некое, как тяжкие вериги, отбросила прежнее нечестие, вступила на светлый путь и пришла к патриарху, благословения прося и молитвы в дорогу, и в особенности для всего своего дома, смиренномудро склоняясь, слезами заливаясь, говоря с умилением: «Что могу твоему преосвященству воздать, о вселенский патриарх? Как смогу я выполнить, возвращаясь домой, все то, чему я научилась и просветилась и чем всячески обогатилась, благодаря твоему священнодействию и молитве? Ты же знаешь и понимаешь, что люди моей земли в нечестии язычества живут, как еретики, так же и сын мой. Лишь меня одну, недостойную рабу и отступницу, как овцу заблудшую и пропавшую в горах, обреченную всякому зверю в добычу, преблагой Бог, благодаря твоему предстательству, по своему желанию в свою ограду привел и причислил к незаблудшим овцам своего стада, и в ряду чад своих наследницей сделал, и обещанием дивных своих вечных благ меня обнадежил. Этих великих Божьих даров и сам ты за меня, недостойную, удостоишься от великого Бога, дарующего благо всем любящим его. А теперь, о великий патриарх, я лишаюсь твоего чадолюбия и твоей мудрости. Дай же мне вместо себя одного из твоих священников, который сможет для меня исполнить то, что делал ты, пусть он будет мне пастырем и наставником. И даруй мне в спутники молитву твою — прощальное благословение. Поминай меня, чтобы и дом мой удостоился получить Божию благодать и твою молитву и вечное благословение из рода в род и вовеки. Пусть сохранит меня твоя молитва от всякого вражьего навета, от всякого смущения и злобы нечестивых людей, чтобы я, твердо Богу веруя, в заповедях его жизнь свою скончала и не посрамленной перед Богом оказалась здесь и в будущем веке».

Патриарх был в великом удивлении, видя глубокое смиренномудрие, твердость души и разум блаженной Ольги, и слез потоки, и речи умиленные в устах ее. И захотел он плач ее утешить, и духовное утешение даровать. И вот подвигся он на благодарственную молитву и, простерев ввысь руки, помолися за нее усердно, так говоря:

Молитва. «Владыко Боже, Отец Вседержитель, Господь, Сын единородный Иисус Христос и Святой Дух! Едино Божество и едина Сила! Благодарим величие твое и прославляем милость твою! Ты привел из небытия в бытие, к себе, и эту заблудшую овцу действием твоей благодати. Через меня, недостойного, просветил ты ее. Услышь меня, недостойного раба твоего, посети этот сад, тобою насажденный, и освети душу ее силою твоею и спаси ее от рода лукавого и от всех козней вражьих, видимых и невидимых. Укрепи ее творить волю твою, возрастить плод праведных заповедей твоих, и угодное тебе совершить, и вечных твоих благ наследницей быть, ведь ты благословен во веки. Аминь».

Благословение патриарха. По совершении молитвы обратился он к ней, говоря: «О чадо верное Небесного Отца, мир тебе и благословение, и всему роду твоему вовеки! О чадо достойнейшее, уневестившееся Христу, во Христа ты крестилась и во Христа облеклась! Пусть Христос сохранит тебя от всякого зла. Господь Иисус Христос сохранит твое возвращение в землю, которой ты владеешь, куда ты идешь, чтобы быть как овца среди волков — нечестивых людей, пусть благодать Господня будет с тобой — этой благодатью божественные апостолы учили веровать Единому в Троице Богу — Отцу и Сыну и Святому Духу. Благодать Божья и твоих людей превратит в кротких овечек. Если захочет Бог, то может обратить сердца их к познанию своей благодати. Тебя предтечей даровал он им. Та благодать Божия спасет тебя от хитросплетений дьявольских сетей, как в первые времена спас Бог праведников своих: Еноха от соблазна великого злоумышления, Ноя от всемирного потопа, Авраама и Сарру, жену его, от Ефрона царя, сына Хеттеева, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, Иону от кита, Феклу от огня и от зверей и от всякого осквернения. Так и ты, чадо духовное, будешь ты Богом пасома и охраняема, совершая угодное Богу во все дни своей жизни, в православной вере и в покаянии, чтобы удостоиться тебе унаследовать царствие небесное по молитвам Пречистой Богородицы и всех святых». И снова святейший патриарх и с ним весь священный собор благословил Ольгу; и одарил ее патриарх щедро: даровал он ей честной крест Христов и святые иконы, дал ей священника, и святые книги, и прочие священные вещи. И сказал ей: «О чадо, угодившее Богу, знаменитая среди царствующих, прими эту святыню, прими это вечное благословение. О чадо, избранное Богом! Ты залог спасения русского народа, потому что ты веруешь и вещи эти божественные принимаешь с верою. С верою и любовию облобызай с поклоном это честное изображение образа владыки, нас ради вочеловечившегося Бога Слова — в его образе ты поклоняешься самому

Творцу; поклоняйся также и лобызай образ Пречистой Божьей Матери и всех святых его. Чей образ видишь, к тому, словно к живому, мысленным взором стремись. Также и животворящему кресту Господню веруй и поклоняйся, и целуй пригвожденного к нему плотию ради нас Христа, Бога нашего и Спасителя мира, давшего нам этот образ на спасение нашему роду и на победу над дьяволом; боится он его и трепещет, и не смеет видеть силу его». И, так наставив ее во всем и благословив, отпустил он Ольгу в путь ее. Блаженная же, радуясь душой и телом, восприняв святыню и благословение, пошла с миром в свою землю, неся с собой из Царьграда божественную благодать, а это больше любого богатства.

Приход из Царьграда в град Киев блаженной Ольги. И пришла она в знаменитый город Киев, и жила по завету святого патриарха в воздержании и молитвах, днем и ночью соблюдая чистоту душевную и телесную и от всякого греха себя храня. Подобное было и в древности при Соломоне, когда Сивилла, царица южская, приходила, чтобы увидеть премудрость Соломона. Блаженная же Ольга получила больше, чем Сивилла от Соломона: Сивилла человеческую премудрость желала узреть, Ольга же — премудрость Божию; как гласит мудрость: «Направь сердце свое к размышлению. Я любящих меня люблю, и ищущие меня обрящут благодать. Премудрость на улицах поет, на дорогах возвышает голос, на краях стен городских кричит». С юных лет блаженная Ольга искала премудрости более всего на свете этом. Честной и животворящий крест Христов, который Ольга принесла из Царьграда в Киев, после нее был поставлен в святой Софии, в алтаре у правой стены, и так было написано: «Обновилась Русская земля святым крещением, которое приняла благоверная великая княгиня Ольга».

О послании царя Цимисхия блаженной Ольге. Жила блаженная Ольга в Киеве, и прислал к ней царь Цимисхий, говоря: «Когда ты была у нас, о благороднейшая самодержица Ольга, я тогда почетный пир для тебя устроил и многими царскими дарами тебя одарил обильно, а ты обещала мне из своего государства прислать воздаяние, то, чем богата земля ваша: рабов, воск, меха и войско в помощь. Ныне исполни свое обещание». Блаженная Ольга составила ответ, который должен был передать посланный им Косомер: «Я, о царь Цимисхий, когда была в твоем Царьграде, сподобилась приблизиться к Богу и просветиться святым крещением; за это я глубоко благодарю премногую Божью благодать, что меня, ничтожную, сделал Господь своей невестой; ему невестой я хочу быть и жить у него бесконечные века. Ты же, царь, тогда, несмотря на мой возраст, неподобающими коварными умыслами напрасно обольщался, склоняя мою душу к браку, которого я не хотела. Хотя от святой купели ты меня воспринял, ты благодатного родства со мной не признал, как бы вне себя ты был, как будто законов христианских отступником явился, — отцом мне по благодати крещения нарекся и в то же время захотел стать мужем. Когда неподобающее дело устраивал, тогда пренебрегал ты просить у нас то, что нужно для

твоего царства; ты покушался на то, чего получить не можешь. Благодатью же Христовой из уст моих недостойных коварство твое разрушилось. Ты же, едва придя в разумение, обличаемый совестью и стыдом, перестал говорить обо всем том, примирился, одарил меня подарками, называя дочерью, и с честью отпустил меня в мою землю. А теперь, воздаяния требуя, прислал ко мне. Мне кажется, ты издеваешься, если думаешь получить просимое. И поэтому ничего от нас не получишь. Если бы ты благочестно хотел получить от нас помощь душевного ради союза и ради чистой любви, то прежде следует тебе свою совесть уцеломудрить и очиститься от прежних злодейств. А потом потрудись сам прийти к нам, чтобы посмотреть на нашу реку Почайну и нас посетить с воинством духовной любви, как и я у тебя была и в сосуде святой купели стояла. И за твое пришествие к нам получишь ты и двойные почести, достойные твоего царства, и многочисленные дары от нас примешь, как и я от тебя». И много чего еще прибавила к сказанному, и отпустила посланников с миром к их царю.

Поучение блаженной Ольги. Сама же Ольга пребывала среди бесчисленного множества язычников, помраченных тьмой идолопоклонничества, которые были как дикие звери, и она одна среди них, сия благочестивая Ольга, верою светясь, глубокую тьму неверия отгоняя, как пресветлая звезда идя перед солнцем, светлый день православия русским людям предвещая. Все ее старания были направлены на то, чтобы просветить людей своих верой Христовой. И сына своего, великого князя Святослава, много раз побуждала она креститься, да и всем людям всегда с умилением говорила: «О сыновья русские, послушайте меня, новопросвещенную, пусть будет вам понятно то, что вы обо мне и сами знаете, — что все годы свои я прожила во тьме неведения и не слышала ни от кого истинного слова Божия, возвещающего путь вечной жизни. Когда же я услышала об этом от действительно знающих, тогда благодать Божия вселилась в сердце мое, и я без сомнения поняла, что воистину нет под солнцем иного имени, кроме Отца и Сына и Святого Духа, в него я поверила, в него крестилась, о нем возвеселилось сердце мое, и возрадовался язык мой, и все чувства плоти моей, и самый дух мой. Кто не возрадуется, уверовав в сущего Бога, твердо с надеждой понимая, как прославляет Бог угодников своих не только в этой жизни, но и после смерти, — многие чудеса происходят от них, различные исцеления они расточают. Многие из них в гробах лежат, но мощи их, как живые, нетленны пребывают до общего для всех воскресения, и тогда они восстанут и бесконечные века с Богом царствовать будут. Ради всего этого молю вас, поверьте в сущего Бога, которого я познала, приступите к нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся». Люди же дивились речам ее, подобных которым они никогда раньше не слыхали. Некоторые из них охотно приняли из уст ее слово Божие и крестились. А сын ее, великий князь Святослав, как зверь был по привычкам своим и нисколько не прислушивался к ее словам, так же как и вельможи его и прочие люди. Хотящим креститься тогда не препятствовали, но над крестившимися смеялись язычники, ведь неверующим вера

христианская безумием кажется; не знали они, не понимали, во тьме ходя, не желая видеть славу Господню.

Беседы с сыном блаженной Ольги. Блаженная Ольга, часто беседуя со своим самодержавным сыном Святославом, говорила: «О дорогое мое дитя! Нет иного Бога ни на небесах наверху, ни на земле внизу, кроме того, которого познала я, создателя всего сотворенного, Христа Сына Божия, благоволением Отца и действием Святого Духа благоволившего родиться ради нас от Святой Приснодевы Марии, и добровольные страдания и смерть он принял, бессмертный, на третий день воскрес и взошел на небеса, оттуда он сойдет и снова придет, чтобы воскресить всех от века умерших людей, и воздаст каждому по его делам: грешникам и не верующим в него мученье вечное в негасимом огне, а праведникам жизнь без конца в небесном царствии. Ради него я сделала хорошее дело, избежала тьмы, к свету пришла, заблуждения оставила и к истине приблизилась, от бесов отреклась, Христу себя обещала. С ним радости и веселия здесь исполнилась, никогда я так не радовалась. А насколько больше будут радоваться любящие Бога с самим Богом в царствии небесном! А ты, о сын мой желанный, если познаешь Бога и крестишься, такую же радость великую получишь, и пользу, и всякое благо приобретешь себе и тем, кто с тобой. Не ослушайся меня, матери твоей. Знай, дитя мое, что тот, кто не покоряется родителям, так же как учителей доброму наставлению, погибели себе ищет. Послушай меня, сынок, прими веру истинную и крестись, и спасен будешь. Не медли, сын мой, пока погибель тебя не застигла». Эти слова, как казалось блаженной Ольге, она сеяла на воде, потому что видела она, как холодно отнесся он к ее словам и как уклончиво ей ответил: «Знаю, родительница моя, что лучше бы послушаться тебя, матери моей. Но если бы я и хотел креститься, никто бы мне не последовал, и никто бы из моих вельмож не согласился это сделать. Если я один закон христианской веры приму, тогда мои бояре и прочие сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной, поношения и насмешки сочинят про меня, и что мне будет самодержство, если из-за чужого закона все меня оставят и я буду никому не нужен». Богомудрая же его мать сказала ему: «О чадо, не говори так. Я знаю, что никто не противится твоему самодержству. Если ты, о сын мой, истинно предашься любви к Господу Иисусу Христу и во имя его крестишься, тогда все люди твои, видя твое устремление к благочестию, радуясь, все без возражений, единомысленно примут участие вместе с тобой в такой великой благодати, и двойную славу и честь от всех ты получишь». А он нисколько не склонился к ее речам, да еще и прогневался на святую мать свою. «В душу неразумного не войдет премудрость», — сказал пророк. Не захотел он понять, что делать ко благу; предпочел он пути нехорошие, совершая языческие дела, не ведая слов Писания: «Кто не послушает отца или матерь, смертью да умрет». О таких Соломон сказал: «Учащий дурных навлечет на себя беду», и еще: «Не обличай злых, да не возненавидят тебя». Боголюбивая же и чадолюбивая Ольга, суровость души его видя и безумные ответы слыша, но материнским чадолюбивым сердцем страдая за него, плакала много, непрекращающиеся источники слез

испуская, к любимому ею Христу обратив взор, молилась, восклицая, как если бы он был тут, она с ним беседовала и говорила: «О премилостивый Господи Боже мой Иисус Христос, прилепилась моя душа к тебе, и приняла меня рука твоя: преклони ухо твое и услышь молитву мою. Дай мне найти такой путь, чтобы смогла я угодить тебе: к тебе я стремлюсь, как к источнику спасения. Будь мне помощником и не оставь меня, Боже, Спаситель мой, — отец и мать меня оставили, и супруга я лишилась; от него я прижила единственного сына, и тот непокорный и неверующий, так же как и народ языческий. Ты же, Господи, только мне одной дал упование. Я, Господи, на милость твою уповаю, и на множество щедрот твоих надежду души моей возлагаю, и, к тебе прибегая, молюсь: научи меня творить волю твою и спаси меня от рода лукавого, от множества неверующих людей. И хоть они ушли от твоей благодати, но ты, Владыка, человеколюбия ради, не пренебреги ими, но посети их и вразуми, приведи их к познанию себя. Как и меня, прежде отчужденную, привел ты к своему достоянию, так же, Господи, и людей этих, болеющих неверием, исцели благоверием и к себе обрати и привлеки, и пусть они, просвещенные когда-нибудь тобою, прославят имя твое пресвятое, Отца и Сына и Святого Духа, из рода в род вовеки. Аминь».

О молитве блаженной Ольги и о пророчестве ее о крещении Русской земли. Так всегда Ольга молилась, ограждаясь крестом и имея себе в помощь Пречистую Богородицу и всех святых; и всегда в молитве призывала она просветившего ее святейшего патриарха Фотия, и все дни прилежно молилась о своем спасении и об обращении к Богу сына своего и его детей, и о всем русском народе. Хотя и оставались тогда русские люди язычниками, однако не переставала Ольга учить их и со слезами молить Бога о них, чтобы познали они истинного Бога. И, плача, она, обладающая пророческой мудростью, себе говорила: «Бог милосердный по своей милости и благоволению так, как он сам знает, может помиловать род мой и всех людей русских. Если захочет Бог, то обратит сердца их к разумению благочестия и в свое время удостоит их быть крещенными и совершенными в вере, так же как со мной, недостойной, Божественный промысел совершил благое». Велик был подвиг блаженной Ольги во славу русских людей — она подражала житию христолюбивой царицы Елены, которая вместе с сыном своим Константином царем многие земли привела ко святому крещению. Святая Елена и крест Господень обрела в Иерусалиме, и сама обошла все святые места, по которым сам Христос Бог своими пречистыми ногами прошел, и там христолюбивая Елена поставила святые церкви. Так же и эта блаженная Ольга, новая Елена, обходя города и села по всей Русской земле, всем людям благочестие проповедовала и учила их вере Христовой, как истинная Христова ученица, единоревнительница апостолам, дани и оброки легкие устанавливая, кумиры разрушая и на местах кумирен кресты Христовы водружая. От тех крестов много чудес и знамений происходит и до сегодняшнего дня.

О предсказании возникновения города Пскова в том же месте, где света блистание видела блаженная Ольга. И пришла блаженная Ольга к реке, называемой Великая, и была она у устья реки Псковы, а тут был тогда великий лес и густые дубравы. На том месте блаженная Ольга чудесное и преславное видение видела: место то было освещено пресветлыми лучами, как бы от трех источников света. Блаженная Ольга возрадовалась душой, пораженная блистанием этого невыразимого света, вознесла она благодарность Богу за то, что столь радостное знамение предрекает, укрепляя ее, свершение благодати крещения земли Русской. И, пророчествуя, сказала она, обращаясь ко всем, кто был тогда с нею: «Знайте, что по воле Божией на этом месте церковь будет во имя Пресвятой Животворящей Нераздельной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. А еще здесь город великий будет, славен и богат». И, сказав это, долго молилась она на этом месте, и крест поставила, и доныне стоит крест тот.

О добродетелях блаженной Ольги. Оттуда опять пошла она в прославленный город Киев и там жила, много добра во имя Божие делая, всякими добрыми делами освящаясь, милостынею обогащаясь: нагих одевая, алчущих питая, жаждущих напояя, странствующим давая приют со всем необходимым. Нищих, вдов, сирот, больных она очень жалела и всем необходимым снабжала, кому что нужно, то и делала тихо, с любовью, от чистого сердца. Тихого дателя любит Господь, как было сказано. Хотя тогда еще она для язычников все эти благодеяния совершала, но она считала, что дает в долг богатому заимодавцу, самому Богу, и надеялась она сторицею от него получить и здесь, и в будущем веке.

О начале псковской церкви. Послала святая Ольга много золота на Плескову реку на создание церкви Святой Живоначальной Троицы на том месте, где она видела видение — свет трисиятельных божественных лучей. Потом тут и большой город Псков поставлен был. Двойной подвиг тогда совершила блаженная Ольга, великое попечение имея о сохранении Русской земли. Ибо сына ее Святослава тогда не было в Киеве, он был в Болгарии, на Дунае, в Переславце, где любил жить, и туда ему посылали дани и подати от многих стран, в том числе от Царьграда. Дети же Святослава Ярополк и Олег и равноапостольный великий князь Владимир, еще тогда ребенок, в Киеве пребывали, о них пеклась и заботилась бабушка их святая Ольга. Печенеги же тогда выбрали удобное время для своего коварства, собралось их великое множество, и внезапно напали они на Киев, и как неводом охватили его, и едва не взяли города. Но Божий промысел знает, как благочестивых от напасти избавлять, так и теперь, — праведную Ольгу храня, Бог внял ее молитве, и охранил ее от всякого зла, и не предал города Киева врагам, — тогда поспел прийти к городу воевода Святослава по имени Претич с небольшим войском. Печенеги же, думая, что пришел сам великий князь, объятые страхом, разбежались поспешно.

О великом князе Владимире и братьях его. Блаженная же Ольга благодарение великое воздала Богу за то, что спас ее от такой беды, а с нею и трех внуков ее, которых блаженная Ольга очень любила; крестить их она тогда не решилась, опасаясь, как бы чего неподобающего не учинил непокорный сын ее Святослав, оставила она это на волю Божию, молясь обо всех. Ее моления не презрел Господь и потом по своему благоволению исполнил прошение ее и пророчество, когда внук ее, великий князь Владимир, через некоторое время получил святое крещение и всех людей своей земли привел к крещению. А братья его, Ярополк и Олег, прежде крещения братоубийственной смертью погибли; через много лет, при великом князе Ярославе Владимировиче, выкопали кости их и, крестив, похоронили в церкви Святой Богородицы, которую Владимир создал. Но об этом хватит, будем говорить о настоящем.

После ухода печенегов послала блаженная Ольга на Дунай к сыну своему великому князю Святославу, сообщив ему, что учинили печенеги в земле его. Он же со многими людьми вскоре пришел в Киев, целовал мать свою и детей своих и сожалел о случившемся из-за печенегов, собрал войско, прогнал печенегов в степь, и настал мир.

Завет к сыну блаженной Ольги перед преставлением. В Киеве Святослав сказал матери своей и боярам своим: «Не хочу я жить в Киеве, но хочу жить в Переславце на Дунае, потому что он находится на середине моей земли и туда все блага сходятся: от греков — золото, и паволоки, и вино, и плоды различные; от чехов же и угров — серебро и кони; а из Руси — меха, и мед, и воск, и рабы». Блаженная же Ольга с плачем сказала ему: «Зачем оставляешь меня, о сын мой? Куда идешь, чужого желая? А свою землю кому поручаешь? Дети твои малы, а я, как сам видишь, стара и уже смертельно больна. Я, сын мой, прежде уже горячо умоляла тебя, чтобы ты со мной вместе верил в единого истинного Бога, и он даровал бы тебе к земному царству и небесное. Ты же пренебрег моим советом и отверг мои слова, не захотел постичь истину и даже разгневался на меня; обольщаемый, погружался ты в смрадное и скверное кумирослужение, из-за слепоты неверия спотыкаясь, в глубину всякой нечистоты низвергаясь, следуя коварному губительству лукавого дьявола. Ты не сделал Бога помощником себе, но возложил упование на тленное людское множество, которое скоро истощается. Теперь, сынок, не ходи никуда, пока я не отойду от этой жизни и погребению не буду предана. Тогда иди куда хочешь. А со мной поступи так: после моей смерти не делайте ничего по вашему языческому обычаю, пусть мой священник погребет грешное тело мое по обычаю христиан, засыпав вровень с землей. Кургана же пусть не дерзнет никто надо мною сыпать, ни тризны творить, но пошли золота в Царьград к патриарху, пусть он совершит моление к Богу о моей душе и нищих милостыней оделит. Не вздумай иначе поступить, исполни мой

завет. Уже приближается время моей кончины, и я уйду к желанному Христу, в которого верую». Когда Святослав услышал слова матери своей, слезами наполнились глаза его, и хотя он не уверовал во Христа, но по сыновней любви обещал ей все сотворить с ней, как она просила.

О преставлении блаженной Ольги. Через три дня наступила ее последняя болезнь. Тогда она особенно благодарила Бога и Пречистую Богородицу, которая всегда была ей помощницей, а также всех святых она в молитве на помощь призывала. И вот настал час, когда от телесного союза захотела душа ее отделиться и к вышнему переселиться чертогу, к которому уже давно стремилась. И сподобилась она причаститься животворящих тайн тела и крови Христа, Бога нашего, и с благодарением и молитвой на устах, радуясь, предать святую свою душу в руки Божии, перейти в обители вечные и удостоиться небесного чертога вместе с мудрыми девами. Преставилась она в год 6477 (969), месяца июля в 11-й день, быв в супружестве сорок два года от времени девичества своего; после смерти мужа своего через десять лет приняла она святое крещение и была во святом крещении благочестно и богоугодно до глубокой старости пятнадцать лет; всех же лет жизни ее было около восьмидесяти. Великий же князь Святослав, сын ее, и внуки ее, и с ними князья, и бояре, и прочие сановники, и все горожане плакали по ней великим плачем.

О погребении блаженной Ольги. Когда понесли ее хоронить, тогда все, сколько там было христиан, так и язычников-соотечественников, и приезжие из многих стран, купцы и другие, все горько плакали о потере блаженной Ольги. Для князей и вельмож и прочих сановников она была мудрейшей и разумнейшей управительницей государства и защитницей державы, для них же самих была она тихой и приветливой в совете и справедливой в наказании. Горожане же и приезжие также находили у нее прибежище и упокоение, вдовы же и сироты приют, насыщение и одежду от нее получали с любовью; нищие же и убогие — все в изобилии получали от нее, что им было потребно. И когда настал конец этого многолюдного плача, принесли ее на то место, где блаженная Ольга завещала себя похоронить. И тут священник ее, отпев над ней положенные по уставу псалмопения и молитвы и всю службу совершив, благоговейно похоронил ее; и все было сделано так, как она завещала.

Эта святая и блаженная великая княгиня Ольга, нареченная во святом крещении Еленой, провела свою жизнь праведно и богоугодно и за это получила стократное воздаяние от Бога — даваемое праведным царствие небесное и нетленное блаженство. Честные мощи ее после смерти ее были в земле около тридцати лет; обретены они были целыми и нетленными. От них много чудес и исцелений происходит

приходящим с верою и благодатью Христовой, слава ему со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О перенесении мощей честных блаженной и равноапостольной княгини Ольги и похвала ей. Воистину достойно и праведно, ради красоты Божией благости, к первому торжеству и эту чудную повесть прибавить — о перенесении святых мощей праведной и великой княгини Ольги, и некоторое небольшое слово приложить в похвалу ей — о ее благочестивом любомудрии, как она с юных лет к Богу благое произволение приобрела и как от него неизреченную премудрость и благодать получила, с помощью которой она древнее зло и идольское обольщение упразднила, и все языческие дела возненавидела, и до конца от них отреклась, и всякое нечестие попрала, подражая в добродетелях прежде бывшим святым, истинное усердие к Богу показавшим. О диво! Сама не зная Писания, ни закона христианского, не слыша от учителя о благочестии, от благочестивого своего нрава научилась и возлюбила всею душою веру христианскую. О неизреченный промысел Божий! Не от людей блаженная научилась истине, но вышнего учителя имела — Божию премудрость. И хотя всю державу Русскую держала она в руке своей, но ради Божией любви все это ни во что вменила. Так и Моисей-боговидец отказался быть сыном дочери фараона и страдал с людьми Божиими, поношения за Бога предпочел он египетскому богатству. Подобно ему, и Матфей мытницу оставил, Иаков и Иоанн — корабль и отца, Петр и Андрей — корабль и сеть оставили и последовали за Христом. Так и блаженная Ольга славу царства и богатство, и единственного сына оставила, любя Христа и ища его, в чужие страны устремилась, достигла Царьграда, где крещения благодати сподобилась, и царя, пораженного ее достоинствами, перехитрила словами своими и устыдиться заставила. Вернувшись в свое отечество, она показала себя истинной проповедницей Бога во всей Русской земле, первой разорительницей кумирских требищ и православию основанием. Эта праведная Ольга была первым русским познанием Бога, началом примирения, предтечей Христовой благодати. Как звезда перед солнцем, как заря перед светом, как луна в ночи сияя, так блаженная Ольга среди язычников светилась, как жемчужина в грязи блещет, и скверна к ней не пристает. Были тогда осквернены русские люди, и не омыты святым крещением, она же омылась святой купелью. Ее Господь защитил от многочисленных сетей супостата-дьявола, а за многие ее добродетели, за хранение чистоты и целомудрия удостоил ее Господь дара апостольского и пророческого. «Блаженны, — сказал Господь, — чистые сердцем, потому что они увидят Бога». Этого блаженства ничто не дает возможности получить, кроме чистоты. Чистота в древности Иосифа спасла, из темницы освободила и сделала царем в Египте. Чистота Сусанну от злоумышлений лукавых старцев и от безвременной смерти избавила. Чистота Даниилу покорила зверей и научила его разгадать сны. Чистота трем отрокам печь огненную угасила. Чистота Илье тученосные облака удержала и снова отверзла небеса, а его самого ходящим по небу показала. Чистота Елисею милотью Илии Иордан разделила. Чистота язык Захарии связала. Чистота Иоанна Богослова

показала девственником. Чистота ад попрала, смерть разрушила, воскресение всему миру даровала. Чистота и нашу венценосную блаженную и великую княгиню Ольгу, первую из русского народа, от неверия в веру привела, от лукавого спасла и в небесное царство ввела, где она молится за всех русских людей своего отечества. Ее молитвы услышал Господь Бог, и прошение ее исполнил, и пророчество ее совершил, и помиловал заблудших людей, вдохнул благодать Святого Духа в прекраснейшую душу, которая верою тверже алмаза, в душу преславного внука ее, всей Руси царя и великого князя, блаженного Владимира, светом стремления к Богу просветила ему сердечные очи, огнем божественной любви распалила разум его, чтобы следовал он примеру своей святой и премудрой бабки, блаженной Ольги, усердно и всей душой устремиться искать православную веру во Христа, и это было угодно всем людям его. Сам он видел, как блаженная Ольга, бабка его, придерживается христианской веры, а отец его Святослав в неверии проводит жизнь свою звероподобно.

Владимир тогда был еще ребенком, и хотя сам это видел, и бабка его учила благочестию, но он тогда ничего этого не понимал, а когда возмужал и стал самодержцем, он, как в древности Авраам, богомерзкий закон отцов, которого придерживался, возненавидел до конца, а желал от такого закона, чтобы истинную веру найти и с ней вечную жизнь получить. Узнали мусульмане, римские немцы, хазарские евреи, а потом и греки про его прозорливый разум, и мужество, и храбрость, а более всего о том, что ищет он истинную веру, и все они прислали к нему послов, каждый из которых хвалил свой закон. Владимир их выслушал и более других похвалил он греческую веру. И избрал он десять мужей своих, исполненных большого разума, и послал их в те земли, и повелел им все увидеть своими глазами.

Они ходили и видели всех вер законы и службы их, и не похвалили. Потом пришли они в Царьград и увидели благодать церковного закона и красоту службы церковной, так что показалось им, что они на небесах стоят, и, придя к Владимиру, все это рассказали, где какой закон и какие службы они видели. И никакой закон им не понравился, а вот греческий они похвалили, и полюбили, и от радости не смогли благолепия закона этого выразить словами. Владимиру тоже больше всех понравилась христианская вера греческого закона, и вельможам его; они сказали Владимиру: «Если бы не был хорош греческий закон, не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрее которой никого не было в нашем роде». Владимир не знал, как и где получить святое крещение. И отправился воевать город Корсунь, находившийся в греческих пределах, и овладел им. И послал он в Царьград к царям Константину и Василию, сыновьям Романовым, внукам Константина Багрянородного, правнукам Льва Премудрого, прося себе в жены сестру их Анну, говоря: «Если не дадите, то сделаю с вами то же, что с этим городом». Они же ответили ему: «Если не крестишься, не дадим». Владимир же сказал: «Если пришлете ко мне сестру вашу, тогда крещусь». И едва уговорили цари

сестру свою, и послали ее к нему в корабле. По произволению же Божьему впал тогда Владимир в недуг телесный — ослеп. Царевна же, придя в Корсунь, послала к нему, говоря: «Если не крестишься, не избавишься от болезни своей. А когда крестишься, не только будешь здоров, но и царствие небесное получишь». Так и было. Когда Константин Великий, первый христианский царь, через явление святых апостолов Петра и Павла святым Сильвестром был крещен, тогда он в святой купели от неисцелимого недуга выздоровел. А великий Владимир без всякого явления, по своей глубокой вере и благому произволению сразу же решил креститься, и вместе с возложением руки епископа на него очами прозрел, и весь стал здравым и возрадовался душой и телом, и воздал великую хвалу Богу. О преславное чудо! Так и в древности Саул, ища ослят отца своего, царство обрел, и Павел, идя в Дамаск, чтобы преследовать и губить верующих во Христа, сам обрел веру Христову, так и великий сей князь Владимир, ища приобретения земной власти, больше того обрел — истинное благочестие; земную власть хорошо устроил, и небесное царство получил. После крещения женился он на царевне и взял с собой Корсунских попов, и мощи святого Климента и Фива, ученика его, и сосуды церковные, и всех сановников, и святые иконы в благословение себе. И еще прислал ему из Царьграда патриарх митрополита Михаила, обладающего даром учительства, премудрого и книжного, более того, всякими духовными добродетелями украшенного, великого житием, родом сирийца, и с ним епископов. С ними Владимир прибыл в Киев, всех кумиров истребил, и всех людей царства своего от мала до велика обратил на путь истинный — заставил веровать единому в Троице Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу; и все крестились. Сам митрополит крестил его, и двенадцать сыновей Владимира [крестились]. И многие язычники из стран иноземных приходили и крестились. И многие церкви и монастыри в Киеве и во всех городах своих воздвиг Владимир, и на Клязьме-реке в свое имя город создал, названный Владимиром, а в нем церковь деревянную поставил во имя Пречистой Богородицы честного ее Успения. И еще много городов и церквей основал он по благословению отца своего духовного митрополита Леонтия, который был после Михаила наследником митрополичьего стола.

Великий князь Владимир в городе Киеве поставил церковь каменную соборную во имя Пресвятой Богородицы и богато украсил ее иконами и книгами и всеми красотами церковными, и давал ей десятую часть от своего имения. Тогда же преблагой Бог своим неизреченным промыслом, ибо он один знает, как прославить святых своих, захотел еще сильнее прославить дивную среди жен, первозванную в Руси проповедницу Христа, блаженную Ольгу, бабку преблаженного Владимира, которому пришло на ум перенести святые мощи ее в святую соборную новопоставленную церковь. Задумав так, он известил об этом отца своего духовного преосвященного митрополита Леонтия и вместе единодушно они обсудили это, и, чего они хотели, чего желали, о чем старались, во всем этом обильная Божия благодать поспешествовала им. Когда умножилось число верующих, Господь помог их благому

желанию. Не смогла земля дольше держать в себе такое бесценное сокровище и выдала его, как зрелый благовонный плод, чтобы новопросвещенные люди русские обильно насытились чудесной благодатью исцеления. Да не будут забвенны в недрах земных цельбоносные мощи блаженной Ольги, но пусть будут приобщены к святой церкви, и пусть Божья церковь, как алмазной диадемой, украсится ими. В подходящее время усердно помолился самодержец Владимир с первосвятителем Леонтием, и с ним весь собор церковный, священный и иноческий лик, и множество народа, и все вместе с иконами, с крестами, со свечами, с фимиамом, торжественное шествие сотворили в то место, где было погребено тело святое блаженной Ольги. Придя, повелели они раскопать, и обрели святую Ольгу, и все тело ее было цело, и ничего в облике ее не изменилось и не повредилось, и сохранилась одежда ее. И благоговейно касаются они к этим святым мощам, которые для этого и явились. Равноапостольный Владимир с архиереем и прочими целовали святые мощи, от радости много слез из очей проливая, и умастили их благовониями, и, дивясь, благодарили они Бога, прославившего дивно святую свою. И положена она была в новую раку, и несли ее в соборную церковь, единым хором воспевая псаломские песнопения и всю подобающую службу многопрекрасно исполняя. И в уготованное место славно и честно была поставлена честная рака с нетленными мощами блаженной Ольги, от которой многие чудеса и исцеления свершаются благодатью Христовой — в то время, когда вносили в церковь, и когда ставили в уготованном месте, и в прочие годы. Расскажем об одном из них. Было над гробом ее оконце в стене церковной, и всем, приходящим к святым мощам ее с верой, оконце само открывалось, и были хорошо видны лежащие целыми и нетленными святые мощи блаженной Ольги, они светились, как солнце. И те, кто был охвачен недугом, тут же исцеление получали и здоровыми уходили к себе домой, радуясь и славя Бога, и Пречистую Богородицу, и святую великую княгиню Ольгу. А кто с маловерием приходил, тем не открывалось то оконце. А если кто с таким же малодушием, усомнясь в сердце своем, и в саму церковь входил, то никак не видел ее святых мощей, только гроб один. О дивное и страшное чудо, братья! О преславное знамение! О чудное видение, всякой похвалы и многого удивления достойное, что святое тело блаженной Ольги несомненно верующим видится в гробе, будто она спит, и обильно исцеления подает! О благость Владычняя, какую почесть двояким образом дарует угодникам своим, по смерти преславными чудесами прославляет их, видимыми нашими глазами, — а насколько больше обогатил он их в небесном царствии; апостол Павел, вознесенный до третьего неба, сказал нам то, что видел: «То, чего око не видело, и ухо не слышало, ни на сердце человеку не пришло, — вот, что уготовал Бог любящим его». Где же удостоена быть наша к Богу предшественница, блаженная Ольга, которую даровал Бог нашему русскому народу как корень православия? И когда и какое благодарение обо всех этих благодеяниях воздадим мы Богу? Только на щедроты его надеясь, с апостолами дерзаем воскликнуть: «О бездна премудрости! Как непостижимы судьбы его и неисследимы пути его!»

О великое милосердие, о неизреченное промышление, о несказанное смотрение его о спасении рода нашего! Кто не дивится, кто не чудится, кто не славит Божие благоволение к нам! Из-за первой женщины Евы лишены мы были райской жизни, от Бога были отдалены, проклятье и осуждение приняли, скорбь, печаль, слезы и труд приобрели, смерть нами обладает, в землю возвращаемся, из которой были взяты. Человеколюбивый же Бог, желая спасти погибшего человека, которого он создал, искупить Евино древнее преступление, благоволил послать на землю единородного Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы он родился во плоти действием Святого Духа от не знающей мужа Приснодевы Марии, ради которой рай открылся нам. Так через женщину Бог примирился с нами, через женщину уничтожено проклятье, смерть умертвилась, благословение, радость и жизнь бесконечная всему миру процвела. От жен-мироносиц воскресение из мертвых Христа впервые возвестилось. Как в древности через женщину преступление было, также через женщину и спасение свершилось. Так и в нашей Русской земле — через женщину мы впервые обновились в благочестии, ибо была у нас Богом подвигнутая к истинному разуму, предваряющая нас, самая блаженная из жен русских, великая княгиня Ольга, память которой с любовью празднуем мы, православные сыны русские, люди Божии, народ освященный, могучее движение, сонм православных, дети купели, чада благодати. Постараемся краткими словами, хоть частично, восславить ее и ее благородного потомка, так восклицая: «Радуйся, всеблаженная Ольга, богоизбранный сосуд целомудрия, исполненный божественного разума не от человеческого научения, а от высшей премудрости и благодати Святого Духа! Радуйся, от юности стяжавшая целомудренное девство и в супружестве сохранившая непорочное и единомысленное сожительство! Радуйся, во вдовстве ярче всего проявившая честное и чистое своей души благолепие! Радуйся, что ты своей данной от Бога премудростью мужественно и мудро боролась с врагами и свою державу благоразумным правлением соблюла невредимой от врагов! Радуйся, добровольная труженица, — с несомненной верой дерзнула ты пуститься в далекий путь ради любви к Христу и чужеземного города Царьграда со старанием достигла, в котором просветилась, и вновь родилась благодаря крещению; видя же, что царь соблазнен достоинствами твоими, ты удивила его премудростью своих ответов и заставила быть целомудренным, и обогащенная и душой, и телом с миром вернулась в свою страну, где показала себя как истинная Христова ученица добровольная: людям, не знающим Бога, слово Божие смело проповедала, кумиры сокрушила, святые кресты водрузила! Радуйся, ты сподобилась от Бога пророческого дара, ибо предсказала всему роду твоему благочестие и всем русским людям обращение к Богу, и городу Пскову существование! Радуйся, сподвижница апостолов, с ними ты и подвигом сроднилась, с ними же и жребий наследования равного по чести проповедания Божией благодати в Русской земле! Радуйся, пресветлая свеча, осветившая нам путь правоверия, идя по которому увидели мы истинный свет Святой Троицы! Радуйся, светящаяся лучами заря, озарившая нам Божией правды утро и день спасения! Радуйся, богоосиянная русская звезда, предвосходящая перед солнцем божественной благодати, которая осияла и просветила весь род русский рождением через купель

духовную! Радуйся, ибо открыла ты нам двери нетленного чертога бессмертного жениха своего Христа и незакрытый вход показала хотящим войти в царствие небесное! Радуйся, богонасажденная и боговозращенная лоза, принесшая нам многоплодное древо благочестия, святого внука твоего, великого князя Владимира, через которого мы были просвещены православием, и от него же нам процвели молодые ветви — святые Борис и Глеб, которые насыщают и напояют вселенную различными чудотворениями!

Радуйтесь, все вкупе, пресветлые светильники четвероименитые, преблаженный русский царь, великий князь Владимир со своей святой праматерью и с чудесными твоими благодатными детьми, преславными Борисом и Глебом! Вы единодушно Божии заповеди возлюбили, и поэтому Бог и прославил вас торжеством единомесячного вашего празднования. Единое празднование — каждого праздника вашего день близко к другому поставил Господь и даровал их нам, как лестницу, от земли до небес укрепленную, вершина ее Христос, к которому восхождение мы предпринимаем, как по золотым ступеням, по преславным и честным дням памятей ваших, которые церковь приняла праздновать в одном месяце июле: прежде всего память блаженной Ольги в 11 день, потом в тот же месяц приснопамятного Владимира память в 15 день, а затем того же месяца страстотерпцев Бориса и Глеба память в 24 день. Все равночестно и единовременно Богом прославлены были, а мы единогласно, недостойные, взываем к вам: «Радуйтесь, единославные о нас перед Богом ходатаи и теплые молитвенники, промыслители нашего спасения, о прехвальная Ольга, о преблаженный Владимир, о чудоносные Борис и Глеб! Все вместе радуйтесь, четверочисленные светильники, ибо вы, верою найдя путь вечной жизни, к нему сами усердно идя, пришли в царствие небесное и тем, кто идет за вами, беспрепятственный путь показали!»

И многие, благодаря вашему усердию, последовали по вашим стопам благочестия, правители и подданные. И остальные, из рода в род, и доныне, и во веки; не только одни мужчины, но и многие женщины, подражая вашему богоугодному нраву, православно прожили, и ныне живущие многие достойно Богу угодили, и Богом прославлены были, и многими дивными чудесами просияли, и со всеми святыми равно церковь Божия приняла праздновать святые памяти их. О богоизбранная рачительница премудрости, предивная в женах праведная Ольга, о боголюбезный в самодержцах и равноапостольный князь Владимир, о прославленные чудотворениями, божественные целители Борис и Глеб! Вместе со всеми святыми предстоя престолу Святой Троицы, молитесь, чтобы без вреда сохраниться и спастись отечеству нашему, державе вашего родича, благочестивого самодержца царя и великого князя Ивана с его добродетельной супругой и благородными детьми его, и с благоверными его братьями, и со всем окружением, с сановниками и чиновниками, и со всеми христоименитыми людьми, пусть вашими молитвами дарует нам

Господь везде и всегда, во всяком времени и месте, на всех врагов светлую без крови победу и одоление. И всю державу его царства во всех благах да умножит Бог, и богоугодное и мирное житье, благоденствия исполненное, да сподобятся проводить во все дни жизни их на многие годы. А в будущем веке да сподобит их Господь бесконечной и блаженной жизни воспринять наслаждение. И пусть всем нам удастся получить это по благодати и человеколюбию Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, которому слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Житие... царя и великого князя святого и праведного Владимира...

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ПЕРВЫЙ СТЕПЕНЬ И ГРАНЬ 1, В НЕЙЖЕ ГЛАВ 75 И ТРИ МИТРОПОЛИТЫ, МИХАИЛ, ЛЕОНТЪ И ИОАН

МѢСЯЦА ИЮЛИЯ В 15 ДЕНЬ. ПОВѢСТЬ ИЗВѢСТНА ВМАЛЕ ЯВЛЕНА О ВЕЛИЦЕЙ РУСТЕЙ ЗЕМЛИ И О НАЧАЛЕ ЦАРСТВУЮЩИХ В НЕЙ. И ЖИТИЕ И ПОХВАЛА БЛАЖЕННАГО И ДОСТОХВАЛНАГО И РАВНОАПОСТОЛЬНАГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СВЯТАГО И ПРАВЕДНАГО ВЛАДИМИРА,[1] НАРЕЧЕННАГО ВО СВЯТОМ КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЯ, ВСЕА РУСКИЯ ЗЕМЛИ САМОДЕРЖЦА: КАКО ВЗЫСКА ПРАВОѢРНЫЯ ВѢРЫ и КАКО ВЗЕМ КОРСУНЬ ГРАД, В НЕМЖЕ И ПОЛУЧИ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ,[2] ИМЖЕ И ВСЮ РУСКУЮ ЗЕМЛЮ ПРОСВѢТИ, И КАКО ПРАВОВѢРНО ПОЖИВЕ, И ВСЮ ДЕРЖАВУ СВОЮ БЛАГОЧЕСТНО УПАСЕ, И ВѢРУ ПРАВОСЛАВНУЮ НЕПОКОЛЕБЛЕМО УТВЕРДИ, И О ПРОЧИХ ПРАВЕДНИЦЕХ СВЯТОГО СРОДСТВИЯ ЕГО

Благослови, отче!

Глава 1. Всяко дѣло благо начинается и совершается о имени трисвятыя, единосущныя, вседержителныя и нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, иже есть Богъ нашь, о немже живем, и движемся, и есмы. Егоже благоволением и сия повѣсть хощет предложитися яже о блаженнем и приснопамятнем и всея Руския

земли самодержцы, о великом князе Владимире Свѣтославичи, иже всю землю превеликия своея державы просвѣти святым крещением. О немже преже сего обрѣтаеми суть многия повѣсти,[3] глаголемы и пишемы, и похвалами доволно украшены, — но обаче не в едином мѣсте, но на многи части, особь каяждо: ова в лѣтописаниих, иная же индѣ, прочая же вкратцѣ писана в житии его, многая же в похвалах его. И от всѣх сих яко от многоразличных цвѣтецъ хотящу собратися во едину словесную пленицу благословением и повелѣнием господина пресвященнаго Макария, митрополита всеа Русии, в царство боговѣнчаннаго царя и великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всеа Русии, иже бысть от сѣмени сего блаженнаго Владимира седмыйнадесят степень, от Рюрика же двадесятый степень.

Егда же повелѣнно есть нам сия снискати, и тогда зазрѣх своему недостоинству, совѣстию обличаем от безмѣрных моих согрѣшений, паче же не имый учения нраву и обычаю и удобну слову, еже касатися сему великому дѣлу. Но обаче убояхся лениваго раба осуждения[4] и смерти от преслушания — и не собою уповающи, но ради богоподражателнаго послушания повелѣнное нам без рассуждения писати дерзнухом, уповающе на молитвы сего Божия избраннаго сосуда, святаго и равноапостольнаго царя и великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия, яко да испросит у Бога ослабу многим моим согрѣшением, и тако надежду имуще неотъемлемую благодать человѣколюбия Божия, поминающе реченное богоотца Давыда:[5] «Правду твою, и милость, и истинну не скрых в сердцы моем от сонма многа».[6] Такоже и церковный учитель и светило всего мира Павел апостолъ к Тимофею писаше, глаголя: «Еже слыша от мене многими послухи, сия предай вѣрным человѣком».[7] И блаженный апостолъ Лука, начиная святое Евангелие писати, к Феофилу глаголя: «Понеже мнози начаша чинити повѣсть о извѣстованных в нас вещех, якоже предаша нам иже исперва самовидцы и слуги бывши Словеси, изволися и мнѣ послѣдовавшу выше всѣх испытно по ряду писати».[8] Послѣди же той же Лука к тому же Феофилу писаше Дѣяния Апостолская; потомъ же и инии мнози просвѣщением Святаго Духа писаша многих святых Жития и Мучения. Тако и сего блаженнаго Владимира достойно и в лѣпоту яже о немъ многоразличная истинная повѣдания во едину повѣсть снискати во славу Христу Богу, творящему дивная и преславная, и еликоже слово разума подасть нашему недоумѣнию, той сам Господь Богъ нашь, о немже сие начинающе повѣдание, молим и спрызываем всѣх празднолюбныхъ собори, от всѣх требующе благоприятны молитвы на торжество предложения Слову.

Приидѣте, отцы, возвѣстите нам и научите ны, и еже ко Христу предстателствомъ вашим помозите нам! Приидѣте, братия, и спотрудитеся, и совѣт благъ к разумѣнию предложите нам, и недостаточная наполняйте, слова вѣнецъ на ползу слышащим украшающе! Приидѣте, чада, и со вниманием послушайте и страху

Господню научитеся! Приидѣте, вси единоземнии нам, и благовѣрием преспѣвающе сликоствуйте настоящему торжеству сего преславнаго в самодержцѣх великаго князя Владимира, общаго нашего отца и учителя, имже истиннаго Бога познахомъ и святым крещением просвѣтихомся! Приидѣте, вси окрестнии страны, и разумѣвайте дѣла Божия и, покаряющеся, просвѣтитеся, ревнующе благому произволению дивнаго сего самодержателя Владимира!

Почто же наречеся Владимиръ? Владыческое бо имя преименито есть всякому имяни, понеже единъ Богъ — владый миром, видимымъ и невидимымъ, и всею тварию. Дивно имя Владимиръ, Божияго звания тезоименитое наречение! Таковым дивным именованием преже сего Владимира не получи никтоже именоватися. Сей же самодержавный не туне Владимир именовася, иже никимже отъ человекъ не обладан бысть, но сам владый над всею Русиею и многимъ странам одолевая. И тако самовластно, душелюбителным изволением, наипаче же Святаго Духа осиянием, идолскую прелесть до конца возненавидѣ, истиннаго Бога, Творца вѣком и твари всея содѣтеля и господа, многожелателно взыска и люботрудно обрѣте, его же благодатию весь обогатися, и владычественымъ и царьственымъ именованиемъ преславно прославися.

Сий Владимир — добляя благочестия вѣтвь! Сий Владимир — апостольский ревнитель! Сий Владимир — церковное утвержение! Сий Владимиръ — идольский раздрушитель! Сий Владимир — благовѣрия проповѣдник! Сий Владимир — царская похвала! Вся того правовѣрная исправления дивна! Того вся благочестивая проповѣдания красна! По истинѣ рещи, аще и от нечестива родителя сицевым именемъ прозвася, всеже се Божия промысла дѣйству послѣдуя и въ лѣпоту Владимир наречеся, яко да владый миром и побежая супостаты, не токмо егда в нечестии пребывая, наипаче же послѣди, егда и во благочестии преспѣвая и владый миромъ и премирная наслѣдова, и не токмо видимыя враги побѣжаше, но и невидимыя, и самого диявола и всяко нечестие потреби и правовѣрие укрѣпи. И тако во святомъ крещении сугубо и тезоименитство царскаго звания приобрѣте: Василие наречен бысть. «Василие» же по греческому языку глаголется, по рускому же языку толкуется «царь». Василий бо царское священие, царское же се и Божественое именование.

Глава 2. Владимир бысть сродник Августу Кесарю.[9] Кто же и откуду и от коего сродствия бысть сий Божий избранный сосуд, сугубо царскоименитый самодержец, Владыческо и царско звание имѣя? Сий преименитый самодержавный царь и великий князь Владимиръ — сынъ пресловущаго во храбрости великого князя Свѣтослава, внук самодержавнаго Игоря и достохвалныя в премудрости блаженныя и великия княгини Ольги, правнук Рюриков, первовладычествующаго в

великом Новѣграде и во всей Руской земли. Не худа же рода бяху и не незнаема, но паче — преименита и славна римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли во время перваго пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, иже егда нашего ради спасения изволи родитися от безневѣстныя и Пречистыя Приснодѣвы Мария. Сий кесар Август разреди вселенную братии своей и сродником. Прус. Емуже бяше присный брат именемъ Прус; и сему Прусу тогда поручено бысть властодержство в березех Вислы реки, град Мадборок, и Торун, и Хвойница, и пресловый Гданескъ, и ины многи грады по реку глаголемую Нѣмон, впадшую в море, иже и до нынѣ зовется Пруская земля.[10] От сего же Пруса сѣмени бяше вышереченный Рюрик и братия его; и егда еще живяху за моремъ, и тогда варяги именовахуся и из-за мория имаху дань на чюди, и на словенех, и на кривичех.[11]

Глава 3. Начало в Руси Рюрикова самодержства в Новѣграде. В лѣта греческаго царя Михаила, царствующаго во Царѣграде, и матери его Феодоры, сотворших правовѣрие о святых иконах,[12] еже и донынѣ церкви Божия празднует в первую недѣлю святаго и Великаго поста,[13] ходиша русь на Царьград воевати.[14] В та же лѣта новгородцы и меря[15] и кривичи изгнаша варяг за море и дани не начаша давати, и сами начаша владѣти собою. И бысть в них нестроение велие и межуусобное убийство. И паки, в лѣто 6370, послаша русь к варягом, зовуще их к себѣ, державьствовати Рускою землею.[16] И избрася вышереченный Рюрик, с ним же два брата его, Трувор и Синеус,[17] и приидоша из-за мория на Русь и с роды своими. И сѣде Рюрик в Новѣгороде, а Синеус на Белѣозере, а Трувор во Изборцѣ. И по двою лѣту Синеус умре, по том же и Трувор; и бысть Рюрик единодержец надо всею Рускою землею; державствова 17 лѣт. Новогородцы же, видѣвше Рюриково доброродство и мужественое его остроумие, и яко пророчествоваху, глаголюще к себѣ: «Разумѣйте, братие, яко непремѣнно имамы быти под единем игом державно обладаеми от сего Рюрика и от роду его; и не токмо упразднится ими самовластие наше, но и рабы им будем». Тогда бо Рюрик уби нѣкоего храбра новогородца именемъ Вадима и иных многих новогородец, совѣтников его.[18] Аще тогда и нечестиви бяху новогородцы, но обаче по пророчению их, паче же благоволением Божиим, и донынѣ непремѣнно царствуют ими от Рюрикова сѣмени благородное изращение: якоже преже в нечестии повиновахуся им и до сего блаженнаго Владимира, наипаче же егда от святаго сего Владимира сподобишася познати сущаго Бога и просвѣщени быша святым крещением, и сияху благочестием, и неподвижно и неотступно вѣру Христову держаще, и непремѣнно обладаеми Владимировыми благодарными чады и внучаты и в роды и роды.

Глава 4. О Асколде и Дире, о князе Олеге, и о самодержстве Игоревѣ в Киевѣ, и о дани на Царѣграде. Вышереченный же Рюрик, Владимиров прадѣд, не токмо сам в Русстей земли преименит бѣ властию, но и

мужие его, в нихже бѣста два: Аскольдъ и Дир; и тии воеваста и Римлянскую страну, иже и Киев град населиста многими варяги и сами сѣдоста в нем.[19] Ихже уби Олег князь, снабдѣвая державу Русскую сроднику своему Игорю, сыну Рюрикову, егоже поручи ему Рюрик дѣтска суща.[20] Подобну же времяни достигшу, приведоша Игорю от Плескова на брак премудрую и блаженную Олгу, в лѣта 6411. Олегъ же многих окрестных одолѣ в лѣта 6415 и до самого Царяграда прииде по морю во дву тысящ кораблих, с ним же словени, чюдь, меря, поляне, сѣвера, древляне, радимичи, вятичи, хорвати, дулѣбы, тивирицы;[21] и поплениша всю землю и оступиша Царьград. Они же препяша чепъ через море; Олег же извлек корабли на колеса,[22] и возняша паруси, — и поидоша в кораблих ко граду по суху. Царие же, Лев Премудрый, Александръ[23] брат его, и вси грецы убояшася, сотвориша с ним мир и дань начаша давати. Олег же повѣси у них щит свой во вратѣх,[24] и возваху Олега вѣщим.[25]

По смерти же Олеговѣ в лѣто 6449 Игор иде на греки и поплени страны вифинчьския и по Понту и до Ираклия и до Пефлагонския земли, и всю Никомидийскую землю поплѣни.[26] Царь же Роман и зять его Констянтинъ Багрянородный послаша ко Игорю и умолиша его, и даша дань выше первые Олеговы.

Глава 5. О Свѣтославовѣ самодержьствѣ, и одолѣние на болгары, и дан на греки. Такоже и сынъ Игорев Свѣтослав, отецъ сего равноапостольнаго Владимира, велми бяше храбор и легок и совокупляя избранныя воины многии храбрыи; возовѣ же по себѣ не возяше, ни шатра, ни котла, мяс бо не варяше, но, изрѣзав тонко, на углии печаше; спаше же на войлоце, в возглавия же мѣсто — сѣдло; и всюду побѣжая сопротивныя ему; в лѣто 6475 и болгары дунайския одолѣ и взя 80 градов их — и сѣде в Переславцѣ, граде их; и греческаго воинства 100 тысящ победи токмо десятию тысящама своимъ воинством, и грады их разби и пустыи остави, и дан велику взя на Царѣграде.

Глава 6. Фотия патриарха свидѣтелство. Разумно же да будет, еяже ради вины предложися слово о храбрости руских скипетродержателей, — понеже нача удержаватися руская брань на греки блаженнаго сего самодержца Владимира миролюбием, восприятия ради благочестия от греческаго правовѣрия, якоже о сихъ свидѣтелствует и самого Царствующаго града святѣйший патриархъ Фотий во своем послании,[27] иже к восточным архиерѣйским престолом, Александрѣйскому и прочимъ, на многое еретическое обличение, и яко не подобает глаголати Духа Святаго от Отца и от Сына исходяща, но от единого Отца; идѣже пишет и о болгарех, како от христоненавистнаго варварства во истинное християнство к благочестию нечаятелне прицѣпишася, и, двою лѣт во благочестии не пребывши, всѣяша в них

еретицы многия ереси, иже тогда блаженный патриархъ Фотие тщашеся паки в совершенное благочестие возвратити. В том же послании благодарствено воспоминает и о руских самодержателех, како и отъ каковыи злобы и сверѣпства и непрестаннаго ратования на греки внезапу на любов премѣнишася и от богомерзостнаго идолобѣсия ко истинному приобщищася благочестию, егоже держаху усердно и непревратно. Пишет же Фотий патриархъ в таковѣм своем послании сице: «Иже у многих многажды повѣдаемый язык, иже в лютость и в совершенное убийство всѣх вторых сотворяя, сей глаголемый руский, иже убо на Греческое царство и окрестъ их живущих поработивше и от того гордстию возвысившеся руцѣ сопротив простроша, но обаче нынѣ и тии християнскую чистую и непорочную вѣру восприяша и вмѣсто языческаго и безбожнаго идолобѣсия, въ немъже преже одержими бяху, премѣнишася в чин послушник и приятелей и вмѣсто еже за мало преже на ны от них пленения и велия дерзости нынѣ к намъ любовне себе поставиша; и в толицей их вѣре такова любовь и ревность распалися в них, яко епископов и самого пастыря прияша, святѣйшаго митрополита и християнския службы со многим потщаниемъ и прилежанием облобызаша».

Не в новых бо лѣтех Руская земля многа и велика пространствомъ и неисчетна силна воиньством, но вельми от древних лѣт и времен многим странамъ и царствомъ страшни бяху и многим одолѣваху. (…)

Глава 12. Начало о святем Владимире, иже бысть 4 степень от Рюрика, благочестию 1. Время уже настоит воспомянути о сем преславном Владимире, — како преже, еллинскимъ обычаемъ послѣдуя,[28] в нечестии самодержствуя, и како послѣди и истиннаго Бога взыска и обрѣте, и како во благочестии самодержствуя и преспѣвая правовѣрием древле царствовавших во благочестии, такоже и процвѣтший иже от чреслъ его многорасленый плодъ благословеный в род и род непреложнии исполнители бяху всему закону християнскому. И не зрим никтоже на первое нечестие и злострастное ко грѣху Владимирово рачение, но послѣдними его иже к Богу и человѣкомъ благочестивыми дѣлы уцеломудримся. Стремления бо его нечестивая и страстная сего ради явлена здѣ, да не впаднем в таковая, а иже впадшии и останем от согрѣшения, Владимирову подражающе исправлению и совершению благочестия.

Глава 13. О святей Олгѣ. Сего великаго самодержца, святаго Владимира, преблаженная баба, великая княгиня Олга, предтеча руская к Богу, егда позна сущаго Бога, и благовѣрно живущи в Киевѣ граде; с нею же бяху трие внуцы ея, Ярополкъ, и Олег, и сий великий князь Владимир, Свѣтославичи, ихже премудрая Олга любляше и снабдѣвати их всячески тщашеся. Аще же и хотяше крестити их, но невозможно бѣ, понеже сынъ ея Свѣтослав непокорив бяше

благочестивымъ словесем: много бо со слезами увѣщаваше его блаженная мати его, дабы вѣровал во Христа и крестил бы сея, и не послуша. Тогда бо сии рустии людие невѣрием одержими, и слово Божие яко уродство вменяшеся имъ. Дивная же Олга остави сие на воли Божии. Самъ бо тогда самодержец Свѣтослав живяше в Переяславцѣ на Дунаи;[29] и тогда печенѣзи, яко время си улучивше, нападоша на град Киев; и аще не бы Господь храняй Владимира, раба своего, хотящаго послѣди быти ему сосуда избраннаго, и молитвъ ради преподобныя Олги, вмале бы взят был Киев град. И посла Олга к сыну си, возвѣщая ему случшаяся. Он же вскорѣ прииде и целова матерь свою и чад своих, и прогна печенѣг, и бысть мир. При нем же, в лѣто 6475, блаженная Олга, мати его, с миром к Богу отиде, память добру, начало благочестия всѣм нам остави.

Глава 14. О позорной ловитвѣ,[30] и о братоубийстве, и о гиганте. По погребении же честнаго телеси блаженныя Олги, паки иде Свѣтослав Игоревич в Переяславец на Дунаи, сына же своего Ярополка в себѣ мѣсто посади в Киевѣ, а другаго сына Олега в Деревѣх. Новогородцы же испросиша себѣ у Свѣтослава сына его, сего великаго князя Владимира, и даде имъ. Он же иде с ними, и сѣде Владимир в Великом Новѣграде.[31]

По смерти же Свѣтославли воздвижеся братоубийственая крамола в Руси по образу древния злобы перваго Каинова братоубийства.[32] Како же и откуду начася братоубийство в руских самодержателех? Начало же бяше таковыя братоненавистныя вражды от ловитвы животных. Гигантъ Невротъ.[33] Сия же ловы первѣе показа дѣяти и волшвения в первых родѣх нѣкий гигантъ именемъ Невrот, создавый Вавилонъ град, иже бяше от племени проклятаго Хама. И таковою прелестию и до нынѣ тѣшахуся мнози властодержателие, не токмо нечестивии, но и благочестивии прелщахуся глумными утѣхами, внимающе поганским обычаем, любяще многообразныя позоры и глумления, и на песие брехание в ловитвах кличюще, и от всея силы кричаху беспрестани, елико можаху многоразличными козлогласовании, яко неистови. И сих ради бесовских коварствъ от властоначалствующих многажды приимаху скороминующее дарование и маловременную почесть, не богараднаго ради подвига, ни людския ради ползы. И вмѣсто таковых худых прибытков от ловитвы мнози отщетишася не токмо многаго своего имѣния, но вкупѣ и живота своего, с ним же и душевнаго прибытка, и вмѣсто веселия и жкогосладостныя утѣхи восприимаху с плачем горким и многоразличное уязвление и нелѣпотною смертию незапное животу применение, а по смерти вѣчное мучение. (...)

Глава 38. О крещении всея Русии. Потом же блаженный Владимир со отцем своим Михаилом митрополитом[34] и со благородными новопросвѣщенными чады своими, и со епископы и презвитеры, и з

боляры и со всѣми вѣрующими в Господа нашего Исуса Христа бяху вкупѣ единодушно благодарствующе Бога, в молитвах и молениих и в воздержании пребывающе и подвизающеся, и совѣщевающе душеспасителное совѣщевание, еже проповѣдати слово Божие с трудолюбным потщанием всѣм людем, не токмо единем кияном, но и во всей Русстей земли, яко да вси отвратятся от идолския лсти и от грѣх очистятся и крещение да приимут во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И со властию заповѣда во всѣх градѣх всѣм быти християном, рабом и свободным, юным и старым, богатым и убогим, и во всѣх ясно и велегласно славитися Святѣй Троицы, непокоривых же и обетшавших во идолобѣсии и сих учителными словесы с любовию наказати, прочим же и страхом запрещати, дабы никтоже не прекословил слову Божию.

Поучение к народом. И многу народу собрану бывшу, к ним же много поучение простирашеся от пресвященнѣйшаго митрополита, такоже и от епископовъ и от презвитер; наипаче же и сам равноапостольный Владимир многих смиреномудрено и любезно, не яко властелски и запрѣщая, но учителски, моля всѣх и наказуя, разумно же и богоразсудително извѣсти им истинную Христову вѣру, ясно являя благодать Божию, еюже самъ сподобися просвѣщен быти. Множество же народа, слышавше от дивнаго самодержца словеса Божия, вси единомудрено внимаху с вѣрою глаголемымъ, и никтоже противно не глагола ничтоже благочестивому его повелѣнию, но вси, благодатию Святаго Духа осияваеми, люботщателно обратишася вѣровати истинному Богу; вси радостными сердцы, вкупѣ же и усты, единомыслено обѣщашася креститися, единогласно глаголюще: «Аще сия вѣра не бы истинна была, то не бы восприял ю сам великомудреный самодержець нашь и премудрии боляре его. Якоже они лучшую вѣру избраша, юже и мы достойно восприяти имамы». И бысть радость велия во всем граде.

Проповѣдь святому крещению. Блаженный же Владимир посла проповѣдники по всему граду, по данней ему благодати всѣм людем со властию заповедь предлагая, и нарек имъ день, глаголя: «Аще кто не обрящется на рецѣ, богат или нищ, или свободь или работникъ, мужеска полу и женска, от мала и до велика, креститися во единого Бога Отца и Сына и Святаго Духа, и той явѣ противен будет Христу Богу и нашей державе, и не имат сей пощадѣн быти от нас». Сия же слышавше людие с радостию отвсюду течаху креститися, исповѣдающе грѣхи своя и оглашени бывше. Дни же нареченному приспѣвшу святаго просвѣщения всѣм людемъ, и тогда со заутрия пресвященный митрополит Михаил, с нимъ же епископи, и презвитеры, и дияконы, и прочии причетницы, облекшеся во все священное благолѣпное одѣяние, изыдоша на Днѣпръ рѣку[35] со кресты, и со иконами, и евангелии, и с кандилы благовонными и со свѣщами. Вкупѣ же подвижеся с ними приити ту и самъ и равноапостолный Владимир и со своими новопросвѣщенными чады, и со князми, и з боляры, и с прочими сановники и чиновники.

Крещение всенародное в Киевѣ. Снидоша же ся креститися многое множество людей мужеска полу и женска, от мала и до велика, и с сущими млеко младенцы. И вси людие внидоша в рѣку, и стояху овии до шии, а друзии до персей, младенцов же на руках в водѣ держаще, совершеннии же бродяху. Святителие же и презвитеры, стояще на брегу, молитвы глаголаху святаго крещения и елеом святым помазаху их; и тако крестишася все множество народа русскаго во имя Отца и Сына и Святаго Духа; и священным миром помазающе их, и словеса утѣшения глаголавше к ним и благословивше, отпустиша я.

Радость и благодарение крестившихся. И тако вси изыдоша от воды, просвѣщени душею и тѣлом, радующеся и славяще и хваляще Христа Бога, яко спасе их, якоже древле Израиля от работы рукою Моисѣовою,[36] тако и нынѣ новаго Израиля, руския люди, рукою Владимировою, равноапостолнаго самодеръжца. И бѣ видѣти радость велию и неизреченную не токмо на земли человѣком, но и на небеси ангелом; и архангели возвеселишася, и святыхъ дуси взыграшася о толице душь спасаемых. Сам бо рече Господь: «Велика бывает радость на небесѣх о едином грѣшнице кающемся»,[37] колми паче — о толицѣ бесчисленых душах во всей Земли руской, приведеных к Богу святым крещением. И тако бяху ликовствующе и красовахуся Божии людие вси, в нихже бѣ веселие непрестанно, и торжество пресвѣтло, и шум празднующих, уму непостижим. Смирением к Богу возвышающеся и вѣрою приближающеся, вси, в любви преспѣвающе утѣшением Святаго Духа, растяху и множахуся, ублажающе самодержца Владимира, яко повелѣнием его просвѣтишася, и время похваляюще, в неже Бога познаша, и день *благословея* нарицающе, в онже крестишася. И тако, во благодушии и в пространствии сердца, идоша в домы своя, радующеся и благодаряще Бога.

На мѣсте же, идѣже снидошася киевстии людие, крестишася, и ту поставлена бысть церковь во имя святаго мученика Турова,[38] и оттоле наречеся мѣсто оно святое. По истинѣ же свято мѣсто, идѣже много множество людий, сшедшеся, диявола отрекошася и святымъ крещением просвѣтишася и осветишася. В лѣпоту же и самый град той преименитый Киев наречеся мати всѣм градовом руским.[39] Не тунѣ бо тако наречеся, но яко в нем Руская земля обновися благочестием от блаженныя и равноапостольныя великия княгини Олги, и паки благородный внук ея, сий богоблаженный и равноапостолный Владимир, в том же граде первее вся люди своя въ богоразумие приведе, и от того же града проповѣданием благочестия во всей Рустей земли дияволя прелесть упразднися, вѣра же християнская расплодися и непоколеблемо утвердися и всюду яко неугасимая свѣща свѣтяшеся.

Рыдание дияволе. Злодѣивый же диявол и все его бѣсовское множество и темное их богопротивное соборище, видяще многих людей благочестием просвѣщаемы, а идолы на земли попираемы, и рыдая диявол стоняше и сѣтуя, глаголя: «Увы мнѣ! О, горе мнѣ, яко и отсюду прогоним есмь! Здѣ бо мнях жилище себѣ имѣти, понеже здѣ не сут учения апостольскаго, и людие, не вѣдуще Бога, мнѣ угодие творяху и служаху ми, о нихже веселяхся преже. Ныне же от таковых невѣглас побѣжен есмь, а не от апостолъ, ни от мученикъ, и не имам уже царствовати во странах их».

Блаженный же Владимир, яко видѣ крещены вся люди града его, возрадовася душею и сердцем, яко позна сущаго Бога не токмо сам, но и люди его, с нимиже ликовствуя и со многим благодарением молитвы прилѣжныя принося Богу и возрѣв на небо, и вопияше, умилно глаголя. Молитва: «Боже, сотворивый небо и землю, призри на новопросвѣщенныя люди сия и дай же нам разум, еже увѣдети и знати тя, единого истиннаго Бога, якоже познаша тя страны християнския! И утверди в них и во мнѣ вѣру твою праву и несовратну! И мнѣ помози, Господи, на вся сопротивныя враги, да надѣяся на твою державную помощ, побѣжу вся козни дьяволя и вся враги видимыя и невидимыя, яко твоя держава нерушима и царствие непремѣнно Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и в бесконечныя вѣки. Аминь».

Глава 39. Святыя церкви зижемыи и презвитеры поставляемы. И сице помолися и повелѣ святыя церкви воздвизати повсюду, во градѣх же и весех, и честныя монастыри составляти, идолския же храмы истребляти и под тѣх вчиневати областию. На холмѣ же, идѣже стоял кумир Перун и прочии дѣмонстии кумири, и ту постави церковь святаго Василия;[40] такоже и по всѣм градовом и весем воздвизахуся церкви. Дары же великия и стяжания земная доволно святым церквам даяти завѣща. Святителие же поставляху попы, освещше их на вся церкви, помолившеся о них с постом, и предаша их Господеви, в негоже вѣроваша. И тако благодатию Божиею умножашеся число учителей, и вѣра православная преспѣваше вездѣ и цвѣтяше, сияше яко солнце.

Глава 40. Учение книжное отрочатом в Киевѣ.[41] Таже по сих благоволениемъ Божиим пресвященный митрополит Михаил купнотщателно съ сыном своим, богомудрым самодержцем Владимиром, умыслиша, како наипаче утвердити вѣру православную в Рустей земли: и повелѣ взимати у нарочитых людей младыя дѣти, и даяху учити их книжному писанию, азбукам и всякому написанному святых книг слову. И тогда матери чад своих, даемых учитися грамотѣ, плакахуся по них яко по мертвецѣх, еще бо не велми бяху тогда утвердилися вѣрою. И бысть множество училищ книжных. Богодухновенный же учитель, пресвященный митрополит Михаил, призываше к себѣ всѣх тѣх учителей грамотных и наказываше их правѣ

и благочиннѣ учити юныя дѣти, якоже словесем книжнаго разума, такоже и благонравию, и правдѣ, и любви, и зачалу премудрости, страху Божию, и чистотѣ, и смиреномудрию; учити же их не яростию, ни жестостию, ни гнѣвом, но растовидным страхом и любовным обычаем и сладким проучением и ласковым утѣшением, да не унывают, ни ослабѣют, прилѣжно и часто прослушивати и наказывати их; предавати же комуждо их урок учения с рассуждением противу коегождо силы и со ослаблением, да не унывают же; наипаче же всегда прилагати имъ учение от закона Господня на ползу души же и тѣлу; от безумных же и неподобных словес всячески ошаятися.

И тако благодатию Божиею елицы научишася грамотѣ, от нихже бысть множество премудрых философовъ, яко сбытися пророчеству, глаголющему яко к лицу Руския земли: «Во дни оны услышат глусии словеса книжная, и ясенъ будет язык гугнивых».[42] Сии убо рустии людие прежде сего никогдаже не слышаша словес Божественых Писаний, но бяху, яко звѣрии, идолослужебни, безумнии и кровопролитливи; нынѣ же премилостиваго Христа Бога премудрымъ устроениемъ и благодатию его просвѣщени и евангельски живуще, и быша премудрии философи дивни, якоже рече пророкъ: «Помилую егоже аще помилую».[43] Тако бо помилова Богъ люди руския порожением банею паки бытия и обновлением Святаго Духа и научением премудрости разума книжнаго, имже мощи обрѣсти путь спасения. Мнози же и обрѣтоша, и совершенно Богу угодиша, и Небесное Царство получиша. Сих же ради всѣхъ и всяческих ради слава единому содѣтелю, всѣх благих подателю Богу! (…)

Преставление митрополита Михаила. Блаженный же и приснопамятный пресвященный митрополит Михаилъ в добродѣтелных исправлениих препроводи житие, преиде от мира в премирное блаженство к желаемому Христу Богу, в вѣчную жизнь с миром радостно преселися, пожив на земли крѣпкимъ житием добре и боголюбезне; многи труды о Господѣ показа, и многия идолския требища разори, и многия люди невѣрныя в вѣру Христову обрати, и вѣру православную в новокрещеных людех утверди, и всѣх богоразумию научи.

Святый же самодержец Владимир велми оскорбися о разлучении отца, бяху бо в духовной любви и во благих совѣтех всегда пребывающе, о исправлении благочестия подвизающеся. Епископи же Фотия патриарха многа словеса утѣшителна от Божественых Писаний на ползу предлагаху, еже утолити скорбь самодержца; такоже и князи и боляре и вси велможи его, благоразумно разсуждающе, утѣшаху его, и едва увѣщаваем бываше.

Глава 49. О митрополите Леонтии.[44] Блаженный же и равноапостольный великий князь Владимир, не терпя видѣти вдовствующаго престола великия руския митрополия, и немедлено посылает в Царствующий град ко вселенскому патриарху кир Николѣ Охрисовергису,[45] любезно прошаше себѣ и всей державе своей всея Земли руския люботрудна духовному учению преосвященна митрополита вмѣсто преставльшагося. И абие назнаменанием Святаго Духа избран бывает Леонтъ, поставлен на русскую митрополию, и вскоре отпущен на Русь, в лѣта 6499. Пришедшу же ему в Киев, его же боголюбивый князь Владимир и вси людие прияша честнѣ; и бысть радость велия в людех.

Глава 50. Святый Владимир раздѣли грады сыновом своим.[46] Благоволением же Божиим помысли по сих преблаженный Владимир совѣт благ совѣщати со отцем своим, пресвященным митрополитом Леонтом всеа Руси, еже бы раздѣлити ему землю Руския его державы в наслѣдие сыновом своим и устроити во градѣх епископы во исполнение благочестия. И нача раздѣляти грады сыновом своим: Вышеславу — Великий Новград, Изяславу — Полотескъ, Свѣтополку — Туров, Ярославу — Ростов. Умершу же Вышеславу, и даде Ярославу Новград, Борису — Ростов, Глѣбу — Муром, Свѣтославу — Деревы, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тмуторокань, Станиславу — Смоленескъ, Судиславу — Псков. Поучение. Посылая же их в тыя грады господьствовати, благословение дая имъ и любочадное о Христѣ цѣлование, вкупѣ же наказуя и поучая их, прежде же всего заповѣда им страх Божий имѣти и вѣру православную непорочно держати, злославныя же догматы до конца отвращати, болши же всего на всѣх царя и Бога вседушно имѣти надежу и тому единому покланятися, и того славити, и того вѣдѣти творца и содѣтеля всей твари; и ина многа такова. О всем же повелѣ им и со епископы совѣтовати: дабы како и поганые на благочестие обращати, и требища идолския разоряти, и всякое нечестие истребляти, и церкви Божия воздвизати, самѣм же им от всякия нечистоты и от всякого лукавства и неправды удалятися, и от всякого насилия и от лихоимства огребатися, и ко всякому малому и великому судъ нелицемѣрен предлагати, и о всем рассужати люди Божия в правду, и межу собою братолюбие и единомышление и мир имѣти, и ко всѣм людем, не токмо к любовным, но и ко врагом смиряющемся, милость и любов простирати, и во всем по воли Божии жити, надежи ради вѣчныя жизни.

Глава 51. Поставление епископовъ по градомъ. Пресвященный же митрополит Леонтъ по данней ему благодати от Пресвятаго и Животворящаго Духа избрание сотворяет, якоже есть обычай, и поставляет епископы и посылает их в кииждо град Руския митрополия, коегождо на свой ему Богом порученный жребий, паствити Христово стадо словесных овецъ и имѣти попечение о тѣх единородных бесмертных душах, и душах же, запустѣвших невѣрием, всѣяти сѣмя благовѣрия и возрастити и умножити плод спасения, и церковь Божию

всяческим благолѣпием благочиннѣ украсити, и исправити слово истинное. В Новград. Первое же посла в Великий Новград епископа Иоакима Корсунянина.[47] Он же, пришед в Новград, и досталная требища бѣсовская разори и идолы сокруши, а благочестие утверди. В Чернигов. Потом же митрополит Леонтъ посла во град Чернигов епископа Неофита.[48] Таже посла во град Ростов епископа Феодора.[49] Во Владимир и во иныя грады. По сих же посла во град Владимир епископа Стефана[50] и во иныя многия грады разсла епископы. И бысть слава Господня повсюду, и радовахуся людие, и сияше в них православие, и имя Христово величашеся, и слово Божие растяше и множашеся.

Глава 52. Начало церкви соборныя в Киевѣ.[51] И паки благоволением Божиим в четвертое лѣто по крещении блаженный Владимир совѣт благъ совѣща со отцемъ своим, преосвященным митрополитом Леонтом, и со епископы и з боляры, еже бы воздвигнути камениемъ поставлену великую церковь соборную Десятинную во имя Пречистыя владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Мария в преименитом граде Киевѣ. Молитвовавше же доволно, яко да обрящут мѣсто удобно, идѣже благоволит Богъ и Пречистая Богородица таковѣй Божественей церкви созданѣ быти, и милостыню многую убозей чади повелѣша раздаяти, — и Божиимъ хотѣнием обрѣтоша мѣсто благопотребно, на немже мѣстѣ дом был прежереченнаго человѣка Божия, зовомаго варяга, и сына его Иванна, идѣже мученическими вѣнцы от Бога увязошася, и честною их кровию первѣе освятил есть Богъ дом той. И на том мѣсте начаша здати соборную церков Богоматери. Мастеры же бяху прежереченнии хитрецы.

Глава 53. Начало Ростовстей церкви. Такоже и во градѣ Ростовѣ тогда вѣра благочестивая нача обновлятися пришествием святаго и праведнаго страстотерпца, боголюбиваго князя Бориса Владимирича,[52] идѣже тогда прежепомянутый епископъ Феодоръ люботрудно подвизаяся, проповѣдая слово Божие, и аще же и многа озлобления от невѣрных подят, но обаче помощию Божиею и Пречистыя Богоматери постави в Ростовѣ церковь, велми чюдну и прекрасну, дубовными древесы, во имя Пречистыя Богородицы, честнаго ея Успения, о нейже бяше писано, якоже до тоя не бысть така церкви, ниже потом имат быти. И о чюдотворце Леонтии. Пребысть же та дивная церкви лѣт 165.[53] При державѣ же благовѣрнаго великого князя Андрея Георгиевича Боголюбовскаго[54] Божиим попущением погорѣ град Ростов, и чюдная та церковь згорѣ. И на том мѣсте начаша здати церковь каменну. Ей же рвы копающе, обрѣтоша многочюдесныя мощи целы со всею одежею великаго святителя Леонтия,[55] иже бысть родом Царяграда, от Божия же аггела объявлен бысть патриарху, да его освятить во епископы граду Ростову, идѣже прежнии епископи Феодоръ и Ларионъ[56] изгнани быша из Ростова от невѣрных людий.* Святый же Леонтий прииде в Ростов и видѣ люди, состарѣвшася в невѣрии; и остави старыя люди, младенца же к церкви призываше, и сладостною кутьею кормяше

их, и благочестию учаше их, и крещаше их. Родителие же их, возмше различная оружия, и устремишася не токмо изгнати святаго Леонтия, но и убити хотяху. Святый же изыде противу их с честным крестом и со всѣм освященным собором, — невѣрнии же ослѣпоша; святый же Леонтий всѣх их крести, — и прозрѣша вси. И оттоле в Ростове утвердися совершенно благочестие и донынѣ.

Глава 54. Начало Белаграда и в нем епископа.[57] И не токмо же тогда древния грады благочестиемъ просвѣщахуся, но и на пустынных мѣстех святый Владимир многия грады созидая и в них святыя церкви воздвизая и благочестием исполняя. Тогда же и Бѣлград постави, и церковь в нем Христова Преображения воздвиже, и возлюби град той паче инѣх градов, наполни же отвсюду множеством людий, в негоже епископа Никиту посла, егоже постави Леонтъ митрополит. (...)

Глава 65. О храбрых мужех. Елико же преблагий Богъ в телесных преспеяниих усугуби благородию его благодать мужества и смысла, тако же дарова ему и велможи премудры и разумны и во благосовѣтии дивны, мнози же и силни и храбростию удалы и нарочиты. Якоже нѣкогда Давыдъ царь имяше у себе силных муж тридесят и седмь[58] таковыи мужествены, яко меншему их могущу быти на сто мужей, вящшему же наипаче возможно, — и противу тысящи братися, тако и сей блаженный Владимер по благодати Божией имяше у себе, якоже вышереченно, мужи храбрыи, и удалы, и силны. Янъ. В них же бяше прежереченный Янъ Усмошвец,[59] иже убивый исполина печенѣжска, велика и силна. Рагдай. Такоже дивен бяше в побѣдах и Рагдай удалый, иже на бран един исходити могий противу триех сот супротивных. Александръ. Подобно же симъ мужество и храбрость имѣя и Александръ, рекомый Поповичь. Малвредъ. Таков же бѣ и Матвред силный. Андрих. Равен же мужеством и Андриох Добляйков,[60] и инии мнози. Храбрость Александрова. Бысть же тогда нѣкто половчин, именуемый Володар, и сей дияволим научением, забывъ многое к себѣ благодѣяние государя своего святаго и великого князя Владимера, прииде бранию ко граду Киеву со братом си и со многими половцы, яко время удобно усмотрив своему зломыслию: великому бо князю Владимеру самому не сущу тогда в Киевѣ, но в Переславце на Дунаи. И бысть тогда в Киевѣ смятение велие; но обаче вѣры ради и благодѣяния блаженнаго Владимера вскорѣ разори Богъ неправедныя совѣты безумнаго Володаря, и не токмо не успѣ граду ничтоже зло сотворити, наипаче же — сам погибе и прочии с ним. На них же бо Богом подвизаем изыде нощию вышереченный Александръ Попович и абие победи их; самого же враждотворца Володаря оружию во снѣд сотвори и конечной пагубе предаде, с ним же вкупѣ и брата его и низложив и мертва сотвори и иных множество половец изби, овѣх же в поле прогна. Слышав же сия *блаженный* Владимер самодержец возрадовася зѣло и велие благодарение воздаваше Богу, на Александра же возложи гривну злату и сотвори его велможу честнѣй полате своей. Александрово и Яново мужество. И паки потом Александръ Попович и Ян Усмошвец,

иже убивый печенѣжска исполина, и сия предивна храбра оба вкупе помощию Божиею многи побѣды показаша и многим сопротивным одолѣваша. Нѣкогда же множество печенѣг избиша и самого князя их Радмана и со трема сыны его живых изымаша и ко блаженному Владимеру в Киев приведоша. Боголюбивый же Владимер о всѣх Божиих благодѣяниих сугубо радовашеся и веселяшеся душею, купно же и тѣлом, в пространствии сердца со всѣми людми и творяше празнование свѣтло, в молитвах и во благодарениих и во псалмѣх и в пѣснех духовных выну хваляще и славяще Бога и Пречистую Богородицу и всѣх святых; и милостыню многу раздаяше по церквам Божиим и по монастыремъ, и нищим, яко да всегда на молитву подвижнѣйше будут к Богу. (...)

---

[1] *житие и похвала... князя... Владимира...* — Первоначальная основа этого памятника была создана, вероятно, во второй половине XI в. См.: Память и похвала князю русскому Владимиру (наст. изд., т. 1). Владимира долго не признавали святым. Его официальной канонизации противилась константинопольская патриархия. Почитание Владимира существовало уже в XI в. Первый раз его именует святым Ипатьевская летопись под 1254 г.

[2] *...како взем Корсун град, в немже и получи святое крещение...* — Корсунь — Херсонес Таврический, ныне в черте г. Севастополя, греческая колония, позднее — главная византийская база в Крыму. «Корсунская легенда» помещена в Повести временных лет (см. наст. изд., т. 1).

[3] *О немже преже сего обрѣтаеми сутъ многия повѣсти...* — Ко времени составления Степенной книги не существовало собственно жития князя Владимира. Известна «Память и похвала князю Владимиру», составленная в XI в. неким монахом Иаковом (см. наст. изд., т. 1), а также поздние переделки этого произведения. Составителем Степенной книги была предпринята попытка создания на основе имевшегося в его распоряжении летописного и агиографического материала жития князя Владимира, которое стало самым обширным из произведений, вошедших в состав Степенной книги.

[4] *...лениваго раба осуждения...* — Имеется в виду евангельская притча о талантах. См.: Мф. 25, 14—30.

[5] *...богоотца Давыда...* — Иисус Христос происходил из рода библейского царя Давида.

[6] *«Правду твою... от сонма многа».* — Ср. Пс. 39, 11.

[7] *«Еже слыша от мене... предай вѣрным человѣком».* — 2 Тим. 2, 2.

[8] *...апостолъ Лука... к Феофилу... «Понеже мнози начаша чинити повѣсть... изволися и мнѣ... поряду писати».* — Лк. 1, 1—3. Феофил — христианин, обращение к которому содержится в начальных строках Евангелия от Луки и Деяний апостолов.

[9] *Владимир бысть сродник Августу Кесарю... Сий кесар Август разреди вселенную братии своей и сродником... Емуже бяше... брат именемъ Прус; и сему Прусу тогда поручено бысть властодержство в березех Вислы реки... иже и до нынѣ зовется Пруская земля.* — Легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа впервые появилась в «Послании» митрополита Спиридона-Саввы (начало XVI в.), а затем в его официальной переделке «Сказания о князьях владимирских» (до 1533 г.). Она соответствовала вкусам эпохи и отвечала задаче возвеличивания Русского государства в общественном мнении Европы. В царствование Ивана IV легенде был придан официальный характер, она вошла в летописи, была включена в текст Степенной книги. Прус — легендарное лицо. Имя образовано, видимо, от географического названия «Пруссия».

[10] *...град Мадборок, и Торун, и Хвойница, и пресловый Гданескъ...* — Ныне польские города Мальборк, Торунь, Хвойнице и Гданьск.

[11] *...имаху дан на чюди, и на словенех, и на кривичех.* — Сведения Повести временных лет. Чудь — эстонские племена. Словене — северная группа славянских племен, в земле которых был основан Новгород. Кривичи — восточнославянское племенное объединение, занимавшее земли в верхнем течении Днепра, Волги и Западной Двины.

[12] *В лѣта греческаго царя Михаила, царствующаго во Царѣграде, и матери его Феодоры, сотворших правовѣрие о святых иконах...* — Михаил III (840—867) — византийский император с 842 г. До 856 г. правила его мать Феодора, в марте 843 г. восстановившая иконопочитание после длительного периода иконоборчества.

[13] *...еже и донынѣ церкви... празднует в первую недѣлю... Великаго поста...* — Имеется в виду Чин торжества православия, который входит в богослужение 1-го воскресенья Великого поста.

[14] *...ходиша русь на Царьград воевати.* — Поход русского войска на Константинополь и осада города 18 июня 860 г., закончившаяся, по-видимому, тем, что руссы отошли, получив выкуп, нашли широкое отражение в византийских источниках. Русские летописи называют руководителями похода Аскольда и Дира.

[15] *Меря* — финно-угорское племя, жившее между Волгой и Окой.

[16] *...в лѣто 6370, послаша русь к варягом, зовуще их к себѣ державьствовати Рускою землею.* — Полулегендарный рассказ о призвании 3 братьев-варягов включен в состав Повести временных лет. Летописец использовал его для объяснения происхождения,

укрепления и прославления правящей русской княжеской династии. Скандинавское (или частично скандинавское) происхождение династии Рюриковичей признается современной наукой. Но это обстоятельство не предрешило образование скандинавами Древнерусского государства, становление которого явилось следствием внутреннего общественного развития.

[17] *И избрася вышереченный Рюрик... с ним же два брата его, Трувор и Синеус...* — Некоторые историки отождествляют летописного Рюрика с Рёриком Датским (Ютландским), предводителем варяжской дружины, владевшим землями в Западной Ютландии и на Фрисландском побережье и совершавшим набеги на страны Европы до 860 г. Существование братьев Рюрика вызывает определенные сомнения. Дошедшие до нас предания о них имеют позднее происхождение.

[18] *...Рюрик уби нѣкоего храбра новогородца именемъ Вадима и... совѣтников его.* — Известие о Вадиме заимствовано из Никоновской летописи, первоначальная редакция которой была составлена в конце 20-х гг. XVI в. Происхождение сведений о Вадиме неясно.

[19] *...и мужие его... Асколдъ и Дир... иже и Киев град населиста многими варяги и сами сѣдоста в нем.* — Об Аскольде и Дире рассказывает Повесть временных лет, настойчиво подчеркивая, что они только приближенные Рюрика, а не князья. Это должно было оправдать их убийство Олегом, действовавшим от имени Игоря, сына Рюрика.

[20] *...Олег князь, снабдѣвая державу Русскую сроднику своему Игорю, сыну Рюрикову, егоже поручи ему Рюрик дѣтска суща.* — Сведения почерпнуты из Повести временных лет. Видимо, князь Олег не был родственником Игоря, что нарушало версию о династической преемственности. Чтобы поддержать единство княжеской династии, летописец назвал Олега родственником Рюрика, регентом при малолетнем Игоре. Регентство Олега получилось чересчур продолжительным и растянулось на 30 лет.

[21] *Олегъ же многих окрестных одолѣ в лѣта 6415 и до самого Царяграда прииде по морю... с ним же словени, чюдь, меря, поляне, сѣвера, древляне, радимичи, вятичи, хорвати, дулѣбы, тивирицы...* — Вслед за составителем Повести временных лет автор Степенной книги перечисляет подвластные Олегу финно-угорские племена (чудь, меря) и восточнославянские племенные объединения, в том числе проживавшие: поляне — в Поднепровье, северяне — в поречье Десны и Сейма, радимичи — по р. Сожу, вятичи — в бассейне Оки, дулебы — на территории Западной Волыни, тиверцы — по Днестру и в устье Дуная. Кто такие хорваты и имеют ли они отношение к «белым» хорватам, которых Повесть временных лет называла ранее в числе славянских племен, неизвестно. В истории походов Олега на Константинополь много неясного. Повесть временных лет упоминает о них и о договоре с греками под 907 г. Под 911 г. помещен договор «межи грекы и Русью». В византийских источниках сведений о них нет. Возможно, Олег ходил на Византию в 907 г., заключив предварительное соглашение, закрепленное затем договором 911 г.

[22] *Они же препяша чепъ через море; Олег же извлек корабли на колеса...* — Византийцы перегораживали цепью залив Золотой Рог. Нападавшие могли перетаскивать легкие корабли через перешеек.

[23] *Царие же, Лев Премудрый, Александръ...* — Византийские императоры Лев VI Премудрый (время правления 886—911 гг.) и Александр (время правления 866—912 гг.), сыновья Василия Македонянина.

[24] *...повѣси у них щит свой во вратѣх...* — В Повести временных лет: «...и повесиша щиты своя в вратѣхъ, показающе побѣду». На Руси это было, по-видимому, знаком победы.

[25] *...и возваху Олега вѣщим.* — Вещий — позднее на Руси синоним кудесника, волхва, свидетельство того, что князь был язычником и обладал сверхъестественными знаниями и силой.

[26] *...в лѣто 6449 Игор иде на греки и поплени страны вифинчьския и по Понту и до Ираклия и до Пефлагонския земли, и всю Никомидийскую землю поплѣни. Царь же Роман... даша дань выше первые Олеговы.* — Составитель Степенной книги объединил летописные рассказы о походах Игоря «на греки» 941 и 945 гг. В ходе первого из них, окончившегося неудачно, нападению подверглись провинции Вифиния и Пафлагония на северном побережье Малой Азии, города Ираклия Понтийская и Никомидия на Восточном берегу Мраморного моря, ныне Измит. Выгодный для Руси договор относится к 944 г.

[27] *...патриархъ Фотий во своем послании...* — Сведения, заимствованные из Никоновской летописи. Патриарх Константинопольский Фотий жил, как уже отмечалось, столетием раньше (ок. 820 — ок. 891 г.), вступил на патриарший престол в 858 г., оставил после себя много трудов богословского и исторического содержания. Его рассказ о крещении Руси, видимо, связан с походом руссов на Константинополь в 860 г. Историки спорят о том, какая Русь крестилась при Фотии — Азово-Черноморская или Киевская.

[28] *...преже, еллинскимъ обычаемъ послѣдуя...* — Речь идет о том, что в начале княжения Владимир был язычником.

[29] *Самъ бо тогда самодержец Свѣтослав живяше в Переяславцѣ на Дунаи...* — Согласно Повести временных лет, Святослав избрал своей столицей г. Переяславец на Дунае — как географический центр завоеванной им территории и сосредоточие торговых путей. Ныне это село Преслав у Тульчи на юг от Дуная.

[30] *О позорной ловитвѣ...* — «Позорной ловитвой» здесь названа княжеская охота, к участию в которой привлекалось много людей. Слово «позор» в данном случае означает зрелище.

[31] *...сына же своего Ярополка в себѣ мѣсто посади в Киевѣ, а другаго сына Олега в Деревѣх... и сѣде Владимир в Великом Новѣграде.* — Сообщение об этом помещено в Повести временных лет под 970 г.

[32] *По смерти же Свѣтославли воздвижеся братоубийственая крамола в Руси по образу древния злобы перваго Каинова братоубийства.* — Согласно Повести временных лет (977—980), в битве с киевским князем Ярополком погиб древлянский князь Олег, затем в ходе соперничества за киевский стол Владимир организовал убийство Ярополка. *Каин* (библ.) — сын прародителей Адама и Евы, проклятый Богом за убийство своего брата Авеля.

[33] *Гигантъ Невротъ.* — Нимрод (Нимврод, Немврод) (библ.) — легендарный герой и охотник. Его призвание охотника вошло в пословицы: «Сильный зверолов, как Нимрод пред Господом». Ветхий Завет считает его основателем Вавилона, древнего города на р. Евфрат (см.: Быт. 10, 8—9).

[34] *...со отцем своим Михаилом митрополитом...* — Михаил — первый русский митрополит, согласно Никоновской летописи и другим поздним источникам. О Михаиле упоминает «Окружное послание» патриарха Фотия, попавшее в руки русских летописцев и ошибочно отнесенное ими ко временам Владимира.

[35] *...изыдоша на Днѣпръ рѣку...* — О крещении киевлян в водах Днепра сообщает Повесть временных лет. Житие Владимира называет р. Почайну.

[36] *...рукою Моисѣовою...* — Моисей (библ.) — вождь Израильского народа во время его странствия по египетской пустыне, выведший его из египетского плена.

[37] *«Велика бывает радость... о едином грѣшнице кающемся»* — Ср. Лк. 15, 7.

[38] *...церковь во имя святаго мученика Турова...* — Видимо, «Турова божница», упомянутая в Ипатьевской летописи под 1146 г. Местонахождение неизвестно.

[39] *...Киев наречеся мати всѣм градовом руским.* — В Повести временных лет под 882 г. «матерью градом руским» называет Олег Киев, объявляя его, таким образом, столицей Руси. Автор Степенной книги имел в виду, очевидно, превращение Киева в центр русского православия.

[40] *На холмѣ, идѣже стоял кумир Перун... постави церковь святаго Василия...* — Возможно, церковь Василия поставили чуть раньше, чем Десятинную, на том же самом холме.

[41] *Учение книжное отрочатом в Киевѣ.* — В Повести временных лет — под 980 г. Действия Владимира можно считать первой попыткой насаждения просвещения на Руси. Дети «нарочитой чади» не могли

готовиться к сану священника, их набирали для подготовки государственных служащих и просвещенных людей вообще.

[42] *«Во дни оны... ясенъ будет язык гугнивых».* — Ср. Исх. 35, 6.

[43] *«Помилую егоже аще помилую».* — Римл. 9, 15; Исх. 33, 19.

[44] *О митрополите Леонтии.* — По сообщениям отдельных источников и мнению некоторых историков, Леонтий (Леон, Лев) — первый русский митрополит, присланный из Константинополя в 991 г. Другие авторы считают его лицом легендарным, а имя его заимствованным из сообщения патриарха Фотия о крещении болгар.

[45] *...патриарху... Николѣ Охрисовергису...* — Николай Хризоверг, константинопольский патриарх (983—996).

[46] *...Владимир раздѣли грады сыновом своим.* — Перечень сыновей Владимира (отчасти с указанием их наделов) дается в Повести временных лет под 988 г., он не во всех летописях одинаков.

[47] *Первое же посла в Великий Новград епископа Иоакима Корсунянина.* — Летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., в том числе Никоновская, называют Иоакима Корсунянина первым новгородским епископом, управлявшим епархией до 1030 г.

[48] *...посла во град Чернигов епископа Неофита.* — Как первый черниговский епископ Неофит упоминается в Никоновской летописи.

[49] *...посла во град Ростов епископа Феодора.* — Феодор, первый ростовский епископ, назван в житии Леонтия Ростовского.

[50] *...посла во град Владимир епископа Стефана...* — Епископ Владимиро-Волынский Стефан поставлен из архимандритов Киево-Печерского монастыря (ум. в 1094 г.).

[51] *Начало церкви соборныя в Киевѣ.* — Речь идет о строительстве Десятинной церкви (991—996). По данным Повести временных лет, ее поставили на месте двора убитых при Владимире-язычнике варягов-христиан.

[52] *...святаго... князя Бориса Владимирича...* — Ростовский князь Борис, сын Владимира, был убит в 1015 г. своим братом Святополком. Гибель Бориса и его брата Глеба от руки подосланных Святополком наемных убийц была истолкована как мученическая смерть. Они стали первыми официально канонизированными во второй половине XI в. русскими святыми. См. Сказание о Борисе и Глебе: наст. изд., т. 1.

[53] *...постави в Ростовѣ церковь, велми чюдну... Пребысть же та... церкви лѣт 165.* — Деревянный храм Успения Божьей Матери — кафедральный собор ростовских епископов, сгорел в 1160 г.

[54] *Андрей Боголюбский* — (ок. 1110—1174 гг.), второй сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, с 1158 г. великий князь владимирский и суздальский, в истории известен деятельностью по перенесению центра русской государственности на северо-восток, стремлением объединить Русь под главенством владимирских князей.

[55] *...обрѣтоша... мощи... святителя Леонтия...* — Миссионерскую деятельность ростовского епископа Леонтия относят ко второй половине XI в. Согласно житию, Леонтий достиг успеха в крещении язычников, и кончина его была мирной. Однако Киево-Печерский патерик называет Леонтия мучеником, что позволяет усомниться в достоверности сведений жития. Возможно, Леонтий был убит язычниками.

[56] *...прежнии епископи Феодоръ и Ларионъ изгнани быша из Ростова от невѣрных людий.* — Об их изгнании свидетельствует житие Леонтия Ростовского.

[57] *Начало Белаграда и в нем епископа.* — Белгород — древнерусский город близ Киева, ныне с. Белгородка. Повесть временных лет под 992 г. сообщает о сооружении в нем крепости. Первым епископом белгородским, по данным Никоновской летописи, был Никита. Центр русской митрополии в первые века христианства находился не в Киеве, а в Переяславле. Князю требовался архиерей, живший поближе к столице, викарий и помощник митрополита.

[58] *...Давыдъ царь имяше... муж тридесят и седмь...* — См.: 2. Цар. 23, 24—39.

[59] *...Янъ Усмошвец...* — В Повесть временных лет под 992 г. помещен рассказ об единоборстве «печенежина» и русского кожемяки. Летописи называют его по-разному, Никоновская летопись именует Ян Усмошвец (от «усмие» — «кожа»).

[60] *...Рагдай... Александръ... Поповичь... Малвредъ... Андриох Добляйков...* — В Повести временных лет под 1000 г. записано: «Прставися Малфред». По-видимому, это мать Владимира, ключница Малуша. В Никоновской летописи Малфред превращается в «Малвреда силного». Рассказы о подвигах остальных богатырей также заимствованы составителем Степенной книги из Никоновской летописи. Они не отличаются исторической достоверностью, некоторые из них, например легенда об Александре Поповиче, имеют былинное происхождение.

ПЕРЕВОД

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ И ГРАНЬ 1-Я, В КОТОРОЙ 75 ГЛАВ И ТРИ МИТРОПОЛИТА, МИХАИЛ, ЛЕОНТ И ИОАНН

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В 15-Й ДЕНЬ. ПОВЕСТВОВАНИЕ, ВКРАТЦЕ ИЗВЕСТВУЮЩЕЕ О ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ И О ТОМ, КТО ПЕРВОНАЧАЛЬНО В НЕЙ ЦАРСТВОВАЛ. И ЖИТИЕ С ПОХВАЛОЙ БЛАЖЕННОГО И ДОСТОХВАЛЬНОГО И РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СВЯТОГО И ПРАВЕДНОГО ВЛАДИМИРА, НАРЕЧЕННОГО ВО СВЯТОМ КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ, ВСЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ САМОДЕРЖЦА: КАК ВЗЫСКАЛ ОН ПРАВОВЕРНУЮ ВЕРУ И КАК ВЗЯЛ ГРАД КОРСУНЬ, ГДЕ И ПОЛУЧИЛ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ, КОИМ И ВСЮ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ ПРОСВЕТИЛ, И КАК ЖИЛ ОН ПРАВОВЕРНО, И ВСЮ ДЕРЖАВУ СВОЮ БЛАГОЧЕСТИВО УПРАВИЛ, И УТВЕРДИЛ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ НЕПОКОЛЕБИМО, И О ДРУГИХ ПРАВЕДНИКАХ ИЗ СВЯТОЙ ЕГО РОДНИ

Благослови, отче!

Глава 1. Всякое благое дело начинается и совершается во имя трисвятой, единосущной, вседержительной и неразделимой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, Бога нашего, благодаря которому мы живем, и движемся, и существуем. По благословению кого и сей рассказ будет излагаться о блаженном и приснопамятном всей Русской земли самодержце, великом князе Владимире Святославиче, о том, кто всю землю огромной своей державы просветил святым крещением. О ком и прежде сего обреталось много сказаний, устных и письменных, украшенных вдоволь похвалами, — но только не в одном месте, а разными частями, каждая отдельно: одно в летописании, другое в другом месте, иное кратко писано в житии его, и многое — в похвалах его. И из всего этого, как из разнообразных цветов, захотели собрать один словесный венок по благословению и повелению господина <нашего> преосвященного Макария, митрополита всея Руси, в царствование боговенчанного царя и великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, что стал потомком сего блаженного Владимира в семнадцатой ступени, от Рюрика же — двадцатая ступень.

Когда же было повелено нам сие собрать, тогда устыдился я своего недостоинства, обличаем совестью в безмерных своих прегрешениях, да к тому же не владеющий учеными навыками и приемами и подобающей речью, чтобы прикасаться к сему великому делу. Но, однако, убоялся я быть осужденным как ленивый раб и сподобиться смерти за ослушание — и дерзнул, не на себя уповая, а ради богоподражательного послушания, без рассуждения писать о том, что было повелено нам, уповая на молитвы сего Богом избранного сосуда, святого и равноапостольного царя и великого князя Владимира, нареченного в святом крещении Василием, на то, что испросит он у Бога ослабу многим моим прегрешениям, и надеясь на неизбывную благодать Божьего человеколюбия, вспоминая сказанное богоотцом Давыдом:

«Правду твою, и милость, и истину не скрыл я в сердце своем от сонма людского». Так и учитель церкви и светило всего мира апостол Павел писал к Тимофею, говоря ему: «Что слышал ты от меня при многих свидетелях, передай это верным людям». И блаженный апостол Лука, начиная писать святое Евангелие, говорил Феофилу: «Поскольку многие начали чинить повествование об известных между нами событиях, как передали нам те, кто был с самого начала очевидцами и слугами Слова, то решил и я по тщательном исследовании всего написать все по порядку». Потом тот же Лука тому же Феофилу написал Деяния Апостольские; а потом и многие другие по просвещению Святого Духа написали многих святых Жития и Мучения. Так и о сем блаженном Владимире достойно и хорошо собрать в одно повествование множество разных и правдивых известий во славу Христу Богу, творящему дивное и преславное, тому, кто подаст <дар> разумного слова нашему неразумию, самому Господу Богу нашему, с чьей помощью начиная это повествование, молим мы и взываем ко всему любящему церковные празднества собору, прося у всех благоприятной молитвы для торжества предлагаемого Слова.

Приидите, отцы, возвестите нам и научите нас, и помогите вашим пред Христом ходатайством! Приидите, братья, и потрудитесь с нами, и благой совет нам на разумение дайте, и довершите недостающее, венец словесный для пользы слушающих украшая! Приидите, чада, и со вниманием послушайте и страху Господню научитесь! Приидите, все соотечественники наши, и, в благой вере преуспевая, вместе с нами ликуйте о настоящем торжестве сего преславного меж самодержцев великого князя Владимира, общего нашего отца и учителя, через кого мы истинного Бога познали и святым крещением просветились! Приидите, все окрестные земли, и познайте дела Божии, и, покорившись, просветитесь, ревнуя благому произволению дивного сего самодержца Владимира!

Чего же ради наречен он был Владимиром? Владыческое ведь имя превыше есть всякого имени, ибо один Бог есть тот, кто владеет миром, видимым и невидимым, и всем творением. Дивно имя Владимир, тому, как называют Бога, тождественное слово! Таковым дивным именованием никто прежде сего Владимира не удостоился именоваться. Сей же самодержавный недаром стал именоваться Владимиром, тот, кем никто из людей не владел, но кто сам был владеющим всею Русью и побеждающим многие страны. И так, по собственной воле, по изволению и любви своей души, а всего больше — осиянием Святого Духа, возненавидел он вконец идольское прельщение и истинного Бога, творца вечности и создателя и господина всякой твари, с великим желанием взыскал, и с любовью в трудах обрел, и обогатился весь его благодатью, и владычным и царским именованием славно прославился.

Сей Владимир — благочестия ветвь добрая! Сей Владимир — апостолов ревнитель! Сей Владимир — церкви укрепление! Сей Владимир — идолов разрушитель! Сей Владимир — благоверия проповедник! Сей Владимир — царям хвала! Все его правоверные деяния дивны! Все его благочестивые наставления прекрасны! Сказать воистину, хоть и от нечестивого родителя таковым именем был он назван, а все же по Божьему промыслу и во благо был наречен Владимиром, — чтобы владеть миром и побеждать врагов, не только, когда пребывал в нечестии, но больше всего потом, когда, в благочестии подвизаясь, владел он миром и унаследовал надмирное, и не только видимых врагов побеждал, но и невидимых, и самого дьявола и всяческое нечестие истребил и укрепил правоверие. И так в святом крещении во второй раз получил он имя, тождественное царскому именованию: был наречен Василием. Ибо «Василий» на греческом языке говорится, на русском же языке толкуется «царь». Ибо Василий — это освящение царей, царское это и Божье именование.

Глава 2. Владимир был сродником Августа Кесаря. Кто же и откуда, и от какого рода был сей Богом избранный сосуд, дважды по-царски названный самодержец, царское и владыческое имя имевший? Сей знаменитый самодержавный царь и великий князь Владимир — сын знаменитого храбростью великого князя Святослава, внук самодержца Игоря и достохвальной в премудрости блаженной великой княгини Ольги, правнук Рюрика, первовластительствовавшего в Великом Новгороде и во всей Русской земле. И не из худого рода они были и не из безвестного, нет, более того — из <рода> знаменитого и славного римского кесаря Августа, владевшего всей вселенной и единовластвовавшего на земле во время первого пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, когда Он нашего ради спасения благоволил родиться от безневестной и Пречистой Приснодевы Марии. Сей кесарь Август разделил вселенную меж братии своей и сродников. Прус. Был у него родной брат по имени Прус; и сему Прусу было тогда поручено держать власть на берегах реки Вислы, над городами Мальборгом, Торунем, Хвойницей и знаменитым Гданьском, и над другими многими городами вплоть до реки, называемой Неманом, впадающей в море, — надо всем тем, что и доныне зовется Прусской землей. Из потомства этого Пруса были вышеназванный Рюрик и его братья; когда жили они еще за морем, тогда звались варягами и из-за моря брали дань с чуди, и со словен, и с кривичей.

Глава 3. Начало на Руси Рюрикова самодержавного правления в Новгороде. В годы царствовавшего в Царьграде греческого царя Михаила и матери его Феодоры, сотворивших <провозглашение> правоверного <учения> о святых иконах, что и доныне церковь Божия празднует в первое воскресенье святого Великого поста, ходили русь на Царьград войной. В те же годы новгородцы, меря и кривичи прогнали варягов за море и не стали давать им дани, и сами стали у себя править. И сделались у них великие беспорядки и междоусобные убийства. И

снова, в год 6370 (862), послали русь к варягам, зовя их к себе, владеть Русскою землею. И был выбран вышеназванный Рюрик, а с ним два его брата, Трувор и Синеус, и пришли они из-за моря на Русь с родичами своими. И сел Рюрик в Новгороде, а Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске. И по прошествии двух лет Синеус умер, а за ним — Трувор; и стал Рюрик единовластным правителем над всей Русской землею; властительствовал 17 лет. И новгородцы, видя Рюриково происхождение из доброго рода и храбрый и острый его ум, как напророчествовали, говоря сами себе: «Знайте, братья, что всегда нам быть под одним игом державной власти сего Рюрика и его рода; и не только упразднится из-за них наша собственная власть, но и рабами их будем». Ибо тогда Рюрик убил одного храброго новгородца по имени Вадим и других многих новгородцев, его советников. Хоть и нечестивыми были тогда новгородцы, но, однако, по предсказанию их, больше же — по благоизволению Божию, и доныне без перемен царствуют над ними благородные отпрыски Рюрикова потомства: как повиновались они им прежде в нечестии, до <времен> сего блаженного Владимира, так тем более и после того, как от сего святого Владимира сподобились познать истинного Бога и просвещены были святым крещением, и просияли благочестием, держа непоколебимо и без отступлений Христову веру, постоянно находятся под властью Владимировых благородных чад и внуков, из рода в род.

Глава 4. Об Аскольде и Дире, и о князе Олеге, и о самодержавном правлении Игоря в Киеве, и о дани с Царьграда. Не только сам вышеназванный Рюрик, Владимиров прадед, был знаменит как властелин в Земле русской, но и его люди, среди которых было двое: Аскольд и Дир; они ходили воевать в Римскую землю, они и Киев-град населили множеством варягов и сами сели в нем править. Их убил князь Олег, приуготовляя Русскую державу сроднику своему Игорю, Рюрикову сыну, которого поручил ему Рюрик ребенком. Когда пришло подобающее время, привели Игорю на брак из Пскова премудрую и блаженную Ольгу, в 6411 (903) году. А Олег в 6415 (907) году победил многие окрестные народы и на двух тысячах кораблей дошел по морю до самого Царьграда, а с ним словене, чудь, меря, поляне, севера, древляне, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы; и попленили они всю греческую землю и обступили Царьград. <Греки> же замкнули на цепь морскую <бухту>; а Олег поставил корабли на колеса, и подняли они паруса, — и пошли на кораблях к городу по суше. И испугались цари Лев Премудрый и брат его Александр и все греки, заключили с ним мир и стали давать дань. А Олег повесил у них свой щит на вратах, и прозвали Олега вещим.

После же смерти Олега в год 6449 (941) пошел Игорь на греков и пленил земли вифинские и земли по Понту, вплоть до Гераклеи и Пафлагонской земли, и всю землю Никомидийскую пленил. И царь Роман со своим зятем Константином Багрянородным послали к Игорю и упросили его, и дали дань больше первой Олеговой.

Глава 5. О самодержавном правлении Святослава, и о победе над болгарами, и о дани с греков. И сын Игоря Святослав, отец равноапостольного сего Владимира, был также очень храбр и легок <на подъем> и собирал <вокруг себя> много храбрых отборных воинов; не возил он за собой возов, ни шатра, ни котла, ибо не варил он мяса, а пек его на углях, тонко нарезав; а спал на войлоке, вместо же изголовья — седло; и везде побеждал своих врагов; в 6475 (967) году победил дунайских болгар и взял 80 крепостей их — и сел в их крепости Переяславце; и стотысячное греческое войско победил одним лишь десятком тысяч своего войска, и города их разбил и пустыми оставил, и великую дань взял с Царьграда.

Глава 6. Свидетельство Фотия патриарха. И пусть ведомо будет, по какой причине предложен <здесь> рассказ о храбрости русских скипетродержателей, — потому, что стали утихать русские набеги на греков из-за миролюбия сего блаженного самодержца Владимира, из-за восприятия им благочестия от греческого правоверия, как об этом свидетельствует и самого Царствующего града святейший патриарх Фотий в своем послании к восточным архиерейским престолам, Александрийскому и другим, где много обличаются еретики и <говорится>, что не подобает говорить о Святом Духе, что от Отца и от Сына он исходит, но лишь от одного Отца; где пишется и о болгарах, как из ненавидящего христианство варварства прилепились неожиданно они к благочестию, и как насеяли средь них еретики, среди и двух лет в благочестии не пробывших, множество ересей, их тогда блаженный патриарх Фотий старался снова возвратить к полному благочестию. И в том послании вспоминает с благодарностью <патриарх> и о русских самодержцах, как после столь сильного зла и свирепости и после непрестанных набегов на греков обратились они внезапно к любви и как после богомерзкого идолопоклонства и беснования приобщились они к истинному благочестию, каковое и стали держать усердно и неизменно. И пишет Фотий патриарх в том послании своем следующее: «Многим многажды ведомый народ, тот, что нес всем народам лютые беды и одну погибель, этот народ, называемый русскими, кто поработил Греческое царство и окрест них живущие <народы> и, возгордившись этим, простер руки и дальше, ныне и он принял чистую и непорочную христианскую веру, вместо языческого и безбожного идолопоклонства и беснования, в котором прежде они пребывали, перешли они к послушанию и приятию, и вместо того как прежде чуть было не пленили они нас, вместо великой дерзости, ныне относятся они к нам с любовью; и в столь сильной вере их разгорелась в них столь сильная любовь и рвение, что и епископов они приняли, и самого пастыря, святейшего митрополита, и христианское богослужение с большим усердием и прилежанием они приняли».

Так что не с недавних лет огромна и велика Русская земля пространством и несчетно сильна воинством, но с весьма древних лет и времен устрашали они многие земли и царства и многих побеждали. <...>

Глава 12. Начало <повествования> о святом Владимире, что был четвертая ступень от Рюрика, а благочестию первая. Пришло время помянуть преславного сего Владимира, как он прежде, эллинским обычаям следуя, самодержавно правил в нечестии, и как потом взыскал и обрел истинного Бога, и как правил самодержавно в благочестии и правоверием превзошел тех, кто царствовал благочестиво в древности, также и многочисленное его потомство, процветший от чресл его благословенный из рода в род плод, были непреложными исполнителями всего христианского закона. И пусть не станет никто из нас смотреть на первоначальное нечестие и злострастное устремление Владимира к греху, но уцеломудримся <мыслями> о последних благочестивых делах его для Бога и людей. Ибо нечестивые и страстные его стремления для того здесь явлены, чтобы мы <сами> не впали в таковые, а если бы и впали, то <затем> отстали бы от прегрешения, подражая Владимирову свершению до конца благочестия.

Глава 13. О святой Ольге. Сего великого самодержца, святого Владимира, преблаженная бабка, великая княгиня Ольга, русская предтеча перед Богом, когда познала она истинного Бога, с благой верою жила во граде Киеве; а с нею жили три ее внука, Святославичи — Ярополк, Олег и сей великий князь Владимир, которых премудрая Ольга любила и со всем усердием пеклась о них. Хоть и желала она их крестить, но невозможно это было, поскольку сын ее Святослав не слушал благочестивых слов: много <раз> со слезами увещевала его блаженная мать его, чтоб уверовал он во Христа и крестился бы, но он не слушался. Ведь тогда русские те люди неверием были одержимы и слово Божие считали юродством. И дивная Ольга положилась в этом на волю Божию. Ибо сам самодержец Святослав жил тогда в Переяславце на Дунае; и тогда печенеги, улучив благоприятное время, напали на город Киев; и когда б Господь не хранил раба своего Владимира, предназначая ему впоследствии быть избранным его сосудом, и когда бы не молитвы преподобной Ольги, скоро бы взят был город Киев. Послала Ольга к сыну своему <гонцов> и сообщила о случившемся. Он же быстро пришел и целовал мать свою и своих чад, и прогнал печенегов, и настал мир. И при нем, в год 6475 (967), мать его, блаженная Ольга, отошла с миром к Богу, память добрую <по себе> и начало благочестия всем нам оставила.

Глава 14. О потешной охоте, и о братоубийстве, и о гиганте. После погребения честного тела блаженной Ольги снова пошел Святослав

Игоревич в Переяславец-Дунайский, вместо себя же посадил в Киеве сына своего Ярополка, а другого сына своего, Олега, <посадил> у древлян. Новгородцы же выпросили себе у Святослава сына его, сего великого князя Владимира, и дал он им его. И пошел с ними Владимир, и сел в Великом Новгороде.

После же смерти Святослава поднялась на Руси братоубийственная вражда, на манер древней беды, первого Каинова братоубийства. Как же и отчего начались среди русских самодержцев братоубийства? А началась эта братоненавистническая вражда с охоты на животных. Гигант Неврод. Эти охоты и волхвования первым научил творить первые поколения людей некий гигант по имени Неврод, создавший город Вавилон, тот, кто был из племени проклятого Хама. И таковым соблазном и доныне тешатся многие властители, не только нечестивые, но и благочестивые, прельщаясь увеселениями, внимая языческим обычаям, любя различные зрелища и развлечения, издают они во время охоты клики на манер песьего лая, изо всех сил, как только можно, беспрестанно кричат, как неистовые, самыми разными козлиными голосами. И за эти бесовские манеры, а не за подвиг во славу Бога или на пользу людям многократно принимают они от начальствующих скоропреходящие дары и временные почести. Из-за такой жалкой прибыли от охоты лишились многие не только большого своего богатства, но вместе с ним и собственной жизни, а с ней — и душевной награды, и вместо увеселения и полной сладости потехи принимают с горьким плачем различные раны и через безобразную смерть внезапную кончину, а по смерти — вечное мучение. <...>

Глава 38. О крещении всей Руси. И потом блаженный Владимир со своим отцом митрополитом Михаилом и с благородными новопросвещенными своими чадами, и с епископами и пресвитерами, и с боярами, и со всеми верующими в Господа нашего Исуса Христа единодушно вместе благодарили Бога, подвизаясь в молитвах и мольбах и пребывая в воздержании, и обсуждая душеспасительное общее решение — проповедовать с трудолюбивым усердием слово Божие всем людям, не одним только киевлянам, но и по всей Русской земле, чтоб отвратились все от идольского прельщения и очистились от грехов и приняли бы крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа. И приказал Владимир, чтоб во всех городах все были христиане, рабы и свободные, юные и старые, богатые и бедные, чтоб среди всех ясно и громогласно прославлялась Святая Троица, а непокорных и застаревших в идолопоклонстве приказал наставлять с любовью учительными поучениями, иных же и устрашать, чтобы никто не прекословил слову Божию.

Поучение к народу. И когда было собрано множество народу, стал к ним простирать долгое поучение преосвященный митрополит, также и

епископы и пресвитеры; самое же главное, сам равноапостольный Владимир возвестил им, многому <народу>, об истинной Христовой вере, возвестил смиренномудренно и с любовью, не с угрозами, как властитель, но — как учитель, моля всех и внятно и благорассудительно наставляя, являя ясно благодать Божию, от которой сам он сподобился просветиться. И от дивного самодержца слыша словеса Божии, единодушно с верою внимало все множество народа тому, что говорилось, и никто ничего не молвил против благочестивого его приказа, но, осиянные благодатью Святого Духа, все с любовью и усердием обратились к вере в истинного Бога; все с радостным сердцем, а вместе с ним — устами единодушно обещались креститься, в один голос говоря: «Если бы эта вера не была истинной, то не принял бы ее сам великомудрый наш самодержец и премудрые его бояре. Ту веру, которую избрали они как лучшую, ту и нам следует принять». И великая радость сделалась во всем граде.

Провозвещение о святом крещении. И послал блаженный Владимир глашатаев по всему граду, сообщая людям всем по данной ему благодати о своем приказе, и назначил им день, сказавши: «Если кто не окажется на реке, чтобы креститься во единого Бога Отца и Сына и Святого Духа, богатый или нищий, свободный или раб, мужчина или женщина, от мала до велика, — тот будет врагом Христу Богу и нашей державе, и не будет ему от нас пощады». И, услыхав это, люди с радостью стали стекаться отовсюду, чтоб, исповедав свои грехи и приняв оглашение, креститься. И когда настал назначенный день святого просвещения для всего народа, тогда с раннего утра преосвященный митрополит Михаил, а с ним епископы, и пресвитеры, и диаконы, и прочие причетники, облачившись во все священные благолепные одежды, вышли на реку Днепр с крестами, иконами, и евангелиями, и с благовонными лампадами и свечами. А с ними вместе потрудился прийти туда и сам равноапостольный Владимир со своими новопросвещенными чадами, с князьями, и с боярами, и с другими сановниками и вельможами.

Крещение всего народа в Киеве. И собралось креститься многое множество народа, мужского пола и женского, от мала и до велика, с грудными даже младенцами. И все люди вошли в реку, и стояли одни по шею, а другие по грудь, держа младенцев на руках в воде, а взрослые <дети> сами стояли. Святители и пресвитеры, стоя на берегу, произносили молитвы святого крещения и помазывали их святым елеем; так крестилось все множество русского народа во имя Отца и Сына и Святого Духа; и, помазав их священным миром и проговорив к ним слова утешительного поучения и благословив, отпустили их.

Радость и благодарность крестившихся. И так вышли все из воды, просвещенные душою и телом, радуясь и вознося славу и хвалу Христу

Богу за то, что спас их, как древле <спас> он народ израильский от рабства рукою Моисеевой, так и ныне спас новый Израиль, людей русских, рукою Владимировой, равноапостольного самодержца. И видна была великая и несказанная радость не только на земле среди людей, но и на небесах у ангелов; и архангелы возрадовались, и души святых взыграли о столь великом множестве душ спасаемых. Ведь сам Господь сказал: «Велика радость бывает на небесах об одном кающемся грешнике», сколь же больше — о столь бесчисленном числе душ во всей Земле русской, приведенных к Богу святым крещением. И так радовались и ликовали все Божьи люди, и была посреди них радость нескончаемая, и пресветлое торжество, и уму непостижимый шум праздничный. Возносясь к Богу через смирение и приближаясь к нему благодаря вере, преуспевая в любви утешением Святого Духа, все они возрастали и укреплялись, прославляя самодержавного Владимира за то, что по повелению его просвещены они были, и восхваляли время, когда познали они Бога, и называли благословенным тот день, в который они крестились. И так, в благом состоянии души и с открытым сердцем, пошли они по своим домам, радуясь и благодаря Бога.

На том же месте, где собрались киевские люди и крестились, была поставлена церковь во имя святого мученика Тура, и с тех пор стало называться место то святым. И поистине свято то место, где многое множество людей, собравшись, отреклось от дьявола и просветилось и освятилось святым крещением. По справедливости и сам тот град, славный Киев, наречен был матерью всех городов русских. Недаром так он был назван, ведь в нем Русская земля обновилась благочестием от блаженной и равноапостольной великой княгини Ольги, да еще благородный ее внук, сей богоблаженный и равноапостольный Владимир, в том же граде впервые привел весь народ свой к познанию Бога, благочестивой проповедью из того града упразднился по всей Русской земле дьявольский соблазн, а христианская вера расплодилась и непоколебимо укрепилась и повсюду как неугасимая свеча стала светиться.

Плач дьявола. Злодей же дьявол со всем множеством его бесовских сил и со всем темным его и богопротивным сборищем, видя множество людей, благочестием просвещаемых, а идолов, на земле попираемых, рыдая, стеная и сетуя, говорил: «Увы мне! О, горе мне, ибо и отсюда меня прогнали! Здесь я надеялся найти себе жилище, ибо нет здесь учения апостольского, и, не зная Бога, люди здесь мне служили и угождали, и благодаря им я веселился прежде. А теперь я побежден этими невеждами — не апостолами, не мучениками — и уже не буду царствовать в их землях».

А блаженный Владимир, видя крещенными всех людей своего града, возрадовался душой и сердцем, что не только сам он познал истинного

Бога, но и его народ, и, вместе с ним ликуя и с великой благодарностью принося усердные молитвы Богу, восклицал с умиленьем, взирая на небо. Молитва: «Боже, сотворивший небо и землю, снизойди к сим новопросвещенным людям и дай нам разум познать и постичь тебя, единого истинного Бога, как познали тебя другие земли христианские! И укрепи ты веру твою и в них, и во мне правой и непоколебимой! И помоги мне, Господи, против всех моих врагов-супостатов, чтобы, надеясь на твою державную помощь, победить мне все козни дьявола и всех врагов, видимых и невидимых, ибо нерушима твоя держава и вечно царство, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и в бесконечные веки. Аминь».

Глава 39. О возведении святых церквей и поставлении пресвитеров. Так помолился он и повелел ставить повсюду святые церкви, в городах и селах, и создавать повсюду честные монастыри, идольские же храмы истреблять и отдавать им во владение. А на том холме, где стоял идол Перун и другие демонские идолы, там поставил он церковь святого Василия; и таким же образом по всем городам и селам были воздвигнуты церкви. И заповедал <Владимир> давать много даров и довольно земельных владений святым церквам. Святители же поставили попов и, рукоположив их для всех церквей и помолившись о них с постом, вручили их Господу, в которого они уверовали. И так Божией благодатью умножилось число учителей, и вера православная везде преуспевала, цвела и сияла как солнце.

Глава 40. Обучение детей книжной грамоте в Киеве. Вслед за тем по Божьему изволению придумал преосвященный митрополит Михаил вместе с сыном своим богомудрым самодержцем Владимиром, как еще больше укрепить православную веру в Земле русской: повелел он брать у лучших людей детей малых, и отдавать их стали учиться книжной грамоте, азбуке, и всему, что писано во святых книгах. Тогда матери плакали по своим чадам, отданным учиться, как по мертвым, ибо тогда они еще не совсем крепко утвердились в вере. И <учреждено> было много школ, где учили книжной грамоте. Богом же вдохновляемый учитель, преосвященный митрополит Михаил, призывал к себе всех, кто учил грамоте, и наставлял их учить молодежь справедливо и благочинно как книжному разумению, так и благонравному поведению, справедливости, любви, и началу всякой премудрости — страху Божию, и чистоте, и смиренной мудрости; учить их не с яростью, не с жестокостью, не с гневом, а с трепетным страхом, любовью, мягким наказанием и ласковым утешением, чтобы не впали они в уныние и не ослабли <духом>, прилежно и часто проверять и наставлять их; давать же каждому из них задание, сообразуясь со способностями каждого, и с послаблением, чтобы не унывали; всего же более — всегда учить их закону Господню для пользы души и тела; от неразумных же и непотребных слов всячески уклоняться.

И так Божией благодатью из тех, кто научился грамоте, сделалось много премудрых философов, так что сбылось пророчество, будто для Русской земли сказанное: «Во дни оны услышат глухие книжное учение и ясен будет язык гугнивых». Ибо русские эти люди никогда прежде не слыхали слов Божественного Писания и, будто звери, были идолопоклонниками, безумцами и убийцами; ныне же по премудрому устроению премилостивого Христа Бога, просвещенные его благодатью, живя по <заповедям> евангельским, сделались они дивными премудрыми философами, ибо, как сказал пророк: «Кого помилую, того помилую». Так помиловал Бог людей русских через возрождение их баней новой жизни, <через> обновление Святым Духом, <через> обучение премудрости книжного знания, с помощью чего можно обрести путь спасения. Многие и обрели, и до конца Богу угодили, и получили Царствие Небесное. За все же это и за все прочее — слава единому создателю, подателю всего благого Богу! <...>

Преставление митрополита Михаила. А блаженный и приснопамятный преосвященный митрополит Михаил провел жизнь в добродетельных свершениях и перешел от мира <сего> к надмирному блаженству, к желанному Христу Богу, мирно и радостно в жизнь вечную переселился, прожив стойко и богоугодно земную жизнь; явил он много трудов для Господа, и много идольских капищ разорил, и много людей неверных обратил в Христову веру, и утвердил веру православную в новокрещеных людях, и научил всех богопознанию.

И скорбел сильно святой самодержец Владимир о разлуке с отцом, ибо всегда пребывали они в духовной любви и во благих совместных замыслах, подвизаясь на благо благочестия. И чтобы утолить скорбь самодержца, приводили епископы много утешительных слов патриарха Фотия из Святого Писания; утешали также его князья и бояре и все его вельможи с благоразумным рассуждением и едва его уговорили.

Глава 49. О митрополите Леонтии. И блаженный и равноапостольный великий князь Владимир, не в силах видеть вдовствующим престол великой русской митрополии, посылает без промедления в Царьград к вселенскому патриарху кир Николе Хрисовергу, прося с любовью для себя и для всей подвластной ему Земли русской усердного на труды духовного учения преосвященного митрополита на место преставившегося. И тотчас по знамению Святого Духа был избран Леонтий и поставлен на русскую митрополию, и отправлен вскоре на Русь, в год 6499 (991). И когда пришел он в Киев, приняли его боголюбивый князь Владимир и весь народ с честью; и была радость великая в народе.

Глава 50. Святой Владимир поделил сыновям своим города. И затем по Божьему благому изволению задумал блаженный Владимир обсудить благой замысел с отцом своим, преосвященным митрополитом всея Руси Леонтием, чтоб разделить ему всю землю Русской его державы в наследие сыновьям своим и учредить в городах епископов в довершение благочестия. И стал делить он сыновьям своим города: Вышеславу — Великий Новгород, Изяславу — Полоцк, Святополку — Туров, Ярославу — Ростов. После смерти же Вышеслава дал он Новгород Ярославу, Борису — Ростов, Глебу — Муром, Святославу — Деревы, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тьмуторокань, Станиславу — Смоленск, Судиславу — Псков. Поучение. И послал их в те города править, дав им благословенье и чадолюбивое во Христе целованье, вместе с тем наставляя и поучая их, наказал им всего он прежде Божий страх иметь и держать веру православную непорочно, а зловерного учения инославного до конца отвращаться, более же всего на всех Царя и Бога всей душою иметь надежду и ему единому поклоняться, и его славить, и его исповедовать творцом и создателем всей твари; и другого много подобного. И повелел обо всем им с епископами советоваться: как язычников в благочестивую веру обращать, и как капища идольские разорять, и как всяческое нечестие истреблять, и как церкви Божии воздвигать, и как самим им от всякой нечистоты и от всякого обмана и неправды удаляться, и от всякого насилья и лихоимства удерживаться, и как всякого <человека>, малого и великого, невзирая на лица судить, и во всем судить людей Божиих по правде, и иметь между собой братскую любовь, единомыслие и мир, и на всех людей, не только на любимцев, но и на смиряющихся врагов, простирать любовь и милость, и во всем жить по воле Божией, надежды ради на жизнь вечную.

Глава 51. Поставление епископов по городам. Преосвященный же митрополит Леон по благодати, данной ему от Пресвятого и Животворящего Духа, избирает, как принято, и поставляет епископов и посылает их в каждый град Русской митрополии, каждого на свой, Богом порученный ему, жребий, пасти стадо Христово разумных овец и иметь попечение о их единородных бессмертных душах, также и о душах, опустошенных безверием, — семена сеять благой веры и растить и умножать плоды спасения, и благочинно украшать церковь Божью всяческим благолепием, и претворять в жизнь слово истины. В Новгород. И первым делом послал в Новгород Великий епископа Иоакима Корсунянина. А он, в Новгород придя, последние капища бесовские разорил и идолов сокрушил, и утвердил благочестие. В Чернигов. А потом послал митрополит Леон во град Чернигов епископа Нифонта. А затем послал во град Ростов епископа Феодора. Во Владимир и другие города. После же этого послал он во град Владимир епископа Стефана и в другие многие города разослал епископов. И стали славить Господа повсюду, и радовались люди, и сияло средь них православие, и возвеличивалось имя Христово, и слово Божие росло и приумножалось.

Глава 52. Начало церкви соборной в Киеве. И еще в четвертый год по крещении благорассудил по воле Божьей блаженный Владимир со отцом своим, преосвященным митрополитом Леоном, с епископами и боярами воздвигнуть из камня великую соборную Десятинную церковь во имя Пречистой владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в славном граде Киеве. И долго молились, чтобы обрести подобающее место, где благоволил бы Бог и Пречистая Богородица таковой Божьей церкви воздвигнутою быть, и повелели много милостыни раздать убогим, — и по Божьей воле нашли место благопотребное, на том месте был дом прежде упомянутого человека Божия варяга и сына его Ивана, где мученическими венцами были они от Бога увенчаны, где в прежние времена освятил Бог тот дом их кровью! И на том месте стали возводить соборную церковь Богоматери. А мастерами были упоминавшиеся прежде искусные умельцы.

Глава 53. Начало Ростовской церкви. И во граде Ростове вера благочестивая тогда стала также возрождаться благодаря приходу святого и праведного страстотерпца боголюбивого князя Бориса Владимировича, там трудолюбиво тогда подвизался прежде упомянутый епископ Феодор, проповедуя слово Божие, и хоть он и много напастей понес от неверных, но все же с помощью Божией и Пречистой Богородицы поставил в Ростове церковь, весьма дивную и прекрасную, из дубовых бревен, во имя Пречистой Богородицы, честного ее Успения, о которой написано было, что до нее не было такой церкви и потом не будет. О чудотворце Леонтии. И простояла дивная та церковь сто шестьдесят пять лет. В правление же благоверного великого князя Андрея Георгиевича Боголюбского с Божьего попущения выгорел град Ростов, и та чудная церковь сгорела. И на том месте начали возводить церковь каменную. И когда стали для нее копать рвы, обрели творящие многие чудеса в целости сохранившиеся со всей одеждой мощи великого святителя Леонтия, что был родом из Царьграда, о ком Божьим ангелом возвещено было патриарху, чтоб освятил он его в епископы граду Ростову, откуда изгнаны были прежние епископы Федор и Иларион людьми неверующими. И пришел святой Леонтий в Ростов, и увидал людей, состарившихся в безверии; и оставил он стариков, а малых детей стал зазывать в церковь, и кормил их вкусной кутьею, и учил их благочестивой вере, и крестил их. Родители же их, взяв различное оружие, ринулись не просто прогонять святого Леонтия, но даже убить его хотели. А святой вышел навстречу им с честным крестом и со всем освященным собором — и неверные ослепли. Святой же Леонтий всех их окрестил, — и все прозрели. И с того времени и до наших дней утвердилась окончательно в Ростове благочестивая вера.

Глава 54. Начало Белгорода и о <первом> в нем епископе. Тогда не только древние города просвещались благочестивой верой, — святой Владимир и на пустых местах много городов создал и воздвиг в них святые церкви, наполнив их благочестием. Тогда он и Белгород

поставил, и возвел в нем церковь Христова Преображения, и полюбил тот город больше других городов, населил его изо всех мест множеством людей, и послал туда епископа Никиту, которого поставил митрополит Леон. <...>

Глава 65. О храбрых мужах. Каким образом преблагой Бог усугубил благородие телесного совершенства <святого князя Владимира> благодатью мужества и разума, таким же образом даровал он ему вельмож мудрых и разумных, чудно благорассудных, многих славных богатырей и удалых храбрецов. Как некогда царь Давыд имел у себя тридцать семь мужей до того отважных, что самый слабый из них мог идти на сто человек, а самый сильный гораздо больше мог, — сражаться и с тысячей, так и сей блаженный Владимир по благодати Божией имел у себя, как и было выше сказано, мужей храбрых, удалых и сильных. Ян. Среди них был названный прежде Ян Кожевенных дел мастер, что убил печенежского исполина, огромного и сильного. Рогдай. Дивен также был на победы и удалой Рогдай, что один мог выходить на бой против трехсот противников. Александр. Им подобно имел храбрость и мужество и Александр, по прозвищу Попович. Малфред. Был таким же и сильный Малфред. Андрих. Равный мужеством был и Андрих Добрейкович, и других много. Храбрость Александра. Был тогда некий половец по имени Володарь, он, дьявольским наущением, забыв многие благодеяния государя своего святого и великого князя Владимира, пришел войной на град Киев со своим братом и множеством половцев, подыскав удобное время для своего злого замысла: ибо великий князь Владимир не был тогда сам в Киеве, а находился в Переяславце на Дунае. И сделалось тогда в Киеве великое смятение; но, однако, ради веры и благих дел блаженного Владимира разорил вскоре Бог неправый замысел безумного Володаря, и не только не успел он причинить городу никакого зла, но и более того — сам погиб и вместе с ним другие. Ибо вышел на них ночью, движимый Богом, названный выше Александр Попович и тотчас победил их; самого же содетеля вражды Володаря сделал он снедью оружия и предал на окончательную погибель, а с ним вместе и брата его поверг и предал смерти и других многих половцев побил, а иных в поле прогнал. И, услышав это, блаженный Владимир-самодержец сильно обрадовался и великое благодарение вознес Богу, на Александра же возложил златую гривну и сделал его вельможей при честном своем дворе. Мужество Александра и Яна. И еще потом Александр Попович и Ян Кожевенных дел мастер, что убил печенежского исполина, два дивных этих воина с Божьей помощью совершили вместе много побед и многих врагов одолевали. Раз множество печенегов они побили и самого князя их Радмана с тремя его сыновьями взяли в плен живыми и привели ко блаженному Владимиру в Киев. И боголюбивый Владимир о всех Божиих благодеяниях радовался сугубо и веселился душою, а вместе с ней и телом, в широте сердца вместе со всеми людьми творил светлое празднование, в молитвах и благодарении, во псалмах и духовных песнях непрестанно хваля и славя Бога и Пречистую Богородицу и всех святых; и много милостыни раздавал он по церквам Божиим, и по

монастырям, и нищим, чтобы всегда подвизались они усердно на молитве пред Богом. <...>

О благоверном и богохранимом великом князе Георгии-Ярославе Владимировиче

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ВЪТОРЫЙ СТЕПЕНЬ И ГРАНЬ 2, В НЕМЖЕ ГЛАВ 8 И ДВА МИТРОПОЛИТЫ, ФЕОПЕНТЪ, ИЛАРИОНЪ

О БЛАГОВѢРНОМЪ И БОГОХРАНИМОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ГЕОРГИИ-ЯРОСЛАВѢ ВЛАДИМЕРИЧИ

Глава 1. Иже Божием благоволением просвещеннаго благочестием святого корени многорасленная вѣтвь и доброплодная и Богу благопотребная сий благовѣрный и богохранимый великий князь Ярослав, нареченный во святом крещении Георгий, якоже толкуется сие имя — «Божие дѣло».[1] Во истини убо Божие дѣло есть сий богоподражателный сынъ же и наслѣдник равноапостолнаго царя и великого князя Владимера, от негоже вся Русская земля прият святое крещение, от негоже бысть сий Георгий вторый степен благочестию; четвертый же во братии своей, иже от Рогнѣды родися, от Рюрика же 5. О немже речено есть в Первой степени, во главѣ 69 и въ 73, како одолѣв окаяннаго братоубийцу Свѣтополка,[2] и тако благоволением Божиим бысть же един самодержствуя и добре правяй скипетро всего Рускаго царствия. Аще же и хромоног бяше, но благоразумным велемудрием преудобрен, во бранех же храбор и мужествен бѣ, наипаче же Божий страх имѣя, от благаго же произволения и отческимъ богомудростленым стопам правовѣрно послѣдуя, и вся православныя дохматы по Бозѣ трудолюбно утверждая, и вся християнския законы непревратно исправляя, и прочая благочестивыя уставы не умаляя, ни превращая, но паче сугубо наполняя и недокончанная навершая, якоже Соломон,[3] Давыдъ, на святость и на украшение Богом дарованныя им державы.

Якоже древле возлюби Богъ и благослови и умножи сѣмя праведнаго Авраама,[4] тако и здѣ в новой благодати в Рустей земли возлюби Богъ и благослови и умножи новаго Израиля, сѣмя праведнаго Василия, рекомаго Владимера, иже и до нынѣ вси тщахуся угодная Богу сотворити. Якоже сий богомудрый Георгий-Ярослав сам тщашеся угодная Богу сотворити и вся благолѣпотныя чиновы християнскаго исполнения и церковнаго свѣтлоукрашения и святых апостолъ и святых отецъ предания удобрити и уяснити, такоже и во всей области царствия своего вся люди во благочестие управляя, и многи святыя церкви поставляя, и честныя монастыри устраяя.[5] И таковым подвигом его вѣра християнская в Руси сугубо распростирашеся и утвержашеся совершенным благочестием, и черноризцы умножахуся. Сам же вседушно любяще церковныя уставы и презвитеры по велику чтяше и Божественыя книги прилѣжно сам почиташе.

Глава 2. О снискании святых книгъ. И многи книгописатели собра, и прелагаше от греческих книг на руский язык, и многи книги сниска,[6] имиже поучахуся вѣрнии людие, наслажающеся Божественаго учения. Якоже нѣкто добръ земледѣлец землю взора и учреди, а другий насѣет ю, а инии пожинают и ядят пщу нескудну, татсо и сий благочестивый Руския земли скипетродержател, великий князь Ярослав, на воздѣланной нивѣ человѣчестей отца его святым крещением, он же насѣяв книжными словесы, еже мы, людие его, и до нынѣ пожинаем и пищи бесмертнаго живота насыщаемся от книжнаго учения. Велика бо есть полза от святых книг, имиже наказуеми и учими есть пути покаянию и удержанию от неподобных дѣл и словес, в нихже и мудрость к Богу обрѣтаем. Книжная бо словеса реки сут, напаяющи вселенную, книги об неисчетная премудрости глубина, и сии суть исходящем мости, сими бо в печали утѣшаеми есмы, сии сут уста воздержанию. И что болши тоя премудрости? Якоже и Соломонъ похваляя глаголаше, яко от лица Господня: «Азъ, премудрость, вселих совѣт и разум, и смыслъ аз призвах. Мой страх, мои совѣти, моя мудрость, мое утвержение, моя крѣпость. Мною царие царствуют, а сильнии пишут правду; мною велможи величаются и судия держат землю. Аз мене любящая люблю, и ищущии мене обрящутъ благодать».[7] Аще кто прилѣжно взыщет премудрости, той велику ползу души своей обрящет. Иже бо святыя книги почитает, той з Богом бесѣдует, а иже кто почитает пророческия бесѣды, и евангельския животныя глаголы, и апостольская проповѣдания, и отеческая учения, и жития святых, сей приемлет сугубо ползу души своей.

Христолюбивый же Ярослав зелным тщанием многи книги написав, и положи в церькви Святѣй Софии, юже сам созда и украси[8] златом и сребром и сосуды церковными; и иныя церкви воздвизая по градом и по многимъ мѣстом, и почитая священники, и доволствуя их оброки от имѣния своего, и веля им учити и наставляти люди закону Божию, яко тѣмъ дати отвѣт о душах их. И тако священницы понужаху люди приходити ко святым церквам и учаху их благочестию. И благодатию

Христовою умножахуся число священникъ, и людие безчислении Христову закону радостно послѣдоваху. Диявол же сѣтоваше, побежаем новопросвѣщенными людми.

Глава 3. О побѣдах на сопротивныя и о поставлении града Юрьева Ливонского.[9] Сия же видѣв благовѣрный самодержецъ Ярослав радовашеся и велие благодарение воздаваше Богу. И елико же ему вѣра в сердцы цветяше, и отеческое благочестие во основание трудолюбно назидая и божественными добродѣтелми совершая, потолику преблагий Богъ сугубо тому и державу царствия умножи и многи окружныя страны поработи ему. Покаряющаяся ему мирно устрояше, а враждующих ему оружием к себѣ прикланяше. Печенѣги же устремившаяся бранию на отечество его, и сих Божиею помощию преславно победи.[10] И сам *хождаше* на супротивныя ему страны, и Ясы[11] взят, такоже и Бѣлзы,[12] взят, и литву одолѣ, и мазовшаны;[13] такоже Юрьевъ немецкой и чюдь победи, иже в предѣлех преславнаго града Пскова, и тамо же и град постави Юрьевъ по имени своему.

Глава 4. Книжное учение в Новѣгороде отрочатомъ.[14] Прииде же в Великий Новград и ту поручи господьствовати сыну своему Владимеру. И собра Ярослав от старѣйшин новоградских и от презвитеро дѣтей 300 и повелѣ их учити грамоте.

Сынъ же его Владимер и ко Царюграду ходи ратию, отцем послан. В Великом же Новѣграде той же Владимер в лѣто 6555 воздвиже храм велик и пречестен Святыя София,[15] иже есть Божия Слова Премудрости. По сем же и преименитый град Киев совершен бысть, егоже сий великий князь Ярослав болший перваго заложы. Вкупѣ же и церковь Святая София и Златая Врата в лѣто 6545 совершишася.[16] По лѣте же едином и церковь Святыя Богородица, иже в Киевѣ, Феопентомъ митрополитом освящена бысть,[17] юже святый Владимер, отецъ Ярославль, велику созда.

По Феопенъте же митрополите (4 митрополит) совѣтом самодержца Ярослава епископи рустии, сшедшеся и рассудивше по священным правилом божественых апостолъ и святых отецъ, поставиша на Рускую митрополию святителя мужа именем Илариона[18] (5 митрополит), иже ископа себе пещеру, в нейже последи его вселися преподобный Антоний Печерский, о немже доволно есть в Житии его, прочее же в Патерице Печерскомъ.[19]

Глава 5. Всякоя святыни исполнение.[20] И тако многотрудным их к Богу преспеянием идолский мрак от нас до конца отгнася, и заря благовѣрия просвети нас. Тма бѣсовскаго служения от нас истребися и погибе, и солнце евангельское землю нашу осия. Капища раздрушишася, и святыя церкви водрузишася. Идоли сокрушишася, и святым иконам поклонение утвержашеся. Бѣси отбѣгаху, и крестный образ грады и мѣста освящаше. Пастырие словесным Христовым овцам умножахуся; святителей чинове, архиепископи и епископи и презвитери и диякони бескровную жертву к Богу возношаху и святыя церкви и весь клирос, благолѣпием одевающе, украшаху. Апостолская труба и евангельский гром вся наша грады огласи, и повсюду благовонный фимиян, к Богу воспущаем, воздух освяти. И многи манастыреве по горам и по удолиям и на островех морских сташа, и повсюду вси людие, мужие и жены, малии и велицыи, исполняху святыя церкви и, воспрославляюще, глаголаху: «Един святъ, един Господь Исусъ Христос во славу Богу Отцу, аминь![21] Христос победи, Христос одолѣ, Христос воцарися и прославися со Отцем и со Святым Духом, иже вездѣ сый и вся исполняя[22] и от небытия в бытие вся приведый!»

Не токмо же единеми благоволи Богъ в Руси славитися имени его святому, но и богогласным пѣнием хотя украсити церковное исполнение.

Глава 6. Богогласное пѣние от грек. Вѣры же ради христолюбиваго Ярослава приидоша к нему от Царяграда богоподвизаемии трие пѣвцы гречестии с роды своими, от нихже начат быти в Рустей земли анггелоподобное пѣние, изрядное осмогласие, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое прекрасное демественое пѣние[23] в похвалу и в славу Богу и Пречистой его Матери и всѣм святым, в церковное сладкодушное утѣшение и украшение, на ползу слышащим, во умиление душевное и во умягчение сердечное к Богу.

Глава 7. Преставление великаго князя Ярослава. Богомудрый же Ярослав сице вседушно подвизася о утвержении православия, якоже и святый отецъ его Владимер, и тако богоугодно поживе и старости маститыи достиже; и болѣзновати нача, и разряди грады державы своея во обладание сыновом своим. 6 сынов. Емуже бяху сынов 6:[24] Всеволод, Изяслав, Свѣтослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав. И наказа их в любви пребывати и Божий страх имѣти и отечество державства в мире и во благочестии исправляти.

И пришед в Вышеград и велми изнемогаше. Сыну же его Изяславу тогда сущу в Киевѣ, а прочии сынове его во своих предѣлех тогда бяху

державствующе. Един же от сынов его, Всеволод, бысть у него: бѣ бо любим отцем паче всея братия, егоже всегда имяше у себе.

Благочестивый же самодержец Ярослав поживе всѣх лѣт 76; егда же приспѣ конец жития его, и со многим благодарением святую свою и боголюбивую душу предасть Господеви, в лѣто 6562 мѣсяца февраля 24 день[25] в первую суботу поста святыя великия Четверодесятницы. Въ Цари же граде тогда царствуя Михаил Пафлегоненин.[26] Боголюбивый же отчелюбец Всеволод много плакася и, спрятав честное тѣло приснопамятнаго и святопочившаго отца своего, егоже возложше на сани[27] и повезоша в Киев. И плакаху по нем вси людие; и принесше вложиша его в раку мраморяну. Священный же лик, отпѣвше над ним, якоже обычай обдержит, и погребоша его честно в церкви Святыя Софии. (...)

---

[1] *...якоже толкуется... «Божие дѣло».* — Значение имени Георгий в переводе с греческого — земледелец.

[2] *...како одолѣв окаяннаго братоубийцу Свѣтополка...* — В Повести временных лет сообщается, что в борьбу с убившим своих братьев Бориса, Глеба и Святослава киевским князем Святополком вступил еще один сын Владимира — княживший в Новгороде Ярослав. Он нанес поражение Святополку, убил его и утвердился на Киевском столе в 1019 г.

[3] *...якоже Соломон...* — Соломон (библ.) — царь Израиля и Иудеи, сын Давида. Увеличил территорию царства, возвел дворец, храм, был известен своей мудростью.

[4] *Авраам* (библ.) — старший из израильских патриархов, которому дано было обетование от Бога о том, что его потомство будет умножено «как звезды небесные», «как песок на берегу моря» (см.: Быт. 22, 17).

[5] *...и честныя монастыри устраяя.* — Повесть временных лет сообщает об основании Ярославом в Киеве Георгиевского мужского и Ирининского женского монастырей. Других сведений о них нет. Возможно, это были своеобразные монашеские слободки при приходских храмах.

[6] *И многи книгописатели собра, и прелагаше от греческих книг на руский язык, и многи книги списка...* — Наука открывает все больше переводов, сделанных с греческого на русский язык русскими переводчиками в XI — начале XII в. (Хроника Георгия Амартола,

Хроника Иоанна Синкела, прекрасный перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повесть об Акире Премудром», «Повесть о Варлааме и Иоасафе», несколько житий и др.). Возможно, переводчиками стали те из детей «нарочитой чади», которых обучали при Владимире.

[7] *«Азъ, премудрость... обрящутъ благодать».* — Ср. Притч. 8, 12—17.

[8] *...Ярослав... многи книги написав, и положи в церькви Святѣй Софии, юже сам созда и украси...* — Повесть временных лет утверждает, что Ярослав Мудрый заложил Софийский собор в 1037 г. Он назван и основателем первой на Руси библиотеки.

[9] *...Юрьева Ливонского.* — Юрьев Ливонский (Немецкий) — Юрьев—Дерпт—Тарту (Эстония) — город, основанный в 1030 г. и названный в честь христианского покровителя Ярослава — св. Георгия (Юрия).

[10] *Печенѣги... победи.* — О победе над печенегами смотри Повесть временных лет под 1036 г.: наст. изд., т. 1.

[11] *Ясы* — осетины, жили в степях и предгорьях Кавказа.

[12] *...Бѣлзы...* — Город Белз в Галицко-Волынской области, на р. Сороке, притоке Западного Буга.

[13] *...мазовшаны...* — Западнославянское племя, проживавшее к востоку от Одера. Видимо, в 1040-е гг. Ярослав ходил на них несколько раз, помогая мужу сестры — польскому королю Казимиру.

[14] *Книжное учение в Новѣгороде отрочатомъ.* — Это сообщение попало в поздние летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду, включая Никоновскую летопись. Так могли готовить будущих священников.

[15] *В Великом же Новѣграде той же Владимер... воздвиже храм... Святыя София...* — Владимир — сын Ярослава, новгородский князь (1036—1052). О закладке Софии Новгородской летописи сообщают под 1045 г.

[16] *Вкупѣ же и церковь Святая София и Златая Врата... совершишася.* — Архитектурным образцом при застройке Киева XI в. являлся Константинополь. Киевские Софийский собор и Золотые ворота повторяют соответствующие архитектурные доминанты Константинополя.

[17] *...и церковь Святыя Богородица, иже в Киевѣ, Феопентомъ митрополитом освящена бысть...* — Ошибочные сведения, попавшие в Степенную книгу вслед за Повестью временных лет. Церковь Богородицы (Десятинная) была освящена на 50 лет раньше. *Феопент* — первый из назначенных Константинополем на Русь митрополитов, упоминаемый в летописях. В реальности его существования большинство историков не сомневается.

[18] *...поставиша на Рускую митрополию... Илариона...* — Иларион — киевский митрополит, оратор и писатель. Русский по происхождению, он был поставлен на пост главы русской церкви в 1051 г. собором епископов в нарушение прерогативы константинопольского патриарха. Написанное им «Слово о законе и благодати» см. в наст. изд., т. 1.

[19] *...Антоний Печерский, о немже доволно есть в Житии его, прочее же в Патерице Печерскомъ. — Антоний Печерский* — монах, постригшийся на Афоне. Вернувшись на Русь, поселился в пещере на берегу Днепра. Затем в той же пещере поселились Никон Великий и Феодосий Печерский, и было положено начало Киево-Печерскому монастырю. Житие Антония Печерского было написано не позднее 90-х гг. XI в. Киево-Печерский патерик — сборник произведений об истории Киево-Печерского монастыря и его подвижниках — начал формироваться в первой трети XIII в. (его публикацию см. в наст. изд., т. 4).

[20] *Всякоя святыни исполнение.* — Эта глава от начала до самого почти конца (до слов «Христос победи, Христос одолѣ, Христос воцарися и прославися» включительно) прямо восходит к тексту Слова о законе и благодати киевского митрополита Илариона (см. наст. изд., т. 1).

[21] *«Един святъ, един Господь... аминь»* — См.: Литургия св. Иоанна Златоуста.

[22] *...ижевездѣ сый и вся исполняя...* — фрагмент молитвы Святому Духу «Царю небесный».

[23] *...приидоша... трие пѣвцы гречестии сроды своими, от нихже начат быти... изрядное осмогласие... демественое пѣние...* — Содержащиеся здесь данные о введении церковного пения — позднего происхождения, они приведены по аналогии с летописным рассказом о ярославовых писцах и книжниках, а также о приходе иконописцев из Византии. Демественное пение, которое Степенная книга относит к XI в., в действительности возникло лишь в начале XVI в.

[24] *Емуже бяху сынов 6...* — Перечислены сыновья Ярослава, оставшиеся в живых к концу жизни отца, причем Всеволод упомянут дважды. Сведения взяты из Повести временных лет.

[25] *...в лѣто 6562 мѣсяца февраля 24 день...* — Многие летописи называют днем смерти Ярослава 20 февраля. По поводу точной даты смерти Ярослава среди историков существуют различные мнения.

[26] *...Михаил Пафлегоненин.* — Михаил IV Пафлагонянин — византийский император (1034—1041).

[27] *...возложше на сани...* — Перевезение покойного на санях, независимо от времени года, было частью русского погребального обряда.

ПЕРЕВОД

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ И ГРАНЬ 2-Я, В КОТОРОЙ 8 ГЛАВ И ДВА МИТРОПОЛИТА, ФЕОПЕМТ И ИЛАРИОН

О БЛАГОВЕРНОМ И БОГОХРАНИМОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ГЕОРГИИ-ЯРОСЛАВЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ

Глава 1. Сей благоверный и богохранимый князь великий Ярослав, нареченный во святом крещении именем Георгий, что толкуется как «Божье дело», — пышная, полная добрых плодов и благопотребная Богу ветвь от просвещенного по Божьей воле благочестивого святого корня. Воистину Божье дело — сей Богу подражавший сын и наследник равноапостольного царя и великого князя Владимира, от которого вся Русская земля приняла святое крещение, от которого сей Георгий стал второй ступенью благочестия; четвертый средь своих братьев, родился он от Рогнеды, от Рюрика же пятый. О нем же сказано в Первой ступени, в главах 69-й и в 73-й, как, победив окаянного братоубийцу Святополка, стал он по Божьей воле один самодержавно править и хорошо держал скипетр всего Русского царства. Был он хотя и хром, но преисполнен благого разума и великой мудрости, в сраженьях был храбр и мужествен, а самое главное — Божий страх имел и по доброй воле правоверно следовал по богомудрым отцовским стопам, и все православные догматы о Боге утверждал в трудах с любовью, и все христианские законы без искажения содержал, и все прочие благочестивые уставы не умалял и не изменял, но больше того — усугублял их полноту и до конца доводил неоконченное, как Соломон и Давыд, для святости и украшения Богом дарованной им державы.

Как возлюбил древле Бог и благословил и умножил потомство праведного Авраама, так и здесь в новой благодати на Русской земле возлюбил Бог и благословил и умножил новый Израиль, потомство праведного Василия, звавшегося Владимиром, всех тех, кто <с тех пор> и до нынешних времен старался творить угодное Богу. И подобно тому как сам сей Богом умудренный Георгий-Ярослав старался творить угодное Богу и все благолепные чинопоследования христианские и светлые церковные украшения и святых апостолов и святых отцов предания украсить и уяснить, так же приводил он к благочестию и всех людей во всех пределах своего царства, и поставил много святых церквей, и честные монастыри устроил. И таковым его подвижничеством христианская вера на Руси распространялась и усугублялась и укреплялась в совершенном благочестии, и умножалось <число> чернецов. Сам же он всей душою любил церковные уставы и глубоко почитал пресвитеров и с прилежанием сам читал Божественные книги.

Глава 2. О собирании святых книг. И собрал <Ярослав> многих книгописцев, и перелагал с книг греческих на русский язык, и собрал много книг, коими верные люди поучались, наслаждаясь Божественным учением. Наподобие того как один хороший земледелец землю вспашет и подготовит, а второй ее засеет, другие же пожинают и едят обильную пищу, так и сей благочестивый Русской земли скипетродержатель, великий князь Ярослав, на возделанной святым крещением отца своего людской ниве засеял книжные словеса, и мы, люди его, и доныне это пожинаем и пищей бессмертной жизни от учения книжного насыщаемся. Ибо велика польза от святых книг, тех, что заставляют и учат нас <идти> путем покаяния и удерживаться от неподобающих дел и слов, — от книг, в коих мы Божескую мудрость обретаем. Ибо книжные словеса — суть реки, напояющие вселенную, книги — это неизмеримая глубина премудрости, они — мощеная дорога для отправляющихся в путь, ими мы утешаемся в печали, они — уста воздержанию. И что больше этой премудрости? Ибо и Соломон возносил <ей> хвалу, говоря, словно от лица Господня: «Я, премудрость, обитаю с советом и разумом и ищу рассудительного смысла. У меня страх <Божий>, у меня совет, у меня мудрость, у меня сила, у меня крепость. Мною цари царствуют и повелители узаконивают правду; мною вельможи величаются и судьи правят землею. Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут благодать». Кто со тщанием взыщет премудрости, тот великую пользу душе своей обрящет. Ибо тот, кто читает святые книги, с Богом беседует, а кто читает пророческие речи, и евангельские глаголы жизни, и апостольские провозвещения, и отеческие поучения, и жития святых, тот сугубую пользу душе своей приемлет.

Христолюбивый же Ярослав, с великим тщанием написав многие книги, положил их в церкви Святой Софии, которую сам построил и украсил золотом и серебром и церковными сосудами; и другие церкви воздвиг он по городам и по многим местам, и почитал священников, и обеспечивал их оброком от своих владений, и заставлял их наставлять и учить людей закону Божию, ибо предстоит тем давать ответ об их душах. И так священники понуждали людей приходить ко святым церквам и учили их благочестивой вере. И по благодати Христовой умножалось число священников, и бесчисленное число людей радостно следовало Христову закону. А дьявол сетовал, побеждаемый новопросвещенными людьми.

Глава 3. О победах над врагами и о построении града Юрьева Ливонского. Видя это, радовался благоверный самодержец Ярослав и возносил великое благодарение Богу. И, поскольку цвела в его сердце вера и полагал он с любовью и трудом в основание ее отцовское благочестие, довершая их божественными добродетелями, за это преблагой Бог умножил вдвое ему владения его царства и подчинил ему многие окрестные земли. Покорявшихся ему он обустраивал с миром, а враждовавших с ним склонял к себе оружием. Устремившихся с войной

на отечество его печенегов он с Божьей помощью славно победил. И сам ходил на враждебные ему земли, и взял Ясов, и Белз тоже взял, и одолел литовцев и мазовшан; победил также и Юрьев немецкий и чудь, что в пределах преславного града Пскова, там же и город Юрьев поставил, <назвав его> по своему имени.

Глава 4. Ученье отроков книжной грамоте в Новгороде. И пришел он в Великий Новгород и поручил здесь править сыну своему Владимиру. И собрал Ярослав у старейшин новгородских и пресвитеров триста человек детей и приказал учить их грамоте.

А сын его Владимир и к Царьграду ходил с войском, посланный отцом. В Великом Новгороде этот же Владимир воздвиг в 6555 (1047) году великий и честной храм Святой Софии, что есть Слова Божьего Премудрость. Затем и знаменитая крепостная киевская стена была возведена, та, которую сей великий князь Ярослав больше первой заложил. Вместе с тем и церковь Святой Софии и Золотые Ворота в 6545 (1037) году были построены. А через один год и великая киевская церковь Святой Богородицы освящена была митрополитом Феопентом, та, которую воздвиг святой Владимир, отец Ярослава.

После же митрополита Феопента (4-й митрополит) по совету самодержца Ярослава русские епископы, собравшись и рассудив по священным правилам божественных апостолов и святых отцов, поставили на Русскую митрополию святителем мужа именем Иларион (5-й митрополит), что выкопал себе пещеру, ту, в которой поселился после него преподобный Антоний Печерский, о котором довольно есть в Житии его, а остальное в Патерике Печерском.

Глава 5. Всяческой святости совершение. И так через многотрудное их тщание перед Богом мрак идолослужения был окончательно от нас изгнан, и просветила нас заря благой веры. Тьма бесовского идолослужения истреблена была у нас и исчезла, и евангельское солнце осветило нашу землю. Капища разрушились, а святые церкви воздвиглись. Идолы сокрушились, а поклонение святым иконам утвердилось. Бесы разбегались, и изображение креста освящало города и земли. Число пастырей словесных овец Христовых умножалось, святительские чины, архиепископы, епископы, пресвитеры и дьяконы бескровную жертву Богу возносили и украшали святые церкви и весь клир, одевая их в благолепие. Апостольская труба и евангельский гром огласили все наши города, и благовонный фимиам, воскуряемый повсюду Богу, освятил воздух. И много монастырей в долинах, и на горах, и на островах морских встало, и повсюду народ весь, мужи и жены, малые и великие, наполняли святые церкви и, вознося славу,

говорили: «Един свят, един Господь Исус Христос, в славу Богу Отцу, аминь! Христос победил, Христос одолел, Христос воцарился и прославился со Отцом и Святым Духом, тем, который везде есть, и все наполняет, и из небытия в бытие все приводит!»

И не одними только <молитвами> соблаговолил Бог, чтобы прославлялось на Руси имя его святое, но и пением богогласным захотел он украсить церковную полноту.

Глава 6. Богогласное пение от греков. Веры ради христолюбивого Ярослава пришли к нему из Царьграда Богом направляемые три греческих певца с родичами своими, от кого и пошло в Русской земле ангелоподобное пение, прекрасное осьмогласие, да еще и трисоставное сладкозвучие и само прекрасное демественное пение на хвалу и славу Богу и Пречистой Его Матери и всем святым, для сладкой душевной утехи и украшения церковного, для умиления души и для умягчения обращенного к Богу сердца.

Глава 7. Преставление великого князя Ярослава. И богомудрый Ярослав, всей душою так подвизаясь ради укрепления православия, как и святой отец его Владимир, богоугодно прожил так свою жизнь и достиг маститой старости; и стал болеть, и разделил города своей державы во владенье сыновьям своим. Шесть сыновей. А было у него сыновей шестеро: Всеволод, Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав. И наказал он им пребывать в любви и иметь страх Божий и содержать отеческую державу в мире и благочестии.

И, придя в Вышгород, стал он сильно изнемогать. Сын его Изяслав был тогда в Киеве, а другие его сыновья тогда в своих владениях державствовали. Один же из сыновей его, Всеволод, был у него: ибо любил его отец больше всех братьев и всегда держал его около себя.

И прожил благочестивый самодержец Ярослав всех лет 76; и когда подоспела кончина жития его, предал он со многим благодарением святую и боголюбивую свою душу Господу, в год 6562 (1054), месяца февраля в 24-й день, в первую субботу поста святой великой Четыредесятницы. В Царьграде царствовал тогда Михаил Пафлагонит. И боголюбивый и отцелюбивый Всеволод, много плача, опрятал честное тело свято почившего приснопамятного отца своего, и, положив на сани, повезли его в Киев. И плакали по нем все люди; и, принеся <в Киев>, положили его в мраморную раку. Священнический собор отпел

над ним, как положено по обычаю, и погребли его честно в церкви Святой Софии. <...>

Житие... преподобной Евфросинии, игумении Спаса-Вседержителя в граде Полоцке

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ПЯТЫЙ СТЕПЕНЬ, И ДВА МИТРОПОЛИТЫ, КЛИМЕНТЪ, КОСТЯНТИН, И ГРАН 5 <...>

ГЛАВА 11. МѢСЯЦА МАЯ 24. ЖИТИЕ И ПОДВИГЪ БЛАЖЕННЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ ЕУФРОСИНИИ,[1] ИГУМЕНИИ ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ СПАСА И ПРЕЧИСТЫЯ ЕГО МАТЕРЕ, ЕЖЕ ЕСТЬ ВЪ ПОЛОТСКѢ ГРАДѢ

Благослови, отче!

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ,[2] Богъ Яковль,[3] — нѣсть Богъ мертвых, но живых! Праведнии бо и по смерти живи суть, якоже Соломон в Притчах глаголет, «праведницы в вѣки живут»[4] и от Господа мзда им и строение ихъ от Вышняго. Сего ради приимут вѣнец из руки Господня, якоже бысть, еже напредпоидущее скажем. И о сих же сице скажем: «Снидетеся, сущии в пустынях и в горах житие англельское имуще, старии немощь отложше, а унии, яко елени скачюще, вси снидѣтеся! И хощу бо вы представити трапезу от брашен сих, да ядяще возвеселитеся душами вашими. Се бо есть трапеза нетлѣющих брашен; ибо тлѣющее брашно гортань услажает и чрево насыщает, а си душа веселящи и ум укрѣпляющи на подвиги добрых дѣл. Се бо яди, братия, аще кто насытится, не вжадает паки, якоже речено есть в Писании: „Не заморит Господь гладомъ душа праведных"».[5]

Мы же на предлежащая возвратимся, о немже писахом повѣсть сию. Вы же, блазии, послушайте, князи, и боляре, и церковницы. И вы, честнии

собори святых, сущих в монастырех, и простии людие, снидетеся на ново се слышание, и послушайте прилѣжно, отверзше *ушеса* своя и умягчивше нивы сердецъ наших, и приимете многоспасенаго жития, и послушайте жены сея преподобныя святыя подвиги и труды и любовь, яже к Богу. Предпоидуще скажемъ, како ся роди, или от ких родителей, или како ся воспита, и како возрасте, в кою ли мѣру потече во слѣд жениха своего Христа. Но инде скажем о сих по ряду. Сице есть.

Бысть князь в Полоцку именем Всеслав, сынъ Брячиславов, внук Изяславов, правнук блаженнаго и равноапостолнаго Владимера.[6] Той же Всеслав имяше сыны многи. И бѣяше у него сынъ менший именем Георгий,[7] от негоже родися сии блаженная отроковица.

Родители же ея возрадовастася о рожествѣ ея со всѣм домомъ своим и во днех тѣх повелѣста крестити ю во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И питома бѣяше доилицею матере своея, день от дне растяше отроковица. Тѣло млекомъ питѣемо растяше, а душа Святаго Духа наполняшеся. Случи же ся дѣвицы сей ученнѣ быти книжному писанию, еще не достигши ей въ совершенъ возрастъ телеснаго естества, иже молитвы плод. И толма бысть любящи учение, якоже чюдитися отцу ея о толицей любви учению ея. Вѣсти же разшедшися по всѣм градом о мудрости ея и о блазем учении ея и о телесней доброте ея, бяше бо лѣпа лицем.

Красота же ея многия и славныя князя на любов приведе ко отцу ея, якоже пояти ю невѣсту сыну своему, и всѣм часто присылающимся ко отцу ея. Отецъ же ея отвѣщаваше: «Воля Господня да будет». Един же преодолѣваше славным своим княжением и богатством, прислав ко отцу ея, и испроси дщерь его за сынъ свой. И пришедши ей возраст, и бысть 12 лѣт; и видѣ отецъ ея и нача глаголати княгини своей: «Нам уже лѣпо дати за Предслава[8] князя». Она же глагола ему: «Да како Богъ хощет и твоя воля, княже, тако и будет».

Тогда слышавши Предслава, — тако бо бяше ей нареченно имя родителема своима преже святаго крещения, — размышляя же в себѣ глаголющи; паче же, реку, от Святаго Духа наполняшеся мысли ея. И рече в себѣ: «Како се будет, еже отецъ мыслит причтати мя браку мужеви; но аще такова будет, то печали мира сего гонзнути никакоже лзѣ». Паки рече в себѣ: «Но что успѣша преже нас бывшеи родове наши? И женишася, и посагаша, и княжиша, но — не вѣчно. Житие их мимо тече, и слава их погибе, яко прах и хуждьше паучины. А иже прежнии жены, вземше мужскую крѣпость поидоша во слѣд жениха своего Христа, предаша телеса своя на раны и главы своя мечеви предаша, а другия паче желѣзу выя своя не преклониша, но духовным

мечемъ отсѣкоша от себе плотския сласти, предаша телеса своя на постъ и на колѣнное поклоняние, то тии сут памятнии на земли и имена их написана на небесех, и тамо со аггелы беспрестани славят Бога. А сия слава есть прах и пепелъ и яко дым расходится».

И тако ей размышляющи в сердцы своем, и ум ся болма на Божию любов подвизашеся. И се едино положися в сердцы ея таково помышление, — рече в себѣ: «Не си ли бы луче сего жития сего было, да бых ея постригла в черницы и была бых повинующеся игумении и сестрам и учашеся, како страх Божий утвердити в сердцы своем и како течение свершити». Се на умѣ положше, и иде в монастырь, утаившися отца своего, и матере, и всѣх домочадец.

В та же лѣта бѣяше княгиня Романова черница.[9] И прииде к ней, просящи прияти анггельскаго образа и причьтатися ту сущим черницам и быти под игом Христовым. И видѣвши она блаженная жена уность ея и возрастъ цвѣтущий оней, и не хотящи пострищи ю, и смятесе и наче тѣлом утерпати и сердцемъ ужасатися, и лице на землю преклонши, на долгъ час ничющи; восклоншися, и возрѣ на юность ея, и воздохнув, и прослезися, глагола ей: «Чадо мое, како се могу сотворити? Отецъ твой, увѣдѣв, со всяким гнѣвомъ возложит вред на главу мою. И еще же еси млада возрастом, не можеши тяготы понести мнишескаго жития. И како можеши оставити княжение и славу мира сего?»

Отвѣщавши же блаженная отроковица: «Ей, госпоже и мати, вся мира сего видимая красна суть и славна, но вскоре минуется, яко сон мимо идет или цвѣт увѣдает; вѣчная же — невидима, но в вѣки пребывает, якоже Писание глаголет: „Око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взыде, иже уготова Богъ любящимъ его".[10] Или отца моего ради не хощеши мене острищи? Не бойся, госпожа моя, и убойся Господа, владѣющаго всею тварию. И не отлучи мене аггельскаго чина».

Она же блаженная княгини, удивившися разуму отроковица и любви, яже к Богу, повелѣ воли ея быти. И огласивъ ю иереие, остриже ю и нарече имя ей Евфросиния и облече ю в ризы черныя. Благослови ю игумения благословением святых отецъ и рече ей: «Буди, чадо, послѣдствующи преже тебѣ бывших жен, рекше Февронии и Евфроксии,[11] и инѣх множество, яже Христа ради пострадаша, — и Господь Богъ дастъ ти побѣду и силу на супротивника нашего диявола». И тако ей рекши, отпусти ю в келию свою.

И увѣдев отецъ ея, скоро шед в монастырь, жалосно терзаше власы главы своея и любезно целоваше ю, глаголя: «Горе мнѣ, чадо мое! Почто ми, чадо мое, сице сотворила еси, печал души моей принесе? Почто ми преже сего мысли своея не явила еси? Люте мнѣ, чадо мое сладкое, жалости сердца моего! О, горе мнѣ, чадо мое милое! Како гонзнет доброта твоя вражия пронырства? Уже достоит ми плакатися оструплененою душею ко Господу Богу моему, да внидеши в чертог царствия его».

Жалость же бысть всѣмъ в дому его о ней. Преподобная же Еуфросиния сего всего небрежаше, жалостно плачюща отца своего, но, яко доблий храбор вооружившися на супротивника своего диявола, пребываше в монастыри,[12] повинующеся игумении и сестрам и вся преспевающи постом и молитвами и бдѣнии нощными и оттоле паче подвижнѣйше быти, собирающи мысли благи в сердцы своем, яко пчела сот.

И пребывши в монастыри нѣколико время, и потом испроси у епископа ту сущаго, нарицаемаго Илии,[13] правящего престол Святыя Софии Полотску,[14] дабы ей повелѣлъ ту пребывати в церкви Святыя Софии каменыя в голубцы.[15] И повелѣ ей, да пребывает. И ту вшедши, начат подвижнейший подвиг постнический восприимати, начат книги писати своима рукама, наем емлющи, требующим даяше,[16] пребывши ту нѣколико время.

Во едину убо нощ возлеже, хотя опочити от многаго труда, иже к Богу в молитвах, и видѣ видѣние: поем ю анггелъ и виде ю, идѣже бѣ церквица Святаго Спаса, метохия Святые Софии, яже зовется Селцо[17] от людей. И ту показа ей анггелъ Господень и глагола: «Еуфросинии, ту ти подобает быти». Она же убудившися и дивляшеся в себе глаголющи: «Что ми се хощет быти?» И тое же нощи то же видѣ дважды и 3-жды. И убудившися от сна и страхом славословящи Бога и глаголющи: «Слава тебѣ, Боже наш! Слава тебѣ, сподобивый мя во днешний день видѣти лице анггельское святое!» И по том нача глаголати: «Готово сердце мое, Боже, готово!»[18] И паки: «К тебѣ привергохся от утробы матери моея, Богъ мой еси ты,[19] како восхотѣ, тако и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей».

И кончавши ей утреняя, и явися епископу Илии тожде анггелъ, глаголя: «Введи рабу Божию Еуфросинию в церковь Святому Спасу в нарекомо Селцо. Мѣсто бо то свято есть, яко достойно есть Царствию Небесному. Яко миро добровонно молитва ея восходит к Богу; яко вѣнец на главѣ цареве, тако почивает Духъ Святый на ней; яко солнце сияет по всей земли, и тако житие ея просияет пред анггелы Божии». Сей воста вскоре епископъ со страхом и трепетом и прииде к ней.

Еуфросиния же, видѣвши его, срѣте, поклонися ему и рече: «Благослови, владыко святый!» Он же глагола ей: «Богъ да благословит тя, чадо, и даст ти терпѣние и силу на вся враги, видимыя и невидимыя». Она же рече: «Аминь. Буди мнѣ по глаголу твоему, владыко святый». И сѣдоста. Блаженный же епископъ отверзъ уста своя, начат глаголати о спасении души. Блаженная же Евфросиния приимаше словеса его, яко сѣмена, в житницу души своей, плодящи ово 30, ово 60, ово 100.

Много же побесѣдоваста с нею, и се прорече ей: «Дщи, хощу пререщи ти слово, ты же с любовию приими». Она же рече: «Отче господине, рада прииму слово твое, яко дар многоцѣнен». И глагола ей епископъ: «Вѣдаеши, чадо, се церковь есть соборная, идѣже сѣдиши. Ту вси людие собираются, а тебѣ не лѣпо здѣ пребывати. Есть церквица Святаго Спаса в Селцы, идѣже братия наша лежа, преже нас бывшии епископи. Негли Богъ поспѣшит ти молитвами их и твоим трудом, и возградится мѣсто велико».

Еуфросиния же, слышавши от епископа, яко тако ей изглагола, и возрадовася душею и возвеселися сердцемъ, явлению аггелову вѣру приимше, еже видѣ и слыша от него, и глагола епископу: «Богъ да поспѣшит ми, отче, молитвами твоими святыми».

Призвав же епископъ князя Бориса,[20] отца сестры ея, и отца ея Георгия, и преподобную Еуфросинию, и силныя мужа и постави я сам на ся послухи, рек: «Се отдаваю Еуфросинии мѣсто Святаго Спаса при вас, да по жоем животѣ никтоже не посудит моего даяния». И се слышавши князи обои и боляре вси от епископа, и поклонистася ему, глаголющи вси людие тако рече: «Ей, владыко святый! Се ти есть Бог положил на сердцы твоем, еже еси тако смыслил о отроковицы сей, попечение о ней имѣя». Еуфросинии рѣша: «Ты иди, послушай епископа, еже ти велит, тако сотвори, той есть всѣм нам отецъ, подобает нам послушати его». Еуфросиния же, возрѣвши на ня осклабленнымъ лицем, и рече им: «Рада иду; яко повелит ми, тако и будет воля Господня о мнѣ». Князи же и боляре вси, слышавше от преподобныя Еуфросинии глаголъ сей, возрадовася и приимше благословение от епископа, и поклонишася преподобной Еуфросинии, и целовавше ю любезнымъ целованием и ѣхаша в домы своя.

Еуфросиния же, поклонився Святой Софии и благословившися от епископа, и той нощи воставши, поемше с собою едину черницу и пришедши ей на мѣсто, зовомое Селцо, идѣже есть церквица Святаго Спаса. И влѣзши ей в церковь и поклонившися, и возгласи сице: «Ты, Господи, заповѣда святым своим апостоломъ, рек: „Не носите с собою

ничтоже, токмо жезлъ".[21] Азъ же, Господи, твоему словеси послѣдствующи, изыдох на мѣсто, ничтоже носяще, но точию твое слово в себѣ имущи, еже рещи: „Господи, помилуй!" И еще за все имѣние имѣю книги сия, имиже утѣшает ми ся душа и сердце веселит; лише же сих трех хлѣбов не имам ничтоже, — но токмо тебѣ, помощника, и заступника, и кормителя. Ты бо еси отецъ убогим, нагим одѣяние, обидимым помощьник, ненадѣющимся надежда. И буди имя твое благословено на рабѣ твоей Еуфросинии отселѣ и до века. Аминь». И так рекши, нача подвижнейши быти на молитву, яже к Богу.

И ту ей пребывающи нѣколико время, и тогда посла ко отцу своему, глаголющи: «Пусти ко мнѣ Гордиславу сестру, да научится грамоте». Он же пусти Гордиславу к ней, тако ей бѣста нарекла родителя имя. Она же с прилежанием учаше ю о спасении души. Она же с прилежанием приимаше, яко нива плодовита, умягчивши сердце свое, и глаголаше: «Господь Богъ да устроит ми на спасение души моей твоими, госпоже, молитвами». И се ей рекши, преподобная же Еуфросиния введе ю в церковь, повелѣ иерееви, огласивши, облачити в чернеческия ризы; и нарече имя ей Евдокия.

И по мале времяни присла отецъ к ней и рече к ней: «Пусти ко мнѣ сестру свою». Она же отвѣщавши: «Еще не извыче всей грамоте». И увѣдѣв отецъ ея, яко, утаившися его, остриже ю, и возярившися на праведную Еуфросинию и сердцемъ горя, приѣхав к монастыреви, глаголя: «Чадо мое, что сотвори! Приложи сѣтование к сѣтованию души моей и печал к печали!» И се ему глаголющи от горести сердца своего, реками слез часто излеваше от очию своею, любезно держаше Евдокию: «Чадо мое, на се ли вас родих, или на се вас мати воспита? Уже ли ваш брак готовятъ? Уже ли чертог и брачныя порты ваю на сѣтование положих себе? Чадо мое милое, что ми воздаста в радрости мѣста горкое рыдание и печали сердце мое наполниста!» И вси боряре его, слышавше жалость князя своего, плакахуся горько о напрасней печали князя своего.

Блаженная же Еуфросиния отвѣщавши отцу своему: «Что ради печалуешися о нас? Имаевѣ бо печалника и помощника единаго Бога». Отецъ же ея малу утѣху приимъ от словес преподобныя и еха в дом свой. Евдокия же пребываше в монастыри, повинующися сестрѣ своей.

Блаженная же Еуфросиния трудом многимъ моляшеся к Богу о мѣсте сем, дабы Богъ устроил ей се на нѣколико время. Бяше же княжна Борисовна имянем Звѣнислава,[22] и та, пришедши единою от дний принесе свою всю утвар златую и порты многоцѣнны в монастыри къ Еуфросинии и рече: «Ей, госпоже сестро, вся красная мира сего ни во

чтоже ми ся мнит. Се даю Святому Спасу и сама хощу поклонити главу свою под иго Христово». Она же прият ю с радостию и повелѣ иереови пострищи ю и нарече имя ей Епраксие. И тако начаста пребывати в монастыри во едину мысль яже к Богу, и тако бяше видѣти, яко едина душа в дву телесу.

И потом блаженная Еуфросиния заложи церковь камену Святаго Спаса; [23] от начатка же Святаго Спаса до совершения церкви — 30 недѣль. И се хощу вам, братие, чюдо сказати. Бѣ муж, именем Иван, приставник над дѣлатели церковными, к немуже прихожаше глас многажды, свитающи дни, глаголя: «О, Иоанне, востани, поиди на дѣло Вседержителя Спаса!» И во един от дний, востав, прииде ко блаженной Еуфросинии и рече ей. «Ты ли, госпоже, присылаеши понужати меня на дѣло?» Она же рече: «Ни». И паки, разсмотривши, премудрая жена рече ему: «Аще не аз тя возбужаю, а кто тя позывает на таковое дѣло, того послушай сприлѣжно с потщанием».

И паки другое чюдо скажю вам, добрии послушницы. Уже скончаней бывши церкви, и мала недоставшимъ плитам, нѣчимъ бяше верха совершити. И поискавше и не обрѣтоша ничтоже. И печаловашеся о том и воздыхающи и рече: «Слава тебѣ, Владыко, вседерьжителю и человѣколюбче, даровавый нам сия болшая! Дай намъ и меншая, имже свершится церковь твоя!» И тако ей помолшися, заутра по строению Божию обрѣтошася плиты в пещи.[24] И в том дни совершиша церковь и поставиша крестъ. Преподобная же Еуфросиния, видѣвше совершену церковь, возрадовася душею. И бысть священие и велия радость всѣм крестияном. И собравшися князи, и силнии мужи, и черноризцы, и простии людие, и бысть радость, и празноваша дни многи, разыдошася кождо их во свояси.

Видѣв же преподобная, яко исполнил Богъ желание сердца ея, и вшедши в церковь, паде ницъ на земли, и воздохнувши со слезами, и нача глаголати: «Ты, Господи, сердцевидче, благодателю, Боже богом! Милостивый Господи, призри на храм свой, яже создах во имя твое, — якоже рече Соломон: „Вышний в нерукотвореннах церквах живет".[25] Ты же, Господи, призри на мя, недостойную рабу твою Еуфросинию, и на рабы твоя сия, яже собрах во имя твое: да приимши иго твое легкое[26] на выя своя и поидут во слѣд тебе. И сотвори я овца двора твоего, и буди им пастух и дверник, да ни един от них не будет восхищен волкомъ губителя диявола. И буди им, Господи, оружие и забрало, да не приидет на ны зло и рана не подвигнется к телесем нашим.[27] И не погуби нас со безаконии нашими, и на тя упование наше положихом, яко ты еси Бог знающим тя, и тебѣ хвалу воздаю *до* послѣдняго ми издыхания в вѣки. Аминь».

Сестры же учаше, сице глаголющи: «Се собрах вы, яко кокошъ птенца своя под крылѣ, в паствину свою яко овцы, да пасетася в заповѣдехъ Божиих, да яз веселым сердцемъ подвизаюся учити вас, видящи плоды ваша трудныя. И толик дождь проливаю к вам учением, а нивы ваша во единой мѣре стоят, не ратующе, ни поступающе горе, а год приспѣвает во свершение, и лопата на гумнѣ лежит.[28] Но боюсь, егда будет плевел в вас, и предани будете огню неугасимому. Потщитеся, чадо мое, убѣжате того всего, но сотворитеся пшеницы и смелетеся в жерновах смирением и молитвами и постомъ, да хлѣб чистъ принесетеся на трапезу Христову». Сице же и всегда учаше беспрестани, яко мати чадолюбивая, к дѣтем своим любовь показующи.

Мы же, братие, на предлежашее возвратимся. Видевши же преподобная Еуфросиния монастырь свой украшен и всего блага исполнен, умысли создати вторую церковь камену, Святыя Богородица.[29] И ту свершивши, и иконами украси и, светив, дасть ю мнихом,[30] и бысть монастырь велик. И видѣвши монастыря два, превелика зело, пребогата, и рече в себѣ: «Слава тебѣ, Владыко! Благодарю тя, Святый! Что есми восхотѣла, то еси дал и скончал еси желание сердца моего, Господи!» И рече: «Господи, помилуй мя и скончай прошение мое, — да бых видѣла Пречистую Богородицу Одигитрию в сей церкви». И посла слугу своего Михаила в Царьград к цареви, нарицаемому Мануилу, и к патриарху Луцѣ з дары многоцѣнными, просящи от нею образа Святыя Богородицы, еже бѣ евангелистъ Лука написал[31] три иконы, и еще в жизни сей сущии Святой Богородицы, и постави едину во Иеросалимѣ, а другую в Царѣграде, а третию въ Ефесе. Она же с прилежанием прошаше Ефеской иконы Святой Богородицы. Видѣв же царь любовь ея, и посла в Ефес семсот оружников своих и принесе икону Святыя Богородица в Царьград. Патриархъ же Лука собра епископы и соборы вси Святыя София,[32] и благослови, и дасть образ Святыя Богородица слузѣ преподобныя. Он же с радостию прият и принесе госпоже своей Еуфросинии.

Она же, внесши в церковь Святые Богородицы и поставивши ю и воздѣвши руцѣ, и рече: «Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Владыко, сподобивый мя видѣти во днешний день образ Матере твоея!» И сия рекши, украси ю златом и камением многоцѣнным, и устави в вся вторники носити ю по святым церквам, украсивши всю землю полотскую своимъ боголѣпнымъ монастырем.

И видѣвши, яко посѣти Богъ монастырь ея, и вожделѣ доити святаго града Иеросалима и поклонитися Гробу Господню и всѣм святым мѣстомъ, — и видѣти, и целовати, и тамо живот скончати. Видѣвши же стадо божественых овец совокуплено множество, радовашеся им, яко своему спасению; на всякъ день учаше терпѣнию, воздержанию; уныя же учаше душевней чистотѣ и бестрастию телесному, говѣнию

благообразну, ступанию кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядению и питию безмолвну, при старѣйших — молчати, мудрѣйших — послушати, ко старѣйшим — покорени, к точным и меньшим — любовь без лицемѣрия, мало вѣщати, *а* множайшее разумѣти. Тако бо бяше дан дар сей блаженей Еуфросинии от Бога: аще кто ея вопрошаше о которой вещи, она же ему разрешаше то, — и добро получаше. Но всѣх хотяше имѣти яко единодушно.

И посла по всей братии своей, повѣда им мысль свою, яко она восхотѣ ити во Иерусалимъ. Они же, слышавше вѣсть сию, з жалостию многою сьѣхашеся отвсюду ко блаженней Еуфросинии и моляху ея со слезами, да бых не оставила сирых. Она же утѣшаше благим своим смыслом, яко мати дѣти своя любящи. И любимый ей брат, нарицаемый во святемъ крещении имянем Вячиславъ,[33] и приѣхавъ к сестрѣ своей Еуфросинии со княгинею и з детми своими, и пришед, и поклонися ей, глаголя: «Госпожа моя мати и сестро! Что оставляеши мя, правителю души моей и свѣте очию моею?» И горко ему плачющеся, блаженная же Еуфросиния повелѣ ему ити, гдѣ бы обитал. Дѣти же его повелѣ оставити о сестрѣ своей Евдокѣи. Дан же бѣ дар блаженней Еуфросинии от Бога: аще кого озряше очима своима, то разумѣяше, в коем человѣцѣ сосуд будет избран Богови. Тогда же блаженная, видѣвши братаннѣ свои, и рече има: «Хощу ваю обручати жениху безсмертному и ввести ваю в чертог Царства его». Онѣма же послушающа, усладися душа их паче сота медвена словесем преблаженныя; падшима на ногу ея и глаголаста к ней: «Воля Господня да будет и твоя святая молитва. Якоже хощеши, и сотвори нама, госпоже». Преподобная же, с радостию и с поспѣшением призвавши брата своего, и рече ему: «Аз хощу пострищи Кираанну и Олгу», — тако бо ю бяста нарекая родителя. Смяте же ся отецъ ею о словеси семъ и рече: «Госпожа моя, что ми хощеши творити? Два плача прилагаеши души моей: да плачюся отхода твоего ради, и зсѣтую чаду дѣля своею». Мати же ею жалостию терзашеся. Блаженная же Еуфросиния пославши призва епископа тогда престолъ правящи Святой Софии, нарицаемаго Дионисия,[34] и введше ю въ церковь, и повелѣ острищи ея и нарече Кирaанне Агафия, а Олгѣ Евфимия, — и благословивши ею благословением святых отецъ.

Сама же блаженная Еуфросиния, положивши великий свой наряд обѣма монастырема, з братиею и сестрама, и дасть держати сестрѣ своей Евдокѣе и оба монастыря, сама же поклонившися Святому Спасу и Святѣй Богородицы, и рече: «Господи сердцевидче! Се оставляю дом незатворен никомуже, — и ты, Господи, не затвори от нас твоего Царства!» И тако поиде во Иерусалимъ, поемши брата своего Давыда[35] и сестру свою Еупраксию.

Вси же братия ея горко плакахуся отхода ради госпожи своея. И вси гражане выидоша проводити ея. Старии плакахуся, яко дщери, рекуще:

«Увы нам, уже старости нашея, просвѣщение души нашей!» Уныя же глаголаху: «Како зайде свѣте очию нашею! Кто нашу уность восхластит? Вздержание юности нашея, не оставляй нас сирых, но в молитвах своих не забывай нас, госпоже, яже к Богу!»

Она же, целовавши всѣх и благословивши, и возрѣвши на небо, и рече: «Ты, Господи сердцевидче, ходивый со Авраамом, иди и с нами и с рабы твоими, со Еуфросиниею, и з Давыдомъ, и со Евпраксиею!» И тако поидоша сущии с нею.

О, страшное чюдо! Не бывши ни в коей странѣ, ни во граде, ни в селѣ, нынѣ же, വземши мужскую крѣпость, премину вся грады и власти, приимающе от всѣх честь велику князей. И тако и срѣте ю царь, идый на угры,[36] и послав ю в Царьград с великою честию. Она же пришедши, поклонилася святым церквам и ту сущей великой церкви Святой Софии. И поклонившися, и благословившуся от патриарха и покупивши различныя потребы, темиян и кацию злату, и иде во Иерусалимъ.

И пришедши во Иерусалимъ, и посла слугу своего Михаила к сущему тамо патриарху, глаголющи: «Владыко святый, сотвори милость на мнѣ: повели ми, да отворят ми ся врата Христова».[37] Он же повелѣ прошению ея быти отворими. И пришедши ко вратом, и паде на земли, глаголюще: «Господи Исусе Христе! Не вмени ми сего во грѣх, занеже изволих изследити по стопам твоим и внидох во святый град сей». И иде ко Гробу Господню,[38] и пришедши и поклонившися, целовавши Гроб Господень, и сущии с нею. И покадивши Гроб Господень златою кадилницею и многоразличными фимияны, и изыде. Обита въ Святѣй Богородицы в Руском монастыри.[39] И во утрии день иде второе ко Гробу Господню и такожде сотвори; и в третий день тожде сотвори. И давши злата много, и воставивши кацию златую на Гробѣ и многоразличныя фимияны, и ставши у Гроба Господня и воздѣвши руцѣ свои, и возрѣвши на небо, со слезами, воздохнувши из глубины сердца, глаголаше: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, рождейся от Приснодѣвы Мария спасения ради нашего, реклъ еси: „Просите, — и приимѣте".[40] Аз же грѣшная, егоже просих, и получих от тебе, Владыко. Се же еще прошу у тебе, милостиве, да скончаю мѣсто прошения моего: приими духъ мой от мене во святем граде твоем Иерусалиме! Пресели мя в вышний град твой Иерусалимъ! Покой мя на лонѣ патриарха Авраама со всѣми угождьшими ти! Аминь». Сице глаголюще, изыде во иже реченную церковь святыя Богородицы, идѣже обитала, ту же, посѣщением Божиим, впаде в недуг и нача болѣти. И лежащи на ложи своем, глаголюще: «Слава тебѣ, Владыко, яко восхотѣ и сотвори мнѣ, рабѣ твоей!»

И тоя же ради болѣзни не може ити на Иердан.[41] И иде брат ея Давыдъ и сестра ея Еупраксия и сущии с нею. Она же лежаще на ложи своем, хваляще Бога, глаголющи: «Господи! Призри на рабу твою Еуфросинию и помилуй мя!» И приидоша бывшеи на Иерданѣ; она же, с радостию воставше и приимше от них ерданскую воду, и пив, облияся по всему тѣлу своему и, возлегши, рече: «Благословен Богъ, просвѣщая всякого человѣка, грядущаго в мир,[42] в вѣки! Молюся человѣколюбивому Богу, ревнующе Петрову покаянию *по* отвержении, и не отчая себе, но плакася горко:[43] приим того покаяние, и приими и мене, недостойную рабу твою Еуфросинию, молящуся на противнаго своего врага диявола, — да не возглаголет ми на Страшнемъ твоем Судищи ничтоже пред тобою, Господи, злый враг! Воступих ногама своима на змиеву его главу и супротивихся дерзости его окаянней, надѣющеся на твое человѣколюбие, Господи!»

И услыша Богъ молитву ея. И посла Господь ангела своего к ней глаголя: «О, блаженная ты еси в женах, и благословен труд твой! Се же отверзоша ти ся двери породныя, и вси анггели собрашася, держаще свѣща, чающе твоего срѣтения, а дар, егоже просиши у Бога, дасть ти ся». И се рек аггелъ, и отиде от нея.

Блаженная же Еуфросиния возрадовася душею и вскоре посла в Лавру глаголюще: «Се уже приспѣ ми время, да же ми Богъ покоить; а приимите ли мя, что бых легла в церкви Святаго Савы?»[44] Они же обѣщашася к ней, ту сущии черньцы: «Имѣем запрещение от святаго Савы, иже жены не приимати ни коеяже, но се ти есть монастырь Святые Богородицы, Феодосиево общее,[45] в немже лежат жены святыя: мати святаго Савы, мати святаго Феодосия, мати святых безмѣзднику Козмы и Демияна, именем Феодотия,[46] и инии мнози святии. Ту ти подобает лечи».

И приѣхавъ посол ея, возвести Еуфросинии. Она же всѣм тѣм похвали Бога и пославши купи себѣ гроб в комаре Святой Богородицы.[47] И лежа 24 дний, и позна ся *во* скончании, рече: «Призовите ми прозвитера, и да ми дастъ причащения. Уже бо зватой близ предстоит, ждый повелѣния Владычня». И прииде прозвитер, несый причащения. Она же воставши и поклонися 3-жды, и приимши Пречистое Тѣло, и тако возлеже и предасть душу свою в руцѣ Бога жива, мѣсяца мая въ 24 день иде в покой небесный.

Ким убо языком, братия, достоит нам похвалити свѣтозарную память преблаженныя невѣсты Христовы Еуфросинии? Бѣаше бо помощница обидимым, скорбящим утѣшение, нагим одѣяние, болным посѣщение и, спроста рещи, — всѣм всяка бысть. Еуфросиния убо сердце свое

напаяше Божия премудрости! Еуфросиния — неувѣдающи цвѣт райскаго сада! Еуфросиния — небопарный орел, попаривши от запада до востока, яко луча солнечная просвѣтивши всю землю полотскую! Тѣмже, братия, хвалится Селун о Дмитрии,[48] Вышегород — мученикома Борисом и Глѣбом,[49] аз же хвалю блаженый сей град Полотцкий, такову лѣторасль возрастивши, преподобную Еуфросинию. Блажени людие, живуще во градѣ том! Блажени родители твои! Блажена утроба, от неяже изыде преподобная госпожа Еуфросиния! Блажено рожество ея! Блажен возрастъ твой, Еуфросиния достохвалная! Блажен труд твой и подвизи твои! Блажены и монастыри твои! Блажени людие, живущеи в монастырех Святаго Спаса и Святой Богородицы! Блажени людие, послуживши преблаженныя невѣсты Христа Бога нашего! Молися к Богу о стадѣ своем, еже совокупи к Богу, яко тому подобает всяка слава, честь и покланяние, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сице совершися пятый степень. Здѣ же и конецъ грани пятыя.

---

[1] *Житие... преподобныя Еуфросинии...* — Для Степенной книги была составлена особая редакция жития Ефросинии Полоцкой, памятника древнерусской агиографии, созданного, возможно, еще в домонгольское время. Включение в состав Степенной книги жития Ефросинии Полоцкой объясняется, в том числе, и стремлением обосновать исконную принадлежность к Русскому государству западнорусских земель, захваченных в ходе Ливонской войны к моменту составления Степенной книги.

[2] *...Богъ Исааковъ...* — Исаак (библ.) — второй патриарх, сын Авраама, появился на свет по предсказанию Бога, известившего, что от него произойдет великий народ.

[3] *...Богъ Иаковль...* — Иаков — сын Исаака, третий после Авраама и Исаака патриарх, праотец израильтян.

[4] *«праведницы в вѣки живут...».* — Ср. Притч. 10, 25.

[5] *«Не заморит Господь... душа праведных».* — Притч. 10, 3.

[6] *Бысть князь въ Полоцку именем Всеслав, сынъ Брячиславов, внук Изяславов, правнук... Владимера.* — Изяслав Владимирович (980—1001) — полоцкий князь, старший сын Владимира Святославича от брака с Рогнедой. Брячислав (1001—1044) — полоцкий князь, сын Изяслава. Всеслав (1044—1101) — полоцкий князь, сын Брячислава.

[7] *...Георгий...* — Князь Святослав-Георгий Всеславич (ок. 1100 — между 1173 и 1175 гг.).

[8] *Предслава* — светское, до пострижения, имя полоцкой княжны.

[9] *В та же лѣта бѣяше княгиня Романова черница...* — Вероятно, жена дяди Евфросинии, князя Романа Всеславича. Она не могла постричься в монахини ранее года его смерти — 1116. Значит, никак не ранее 1116 г. постриглась и Евфросиния.

[10] *...«Око не видѣ... иже уготова Богъ любящимъ его».* — Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9.

[11] *...Февронии и Евфроксии...* — Феврония — святая мученица-дева (память 25 июня). Евпраксия — святая из г. Тавенны в Египте, колыбели монашества, подвижница-девица (память 25 июля).

[12] *...пребываше в монастыри...* — Не сохранилось сведений о монастыре, в котором была игуменьей княгиня Романова. Возможно, это была монашеская слободка при приходской церкви.

[13] *...у епископа... Илии...* — Полоцкий епископ Илия (до 1128 г.) известен только по житию Евфросинии.

[14] *...Святыя Софии Полотску...* — Храм святой Софии (1044—1066) — кафедральный собор полоцких епископов; перестроен до неузнаваемости в середине XVIII в.

[15] *...в церкви Святыя Софии каменыя в голубцы...* — Место затворничества Евфросинии — голбец — чулан в нижнем, подвальном этаже церкви, отделенный загородкой от других помещений.

[16] *...начат книги писать своима рукама, наем емлющи, требующим даяше.* — Софийский собор стал главным культурным центром Полоцкой земли. Занимаясь перепиской книг, именно Евфросиния, по-видимому, заложила основы ценной библиотеки.

[17] *...церквица Святаго Спаса... яже зовется Селцо...* — Местность, именовавшаяся некогда Сельцо, располагалась на берегу р. Полоты на окраине Полоцка. Согласно житию, это было владение епископа с церковкой, кладбищем архиереев и, возможно, епископским домом.

[18] *«Готово сердце мое, Боже, готово!»* — Пс. 56, 8.

[19] *«К тебѣ привергохся... Бог мой еси ты...* — Ср. Пс. 21, 11.

[20] *...князя Бориса...* — Князь Борис, дядя Евфросинии, умер в 1128 г., позднее которого не могла состояться передача ей Сельца.

[21] *Не носите... токмо жезлъ.* — Ср. Иез. 37, 16.

[22] *...княжна Борисовна имянем Звѣнислава...* — Дочь князя Бориса, двоюродная сестра Евфросинии.

[23] *...заложи церковь камену Святаго Спаса... Бѣ муж именем Иван, приставник над дѣлатели церковными...* — Церковь Спаса (сер. XII в.) построена зодчим монахом Иоанном. Он появился в Полоцке в 20—30-х гг. XII в., имел самобытный талант и построил несколько церквей.

[24] *...плиты в пещи.* — В зодчестве Киевской Руси использовалась плинфа — плоский квадратный кирпич.

[25] *«Вышний в... церквах живет».* — Деян. 7, 48.

[26] *...иго твое легкое...* — Ср. Мф. 11, 30.

[27] *...не приидет... зло и рана... к телесем нашим.* — Ср. Пс. 90, 10.

[28] *...лопата на гумнѣ лежит.* — Ср. Мф. 3, 12; Лк. 3, 17.

[29] *...умысли создати вторую церковь камену Святыя Богородица...* — Храм не сохранился, местоположение его неизвестно. Судя по житию, он был построен недалеко от церкви Спаса.

[30] *...дасть ю мнихом...* — Вслед за женским монастырем Евфросиния основала мужской.

[31] *И посла... к цареви... Мануилу, и к патриарху Луцѣ... просящи... образа Святыя Богородицы, еже бѣ евангелистъ Лука написал...* — Рассказ о получении Евфросинией иконы эфесской Божьей матери свидетельствует о прочных связях Руси с Византией. Дочь Всеслава Полоцкого, тетка Евфросинии, была замужем за византийским императором Мануилом Комнином (1143—1181), что способствовало передаче иконы. *Лука Хризоверг* — константинопольский патриарх (1156—1169). Предание, согласно которому евангелист Лука написал достоверные, с нее самой, изображения Богоматери, восходит к тому факту, что в Евангелии от Луки много места уделено истории детства Иисуса Христа и истории Девы Марии.

[32] *Святая София* — Собор Святой Софии (532—537) в Константинополе, ныне музей Айя-София в Стамбуле.

[33] *И любимый ей брат, нарицаемый во святемъ крещении имянем Вячиславъ...* — Имеется в виду князь Вячеслав Святославич (Вячко), сын полоцкого князя Святослава Вячеславича; упоминается в летописях под 1167 г.

[34] *...Дионисия — Дионисий* — полоцкий епископ до 1169 г., известный по житию Евфросинии.

[35] *...брата своего Давыда...* — Брат Евфросинии Полоцкой Давыд Святославич упоминается только в ее житии.

[36] *...царь, идый на угры...* — Скорее всего, имеется в виду один из венгерских походов (1149—1152 гг.) византийского императора Мануила I Комнина.

[37] *«...да отворят ми ся врата Христова».* — Имеются в виду ворота в восточной части Иерусалима, через которые, по позднейшим преданиям, вошел в город Иисус Христос.

[38] *И иде ко Гробу Господню...* Гроб Господень в Иерусалиме, место погребения Иисуса Христа, одна из главных христианских святынь, объект паломничества.

[39] *Обита въ Святѣй Богородицы в Руском монастыри.* — Известие об этом монастыре содержится только в житии Евфросинии.

[40] *Просите — и приимѣте* — Мф. 7, 7; Лк. 11,9.

[41] *Иордан* — самая большая река Палестины, воде которой приписывалась целебная сила. По сообщениям евангелистов, в Иордане крестил Иоанн Креститель, и был крещен Иисус Христос.

[42] *...просвещая всякого человѣка, грядущаго в мир...* — Ин. 1, 9.

[43] *...ревнующе Петрову покаянию... плакася горко...* — Об отречении и покаянии апостола Петра см.: Мф. 26.58, 69—75; Мр. 14.54, 66—72; Лк. 22.56—62; Ин. 18.15—18, 25—27.

[44] *...посла в Лавру глаголюще... а приимите ли мя, что бых легла в церкви Святаго Савы?* — Монастырь, позднее лавра Саввы Освященного (ум. в 532 г.), основавшего обитель на месте пещерного скита в пустыне близ р. Иордан в 484 г.

[45] *...монастырь Святые Богородицы, Феодосиево общее...* — Общежительный монастырь, основанный Феодосием Великим (ок. 424—529 гг.) в Палестине к востоку от Иерусалима.

[46] *...мати святых безмѣздннику Козмы и Демияна, именем Феодотия...* — Козьма и Дамиан — братья-святые (IV в.). Благодаря матери, христианке Феодотии, получили христианское воспитание, были милосердны. На Руси пользовались популярностью как целители.

[47] *...и пославши купи себѣ гроб в комаре Святой Богородицы.* — Позднее мощи Евфросинии хранились в пещерах Киево-Печерского монастыря. Когда останки были перевезены из Иерусалима, неизвестно.

[48] *...хвалится Селун о Дмитрии...* — Димитрий Солунский — один из наиболее чтимых православной церковью святых, пострадавший за приверженность к христианству в Солуни (Салониках), втором городе империи (нач. IV в.).

[49] *...Вышегород — мученикома Борисом и Глѣбом...* — Вышгород — место погребения наиболее почитаемых русских святых Бориса и Глеба. Их мощи стали главной реликвией города.

ПЕРЕВОД

ПЯТАЯ СТУПЕНЬ, И ДВА МИТРОПОЛИТА, КЛИМЕНТ И КОНСТАНТИН, ГРАНЬ 5 <...>

ГЛАВА 11. МЕСЯЦА МАЯ 24. ЖИТИЕ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО БЛАЖЕННОЙ И ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ, ИГУМЕНИИ <МОНАСТЫРЯ> СПАСА-ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ И ПРЕЧИСТОЙ ЕГО МАТЕРИ, ЧТО В ГРАДЕ ПОЛОЦКЕ

Благослови, отче!

Благословен Господь Бог Израилев, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова — Бог не мертвых, а живых! Ибо живы и после смерти праведники, как Соломон в книге Притч глаголет, «вечно праведники живут», и мзда им от Господа и устроение от Всевышнего. Сего ради получат они венец из рук Господних, как это и было, что предстоит нам поведать. И о том вот как скажем: «Придите и соберитесь все живущие ангельским житием в пустынях и пещерах, <на время> забывшие немощь старцы и бегающие, как олени, юноши! Ибо хочу я вам предложить трапезу из этих яств, чтобы, вкушая, возрадовались вы душами вашими. Ибо вот трапеза из нетленных яств; тленные яства услаждают гортань и насыщают чрево, эти же <яства> радуют душу и укрепляют ум на свершение добрых дел. Кто этими яствами, братья, насытится, тот не возжаждет вновь, как сказано в Писании: «Господь не заморит гладом души праведных»«.

Вернемся ж к тому, что лежит пред нами, о чем написали мы эту повесть. Вы же, добрые люди, князья, и бояре, и церкви служители, слушайте. И вы, честное собрание святых, живущие в монастырях, и вы, простые люди, придите и соберитесь, чтобы послушать новую эту повесть, и слушайте прилежно, раскрыв свой слух и умягчив нивы сердец наших, и восприимите <повесть> о многоспасительном житии, и послушайте о святых подвигах и трудах, и о любви сей преподобной жены, что были совершены ради Бога. Предстоит нам сказать, как она родилась и от каких родителей, и как ее воспитали, и как она выросла, и с какой силой пошла во след жениху своему Христу. Но о том скажем в своем месте по порядку. Вот как.

Был в Полоцке князь по имени Всеслав, сын Брячислава, внук Изяслава, правнук блаженного и равноапостольного Владимира. Было у этого Всеслава много сыновей. И был у него младший сын по имени Георгий, от которого и родилась сия блаженная отроковица.

Родители ее вместе со всем своим домом радовались рождению ее и распорядились в те дни ее крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вскормленная кормилицей своей матери, день ото дня росла отроковица. Тело росло, питаемое молоком, а душа наполнялась Святым Духом. Случилось этой девице, еще не достигнув совершеннолетия, быть наученной книжной грамоте, что было плодом молитвы. И настолько любила она ученье, что дивился ее отец столь сильной любви ее к ученью. И разошелся по всем городам слух о ее мудрости и о добром ее учении и о красоте, ибо хороша она была лицом.

Красота ее привела к любезным отношениям многих славных князей с ее отцом, ибо все они хотели взять ее в невесты для сыновей своих и часто присылали <за этим> к ее отцу. Отец же ее отвечал: «Да будет воля Господня». И вот один, самый славный своим княжением и богатством, прислал к отцу ее и попросил его дочь за своего сына. А пришел ей возраст, исполнилось ей двенадцать лет; и отец ее, видя это, стал говорить своей княгине: «Пора нам отдать ее за князя Предслава». Она же ему отвечала: «Как Богу и воле твоей, князь, угодно, так и будет».

Услышав это, Предслава, — ибо таково было ее имя, данное ей до святого крещенья ее родителями, — стала про себя рассуждать и говорить; больше же всего, скажу я, от Святого Духа наполнялись ее мысли. Сказала она себе: «Что это будет, ведь отец задумал соединить меня браком с мужчиной; но если такое случится, то печали мира сего нельзя будет никак избегнуть». Еще сказала она себе: «В чем же преуспели бывшие прежде нас наши предки? Они и женились, и посягали на супружество, и княжили, но — не вечно. Жизнь их прошла, и погибла слава, будто прах и хуже паутины. А вот те прежние жены, что, взявши мужскую крепость, пошли во след жениха своего Христа, отдали тела свои на раны и свои головы мечу предали, иные же больше — не пред железом преклонили свои выи, но отсекли от себя мечом духовным плотские сласти, предали тела свои посту и коленопреклонениям, тех и на земле помнят, и на небесах их имена написаны, там они с ангелами непрестанно славят Бога. А сия слава — прах и пепел и расходится будто дым».

И когда так она в сердце своем размышляла, ум ее еще больше простирался к любви Божией. И вот в сердце ее сложилось такое

единственное решение — сказала она себе: «Не лучше ли было б, если бы вместо такой жизни постриглась бы я в черницы и стала повиноваться игуменье и сестрам, и училась, как утвердить в сердце своем страх Божий, как свершить жизненное течение». Положив это себе на ум, пошла она в монастырь тайно от своего отца, и от матери, и от всех домочадцев.

В те годы была черницей княгиня князя Романа. И пришла к ней <Предслава>, прося <благословения> принять ангельский образ и приобщиться к бывшим там черницам и быть под игом Христовым. И блаженная та жена, видя ее молодость и цветущий возраст, не желая ее постричь, впала в смятенье и стала млеть телом и ужасаться сердцем, и надолго поникла головой, опустив лицо в землю; а потом, распрямившись, воззрилась на молодость ее, вздохнула, прослезилась и сказала ей: «Чадо мое, как могу я это сделать? Отец твой, когда узнает, с великим гневом возложит на мою голову кару. Ты еще молода, не сможешь снести тягот монашеской жизни. И как можешь ты пренебречь княженьем и славой мира сего?»

И отвечала блаженная отроковица: «Да, госпожа моя и мать, все видимое в этом мире красно и славно, но скоро минует, и, будто сон, проходит, и, будто цвет, увядает; вечное же — невидимо, но пребывает вечно, как говорит Писание: «Око не видало, и ухо не слыхало, и на сердце человеку не всходило, что уготовал Бог любящим его». Или из-за моего отца не хочешь меня постричь? Не бойся, госпожа моя, а убойся Господа, владеющего всем созданием. И не лиши меня ангельского чина».

И блаженная та княгиня, удивившись разуму отроковицы и любви ее к Богу, повелела быть по ее воле. И, огласивши, постриг ее иерей и нарек имя ей Евфросиния, и облачил ее в черные одежды. Благословила ее игуменья благословением святых отцов и сказала ей: «Последуй, чадо, бывшим прежде тебя женам, Февронии и Евфроксии, и множеству других, что ради Христа пострадали, — и Господь Бог даст тебе силу и победу на врага нашего дьявола». И так сказав ей, отпустила ее в свою келью.

И, узнав <об этом>, спешно пошел отец ее в монастырь и, терзая горестно волосы на своей голове, стал с любовью целовать ее и говорить: «Горе мне, чадо мое! Зачем ты, чадо мое, так сотворила, принесла печаль моей душе? Зачем не явила прежде свои мне мысли? Горе мне, сладкое мое чадо, печаль моего сердца! О, горе мне, чадо мое милое! Как уберечься красе твоей от дьявольских козней? Подобает

плакаться мне оструплённой моей душою к Господу моему Богу, чтобы вошла ты в чертог его Царства».

И жалели все в дому его о ней. А преподобная Евфросиния этому всему не внимала, горестно плачущему своему отцу, но, как добрый воин, вооружившийся на врага своего дьявола, оставалась в монастыре, повинуясь игуменье и сестрам и преодолевала все молитвой, и постом, и ночными бдениями, и после этого еще больше укреплялась в подвиге, собирая добрые мысли в сердце своем, как пчела мед.

И, пробыв некоторое время в монастыре, испросила она потом у бывшего там епископа, по имени Илья, правившего престолом Святой Софии в Полоцке, чтобы разрешил ей пребывать там, в каменной церкви Святой Софии в голбце. И разрешил он ей пребывать <там>. И, придя туда, начала она еще большим подвигом постническим подвизаться, начала книги писать своими руками, и, беря <за это> плату, отдавала ее нуждающимся, оставаясь там некоторое время.

И однажды ночью, когда легла она, желая отдохнуть от многого молитвенного труда пред Богом, увидала она видение: взял ее ангел и повел туда, где была церковка Святого Спаса, подворье Святой Софии, что называется людьми Сельцом. Показал ее ей ангел Господень и сказал: «Евфросиния, здесь тебе подобает быть». И, пробудившись, она дивилась, говоря себе: «Что же такое со мною будет?» И той же ночью видела она то же в другой раз и в третий. И, пробудившись от сна, в страхе славословила она Бога и говорила: «Слава тебе, Боже наш! Слава тебе, сподобившему меня сегодня видеть святое ангельское лицо!» И после этого стала говорить: «Готово сердце мое, Боже, готово!» И еще: «Тебе я привержена от утробы матери моей, ты Бог мой, как пожелал ты, так и сотвори со мною, рабой твоею».

И в то время, когда кончала она утренние <молитвы>, явился епископу Илье тот же ангел и сказал: «Приведи рабу Божию Евфросинию в церковь Святого Спаса, в так называемое Сельцо. Ибо место то свято и достойно Царствия Небесного. Как благовонное мирро, восходит молитва ее к Богу; как венец на царской голове, так покоится на ней Святой Дух; как сияет солнце по всей земле, так и жизнь ее просияет пред ангелами Божьими». И поднялся быстро епископ тот в страхе и трепете и пришел к ней. И Евфросиния, увидав его, пошла ему навстречу, поклонилась и сказала: «Благослови, святой владыка!» И он сказал ей: «Бог да благословит тебя, чадо, и подаст тебе терпение и силу на всех врагов, видимых и невидимых». Она же сказала: «Аминь. Буди мне по глаголу твоему, святой владыка». И сели они. И блаженный епископ, отверзши свои уста, стал говорить о спасении

души. А блаженная Евфросиния принимала, будто семена, в житницу своей души его слова, умножая плоды и в тридцать, и в шестьдесят раз, а что и стократно.

И долго они проговорили с нею, и вот сказал он ей: «Дочь моя, хочу я сказать тебе слово, прими его с любовью». И она сказала: «Отец мой и господин, приму я с радостью твое слово, как драгоценный дар». И стал епископ говорить ей: «Ты знаешь, чадо, что это церковь соборная, тут, где ты живешь. Здесь собираются все люди, и тебе нехорошо здесь оставаться. Есть церковка Святого Спаса в Сельце, где лежит наша братия, бывшие прежде нас епископы. Быть может, Бог пособит тебе за их молитвы и за твой труд, и создастся великое место».

И, услыхав от епископа, что он ей сказал, возрадовалась душой Евфросиния и возвеселилась сердцем, поверив ангелову явлению, тому, что видела и слышала от него, и сказала епископу: «Бог да поможет мне, отче, твоими святыми молитвами».

И призвал епископ князя Бориса, отца ее сестры, и Георгия, отца ее, и преподобную Евфросинию, и влиятельных <городских> мужей и, поставив их сам себе в свидетели, сказал: «Вот при вас отдаю я Евфросинии место Святого Спаса, чтобы никто по моей кончине не осудил моего даяния». И, услыхав это от епископа, оба князя и все бояре поклонились ему, и так сказали все люди: «Ей, святой владыка! Это Бог положил тебе на сердце, что рассудил ты так о сей отроковице, печась о ней». А Евфросинии они сказали: «Иди, послушай епископа, как он тебе велит, так и сделай, он всем нам отец, подобает нам слушаться его». И, обратив к ним улыбающееся лицо, Евфросиния сказала: «Пойду с радостью; как повелит он мне, такова и будет для меня Господня воля». И возрадовались все князья и бояре, услыхав от преподобной Евфросинии слова эти, и, приняв от епископа благословенье, поклонились преподобной Евфросинии и, поцеловав ее любовным целованьем, разъехались по своим домам.

А Евфросиния, поклонившись святой Софии и благословившись у епископа, в ту ночь встала, взяла с собой одну черницу и пришла на место, прозванное Сельцом, где стоит церковь Святого Спаса. Вошла она в церковь и поклонилась, и так проговорила: «Ты, Господи, заповедал святым своим апостолам, сказавши: «Не носите ничего с собою, один лишь жезл». И я, Господи, следуя твоим словам, вышла на <это> место, ничего не взяв <с собою>, твое лишь слово в себе имея — «Господи, помилуй!» Да еще вместо всего имущества имею я эти книги, что утешают мне душу и веселят сердце; кроме же этих трех хлебов, ничего не имею, — только тебя, помощника, и заступника, и кормильца.

Ибо ты — отец убогим, одеяние нагим, обижаемым помощник, ненадеющимся надежда. Буди имя твое благословенно на рабе твоей Евфросинии отныне и до века. Аминь». И, сказав так, с еще большей силой подвиглась она на молитву к Богу.

И, пробыв там некоторое время, послала она к своему отцу со словами: «Отпусти ко мне сестру Гордиславу, чтобы научилась она грамоте». И отпустил он к ней Гордиславу (такое имя нарекли ей родители). Она же усердно стала ее учить спасению души. А та с усердием, как плодородная нива, принимала, умягчив сердце свое, и говорила: «Господь Бог да устроит спасение моей души твоими, госпожа, молитвами». И когда она так сказала, привела преподобная Евфросиния ее в церковь и велела иерею, огласивши ее, облачить в чернеческие ризы; и нарекли имя ей Евдокия.

И немного времени спустя прислал отец к ней со словами: «Отпусти ко мне свою сестру». А она отвечала: «Еще не научилась она всей грамоте». И узнал ее отец, что втайне от него постригла она ее, и разъярился на праведную Евфросинию, и с разгоряченным сердцем приехал в монастырь и сказал: «Чадо мое, что ты натворила! Прибавила <новое> сетование к сетованию души моей и печаль к печали!» И говорил он так в горести своего сердца, точа реки слез из своих очей, обнимая с любовью Евдокию: «Чада мои, для того ли я вас родил и для того ли вскормила вас мать? Неужто вам брак готовят? Неужто брачный ваш чертог и одежды на горе устроил я себе? Чада мои милые, за что вознаградили вы меня вместо радости горьким плачем и печалью сердце мое наполнили!» И все бояре его, слыша горестные сетования своего князя, горько плакали о нежданной печали своего князя.

А блаженная Евфросиния отвечала своему отцу: «Зачем ты печалишься о нас? Есть у нас один печальник и помощник — Бог». И ее отец, утешившись немного словами преподобной, поехал в свой дом. А Евдокия осталась в монастыре, повинуясь сестре своей.

Блаженная же Евфросиния со многими трудами молилась Богу о том месте, чтобы Бог устроил ей его на некоторое время. И была княжна, дочь князя Бориса, по имени Звенислава, однажды она пришла и принесла в монастырь к Евфросинии всю свою золотую утварь и драгоценные одежды и сказала: «Да, госпожа моя сестра, вся красота мира сего мнится мне ничем. Вот отдаю я все это Святому Спасу и сама хочу преклонить главу свою под иго Христово». И приняла она ее с радостью и повелела иерею постричь ее, и нарекла имя ей Евпраксия. И так стали пребывать они в монастыре, устремляясь мыслью одною к Богу, и было видно, что одна была душа в двух телах.

И потом блаженная Евфросиния заложила каменную церковь Святого Спаса, от начала <закладки> Святого Спаса до завершения церкви — 30 недель. И вот, братья, хочу я рассказать вам о чуде. Был человек, по имени Иван, начальник над церковными строителями, которому много раз на рассвете дня слышался голос, говорящий: «Вставай, Иван, иди на стройку Спаса-Вседержителя!» И в один из дней, встав, пришел он к блаженной Евфросинии и сказал ей: «Это ты, госпожа, присылаешь понуждать меня к работе?» И сказала она: «Нет». И еще, поразмыслив, сказала ему премудрая жена: «Хоть и не я тебя бужу, но ты того, кто призывает тебя к таковому делу, слушайся с тщанием и усердием».

И еще другое расскажу вам чудо, добрые слушатели. Когда окончена была уж церковь, не хватило немного кирпичей и нечем было довести до конца главу. Искали их и ничего не нашли. И опечалилась из-за этого <Евфросиния> и со вздохом сказала: «Слава тебе, Владыка, вседержитель и человеколюбец, даровавший нам сие великое! Дай же нам и малое, чем завершится твоя церковь!» И вслед за тем, как она так помолилась, нашлись на утро кирпичи в печи по Божьему устроению. И в тот день закончили строить церковь и поставили крест. А преподобная Евфросиния, видя церковь законченной, возрадовалась душой. И было освящение и великая радость всем христианам. И собрались князья, и знатные люди, и чернецы, и простые люди, и была радость, и праздновали много дней, и разошлись каждый восвояси.

А преподобная, увидав, что Бог исполнил желание ее сердца, войдя в церковь, пала ниц на землю и, испустив слезное воздыхание, стала говорить: «Ты, Господи, сердцеведец и благ податель, Бог богов! Милостивый Господи, призри на храм свой, что создала я во имя твое, — как сказал Соломон: «Вышний в нерукотворных церквах живет». Ты, Господи, окажи мне милость, недостойной рабе твоей Евфросинии, и сим рабам твоим, что собрала я во имя твое: да, приняв легкое твое бремя на свои выи, последуют они за тобой. И сотвори их овцами твоего двора, и будь им пастух и вратарь, чтобы никто из них не был похищен волком губителя-дьявола. И будь им, Господи, оружием и забралом, чтобы не пала на нас беда и язва не обрушилась на тела наши. И не погуби нас со беззакониями нашими, на тебя упование наше возлагаем, ибо ты Бог знающих тебя, и тебе буду воздавать хвалу до последнего моего издыхания во веки. Аминь».

И поучала она сестер, говоря так: «Для того собрала я вас, как наседка птенцов своих под крылья, как овец в свою паству, чтобы паслись вы в заповедях Божиих, чтобы мне с радостным сердцем подвизаться в вашем учении, видя плоды вашего труда. И такой дождь проливаю я на вас ученьем, а <сердечные> ваши нивы остаются в том же состоянии,

не вспаханные и не возвышающиеся горе, а ведь время приближается к свершению, и лопата на гумне лежит. И боюсь я, как бы не было в вас плевелов и не были бы вы преданы неугасимому огню. Постарайтесь, чада мои, избежать всего этого, сделайтесь пшеницей и смелитесь в жерновах смирения, молитвы и поста, чтобы принесены вы были чистым хлебом для трапезы Христовой». И так всегда поучала она их беспрестанно, как чадолюбивая мать, проявляя любовь к своим детям.

Мы же, братья, возвратимся к прежнему. Преподобная Евфросиния, видя свой монастырь украшенным и исполненным всяческих благ, задумала создать вторую каменную церковь, Святой Богородицы. И, завершив ее, украсила ее иконами, и, освятив, отдала ее монахам, и сделался большой монастырь. И, видя два столь больших и богатых монастыря, сказала она в уме: «Слава тебе, Владыка! Благодарю тебя, Святый! Что пожелала я, то ты дал и исполнил желание сердца моего, Господи!» Сказала она: «Господи, помилуй меня и исполни прошение мое, — чтобы мне видеть Пречистую Богородицу Одигитрию в этой церкви». И послала она слугу своего Михаила в Царьград к царю, именем Мануил, и к патриарху Луке с драгоценными дарами, прося у них образа Святой Богородицы, <из тех> трех икон, что написал евангелист Лука еще при земной жизни Святой Богородицы и поставил одну в Иерусалиме, другую в Царьграде, а третью в Эфесе. Она же с усердием просила Эфесской иконы святой Богородицы. И царь, видя ее любовь, послал в Эфес семьсот своих воинов и принес икону Святой Богородицы в Царьград. А патриарх Лука собрал епископов и весь соборный причт Святой Софии, и благословил, и дал образ Святой Богородицы слуге преподобной. И он принял его с радостью и принес своей госпоже Евфросинии.

И внесла она ее в церковь Святой Богородицы, поставила <там> и, воздевши руки, сказала: «Слава тебе, Господи! Слава тебе, Владыка, сподобивший меня сегодня видеть образ Матери твоей!» И, сказав это, украсила она ее золотом и драгоценными камнями и постановила всегда по вторникам носить ее по святым церквам, украшая <так> всю полоцкую землю своим богоблаголепным монастырем.

И, видя, что посетил Бог ее монастырь, возымела она сильное желание дойти до святого града Иерусалима и поклониться Гробу Господню и всем святым местам — видеть их, и целовать, и закончить там жизнь. Видя собранным в стадо множество Божиих овец, радовалась она о них, как о своем спасении; всякий день учила она их терпению и воздержанию; юных учила душевной чистоте и телесному бесстрастию, благопристойному благоговению, кроткому поведению, чтобы говорили они смиренно, чтобы слова их были благочинны, чтобы ели они и пили в безмолвии, при старших чтоб молчали, мудрых бы слушали, старшим покорялись, к равным и меньшим нелицемерную любовь имели,

<учила> меньше говорить, а больше думать. Таков дан был дар сей блаженной Евфросинии от Бога: если кто спрашивал ее о каком-то деле и она ему это разрешала, — то получалось во благо. Она хотела, чтоб у ней все были как одна душа.

И послала она ко всей своей братии и сообщила им о своем решении, что хочет она идти в Иерусалим. И, услыхав такое известие, в большой горести отовсюду съехались они к блаженной Евфросинии и со слезами молили ее, чтобы не оставляла их она в сиротстве. А она утешала их благими своими доводами, будто любящая мать своих детей. И любимый брат ее, во святом крещении названный именем Вячеслав, приехавший к сестре своей Евфросинии с княгинею и детьми своими, пришел, поклонился ей и сказал: «Госпожа моя матушка и сестра! Зачем ты оставляешь меня, наставница души моей и свет очей моих?» И горько он плакал, а блаженная Евфросиния велела ему идти туда, где он остановился. Детей же его велела она оставить на сестру свою Евдокию. Дан был блаженной Евфросинии дар от Бога: если на кого взглядывала она своими очами, то понимала, кто из людей станет избранным Божиим сосудом. Тогда же, увидев своих племянниц, сказала им блаженная: «Хочу обручить вас с бессмертным женихом и ввести вас в чертог его Царства». И когда услышали они ее, усладились души их больше, чем медвяным сотом, речью преблаженной; пали они к ее ногам и сказали ей: «Да будет воля Господня по твоей святой молитве. Как хочешь, так и сделай с нами, госпожа». И преподобная, радостно и поспешно призвавши брата своего, сказала ему: «Хочу я постричь Кириоанну и Ольгу», — так наречены они были родителями. И отец их пришел в смятение от этих слов и сказал: «Госпожа моя, что ты хочешь со мною сделать? Две скорби ты возлагаешь на мою душу: чтоб плакал я из-за твоего ухода и одновременно скорбел из-за чад своих». Мать же их истерзалась горем. А блаженная Евфросиния послала призвать епископа, правящего тогда престолом Святой Софии, по имени Дионисий, и привела их в церковь, и повелела постричь их, и нарекла имя Кириоанне Агафья, а Ольге — Евфимия, и благословила их благословением святых отцов.

И блаженная Евфросиния, положивши великий свой устав обоим монастырям, братскому и сестринскому, поручила править обоими монастырями сестре своей Евдокии, а сама, поклонившись Святому Спасу и Святой Богородице, сказала: «Господи сердцеведче! Вот оставляю я ни для кого не затворенным дом <твой>, — и ты, Господи, не затвори пред нами твоего Царства!» И отправилась в Иерусалим, взяв с собой брата своего Давыда и сестру свою Евпраксию.

И вся братия ее горько плакала из-за ухода госпожи своей. И все жители города вышли проводить ее. Старые плакали, как по дочери, и говорили: «Увы нам, опора нашей старости, просвещение душ наших!»

А молодые говорили: «Как это закатился свет очей наших! Кто обуздает нашу юность? Юности нашей укрощение, не оставляй нас сирых и не забывай нас, госпожа, в своих молитвах к Богу!»

И она, дав всем целование и благословление, воззрев на небо, сказала: «Ты, Господи сердцеведец, ходивший вместе с Авраамом, иди и с нами, рабами твоими, с Евфросинией, Давыдом и Евпраксией!» И так пошли в путь все, кто был с нею.

О, страшное чудо! Не бывавшая прежде никогда ни в какой стране, ни в селе, ни в городе, теперь прошла она с мужскою твердостью все города и государства, принимая от всех великие княжеские почести. Так и повстречал ее царь, шедший <тогда> на венгров, и с великими почестями направил ее в Царьград. И, придя <туда>, поклонилась она святым церквам и великой тамошней церкви Святой Софии. И, поклонившись и благословившись у патриарха, купив кое-какие необходимые вещи, золотую кадильницу и ладан, пошла она в Иерусалим.

И, придя в Иерусалим, послала она слугу своего Михаила к тамошнему патриарху со словами: «Святой владыка, окажи мне милость: повели, чтобы отворились мне врата Христовы». И повелел он, чтобы по ее прошению были они отворены. И, придя к вратам, пала она на землю со словами: «Господи Исусе Христе! Не вмени мне это за грех, что возжелала я пройти по твоим стопам и вошла <по твоим следам> во святой сей град». И пошла она ко Гробу Господню, и, придя и поклонившись, целовала она Гроб Господень, также и бывшие с нею. И, покадив Гроб Господень золотой кадильницей и всевозможными фимиамами, ушла. Остановилась она в Русском монастыре у Святой Богородицы. И на другой день во второй раз пошла она ко Гробу Господню и сотворила так же; и на третий день так же сделала. И, подав много злата и водрузив золотую кадильницу с множеством благовоний на Гробе, встала она у Гроба Господня и, воздев руки свои, глядя на небо и вздыхая из глубины сердца, сказала со слезами: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, родившийся ради нашего спасения от Приснодевы Марии, ты сказал: «Просите, — и получите». И я, грешная, что просила, получила от тебя, Владыка. И вот прошу еще у тебя я, милостивый, чтобы исполнилась последняя моя просьба: прими мой дух от меня во святом граде твоем Иерусалиме! Пересели меня в вышний град твой Иерусалим! Упокой меня в лоне патриарха Авраама вместе со всеми угодившими тебе! Аминь». Сказав это, пошла она в упомянутую церковь Святой Богородицы, где остановилась, и тут по воле Божией впала в недуг и разболелась. И лежала она на ложе своем и говорила: «Слава тебе, Владыка, что захотел ты это сотворить мне, рабе твоей!»

И из-за той болезни не смогла она пойти на Иордан. И пошел брат ее Давыд и сестра ее Евпраксия и те, кто был с нею. А она лежала на своем ложе, возносила хвалу Богу и говорила: «Господи! Подай помощь рабе твоей Евфросинии и помилуй меня!» И пришли те, кто был на Иордане; и она, с радостью поднявшись и приняв от них иорданскую воду, напилась ее и облилась ею <с ног до головы> — все тело свое и, возлегши, сказала: «Во веки благословен Бог, просвещающий всякого человека, грядущего в мир! Молю человеколюбивого Бога, ревнуя покаянию Петрову после отвержения, когда не отчаялся он, а горько плакал: приняв покаяние его, прими и меня, недостойную рабу твою Евфросинию, молящуюся о супостате своем, враге дьяволе, — да не проговорит злой враг обо мне ничего пред тобою на Страшном Суде твоем, Господи! Я наступила своими ногами на змиеву его главу и противилась дерзости его окаянной, надеясь на человеколюбие твое, Господи!»

И услышал Бог ее молитву. И послал Господь ангела своего к ней со словами: «Блаженна ты среди жен, и благословен твой труд! Вот открываются тебе двери райские, и собрались все ангелы со свечами, ожидая встречи с тобой, дар, которого просишь ты у Бога, дастся тебе». И, сказав это, ангел отошел от нее.

И блаженная Евфросиния возрадовалась душой и послала спешно сказать в Лавру: «Вот уж приспело мое время, чтобы упокоил меня Бог; примете ли меня, чтобы мне лечь в церкви Святого Саввы?» И бывшие там чернецы пообещали ей: «Есть у нас запрещение святого Саввы — не принимать никого из жен, но вот тебе монастырь Святой Богородицы, общежительный Феодосиев, где лежат святые жены: мать святого Саввы, мать святого Феодосия, мать святых бессребреников Козьмы и Дамиана, именем Феодотия, и многие другие святые. Там тебе подобает лечь».

И приехавший <от них> ее посланник передал <это> Евфросинии. И за все это воздала она хвалу Богу и послала купить себе место для погребения в доме Святой Богородицы. И лежала она 24 дня, и, поняв, что приближается ее кончина, сказала: «Позовите ко мне пресвитера, чтобы он дал мне причастие. Ибо уже близко стоит зватай, ожидающий повеления Владыки». И пришел пресвитер, и принес причастие. И она, поднявшись, трижды поклонилась и, приняв Пречистое Тело, легла и предала свою душу в руки Бога живого, месяца мая в 24-й день отошла в покой небесный.

И каким, братия, языком подобает нам вознести хвалу светозарной памяти преблаженной невесты Христовой Евфросинии? Ведь была она помощницей обиженных, утешительницей скорбящих, одеянием для нагих, посетительницей больных и, сказать просто, — была для всех всем. Евфросиния сердце свое напоила Божьей премудростью! Евфросиния — неувядающий цветок райского сада! Евфросиния — в небесах парящий орел, пролетевший с запада до востока; будто солнечный луч, просветившая всю полоцкую землю! Так что, братия, восхваляется <город> Селунь благодаря Димитрию, Вышгород — благодаря мученикам Борису и Глебу, я же восхваляю блаженный град сей Полоцк, взрастивший такой живой побег, преподобную Евфросинию. Блаженны люди, которые живут в том граде! Блаженны твои родители! Блаженна утроба, из которой вышла преподобная госпожа Евфросиния! Блаженно рождение ее! Блаженно возрастание твое, достохвальная Евфросиния! Блажен труд твой и подвиги твои! Блаженны и монастыри твои! Блаженны люди, живущие в монастырях Святого Спаса и Святой Богородицы! Блаженны люди, служившие преблаженной невесте Христа Бога нашего! Молись пред Богом о стаде своем, которое привела ты к Богу, ибо подобает Ему всяческая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Так завершилась пятая ступень. И здесь же конец пятой грани.

О преславном великом князе Владимирском и всея Руси Всеволоде Георгиевиче

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фрументовой

ОРИГИНАЛ

ШЕСТЫЙ СТЕПЕНЬ, И ЧЕТЫРЕ МИТРОПОЛИТЫ, ФЕОДОР, ИВАН, НИКИФОР, МАТФЕЙ, И ГРАНЬ ШЕСТАЯ, В НЕЙЖЕ ТИТЛА ВЪ 19

О ПРЕСЛАВНЕМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ВСЕВОЛОДЕ ГЕОРГИЕВИЧЕ,[1] НАРЕЧЕННОМ ВО СВЯТОМ КРЕЩЕНИИ ДМИТРИИ, ВЛАДИМЕРСКОМ, ВСЕА РУСИ

Глава 1. Сий родочисленый царствия Рускаго наслѣдник, истинный кореноплодител первоначалствующим руским самодержцем, богохранимый великий князь Всеволод, нареченный во святом крещении Димитрий, 9 сынъ боголюбиваго великаго князя Георгия Долгорукаго Владимеровича Манамаш,[2] бяше же мни во братии своей. Якоже богоотецъ Давыдъ мни во братии своей, тако *и* сей Всеволод менший бяше всѣм братиямъ своим, иже бысть от святаго Перваго Владимера 6 степень, от Рюрика же 9. Бысть же милостивъ и любовен ко всѣм, наипаче же Божий страх имѣя во своем сердцы и судяй суд нелицемѣрен, не обинуюся лица силных своих боляр, и не даяше во обиду никогоже; чтяше же велми и любяше святителей и все священство, иноческий чин. Егоже ради многих его добродѣтелей вся страны трепетаху точию имени его, и повсюду изыде слух его. И вся зломыслящая на нь предаше ему Богъ под руцѣ его и вся враги его покаряше ему под нозѣ его, понеже не возношашеся, ни величашеся, но всегда всю надежду возлагаше на всесилнаго Бога. Аще же и менший бяше во братии своей, якоже вышеречеся, но честию превзыде паче всѣх, послѣди же наслѣдствова степень старѣйшинства во всей Рустей земли.

Возвратим же ся рещи отчасти о рожении его и прочая жития его. В лѣто 6662 отцу его, великому князю Георгию, бывшу в полуднии на рецѣ на Яхромѣ,[3] с нимже благовѣрная его великая княгиня, непразна сущи, и ту родися им сынъ, сий богохранимый Всеволод, егоже нарекоша во святом крещении Дмитрий; идѣже постави град во имя сына своего Дмитров.

Глава 2. О пременении державных. По сих же в третие лѣто преставися от жития сего великий князь Георгий,[4] *по* немъже вниде паки в Киев Изяслав Давыдович,[5] брат преподобнаго Свѣтоши, внук Свѣтославль Ярославича, и вся имѣния Георгиева разграби и многих велмож юзам и темницам предаде. По едином же лѣте и сам убиен бысть на брани,[6] о немже последи речется. В Киевѣ же сѣде Ростислав Мстиславич, внук Манамаш,[7] к нему же прииде от Царяграда митрополит Феодор, — егоже ради посылал, — и прият бысть честно. И четыре лѣта пребыв на митрополии,[8] и к Богу отиде, в негоже мѣсто прииде от Царяграда митрополит Иван.[9] Ростислав же преже не восхотѣ прияти его, но обаче присла к нему царь греческий многая друголюбезная дарования со благоговѣйным увѣщанием, и тако приян бысть.

Глава 3. Начало Владимерскаго самодержства. И уже тогда киевстии велицыи князи подручни бяху владимерскимъ самодерьжцем. Во гради бо Владимери тогда началство утвержашеся пришествием чюдотворнаго образа Богоматери,[10] с нимже прииде из Вышеграда великий князь Андрѣй Георгиевич и державствова.

Глава 4. О пребывании во Цариградѣ триех Георгиевичев и с материю. [11] И той, аще многу добродѣтел стяжав к Богу, но, обаче, побеждашеся властолюбием, единодержател быти желаше всему оттеческому наслѣдию в Рустей земли. И не токмо присную свою братию изгнати начинаше, но и дву Ростиславичев, сынов своих и прежних мужей отца своего изгна. И тоя ради вины и иных ради многих мятеж и нестроения уклонишася Георгиевичи, Мстислав и Василко, отеческия державы и от всего своего сродствия, изыдоша в чюжие земли царствие. Пояша же с собою и сего богохранимаго великаго князя Всеволода, дѣтска суща, яко лѣт четырех, и с материю своею великою княгинею. И приидоша в Царьград и тамо от греческаго царя радостно приемлемы бывают и любочестно учрежаеми; и четыре грады, иже по Дунаю, и прочая власти во одержание приемлют, идѣже доволству своему всяку потребу исполняху. И тамо нѣколико время пребываше, паки возвратишася в земьлю свою.

По Андрѣе же Боголюбьском приемник бысть державы его брат его Михалко Георгиевич, пришедъ ис преславнаго града Москвы, и отмсти кров брата своего Андрея.[12] Сам же лѣто едино державствова и к Богу отиде.

Глава 5. Самодержавство великого князя Всеволода[13] Георгиевича во граде Владимере. Тогда же великий богохранимый князь Всеволод Георгиевичь господьствуя в Переславли,[14] отнюду же владимерстии людие многим желанием призваша его Владимер; и достодолжным любочестием срѣтоша его. И тако надо всѣми владомыми в Рустей земли бысть един всѣми любим самодержец. Такоже и сам всѣх любя, токмо единех злодѣев, дерзнувших пролияти неповинную кров брата его, великаго князя Андрея, и сих всѣх изыска и сугубой казни предаде, и всѣх обѣщников их. Самѣх же безумных Кучкович[15] ухващая и в коробы пошивая, въ езере истопити повелѣ.

Глава 6. О явлении на воздусѣ церкви Владимерския и всего града. Князь же Мстислав Ростиславич Юрьевича[16] прииде из Великаго Новаграда, послушав ростовлян, и совокупи воинство, скоро грядый ко Владимерю, завистию властолюбия подвизаемъ на стрыя своего, сего богохранимаго самодержца Всеволода. Всеволод же изыде противу ему. Егда же бысть за Суждалем, и ту узре Всеволод и вси полцы его церковь Пречистыя Богоматери Владимерскую и весь град до основания яко на воздусе стоящ. Тако яви Богъ преславное знамение таковым чюдесным явлениемъ, хотящую свыше быти помощ и заступление самодержцу Всеволоду, понеже благосердъ сый и не хотяше брани, но многажды посылаше братаничю своему Мстиславу глаголя: «Вѣм, яко ростовляне подвигоша тя на мя. То довлѣет ти Ростов во одержание, мнѣ же —

Владимеръ, идѣже зван есмь. Суждаль буди обоим нам во общину до времени». Мстислав же нимало не внимаше о сих, отринув мирный завѣт, на брань устремляшеся. Глаголаху ему ростовляне, нелѣпая глаголюще: «Аще ты мируеши, мы же не тако».

Всеволод же прииде ко Юрьеву, и ту приспѣша к нему переяславляне, и вси вкупѣ сущии с ним глаголаху ему: «Послушай словеси раб твоих, правдивый самодержателю! Се бо брату твоему Михалку еще нѣсть десятаго дни, отнелѣже к Богу отиде, сыновец же ваш на кровопролитие готовится, — противу же благодѣяния твоего главу твою улавляет. И сего ради дерзай, яко правды ради твоея явися тебѣ Пречистая Богородица за Суждалем». Богохранимый же Всеволод призва Бога на помощ и все упование возложи на Пречистую Богородицу, поиде противу ему. И сразившеся близ Юрева, и одолѣ Всеволод и прииде во град Владимер с великою побѣдою, воздая велие благодарение Богу и Пречистой Богородицы. (...)

---

[1] *О... великом князе Всеволодѣ Георгиевиче...* — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212) — великий князь владимирский (с 1176 г.).

[2] *...князя Георгия Долгорукаго Владимеровича Манамаш...* — Юрий Владимирович Долгорукий (кон. 90-х гг. XI в.—1157 г.) — князь суздальский и киевский, сын Владимира Мономаха.

[3] *...бывшу в полуднии на рецѣ на Яхромѣ... и ту родися им сынъ... идѣже постави град во имя сына своего Дмитров.* — Сообщение о рождении сына Юрия Долгорукого Всеволода и о закладке г. Дмитрова (ныне в Московской области) сохранилось в летописных известиях ростово-суздальского происхождения. *Яхрома* — небольшой приток Волги.

[4] *По сих же в третие лѣто преставися... великий князь Георгий...* — Юрий Долгорукий умер 15 мая 1157 г., по сообщениям летописей, вскоре после пира у киевского боярина Петрилы. Возможно, он был отравлен.

[5] *...по немъже вниде... в Киев Изяслав Давыдович, брат преподобнаго Свѣтоши, внук Свѣтославль Ярославича, и вся имѣния Георгиева разграби и... велмож юзам и темницам предаде.* — После смерти Юрия Долгорукого на киевский стол сел князь Изяслав Давидович Черниговский (1157—1159), отпрыск рода черниговских Святославичей. *Святоша* — прозвище набожного брата Изяслава — князя Святослава-

Николая, в 1106 г. ставшего монахом Киево-Печерского монастыря и впоследствии канонизированного. О народном восстании в Киеве после смерти Юрия Долгорукого сообщают летописи, в частности Ипатьевская.

[6] *По едином же лѣте и сам убиен бысть на брани...* — Князь Изяслав был изгнан из Киева и погиб в ходе междоусобиц.

[7] *В Киевѣ же седѣ Ростислав Мстиславич, внук Манамаш...* — Князь Ростислав Мстиславич Смоленский (ум. в 1167 г.) был великим киевским князем в 1154 и 1159—1167 гг.

[8] *...Феодор... четыре лѣта пребыв на митрополии...* — Согласно Ипатьевской летописи, киевский митрополит Феодор пришел на Русь в августе 1161 г., занимал кафедру то ли 10 месяцев, то ли год и 10 месяцев, умер в 1162 или в 1163 г.

[9] *...прииде от Цряграда митрополит Иван. Ростислав же преже не восхотѣ прияти его...* — Иоанн IV, киевский митрополит (1164—1166), преемник Феодора. По сообщению Ипатьевской летописи, после смерти Феодора Ростислав решил возвратить на митрополичью кафедру Климента, занимавшего ее ранее и изгнанного Юрием Долгоруким. Посол, отправившийся в Константинополь с просьбой об утверждении Климента, встретил поставленного патриархом нового митрополита Иоанна и вернулся с ним в Киев. Недовольство Ростислава смягчили богатые дары и дружеское письмо императора Мануила.

[10] *Во гради бо Владимери... началство утвержашеся пришествием чюдотворнаго образа Богоматери...* — Летописи сообщают, что в 1155 г. Андрей Боголюбский перевез в Ростово-Суздальскую землю ту самую икону, которая была привезена из Царьграда на Русь в «едином корабли» с иконою Пирогощею, и поставил ее в «церкви своея» — в построенном 5 лет спустя Успенском соборе. Икона, ставшая главной святыней княжества, была взята в женском монастыре Святой Богородицы в Вышгороде. Греческое происхождение иконы Владимирской Божьей Матери подтверждено работами реставраторов советского периода. См.: Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы (наст. изд., т. 4).

[11] *О пребывании во Цариградѣ триех Георгиевичев и с материю.* — В 1162 г. Андрей Боголюбский прогнал своих братьев — Мстислава и Василька, а также двух Ростиславичей, своих племянников, и главных мужей покойного отца. В семейную распрю вмешалась византийская дипломатия. Император пригласил Мстислава и Василька с матерью в Византию. Василько получил 4 города на Дунае, а Мстислав — волость Отскалан. В Византию братья взяли и малолетнего Всеволода — будущего великого князя владимирского.

[12] *...приемник бысть державы его брат его Михалко Георгиевич... и отмсти кров брата своего Андрея.* — Андрей Боголюбский погиб в 1175 г. в результате дворцового заговора в своей резиденции Боголюбове под Владимиром (см.: Повесть об убиении Андрея

Боголюбского в наст. изд., т. 4). Михаил Юрьевич (ум. в 1177 г.) стал владимирским князем, победив в борьбе за престол своих племянников — Ростиславичей.

[13] *Самодержавство великого князя Всеволода...* — Впервые летописи называют Всеволода Юрьевича великим князем владимирским под 1186 г.

[14] *...господьствуя в Переславли...* — В Переяславль-Залесский посадил Всеволода брат Михаил.

[15] *...безумных Кучкович...* — Бояре Кучковичи — Яким Кучкович и Петр Кучков зять — организаторы заговора против Андрея Боголюбского.

[16] *Князъ... Мстислав Ростиславич Юръевича...* — Племянник Всеволода Юрьевича, новгородский князь, был выдвинут на владимирский стол ростовским боярством после смерти Михалка. Битва с ним и его войсками под Юрьевом-Польским 27 июня 1177 г. принесла победу Всеволоду.

ПЕРЕВОД

ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ, И ЧЕТЫРЕ МИТРОПОЛИТА, ФЕОДОР, ИВАН, НИКИФОР, МАТФЕЙ. И ГРАНЬ ШЕСТАЯ, В КОТОРОЙ ГЛАВ 19

О ПРЕСЛАВНОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ВЛАДИМИРСКОМ И ВСЕЯ РУСИ ВСЕВОЛОДЕ ГЕОРГИЕВИЧЕ, НАРЕЧЕННОМ В СВЯТОМ КРЕЩЕНИИ ДМИТРИЕМ

Глава первая. Сей исчисленный в родах наследник Русского царства, истинный прародитель корня первых русских самодержцев, Богом хранимый великий князь Всеволод, нареченный во святом крещении Дмитрием, девятый сын боголюбивого великого князя Георгия Владимировича Долгорукого, Мономашича, был младшим среди своих братьев. Как богоотец Давыд был младшим средь своих братьев, так и сей Всеволод был младше всех своих братьев, был он от святого Первого Владимира шестой ступенью, а от Рюрика девятой. И относился ко всем милостиво и с любовью, самое же главное имел он страх Божий в своем сердце и судил судом нелицеприятным, не страшась сильных своих бояр, и никого не давал в обиду; почитал он сильно и любил святителей, и все духовенство, и чин иноческий. И ради многих его добродетелей трепетали страны все от одного лишь только его имени, и повсюду распространялся слух о нем. Бог предал ему в руки всех замышлявших на него зло и привел покорными к его ногам всех его врагов, ибо он не возносился и не величался, но всегда возлагал всю свою надежду на всесильного Бога. Хоть и меньшим был он средь своих братьев, как

выше было сказано, но честью превзошел всех и под конец унаследовал старейшинство над всей Русской землею.

Вернемся же, чтобы сказать немного о его рождении и о дальнейшей его жизни. В 6662 (1154) году был отец его, великий князь Георгий, вместе со своей непраздной благоверной великой княгиней в полдень на реке Яхроме, и там родился у них сын, сей Богом хранимый Всеволод, которого нарекли в святом крещении Дмитрием; и там поставил <князь Георгий> город Димитров в честь своего сына.

Глава 2. О перемене правителей. На третий год после этого преставился от здешней жизни великий князь Георгий, после чего в Киев снова вошел Изяслав Давыдович, брат преподобного Святоши, внук Святослава Ярославича, и разграбил все Георгиевы богатства и заключил многих вельмож во узы и темницы. А спустя один год он и сам был убит в бою, о чем будет сказано позже. В Киеве же сел Ростислав Мстиславич, внук Мономахов, а к нему пришел из Царьграда митрополит Феодор, — потому как он посылал <за ним>, — и был принят с честью. И, пробыв четыре года на митрополии, отошел он к Богу, а на его место из Царьграда пришел митрополит Иван. Ростислав же сначала не пожелал его принять, но греческий царь прислал к нему множество дружеских даров с почтительными увещаниями, и так принят был <митрополит>.

Глава 3. Начало самодержавного правления во Владимире. Уже тогда великие киевские князья были под рукой владимирских самодержцев. В граде Владимире укреплялось тогда главенство благодаря пришествию чудотворного образа Богоматери, с которым пришел из Вышгорода великий князь Андрей Георгиевич и стал править.

Глава 4. О пребывании в Царьграде троих Георгиевичей вместе с матерью. И тот, хоть и много добродетелей стяжал пред Богом, но, однако, был подвержен властолюбию, хотел быть единодержцем всего отеческого наследия в Земле русской. И стал изгонять не только родных своих братьев, но и двух Ростиславичей, сыновей своих и прежних вельмож отца своего, изгнал. И по той причине и из-за многих других смут и нестроений удалились Георгиевичи, Мстислав и Василько, из отцовских владений, от всех своих родичей, ушли в землю чужого царства. А с собой взяли и сего Богом хранимого великого князя Всеволода, бывшего <тогда> ребенком около четырех лет, вместе с матерью своей великой княгиней. И пришли они в Царьград, и были с радостью приняты там греческим царем, и устроены любовно и с почетом; и принимают они четыре города по Дунаю и другие области во

владение, и получают себе оттуда все необходимое на содержание. И, пробыв там некоторое время, возвратились они в свою землю.

По Андрее же Боголюбском был преемником его власти брат его Михалко Георгиевич, придя из славного города Москвы, отомстил он за кровь брата своего Андрея. А сам, провластвовав один год, отошел к Богу.

Глава 5. Самодержавное правление во граде Владимире великого князя Всеволода Георгиевича. В ту пору Богом хранимый великий князь Всеволод Георгиевич правил в Переяславле, откуда владимирцы с большой охотой призвали его во Владимир; и встретили его с подобающей любовью и честью. И так стал надо всеми подданными в Русской земле один всеми любимый самодержец. Он и сам всех тоже любил, только одних злодеев, дерзнувших пролить невинную кровь брата его, великого князя Андрея, этих всех разыскал и предал тяжкой казни, как и всех их сообщников. Самих же безумных Кучковичей повелел схватить, зашить в короба и утопить в озере.

Глава 6. О явлении Владимирской церкви и всего кремля в воздухе. И пришел князь Мстислав, сын Ростислава Юрьевича, из Великого Новгорода, послушав ростовцев, и собрал войско, и пошел скоро к Владимиру, движимый властолюбием и завистью к своему дяде, сему хранимому Богом самодержцу Всеволоду. Всеволод же вышел ему навстречу. И, когда были они за Суздалем, тогда увидел Всеволод и все его полки церковь Пречистой Богоматери Владимирской и весь град до основания его будто стоящим на воздухе. Так явил Бог таким чудесным явлением преславное знамение о том, что будет помощь свыше и заступничество самодержцу Всеволоду, ибо имел он доброе сердце и не хотел войны, много раз посылал он к племяннику своему Мстиславу со словами: «Знаю я, что ростовцы склоняют тебя выступить против меня. Довольно тебе Ростова для владения, мне же — Владимир, куда я зван. Суздаль до времени пусть будет общим для нас обоих». Но Мстислав нисколько не внимал этому и, отринув мирный уговор, стремился к войне. Говорили ему ростовцы недоброе: «Если ты замиришься, мы все равно так, <как ты>, не сделаем».

А Всеволод пришел к Юрьеву, и тут подоспели к нему переяславцы, и все, кто был вместе с ним, стали ему говорить: «Послушай речей рабов твоих, праведный самодержец! Вот брату твоему Михалке и десяти нет дней, как отошел он к Богу, а племянник ваш уже к кровопролитию готовится — в ответ на благодеяние твое ищет твою голову. Потому дерзай, ведь за правоту твою явилась тебе Пречистая Богородица за Суздалем». И богохранимый Всеволод призвал на помощь Бога и всю

надежду возложил на Пречистую Богородицу, и пошел ему навстречу. И сразились они близ Юрьева, и победил Всеволод и пришел во град Владимир с великой победой, вознося великое благодарение Богу и Пречистой Богородице. <...>

О благоверном и богохранимом прямом наследнике великом князе Ярославе Всеволодовиче

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

СЕДМЫЙ СТЕПЕНЬ И ГРАНЬ СЕДМАЯ, В НЕМЖЕ ГЛАВ 16 И ДВА МИТРОПОЛИТА, КИРИЛ, ИОСИФ

О БЛАГОВѢРНОМЪ И БОГОХРАНИМОМ КОРЕНОПЛОДНОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВѢ ВСЕВОЛОДИЧИ (...)

Батыева рат. Тоя же зимы[1] за многая и великая наша согрѣшения и разность и несогласие и неисправление к Богу наведе на ны Богъ от востока безчеловѣчнаго Батыя, от негоже пленена бысть тогда Руская земля, и сугубу язву восприяхомъ и смирихомся зѣло; и насилие немало сотвориша погании християном: многия грады и мѣста разорени быша, и многия начала побѣжени быша, и владущий тогда во граде Владимери брат сего великаго князя Ярослава[2] Георгий Всеволодич[3] убиенъ бысть, и супружница его, и чада. И аще тако сурово попусти на ны Богъ злочестиваго Батыя, иже яко вепрь от луга и яко инок диви вселенную, яко траву, пояде,[4] но плода благовѣрия не сотре. И аще таковыми ранами наказа ны Господь, но милости своея не разори от нас и не попустил никомуже похитити престолъ царствия крестоносныя хоругви руских самодержателей, аще и вѣтви обламаны быша.

Ярослава Богъ защити яко корень благочестия, невреженъ бысть и цѣл сохраненъ бысть сий истинный поборник православию, богохранимый великий князь Ярослав. Бѣ бо милостивъ всякому просящему у него, егоже кто требоваше, невозбранно подавая, егоже ради спасен бысть и прочии с ним от губителных рук. Никтоже бо возможет на милостивыя,

якоже рече Господь: «Блажени милостивыи, яко ти помиловани будутъ».[5] «Вѣсть бо Господь, — по апостолу, — благочестивыя от напасти избавляти».[6] Якоже избави праведнаго Ноя, наслѣдника миру, от вселенскаго потопа и Лота от Содомскаго пожжения,[7] тако защити преблагий Богъ и сего наслѣдника русскаго, возлюбленнаго своего вѣрнаго правителя, державнаго Ярослава Всеволодича, емуже тогда в нашествие Батыево прешедшю ис Киева в Великий Новград, — с нимже бяху и боголюбивая его супружница и благородные чада и прочии ближнии ему, — и тамо Богом снабдѣваеми бяху от озлобления татарска.

Бракъ Александровъ.[8] В тогдашнее же время пресловущий в державных сынъ его, великий князь Александръ, законному браку сочтася, — поят себѣ супружницу дщерь полотскаго князя Брячислава, с неюже венчан бысть во градѣ Торопче, пришед же в Новград и ту брак торжествова свѣтло. Тогда же новоградцкими мужи и град в Шелони постави.

Побѣда на литву.[9] Безбожная же литва тогда Смоленску пакость дѣяху, великий же князь Ярослав Всеволодичь шед оборони смолнян: Божиею помощию литву победи. По пленении же Батыевѣ всюду святыя церкви и грады обнавляя и люди разбѣгшаяся собирая.

Первое иде Ярославъ во Орду.[10] И тогда злоименитый Батый присла к нему посол свой, зовый его к себѣ во Орду. Ходившу же ему, и достойную честь прият от царя, и восприим старѣйшинство во всем рускомъ языцѣ. Прииде в землю свою честно и славно и многи пришелца утѣши и множество людий собра. Сами прихожаху к нему в Суждоскую землю от славныя рѣки Днѣпра и от всѣх стран Руския земли: галичане волынстии, кияне, черниговцы, переяславцы и славнии куряне, торопчане, мѣняне, мѣщижане, смолняне, полочане, муромцы, рязанцы; и вси подражаху храбрости его и обещевахуся ему живот свой полагати за избаву християнскую; и тако множахуся и всяким богатеством исполняхуся; и бысть *по* обычной скорби радость велия християном, и благодарствоваху Бога, преспевающе во благочестии.

Второе иде Ярослав во Орду и преставися во иноплеменницѣх.[11] — Ненавидяй же добра диявол, искони спону творя человѣческому роду, и паки лютѣйшую брань подвизаше на благочестие: наостри поганых татар творити християном великое насилие и безмѣрную тягость. И тако безбожнии содѣвающе; и паче того — злѣйшим коварствомъ тщахуся и вѣру християнскую в Рустей земли повредити, и святыя церкви разорити, и богомерския прелести персидския волшебное идолослужение надѣяхуся, безаконнии, в Руси предложити.

Михаил Черниговский. Им же тогда возрази таковое коварство великий князь Михаил Черниговский, с нимже единоревнителный его болярин Феодор:[12] от тѣх же поганых во Ордѣ за вѣру Христову мучением скончашася, якоже последи о сих доволно изявленно бысть.

Самодержец Ярослав. Сий же великий князь Ярослав Всеволодич *в то* же время и лѣто паки бысть в той же великой Ордѣ, в пагубной земли татарстей, и вся безаконных неправедная на благочестие умышления разумѣ; и сердцем разгарашеся и ревности божественныя исполняшеся, не терпя зрѣти людей земли своея погибающих душею и тѣлом, за нихже умысли драгаго своего живота не пощадѣти истиннаго ради благочестия, паче же воспоминая началнѣйшее отческое благородие и Богом дарованное им скипетродержание, и како вси страны трепетаху именъ их, не токмо ближнии, но идалние земли, царства, и самии гречестие царие, и како повсюду бысть в Рустей земли православная вѣра християнская, идѣже бысть всякия божественыя благодати исполнение и всего земнаго доброплодия изобилование, в нихже не бяше тогда поганина, уду же присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху от моря и до моря: угрове,[13] и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и нѣмцы, и чюдь, и корѣла, и устюг, и обои болгары, и буртасы, и черкасы, и мордва, и черемиса; и самии половцы дань даяху и мосты мостяху, литва же тогда и из лесов бояхуся выницати; татари же тогда ни слухом не именовахуся.

Подвиг Ярославль.[14] Во дни же его Божиимъ гнѣвом грѣх ради наших от безбожных татар Рустей земли толико пленение бысть, не токмо телесное, но идушевное. Итого ради богоподражателный самодержец, храбный душею и тѣлом великий князь Ярослав, второе прииде во Орду к безаконному царю Батыю, с ним же и братия его и сыновцы. Пришедже, не устыдѣся царския его темныя власти, ни ужасеся безстудныя его ярости, добрѣ подвизаяся о истиннѣ глаголати за люди Божия Руския земли, обличая поганых безумное велѣние. Егоже ради Батый посла его х Кановичем.[15] И тамо инѣмъ образом, инѣми завистными винами оклеветан бысть от нѣкоего Феодора Яруновича,[16] тако именуема, и сице, егоже не начаяшеся — страдати, и сия доблественѣ со благодарением претерпѣ от безбожных татар; и многу истому восприят за всю братию свою и за множество христоименитаго достояния, иже в Рустей земли. И таковым своим страданием доблий подвижник сотвори многу и благу ползу и велику помощ и ослабу християнству от тягости и от злаго насилства татарска.

Поиде же оттуду, велми изнемогая, и тогда воспомяну любезныя своя чада, к нимже яко ту сущим глаголаше. Благословение чадомъ,[17] 6 сынм. «О, возлюблении мои сынове, плод чрева моего: храбрый мудрый

Александре, и споспѣшный Андрей, и удалый Констянтине, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле![18] Будите благочестию истиннии поборницы и величествию державы Руския Богом утвержении настолницы. Божия же благодать и милость и благословение на вас да умножится в роды и роды во вѣки. Аз уже к тому не имам видѣти вас, ни в земли Суждалстей быти: уже бо сила моя изнеможе и жития кончина приближися. Вы же не презрите двоих ми дщерий, Евдокѣи и Улияны, [19] сестръ ваших, иже бяше им настоящее сие время горчайши желчи и пелыни, понеже матери оставше,[20] нынѣ же и мени, отца, лишени суть; но обаче Богъ есть сирым помощник, и слава о всем праведным судбам его». И тако умнѣ благословяй чада своя и послѣднее изнемогая болѣзнию от многаго истомления и нужи, и со многим благодарением предаде душу свою в руцѣ Богови во иноплеменных земли, мѣсяца септября 1 день. «Что убо сего болши, — якоже Святое Писание глаголетъ, — еже положити душу свою за други своя?»[21] И тако сий приснопамятный великий князь Ярослав в далней земли, в кановѣ Ордѣ, положи душу свою за святыя домы церковныя, и за вѣру християнскую, и за вся люди земли Руския. И сего ради причте его Богъ ко избранному своему стаду праведных селения. Три же сыны его преже его к Богу отидоша: Феодор, Афанасий, Василий.[22]

Лѣпо же есть воспомянути и прочюю благодарную братию и сродников сего Богом снабдимаго великаго князя Ярослава Всеволодича, колико богоугодни быша. Мнози же от них и мученическими вѣнцы увязошася, о них же последи речется. Здѣ же явлены да будут многия добродѣтели и благия обычая великаго князя Констянтина Всеволодича,[23] брата сего Ярослава. (...)

---

[1] *Тоя же зимы...* — В предыдущем тексте год не назван. Нашествие войск Батыя на Северо-Восточную Русь произошло зимой 1237/38 г.

[2] *...великаго князя Ярослава...* — Ярослав (1191—1246) — третий сын Всеволода Большое Гнездо, в 1238 г. после гибели брата Юрия занял владимирский великокняжеский стол.

[3] *...Георгий Всеволодич убиенъ бысть, и супружница его, и чада.* — Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича, погиб в битве с татаро-монголами на р. Сить 4 марта 1238 г. Его жена и дети погибли в феврале 1238 г., когда татары взяли Владимир.

[4] *...яко вепрь от луга... траву, пояде...* — Ср. Пс. 79, 14.

[5] *«Блажени милостивыи... будутъ».* — Мф. 5, 7.

[6] *«Вѣсть бо Господь... от напасти избавляти».* — 2 Петр. 2, 9.

[7] *Якоже избави... Ноя... от вселенскаго потопа и Лота от Содомскаго пожжения...* — Ной (библ.) — праведник, извещенный Богом о намерении истребить все живое; Лот (библ.) —получил от ангелов совет покинуть с семейством обреченный Богом на гибель город Содом (см.: Быт. 5—8; Быт. 19).

[8] *Бракъ Александровъ... Брячислава...* — Князь Александр Ярославич Невский (1220—1263) женился в 1239 г. на дочери полоцкого князя Брячислава Александре. В том же году он как новгородский князь строил крепости на западной окраине новгородских владений, на реке Шелони.

[9] *Побѣда на литву.* — В Никоновской летописи под 1239 г.

[10] *Первое иде Ярославъ во Орду.* — Согласно летописям, Батый вызвал Ярослава к себе в Сарай, столицу Золотой Орды, расположенную в низовьях Волги, в 1243 г.

[11] *Второе иде Ярослав во Орду и преставися во иноплеменницѣх.* — В 1246 г. Ярослав был отправлен в Монголию в Каракорум, столицу государства Чингисидов. При дворе великого хана Ярослав был отравлен, чтобы «свободнее и окончательнее завладеть его землей» (свидетельство Плано Карпини).

[12] *Им же тогда возрази... Михаил Черниговский, с нимже... его болярин Феодор...* — Черниговский князь Михаил Всеволодович (погиб в 1246 г.) прибыл к Батыю, рассчитывая получить от него Черниговское княжество, из которого бежал за границу при приближении татар в 1238 г. Отказался исполнить обряды, демонстрирующие уважение к языческой вере татар, и был убит. Погиб и сопровождавший его боярин Феодор. Их гибель была истолкована как мученическая смерть за христианскую веру, и они были канонизированы.

[13] *...угрове... и обои болгары, и буртасы, и черкасы... литва же тогда и из лесов бояхуся выницати...* — Перечень подвластных Ярославу народов заимствован из «Слова о погибели русской земли» (см. наст. изд., т. 5). Угры — мадьяры, венгры; *...обои болгары...* — имеются в виду волжские и дунайские болгары. Буртасы — волжское племя, постепенно, как и волжские болгары, утратившее племенные особенности после татаро-монгольского завоевания. Черкасы — видимо, кавказские черкасы (черкесы).

[14] *Подвиг Ярославлъ.* — Черты почти святого заступника Русской земли Ярослав приобретает в Степенной книге в русле общей концепции ее составителя.

[15] *...х Кановичем.* — К великому хану в Монголию.

[16] *...оклеветан бысть от... Феодора Яруновича...* — О Феодоре Яруновиче упоминает Никоновская летопись.

[17] *Благословение чадомъ...* — Завещание Ярослава сочинено автором Степенной книги.

[18] *...храбрый... Александре, и споспѣшный Андрей, и удалый Констянтине, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле!* — Сыновья Ярослава: Александр Невский; Андрей (ум. в 1264 г.), великий князь владимирский (1247—1252), затем свергнут Александром и бежал в Швецию, вернувшись в 1256 г. на Русь, получил от великого князя Городец и Нижний Новгород; Константин (ум. в 1255 г.), княжил в Галиче Костромском; Ярослав (ум. в 1272 г.), князь тверской и переяславский, с 1264 г., после смерти Александра Невского и Андрея Городецкого, великий князь владимирский; Даниил (ум. в 1256 г.); Михаил, московский князь (1247—1248), великий князь владимирский с 1248 г., погиб в том же году.

[19] *...дщерий, Евдокѣи и Улияны...* — Летописи упоминают только одну дочь Ярослава, Марию, родившуюся в 1240 г.

[20] *...матери оставше...* —Ярослав Всеволодович был женат вторым браком на дочери князя Мстислава Мстиславича Удалого Феодосии, в иночестве Евфросинии, которая умерла в 1244 г.

[21] *«Что... болили, еже положити душу... за други своя?».* — Ин. 15, 13.

[22] *...Феодоръ, Афанасий, Василий.* — Феодор (ум. в 1233 г.); Афанасий — сведений нет, по мнению Н. М. Карамзина, христианское имя Ярослава Тверского; Василий, младший сын Ярослава, князь костромской, получил ярлык на великое княжение после смерти Ярослава Ярославича, умер в 1276 г.

[23] *...князя Костянтина Всеволодича...* — Константин Всеволодович (1186—1218) — старший сын Всеволода Юрьевича, князь новгородский (1206—1207), ростовский князь (1206/1207—1216), великий князь владимирский (1216—1218).

ПЕРЕВОД

СЕДЬМАЯ СТУПЕНЬ И ГРАНЬ СЕДЬМАЯ, В КОТОРОЙ 16 ГЛАВ И ДВА МИТРОПОЛИТА, КИРИЛЛ И ИОСИФ

О БЛАГОВЕРНОМ И БОГОХРАНИМОМ ПРЯМОМ НАСЛЕДНИКЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ЯРОСЛАВЕ ВСЕВОЛОДОВИЧЕ <...>

Война с Батыем. В ту же зиму за многие и великие наши прегрешения, за уклонение от Бога, <нежелание жить с ним> в согласии, за

несвершение <его заповедей> привел Бог на нас с востока бесчеловечного Батыя, что пленил тогда Русскую землю, и прияли мы тяжкие раны и сильно смирились; и немалое насилие сотворили варвары над христианами: города многие и места разорены были, властители многие побеждены были, и убит был тогда правивший во граде Владимире брат сего великого князя Ярослава Георгий Всеволодович, и супруга его, и чада. Но хоть столь сурово и попустил Бог прийти на нас нечестивому Батыю, что как вепрь или дикий зверь-одинец пожрал, будто на лугу траву, вселенную, все же плодов благоверия он не уничтожил. И хоть столь сильными ранами наказал нас Господь, но своей милости не отнял от нас и не попустил никому похитить престол царствия крестоносной хоругви русских самодержцев, хотя ветви и обломаны были.

Ярослава Бог защитил как корень благочестия, был не тронут и сохранен в целости сей истинный поборник православия, богохранимый великий князь Ярослав. Был он милостив ко всякому просившему у него; кто бы в чем ни нуждался, он беспрекословно подавал, чего ради и был спасен от рук губителей, а вместе с ним и другие. Ибо никто не может осилить милостивых, как сказал Господь: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут». «Ибо Господь ведает, — по апостолу, — как благочестивых от напасти избавлять». Как избавил он унаследовавшего мир праведного Ноя от всемирного потопа, а Лота от сожжения в Содоме, так защитил преблагой Бог и сего унаследовавшего Русь возлюбленного им верного правителя, державного Ярослава Всеволодовича, он перешел тогда в Батыево нашествие из Киева в Великий Новгород, — а с ним были боголюбивая его супруга и благородные чада и прочие его близкие, — и там были оберегаемы они Богом от татарской беды.

Брак Александра. И в тогдашнее время знаменитый среди властодержцев сын его, великий князь Александр, сочетался законным браком, — взял в супруги себе дочь полоцкого князя Брячислава, с которой обвенчался во граде Торопце, а пришедши в Новгород, торжественно праздновал там свадьбу. Тогда же он с новгородскими людьми и крепость в Шелони поставил.

Победа над литовцами. Безбожные же литовцы пакостили тогда Смоленску, а великий князь Ярослав Всеволодович пошел и защитил смолян: с Божьей помощью победил литовцев. После Батыева нашествия обновлял он повсюду святые церкви и города и собирал разбежавшийся народ.

Первый раз пошел Ярослав в Орду. И тогда печально известный Батый прислал к нему своего посла, зовя его к себе в Орду. И, придя <в Орду>, принял он достойные почести от царя и получил <право> старейшинства надо всем русским народом. Пришел он в землю свою с честью и славой и множество пришельцев утешил, и много народа собрал. <Люди> сами приходили к нему в Суздальскую землю со славной реки Днепр и со всех концов Русской земли: волынские галичане, киевляне, черниговцы, переяславцы и славные куряне, торопчане, минчане, мещеряне, смоляне, полочане, муромцы, рязанцы; и все подражали его храбрости и обещались ему положить жизнь свою за избавление христиан; и приумножался так <народ>, и преисполнялся всяческого богатства; и приходила после привычной скорби великая радость христианам, и благодарили они Бога, подвигаясь во благочестии.

Второй раз пошел Ярослав в Орду и преставился на чужбине. Но ненавидящий добро дьявол, искони творящий препоны человеческому роду, еще более лютую напасть навел на благочестие: напустил поганых татар творить великое насилие христианам и непомерные тяготы. И так они, безбожные, и сотворяли; и больше того — с самым страшным коварством старались они и веру христианскую в Земле русской повредить, и разорить святые церкви, и колдовское идолослужение богомерзкой персидской обманной прелести надеялись, беззаконники, на Руси установить.

Михаил Черниговский. Тогда им на таковое коварство ответил великий князь Михаил Черниговский, а с ним его единомышленник, боярин его Феодор: от рук тех поганых скончались мученически они в Орде за веру Христову, как о том будет впоследствии подробно сказано.

Самодержец Ярослав. А сей великий князь Ярослав Всеволодович в то же самое время, в тот год, был в той же великой Орде, в погибельной земле татарской, и все их, беззаконников, неправедные замышления против благочестия понял; и разгорелся он сердцем и исполнился божественной ревности, не в силах зреть погибающими душой и телом людей земли своей, за кого решил не щадить своей драгоценной жизни ради истинного благочестия, а самое главное — помня об исконном благородии отцов своих и о дарованном им Богом скипетродержании, о том, как все земли трепетали перед их именами, не только ближние, но и дальние земли и царства, и сами греческие цари, как была повсюду на Русской земле православная вера христианская, <на земле>, исполненной всяческой божественной благодати и изобиловавшей всяческими земными богатствами, <на земле>, где не было язычников, <на земле>, которой присягали и повиновались многие страны и давали дань от моря и до моря: венгры, чехи, поляки, ятвяги, литовцы, немцы, чудь, корелы, устюжане, буртасы, черкасы, мордва, те и другие

болгары, черемисы; и сами половцы дань платили и мосты мостили, а литовцы тогда и из лесов боялись показываться; имени же татар тогда и слышно не было.

Подвиг Ярослава. В его же дни по Божьему гневу за наши грехи попала Русская земля в такой плен к безбожным татарам, не только в телесный, но и в душевный. И потому богоподражательный самодержец, храбрый душой и телом великий князь Ярослав, во второй раз пришел в Орду к безбожному царю Батыю, а с ним братья его и племянники. И, придя, не смутился перед темной его царской властью, не испугался его бесстыдной ярости, а стал славно подвизаться за правду, говоря в защиту людей Божьих Русской земли, обличая безумное повеление поганых. Из-за чего послал его Батый к великому хану в Монголию. И там каким-то образом, по зависти, оклеветан был он неким человеком по имени Федор Якунович, и таким образом, то, чего и не надеялся, — пострадать, доблестно с кротостью претерпел от безбожных татар; много принял он мук за всю братию свою и за множество христоименитого достояния, что было в Русской земле. И таковыми своими страданиями сотворил доблестный подвижник великую и благую пользу и большую помощь и послабление христианам от ига и злого насилия татарского.

И, когда пошел он оттуда, страшно обессилев, тогда вспомнил он любимых своих чад и стал говорить им, как если бы они там были. Благословение чадам, шестерым сыновьям. «О, любимые мои сыны, плод моего чрева: храбрый мудрый Александр, и удачливый Андрей, и удалой Константин, и Ярослав, и милый Даниил, и прекрасный Михаил! Будьте истинными поборниками благочестия и величия Русской державы Богом утвержденными преемниками. Пусть пребывает и умножается на вас Божья благодать и милость и благословение во веки из рода в род. Я больше уж не увижу вас, и в земле Суздальской мне не бывать: уже совсем иссякла сила моя и приблизилась кончина жизни. Вы же не покиньте двух моих дочерей, Евдокию и Ульяну, сестер ваших, стало нынешнее это время горче им желчи и полыни, ибо без матери они остались, а теперь и меня, отца, лишаются; но, однако, Бог — сирым помощник, и за все слава праведному суду его». И, так мысленно благословляя своих детей и вконец изнемогая от болезни, <случившейся> из-за многих мучений и тягот, со многим благодарением предал он душу свою в руки Богу на чужбине, в сентябре месяце, в 1-й день. «Что же больше сего, — как гласит Святое Писание, — чем положить свою душу за други своя?» Так и сей приснопамятный великий князь Ярослав в дальней земле, в ханской Орде, положил душу свою за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за всех людей Земли русской. И за это причислил его Бог к избранному своему стаду в селах праведных. Трое же его сыновей прежде него отошли к Богу: Федор, Афанасий и Василий.

Подобает помянуть и прочих благородных братьев и сродников этого Богом хранимого великого князя Ярослава Всеволодовича, как угодили они Богу. Из них многие и мученическими венцами увенчались, о них сказано будет после. Здесь же пусть будут представлены многие добродетели и благой нрав великого князя Константина Всеволодовича, брата сего Ярослава. <...>

Житие и подвиги... великого князя Александра Ярославича, прозванного Невским

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ОСМЫЙ СТЕПЕНЬ, И ЕДИН МИТРОПЛИТЪ КИРИЛ, И ГРАНЬ ОСМАЯ, В НЕЙЖЕ ГЛАВ 13

ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ, ВКУПѢ ЖЕ ОТЧАСТИ ЧЮДЕСА, ПРЕХВАЛНАГО И БЛАЖЕННАГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА, РЕКОМАГО НЕВСКАГО,[1] НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЦѢХ АЛЕКСИЯ

Благослови, отче!

Глава 1. Сей благовѣрный и благородный, Богом преудобренный и хваламъ достойный великий князь Александрь Ярославич, иже бысть осмый степен от самодержавнаго и равноапостолнаго царя и великаго князя Владимера Свѣтославича, просвѣтившаго Рускую землю святым крещением, от Рюрика же первый надесят степен, иже от добродѣтелей многу преславну приобрѣте похвалу не токмо от человѣкъ, но и от самого Бога. От юнаго бо возраста и от младых ногтей всякому дѣлу благу научен бысть *от* благочестиваго си отца, богомудраго и державнаго Ярослава Всеволодича, и от святыя матери, боголюбивыя великия княгини Феодосии, иже нареченна бысть во иноческом чину Еуфросиния, от нихже воспитан бысть во всяком добромъ казании. И

тако вселися в сердце его страх Божий, еже соблюдати заповѣди Господня и творити я во всем. Бѣ бо велику чтяше священнический и мнишеский чин, во все же время юности своея смиреномудрие вседушно держаше, воздержася и бдя, чистоту душевную и телесную соблюдаше, кротость же стяжа и от щеславия отвращашеся; и много полагаше тщание чрево удержавати, вѣдый, яко чревное насыщение целомудрие разаряет и бдѣнию спону сотворяет и прочим добродѣтелем сопротивляется. Во устѣх же его беспрестани бяху Божественая словеса, услажающа его паче меда и сота. Прочитая же их со усердием, и внимаше и желаше сих речения и дѣломъ исполняяй. Сродницы же его, видяще его в таковых добродѣтелех преспѣвающа, и зело ползовахуся и тщахуся всячески угодити Богу, якоже и той всѣми нравы угажаше Богу; и распалашеся Божественным небесным желанием; и вся, яже в человѣцех добрая, честная, яко ни во чтоже вменяше и ни едино благоплодие душевное на обявление человѣком творити требоваше, и всячески ухищряше сокрывающи множайшая исправления премногаго ради смиреномудрия, аще бо и честию земнаго царствия почтен бысть от Бога, и супруга имѣ, и чада приложи, но смиреную мудрость стяжа паче всѣх человѣкъ.

Бѣ же возрастомъ велик зело, красота же лица его видѣти, яко Прекраснаго Иосифа,[2] сила же его бѣ, яко часть от силы Самсоновы,[3] глас же его слышати, яко труба, в народѣ. Храбрость же его, яко римскаго царя Еуспасияна,[4] Неронова, сына, иже пленил всю землю Июдейскую, иже исполчив полки своя и повелѣ приступити ко граду Антипату, гражане же вышедше победиша полки его, он же един шед возврати силу их ко вратом градным и дружинѣ своей посмѣявся рече: «Почто оставите мя единаго?» — тако и сий великий князь Александръ Ярославич побежая вездѣ, а непобедим неколиже. По премногу бо милостив бысть, якоже и богохранимый отецъ его Ярослав, во всем послѣдуя стопам его: издавая на плѣнникех много злата и сребра, посылая я ко царю Батыю во Орду за плененых руськия люди, иже бяху пленени от безбожных татар, ихже искуповая и избавляя от лютыя работы и от многих бѣд и напастей. Сам же всегда Богом сохраняем и от всѣх супротивных вездѣ невредим пребываше; наипаче же — удиви Господь милость свою на нем: и бысть всѣм супротивным страшен и грозен, и повсюду имени его трепетаху.

Мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога, яко Соломону.[5] Паче же всего любяше правосудие, о немже и боляр своих часто наказуя притчами от Божественных Писаний, яко да преже всего воспросят от Бога премудрости и от пьянства удержатся и сами пред Богом да смирятся, да не забудут лица Силнаго и не приемлют мзды неправедныя и никогоже обидят, но да избавят обидима от руки обидящих и паче повелѣннаго им ничтоже вземлют, но доволни будут оброки своими. И тако многажды глаголаше; овогда своея державы страхом воспрещаше имъ, овогда же и вѣчное воздаяние предлагаше им, иже на Страшнем Судѣ Христовѣ комуждо по дѣлом его. Боляре же

и вси людие, видяще от Бога дарованную ему премудрость ничтоже могуще отвѣщати, но вседушно обещевахуся творити, якоже повелѣваше им.

И тако ему Богом дарованную державу мужественно и праведно по Бозѣ управляющу и такову слуху прошедшю о нем и во многих в далних странах, и мнози тщахуся видѣти его. И еще же тогда в лѣто 6745 слышаху всюду, иже безбожный царь Батый Божиим попущением много зла сотвори велицей Земли рустей; а идѣже тогда сий блаженный Александръ со отцем своим Ярославомъ пребываху державствующе в Великом Новѣграде, и тамо доити поганым возбрани нѣкая сила Божественная и не попусти им нимало приближитися не токмо ко предѣлом Великаго Новаграда, но идѣже и индѣ прилучится им тогда пребывати и воинствовати супротивных и враждующих литву и нѣмецъ, [6] и вездѣ Божиим заступлением нимало не ратоваху на них суровии они татари. (...)

---

[1] *Житие... Александра Ярославича, рекомаго Невскаго...* — Александр Невский был канонизирован русской церковью. Первоначальная редакция его жития была составлена в 80-е гг. XIII в. (см. наст. изд., т. 5), в Степенной книге помещена особая редакция жития, созданная в середине XVI в.

[2] *...яко Прекраснаго Иосифа...* — Иосиф (библ.) — патриарх, сын патриарха Иакова, был «красив станом и красив лицом» (Быт. 30—50).

[3] *...яко часть от силы Самсоновы...* — Самсон (библ.) — обладавший сверхъестественной силой герой эпохи судей, прославился в борьбе с филистимлянами (см.: Книга Судей. 13—16).

[4] *...яко римскаго царя Еуспасияна, Неронова сына, иже пленил всю землю Июдейскую... и повелѣ приступити ко граду Антипату.* — Автор жития ссылается на «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия — выдающийся литературный памятник, посвященный восстанию в Иудее в 67—73 гг., древнерусский перевод которого был распространен на Руси уже в XI—XII вв. (см. наст. изд., т. 2). *Веспасиан* Тит Флавий (39—81) — римский полководец, затем император. *Нерон* (38—68) — римский император с 54 г. *Град Антипата* — имеется в виду один из эпизодов Иудейской войны: взятие иудейской крепости Иотапаты в 67 г.

[5] *Соломон* (библ.) — царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), прославился своей мудростью.

[6] *...воинствовати супротивных и враждующих литву и нѣмецъ...* — Александр Ярославич Невский прославился в борьбе со шведами, немцами и литовцами, которые стремились овладеть Новгородом и Псковом в то время, когда остальная Русь подвергалась страшному нападению татар: в 1240 г. он одержал победу над шведами в битве при впадении р. Ижоры в Неву, в 1241 г. отвоевал у немцев крепость Копорье, в 1242 г. освободил Псков и, войдя в пределы Ливонии, дал немецким и ливонским рыцарям сражение на льду Чудского озера, разбив противников наголову; в 1242—1245 гг. совершил ряд побед в борьбе с литовцами.

ПЕРЕВОД

ВОСЬМАЯ СТУПЕНЬ, И ОДИН МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ, И ВОСЬМАЯ ГРАНЬ, В КОТОРОЙ 13 ГЛАВ

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ, ВМЕСТЕ С ТЕМ ОТЧАСТИ И ЧУДЕСА, СЛАВНЕЙШЕГО И БЛАЖЕННОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА, ПРОЗВАННОГО НЕВСКИМ, НАРЕЧЕННОГО ВО ИНОКАХ АЛЕКСЕЕМ

Благослови, отче!

Глава 1. Сей благоверный и благородный, Богом украшенный и хвалы достойный великий князь Александр Ярославич, что был восьмой ступенью от самодержавного и равноапостольного царя и великого князя Владимира Святославича, просветившего Русскую землю святым крещением, а от Рюрика одиннадцатой ступенью, был за добродетели много прославлен не только людьми, но и самим Богом. Ибо с юного возраста, от младых ногтей, он научен был всяческим благим делам благочестивым своим отцом, Богом умудренным державным Ярославом Всеволодовичем, и святой матерью, боголюбивой великой княгиней Феодосией, что наречена была во иноческом чине Евфросиньей, был он ими воспитан со всяческим добрым наставлением. И так поселился в сердце его страх Божий, соблюдать заповеди Господни и исполнять их во всем. Глубоко чтил он священнический и иноческий чин и во все время юности своей всей душой был смиренномудр, воздерживаясь и бдя, соблюдал душевную и телесную чистоту, стяжал кротость, а от тщеславия отвращался; и полагал много старания, чтобы сдерживать чрево, зная то, что насыщение чрева целомудрие разрушает и помеху бдению творит и другим добродетелям препятствует. На устах его были непрестанно Божественные слова, услаждавшие его больше сот медвяных. Их усердно читая, внимал он их смыслу и устремлялся к нему, и исполнял на деле. Близкие же его, видя его преуспевающим в этих добродетелях, приобретали немалую духовную пользу и старались всячески угодить Богу, как и он угождал Богу всеми поступками; и

разгорался он в устремлении к небесному Богу; и все, что среди людей <почитается> добрым и славным, он ни во что вменял и не стремился объявлять людям ни одного благого плода <своей> души, и исхитрялся всячески, скрывая многочисленные свои деяния из-за великой смиренной мудрости, ибо хоть он и был удостоен от Бога чести царствовать на земле, и имел супругу, и породил детей, но стяжал смиренную мудрость больше всех людей.

Был он ростом очень высок, и красота лица его была, как у Иосифа Прекрасного, сила же у него была, как часть силы Самсоновой, а голос его звучал среди народа, как труба. Храбрость его была, как у римского царя Веспасиана, сына Неронова, что пленил всю Иудейскую землю, тот, что, собрав свое воинство, приказал ему приступом взять город Иотапату, а горожане, выйдя <из города>, победили его войско, и он один пошел и возвратил все их силы к городским воротам и со смехом сказал своей дружине: «Зачем оставили меня вы одного?» — так и сей великий князь Александр Ярославич побеждал везде, а сам никогда не был побежден. Ибо был он многомилостив, как и богохранимый отец его Ярослав, во всем следуя по его стопам: отдавал за пленников много злата и серебра и отсылал его в Орду к царю Батыю за взятых в плен людей русских, что были пленены безбожными татарами, и выкупал их и освобождал от лютого рабства и от многих бед и напастей. Сам же он был всегда храним Богом и от всех врагов всегда оставался невредим; самое же главное — проявил Господь милость свою на нем: был он для всех врагов страшен и грозен, и трепетали повсюду перед его именем.

Мудрость и острота ума даны ему были от Бога, как Соломону. Более же всего любил он справедливость, чему и бояр своих учил часто притчами из Божественных Писаний, чтобы просили они у Бога прежде всего мудрости и удерживали себя от пьянства, и сами бы смирились перед Богом, чтобы не забывали они о лице Владыки и не брали бы мзды неправедной, и никого не обижали, но чтоб избавляли обижаемых из рук обидчиков, и чтобы больше разрешенного им ничего не брали, но довольствовались бы жалованьями своими. И говорил так <им> многократно; иногда принуждал их страхом перед своей властью, иногда же и вечное воздаяние представлял им, что <будет> на Страшном Суде Христовом каждому за дела его. И бояре, и все <другие> люди, видя Богом дарованную его мудрость, ничего не могли ему ответить и от всей души обещали делать так, как он повелевал им.

И тогда как мужественно и справедливо он правил по Божьей воле Богом дарованной державой, прошел слух о нем по многим дальним странам, и стремились многие его увидеть. Да еще тогда же, в 6745 (1237) году, стало всюду известно, что безбожный царь Батый сотворил по Божьему попущению много зла великой Земле русской; а в Великий Новгород, туда, где тогда пребывали блаженный сей Александр с отцом

своим Ярославом, возбранила дойти поганым некая Божеская сила и не только не дала им ни на сколько приблизиться к пределам Новгорода Великого, но и в других местах, где им случалось тогда пребывать и воевать против враждебных литовцев и немцев, везде Божиим заступлением не нападали на них совсем жестокие те татары. <...>

О великом князе Даниле Александровиче Московском

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ДЕВЯТЫЙ СТЕПЕНЬ, ЕДИН МИТРОПОЛИТЪ МАКСИМ, И ГРАНЬ ДЕВЯТАЯ, В НЕЙЖЕ ГЛАВ 21

О БОГОСНАБДИМОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДАНИЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МОСКОВСКОМЪ[1]

Глава 1. Сий блаженный великий князь Данил, четвертый сынъ святого и приснопямятнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, от великаго же князя святаго и равноапостолнаго Владимера бысть девятый степен, от Рюрика же — вторыйнадесят степен, иже бысть послѣдний во братии своей, якоже и прадѣд его, великий князь Всеволод Георгиевич, ихже уподоби Господь древнему царю, богоотцу же и пророку Давыду: мал бо бѣ и той во братии своей. Тако и сего блаженнаго великаго князя Данила храняй Господь от пелен матерних, двою бо лѣт от рожения его оставшу ему святаго си родителя. Сего блаженнаго Данила избра Богъ и возрасти и снабдѣ нератуема ни от когоже; емуже и поручено бысть в наслѣдие богоснабдимое державство преименитаго града Москвы,[2] егоже и праведное сѣмя возлюби Богъ и прослави, наипаче им же благоволи царствовати в роды и роды.

Аще же тогда царство Московское не толико бысть многовластно, якоже нынѣ Божиею благодатию всюду обладая, но обаче и тогда сий блаженный великий князь Данил ни от кого же ратуем не бываше. Егда же нѣкогда и случашеся во братии его и в сродницех межюусобной брани близ державы его воздвигнутися, он же боголюбиваго желания муж, аще возрастом и храбростию преуспѣвая и мужеством смысла

преудобрен бысть, но обаче смиреномудрия рачител всегда тщашеся готов быти и на враждующая державству его мужественѣ вооружашеся, и с воинством своим противу бранем исхожаше, и Богом дарованною ему мудростию бес кровопролития брань утоляше и мир составляше. И во все время господства своего мирно поживе; и от всякия брани и крамолы, хотящая на нь быти, всегда десница Господня бяше защищая его; и во вся дни живота его ничимже ни от когоже неврежена бысть держава его. Такоже и сам чюжия части похищением наслѣдити не желаше, доволно имѣя со благодарением уреченный ему жребий во благословение наслѣдие Богом дарованныя ему державы преславнаго града Москвы. Старѣйшая же братия его державствоваху коиждо во своем жребии: великий князь Дмитрий — в Переяславли,[3] иже на езери, при нем же бысть в Переяславли преосвященный митрополит Кирил[4], — идѣже и преставися к Богу, тѣло же его везоша в Киев и положиша в церкви святыя София, — в негоже мѣсто бысть митрополит Максим гречин.[5] Сий же митрополит Максим, не терпя насилия от татар, иде ис Киева во град Владимер со всѣм клиросом мѣсяца априля 18 день, епископу же владимерскому Семиону поручи Ростовскую епископью.[6]

О побѣжении татар на Рязани.[7] Уже бо тогда честь и слава великаго княжения восхожаше на боголюбивый град Москву, в немже хотяше Богъ сугубо прославити святое свое имя, идѣже первосвятительство и боговѣнчанное царство утвердити благоизволи. Богоснабдимый же великий князь Данил Александрович нѣкогда слыша, яко у града Рязани множество безбожных татар сбирахуся, и тамо шествова с воинством своим возбранити устремление варварьское, дондеже не приидут озлобити отечество его; и у града Переяславля Рязанскаго множество татар побѣди и князя рязанского Костянтина изымав на Москву приведе.[8]

Глава 2. О восприятии града Переяславля и о получении начальства державы. Прежде же того брату его, великому князю Дмитрию, к Богу отшедшю; потом же другий брат его, великий князь Андрей,[9] во Орду поиде; по сих и братанич его, великий князь Иван Дмитреевич Переяславский, преставися[10] к Богу, державу же свою, Великий град Переяславль, по завѣщанию своему поручи стрыю своему, сему блаженному великому князю Данилу. И тако по Бозѣ первоначалие Рускаго скипетровластия бес крамолы прикладашесе ему. Он же, смиреномудрия рачител сый, пророческое слово во умѣ имѣя, якоже пишет: «Богатство аще течет, не прилагайте сердца»,[11] — тако и сей державный нимало не вознесеся мыслию, еже бы желати началства державы; аще и прикладашесе ему, но кротостию нрава утвержашеся и о державном первоначалствѣ не услажашеся, но паче страхом Божиим огражашеся и братолюбием преспѣваше и славохотия укланяшеся. И сего ради благодать Божия умножашеся на нем и держава его упространяшеся. И не рачаша сам преходити от мѣста на мѣсто, во град же Переяславль посла намѣстники своя, — брата же его, великаго

князя Андрея, намѣстницы отбегоша ис Переяславля; и тако без крамолы державу имѣя.

Глава 3. О начале Даниловского монастыря[12] и о пострижении и о преставлении блаженнаго Данила. Сам же великий князь Данило на Москвѣ богоугодно господьствуя, идѣже и монастырь честенъ вогради, иже зовется Даниловский, тогда же в нем и церковь постави во имя преподобнаго Данила Столпника,[13] в том же монастыри и архимандрита первого устрои. И тако теплѣйшимъ к Богу желанием в той же честной обители и сам сподобися пострижен быти во святый англельский образ богоподражателнаго иноческаго жития. И тако в послѣднем смиреномудрии к желаемому Христу отиде, в лѣто 6811 мѣсяца марта 4 день. (...)

---

[1] *...Даниле Александровиче Московскомъ.* — Даниил Александрович (1261—1303) — московский князь, родоначальник московских князей.

[2] *...емуже и поручено бысть в наслѣдие... державство... града Москвы...* — Даниил получил в удел Москву от брата Дмитрия около 1276 г.

[3] *...великий князь Дмитрий — в Переяславли...* — Дмитрий Александрович (ум. в 1294 г.) — старший брат Даниила, князь переяславский, великий князь владимирский (1276—1294).

[4] *...митрополит Кирил...* — Кирилл — митрополит Киевский (1245/46—1281), не жил в Киеве постоянно, а разъезжал по своей митрополии.

[5] *...митрополит Максим гречин.* — Прибыл в Киев из Константинополя в 1283 г., ездил по митрополии. После разграбления Киева татарами в 1299 г. в 1300 г. переселился во Владимир, т. е. фактически перенес столицу митрополии. Умер в 1305 г., похоронен в Успенском соборе Владимира.

[6] *...епископу же владимерскому Семиону поручи Ростовскую епископью.* — В результате переезда митрополичьей кафедры в г. Владимир из Киева в 1299 г. митрополит Максим занял владимирскую епископскую кафедру; владимирский епископ Симеон был переведен на епископскую кафедру в г. Ростов.

[7] *О побѣжении татар на Рязани.* — В 1300 или 1301 г. Даниил ходил войной на Рязанскую землю, сражался там с татарами, победил их и

захватил в плен рязанского князя Константина Владимировича. Так к Москве была присоединена Коломна.

[8] *...князя рязанского Костянтина... на Москву приведе.* — Константин, сын рязанского князя Романа Олеговича; в 1302 г. был обманом захвачен московским князем Даниилом Александровичем и доставлен в Москву, где в 1305 г. был убит по приказанию Юрия Даниловича.

[9] *...великий князь Андрей...* — Андрей Александрович, князь городецкий, великий князь владимирский (1294—1304).

[10] *...братанич его, великий князь Иван Дмитреевич Переяславский, преставися...* — Сын великого князя Дмитрия Александровича умер в 1302 г. бездетным и завещал свои владения Даниилу, что значительно усилило Москву.

[11] *«Богатство аще течет... сердца»...* — Пс. 61, 11.

[12] *О начале Даниловского монастыря...* — Данилов мужской монастырь был основан в Москве около 1282 г.

[13] *...преподобнаго Данила Столпника...* — Даниил Столпник (ум. в 489/90 г.) — святой, монах, более 30 лет проведший на столпе на горе близ Константинополя. Прославился даром прозрения и чудесами.

ПЕРЕВОД

ДЕВЯТАЯ СТУПЕНЬ, ОДИН МИТРОПОЛИТ МАКСИМ, И ГРАНЬ ДЕВЯТАЯ, В КОТОРОЙ 21 ГЛАВА

О БОГОМ ХРАНИМОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДАНИИЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МОСКОВСКОМ

Глава 1. Сей блаженный великий князь Даниил, четвертый сын святого и приснопамятного великого князя Александра Ярославича Невского, от великого князя святого и равноапостольного Владимира был девятой ступенью, от Рюрика же — двенадцатой ступенью, был он последним среди братьев своих, как и его прадед, великий князь Всеволод Георгиевич, уподобил их Господь древнему царю, богоотцу и пророку Давыду: ибо и он был младшим средь братьев своих. Так и сего блаженного великого князя Даниила хранил Господь с младенческих пелен, ибо спустя два года после своего рождения лишился он святого своего родителя. Сего блаженного Даниила избрал Бог и взрастил и сохранил никем не тронутым; ему и поручена была в наследие богохранимая держава прославленного града Москвы, и праведное его потомство возлюбил Бог и прославил, главное же — благоизволил Он, чтобы царствовали они из рода в род.

Хотя тогда Московское царство было не так всесильно, как ныне по Божьей благодати всюду властвует, но и тогда, однако, на сего блаженного великого князя Даниила не нападал никто. Когда же в некие времена и случалось средь братий его и сродников возникнуть междоусобной брани вблизи от его владений, сей любящий Бога и устремляющийся к Нему муж, хотя и преуспевал силой и храбростью и был украшен мужественным разумом, всегда пекся при этом о смиренной мудрости и старался быть в <боевой> готовности, и мужественно ополчался на врагов своей державы, и выступал с войском своим на брань, и Богом дарованною ему мудростью без кровопролитья усмирял вражду и заключал мир. И все время своего правления провел он в мире; от вражды всякой и крамол, замышляемых на него, защищала его всегда десница Господня; и во все дни его жизни никто ничем не нанес вреда его державе. Также и сам он не желал присвоить себе хищением чужого, довольствуясь благодарно отпущенным ему во владение благословенным жребием, Богом дарованным ему правлением в славном граде Москве. А старшие его братья — каждый правил в своем уделе: великий князь Дмитрий — в Переяславле, что на озере, при нем в Переяславле был преосвященный митрополит Кирилл, — там он и преставился к Богу, а тело его увезли в Киев и положили в церкви Святой Софии, — кого сменил митрополит грек Максим. Этот митрополит Максим, не снеся татарского насилия, ушел из Киева в град Владимир со всем причтом в апреле месяце, в 18-й день, а епископу владимирскому Симеону вручил Ростовскую епископию.

О победе над татарами в Рязани. Уже тогда честь и слава великого княжения переходила к боголюбивому граду Москве, где пожелал Бог сугубо прославить свое святое имя, где соблаговолил утвердить он первосвятительство и увенчанное Богом царство. Хранимый Богом великий князь Даниил Александрович прослышал некогда, что собирается у города Рязани множество безбожных татар, и пошел туда со своим войском предупредить варварское нашествие, прежде чем успеют они прийти и сотворить беду отечеству его; и победил он у города Переяславля Рязанского множество татар и, взяв князя Рязанского Константина, привел его в Москву.

Глава 2. О взятии города Переяславля и о получении державного главенства. А перед тем брат его, великий князь Дмитрий, отошел к Богу; потом и другой его брат, великий князь Андрей, пошел в Орду; затем и племянник его, великий князь Иван Дмитриевич Переяславский, отошел к Богу, а владение свое, город Переяславль Великий, завещал своему дяде, сему блаженному великому князю Данилу. И таким образом по Божьей воле переходило к нему без крамолы главенство в русском скипетродержании. Он же, будучи смирен и мудр, помнил пророческие слова, как писано: «Если богатство прибывает, не прилагайте сердца», — так и сей властодержец нимало

мысленно не вознесся, чтобы желать главенства среди властителей; хотя и прибывало оно к нему, но он утверждался в кротости и не радовался державному главенству, но еще больше ограждал себя страхом Божиим и подвизался в братской любви, и уклонялся от желания славы. И потому снисходила на него во множестве благодать Божия и распространялись его владения. И не стремился он сам переходить с места на место, во град же Переяславль послал своих наместников — и наместники брата его, великого князя Андрея, покинули Переяславль; и так без смут он властвовал.

Глава 3. Об основании Даниловского монастыря и о пострижении и преставлении блаженного Данилы. Сам же великий князь Данило богоугодно правил в Москве, где и возвел честной монастырь, что зовется Даниловским, тогда же и церковь в нем поставил во имя преподобного Даниила Столпника и завел в том монастыре первого архимандрита. И так по самому горячему устремлению его к Богу и сам он в той же честной обители сподобился постричься в святой ангельский образ богоподражательного иноческого жития. И так в крайней смиренной мудрости отошел к желанному Христу, в 6811 (1303) году в 4-й день марта месяца. <...>

О великом князе Иване Даниловиче

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

ДЕСЯТЫЙ СТЕПЕНЬ, И ДВА МИТРОПОЛИТА, ПЕТРЪ ЧЮДОТВОРЕЦ И ФЕОГНАСТЪ, И ГРАНЬ 10, В НЕМЖЕ ГЛАВ 7

О БОГОИЗБРАННОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ДАНИЛОВИЧЕ,[1] И О КРАМОЛАХ, И ПОБѢДА НА НѢМЬЦЫ, И О НАЧАЛЕ ГРАДА ОРѢШКА, И О СМЕРТИ ДЕРЖАВНЫХ

Глава 1. Сий благородный, Богом избранный приемник и благословеный наслѣдникъ благочестивыя державы боголюбиваго царствия Руския земля великий князь Иван Данилович, рекомый Калита,[2] внук блаженнаго Александра — десятый степень от святаго и равноапостольнаго Владимера Перваго, от Рюрика же третийнадесят. Сий державный Иван от свята и праведна родителя произыде и, еще

юноша сый, сподобися приемник быти от купѣли святаго крещения блаженному отрочати, иже от чрева матерня Богови освященному, — великому чюдотворцу, преосвященному Алексию,[3] митрополиту всеа Русии. Живый же благочестно и возрастом приспѣвая и во многих добродѣтелех послѣдствова стопам святаго си родителя, праведнодержавнаго Данила Александровича, и ревнуя о всем богоугодным его исправлениемъ, от негоже и совершенное благословение получи восприяти.

Егда же преставися к Богу христолюбивый отецъ его, великий князь Данил, сынъ же сего Данила великий князь Георгий[4] тогда в Переяславле державствуя, егоже переяславстии людие не пустиша погрести отца своего. Потом же, лѣту единому минувшу, престави же ся великий князь Андрей Александрович,[5] брат Даниловъ, и тогда съпрьстася о великомъ княжении два князя: Михаил Ярославич,[6] внук Ярославль Всеволодича Тверский, Георгий Данилович, брат сего великаго князя Ивана. И сего ради идоша оба во Орду в лѣто 6812. И тогда сий великий князь Иоаннъ Данилович прииде в Переяславль и сѣде на великом княжении, идѣже прииде на него со тверьскою ратию Акинфъ бояринъ.[7] Он же Акинфа уби. А дѣти его с прочими убегоша во Тверь в лѣто 6813.

По том же пресвященный Максим, митрополит Киевский всеа Русии, преставися декабря 16[8] и положен бысть во градѣ Владимери в соборной церкви, в придѣле святаго Пантелѣимона.

В лѣто 6816 поставлен бысть во Цариградѣ великий чюдотворец Петръ на митрополию Киеву и всеа Русии, и прииде в Киев и оттуду во Владимер. На него же бысть ложное писание к патриарху от тверскаго епископа Андрѣя, иже бысть сынъ Ердена,[9] князя литовскаго. И бывшю собору во градѣ Переяславле, и посрамлен бысть епископъ Андрей и, покаявся, прият прощение от святаго Петра.

И тогда мног мятеж бысть во князех руских,[10] наипаче же в началствующих державных, овогда кождо собою межуусобную бран составляху. К сим же тогда великий князь Михаил Ярославичь Тверский и безбожных татар привождаше. Такоже и великий князь Юри Данилович тѣх же татар в помощ имѣя себѣ. И тако множеству християнскому, иже во отечествѣ их, велика пагуба и пленения быша. И в таковых межуусобных крамолах убиен бысть во Ордѣ великий князь Михаил Ярославичь,[11] о немже последи повѣсть явлена будет в степени сем, глава 6.

Великий же князь Юри Данилович прииде изо Орды в Ростов и оттоле в Великий Новград, отнюду же тогда и нѣмец свѣйских ратуя, и у града Выбора стояв, и пороки[12] стенобитными во градѣ многих нѣмец поби и на усть Невы реки на Орѣховом островѣ град постави. И паки поиде во Орду. С ним же вражду имѣя тверский князь Дмитрий Михаиловичь, и уби во Ордѣ великаго князя Юрья Даниловича.[13] И положен бысть великий князь Юри на Москвѣ в церкви святаго великомученика Дмитрия,[14] иже есть нынѣ придѣл великия соборныя церкви. За него же повелѣ царь убити и самого князя Дмитрия Михаиловича.

Глава 2. О началѣ соборныя церкви на Москвѣ, и благословение и пророчество чюдотворца Петра великому князю, и о иных церквах, и о пострижении и о преставлении великаго князя Иоанна. Божий же человѣкъ, пресвященный митрополит, великий чюдотворець Петръ, прохожаше грады и веси, — якоже обычай имяше поучати Богом порученное ему стадо, — в преславном же градѣ Москвѣ начат пребывати болши инѣх градов,[15] видяше бо в нем благочестия держателя, сего боголюбиваго великаго князя Ивана Даниловича, православием сияюща и богоугодно живуща, и всякими добрыми дѣлы украшена, и милостива до нищих, и честь велию подавающа служителем святых Божиих церквей и тѣх учению внимающа; егоже зело от душа возлюби великий чюдотворец Петръ, с нимже часто бесѣдуя и мудрьствуя о всѣх благих и полезных, душевных же и телесных. Еще же, совѣт благопотребен предлагая ему и пророчествуя, глаголаше: «О, боголюбезнѣйший великий княже! Аще совѣта моего, сыну, послушаеши и во граде своем Москвѣ соборную церковь камену поставиши во имя Пречистыя Богоматери, и тебе самого имат Богъ благословити и прославити паче инѣх князей и распространити град сей паче инѣх градов, и имя Его святое сугубо прославится в нем, и не оскудѣют державнии от сѣмени твоего, обладая и царствуя мѣстом сим в роды и роды и во вѣки, и взыдут руки их на плещю враг их; еще же святители поживут в немъ, паче же и моя кости здѣ имут положени быти».

Сия убо словеса великий князь от учителя с радостию великою приимъ и честь велию воздавая отцу своему. И бяше всегда посреди обоих веселие духовное, и вся потребная ко церковному зданию готовляху.

К сим же еще чюдно сказание мнози в повестех обносят, сице глаголюще: яко бысть нѣкогда сему христолюбивому великому князю Ивану Даниловичю, по нѣкоему прилучению яздящю ему на конех близ реки Неглинны, — идѣже нынѣ есть монастырь, именуемый Высокий, в немже и церковь во имя чюдотворца Петра,[16] — внезапу зрит великий князь на том мѣсте гору высоку и превелику, и верхъ горы тоя бяше велми снѣжен. Сие же видѣние зря и дивяся и сущим с ним вельможам своим рукою показуя: и вси недоумѣвахуся о необычной горѣ. И абие

видяху: снѣг, иже верху горы, вскорѣ невидим бысть, потом же, надолзѣ сматряющем имъ, и гора высокая и превеликая невидима бысть. Вся же сия возвѣщена бысть от великаго князя Божия святителю Петру. Святый же, паки пророчествуя, глаголаше: «Разумно да будет ти, о чадо, яко гора высокая и превеликая, юже видѣл еси, подобие образует твоего благородия высочайших добродѣтелей исправление и Богом дарованнаго ти отеческаго скипетродержания крестоносныя хоругви, Рускаго царствия величества. Горы же оноя снѣжный верхъ близ являет моего жития скончание: якоже снѣг, иже на горѣ, скоро сокрыся от очию твоею, надолзѣ же сих сматрящу ти, и гора невидима бысть, таковым образованием мнѣ прежде тебе жития сего отити есть, потом же и ты, яко гора высокая превелика, богоугодно и доволно царствовав и, яко доброплодная маслина, благородная чада породив и в добрѣ наказании воспитав, и по том, егда услышиши старца к тебѣ пришедша, и тогда уразумѣеши и ты добраго ти жития совершение течения и к Богу отшествие». Великий же князь Иоаннъ Даниловичь внимаше умом словеса сия и сугубо умиление стяжа и всегда необычна старца пришествия ожидаше. Вся бо, яже глаголаше святый, Богъ же дѣломъ исполняя, и до нынѣ пророчения его збывахуся по милосердию Божию предстателством Пречистыя Богородицы и молитвами и благословением великаго святителя и чюдотворца Петра.

Церкви основаннѣ бывши,[17] и начат день от дни спѣяти и воздвизатися, и самому святому Петру прилежати на всяк день и спѣшити. И яко убо начат церков совершатися, и тогда Божиим откровением проувидѣ смерть свою. И божественную службу свершив и поучив народ, призвав же к себѣ старѣйшину града именем Протасия,[18] и глагола ему: «Се аз отхожю жития сего, оставляю же возлюбленному своему сынови, великому князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога и сѣмени его до вѣка. Елико же сынъ мой и мене упокоил, да воздасть ему Господь сторицею в мире сем, и живот вѣчный да наслѣдит, и да не оскудѣет от сѣмени его, обладая мѣстом его и до вѣка, и память его да упространится». По сих же всѣм вкупѣ мир дав, и вечерней молитве еще сущи в устѣх его, душа его к Богу отиде.

Въ то же время великому князю не сущу во градѣ, и с великою скоростию приспѣ, велми тужаше о лишении отца и учителя, и сам с велможами своими святого тѣло на одрѣ к церкви Пресвятыя Богородица принесе.[19] И положен бысть во гробѣ, егоже сам себѣ уготовал, в лѣто 6834 мѣсяца декабря 21 день, идѣже и до нынѣчюдеса различная истачая приходящим вѣрою. Прочее же его чюдотворное рожение и житие богоугодное и святительство преизящное и по преставлении многая чюдеса в торжественом его Словеси всѣм явна бяше в сей же десятой степени, в третией главѣ.

Сий же преосвященный митрополит, чюдотворивый Петръ, первый положен во граде Москвѣ во основаннѣй от него церкви соборней Пречистыя Богородицы. Двема же лѣтом минувшим по честнѣм его преставлении, совершена бысть соборная та церкви и освящена Прохором епископом Ростовским.[20] И тогда пресвященным патриархомъ *Исаиеиъ* во Цариграде поставленъ бысть митрополит Феогностъ гречинъ Киеву[21] и всей Руской земли, и прииде на Москву; о немже последи речется.

Богохранимому же великому князю Ивану Даниловичю по Бозѣ благоденствено державствующу и вся, яко Господеви годе, добре управляя, и Великим Новым Градом и Псковом обладая,[22] злодѣйственых же разбойников и хищников и татбу содевающих упраздни от земля своея. Во дни же его бысть тишина велия християном по всей Рустей земли на многа лѣта.[23] Тогда и татарове престаша воевати Руския земля. Повелѣнием же его поставлена бысть на Москвѣ церковь камена во имя преподобнаго Ивана списателя Лѣствицы, и церковь камена же Поклонение вериг верховнаго апостола Петра,[24] иже нынѣ у соборныя церкви предѣлана бысть. Еще же помысли во славу Божию монастырь поставиты во граде Москвѣ, еже и бысть: по благословению отца своего пресвященнаго Феогнаста, митрополита всеа Русии, близ двора своего состави манастырь дивен и зело честенъ, и созда в нем церковь камену чюдну во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа,[25] и украси ю святыми честными иконами, и святыми книгами, и священными сосуды, и возложенми, и всякими узорочьи; и приведе тамо перваго архимарита именем Ивана,[26] мужа сановита, и словесна, и любомудра, и учителна Божественых Писаний, и добродѣтелна, иже за премногую его добродѣтел последи поставлен бысть Ростову епископомъ и тамо добрѣ упас Богом порученное ему стадо и во старости глубоцѣ к Господу отиде.

Сия же архимарития, якоже пишет в лѣтописаниих, преже бяше у святаго Данила за Москвою-рекою,[27] идѣже великий князь Данил Александрович во свое ему имя церковь постави и архимандритию устроил, идѣже до конца яко солнцесиятелныя благодати насыщашеся. Последи же боголюбивый сынъ его, сий великий князь Иван Калита, приведе оттуду сию обител во градМоскву и собра иноков множество и воздвиже и устрои таковую обител близ себе, яко нѣкое Божественное сокровище, юже хотяше всегда видѣти и радоватися. И возлюби монастырь той паче инѣх монастырей и часто в онь прихожаше молитвы ради со многим смирением и благоговѣнием, яко всѣм дивитися смирению и благоговѣнию: бяше бо по премногу боголюбив сый, наипаче же рещи и мнихолюбив зѣло и страннолюбив, и велми теплъ сый вѣрою, и истиннаго любомудрия рачител сый, еще же и иноческаго жития ревнител, ихже ни в день, ни въ нощ ни во един час не хотяше отлучитися, и многу милостыню и вся потребная подаваше тамо живущим иноком: ясти же, и пити, и одежи, и оброки, и всяко

требование неоскудно всѣм сотвори и лготу многу и заборонь велику отвсюду творяше им, еже необидижым быти им никимже. И сице богомолию учини себѣ же и роду своему и всему миру, и приобрете себѣ мзду многу и благочестну, наипаче же — честь и славу славну же и богоугодну, по писаному: «благую часть избра, яже не отимется от него».[28]

Да якоже он, благочестивъ и христолюбив сый, благоизволи христолюбивое начало и основание положити, сице и дѣти его, и внуцы его, и правнуцы его, по тому же ходяще и тако же творяще, тую же мзду и славу приемлют и пребывание в роды и роды яко залог от Бога и Пречистыя Его Матери и великаго святителя и чюдотворца Петра, егоже проречением и молитвами и донынѣ не пременено есть благородие их: благаго бо корени и отрасли благородни суще и неизронни. Сего же великаго князя Ивана Даниловича сынове бяху три: Семион, Иван, Андрей,[29] ихже во страсѣ Божии воспиташа.

О великой княгине. Христолюбивая же великая его княгини Елена[30] возложи на ся иноческий образ и святую схиму и к Богу отиде. И положена бысть в новосозданием ихъ монастыри в церкви Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. И по сем во второе лѣто великий князь Иван Данилович заложи соборную церковь камену во имя святаго архистратига Михаила внутри града Москвы на площади;[31] того же лѣта совершена и освященна бысть преосвященным Феогнастом, митрополитом всеа Русии, мѣсяца сентября 20 день; в той же церкви и положитися завѣща, еже и бысть.

По сих же единому лѣту минувшю, в шестоенадесят лѣто по проречении и по преставлении великаго чюдотворца Петра, во едину от нощий почивающу ему на ложи своем, и внезапу поторжеся чѣп у двери ложница его и глас слышася: «Се старец прииде». И не видѣ никогоже глаголющаго. И уразумѣ великий князь, яко збысться ему проречение великаго чюдотворца Петра. И скоро востав, и нимало не закоснѣ, оставляет вся и в монастырь отходит Преображения Господня, егоже сам устроил близ двора своего, в немже и мнишескаго великаго образа сподобися восприяти и с миром к Богу отиде, егоже измлада возлюби, в лѣто 6849 мѣсяца марта 31.

И сей первый положен бысть во церкви святаго архистратига Михаила, юже сам воздвиже на Москвѣ во славу Отцю и Сыну и Святому Духу. Прежде убо сего мнози быша велицыи князи в Рустей земьли, и ни един же от них не именовася Иван. Сей же, аще и десятый бысть от святаго Владимера, но обаче первый Иван именовася, еже есть благодатное имя,[32] емуже дарова Богъ к духовнѣй ползѣ совѣтника блага,

преславнаго чюдотворца Петра, святѣйшаго митрополита, о немже есть повѣсть сице. (...)

---

[1] *О... великом князе Иване Даниловиче...* — Иван Данилович Калита (ум. в 1340 г.) — московский князь с 1325 г., великий князь владимирский (1328—1340).

[2] *...рекомый Калита...* — Калита по-древнерусски означает кошелек, мешок для хранения денег.

[3] *...приемник быти от купѣли... преосвященному Алексию...* — Алексий (между 1293 и 1298—1378) — русский митрополит с 1354 г., сын черниговского боярина Федора Бяконта, служившего московскому князю Даниилу Александровичу.

[4] *...великий князъ Георгий...* — Юрий Данилович (кон. 70-х — нач. 80-х гг. XIII в.—1325) — старший сын князя Даниила, унаследовавший московский княжеский стол.

[5] *...престави же ся великий князь Андрей Александрович...* — Смерть в 1304 г. великого князя владимирского Андрея Александровича обострила борьбу за великокняжеский престол.

[6] *...Михаил Ярославич...* — Михаил Ярославич Тверской (1271—1318), князь тверской (с 1285 г.), великий князь владимирский (1305—1317), сын великого князя Ярослава Ярославича, первым из русских князей стал именоваться «великим князем всея Руси».

[7] *...Акинфъ болярინъ.* — «Повесть об убиении Акинфове, боярине Тверском» помещена в Никоновской летописи.

[8] *...Максимъ, митрополит... преставися декабря 16...* — По другим летописным источникам, митрополит Максим умер 6 декабря 1305 г.

[9] *В лѣто 6816 поставлен бысть во Цариградѣ великий чюдотворец Петръ на митрополию... На него же бысть ложное писание к патриарху от тверскаго епископа Андрѣя, иже бысть сынъ Ердена...* — Тверская епархия была учреждена в конце XIII в. Тверской епископ Андрей был сыном литовского князя Герденя (Ерденя), захваченного русскими в плен. Появление доноса на митрополита Петра (поставлен в 1308 г.) и Переяславский церковный собор 1311 г. связаны, видимо, с вовлечением церковных иерархов в борьбу между тверскими и московскими князьями, о чем источники рассказывают скупо.

[10] *И тогда мног мятеж бысть во князех руских...* — Наибольшей остроты борьба между Тверью и Москвой достигла в конце 1310-х — первой половине 1320-х гг.

[11] *И в таковых межуусобных крамолах убиен бысть во Ордѣ великий князъ Михаил Ярославичъ...* — В битве с войском Юрия Даниловича в 1317 г. Михаил Ярославич одержал победу, но был вынужден отправиться на суд к хану Узбеку. В ставке хана Михаил Ярославич был убит. Его житие составлено в Твери в первой четверти XIV в. (см. наст. изд., т. 6).

[12] *...Юри Данилович прииде... в... Новград, отнюду... и нѣмец свѣйских ратуя, и у града Выбора стояв, и пороки стенобитными во градѣ многих нѣмец поби и на усть Невы реки на Орѣховом островѣ град постави.* — Союз с Новгородом Юрий Данилович заключил в 1314 г. в ходе борьбы с Тверью. В 1322 г. он возглавил новгородские войска, отбил нападение шведов на Корелу (ныне Приозерск Ленинградской области), предпринял поход на шведскую крепость Выборг. Осада Выборга продолжалась почти месяц, штурм закончился неудачей. *Порок* — стенобитное орудие. Крепость Орешек (Орехов, Ореховец) была заложена Юрием Даниловичем в 1323 г. не в устье, а в истоке Невы.

[13] *...Дмитрий Михайловичь... уби во Ордѣ великаго князя Юрья Даниловича...* — После гибели Михаила Ярославича великим князем стал Юрий Данилович. Но в 1322 г. хан передал великое княжение Дмитрию Михайловичу Тверскому (1299—1326), который в 1325 г. в Орде вопреки воле хана убил Юрия Даниловича и за это самоуправство был казнен ханом.

[14] *И положен бысть... Юри на Москвѣ в церкви святаго великомученика Дмитрия, иже есть нынѣ придѣл... соборныя церкви.* — Близ того места, где был построен Успенский собор, вероятно, находилась деревянная Дмитриевская церковь. На ее месте был устроен каменный придел Успенского собора, куда и перенесли гробницу Юрия Даниловича.

[15] *...в преславном же градѣ Москвѣ начат пребывати болши инѣх градов...* — Враждебность Михаила Ярославича Тверского привела к тому, что митрополит Петр стал союзником его соперников в борьбе за великое княжение — московских князей. В центре митрополии — Владимире — Петр старался жить как можно меньше, хотя и великий князь не находился там постоянно. Полностью переселился в Москву митрополит, по-видимому, в 1325 г.

[16] *...монастырь, именуемый Высокий, в немже и церковь во имя чюдотворца Петра...* — Высоко-Петровский монастырь, давший название улице Петровке, располагался близ р. Неглинки на крутой горе. Петровская церковь была построена в начале XVI в.

[17] *Церкви основаннѣ бывши...* — Успенский собор в Москве был заложен в августе 1326 г., за 4 месяца до смерти (в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г.) митрополита Петра.

[18] *...старѣйшину града именем Протасия...* — Протасий — родоначальник бояр Воронцовых-Вельяминовых, московский тысяцкий, т. е. руководитель народного ополчения, при Иване Калите.

[19] *...тѣло на одрѣ к церкви Пресвятыя Богородица принесе.* — Петр был похоронен в недостроенном Успенском соборе.

[20] *Двема же лѣтом минувшим по честнѣм его преставлении, совершена бысть соборная та церкви и освящена Прохором епископом Ростовским.* — Первый Успенский собор был освящен 14 августа 1327 г. Прохор — епископ ростовский с 1311 г., после смерти митрополита Петра и до приезда на Русь в 1328 г. митрополита Феогноста, по-видимому, возглавлял русскую церковь. Успенский собор пришел в полную негодность к 70-м гг. XV в., когда был построен новый храм, сохранившийся до наших дней.

[21] *...поставленъ бысть митрополит Феогность гречинъ Киеву...* — Имея резиденцию в Москве, митрополит Петр и его преемники носили титул митрополитов киевских. Официальной столицей русской митрополии считался Киев.

[22] *...великому князю Ивану Даниловичю... Великим Новым Градом и Псковом обладая...* — Иван Данилович получил Новгород по ярлыку на великое княжение в 1328 г. Псков признал власть Калиты в 1329 г., после того как укрывавшийся в этом городе от ханского гнева князь Александр Михайлович Тверской бежал в Литву.

[23] *Во дни же его бысть тишина велия християном по всей Рустей земли на многа лѣта.* — «Тишина», за которую Ивана Калиту хвалят источники, объяснялась тем, что ему удалось установить с ордынским ханом мирные отношения, основанные на выплате «выхода» (дани) и поднесении подарков. При Калите, поддерживавшем твердую власть в пределах великого княжения, не было межкняжеских усобиц, начался процесс «собирания» русских земель вокруг Москвы.

[24] *...поставлена бысть на Москвѣ церковь камена во имя преподобнаго Ивана списателя Лѣствицы, и церковь камена же Поклонение вериг... апостола Петра...* — Обе церкви были возведены в 1329 г. Вторая московская каменная церковь — Иоанна Лествичника — располагалась на месте колокольни Ивана Великого, третья — Поклонения веригам апостола Петра — была приделом Успенского собора.

[25] *...состави манастырь дивен... и созда в нем церковь камену... во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа...* — Четвертую каменную церковь — Спаса на Бору — Иван Данилович также построил в Кремле, в своем придворном Спасском монастыре.

[26] *...архимарита именем Ивана...* — Архимандрит Иоанн (ум. в 1356 г.), будущий ростовский епископ, превратил Спасский монастырь в один из центров московской образованности.

[27] *Сия же архимаритияа... преже бяше у святаго Данила за Москвою-рекою...* — Иван Данилович перенес архимандритию в Спасский монастырь из запустевшего Даниловского, который после этого окончательно оскудел.

[28] *«благую часть избра... от него».* — Ср. Лк. 10, 42.

[29] *Сего же великаго князя Ивана Даниловича сынове бяху три: Семион, Иван, Андрей...* — Семен Иванович Гордый (1316—1353) — старший сын Калиты, после его смерти — великий князь московский и владимирский. Иван Иванович Красный (1326—1359) — князь звенигородский и рузский (1340—1353). С 1353 г., после смерти Семена, — великий князь московский и владимирский. Андрей Иванович (ум. в 1353 г.) — князь боровско-серпуховской.

[30] *...княгини Елена...* — Жена Ивана Калиты, умерла в 1332 г.

[31] *...заложи соборную церковь камену во имя святого архистратига Михаила внутри града Москвы на площади...* — Пятая каменная (и наиболее значительная) постройка Ивана Калиты — собор Архангела Михаила — была сооружена в 1333 г. Она имела назначение княжеской усыпальницы. В 1505 г. собор был разобран «ветхости ради», и на его месте построили новый храм.

[32] *...Иван... благодатное имя...* — Имеется в виду значение этого имени в переводе с еврейского: Иоанн — благодать Божия (евр.).

ПЕРЕВОД

ДЕСЯТАЯ СТУПЕНЬ, И ДВА МИТРОПОЛИТА, ПЕТР ЧУДОТВОРЕЦ И ФЕОГНОСТ, И ГРАНЬ 10, В КОТОРОЙ 7 ГЛАВ

О БОГОМ ИЗБРАННОМ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ДАНИЛОВИЧЕ, И О СМУТЕ, И О ПОБЕДЕ НАД НЕМЦАМИ, И О ТОМ, КАК ВОЗНИК ГОРОД ОРЕШЕК, И О СМЕРТИ ПРАВИТЕЛЕЙ

Глава 1. Сей потомок благого рода, Богом избранный и благословенный преемник и наследник благочестивой власти в боголюбивом царстве Земли русской, великий князь Иван Данилович, по прозванию Калита, внук блаженного Александра — десятая ступень от святого и равноапостольного Владимира Первого, а от Рюрика тринадцатая. Сей властитель Иван произошел от святого и праведного родителя и еще юношей сподобился быть восприемником у купели святого крещения блаженному дитяти, от материнского чрева посвященному Богу, — великому чудотворцу, преосвященному Алексию, митрополиту всея Руси. Жил он благочестиво и подрастал, и во многих добродетелях следовал по стопам святого своего родителя, праведного правителя

Даниила Александровича, ревнуя по всем богоугодным его деяниям, от него и получил он полное благословение.

Когда же преставился к Богу христолюбивый его отец, великий князь Данило, тогда правил в Переяславле сын этого Данилы великий князь Георгий, которого переяславские люди не пустили на погребение своего отца. А после этого, по прошествии одного года, преставился великий князь Андрей Александрович, брат Данилов, и тогда заспорили о великом княжении два князя: Михаил Ярославич Тверской, внук Ярослава Всеволодича, и Георгий Данилович, брат сего великого князя Ивана. И из-за этого пошли оба в Орду в 6812 (1304) году. И тогда сей великий князь Иоанн Данилович пришел в Переяславль и сел на великое княжение, куда и пришел на него войной с тверским войском Иакинф-боярин. И он Иакинфа убил. А дети его вместе с остальными убежали в Тверь в 6813 (1305) году.

После этого преосвященный Максим, митрополит Киевский и всея Руси, преставился 16 декабря, и положили его в городе Владимире в соборной церкви, в приделе святого Пантелеймона.

В 6816 (1308) году был поставлен в Царьграде на митрополию Киевскую и всея Руси великий чудотворец Петр, и пришел в Киев, а оттуда во Владимир. И было о нем лживое послание к патриарху от тверского епископа Андрея, что был сыном Ерденя, литовского князя. И был собор в городе Переяславле, и посрамлен был епископ Андрей и, покаявшись, получил прощение у святого Петра.

Была тогда большая смута среди князей русских, а более всего — среди главных правителей, время от времени каждый из них затевал междуусобицу. Да еще ж и великий князь Михаил Ярославич Тверской приводил <на Русь> безбожных татар. И великий князь Юрий Данилович также тех же самых татар имел себе помощниками. И вот так множество христиан из их отечеств терпели многие беды и оказывались в плену. И в таких междуусобных смутах был убит в Орде великий князь Михаил Ярославич, о котором дальше будет повествоваться в ступени сей, в главе шестой.

А великий князь Юрий Данилович пришел из Орды в Ростов, а оттуда в Великий Новгород, откуда тогда и ходил сражаться со шведами, и, осадив град Выборг, побил стенобитными орудиями во граде множество чужестранцев и поставил крепость на устье реки Невы на Ореховом острове. И пошел снова в Орду. А тверской князь Дмитрий Михайлович

враждовал с ним, и убил он в Орде великого князя Юрия Даниловича. И был положен великий князь Юрий в Москве в церкви святого великомученика Димитрия, что ныне придел великой соборной церкви. А царь повелел убить за него и самого князя Дмитрия Михайловича.

Глава 2. О начале <строительства> соборной церкви в Москве, и о благословении и пророчестве чудотворца Петра великому князю, и о других церквах, и о пострижении и преставлении великого князя Иоанна. Божий же человек, преосвященный митрополит, великий чудотворец Петр, путешествуя по городам и селам, — ибо обыкновение имел обращаться с поучением к порученному ему Богом стаду, — стал останавливаться в славном граде Москве больше, чем в других городах, ибо видел <находящегося> в нем хранителя благочестия, сего боголюбивого великого князя Ивана Даниловича, сияющего православием и богоугодную жизнь ведущего, и украшенного всяческими добрыми делами, и к нищим милостивого, и воздающего большую честь служителям Божиих церквей и внимающего их учению; и возлюбил его от всей души великий чудотворец Петр и часто с ним беседовал и делился замыслами о всем благом и полезном, душевном и телесном. Да еще, совет благой подавая, он говорил ему, пророчествуя: «О, боголюбезный великий княже! Если, мой сын, совета моего послушаешь и поставишь в городе своем Москве соборную каменную церковь во имя Пречистой Богоматери, то и самого тебя благословит и прославит Бог больше других князей и увеличит град сей больше других городов, и святое имя Его сугубо в нем прославится, и не иссякнет властителями твое потомство, вечно владея местом сим и царствуя в нем из рода в род, и одолеют они врагов своих; и станут жить в нем святители, да и мои кости будут здесь положены».

И с великой радостью принял великий князь слова эти от учителя и воздал отцу своему большие почести. И всегда была между ними духовная радость, и приготовляли они все необходимое для создания церкви.

К этому вдобавок рассказывают многие еще одно чудное сказание, так повествуя: будто некогда сей христолюбивый князь Иван Данилович ездил по какому-то случаю верхом близ реки Неглинной, — где находится ныне монастырь, именуемый Высокий, в котором церковь во имя чудотворца Петра, — внезапно видит великий князь на месте том высокую и огромную гору, и на вершине горы той было много снега. И видя сие видение и дивясь <ему>, указывал он <на него> рукою бывшим с ним вельможам: и все приходили в недоумение <от появления> необычной той горы. И внезапно видят: снег, что был на вершине горы, скоро стал невидим, а потом, после того как долго они смотрели, и высокая и огромная гора стала невидимой. Все это возвещено было великим князем Божьему святителю Петру. А святой,

снова пророчествуя, сказал: «Да будет тебе известно, чадо, что высокая и огромная гора, которую ты видел, означает свершение высочайших добродеяний твоим благородием и крестоносные хоругви дарованного тебе Богом отеческого скипетродержания, величие Русского царства. А снежная вершина той горы показывает приближение моей кончины: как снег, что был на горе, быстро скрылся от твоих очей, а после того как долго ты смотрел на это, сделалась невидимой и гора, таким же образом и мне предстоит раньше тебя расстаться с сей жизнью, а потом и ты, как высокая огромная гора, богоугодно и долго процарствовав, и породив, будто доброплодная олива, благородных чад и воспитав их в благом учении, после этого, когда услышишь о пришедшем к тебе старце, тогда и ты узнаешь о завершении доброго твоего жития и об отшествии к Богу». И великий князь Иоанн Данилович проникнулся этими словами и особенно умилился <над ними> и всегда ожидал пришествия необычного старца. Ибо все, что говорил святой, Бог совершал на деле, и доныне сбываются его предсказания по Божьему милосердию предстательством Пречистой Богородицы и по молитвам и благословению великого святителя и чудотворца Петра.

После того как было заложено основание церкви, и стала она день ото дня расти и подниматься, стал и сам святой Петр всякий день усердствовать и торопиться. И как стало строительство церкви приходить к завершению, тогда по Божьему откровению провидчески познал он о своей смерти. И совершив божественную службу и сказав поучение народу, призвал он к себе старейшину города по имени Протасий и сказал ему: «Вот отхожу я от сего света и оставляю навечно возлюбленному сыну моему, великому князю Ивану, и его потомству милость, мир и благословение от Бога. И за то, что сын мой меня упокоил, пусть воздаст ему Господь сторицей в сем мире, и да унаследует он жизнь вечную, и да не оскудеет его потомство, владея местом его вечно, пусть распространится о нем <вечная> память». Вслед за тем, после того как дал он всем мир и еще оставалась вечерняя молитва на устах его, отошла душа его к Богу.

А в то время великого князя не было в городе, и с великою быстротой он прибыл, и сильно тужил о том, что лишился отца и учителя, и сам принес с вельможами своими тело святого на одре к церкви Пресвятой Богородицы. И положен был <святой> во гробе, который сам себе приготовил, в год 6834 (1325), месяца декабря в 21-й день, где и доныне всевозможные чудеса источает приходящим с верою. А все прочее о его чудесном рождении и богоугодном житии и искусном святительстве и о многих чудесах по преставлении объявлено всем в торжественном Слове о нем в сей же десятой ступени, в главе третьей.

Сей преосвященный митрополит, чудотворец Петр, первым положен был во граде Москве в основанной им соборной церкви Пречистой

Богородицы. И спустя два года после честного его преставления завершено было строительство той соборной церкви, и освящена она была Прохором, епископом Ростовским. И тогда преосвященным патриархом Исаией был поставлен в Царьграде митрополитом Киевским и всей Русской земли Феогност грек, и пришел в Москву; о нем впоследствии будет сказано.

И хранимый Богом великий князь Иван Данилович благоденственно правил по Божьей воле и, как Господу было угодно, всем управлял, и владел Великим Новгородом и Псковом, а от злодеев, разбойников и грабителей, и от воров очистил свою землю. В его дни был великий покой христианам на всей Русской земле многие годы. Тогда и татары перестали ходить войной на Русскую землю. И повелением его была поставлена в Москве каменная церковь во имя преподобного Иоанна создателя Лествицы, и каменная же церковь во имя праздника Поклонения веригам верховного апостола Петра, что ныне придел соборной церкви. Еще же задумал он поставить во славу Божию монастырь в городе Москве, что и совершилось: поставил он близ своего дворца по благословению отца своего, преосвященного митрополита всея Руси Феогноста, дивный и весьма чтимый монастырь и создал в нем чудную каменную церковь во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, и украсил ее святыми честными иконами, и святыми книгами, и священными сосудами, и <драгоценными> возложениями <на утварь>, и всякими драгоценными украшениями; и привел туда первого архимандрита, именем Ивана, мужа почтенного, наделенного даром слова, любителя мудрости, способного учить Священному Писанию, добродетельного, который за великие его добродетели был поставлен потом епископом Ростова и хорошо там пастырствовал в Богом порученном ему стаде и в глубокой старости отошел к Господу.

А эта архимандритиия, как написано в летописании, была прежде в <монастыре> святого Данила за Москвою-рекою, где великий князь Данил Александрович поставил церковь во имя своего святого и устроил архимандритию, где до <своего> конца насыщался он сияющей, будто солнце, благодатью. Впоследствии же боголюбивый сын его, сей великий князь Иван Калита, перевел оттуда сию обитель в город Москву и собрал много иноков, воздвиг и устроил рядом с собой, подобно некоему Божественному сокровищу, такую обитель, на которую желал всегда смотреть и радоваться. И возлюбил он тот монастырь больше других монастырей и приходил туда часто на молитву со многим смирением и благоговением, так что все дивились его смирению и благоговению: ибо был он очень боголюбив, а больше всего, следует сказать, любил он иноков и странников, и очень тепл был верою, и об истинной мудрости пекся, да к тому же и иноческого жития был ревнителем, от чего ни ночью, ни днем ни на один час не хотел отлучаться, и подавал милостыню большую и все необходимое живущим там инокам: еду, и питье, и одежду, и оброки, и все, что ни

требовалось, в изобилии всем им подавал и творил им множество льгот и от всего великую защиту, чтобы не быть им ни от кого в обиде. И так устроил он богомольную память и себе, и своему роду, и всему миру, и стяжал себе великую и благочестивую награду, самое же главное — честь и славу славную и богоугодную, по писаному: «благую часть избрал, ту, что не отнимется у него».

И как он, будучи благочестивым и христолюбивым, положил по благой своей воле христолюбивое начало, так и дети его, и внуки его, и правнуки его, ходя по тем же стопам и так же поступая, такую же награду и славу получают и <вечное> пребывание из рода в род как залог от Бога и Пречистой его Матери и великого святителя и чудотворца Петра, по чьему пророчеству и молитвам не меняется и доныне их благородие: ибо от благого корня и побеги будут благородны и крепки. А у сего великого князя Ивана Даниловича сыновей было трое: Симеон, Иван, Андрей, которых во страхе Божьем воспитали.

О великой княгине. Христолюбивая же великая его княгиня Елена возложила на себя иноческий образ и святую схиму и отошла к Богу. И положена она была в новосозданном их монастыре в церкви Преображения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. И на второй год после этого заложил великий князь Иван Данилович соборную каменную церковь во имя святого архистратига Михаила внутри московского кремля на площади; и в тот же год была она завершена и освящена преосвященным Феогностом, митрополитом всея Руси, в сентябре месяце, в 20-й день; в той же церкви завещал он себя положить, что и сталось.

И спустя один год после этого, на шестнадцатый год после предсказания и преставления великого чудотворца Петра, однажды, когда почивал он ночью на ложе своем, внезапно дернулась цепь на двери его опочивальни и послышался голос: «Вот пришел старец». Но никого он не увидел, кто бы говорил. И понял великий князь, что сбылось для него предсказание великого чудотворца Петра. И быстро встав и нисколько не промедлив, оставляет он все и отходит в монастырь Преображения Господня, который сам устроил близ своего дворца и в котором он и сподобился восприять великий иноческий образ и отошел с миром к Богу, которого смолоду возлюбил, в год 6849 (1341), марта 31.

Он первый положен был в церкви святого архистратига Михаила, которую сам возвел в Москве во славу Отца и Сына и Святого Духа. Прежде него много было великих князей в Земле русской, но ни один из них не назывался Иваном. А этот, хотя и был десятым после святого

Владимира, однако первый был назван Иваном, благодатным именем, ему и даровал Бог для духовной пользы благого советника, славного чудотворца Петра, святейшего митрополита, о котором так повествуется. <...>

О житии и подвигах... великого князя и царя русского Димитрия Ивановича

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

СТЕПЕНЬ 12, И ДВА МИТРОПОЛИТА, КИПРИЯН И ПИМИН, И ГРАНЬ 12, В НЕМЖЕ ГЛАВ 19

О ЖИТИИ И О ПОДВИЗЕХ БЛАЖЕННАГО И ДОСТОХВАЛНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ЦАРЯ РУСКАГО ДИМИТРИЯ ИВАНОВИЧА[1]

Глава 1. Сий Богом препрославленный и достохвалный великий князь Димитрий, иже родися от благородну и от пречестну родителю, великаго князя Ивана Ивановича и от матери великия княгини Александры, внук же бысть великаго князя Ивана Даниловича, собрателя Руской земли, правнук великаго князя Данила Олександровича Московскаго, праправнук великаго князя и чюдотворца Александра Ярославича Невскаго, от корени святаго и Богом насажденнаго саду отрасль благоплодна и цвѣт прекрасный царя Владимера, новаго Костянтина, просвѣтившаго всю Рускую землю святым крещением, от негоже бысть 12 степень, а от Рюрика 15; бысть же сродникъ новым чюдотворцом Борису и Глѣбу и воспитан бысть во истинном благочестии и в праведном доброславии со всякими наказании духовными, от самѣх бо пелен Бога возлюби и родителем благопослушив бысть и до конца по воли Божии управляя житие свое. Егда же изволи Богъ отцу его, великому князю Ивану Ивановичю, восприяти иноческий чинъ и оставити житие свѣта сего, и получившу ему вмѣсто земленых небесная селения, сий же Богом возлюбленный сынъ его и наслѣдникъ, великий князь Дмитрий, тогда млад сый оста честна си родителя, лѣтомъ яко десяти, мудростию же возраста — яко тысящалѣтен. И тогда приимшу ему скипетро земнаго царствия, отеческое наслѣдие, Руское великое княжение, по данней ему благодати от Бога, державствуя же благославно и богомудрено со благочестивою своею материю, великою княгинею Александрою. И

якоже прилѣжно о земном царствии подвизашеся, сице и о духовных прилежаше дѣлесех: и пустошных бесѣд не творяше и срамных глаголъ не любляше, злонравных человѣкъ отвращашеся, а з благими всегда бесѣдоваше, Божественых же Писаний всегда со умилением послушаше и сам почиташе, и о церквах Божиих велми печашеся; стражбу земля Руския мужеством держаше; злобою отроча обреташеся, а умъ совершен всегда бываше, иже всякими мирскими попеченми обдержашеся. Многими же добродѣтелми подражая уподобитися многотрудному житию преподобных отецъ, ихже всегда похваляя и ублажая. Такоже и страдания святых мученикъ со умилением прочитая и памят их любомудрено торжествуя и ревностию Божественою разгараяся; и всегда произволением тщашеся равенъ мученикомъ быти. Видя же тогда отечество свое навѣтуемо и озлобляемо, — не токмо от безбожных татар или от богомерския латыни, но и от своеземных и от единовѣрных си сродникъ, — себе же видя еще не успѣвша телесным возрастомъ, и тако о христоимянитых людех жалостию снѣдашеся и душею печашеся и сердцем болѣзноваше равномученическим страданием, и на молитву подвизашеся, и всю надежу возложиша на всесилнаго Бога и на Пречистую Его Матерь, истинную Богородицу, и всѣх святых.

Глава 2. Знамение небесное. Человѣколюбивый же Богъ, иже сирым отецъ и печалным утѣшение, вскоре разори совѣты нечестивых агарян и прочих, неправедно державствующих, низложи, якоже тогда и самое солнце знамением страшнымъ проявляя на поганых многую пагубу, иже бысть в постъ Христова Рожества: явися солнце кровию покровено на чистѣ небеси; и в другий постъ, святыя великия Четыредесятницы, от востока явишася аки огненыя заря чрез небо восходяху.

Пагуба царем во Ордѣ[2] и прочим поганымъ. Во времена же она бысть во Ордѣ велми силен мятеж, яко мнозии царие сами на ся брань воздвигнуша и едини от единѣх оружием падоша. В том же мятежи и царицы Тайдула убиена бысть, юже великий чюдотворец Алексей исцели,[3] и мнози царевичи побиени быша, такоже и рядцы межю себе сами ссекошася. Хидыя же царь от своего ему сына Темир-Хози убиен бысть.[4] Темник же его Мамай замяте всѣм царством его, а Темир-Хозя бѣгу ся ят за Волгу и тамо убиен бысть.[5] Мамай же прииде за Волгу на горнюю страну[6] и вся Орда с ним. И вста иный царь, Килдибѣк,[7] и многих поби, и самъ побиен бысть. В Сараи же тогда именовашеся царь Амурат.[8]

Глава 3. Преставление великие княгини Александры.[9] Тогда и боголюбивая великая княгиня Александра, святая мати сего достохвалнаго великаго князя Димитрия, послѣдова благонравным стопам блаженнаго си супруга, великаго князя Ивана Ивановича. В шестое лѣто по отшествии его к Богу такоже потщася своим благим

произволением во иноческий чин облещися, и претворено бысть имя ея во инокинях Мария. Совершено же и в самый великий образ святыя схимы пострижеся, и в таковом во истинном смиреномудрии трудолюбезно житие совершив, благодарствуя Бога, емуже и душу свою с миром в руцѣ предаде. Честное же тѣло ея положено бысть в преименитом граде Москвѣ в монастыри у Спаса, в придѣле, идѣже и нынѣ соборная церкви в царсвеном дому ихъ.

Брак державнаго Димитрия.[10] По том же, по двою лѣту, христолюбивый сынъ ея, великий сей князь Дмитрей Иванович, помысли законному браку приобщитися, уже тогда ему сущу лѣт яко штинадесяти. И по благословению чюдотвориваго Христова архиерея Алексия, митрополита всеа Русии, и приведоша ему невѣсту от Суждалския земля, дщерь великаго князя Димитрия Костянтиновича, благородную великую княжну Евдокию,[11] еюже оженися во граде Коломне мѣсяца генваря 18. И возрадовася вся земля о совокуплении брака его. По брацѣ же цѣломудрено живяста, со умилением сматряста своего спасения, в чистѣ совѣсти.

О том, како град Москва камен поставлен, и о митрополитех. Тогда же замысли преславный град Москву камен поставити,[12] егоже соверши в лѣто 6875, в немже живый добрым подвигом подвизаяся и мудрствуя полезная о души и о всякой духовной совѣсти. Ему же дарова Богъ благия совѣтники и нелестнии собесѣдницы, богоносныя отцы и учители: великаго во святителех преосвященнаго митрополита и чюдотворца Алексия, и преподобнаго игумена Сергия, и Кирила Белозерскаго, и Димитрия, Прилуцкаго чюдотворца,[13] и прочих многих тогда в чюдесѣх просиявших святых отецъ, ихже молитвами и благосовѣтиемъ и своимъ добронравием и благим произволением весь обоженъ бываше. И в сицевых исправлениих преспѣвая и крѣпостию разума предержа земное царство и к небесному выину присягая, плоти угодиемъ не отяхчашеся и, яко кормчия крѣпокъ, противу вѣтромъ волны минуя, направляем Вышняго промыслом. Якоже смотряй пророк на Божии стражи,[14] тако и сий смотряше своего царствия.

Въ лѣта же она великий чюдотворец, преосвященный митрополитъ Алексий проувидѣ свое к Богу отшествие, и призва к себѣ преподобнаго игумена и чюдотворца Сергия и много нудяше его восприяти престолъ Руския митрополия, и никакоже не може увѣщати его. И тако великий чюдотворец Алексий к желаемому Христу отиде, емуже угоди, от негоже многих чюдес дарованием обогатися; егоже престола приемникъ бысть премудрый митрополит Киприян, родом сербинъ, поставленъ бысть во Цариграде. Тако же поставленъ бысть в том же во Цариградѣ на Рускую митрополию Пимин,[15] переяславский архимандрит. Яко преже сего, наипаче же по сих умножися слава имени боголюбиваго великаго князя Димитрия Ивановича, якоже

великаго князя Владимера; и воскипѣ Земля руская в лѣта державства его многою благодатию, якоже обетованная земля Израилю. И страхом государства своего огради всю Землю рускую, и от востока и до запада хвално бысть имя его, от моря и до моря, от рѣк до конец вселенныя превознесеся честь его. (...)

---

[1] *О житии... блаженнаго... великаго князя и царя рускаго Димитрия Ивановича.* — Дмитрий Иванович Донской (1350—1389) — великий князь московский и владимирский с 1359 г. Канонизирован русской церковью. Составитель Степенной книги называет его царем, осовременивая прошлое.

[2] *Пагуба царем во Ордѣ...* — Борьба различных группировок за престол в Орде началась с конца 1350-х гг., после убийства сыном хана Джанибека Бирбеком 12 своих братьев. Рассказ об усобицах в Орде сохранили летописи, например Никоновская.

[3] *...и царицы Тайдула убиена бысть, юже великий чюдотворец Алексей исцели...* — Тайдула — жена или мать хана Джанибека. В 1357 г., заболев, она потребовала помощи митрополита Алексия, сумевшего ее вылечить. Убита в 1360 г. Хызром (Хидырь, Хидыя русских летописей).

[4] *Хидыя же царь от своего ему сына Темир-Хози убиенъ бысть.* — В 1361 г. Хызра убил его сын Тимур-ходжа.

[5] *Темник же его Мамай замяте всѣм царством его, а Темир-Хозя бѣгу ся ят за Волгу и тамо убиен бысть.* — Темник (военачальник, буквально: командующий 10 тысячами). Мамай включился в борьбу за власть в Орде в 1361 г.; в том же году был убит Тимур-ходжа.

[6] *Мамай же прииде за Волгу на горнюю страну...* — После убийства Тимур-ходжи Мамай с ордой ушел в свой улус — Крым, чтобы пополнить свои войска.

[7] *И вста иный царь, Кильдибѣк...* — Кильдибек — самозванец, выдававший себя за сына Джанибека, захватил власть в Сарае осенью 1361 г. Убит летом 1362 г.

[8] *В Сараи же тогда именовашеся царь Амурат.* — Амурат — по сообщениям летописей, следующий хан Орды.

[9] *Преставление великие княгини Александры.* — Жена московского князя Ивана Красного, мать Дмитрия Донского Александра умерла в 1364 г., приняв иноческий постриг под именем Марии; похоронена в соборе Спасского монастыря в Москве.

[10] *Брак державнаго Димитрия.* — Дмитрий Иванович женился в январе 1367 г.

[11] *...невѣсту от Суждалския земля, дщерь великаго князя Димитрия Костянтиновича... княжну Евдокию...* — Дмитрий Константинович (1323/24—1383) — князь суздальский с 1356 г., князь суздальско-нижегородский с 1365 г. Сначала был противником великого князя Дмитрия Ивановича, затем помирился с ним и выдал за него замуж свою дочь Евдокию (ум. в 1407 г.).

[12] *Тогда же замысли... град Москву камен поставити...* — По сведениям летописей, белокаменный московский Кремль — первая каменная крепость на Северо-Востоке Руси — был заложен в 1367 г.

[13] *...чюдотворца Алексия, и преподобнаго игумена Сергия, и Кирила Белозерскаго, и Димитрия, Прилуцкаго чюдотворца...* — Митрополит Алексий, по завещанию великого князя Ивана Ивановича был регентом при малолетнем Дмитрии. Сергий Радонежский (ок. 1322—1392) — основатель и игумен Троицкого монастыря, знаменитый церковный и политический деятель (см. его житие в наст. изд., т. 6). Кирилл Белозерский (1337—1427) — основатель Кирило-Белозерского монастыря, последователь Сергия Радонежского (см. его житие в наст. изд., т. 7). Дмитрий Прилуцкий (ум. в 1391 г.) — основатель Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой, сподвижник Сергия Радонежского.

[14] *...смотряй пророк на Божии стражи...* — Имеется в виду пророк Аввакум (ср.: Авв. 2, 1: «на стражу мою встал я»). Ср. начало ирмоса 4-й песни пасхального канона.

[15] *...егоже престола приемникъ бысть... митрополит Киприян... поставленъ бысть во Цариграде. Тако же поставленъ бысть в том же во Цариградѣ на Рускую митрополию Пимин...* — В 1376 г. константинопольский патриарх поставил Киприана (ум. в 1406 г.) митрополитом киевским и литовским с правом наследования после смерти Алексия и митрополии «всея Руси». Князь не признал его прав и стал побуждать Константинополь благословить как преемника Алексия Митяя-Михаила, своего духовника и печатника, но безуспешно. Источники сохранили рассказы о том, что сам Алексий старался уговорить занять после него митрополичью кафедру Сергия Радонежского, но также безрезультатно. После смерти Алексия Киприан летом 1378 г. добрался до Москвы, но был задержан и выдворен за рубеж. Михаил-Митяй отправился на посвящение в Константинополь, но в пути внезапно умер (в 1379 г.). Сопровождавшие его послы обманом и подкупами добились утверждения митрополитом «всея Руси» участника посольства Пимена, переяславского архимандрита. Но князь Дмитрий Иванович отказался принять Пимена и в 1381 г. примирился с Киприаном.

ПЕРЕВОД

СТУПЕНЬ 12, И ДВА МИТРОПОЛИТА, КИПРИАН И ПИМЕН, ГРАНЬ 12, В КОТОРОЙ ГЛАВ 19

О ЖИТИИ И ПОДВИГАХ БЛАЖЕННОГО И ДОСТОХВАЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ И ЦАРЯ РУССКОГО ДИМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

Глава 1. Сей Богом прославленный и достохвальный великий князь Димитрий, что родился от благородных и честных родителей, от великого князя Ивана Ивановича и от матери великой княгини Александры, был внуком великого князя Ивана Даниловича, собирателя Русской земли, правнуком — великого князя Даниила Александровича Московского, праправнуком — великого князя и чудотворца Александра Ярославича Невского, благоплодный побег от святого корня из Богом насажденного сада и цветок прекрасный от царя Владимира, нового Константина, просветившего всю Русскую землю святым крещением, от кого и был он 12-й ступенью, а от Рюрика 15-й; был он сродником новым чудотворцам Борису и Глебу и был вскормлен в истинном благочестии и в праведном православии со всяческим наставлением духовным, ибо с пеленок возлюбил он Бога и был послушен родителям, и до конца провел в воле Божьей свое житие. Когда же соблаговолил Бог, чтобы отец его, великий князь Иван Иванович, восприял иноческий чин и преставился от сего света и получил вместо земных небесные селения, тогда сей возлюбленный Богом сын его и наследник, великий князь Дмитрий, остался без честного своего родителя молодым, около десяти лет, мудростью же — как тысячелетний. И тогда по данной ему от Бога благодати принял он скипетр земного царствования, отцовское наследство, Русское великое княжение, и правил славно и богомудро с благочестивой своей матерью, великой княгиней Александрой. И как со тщанием подвизался он в трудах для земного царствования, так же <сильно> прилежал он и к делам духовным: пустых бесед не вел и срамных слов не любил, людей дурного нрава сторонился, а с хорошими всегда беседовал, Священное Писание всегда слушал с умилением и сам читал, и о церквах Божиих сильно пекся; оборону Земли русской мужественно держал; по незлобивости был дитя, а умом, что всегда был занят всяческими земными заботами, был всегда совершенно зрел. И многими добрыми делами стремился подражать многотрудному житию преподобных отцов, кого всегда он прославлял и возвеличивал. И о страданьях святых мучеников читал он с умилением и почитал их память с любовью и умом, разгораясь Божественною ревностью; и всегда старался в устремлениях своих быть равным мученикам. И, видя тогда отечество свое подвергнутым напастям и бедам, — не от одних только безбожных татар или от мерзких Богу латынян, но и от сродников своих, одной с ним земли и веры, — а себя видя еще не достигшим взрослого возраста, снедался он жалостью к христианам и болел душой, и терпел в сердце равные мученическим страдания, и устремлялся к молитве, и полагал всю надежду на всесильного Бога и на Пречистую Его Мать, истинную Богородицу, и на всех святых.

Глава 2. Небесное знамение. А человеколюбец Бог, отец сирот и утешитель печальных, разрушил вскоре замыслы нечестивых агарян и низложил других, неправедно властвовавших, ибо тогда и самое солнце страшным знамением указало многую погибель поганым, что случилось в пост Христова Рождества: на чистом небе явилось солнце, покрытое кровью; и в другой пост, святой великой Четыредесятницы, появились на востоке будто огненные зори, поднимавшиеся по небу.

Погибель в Орде царям и прочим поганым. И в те времена случилась в Орде сильная смута, так что много царей сами промеж себя вооруженную брань воздвигли и одни от других пали. В той смуте и царица Тайдула была убита, та, которую исцелил великий чудотворец Алексий, и много царевичей было побито, и соперники сами себя перебили тоже. А царь Хызра был убит собственным своим сыном Тимур-Ходжой. Темник же его Мамай взбунтовал все его царство, а Тимур-Ходжа побежал за Волгу и там был убит. Мамай же пришел в гористый край за волжскими пределами, а вместе с ним вся Орда. И поднялся другой царь, Кильдибек, и многих разбил, и сам был разбит. В Сарае тогда царем именовали Амурата.

Глава 3. Преставление великой княгини Александры. Тогда и боголюбивая великая княгиня Александра, святая мать сего достохвального великого князя Димитрия, последовала по стопам благонравного блаженного своего супруга, великого князя Ивана Ивановича. На шестой год по отшествии его к Богу тоже потрудилась облечься во иноческий чин по благому своему изволению, и переменили ей имя во инокинях на Марию. Под конец же и в самый великий образ святой схимы она постриглась, и в таковом истинном смиренномудрии окончила многотрудное житие, вознося благодарения Богу, в руки которого и предала душу свою с миром. Честное же ее тело было положено в знаменитом граде Москве в монастыре у Спаса, в приделе, там, где и ныне <находится> церковь соборная в их царском дворце.

Женитьба державного Димитрия. После этого, через два года, христолюбивый сын ее, сей великий князь Дмитрий Иванович, задумал сочетаться законным браком, тогда ему уже было около шестнадцати лет. И по благословению чудотворца Христова архиерея Алексия, митрополита всея Руси, привели ему невесту из Суздальской земли, дочь великого князя Димитрия Константиновича, благородную великую княжну Евдокию, на которой он женился в городе Коломне в 18-е число января месяца. И возрадовалась вся <его> земля о его женитьбе. После же женитьбы целомудренно они жили, печась с умилением о своем спасении, с чистой совестью.

О том, как воздвигнут был каменный кремль Москвы, и о митрополитах. Тогда же задумал воздвигнуть он в камне славный кремль Москвы, который закончил <строить> в год 6875 (1367), и, живя в нем, в добрых деяниях подвизался и мыслил о пользе своей души и о всяком духовном ведении. А Бог даровал ему благих советников и нелицемерных собеседников, отцов-богоносцев и учителей: великого средь святителей преосвященного митрополита и чудотворца Алексия, и преподобного игумена Сергия, и Кирилла Белозерского, и Димитрия, Прилуцкого чудотворца, и много других просиявших тогда чудесами святых отцов, по чьим молитвам и благим советам, а также и благодаря своему собственному доброму нраву и благой воле сделался он весь обожен. И в таких свершениях преуспевая и держа крепким умом земное царство и небесному всегда оставаясь верным, не отягчал он себя угождением плоти и, как опытный кормщик, шел минуя волны ветрам навстречу, направляем промыслом Всевышнего. Как стоял бдительно пророк на Божией страже, так и сей бдительно смотрел за своим царством.

И в те годы великий чудотворец преосвященный митрополит Алексий, предувидев свое отшествие к Богу, призвал к себе преподобного игумена и чудотворца Сергия и много понуждал его восприять престол Русской митрополии, и никак не смог уговорить его. И так отошел великий чудотворец Алексий к желанному Христу, которому был угодником и который обогатил его даром чудотворения; а преемником его престола стал премудрый митрополит Киприан, родом серб, поставлен был в Царьграде. И так же поставлен был в том же Царьграде на Русскую митрополию Пимен, переяславский архимандрит. И как до этого, так еще больше после этого прославилось имя боголюбивого великого князя Димитрия Ивановича, словно великого князя Владимира; и кипела Русская земля в годы его правления многою благодатью, словно обетованная земля Израиля. И оградил он страхом перед своей властью всю Землю русскую, и прославлялось имя его от востока до запада, от моря до моря, от речных источников до всех концов вселенной превозносилась честь его. <...>

О... великом князе Иване Васильевиче, государе и самодержце всея Росии

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

СТЕПЕНЬ 15, И ЧЕТЫРЕ МИТРОПОЛИТЫ ФИЛИПП, ГЕРОНТИЙ, ЗОСИМА, СИМОН, И ГРАНЬ 15, В НЕЙЖЕ ГЛАВ 33

О БЛАГОЧЕСТИВОМ И БОГОМ УТВЕРЖЕНОМ ОДОЛѢТИ СУПОСТАТОМ О ХРИСТОЛЮБИВОМ И ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНѢ ВАСИЛЕВИЧЕ,[1] И ГОСУДАРѢ И САМОДЕРЖЦѢ ВСЕА РУСИ, И ПРОРОЧЕСТВО МИХАИЛА КЛОПСКАГО[2]

Глава 1. Пресвятая Троица, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, единый истинный Богъ нашь, иже есть сый царь царствующим и Господь господьствующим и всея твари содѣтелю, и вся, елика хощет, творит на небеси и на земли, и по своей ему воли дает власть, и царство, и славу емуже хощет, и скипетры царствия поручает, якоже пишет: «Аще кая земля управится пред Богом, то поставляет ей и держателя благочестива и правдива и благостройно управляюща и любяща суд и правду». Тако своим неизреченным милосердием постави бодреливаго стража и истинна пастыря, главу благоразумну и правдиву своему тезоименитому достоянию, превозлюбленнѣй его Рустѣй велицей земли, кореноплодному отчеству изряднаго наслѣдника и крѣпкаго поборника православию, мужествена исполина и врагом страшна, всюду супостаты одолѣвающа и вся враги побѣжающа и никимже побѣждаема, и всяко нечестие и прелесть разоряюща, и всяку ересь потребляюща, и всяку вражду пресѣкающа, и многоначалие и самовластие упражняющи, иже окрестъ державы его властодержателей под свою державу покаряюща, от далних же превысочайших самодержателей во братственую любов сочетатися желаема, и во вся концы земныя знаема, и славна, и пресловуща, мир же и тишину и правду утвержающа, сего настоящаго светлѣйшаго самодержца, благовѣрнаго, и христолюбиваго, и человѣколюбиваго великаго князя Ивана Василевича, всеа Русии государя и царя, именуема Тимофея, иже бысть от святаго и равноапостолнаго великаго князя Владимера Святославича пятыйнадесят степен, от Рюрика же осьмыйнадесят.

Сей убо православный в державных, благодатно имя Иван, родися в лѣто 6948, мѣсяца генваря 22. Во время же рожения его прорече о нем нѣкто инъ святъ от велможска роду, именем Михаил, живый в Великом Новѣграде в монастыри Клопском. И такова прозорлива дара сподобися от Бога, яко многажды прорицаше хотящая преди быти, и сия, яко настоящая, глаголаше. Такоже бысть егда родися сий великий князь Иван, — и тогда внезапу начат звонити в колоколы, и мнози людие снидошася. Он же яко уродствуя бяше и всѣм людем Великаго Новаграда и самому пастырю их, великому архиепископу Еффимию, явствено вопия и глаголаше сице: «Днесь во преславном градѣ Москвѣ у великаго князя Василия Василевича родися сынъ, князь великий Тимофей, сущее же имя ему Иван, и той будет всему Российскому царствию наслѣдник, и всѣм окрестным странам страшен будет, и сего

вашего всего Великаго Новаграда обладает, и гордыню вашу упразднит, и во всю свою волю привлечет вас, и все ваше самовластие раздрушит, и самоволная ваша обычая изменит, и за ваше непокорство и супротивие многу побѣду и посѣчение и плѣн над вами сотворит, и богатество ваше и села ваша восприимет»,[3] еже и бысть по лѣтех четыридесятих, еже послѣди речется.

Тишина. В лѣта бо она отецъ его, великий князь Василий Василевич, по мнозѣх нестроениих и крамолах и по мнозех неудобственых бранех, не токмо со иноплеменными враги, но и со своими ближними ужиками, и по лишении очию, Божиею благодатию всѣм одолѣ[4] и велие благоденство и тишину получи, якоже выше явлено есть, в четвертойнадесят степени книги сея. Брак. Сему же преславному самодерцу Ивану юну сущу, яко лѣт двоюнадесяти, ему же отецъ его взят в супружство у великаго князя Бориса Александровича Тверскаго дщер, великую княжну Марию.[5] 1 сынъ. Ипо брацѣ в седмое лѣто родися ему от нея сынъ единоименен ему великий князь Иван, рекомый Младый.[6] Лѣта же того благочестнодержавный отецъ его, великий князь Василий Василевич, Бога помощника имѣя, помысли расточенное отческое державство взыскати и приединити непокоривых ко своему достоянию. Вятка. И посла на Вятку князя Ивана Ряполовскаго и потом посла князя Ивана Юревича; он же шед и взя грады их Орлов и Котелнича.[7] В Новград. По сих же сам великий князь Василий прииде в Великий Новград,[8] с ним же дѣти его, князь Юри и князь Андрей; и оттуду посла во Псков сына своего князя Юря;[9] сего же старѣйшаго сына своего, великаго князя Ивана, на Москвѣ остави.[10] Сам же мир дав Новуграду, из негоже прииде на Москву и, два лѣта пребыв, с миром почи о Господѣ.

Глава 2. Начало государства, и о чюдотворцехъ Ярославских, и о митрополите Иерусалимском. Его же державы наслѣдник бысть сий христолюбивый сынъ его, великий князь Иван. В первое же лѣто самодержавства его во градѣ Ярославли обрѣтены быша чюдотворныя мощи князя Феодора и чад его Давыда и Костянтина,[11] о нихже доволна есть повесть в десятой степени книги сея. По лѣте же едином Феодосий, митрополит всеа Русии, постави на Москвѣ Иосифа в Кесарию Филипову во Иерусалим на митрополию, пришедша оттуду.[12] И потом Феодосий остави митрополию, в него же мѣсто поставлен бысть добродѣтельный и блаженный Филип митрополит всеа Русии, в лѣто 6973.[13] И тогда безбожный царь Махамет поиде на Рускую землю со всею ордою. И бывшу ему на Дону, и ту прииде на него царь АзиТирѣй и побѣди его, и Орду его взя; и начаша воеватися межу собою.[14] И тако всесилный Богъ своим милосердием избави Рускую землю от поганых в лѣто 6976.

Глава 3. О рати на Казань.[15] И по сих великий князь посылал царевича Касыма, с ним же и воевод своих со многими людми, к Казани на царя Обреима. И не успѣша ничтоже. Тоя же зимы и на черемису послал князя Симиона Романовича[16] со многим воинством. И много черемисы в плѣн взяша, прочих же посекоша, и всю землю повоеваша и достал пожгоша; за един день до Казани не доходиша, и по Волзе обѣ страны повоеваша, и вси приидоша к великому князю здравы. На весну же и судовую рат посла на Каму.[17] В лѣте том июня 4 князь Иван Хрипун на Волзѣ многих татар двора царева побѣди,[18] плененых князей на Москву приведе. И паки посла многое воинство изо всѣх градов земля своея, такоже изо всѣх градов братии своея судовую рать. И вси снидошася в Новград Нижней. Многие же воеводы и дворяне по своей воли избраша себѣ воеводою Ивана Руна,[19] емуже хотяху вси в послушании быти. И приидоша к Казани маия 21, в недѣлю Пятдесятную, татар казанских многих посекоша, и полон русский и литовский вес отполониша, и посад пожгоша. И мнози татары, и з женами и з дѣтми, не хотяше в руки предатися надо имѣнием своим, згорѣша со всѣм имѣнием. И рать отступи от града. Тогда же царица Касымова, иже бяше мати Обреимова,[20] идый от великаго князя с Москвы, с честию отпущена, и пройде мимо воинство великаго князя, льстивыми словесы увѣщав их, да не ята будет от них.

Но обаче бран непрестанна с казанцы русскому воинству бяше, дондеже великий княз послал берегом под Казань братию свою, князя Юря и князя *Андрея,* с нимиже совокупися и судовая рать. И септября 1 брани бывши весь день у Казани с царем Обреимом, и помощию Божиею победиша татар и воду у них отяша. Царь же Обреим, видя себе в велицей бедѣ, и посла ко князю Юрю, добиша челом на всей воли великаго князя.[21]

Глава 4. О преставлении блаженнаго Ионы, архиепископа Новоградскаго, и о владыцѣ Феофиле, и о взятии Новаграда.[22] Всей же главѣ 1 1 титлъ.

Титла 1. В лѣто же 6979-го, ноября 8 блаженный архиепископъ Великаго Новаграда чюдотворец Иона преставися к Богу, иже пророчествова с митрополитом Ионою чюдотворцем великому князю Василию Василевичю, яко сий благородный сынъ его, великий княз Иван, разорит вся самоволныя обычая людей новоградских и во всю свою волю приведет их, еже и збысться. По преставлении же сего прозорливаго и святѣйшаго архиепископа Ионы людие же новоградстии избраша по жребию нѣкоего священноинока, именем Феофила, и возведоша его на двор архиепископл по древнему обычаю, и послаша на Москву к митрополиту Филипу и к великой княгини Марии,[23] матери великаго князя Ивана Василевича, с молением бити челом и опаса просити, да бы пожаловал великий князь, моления их не презрил и

повелѣл бы нареченному их Феофилу приити на Москву, и отцу бы своему митрополиту велѣл поставити его во архиепископы Великому Новуграду и Пскову. Великий же князь митрополича ради и матери своея печалованя моления их и прошения не презрѣ и всякого их прежняго бесчинства и неисправления не воспомяну, ничимже озлоби их, но паче — милосердуя их, и посланника их любочестно отпусти, и нареченнаго во святительство Феофила повелѣ прислати на Москву, да безо всякого прекословения отцу своему митрополиту велит поставити его во архиепископы. Посланнику же их пришедшу в Новград и возвѣстившу всѣм милостивное жалованье великаго князя, посадницы же и тысящские и прочии людие велми о сем возрадовашася.

О измѣне новоградцев. Нѣцыи же от них, посадничи дѣти Исака Борецкого с материю их Марфою[24] и со инѣми измѣнники, научены дияволом, ко своей им пагубѣ начаша нелѣпая и развращенная глаголати и, на вече приходящи, сице кричати: «Не хощем быти владомы великим князем Московским, ни именоватися отчеством его, понеже велики обиды и неправды содѣвает нам. Мы есмы волнии людие, Великий Новград! Хощем быти владоми кралем Казимером Полским!»[25] И тако возмятеся весь град ихъ, и восколебашася, яко пьяни. Овии по древнему хотяху владоми быти великим князем Московским, друзии же Литовскому кралю хотяху подовластни быти. Враждотворнии же измѣнницы наимствоваху худѣйших человѣкъ, иже суть готови на всякое неистовство, и ти, приходяще на вече и не престающе в колоколы звоняху и кричаще, глаголаху: «Краля хощем, да владѣет нами!» Инии же: «Великаго князя Московскаго, егоже хощем, есмы держава от древних лѣт и до нынѣ». Окаянных же измѣнников безумнии наемницы камение метаху на тѣх, иже не хотяху отступити от великаго князя. Мнози же от них, старии посадницы, и тысящские, и лучшии людие, и прочии гражане, увѣщеваху крамолующих, глаголюще к ним: «Не возможно, братие, сице тому быти, еже вдатися нам кралю и архиепископа поставити от его называющагося митрополита Григория, латынянина суща, иже есть ученикъ сущаго латынянина, суемысленаго Исидора.[26] Мы же изначалственая держава есмы от великаго князя Рюрика, егоже по своей воли взяла вся Русская земля наша из Варяг, егоже правнукъ, блаженный великий князь Владимер, истинное благочестие обрѣте и крестися и всю нашу Русскую землю во крещение приведе. И от того святаго Владимера даже и до сего господина нашего великаго князя Иванава Василевича за латынею не бывали есмы и архиепископа от них не ставливали себѣ, якоже вы нынѣ суетно умышляете». Развратницы же они, якоже прежнии еретицы, дьяволи ученицы, хотяше свое умышление улучити, на благочестие дерзнуша и великому князю и митрополиту Филипу покоритися во благочестие не хотяще, Бога не боящеся, и православию противляхуся.

Безумное послание в Литву от новоградцев. И посланника своего в Литву к королю со многими дарми безумнии послаша, глаголюще: «Мы, волнии людие, Великий Новград, бьем челом тебѣ, честному кралю, да

бы ты нашему государству, Великому Новуграду, и нам господинъ был. И архиепископа нам вели поставити своему митрополиту Григорию и князя нам дай из своея державы». Краль же возрадовася о словесех сих и дары их с любовию прият и много чествова посланников их.

Олелковичь. К ним же посла князя Михаила Олелкова сына киевскаго.[27] Новоградцы же прияша его честнѣ. Великаго же князя намѣстников не сослаша з городища.

Суждалской. А иже был у них князь Василий Горбатой, брат Суждалских князей,[28] егоже яко слугу у себе имяху, и того послаша в Заволочье, в заставу на Двину: готовляхуся, безумнии, на брань против воинства великаго князя.

Титла 3. Послание великаго князя в Новград.[29] Слышав же сие великий князь Иван Василевич, что въ его отечествѣ, в Великом Новѣграде, великое возмятение, и посла к ним послы своя, глаголя сице: «О, людие новоградстии! Отчина моя есте изначала, от перваго в земли вашей великого князя Рюрика и до правнука его, святаго и великаго князя Владимера, крестившаго всю Землю русскую, и от того великаго князя Владимера Киевскаго и до великаго князя Дмитрея-Всеволода Юревича Владимерскаго, а от того даждь и до мене род ихъ мы владѣем вами, и жалуем вас, и бороним отвсюду. И казнити вас волны же есмя за презорство ваше к нам. А за королем ни за которым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, како и земля ваша стала. Нынѣ же отступаете от християнства к латынству чрез крестное к нам целование. Аз же, великий князь, ничтоже тщетно содѣваю вам, ни тягости излишние не налагаю на вас, но якоже быша дани и оброки при отцѣ моем великом князе Василе Василевиче, и при дѣде, и при прадѣдѣ, и при прочих великих князех рода нашего. Вы же бо не едину сию измѣну ко мнѣ показуете; егоже ради смирити вас хощет Господь Богъ. Но аз, не хотя видѣти многаго християнскаго кровопролития, и того ради наипаче легчайше хощу пожаловати вас, свою отчину. И вы не наведите сами на себя гнѣва Божия, от нашего извѣчнаго над вами державства не отступайте и к латынству не прилагайтеся».

Титла 4. Послание Филиппа митрополита в Новград.[30] Преосвященный же Филипп, митрополит всеа Русии, такожде не единою от себе посылая к ним в Великий Новград поучение от Святых Писаний сице: «Слышу, сынове, яко у вас нѣцыи поощряются на многое стремление, и на многое земли неустроение, и не тишину хотяще ввести, велик мятеж и раскол святѣй Божии церкви: отступая от православия и от древния державы, хотяще к латынству приложитися. И вы у себя таковых безумных людей сами исправите таковаго злаго их

научения, понеже, сынове, то дѣло благоотмѣтно есть: еже благочестия свѣт оставити *и* ко тмѣ латынския прелести приложитися, яко нечающе от Бога праведнаго суда его, ни устрашаяся от него многих вѣчных мук. И вы Божия гнѣва убойтеся и сего страшнаго серпа, великим Захариею пророкомъ видѣннаго,[31] сходящаго с небеси на сыны непокоривыя. И того ради наказуйте бесчинныя, творящая в вас распря и соблазны, и учите их на добро, по древнему пути отецъ своих ходити и жити во прежнем си благочестии и тишинѣ. Многая бо неутолимая лютая предстоят в таковом начинании, — еже оставити закон благочестия спасеныя заповѣди живаго Бога и приступити к латынству. Вси бо прелщенныя души вѣрных взыщутся от Господа Бога на тѣх прелестных богоотступницех. И вы от таковаго их злодѣйства возражайте по реченному: „Бѣжи грѣха, яко ратника, бѣжи от прелести, яко от лица змиина, да не уязвит твоея душа жалом пагубы некончаемыя". О сих, сынове, сами вѣсте, како в преже бывшая времена коликая царства великих земель, многия грады и мѣста преступления ради закона и преслушания ради святых пророкъ и апостолъ, и святых отецъ учения не послушавше, в пагубу многу впадоша и в запустѣние быша; а не покорившияся земли и грады Богом порученному их государю сотрошася и разорени быша. Царствующий же великий град Костянтинополь, иже преже благочестием просиявый паче инѣх царствий, не тоя же ли ради латынския прелести погибе и от благочестия истребися и донынѣ погаными турки одержим бысть.[32] И, сынове, Божия страха убойтеся! Не един в вас, не два блазнитеся, хотяще от истинны отступити и с праваго пути заблудити, якоже забывше великую над вами древнюю державу и закона отецъ своих от дѣд, от прадѣд, но бесчисленое ваше множество народа вси прелщаетеся. И вы, сынове, смиритеся емуже Богом покорени есте, под крѣпкою рукою благовѣрнаго и благочестиваго государя, великаго князя Ивана Василевича всеа Русии, вашего очича и дѣдича, по реченному великим свѣтилником Христовым апостолом Павлом, вселенским учителем: „Всяк, — рече, — повинуяйся власти, Божию повелѣнию повинуется, а противляяйся власти, Божию повелѣнию противится".[33] И паки рече: „Бога бойтеся, а князя чтите: Божий бо слуга есть. Не туне меч носит — в месть врагом, в похвалу же добродетлемъ".[34] И вы, чада, о сих поразумѣйте и того ради смиритеся. И Богъ мира будет с вами».

Титла 4. Поучение Феофилово. Прежде же о сих и по сих преподобный священноинок, нареченный на владычество Феофил, велми возбраняше им от таковых лукавых умышлениих и повелеваше им престати от таковаго злаго начинания. Они же не послушаху словес его. Он же того ради хотяше снити в монастырь и в кѣлии безмолствовати. И не попустиша его. Боляре же новоградстии, и посадницы, и тысящские, и прочии гражане, иже не хотяху перваго обычая измѣнити и крестнаго целования преступити, слышавше словеса послов великаго князя, и митрополиче благословение и поучение, и своего нареченнаго на владычество Феофила поучение и возбранение, мнози возрадовашася радостию великою и по древнему исправитися хотяху великому князю.

Титла 5. О погибелном ухищрении злоумныя жены Марфы. Злокозненыяй же дьявол, иже искони ненавидяй добра человѣческому роду, вниде у них во злохитрену жену Исакову Борецкаго, именем Марфу, о нейже выше речено бысть, и тако окаянный соплетеся лукавыми словесы с литовскимъ князем с Михаилом Александровичем, егоже мало преже сих присла его к ним кралъ; и по его совѣту бестудная она Марфа хотяше посягнути замуж за литовскаго пана за королева[35] и с ним хотя владѣти всею новоградскою землею. И тако мысляще, нача прелщати весь народ православия, Великий Новград, хотяще отвести от великаго князя и ко кралю присягнути. Якоже древняя лвица Езавел,[36] иже многих убиваше пророчествующих о имени Господни, и сама со стены града свержена и конми попрана, скончя окаянный живот свой, и пси снедоша ю; такоже и другая, подобна ей, безаконная Иродия,[37] жена Филиппа царя, обличена Крестителем Господним Иванном о безаконнии и не терпя обличения, окаянная, и того ради оболсти своего царя плясанием дщери своея, угодив ему, и отсѣче пророчю главу, — и сама со дьяволом мучитися осужена бысть в бесконечныя вѣки; к сим же равно и Евдоксия царица таково же зло сотвори: всемирнаго светилника, великаго Иоанна Златоустаго, патриарха Царьствующаго града, со престола согна и во Армены заточи,[38] — и того ради сама жива червми воскипѣвше, много лѣт по смерти же ея трясением гроба ея проявляше знамение будущей муцѣ; такоже и Далида окаянная, безакония ради ея, мужа своего Самсона, свята и храбра, не пощадѣ,[39] но лестию остригши, иноплеменникомъ предастъ, — сице и сия окаянная Марфа всего народа хотя прелстити и с праваго пути совратити, и тмою прелести латынския ослепи свои душевныя очи лукаваго ради с нею дьяволя сплетения и мысли злыя литовскаго князя. С нею же тогда мысля и думая, иже от самого сатаны, гордаго дьявола, злѣ подстрекаемый чернец Пимин,[40] прежняго архиепископа бывший ключник; и той лукавый тайношептанием на все зло помагаше им и сам желаше получити от латынскаго митрополита поставлен быти на архиепископьство Великаго Новаграда, о немже не благоволи Богъ, и не прият бысть от людей. Он же окаянный издаяше много злата лукавой той Марфе. Она же, окаянная, не токмо себя и душу свою, но и чада своя в конечную пагубу вовлече, по не мнозѣ же и литовскаго князя Михаила Олелковича отъ себе отгнаша.

О неистовстве новоградцевъ. Ко злоумной же Марфе и к дѣтем ея многие люди на сонмище сходящеся и мнози наемнии поборники и с прочими неистовыми людми и безумными невѣгласы. И мнози тмою прелести, злата и сребра взятием помрачишася и яко возбеснѣша, или яко звѣрие дивии безчеловѣчен разум имуще; великаго же князя послов словес, тако же и митрополича посла, ни слышати не хотяху, и яко скоту уподобишася, ничтоже разума имуще, но точию единою кричаще. Ниже безсловесная животная не сице кричаху, якоже они окаяннии; государем зовяху себѣ Великий Новград и на вече приходяху, бьяху в колоколы, и лаяху, яко пси, и нелѣпая глаголюще: «За короля хотим!» И

таково бѣ в них возмущение, якоже бысть во Иерусалимѣ, егда предаде его Богъ въ руцѣ Титовѣ.[41] Якоже иерусалимляне тогда же межи себе брань творяху, тако и здѣ новогородцы брань меж собою воздвигоша.

Титла 6. Совѣт великаго князя и ратование на новоградцы.[42] Великий же князь, слышав сия, оскорбися зѣло и велми опечалися о них, глаголаше: «Оле безумия людей сих! Яко егда быша еще и не во православии, от Рюрика и до великаго князя Владимера, крестившаго всю Землю русскую, и тогда не отступали ко иному государю; а от Владимера даже и до нынѣ, во православной вѣре, род его един знали и исправлялися всѣм великимъ князем киевским и владимерскимъ и до мене. Нынѣ же *како,* мнѣ не повинующеся, погибнути хотят, от крестиянства к латынству отступающе. И что сотворити, не вѣм. Но точию возложу упование на единаго всесилнаго Господа Бога, и той сотворит с нами милость и вразумит нас о сих, якоже хощет». И вся сия возвѣщает отцу своему Филипу митрополиту, и матери своей великой княгине Марии, и боляром своим; и мысль свою сказа им, яко «хощу, — рече, — ити на Новград ратию за их неисправление и отступление». Они же глаголаша ему: «Богъ Вседержитель, видяй правду твою и умышление сердца твоего, иже на ползу царствию твоему, да исполнит и смирит враги твоя под нозѣ твои, по своей ему милости».

Он же вскоре разосла по всю братию свою, и по вся епископы земля своея, и по всѣ князи, и по боляре, и по воводы, и по вся воя своя. И яко снидошася к нему вси, и тогда возвѣщает всѣм, яко новогородцы во всем измениша ему и на великое зло удаляются, хотяще от православия к латынскому королю присягнути. И того ради, Бога помощника имѣя, взем благословение от митрополита Филипа, и от всѣх святитель земля своея, и от всего освященнаго собора, и начат вооружатися на своих измѣнников; такоже и братия его, и вси князи, и боляре, и воеводы, и все воинство его. И посла в Великий Новград, возвѣщая, яко грядет смирити гордыню их. Во Тверь посла к великому князю, помощи прося на новоградцев. Такоже и во Псков посла, глаголя им сице: «Вѣдыи будите, яко отчина моя Великий Новград отступают от мене за литовскаго короля и архиепископа себѣ хотят поставити от его митрополита Григория, латынянина суща. И того ради азъ, на Бога возложив надежу, гряду на них с воинством своим; и вы вси, от великих идо малых, вся Земля псковская, отчина моя, поидите на них ратию с моим воеводою, со князем Феодором Юревичем Шуйским,[43] или с сыном его князем Василемъ».

И мѣсяца маия 31 день великий же князь посла воевод своих на Двину и на Заволоцкую землю, Василия Федоровича Образца[44] с устьюжаны и с вятчаны и с вологжаны на пригороды новоградския и на вся их власти и на погосты. Мѣсяца июня 6 послал великий княз с Москвы преди себе князя Данила Дмитреевича Холмскаго да Федора Давыдовича со

многим воинством к Русѣ[45] за Илмень езеро, иже есть противу Новаграда. И того же мѣсяца июня 13 отпустил великий князь князя Ивана Василевича Стригу со многими вои, с ним же князей царевичевых Данояровых со многими татары, и велѣл им итти на Волочек да по Мстѣ.[46] Сам же благочестивый государь великий князь начат обходити вся соборныя церкви и монастыря и повсюду и идѣже чюдотворный образ Пречистыя Богоматере и целбоносныя мощи великих святителей и чюдотворцев Петра и Алексия и прочих, и идѣже мощи почиваху прародителей его, — от великаго князя Ивана Даниловича и до отца его, великаго князя Василя, — и вездѣ молебная совершая и милостыню доволну раздая, жалости исполняяся и моляся в себѣ, глаголя. Молитва: «Господи Владыко пресвятый, превѣчьный Царю! Ты вѣси тайная сердецъ человѣческих, яко не своим хотѣнием, ниже своею волею на сие дерзаю аз, еже бы пролиятися мнозѣй крови християнстей на земли, но дерзаю о истиннем твоем божественом законѣ».

И тако благочестия дѣлател повсюду моляся Господу Богу и Пречистой Богородицы, призывая к себѣ на помощ непобѣдимую силу честнаго и животворящаго креста Господня, и великаго заступника и скорого християном помощника на бранѣх преславного небесных силъ воеводу архистратига Михаила, и святаго великого Ивана Предотечю, и соборы пророкъ, и апостолъ, и святителей, и святых добропобѣдных мученикъ, и преподобных, и праведных, и всѣх святых, и своих святых православных прародителей, великих князей: равноапостольнаго Владимера и сынов его праведных страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и всѣх святых своих сродник, моля их и глаголя: «О, святии мои родители и прародители и сродницы! Аще и тѣлом отсюду отшли есте и души ваши в руцѣ Богу предасте, к нему же и дерзновение имуще молитвою на отступающих православныя державы нашея».

Таже паки приходит ко отцу своему Филиппу, митрополиту всеа Русии, прося благословения и прощения от него. Святитель же огражает его крестом и молитвою вооружает и благословляет его и вся воя его на противныя ему. И тако, приимъ благословение от митрополита и от всѣх святителей земля своея и от всего освященнаго собора, и поиде с Москвы того же мѣсяца июня 20; с ним же и братия его: князь Юри, и князь Андрей, и князь Борис Василевич, и князь Михаил Андрѣевич с сыном своим со князем Василем, и царевичь Даняр,[47] и князи и боляре мнози, и вси воеводы со многою силою, вооружився на противных на своих отступников. Всегда бо измѣняху, крестное целованье преступающе. Пятсот лѣт и четыре лѣта во святом крещении быша владоми великими князми рускими православными, нынѣ же послѣдьнее время за 20 лѣт до скончания седмыя тысящи, начаша бѣситися, еже отступити от истиннаго православия в богомерское латынство. И тако великий князь, уповая на Бога, вооползчився, поиде на них со всѣми силами за их гордость и непокорство, не яко на християн, но яко на язычники и на отступников от православия.

Прииде же на Волок июня 24, в самый праздник Рождества Предотечева; в богоспасаемем же граде Москвѣ остави сына своего, великаго князя Ивана, у негоже остави на Москвѣ брата своего, князя Андрея Меншаго;[48] в праздник же святых верховных апостолъ Петра и Павла прииде в Торжек.[49] И ту приидоша к нему воеводы великаго князя тверскаго князь Юри Андрѣевич Дорогобужский да Иван Никитич Жито[50] со многими людми на помощ великому князю на новгородцы. А изо Пскова прииде к великому князю в Торжек посланник, возвѣщая иже к Новуграду сами готови всѣ. Великий же князь посла к ним, веляше им без закоснѣния ити к Новуграду. Сам же великий князь поиде ис Торжку; такоже и братия великаго князя кийждо от своих мѣст поидоша со многими людми разными пути к Новуграду; такоже и воеводы идяху, кийждо на кое мѣсто послан.

Пленение земли Новоградстей. Преже посланныи воеводы, князь Данило Дмитреевич Холмский и Феодор Давыдович, идуще по новгородским мѣстом, идѣже им повелѣно бяше, распустиша воя своя на многия мѣста, поплениша и пожгоша и казниша без милости за их неисправление ко своему государю великому князю. И поидоша близ к Новуграду к рецѣ к Шелонѣ.[51] Бяше же земля новоградская озеры и болоты велми наводнена, и того ради в лѣтняя времена рать конная не бывала на них никогдаже, ни от которыхъ великих князей прежних. И того ради лукавии навыкоша преже измѣняти и, пролыгающеся, жили от осени и до зимы, таже и до весны; в лѣте же безо опасения пребываху наводнения ради земли их. Нынѣ же Божиим промысломъ их ради наказания и исправления тако изсше земля их, яко ни крапля дождя с небеси на землю их не бысть во все лѣто оно от мѣсяца маия и до мѣсяца септеврия, и от солнечнаго зноя вся земля их и блата *иресхоша.* Такову благодать дарова Богъ свыше благочестивому си слузѣ великому князю Ивану Василевичю всеа Русии, смиряя враги его под крѣпкую его руку, всуду бо вездѣ ратнии полцы его ничимже неудержимо ганяху по всей земли новградстей и воеваху невозбранно и скоты гнаху отвсюду непроходимыми мѣсты и блаты, а все посуху.

Титла 7. Побѣда на новградцы у Коростыни,[52] и в Руси, ина Шелонѣ. Егда же услышаша людие новградстии, яко сам великий князь грядет на них со многими силами, заняв всю их силу новградскую от края до края, с великою и страшною грозою своего меча и огня, якоже древле речено бысть Иеремием о Навходоносорѣ, Вавилонстѣм цари:[53] «От яждения грома колесниц его и от терзания кон его потрясеся земля», [54] такоже и здѣ показа Господь страсть и грозу великаго князя над лукавыми новогородцы, они же лестию послаша к немъ с молениему, еще себѣ опасения просяще. А все лжуще и неправду дѣюще: и в то же время послаша рать свою в судѣх езером Илмерем на предния полки, на воеводы великаго князя, иже бяху пришли на Коростыню и стояху на брезе у езера Илмеря, и бишася с ними. И поможе Богъ воеводам

великаго князя: многих избиша, а инии в водѣ истопоша, а иных руками живых поимаша и самѣм им межь себя повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати и отпущати их к Новуграду. И в той же день в Русѣ иная рать, пѣшая, множае первыя и сугубѣйши, приидоша рекою полою Илменем. Воеводы же великаго князя, и на тѣх пришед, побиша их.

О побѣде на новоградцы на Шелонѣ. Сами же воеводы поидоша к Дѣмону граду. К ним же присла великий князь с Колма-езера, веля им ити за реку Шелоню сниматися со псковичи. А под Дѣмоном стояти повелѣ князю Михаилу Андрѣевичю с сыном, князем Василемъ, и со всѣми вои своими.[55] Воеводы же великаго князя, яко приидоша к Шелонѣ-рецѣ на брег, идѣже брести ея, и тогда со другия страны реки тоя противу их прииде рать новоградская, многое множество, яко и ужаснутися полком великаго князя, понеже в мале бяху; прочая же, иже с ними воинства, не вѣдуще того, пленяху окрестная мѣста Новаграда. А окаяннии измѣнницы новогородские — посадницы, и тысящские, и боляре, и купцы, и всякие ремесленицы, и весь народ гражан, совокупившеся всея их рати, якоже сами глаголют, четыредесят тысящ, и поидоша скоро многими силами на тѣх же воевод великаго князя на передовый полк — на князя Данила Голмскаго и на Федора Давыдовича. Воеводы же великаго князя, ихже в мале бяше, яко тысящ пять, супротивных же аще и многое множество видѣвше, не устрашишася, но надѣющеся на Господа Бога и на Пречистую Его Матерь и на правду государя своего, поидоша скороустремително противу их, яко лви рыкающе, через реку ону великую, еяже сами новоградцы глаголют никогдаже тамо броду имущи, а сии не ищуще броду вси цѣли и здрави преидоша ея. Видѣв же сие новоградцы возмятошася и восколебашася, яко пьяни, а сии ускориша приити и стрѣляху их. И возмятошася под ними кони их и начаша бити их с себе. И тако вскоре побегоша, гоними гнѣвом Божиим за свою их неправду и за отступление не токмо от великаго князя, но и от самого Господа Бога. Полцы же великаго князя погнаша по них яко 20 поприщ,[56] колюще и секуще их. А инии бѣжаще и сами друг друга убивающе, кто кого можаше. Избиено же бысть их тогда по сказанию их яко 12 тысящ, живых же, изыманых руками, боле двою тысящ.

Изымании же посадницы их сии: Василий Казимир, Дмитрий Исаков Борецкой, Козма Григорьевъ, Яков Федоров, Матфей да Василей Селезневы, два сестричича Казимировы, Павел Телятев, Козма Грузов и прочих множество, на нихже збыстся пророческое слово, реченное, яко «пять поженет сто, а сто подвигнета тмы».[57] Бежащим же им надолзѣ, и кони их под ними одхошася и метахуся с коней своих в воды и в болота и в лѣсы: ослепи бо их Господь, яко и земли своея не познаша, ниже пути ко граду своему вѣдуще, от негоже приидоша. Но блудяху по лесом, и идѣжѣ выходящим им из лѣса, и тако имаху их ратнии. А инии, ранении, по лесом блудяще, изомроша; а инии в водах истопоша. А котории с коней не сметашася, тѣх кони их ко граду

принесоша, яко пьяных или яко спящих. А инии в оторопе град свой пробегоша, мняще, яко взят уже град их.

Воеводы же, князь Данило и Феодор, сождавшеся с воинством своим и ставше на костѣх, вострубиша, благодарение Богу и Пречистой его Матери приносяще, яко видѣша вся воя своя здравы. И начаша воеводы глаголати пойманым у них новогородцем: «Что ради вы с толиким множеством вой своих нимало не постоясте, а наше мало воинство видяще?» Чюдо. Они же рекоша к ним: «Мы убо видѣхом вас бесчисленное множество грядуще на нас; еще же и иныя полки вѣдѣхом в тыл по нас прешедших; знамена же имут желты и болшие стяги, скипетры, и говор людский многъ и топот конский страшен. И тако ужас нападе на ны, и страх обят ны, и трепет вниде в сердца наша».

Бысть же сие мѣсяца июля 14, в день недѣлный по рану, на память святаго апостола Акилы.[58] И по преславной той побѣде то же воинство великаго князя повоеваша много посад новогородский и многия власти и до немецково рубежа по реку по Неву.

И послаша к великому князю въ Яжолобицы, возвѣщающе такову преславну свыше от Бога дарованную им побѣду и вся подробну вышеписанныя мужества и храбрьства богохранимаго воинства его. О таковых писание глаголет: «Воин на брани за благочестие аще убиет, то не убийство вмѣняется».[59] От святых отецъ, великаго Афонасия, якоже великий Афонасий ко Аммону-мниху в послании глаголет: «Чествований великих достойни суть, иже во брани храбръствовавшеи, и образы подобия их поставляти лѣпо есть, проповѣдающих храбръство их, яко убивают противныя им за целомудрие и за благовѣрие».[60] Егда же сия слыша благочестивый великий князь Иванъ Василевич всеа Русии, возрадовася зѣло, хвалу воздая всесилному Богу и Пречистой его Матере, Пресвятѣй Богородице, и всѣм святым. У него же бяху тогда царевич Даняр и братия его, князи Георгий, Андрей, Борис Василевичи, и боляре их, и все воинство их. И бысть радость велия во всѣх. И тогда великий князь обѣщася поставити на Москвѣ церковь во имя святаго апостола Акилы, еже и бысть, воеводы же, князь Данило и Феодор, — другую церковь, во имя Христова Воскресения.[61] Из Нова же града тогда бяше у великого князя Лука Клементиев о опасѣ. Великий же князь дал им опас и отпусти его[62] с Селищъ против Дѣмона.

Князю же Михаилу Ондрѣевичю Верейскому и сыну его, князю Василю, стоящу тогда у Великаго Новаграда, им же воеводы новогородские и иже в Новѣградѣ во осадѣ седящии сами с великим молением и поклонением предашася, не радяше ни о чем, но токмо единаго живота

себѣ просяще, всего своего имѣния уступающеся; гражане же даша ему со града окупу сто рублев[63] новоградскую. И тогда же к великому князю в Ыгнатичи прииде от пскович посадник Никита с Козмою с Корбьиным и сказаша, яко псковичи со всею землею своею изыдоша на его службу своего государя с воеводою со князем Василемъ Федоровичемъ и мѣста новогородския пограбиша[64] и пожгоша и многих людей новогородских овых оружию предаша, овых же огню.

Титла 8. Збытие пророчества преподобнаго Изосимы Соловецкаго.[65] И того же мѣсяца 24, на памятьсвятых мученикъ Бориса и Глѣба, великий князь прииде в Русу и тамо посадников новогородских за их измѣну и отступление повелѣл казнити[66] главною казнию: Дмитрия Исакова Борецкаго, и Василия Селезенева, и Еремия Сухощекова, и Киприяна Арзубьева, о нихже преже сего прорече преподобный Зосима, началникъ Соловецкий, якоже в житии его пишет. Бысть бо нѣкогда обѣдовавшу ему у них, и видѣ их седящих на трапезе их во время обѣда, а глав на плещу их не видѣ. И сия зря преподобный плакашеся и не ядяше, и учеником своим извести, яко за гордыню их отсѣчени имут быти главы их, еже и збыстся. Инии же мнози на Москву послани быша в темницу. Прочии же, не от славных рода, к Новуграду отпущени быша. Василия же Казимира, и Козму Григорева, и Якова Федорова, и Матфея Селезенева, и Козму Грузова, и Федота Базина и инѣх посла великий князь на Коломну и оковы повелѣ обложити их. Сам же великий князь поиде оттуда ко Илмерю езеру и прииде на мѣсто, зовомое Межу Берег и Коростын, въ 27 день того же июля мѣсяца.

О брани на Двинѣ.[67] И в той день поможе Богъ воеводам великаго князя Василию Федоровичю Образцу да Борису Сдѣпцу, с нимиже быша устюженя и вятчане, всея же их рати токмо 4000 без тритцати человѣкъ, им же бой был на Двинѣ со князем Василемъ Шуйским, с нимиже бысть рати 12 тысящ. Бысть же вышедшимъ имъ из суд, обои пѣши, и начашася бити в третий час дни. Биша же ся и до захожения солнечнаго, и за руки емлюще сѣчахуся, и знамя у двинян выбиша, под нимже и триех знаменщиков убиша, и тако двиняне возмятошася. И бысть уже к вечеру, одолѣша полки великаго князя и избиша множество двинян и заволочан, а инии истопоша. Князь же их ранен утече в ладицу и убѣжа на Колмогоры. Многих же живых руками яша, потом же и градки их поимаша. Великаго же князя рати убьено бысть ту 10 человѣкъ, прочии же вси Богом сохранени быша.

Титла 9. О нареченном владыцѣ Феофиле и о новогородцѣх, како приходили к великому князю с челобитьемъ.[68] В той же день приидоша из Новаграда на усть Шелони в судѣх езером Илмерем нареченный на архиепископьство Феофил с посадники и с тысящскими и с прочими градскими людми изо всѣх концовъ. И преже начаша бити челом боляром и воеводам великаго князя, да быша печаловалися

братии великаго князя, а они бы печаловалися великому князю, с ними же бы вкупѣ и сами боляре печаловалися. Боляре же, шедше с ними, биша челом братии великаго князя. Братия же валикаго князя, князь Юри, и князь Андрей, и князь Борис, и князь Михаил Андрѣевич с сыном, и боляре их биша челом о них великому князю. Великий же князь прият моление их ради братии своея и боляр своих, умилосердися о них и повелѣ им приити к себѣ, очи свои видѣти. Они же, пришедше пред него, и ударяхуся о землю, молящеся и милости просяще о своем преступлении, яко безъ ума противишася ему, — да бы явил имъ милость свою, много пред нимъ согрѣшшим, и гнѣв бы свой возвратил от них, и да бы престал казнити их, не велѣл бы паче того грабити их и жещи и пленити. Благосердый же самодержец, великий князь, милосердова у них, показа им милость свою, прият моление их и утоли гнѣв свой, и в той часъ повелѣ престати жещи и пленити, и плѣн весь повелѣ собрати и отдати. Даша же тогда великому князю сребра 16 тысящ рублев новогородских числом, кромѣ братии великаго князя и князей и прочих боляръ и воевод всѣх. Земля же их вся пленена и пожжена и до моря, яко такова война не бѣ была на них от начала. Тогда же и Псковская вся земля от себе их же воевали. И посла великий князь по всѣх воевод своих, и по все воинство свое, и по пскович, идѣже кто послан пленити земли новоградския, всѣм повелѣ к себѣ возвратитися. И мнози приидоша к нему на усть Шелони июля 30. И потом стоя ту на едином мѣсте 11 день, управляя новогородцевъ; и дав им мир и любовь и милосердие и нареченнаго на архиепископьство Феофила почтив, отпусти во свой им град, с нимже и посадников, и тысящских, и прочих, иже с ним приходили. За ними же посла в Новград болярина своего Феодора Давыдовича привести весь Великий Новград к цѣлованию от мала же и до велика и сребро на них имати. Он же, шед в Новград, сотвори тако, якоже повелѣно бысть ему.

Титла 10. О пришествии великаго князя от Новаграда на Москву.
Богомудрый же благочестия ревнител, достохвалный супостатом побѣдител и собрател Богом дарованнаго ему отечества началнѣйшаго, великий князь Иван Василевич, Владимерский, Новгородский и всея Росии самодержец, возвратися оттуду к Москвѣ с великою побѣдою мѣсяца августа 13, такожe и вся братия его, и князи, и боляре, и вси воеводы, и все воинство их, со многою корыстию. В лѣта же 6980, мѣсяца септеврия 1, великий князь прииде во славный свой град Москву,[69] побѣдивъ супостаты своя, казнив противящихся ему и не хотящих повинутися ему жестоких отступников-новградцев, ихже всѣх помощию Божиею приведе во всю свою волю, и многое богатство получи, и велику славу приобрѣте; егоже похвалами срѣтаху многобесчислении народи московстии, славнии и безславнии. Благородный убо сынъ его великий князь Иван и брат его князь Андрей Менший и прочии князи и боляре, и велможи, и гости, и купцы, и лучшии людие сретоша его мѣсяца августа 31 день, идѣже обнощевъствовати ему. Прочии же народи — овии за семь верстъ сретоша его, пѣшии же — ближе. Святѣйший же Филип, митрополит всеа Русии, срѣте его со кресты со всѣм освященным собором близ

Великия церкви на площади града. И бысть радость велия всѣмъ людем державы его. (...)

Глава 15. О чюдесном зачатии и рождении великаго князя Василия Ивановича,[70] всеа Русии самодержца. И тако ему от Бога прославлену и благоденствено царствующу; дарова же ему Богъ и чадородие доволно, — от первыя ему сожитницы, от великия княгини Марии, дщери великаго князя тверскаго, родися ему сынъ, великий князь, тезоименитый Иван, зовомый Младый, и от вторыя же сожитницы его, великия княгини царевны Софии,[71] родишася ему три дщери, изрядна сына бо тогда не успѣ родити ни единого. Великий же князь Иван и его великая княгини София о сем не малу скорбь имяху и Бога моляху, дабы даровал им сынове родити в наслѣдие царствию своему, еже и получиша. И сего ради нѣкогда сия христолюбивая великая княгини Софья, от великия вѣры и от сердечнаго желания, по благому совѣщанию благочестиваго си супруга, самодержавнаго великаго князя Ивана Василевича всеа Русии, трудолюбно потщася пѣша шествовати с Москвы во преименитую великую обител Пресвятыя и Живоначалныя Троицы и великаго свѣтилника, преподобнаго чюдотворца Сергия, помолитися о чадородии сынов. Идуще же ей и доиде монастырьскаго села, Клементиева зовома. Оттуду же исходящу ей во удол, иже близ самые обители, и внезапу зрит очивѣсть во срѣтение градуща священнолѣпна инока, егоже позна по образу быти преподобнаго чюдотворца Сергия, имуща в руцѣ отроча младо, мужеск пол, егоже напрасно вверже в нѣдра великой княгине, и абие невидим бысть. Она же от такова необычна видѣния вострепета и начат изнемогати и к земли прекланятися. Сущии же с нею жены велможския рукама поддержаша ю и сами велми ужасошася, не вѣдуще, что случися ей. Она же, сѣдши и рукама в пазусѣ своей ища вверженаго ей отрочати, его не ощути. И абие уразумѣша посѣщению быти великаго чюдотворца Сергия. И укрѣпися на нозѣ свои, и благонадежно и здраво прииде в монастырь, и доволно молитвова и целбоносныя мощи преподобнаго Сергия любезно целова, умильно припадая к честнѣй рацѣ его, надежу имѣя получити егоже прошаше; и братию любочестными брашны учреди, и с радостию возратися, отнюдуже прииде.

И от того чюдеснаго времени зачатся во чревѣ ея богодарованный наслѣдник Русскому царствию. Подобну времени достигшу, и родися благонадежный сынъ, великий князь ВасилийТаврил, в лѣто 6986, мѣсяца марта въ 25, в самый праздник Благовѣщения Пресвятыя Богородицы, въ 1 час нощи. Месяца же априля, в недѣлю цвѣтоносную,[72] и святым крещением просвѣщен бысть в церкви обители Святыя Троицы у чюдотворивых мощей преподобнаго чюдотворца Сергия, о немже довлѣет быти особному сказанию. Сия же повесть явлена бяше митрополитом Иоасафом всеа Русии,[73] — еже он слыша от устъ самого великого князя Василия Ивановича, всеа Русии самодеръжца. (...)

---

[1] *...великом князе Иванѣ Василевиче...* — Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский с 1462 г.

[2] *...Михаила Клопскаго.* — Юродивый Михаил Клопский жил в Клопском Троицком монастыре под Новгородом в 10—50-е гг. XV в. Клопский монастырь в то время сталкивался с новгородскими боярами, на земле которых располагался, что определило его антибоярскую позицию. Михаил Клопский и прославился необычными поступками, дерзкими выпадами против бояр (см. его житие в наст. изд., т. 7).

[3] *«Днесь... у великого князя Василия Васильевича родился сынъ... и села ваша восприимет»...* — Об этом пророчестве Михаила Клопского см. в его Житии (наст. изд., т. 7).

[4] *...отецъ его, великий князь Василий Василевич, по мнозѣх нестроениих и крамолах... и по лишении очию... всѣм одолѣ...* — Василий II Васильевич Темный (1415—1462) — великий князь московский с 1425 г., внук Дмитрия Донского. На его княжение пришлась длительная междоусобная война, в ходе которой в 1446 г. Василий II был ослеплен. В начале 1450-х гг. он одержал победу над своим последним противником — галицким князем Дмитрием Шемякой.

[5] *...ему же отецъ его взят в супружство у великаго князя Бориса Александровича Тверскаго дщер, великую княжну Марию.* — Борис Александрович (ум. в 1465 г.) — великий князь тверской с 1425 г., участвовал в войне против Василия II. Помирился с ним и договорился о браке своей дочери — десятилетней Марии (ум. в 1467 г.) с сыном Василия Иваном. Свадьба состоялась в 1452 г. См. Инока Фомы «Слово похвальное», посвященное Борису Александровичу Тверскому (наст. изд., т. 7).

[6] *...великий князь Иван, рекомый Младый.* — Иван Иванович Молодой (1458—1490) — сын Ивана III и Марии Борисовны.

[7] *И посла на Вятку князя Ивана Ряполовскаго и потом посла князя Ивана Юревича; он же шед и взя грады их Орлов и Котелнича.* — Для покорения Вятской земли было организовано два похода. Первый возглавили князья Ряполовские, верные вассалы Василия II (большинство летописей указывают Семена Ивановича, некоторые — Дмитрия и Ивана Ивановичей). Поход окончился неудачей. В 1459 г. в Вятскую землю отправилась новая московская рать во главе с князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, представителем знатного боярского рода, имевшего двор в Кремле.

[8] *По сих же сам великий князь Василий прииде в Великий Новград, с ним же дети его, князь Юри и князь Андрей...* — Удачный поход Василия II на Новгород и Яжелбицкий мир 1456 г. не привели к улучшению отношений с Новгородом. В январе 1460 г. великий князь с сыновьями Юрием (1441—1472), будущим князем дмитровским, и Андреем, будущим князем углицким, явился в Новгород для разбора политических конфликтов с местными властями. Переговоры существенных результатов не дали.

[9] *...и оттуду посла во Псков сына своего, князя Юря...* — Визит князя Юрия в Псков в 1460 г. — переходный момент в истории Пскова, фактически вошедшего с тех пор в состав Московского государства.

[10] *...сего же старѣйшаго сына своего, великаго князя Ивана, на Москвѣ остави.* — В отсутствие отца Иван управлял великим княжеством, с 1456 г. носил титул великого князя.

[11] *В первое же лѣто самодержавства его во градѣ Ярославли обрѣтены быша чюдотворныя мощи князя Феодора и чад его Давыда и Костянтина...* — Великий князь Иван III Васильевич самостоятельно вступил на престол после смерти отца 28 марта 1462 г. Мощи ярославского князя Феодора Ростиславича Черного (ум. в 1299 г.) и его сыновей были открыты в 1463 г. в ярославском Спасском монастыре. Используя причисление ярославских князей к лику святых, ярославский князь Алексей Федорович пытался поднять авторитет своего княжества. Это не помогло. Самостоятельное ярославское княжество было ликвидировано.

[12] *...Феодосий, митрополит всеа Русии, постави на Москвѣ Иосифа в Кесарию Филипову во Иерусалим на митрополию, пришедша оттуду.* — Феодосий (ум. в 1475 г.) — первый из митрополитов (1461—1464), утвержденный в сане великим князем московским в качестве преемника византийских императоров. В 1464 г. в Кафе (ныне — Феодосия), на пути в русские земли, скончался иерусалимский патриарх Иоаким. В своих предсмертных грамотах он просил русского митрополита совершить посвящение в сан митрополита Кесарии Филипповой (города в Малой Азии) своего племянника Иосифа. Посвящение состоялось 4 апреля 1464 г. Для русской церкви это означало формальное признание патриархом митрополита, поставленного на Руси.

[13] *И потом Феодосий остави митрополию, в него же мѣсто поставлен бысть добродѣтелный и блаженный Филип... в лѣто 6973.* — Суровый Феодосий вступил в конфликт с московским посадским духовенством. Не получив поддержки Ивана III, в сентябре 1464 г. он оставил митрополию и удалился в монастырь. Вскоре митрополитом был избран суздальский епископ Филипп (ум. в 1473 г.).

[14] *И тогда... царь Маахмет пойде на Рускую землю со всею ордою. И бывшу ему на Дону, и ту прииде на него царь Ази-Гирѣй и побьди его, и Орду его взя; и начаша воеватися межу собою.* — Иван III не поехал в Орду за ярлыком на великое княжение. В 1465 г. хан Ахмат собрался

идти на Москву, но оказался вовлеченным в междоусобную войну с крымским ханом Ази-Гиреем.

[15] *О рати на Казанъ.* — В 1467 г. русские попытались возвести на престол в Казани дружественного Москве царевича Касыма вместо хана Ибрагима (Обреима русских летописей). Поход был неудачным.

[16] *Тоя же зимы и на Черемису послал князя Симиона Романовича со многим воинством.* — Поход в землю черемисов (марийцев, чувашей) состоялся зимой 1467—1468 гг.

[17] *На весну же и судовую рат посла на Каму.* — Судовая рать — пехота, посаженная в большие гребные суда — насады.

[18] *В лѣте том июня 4 князь Иван Хрипун на Волзѣ многихъ татар двора царева побѣди...* — Князь Иван Хрипун (по другим сведениям, князь Федор Семенович Ряполовский-Хрипун, нижегородский воевода) 4 июня 1468 г. разбил отряд ханских дворян (телохранителей хана).

[19] *...избраша себѣ воеводою Ивана Руна...* — Иван Руно был избран воеводою «охочими людьми» — добровольцами, вызвавшимися в 1469 г. идти на Казань для освобождения русских пленных.

[20] *...царица Касымова, иже бяше мати Обреимова...* — Хан Ибрагим был пасынком Касыма.

[21] *Царь же Обреим... добиша челом на всей воли великаго князя.* — По договору 1 сентября 1469 г., текст которого не сохранился, были освобождены все русские пленники, взятые за 40 лет. Это была первая крупная победа Руси со времен Дмитрия Донского.

[22] *О преставлении блаженнаго Ионы, архиепископа Новоградскаго, и о владыцѣ Феофиле, и о взятии Новаграда.* — Подробный рассказ о походе на Новгород помещен в летописях, к примеру в Воскресенской. Новгородский архиепископ Иона, опытный политик, старавшийся избегать открытого конфликта с Москвой, умер в ноябре 1470 г. Его преемником по жребию стал умеренный по взглядам Феофил. Он не смог поехать в Москву на поставление в связи с открытым столкновением в Новгороде «литовской» и «московской» партий.

[23] *...великой княгини Марии...* — Мария Ярославовна (ум. в 1484 г.) — жена Василия Темного, мать Ивана III, в 1478 г. постриглась в монахини под именем Марфа.

[24] *...посадничи дѣти Исака Борецкого с материю их Марфою...* — Борецкие — богатая новгородская боярская семья. Вдова посадника Исаака Андреевича Марфа и ее сын новгородский степенный посадник Дмитрий Исакович возглавили враждебную Москве группировку новгородских бояр.

[25] *«...кралем Казимером Полским!»* — Литовский великий князь Казимир IV Ягеллончик был избран польским королем в 1447 г.

[26] «*...митрополита Григория, латынянина суща, иже есть ученикъ сущаго латынянина, суемысленаго Исидора...*» — Исидор (ум. в 1462 г.) — грек или болгарин, митрополит «всея Руси», назначенный константинопольским патриархом в 1437 г. В 1439 г. участвовал в работе Флорентийского собора, провозгласившего унию (союз) католической и православной церквей с признанием верховной власти папы римского. Горячий сторонник унии. Русь отвергла унию, по возвращении в Москву Исидора арестовали, но скоро он бежал. В 1448 г. собор русских епископов утвердил митрополитом Иону. Разрыв русской церкви с Константинополем дал патриарху формальную возможность назначить нового митрополита в Литву. Им стал Григорий, ученик Исидора.

[27] *К ним же посла князя Михаила Олелкова сына киевскаго.* — Михаил Олелькович (Александрович) — сын киевского князя Александра Петровича, «князь из королевы руки». Прибыл в Новгород через три дня после смерти Ионы и, видимо, был приглашен новгородской верхушкой гораздо раньше. Литовских князей (Киев после 1362 г. входил в состав великого княжества Литовского) не раз принимали в Новгороде. Это еще не означало разрыва с Москвой. Переговоры с Казимиром продолжались и после отъезда из Новгорода в марте 1471 г. Михаила Олельковича, поссорившегося с Борецкими. Был подготовлен договор, по которому Новгород переходил под власть великого князя Литовского. Боярские привилегии и православие — под властью короля-католика и митрополита-униата — сохранялись.

[28] *А иже был у них князь Василий Горбатой, брат Суждалских князей...* — Князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский (ум. в 1477 г.), противник Василия II, нашел приют в Новгороде после разгрома Дмитрия Шемяки.

[29] *Послание великаго князя в Новград.* — В Москве не теряли надежды на мирное разрешение конфликта. В Новгород был отправлен посол Иван Федорович Товарков с письмом великого князя, призвавшего новгородцев не отступать от «старины» — исконного единства Русской земли под властью великого князя.

[30] *Послание Филиппа митрополита в Новград.* — Первая грамота митрополита Филиппа (март 1471 г.) содержала общие призывы не отступать от православия и не изменять исконному государю. Вскоре он послал в Новгород еще одну грамоту, направленную против литовского митрополита-униата Григория.

[31] *...страшнаго серпа великим Захариею пророкомъ виденнаго* — Захария (библ.) — один из 12 малых пророков. В библейской Книге пророка Захарии не говорится о видении им «страшного серпа».

[32] *...и донынѣ погаными турки одержим бысть.* — Турки-османы взяли Константинополь 29 мая 1453 г.

[33] *«Всяк... повинуяйся власти... противится».* — Ср. Рим. 13, 1—2.

[34] *«Бога бойтеся... в похвалу же добродетелемъ».* — Ср.: Рим. 13, 4.

[35] *...Марфа хотяше посягнути замуж за литовскаго пана за королева...* — Сообщение о подобных планах Марфы Борецкой имеется в Софийской 1 и других летописях.

[36] *Якоже древняя лвица Езавел...* — Иезавель (Езавель) (ум. в 845 г. до н. э.) (библ.) — грешница, жена израильского царя Ахава. Иезавель прилагала усилия к тому, чтобы истребить всех пророков господних. Ее имя было символом нечестия и разврата (см.: 3 Цар. 18, 4—13; 19; 21).

[37] *...безаконная Иродия...* — Иродия (Иродиада) (библ.) — внучка Ирода Великого и сестра Ирода 1 Антипы. В первом браке — за своим дядей Иродом Безземельным (в Новом Завете именуемым Филиппом), во втором — за царем Иродом 1 Антипой, который по ее наущению казнил Иоанна Крестителя (см.: Мф. 14, 3—6; Мр. 6, 17—22; Лк. 3, 19).

[38] *...Евдоксия царица... Иоанна Златоустаго... со престола согна и во Армены заточи.* — Иоанн Златоуст (347—407) — один из отцов церкви, архиепископ константинопольский с 397 г. Публично осуждал пороки общества, роскошь и суетность двора, за что императрица Евдоксия дважды удаляла его с архиепископской кафедры. В 404 г. Иоанна сослали в г. Кукуз в Армению.

[39] *...Далида окаянная... Самсона... не пощадѣ...* — Далила (Далида) (библ.) — женщина, которую полюбил Самсон. По ее настоятельным просьбам Самсон раскрыл ей тайну своей великой силы. Далила предала его филистимлянам, от рук которых Самсон погиб (см.: Суд. 16, 4—19).

[40] *С нею же... чернец Пимин...* — Сообщником Марфы Борецкой был владычный ключник Пимен — один из кандидатов на место архиепископа. Не получив кафедру по жребию, он надеялся на поставление при помощи литовского митрополита. Пимен ведал архиепископской казной. Он передавал Марфе деньги на подкуп новгородцев, за что был посажен в тюрьму и замучен.

[41] *...якоже бысть во Иерусалимѣ, егда предаде его Богъ въ руцѣ Титовѣ.* — Ссылка на «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия (см. наст. изд., т. 2). Тит Флавий Веспасиан — римский император (79—81), преемник своего отца Веспасиана. В сентябре 70 г. он захватил и разрушил Иерусалим.

[42] *Совѣт великаго князя и ратование на новоградцы.* — Весной 1471 г. Иван III созвал в Москву своих братьев (удельных князей), епископов, князей, бояр, «воев» (простых воинов) на совет. На совещании было принято решение о немедленном, до зимы (обычного сезона для походов на Новгород), начале военных действий.

[43] *...со князем Феодором Юревичем Шуйским...* — Князь Федор Юрьевич Шуйский — наместник великого князя в Пскове.

[44] *...Василия Федоровича Образца...* — Образец-Симский Василий Федорович — устюжский воевода великого князя.

[45] *Мѣсяца июня 6 послал великий княз с Москвы преди себе князя Данила Дмитреевича Холмскаго да Федора Давыдовича со многим воинством к Русѣ за Ильмень езеро...* — Князь Даниил Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович (Хромой) — воеводы великого князя — имели до 10 тысяч воинов. *Руса* (Старая Русса) — один из крупнейших городов Новгородской земли, впервые упомянутый в летописи под 1167 г. *Илъмень* — озеро в Новгородской земле. Из озера Ильмень вытекает р. Волхов, на берегах которой, неподалеку от Ильменя, расположен Новгород.

[46] *...июня 13 отпустил великий князь князя Ивана Василевича Стригу со многими вои, с ним же князей царевичевых Данояровых со многими татары, и велѣл им итти на Волочек да по Мстѣ.* — Воевода князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, имевший в составе своей группы войск отряд касимовских татар, был направлен великим князем к новгородскому городу Вышнему Волочку и далее по реке Мсте, впадающей в озеро Ильмень.

[47] *...и поиде с Москвы... июня 20; с ним же и братия его: князь Юри, и князь Андрей, и князь Борис Василевич, и князь Михаил Андрѣевич с сыном своим со князем Василем, и царевичъ Даняр...* — В числе сопровождавших Ивана III названы его братья князья Юрий, Андрей Большой и Борис (1449—1494), князь волоцкий; князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский (ум. в 1485 г.) — внук Дмитрия Донского, брат Дмитрия Шемяки; сын последнего князь Василий Удалой (ум. в 1483 г.); Данияр — служилый татарский царевич, сын Касыма.

[48] ...в... *Москвѣ остави сына своего, великаго князя Ивана, у негоже остави на Москвѣ брата своего, князя Андрея Меншаго.* — В Москве Иван оставил тринадцатилетнего сына Ивана и брата Андрея Васильевича Меньшого (1452—1481), князя боровско-серпуховского.

[49] *...в праздник же святых верховных апостолъ Петра и Павла прииде в Торжек.* — 29 июня 1471 г. великий князь прибыл в Торжок — город Новгородской земли, где соединился с тверскими полками.

[50] *...Иван Никитич Жито...* — Иван Никитич Бородин, тверской боярин. В 1476 г. вместе с братом, Г. Н. Бороздиным, перешел на службу к Ивану III.

[51] *...к рецѣ к Шелонѣ.* — Река Шелонь впадает в озеро Ильмень.

[52] *Побѣда на новоградцы у Коростыни...* — 24 июля 1471 г. войска левой колонны князя Холмского и Федора Хромого взяли и сожгли Русу. Судовая рать новгородцев, пересекшая озеро Ильмень, была дважды разбита — у местечка Коростыни и под Русой, на реке Поле.

[53] *...речено бысть Иеремием о Навходоносорѣ, Вавилонстѣмъ цари...* — Иеремия (библ.) — пророк периода, предшествовавшего вавилонскому плену. Навуходоносор (605—562 гг. до н. э.) — царь нововавилонского царства, уничтоживший Иудейское царство и выславший его жителей.

[54] *«От яждения грома колесниц его... потрясеся земля»...* — Ср. Иер. 8, 16.

[55] *Сами же воеводы поидоша к Дѣмону граду. К ним же присла великий княз с Колма-езера, веля им ити за реку Шелоню сниматися со псковичи. А под Дѣмоном стояти повелѣ князю Михаилу Андрѣевичю с сыном, князем Василемъ, и со всѣми вои своими.* — Известие о второй победе князя Холмского и Федора Хромого Иван III получил 9 июля, находясь на озере Коломно. Воеводы хотели осадить городок Демон, но великий князь понимал, что это задача второстепенная. Он повернул войска на Запад, на Шелонь, на соединение с псковичами, а под Демоном оставил только Верейско-Белозерский полк. Это распоряжение привело к битве на реке Шелони 14 июля 1471 г. Новгородцы были разбиты. Исход сражения решил, по-видимому, удар московской конницы, неожиданно переправившейся через реку.

[56] *...яко 20 поприщ...* — Поприще — русская путевая мера, иначе — верста.

[57] *«пять поженет сто, а сто... тмы».* — Лев. 26, 8.

[58] *...на памят святаго апостола Акилы.* — Т. е. 14 июля. Акила (библ.) — апостол в широком смысле слова, как человек, ревностно служивший церкви. Дом Акилы и его жены Прискиллы в Коринфе был домашней церковью, в которой собирались верующие. Здесь был гостеприимно принят апостол Павел, супруги стали его друзьями, оказывали ему важные услуги, сопровождали его в Эфес. В Первом Послании к коринфянам от них передается привет (см.: Деян. 18, 2—26; Рим. 16, 3; 1 Кор. 16, 19; 2 Тим. 4, 19).

[59] *«Воин на брани... аще убиетъ... не убийство вмѣняется».* — Источник этого текста не обнаружен.

[60] *...великий Афонасий ко Аммону мниху... глаголет: «Чествований великих достойни... яко убивают... за благовѣрие».* — Афанасий Великий (295—373), ранневизантийский богослов, епископ города Александрии, среди его сочинений известны послания к известному представителю египетского монашества монаху Аммону.

[61] *...церковь во имя святаго апостола Акилы... другую церковь, во имя Христова Воскресения.* — Деревянные приделы в Архангельском соборе московского Кремля.

[62] *Из Нова же града тогда бяше у великого князя Лука Клементиев о опасѣ. Великий же княз дал им опас и отпусти его...* — Новгородский посадник Лука Климентиевич отправился домой с опасом (опасной,

охранной грамотой) великого князя, согласившегося вступить в переговоры с Новгородом.

[63] *...даша ему со града окупу сто рублев...* — Сто рублей окупа (выкупа, контрибуции) дал князю Верейско-Белозерскому с сыном городок Демон.

[64] *...прииде от пьскович посадник Никита с Козмою с Корбьиным и сказаша, яко псковичи со всею землею своею изыдоша на его службу... с воеводою со князем Василемъ Федоровичемъ и мѣста новогородския пограбиша...* — Кузьма Коробьин — боярин великого князя, посланный в Псков. Князь Василий Федорович — сын великокняжеского наместника в Пскове, князя Федора Юрьевича Шуйского. Псковские военные силы действовали в пределах новгородских волостей с середины июля до середины августа 1471 г.

[65] *Збытие пророчества преподобнаго Изосимы Соловецкаго.* — Ссылка на житие Зосимы (ум. в 1478 г.) — основателя и одного из первых игуменов Соловецкого монастыря.

[66] *...и тамо посадников новогородских за их измѣну... повелѣл казнити... Прочии же, не от славных рода, к Новуграду отпущени быша.* — Впервые за всю историю отношений Москвы с Новгородом с захваченными боярами поступили не как с почетными пленниками, а как с государственными изменниками. Рядовых горожан великий князь не рассматривал как преступников.

[67] *О брани на Двинѣ.* — 27 июля на реке Северной Двине северная группа московских войск разбила рать новгородского князя Василия Васильевича Гребенки-Шуйского, сумевшего бежать в город Холмогоры.

[68] *О... владыцѣ Феофиле и о новогородцѣх, како приходили к великому князю с челобитьемъ.* — Договор был подписан 11 августа 1471 г. в Коростыни. Новгородцы признали великого князя своим господином, а Новгород — его «отчиной», потеряли внешнеполитическую и судебную самостоятельность.

[69] *В лѣта же 6980, мѣсяца септеврия 1, великий княз прииде во славный свой град Москву...* — Триумфальная встреча «великого князя всея Руси» была устроена в канун и в первый день нового года.

[70] *...великаго князя Василия Ивановича...* — Василий III Иванович (1479—1533) — великий князь московский с 1505 г.

[71] *...от вторыя же сожитницы его, великия княгини царевны Софии...* — Софья (Зоя) Палеолог (ум. в 1503 г.) — племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога, с ноября 1472 г. — жена великого князя Ивана III.

[72] *...в недѣлю цвѣтоносную...* — т. е. в Вербное воскресенье, или неделю ваий, когда празднуется Вход Господень в Иерусалим.

[73] *...митрополитом Иоасафом всеа Русии...* — Иоасаф (ум. в 1555 г.) — русский митрополит (1539—1542), книжник.

ПЕРЕВОД

СТУПЕНЬ 15, И ЧЕТЫРЕ МИТРОПОЛИТА, ФИЛИПП, ГЕРОНТИЙ, ЗОСИМА, СИМОН, ГРАНЬ 15, В КОТОРОЙ 33 ГЛАВЫ

О БЛАГОЧЕСТИВОМ И БОГОМ УТВЕРЖДЕННОМ НА ОДОЛЕНИЕ СУПОСТАТОВ ХРИСТОЛЮБИВОМ И ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ, ГОСУДАРЕ И САМОДЕРЖЦЕ ВСЕЯ РОССИИ, И О ПРОРОЧЕСТВЕ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

Глава 1. Пресвятая Троица, Отец и Сын и Святой Дух, единый истинный Бог наш, царь царствующих и Господь господствующих, и создатель всего творения, все, как ему угодно, творит на небесах и на земле, и по собственной своей воле дает власть, и царство, и славу кому пожелает, и вручает скипетры царские, как написано: «Если какая-нибудь земля угодит Богу, то поставляет он ей властителя благочестивого и правдивого, благоустроительно правящего и любящего правосудие и правду». Вот так по своему неизреченному милосердию поставил он бодрствующего стража и истинного пастыря, благоразумного и праведного главу своему тезоименному достоянию, возлюбленной им великой Земле русской, изрядного преемника укорененного и плодоносного отеческого наследия, поборника крепкого православия, страшного врагам мужественного исполина, одолевающего повсюду супостатов и всех врагов побеждающего, но никем не побежденного, всяческое нечестие и соблазны разоряющего, всяческую ересь истребляющего, всяческую вражду пресекающего и многовластие и самовластие упраздняющего, власти своей покоряющего правителей, <располагавшихся> поблизости от его державы, от дальних же высочайших самодержцев <принимавшего знаки> желания соединиться с ним в братской любви, во всех концах земли знаемого, прославленного и знаменитого, мир, тишину и правду утверждающего, сего настоящего светлейшего самодержца, благоверного, и христолюбивого, и человеколюбивого великого князя Ивана Васильевича, всея России государя и царя, именуемого Тимофеем, что был пятнадцатой ступенью от святого и равноапостольного великого князя Владимира Святославича, от Рюрика же восемнадцатой.

Сей православный властодержец, с благодатным именем Иван, родился в 6948 (1440) году, 22-го числа января месяца. И во время рождения его предрек о нем некий святой из вельможного рода по имени Михаил, что жил в Великом Новгороде в Клопском монастыре. Он сподобился такового дара предвидения от Бога, что многократно предрекал о том, чему предстояло быть, и говорил об этом, как о настоящем. Так было и

когда родился сей великий князь Иван, — тогда внезапно начал он звонить в колокола, и собралось множество людей. Он же, будто юродствуя, явственно, с воплем говорил так всем людям Великого Новгорода и самому пастырю их, великому архиепископу Евфимию: «Нынче в преславном граде Москве у великого князя Василия Васильевича родился сын, великий князь Тимофей, подлинное же имя ему Иван, и будет он всему Российскому царству наследник и на все окрестные земли наведет страх, и всем вашим Великим этим Новгородом завладеет, и гордыню вашу уничтожит, и под полную свою волю приведет вас, и все ваше самовластие разрушит, и порядки ваши самовольные изменит, и за ваше непокорение и супротивство сотворит над вами великую победу и избиение и пленит вас, и завладеет вашим богатством и землями», что и случилось через сорок лет, о чем впоследствии будет сказано.

Тишина. В те годы его отец, великий князь Василий Васильевич, после многих нестроений и смут и после многих тяжелых войн, не только с иноплеменными врагами, но и со своими ближними родственниками, и после потери очей, Божией благодатью всех одолел и великое благоденствие и тишину заполучил, как показано выше, в четырнадцатой ступени сей книги. Брак. Когда сей преславный самодержец Иван был юн, лет двенадцати, взял отец его в супруги ему дочь великого князя Бориса Александровича Тверского, великую княжну Марью. 1 сын. И спустя семь лет после женитьбы родился у него от нее сын, единоименный ему великий князь Иван, прозванный Молодым. В тот же год благочестиво правящий отец его, великий князь Василий Васильевич, имея Бога в помощниках, задумал собрать растерянные отеческие владения и присоединить непокорных к своему достоянию. Вятка. И послал на Вятку князя Ивана Ряполовского, а потом послал князя Ивана Юрьевича; и он, пойдя, взял их крепости Орлов и Котельнич. В Новгород. После того сам великий князь Василий пришел в Великий Новгород, а с ним и дети его, князь Юрий и князь Андрей; и послал оттуда во Псков сына своего князя Юрия; а сего старшего сына своего, великого князя Ивана, оставил в Москве. Сам же он, заключив мир с Новгородом, пришел оттуда в Москву, и, проживши два года, с миром почил во Господе.

Глава 2. О начале государства, и о ярославских чудотворцах, и о Иерусалимском митрополите. А наследником его власти стал сей христолюбивый сын его, великий князь Иван. И в первое лето самодержавного его правления обретены были во граде Ярославле чудотворные мощи князя Феодора и чад его Давыда и Константина, о которых повествуется подробно в десятой степени сей книги. А спустя один год митрополит всея Руси Феодосий поставил в Москве в Иерусалим на митрополию Кесарии Филипповой пришедшего оттуда Иосифа. И затем оставил Феодосий митрополию, а на его место был поставлен митрополитом всея Руси добродетельный и блаженный Филипп, в год 6973 (1465). И тогда безбожный царь Магмет пошел на

Русскую землю со всей ордой. И когда был он на Дону, тут пришел на него <войной> царь Ази-Гирей и победил его, и Орду его взял; и начали они воевать между собою. Так всесильный Бог избавил своим милосердием Русскую землю от язычников в 6976 (1467) году.

Глава 3. О походе на Казань. И после этого посылал великий князь царевича Касима, а с ним и воевод своих со множеством людей, против царя Обреима к Казани. И ничего у них не вышло. В ту же зиму посылал он и на черемисов князя Симеона Романовича с большим войском. И взяли они в плен много черемисов, а других побили, и всю землю <их> войной взяли и пожгли вдоволь; на один день <пути> не дошли до Казани, а по Волге оба берега войной взяли, и вернулись к великому князю все живы-здоровы. А весною <великий князь> и судовую рать послал на Каму. В том году 4 июня князь Иван Хрипун победил на Волге многих татар, приближенных к <их> царскому двору, привел плененных князей в Москву. И послал снова <великий князь> много войска из всех городов своей земли, а также и судовую рать из всех городов братьев своих. И все сошлись в Нижнем Новгороде. И многие воеводы и дворяне по своей воле избрали себе в воеводы Ивана Руна, которого пожелали все слушаться. И пришли к Казани они мая 21-го, в воскресенье Пятидесятницы, многих татар казанских побили, и пленников русских и литовских всех освободили, и посад выжгли. И много татар, с женами и детьми, не желая предаться <им> в руки вместе со своим имуществом, сгорели со всем имуществом. И отступило войско от города. Тогда же Касимова царица, что была матерью Обреима, шествовавшая от великого князя из Москвы, отпущенная с честью, прошла мимо войска великого князя, уговорив их лживыми речами, чтобы не взяли они ее.

И все-таки непрестанные столкновения продолжали происходить у русского войска с казанцами, до тех пор, покуда не послал великий князь берегом под Казань своих братьев, князя Юрия и князя Андрея, с которыми соединилась и судовая рать. И 1 сентября был весь день бой под Казанью с царем Обреимом, и с Божьей помощью победили татар и воеводу у них отняли. Царь же Обреим, видя себя в великой беде, послал ко князю Юрию, и бил челом, полностью отдавая себя на волю великого князя.

Глава 4. О преставлении блаженного Ионы, архиепископа Новгородского, и о владыке Феофиле, и о взятии Новгорода. А в сей главе 11 разделов.

Раздел 1. В 6979 (1470) году, ноября 8-го преставился к Богу блаженный архиепископ Великого Новгорода чудотворец Иона, тот, что

пророчествовал вместе с митрополитом Ионою-чудотворцем великому князю Василию Васильевичу, что сей благородный сын его, великий князь Иван, разорит самовольные все порядки людей новгородских и приведет их полностью под свою власть, что и сбылось. По преставлении же сего прозорливого и святейшего архиепископа Ионы избрали новгородские люди по жребию некоего священноинока, именем Феофила, и ввели его по старинному обычаю на двор архиепископский, и послали в Москву к митрополиту Филиппу и к великой княгине Марии, матери великого князя Ивана Васильевича, бить с мольбою челом и просить, чтобы пожаловал великий князь, не пренебрег их молением и повелел бы нареченному их Феофилу прийти в Москву, и повелел бы отцу своему митрополиту поставить его в архиепископы Великому Новгороду и Пскову. И великий князь из-за митрополичьего и матери своей ходатайства молением и прошением их не пренебрег и не помянул всяческих их прошлых бесчинств и проступков, и не огорчил их ничем, но более того — умилосердившись, и посланца их с честью отпустил, и повелел прислать в Москву избранного ими на святительство Феофила, чтобы велеть отцу своему митрополиту без всякого прекословья поставить его в архиепископы. И когда пришел посланец их в Новгород и возвестил всем о милостивом пожаловании великого князя, возрадовались о сем сильно посадники и тысяцкие и другие люди.

Об измене новгородцев. Но некоторые из них, дети посадника Исака Борецкого с их матерью Марфой и с другими изменниками, наученные дьяволом, начали на свою погибель говорить недоброе и извращенное и кричать так, приходя на вече: «Не хотим быть во власти великого князя Московского и именоваться его отчиной, ибо творит нам великие обиды и несправедливости. Мы — вольный народ, Великий Новгород! Хотим быть под властью короля Казимира Польского!» И таким образом взметнулся весь их город, взволновалися они, будто пьяные. Одни по-старому хотели быть под властью великого князя Московского, а другие Литовскому королю хотели быть подвластными. Сотворявшие же вражду изменники нанимали худших людей, готовых на всякое неистовство, и те, приходя на вече, беспрестанно звонили в колокола и с криком говорили: «Короля хотим, пусть владеет нами!» А другие <говорили>: «Мы со старых времен и доныне — держава великого князя Московского, которого и желаем». А безумные наемники окаянных изменников метали камни в тех, кто не хотел отступать от великого князя. Многие же из них, старые посадники, и тысяцкие, и лучшие люди, и прочие горожане увещевали крамольников, говоря им: «Невозможно, братья, чтоб так это стало, чтобы предаться нам королю и поставить архиепископа от так называемого его митрополита Григория, латынянина, являющегося учеником подлинного латынянина, суемудрствующего Исидора. Мы ведь изначала — держава великого князя Рюрика, которого по своей воле взяла вся Русская земля наша из Земли варяжской, правнук которого, блаженный великий князь Владимир, обрел истинное благочестие и крестился и всю нашу Русскую землю привел ко крещению. И начиная с того святого Владимира вплоть до сего нашего господина великого князя

Ивана Васильевича под латынянами мы не бывали и архиепископа от них себе не ставили, как ныне вы суетно замышляете». А отступники те, как прежние еретики, ученики дьявола, желая добиться того, что замыслили, дерзнули <выступить> против благочестия и не хотели во благочестии покориться великому князю и митрополиту Филиппу и, не боясь Бога, православию противились.

Безумное послание в Литву от новгородцев. И послали они, безумные, к королю в Литву со множеством даров своего посланника со словами: «Мы, вольный народ, Великий Новгород, бьем челом тебе, честному королю, чтоб ты был нашему государству, Великому Новгороду, и нам господином. И вели нам архиепископа поставить митрополиту своему Григорию и дай нам князя из своей державы». И король возрадовался таким словам и принял дары их с любовью и <отдал> много почестей их посланникам.

Олелькович. А к ним послал киевского князя Михаила Олелькова сына. И новгородцы приняли его с честью. Но великого князя наместников не прогнали с городища.

Суздальский. А бывшего у них князя Василия Горбатого, брата Суздальских князей, которого как слугу у себя держали, того послали они в Заволочье, в заставу на Двину: готовиться стали к бою, безумные, с войсками великого князя.

Раздел 3. Послание великого князя в Новгород. Услышав о том, что в отчине его, в Великом Новгороде, великое смятение, послал великий князь Василий к ним своих послов с такими словами: «О, люди новгородские! Вы отчина моя изначала, от первого в вашей земле великого князя Рюрика и до правнука его, святого великого князя Владимира, крестившего всю Землю русскую, а от того великого князя Владимира Киевского до великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского, а от него вплоть и до меня, его потомка, владеем мы вами, и жалуем вас, и от всего защищаем. И вольны мы казнить вас за ваше своеволие пред нами. А ни за каким королем, ни за великим князем Литовским вы не бывали, с тех пор как ваша земля стоит. И ныне вы отступаете от христианства к латинству, преступая крестное нам целование. Я же, великий князь, ничего плохого не делаю вам, ни тягла излишнего не налагаю на вас, но такие же дани и оброки, какие были при отце моем, великом князе Василии Васильевиче, и при деде, и при прадеде, и при прочих великих князьях нашего рода. И не единственно эту измену вы предо мной являете; и за то желает смирить вас Господь Бог. Но, не хотя видеть много кровопролития средь христиан, я пожалую вас, свою отчину, более легким образом. Не

наводите же сами на себя гнева Божьего, не отступайтесь от нашей извечной над вами власти и не присоединяйтесь к латинству».

Раздел 4. Послание митрополита Филиппа в Новгород. И преосвященный Филипп, митрополит всея Руси, не однажды также посылал к ним в Великий Новгород таковые поучения от Святых Писаний: «Сыны, слышу я, что кое-кто у вас покушается на великий бунт, и на великое нестроение земли, и не тишину стремясь внести, а великое смятение и раскол в святую Божию церковь: отступивши от православия и от прежней державы, присоединиться желают к латинству. И вы сами таковых безумных людей отведите у себя от такового скверного их учения, ибо, дети, дело это богопротивное: оставлять свет благочестивой веры и ко тьме латинского прельщения присоединяться, будто и не ждете вы от Бога праведного его суда и не страшитесь <получить> у него множество вечных мук. И убойтесь вы Божьего гнева и того страшного серпа, виденного великим пророком Захарией, что сходил с небес на сынов непокорных. И потому наказывайте бесчинцев, творящих между вами распри и соблазны, и учите их добру, как ходить по старому пути своих отцов и жить в своем прежнем благочестии и тишине. Ибо много неутешимого и лютого может случиться из-за такого начинания, — благочестивый закон спасительной заповеди живого Бога оставить и приступить к латинству. Ибо за все соблазненные души верных взыщет Господь Бог на тех лживых богоотступниках. И вы на таковое их злодейство восставайте по сказанному: «Беги от греха, как от вооруженного врага, беги от прельщения, как от змеи, чтобы не уязвилась твоя душа жалом нескончаемой пагубы». О том, дети, сами знаете, как много в прежде бывшие времена великих царств земных, городов и мест из-за преступления закона и из-за ослушания святых пророков и апостолов, не послушав учения святых отцов, впало в великую погибель и оказались в запустении; а города и земли, не покорившиеся Богом врученному им государю, были стерты <с лица земли> и разорены. А великий царствующий град Константинополь, благочестием в прежние времена просиявший больше других царств, не погиб ли из-за того латинского прельщения, и истреблено в нем было благочестие, и владеют доныне им поганые турки. И вы, дети, побойтесь Бога! Не один и не два средь вас соблазняются, хотя от истины отступить и с правого пути сойти, ибо, забывши об издревле стоящей над вами великой власти и о законе отцов своих <со времен> дедов и прадедов, соблазняетесь все вы бесчисленным множеством народа. И вы, дети, смиритесь пред тем, кому вы покорены Богом, под крепкою рукою благоверного и благочестивого государя, великого князя всея Руси Ивана Васильевича, вашего отчича и дедича, по сказанному великим светильником Христовым апостолом Павлом, вселенским учителем: «Всякий, — сказал он, — повинующийся власти Божию повелению повинуется, а противящийся власти Божию повелению противится». И еще он сказал: «Бога бойтесь, а князя чтите, ибо слуга он Божий. Не втуне меч носит, но для отмщения врагам и для прославления добродетельных». И вы, чада, об этом поразмыслите и того ради смиритесь. И Бог мира да будет с вами».

Раздел 4. Поучение Феофилово. А до этого и после этого преподобный священноинок, избранный во владыки Феофил, сильно предостерегал их от таковых коварных замышлений и повелевал им отказаться от такового злого начинания. Но они не слушали его речей. Он же из-за этого хотел удалиться в монастырь и в келии безмолвствовать. И не допустили его <до этого>. Многие же новгородские бояре, и посадники, и тысяцкие, и прочие горожане, те, что не желали изначального порядка изменить и крестное целование преступить, услышавши о словах послов великого князя и о митрополичьем благословении и наставлении, и о предостережении и наставлении своего избранного во владыки Феофила, возрадовались великой радостью и хотели по-старому служить великому князю.

Раздел 5. О коварном умысле злоумной жены Марфы. А злокозненный дьявол, искони ненавидящий добро в человеческом роде, вошел у них в злохитрую жену Исака Борецкого, по имени Марфа, о которой выше было сказано, и так, окаянный, сплелся лживыми речами с литовским князем Михаилом Александровичем, которого незадолго до того к ним прислал король; и по его совету та бесстыдная Марфа возымела желание выйти замуж за литовского пана, королевского подданного, пожелав с ним вместе владеть всей новгородскою землею. И так замыслив, начала она прельщать весь народ православный, Великий Новгород, хотя отвести их от великого князя и подвести под короля. Как в древности львица Иезавель, что убивала многих пророчествовавших об имени Господнем, а <потом> сама, сверженная с городской стены и растоптанная лошадьми, окончила окаянную свою жизнь, и псы ее съели; таким же образом и другая, подобная ей, беззаконная Иродиада, жена царя Филиппа, будучи обличена Крестителем Господним Иоанном в беззаконии и не стерпев обличения, обольстила, окаянная, из-за того своего царя пляской дочери своей и угодила ему, и он отсек главу пророку, — и сама была осуждена со дьяволом мучиться вечно; подобно сим и Евдоксия царица такое же зло сотворила: святителя всего мира, великого Иоанна Златоуста, Царствующего града патриарха, со <святительского> престола прогнала и заточила в Армению, — и за это сама при жизни покрылась кипящим месивом червей, а по смерти ее много лет содрогание гроба ее являло знамение уготованной ей муки; таким же образом и окаянная Далила из-за беззакония не пощадила мужа своего Самсона, святого и храброго, а, обманом остригши, предала иноплеменникам, — так вот и сия окаянная Марфа, желаючи весь народ обмануть и совратить с правого пути, ослепила тьмой латинского прельщения душевные свои очи по причине коварного дьявольского соединения с нею и по злой мысли литовского князя. А с нею вместе задумывал тогда те планы злостно подстрекаемый самим сатаной, гордецом-дьяволом, чернец Пимен, бывший ключник прежнего архиепископа; тот обманщик тайным нашептыванием во всяком зле помогал им, а сам желал получить от латынского митрополита поставление на епископство в Великом Новгороде, на что не было Божьего изволения, и не принят он

был людьми. И окаянный этот передавал много злата коварной той Марфе. Она же, окаянная, не себя только и душу свою, но и чад своих увлекла в последнюю погибель, вскоре же и литовского князя Михаила Олельковича они от себя прогнали.

О бунте новгородцев. И стали к злоумной Марфе и к ее детям сходиться на сборище многие люди и много наемных поборников <их дела> с прочими неистовыми людьми и безумными невеждами. И многие помрачились <умом> от тьмы обмана и от полученного злата и серебра и словно взбесились или, как дикие звери, потеряли человеческий разум; речей же послов великого князя, так же как и митрополичьего посла и слушать не желали, и уподобились скоту, не имеющему никакого разума, и только кричали. И бессловесные животные так не кричат, как кричали эти окаянные; звали себя государем Великим Новгородом и, приходя на вече, били в колокола и лаяли, как псы, и говорили безлепицу: «Под короля хотим!» И такая поднялась среди них смута, какая была в Иерусалиме, когда предал его Бог в руки Тита. Как тогда стали биться иерусалимляне друг с другом, так и здесь поднялись новгородцы друг на друга с боем.

Раздел 6. Решение великого князя и военный поход на новгородцев. И великий князь, узнав о том, сильно огорчился и очень опечалился о них и сказал: «Что за безумцы эти люди! Ведь и когда были они еще неправославными, от Рюрика до великого князя Владимира, крестившего всю Землю русскую, и тогда не отступали они к другому государю; а в православной вере, от Владимира и доныне, лишь один <правящий> род его знали и управлялись во всем великим князем киевским и владимирским вплоть до меня. Как же они теперь хотят погибнуть, мне не повинуючись, из христианства в латинство отступаючи. Что делать, не знаю. Лишь возложу надежду на одного всесильного Господа Бога, и смилуется он над нами и вразумит нас в этом, как захочет». И все это возвещает он отцу своему митрополиту Филиппу, и матери своей великой княгине Марии, и боярам своим; и говорит им о своем решении: «Хочу, — сказал, — идти на Новгород войной за их неподчинение и отступление». И отвечали они ему: «Бог Вседержитель, видящий правду твою и решение сердца твоего, что есть на пользу твоему царству, то и исполнит и усмирит врагов твоих, и приведет их к твоим ногам по своему милосердию».

И быстро послал он за всеми братьями своими, и за всеми епископами земли своей, и за всеми князьями, и за всеми боярами, и за воеводами, и за всеми своими воинами. И когда все сошлись у него, тогда объявляет он всем, что новгородцы во всем ему изменили и уклоняются в великое зло, желая из православия уйти под латинского короля. И потому, имея помощником Бога, взял он благословение у митрополита Филиппа, и у всех святителей своей земли, и у всего освященного

собора, и начал вооружаться против своих изменников; так же и братья его, и все князья, и бояре, и воеводы, и все его войско. И послал в Великий Новгород, возвещая им, что идет смирить их гордыню. Послал к великому князю в Тверь, прося помощи на новгородцев. Также и во Псков послал с такими словами: «Да будет ведомо вам, что моя отчина Великий Новгород уходят от меня под короля литовского и хотят поставить себе архиепископа от его митрополита, латинянина Григория. Потому я, возложив на Бога надежду, иду на них со своим войском; и вы все, от мала до велика, вся Земля псковская, моя отчина, идите на них войной с моим воеводой, с князем Федором Юрьевичем Шуйским, или с сыном его князем Василием».

И месяца мая в 31-й день послал князь великий на Двину и в землю Заволоцкую своих воевод, Василия Федоровича Образца с устяжанами, и с вятчанами, и с вологжанами на пригороды новгородские и на все их волости и погосты. И в 6-й день июня месяца послал великий князь перед собой из Москвы князя Данилу Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича с большим войском под Русу за Ильмень-озеро, что напротив Новгорода. И в тот же месяц, 13 июня, послал великий князь князя Ивана Васильевича Стригу с большим войском, а с ним князей царевичей Даноярових со множеством татар, и велел идти им на Волочек и по Мсте. Сам же благочестивый государь великий князь стал обходить все соборные церкви и монастыри и <бывать> повсюду, где были чудотворный образ Пречистой Богородицы и цельбоносные мощи великих святителей и чудотворцев Петра и Алексия и других, и там, где почивают мощи его прародителей, — от великого князя Ивана Даниловича до отца его, великого князя Василия, — везде молясь и довольно милостыни раздавая, сокрушаясь и молясь в душе так. Молитва: «Господи Владыка пресвятой, предвечный Царь! Знаешь ты сокровенные тайны сердец человеческих, <знаешь>, что не по своему хотению и не по своей воле на сие я дерзаю, чтобы пролилось на земле много крови христианской, а дерзаю ради истинного твоего божественного закона».

И так молился повсюду труженик благочестия Господу Богу и Пречистой Богородице, призывая себе на помощь непобедимую силу честного и животворящего креста Господня, и великого заступника и скорого помощника во бранях христианам преславного воеводу небесных сил архистратига Михаила, и святого великого Иоанна Предотечу, и соборы пророков, и апостолов, и святителей, и святых добропобедных мучеников, и преподобных, и праведных, и всех святых, и своих святых православных прародителей, великих князей: равноапостольного Владимира и сыновей его праведных страстотерпцев Бориса и Глеба, и всех святых своих сродников, молил их со словами: «О, святые мои родители и прародители и сродники! Хоть вы телом отсюда и отошли и души свои в руки Бога предали, — но молитесь же ему с дерзновением за отступающих от православной державы нашей».

Затем снова приходит он к отцу своему, митрополиту всея Руси Филиппу, прося у него прощения и благословения. И ограждает святитель его крестом и вооружает молитвой и благословляет его и всех его воинов <идти> на врагов его. И так, принявши благословение от митрополита и от всех святителей своей земли и от освященного собора, выступил он из Москвы в том же месяце июне, 20-го; а с ним и его братья: князь Юрий, и князь Андрей, и князь Борис Васильевич, и князь Михаил Андреевич с сыном своим князем Василием, и царевич Данияр, и многие князья и бояре, и все воеводы со многой силой, вооруженные на врагов своих отступников. Ибо всегда они изменяли, крестное целование преступая. Пятьсот лет и четыре года были они во святом крещении под властью великих русских князей православных, а в последние времена, за 20 лет до конца седьмой тысячи, начали беситься, отступать от истинного православия в богомерзкое латинство. И таким образом великий князь, уповая на Бога, вооружившись, пошел на них со всеми <своими> силами за их гордость и непокорность, не как на христиан, а как на язычников и отступников от православия.

И пришел 24 июня на Волок, в самый праздник Рождества Предтечи; а в богоспасаемом граде Москве оставил сына своего, великого князя Ивана, с которым оставил в Москве брата своего, князя Андрея Меньшого; в праздник же святых верховных апостолов Петра и Павла пришел он в Торжок. И тут пришли к нему воеводы великого князя тверского князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Никитич Жито со множеством людей помогать великому князю против новгородцев. А из Пскова пришел в Торжок к великому князю посланец возвестить, что все <псковичи> готовятся сами идти на Новгород. И великий князь через посланца повелел им без промедления идти к Новгороду. Сам же великий князь выступил из Торжка; и великого князя братья также каждый из своих мест выступили разными путями со множеством людей к Новгороду; также и воеводы пошли, каждый куда был послан.

Пленение Новгородской земли. Посланные вперед воеводы, князь Данила Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, идя по новгородским местам, где повелено им было, разослали все войско свое по множеству мест, брали в плен, жгли и казнили без милости <новгородцев> за неподчинение их своему государю великому князю. И подошли они близко к Новгороду, к реке Шелони. А в земле новгородской было много очень озер и болот, и потому в летние времена там не бывало никогда конное войско, ни при ком из прежних великих князей. И потому лукавые новгородцы издавна привыкли к измене и, изворачиваясь во лжи, жили от осени до зимы, а затем и до весны; летом же жили, <ничего> не опасаясь, благодаря большой воде в их землях. Ныне же Божьим промыслом для их наказанья и исправления сделалась такая засуха в их земле, что ни капли дождя не

выпало с небес на землю их во все то лето, с мая месяца до месяца сентября, и от солнцепека вся земля их и болота пересохли. Таковую благодать даровал свыше Бог благочестивому своему слуге великому князю Ивану Васильевичу, приводя в усмирение его врагов под крепкую его руку, ведь везде и повсюду ратные его полки, ничем не сдерживаемые, наступали по всей земле новгородской и беспрепятственно воевали, и гнали скот отовсюду через непроходимые места и болота, и все посуху.

Раздел 7. Победа над новгородцами у Коростеня, и в Русе, и на Шелони. И когда услышали люди новгородские, что идет на них сам великий князь со многими силами, покорив всю их силу новгородскую от края и до края, с великой и страшной угрозою своего меча и огня, как в старые времена Иеремией было сказано о Навуходоносоре, царе Вавилонском: «От грохота движущихся его колесниц и от топота коней тряслась земля», так и здесь явил Господь лукавым новгородцам страх и грозу пред великим князем, и послали они к нему со лживой мольбою, прося снова себе защиты. А все лгали и неправду творили: в то же время послали рать свою на судах озером Ильменем на передовые полки воевод великого князя, что пришли на Коростень и стояли на берегу озера Ильменя, и стали биться с ними. И помог Бог воеводам великого князя: многих они разбили, а иные в воде утонули, а кого взяли живыми в плен, тем самим меж собой приказали носы, и губы, и уши резать и отпускать их в Новгород. В тот же день пришло другое, пешее, войско в Русу, вдвое больше первого, пришли полою рекой Ильменем. И воеводы великого князя, и на тех пойдя, побили их.

О победе над новгородцами на Шелони. Сами же воеводы пошли ко граду Демону. И великий князь послал к ним с Кольм-озера, веля идти им за реку Шелонь на встречу с псковичами. А под Демоном велел стоять князю Михаилу Андреевичу с сыном, князем Василием, и со всем своим войском. И когда пришли воеводы великого князя на берег реки Шелони, чтобы перейти ее вброд, тогда с другой стороны той реки напротив них пришло новгородское войско, многое множество, так что ужаснулись полки великого князя, ибо было их мало; другая же часть их войска, не ведая о том, завоевывала окрестности Новгорода. А окаянные новгородские изменники — посадские, тысяцкие, бояре, и купцы, и разные ремесленники, и весь городской народ, собрав всю их силу, как сами говорят, сорок тысяч, пошли спешно со многой силою на передовой полк тех воевод великого князя — на князя Даниила Холмского и на Федора Давыдовича. Но воеводы великого князя, которые были в меньшинстве, около пяти тысяч <войска>, не испугались, увидев многое множество врагов, нет, надеясь на Господа Бога и на Пречистую Его Мать и на правоту своего государя, рыча как львы, стремительно бросились им навстречу через широкую ту реку, которая, как говорят сами новгородцы, никогда броду там не имела, а они без броду перешли ее целы и невредимы. Увидавши это, новгородцы пришли в смятение и зашатались, будто пьяные, а они

быстро перешли и стали стрелять в них. И метаться стали под ними их кони и бросать их стали с себя. И так вскоре бросились они бежать, гонимые Божьим гневом за свою неправду и за отступление не от великого только князя, но и от самого Господа Бога. А полки великого князя преследовали их около 20 поприщ, рубя и сеча их. А иные из них и сами друг друга на бегу убивали, кто кого. Тогда убито было их около 12 тысяч по их сведениям, а живыми взято в плен более двух тысяч.

Взятые посадники их: Василий Казимир, Дмитрий Исаков Борецкий, Козьма Григорьев, Яков Федоров, Матфей да Василий Селезневы, двое Казимировых племянников, Павел Телятьев, Козьма Грузов и множество других, на которых сбылось пророческое слово, гласящее, что «пятеро прогонят сотню, а сотня победит десятки тысяч». Бежали они долго, и кони под ними издыхали, и падали они с коней своих в воды и болота и по лесам: ибо ослепил их Господь, так что и земли своей они не узнавали, и пути в свой город, откуда они пришли, не ведали. И блуждали они в лесах, а когда выходили из леса, ловили их ратники. А иные, раненые, блуждая по лесам, перемерли; другие же в воде утонули. А тех, что с коней не свалились, тех кони их принесли в город, будто пьяных или будто спящих. А иные в оторопи пробегали мимо своего города, полагая, что взят уже их город.

И воеводы, князь Данило и Федор, дождавшись, когда соберется их войско, и ставши на поле брани, вострубили <победу>, принося благодарение Богу и Пречистой его Матери, ибо увидали войско свое все живым и здоровым. И стали говорить воеводы пойманным новгородцам: «Почему вы с таким множеством своих воинов нисколько не продержались, при том, что видели, как мало наше войско?» Чудо. И отвечали они им: «Мы видели, что бесчисленное вас множество идет на нас; да еще видели и другие полки, к нам в тыл пришедшие; знамена у них желтые и большие стяги и скипетры, и шум людских голосов и конский топот страшный. И так ужас напал на нас, и объял нас страх, и вошел трепет в сердца наши».

Было же это 14 числа месяца июля, в день воскресный утром, на память святого апостола Акилы. И после преславной той победы повоевало то же войско великого князя посад новгородский и множество волостей вплоть до немецких рубежей по реке Неве.

И послали к великому князю в Яжелбицы с возвещением о таковой преславной дарованной свыше от Бога победе и о всех описанных выше <подвигах> мужества и храбрости богохранимого его войска. О таких писано: «Если воин в бою за благочестие убьет <кого-нибудь>, не вменяется <ему> это за убийство». Из святых отцов, из великого

Афонасия, как говорит великий Афонасий в послании к Аммону-монаху: «Достойны почестей великих те, кто храбро воевали, и подобает памятники им ставить, возвещающие об их храбрости, ибо убивают они своих врагов ради целомудрия и благоверия». И когда услыхал об этом благочестивый великий князь всея Руси Иван Васильевич, сильно он обрадовался и воздал хвалу всесильному Богу и Пречистой его Матери, Пресвятой Богородице, и всем святым. А у него в то время были царевич Данияр и его братья, князья Георгий, Андрей, Борис Васильевичи, и их бояре, и все их войско. И сильно все возрадовались. И обещался тогда великий князь поставить в Москве церковь во имя святого апостола Акилы, что и сбылось, а воеводы, князь Данило и Федор, — другую церковь, во имя Воскресения Христова. А из Новгорода был тогда у великого князя Лука Климентиев ради охранной грамоты. И великий князь дал им охранную грамоту и отпустил его из Селищ у Демона.

Князь же Михаил Андреевич Верейский и сын его, князь Василий, стояли тогда под Великим Новгородом, и новгородские воеводы и те, кто сидел в осаде в Новгороде, предались им сами с великим молением и поклонением, ни о чем не радея, прося себе только одной жизни, уступая все, что имели; а горожане дали ему с города сто рублей выкупа новгородского. Тогда же к великому князю в Игнатичи пришли от псковичей посадник Никита с Козьмою Коробьиным и сказали, что псковичи со всеми жителями своей земли выступили на службу своему государю с воеводой князем Василием Федоровичем и пограбили и пожгли места новгородские, и многих новгородских людей кого оружию, а кого огню предали.

Раздел 8. О том как сбылось пророчество преподобного Зосимы Соловецкого. И в том же месяце, 24 числа, на память святых мучеников Бориса и Глеба, пришел великий князь в Русу и повелел казнить там через отсечение главы посадников новгородских за их измену и отступление: Дмитрия Исакова Борецкого, Василия Селезнева, Еремея Сухощекова, Киприана Арзубьева, о которых прежде того предрек преподобный Зосима, основатель Соловецкий, как в житии его писано. Некогда обедал он у них и увидал, что сидят они за трапезой во время обеда, а голов на плечах их не видно. И увидавши это, преподобный заплакал и не стал есть, и сообщил своим ученикам, что за их гордыню отсекут им головы, что и сбылось. Многие же другие посланы были в Москву в темницу. Прочие же, из безвестных родов, были отпущены в Новгород. Василия же Казимира, Козьму Григорьева, Якова Федорова, Матфея Селезнева, Козьму Грузова, Федота Базина и других послал великий князь в Коломну и велел заковать их в оковы. Сам же великий князь пошел оттуда к Ильмень-озеру, и пришел на место, прозванное Между Брегом и Коростенем, 27 числа того же месяца июля.

О битве на Двине. И в тот день помог Бог воеводам великого князя Василию Федоровичу Образцу и Борису Слепцу, с которыми были устюжане и вятичи, всего их войска только 4000 человек, без тридцати, у них же бой был на Двине с князем Василием Шуйским, у которого войска было 12 тысяч. Выйдя из судов, те и другие пешие, начали биться в третий час дня. Бились они до захода солнца, и в рукопашную бились, и отбили знамя у двинян, под которым и трех знаменосцев убили, и пришли так в смятение двиняне. И уже к вечеру одолели полки великого князя и разбили множество двинян и заволочан, а иные <из них> утонули. Раненый же их князь скрылся в лодку и убежал в Холмогоры. И многих в плен взяли живыми, а потом и крепости их взяли. А из великого князя войск убито было там 10 человек, а все другие Богом сохранены были.

Раздел 9. Об нареченном во владыки Феофиле и о новгородцах, как приходили они к великому князю с челобитьем. В тот же день пришли из Новгорода в Усть-Шелонь на судах по Ильмень-озеру избранный на архиепископство Феофил с посадскими и тысяцкими и прочими городскими жителями со всех <городских> концов. И сразу стали быть челом боярам и воеводам великого князя, чтобы похлопотали они пред братьями великого князя, а они бы похлопотали перед самим великим князем, да вместе с ними и бояре бы сами похлопотали. И бояре, пойдя с ними, били челом братьям великого князя. Братья же великого князя, князь Юрий, князь Андрей, князь Борис, и князь Михаил Андреевич с сыном, и их бояре били о них челом великому князю. И великий князь принял их мольбу ради своих братьев и своих бояр, сжалился над ними и велел им прийти к себе, пред свои очи. И они, представши пред ним, били в землю челом, молились и милостивого прощения просили за свое преступление, что, обезумев, противились ему, — чтобы явил им милость свою, много пред ним согрешившим, чтоб перестал гневаться на них и чтобы перестал их наказывать, больше бы не велел грабить, жечь и брать их в плен. Добрый же сердцем самодержец, великий князь, умилосердился над ними, явил им милость свою, принял мольбу их и утолил гнев свой, в тот же час приказал перестать их жечь и брать в плен, и всех пленных велел собрать и отдать <им>. Дали же тогда великому князю 16 тысяч рублей серебра новгородских, помимо братьев великого князя, князей и всех прочих бояр и воевод. А земля их вся пленена и выжжена до моря, ибо таковой войны испокон веков у них не бывало. Тогда ведь и Псковская земля со своей стороны с ними же воевала. И послал великий князь за всеми воеводами своими, и за всем своим войском, и за псковичами, кто куда послан был воевать на земли новгородские, и повелел всем к себе возвратиться. И пришли многие к нему в Усть-Шелонь 30 июля. И потом стоял он там на одном месте 11 дней, разбираясь с новгородцами; и подав им мир, любовь и милосердие и почтив избранного на архиепископство Феофила, отпустил его в собственный их город, а вместе с ним и посадников, и тысяцких, и других, кто с ним приходил. А вслед за ними послал он в Новгород своего боярина Федора Давыдовича привести весь Великий Новгород к крестоцелованию от мала до велика и взять с них деньги. И он, придя в Новгород, сделал так, как было ему велено.

Раздел 10. О приходе великого князя из Новгорода в Москву. А богомудрый ревнитель благочестия, достохвальный победитель врагов и собиратель дарованного ему Богом изначального отечества, великий князь Иван Васильевич, Владимирский, Новгородский и всея России самодержец, возвратился оттуда в Москву с великой победой 13-го числа месяца августа, а также и все его братья, князья, и бояре, и все воеводы, и все их войско, со многим прибытком. И в 6980 (1471) году, 1 числа сентября месяца, пришел великий князь в свой славный град Москву, победив своих врагов, наказав выступавших против него и не хотевших ему повиноваться жестоких отступников-новгородцев, которых он всех привел с Божьей помощью под полную свою власть, и получил многое богатство, и приобрел великую славу; и встречали его хвалой бесчисленное множество московского народа, славные и неславные. Благородный же сын его великий князь Иван и брат его князь Андрей Меньшой и прочие князья и бояре, вельможи, и гости, и купцы, и лучшие люди встретили его 31-го числа августа месяца там, где он останавливался на ночлег. Прочие же люди встретили его, кто — за семь верст, те же, кто был пеш, — ближе. Святейший же Филипп, митрополит всея Руси, встретил его с крестами вместе со всем освященным собором близ Великой церкви на площади кремля. И была великая радость всему народу его державы. <…>

Глава 15. О чуде зачатия и рождения великого князя Василия Ивановича, самодержца всея Руси. И так был прославлен он Богом и благоденственно царствовал; и даровал ему Бог достаточно потомства, — от первой его супруги, великой княгини Марии, дочери великого князя тверского, родился у него сын, великий князь, тезоименный Иван, прозванный Молодым, и от второй его супруги, великой княгини царевны Софьи, родились у него три дочери, сына же тогда ни одного не смог родить. И великий князь Иван, и его великая княгиня Софья немало о том скорбели и молили Бога, чтобы даровал он им родить сыновей, дабы передать в наследие свое царство, что они и получили. И для того однажды христолюбивая сия великая княгиня Софья, по великой вере и по сердечному желанию, по доброму совету благочестивого своего супруга, самодержавного великого князя всея Руси Ивана Васильевича, усердно потрудилась пройти пешком от Москвы в знаменитую великую обитель Пресвятой и Живоначальной Троицы и великого светильника, преподобного чудотворца Сергия, помолиться о рождении сыновей. Шла она и дошла до монастырского села, называемого Климентьевым. И когда пошла она оттуда в долину, что близ самой обители, внезапно видит она воочию идущего ей навстречу священнолепного инока, в котором по виду узнала преподобного чудотворца Сергия, державшего в руках малое дитя мужского пола, которое он внезапно кинул за пазуху великой княгине, и тотчас стал невидим. И от такового необычайного видения затрепетала она и стала терять силы и к земле клониться. Бывшие же с ней вельможные жены руками поддерживали ее, а сами ужасались, не ведая, что с ней случилось. Она же села и стала искать у себя за

пазухой брошенное ей дитя, и не нашла. И внезапно <все> уразумели, что было посещение великого чудотворца Сергия. И крепко встала она на ноги свои, и благополучно и во здравии пришла в монастырь, и молилась много, и цельбоносные мощи преподобного Сергия целовала с любовью, припадая с умилением к честной его раке, в надежде получить то, о чем просила; и потчевала она братию честными яствами, и радостно возвратилась туда, откуда пришла.

И со времени того чуда зачался во чреве у ней богодарованный наследник Русского царства. По достижении положенного времени родился <у нее> благоверный сын, великий князь Василий-Гавриил, в 6986 (1478) году, месяца марта 25-го числа, в самый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в 1-й час ночи. А в апреле месяце, в цветоносное воскресенье, и святым крещением просвещен был в церкви обители Святой Троицы у чудотворных мощей преподобного чудотворца Сергия, о чем подобает быть особому сказанию. А это известие было явлено митрополитом всея Руси Иоасафом, — что слышал он из уст самого великого князя Василия Ивановича, самодержца всея Руси. <...>

Краткая похвала самодержцу Василию и о пострижении его и чудесном отшествии к Богу

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фрументовой

ОРИГИНАЛ

СТЕПЕНЬ ШЕСТЫЙНАДЕСЯТЬ И ГРАНЬ ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ, В НЕМЖЕ МИТРОПОЛИТЫ ДВА, ВАРЛААМ И ДАНИЛ, ГЛАВ ЖЕ ИМАТ 25 (...)

[ГЛАВА] 24. ВКРАТЦѢ ПОХВАЛА САМОДЕРЖЦУ ВАСИЛИЮ, И О ПОСТРИЖЕНИИ ЕГО И О ЧЮДЕСНОМ ОТШЕСТВИИ ЕГО К БОГУ

Сему христолюбивому государю, великому князю Василию Ивановичю всеа Русии, благочестно царствующу и добрѣ правящу хоругви Росийския земли, скипетродержание кореноплоднаго их отечества, извѣчнаго, Богом утверженнаго их наслѣдия, всячески вездѣ Богу

поспѣшествующу ему и от всѣх враг, видимых и невидимых, избавляя его и на супротивныя помагая ему, и крепляя его, и окружныя страны покаряя ему, овы — миромъ, непокаривыя же мечем. И всюду Богомъ прославляем, якоже онъ Бога прослави; и велий подвигъ полагая, еже бы утвердити правду в людех; и сего ради всегда царское его сердце и ум бдя и мудръствуя, окормляя всѣх опаснѣ во благозаконии, безаконнии же потоки крѣпце отганяя, да не погрязнет карабль великаго его державства в волнах неправды. Такова бяше многопопечителная его царева душа: по подобию зерцала всегда исчищается и божествеными лучами выну облистаема и вещми разсужения оттуду научается, якоже нѣгдѣ пишет: «Иже убо существом телесным равен есть человѣком царь, властию же достойнаго его величества приличен Вышнему, иже надо всѣми, Богу: не имат бо высочайша себе на земли, непреступим убо человѣки высоты ради земнаго царствия, благословим же бывает получения ради горняго Царствия. Якоже око телеси водрузися, сице и царь в мире устроися от Бога дарованным ему поспѣшением к полезным: да промышляет убо о человѣцѣх и сам во благих да пребываетъ, во злых же да не претыкается».[1] Поистинѣ убо царь нарицашеся иже царствуя над страстьми и сластем одолевати могий, иже целомудрия венцем венчанный и порфирою правды оболченый. Тако убо бысть и сий благочестивый царем царь великий князь Василий, истовый вож, умный правител, вседоблий наказател, истинный кормчий, изящный предстател, молитвеник крѣпок, чистотѣ рачитель, целомудрия образ, терпѣния столпъ, князем руским и боляром, и прочим велможам, и рядником, и чиновником, и воином, и всѣм людем еже о благочестии крѣпкий поборник, архиереем же и всему освященному собору благоразумный соглаголник и всѣм притѣкающим к нему, яко ко источнику благопотребну.

Бяше же сердцем смирен, житием же высок, кроток взором, воздержанием сияя, почтен Божиею благодатию. Понеже Бога чтяше, и Богъ почти его и превознесе имя его на земли, всѣх бо любляше и всѣм любим бяще, и вси к нему припадающе, не токмо ближнии, но и далнии, еже бы рещи, от Синая и Палестины, Италия же и Антиоха, и от всея подсолнечныя хотяще его токмо видѣти[2] и слово его слышати. Прочая же его благодѣяния кто возможет подробну писати! Якоже пишет Богослов о саламандрѣ, нѣкоем животнѣ, иже своим естеством огнь погашает, оно же невредимо пребывает,[3] такоже и сий самодержавный государь Василий огнь безбожный погашаетъ; и якоже Кафос, река сладкая, аще и сквозѣ пучину морскую идет, и своея сладости никакоже не погубляя,[4] тако и сий боголюбивый самодержец от моря морскаго ничимже не вредися, Богу его хранящу премудрости ради его умныя. Наипаче же всего всегда попечение о души своей имѣя, многим тщанием подражая богомудрому своему житию святаго и праведнаго своего прародителя, достохвалнаго великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго; на престолѣ убо царьском седяй и землю Русскую управляя, а сердце свое яко пещеру имѣяше; царскую багряницу и вѣнец ношаше, в ризы же чернеческия всегда желаше облещися, еже и получи послѣди. О таковом же велицем

дѣле имяше совѣтников, избранных во иночествѣ духовных мужей, иже из могущих царское его душевное таинство хранити и желание сердца его дѣломъ исполнити на ползу души его, еже и бысть. С ними же часто духовную бесѣду простираше и о души своей умышляше, како и коим временем быти ему иноку: всегда бо памят смертную во умѣ имѣя и страхом Господнимъ выну ограждаяся, и еже в житии сем, яко человѣкъ, согрѣши, и сия милостынями и слезами и честным покаянием омывая. И тако готовляшеся очищенною душею предстати Богу, к немуже всегда ум свой неотлучен имѣя и до послѣдняго издыхания. И в таковом благоумии нѣкогда, яко Божественым мановением, начат уразумѣвати, яко близу быти отшествию его от мира сего, и тогда начат подвижнѣйше быти, всячески тщашеся вмѣсто земнаго царствия Небесное получити.

Бысть же яко за десят седмиц дней до отшествия его Богу: бывшу ему со своею великою княгинею Еленою[5] и со благородными чады во преименитой обители Живоначалныя Троицы на памят великаго в преподобных чюдотворца Сергия, и празднова по чину, и ту сущую братию учреди, и оттуду прииде на Волок Ламский,[6] и доиде села своего Озерецкаго, и тамо, яко нѣкоим от Бога посѣщением, явися на нозѣ его знамя болѣзнено. И тогда наипаче внимаше себѣ, яко приближается ему пременение от маловременнаго сего жития в вѣчный живот и во блаженный покой. И от того времени усерднѣйши простирашеся умными молитвами к Богу. Врачеве же велми прилежаху о нем, и ничтоже успѣша. И прииде на Волок в болѣзни велицей. Тогда же на Москвѣ и на Волоцѣ и во всей области Руския земли мнози людие видѣша в нощи за мало дней преже праздника великомученика Дмитрия[7] множество звѣзд спадоша с небеси и, яко дождевныя туча, проливахуся на землю. Видя же себе великий князь велми изнемогаема от болѣзни, и повелѣ вести себя ко Пречистой Богородице в Иосифов монастырь[8] помолитися с великою нужею. Отнюду же и на Москву прииде. И тако изволением Божиим аще и крѣпце болѣзнуя, но обаче адамантьская его царева душа крепчайшее благодарение, и прилѣжныя молитвы, иже к Богу, непрестанно бяху во устѣх его.

И мѣсяца декабря 3 день, в среду, повелѣ духовному си отцу, благовѣщенскому протопопу Алексию,[9] служити Божественую литоргию и принести к себѣ святое причастие. Бысть же тогда дивно чюдо, еже сотвори Господь по истинному его благовѣрию: прежде бо ни на едину страну не може превратитися, егда же принесено бысть к нему святое причастие, и тогда воста сам на нозѣ свои и со многим благоговѣнием и со слезами причастися Пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего. И пакы возлеже на одрѣ своем. Тогда же прииде к нему Троецкий, Сергиева монастыря, игумен Иоасаф,[10] емуже повелѣ неотлучатися с Москвы. И повелѣ церковному освященному собору освятити и помазати себе святым маслом во имя Господне. И сему совершившуся, призва к себѣ Данила, митрополита всеа Русии,[11] и братию свою, и боляр своих избранных и дьяков и повелѣ писати

духовную грамоту и завѣт о управлении царствия сынови своему и наслѣднику. Сам же неуклонно желаше во иноческий образ облещися. Митрополиту же с клятвою завѣща, глаголя: «Вѣм, яко никтоже хощет, да бых азъ инок был. Ты же, отче, не устыдися никогоже, но сотвори по воли Божии инока мя быти по обѣщанию моему, аще и грѣшен есмь». Таже яко в сон тонок сведен бысть и пояше сам: «Аллилугия, аллилуия, слава тебѣ, Боже». И абие возбнув, глаголаше: «Яко Господеви годѣ, тако и бысть. Буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка».

И повелѣ принести к себѣ Богом дарованнаго ему сына и царя и великаго князя Ивана, еще ему тогда велми дѣтску сущу, яко триех лѣт и триех мѣсяцъ.[12] И мало восклонся на одрѣ своем, и, слезы от очию, яко струя, испущаше, начат благословляти его, возлагая на него крестъ злат, глаголя: «Сим святым животворящим крестом великий чюдотворец Петръ митрополит благословил прародителя нашего великаго князя Ивана Даниловича и всѣх иже от чреслъ его великих князей всеа Росии и до насъ. Тѣм же благословением благословляю и аз тебя, сына моего. Еще же благословляю тя благословением нашего же прародителя великаго князя Владимера — Манамашим честным крестом от самого Животворящаго Древа, на немже нашего ради спасения волное распятие претерпѣ Христос Богъ нашъ. Сего же честнаго креста непобѣдимая божественая сила да будет ти твердое оружие и всюду свѣтлая и преславная побѣда на вся враги, видимыя и невидимыя. К сим же приими и вѣнец царский Манамаш, и диядиму, и жезл, и прочую утвар царскую Манамашу,[13] имже мы великии князи вѣнчаваеми на великое самодержъство Росийскаго царствия. Приими убо сие благословение царскаго достояния, о, благое мое и долгожеланное чадо! Аще и велми юн еси, но обаче благодатию всесилнаго Бога, преспѣвая возрастомъ, самодержавно царствуй вмѣсто мене, отца твоего, благочестно управляя скипетрокрестоносныя хорругви всего Росийскаго царствия, извѣчнаго нашего отечества. И да будеши благословен по пророчеству великаго святителя и чюдотворца Петра, митрополита всеа Русии, благословением благостынным свыше от вседержительныя руки милосердаго Господа человѣколюбца Бога, егоже неизреченная благодать и премногая милость, и Пречистые Богородицы, всегда неотступна да будет с тобою; и арханггельская помощ и ограждение, и богоприятныя молитвы святых великих руских чюдотворцев и всѣх святых, и родителское благословение и молитва да поспѣшествует ти вездѣ во всяко дѣло благо на многа лѣта, и сѣмени твоему в роды и роды, от нынѣ и до вѣка». И тако благослови его, целуя, со слезами и отпусти его во своя ему полаты.

По том же и сама великая княгиня прииде к самодержавному си супругу, плачющи горко, огненыя слезы испущая, умилныя глаголы жалостно вѣщаше. Он же, мало утѣшив ся краткими словесы, и повелѣ престати ей от плача. И ту благослови и другаго сына своего, князя Георгия,[14] еще тогда младенца единолѣтна, и возложи на него крестъ злат Паисейской,[15] и завѣща ему в наслѣдие град Углеч и прочая

грады и власти. Вся же правления Росийскаго царствия завѣщевает державствовати и по Бозѣ устраяти и разсужати с сыном своим, царемъ и великим князем Иваном, дондеже от младости устрабится, матери его, а своей великой княгине Елене: вѣдяше ея боголюбиву и милостиву и правдиву, мудру же и мужествену, и сердце ея всякаго царскаго разума исполнено. Не хотящи же ей отити от него, он же сотвори с нею прощение, и послѣднее целование дав ей, и абие повелѣ ю отвести к царским своим чадом. Самъ же самодержавный, видя себе послѣднее изнемогающа, и повелѣ себѣ пострищи во иноческий образ по прежнему его завѣщанию, и посла по иноческое одѣяние старца своего Мисаила Сукина.[16] Вопрошаше же, аще есть на Москвѣ Кирилова монастыря игумен, понеже тщание его бяше от многа времени, еже бы ему пострищися в Кириловѣ монастырѣ. И не бяше тогда Кириловскаго игумена на Москвѣ, и посла по Троецкаго Сергиева монастыря игумена Иоасафа. Повелѣ же у себе пѣти каноны диякомъ крестовым.[17] Таже повелѣ глаголати и молитву на исход души. И тогда яко усну, и абие возбну и, яко нѣкое видѣние видѣ, глаголаше нѣкая благонадежная словеса. Бяху же у него предпоставлены многия снесеные чюдотворныя образы. И ту бяше образ святыя великомученицы Екатерины,[18] на нюже зря неуклонно и радостным лицем глаголаше: «О, госпоже великомученице Екатерино! Уже время есть нам царствовати!» И сия третицею глагола. Принесоша же к нему и мощи святыя Екатерины. Он же ко образу ея и к мощем любезно приложися и рукою десною прикоснуся, тогда бо тою рукою болѣзнуя бяше. И потом к митрополиту рече: «Что, отче, косниши? Время уже настоит, постригите мя! Давно бо того желаю». И повелѣ принести святое причастие и близу себѣ держати, и начат рукою креститися и глаголати: «Аллилугия, аллилуия! Слава тебѣ, Боже!» Таже глаголаше, от икосов акафиста избирающе словеса.[19] И, паки прекрестився рукою, глаголаше: «Радуйся, утроба Божественаго воплощения!»[20] К сим же прирече: «Ублажаем тя, преподобне отче Сергие, и чтем святую память твою, наставниче иноком и собесѣдниче ангелом!»[21] Велми же изнемогаше, и приближашеся конец жития его, и во иноческая одѣяти себе веляше, и непрестанно зря на образ Пречистыя Богородицы, творя крестное знамение на лице своем, руку ему поддержаше болярин.

Принесену же бывшу чернеческому одѣянию старцом Мисаилом, и хотяху пострищи самодержца. И не дадяху князь Андрей[22] и боляре, им же запрети митрополит неблагословением. И повелѣ начати службу постригания Троецкому игумену Иоасафу. Сам же митрополит постриже его и претвори имя ему Варлаам. Бяху же ту и инии иноцы, с нимиже преже того мудрѣствова самодержец о души своей. И абие причастиша его Святых Таин, животворящаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего. И тогда просвѣтися лице его, яко свѣт, вкупе же и душа его с миром отиде к Богу, в лѣто 7042, мѣсяца декабря в 4 день, на памят святыя мученицы Варвары, в началѣ третягонадесят часа нощи четвертъку. Самодержствова по отцы 32 лѣта, всѣх же лѣт поживе 55 и осмь мѣсяць. Вмѣсто же смрада, иже бысть от болѣзненаго знамени на нозѣ его, исполнися храм благоухания. О нем же бысть тогда во всѣх людех плач великъ и рыдание и скорбь неутѣшна.

Братия же великаго князя, и боляре, и дворяне, и прочии вси в той же час при митрополите крестъ животворящий целоваша, еже служити *им* великому князю Ивану Василевичю всеа Русии, якоже и отцу его и дѣду, и всяко дѣло благо промышляти им о нем и о всемъ царствии его безо всякого ухищрения и лукавства. Благородное же царское тѣло великаго князя-инока Варлаама взяша иноцы Троецкие и Иосифовские и несоша в соборную церковь Святаго архистратига Михаила, и ту погребен бысть честно, идѣже отец его и дѣд и прочии прародителие их. В него же мѣсто царствова богодарованный его сынъ и наслѣдник, боговенчанный царь и великий князь Иван, всею державою Российскаго царствия, о немже лѣпо есть особной степени вчинитися. (…)

---

[1] *«Иже убо существом телесным равен есть человѣком царь… во злых же да не претыкается».* — Фрагмент из нравственно-политического трактата византийского автора VI в. дьякона Агапита, адресованного императору Юстиниану, известного на Руси под названием «Поучение благого царства».

[2] *…от Синая и Палестины, Италия же и Антиоха… хотяще его токмо видѣти…* — Перечисляются священные в иудео-христианской традиции места: Синай — гора, где был дан закон и заключен союз между Богом и израильтянами; Палестина — первоначально — земля филистимлян, затем наименование святой земли без точного географического обозначения; Антиохия — город в Древней Сирии, основанный в 300 г. до н. э., ныне г. Антакия на юге Турции. В Антиохии ученики Христа впервые получили название христиане.

[3] *Якоже пишет Богослов о саламандрѣ… невредимо пребывает…* — В древнерусской письменности существовали сборники толкований к разрозненным фрагментам Священного Писания, ошибочно приписывавшиеся одному из отцов церкви Григорию Богослову («Словеса избранная, я же суть толковая»), в них встречается упоминание легендарного зверка саламандра, не сгорающего в огне.

[4] *…и якоже Кафос, река сладкая, аще и сквозѣ пучину морскую идет, и своея сладости никакоже не погубляя…* — В древнерусской письменности бытовало легендарное сказание о 4-х великих реках, одна из которых именовалась Кафос.

[5] *…великою княгинею Еленою…* — Елена Васильевна Глинская (ум. в 1538 г.) — вторая жена великого князя Василия III, регентша при малолетнем сыне Иване IV Васильевиче с 1533 г.

[6] *...прииде на Волок Ламский...* — Волоколамск — древний город, ныне в Московской области, впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 1135 г.

[7] *...преже праздника великомученика Дмитрия...* — Память Дмитрия Солунского празднуется 26 октября.

[8] *...ко пречистой Богородице в Иосифов монастырь...* — Иосифо-Волоколамский (Волоцкий Успенский Иосифов) монастырь основан в 1479 г. Иосифом Волоцким близ Волоколамска.

[9] *...благовѣщенскому протопопу Алексию...* — Протопоп кремлевского Благовещенского собора Алексий известен по участию в пострижении Василия III, был духовником Василия III.

[10] *...Троецкий, Сергиева монастыря, игумен Иоасаф...* — Иоасаф Скрыпицин, будучи игуменом Троице-Сергиева монастыря, крестил сыновей Василия III Ивана (будущего Ивана Грозного) и Георгия, участвовал в пострижении самого Василия III и его погребении. С 1539 до 1541 г. занимал митрополичий престол, откуда был смещен и заточен.

[11] *...Данила, митрополита всеа Русии...* — Даниил (ранее 1492—1547) — русский митрополит в 1522—1539 гг.

[12] *...сына... великаго князя Ивана, еще ему тогда велми дѣтску сущу, яко триех лѣт и триех мѣсяцъ.* — Иван IV родился 25 августа 1530 г.

[13] *...вѣнец царский... и прочую утвар царскую Манамашу...* — Имеются в виду царские регалии, которые по преданию перешли к Владимиру Мономаху от византийского императора Константина Мономаха (см.: Сказание о князях владимирских в наст. изд., т. 9). Рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.

[14] *...и другаго сына своего, князя Георгия...* — Князь Юрий Васильевич (1532—1563) — брат Ивана IV.

[15] *...крестъ злат Паисейской...* — По-видимому, крест игумена Троице-Сергиева монастыря Паисия Ярославова, который крестил Василия III.

[16] *...старца своего Мисаила Сукина.* — Мисаил Сукин — монах, о котором известно, что он принимал участие в пострижении и погребении Василия III.

[17] *...дияком крестовым.* — Т. е. причетником домовой церкви.

[18] *...святыя великомученицы Екатерины...* — Екатерина — святая великомученица эпохи раннего христианства, почитается с VIII в.

[19] *...от икосов акафиста избирающе словеса.* — Имеется в виду акафист Богородице, состоящий из 13 кондаков и 12 икосов.

[20] *«Радуйся утроба... воплощения!»* — Одна из строк 1-го икоса акафиста Богородице.

[21] *«Ублажаем тя, преподобне отче Сергие... собесѣдниче ангелом!».* — Величание преп. Сергию Радонежскому, поемые на Утрени после полиелеоса, во время чтения избранных псалмов.

[22] *...князь Андрей...* — Андрей Иванович (1490—1537) — младший брат Василия III, старицкий князь, заявлявший претензии на престол.

ПЕРЕВОД

СТУПЕНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ И ГРАНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ, А В НЕЙ ДВА МИТРОПОЛИТА, ВАРЛААМ И ДАНИИЛ, ГЛАВ ЖЕ 25 <...>

[ГЛАВА] 24. КРАТКАЯ ПОХВАЛА САМОДЕРЖЦУ ВАСИЛИЮ, И О ПОСТРИЖЕНИИ ЕГО И ЧУДЕСНОМ ОТШЕСТВИИ К БОГУ

Сей благочестивый государь, великий князь всея Руси Василий Иванович, благочестиво царствовал и благополучно правил хоругвями Русской земли, держал скипетр коренного и плодоносного их отечества, извечного, Богом укрепляемого их наследия, и Бог везде всячески поспешествовал ему и от всех врагов, видимых и невидимых, избавлял его и помогал <побеждать> ему противников, и укреплял его, и покорял ему соседние земли, одни — миром, а непокорных — мечом. И повсюду Бог прославлял его, ибо и он прославлял Бога; и сильно он подвизался, чтобы утвердить правду в народе; ради сего царское его сердце и ум всегда бодрствовали и мудрствовали, окормляя усердно всех в благих законах, потоки же беззакония твердо отгоняя, чтобы не погряз корабль великой его державы в волнах неправды. Такова была многопопечительная царская его душа: наподобие зеркала она всегда была чиста и, осиянная всегда божественными лучами, научалась оттуда пониманию вещей, как негде писано: «Существом плотским равен людям царь, величием же подобающей ему власти похож на Всевышнего, стоящего над всеми Бога, ибо не имеет никого, кто выше его на земле, недоступен людям из-за высоты земного царства, благословляется же ради стремления получить горнее Царство. Как око создано для тела, так и царь Богом в мире поставлен дарованной ему <властью> споспешествовать полезному: да заботится о людях и сам в добре пребывает, во зло же не оступается». И воистину называется царем тот, кто царствует над страстями и может одолеть соблазны, кто увенчан венцом целомудрия и облечен в порфиру правды. Таким был и сей благочестивый царь царей великий князь Василий, истинный предводитель, умный правитель, вседоблестный наставник, истинный кормчий, искусный ходатай, крепкий молитвенник, блюститель

чистоты, пример целомудрия, столп терпения, для русских князей, бояр, и других вельмож, сановников, рядовых граждан, воинов и всех людей крепкий поборник благочестия, архиереям же и всему священному собору мудрый собеседник, как и для всех, кто прибегал к нему, как к благодатному источнику.

Был он сердцем смирен, а житием высок, кроток видом, сиял воздержанием, почтенный Божией благодатью. Чтил он Бога, потому и Бог его почтил и превознес имя его на земле, ибо всех он любил, и все его любили, и все к нему припадали, не только ближние, но и дальние, как говорится, от Синая и Палестины, Италии и Антиохии и со всей поднебесной все только и желали его увидеть и слово его услышать. Прочие же благие его деянья кто сможет подробно описать! Как пишет Богослов о саламандре, некоем животном, что плотию своей огонь угашает, само же оно невредимым остается, так и сей самодержавный государь Василий огонь безбожия угашает; и как Кафос, сладкая река, хотя и сквозь морскую пучину проходит, но своей сладости никак не теряет, так и сему боголюбивому самодержцу нет никакого вреда от моря, ибо хранит его Бог за великую его мудрость. Всего же более всегда он пекся о своей душе, со многим тщанием подражал богомудрому житию святого и праведного своего прародителя, достохвального великого князя Димитрия Ивановича Донского; на престоле царском сидел и Русскою землею правил, а сердце свое держал как <иноческую> пещеру; носил царскую порфиру и венец, а всегда желал в чернеческие ризы одеться, что под конец и получил. В великом таковом деле были у него советники, избранные среди иноков духовные мужи, из способных тайны царской его души хранить и желание сердца его на деле исполнить на пользу его душе, что и сделалось. С ними часто вел он духовные долгие беседы и замышлял о своей душе, как и в какое время стать ему иноком, ибо всегда он держал в уме память смертную и Господним страхом постоянно ограждался, и что, будучи человеком, в этой жизни согрешил, то милостыней и слезами и честным покаянием отмывал. И так готовился он с очищенной душою предстать пред Богом, от которого не отлучался своим умом и до последнего вздоха. И в таковом благом состоянии ума однажды, как по Божественному мановению, начал понимать, что приближается его отшествие от сего мира, и тогда стал еще больше подвизаться, всячески стараясь получить вместо земного царствия Небесное.

И было недель за десять до отшествия его к Богу: был он вместе со своей великой княгинею Еленою и с благородными чадами в знаменитой обители Живоначальной Троицы в <день> памяти великого среди преподобных чудотворца Сергия, и праздновал по чину, и пребывавшую там братию угостил, и пошел оттуда к Волоколамску, и дошел до своего села Озерецкого, и там, как по некоему Божьему попущению, появился на его ноге болезненный знак. И тогда особенно сильно вслушался он в себя и понял, что приближается его переход от

быстротечной сей жизни к вечному житию и блаженному упокоению. И с того времени стал он еще усерднее устремляться мысленными молитвами к Богу. Врачи же сильно заботились о нем, но нимало не преуспели. И пришел он на Волок в великой болезни. Тогда в Москве и в Волоколамске и во всех пределах Земли русской многие люди видели в ночи не за много дней до праздника великомученика Димитрия, как много звезд падало с неба и, словно тучи дождя, проливались на землю. И великий князь, видя, что сильно изнемогает он от болезни, повелел везти себя к Пречистой Богородице в Иосифов монастырь, помолиться с трудом великим. А оттуда пришел он в Москву. И хоть он по Божьему изволению так сильно болел, но зато по-адамантски крепкая царская его душа еще сильнее <возносила> благодарность Богу, и прилежные молитвы были постоянно на его устах.

И в третий день декабря месяца, в среду, повелел он духовному своему отцу, благовещенскому протопопу Алексию, служить Божественную литургию и принести к себе святое причастие. И сделалось тогда дивное чудо, что сотворил Господь по истинному его благоверию: прежде не мог он и на бок повернуться, а когда было принесено к нему святое причастие, тогда встал он сам на свои ноги и с великим благоговением и со слезами причастился Пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего. И снова возлег на своем одре. Тогда же пришел к нему Троицкий, Сергиева монастыря, игумен Иоасаф, которому он повелел не отлучаться из Москвы. И повелел он церковному освященному собору освятить и помазать себя святым маслом во имя Господа. И когда это совершилось, призвал к себе Даниила, митрополита всея Руси, и своих братьев, и избранных своих бояр и дьяков и повелел писать духовную грамоту и завещание об управлении царством своему сыну и наследнику. Сам же неуклонно желал облечься в иноческий образ. И говорил митрополиту, заклиная его: «Знаю я, что никто не хочет, чтобы я был инок. Но ты, отче, не устыдись никого, а сделай так, чтобы по воле Божьей я стал иноком по моему обету, хоть я и грешен». Затем будто в сон легкий отошел, а сам пел: «Аллилуия, аллилуия, слава тебе, Боже». И внезапно пробудившись, сказал: «Как Господу угодно, так и стало. Буди имя Господне благословенно отныне и до века».

И повелел он принести к себе дарованного ему Богом сына, царя и великого князя Ивана, был он тогда совсем ребенком, около трех лет и трех месяцев. И слегка приподнявшись на своем одре, и, точа слезы из очей, как струи, стал его благословлять, возлагая на него золотой крест, со словами: «Сим святым животворящим крестом великий чудотворец митрополит Петр благословил нашего прародителя великого князя Ивана Даниловича и всех происшедших от него великих князей всея Руси вплоть до нас. Тем же благословением благословляю и я тебя, сына моего. А еще благословляю я тебя благословением нашего же прародителя великого князя Владимира — Мономаховым честным крестом из того самого Животворящего Древа, на котором нашего ради

спасения по своей воле претерпел распятие Христос Бог наш. И сего честного креста непобедимая божественная сила да будет крепким тебе оружием и <принесет> повсюду светлую и преславную победу на всех врагов, видимых и невидимых. Прими к этому и царский венец Мономахов, и диадему, и жезл, и прочие царские Мономаховы регалии, чем мы великие князья венчаемся на великое самодержавное Российское царствование. Прими же это благословение царским достоянием, о, благое мое и долгожданное чадо! Хоть ты и очень юн, но по благодати всесильного Бога, взрастая летами, самодержавно царствуй вместо меня, твоего отца, благочестиво правя скипетрокрестоносными хоругвями всего Российского царства, извечно нашего отечества. И да будешь ты благословен по пророчеству великого святителя и чудотворца Петра, митрополита всея Руси, благим благословением свыше от всемогущей руки милосердого человеколюбца Господа Бога, чья неизреченная благодать и премногая милость — также и Пречистой Богородицы — неотступно всегда да будет с тобою; архангельская помощь и заступление, и богоприятные молитвы святых великих русских чудотворцев и всех святых, и родительское благословение и молитва да споспешествуют тебе везде во всяком благом деле, также и твоему потомству из рода в род, отныне и до века». И так благословил он его, целуя, со слезами и отпустил его в его палаты.

После этого пришла к своему самодержавному супругу и сама великая княгиня, горько плача, точа огненные слезы, умилительные слова жалостно вещая. Он же, немного утешившись ее недолгой беседой, повелел ей перестать плакать. И благословил тут и другого своего сына, князя Георгия, тогда еще годовалого младенца, и возложил на него золотой Паисиевский крест, и завещал ему в наследство город Углич и другие города и области. Все же управление Российским царством он завещает держать и строить по-Божески в совете с сыном своим, царем и великим князем Иваном, покуда он не повзрослеет, его матери, а своей великой княгине Елене: ибо знал, что она боголюбива, милостива и справедлива, мудра и мужественна, и что сердце ее всяческого царского разумения исполнено. Не хотела она отойти от него, он же, испросив у нее прощение, дал ей последнее целование и тотчас велел отвести ее к царским своим чадам. Сам же самодержец, видя себя вконец изнемогающим, повелел постричь себя в иноческий образ по старому своему завету и послал за иноческим одеянием старца своего Мисаила Сукина. Спрашивал он, нет ли в Москве игумена Кириллова монастыря, ибо с давних времен было у него желание постричься в Кириллове монастыре. Но тогда не было Кирилловского игумена в Москве, и послал он за игуменом Троице-Сергиева монастыря Иоасафом. У себя же повелел петь каноны крестовым дьякам. Повелел затем говорить и молитву на исход души. И тогда как будто уснул, и внезапно пробудился, и, словно увидев какое-то видение, стал говорить с надеждой некие благие слова. Было же принесено к нему и пред ним поставлено много чудотворных образов. И был там образ святой великомученицы Екатерины, на которую он неотрывно взирал и с радостным лицом говорил: «О, госпожа великомученица Екатерина!

Настало время нам царствовать!» И проговорил это трижды. Принесли к нему и мощи святой Екатерины. И он к образу и мощам ее с любовью приложился и правой рукой коснулся, болела у него тогда та правая рука. И потом сказал митрополиту: «Что, отче, медлишь? Время уже пришло, постригите меня! Ведь давно я этого желаю». И повелел принести святое причастие и держать подле себя, и стал креститься рукою и говорить: «Аллилуия, аллилуия! Слава тебе, Боже!» Затем стал говорить, избирая слова из икосов акафиста. И, снова перекрестившись рукой, сказал: «Радуйся, утроба Божественного воплощения!» И к этому добавил: «Ублажаем тя, преподобне отче Сергие, и чтем святую память твою, наставниче иноков и собеседниче ангелов!» Слабел он сильно, и приближалась кончина его жизни, и приказал он одеть себя во <все> иноческое, и непрестанно взирал на образ Пречистой Богородицы, лицо свое осеняя крестным знамением, а руку ему поддерживал боярин.

Когда принесено было черническое одеяние старцем Мисаилом, хотели постричь самодержца. Но стали не давать князь Андрей и бояре, а митрополит запретил им, <грозя> неблагословением. И повелел митрополит Троицкому игумену Иоасафу начать службу пострига. И постриг его сам митрополит, и переменил имя ему на Варлаама. Были же там и другие иноки, с кем прежде рассуждал самодержец о своей душе. И наконец причастили его Святых Таин, животворящего Тела и Крови Христа Бога нашего. И тогда просветлело его лицо, будто <озарилось> светом, и одновременно с тем отошла с миром его душа к Богу, в год 7042 (1533), декабря месяца в 4-й день, на память святой мученицы Варвары, в начале 13-го часа ночи, в четверг. Самодержавно правил он после своего отца 32 года, всего же прожил он 55 лет и восемь месяцев. И вместо смрада, что исходил от больной язвы на его ноге, наполнился храм благоуханием. И был тогда о нем во всем народе великий плач и рыдание и скорбь неутешная.

И великого князя братья, и бояре, и дворяне, и все другие <люди> в тот же час целовали при митрополите животворящий крест, чтобы служить им великому князю всея Руси Ивану Васильевичу, как и отцу его и деду, и творить им всяческие благие дела для него и для всего его царства безо всякой хитрости и лукавства. А благородное царское тело великого князя-инока Варлаама взяли Троицкие и Иосифовские иноки и внесли в соборную церковь Святого архистратига Михаила, и там был он погребен честно, где отец его и дед и прочие их предки. Вместо же него стал царствовать над всей державой Российского царства дарованный Богом сын его и наследник, боговенчанный царь и великий князь Иван, о ком особой степени быть учиненной подобает. <…>

О благородном и боговенчанном царе и государе великом князе Иване Васильевиче

Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко, комментарии В. К. Зиборова, А. В. Сиренова, Т. Г. Фруменковой

ОРИГИНАЛ

СТЕПЕНЬ СЕДМЫЙНАДЕСЯТЬ, И МИТРОПОЛИТЫ ИОСАФ, МАКАРИЙ, АФОНАСИЙ, ФИЛИП, КИРИЛ, АНТОНИЙ

17 ГРАНЬ. О БЛАГОРОДНОМ И БОГОВѢНЧАННОМ ЦАРѢ И ГОСУДАРЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЕВИЧЕ, ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦѢ (...)

Глава 7. О преставлении великия княгини Елены, и о крамолах болярских, и о митрополитѣх. Благовѣрная же великая княгиня Елена по преставлении супруга своего великаго князя Василя Ивановича всеа Русии державствова всѣм Росийским царствием с сыном своим великим князем Иваном Василевичем четыре лѣта и четыре мѣсецы и к Богу отиде в лѣто 7046, мѣсяца априля въ 3, в среду пятыя недѣли Великаго поста; и положена бысть в церкви Христова Вознесения в монастыри внутри града Москвы, идѣже лежат прочие великие княгини.[1] Сыну же ея великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии младу оставшуся на отческом царствии, осмому лѣту тогда наставшу от рожения его. И тогда, грѣх ради наших, благонадежнии боляре великаго князя и прочии велможи, яко благополучно и самовластно время себѣ улучивше, и изволиша собрати себѣ множество имѣния. И тако, вражиим навѣтом, и вмѣсто еже любити искреняго, яко себе, в ненависть уклонишася: кийждо себѣ различных и высочайших санов желаху, инии же и получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда и желание на восхищение чужаго имѣния. И воздвигоша велию крамолу между себе,[2] и властолюбия ради друг друга коварствоваху, и не токмо в заточение посылаху или в темницах затворяху и юзами облагаху, но и самой смерти предаваху, навыкше господоубийственому совѣту, якоже выше речено бысть о царьских отраслѣх, о князе Юре и Андрѣе Ивановичех.[3] Такоже и на своих другов востающе, и домы и села их себѣ притяжаша, и сокровища своя наполниша неправеднаго богатства. Не токмо же между собою сие содѣваху, но и великому христоподобному архиерейску превысочайшаго святительства приразишася своея ради межуусобныя крамолы: митрополита Данила с митрополии сведоша[4] во Иосифов монастырь, в него же мѣсто поставлен бысть на митрополию Иоасаф, игуменъ Сергиева монастыря. По триех же лѣтех и той изгнан бысть от престола своего[5] и в Кирилов монастырь послан бысть, и оттуду же в Сергиев

монастырь. И бысть престолу росийския митрополия приемник дивный во святителех Макарие,[6] архиепископъ Великаго Новаграда и Пскова. И якоже преже сего, тако и по сих, многа бяше междуусобная крамола в болярех и несытное мздоимство даже и до самого возраста великаго князя.

Глава 8. О поставлении на царство и брак царя и великаго князя.
Дондеже великий княз и царским вѣнцем венчася рукою того же преосвященнаго Макария, митрополита всеа Русии. (...)

---

[1] *...великая княгиня Елена... к Богу отиде... и положена бысть в церкви Христова Вознесения в монастыри внутри града Москвы, идѣже лежат прочие великие княгини.* — Отличавшаяся крепким здоровьем, Елена Глинская умерла внезапно. Некоторые современники, например С. Герберштейн, полагали, что ее отравили. Воскресенский женский монастырь в Кремле был основан великой княгиней Евдокией Дмитриевной, женой Дмитрия Донского. Монастырь стал усыпальницей великих княгинь.

[2] *И воздвигоша велию крамолу между себе...* — Годы боярского правления (1538—1547) были временем борьбы за власть между Шуйскими и Бельскими, сопровождавшейся убийствами и интригами.

[3] *...навыкше господоубийственному совѣту, якоже выше речено бысть о царьских отраслѣх о князе Юре и Андрѣе Ивановичех.* — Дмитровский князь Юрий Иванович (1480—1536) и князь Андрей Иванович Старицкий умерли насильственной смертью.

[4] *митрополита Данила с митрополии сведоша...* — Митрополит Даниил был низложен князем Иваном Шуйским по обвинению в том, что он сотрудничал с Бельскими.

[5] *Иоасаф... изгнан бысть от престола своего...* — Троицкий игумен Иоасаф получил сан митрополита по жребию. Попытки противодействовать заговору Шуйских привели к тому, что Иоасаф был низложен и сослан на Белоозеро.

[6] *И бысть престолу российския митрополия приемник дивный во святителех Макарие...* — Поставленный в 1542 г. в митрополиты архиепископ новгородский Макарий являлся инициатором создания Степенной книги.

ПЕРЕВОД

СТУПЕНЬ СЕМНАДЦАТАЯ, И МИТРОПОЛИТЫ ИОАСАФ, МАКАРИЙ, АФАНАСИЙ, ФИЛИПП, КИРИЛЛ, АНТОНИЙ

РАЗДЕЛ 17. О БЛАГОРОДНОМ И БОГОВЕНЧАННОМ ЦАРЕ И ГОСУДАРЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ, САМОДЕРЖЦЕ ВСЕЯ РУСИ <...>

Глава 7. О преставлении великой княгини Елены, и о боярских крамолах, и о митрополитах. И благоверная великая княгиня Елена по преставлении своего супруга великого князя всея Руси Василия Ивановича правила всем Российским царством со своим сыном великим князем Иваном Васильевичем четыре года и четыре месяца и отошла к Богу в 7046 (1538) году, в третий день апреля месяца, в среду пятой недели Великого поста; и положена была в церкви Христова Вознесения в монастыре внутри московского кремля, где лежат другие великие княгини. Сын ее, великий князь всея Руси Иван Васильевич, остался молод на отцовском престоле, восьмой год пошел ему тогда от рождения. И тогда, по грехам нашим, благонадежные бояре великого князя и другие вельможи, улучив благоприятное для своего самовольства время, пожелали стяжать себе множество имения. И так, вражиим наветом, вместо того чтобы любить ближнего, как самого себя, впали в ненависть: каждый хотел себе самых высоких различных санов, а кое-кто и получал <их>, хоть и на малое время. И начали среди них быть самовлюбленность и неправда и стремление завладеть чужим имением. И воздвигли промеж себя они великую крамолу, и ради властолюбия строили козни друг другу, и не только в заточение посылали <друг друга> или в темницы затворяли и узами облагали, но даже и смерти предавали, приучившись к господоубийственным заговорам, как было сказано выше о царских отпрысках, князьях Юрии и Андрее Ивановичах. Так же они и на своих друзей поднимались, и дома и села их себе прибирали, и наполняли свои кладовые неправедным богатством. И не только промеж себя такое содевали, но и на великое христоподобное архиерейское высокое святительство обрушились из-за своей междоусобной крамолы: свели с митрополии митрополита Даниила в Иосифов монастырь, а вместо него был поставлен на митрополию Иоасаф, игумен Сергиева монастыря. Через три же года и он был изгнан со своего престола и послан в Кириллов монастырь, а оттуда в Сергиев монастырь. И стал преемником престола российской митрополии дивный во святителях Макарий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова. И как и прежде того, так и после того много было междуусобной смуты и ненасытного мздоимства среди бояр вплоть до самого повзросления великого князя.

Глава 8. О поставлении на царство и женитьбе царя и великого князя. До тех пор, покуда князь великий не венчался <на царство> царским

венцом рукою того же преосвященного митрополита всея Руси Макария. <...>

Послесловия к изданиям Ивана Федорова

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

Жизнь русского первопечатника Ивана Федорова полна загадок. Не известны ни год, ни место его рождения, ни даже социальное происхождение. Правда, обнаружен документ, из которого следует, что в 1532 г. Иван Федоров был удостоен степени бакалавра в Краковском университете (Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979. С. 10—16). Первые достоверные сведения о Федорове в русских источниках начинаются с послесловия к Апостолу 1564 г., где сообщается, как по распоряжению Ивана Грозного к изданию первой датированной русской книги приступили дьякон кремлевской церкви Николы Гостунского Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец (по-видимому, выходец из белорусского города Мстиславля). Через год после Апостола Иван Федоров и Петр Мстиславец благополучно выпустили в свет два издания Часовника. В 1565—1568 гг. по неведомым нам причинам они покидают Москву и оказываются в имении известного ревнителя православия, великого гетмана литовского Г. А. Ходкевича. Здесь, в Заблудове, они создали новую типографию, в которой были выпущены «Учительное Евангелие» (1569 г.) и «Псалтирь с Часословцем» (1570 г.). Летом 1569 г. Петр Мстиславец покинул имение Г. А. Ходкевича, связав свою дальнейшую судьбу с Вильно. Чтобы продолжать занятия любимым делом, Ивану Федорову пришлось осенью 1572 г. также покинуть Заблудово и перебраться во Львов, где в 1574 г. уже в своей собственной типографии он издал Апостол; здесь вышла и федоровская «Азбука» 1574 г. Поздней осенью 1576 г. Иван Федоров выехал в Острог, вотчину князя Константина Константиновича Острожского. Работа в Острожской типографии — пожалуй, самый продуктивный период деятельности московского первопечатника. В течение 1578—1581 гг. он выпустил пять изданий, в том числе знаменитую Острожскую Библию. Мы не знаем, почему он покинул Острог и вновь явился во Львов (по-видимому, это произошло в самом начале 1583 г.). В это время первопечатник обращается к новому ремеслу — «пушкарскому»; по разным делам он побывал в 1583 г. в Кракове, Вене, возможно и в Дрездене. Скончался Иван Федоров во Львове 5 декабря 1583 г. Похоронили его во львовском Онуфриевом монастыре.

Такова краткая событийная канва жизни Ивана Федорова, скорее напоминающей судьбы западноевропейских гуманистов, переходивших от одного мецената к другому, чем жизненный путь древнерусского книжника. Иван Федоров был не только организатором книгопечатания в Москве и на Украине, не только издателем полиграфически

совершенных книг, он был и замечательным мастером слова. Памятниками его писательского искусства служат послесловия к осуществленным им изданиям. С одной стороны, эти послесловия продолжают традиции древнерусских послесловий к рукописным книгам и писцовых записей на рукописных кодексах. С другой стороны, эти сочинения Ивана Федорова (а большинство исследователей склоняется к тому, что они принадлежат перу самого первопечатника) заложили основы совершенно особого жанра — послесловия к печатной книге (послесловиями была снабжена большая часть продукции Московского Печатного двора), с присущим ему лаконизмом, особым формуляром и т. д. (См. подробнее: Русская старопечатная литература: XVI — первая четверть XVIII в. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981). В настоящем издании публикуются послесловия Ивана Федорова к московскому и львовскому Апостолам по кн.: Апостол. М., 1564, лл. 260—261; Апостол. Львов, 1574, лл. 260—264.

Послесловие к московскому Апостолу 1564 года

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ОРИГИНАЛ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОСКОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1564 ГОДА

Изволениемъ Отца, и споспѣшениемъ Сына, и совершениемъ Святаго Духа, повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Василиевича, всея Великая Росия самодержца, и благословениемъ пресвященнаго Макария, митрополита всея Русии,[1] многи святыя церкви воздвизаеми бываху во царствующемъ градѣ Москвѣ, и по окрестнымъ мѣстомъ, и по всѣмъ градомъ царства его, паче же в новопросвѣщенномъ мѣсте — во градѣ Казани[2] и в предѣлехъ его. И сия вся святыя храмы благовѣрный царь украшаше честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми по преданию и по правилом святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ и по изложению благочестивыхъ царей греческих, во Царѣградѣ царьствовавшихъ Великаго Константина, Иустинияна, и Михаила и Феодоры,[3] и прочихъ благочестивых царей, въ своя времена бывшихъ. И тако благовѣрный царь и великий князь Иванъ Василиевичь всея Русии повелѣ святыя книги на торжищих куповати и въ святыхъ церквахъ полагати: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы, и прочая святыя книги, в нихже мали обрѣтошася потребни, прочии же вси растлѣни от преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и не искусныхъ в разумѣ,[4] ово же и неисправлениемъ пишущихъ.

И сие доиде и царю в слухъ; он же начатъ помышляти, како бы изложити печатныя книги, яко же в грекехъ, и в Венецыи, и во *Фрягии,* ***[5]*** и в прочих языцехъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ. И тако возвѣщает мысль свою пресвященному Макарию, митрополиту всея Русии. Святитель же, слышавъ, зело возрадовася и, Богови благодарение воздавъ, царю глаголаше, яко от Бога извѣщение приемшу и свыше даръ сходящъ. И тако повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословениемъ пресвященнаго Макария митрополита начаша изыскивати мастеръства печатных книгъ в лѣто 61 осмыа тысящи, въ 30-е лѣто государьства его.[6] Благовѣрный же царь повелѣ устроити домъ от своея царския казны, идѣ же печатному дѣлу строитися, и нещадно даяше от своихъ царских сокровищъ дѣлателем — Николы Чюдотворца Гостунъского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофѣеву Мстиславцу на составление печатному дѣлу и къ ихъ упокоению, донде же и на совершение дѣло ихъ изыде. И первѣе начаша печатати сия святыя книги — Дѣяния апостольска, и послания соборная, и святаго апостола Павла послания в лѣто 7070 первое априля въ 19 на память преподобнаго отца Иоана Палеврета,[7] сирѣчь ветхия лавры. Совершени же быша в лѣто 7070 второе марта въ 1 день при архиепископе Афанасие, митрополите всея Росия,[8] в первое лѣто святительства его, въ славу Всемогущия и Живоначалныя Троица, Отца и Сына и святаго Духа, аминь.

---

[1] *...Макария, митрополита всея Русии...* — Макарий, архиепископ Новгородский, затем митрополит всероссийский (1542—1563).

[2] *...в новопросвѣщенномъ мѣсте — во градѣ Казани...* — Казанская епархия образована в 1555 г. после присоединения Казани к России.

[3] *...Великаго Константина, Иустинияна, и Михаила и Феодоры...* — Византийские императоры Константин I Великий (306—337), Юстиниан I (527—565), Михаил III (842—867) и его мать Феодора.

[4] *...прочии же вси... в разумѣ...* — Цитата из «Слова отвещательного о исправлении книг русских» Максима Грека.

[5] *...и во Фрягии...* — В оригинале «во Фригии». Конъектура предположительна.

[6] *...в лѣто 61 осмыа тысящи, въ 30-е лѣто государьства его.* — Текст содержит хронологическую несообразность: тридцатый год царствования Ивана Грозного приходится на 1563 г. (т. е. 7071г. от

сотворения мира). Некоторые ученые видели здесь простую опечатку. Другие — относят первую дату к началу деятельности анонимной типографии (выпустившей несколько книг до Апостола 1564 г.); при этом предлагалось после слова «тысящи» поставить точку и считать вторую дату («в 30-е лѣто...») указанием на время, когда правительство взялось за оборудование типографии Ивана Федорова. Последнее — малоубедительно, ибо вся фраза (с двойной датировкой, но без хронологической путаницы) процитирована в послесловии к львовскому Апостолу 1574 г.

[7] *...на память преподобнаго отца Иоана Палеврета...* — Иоанн Палеолаврит («старой» лавры св. Харитона), подвижник палестинский VIII в. (?).

[8] *...при архиепископе Афанасие, митрополите всея Росия...* — Афанасий (в миру Андрей) — митрополит всероссийский в 1564—1566 гг.

ПЕРЕВОД

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОСКОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1564 ГОДА

По воле Отца, и с помощью Сына, и при поддержке Святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Великой России самодержца, и с благословения преосвященного Макария, митрополита всея Руси, многие святые церкви воздвигались в столичном городе Москве, и в окрестных землях, и во всех городах царства его, особенно же в недавно приобщенном к христианству месте — в городе Казани и его пределах. И все эти святые храмы благоверный царь украшал почитаемыми иконами, и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и другой церковной утварью по заветам и по правилам святых апостолов и богоносных отцов и по установлению благочестивых царей греческих, в Царьграде царствовавших Константина Великого, Юстиниана, и Михаила и Феодоры, и других благочестивых царей, в древние времена живших. И поэтому благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел святые книги на торгах покупать и в святые церкви вкладывать: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы, и другие святые книги, но среди них мало нашлось пригодных, другие же все оказались испорчены переписчиками, невежественными и несведущими в науках, а кое-что испорчено было по небрежению писцов.

Дошло это и до слуха царя; тогда он начал размышлять, как бы наладить печатание книг, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и у других народов, чтобы впредь святые книги издавались в исправленном виде. Эту мысль свою он сообщает преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси. Иерарх же, услышав об этом, весьма обрадовался и, Бога поблагодарив, царю сказал, что тому такая мысль

пришла от Бога и как сходящий свыше дар. И вот по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и с благословения преосвященного Макария митрополита начали готовить устройство для печатания книг в год 61 восьмой тысячи (1563), в тридцатый год царствования Ивана Васильевича. Благоверный царь повелел на средства из своей царской казны устроить дом, где будет совершаться печатное дело, и щедро наделял из своей царской казны печатников — дьякона церкви Николая Чудотворца Гостунского Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца: для устройства печатного дела и для их собственных нужд, пока дело не было налажено. И в первую очередь начали печатать эту святую книгу — Деяния апостолов, и послания соборные, и послания святого апостола Павла в год 7071 (1563) апреля 19 числа в день памяти преподобного отца Иоанна Палеврета, то есть из старой лавры. А завершено было издание в год 7072 (1564) марта 1 числа при архиепископе Афанасии, митрополите всей России, в первый год правления его, во славу Всемогущей и Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Послесловие к львовскому Апостолу 1574 года

Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина

ОРИГИНАЛ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЬВОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1574 ГОДА

СИЯ УБО ПОВѢСТЬ ИЗЪЯВЛЯЕТ, ОТКУДУ НАЧАСЯ И КАКО СЪВЕРШИСЯ ДРУКАРНЯ СИЯ

Изволениемъ Отца, и споспѣшениемъ Сына, и съвершениемъ Святаго Духа, повелѣниемъ благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии и благословениемъ преосвященнаго Макария, митрополита всея Руси, друкарня сия съставися въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7070 первое, въ тридесятое лѣто государьства его. Сия же убо не туне начахъ повѣдати вамъ, но презѣлнаго ради озлобления, часто случающагося нам не от самого того государя, но от многихъ начальникъ, и священноначалникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божие дѣло в конецъ погубити, яко же обычай есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разумѣ человекъ, ниже грамотическия хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и

всуе слово зло принесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утвержается. Сия убо насъ от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели.

Егда же оттуду сѣмо преидохом, и по благодати богоначалнаго Исуса Христа, Господа нашего, хотящаго судити вселеннѣй въ правду, въсприяша насъ любезно благочестивый государь Жикгимонтъ Август,[1] кроль польский и великий князь литовъский, руский, пруский, жемотиский, мазовецкий и иных, съ всѣми паны рады[2] своея. Въ то же время съ тщаниемъ умоли государя волеможный панъ Григорей Александровичь Ходкевича, панъ виленьский, гетманъ наивышший Великого князьства литовъскаго, староста городеньский и могилевъский, прия насъ любезно къ своей благоутѣшнѣй любви, и упокоеваше насъ немало время, и всякими потребами телесными удовляше насъ. Еще же и сие не доволно ему бѣ — еже тако устроити насъ, но и весь немалу дарова ми на упокоение мое, нам же работающим по воли Господа нашего Исуса Христа и слово его по вселеннѣй разсѣвающе.

Егда же приити ему въ глубоку старость, и начастѣ главѣ его болѣзнию одержимѣ бывати, повелѣ намъ работания сего престати, и художьство рукъ наших ни во что же положити, и въ веси земледѣланиемъ житие мира сего препровождати. Еже не удобно ми бѣ — раломъ ниже сѣменъ сѣяниемъ время живота своего съкращати; но имам убо вънѣсто рала — художьство, наручныхъ дѣлъ съсуды, вънѣсто же житныхъ сѣменъ — духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати и всѣмъ по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно въпиюща къ мнѣ: «Лукавый рабе и лениве! Почто не вда сребра моего торжникомъ; и азъ, пришед, взялъ бых свое с лихвою».[3]

И когда убо на уединении въ себе прихождах, и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя въ сердцы своемъ, да бых не съкрылъ в земли таланта, от Бога дарованнаго ми. И тужащу ми духом, сия глаголах: «Егда въ вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки или до конца милость свою отсѣчетъ по притчи смоковничнаго неплодъствия,[4] яко всуе землю упражняющу». И сего ради понудихся ити оттуду. И въ путь шествующу ми, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя не точию долготы ради путнаго шествия, но и презелному повѣтрею дышущу[5] и путь шествия моего стѣсняющу и, просто рещи, — вся злая и злых злѣе.

И тако промысломъ Божия человеколюбия до богоспасаемаго града, нарицаемого Львова, приидох и вся, яже на пути случающая ми ся, ни во что же вънѣнях, да Христа моего приобрящу. Вся, яже здѣ, сну подобна, и сѣни преходятъ бо, яко же бо дым на воздусѣ — благая и злая расходятся. Яко апостолъ хвалится въ скорбех, «зане же скорбь терпѣние съдѣвает, терпѣние же упование, упование же не посрамит».[6] Почто? Зане же любовь Божия възгорѣся въ сердцы моемъ Духомъ Святымъ, данным ми. И разсудившу ми се, и когда вселшу ми ся въ преименитомъ градѣ Львовѣ, яко по стопамъ ходяще, топтанымъ нѣкоего богоизбранна мужа, начахъ глаголати в себѣ молитву сию:

Молитва: «Господи, Вседержителю, Боже вѣчный и безначалный! Иже благости ради единыя приведый от небытия въ бытие всяческая словомъ своимъ всеdѣтелнымъ, духомъ устъ своих срасленым; иже и промышляя присно и съдержа, износя по числу тварь свою и по имени възывая; иже въ послѣдняя лѣта неизреченныя ради милости твоея падшее наше естество възвелъ еси схожениемъ единороднаго Сына твоего, Господа нашего Исус Христа, иже и предасть ся за прегрѣшения наша и въскресе оправдания ради нашего, его же язвою исцѣлѣхом по благоволению хотѣния твоего и въ похвалу славы благодати твоея; пред же нарече насъ въ усынение Исус Христомъ въ тебѣ, въ еже быти намъ святомъ и непорочномъ пред тобою въ любви, повѣдая намъ тайну воля своея, еже быти намъ исперва нѣкое от създаний твоих. Укрѣпи, Боже, се, еже съдѣла в насъ неизвѣщенною глубиною судебъ твоих. Християномъ даталю истинныя премудрости, вразуми мя, и испытаю законъ твой. И не отими от устъ моих словесе истинна до зела ради братий моихъ и ближнихъ моих. „Услыши молитву мою, Господи, и моление мое внуши, слез моих не премолчи, яко преселникъ язъ от тебе и пришлецъ, яко же вси отцы мои".[7] Ослаби ми от страстей моихъ, да полещу дѣяниемъ и почию видѣниемъ и смирениемъ. Ты убо, о Владыко, и прежде множицею отпустилъ еси нечестие сердца моего молитвами святых твоих, от вѣка угодившихъ ти и нынѣ служащих ти преподобием и правдою, аминь».

И помоливщу ми ся, начахъ богоизбранное сие дѣло къ устроению навершати, яко бы богодохновенныя догматы распространевати. И обтицахъ многащи богатыхъ и благородных въ мирѣ, помощи прося от нихъ и метание сътворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицы земном; сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывах, и сие не единою, ни дващи, но и многащи сътворях, и въ церкви священнику всѣмъ въслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросих умиленными глаголы, ни умолих многослезнымъ рыданием, не исходатайствовахъ никоея же милости иерейскими чинми[8] и плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагающаго, не точию же в рускомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтох.[9] Но мали нѣцыи въ иерейскомъ чину, инии же неславнии въ мирѣ обрѣтошася, помощь подающе. Не мню бо от избытка им сия творити, но якоже оная убогая вдовица от лишения своего двѣ лѣптѣ въвергьшия.[10] Вѣмъ убо, яко в

нынѣшнемъ мирѣ должная их к ним възвратится, в будущем же вѣцѣ от богатодавца Бога стократицею въздастся.

Молю убо васъ, не прогнѣвайтеся на мя грѣшнаго. Пишущу ми сия, не мните убо, яко от чрева глаголати ми или писати. Вѣсть бо всяк, от начала прочитаяй въкратцѣ списаную сию историю, како от его милости пана Григория Ходъковича всякими потребами телесными, пищею и одежею удоволенъ бѣхъ. Но вся сия ни во что же вмѣнях, не уповах на неправду и на восхыщение, не желая богатьства, аще и много стѣкалося, не прилагах тамо сердца. Но паче изволих всякия предреченныя скорби и бѣды претерпѣвати, да множае умножу слово Божие и свидѣтелство Исус Христово. Наше убо есть — еже съ смиреномудриемъ просити и начинати, Божие же — еже миловати и совершати. Того бо и царствию наслѣдникъ быти надѣюся, его же буди всѣмъ намъ получити благодатию и человеколюбиемъ Господа нашего Исус Христа, ему же подобаетъ слава, честь и покланяние съ Отцем и съ Святымъ Духомъ нынѣ и в бесконечныя вѣки, аминь.

А начася сия книга друковати, рекомый Апостолъ, въ богоспасаемомъ градѣ Лвовѣ, въ ней же дѣяния апостольская, и послания съборная, и послания святаго апостола Павла, по воплощении господа Бога и Спаса нашего Исус Христа въ лѣто 1573 февруария въ 25 день; и съвершися въ лѣто 74-е того же месяца въ 15 день. Молимъ же васъ любовию духа Господа нашего Исус Христа, давшего себе о гресѣхъ нашихъ, вси раби благословеннаго Бога нашего, да аще когда прилучится кому вникнути в сию душеполезную апостольскую книгу и разумѣти, что потребно и душеполезно, той преже всѣхъ виновнику всѣмъ благим и съдѣтелю жизни нашея Богу благодать да воздаетъ. А его милости пану Григорию Александровичу Ходкевича вѣчныя памяти и съ святыми равнопрестольными, от вѣка Богу угодившими, съселения и съжительства получити да проситъ. Потом же сыномъ его милости — пану Андрѣю Григорьевичу Ходкевича,[11] пану подстолему[12] Великаго князьства литовского, старосте могилевскому, и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевича,* старосте городеньскому, державцу[13] аиньскому, да проситъ душевного спасения и многолѣтнаго здравия, — поне же бо они виновни суть таковыя ползы.

Намъ же непотребнымъ, *начнания* дерзнутымъ, прощение и грѣхомъ простыню да просятъ, да и сами того же благословения и простыни грѣхомъ сподобитеся. И аще что погрѣшено будетъ, Бога ради исправляйте, благословите, а не кленѣте, поне же не писа Дух Святый, ни аггелъ, но рука грѣшна и брена, яко же и прочии ненаказании. Выдруковалъ есми сию душеполезную апостольскую книгу въ преименитомъ мѣсте Лвовѣ въ славу Всемогущия и Живоначалныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

---

[1] *...Жикгимонтъ Август...* — Сигизмунд II Август (1520—1572), король польский с 1548 г. (формально в 1530 г.) и великий князь литовский с 1529 г., последний представитель династии Ягеллонов.

[2] *...рады...* — Рада — королевский совет.

[3] *«Лукавый рабе и лениве!.. с лихвою».* — Имеется в виду евангельская притча: человек, отправляясь в чужую страну, поручил свое имение рабам. Оставленные им деньги рабы пустили в оборот, так что господин их, вернувшись, получил прибыль. Лишь один раб зарыл свой талант (денежная единица) в землю и был за это наказан хозяином (Мф. 25 и Лк. 19).

[4] *...по притчи смоковничнаго неплодъствия...* — Речь идет о другой евангельской притче — в ней рассказывается о человеке, повелевшем виноградарю срубить смоковницу, которая не приносила плодов три года (Лк. 13).

[5] *...презелному повѣтрею дышущу...* — Эпидемия моровой язвы, которая достигла апогея осенью 1572 г.

[6] *...«зане же скорбь... посрамит».* — Рим. 5, 3—5.

[7] *«Услыши молитву мою... отцы мои».* — Пс. 38, 13.

[8] *Не испросих... иерейскими чинми...* — Вероятно, цитата из первого послания А. М. Курбского к Ивану Грозному (вторая редакция) (т. 11 наст. изд.).

[9] *...ниже въ грекахъ милости обрѣтох.* — Во Львове существовала сильная и богатая греческая колония.

[10] *...но якоже оная убогая вдовица от лишения своего двѣ лѣптѣ въвергъшия.* — В Евангелии рассказывается, что однажды народ собирал деньги в сокровищницу, и «пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты» (греческие медные монеты), что составляет кодрант. Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Мр. 12 и Лк. 21).

[11] *Андрѣю Григорьевичу Ходкевича... и ...Александру Григорьевичу Ходкевича...* — Рано умершие сыновья Г. А. Ходкевича Андрей Григорьевич (ум. в 1575 г.) и Александр Григорьевич (ум. в 1578 г.).

[12] *...пану подстолему...* — Подстолий — смотритель стола короля и великого князя, придворный титул (ср. «стольник»).

[13] *...державцу...* — Державец — управляющий в имениях короля и великого князя.

ПЕРЕВОД

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЬВОВСКОМУ АПОСТОЛУ 1574 ГОДА

ЭТА ПОВЕСТЬ РАССКАЗЫВАЕТ, ОТКУДА ПОЯВИЛАСЬ И КАК БЫЛА УСТРОЕНА ТИПОГРАФИЯ ЭТА

По воле Отца, и с помощью Сына, и при поддержке Святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и с благословения преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта была устроена в столичном городе Москве в год 7071 (1536), в тридцатый год царствования Ивана Васильевича. Об этом же я не напрасно начал рассказывать вам, но вследствие великих бед, часто случавшихся с нами не из-за самого русского государя, но из-за многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас по причине зависти во многих ересях обвиняли, желая благо во зло превратить и Божие дело окончательно погубить, как это свойственно злонравным, и невежественным, и несведущим в науках людям, которые и в искусстве грамматики не умудрены, и духовного разума лишены, но втуне и всуе слова злые изрекают. Таково свойство зависти и ненависти, которая без нужды клевещет, не знает, как ходит и на чем утверждается. Эта ненависть нас и погнала с земли, и с родины, и от родичей наших и в другие страны неведомые переселила.

Когда же мы оттуда сюда пришли, по благодати богоначального Иисуса Христа, Господа нашего, хотящего судить вселенную по правде, принял нас милостиво благочестивый государь Сигизмунд Август, король польский и великий князь литовский, русский, прусский, жемайтийский, мазовецкий и других земель, со всеми панами рады своей. В это же время, настойчиво упросив государя, вельможный пан Григорий Александрович Ходкевич, пан виленский, гетман верховный Великого княжества литовского, староста гродненский и могилевский, принял нас милостиво к себе с великой любовью, и в покое содержал нас немалое время, и всем необходимым для жизни наделял нас. Однако и этого недостаточно ему было, — таким образом устроив нас, он и село немалое подарил мне для благополучия моего, в то время как мы работали по воле Господа нашего Иисуса Христа и слово его по вселенной сеяли.

Когда же он достиг глубокой старости и часто головной болью страдал, он повелел нам работу эту прекратить, и искусством рук наших совершенно пренебречь, и в селе, занимаясь земледелием, проводить жизнь в этом мире. Но это не пристало мне — плугом или посевом семян жизнь свою коротать, ибо есть у меня вместо плуга — искусство, орудия для работы, а вместо хлебных семян я должен духовные семена по вселенной сеять и всем по порядку раздавать духовную эту пищу. Особенно же побоялся я суда владыки моего Христа, непрестанно взывающего ко мне: «Лукавый раб и ленивый! Почему ты не отдал серебра моего торгующим; и я, вернувшись, получил бы свое с прибылью».

И в уединении, когда я к себе возвращался, много раз я слезами постель мою орошал, все это обдумывая в сердце своем, как бы не сокрыть в земле таланта, от Бога дарованного мне. И когда я сокрушался духом, я вот что говорил: «Неужели навеки отвергнет меня Господь и не вернет мне своего благоволения вновь и милости своей окончательно лишит согласно притче о смоковнице бесплодной, как напрасно землю отягощающего». Поэтому решился я уйти оттуда. В то время как я находился в пути, многие огорчения и беды преследовали меня не только из-за продолжительности путешествия, но и потому, что великий мор свирепствовал и путешествию моему препятствовал и, попросту сказать, — всякое зло, злейшее всех зол.

Таким образом по промыслу человеколюбивого Бога я достиг богоспасаемого города, называемого Львов, и все, что на пути случалось со мной, ни во что не ставил, чтобы к Христу, Богу моему, приблизиться. Все, что в этом мире сну подобно и, как тени, преходяще, как дым по воздуху, — так удачи и неудачи рассеиваются. Так апостол укрепляется в скорби, «ибо скорбь терпение порождает, терпение же надежду, а надежда не посрамит». Почему? Потому что любовь к Богу разгорелась в сердце моем по воле Духа Святого, данного мне. Поразмыслив об этом, когда я поселился в знаменитом городе Львове, как бы по следам шествуя, оставленным некиим богоизбранным мужем, начал я читать про себя молитву такую:

Молитва: «Господи, Вседержитель, Бог вечный и безначальный! Ты, который единственно по причине доброты своей привел из небытия в бытие всё словом своим всесильным, дыханием уст твоих произнесенным; который заботится всегда и сохраняет, создает в должном количестве тварь свою и по имени ее называет; который в последние времена по невыразимой милости твоей погибший наш род обновил схождением на землю единородного Сына твоего, Господа нашего Иисуса Христа, который отдал себя за прегрешения наши и воскрес для оправдания нашего, и благодаря его ранам мы исцелились по милости желания твоего и для похвалы славной благодати твоей; а

раньше ты назвал нас сыновьями твоими по Иисусу Христу, чтобы мы были святыми и непорочными перед тобой в любви, и ты сообщил нам тайну воли своей, то есть что мы были изначально одним из созданий твоих. Укрепи, Боже, то, что ты сделал для нас по несказанной глубине судеб твоих. Христианам дающий истинную премудрость, вразуми меня, и я узнаю закон твой. И не отними до конца от уст моих слова истинного ради братьев моих и ближних моих. «Услышь молитву мою, Господи, и молению моему внемли, не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у тебя и пришелец, как и все отцы мои». Освободи меня от страстей моих, чтобы мне легче было в трудах и я успокоился в созерцании и смирении. Ибо ты, Владыка, и прежде многократно прощал мне нечестие сердца моего ради молитв святых твоих, издревле угодивших тебе и теперь служащих тебе преподобно и праведно, аминь».

И, помолившись, я начал богоизбранное это дело к воплощению готовить, чтобы можно было боговдохновенные догматы распространять. Многократно обходил я богатых и благородных из числа мирян, помощи прося у них и поклоны творя, к коленям припадая и простираясь перед ними на земле; капающими из глубины сердца слезами моими ноги их я омывал, причем не единожды, не дважды, но многажды делал это, и в церкви об этом священнику всем вслух сообщить повелел. Не выпросил я ничего умильными словами, не умолил никого многослезным рыданием, не добился я никакой милости через священников и плакал горькими слезами, что не нашел милостивого человека, готового помочь, не только среди русского народа, но и среди греков милости не нашел. Помощь оказывали только незначительные священники да малоизвестные из мирян. Не думаю я, что от избытка они это делали, но как та убогая вдова, которая от нищеты своей две лепты положила в сокровищницу. Знаю я, что и в здешнем мире данное ими к ним возвратится, а в будущей жизни подателем богатств Богом стократ воздастся.

Итак, молю вас, не прогневайтесь на меня, грешного. Когда я пишу это, не думайте, что из выгоды я говорю или пишу. Ибо знает всякий, с начала читающий кратко написанный этот рассказ, как по милости пана Григория Ходкевича всем необходимым для жизни, пищей и одеждой, я был обеспечен. Но все это я ни во что не ставил, не надеялся на неправду и на стяжание, не хотел богатства, хотя оно и в изобилии стекалось, не по сердцу оно мне было. Но предпочел всякие вышеназванные огорчения и беды претерпевать, чтобы более распространить слово Божье и свидетельство Иисуса Христа. Ибо наш удел — со смирением просить и пытаться, а Божий — миловать и совершать. Поэтому я и надеюсь стать наследником того царства, которое дай Бог всем нам получить по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, который достоин славы, чести и поклонения вместе с Отцом и со Святым Духом теперь и на веки вечные, аминь.

А начала печататься эта книга, называемая Апостол, в богоспасаемом городе Львове, а в ней содержатся деяния апостолов, и послания соборные, и послания святого апостола Павла после воплощения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в год 1573 февраля в 25 день; а закончена была в год 74 того же месяца в 15 день. Умоляем вас ради любви Господа нашего Иисуса Христа, отдавшего себя на муки из-за грехов наших, всех рабов благословенного Бога нашего, чтобы, если когда-нибудь случится кому-то вдумываться в эту душеполезную апостольскую книгу и разбирать, что есть в ней нужного и душеполезного, пусть он прежде всего виновнику всех благ и создателю жизни нашей Богу благодарность принесет. А его милости пану Григорию Александровичу Ходкевичу пусть просит вечной памяти и чтобы он со святыми многочтимыми, издревле Богу угодившими, совместно поселился и жил. А потом сыновьям его милости — пану Андрею Григорьевичу Ходкевичу, пану подстолию Великого княжества литовского, старосте могилевскому, и его милости пану Александру Григорьевичу Ходкевичу, старосте гродненскому, державцу аиньскому, пусть просит душевного спасения и многолетнего здоровья, ибо это они виновники такой пользы.

Нам же, непотребным, начать это дерзнувшим, прощения и грехов отпущения пусть просят, чтобы и сами также благословения и прощения грехов сподобились. И если что-то будет ошибочно, Бога ради исправляйте, благословите, а не кляните, так как писал это не Дух Святой, не ангел, но рука грешная и бренная, как и другие ненаученные. Напечатал я эту душеполезную апостольскую книгу в знаменитом городе Львове на славу Всемогущей и Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, аминь.